

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

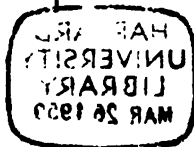
Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Е. М. Крыжановскаго.

ТОМЪ III.

КІЕВЪ.
Типографія О. В. Кузьменко, Ново-Вансавет. ул., соб. домъ.
1890.

УЧЕВНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ РАЗДѢЛОВЪ.

Въ судьбахъ русскаго народа, входившаго въ составъ польской Рѣчи Посполитой, одна изъ самыхъ видныхъ ролей принадлежитъ, безъ сомнѣнія, школамъ. Это были тѣ могучія орудія ассимиляціи русскаго народа съ польскимъ, которыя неизмѣнно и вѣрно дѣлали свое дѣло, несмотря на бурю потрясающихъ политическихъ событій, несмотря на отчаянное противудѣйствіе цѣлямъ ихъ со стороны духовенства, Запорожья и простого народа, несмотря на могущественное заступничество со стороны русскаго царства. Польскія школы поглотили сперва древніе русскіе княжескіе роды, потомъ дворянство, высшее духовенство, измѣнили сельское духовенство, мѣщанъ. Новый духъ и бытъ руководящихъ классовъ неизбѣжно вліялъ на бытъ остальнаго, простого народа. Благодаря преимущественно школамъ, Польша вернула Россіи древнее достоинствіе ея, Русь сѣверо- и юго-западную, только въ видѣ нищаго духомъ и тѣломъ, невѣжественнаго и забитаго крестьянства, которое смутно представляло свое родство съ великимъ сѣверно-русскимъ населеніемъ и предстало въ такомъ складѣ своего быта, своихъ симпатій и антипатій, что русское правительство вынуждено было употреблять—и доселѣ употребляетъ—чрезвычайныя усилія для измѣненія этого быта, а русскіе публицисты принуждены время отъ времени напрягаться въ доказательствахъ того, что „это край русскій, русскій, русскій“....

Школа—лучшій и наиболѣе надежный другъ семьи и общества, Церкви и государства. Но она можетъ быть наиболѣе злымъ и наиболѣе опаснымъ врагомъ ихъ. Несмотря на потерю въ сѣверо- и юго-западномъ краѣ высшихъ, руководящихъ классовъ, Россія получила въ нихъ болѣе прочную опору, чѣмъ какую вѣками создала себѣ въ нихъ Рѣчь Посполитая, опору въ національности и церковномъ обрядѣ народа; и если бы мы сознали могущественную силу школы, какъ создала ее Рѣчь Посполитая, намъ не пришлось бы видѣть потрясающихъ событій въ этомъ краѣ, искусственныхъ средствъ къ обрусѣнiю его, не пришлось бы теряться въ доказательствахъ о національности „этого краѣ“, не пришлось бы смущаться пугаломъ (дѣйствительнымъ или мнимымъ) сепаратива. Къ сожалѣнiю, вышло наоборотъ: созданныя и одушевленные послѣднимъ напряженiемъ Польши школы въ сѣверо- и юго-западномъ краѣ продолжали существовать и даже получать поддержку до 1831 года! Затѣмъ всѣ онѣ разомъ закрыты, и медленно, туго, съ боязнiю появлялись вмѣсто нихъ русскія учебныя заведенiя, а низшiя, сельскiя школы казались невозможными до самаго 19 февраля 1861 года....

Исторiя польскаго общественнаго образованiя раздѣляется на два перiода—первымъ раздѣломъ Польши. До 1773 года оно было дѣломъ свободной профессiи, католическая церковь успѣла соединить въ своихъ рукахъ всѣ нити его, наложить на него печать свою; съ этого же года она строго подчиняется государству, становится гражданскимъ, национальнымъ. То, что извѣстно русской публикѣ о просвѣщенiи въ Польшѣ, относится почти исключительно къ первому перiоду его. Учебники исторiи русской литературы теребятъ этотъ перiодъ на всѣ лады, чтобы опредѣлить характеръ южно-русскаго просвѣщенiя въ XVI и XVII в. и объяснить значенiе его въ тогдашней литературѣ сѣверо-русской. Насколько въ самомъ началѣ своемъ наука исторiя русской ли-

тературы раздувала значеніе польскаго образованія для Россіи, такъ что Гречъ называетъ XVII вѣкъ „польскимъ періодомъ“ въ исторіи проовѣщенія Россіи и даже Теофана Прокоповича относитъ къ „польскимъ писателямъ Россіи“; настолько нынѣшніе исслѣдователи исторіи русской литературы умаляютъ значеніе его, сводя его къ іезуитскимъ школамъ и относясь къ нему съ презрительною улыбкою. Наши учебники и руководства ничего не знаютъ о борьбѣ іезуитскихъ школъ съ стариннымъ представителемъ образованія въ Польшѣ—краковскою академіей, открытою въ 1401 году, по образцу парижскаго и англійскихъ, а не итальянскихъ университетовъ. Эта почти двухвѣковая борьба была не менѣе ожесточенная, чѣмъ борьба іезуитовъ съ школами диссидентовъ, и сопровождалась всѣми приемами іезуитства: обличеніями въ неправомыслия и безвѣріи, пасквилями, уличными свалками и т. п. Въ основаніяхъ этой борьбы заключается объясненіе многихъ противоположностей, которыя такъ поражаютъ насъ въ польскомъ характерѣ XVII вѣка. Не іезуиты, но краковская академія, несмотря на свой упадокъ, поддерживала въ Польшѣ связь съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Тогда какъ іезуитское образованіе сполна проникнуто было практическимъ характеромъ, стремленіемъ къ господству надъ совѣстью и чувствомъ населенія, традиціи краковской академіи, даже во времена полного ослабленія ея, держали ее преимущественно на интересахъ науки и въ связи съ своими прототипами, на которые она указывала соотечественникамъ, искавшимъ высшаго образованія. Въ учрежденія южно-русскихъ училищъ того времени, особенно кievской академіи, странно сошлись оба эти теченія тогдашней польской образованности. Отсюда внутреннее противурѣчіе и несостоятельность ихъ.

Въ половинѣ XVII вѣка въ Польшѣ появляется многочисленная и скромная по виду духовная община, также поставившая своею задачею общественное образованіе. Король

Владиславъ IV, такъ много одѣлавшій для южно-руссовъ во-
становленіемъ православной кievской митрополіи, поддержкой
плавовъ Петра Могилы, покровительствомъ народа, вызвавъ
въ Польшу эту общину, не обманулся въ своихъ надеждахъ
на нее. Піаристы сразу обнаружили въ своихъ школахъ
стремленія, рѣзко расходящіяся съ іезуитскими. Далекое
уступая іезуитскимъ школамъ въ численности, въ широтѣ
курса и въ богатствѣ, піаристскія школы, своими учебными
планами, своими методами преподаванія и задачами обученія,
болѣе соответственными потребностямъ просвѣщенія, скоро
пошатнули громадное зданіе іезуитской образованности. Съ
реформою, произведенною въ піарскихъ школахъ *Бонарскимъ*
(въ 1740 году), звѣзда іезуитской образованности закатилась
въ Польшѣ. Ея не могли поддержать появившіяся на помощь
ей съ конца XVII вѣка базилианскія училища. Учрежденный
съ тою же цѣлю въ отношеніи къ русскому народу, съ ка-
кою орденъ іезуитовъ установленъ былъ въ католическомъ
мірѣ, возбужденномъ реформаціей, базилианскій орденъ въ са-
момъ началѣ своемъ поставленъ былъ въ тѣсныя отношенія
съ іезуитами. Намѣренія папства, выраженныя въ учрежде-
ніи униі, не допускали самостоятельности въ учрежденіи ба-
зилианскихъ школъ и требовали близкой опеки надъ ними.
Поэтому базилианскія школы не имѣли оригинальности и
всегда находились въ хвостѣ іезуитскихъ школъ.

Школы въ Польшѣ учреждали и другіе монашескіе ор-
дена, какъ-то: бенедикты, мисіонеры, цистерны, каноники
регулярные, доминикане, театины, тринитары, коммунисты,
реформаты; но онѣ были весьма не значительны, то открыва-
лись, то закрывались и не имѣли вліянія на ходъ образова-
нія въ Польшѣ.

Школы диссидентовъ, въ томъ числѣ и православныя,
преслѣдуемыя релігіознымъ фанатизмомъ, существовали не
долго (исключая академію кievскую). Однѣ протестантскія
школы удержались до раздѣла Польши.

Всѣ эти школы, различаясь между собою количествомъ классовъ и учебныхъ предметовъ, имѣли одинъ основной типъ, грамматико-риторическій, къ которому, смотря по средствамъ, прибавляли еще: математику, иногда философію, право или богословіе. Полный составъ школъ, учреждаемыхъ краковскою академіей (*filia academiæ cracoviensis*), былъ слѣдующій: *грамматика, риторика, математика, философія и право*. Въ самой академіи за этимъ курсомъ слѣдовали факультеты: *богословскій, философскій, медицинскій и юридическій*. Въ іезуитскихъ школахъ было пять классовъ: *инфима, грамматика, синтаксисъ, риторика и поэзія*. Въ іезуитскихъ коллегіяхъ за этимъ курсомъ слѣдовали: *философія и богословіе*. Въ іезуитской виѣнской академіи были факультеты: *философскій и богословскій, впоследствии и юридическій*. Піарскія школы, до реформы Конарскаго, имѣли одинъ типъ и состояли изъ семи классовъ: *pro forma*, или *parva infima, infima maior, грамматика, синтаксисъ, поэзія, риторика и философія*. Въ каждой пятиклассной и въ піарскихъ семиклассныхъ школахъ курсъ каждаго класса продолжался одинъ годъ, и учителя были классные. Въ іезуитскихъ коллегіяхъ философію (этика, физика, логика, метафизика и математика) обучали три года, богословію четыре года.

Всѣ эти школы подвѣдомственны были только тому учрежденію, которое устроило ихъ. По старинному праву, краковская академія открывала свои филии или принимала подъ свое покровительство школы, по желанію частныхъ лицъ — ихъ устроителей. Эти школы носили названіе *академическихъ*. Орденскими школами завѣдывали *провинціалы* каждаго ордена.

Всѣхъ такихъ школъ въ Польшѣ, ко времени перваго раздѣла ея, было около 116, именно: академическихъ 10, іезуитскихъ 67, піарскихъ 27, протестантскихъ 5 и базилианскихъ 7 (въ *Бучачѣ, Уманѣ, Любарѣ, Шаргородѣ*, въ

*Вильнь, Владиміръ, Жировицахъ*¹⁾). Изъ этого числа школъ не меньше половины приходилось на рускія области Польши²⁾).

Ни краковская академія, ни монашескіе ордена не заботились начальнымъ обученіемъ и не имѣли въ своемъ вѣдѣніи ни одной первоначальной школы. Это обученіе сполнѣ принадлежало приходскому духовенству и устроено было особенно приходскимъ нуждамъ его. Такія школы первоначально устроились при главныхъ церквахъ, или соборныхъ (фага) и назывались *фарными*. Въ нихъ обучали латинскому языку и порядкамъ католическаго богослуженія, съ цѣлію приготовить органистовъ, которымъ въ прежнее время открыта была дорога и къ духовному сану. По образцу этихъ школъ открывались, по милости благодѣтелей, школы и въ нѣкоторыхъ приходахъ. Лукашевичъ (I, 455) насчитываетъ ихъ въ 1740 году до 1500, но безъ всякихъ основаній. Ко времени перваго раздѣла Польши ихъ оказалось въ Малопольшѣ 60, въ Великопольшѣ 45 и, судя по многимъ даннымъ, особенно по школьнымъ рапортамъ и визитамъ послѣдующаго времени, ихъ было въ цѣлой Польшѣ не болѣе 400. Въ русскіихъ (православныхъ и униатскихъ) приходахъ въ это время повсюду почти видимъ при церквахъ школы,

¹⁾ *Historja szkół w Koronie i w Wielkiem Ks. Litewskiem, od najdawniejszych czasów aż do roku 1794 r. Przez Józefa Łukaszewicza. IV t. Poznań 1851 r.* Трудъ обширный и весьма добросовѣстный, но безъ надеждащей критики, особенно во второмъ томѣ, въ которомъ означается реформа, произведенная Конарскимъ въ пiарскихъ школахъ, а затѣмъ особою комиссіей въ цѣломъ составѣ школъ.

²⁾ Въ это число школъ не входятъ такъ называемыя *studia*, съ курсомъ философіи и богословія, называемыя еще *noviciatus*, для приготовленія молодыхъ людей, получившихъ образованіе, къ поступленію въ монашескій орденъ. Такихъ *studii* базилиане имѣли въ эту пору 11, именно: въ Виднѣ, Львовѣ, Лавровѣ, Сержнѣ, Полоцкѣ, Жировицахъ, Витебскѣ, Владиміръ, Луцкѣ, Жидичнѣ и въ Холмѣ. — Не входятъ въ это число школъ и духовныя семинаріи (*seminarium*) для приготовленія приходскихъ священниковъ. Изъ всѣхъ попытокъ основать отдѣльную семинарію для униатовъ удалось только холмскому епископу *Рылли*, который открылъ семинарію въ Холмѣ въ 1760 г.

въ которыхъ церковный *обязъ* обучаетъ охотниковъ чтенію и пѣнію церковному. Въ XVIII вѣкѣ это были послѣдніе и единственныя убѣжища русской народности въ Польшѣ, а простой народъ и низшее сельское духовенство чрезвычайно дорожили ими и не жалѣли на поддержку ихъ овоихъ приношеній хлѣбомъ, зерномъ и т. п., тѣмъ болѣе, что при школахъ въ это время приючивались и нищие, калѣки, сироты.

Но если о первомъ періодѣ польскаго общественнаго образованія мы получаемъ недостаточныя свѣдѣнія, то о второмъ періодѣ его въ русской литературѣ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Что извѣстно ей о реформѣ народнаго образованія, послѣдовавшей за первымъ раздѣломъ Польши и долженствовавшей между прочимъ окончательно ассимилировать въ Польшѣ русскую народность? Что извѣстно ей о дѣятельности „*эдукаціонной избы*“ Варшавскаго герцогства, закрѣпившей за польскимъ общественнымъ образованіемъ начала, выработанныя этою реформою, и завѣщавшей созданному Россіей Царству Польскому опредѣленный типъ польскаго національнаго образованія, ставшій школьнымъ культомъ поляковъ? Что мы знаемъ о противудѣйствіи этому культу въ самомъ польскомъ обществѣ, со стороны польскихъ славянофиловъ, не мало вліявшемъ на воспитаніе событій 1831 года? Этотъ культъ руководилъ и учебною реформою маркиза Велепольскаго....

Между тѣмъ, реформа учебныхъ заведеній въ Польшѣ и вообще этотъ второй періодъ польскаго общественнаго образованія успѣлъ перевоспитать поляковъ въ сѣверо- и юго-западномъ краѣ, господствуя въ немъ до самаго 1831 года, и не безслѣдно прошелъ въ исторіи русскихъ учебныхъ заведеній. Одинъ изъ ближайшихъ друзей и совѣтниковъ молодого императора Александра I, сынъ Адама Чарторыйскаго, главы польскихъ реформаторовъ временъ раздѣловъ Польши, не мало вліялъ на систему преобразованія русскихъ учеб-

ныхъ заведеній при учрежденіи въ Россіи министерства народнаго просвѣщенія, и если сравнить тогдашніе протоколы, записки, журналы и самую организацію учебныхъ заведеній съ уставами польской комиссіи народнаго просвѣщенія 1783 года, то окажется не мало заимствованій изъ нихъ.

Намѣреваясь познакомиться читателей съ состояніемъ учебныхъ заведеній въ сѣверо- и юго-западномъ краѣ въ періодъ раздѣловъ Польши по рапортамъ визитаторовъ ихъ, нигдѣ еще не напечатаннымъ ¹⁾, считаемъ нужнымъ предварительно сообщить свѣдѣнія объ учебной организаціи въ Польшѣ того времени или о послѣдовавшей тогда реформѣ общественнаго образованія ²⁾.

Въ 1773 году въ католическихъ странахъ произошло событіе, давшее сильный толчекъ правительственнымъ заботамъ объ общественномъ образованіи. Это было уничтоженіе

¹⁾ Одинъ изъ этихъ рапортовъ, именно: *Ks. Szczerpana Hołowczyca Raport wizyty generalnej południowo-wschodnich wydziałów szkolnych.... w roku 1782*, напечатанъ въ *Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce*. Краковъ, 1877 г., т. I, стр. 21—70.

²⁾ Источниками этихъ свѣдѣній служили для насъ:

a) *Ustanowienie komisyyi nad edukacją mlodzi narodowej szlacheckiej dozornajacej W Warszawie 24 października 1773 r.*

b) *Mowa w dzień rocznicy otwarcia towarzystwa do ksiąg elementarnych na sessyi dnia 7 marca 1778—1786 r. Przez Ks. S. Piramowicza. Warszawa*. Эти рѣчи Пирамовича, бывшаго секретаремъ комиссіи просвѣщенія и означеннаго общества, а на самомъ дѣлѣ душею обоихъ этихъ центральныхъ учрежденій, были публичными отчетами о ходѣ реформы общественнаго образованія и служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для объясненія побужденій и цѣлей, вообще смысла преобразованій. Онѣ печатались ежегодно отдѣльными брошюрами. Одна изъ рѣчей, именно 1780 года, принадлежитъ пиаристу Поплавскому, члену того-же общества.

v) *O rozporządzeniu i wydoskonaleniu edukacji obywatelskiej. Projekt podany.... komisyyi edykacji w marcu 1774 r;* напечатано в *Warszawie 1775 r;* 184 стр. in 8°. Принадлежитъ тому же пиаристу Поплавскому. Проектъ Поплавскаго легъ въ основу уставовъ комиссіи просвѣщенія, въ составленіи которыхъ авторъ проекта принималъ съ Пирамовичемъ самое дѣятельное участіе.

г) *Przepisy dla rektorów, prefekta, dyrektorów, na szkoły wojewodzkie i do szkół parafijalnych. Warszawa 1776 r.*

иезуитскаго ордена. Послѣ иезуитовъ оставались огромные капиталы, поземельныя владѣнія, вданія, назначенныя на содержание учебныхъ заведеній. Нужно было распорядиться этимъ наслѣдствомъ, нужно было подумать о дальнѣйшей судьбѣ иезуитскихъ школъ, составлявшихъ большинство почти въ каждой изъ этихъ странъ. Стали появляться первые проекты ближайшей опеки государства надъ общественнымъ образованіемъ и общаго типа учебныхъ заведеній.

Въ Польшѣ это событіе совпало съ другимъ событіемъ, потрясшимъ ее до основанія, именно съ первымъ раздѣломъ ея. Въ одномъ и томъ же мѣсяцѣ (августѣ) появились и булла Климента XIV объ уничтоженіи иезуитскаго ордена, и опредѣленіе сейма объ „уступкѣ“ сосѣднимъ государствамъ значительныхъ областей. И прежде, со времени поселенія

д) *Ustawy komisyyi eplikacyi narodowej dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczypospolitej przepisane. W Warszawie 1783 r. in fol, 64 стр. текста и нѣсколько листовъ съ образцами рапортовъ, распредѣленіемъ учебныхъ предметовъ по классамъ, по днямъ и часамъ и т. п.*

Въ русскомъ переводѣ этотъ уставъ (не въ полномъ видѣ) напечатанъ въ *Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго, ведомства нар. просвѣщенія. Т. I, 1868 г. Варшава.*

Въ дополненіе къ уставу комиссія просвѣщенія издала еще: *Przepis dla dyrektorów, и особо dla profesorów, а въ 1787 г. Powinności nauczyciela, mianowicie zaś w szkołach parafialnych i sposoby ich dopełnienia. Warszawa. 211 стр. и 13 стр. предисловія.* Это послѣднее (безъ сомнѣнія, и первые два) наставленіе составлено Пирамовичемъ.

е) *Wizyty и Rapporta* о состояніи учебныхъ заведеній того времени, хранящіяся въ варшавскомъ центральномъ архивѣ, которымъ мы пользуемся, благодаря просвѣщенному вниманію старшаго предсѣдателя варшавской судебной палаты, т. с. Герарда.

Изъ сочиненій по этому предмету можно указать только на *Historya szkół*—Лукашевича. Изложеніе этого періода заключается во второмъ т. стр. 166—492, съ восторженными похвалами реформъ.

Упомянемъ еще о напечатанномъ въ 1878 г. въ Варшавѣ *Dwieście wychowanié szkólne* (въ Польшѣ), *przez Jana Zaruskiego*—только для того, чтобы предостеречь читателя отъ этой компіляціи, переполненной собственными измышленіями, живыми цыфрами и крайне пристрастными сужденіями автора.

бывшаго короля Станислава Лещинскаго въ Парижѣ, съ огромнымъ дворомъ, привлекавшимъ изъ Польши множество посѣтителей, особенно со времени реформы пиарскихъ школъ, произведенной воспитанникомъ этого двора Конарскимъ, въ Польшѣ раздавались голоса противъ іезуитскаго образования и вообще противъ существующаго устройства школъ. Кружокъ шаристовъ дружно работалъ въ направленіи и духѣ новыхъ идей о воспитаніи, распространявшихся по Европѣ, надъ разрушеніемъ іезуитской риторики, метафизики, „альваровскихъ“ методовъ, толковалъ *о правѣ природы* и морали, какъ основаніяхъ для воспитанія челоуѣка, составлялъ учебники. Локкъ, Кондильякъ и Гельвецій наиболѣе приходились по душѣ польскимъ мыслителямъ. Съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ при дворѣ установился цѣлый кругъ новыхъ людей, въ которомъ подвергалось осмѣянію все іезуитское и вмѣстѣ съ нимъ все старое, начиная отъ кунтушей. Какъ въ средѣ аристократіи гордо поднимали напудренные головы свои маркизы, доморощенные Вольтеры и т. п.; такъ въ средѣ духовенства обращали на себя вниманіе свои Кондильяки, аббаты философы, покончившіе съ „предразсудкомъ“, принявшіе духовный костюмъ и обѣтъ безженства единственно ради всецѣлаго посвященія себя наукѣ. И въ прежнее время, начиная еще съ короля Іоанна-Казимира, появлялись хотя и робкіе голоса о шаткости польскаго общественнаго и государственнаго строя, о шляхетской разнузданности, угнетенномъ и бѣдномъ положеніи низшихъ классовъ, въ особенноти крестьянъ и т. п. Теперь, въ виду тяжкаго удара и грозной опеки со стороны трехъ сильныхъ державъ, всѣ голоса соединились въ напряженныхъ поискахъ за панацеей отъ всѣхъ золъ, за средствомъ поддержать и укрѣпить государство, восторжествовать надъ политикою сосѣднихъ державъ. Быстро всѣ сошлись въ убѣжденіи, что главною причиною всѣхъ золъ была прежняя система воспитанія, что отнынѣ государство, доселѣ считавшее школу постороннимъ

для себя, частнымъ и свободнымъ занятіемъ, должно взять ее въ исключительное свое вѣдѣніе и въ основу всѣхъ своихъ улучшеній положить правильное образованіе. Тотъ же сеймъ, который утвердилъ „устутку“ значительныхъ областей сосѣднимъ державамъ, по предложенію литовскаго подканцлера Хребтовича, постановилъ: учредить особую комиссію (министерство) для завѣдыванія какъ всѣмъ имуществомъ по-іезуитскимъ, такъ и всѣми учебными заведеніями въ краѣ, „не исключая ни одного“. Предсѣдателемъ этой комиссіи сеймъ назначилъ виленскаго епископа князя *Игнатія Масамскаго*, членами: шлоцкаго епископа князя *Понятовскаго* (дядю короля), гнѣзненскаго воеводу *Сумовскаго*, подканцлера литовскаго *Іоакима Хребтовича*, писаря литовскаго *Игнатія Потоцкаго*, генерала *Адама Чарторыйскаго*, ордината *Андрея Замойскаго* и старосту копаницкаго *Потоцкаго*. Это были люди различныхъ партій политическихъ, но слывшіе за самыхъ образованныхъ въ средѣ аристократіи и, исключая перваго, третьяго и послѣдняго, которые готовы были ловить въ мутной водѣ рыбу, за самыхъ преданныхъ интересамъ Польши¹⁾. Изъ среды всѣхъ этихъ членовъ наиболѣе выдѣлялся всецѣлымъ посвященіемъ себя трудамъ комиссіи 24-лѣтній Игнатій Потоцкій. Хилый, болѣзненный, онъ рано сталъ было мечтать о посвященіи себя на служеніе церкви; но домашній учитель его экс-іезуитъ *Григорій Пирамовичъ* отклонилъ его отъ этого намѣренія и убѣдилъ посвятить себя покровительству и реформѣ образованія въ Польшѣ. Игнатій Потоцкій является потомъ во главѣ всѣхъ

¹⁾ До 1793 г. комиссія не получала для себя самой подробнаго устава. Такой уставъ составилъ былъ членомъ этого сейма, извѣстнымъ въ Польшѣ математикомъ, краковскимъ профессоромъ *Яномъ Снядецкимъ*, при сотрудничествѣ ректора виленскаго университета *Лукашова*, и утвержденъ сеймомъ. Этотъ уставъ напечатанъ въ исторіи Лукашевича, т. II, стр. 169—180, въ примѣчаніи. Весьма любопытнымъ комментариемъ къ нему служатъ письма самого Снядекаго изъ Гродно къ своимъ пріятелямъ (*Listy Jana Śniadeckiego. Poznań. 1878 r...*

начинаній и важнѣйшихъ дѣлъ комиссіи. Въ польской литературѣ онъ признается душею всей дѣятельности комиссіи (Лукаш. II, 257). На самомъ дѣлѣ душею комиссіи и самого Потоцкаго былъ секретарь ея экс-іезуитъ Пирамовичъ¹⁾, принадлежавшій къ той новой религіозной школѣ, которая примиряла христіанство съ философіей Локка и Кондильяка (сенсуализмъ). Преданный до энтузіазма идеѣ возрожденія Польши, безпредѣльно вѣрившій въ силу новыхъ идей, въ возможность быстрого созданія „новыхъ людей“, необыкновенно дѣятельный, даровитый, пылкій, Пирамовичъ постоянно стоялъ за одиноку своего друга, постоянно выдвигалъ его впередъ для вліянія въ аристократическихъ сферахъ въ пользу воѣхъ проектовъ комиссіи, авторомъ которыхъ былъ по преимуществу онъ самъ. Въослѣдствіи, при измѣнившемся составѣ комиссіи, когда, по выраженію Снядецкаго, „одни изъ членовъ ея скучали (въ засѣданіяхъ), другіе, занятые иною елужбою, не могли удѣлить своего вниманія для такой важной отрасли государственнаго управленія, а третьи присутвовали только для вида (dla figurowania)²⁾, Пирамовичъ одинъ съ своимъ другомъ аристократомъ несъ на себѣ трудъ комиссіи просвѣщенія.

Для приѣма и устройства имущества, оставшагося послѣ іезуитовъ, сеймъ назначилъ двѣ комиссіи—одну для короны,

¹⁾ Пирамовичъ род. во Львовѣ въ 1735 г. Онъ происходилъ отъ русскихъ родителей, обучался у іезуитовъ, и самъ сталъ іезуитомъ, но скоро почувствовалъ въ своему ордену глубокое отвращеніе. Братъ его Михаилъ Пирамовичъ былъ кіевскимъ каноникомъ и официаломъ; онъ хлопоталъ объ устройствѣ въ Житомирѣ униатской духовной семинаріи, для которой пожертвовалъ дѣсяти тысячъ злотыхъ, а король подарилъ мѣсто подъ постройку зданій; но событія 1789 года на Волни и послѣдовавшіе затѣмъ раздѣлы Польши остановили это дѣло въ самомъ началѣ. Григорій Пирамовичъ написалъ много педагогическихъ сочиненій, имѣвшихъ большое значеніе въ польской литературѣ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы встрѣтимся ниже. Умеръ въ 1801 году въ Куровѣ, въ должности пробоща куровскаго и каноника каменецкаго.

²⁾ *Listy Jana Śniadeckiego*, стр. 16.

другую для Литвы. Понятно, что это были комиссіи, огромныя по числу членовъ. Въ составъ ихъ втерлось много такихъ лицъ, которыя искали случая поправить свое состояніе, разстроенное послѣдними событіями или слишкомъ широкою жизнью. По повѣркѣ имущества, оказалось, что представители іезуитовъ, въ ожиданіи своей участи, не ушли изъ Польши съ пустыми руками: наличныя суммы, серебро и драгоценности большею частію исчезли, вѣковые дѣла вырублены или запроданы, многія земельныя угодья и поля оказались въ чертѣ другихъ владѣній. Но гораздо больше іезуитовъ причинили ущербъ этому имуществу, предназначенному служить основнымъ и пока исключительнымъ фондомъ для расходовъ по устройству общественнаго образованія, эти самыя комиссіи, и во главѣ ихъ самъ предсѣдатель комиссіи провѣщенія епископъ Массальскій, съ членомъ ея Сулковскимъ. Комиссіи должны были обезпечить по-іезуитскія имущества такимъ образомъ: хранившіяся въ разныхъ рукахъ суммы роздать желающимъ магнатамъ и шляхтичамъ за опредѣленный вѣчный процентъ, подъ залогъ ихъ имѣній, а имѣнія, по оцѣнкѣ ихъ, отдать въ вѣчную аренду. Началось губительство этихъ денегъ и имѣній самими членами комиссіи (*rozdawniczuch*), полученіе большихъ суммъ подъ залогъ разоренныхъ или не стоющихъ имѣній, полученіе земель за ничтожную аренду и безъ всякой гарантіи въ уплатѣ ея. Однихъ капиталовъ разграблено такимъ образомъ болѣе семи милліоновъ злотыхъ. Одинъ Сулковскій ввзялъ 584,658 злотыхъ, и эти деньги пропали! Епископъ Массальскій истратилъ гораздо больше¹⁾. Оставшіеся при школахъ іезуиты, не получая содержанія, бросили занятія, школы закрылись, ученики разбѣжались.

¹⁾ *Historja szkół*—Лукашевича, т. II, стр. 189—248. Впослѣдствіи Массальскій былъ повѣшенъ въ Варшавѣ, на улицѣ, возмущившеюся чернію, по подозрѣнію въ продажности непріятелямъ Польши.

Но это грабительство государственного адукаціоннаго имущества, такъ быстро смѣнявшееся благородные порывы къ возрожденію государства посредствомъ образованія, эта мрачная картина разоренія тѣхъ средствъ, на которыхъ главнымъ образомъ опиралась дѣятельность комиссіи просвѣщенія, не остановили и не ослабили намѣреній другихъ дѣятелей этой комиссіи, хотя во главѣ ея продолжалъ оставаться тотъ же Массальскій, а также и многихъ частныхъ лицъ. Ходили раанне теоріи и планы устройства учебныхъ заведеній. Болѣе и болѣе оживлялись піаристы и одерживали верхъ началами своихъ школьныхъ преобразованій. Въ комиссію просвѣщенія стали поступать письменныя сообщенія о необходимости поспѣшить преобразованиемъ учебныхъ заведеній и самыя проекты реформы ихъ. Изъ нихъ всего болѣе обратилъ на себя общее вниманіе проектъ, поданный въ мартѣ 1774 года піаристомъ Поплавскимъ, бывшимъ учителемъ и префектомъ варшавскихъ піарскихъ школъ. Это было упомянутое нами сочиненіе его: *O rozporządzeni i wydoskonaleniu edukacyi (объ организаціи и улучшеніи обученія)*, напечатанное въ слѣдующемъ году. Поплавскій развиваетъ въ немъ тѣ начала, какія уже проводились въ піарскихъ школахъ со времени Конарскаго. Признавая всю прежнюю систему только драшировкой образованія, прикрывавшею внутреннюю пустоту и распущенность, онъ требуетъ дѣйствительнаго воспитанія и усовершенствованія физическаго и нравственнаго. Чтобы стать дѣйствительнымъ, воспитаніе должно быть какъ можно болѣе *естественнымъ* и основываться на изученіи *естества* (*jestestwo* — модное въ то время слово въ польскомъ ученомъ кругѣ), т. е. наукъ естественныхъ, математики, науки о правѣ природы и о естественной нравственности. Греческій языкъ, преподававшійся во всѣхъ прежнихъ школахъ, онъ находитъ излишнимъ, латинскій — полезнымъ по свѣдѣніямъ, заключающимся въ сочиненіяхъ римскихъ писателей, и по историческимъ причинамъ. Изученіе

новѣйшихъ языковъ, французскаго... и нѣмецкаго, считается полезнымъ въ быту. Изученіе религіи въ объемѣ курса прежнихъ школъ находить совершенно излишнимъ и замѣняетъ его воспитаніемъ въ духѣ общей религіозной идеи, оставляя только самыя элементарныя свѣдѣнія о христіанской религіи, необходимыя для присутствованія при главныхъ богослуженіяхъ и при исполненіи важнѣйшихъ обрядовъ, и какъ можно болѣе требуетъ заботы о моральномъ руководствѣ воспитанниковъ. Въ преподаваніи рѣшительно требуетъ замѣнить латинскій языкъ польскимъ и все направленіе образованія строго сообразовать съ благомъ отечества. Эту идею Поплавскій прилагаетъ къ высшимъ, среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ и къ частнымъ училищамъ и проектируетъ сообразныя съ нею новыя курсы и порядки въ каждомъ изъ этихъ училищ¹⁾. Въ концѣ своего проекта онъ обращается съ горячимъ словомъ ко всему народу польскому. Онъ говоритъ (между прочимъ): „присмотришь только и разсуди, есть ли совѣщаніе въ сеймахъ, есть ли справедливость въ судахъ? Какова исполнительность высшаго правительства и чиновниковъ? Многосложна наша конституція, но мало въ ней благотѣльныхъ установленій. Высто! свободы—своеволіе, благородство—въ почетномъ имени, добродѣтель и заслуга—не только въ забвеніи, но и въ пренебреженіи. Страна—безъ войска, народъ—безъ уваженія, отечество—безъ сыновъ, собственность—безъ свободы и увѣренности, обширныя поля—безъ обработки, обширныя провинціи—безъ населенія! Откуда же этотъ упадокъ, это несчастіе? Слѣдствіе не бываетъ безъ причины, а плодъ безъ сѣмени. Если станешь постепенно и вѣрно идти отъ причины къ причинѣ, то придешь къ несомнѣнному убѣжденію, что все эти потери и страш-

¹⁾ Между прочимъ онъ предлагаетъ открыть четыре университета: въ Позвани, Калишѣ, Острогѣ и Вильнѣ, и въ каждомъ сельскомъ приходѣ школу.

ныя послѣдствія произошли: въ пороковъ въ цѣломъ стрѣхъ нашего общественнаго управленія“.

„Что преимущественно служить источникомъ зла, то прежде всего нужно и поправлять. Ты согрѣшилъ, несчастный народъ, установляемъ дурного управленія, ты и терѣшь отъ него; устройствомъ надлежащаго управленія ты поднимешь твое благополучіе и станешь высоко счастливымъ. *Изъ этому ничто не приведетъ тебя такъ стрѣно и устѣпше, какъ надлежащее народное образованіе и воспитаніе.*“

Этотъ сильный голосъ простаго ксежда проявель большее впечатлѣніе въ цѣломъ польскомъ обществѣ. Онъ заглушилъ всѣ другіе голоса, тѣсно совпалъ съ убѣжденіями главныхъ дѣятелей комисіи просвѣщенія и самого короля, и задача учебной реформы рѣшена была быстро и окончательно. Заманчивая картина естественности воспитанія, возстановленія счастья въ цѣлой странѣ, побѣда надъ политикою сосѣднихъ державъ, находившихъ нужнымъ обезсилить Польшу, лѣстала всѣмъ партіямъ. Противные голоса, не имѣя силы краснорѣчія Поплавскаго, довольствовались ворчаніемъ по угламъ или отрывочными и тощими фразами¹⁾. Какимъ образомъ исторія подготовила поляковъ къ увлеченію философій

¹⁾ Изъ другихъ тогдашнихъ проектовъ напечатаны были: 1) *Edukacja obywatelska, przez A. K. Warszawa. 1774 r.* 186 стр. Авторъ этого проекта, псарь *Адолфъ Каменскій*, совѣтуетъ не дѣлать крутого перелома въ системѣ образованія и соблюсти постепенность. Онъ настаиваетъ на необходимости основать школу по философій съ древними языками, хотя въ курсъ его входятъ и естественныя науки съ самою модною въ то время изъ наукъ—*„правою натурою“*, и требуетъ, чтобы устроенъ былъ особый классъ философій съ преподаваніемъ: логики, психологій, онтологій, космологій и т. п. Способамъ изложенія мыслей онъ совѣтуетъ учить только тогда, когда самая мысль ученика будетъ уже достаточно содержательною и прочною, такъ что обученіе краснорѣчию въ проектѣ его относится къ послѣдному классу. Каменскій даетъ между прочимъ совѣтъ учредить „Общество для изданія учебниковъ“, пригласивъ къ нему лучшихъ силы. 2) *Sposob edukacji w XV listach opisany, ktore do komiszyi edukacji narodowej od bezimiennego autora były przesyłane. R. P. 1775.* 244 стр. Авторъ, псарь коронный *Францишекъ Бѣлинскій*, сильно нападаетъ на всегдашнее увлеченіе

Локса и Кандильяка, какъ и образъ изъ прежней пылкой поклонницы и любимой дочери папскаго Рима встала теперь поклонница верховнаго права природы, обезличивающаго христіанство и подчиняющаго церковь служенію политическимъ и патриотическимъ задачамъ; мы не будемъ объ этомъ говорить. Но несомнѣнно, что глубокое потрясеніе въ цѣлой странѣ и тяжкій ударъ, нанесенный самолюбію инакомыслиемъ, съ одной стороны, съ другой — аropaсть, рабкрывшаяся предъ глазами поляковъ, были причиною того быстрого вихря идей, который привелъ ихъ въ заколдованный рай и свакрѣнилъ въ немъ мечты ихъ. Политика и школа заключили между собою священныя союзы въ стремленіи къ одной и той же цѣли, съ полной увѣренностью въ скоромъ и прочномъ иеполеніи ея.

Впечатлѣніе, произведенное проэктомъ Поплавскаго, высоко поставило пиаристовъ въ общественномъ мнѣніи. Они стали ближайшими сотрудниками комиссіи просвѣщенія по устройству новой учебной организаціи; ихъ школы должны были прежде всего осуществить идею реформы, представить новыя программы, методы, учебники и т. п. Тѣмъ временемъ возстановлялись закрытыя іезуитскія школы, выбирались охочіе и способные изъ бывшихъ іезуитовъ и назначались на должности учителей; базилианскіе монахи привлечены къ большому участию въ общественномъ образованіи и въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣланы наслѣдниками школьныхъ іезуитскихъ зданій подъ условіемъ содержать школы; разыскивались и призывались *академики* (учившіеся въ краковской академіи) для занятія учебныхъ должностей, особенно

Польша иностраннымъ воспитаніемъ и въ послѣднее время французскимъ. Проэктъ Бѣлинскаго, заключающій въ себѣ мало оригинальности относительно самаго устройства учебныхъ заведеній, заботится преимущественно о приготовленіи хорошихъ учителей и гувернеровъ для дѣтей и объ уваженіи въ національнымъ задачамъ.

въ средѣ католическихъ священниковъ. Чтобы успѣшнѣе восстановить школы и пока устанавить въ нихъ какой-нибудь порядокъ, постепенно обновляя и упрочивая его, комиссія просвѣщенія пражде всего раздѣлила всю тогдашнюю Польшу на десять учебныхъ округовъ (*wydziałów*); въ каждомъ изъ этихъ округовъ назначила одно учебное заведеніе окружнымъ (*szkoły wydziałowe*), прочія назвала подокружными (*szkoły podwydziałowe*), сельскія — приходскими (*parafialne*). Ректоръ окружной школы поставленъ былъ во главѣ цѣлаго округа, проректоръ подокружной школы имѣлъ въ своемъ ближайшемъ вѣдѣніи находившіяся въ районѣ ея школы сельскія¹⁾. Такими округами и окружными школами были назначены: 1) *великопольскій* — въ Цовани, 2) *малопольскій* — въ Краковѣ, 3) *мазовецкій* — въ Варшавѣ, 4) *сѣльмскій* — въ Кременцѣ, 5) *украинскій* — въ Винницѣ, 6) *піарскій* — обнимавшій школы піаристовъ, разбросанныя по цѣлой Польшѣ. Эти шесть округовъ носили общее названіе коронныхъ. Прочіе четыре назывались литовскими и были слѣдующіе: 7) *литовскій* — въ Гроднѣ, 8) *русскій* — въ Новогрудкѣ, 9) *польскій* — въ Брестѣ литовскомъ и 10) *жмудскій* — въ Крожахъ. Всѣхъ окружныхъ и подокружныхъ школъ было 70, считая въ томъ числѣ и піаристскій конвиктъ подѣ Варшавой. Ректоры окружныхъ школъ обязаны были заботиться о пріисканіи кандидатовъ на учительскія мѣста и о руководствѣ какъ ихъ, такъ и бывшихъ учителей въ подготовкѣ къ новому курсу и способу обученія.

За этими заботами послѣдовали заботы о приготовленіи учебниковъ, на основаніи предположенныхъ учебныхъ плановъ. Предстоялъ трудъ огромный. Сразу замѣнить въ цѣ-

¹⁾ Комиссія просвѣщенія удержала старыя названія среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Словомъ *школа* (*schola*) обозначался собственно классъ. *Школа* — училище съ однимъ классомъ (элементарное), а всякое учебное заведеніе, имѣющее болѣе одного класса, называлось *школами*; имѣющее не менѣе трехъ классовъ именовалось *школами высшими* (*szkoły wyższe*):

ломъ преподаваніи и ивученіи латинской языкѣ польскимъ, когда доселѣ не было даже польской грамматики, предупредить въ школахъ появленіе той варварской смѣси словъ польскихъ съ латинскими, которая въ то время господствовала во всѣхъ польскихъ канцеляріяхъ, составить польскую учебную терминологию и т. д.,—все это требовало соединенія многихъ и опытныхъ рукъ и работы продолжительной. Комиссія просвѣщенія воспользовалась совѣтомъ пiариста Адольфа Каменскаго и учредила общество для наданія учебниковъ. (*Towarzystwo elementarne*, иначе *Towarzystwo do ksiąg elementarnych*). Предсѣдателемъ этого общества назначенъ былъ Игнатій Потоцкій, секретаремъ Пирамовичъ. Главный контингентъ членовъ его давали пiаристы, изъ которыхъ особенно дѣятельными были: Поплавскій, Копчинскій, Клюкъ и др. Въ составѣ этого общества появились тогда еще молодой, православившійся блестящими успѣхами своими въ наукахъ въ Римѣ, уроженецъ Волини *Гуго Колонтакъ*, каноникъ краковскій; онъ сразу выдвинулся своими высокими дарованіями, необыкновенною энергіей и непоколебимою вѣрою въ возможность быстрого обновленія всего строя государственнаго посредствомъ реформы образованія. Впослѣдствіи это былъ одинъ изъ самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей Польши и противниковъ политики сосѣднихъ государствъ. Ему главнымъ образомъ принадлежитъ „*конституція 3-го мая*“. Когда Польша окончательно уже погибала; когда всѣ видные дѣятели ея или сложили оружіе для мирной жизни, или искали теплаго пріюта при новыхъ дворахъ, онъ одинъ оставался неукротимымъ съ своею вѣрою въ воскресеніе Польши, въ силу новой школы польской и свою вѣру завѣщать послѣдующимъ вождамъ ея¹⁾. Общество тор-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи изъ многочисленныхъ сочиненій его выдаются: *Listy do Stanisława Małachowskiego i Thadeusza Szaskiego*, о предметахъ политики и образованія. Краков, 1842, 4 тома; *O stanie oświecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta III. Poznań 1841; Uwagi o Księstwie Warszawskiem. Warszawa, 1808 r.*

жественно открыто было 7 марта 1776 года, въ присутствіи короля, многихъ магнатовъ и поборниковъ учебной реформы. Пирамовичъ произнесъ восторженную рѣчь: онъ говорилъ преимущественно на тему, что „вся надежда государетва—Рѣчи Посполитой—въ направленіи воспитанія молодежи“. На учебники и руководства онъ указывалъ въ этой рѣчи, какъ на главныя основы и орудія школы, и къ дѣлу ихъ привязывалъ весь омысль и духъ реформы. Съ этихъ поръ „Общество для изданія учебниковъ“ становится главнымъ дѣятелемъ по исполненію реформы. Комиссія просвѣщенія, члены которой мало знакомы были съ техникой школы, охотно уступила обществу всю учебную и воспитательную часть и скоро превратилась въ бюрократическое учрежденіе, которое такъ громилъ Снядецкій въ своихъ письмахъ къ Колонтаю¹⁾. Всѣ проекты, инструкціи, уставы и наставленія, приготовляемыя обществомъ, разсматривались въ комиссіи просвѣщенія и издаваемы были отъ ея имени.

Общество объявило на составленіе учебниковъ конкурсъ, а само преимущественно занялось разработкою уставовъ и подробныхъ наставленій о преподаваніи и воспитаніи. Въ томъ же 1776 году оно приготовило, а комиссія издала *Przepis dla rektorów, prefekta, dyrektorów, na szkoły wojewodskie i do szkół parafialnych* (Наставленіе для ректоровъ, префекта, директоровъ для школъ воеводскихъ и приходскихъ), опредѣляющій общія отношенія и задачи главныхъ органовъ воспитанія въ школахъ. Въ 1777 г. Чарторыйскій осмотрѣлъ всѣ школы на Украинѣ и Подоліи. Въ слѣдующемъ году въ первый разъ осмотрѣны были всѣ школы визитаторами, назначенными комиссіей изъ среды членовъ общества для изданія учебниковъ²⁾. Въ 1781 году

¹⁾ *Liŝty Jana Śniadeskiego*, стр. 14—51.

²⁾ Объ этихъ двухъ осмотрахъ упоминается въ рѣчи Пирамовича 7 марта 1777 г.

комиссія просвѣщенія имала выработанный Пирамовичемъ *Projekt ustaw dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczy Pospolitej* (Проектъ устава академіи и другихъ школъ въ областяхъ Рѣчи Посполитой) и предписала, чтобы съ началомъ учебнаго 1781½ г. ученіе во всѣхъ школахъ открыто было по новымъ планамъ. Въ то же время Колонтай командированъ былъ въ Краковъ для лучшаго руководства преобразованиемъ академіи. Въ 1782 году комиссія командировала четырехъ членовъ „Общества изданія учебниковъ“ для осмотра всѣхъ учебныхъ заведеній и для соображеній на мѣстѣ, насколько въ каждомъ изъ нихъ примѣненъ учебный планъ, и насколько этотъ планъ соотвѣтствуетъ своему назначенію на дѣлѣ. Визитаторы (между которыми былъ и Пирамовичъ, осматривавшій школы на Подлясьѣ и въ Бѣлоруссіи¹⁾), ректоръ виленской академіи *Почобутъ* (іезуитъ, извѣстный въ свое время астрономъ) и Колонтай, въ качествѣ ректора краковской академіи, составили, по порученію комиссіи просвѣщенія, особую комиссію подъ предсѣдательствомъ Игнатія Потоцкаго для разсмотрѣнія результатовъ этой ревизіи. „Въ теченіи шести недѣль, ежедневно по нѣсколько часовъ“, по словамъ Пирамовича (въ рѣчи 7 мар. 1783 г.), эта комиссія въ полномъ засѣданіи разсматривала всѣ подробности ревизіи, исправила и дополнила первоначальный проектъ устава, который, по разсмотрѣніи его въ полномъ засѣданіи комиссіи просвѣщенія, изданъ былъ въ 1783 году (*Ustawy komiszyi edukacyi narodowej dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczy Pospolitej przepisane* (Правила, предписанныя комиссіею народнаго образованія для академіи и всѣхъ

¹⁾ Визитаторомъ школъ украинскихъ и волынскихъ былъ въ это время Бс. Головинцъ; о визитѣ его мы упомянули выше. Отчетъ Пирамовича доселѣ не отысканъ. Предполагается, что это долженъ быть одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ отчетовъ.

школы Речи Посполитой). Такимъ образомъ, насколько быстро рѣшены были общія основанія реформы и направленіе образованія, настолько медленно и осторожно подвигалась разработка самой системы обученія, и окончательная регламентировка этой системы послѣдовала только послѣ тщательной повѣрки ея на самомъ дѣлѣ. Такъ заботились реформаторы о томъ, чтобы каждое правило и каждое явленіе въ школьной жизни вполнѣ проникнуто были направленіемъ и духомъ реформы.

Въ рѣчи своей 7 марта 1786 года Пирамовичъ, консувшись существовавшаго въ нѣкоторыхъ польскихъ кругахъ недовольства новымъ обученіемъ въ школахъ, говорилъ: „кто хочетъ судить о дѣйствіяхъ, намѣреніяхъ и духѣ комиссіи просвѣщенія, тотъ долженъ судить объ этомъ только послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и на основаніи утвержденныхъ ею положеній. За этотъ документъ мы отвѣчаемъ“. Пирамовичъ выражаетъ увѣренность, что отечество наградитъ ихъ похвалою за принятую систему образованія. Дѣйствительно, поляки доселѣ съ гордостью указываютъ на этотъ уставъ и выражаютъ несомнѣнное убѣжденіе, что если бы три державы не вмѣшались во внутреннія дѣла Польши и не прекратили самаго существованія ея, новая система образованія скоро и вѣрно обновила бы все государство и высоко поставила бы его въ Европѣ. Послѣдуемъ совѣту Пирамовича и рассмотримъ не только уставъ, но и всѣ дополненія къ нему.

Общую задачу образованія уставъ полагаетъ нравственное и физическое воспитаніе учащихся.

Академіи краковская и виленская именуется *главными школами* (Szkoła główna) и каждая заключаетъ въ себѣ четыре факультета: богословскій, философскій (съ математическими науками), медицинскій и юридическій. Всѣ дѣла главной школы рѣшаются въ совѣтъ, состоящемъ подъ пред-

сѣдательствомъ ректора, изъ преподавателей коллегій, заслуженныхъ профессоровъ, ординарныхъ, или действительныхъ (aktualnych) профессоровъ и имѣющихъ степень профессора⁴. Этому совѣту подчиняются и все школы, находящіяся въ краѣ (въ Коронѣ—браковскому, въ Латвѣ—виленскому), для ревизіи которыхъ онъ избираетъ изъ среды своихъ членовъ *экзистаторовъ*, на два года, наблюдая главнымъ образомъ за точнымъ исполненіемъ въ школахъ установленій комиссіи провѣщанія и единствомъ духа и направленія ихъ. Для непосредственнаго наблюденія за преподаваніемъ въ главной школѣ и для рѣшенія вопросовъ, вызываемыхъ состояніемъ его, учреждены двѣ коллегіи—наукъ физическихъ (медицины, естествознанія, математики) и моральныхъ (богословія, философіи, исторіи, литературы и права), изъ всехъ преподавателей соответственныхъ предметовъ. Коллегіи разсматриваютъ также ученые степени. Предсѣдатель коллегіи обязанъ посѣщать лекціи профессоровъ по предметамъ ея. Ректоръ главной школы избирается на четыре года—особымъ, оригинальнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ всехъ профессоровъ и изъ депутатовъ отъ студентовъ всехъ факультетовъ и даже отъ учениковъ (!) школы, состоявшей при главной школѣ. Ректору поэтому предоставлены и особыя полномочія: онъ былъ судьей всехъ профессоровъ, учителей и всехъ служащихъ въ округѣ главной школы; онъ имѣлъ право по своему усмотрѣнію устранить отъ должности каждаго профессора и учителя, лишить его жалованья, уволить учителя безъ права поступленія вновь на учительскую службу. Предсѣдатели коллегій избираемы были совѣтомъ также на четыре года. Профессорскій кругъ составляли: *заслуженные* профессора, окончившіе срокъ на пенсію (завидный срокъ— всего шестнадцать лѣтъ службы!),—они пользовались отъ главной школы квартирою, получали двѣ трети послѣдняго своего содержанія, состояли непремѣнными членами совѣта и коллегій и могли, если бы пожелали, быть вновь назна-

чены къ преподаванію; *ординарные* профессеры, изъ *товарищи*, избираемые для помощи профессорамъ въ преподаваніи, и *вице-профессеры*, заступающіе въ необходимыхъ случаяхъ мѣсто профессоровъ. Всѣ профессеры набираются совѣтомъ по конкурсу. Кандидаты представляютъ сочиненія по предмету, на которой объявленъ конкурсъ; мѣсто предоставляется тому, чье сочиненіе окажется лучшимъ. Ректоръ, председатели коллегій и профессеры утверждаются въ своихъ должностяхъ комиссіей просвѣщенія. Выборъ ректора комиссія могла кассировать по своему усмотрѣнію.

Главная школа должна была служить не только образовательнымъ центромъ своего округа, но и ученымъ учрежденіемъ, обязаннымъ распространять науки въ цѣломъ краѣ, поддерживать ихъ на высотѣ, которой онѣ достигли въ Европѣ, для чего издавать ученые сочиненія, учреждать публичныя лекціи и публичныя ученые засѣданія, производить ученые изслѣдованія въ краѣ, сносятся съ заграничными академіями и т. п. Главная школа, говоритъ Пирамовичъ въ своей рѣчи 1783 года, будетъ вмѣстѣ и ученою академіей, по подобію заграничныхъ, и прибавляетъ: „между заграничными и нашими академіями будетъ та разница, что наши будутъ служить исключительно пользѣ отечества“.

Какимъ же образовательнымъ и ученымъ интересамъ главнымъ образомъ должна служить главная школа? Что именно она должна поставить центромъ образованія и мѣрою учености? „Науку о природѣ“, отвѣчаетъ Пирамовичъ въ той же рѣчи, объясняя главную мысль организациі главныхъ школъ. Онъ сильно нападаетъ на противниковъ этой науки и глубоко вѣрить въ могущественную силу ея. „Естественная исторія,—говоритъ онъ,—одною рукою указываетъ намъ на Творца, возбуждая къ Нему почтеніе, удивленіе и благодарность, другою—на способы пользоваанія этими дарами

для нуждъ, удобства и удовольствія разумнаго существа (jestestwa)... Если она еще многое не открыла въ природѣ, то это для того, чтобы поумѣрить (zapaŋować) слишкомъ сильные порывы человѣческаго ума къ постиженію высшихъ тайнъ, обнаружить слабость его и посредствомъ ограниченія излишняго любопытства побудить его употреблять свои силы и время на добываніе своего счастья изъ тѣхъ свѣдѣній, которыми она надѣлила его въ достаточной для этого мѣрѣ... Наука о природѣ, которая, преимущественно прядъ всѣми науками, въ самой высокой степени усовершенствовала открытія древняго и новаго міра, освобожденная отъ заблужденій, такъ долго связывавшихъ искренность ея, — эта наука, заключающая въ себѣ *физику, химию, естественную исторію и математику*, станетъ давать изъ своего лона неизмѣримыя богатства на пользу цѣлаго края и каждого человѣка. *Наука права*, въ неразумномъ товариществѣ съ политикой и общественной экономіей, озаренная свѣтомъ здраваго разсудка и предводительствуемая наукою о *правахъ натуры* и нравственности (obyczajów), стряхнетъ съ себя ту мерзость, которую набросили на нее дикіе понятія и обычаи грубыхъ вѣковъ, а также невѣжественные, прямо противные естественной правдѣ приемы, существующіе подъ именемъ права (prawości). Въ изученія божественныхъ тайнъ и откровеній (въ природѣ), при руководствѣ основаній вѣры, безбожіе будетъ посрамлено, побѣждено и потеряетъ силу сбивать философію съ истиннаго пути. Религія, поставленная въ своемъ дѣйствительномъ (!) видѣ, освѣщая умъ высшимъ свѣтомъ, даетъ сердцу самыя сильныя побужденія къ добродѣтели, — скрѣпя узы общенности, удерживаетъ людей въ предѣлахъ обязанностей ихъ, — дѣлая ихъ вѣрными своему долгу, приводитъ къ неизмѣнному счастью. Эти виды, — прибавляетъ ораторъ, — управляли всѣми нашими усиліями, при разсужденіи о томъ предметѣ, о которомъ мы сказали“ (*Объ организаціи учебной части въ главной школѣ*).

Польскіе школьные реформаторы черпали такимъ образомъ свои идеи изъ первыхъ источниковъ. Не естественныя науки, которыя въ то время отнюдь не предъявляли подобныхъ претензій, а философія мечтанія, сулившія свѣту новую породу людей, скорое обновленіе всего міра, управляли воззрѣніями ихъ. Дѣлаемъ польскимъ реформаторамъ честь и соглашаемся, что они не были слѣпыми подражателями Базедова, воспитательная система котораго быстро распространялась тогда въ Германіи и обѣщала сдѣлать людей добродѣтельными и мудрыми безъ всякаго труда и напряженія, полагаясь единственно на природу. Нѣтъ, они *самостоятельно* опирались на Руссо. Аббать Кондильякъ пособилъ польскимъ аббатамъ-реформаторамъ выйти съ этою основою на гладкую дорогу. „Духъ человѣчскій есть продуктъ природы; въ природѣ присутствуетъ и дѣйствуетъ Богъ“. Этими двумя основными положеніями философіи Кондильяка польскіе реформаторы вполне достигали своихъ цѣлей: удовлетворяли старое, ревнивое чувство вѣры, которое іезуиты въ Польшѣ только разжигали и фанатизировали, а не проповѣдали и укрѣпляли, и тѣмъ успѣшнѣе прививали на польской почвѣ идею естественнаго развитія, какъ лучшаго средства скоро получить новыхъ людей и обновить государство. Оставалось только обратить все усилія на *направленіе* образованія и воспитанія.

Мы именно помнѣваемся, чтобы польскіе реформаторы, сосредоточивая университетскую науку на физическихъ предметахъ и на естественной нравственности, имѣли въ виду прямую ученую разработку этихъ предметовъ и приложеніе ея къ тѣмъ „дарамъ природы, которыми Творецъ надѣлилъ Польшу“, какъ выражается Пирамовичъ въ той же рѣчи. Безъ сомнѣнія, отдѣльныя личности, подобно Снядецкому, Сташицу и др., понимали значеніе этихъ наукъ въ прямомъ смыслѣ. Быть можетъ, даже цѣлый составъ профессоровъ краковской главной школы глядѣлъ на эти науки гла-

зами Снядецкого, ненавидѣвшаго Канта за его „Критику чистаго разума“. Но тотъ же Снядецкий, въ своихъ письмахъ, о которыхъ мы уже не разъ упоминали, впадаетъ въ сильное раздраженіе при одномъ воспоминаніи о комиссіи просвѣщенія, за ея нерадѣіе и небрежность въ отношеніи къ научнымъ потребностямъ краковской главной школы, особенно по предметамъ естественныхъ наукъ; за преслѣдованіе профессоровъ, преданныхъ своему дѣлу, за измѣну ея ея же наданнымъ уставамъ, за назначеніе лицъ, не годныхъ къ дѣлу, за тормазъ всѣхъ дѣлъ, за то, что комиссія просвѣщенія совѣтъ иного ожидала отъ главной школы, а не спокойнаго служенія наукъ. Не можемъ не привести нѣсколькихъ выписокъ изъ этихъ писемъ. По поводу протеста отъ имени всѣхъ профессоровъ краковской главной школы противъ дѣйствій комиссіи просвѣщенія, въ 1788 г., Снядецкий пишетъ: „мы воѣ, исполняя свои обязанности, спокойно ожидаемъ рѣшенія, отъ котораго для многихъ изъ насъ будетъ зависѣть, продолжать ли службу, или бросить ее. Таково уже несчастное назначеніе въ Польщѣ академіи, что самыя старательныя заботы ея не могутъ доставить корпораціи ея вниманія, ни довѣрія; заботятся гораздо болѣе о преслѣдованіи честныхъ тружениковъ, чѣмъ о поддержкѣ и поощреніи ихъ“ (стр. 8). Упомянувъ объ уволеніи комиссіей безъ всякой причины профессора Богдановича и о назначеніи ему, по собственному усмотрѣнію, на должность преподавателя физической коллегіи, никуда негоднаго Тицинского, чѣмъ оскорблены были всѣ профессора, онъ въ отчаяніи восклицаетъ: „дажь бы Богъ, чтобы Рѣчь Посполитая дала другое какое-либо назначеніе учебнымъ суммамъ, когда ихъ употребляютъ на униженіе труда и заслуги и на прямой ущербъ наукъ и краю“ (стр. 11). „Ты самъ,—пишетъ онъ Кодоляку,—наилучше знаешь, что комиссія просвѣщенія то какъ будто спитъ, то работаетъ, но всегда извращая то, что установила, и не держась настоящей и твердой системы въ своихъ работахъ.

Уже три года мы испытываемъ на себѣ крайнюю нерегулярность ея; касса ея не только нерегулярно отпускаетъ жалованье, но даже не удостоиваетъ отаѣтомъ; не знаю, что дальнѣе будетъ. Нужно утановить законы, чтобы одѣлать комиссію болѣе дѣятельною, но не даѣть смущающею людей своими противурѣчіями и постояннымъ нарушеніемъ своихъ уставовъ, какъ то было доселѣ¹⁾. Неустойчивость въ законахъ; доселѣ бывшая заразою и даже характеромъ польскаго правительства, никогда не привяжетъ талантливыхъ людей къ дѣлу образованія. Эта неустойчивость извертила все, что было въ нашей академіи хорошо устроено, и такъ глубоко, что если не наступитъ еще одна прочная реформа, именно относительно трехъ-сотъ тысячъ (положенныхъ на содержаніе ея), расходуемыхъ ежегодно, то можно сказать, что большая половина этой суммы погнбла и обращена во вредъ наукамъ и образованію“ (стр. 17). Часто упоминая о своихъ долгахъ и тщетныхъ просьбахъ и стараніяхъ исходатайствовать необходимую сумму на пріобрѣтеніе математическихъ инструментовъ, „совершенно необходимыхъ для лекцій“, Снядецкій восклицаетъ: „измучила меня эта медленность и это недоверіе“ (стр. 34). То же самое было, по его словамъ, съ другими снарядами, о которыхъ ходатайствовала главная школа. Инструментовъ и пособій по другимъ предметамъ, о которыхъ ходатайствовали совѣтъ, комиссія не пріобрѣла; ботаническій садъ оставался въ запущеніи; клиника отдана была по распоряженію комиссіи въ синекуру любимцу нѣкоторыхъ членовъ ея, какому-то ксендзу Миршевскому, который поселился въ ней съ комфортомъ и, „ничего не дѣлая и не умѣя дѣлать“, широко тратилъ средства ея на содержаніе себя, цѣлаго штата прислуги при себѣ, своихъ собакъ, лошадей, чѣмъ глубоко возмущены были всѣ

¹⁾ Выше мы уже упоминали, что на гродненскомъ сеймѣ Снядецкій добился утвержденія устава для самой комиссіи, имъ составленнаго.

профессоры (стр. 39—44). Снядецкий завѣряетъ, что „въ цѣломъ краѣ установилось мнѣніе, что комиссія ни о чемъ не заботится по нерадѣнію“ (przez leniwość). Члены комиссіи позволяли себѣ писать ректору главной школы оскорбительныя письма; профессоры назначаемы были не по выбору, а по протекціи лицъ, служащихъ въ комиссіи; также точно производилась раздача окладовъ, прибавокъ и т. п. „Профессоры были того мнѣнія, что комиссія поступаетъ съ академіей, какъ со стадомъ скота“ (стр. 49). Протесты совѣта и ходатайства оставались безъ вниманія. Ко времени второго раздѣла Польши цѣлый совѣтъ рѣшился занести въ сеймъ жалобу на дѣйствія комиссіи (что Снядецкий и сдѣлалъ на гродненскомъ сеймѣ).

Мы увѣрены, что между комиссіей и главной школою существовало только простое недоразумѣніе: послѣдняя хлопотала исключительно въ интересѣ науки, тогда какъ комиссія заботилась главнымъ образомъ о направленіи и духѣ, во имя котораго предпринята была реформа. Не академіи съ ихъ наукою, но среднія и низшія школы, выпускающія главный контингентъ молодыхъ силъ для края, были главнымъ предметомъ заботъ комиссіи. Къ нимъ мы и перейдемъ.

Мы сказали, что школы раздѣлены были на окружныя и подокружныя. Это раздѣленіе основывалось преимущественно на недостаткѣ учителей. Въ окружныхъ школахъ было положено шесть классовъ, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ, исключая пятого класса, курсъ котораго былъ двухгодичный. Въ подокружныхъ школахъ полагалось три класса, каждый съ двухгодичнымъ курсомъ, и предметы преподаванія положены были въ нихъ тѣ же самыя и въ томъ же объемѣ, какъ и въ школахъ окружныхъ. Въ окружныхъ школахъ штатъ былъ слѣдующій: ректоръ, префектъ, шесть учителей, проповѣдникъ и два учителя иностранныхъ языковъ; въ подокружныхъ: проректоръ, три учителя, проповѣдникъ и учителя иностранныхъ языковъ. Въ окружной

школъ въ первомъ и второмъ классѣ, а въ подокружной въ первомъ классѣ учителя были классные, въ прочихъ классахъ предметные.

Въ *уставѣ* намѣчены были лишь самыя общія опредѣленія каждаго курса. Въ дополненіе къ уставу комиссія издала наставленія (Przeriszy) для учителей съ болѣе подробнымъ изложеніемъ предметовъ преподаванія, но преимущественно со стороны воспитательной. Учебники издавались медленно. Поэтому, какъ подтверждаютъ и школьныя рапорты, составъ программъ на дѣлѣ далеко не всюду былъ одинаковъ. Представимъ основныя начала ихъ.

Въ *первомъ классѣ* положено было проходить: грамматику (склоненія и спряженія), ариметику (до дробей), нравственность (обязанности дѣтей въ отношеніи къ родителямъ, учителямъ и товарищамъ), начатки географіи и естественной исторіи. Всякія письменныя упражненія, кромѣ чистописанія, запрещены были для этого класса. Упраженія изустныя требовалось преимущественно сосредоточивать на выговорѣ, который долженъ быть „громкимъ, ровнымъ, выразительнымъ и приличнымъ (przuzwoity).“

Во *второмъ классѣ*—продолженіе тѣхъ же наукъ: грамматика съ общими правилами синтаксиса, ариметика до тройного правила, по естественной исторіи оканчивается ботаника, по нравственности—объ отношеніи слугъ къ панамъ своимъ и обратно, о добрыхъ и дурныхъ поступкахъ¹⁾; по географіи не указанъ предѣлъ для этого класса.

¹⁾ Учебникъ нравственности для этихъ двухъ классовъ составленъ и изданъ прежде всѣхъ другихъ—тѣмъ же пiarомъ Ант. Поляжскимъ, проектъ котораго о реформѣ школъ имѣлъ наибольшій успѣхъ. Это была книжечка въ 92 стр., изданная въ первый разъ въ 1776 году подъ заглавіемъ: *Nauka moralna dla szkół narodowych na klasse I i II*. Всѣ статьи имѣютъ характеръ простыхъ наставленій. Все основывается на *правѣ природы*, которая производитъ и потребности, и соответственныя имъ обязанности. Наставленія ученикамъ занимаютъ 24 стр., въ остальной части изложены наставленія учителямъ о преподаваніи этой науки.

То же самое положено было пройти въ первомъ классѣ подокружныхъ школъ.

Далѣе учителя раздѣлялись по предметамъ, точнѣе — по группамъ предметовъ, которые они преподавали.

Учитель красноречія (wuznowu) въ III, IV и V классахъ продолжалъ съ учениками *грамматику* и занималъ ихъ переводами латиноскихъ авторовъ; въ VI классѣ преподавалъ *красноречіе* и *поэзію*. Учебникомъ по грамматикѣ служила: *Grammatyka dla szkół narodowych przez X. Onufrego Korczyńskiego, zawierająca prawidła języka polskiego i łacińskiego* (*Грамматика для народныхъ школъ кс. Онуфрія Копчинскаго, содержащая правила польскаго и латинскаго языка*). Въ первый разъ она напечатана была въ 1778 г. и тотчасъ предписана къ употребленію въ школахъ. Это была не только первая грамматика польскаго языка, но и первая проба присвоенія польскому языку того имѣта, которое занималъ доселѣ въ польскихъ школахъ языкъ латинскій. Въ отношеніи къ общему духу и характеру новой учебной системы, это была попытка не только отнять у латинской грамматики значеніе дрессировки мысли, пріученія къ труду и низвести латинскій языкъ въ разрядъ другихъ, живыхъ языковъ, изучаемыхъ для обыкновенныхъ практическихъ потребностей, но и отнять это значеніе у грамматики вообще, направивъ ее преимущественно на матеріальную, а не на формальную сторону языка. По словамъ Копчинскаго, грамматика его имѣетъ основою общую грамматику, или природу (naturę) языка, а „природный и единственный способъ изученія всякаго языка есть слушаніе, чтеніе и повтореніе его“. На этомъ основаніи онъ помѣстилъ въ своей грамматикѣ только тѣ правила, которыя свойственны каждому языку. Конечно, что такимъ образомъ первая польская учебная грамматика вышла крайне скуднымъ и поверхно стнымъ руководствомъ къ изученію этого языка, лишивъ его

оригинальности и самобытности. Но что должно было въ такой грамматикѣ остаться отъ латинскаго языка, въ особен-ности послѣ знаменитаго Альвара ¹⁾, на которомъ главнымъ образомъ покоилось зданіе іезуитскаго школьнаго образова-нія! Учители, воспитанники прежнихъ школъ, засыпали ком-миссію просвѣщенія возраженіями противъ этой грамматики. Копчинскій писалъ опроверженія, объясненія ²⁾, въ концѣ которыхъ въ сущности выходило, что этихъ недоумѣній и возраженій не было бы, если бы учителя знакомы были съ новою философіей и съ логикою Кондильяка! Изученіе польскаго языка въ грамматикѣ Копчинскаго идетъ сравнительно съ латинскимъ, и первый служитъ цѣлю, второй пособіемъ. Такимъ образомъ латинскій языкъ не составлялъ отдѣльнаго предмета изученія. Въ наставленіяхъ (*przepisy*) учителямъ комиссія предписывала, кромѣ того, въ преподаваніи грамматики „первѣе всего заботиться объ отечественномъ языкѣ, а потомъ о латинскомъ“ и наблюдать, чтобы дѣти на лекціяхъ говорили „чистымъ польскимъ языкомъ“. „Отселѣ;—прибавляетъ наставленіе,—ученики къ школахъ будутъ говорить по-польски“ (а не „по-латыни, какъ было дотолѣ). Не меньшій, но умный и благодѣтельный переворотъ произведенъ и въ наукѣ краснорѣчія. Наставленіе учителямъ выясняетъ различіе между краснорѣчіемъ и риторикой и доказы-ваетъ, что риторика можетъ пособить, но не сдѣлать краснорѣчивымъ. „Краснорѣчіе не должно быть красносло-віемъ (*krasomówstwo*). Нужно хорошо изучить движенія, управ-ляющія человѣческимъ сердцемъ, которое нужно возбуждать, склонять, побуждать“. Наставленія особенно предостерегаютъ учителей отъ упражненія учениковъ въ диспутахъ, опуг-

¹⁾ *Emmanuelis Alvari e societate Jesu de institutione Grammatika, libri tres*. Изданій этой грамматики было много десятковъ.

²⁾ Эти объясненія Копчинскаго напечатаны у Лукашевича т. II, стр. 456—464 въ примѣчаніи.

нахъ, доказательствахъ и опроверженіяхъ данныхъ положеній и т. п. іезуитскихъ школьныхъ пріемовъ краснорѣчія. Къ сожалѣнію, учебникъ въ этомъ новомъ духѣ вышелъ только въ 1792 г.¹⁾, когда въ цѣломъ краѣ уже окончательно рушился всякій порядокъ. Учителямъ все время предоставлено было въ этой наукѣ руководствоваться частными наставленіями Квинтиллиана и Лонгина и образцами изъ Цицерона, Тита Ливія, Тацита, Фенелона и Роллена, а также— что было тоже новостью—изъ „отечественныхъ ораторовъ“. Для поэзіи также не было учебника до 1792 года. Наставленія учителямъ требовали составлять (zbiierać) свои руководства „по Аристотелю, Горацію, Виду, Боало, Дюбоа, Риппеню и Фенелону“. Требовалось сообщать ученикамъ только общія свѣдѣнія о стихосложеніи и не терять времени на занятія частными стихотворными формами, которыя въ іезуитскихъ школахъ составляли главную статью поэтическихъ упражненій. Требовалось дать понятіе прежде о польскомъ стихосложеніи, потомъ о латинскомъ и при разборѣ образцовъ указывать „сходство между Виргиліемъ и Тассомъ, между Гораціемъ и Кохановскимъ и т. д.“. Письменные упражненія, задаваемые на домъ (zadawy domowe), должны были состоять въ составленіи рассказовъ и писемъ различнаго рода. Предписывалось также заохочивать учениковъ составлять стихи, но не принуждать ихъ къ тому.

Учитель нравственности и права преподавалъ: *нравственность* (наука obyczajów), *право природы, право политическое, экономію, исторію и географію*. Всѣ эти науки

¹⁾ Это было сочиненіе самого Пирамовича: *Wymowa i poezya dla szkół narodowych pierwszy raz wydana. W Krakowie 1792 г.* 403 стр. Разсматривая его по школамъ, комиссія просвѣщенія отзывалась о немъ, какъ о „прекрасно составленномъ и во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчающемъ своему назначенію“. Учебникъ Пирамовича пользуется въ польской учебной литературѣ большою славой и, вмѣстѣ съ Грамматикою Копчинскаго, принятъ былъ въ школахъ Варшавскаго герцогства и Царства Польскаго.

вмѣстѣ, по мысли комиссіи просвѣщенія, должны были имѣть одну основу—природу чловѣка, одинъ общій предметъ—справедливость и одну цѣль—усвоить ученику основаніе и духъ естественной правды въ личныхъ поступкахъ, въ общественномъ устройствѣ, въ политикѣ и въ исторіи. Впрочеми, очевидно, должна была идти наука о естественномъ правѣ (*право naturę*). До конца этого періода комиссія не издала учебника по этому предмету, если не считать: *Nauka prawa przyrodzonego, politycznego, ekonomiki politycznej i prawa narodów* (*Наука о правѣ естественномъ и политическомъ, политическая экономія и право международное*), изданной въ 1785 году въ Вильнѣ профессоромъ главной школы Стройновскимъ, и назначенной для студентовъ, а не для учениковъ. По отрывочнымъ опредѣленіямъ этой науки въ уставѣ и въ наставленіяхъ учителямъ, трудно составить себѣ понятіе о полной системѣ этой науки въ школахъ. Въ школьныхъ рапортахъ (отчетахъ) о ходѣ преподаванія говорится объ этой наукѣ вскользя или туманно и неопредѣленно, въ формѣ разсужденія о пользѣ и значеніи этой науки, того или другого предмета въ ней и т. п., такъ что нѣтъ возможности составить себѣ программу занятій и бесѣдъ учителя съ учениками. Въ рапортѣ петроковскихъ школъ, считавшихся между лучшими царскими школами, за 1784 г., говорится объ этой наукѣ нѣсколько опредѣленнѣе, чѣмъ въ другихъ, просмотрѣнныхъ нами: „естественнымъ правомъ называется все то, что предписываетъ чловѣку внутренній инстинктъ и здравый умъ, указывая ему, что для него полезно, что вредно, дабы, повинувшись этимъ указаніямъ, онъ могъ сдѣлать себя счастливымъ. Естественное право получило свое начало отъ вѣчнаго права—самой премудрости Божіей. Изъ разсматриванія состава чловѣка и душевной дѣятельности его ясно видно, что онъ имѣетъ въ себѣ все то, что нужно для познанія естественныхъ правъ и для пользованія ими“. Эти права и правила пользованія

ими даны человеку Самимъ Богомъ. Эти права и правила, „это Божіе распоряженіе въ себѣ человекъ познаетъ посредствомъ внутренняго вдохновенія (inspiration) и тайственнаго побужденія своей воли къ добру“. Это опредѣленіе въ устахъ учителя—монаха естественно вызывало сомнѣніе въ необходимости искупленія человечества отъ первороднаго грѣха и самой откровенной религіи: О первомъ учитель умалчиваетъ (естественное право не признавало его); о второй онъ замѣчаетъ: „послику природный умъ самъ собою не могъ установить приличныхъ *обрядовъ богослуженія*, то отсюда слѣдуетъ, что естественная религія сама по себѣ не достаточна и нужна религія откровенная“. Просто и ясно Широкое поле для мечтаній учителя, широкая дорога для „природныхъ“ потребностей и симпатій ученика! На этомъ-то основаніи должна была быть построена и наука о *правдѣ*. Кроме учебника для перваго и втораго классовъ, тотъ же Поплавскій издалъ; уже въ 1787 году, учебникъ для третьяго класса: *Moralna nauka dla szkół narodowych na trzecią klasę pierwszemu raz wydana. W Krakowie 1787*.⁴⁾ Она содержитъ въ себѣ трактатъ о личныхъ поступкахъ каждаго человека, или объ общихъ отношеніяхъ къ товарищамъ (добродѣтели и пороки). Для дальнѣйшихъ классовъ вовсе не было руководства⁴⁾. По рапортамъ нужно полагать, что болѣе или менѣе общими предметами въ дальнѣйшихъ занятіяхъ этою наукою служили обязанности каждаго человека въ отношеніи къ самому себѣ и къ другимъ людямъ; о собственности, ея происхожденіи, разныхъ способахъ приобрѣтенія, о духовномъ завѣщаніи, о прозорчавъ и т. п.; объ общественности и обязанностяхъ въ отношеніи къ ней. Къ этому прибавляли иныя о христі-

⁴⁾ Пiarисты напечатали въ 1788 году для своихъ школъ французскій текстъ съ польскимъ сочиненіемъ: *La véritable politique de Qualité*. Varsovie. 1788. Эта книжка не была распространена въ другихъ училищахъ.

анскихъ добродѣтелей въ отношеніи къ самому себѣ, ближнимъ и къ Богу. Объясненія сопровождались переводами изъ латинскихъ авторовъ о разныхъ добродѣтеляхъ, причѣмъ, конечно, въ большей части школь эти переводы служили альфою и омегою нравственныхъ наставленій. Преимущественно переводили изъ Цицерона: *De officiis*, *De prudentia*, *De justicia*, *De fortitudine*, а также нравственные отрывки изъ Овидія и Виргилія. Если принять во вниманіе, что латинскій языкъ вообще поставленъ былъ въ школахъ своею матеріальною, а не формальною стороною, то приходится удивляться, какимъ образомъ реформаторы рассчитывали создать изъ учениковъ „новую породу людей“ по нравственнымъ наставленіямъ Цицерона, Овидія, Виргилія. Въ высшемъ классѣ наука нравственности сливалась съ наукою *права политическаго и экономіей*. Уставъ ограничивается только слѣдующимъ замѣчаніемъ о преподаваніи этого предмета: „Въ наукѣ права нужно быть какъ можно осмотрительнѣе, дабы всѣ начала его основаны были на правѣ естественномъ и строжайшей справедливости, и дабы молодые умы подготовлены были къ пониманію *недостатковъ въ законахъ каждой страны и способовъ усовершенствованія законодательства*“ (przygotowywać umystry młodzi do postrzegania w szczególnych ustawach każdego kraju ich niedostaki i upatrywania sposobów wydoskonalenia prawodawstwa (!). Наставленія учителю ограничиваются изложеніемъ значенія этой науки и направленія въ преподаваніи ея. Они придаютъ главную силу общимъ разсужденіямъ о достоинствѣ такой или иной политики, доказательствамъ, что „всѣ почти неурядицы, заблужденія, анархія происходятъ отъ *незнанія* своихъ правъ и обязанностей“, что „ничего нѣтъ проще и легче политики правды“ и т. п. Учитель обязывается всячески и ежеминутно оберегать эту *политику правды*, основанную на правѣ естественномъ, подвергая съ учениками критикѣ всѣ политическія событія въ краѣ. „Такъ,—поясняетъ наставленіе,—когда

появится новое постановление; учитель будетъ разбирать его на основаніи правилъ (политики. правды); когда онъ услышитъ о какой-либо несправедливости, покажетъ, откуда она произошла и какъ вредна для всѣхъ; когда случится говорить о какомъ-либо правительствѣ, долженъ показать, въ чемъ оно не согласуется съ счастьемъ народа“ и т. п. Изъ этихъ наставленій можно видѣть, что главными пунктами ея были: понятіе объ управленіи въ государствѣ, назначеніе правительства, обязанности его (на основаніи естественнаго права)—обеспеченность собственности и правъ каждаго гражданина, счастье всѣхъ и каждаго, обязанности гражданъ—исполненіе законовъ (praw), уплата податей и т. п. Усердіе, способности и благоразуміе учителя должны были составить по этимъ указаніямъ вѣанъ цѣлой науки. Въ лучшихъ школахъ показывается пособіемъ для учителя по этому предмету: *Essais sur divers sujets interressants de politique*—Ваттера. Въ нѣкоторыхъ школахъ находимъ, волеждъ за трактатами о взаимныхъ обязанностяхъ правительства и гражданъ, трактатъ о политикѣ международной, который состоялъ изъ чтенія и разбора договоровъ, начиная съ вестфальскаго и оканчивая версальскимъ (или и далѣе). Затѣмъ знакомили учениковъ съ организаціей Рѣчи Посполитой польской (король, сенатъ, шляхта, сеймы, финансы, войско и т. п.), по книгѣ пиариста Скшетульского: *O samowładności rzędi w narodzie polskim* (1785 г.).—Наука *экономіи* должна была повнакомить учениковъ съ обязанностями чело-вѣка въ отношеніи къ дому и хозяйству (*powinności człowieka w rządzie domowym, gospodarskim*). Въ наставленіи учителю эта наука представляется благодѣтельною для края, въ которомъ хозяйство находилось въ первобытномъ состояніи, шляхта тратила свои средства на разгульную жизнь, ремесла и производства были въ младенчествѣ отъ пренебреженія къ нимъ въ шляхетскомъ сословіи. Но учителю не дана даже общая программа этой науки, и только внушалось

„тѣмъ временемъ собирать, что найдетъ лучшаго по этому предмету для нашего края“, да рекомендовалось водить учениковъ къ ремесленникамъ для ознакомленія ихъ съ разными орудіями, ихъ назначеніемъ, способомъ производства и т. п.,—въ лавки, гдѣ продается одежда, разные посуда, мебель и т. п.,—на базары для ознакомленія съ цѣнами на зерновой хлѣбъ, причинами повышенія и паденія цѣмъ на него и т. п. Преподаваніе исторіи и соединенной съ нею географіи требовалось соединять съ чтеніемъ источниковъ. Всеобщая исторія означивалась паденіемъ западной Римской имперіи. Польская исторія преподаваема была по книгамъ: *Widak królestwa polskiego*—Бѣлинскаго, а потомъ по *Historyi xiąząt i królów polskich*—Ваги. Лучшіе учителя у шаровъ сначала читали съ учениками летопись Кромера, потомъ *Historya narodu polskiego*—Нарушевича (начинается введеніемъ христіанства въ Польшу, означивается домомъ Пястовъ) и затѣмъ переходили къ учебнику Ксендва Ваги.—Главную цѣль исторіи наставленія; (przerisy) составляютъ „обученіе добродѣтелямъ и нравственности“.

Учитель физики также соединилъ въ своихъ рукахъ нѣсколько наукъ, каковы: *огородничество, земледѣліе, наука о сохраненіи здоровья, естественная исторія, физика, зоомія* и, наконецъ, *исторія искусства и ремесла*, особенно въ строительномъ искусствѣ. Эти науки шли въ такомъ порядкѣ: въ III классѣ преподавалось *огородничество*, при чемъ читаемы и переводимы были отрывки о томъ же предметѣ изъ латинскихъ авторовъ. Въ IV классѣ проходили *земледѣліе* съ такими же статьями изъ латинскихъ авторовъ. Обѣ эти науки должны были служить „введеніемъ въ физику“. Въ V классѣ (двухгодичномъ) дождя была: *физика, минералогія, ботаника* и наука о *сохраненіи здоровья*. Первая, вторая и четвертая также сопровождалась чтеніемъ латинскихъ авторовъ. Требовалось также ознакомить учениковъ съ зоологіей, но только желающихъ. Въ VI классѣ оканчи-

валась *физика*, и проходила химія и *исторія искусствъ и ремеселъ*. Последняя требовала отъ учениковъ письменныхъ упражненій (разказовъ, писемъ и даже разсужденій) „о болѣе любопытныхъ предметахъ“. При совершенномъ недостаткѣ учебниковъ и программъ (кромѣ зоологiи, изд. въ 1789 г., ботаники, изд. въ 1785 г., и физики, о которыхъ см. у Лукашевича т. II, стр. 454 и 455), уставъ не преминулъ указать и для этихъ предметовъ статьи (*wypisy*) изъ римскихъ авторовъ, которыя учителя съ учениками должны были переводить на лекціяхъ, въ особенности изъ Плинія. Изъ искусствъ преимущественное вниманіе обращалось на постройки, и подъ громкимъ именемъ архитектуры сообщались свѣдѣнія объ общихъ требованіяхъ постройки жилищъ, сараевъ и т. п. Относительно ремеслъ, учитель долженъ былъ прибѣгать къ тому же способу обученія, какой рекомендованъ учителю права по части экономіи, именно — посѣщенію съ учениками мастерскихъ, базаровъ и т. п. Что касается физики, то наставленіе учителю, въ ожиданіи выхода задуманнаго комиссіей учебника (Губе, директоръ варшавскаго кадетскаго корпуса вызванъ составить ее, но медлил и едва мадакъ первую часть ея въ 1792 году), даетъ такой совѣтъ: „чтобы восполнить недостатокъ содержанія физики (*brak w materjachъ fizycznych*), учитель поставитъ для себя правиломъ — сообщать ученикамъ то, что болѣе полезнаго открыли въ природѣ *великіе философы* (*wielcy filozofowie*)“ (!), и какъ во всѣхъ наукахъ естественныхъ, такъ въ частности и въ физикѣ совѣтуетъ учителю не входить въ то, что мало извѣстно ему, и останавливаться только на свѣдѣніяхъ ему извѣстныхъ, обращая вниманіе учениковъ на практическую пользу этихъ свѣдѣній и „тѣмъ самымъ дѣлая эту науку полезнаю“.

Учитель математики преподавалъ: въ III и IV кл, *геометрію*, въ IV и V *алгебру*, въ VI *тригонометрію* и *логику*. Преподаваніе геометріи требовалось примѣнять къ

практическимъ цѣлямъ; для чего ходить съ учениками за городъ для измѣреній. Въ преподаваніи логики, по мнѣнію наставленія учителямъ, „не много потребуется времени на изложеніе основныхъ правилъ, но приложеніе этихъ правилъ должно быть постоянное, въ каждомъ практическомъ случаѣ“. Направленіе этой науки достаточно опредѣляется руководствомъ, которое рекомендуетъ для нея уставъ,—логикой Кондильяка, хотя она не была переведена на польскій языкъ до 1802 года. Учители пользовались ею преимущественно въ обработкѣ, сдѣланной піаристомъ Казиміромъ Нарбутомъ и напечатанной въ первый разъ въ 1766 г. (*Loika—Kaz. Narbuta*).

Языки французскій и нѣмецкій были обязательными. Греческій языкъ, конечно, не былъ положенъ ни обязательнымъ, ни необязательнымъ.

Наконецъ, *религія*, которой долженъ былъ обучать *проповѣдникъ* (*kaznodzieja*). Соответственно новымъ идеямъ, она перемѣщалась съ классной кафедры на церковную. То, что приписывалось въ то время праву природы; конечно, дѣлало излишнимъ обученіе религіи откровенной, потому что нельзя же было вводить ее въ кругъ учебныхъ предметовъ ради однихъ обрядовъ, для которыхъ она появилась, по словамъ петроковскаго учителя піариста, выражавшего общее убѣжденіе реформаторовъ. Только признаніе первороднаго грѣха и догмата объ искупленіи ведетъ за собою цѣлую систему истинъ, не похожихъ на естественныя свѣдѣнія и требующихъ изученія. Одна религіозная мораль, на которую сведено было тогда христіанство (сколько и теперь къ тому попытокъ подъ видомъ благочестія и добродѣтели!), достаточно могла быть внушена богослуженіемъ и проповѣдію.— Въ польскихъ школахъ разсматриваемаго времени классное обученіе религіи полагалось только для I и II классовъ. Оно производилось въ праздничные и воскресные дни предъ литургіей по получасу и ограничивалось обученіемъ: символу

вѣры, молитвѣ Господней, ангельскому поздравленію Богоматери, десяти заповѣдямъ, заповѣдямъ церковнымъ и таинствамъ. Послѣ обѣда въ тѣ же дни ученики слушали чтеніе изъ священной исторіи. Вотъ и все обученіе! За то всѣ ученики должны были ежедневно въ 7 часовъ утра собираться въ костелъ на литургію и каждый мѣсяцъ исповѣдываться!

Вотъ курсъ, которому предназначено было обновить молодя поколѣнія Польши и возродить польское государство къ новой жизни. Это курсъ, выражаясь изыкомъ нашего времени, реальный. Существенное отличіе его отъ современнаго намъ реализма заключается въ господствѣ идеи надъ фактомъ, отвлеченной теоріи надъ явленіемъ. Въ основѣ этой системы лежитъ, проходя по всему строю ея, не индукція—основное орудіе естественныхъ наукъ, но тотъ же старшій, такъ злоупотребляемый іезуитами силлогизмъ, дедукція. Это система идей о природѣ, полученныхъ путемъ умозрѣнія и имѣющихъ слишкомъ отдаленныя и поверхностныя отношенія къ дѣйствительной природѣ. Сенсуализмъ на христіанской почвѣ превратился въ натурализмъ, вселившій Бога въ природу и поклонявшійся ей,—поэтический, мечтательный, обнаружившій много прѣкрасныхъ, благородныхъ порывовъ, но еще больше горькихъ заблужденій (мистическія секты). Живая, пылкая натура поляковъ, съ своею традиціонною порывистою преданностью религіи, въ виду своей воли шляхты, составлявшей главную опору общественной и государственной жизни, въ виду извращенія религіи іезуитами, обратившими ее въ роскошную декорацію и подавшими руку шляхетской раснущенности,—эта натура, чувствуя, какъ шатается и быстро уходитъ подъ ногами ея традиціонная почва, легко увлеклась ученіемъ, которое было въ то время едва ли не самымъ искреннимъ и чистымъ въ своихъ стре-

мленіяхъ и задачахъ и обѣщало сохранить самое дорогое достоинствіе ея—государство и религію¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что реформаторы польской школы, рѣшаясь замѣнить всѣ существовавшія дотолѣ системы образованія одною и сдѣлать ее обязательною для всѣхъ, исключительною, открывая первый примѣръ въ Европѣ государственной школы, должны были вѣснить всю важность своей задачи и послѣдствія ея. Нужно отдать имъ справедливость: они старались сдѣлать свой курсъ гораздо болѣе серьезнымъ, чѣмъ тѣ легкомысленныя системы обновленія челаѣчества, которыя быстро распространились тогда въ Германіи. Но тѣмъ не менѣе голоса, въ родѣ голоса Адольфа Каменскаго и Бѣлинскаго (см. выше въ примѣчаніи), вниманіе къ смыслу оппозиціи, въ рядахъ которой могли быть и люди серьезные, показавшіе свои заслуги въ наукѣ, какъ, на примѣръ, ректоръ виленскаго университета Почобуть²⁾, могли бы вывести польскихъ реформаторовъ на болѣе прямую дорогу. Извращеніе іезуитами классическаго міра было глубоко; нравственные результаты школьной системы ихъ были весьма печальны; эти результаты сильно вліяли на весь гражданскій бытъ, и всѣ католическія государства соединились въ требованіи уничтоженія іезуитскаго ордена. Если и въ наше время, сто лѣтъ спустя послѣ этого событія, многіе мучатся призракомъ іезуитизма при одномъ имени классицизма, то что же было въ цѣлой Европѣ тотчасъ послѣ прекращенія двухвѣковаго плѣна у іезуитовъ? Что было въ Польшѣ въ тотъ историческій мо-

¹⁾ Въ Польшѣ никогда не прививалась философія, и не было самостоятельныхъ философскихъ системъ. Приведенные длиннымъ ходомъ событій въ эту философскую сферу, поляки остались въ ней надолго. Попытки самостоятельной философіи оказались только результатами и развѣтвленіями этой сферы (Товіанскій).

²⁾ По свидѣтельству Колонтая (Лукаш. т. II, стр. 264 въ примѣчаніи), Почобуть, оставаясь ректоромъ до конца этого періода, никогда не сочувствовалъ реформѣ и никогда не исполнялъ ея всецѣло.

ментъ, когда предъ нею, съ одной стороны, раскрылась бездна, въ которую толкали ее иезуиты, какъ увѣрены были тогда всѣ благомыслящіе люди ея, съ другой стороны быстро очистилось поле, занимаемое этимъ чернымъ воинствомъ? Овѣжія тяжкія раны страны требовали быстрой помощи, изъ Европы прѣтивали идеи, обѣщавшія не только быстрое излѣченіе, но и полное обновленіе государства въ слѣдующемъ же поколѣніи. Пылкая натура не выдержала: стыдъ предъ потомками, стыдъ предъ Европою, опасность окончательной гибели порѣшили дѣло, основа и направленіе школьной реформы принята быстро, порывисто. Въ роковой моментъ поляки поторопились....

Послѣдствіемъ торопливости были внутреннія противорѣчія новой учебной системы, которыя должны были дать послѣдствія, противоположныя возбужденнымъ ею надеждамъ.

Стараясь поставить свою систему возможно серьезнѣе, реформаторы ввели въ нее цѣлую фалангу предметовъ. Даже при наилучшихъ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ эта многопредметность могла скорѣе подавить и ослабить, нежели оживить и развить молодые умы и дать имъ желанный реформою просторъ. Отъ этихъ многообразныхъ свѣдѣній получается просторъ скорѣе для воображенія и чувства, чѣмъ молодого ума. При недостаткѣ системы и основательности, возбужденіе молодыхъ умовъ ведетъ къ претензіямъ на знанія и всестороннія свѣдѣнія, что далеко болѣе приноситъ вреда, чѣмъ пользы обществу и государству.

Въ дѣйствительности этотъ вредъ долженъ былъ простирается далеко. Не говоря о крайнемъ обремененіи учителей многочисленными предметами, которое могло подавлять даже наилучшихъ изъ нихъ, учителя, которыми располагала новая школа, и учебныя средства ея были почти противоположны успѣху реформы. За весьма рѣдкими исключеніями, которыя достигались путешествіемъ за границу, новыя школы

наполнены были старыми учителями. Благая рѣшимость открыть учительскія семинаріи могла быть исполнена только въ 1786 году. Открыты были учительскія семинаріи при университетахъ: краковскомъ на 16 воспитанниковъ, виленскомъ на 8 воспитанниковъ. Но до конца рассматриваемаго періода семинаристы отличались отъ студентовъ только тѣмъ, что получали на свое содержаніе учительскія стипендіи: посѣщая избранные ими факультеты наряду со всѣми студентами, они не слушали ни педагогики, ни методики, не было даже школы для практики ихъ. Дѣятельность Поплавскаго, какъ руководителя краковскихъ стипендіатовъ, ограничена была только наблюденіемъ за квартирою и общимъ столомъ ихъ и за исправностью факультетскихъ ихъ занятій. Піаристы, имѣвшіе свою, хотя и скромную, учительскую семинарію, выславъ въ Краковъ и Вильно своихъ кандидатовъ, скоро возвратили ихъ туда и предпочли продолжать образованіе ихъ въ собственной семинаріи и за границей¹⁾. Проектированный для семинаріи трехлѣтній курсъ на дѣлѣ замѣненъ былъ такимъ образомъ четырехлѣтнимъ, факультетскимъ, и первые учителя, „спеціально“ приготовленные къ своей службѣ, стали появляться въ школахъ только съ 1790 года, когда по цѣлому краю начинался уже послѣдній беспорядокъ. Въ теченіи всего этого періода только въ піарскихъ школахъ и въ нѣсколькихъ другихъ, благодѣтельствованныхъ мѣстнымъ покровительствомъ (напримѣръ краковская, виленская, кременецкая), собирались „академики“, любившіе свой кружокъ и ненавидѣвшіе старыхъ учителей. Въ остальныхъ школахъ преобладали или исключительно учили старые пробости и заматорѣлые на Альварѣ іезуиты. Всего типичнѣе выступала эта система въ школахъ базилианскихъ, продолжавшихъ пользоваться учителями изъ *студій* и *новіціатовъ*. Въ 1782 г., т. е. спустя годъ послѣ разсылки во все школы проекта но-

¹⁾ Дувашевичъ т. II, стр. 268, въ примѣчаніи.

ваго устава съ предписаніемъ точно сообразоваться съ изложеннымъ въ немъ курсомъ ученія и расписаніемъ учебныхъ предметовъ, визитаторъ школъ, участникъ реформы, ксендзь Головчиць такъ отзывается объ уманскихъ базилианахъ: „на собраніяхъ всего болѣе я занимался съ ними (ректоръ, префектъ, учителя) чтеніемъ уставовъ комиссіи. Цѣлый уже годъ лежать у нихъ эти уставы, а они доселѣ не знаютъ, что въ нихъ написано. Я долженъ былъ употребить при этомъ и убѣжденія, и угрозы“¹⁾. Визитаторы въ теченіи всего этого періода, тщательно описывая всѣ стороны школьнаго быта, о преподаваніи отзываются неопредѣленно и уклончиво: „исполняется по уставу комиссіи“, на лекціяхъ ученики „отвѣчали (porisywali się) хорошо“—общія всѣмъ визитаторскимъ рапортамъ выраженія.

Что касается учебныхъ пособій, которыхъ такую массу предполагаетъ эта многочисленность естественныхъ предметовъ, то, кромѣ учебниковъ, появившихся уже къ концу этого періода, мы не видимъ въ школахъ почти ничего, исключая самыхъ простыхъ геометрическихъ приспособленій для измѣреній полей и въ нѣкоторыхъ съ десятокъ инструментовъ для математики, физики и химіи. Не она скудость матеріальныхъ средствъ препятствовала комиссіи снабжать школы пособиями. „Нѣсколько сотъ тысячъ,—говоритъ Снядепкій²⁾,—бросается (комиссіей) на фабрики; стыдно жалѣть нѣсколькихъ тысячъ на инструменты, существенныя необходимыя для преподаванія“. Если такъ было съ университетами, то, понятно, что было со школами. Обыкновенно пріемъ занятій во всѣхъ, даже лучшихъ, школахъ было чтеніе и объясненіе учебника, потому заучиваніе его. При недостаткѣ учебника, болѣе способный и образованный учитель бралъ въ руки ино-

¹⁾ *Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce*. Краковъ. 1877 годъ, т. I. стр. 49.

²⁾ *Listy J. Śniadeckiego*, стр. 34.

странное пособіе, переводилъ ученикамъ выбранныя отрывки, тѣ записывали ихъ и заучивали. Наибольше общимъ въ этомъ случаѣ было чтеніе классическихъ писателей, отрывки изъ которыхъ и цѣлыя трактаты ученики заучивали то въ латинскомъ подлинникѣ, то въ польскомъ переводѣ, который дѣлали въ классѣ. Настойчивое указаніе наставленія учителямъ, дабы отнюдь не требовать отъ учениковъ заучиванія на память того, чего они не поняли, очевидно понято было учителями своеобразно: про заучиваніе сплошь и рядомъ говорится въ школьныхъ рапортахъ.

Не можетъ также не поражать это рѣшительное отрицаніе образовательнаго значенія классическихъ писателей и вмѣстѣ съ тѣмъ обращеніе къ нимъ за свѣдѣніями естественными и поученіями нравственными,—эта ботаника и минералогія по Плинію, это земледѣліе и огородничество по Овидію и Горацию, хотя бы и Катону,—эта мораль, долженствовавшая возродить общество и государство, по римскимъ стоикамъ и эпикурейцамъ! Если бы даже это была временная уступка старымъ учителямъ, не владѣвшимъ живыми языками, но хорошо владѣвшимъ латинскимъ языкомъ, или неизбежная дань шляхтѣ, въ огромномъ большинствѣ скупавшей за иезуитами и враждовавшей противъ новой школы, на половину мирившейся съ нею на Вергилія, Горация, Цицерона и т. п., то и тогда оставалось бы отложить надежды на „обновленіе“....

Но чѣмъ ближе къ основаніямъ учебнаго курса, тѣмъ глубже противурѣчія его съ главною его задачею. Что могло принести Подлинъ право природы и основанная на немъ добродѣтель? Ничего больше, кромѣ тѣхъ же, только на новый ладъ, произвола и распушенности, противъ которыхъ она направлена была. Ученіе объ инстинктахъ, какъ откровеніи божества въ природѣ человѣка, о здоровомъ смыслѣ, какъ сознаніи этихъ инстинктовъ, о долѣтельности ихъ для счастья

человѣка—въ своемъ конечномъ результатѣ имѣть только грубое развитіе своего я, самопоклоненіе, упругія эгоистическія отношенія, которыя только разрушаютъ и общественность, и государственность, а не укрѣпляютъ ихъ. Съ этимъ самомигніемъ, такъ легко воспламеняющимся, 14—16-лѣтній юноша принимается трактовать о „политикѣ правды“, подвергать критикѣ, по указаніямъ этой политики правды, всѣ законы своей страны, всѣ распоряженія своего правительства, всѣ общественныя явленія, высказывая свои мнѣнія въ классѣ точно на сеймѣ, ищетъ „неправды“ въ законодательствахъ другихъ государствъ, строитъ идеальное польскаго государства и т. д., съ полнымъ убѣжденіемъ, по внушенію самой коммисіи проовѣщенія, что нѣтъ ничего проще и легче „политики правды“!...

Далѣе, эта система прямо противурѣчила тому пылкому патриотизму, который возбудилъ ее для своего блага. Нельзя дѣйствительно не сочувствовать всею душею той глубокой печали, которою поразились лучшие люди Польши, при взглядѣ на ея внутреннія болѣзни и раны. Нельзя не отдать долгаго уваженія этимъ благороднымъ заботамъ объ исправленіи мѣстнаго зла. Но что же давала новая школа, эта политика правды, основанной на правѣ природы, эта естественная нравственность съ общими добродѣтелями? Она давала, такъ сказать, общечеловѣковъ, всемірныхъ гражданъ, съ пренебреженіемъ относившихся ко всему національному, самобытному, имѣющему право на уваженіе со стороны другихъ народовъ. На этихъ началахъ, идеальное отечество долженъ былъ складываться не по отвлеченнымъ стремленіямъ, слишкомъ удаленнымъ отъ всего того, чѣмъ дѣйствительно болѣла и чѣмъ дѣйствительно могла бы оздоровѣть страна. Чѣмъ глубже и сильнѣе укрѣпляются такіе идеалы, тѣмъ тяжелѣе для страны послѣдствія ихъ. Польскіе школьные реформаторы такъ и поступили; они съ особенною заботою, съ большею

чѣмъ къ подробностямъ учебной программы, отнеслись къ воспитанію учениковъ въ духѣ и направленіи этой системы.

Послѣдуемъ и мы за ними и рассмотримъ эту воспитательную систему.

Идеи, управлявшія стремленіями и надеждами на скорое обновленіе человѣчества, не согласовались ни съ данными, которыми располагала наука, ни съ научными методами. Поэтому наука не входила въ систему образованія, опиравшаяся на эти идеи, какъ главное орудіе его, и должна была играть въ ней роль второстепенную. Развитіе умственныхъ силъ поставлено въ зависимость отъ простора и оживленія инстинктовъ природы, а потому средоточіемъ этой системы было воспитаніе. Наука должна была только возбуждать инстинкты природы и приводить ихъ въ сознаніе; воспитаніе должно было оживить ихъ, укрѣпить, дать имъ единство и направленіе дѣятельности. Наука казалась простою и легкою, воспитаніе считалось дѣломъ труднымъ, требующимъ большихъ усилій. Эти основанія разъясняютъ намъ недоразумѣнія между комиссіею просвѣщенія и главными школами, которыя и своимъ положеніемъ, и своими традиціями, и примѣромъ Европы тяготѣли къ наукѣ. Эти недоразумѣнія достаточно опредѣлились въ отношеніяхъ между краковскою академіею и *эдукаціонною дирекціей* Варшавскаго герцогства, поставившей для себя овященною задачею слѣдовать во всемъ примѣру своей предшественницы, комиссіи просвѣщенія, но болѣе энергически¹⁾.

Въ противоположность другимъ, умножавшимся тогда въ Европѣ, школьнымъ системамъ, польскіе школьные рефор-

¹⁾ Предсѣдателемъ *эдукаціонной дирекціи* былъ родной братъ Игнатія Потоцкаго Станиславъ Потоцкій, имѣвшій домашнимъ своимъ учителемъ того же Пирамовича. Станиславъ Потоцкій былъ женатъ на дочери Адама Чарторижскаго, одного изъ ревностныхъ поборниковъ реформъ во время раздѣловъ. Ему наиболѣе обязаны своими успѣхами школы Варшавскаго герцогства и Царства Польскаго до 1821 года.

маторы не только не обрѣзывали учебнаго курса до минимума, но напротивъ старались включить въ него возможно большее число наукъ, признанныхъ новыми идеями. Это множество наукъ, не пугало ихъ, потому что не могло обременять учениковъ; назначеніемъ ихъ было захватить возможно большій кругъ инстинктовъ, чтобы подвергнуть ихъ оживленію и все сосредоточить въ одномъ направленіи, приготовить для одной цѣли, которою было польское государство.

При такомъ значеніи воспитанія, понятно, что комиссія просвѣщенія, не слишкомъ торопясь подробнымъ изложеніемъ учебныхъ программъ и изданіемъ учебниковъ, употребить все усилія для развитія и точнаго исполненія воспитательной системы. Къ этому главнымъ образомъ направляемы были все средства, которыми располагала школа.

Въ этомъ отношеніи новыя идеи далеко опередили свой вѣкъ и во многомъ могли бы служить поученіемъ и для нашего времени. Что сдѣлали для законодательства идеи Монтескье и Беккари, то самое сдѣлали для воспитанія тогдашнія воспитательныя системы. Въ частныхъ, отдѣльныхъ ихъ положеніяхъ много глубокихъ поученій, прекрасныхъ правилъ, которыя слѣдовало бы почаще напоминать нынѣшнимъ воспитателямъ; въ общемъ ихъ духъ высокая человѣчность, но вмѣстѣ съ тѣмъ идеализація, возбуждающая порывистость и страстность, при этомъ непремѣнное условіе — быстрое практическое исполненіе, влекущее за собою нравственную драпировку, новое фарисейство. Воспитательная система польскихъ школьныхъ реформаторовъ заключаетъ въ себѣ все показанныя достоинства, но и все приведенные недостатки новаго воспитанія. Она прибавляетъ къ нимъ чрезвычайную тщательность и заботливость о всестороннемъ бытѣ учителей и учениковъ, о развитіи въ особенности чувства чести и достоинства и, въ противоположность прорывавшимся тогда коммунистическимъ попыткамъ, уваженія къ собственности, но отличается отъ нихъ нагроможденіемъ наблюдательныхъ

порядковъ и крайнѣ себялюбивыми практическими приложеніями. „Всемирные граждане“, создаваемые новымъ воспитаніемъ на западѣ; стремились ко всемірному благу; тѣ же граждане, вырастающіе на польской школьной системѣ, обязаны были заботиться только о Польшѣ. Думалось, что легко втиснуть всемірнаго гражданина въ тѣсныя рамки Польши, — что легко разомъ поднять тогдашнюю Польшу на точку міровыхъ государственныхъ идеаловъ. Реформаторы не щадили къ тому никакихъ мѣръ и потому часто хватали черезъ край или удалялись въ сторону. Отсюда внутреннія противорѣчія въ воспитательной системѣ и ея неосостоятельность. Остановимся на болѣе характеристическихъ чертахъ этой воспитательной системы.

Прежде всего, школы подвержены были строгому контролю. Проректоръ подокружной школы обязанъ былъ въ теченіе каждаго учебнаго года посѣтить находящіяся въ районѣ этой школы элементарныя училища. Ректоръ окружной школы долженъ былъ осмотрѣть всѣ подокружныя школы, а также и элементарныя, находящіяся въ округѣ его, въ теченіе октября и ноября. Визитаторъ академической обязанъ былъ осмострѣть всѣ окружныя, подокружныя и по возможности элементарныя школы, составляющія округъ главной школы. Независимо отъ сего, комиссія просвѣщенія назначала особыхъ визитаторовъ изъ среды своихъ членовъ и членовъ общества для изданія учебниковъ, которымъ поручала осмотръ нѣсколькихъ округовъ. Члены комиссіи имѣли право во всякое время, по собственному усмотрѣнію, осматривать каждую школу. Ревнителямъ и патронамъ просвѣщенія всегда открыты были школьныя двери. Наконецъ, вся публика разъ въ году приглашаема была въ школу, на *публичный экзаменъ*, при чемъ она пользовалась правомъ осмотра всей школы и ея дѣятельности, правомъ запросовъ, рѣчей, похвалъ, порицаній.

Въ каждой школѣ система наблюденія развита была до крайности. Можно сказать, что всё находились на каждомъ шагу подъ наблюденіемъ всѣхъ. Ректоръ былъ главою школы; свободный отъ уроковъ, онъ обязанъ былъ преимущественно наблюдать надъ исполненіемъ всѣми своихъ обязанностей. Префектъ, также свободный отъ уроковъ, долженъ былъ неотступно слѣдить за всѣмъ во время уроковъ, часто посѣщать классы для наблюденія, исполняютъ ли учителя свои обязанности по уставу, каждый мѣсяцъ съ ректоромъ производить экзамены. Въ свою очередь, учителя обязаны были наблюденіемъ надъ ректоромъ или проректоромъ. Въ случаѣ уклоненія отъ своихъ обязанностей того или другого, старшій лѣтами службы учитель напоминаетъ ему объ этомъ. Когда личныя напоминанія не дѣйствуютъ, учитель дѣлаетъ виновному предостереженіе въ собраніи всѣхъ учителей. Если и засимъ ректоръ будетъ не исправенъ, старшій учитель передаетъ его суду совѣта учителей, опредѣленія котораго посылаютъ ректору главной школы. Ближайшее наблюденіе надъ учениками, кромѣ ректора, префекта и учителей, имѣютъ въ классѣ—*декуріоны*, въ квартирахъ—*директоры*, тѣ и другіе избираемые изъ лучшихъ учениковъ. Директоръ, имѣя въ своемъ вѣдѣніи учениковъ разныхъ классовъ, имѣетъ право относиться къ учителю по дѣламъ уроковъ; въ случаѣ несогласія съ учителемъ, жалуется префекту и ректору, а при обидѣ со стороны этихъ послѣднихъ имѣетъ право жалобы на нихъ въ комиссію просвѣщенія.

Эта система взаимныхъ наблюденій, произведенная особенною заботливостью комиссіи просвѣщенія объ охранѣ дорогаго для нея дѣла, проникнута въ уставѣ добрыми намѣреніями единодушія, общей любви къ благу школы и общей заботы о немъ. Но сами служащіе были воспитанниками прежней воспитательной системы, на которую іезуиты имѣли большое вліяніе. Въ результатѣ добрыхъ намѣреній оказались частыя ссоры въ учебномъ составѣ, шпіонство, доносы,

судебныя разбирательства и т. под. Въ этомъ отношеніи польская почва оказалась наиболѣе неблагопріятною для новыхъ идей.

Комиссія просвѣщенія, поспѣшно замѣщая учительскія должности лицами прежняго строя, хорошо понимала несоотвѣтствіе ихъ съ новымъ духомъ и задачами школы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко вѣруя въ силу новыхъ идей, она надѣялась на скорое перерожденіе учительскаго состава, когда онъ сполна будетъ введенъ въ духъ этихъ идей. „Всѣ почти несправедливости, заблужденія и неурядицы происходятъ отъ *незнанія* каждымъ своихъ правъ и обязанностей“, говорится въ наставленіи учителю права и нравственности. Поэтому комиссія озаботилась подробнымъ изложеніемъ учительскихъ правъ и обязанностей. Эти права и обязанности изложены въ уставѣ и въ особой инструкціи. Какихъ послѣдствій ожидала комиссія просвѣщенія отъ своихъ правилъ и наставленій, это видно изъ рѣчи Пирамовича въ публичномъ собраніи 7 марта 1781 года, по случаю изданія проекта устава и наставленій, когда еще далеко было до учрежденія учительскихъ семинарій и до выпуска студентовъ главныхъ школъ, въ которыхъ преобразованія начаты съ 1780 года. Устраняя типъ прежняго учителя, Пирамовичъ мечтаетъ, что учитель, котораго приготовляетъ комиссія („którego kształcimy“), будетъ совершенною противоположностью ему. „Нашъ учитель,—это почтенный и просвѣщенный гражданинъ. Поставленный образованіемъ на высшую точку, онъ смотритъ на отечество, какъ на общую мать, которая, поручивъ ему для образованія своихъ дѣтей, получаетъ отъ него добрыхъ и полезныхъ сыновей. Все, что составляетъ личное счастье человѣка: честь, добрая жизнь, здравый умъ, домашній порядокъ, любовь, пріязнь и почтеніе къ другимъ,—все, что составляетъ общественное благополучіе: равная ко всѣмъ и самая точная справедливость, защита края, достоинства гражданина, крѣпость убѣжденій, самое святое

уваженіе къ чужой собственности, — все это онъ ставитъ цѣлю своего призванія и своей службы. На физическія и нравственныя ауки, о преподаваніи которыхъ онъ получилъ отъ вышней власти полную инструкцію, онъ омотритъ не иначе, какъ на средства къ тому, чтобы просвѣщенный и честный гражданинъ зналъ, какъ онъ долженъ поступать въ домашнемъ и гражданскомъ быту. Зная, что свойства его вліяютъ на душу ученика, онъ употребитъ все усилія къ тому, чтобы самому прежде стать такимъ, какимъ хочетъ его видѣть. Онъ мыслитъ, говоритъ и поступаетъ такъ, чтобы его вліяніе на умъ и сердце молодого питомца охраняло его отъ порчи и соблазна свѣта, отъ заразы заблужденій и подлости; отъ безпечности и пустой траты лѣтъ“.

Чтобы удобнѣе достигнуть этого идеала, комиссія просвѣщенія обратила учительскій кругъ въ особое сословіе въ государствѣ (*stan akademicki*), всецѣло посвященное своему призванію, на подобіе католическихъ орденовъ. Поступающій на учебную службу долженъ былъ отказаться отъ всякихъ другихъ занятій и носить особый костюмъ (*zikkia akademicka*, на подобіе костюма ксендзовъ). Все учителя непременно должны были жить въ зданіи школы (бесплатно), имѣть общій столъ (женатымъ дозволялось имѣть отдѣльный столъ, но жить они должны были въ томъ же зданіи) и общую кассу: на пищу, прислугу, свѣчи и больницу. Касса хранилась у ректора; расходы производились по постановленіямъ совѣта *провизоромъ*, избираемымъ совѣтомъ изъ среды своихъ членовъ на полгода. Въ кассу положено было вычитать изъ жалованья каждаго учителя по 650 злотыхъ въ годъ. Это сословіе имѣло свой отдѣльный судъ, все дѣйствія котораго покрыты были строгой тайной. Привлеченіе къ суду учителей производилъ ректоръ или проректоръ; послѣднихъ, а также и префекта подвергалъ суду, какъ мы уже сказали, старшій лѣтами службы учитель. Предварительно долженъ

быть три раза прочитанъ въ собраніи всѣхъ служащихъ, исключая обвиняемаго, обвинительный актъ, составленный лицомъ, привлекающимъ къ суду. Затѣмъ приглашали обвиняемаго, которому ставились вопросы пункты, и предоставлялось защищать себя. По окончаніи разбирательства, обвиняемый удалялся, и присутствующіе подавали голоса письменно, на особыхъ карточкахъ, безъ подписи своей фамиліи, но обвинитель не имѣлъ при этомъ права голоса. Большинствомъ голосовъ опредѣлялось наказаніе виновному. Немедленному исполненію надъ виновнымъ подвергались приговоры: запрещеніе выхода изъ школьнаго дома или изъ квартиры въ теченіе положеннаго срока, лишеніе права голоса въ совѣтъ на одинъ годъ (это послѣднее наказаніе неизбежно было для того, кто выдавалъ секретъ судебныхъ засѣданій), денежные штрафы за манкировку, именно: за выѣздъ безъ позволенія главной школы больше чѣмъ на шесть дней ректоръ платилъ дневное свое жалованье; проректоръ тоже платилъ за отъѣздъ больше чѣмъ на четыре дня; проректоръ и префектъ за небытность на экзаменѣ платили половину дневного жалованья; учитель, опоздавшій на урокъ на полчаса, платилъ полудневный окладъ, а на часъ—дневной. Эти штрафы распредѣлялись между тѣми изъ служащихъ, которые не были замѣчены въ манкировкѣ. Дальнѣйшія наказанія исполнялись только послѣ утвержденія протокола суда ректоромъ или совѣтомъ главной школы. Это были: лишеніе прибавки къ жалованью, лишеніе жалованья на срокъ (кромѣ части, поступающей въ кассу), лишеніе права голоса въ совѣтъ на три года и болѣе, временное устраниеніе отъ должности и совершенное увольненіе изъ учебнаго званія.

Учебная служба по времени исполнѣ была обезпечена. Ректоръ получалъ 1,800 золотыхъ, учителя по 1,200 золотыхъ. Это жалованье, по истеченіи шести лѣтъ службы, увеличивалось ежегодно на 100 золотыхъ, до 20 лѣтъ службы, когда оканчивался срокъ на пенсію. Если по истеченіи 20

лѣтъ учитель выходилъ въ отставку, онъ получалъ названіе эмерита, если же онъ пожелалъ продолжать службу и былъ вновь утвержденъ въ ней, то къ послѣднему окладу его прибавляемо было 1,000 золотыхъ, и онъ получалъ названіе *заслуженнаго учителя*.—Ректоръ, проректоръ и префектъ избираемы были совѣтомъ учителей на 4 года и утверждались въ своей должности комиссіей просвѣщенія. Всѣмъ служащимъ въ школъ предоставлено было исключительное право на особенныя занятія съ учениками за условленную съ родителями плату. Награды состояли главнымъ образомъ въ сокращеніи срока на пенсію и на званіе заслуженнаго, а также въ полученіи бенефицій и прелатуръ, т. е. доходовъ съ имѣній, составлявшихъ собственность церковей, которыя правительство и епископы во множествѣ предоставили для этой цѣли въ распоряженіе комиссіи просвѣщенія. Часто такая бенефиція или прелатура приносила учителю въ пять и десять разъ больше, чѣмъ давало жалованье. Въ общемъ, если принять во вниманіе тогдашнія цѣны и кругъ потребностей, матеріальному положенію тогдашняго польскаго учителя позавидуютъ нынѣшніе учителя всей Европы.

Лишившіеся здоровья, при выходѣ въ отставку, получали, если прослужили меньше 10-ти лѣтъ, 400 золотыхъ; прослужившіе же болѣе 10-ти лѣтъ получали 600 золотыхъ и при этомъ почти всегда бинефицію, въ которой могли поселиться на жительство.

Зато учитель долженъ былъ сполна проникнуться тѣмъ идеаломъ, который онъ призванъ осуществить на ученикахъ. „Учитель,—говоритъ инструкция,—долженъ быть философомъ, ясно сознавать свое дѣло, знать основы человѣка, привычки, свойственную каждому возрасту воспримчивость, понимать связь всѣхъ наукъ, быть чуткимъ, спокойнымъ, справедливымъ, заботливымъ о благѣ учениковъ и общемъ благѣ человѣческаго рода. Рѣшившись посвятить себя на это служе-

ніе отечеству, хорошо звѣсь принимаемыя на себя обязанности и свои силы, которыя ты посвящаешь ему: 1) Читай книги нравственнаго содержанія, которыя, основываясь на религіи, заповѣдующей любовь къ ближнимъ, какъ основаніе всѣхъ поступковъ, учили бы любить всѣхъ людей и никому не причинять обиды, оскорбленія. 2) Читай книги о способѣ ученія; хорошія руководства по логикѣ, изъ которыхъ можешь узнать и связь мыслей человѣка. 3) Давай отчетъ самому себѣ о школѣ, рассуждай о твоихъ поступкахъ и обязанностяхъ. 4) Гораздо больше размышляй, чѣмъ читай“. Въ этомъ духѣ продолжаются наставленія учителю о самоусовершенствованіи.

Всѣ свои силы и заботы учитель долженъ посвятить воспитанію ученика, для его „личнаго и общаго снастія“. Учитель долженъ проникнутья убѣжденіемъ, что „въ воспитаніи все отъ него зависитъ“. По Кондильяку, главному учителю польскихъ школьныхъ реформаторовъ, духъ чловѣка вырастаетъ изъ ощущеній, всѣ духовные процессы, въ томъ числѣ комбинація идей и хотѣніе, должны быть разсматриваемы только какъ видоизмѣненныя ощущенія. Ощущенія, т. е. внѣшнее и внутреннее чувство ученика—вотъ сфера, которою главнымъ образомъ долженъ быть озабоченъ учитель, по требованію инструкціи. Возбуждать благородныя ощущенія, инстинкты, совершенствовать и направлять ихъ къ личному и отечественному благу, устранять дурныя,—вотъ къ чему должна быть сведена вся дѣятельность учителя и все преподаваніе его. Наставляя учителя въ томъ, какъ дѣйствовать на ученика примѣромъ и словомъ въ каждомъ случаѣ, *инструкція* въ особенности заботится о томъ, чтобы все преподаваніе и классное обученіе проникнуть воспитательнымъ духомъ и направленіемъ и каждую науку обратить въ строго-воспитательное орудіе. Знаніе, свѣдѣніе само по себѣ не имѣетъ никакого значенія, если оно не служитъ всецѣло къ возбужденію добрыхъ инстинктовъ, къ утвержденію ученика

во всѣхъ добродѣтеляхъ, необходимыхъ для его личнаго и общаго счастья. „Иначе,—прибавляетъ инструкція,—лучше все не имѣть школьнаго образованія“.

Въ частности, инструкція, намѣчая главнѣйшія части каждой науки или только основные методы ея, внушаетъ:

Учителю математики „постоянно имѣть въ виду усовершенствованіе душевной дѣятельности въ отношеніи не только ясныхъ представленій въ понятіяхъ и сужденіяхъ, но также и передачи другимъ того, что извѣстно“. Ему же, какъ учителю логики, внушается: „изложеніе основныхъ правилъ логики не много требуетъ времени, но приложеніе этихъ правилъ должно быть постоянное, неразлучное на практикѣ съ каждымъ дѣломъ“, въ чемъ — дается подробное указаніе.

Учителю краснорѣчія предписывается „не выпускать изъ виду, что наука краснорѣчія обязана возбуждать и развивать добродѣтель, почтеніе и добрую жизнь“.

Учитель физики, химіи и естественной исторіи „долженъ соображать, чего въ нихъ остерегаться, съ чѣмъ и какъ обращаться“, ограничиваясь только такими свѣдѣніями, которыя „приносятъ прямую пользу, и тѣмъ дѣлая эту науку полезною“.

Учитель исторіи обязанъ помнить, что „главнѣйшая задача ея есть обученіе добродѣтели и добрымъ обычаямъ“. „Преподаваніе исторіи, не направленное къ воспитанію сердца, къ возбужденію любви къ добродѣтели, къ исправленію поступковъ, — преподаваніе, выставляющее предъ учениками величіемъ то, что было пустымъ дѣломъ, храбростію — что было насиліемъ, политикою — хитростію, ставящее въ примѣръ то, что служить обלאзомъ, — такое преподаваніе исторіи заражаетъ сердце и даетъ молодому уму направленіе, вредное для обществённости“. Передавая событіе, учитель долженъ тутъ же присовокупить похвалу или порицаніе. „Напримѣръ, тотъ или другой монархъ *завоевалъ край*: сейчасъ нужно присо-

вокупить, что завоевалъ несправедливо; не говори, что его политика восторжествовала, но скажи лучше, что онъ поступилъ въроломно, или обманулъ, или нарушилъ честное слово“. Этотъ оригинальный способъ преподаванія исторіи и особенная цѣль его, которую опасно было открыто называть въ публичныхъ инструкціяхъ, такъ какъ посланники соседнихъ державъ зорко слѣдили за всѣмъ, дѣлаются понятіе изъ слѣдующаго наставленія о томъ же предметѣ въ уставѣ: учитель долженъ „отмѣчать въ дѣяніяхъ человѣческихъ все то, что не согласно съ справедливостью, человѣчностью, довѣріемъ, и вѣрностью своему слову. Поэтому онъ никогда не долженъ называть политикой, т. е. искусствомъ правительства, ни богатырскимъ подвигомъ того, что было *ахитроство, измѣною, подлостью, грабежемъ, наездомъ, присвоеніемъ чуждой собственности*“. Понятно, что дѣло идетъ о раздѣлѣ польскихъ областей. Это придаетъ своеобразный оттѣнокъ частымъ и порывистымъ упоминаніямъ въ уставѣ и инструкціи объ уваженіи къ чуждой собственности, какъ одной изъ важнѣйшихъ добродѣтелей, которыя требуется внушать ученикамъ, и о хитрости, какъ объ одномъ изъ самыхъ дурныхъ свойствъ.

Наибольшія надежды инструкція возлагаетъ, безъ сомнѣнія, на *право* и *мораль*. Въ подробностяхъ ея по этому предмету много прекрасныхъ правилъ, въ общемъ—черты духа, внутренняго расположенія, а не внѣшней обрядности, мягкость и теплое участіе—овоинства, отличающія преобразовательныя идеи XVIII вѣка, но въ конечной цѣли и задачѣ та же односторонность, составляющая общую болѣзнь польской школьной реформы и въ частности воспитанія. Наука морали обращается въ практическое руководство. Отъ учителя требуется „не обременять учениковъ пристрастными объясненіями нравственности, не ограничивать своихъ занятій поученіями..., не откладывать нравственнаго обученія до назначенныхъ часовъ, но на каждомъ мѣстѣ, во всякое время

и при каждомъ случаѣ обращаться къ нему, возбуждая учениковъ противъ какой-либо несправедливости и подлости, напротивъ увлекая ихъ примѣромъ должнаго поступка, справедливости". Тотъ же приемъ внушается и въ преподаваніи права, при чемъ на урокахъ требуется: „говоря объ обязанностяхъ, подтверждать объясненія примѣрами, какъ это предписано въ наставленіяхъ о преподаваніи исторіи“.

Дабы ученики никогда не оставались безъ надзора, вліянія добрыхъ примѣровъ и постоянного нравственнаго руководства, комиссія просвѣщенія установила квартирное *директорство*. Въ этомъ учрежденіи, вызванномъ крайнею заботливостью реформаторовъ о воспитаніи учениковъ въ цѣляхъ и задачахъ новой системы, еще больше высказалась глубокая вѣра ихъ въ силу своихъ наставленій и крайній идеализмъ воспитанія. Не будемъ говорить о различіи этого учрежденія отъ прежней системы цензоровъ, центуріоновъ, декуріоновъ,—оно, конечно, устроено на совершенно новыхъ началахъ.

„Директоры“ избираемы были изъ лучшихъ учениковъ двухъ старшихъ классовъ, а часто и четвертаго класса (въ подокружныхъ школахъ изъ второго и третьяго классовъ). Каждая ученическая квартира вѣрялась особому директору, который жилъ съ своими кліентами и не отлучался отъ нихъ, развѣ на лекціи въ школы. Квартиросодержатель и родители учениковъ обязаны были принять на себя содержаніе директора, и, кромѣ того, послѣдніе—давать ему плату. Комиссією просвѣщенія издано подробное изложеніе обязанностей директоровъ (*przeris dla dyrektorów*). „Директоры должны помнить, что примѣръ ихъ будетъ служить для дѣтей самымъ сильнымъ побужденіемъ къ добру или злу. Что будетъ видѣть дитя на своемъ директорѣ, то легко будетъ усваивать, цѣнить или оставлять безъ вниманія, считать злостью.... Поэтому директоръ долженъ увлекать дѣтей примѣромъ своимъ къ

опрятности, воздержности въ пищѣ и питіи, рассудительности и осторожности въ поступкахъ, терпѣнію въ неудачахъ, старанію въ наукахъ, любви къ труду, вѣрности слову и обѣщанію, вѣжливости къ равнымъ себѣ, почтенію къ старшимъ, снисхожденію къ меньшимъ, благодарности къ родителямъ и благодѣтелямъ, справедливости ко воѣмъ, благотворительности, почитанію и благодарности къ Богу“ (§ 1). За этимъ общимъ опредѣленіемъ слѣдуютъ подробныя указанія разнообразныхъ ученическихъ обязанностей, дѣтскихъ поступковъ, свойствъ и распоряженій, а также способовъ, при помощи которыхъ директоры успѣшнѣе могутъ пользоваться своимъ примѣромъ, наставленіями, объясненіями, замѣчаніями и наказаніями.

Директоръ обязанъ хорошо изучить каждаго изъ порученныхъ ему учениковъ, его „темпераментъ, состояніе здоровья, способности, характеръ, добрыя и дурныя свойства, безъ чего нельзя знать, какъ относиться къ нимъ“ (§ 12). Для этого директоръ долженъ держать себя такъ, чтобы его кліенты совершенно свободно вели себя въ его присутствіи, что даетъ возможность „узнать желанія и склонности ихъ“ (§ 2). Въ особенности онъ долженъ быть внимательнымъ къ привычкамъ ихъ, исправлять и направлять ихъ (§ 4). „Если дитя сдѣлаетъ какой-либо добрый поступокъ, директоръ тотчасъ долженъ похвалить его, даже оставить его въ примѣръ другимъ. Этимъ способомъ будетъ вкореняться въ сердца чувствозачести (рылкі һопогі), то благородное и приличное челоуѣку побужденіе, которое, имѣя основаніемъ самолюбіе, не позволяетъ ему унижать себя и позорить какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ другихъ. Чтобы не ослаблять и не убивать этого чувства, директоръ не долженъ дѣлать высканій съ виновнаго при другихъ. Предъ посторонними онъ долженъ только объяснить, что въ поступкѣ достойно наказанія.... Если ученикъ провинился словомъ или дѣломъ

въ присутствіи другихъ, благоразумный директоръ долженъ выразить знакомъ или физиономіей, что онъ осуждаетъ его поступокъ, расправу же произвести наединѣ“ (§ 4). Директоръ долженъ беречь ученика отъ дурного товарищества и дружбы; инструкція обращаетъ особенное вниманіе родителей и директоро́въ на выборъ слугъ (каждому ученику дозволялось имѣть свою прислугу (§ 6). Онъ не долженъ оставлять дѣтей безъ занятій или безъ определенныхъ игръ, и развлеченій и безъ надзора за ними (§ 7). Дѣйствуя на ученика предостереженіемъ, объясненіями, примѣромъ и убѣжденіемъ, директоръ долженъ постоянно обращать вниманіе его на плоды, происходящіе отъ его поступковъ, для чего самого, и дать ему, на дѣлѣ почувствовать такіе плоды. Приводятся примѣры и даже формулы изреченій, въ которыхъ директоръ можетъ дать ученику почувствовать плоды его поступковъ.

„Привыкаетъ дитя гдѣтъ, пускай на себѣ самомъ испытаетъ плоды лжи, именно, что *лжецу никто не вѣритъ*. Хочетъ ученикъ поиграть, просить позволенія, обѣщая приложить потомъ воѣ старанія къ приготовленію урока, директоръ можетъ сказать: *„кто трудится, долженъ посты труда отдохнуть и развлечься.—Развѣ я могу вѣрить твоимъ обещаніямъ и словамъ, когда ты столько разъ рѣшался обманывать меня?—Заслужи довѣріе—и я буду тебя вѣрить,—Какъ ты хочешь, такъ люди и поступаютъ съ тобою.—Частая твоя ложь возбудила во мнѣ недоовѣріе къ тебѣ и, можетъ быть, большую, чѣмъ слѣдуетъ, неприятную для тебя осторожность.—Убѣдись же, что, причиняя другимъ обиду, самъ на себѣ, несешь ее“* (§ 8). Директоръ будетъ пользоваться привязанностью и послушаніемъ со стороны дѣтей, если самъ будетъ обходиться съ ними „съ полною нѣжностью, справедливостью, осторожностью, вѣжливостью и любовію“. Строго запрещается ему въ отношеніяхъ къ своимъ клиентамъ „брань, порывистость, злость или мщеніе, употребленіе оскорбительныхъ словъ, прозвищъ,

проклятіи, побоевъ и насилій“ (§ 9). Директоръ долженъ строго выдерживать свое достоинство; „только бы въ собственномъ примѣрѣ и поступкахъ не давалъ никакого соблазна (zadnej okazyi i zaszerki), легко тогда можетъ руководить дѣтей и управлять ими“ (§ 10). „Принявъ свою должность, директоръ тотчасъ долженъ смотрѣть на своихъ кліентовъ, какъ на собственныхъ дѣтей, имѣя къ нимъ отеческое сердце на самомъ дѣлѣ („jak na własne dzieci, okazując ojcowskie ku nim serce gzezczą samą“) (§ 12). На директоръ сполна лежитъ забота о приученіи дѣтей ко всему домашнему порядку, чистотѣ и приличію въ цѣлой внѣшности ихъ, объ исправномъ приготовленіи ими уроковъ, о соблюденіи должнаго такта въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ къ нимъ отношеніе. Онъ долженъ также съ тѣмъ или другимъ изъ кліентовъ его „часто дѣлать визиты старшимъ, ровестникамъ, роднымъ, навѣщать больныхъ въ госпиталѣхъ, оказывать съ нимъ помощь и утѣшеніе несчастнымъ“ (§ 13)....

Полагаемъ, что этихъ выписокъ достаточно для того, чтобы убѣдиться, съ одной стороны, въ крайней заботливости школы о воспитаніи и глубокой гуманности воспитательныхъ пріемовъ, съ другой стороны—въ крайней идеализаціи воспитанія и въ глубокихъ противурѣчіяхъ его. Всякій родитель и воспитатель нашего времени подпишется подъ этимъ гуманизмомъ и въ то же время остановится въ недоумѣніи предъ цѣлою воспитательною системою. Крайняя идеализація, напрасная вѣра въ силу наставленій и предписаній выступаетъ со всею яркостью, когда просматриваемъ тогдашніе списки учениковъ и вѣдомости о директорахъ. Возрастъ учениковъ по этимъ спискамъ оказывается весьма разнообразнымъ, отъ 6 до 28 лѣтъ. Въ каждомъ классѣ лучшіе изъ учениковъ—меньшаго и средняго возраста. Огромное число директоровъ—въ возрастѣ отъ 14 до 16 и 17 лѣтъ, а не мало директоровъ, имѣвшихъ всего по 13 и 12 лѣтъ! И

вотъ изъ „какихъ“ отроковъ составляетъ воспитательный орденъ, который вездѣ долженъ посвятить себя своему призванію и въ точности выюлвать идею воспитанія! Эта-то первая юность и отрочество обязывается проникнуться отеческими чувствами къ ученикамъ, хотя бы и меньшимъ себя, „смотря на нихъ, какъ на собственныхъ дѣтей, имѣть къ нимъ отеческое сердце на самомъ дѣлѣ“! Это-то дѣтство возводится въ овещенное учрежденіе, имѣющее право несогласія и апелляціи не только въ отношеніи къ учителямъ, но и къ префекту и ректору! Что могло быть плодомъ этого учрежденія, кромѣ навращенія чувства чести и собственного достоинства — того самаго чувства, о которомъ такъ тщательно и наиболее заботится вся эта система! Что могло произойти въ цѣломъ поведеніи директоровъ и учениковъ, кромѣ яркихъ декораций воѣхъ возможныхъ добродѣтелей, педантизма, самоуниженія, напускного благородства! Не говоримъ о противорѣчій въ самомъ основаніи нравственности, которая требуетъ воспитывать дѣтей на христіанской любви къ ближнимъ и къ Богу и вмѣстѣ съ тѣмъ вкоренять въ сердцахъ ихъ то „чувство, которое имѣетъ основаніемъ самолюбіе“.

Наконецъ—ученики, эта среда, на которую направлены воѣ эти напряженныя заботы о самоотверженіи и силѣ вліянія учительскаго состава, о направленіи всего преподаванія, о значеніи директоровъ, — этотъ матеріалъ, изъ котораго должна возникнуть новая порода людей, имѣющихъ преобразовать и спасти отечество. Послѣ оказаннаго о направленіи и духѣ преподаванія, о задачахъ института директоровъ, понятенъ типъ примѣрнаго ученика. Этотъ типъ окончательно обрисовывается въ изложеніи обязанностей учениковъ, заключающемся въ уставѣ (преимущественно въ главахъ 18, 19, 20, 24, 25) и въ инструкціяхъ ректорамъ, учителямъ и директорамъ.

Въ школы (среднія и высшія учебныя заведенія) принимались только шляхетскія дѣти. Какъ ни глубоко проникнуты были школьные реформаторы идеями равенства, но до реформы государственнаго строя, должны были одѣлать эту уступку закоренѣлому основному предрассудку шляхты. Триумфительнѣе однако была комисія проsvѣщеній въ своихъ требованіяхъ отъ учениковъ—будущихъ гражданъ, во имя отечества. Въ историческомъ характерѣ шляхты школьная система находила много полезнаго для своихъ цѣлей матеріала: гоноръ, честолюбіе, значеніе гражданина Рvчи. Посполитой и защита отечества. Первый параграфъ спеціальной главы устава объ ученикахъ (18) внушаетъ новоприбылому, какъ первую обязанность, смотрѣть на себя, какъ на молодого гражданина, который долженъ, „стремиться къ тому, чтобы стать гражданиномъ зрѣлымъ“. Въ силу таково взгляда на ученика, послѣдній обставленъ воими гарантіями шляхетскаго права и гонора. Онъ имѣлъ право самъ о себѣ хлопотать, начиная съ записи себя въ число учениковъ до личныхъ жалобъ не только на директора, но и на учителей, префекта, даже на ректора (предъ визитаторомъ) (18, 4). Внушая учителю отвѣчать ученикамъ на урокахъ „вѣжливо, съ предупредительностью“, уставъ напоминаетъ ему, что онъ „имѣетъ дѣло съ людьми разсудительными, хотя и дѣтьми“ (14, 2). Въ наставленіяхъ воимъ служащимъ и директорамъ требуется особенно заботиться объ осторожности въ отношеніи къ чувству чести и собственнаго достоинства ученика.

При поступленіи въ школу, молодой шляхтичъ былъ освобожденъ отъ всякихъ формальностей: достаточно было явиться къ префекту и записаться въ число учениковъ, на всѣ предметы и классы, начиная съ перваго, или только на нѣкоторые предметы. Никакого экзамена, при поступленіи въ школу не требовалось. Никакой платы за право ученія не полагалось. За неуспѣхъ въ наукахъ не полагалось исключеніе изъ школъ; шляхтичъ воленъ былъ сидѣть за скамьею,

сколько ему угодно, лишь бы велъ себя хорошо. Возрастъ для поступления въ школу не былъ опредѣленъ: въ спискахъ встрѣчаемъ даже семи-и шести-лѣтнихъ дѣтей и въ то же время въ одномъ съ ними классѣ видимъ пятнадцати-и шестнадцати-лѣтнихъ. Въ старшихъ классахъ, наряду съ 14—15-лѣтними сидѣли двадцати семи-и двадцати восьми-лѣтніе. Удаленіе изъ школы допускалось послѣ предувѣдомленія родителей, но безъ „оглашенія“. Исключенія изъ школы допускались только за нѣкоторые нравственные проступки. Но и въ этомъ случаѣ ученикъ былъ гарантированъ правомъ апелляціи къ визитатору и тѣмъ болѣе могъ рассчитывать на успѣхъ апелляціи, что протоколъ совѣта школы объ исключеніи не подлежалъ немедленному исполненію, а представляемъ былъ предварительно на усмотрѣніе академическаго визитатора или ректора главной школы, который могъ утвердить или отменить это постановленіе совѣта школы (Уст. гл. 26, 11).

За это уваженіе къ достоинству гражданина, ученикъ обязанъ былъ всецѣло отдаться въ распоряженіе новой системы воспитанія. Непослушаніе начальникамъ и учителямъ считалось въ числѣ четырехъ грѣховъ (другіе три: воровство, пьянство и распущенность), въ случаѣ которыхъ либеральнымъ идеямъ повязывали глаза и молодого гражданина сѣкли розгами (о семъ, безъ опредѣленія числа ударовъ, гл. 26, 6—9). Самыми обыкновенными наказаніями, послѣ замѣчаній или выговоровъ, были также не идущія въ тактъ съ чувствомъ чести и самолюбіемъ, именно: стояніе въ классѣ на колѣняхъ, стояніе въ корридорѣ при проходѣ учениковъ съ таблицей въ рукахъ, на которой было написано: *лѣнивъ, неуживчивъ, непослушенъ и т. д.* Ученикъ обязанъ былъ учиться въ теченіе десяти мѣсяцевъ въ году безъ перерыва и не выѣзжать къ родителямъ ни на какіе праздники, кромѣ лѣтнихъ каникулъ, положенныхъ съ 29 іюля по 29 сентября (по новому стилю). Наканунѣ Рождества Христова уроки прекращались и возобновлялись на третій день праздника.

Равнымъ образомъ ученіе прекращалось въ страстной четвергъ и возобновлялось на третій день Пасхи. Родители видѣли въ этомъ распоряженіи неуваженіе къ религіи и, по старому обычаю, забирали дѣтей на праздникі. Но комиссія просвѣщенія ревниво оберегала это требованіе: директорамъ, учителямъ и начальствующимъ предписывалось объяснять родителямъ благотворность этого порядка, а учениковъ за отъѣздъ на праздникъ положено было оставлять въ томъ же классѣ на второй годъ безусловно, а за вторичный отъѣздъ не принимать въ тѣ же школы.

Ежедневно въ семь часовъ утра всѣ ученики должны были присутствовать въ костелѣ на литургіи. Изъ костела расходились по классамъ. Ежедневно, кромѣ вторника и четверга, волагалось по четыре часовыхъ урока, отъ 8 до 10 и отъ 2 до 4 часовъ. Отъ 10 до 11 часовъ положены были необязательные предметы—иностранные языки. По вторникамъ и четвергамъ полагалось только утреннихъ два урока, и эти дни назывались рекреационными. Если въ одинъ изъ прочихъ четырехъ дней случится праздникъ, то въ слѣдующій рекреационный день уроки полагались и послѣ обѣда.

Въ квартирахъ каждый ученикъ долженъ быть все время непремѣнно быть чѣмъ-нибудь занятъ. Послѣ приготовления уроковъ и другихъ работъ, данныхъ учителями на домъ, ученики должны были заниматься своимъ домашнимъ хозяйствомъ: наблюдать за храненіемъ и выдачею съѣстныхъ припасовъ, непремѣнно чистить свое платье, обувь, стлать постель, содержать воѣ свои вещи и себя самихъ въ чистотѣ и опрятности, устраняя всякую роскошь въ одеждѣ, равно какъ и скупость въ ней, ежедневно провѣтривать квартиру, сами должны (малые—съ директоромъ) ходить къ своимъ портнымъ, сапожникамъ и под., въ случаѣ необходимости заказать или починить платье, обувь и т. под.,—вообще должны были укрѣплять себя въ быту, свойственномъ мужчинамъ, въ упражненіяхъ, закаливающихся силу, и стыдиться въ себѣ „нѣжности и деликатности женской“ (niewieściej). По приве-

деніи въ порядокъ всѣхъ своихъ дѣлъ, ученики занимались играми, по назначенію директора, или подъ предводительствомъ его отправлялись на базаръ, въ лавки, аптеки, мастерскія и под., сообразно указаніямъ въ инструкціи для учителей экономіи, искусствъ и ремеселъ. Въ девять часовъ ложились спать.

Въ дни рекреационные, а также въ праздники, послѣ объѣда, всѣ ученики, во главѣ своихъ директоровъ, должны были отправляться на прогулку „безъ отговорки непогодой, равнѣ префектъ отмѣнить“. Прогулка происходила за городомъ и состояла въ разнообразныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ префекта или учителя. „Эти упражненія, — говоритъ уставъ (гл. 25, 2), — должны служить для развитія крѣпости, гибкости, ловкости тѣла, мужества и отваги и соответствовать цѣли. Таковы: игра въ мячъ, при которой нужно живо убѣгать и возвращаться, игра въ балонъ, или большой мячъ, бросаніе камней въ воду, бѣгъ въ перегонку до назначеннаго мѣста, верховая ѣзда, измѣреніе огородовъ, полей, трудныхъ для приступа мѣстъ и т. п. „Но наиболѣе предписываются *упражненія военныя*, которыя, развивая гибкость и ловкость тѣлесную, вмѣстѣ съ тѣмъ развиваютъ силу и крѣпость духа, вдохновляютъ чувство чести“ (глав. 21, 3). „Свойственными шляхетской молодежи должны считаться упражненія, состоящія въ солдатской выправкѣ, въ штурмѣ и оборонѣ какого-либо мѣста, вообще научающія *военному строю, порядку и военному закону*. Ничто болѣе не помогаетъ возбужденію мужества, силы духа, благороднаго великодушія и стародавняго рыцарскаго духа, какъ эти упражненія молодежи. Юноши, надлежаще руководимые, научатся различать благородную отвату отъ истиннаго мужества и храбрости, заранѣе убѣдятся въ той истинѣ (и приготовятся къ исполненію ея), что каждый гражданинъ во всѣхъ странахъ, особенно въ республикѣ (Rzeczy Pospolitej), долженъ быть солдатомъ, т. е.

охранителемъ своего отечества, не глядящимъ вспять, но руководимымъ справедливостью и честью. Начальствующіе и руководящіе воспитаніемъ должны самымъ тщательнымъ образомъ предохранять молодежь въ этихъ играхъ и развлеченияхъ отъ всякаго коварства, вѣроломства, притѣсненія и обиды слабымъ сильными, отъ пустого удалства и строго наказывать за подобные поступки. Съ другой стороны, много поможетъ дѣлу, когда отважныхъ, безстрашныхъ, храбрыхъ, побѣдителей на играхъ и упражненіяхъ они будутъ открыто хвалить, не унижая другихъ, награждать ихъ вѣтками или вѣнками, ставить ихъ на челѣ другихъ во время подобныхъ упражненій; когда будутъ при этомъ заохочивать учениковъ восхвалять своего товарища (побѣдителя) въ стихахъ. Такое нераздѣльное физическое и нравственное воспитаніе способно будетъ дать обществу почтенныхъ людей, а отечеству добрыхъ гражданъ“ (гл. 25, 2).

Приходится сказать при этомъ, въ заключеніе нашего обзорнія системы среднихъ школъ: „а ларчикъ просто открывался“! Всѣ эти разсужденія о значеніи военныхъ упражненій для шляхетской молодежи, для развитія великодушія и рыцарства, сами собою падаютъ, при сравненіи ихъ съ наставленіемъ учителю сельской школы, воспитывавшей не гражданъ, но безправныхъ лицъ, въ строго крѣпостномъ духѣ: —ему внушалось коротко, законически—въ играхъ сельскихъ дѣтей соблюдать всѣ установленія, какія предписаны для сельскихъ среднихъ школъ. Эти разсужденія, очевидно, нужны были только для отвода глазъ зоркихъ наблюдателей-посланниковъ сосѣднихъ державъ, которыя не могли бы ожидать равнодушно (какъ это потомъ и случилось), пока вся страна превратится въ одинъ сплошной военный лагерь и все молодое поколѣе, безъ различія сословій, въ сплошную армію. Къ сожалѣнію, нужно признать, что это именно было заветною мыслию тогдашнихъ школьныхъ реформаторовъ, это было отдаленною и конечною цѣлію системы ихъ. Наставле-

нія учителю исторіи, права и морали относительно политики завоеваній, эти пылкія и настойчивыя внушенія возбуждаютъ учениковъ противъ того, „что было хитростью, подлостью, насиліемъ, грабежомъ, наѣдомъ, присвоеніемъ чужой собственности“, — все это, въ соединеніи съ порывистостью заботъ о военныхъ упражненіяхъ, отравляло новую школьную систему въ самомъ источникѣ ея¹⁾: образованіе стало неразлучно съ задорной политикой и съ мечтами о возстановленіи Польши въ старыхъ границахъ....

Первоначально военныя упражненія, какъ и прочія игры, производились дѣйствительно подъ руководствомъ префектовъ.

1) Любопытны мотивы, къ которымъ прибѣгали впоследствии для защиты этой системы и основной ея задачи поборники ея во времена Варшавскаго герцогства, когда на вѣнскомъ конгрессѣ рѣшенъ былъ вопросъ объ учрежденіи Царства Польскаго. Въ организаціонномъ комитетѣ, учрежденномъ по этому случаю, поднялись сильныя нареканія на систему образованія за ея враждебность истинной религіи, въ матеріализмъ, въ солдатчину. Одинъ изъ членовъ этой коммиссіи и тогдашнихъ министровъ, другъ главнаго представителя этой системы Станислава Потоцкаго, извѣстный своимъ напыщеннымъ краснорѣчіемъ, Матусевичъ, отвергая упреки въ анти-религіозности и матеріализмѣ, о военныхъ упражненіяхъ учениковъ такъ отзывался: „польскій народный характеръ отличаютъ двѣ важныя черты: рыцарскій духъ и любовь къ отечеству. Онѣ не противны религіи, и потому ихъ нужно укрѣплять. Радуются для насъ новыя обязанности благодарности къ монарху, котораго справедливо можно назвать коронованнымъ ангеломъ. Чѣмъ же мы отвѣтимъ ему на благодаренія, если не станемъ для него щитомъ, который могъ бы защищать его (!). Нынѣшнее состояніе края таково, что неизбежно ведетъ его въ уменьшенію войска. Чтобы за этимъ не послѣдовало упадокъ военнаго духа, надлежитъ еще въ школахъ впасть его въ сердца молодежи и даже играмъ учениковъ давать рыцарскій характеръ, дабы всегда имѣть солдата, наименѣе обременительнаго для страны и наиболѣе приготовленнаго на случай нужды (do potrzeby). Пускай будутъ на челѣ образованія обязанности добраго христіанина, но, вмѣстѣ съ правилами религіи, пускай оно проникается тѣмъ, что возбуждаетъ обязанности обывателя и солдата, словомъ—пускай девизомъ его будетъ: Богъ, отечество, слава“ (Изъ дѣлъ архива варшавскаго учебнаго округа 1815 г. Акта... ustaw organizacych № 1, vol. 1, lit. A). Предсѣдатель организаціонной коммиссіи былъ Ланской, однимъ изъ членовъ Новосильцевъ. —Поборники школьной системы, завѣщанной временемъ реформы, успѣли отстоять ее для Царства Польскаго, но въ 1820 году она пала вмѣстѣ съ Станиславомъ Потоцкимъ, послѣ чего началось сильное броженіе въ край.

Забавно было это молодое воинство подъ командою ксендза-префекта! Странны были эти почтенные монахи-пшарьоты, наиболѣе ретиво упражнявшіе своихъ питомцевъ въ военныхъ „муштрахъ“⁴. Но скоро дѣло вышло на болѣе прямую дорогу: для военныхъ упражненій нанимаемы были отставные унтеръ-офицеры, появились деревянные сабли, ружья, пушки, даже военная форма на ученикахъ, во время упражненій, устраивались примѣрныя сраженія, взятіе и оборона крѣпостей. Даже каневскіе базиліане, содержавшіе съ ничтожнымъ пособіемъ отъ комиссіи просвѣщенія едва ли не самую плохую въ цѣломъ краѣ школу, не нашли чѣмъ лучше встрѣтить прибывшаго въ 1787 году на свиданіе съ императрицею Екатериною II польскаго короля Станислава Понятовскаго, какъ выставкою своихъ учениковъ, сполна одѣтыхъ и вооруженныхъ по-солдатски („Dziennik podróży króla Stanisława-Augusta na Ukrainę r. 1787“.—*Дневникъ поѣздки короля Станислава-Августа на Украину 1787 г.*—Лукаш. П, 327 и 328 въ примѣчаніи). Молодое войско, воспитанное въ новыхъ идеяхъ, гордое своимъ назначеніемъ, рвалось сразиться съ врагами идеальнаго отечества. Такихъ враговъ въ то время Польша имѣла внутри себя гораздо больше, чѣмъ извнѣ. Молодое войско, особенно въ большихъ городахъ, также имѣло предъ собою живыхъ враговъ отечества. То была для нихъ главныхъ образомъ *Палестра*—пріютъ многочисленной, большею частію не окончившей курса, шляхетской молодежи, практически обучавшейся канцелярской судебной казуистикѣ. Для школьниковъ палестранты были представителями дикой старины, противниками новаго духа, въ особенности послѣ того, какъ приготовленное, по порученію сейма 1776 года, однимъ изъ членовъ комиссіи просвѣщенія, Андреемъ Замойскимъ, новое судебное уложеніе¹⁾ было отвергнуто послѣдующимъ сеймомъ, какъ неблаговре-

¹⁾ *Zbiór praw sądowych. Warszawa, r. 1788.*

менное. Вспомнимъ рѣзкій отвѣтъ Пирамовича объ этомъ старомъ польскомъ судопроизводствѣ (*prawnićstwo*), какъ о мерзости, подъ которою скрыты истинное право „дикія понятія и обычаи грубыхъ вѣковъ“ (въ рѣчи 1788 г.). Визиты и школьные рапорты жалуются, что палестранты первые нападали; молодое войско принимало бой. Но вслѣдъ за тѣмъ на сторонѣ палестры появились толпы празднующихся молодыхъ шляхтичей - кунтушниковъ и городскихъ мѣщанъ, и бой принималъ такіе размѣры, что для прекращенія его часто требовалось содѣйствіе дѣйствительныхъ войскъ.

Новыя идеи сильно враждовали съ сословностью, съ привилегіями высшихъ классовъ и проповѣдывали равенство всѣхъ, братство. Школьные польскіе реформаторы не могли помириться съ старшиною, сдѣлавшею образованіе исключительною принадлежностью шляхты. Они хорошо понимали эту застарѣлую богѣзнь Польши, исключавшую всю массу мѣщанъ и крестьянъ изъ числа гражданъ—защитниковъ отечества. Въ кружкѣ этихъ реформаторовъ давно уже бродили мысли о надѣленіи мѣщанъ правами гражданства и даже объ освобожденіи крестьянъ, какъ наилучшемъ способѣ усилить организмъ Польши. Но они понимали, что шляхта составитъ необоримую стѣну противъ этихъ попытокъ и скорѣе разрушитъ Польшу, чѣмъ откажется отъ своихъ правъ, потому что, по убѣжденію ея, Польша—это она. Потому-то только робко, стороною высказывались тогда эти мысли. Реформаторы школы нашли средство, не трогая правъ шляхты, прилежить могущественную силу школы ко всѣмъ нижшимъ, безправнымъ классамъ, чтобы обратить ихъ въ надежныхъ защитниковъ отечества. Нужна была ловкость Пирамовичей, чтобы не возбудить въ шляхтѣ подозрѣнія и не уничтожить этого дѣла въ самомъ началѣ. Вотъ какъ объясняетъ идею

сельской школы Пирамовичъ въ рѣчи своей 7 марта 1786 года, по случаю выхода въ свѣтъ перваго полнаго учебника для этихъ школъ¹⁾: „Въ составѣ и въ цѣломъ содержаніи этого учебника издатели руководились тѣмъ правиломъ, чтобы все направлено было къ истинному (?) просвѣщенію, которое опредѣляется потребностями народа и его обязанностями въ отношеніи къ своимъ панамъ, сельскому быту и къ самимъ себѣ. Если посполитые люди пойдутъ по указанію наукъ, назначенныхъ для нихъ, то они не могутъ стать иными, какъ только вѣрными краю и своимъ панамъ, старательными въ исполненіи своихъ обязанностей, справедливыми, полными любви и милосердія къ ближнимъ, любящими правду, трезвость, добрый домашній порядокъ и трудъ. Нѣтъ ничего желательнѣе, чтобы образованіе равномерно распространялось по всему краю и изливало свои благодѣянія на все сословія народа. Ревность побуждаетъ распространять свѣтъ просвѣщенія во всехъ слояхъ, на которые Провидѣніе подѣлило человѣческой родъ. Высшіе классы, призванные къ управленію странюю, имѣютъ свои науки, которыя должны руководить ихъ въ законодательствѣ и судѣ, возвышать души ихъ къ благородству, свойственному имъ по самому рожденію, укрѣплять въ нихъ сознаніе того, что они—опекуны и охранители отраны, совѣтники и стражи отечества. Тѣ же, которымъ свыше предопредѣлено посвящать свой трудъ на продовольствіе правителей и охранителей своихъ и вoadблывать плоды земные для общей пользы и выгоды или заниматься приготовленіемъ ремесленныхъ издѣлій и предметовъ, необходимыхъ для владѣтелей, землевладѣльцевъ и для всехъ тѣхъ, кто нуждается въ нихъ,—тѣ найдутъ въ назначенныхъ для дѣтей ихъ наукахъ нравственные и физическія свѣдѣнія, соотвѣтственныя призванію ихъ. Осторожность всегда должна управлять рукою, которая берется раскрыть истину.

¹⁾ О немъ будетъ ниже.

—осторожность, основанная на ясномъ пониманіи обстоя-
тельствъ и взглядовъ страны. Опасно было бы вдругъ нис-
провергать общее убѣжденіе. Истина должна приводить только
къ добродѣтели и ни къ чему другому. Если бы блескъ ея
равномъ ударилъ на слабыя и непріготовленныя очи, то могъ
бы лишитъ ихъ и остатка свѣта, навсегда ослѣпить.

Приготовляя новую организацію для низшихъ школъ,
комиссія просвѣщенія 1) тщательно развѣдывала, гдѣ имѣ-
лись школьные фондуши, и спѣшила взять ихъ въ свое вѣ-
дѣніе; 2) при распредѣленіи по-іезуитскихъ костеловъ и зда-
ній между епархіальными учрежденіями, она постановляла
непремѣннымъ условіемъ содержаніе при нихъ первоначаль-
ныхъ школъ; 3) обращалась къ содѣйствию помѣщиковъ для
учрежденія школъ въ лѣвнѣяхъ ихъ; 4) открыла нѣсколько
школъ на счетъ общихъ эдукационныхъ суммъ. По устано-
вленіи организаціи этихъ училищъ, названныхъ *парафіаль-
ными*, комиссія сдѣлала распоряженіе о воспрещеніи училищъ
иного типа и о немедленномъ закрытіи таковыхъ, если бы
они гдѣ-нибудь появились, о чемъ должны развѣдывать про-
ректоры, ректоры и визитаторы школъ.

Уставъ постановилъ лишь самыя общія правила о *па-
рафіальныхъ* школахъ (гл. 22). Въ развитіе этихъ правилъ
издано было особое распоряженіе (Przepis) объ организаціи
ихъ. Парафіальныя школы раздѣлялись на большія и мень-
шія (*większe i mniejsze*). Въ первыхъ положено было обу-
чать: религіи, нравственности, чтенію и письму, счету, на-
чаламъ измѣренія, огородничеству, земледѣлію, сохраненію
здоровья, лѣченію скота, сообщать свѣдѣнія о мѣстной тор-
говлѣ, промыслахъ, ремеслахъ, хозяйственныхъ орудіяхъ,
юстройкахъ и т. п. „Въ меньшихъ школахъ, въ которыхъ
обыкновенно учатся только сельскія дѣти, эти науки препода-
ются въ меньшемъ размѣрѣ, приспособительно къ мѣст-
нымъ потребностямъ“ (гл. 22, 4). Для обученія этому курсу

какъ въ большихъ, такъ и въ меньшихъ школахъ, положенія (Pzcepis) назначаютъ ни больше, ни меньше, какъ 12 лѣтъ! „А потому,—говорятъ они,—дѣти должны начинать первое свое обученіе съ четырехъ и пяти лѣтъ, дабы въ семнадцатъ или восемнадцатъ лѣтъ они уже могли быть приготовленными на службу отечества“.—Время ученія для деревенскихъ школъ назначается отъ св. Михаила до св. Войцѣха (отъ 29 сент. до 23 апрѣля по нов. ст.); въ городскихъ училищахъ тотъ же срокъ, что и для „высшихъ школъ“.—Комиссія выражала желаніе, чтобы такія школы устроены были въ каждомъ городѣ и въ каждомъ сельскомъ приходѣ.

Но если могло быть обойдено затрудненіе съ предубѣжденіемъ шляхты, то какъ обойти его учителями? Какимъ образомъ не только надѣлать каждый приходъ учителями новаго духа, но и преобразить хотя нѣсколькихъ наличныхъ учителей-органистовъ по идеямъ Руссо и Кондильяка? Хотя комиссія просвѣщенія постановила учредить учительскіе институты въ Литвѣ и въ Кѣльцахъ, хотя въ 1787 году примасъ Польши Михаилъ Понятовскій приступилъ къ учрежденію этихъ институтовъ на свой счетъ, а Пирамовичъ тогда же составилъ планъ организациі ихъ, но добросовѣстный Лукашевичъ¹⁾ сознается, что онъ нигдѣ не нашелъ какихъ-либо документовъ, доказывающихъ дѣйствительное существованіе этихъ институтовъ, хотя ему доступны были всѣ бумаги тогдашней комиссіи просвѣщенія и документы

¹⁾ *Historja szkół* т. II, стр. 417 и 418. Несмотря на ясное указаніе Лукашевича, несмотря на то, что доселѣ не имѣется какихъ-либо документовъ дѣйствительнаго существованія этихъ институтовъ, послѣдующіе польскіе историки и обозрѣватели этого періода доселѣ продолжаютъ утверждать, что институты не только существовали, но приносили краю ожидаемые отъ нихъ плоды, а г. *Заручкій* (*Dawne wychowanie w Polsce*. 1878 г.) насчитываетъ десятокъ тысячъ школъ, появившихся „будто бы въ Польшѣ спустя всего пять лѣтъ послѣ открытія институтовъ!..“

всѣхъ школъ. Комиссія просвѣщенія, издавая *Положеніе* (Rtzeris) о парафіальныхъ школахъ, хотя и выразила своей идеальной взглядъ на начальнаго учителя, однако благо- разумно покорилась необходимости. „Комиссія народнаго просвѣщенія,—говорится въ самомъ началѣ этого *Положе- нія*,—желала бы, чтобы каждый, посвятившій себя учитель- ству, прежде всего поступалъ на должность учителя пара- фіальной школы и, начиная съ этого перваго ступеня, по- степенно восходилъ по лѣстницѣ учительской до самыхъ выс- шихъ степеней въ академіяхъ. Но, пока это осуществится, пока не устранено будетъ ложное мнѣніе о низкомъ уровнѣ поста парафіальнаго учителя, пока не будутъ приготовлены для этихъ мѣстъ способные кандидаты, тѣмъ временемъ при- ходскіе священники поставятъ на эти мѣста такихъ лицъ, какихъ найдутъ способными“ (§ 1 и 2). Первые парафіаль- ныя школы съ новымъ курсомъ могли появиться тожько въ 1786 году, такъ какъ въ 1785 году комиссія просвѣщенія надала первый учебникъ основнаго курса ихъ. Это былъ: *Elementarz dla szkół parafialnych parodowych* (*Букварь для приходскихъ народныхъ школъ*), напечатанный въ Краковѣ и заключающій въ себя: 1) *Обученіе чтенію и письму*, съ статьями для чтенія и наставленіями для учителя, составлен- ный пiarистомъ Копчинскимъ. 2) *Краткій катихизисъ*. 3) *Нравственныя наставленія* (наука obuczajów), состоящая въ изложеніи общихъ обязанностей ученика и человека низ- шаго класса, составленная самимъ Пирамовичемъ. 4) *Счисленіе* (наука rachunków), составленное пiarистомъ Гавронскимъ и заключающее въ себя первые четыре дѣйствія ариеметики съ понятіями о мѣрѣ, вѣсѣ и т. п.¹⁾ По основному своему

¹⁾ О лицахъ, участвовавшихъ въ составленіи Буквара, упоминается въ рѣчи Пирамовича 7 мар. 1786 года.—*Nauka obuczajów*—Пирамовича издана была особо въ 1862 году редакціей варшавской *Gazety rolniczej*, служив- шей органомъ извѣстнаго тогда земледѣльческаго общества.

духу, по приемамъ обученія, какъ и по составу своему, этотъ учебникъ такъ же далеко отстоялъ отъ тогдашнихъ букварей, съ неизбежными въ нихъ рѣзкими похвалами розгѣ, какъ желанные комиссией просвѣщенія учителя—отъ наличныхъ тогда сельскихъ органистовъ. Кроме того, этотъ учебникъ далеко не обнималъ собою всѣхъ предметовъ, положенныхъ въ курсѣ начальныхъ школъ и требовавшихъ для прохожденія его двѣнадцать лѣтъ. Пылкій Пирамовичъ, глубоко вѣрившій въ силу наставленій, рѣшился съ одной стороны восполнить учебникъ, съ другой стороны—приготовить наличныхъ учителей къ исполненію мыслей комиссіи въ возможной полнотѣ ихъ. Съ этою цѣлю онъ составилъ: „*Rowinności pauczyciela, mianowicie zaś w szkołach parafialnych, i sposoby ich dopełnienia*“ (обязанности учителя, главнымъ образомъ въ приходскихъ школахъ, и способы выполненія ихъ)—сочиненіе, напечатанное въ 1787 году и предписанное комиссией въ руководство для всѣхъ парафіальныхъ учителей.

Едва ли какая-либо педагогическая литература представить другое, такое же полное и всестороннее, наставленіе начальному учителю, какое даетъ эта книга Пирамовича (13+211 стр. in 8). Это писалъ не только человекъ просвѣщенный, хорошо соображавшій всѣ, даже самыя мелкія, подробности своей задачи и имѣвшій обширныя свѣдѣнія о предметѣ, но энтузіастъ, фанатикъ идеи, безпредѣльно преданный ей и безусловно вѣрившій въ силу ея, въ возможность для тогдашняго сельскаго учительскаго тина проникнуться духомъ ея и осуществить ее на крестьянскихъ дѣтяхъ, съ помощію только напряженія воли. Это не простое изложеніе наставленій, не рядъ спокойныхъ объясненій и указаній, но одна непрерывная педагогическая проповѣдь, горячая, идущая отъ сердца; авторъ направилъ все свое вниманіе на чувство и воображеніе учителя, онъ старается увлечь его, покорить, проникнуть духомъ своей идеи. Польская деревня

представляется ему крѣпостническимъ раемъ, въ которомъ благодѣтельные паны сходятся въ благородномъ и самоотверженномъ служеніи счастью крестьянина и высоко ставятъ постъ сельскаго учителя,—учитель, просвѣщенный образецъ всѣхъ нравственныхъ достоинствъ, воздагаетъ на алтарь отечества всѣ свои силы,—крѣпостной человѣкъ, надѣленный всѣми добродѣтелями своего званія, охотно несетъ ихъ на службу своимъ панамъ и отечеству! Каждое положеніе и наставленіе въ отдѣльности проникнуто гуманностью, многія изъ нихъ глубоко педагогичны и приложимы къ сельской школѣ во всякое время и въ каждомъ мѣстѣ, не мало такихъ наставленій и правилъ, которыя слѣдовало бы заручить каждому современному учителю начальной, особенно сельской, школы; но всѣ они вмѣстѣ, въ своемъ духѣ и направленіи, производятъ тяжелое впечатлѣніе напряженныхъ усилій позолотить пальское крѣпостное ярио, одѣвать тѣло и душу крестьянина возможно лучшею машиною цанскихъ выгодъ и политическихъ видовъ Польши. И здѣсь Пирамовичъ строитъ все свое педагогическое зданіе на *трасть природы*, въ которой сокрыта, по тогдашнему міровоззрѣнію, воля Божія, а натура крестьянъ—крѣпостное состояніе! „Божія воля, —говоритъ онъ,—предопредѣлила имъ такое состояніе“ ... Если бы авторомъ руководила дѣйствительно христіанская мысль, состраданіе къ угнетенному и приниженному классу, забота о воспитаніи человѣка-христіанина, который и въ неволѣ сознаетъ себя свободнымъ, сыномъ Божиимъ, тогда вся филиппика Пирамовича получила бы иное направленіе и иное освѣщеніе. Но это холодное предопредѣленіе, эта воля природы, дающая только обязанности и никакихъ *правъ*, освящающая рабство,—это есть нѣчто единственное въ христіанскомъ педагогическомъ мірѣ, обнаруживающее всю страстность постороннихъ, политическихъ видовъ, орудіемъ которыхъ сдѣлана школа.

Безъ сомнѣнія, потребуется большое усиліе, чтобы воспитать учителя, способнаго исполнить эту задачу. Пирамовичъ хорошо зналъ человѣка и способы возбужденія его. Онъ сразу поднимаетъ учителя на такую высоту, на которой и у современнаго учителя закружилась бы голова. „Человѣкъ, призванный къ завѣдыванію парафіальною школою и къ обученію дѣтей въ деревняхъ и мѣстечкахъ, долженъ смотрѣть на свою службу, какъ на дѣло величайшей важности во всѣхъ отношеніяхъ. Задача приванія его состоитъ въ томъ, чтобы въ своемъ обученіи онъ обнялъ все, что составляетъ благо вѣранныхъ ему учениковъ, какъ въ дѣтствѣ ихъ, такъ и въ дальнѣйшей жизни“. Для лучшаго уразумленія своихъ обязанностей, Пирамовичъ требуетъ отъ учителя: 1) „прежде всего обращай съ молитвою къ отцу свѣта Богу, чтобы Онъ подкрѣплялъ тебя въ твоихъ трудахъ и занятіяхъ, поддерживалъ твое усердіе и услаждалъ горечь“; 2) „употребя все усиліе, чтобы въ разговорахъ съ умными и опытными людьми почерпнуть для себя необходимыя свѣдѣнія,“ получать рѣшеніе твоихъ недоумѣній, какъ лучше поступать съ учениками во всѣхъ отношеніяхъ“; 3) совѣтуетъ читать педагогическія книги, изъ которыхъ однако не указываетъ ни одной¹⁾, „а пока добудешь другія книги, читай эту, она достаточно поможетъ тебѣ въ твоей задачѣ, если ты будешь часто, внимательно совѣтываться съ нею и по-

¹⁾ На польскомъ (и на латинскомъ) языкѣ печатались въ то время преимущественно рѣчи при открытіи ученія въ высшихъ школахъ, на публичныхъ экзаменахъ, рѣчи профессоровъ при вступленіи въ должность и под., проэты и уставы школьной организаціи и т. п. Общій педагогическій интересъ, но слишкомъ отдаленный для сельскаго учителя, имѣли слѣдующія книги: *Rozmowa filozofa z pobietykiem o trojakiem w Polsce miodzi wychowaniu*, 1756, графа Тарновскаго; *Rozmowa o celu i najpierszym edukacyi koisci*, 1757,—произведеніе учениковъ піарскихъ школъ (конечно, исправленное); *Przyjaciel miodych*, 1781, г., перев. съ французскаго, *O edukacyi dzieci*, 1781, Локва, переводъ съ франц. изданія; *Adela i Theodor*, 1787,—письма о воспитаніи M-me de Gentis; *O publicznej edukacyi porównanej z prywatną*, 1789, *O domowym ćwiczeniu dzieci w naukach*, 1784, Роллена, пе-

вѣрять ея все твое поведеніе“. Четвертое и пятое правила внушаютъ предварительно обдумывать каждый свой урокъ, всякое слово, поступокъ, движеніе и т. п. на урокахъ. Какъ учителямъ вышихъ школъ, такъ и начальному учителю въ особенности, онъ внушаетъ болѣе всего размышленіе съ самимъ собою. Онъ даетъ ему даже формулу ежедневныхъ размышленій съ самимъ собою: „размышляй самъ съ собою ежедневно: волею Бога, любвеобильнаго Отца всѣхъ людей, я призванъ посвятить всѣ свои силы обученію дѣтей, чтобы сдѣлать ихъ людьми набожными, добродѣтельными, знающими въ своемъ хозяйствѣ, здоровыми и крѣпкими, вообще счастливыми. О Боже, какъ велика, какъ похвальна задача моего служенія! Вижу, каковъ мой долгъ и мои обязанности“.

Эти обязанности весьма сложны. Учитель долженъ хорошо знать тѣ предметы, которымъ будетъ обучать дѣтей; онъ долженъ имѣть ясное и полное пониманіе всѣхъ нуждъ селянина или горожанина, каждой работы, каждаго ремесла и орудія, всякаго сельскаго производства, торговли, садоводства, земледѣлія, всѣхъ домашнихъ принадлежностей и т. п. и всему научить ученика, отнюдь не выводя его за черту крѣпостного быта, дабы не возбудить противныхъ обязанностей его стремленій. Учитель—„все“. Онъ долженъ имѣть къ ученикамъ: „любовь, отеческое сердце, заботливость, стараніе о благѣ ихъ“. Онъ главный распорядитель ихъ не только въ школѣ, но и дома; онъ долженъ часто посѣщать ихъ дома и наблюдать, все ли исполняютъ они по указаніямъ его, имѣютъ ли необходимое платье, постель, здоровую пищу, провѣтривается ли ежедневно изба, достаточно ли ро-

реводъ Толочки; *Sposób zarzepienia w dzieciach obyczajów i nauk, podany rodzicom i tym, którzy się zatrudniają perwiaszkowym ich przyzposobieniem do tych dwóch zamiarów*, 1787. Последнія два сочиненія ближе всѣхъ касаются интересовъ начального учителя, но только образованнаго. Не упоминаемъ здѣсь о французск.хъ перепечаткахъ того времени.

дители даютъ имъ времени для прогулокъ и т. п., и если бы замѣтилъ неисправность за самими родителями, долженъ имъ замѣтить о томъ „наединѣ“ и т. п. „Но не достаточно умѣть исполнять обязанности учителя, нужно еще имѣть свойства и надлежащія качества сердца, воли и быта“. „Цѣлою своею жизнію и цѣлымъ своимъ бытомъ онъ долженъ давать дѣтямъ примѣръ набожности, почтенія, трезвости и чистоты“ и т. д., „въ словахъ, движеніяхъ, во всемъ поведеніи своемъ сохранять приличіе и достоинство, не придавая себѣ смѣшной манеры въ походкѣ, говорѣ“ и т. д. Если бы учитель нашелъ необходимымъ наказать кого-либо изъ учениковъ, въ особенности обратиться къ тѣлесному наказанію (do chlosty i plag), онъ „долженъ предварительно дать понять провинившемуся и другимъ ученикамъ, что онъ вынужденъ ввязаться за розгу, заклинять ихъ и просить, чтобы не давали ему поводъ къ тому“, долженъ наказывать „съ тяжелою скорбію“ (z smartwieniem), „пускай болѣетъ сердцемъ (ubolewa) надъ виновнымъ и ожидающимъ наказанія“. Подобныя приемы доброты учителю диктуются во всѣхъ другихъ положеніяхъ. Облегчая такимъ образомъ учителю исполненіе его задачи, Пирамовичъ не забываетъ главнаго рычага естественной нравственности, самолюбія, и всюду обращается къ нему, какъ лучшему средству возбудить и укрѣпить энергію его. Всего болѣе онъ старается проникнуть его чувствомъ собственнаго достоинства, мыслию о высокой важности его призванія, о чемъ внушаетъ ему ежедневно размышлять и съ самимъ собою, черпая въ собственномъ чувствѣ и совѣсти главное утѣшеніе для себя. „Что за радость, что за утѣшеніе для того человѣка, которому собственная совѣсть даетъ доказательства того, что онъ своимъ стараніемъ и трудомъ содѣйствовалъ благу людей“! Онъ увѣряетъ также учителя—этого прежняго слугу приходскаго ксендаза, униженно выпрашивавшаго на панскомъ дворѣ то кусокъ поля, то мѣрку *збожа*, подобострастно ловившаго улыбку панскаго *эконома*,

—что „всѣ разумные и почтенные граждане, родители дѣтей, даже пастыри духовные, равно служащіе при панскомъ дворѣ, помѣщики и всѣ паны, зная, какою великою заботою о людскомъ благѣ занять учитель, будутъ имѣть службу и личность его въ почтеніи и уваженіи“.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ самой программы обученія по руководству Пирамовича, отмѣтимъ только болѣе характеристическія черты его.

Общею чертою наставленій по каждому предмету служить непремѣнное указаніе выгодъ этого предмета и занятій имъ для дѣтей и для родителей ихъ. Въсѣтъ съ указаніемъ такихъ сторонъ, которыя мѣтко совпадаютъ съ нуждами сельскаго быта, Пирамовичъ въ каждомъ случаѣ выражаетъ и заботу о томъ, чтобы учитель не выступилъ за черту крѣпостного сословія и не возбудилъ въ дѣтяхъ стремленій къ тѣмъ понятіямъ и ощущеніямъ, которыя не свойственны ихъ „званію“.

Обученіе чтенію и письму рекомендуется совмѣстное, что было цѣлымъ переворотомъ сравнительно съ прежнимъ *силлабизованіемъ*. Для чтенія требуется дѣлать строгій выборъ книгъ и статей, сообразно „званію“ дѣтей и ихъ родителей. Всего лучше читать: „наставленія объ обязанностяхъ“, изложенныя въ букварѣ 1785 года, статьи религіозныя, а также „отрывки изъ священной исторіи, о хозяйствѣ, огородничествѣ, о нѣкоторыхъ болѣзняхъ людей и скота, о лѣченіи ихъ и т. п., ничего не сообщая при этомъ, что выше ихъ пониманія и состоянія“. Для упражненій въ письмѣ полагается составленіе „просьбъ, документовъ и разказовъ, краткихъ и ясныхъ, притомъ о такихъ дѣлахъ, которыя случаются или могутъ случиться въ деревняхъ или мѣстечкахъ, какъ, напримѣръ, нужда пойти съ просьбою во дворъ (къ помѣщику) или къ другимъ властямъ (сельскимъ). Толковый учитель долженъ дать имъ образцы на эти случаи.

Смотря по времени и обстоятельствам хозяйственнымъ, пу-
окай записываютъ, сколько на которомъ полѣ посеяно, сколько
и какого зерна собрано, умолочено, продано и под. Иногда
прикажетъ имъ написать свойственныя ихъ возрасту и со-
словію письма, содержаніемъ которыхъ долженъ быть или
спросъ о чемъ-нибудь, или донесеніе, или совѣтъ. Такимъ
способомъ учитель одѣлаетъ эту науку и полезною, и без-
упречною“. „Грамотность, — наставляетъ Пирамовичъ, — тогда
только была бы вредною, когда крестьянинъ, считая себя
грамотнымъ, пренебрегалъ бы своими обязанностями, оу-
скалъ бы хозяйство, оставлялъ бы отцовское жилище, бросалъ
бы земледѣльческое, ремесленное или торговое сословіе и уно-
силъ бы напраснымъ любопытствомъ въ чтеніе книжекъ,
беспольныхъ для него“. „Красивое письмо, — заключаетъ онъ
наставленіе, — для этихъ людей не нужно, напрасно ушло бы
на это много времени и принужденія.... Прикажетъ имъ
только писать чисто, не пачкать бумагу“.

При обученіи *счисленію*, требуется брать примѣры ис-
ключительно изъ крестьянскаго быта и особенно упражнять
учениковъ въ составленіи реэстровъ хозяйственныхъ пред-
метовъ, для чего „брать у хорошихъ дворскихъ счетчиковъ
образцы счетовъ зернового хлѣба и денегъ, по которымъ
ученики должны составлять свои реэстры“.

Выгоды обученія *измѣренію* Пирамовичъ указываетъ
въ томъ, что при немъ удобнѣе соразмѣрить количество по-
сева и сбора, и что знатока этого дѣла могутъ „взять во
дворъ“, такъ какъ помѣщики въ то время всюду приступали
къ измѣренію своихъ полей. Обученіе должно было идти ис-
ключительно практическимъ способомъ. „Показавши учени-
камъ инструменты и давши понятіе о каждомъ изъ нихъ,
учитель выходитъ съ ними въ поля, огороды, на площади и
на дѣлѣ показываетъ употребленіе ихъ и способы измѣре-
нія“. Въ школѣ ученики будутъ чертить эти инструменты,
при чемъ не должно заботиться о красотѣ рисунка: „черче-

ніе, хотя и неловкое, будетъ для нихъ упражненіемъ (zabawa), для красивыхъ чертежей есть школы“ (высшія). При намѣреніи требуется обучать мѣрамъ и вѣсамъ — краевымъ и пограничнымъ.

Наука о *постройкахъ* также производилась практическимъ или нагляднымъ способомъ. Учитель, объяснивъ ученикамъ, каковъ долженъ быть матеріалъ для построекъ, какъ его обрабатываютъ, складываютъ, заставляетъ дѣтей чертить сельскія строенія, также не заботясь „о красотѣ чертежа“; потомъ обходитъ съ дѣтьми деревню, указывая удобства или неудобства постройки того или другого предмета, какъ-то: домовъ, сараевъ, крышъ, стѣнъ, оконъ, дверей и т. п., входитъ съ ними въ мельницы и т. д. „Но наиболѣе принесетъ пользы,—говоритъ Пирамовичъ,—если ученики, во время работъ при костелѣ или на панскомъ дворѣ, будутъ присматриваться, какъ складно строятъ деревянныя зданія филиппоны (русскіе раскольники) и горали“ (жители карпатскихъ горъ). Пирамовичъ надѣется, что этимъ способомъ обученія школы будутъ доставлять деревнѣ и цѣлому краю „мельниковъ, пильщиковъ, бочарей, плотниковъ и т. п.“

Совершенно въ такомъ же духѣ и тѣмъ же способомъ должно производиться обученіе: торговлѣ, промысламъ, земледѣлію и огородничеству, при чемъ тоже внушается учителю „не говорить съ учениками о такихъ предметахъ, которые не имѣютъ отношенія къ ихъ званію и средѣ“.

Что касается *физическаго воспитанія*, то для него предписываются тѣ же приемы и способы, какіе положены для „высшихъ школъ“, тѣ же прогулки, игры, тотъ же „военный муштръ“. Различіе только въ томъ, что при военныхъ упражненіяхъ не упоминается о возбужденіи чувства чести, рыцарскихъ доблестей и т. п., а требуется исключительно закаливать (hartować) силы учениковъ, съ употребленіемъ и нѣкоторыхъ особенныхъ приемовъ, „свойственныхъ ихъ зва-

нію“, наприкладъ, „пріучать ходити босими, безъ обуви, развѣ уже слишкомъ холодно, или болѣзнь случится, или приключится что-либо другое, требующее обуви“.

Нравственное воспитаніе, выходя изъ признанія крѣпостного состоянія Божиимъ предопредѣленіемъ, имѣло задачею всѣ добродѣтели, свойственныя этому званію, именно: „справедливость, любовь къ ближнему, милосердіе, терпѣніе, стыдливость, трезвость, повиновеніе закону, панамъ своимъ и всему высшему начальству“. Безъ сомнѣнія, при этомъ не упоминается ни о какомъ правѣ природы крѣпостного человѣка. Если Пирамовичъ говоритъ иногда объ уваженіи къ самолюбію крестьянскихъ учениковъ, то, не имѣя для него опоры въ натурѣ крѣпостного человѣка, онъ часто самъ себя противурѣчитъ, наприкладъ, когда совѣтуетъ учителю „наиболѣе употреблять тѣ наказанія, которыя пристыжаютъ виновнаго“. Нравственное воспитаніе ставилось выше всего и безусловно подчиняло себя всѣмъ прочимъ задачамъ школы. „Если бы учитель, — говоритъ Пирамовичъ, — напрягалъ всѣ свои усилія къ достиженію этой цѣли (т. е. къ воспитанію учениковъ въ указанныхъ добродѣтеляхъ) и успѣвалъ въ ней, то хотя бы ему не удавалось научить дѣтей чему-либо другому, онъ не имѣлъ бы въ чемъ винить себя предъ Богомъ и людьми и былъ бы достоинъ похвалы и награды“. Крестьянскія дѣти воспитываются въ добродѣтеляхъ иначе, чѣмъ шляхетскія. „Вся наука, — говоритъ Пирамовичъ, — должна состоять, выражусь такъ, въ заправкѣ ихъ къ добру посредствомъ навыка“. Предлагаются разные способы этой заправы, состоящіе въ пользованіи разными случаями, чтобы дѣтей натолкнуть на доброе дѣло и отвлечь отъ порока. Большою новостью въ начальной школѣ являлось пѣніе свѣтскихъ пѣсенъ, замѣнявшихъ собою прежнее совершенствованіе въ пѣніи латинскихъ стиховъ, литаній и т. п. Пирамовичъ находитъ, что прістойныя и веселыя пѣсни много помогаютъ воспитанію. Пѣсня развеселитъ, оживитъ, дастъ пріятное развлеченіе, „по-

средствомъ пѣсни можно даже влгаты въ душу дѣтей набожность, любовь къ ближнему, охоту къ труду, раанья добродѣтели, отвращать отъ проступковъ, праздности и т. п.“

Проектъ парафіальной школы остался не исполненнымъ, — не потому, какъ думаютъ польскіе историки, что раздѣлъ Польши помѣшалъ исполненію его, но по неприложимости его на дѣлѣ. Кромѣ внутренняго противурѣчія, какъ представляетъ система воспитанія идеальнаго крѣпостнаго человѣка, важнымъ препятствіемъ къ учрежденію школъ служило отсутствіе определенныхъ средствъ къ существованію школы и учителя, расчетъ исключительно на великодушіе и милость пановъ и коендзовъ. Только по границамъ Пруссіи, успѣвшей въ то время, при помощи простого практическаго способа (школьные вѣфораты и обязанность школьныхъ складокъ), быстро распространить школы по деревнямъ, стали появляться *парафіальныя* школы, еодержимыя при костелахъ по старому типу. Достаточно заглянуть въ тогдашнія „wizyty“, чтобы убѣдиться въ крайней фантастичности школьной статистики г. Заруцкаго (Dawne wychowanie szkolne w Polsce), насчитывающаго въ Польшѣ въ 1790 году 9,316 парафіальныхъ школъ и 296,400 учащихся въ нихъ.

Намъ остается сказать о женскомъ образованіи. Но о немъ мы можемъ сказать не многое. Комиссія просвѣщенія оказалась совершенно безсильною въ преобразованіи воспитанія славившейся тогда въ цѣлой Европѣ польки. Тутъ все старанія комиссіи разбивались о примѣры въ семействахъ даже самихъ членовъ ея, какъ напр. одного изъ наиболѣе видныхъ — Адама Чарторыжскаго, жена котораго была извѣстною въ Европѣ красавицей и куртизанкой, или — въ домѣ предсѣдателя ея, епископа Массальскаго, племянница котораго, герцогиня де-Линь, обратила епископскій домъ въ пріютъ

едва ли не самой веселой жизни на Литвѣ и наиболѣе содѣйствовала растратѣ дядей ея огромныхъ суммъ изъ по-іезуитскихъ капиталовъ,—или жена даже самаго преданнаго учебной реформѣ Игнатія Потоцкаго, его брата Станислава Потоцкаго, будущаго продолжателя плановъ комиссіи... Широкимъ потокомъ разливалось въ высшихъ кругахъ тогдашней Польши модное воспитаніе, такъ тѣсно совпадавшее съ слабыми сторонами польской женщины, любившей веселиться и нравиться. Французскіе пансіоны, французскія гувернантки низвели все воспитаніе до умѣнья читать, писать, говорить по-французски, играть на клавинодахъ и гитарѣ, прелестно танцовать, всего же болѣе—нравиться¹⁾. „Что оказать о женскомъ воспитаніи?—пишетъ Колонтай къ Малаховскому. Жалкое подражаніе размножило въ столицѣ пансіоновъ. Модѣ принесены въ жертву добрые обычаи; хорошій тонъ превратилъ благородныхъ паненокъ въ комедіантокъ, въ искусныхъ танцовщицъ... Мы трудимся надъ воспитаніемъ женщины только для того, чтобы она развлекала насъ и кружила намъ головы, нисколько не думая о томъ, чтобы она заботилась о нашемъ характерѣ и нашихъ обычаяхъ, чтобы она укрѣпляла въ насъ мужество и содѣйствовала доброму управленію...“ Большинство шляхты продолжало держаться противоположной крайности, липавшей женщину всякаго знакомства со свѣтомъ и дѣлавшей ее крайне не опытною и не твердою въ отношеніи къ соблазнамъ свѣта, именно—монастырскаго воспитанія. Главными воспитательными пріютами служили для этой части шляхты²⁾ монастыри *визитокъ* и *сакраментокъ*. Въ 18 вѣкѣ является стремленіе къ воспитанію женщины низшихъ классовъ, чѣмъ занялись спеціально *шаритки* (сестры милосердія) и *беллицанки*. Эта заботливость о бѣдныхъ классахъ сосредото-

¹⁾ Лукашевичъ, т. II, стр. 439.

²⁾ Лукашевичъ, т. II, стр. 435, 436.

лась преимущественно на русскихъ областяхъ, на русскою простой женщинѣ, начиная отъ границъ сплошнаго польскаго населенія, по которымъ расположены были школы шаритокъ (Холмъ, Бѣла, Бѣлостокъ). Въ половинѣ 18 вѣка появились *маріавитки*, съ специальною задачею обращенія евреекъ въ христіанскую вѣру; но онѣ поселились и развили свою дѣятельность исключительно въ Бѣлоруссіи, подъ руководствомъ ксендза Іосифа Турчиновича. Онѣ имѣли свои монастыри и школы: въ Минскѣ, Мстиславлѣ, Слонимѣ, Полоцкѣ, Оршѣ, Головчинѣ, Витебскѣ, Гроднѣ, Новогрудкѣ, Мозыри, Пинскѣ, Бобруйскѣ и др. На Волыни и Украинѣ, напротивъ, не видимъ ни одного изъ этихъ пріютовъ,—монахини пугались казацкихъ бунтовъ и народнаго настроенія.

Комиссія просвѣщенія, не имѣя никакихъ средствъ къ учрежденію общественныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, ограничивалась заохочиваніемъ монахинь къ развитію учебной дѣятельности и подчиненіемъ всѣхъ частныхъ пансіоновъ вѣднію ректоровъ окружныхъ школъ и визитаторовъ, постановивъ при этомъ, чтобы 1) содержаніе пансіоновъ разрѣшаемо было только способнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ благонадежнымъ дамамъ; 2) курсъ обученія составляли: чтеніе и письмо по-польски, счисленіе, ручныя работы, исторія, особенно отечественная, географія, религія и нравственность. Но визитаторы доносили, что нѣтъ возможности заставить содержательницъ подчиниться требованію комиссіи. Последняя рѣшилась испробовать для успѣха женскаго образованія средство, съ помощію котораго Пруссія въ концѣ этого столѣтія успѣла сильно распространить первоначальныя школы, именно—*эффораты*, т. е. мѣстныя общества для содѣйствія успѣхамъ школъ, для ближайшаго надзора за ними и т. п. Дамскіе эффораты—надвѣялась комиссія—привлекутъ дамъ высшаго круга, измѣнятъ взгляды высшаго общества на воспитаніе женщины. Но эта рѣшимость при-

шла уже тогда, когда три державы направляли свои арміи для прекращенія въ Польшѣ всякихъ проектовъ и самаго бытія ея.

Надежды польскихъ реформаторовъ не исполнились: школа не спасла Рѣчь Посполитую отъ полного разрушенія. Поляки жалуются, что имъ не дали достроить начатое зданіе по уставамъ 1783 года и по конституціи 3-го мая; они выражаютъ полную увѣренность, что завершеніе этого зданія поставило бы Польшу въ ряду самыхъ цвѣтущихъ государствъ Европы. Но учебные уставы, планы, наставленія, способы ихъ исполненія, цѣли и задачи воспитанія, ходъ и успѣхи его,—словомъ, наиболѣе жизненный нервъ предположеннаго польскаго государства, полный и ясный обликъ идеальнаго аданія—на лицо: система, полная внутреннихъ противурѣчій, не могла внести единства въ разрозненныя и враждующія общественныя силы, напротивъ только увеличивала антагонизмъ ихъ; естественная, эгоистическая нравственность не могла примирить двѣ враждующія народности, обуздать произволь шляхты, поднять низшіе классы на степень живыхъ органовъ общества и государства; бесвязное нагроможденіе наукъ, съ ослабленіемъ образовательнаго элемента въ пользу узкаго, поверхностнаго практицизма, дрессировка воли подъ вліяніемъ возбужденнаго чувства и воображенія приводили не къ сознанію дѣйствительныхъ болѣзней и нуждъ общества и государства, но къ постройкѣ воздушныхъ замковъ, отвлеченнаго, призрачнаго отечества,—не къ дѣйствительному, спокойному и упорному труду надъ обновленіемъ народныхъ силъ, но къ мечтаніямъ о легкой возможности осуществить идеальнаго польскаго государства и къ постояннымъ нареканіямъ на препятствія извнѣ. Европа охотно уступитъ Польшѣ честь „перваго примѣра устройства отдѣльной государственной магистратуры надъ

общественнымъ образованіемъ“ (министерства народнаго просвѣщенія)¹⁾ и перваго объединенія системы образованія въ государствѣ. Въ замѣнъ того Европа получаетъ отъ Польши первое доказательство того, какъ опасно обращать школу въ орудіе политическихъ видовъ... Отдаемъ полную честь попыткамъ Польши приложить къ школъ то, что было лучшаго въ воспитательныхъ идеяхъ XVIII вѣка, и распространить благо просвѣщенія на все свое населеніе. Понимаемъ всѣ трудности первой пробы этого важнаго дѣла и неизбежность увлеченій и ошибокъ, цѣнимъ усилія дѣятелей реформы. Польшѣ выпала трудная доля созидать эту реформу среди взволнованныхъ страстей цѣлаго края, среди грома пушекъ, глядя въ раскрытую предъ нею бездну... Тѣмъ глубже и ошибки. Тѣмъ непростительнѣе было бы повторять эти ошибки, воздвигать на нихъ алтарь національнаго образованія, какъ это сдѣлано во времена Варшавскаго герцогства и въ первые годы Царства Польскаго, указывать на эту реформу, какъ на извѣстный памятникъ національной дѣятельности, какъ это доселѣ видимъ въ польской литературѣ (и въ исторіи школъ—Лукашевича).

Въ частности, что обѣщала эта реформа въ виду долгой и упорной борьбы между двумя основными народностями бывшей Польши? То, что такъ рельефно представлено было извѣстнымъ организаторомъ новой общественности въ Галиціи гр. Глуховскимъ въ знаменитомъ его изреченіи: „магуръ + русинъ = полякъ“. Въ этомъ отношеніи польская, до-реформенная старина была снисходительнѣе и благоразумнѣе просвѣтительной новизны. Реформа, безусловно исключаящая всѣ другіе типы школы на всемъ пространствѣ Рѣчи

¹⁾ Это выраженіе взято нами изъ докладовъ Станислава Потоцкаго саксонскому королю—варшавскому герцогу и императору Александру I въ 1814 году. Эти доклады имѣются въ дѣлахъ архива варшавскаго учебнаго округа.

Посполитой, не сдѣлала ни единой уступки въ пользу русской народности; народность, составлявшая половину государства, такъ ярко доказавшая преданность своимъ началамъ продолжительною и упорною борьбою съ нимъ, дочеркомъ реформаторскаго пера уничтожена; реформа видитъ на ея мѣстѣ только поляка, громящаго политику русскаго царства въ отношеніи исконныхъ, родныхъ областей ея именемъ „хитрости, наѣзда, насилія, грабежа, присвоенія чужой собственности“. Даже базилиане, наиболѣе соотвѣтственные слуги Рѣчи Посполитой, нашлись вынужденными вступить въ борьбу со школьною реформою. Если первоначальное невниманіе къ ней со стороны какихъ-нибудь уманскихъ или каневскихъ базилианскихъ монаховъ могло быть только послѣдствіемъ невѣжества, то дальнѣйшая оппозиція и распространеніе ея во всѣхъ базилианскихъ школахъ должны были имѣть иной смыслъ. Оппозиція уоилалась до того, что комиссія просвѣщенія угрожала закрыть всѣ базилианскія школы, если онѣ не будутъ исполнять уставы ея въ точности. Угроза подѣйствовала, и въ 1785 году провинціалъ базилианскій увѣдомилъ комиссію, что отселѣ базилиане будутъ исполнять эти уставы во всѣхъ отношеніяхъ¹⁾. Но и послѣ этого базилиане въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжали упорствовать. Не можетъ быть, чтобы эта оппозиція имѣла основаніемъ, какъ думаетъ Лукашевичъ, слѣпое пристрастіе къ Альвару и старой риторикѣ. Въ визитаторскихъ рапортахъ часто попадаются нареканія, что базилиане не хотятъ праздновать въ своихъ школахъ римско-католическихъ праздниковъ. Одинъ изъ числа первыхъ четырехъ визитаторовъ, посланныхъ отъ имени комиссіи просвѣщенія, Головчицъ, выражается о любарскихъ базилианахъ, что они „портятъ своимъ греческимъ обрядомъ и соблюденіемъ своихъ праздниковъ единство (въ религіозномъ обученіи), указанное въ уставахъ комис-

¹⁾ Historia szkół II, стр. 444 въ примѣчаніи.

сін¹⁾). Какъ въ той же визитѣ, такъ и другихъ выражается сожалѣніе, что хотя большинство базилианскихъ учениковъ, а иногда и всѣ почти ученики ихъ римско-католики, но базилиане празднуютъ и свои праздники, что, по мнѣнію визитаторовъ, отнимаетъ много времени отъ науки. Съ 1789 г.,—года народныхъ волненій на Волыни, эти жалобы визитаторовъ прекращаются или выражаются мягче. Это уже не религіозная нетерпимость прежняго, стараго времени, но фанатизмъ политическій, который, предпочитая нравственность естественную, подчинилъ политическимъ видамъ и свою римско-католическую религію²⁾.—Съ другой стороны, комиссія просвѣщенія не дала никакого мѣста въ школахъ русскому языку. Что въ русскихъ областяхъ Польши было въ то время стремленіе къ изученію своего языка и къ усвоенію общерусскаго литературнаго языка, это показываетъ изданіе въ Полоцкѣ (въ 1770 г.) и въ Почаевѣ (въ 1778 г.) русской грамматики. Авторъ послѣдняго изданія, базилианинъ Любавичъ, посвящая свою книгу: „Grammatyka rossyjska“ извѣстному Адаму Чарторыжскому, владѣльцу обширѣйшихъ имѣній на Волыни, говоритъ въ своемъ посвященіи, что русокій языкъ пользуется „особеннымъ вниманіемъ“ при дворѣ этого князя. Авторъ изданнаго въ Варшавѣ въ 1825 году русско-польскаго словаря, Якубовичъ, въ предисловіи къ нему говоритъ, что у него имѣлась рукопись подъ заглавіемъ: *Начальная наука польская съ російскою 1795 года*. Извѣстно также изданіе, напечатанное въ 1795 г. Микульскимъ: *Łatwy sposób nauczania się po rossyjsku i po polsku* (Легкій способъ выучиться по-русски и по-польски).

¹⁾ Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce. 1877 Краковъ. Т. I, стр. 47. Тамъ же, см. отзывы Головчица объ этомъ предметѣ въ другихъ базилианскихъ школахъ, подъ рубрикою: *Nabożeństwo*.

²⁾ Базилианскихъ школъ было въ это время 13, именно: въ юго-западномъ краѣ 9: въ Барѣ, Бучачѣ, Умани, Каневѣ, Любарѣ, Овручѣ, Острогобѣ, Шаргородѣ и Владимірѣ Волынскомъ; въ сѣверозападномъ краѣ четыре: въ Вильнѣ, Жировицахъ, Березвечѣ и въ Борухнахъ.

Между тѣмъ, оставалось во всей силѣ постановленіе сейма 1764 года о томъ, чтобы сыновья русскихъ священниковъ (prowyście), не поступившіе до пятнадцатилѣтняго возраста на духовную службу или не записавшіеся въ ремесло, обрацаемы были въ крѣпостные крестьяне мѣстнаго владѣльца—коллятора. Какая духовная служба возможна для пятнадцатилѣтняго мальчика? Легко ли было переходить въ податное сословіе — ремесленника? Лукашевичъ признаетъ этотъ законъ „варварокимъ“, но утѣшается тѣмъ, что онъ побудилъ священниковъ къ крайнимъ усиліямъ, чтобы дать своимъ сыновьямъ образованіе, и что новыя школы, особенно базилианскія, наполнялись священническими сыновьями, которые потомъ поступали или въ священники, или въ канцеляріи, въ учителя, или наконецъ въ частную службу (къ помѣщикамъ). Но неизвѣстный авторъ сочиненія: „Uwagi polityczne do prawideł religii i zdrowej filozofii zastosowane“ (Варшава, 1789 г.) свидѣтельствуетъ, что послѣдствіемъ этого закона, „свойственнаго XI и XII, а не XVIII вѣку“, была вражда священниковъ къ Польшѣ и бѣгство священническихъ сыновей „за границу“, т. е. въ русское царство, „для избавленія отъ крѣпостнаго состоянія“. Итакъ, одна часть единственной въ то время свободной русской молодежи (исключительно униатская), поступая въ школы, принуждаема была въ нихъ чуждаться своего обряда и языка, чтобы потомъ окончательно потеряться въ канцеляріяхъ и панскихъ дворахъ, другая (преимущественно православная) предпочтала этому образованію бѣгство изъ родныхъ пепелищ! Но стало затруднительнымъ для русскаго мальчика научиться даже грамотѣ. Комиссія просвѣщенія не успѣла распространить въ русскихъ областяхъ узаконеннаго ею типа парафіальныхъ училищъ; но она строго наблюдала посредствомъ визитаторовъ, дабы всѣ школы иного образца не были допускаемы. Церковныя школы, эти единственные пріюты русской народности въ краѣ, прекращали свое долговѣчное су-

ществованіе и свою послѣднюю поддержку русской народности! Становилось невозможнымъ въ цѣломъ краѣ научиться даже церковно-славянскому чтенію, чтобы церкви не оставались безъ богослуженія. Бунтъ на Волыни (1789 г.), испугавшій визитатора того времени до того, что онъ успѣшилъ вернуться въ Краковъ, вѣроятно, не даромъ заставилъ польскіе суды искать главныхъ виновниковъ его въ средѣ русскихъ священниковъ...

По визитѣ 1789 года мы и начнемъ знакомство съ школами, существовавшими въ Южной Руси, т. е. на Украинѣ, Подолья и Волыни, на пространствѣ отъ Холма до Винницы и Бара. Къ этому времени окончены почти всѣ приготовленія комиссіи просвѣщенія къ точному исполненію новыхъ уставовъ во всѣхъ школахъ. Визита 1789 г. полнѣе визиты другихъ лѣтъ (визиты оканчиваются 1792 годомъ). 1789 годъ имѣлъ рѣшительное значеніе въ судьбѣ юго-западнаго края.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(Приложеніе къ статьѣ: «Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ»).

„РАПОРТЪ ¹⁾

Пресвѣтлой Комиссіи Просвѣщенія о генеральномъ осмотрѣ въ 1789 г. школъ:“

- 1) Состоящихъ при главной краковской школь;
въ округъ малопольскомъ:
- 2) окружныхъ люблинскихъ, академическихъ;
- 3) подокружныхъ сандомірскихъ, академическихъ;
въ округъ волинскомъ:
- 4) окружныхъ кременецкихъ, академическихъ;
- 5) подокружныхъ каменецкихъ ” ”
- 6) ” ” луцкихъ, ” ”
- 7) ” ” олыцкихъ, ” ”

¹⁾ Займствованъ изъ книги, хранящейся въ варшавскомъ центральномъ архивѣ подъ № 222: „Rapporta wizyt generalnych od roku 1782 do roku 1793“. Мы избрали этотъ рапортъ потому, что а) онъ относится къ тому времени, которымъ оканчивался полный курсъ обученія, устроеннаго на основаніи устава 1783 года: б) онъ полнѣе и во многомъ обстоятельнѣе другихъ визитаторскихъ рапортовъ; в) относясь ко времени народныхъ волненій на Волыни и Украйнѣ, онъ даетъ намъ возможность тѣмъ живѣе представить себѣ глубокое противорѣчіе школы мѣстнымъ народнымъ потребностямъ.

- 8) подокружныхъ владимірскихъ, базиліанскихъ;
 9) " " острогскихъ, " "
 10) " " шароградскихъ, " "
 11) " " барскихъ, " "
 въ округъ украинскомъ:
 12) окружныхъ винницкихъ, академическихъ;
 13) подокружныхъ житомирскихъ, академическихъ;
 14) " " любарскихъ, базиліанскихъ;
 15) " " овручскихъ, " "
 16) " " каневскихъ, " "
 17) " " уманскихъ, " "
 въ округъ піарскомъ:
 18) подокружныхъ межирѣчскихъ;
 19) " " холмскихъ.

Составленъ ксендвомъ Мушинскимъ, докторомъ двухъ правъ (т. е. церковнаго и гражданскаго) и философіи, вице-профессоромъ наукъ коллегіи моральной, генеральнымъ визитаторомъ, и представленъ въ генварѣ 1790 года⁴⁾.

„Получивъ 25 апрѣля отъ ксендва-секретаря визитаторскія полномочія, выписку нѣкоторыхъ пунктовъ изъ инструкціи пресвѣтлой комиссіи, инструкцію главной школы, рапортъ о прошлогоднемъ генеральномъ осмотрѣ школъ и три рапорта объ осмотрахъ, произведенныхъ ректорами округовъ: малопольскаго, волынскаго и украинскаго, я на другой же день, не имѣя даже времени осмотрѣться въ обязанностяхъ, возложенныхъ на меня, началъ осмотръ школъ, состоящихъ при главной краковской школѣ, каковой осмотръ продолжался полторы недѣли. Послѣ сего я выѣхалъ въ Сандоміръ, а оттуда въ Люблинъ. Далѣе я не могъ ѣхать, по причинѣ всеобщей тревоги, въ виду распространившихся на Волыни и Украинѣ волненій¹⁾, и потому я вынужденъ былъ

⁴⁾ Сущность и характеръ волненій 1789 года—точнѣе польскаго террора этого времени на Волыни и Украинѣ—достаточно раскрыты въ запискахъ современника, греко-уніатскаго архипресвитера Феодосія Бродовича

(на основаніи разрѣшенія, положеннаго въ уставѣ гл. 4, п. 8 въ концѣ) уполномочить къ тому ректоровъ, проректоровъ и префектовъ, извѣстныхъ пресвѣтлой комиссіи своими способностями и заслугами. Эти лица исполнили за меня мои обязанности. Одно лицо не могло бы выручить меня, не подвергнувшись той опасности, которая принудила меня вернуться изъ Люблина въ Краковъ; поэтому я раздѣлилъ мои обязанности между нѣсколькими лицами, которыя, визитуя сосѣднія, ближайшія къ нимъ школы, могли бы быть спокойными въ дорогѣ за свою жизнь и болѣе соотвѣтственно удовлетворить интересамъ обученія“.

„Лица, которымъ порученъ осмотръ.“

I. Я самъ осмотрѣлъ школы: краковскія, люблинскія и сандомірскія.

II. Ксендзъ Вжещъ, каѳедральный каноникъ кіевскій и каменецкій, ректоръ украинскаго округа, осмотрѣлъ школы: кременецкія, винницкія, каменецкія, шаргородскія и барокія.

III. Ксендзъ Трефлеръ, холмскій каѳедральный каноникъ (каѳедры римско-католической), ректоръ малопольскаго округа, осмотрѣлъ только школы холмскія.

IV. Ксендзъ Свѣбчикій, пробощъ кременецкій, ректоръ волинскаго округа, осмотрѣлъ школы межирѣчскія и острожскія.

V. Ксендзъ Одынецъ, кіевскій каѳедральный каноникъ, депутатъ въ коронномъ трибуналѣ, проректоръ житомирскій, осмотрѣлъ школы: житомирскія, любарскія и каневскія.

(напеч. въ *Чтеніяхъ Импер. Общества ист. и древностей российскихъ* за 1869 г. кн. I и II). Такія мѣры, какъ закрытіе всѣхъ русскихъ церковныхъ школъ, исключеніе русскаго языка изъ программы среднихъ школъ, принужденіе базилианскихъ монаховъ устроить въ своихъ школахъ восточные праздники, стѣсненіе восточнаго богослуженія, проэктъ полнаго уничтоженія восточнаго славянскаго богослуженія въ предѣлахъ Волыни, появившіяся на сеймахъ въ 1787 году, могли и сами по себѣ вызвать въ русскомъ населеніи глубокой ропотъ. Поляки отвѣчали на этотъ ропотъ жестокими казнями священниковъ и крестьянъ, арестомъ православнаго епископа, поголовнымъ преслѣдованіемъ униатовъ и православныхъ жителей.

VI. Ксендзъ Брошневскій, луцкій проректоръ, осматривалъ школы: луцкія, олыцкія и владимірскія.

VII. Ксендзъ Соболевскій, кіевскій кафедральный каноникъ, эмерить, осматривалъ только школы овручскія.

VIII. Г. Кубшевскій, префектъ винницкій, нынѣ проректоръ сандомірскій, осматривалъ только школы уманскія^а.

„Каждому изъ этихъ избранныхъ (subdelegowanych) мною визитаторовъ я послалъ инструкцію, составленную приспособительно къ общимъ для всѣхъ школъ и къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ этой инструкціи я помѣстилъ рѣшенія пресвѣтлой комисіи и порученія главной школы. Возникавшія въ разныхъ школахъ затрудненія я устранялъ посредствомъ постоянной корреспонденціи“.

„Здѣсь надлежало бы описать способъ осмотра школъ; но такъ какъ каждый изъ визитаторовъ употреблялъ такой способъ, который признавалъ наилучшимъ, то я дамъ о немъ отчетъ послѣ изложенія самаго осмотра“.

«ИЗЛОЖЕНІЕ ОСМОТРА¹⁾».

ОКРУГЪ ВОЛЫНСКІЙ.

Школы кременецкія²⁾; академическія, о шести учителяхъ.

Ректоръ окружной ксендзъ Лука Свѣбодскій, пробощъ кременецкій.

Префетъ г. Каспаръ Лучевскій, докторъ философіи.

¹⁾ Опускаемъ осмотръ школъ краковскихъ, сандомірскихъ и люблинскихъ и ограничиваемся школами, находившимися среди сплошного русскаго населенія.

²⁾ Въ Кременцѣ первоначально существовала іезуитская коллегія устроенная около 1720 года, на иждивеніи князя Януша Антоны Вишневецкаго. По закрытіи іезуитскаго ордена, комиссія преобразовала эту коллегію въ подокружныя школы, оставивъ въ нихъ часть профессоровъ—іезуитовъ, а съ 1783 г. въ окружныя. Іезуиты содержали при своей коллегіи два конвикта—одинъ для дѣтей убогой шляхты, другой для новокрещенныхъ или ихъ дѣтей. Оба эти конвикта помѣщались въ двухъ различныхъ зданіяхъ. Комиссія просвѣщенія соединила эти два конвикта въ одинъ, назначивъ въ немъ всѣ вакансіи для бѣдныхъ шляхетскихъ дѣтей. Зданіе кол-

Учители: I класса—ксендзъ Францишекъ Мысловскій,
 II „ ксендзъ Венедиктъ Кшепъ,
 Краснорѣчія—г. Иосафатъ Висѣкерскій;
 Математики—г. Карлъ Мировскій,
 Физики—г. Матвѣй Оцвѣвскій,
 Права—г. Антоній Ярковскій.

Преподаватели (metrowie): нѣмецкаго языка—г. Гентцъ и французскаго языка—начинающихъ г. Антоній Ярковскій, профессоръ права, и успѣвающихъ (postępujących)—г. Карлъ Мировскій, профессоръ математики.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Вжещемъ, начать 20, окончень 29 іюля.

Сущность рапорта его.

Школьные записи (xięgi rządowe). Всѣ найдены мною въ порядкѣ. Я поручилъ завести книгу протоколовъ съ изложеніемъ въ нихъ учительскихъ (мѣсячныхъ) рапортовъ объ ученикахъ.

Личныя бесѣды (rozmowe osobiste, т. е. съ каждымъ изъ служащихъ наединѣ). Изъ нихъ я узналъ: 1) что ректоръ не приятель учителямъ, а еще болѣе нѣкоторые учителя ректору. (Заявляли) будто ректоръ, будучи вмѣстѣ и пробощемъ, не заботился о благѣ и цѣлости учебнаго заведенія (zgromadzenia), исходатайствовалъ, во вредъ ему, разрѣшеніе пресвѣтлой комиссіи на отдачу финансовымъ чиновникамъ нѣкоторой части дома и флигелей, особенно же каменныхъ

легій отведено подъ квартиры учителей. Послѣ присоединенія Волыни къ Россіи (1792), кременецкія школы поступаютъ подъ покровительство извѣстнаго Оаддея Чадеаго и, по преобразованіи ихъ въ лицей, служатъ образцомъ и руководителемъ обученія во всѣхъ школахъ Волыни и Украины до 1830 года (Historya szkół—Лукашевича, т. IV. Здѣсь собраны историческія свѣдѣнія о всѣхъ школахъ, бывшихъ въ Польшѣ. Эти свѣдѣнія во многомъ расходятся съ указаніями, разбѣянными въ извѣстной: *Starożytna Polska*—Валинскаго и Липинскаго. Но Лукашевичъ безпристрастнѣ послѣднихъ авторовъ и располагалъ болѣе большимъ количествомъ матеріаловъ).

конюшенъ, въ чемъ я вижу большую со стороны ректора ошибку и небрежность (и—не только какъ ректора, но и какъ пробоца), такъ какъ онъ не взвѣсилъ, какія изъ этихъ частей дома и флигелей могли быть уступлены, а какія необходимо было оставить въ пользованіи учебнаго заведенія; 2) желанія служащихъ лицъ, о которыхъ скажу въ особой главѣ.

Богослуженіе исполняется по уставу (учебному) въ присутствіи префекта и учителей. О проповѣдникѣ свидѣтельствуютъ, что онъ лучше того, который былъ избранъ въ прошломъ году.

Дождь, училищныя комнаты. Наибольшей починки требуютъ: 1) двѣ башенки—одна надъ училищными воротами, другая надъ коллегіей; 2) значительная часть крыши надъ помѣщеніемъ ректора и библіотеки; 3) крышка на башняхъ костела, на зданіяхъ коллегіи и школъ; 4) необходимо исправить крышу на всѣхъ этихъ зданіяхъ, замѣнивъ мѣстами старый матеріалъ новымъ; 5) необходимо снять штукатурку со сводовъ двухъ верхнихъ корридоровъ, въ которыхъ образовались такія трещины, что изъ нихъ выпадаютъ кирпичи,—необходимо затѣмъ положить на нихъ новую штукатурку съ гипсомъ и побѣлить, для того чтобы убѣдиться (a to dla doświadczenia), не будутъ ли своды еще больше расходиться (!). Если бы это оказалось, въ такомъ случаѣ необходимо будетъ разобрать всѣ своды въ корридорахъ коллегіи верхнихъ и нижнихъ. На всѣ починки, показанныя въ пяти пунктахъ, тщательныя и неотложныя, я призналъ необходимою сумму 4000 (злотыхъ). Въ коллегіи я лично осмотрѣлъ всѣ мѣста подъ крышей, а о зданіи школъ я совѣщался съ ректоромъ и всѣми служащими. Относительно производства этихъ починокъ я одѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) дабы онѣ, какъ неотложныя, немедленно въ слѣдующемъ мѣсяцѣ начаты были и окончены къ ноябрю, и чтобы донесено было

главной кассѣ¹⁾ или объ исполненіи починки, или о причинахъ неисполненія нѣкоторыхъ частей ея; 2) дабы нанять былъ способный человекъ, съ платой 100 золотыхъ за эти три мѣсяца, для попеченія о починкахъ, т. е. для приисканія матеріаловъ и мастеровыхъ, если бы оныхъ на мѣстѣ не оказалось, и для присмотра за ними во время работъ; 3) упросилъ г. префекта Лучевскаго принять на себя трудъ выдавать плату мастеровымъ и вести вѣдомость о расходахъ какъ на нихъ, такъ и на матеріалы, и 4) дабы отчетъ въ суммахъ, которыя для этой цѣли будутъ отпускаемы по частямъ ксендзомъ-ректоромъ, по окончаніи починокъ и по заключеніи всѣхъ расходовъ, отосланъ былъ при рапортѣ въ главную кассу.

*Sarta tecta*²⁾. Эти обширныя и видныя зданія школь и коллегіи стоятъ самага заботливаго храненія и поддержки. Осмотрѣвъ всѣ классы, корридоры, квартиры учителей, склады

¹⁾ Финансовая часть вѣдомства просвѣщенія организована была по уставу 1783 года такимъ образомъ:

1) „Крошѣ общей (главной) кассы комиссія просвѣщенія въ Варшавѣ, учреждаются кассы провинціальныя подъ надзоромъ ректоровъ или проректоровъ“.

2) „Каждому ректору или проректору назначенъ будетъ особый округъ, въ предѣлахъ котораго всѣ владѣльцы и арендаторы имѣній или суммъ-фундушевыхъ обяваны вносить на ихъ руки, дважды въ годъ, т. е. въ день Трехъ Царей (6 генв.) и въ день св. Иоанна Крестителя (24 іюня), проценты, назначенныя въ эдукціонный фондъ. Складъ этихъ доходовъ составляетъ провинціальную кассу, а ректоръ или проректоръ поэтому будетъ провинціальнымъ кассиромъ“.

3) „Послѣ каждаго взноса, ректоръ долженъ донести главной кассѣ, всѣ ли проценты получены имъ, или нѣтъ“.

4) „Неисправныхъ плательщиковъ онъ будетъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ“.

5) „Должны содержать кассу въ самомъ безопасномъ мѣстѣ. При ней должны быть два замка, отъ которыхъ ключи будутъ храниться одинъ у ректора, другой у префекта“ и т. д. (глава X).

²⁾ *Sarta tecta*—починенныя, или исправленныя зданія. На юридическомъ средневѣковомъ языкѣ это выраженіе относилось къ суммѣ, признанной необходимою для того, чтобы зданія находились всегда въ исправности.

и флигеля, освидѣтельствовавъ въ нихъ печи, окна, рамы, двери, замки, скамьи, полы, лѣстницы и крыши, я нашелъ, что на ежегодную починку всѣхъ этихъ предметовъ необходимо до 1000 злотыхъ, и призналъ эту сумму за *varta tecta*. Кроме того, необходимо назначить 200 злотыхъ на содержаніе сторожа для присмотра за состояніемъ воротъ, дверей, оконъ, крышъ, дымовыхъ трубъ и цѣлаго зданія, равно какъ для своевременнаго приисканія мастера, который тотчасъ поправилъ бы, что окажется испорченнымъ, дабы предупредить большіе расходы на поправку, какіе доселѣ вызывались.

Провинціальная касса и жалованье служащихъ. Жалованье выдано служащимъ своевременно¹⁾. Касса находится подъ двумя замками. Наличность ея я посчиталъ, книги свѣрилъ со счетами главной кассы; всѣ суммы имѣются сподна, недостаетъ только 101 зл. къ суммѣ, значащейся по счетамъ въ остаткѣ.

Число учениковъ 463²⁾.

Посвященіе классовъ. Испытаніе учениковъ по всѣмъ предметамъ продолжалось два дня по 4 часа, утромъ и полудни. Кроме того, публичное испытаніе, совпавшее съ прїѣздомъ моимъ и удостоенное присутствіемъ всѣхъ прїѣзжихъ (время сеймиковъ) и живущихъ въ Кременецѣ господъ и дамъ, продолжалось 4 часа. Я и всѣ присутствующіе

¹⁾ Жалованье служащимъ до 1790 года отпускалось по полугодіямъ, а не помѣсячно, что повсюду возбуждало большой ропотъ.

²⁾ Кременецкіе іезуиты пользовались такою привязанностію со стороны мѣстной шляхты, что, послѣ закрытія іезуитскаго ордена и передачи кременецкой коллегии въ вѣдомство комиссіи просвѣщенія, долгое время шляхта не хотѣла отдавать своихъ дѣтей въ новыя школы, и въ Кременецѣ бывало незначительное число учащихся. Еще въ 1783 году ихъ было всего 119. Лукашевичъ, не имѣвшій въ своихъ рукахъ визитъ и рапортовъ послѣ этого года, поторопился признать, что во весь этотъ періодъ въ кременецкихъ школахъ не бывало значительнаго числа учениковъ (*Historja szkół*, т. IV, стр. 103).

остались совершенно довольны охотою, живостью и находчивостью учениковъ, показанными на этомъ испытаніи.

Награды для наиболее успевающихъ. На основаніи тщательнаго испытанія и единогласнаго мнѣнія учителей, подтвержденнаго ректоромъ, удостоены патентовъ, о которыхъ будетъ сказано въ концѣ рапорта (такъ какъ медали ¹⁾ еще не получены), на золотую медаль благородный панъ Іосифъ Джевицкій, кременецкій подкоморжичъ, ученикъ VI класса, на серебряныя медали: Евсеій Словацкій, ученикъ V класса, и Іосифъ Лагановскій, кременецкій честниковичъ, ученикъ IV класса.

Иностранныя языки преподаваемы были съ значительною пользою для учащихся. Въ видахъ увеличенія пользы отъ уроковъ этихъ языковъ, я сдѣлалъ особое распоряженіе, о которомъ будетъ сказано въ главѣ: „распоряженія“.

Мѣсячныя экзамены. Производимы были, какъ установлено, при чемъ фамиліи болѣе старательныхъ учениковъ вносились въ книгу ²⁾.

Физическое воспитаніе. Квартиры были поспѣваемы, объ опрятности, общихъ играхъ и упражненіяхъ во время ихъ заботились сообразно съ предписаніями устава. Я назначилъ по шести злотыхъ на уплату унтеръ-офицеру, кото-

¹⁾ Король Станиславъ Понятовскій, для поощренія учениковъ и возбужденія въ шляхтѣ, любившей вышнія отличія, расположенія къ новой системѣ обученія и воспитанія, установилъ награды лучшимъ ученикамъ медалями. На каждое окружное училище положены были одна золотая и двѣ серебряныя медали, на каждое подокружное — только двѣ серебряныя медали изготовляемы и рассылаемы были на личныя суммы короля и потому назывались иногда въ официальныхъ актахъ *королевскимъ подаркомъ*, или *королевскою наградою*.

²⁾ Особая книга, заведенная на этотъ предметъ. Выписки изъ этой книги развѣшиваемы были по классамъ. Внесенный въ эту книгу получалъ право цѣлый мѣсяцъ носить на своей шляпѣ голубую вокарду. Кто изъ учениковъ получалъ это отличіе цѣлый годъ, тотъ получалъ право носить на шляпѣ своей въ теченіе всего слѣдующаго года вокарду пунцовую (Уставъ 1783 г. гл. XIV, о наградахъ).

рый будетъ ежегодно въ маѣ приглашаемъ изъ Дубна для обученія учениковъ военной выправкѣ (w mustrze żołnierskiej).

Приходскія школы. Всѣ эти школы посѣщалъ въ этомъ году ксендзь-ректоръ Свѣбоцкій¹⁾).

Общій столъ содержится въ этомъ учебномъ заведеніи; завѣдываетъ столомъ провизоръ, избранный на годъ. По недостаточности (суммы на приобрѣтеніе) хозяйственныхъ принадлежностей, собраніе учителей рѣшило принять на общій свой столъ учениковъ, живущихъ въ коллегіи.

Фундушевыя ученики. Таковыхъ имѣется 18. Они живутъ въ особыхъ домикахъ, которые я осмотрѣлъ. Нуждами ихъ и всѣми порядками завѣдываетъ ксендзь-ректоръ Свѣбоцкій, точно соображаясь съ постановленіями пресвѣтлой комиссіи. Я провѣрялъ расходы на содержаніе ихъ; счета посылаются въ главную кассу. Разспрашивая въ педагогическомъ совѣтѣ о прилежаніи и успѣхахъ этихъ учениковъ, я узналъ, что Станиславъ Залѣскій, ученикъ II класса, пользуясь фундушевымъ содержаніемъ уже четыре года, не оказываетъ ни успѣховъ въ наукахъ, ни способностей, ни охоты къ ученію, а потому по справедливости долженъ быть лишенъ содержанія. На мѣсто его слѣдовало бы назначить ученика V класса Филиппа Нѣцѣцкаго, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ и способностямъ и состоящаго нынѣ директоромъ фундушевыхъ учениковъ. Если бы Залѣскій, несмотря на распоряженіе высшей власти, упорно отказывался (?) подчиниться такому распоряженію, то за это самое долженъ быть лишенъ фундуша и уступить свое мѣсто болѣе

¹⁾ Репторъ, вѣроятно, въ этомъ случаѣ обманулъ визитатора. Въ визитѣ 1793 г., произведенной визитаторомъ Треффлеромъ и находящейся въ той же книгѣ, изъ которой мы заимствовали настоящую визиту, при описаніи кременецкихъ школъ, въ главѣ о приходскихъ школахъ сказано только: „z tych żadnej ani w samym Krzemieńcu, ani w bliskiej okolicy nie masz“. Въ прежнихъ сохранившихся визитахъ вовсе не упоминается о приходскихъ школахъ въ районѣ кременецкихъ школъ.

способному и цѣнному товарищу. Между кандидатами на фундушевыя вакансіи находятся слѣдующіе ученики: Валентинъ Канскій, Павелъ Ярковоскій, Антоній Малиновскій, Іосифъ Гршецкій, Иванъ Крушковскій; послѣ самыхъ тщательныхъ справокъ о нихъ и о всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, я просилъ ксендза-ректора, дабы на открывающіяся вакансіи представлялъ комиссіи просвѣщенія болѣе способныхъ и достойныхъ изъ нихъ.

Распоряженія. 1) Не предоставлять обученіе иностраннымъ языкамъ усмотрѣнію учениковъ. Всѣ ученики (т. е. желающіе обучаться иностраннымъ языкамъ) трехъ низшихъ классовъ (исключая начинающихъ) обязаны учиться нѣмецкому языку, а ученики трехъ высшихъ классовъ—французскому, при чемъ уроки обоихъ языковъ должны быть расположены такимъ образомъ, дабы способные и желающіе могли (одновременно) учиться обоимъ языкамъ. 2) Подтверждены прежнія распоряженія о томъ, дабы ученики не были принимаемы въ коллегію на квартиры и общій (съ учителями) столъ. 3) Наемъ флигелей, допущеніе постороннихъ жильцовъ, передѣлки, разборка (какихъ-либо частей въ помѣщеніи), починки, постройки или важныя перемѣны въ нихъ,— все это не должно быть производимо безъ вѣдома и согласія ректора. 4) Если бы по израсходованіи всей суммы, назначенной на *sarta tecta*, потребовались настоятельныя починки, напр. исправленіе въ учительскихъ квартирахъ печей, дверей, оконъ, замковъ, въ такомъ случаѣ расходъ произвести изъ экстраординарной суммы неотложно. 5) Кромѣ префекта, никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ наблюденіе за исполненіемъ ректорскихъ распоряженій относительно фундушевыхъ учениковъ, наиболѣе успѣвающихъ учениковъ и директоровъ. 6) Если ко дню св. Михаила¹⁾ не будетъ готово такъ необходимое для погребенія умершихъ кладбище, устрой-

¹⁾ 29 сент., по католическому календарю, день архангела Михаила

ство котораго предписано пресвѣтлою комиссіей, то ксендзь-ректоръ обязанъ донести ей о причинахъ и препятствіяхъ къ исполненію этого предписанія.

Засвидѣтельствованіе объ исполненіи распоряженій, отданныхъ по прошлогодней ревизіи. Всѣ исполнены, кромѣ пункта втораго—относительно недопущенія учениковъ къ общему столу (учительскому) и пункта десятаго—относительно записыванія лицъ, жертвующихъ опредѣленные суммы на поминаваніе благодѣтелей (школь). Что касается перваго пункта—относительно ношенія установленной формы, то онъ какъ нигдѣ, такъ и здѣсь не исполняется. Не понятно, почему учителя, которые здѣсь почти всѣ свѣтскіе люди, должны носить длинную черную одежду. Что касается причудливой прически (*wymyślnych fryzur*)¹⁾, о которой говоритъ инструкція настоящаго года, то здѣсь даже нѣтъ такихъ парикмахеровъ, которые сѣумѣли бы сдѣлать ее.

Я нашелъ, что фундушевые ученики порядочно и заботливо содержатся, но есть жалобы на распорядителя за опаздываніе въ снабженіи обувью, отчего ученики опускали уроки. Я потребовалъ большей исправности въ этомъ дѣлѣ.

Присовокупляю къ этому донесенію коротко, что, найдши все въ цѣлости и въ надежномъ состояніи (?), въ школахъ спокойствіе, въ составѣ учительскомъ доброе поведеніе, въ обученіи старательность и надлежащую постановку, не встрѣтивъ никакого новаго въ этомъ году случая или факта недоразумѣній между служащими, я рѣшился ограничиться тѣми предостереженіями и напоминаніями, которыя заключались въ моей рѣчи, произнесенной при заключеніи осмотра, и въ которыхъ я видѣлъ необходимую нужду. Пускай эта рѣчь (о возможномъ согласіи и единомысліи между

¹⁾ Разумѣется парикъ, который комиссія просвѣщенія старалась приобщить къ атрибутамъ академической формы.

служащими) замѣнить собою изложеніе разладицы и внутренняго управленія этого собранія учащихся. Не осуждая окончательно ректора, нельзя и извинять его. Пресвѣтлая комиссія показала бы наилучшую заботу объ учителяхъ и о немъ самомъ, если бы, по окончаніи послѣдняго года его службы, давши ему награду, замѣстила эту ректорскую должность болѣе исправнымъ и болѣе способнымъ лицомъ.

Желанія. 1) Служащіе усиленно просятъ—и просьба ихъ справедлива,—дабы отобранны были отъ скарбоваго кассира каменные конюшни, находящіяся въ концѣ усадьбы, и которыхъ нельзя отдѣлить (отъ усадьбы), и чтобы этотъ же кассиръ очистилъ комнату во второмъ этажѣ, доселѣ занимаемую имъ. Послѣдній отказался исполнить это, несмотря на предъявленныя ему, во время ревизіи, постановленіе пресвѣтлой комиссіи и данную имъ инструкцію,—отказался освободить крыльцо, которое онъ превратилъ изъ прекрасной галереи въ сѣни жидовской школы, обрушивъ на немъ всѣ прекрасныя архитектурныя украшенія, наконецъ (отказался прекратить) всякое сообщеніе съ домомъ и съ дворомъ учебнаго заведенія. Кассиръ г. Барбевскій—человѣкъ вспыльчивый, невѣжливый, дикій, съ которымъ, какъ я самъ это видѣлъ, нельзя и трехъ словъ сказать безъ потасовки (*trzech słów mówić nie można bez pięści i szubów*)¹⁾.

2) Карлъ Миrowsкій, учитель математики, хорошо рекомендовавшій себя и преподаваніемъ, и стараніемъ, и поведеніемъ, обучающій также и французскому языку, окончивъ уже пятилѣтній срокъ обязательной учительской службы, просить, чтобы главная школа ходатайствовала о зачисленіи

¹⁾ Это далеко не единственный примѣръ самоуправства и самодурства шляхтичей и чиновниковъ въ дѣлахъ школьныхъ. При отобраніи отъ іезуитовъ зданій, принадлежавшихъ ордену ихъ, повсюду явились охотники пожиться какимъ-либо зданіемъ или квартирою въ нихъ, подъ разными предлогами и безъ всякихъ предлоговъ. Многихъ изъ такихъ непрошенных жильцовъ нельзя было выжить до послѣдняго раздѣла Польши.

ему одного года службы при секретарѣ главной школы, въ качествѣ его помощника, такъ какъ это было обѣщано ему въ то время.

3) Ксендзъ Францишекъ Мысловскій, учитель 1 класса, бывшій эмеритъ, а въ прошломъ году вновь принявшій должность учителя, чтобы приобрести большее благорасположеніе со стороны пресвѣтлой комиссіи, такъ какъ онъ содержитъ при себѣ престарѣлаго отца, снова проситъ назначить ему эмеритальную пенсію.

Окончаніе осмотра. Я отдалъ справедливую честь труду учителей, которую я признавалъ за каждымъ изъ нихъ, внимательно наблюдая на урокахъ и на экзаменахъ учениковъ, видѣлъ должное (niepaganne) поведеніе ихъ,—они не дали мнѣ никакого повода отнять у нихъ эту честь.

Перемѣны. На мѣсто ксендза Францишка Мыловскаго, который проситъ для себя эмеритальной пенсіи, поступилъ г. Францишекъ Тецланъ, кандидатъ¹⁾, на мѣсто г. Сярковскаго—г. Старновскій изъ Житомира.

Добавленіе отъ лица визитатора, уполномоченнаго главною школою. Предостереженія, данныя ксендвомъ Вжещомъ, принесли плоды. По донесенію его, теперь это учебное заведеніе наслаждается спокойствіемъ. Будущая визитація наилучше увѣдомитъ объ этомъ пресвѣтлую комиссію²⁾.

Каменецкія²⁾ подокружныя школы, академическія, о шести учителяхъ.

Проректоръ г. Непомукъ Тылковскій, докторъ философіи.
Учитель 1 класса г. Матвѣй Заіончковскій.

¹⁾ Кандидатъ, т. е. рѣшившійся посвятить себя учительской службѣ и назначенный къ поступленію въ педагогическую семинарію. Весьма часты примѣры, что, по недостатку учителей—*академиковъ*, назначаемы были на учительскія должности кандидаты и затѣмъ, въ силу своей учительской практики, утверждаемы были въ должностяхъ.

²⁾ Въ Каменцѣ школы основаны іезуитами, въ началѣ XVII вѣка, по приглашенію каменецкаго римско-католическаго епископа Яна-Андрея Прох-

Учитель II класса ксендзъ Андрей Кобылинскій.

Учитель краснорѣчія ксендзъ Николай Барановскій, каменецкій кафедральный каноникъ.

Учитель математики г. Кастанъ Цишевскій.

„ физики г. Матвій Каспровичъ.

„ права ксендзъ Янъ Полячковичъ, докторъ философіи.

Проповѣдникъ—ксендзъ Андрей Богдановичъ.

Преподаватели: французскаго языка—ксендзъ Николай Барановичъ, учитель краснорѣчія.

„ нѣмецкаго языка—ксендзъ Я. Полячковичъ, учитель права, бесплатно.

Осмотръ производилъ ксендзъ Вжещъ, ректоръ украинскихъ школъ. Осмотръ начать 11, оконченъ 17 іюля. Вотъ что пишетъ онъ въ своемъ рапортѣ.

Школьные записи. Всѣ ведутся и хранятся въ порядкѣ; какихъ прежде не было, тѣ теперь заведены.

Богослуженіе во всемъ надлежаще исполняется.

Домъ, костелъ, училищныя комнаты. Весь домъ разваливается и не годенъ къ починкѣ. Въ костелѣ только стѣны прочны, своды не надежны, съ течью, крыши и всѣ связи потребовали бы большихъ, но напрасныхъ расходовъ на поправку. Въ зданіи школъ все разваливается; крыша,

ницкаго. Зданія построены были на иждивеніи: старосты свитинскаго Николая Язловецкаго, старосты скальскаго Станислава Лянцоровскаго и старосты каменецкаго Валентина-Александра Калиновскаго. Въ содержаніи іезуитскихъ школъ приняла участіе вся шляхта каменецкаго повѣта, о чемъ постановила на сеймикѣ 1611 года. Скоро іезуиты преобразовали эти школы въ collegію, съ преподаваніемъ въ ней философіи и богословія. По завоеваніи Каменца турками въ 1672 г., іезуитскій костелъ обращенъ въ мечеть фаворитки султана. При Августѣ II, послѣ возвращенія Каменца Польшѣ, іезуиты снова вернулись въ свои зданія и снова открыли въ нихъ collegію. Комиссія просвѣщенія преобразовала collegію въ подокружныя школы, но въ уваженіе многочисленности учениковъ и къ значенію бывшей collegіи назначила для нихъ штатъ окружныхъ школъ.

печи, лавки, особенно потолки, уже обваливающиеся; въ сѣверной стѣнѣ образовалась трещина въ полторы четверти (локтя); камины разваливаются, Домъ этотъ, совершенно не годный для жилья и не стоящій починки, долженъ еще послужить нѣкоторое время; для того, чтобы онъ могъ еще просуществовать, я призналъ необходимымъ возвысить *sarta tecta* съ 400 на 1000 злотыхъ.

Касса провинціальная. Жалованье всѣми получено свое- временно. Остаточная сумма въ цѣлости. Касса хранится за двумя замками.

Число учениковъ 312.

Посыщеніе классовъ. Лекціи идутъ точно, по планамъ учебниковъ. Испытаніе учениковъ изъ всѣхъ предметовъ происходило въ теченіе двухъ дней по 4 и по 5 часовъ, утромъ и послѣ полудня. Кромѣ того, я присутствовалъ на публичномъ экзаменѣ, произведенномъ во время моего пребыванія здѣсь и продолжавшемся 4 часа. На этомъ экзаменѣ присутствовали два епископа, капитулъ и духовенство обоихъ обрядовъ¹⁾, весь гарнизонъ и всѣ дамы высшаго круга. Я и всѣ присутствовавшіе остались вполне довольны живостью, стараніемъ и сознательностью учениковъ, показанной въ отвѣтахъ ихъ.

Награды. На основаніи тщательнаго испытанія и еди- ногласнаго мнѣнія гг. учителей, одобреннаго г. проректо- ромъ, удостоены патентовъ на награды: золотою медалью— г. Иосифъ Протасиничъ, ученикъ VI класса, серебряными медалями—г. Матвѣй Шиманскій, ученикъ V класса, и г. Фаддей Каменскій, сынъ камергера его королевской милости, ученикъ IV класса.

Директоры. Ихъ было 30, изъ нихъ старательнѣй- шихъ 12. Совѣщанія съ ними бываютъ, надзоръ за ними бдительный.

¹⁾ Т. е. римско-католическаго и греко-уніатскаго.

Иностранные языки. Французскому языку учить, съ большою пользою, кендзь Барановичъ, учитель краснорѣчя. Обучается этому языку 50 учениковъ. Нѣмецкому языку началъ обучать въ этомъ году, по просьбѣ обывателей и г. проректора, ксендзь Янъ Поляшкевичъ, учитель права, безъ всякой платы; обучается этому языку 70 учениковъ, которые весьма успѣваютъ въ немъ. Я предоставилъ г. проректору Тылковскому рѣшить дѣло о назначеніи въ слѣдующемъ году вознагражденія за этотъ трудъ, сообразно положенію о преподавателяхъ иностранныхъ языковъ¹⁾.

Мѣсячные экзамены производимы были, какъ предписано; фамилія учениковъ; наиболѣе успѣвающихъ, вносились въ книгу.

Физическое воспитаніе. Г. проректоръ тщательно осматриваетъ квартиры, заботится объ опрятности учениковъ, носѣщаетъ больныхъ. Изъ тѣлесныхъ упражненій главными служатъ теперь военныя экзерциціи; хорошо обученныхъ имѣется до 50. Руководить этими играми унтеръ-офицеръ гренадерскаго полка. Этотъ унтеръ-офицеръ долженъ нанять за себя въ полку (на время его отсутствія), а потому нельзя платить ему меньше 6 золотыхъ, тѣмъ болѣе, что число учениковъ, участвующихъ въ этихъ играхъ, постоянно увеличивается.

Приходскія школы. Есть одна школа въ Купинѣ, въ пяти миляхъ отъ Каменца, состоящая въ вѣдѣніи оо. кармелитовъ. Элементарныхъ книгъ (т. е. изданныхъ комиссіей просвѣщенія) не употребляютъ въ ней, рапорта объ ученикахъ и обученіи не представляютъ. Я просилъ г. проректора, чтобы онъ настоятельно требовалъ всего этого.

¹⁾ Уставъ 1783 г. допускалъ назначеніе жалованья преподавателямъ (metram) иностр. языковъ изъ учебныхъ суммъ только въ важѣйшихъ городахъ (po samych tylko princypalnych prowincyi miastach), въ остальныхъ ученики оплачивали этихъ преподавателей по таксѣ, составленной проректоромъ.

Фундушескіе ученики. Имѣется ихъ 11. На мѣсто бывшаго г. Іосифа Бжеокаго, о чемъ г. проректоръ свое временно донесъ пресвѣтлой комиссіи; по мнѣнію моему и г. проректора, никто болѣе не отвѣчаетъ требованіямъ устава пресвѣтлой комиссіи о кандидатахъ на фундушеское содержаніе, чѣмъ ученикъ I класса Кастанъ Каменокій, имѣющій 10 лѣтъ отъ роду. Квартируютъ въ трехъ комнатахъ, нанятыхъ въ городѣ; имѣютъ двухъ директоровъ: Матвѣя Шиманскаго и Василя Гроновича, весьма старательныхъ. Всѣ обучаются языкамъ французскому и нѣмецкому, всѣ хорошаго поведенія и способностей. Всѣ нужды ихъ удовлетворены. Вѣдомости о расходахъ, произведенныхъ на содержаніе ихъ, мною разсмотрѣны и отосланы въ главную кассу. За старательный и надлежащій надзоръ за этими учениками, соображаясь съ состояніемъ отпущенныхъ на содержаніе ихъ суммъ, я опредѣлилъ выдать изъ этихъ суммъ г. проректору въ награду 400 злотыхъ и конвикторамъ 500 злотыхъ.

Общій столъ въ этомъ году содержится. Мною объявлено распоряженіе пресвѣтлой комиссіи объ отпускѣ 300 злотыхъ изъ экстраординарныхъ суммъ на хозяйственныя принадлежности (стола).

Распоряженія. 1) Если коендзъ Ижицкій откажется исполнить рѣшеніе пресвѣтлой комиссіи объ очищеніи имъ квартиры предъ первымъ числомъ сентября текущаго года, въ такомъ случаѣ онъ лишается эмеритальной пенсіи. 2) Кто изъ учителей выѣдетъ на продолжительное время самовольно безъ позволенія г. проректора, что случалось, о томъ донести главной школѣ съ первой почтой, а классъ его соединить съ сосѣднимъ; затѣмъ, если бы онъ даже во время явился, не долженъ быть допускаемъ къ своей должности до полученія распоряженія главной школы, какъ не повинующійся ясно выраженному опредѣленію своей обязанности ¹⁾ и своему мѣстному

¹⁾ Уставъ 1783 года, глава XIV, п. 7.

начальству. 3) На основаніи разрѣшенія пресвѣтлой комисіи, г. проректоръ долженъ уплатить г. Касперовичу, учителю физики, стоимость электрической машины, полученной для кременецкаго (школьнаго) кабинета. 4) Такъ какъ поіезуитская аптека въ Каменцѣ, отъ которой отказался аптекаръ, не приноситъ никакой пользы ѣдукаціонному фондушу, то пресвѣтлая комиссія назначить аптечныя принадлежности въ продажу съ торговъ. Помѣщенія аптеки, въ случаѣ собраніе (служащихъ въ школахъ) признаеть не нужными (для школъ), должны быть отданы въ наемъ, съ обязанностию починки, и наемная плата должна быть причислена къ фондушевому капиталу. 5) Не воспрещается фондушевымъ ученикамъ имѣть какое-либо платье и другіе предметы отъ родителей, но ни они, ни родители не могутъ требовать за это вознагражденія (изъ фондушевыхъ суммъ), кромѣ того, что дается воѣмъ ученикамъ.

Желанія. Учитель 1 класса г. Заіончковскій просить объ увольненіи его отъ обязательной учительской службы, обязываясь возратить двухлѣтнее жалованье свое 700 злотыхъ¹⁾. Такъ какъ онъ отличался всѣми достоинствами усерднаго учителя и заслуживаетъ уваженія, то я полагаалъ бы справедливымъ (исполнить просьбу его) и этой милостью поощрить добрыя начинанія его.

Окончаніе осмотра. Прежде всего я отдалъ справедливую честь и выразилъ благодарность г. проректору Тылковскому за самое тщательное и всестороннее исполненіе всѣхъ

¹⁾ Т. е. получаемое сверхъ 650 злотыхъ въ годъ, уплачиваемыхъ или высчитываемыхъ на общій годъ. Заіончковскій, очевидно, былъ стипендіатомъ учебнаго заведенія въ главной школѣ, за что, по уставу, долженъ былъ обязательно прослужить въ должности учителя шесть лѣтъ. Въ средѣ шляхтичей, гордившихся своею вольностію и независимостію, эти молодые учителя преслѣдовались островами и насмѣшками и чувствовали себя точно крѣпостными, продавшими свою свободу, а не „вольными шляхтичами“. Отсюда стремленіе поскорѣе освободиться отъ этого состоянія.

обязанностей по своей должности, потому—гг. учителямъ за значительные успѣхи учениковъ, показанные ими какъ на визитаторскихъ, такъ и на публичномъ экзаменахъ.

Перемѣнъ въ составѣ не было.

Луцкія¹⁾ подокружныя школы, академическія, о трехъ учителяхъ.

Проректоръ ксендзъ Эдмундъ Попель-Брошніовскій, докторъ богословія и философіи.

Учители: 1 класса г. Матвѣй Трушинскій,
 „ математики и физики г. Войцѣхъ Ярковскій,
 „ креснорѣчія и права г. Янъ Навроцкій,
 „ проповѣдникъ—доминиканинъ.

Осмотръ этихъ школъ производилъ ксендзъ Эдмундъ Брошніовскій²⁾, мѣстный проректоръ, который началъ его 1, окончилъ 4 іюля. Выписывается изъ рапорта его слѣдующее.

¹⁾ Луцкія школы преобразованы изъ по-іезуитской коллегіи, учрежденной въ началѣ XVII вѣка и утвержденной Сигизмундомъ III въ 1609 г. Коллегія щедро одарена была мѣстною шляхтою, недавними русскими православными фамиліями: Четвертинскимъ Андреемъ, Чарторыйскимъ Николаемъ, Вишневецкимъ Георгіемъ и др.; іезуиты скоро могли открыть въ ней преподаваніе высшихъ наукъ—философіи и богословія. По закрытіи іезуитскаго ордена, комиссія просвѣщенія, ради первенствующаго въ то время значенія Луцка на Волыни, намѣревалась открыть, вмѣсто коллегіи, окружныя школы, но въ 1780 г. пожаръ истребилъ всѣ по-іезуитскія зданія, а предложенное мѣстнымъ капитуломъ зданіе представляло удобство только для помѣщенія трехклассной школы. Мѣстная шляхта постоянно роптала на принаженіе Луцка по школамъ предъ Кременцомъ, даже предъ Каменцомъ и Владиміромъ, и постоянно хлопотала о возведеніи луцкихъ школъ въ окружныя и шестиклассныя, но не успѣла въ томъ. Но что въ луцкихъ школахъ не былъ преподаваемъ французскій языкъ, въ этомъ, очевидно, всего болѣе виновата сама мѣстная шляхта.

²⁾ Въ наше время страннымъ казалось бы поручать начальнику какого—либо учрежденія ревизію этого учрежденія, т. е. ревизовать и самого себя. Но то было время, когда поляки, устрашенные послѣдствіями шляхетской вольницы и неуваженія къ закону, и соблазненные примѣромъ

Число учениковъ. Въ этомъ году было ихъ 165, но вслѣдствіе замѣшательствъ и поступленія нѣкоторыхъ въ военную службу, это число уменьшилось до 144.

Посѣщеніе классовъ. Послѣ (обычной) рѣчи къ учителямъ, я началъ осмотръ съ 1 класса, продолжавшійся три съ половиною часа. Вопросы предлагаемы были мною и учителями высшихъ классовъ прежде всего по Закону Божію, потомъ по священной исторіи, географіи, грамматикѣ, ариметикѣ. Ученики показывали тетради чистописанія; значительное число ихъ довольно хорошо начинаютъ писать. Испытаніе второго класса продолжалось 4 часа. Въ теченіе этого времени, ученики рѣшали задачи арифметическія и алгебраическія, доказывали геометрическія положенія и практическія примѣненія ихъ, для чего излагали способы измѣренія мѣстностей, съ помощью столбиковъ, веревочекъ, циркуля, астролябіи и геометрическаго столика. По исторіи огородничества (естественной?) излагали способы разведенія растений, различные способы устройства огородовъ, полезныя свойства нѣкоторыхъ мѣстныхъ травъ. По латинской прозѣ и поэзіи приводили примѣры (на правила), дѣлали переводы. По наукѣ

Пруссіи, обязанной будто бы своимъ благополучіемъ точности и аккуратности въ исполненіи закона, бросились во всѣхъ учрежденіяхъ подражать прусскимъ и, по неопытности въ этомъ дѣлѣ, попали въ крайность, заботясь главнымъ образомъ о формѣ и буквѣ закона,—зло, развитое, въ особенности послѣ одиннадцатилѣтняго подчиненія Пруссіи (1796—1806 г.), администраціей Варшавскаго герцогства (*Dzieje księstwa warszawskiego, przez Fryderyka hr. Skarbka. Poznań. 1860*). Въ настоящемъ случаѣ поводилъ назначенію лудскаго проректора ревизоромъ лудскихъ же школъ представляли тогдашнія народныя волненія на Волыни, точнѣе—страхъ ожидаемаго народнаго восстанія, учрежденіе въ Лудкѣ слѣдственной комиссіи надъ заговорщиками (минимми), множество казней и изгнаній, сосредоточеніе въ Лудкѣ войскъ, терроризація сосѣднихъ мѣстностей, по которой казалось небезопаснымъ постороннему лицу пробираться въ Лудку. Но установленная ежегодная „генеральная визита“ должна же быть исполнена... Благо, всендѣз Попель-Брошнівскій удачно воспользовался своею нежданною ролью, и его *сызита* лудскихъ школъ обстоятельнѣе и полнѣе всѣхъ другихъ находящихся въ томъ же рапортѣ генеральнаго визитатсја.

нравственности, исторіи Персіи, Ассиріи и Греціи налагали преподаанныя имъ свѣдѣнія. Испытаніе III класса продолжалось $4\frac{1}{2}$ часа. Причиною этой продолжительности его были: обширность учебнаго матеріала и уменьшеніе охоты къ ученію въ значительной части учениковъ старшаго класса, какъ это стало обыкновеннымъ во всѣхъ школахъ. Отвѣты по краснорѣчію, римской исторіи, праву, изъ математическихъ наукъ по солидометріи, практической геометріи, физикѣ; домашнія упражненія и образцы рисованія дали доказательства вольныя, полученной учениками отъ этихъ наукъ.

Иностранныя языки. Въ этихъ трехклассныхъ школахъ преподается одинъ только нѣмецкій языкъ. Испытаніе въ немъ учениковъ продолжалось полтора часа. Всѣ ученики обязываются научиться хотя сколько-нибудь этому языку; кто изъ нихъ представитъ справедливыя причины, напримеръ, неспособность, нежеланіе родителей, тотъ увольняется отъ изученія его.

Школьныя записи ведутся въ порядкѣ, предписанномъ уставомъ пресвѣтлой комиссіи просвѣщенія. Сверхъ этихъ записей, заведены: 1) особая книга, въ которую вписываются всѣ входящія и исходящія бумаги по кассовымъ и школьнымъ дѣламъ, по которымъ каждый разъ расписывается въ ней почтмейстеръ его королевской милости; 2) книга, въ которую вписываются всѣ ассигновки и расписки въ полученіи денегъ, отсылаемая при описи въ главную кассу; принято имѣть копіи съ этихъ документовъ, посвидѣтельствованныя цѣлымъ собраніемъ служащихъ, дабы, въ случаѣ пропажи бумаги на почтѣ или почты съ бумагами (?), можно было возстановить доказательства расхода; 3) книга о состояніи всѣхъ фундушевыхъ имѣній, равно и тѣхъ, на которыхъ числятся фундушевыя суммы, уплачивающихъ аренду и проценты въ луцкую кассу, именно—какія дѣла возникли между ними и фундушемъ, какія изъ нихъ покончены,

а какія только начаты, что облегчить трудъ преэминиковъ, освободивъ ихъ отъ необходимости рыться въ бумагахъ.

Книга, въ которой вписывались бы открытія и важные опыты¹⁾, въ луцкихъ школахъ еще не заведена—частію потому, что учитель не имѣетъ (для опытовъ) времени, занимаясь съ учениками въ рекреационные дни то практической геометрией, то рисованіемъ и, служа въ школахъ, имѣющихъ только трехъ учителей, требуетъ больше времени для приготовленія,—частію же по недостатку физическихъ приборовъ и инструментовъ, изъ которыхъ въ здѣшнихъ школахъ нѣтъ ни одного.

Домъ, библіотека. Школьный домъ былъ довольно удобнымъ. Но постройка г. Гулевичемъ, луцкимъ хорунжимъ, собственнаго дома, всего въ разстояніи менѣе трехъ локтей отъ него, причинила ему неудобства: корридоры стали темными, снѣгъ падаетъ съ крыши этого дома на окна въ корридорѣ школьномъ и производитъ въ нихъ значительныя поврежденія; стокъ воды съ крышъ обоихъ домовъ въ узкое пространство между ними дѣлаетъ (школьный) домъ невыгоднымъ (по сырости?); постройка дымовыхъ трубъ между крышами его и школьнаго дома причиняетъ ему опасность отъ огня. Переѣзны въ школьной собственности (w inwentarzu) описаны въ особой вѣдомости, которая посылается при этомъ рапортѣ.

Что касается давней, по-іезуитской библіотеки, то собраніе служащихъ заявляло свое мнѣніе о ней, особенно во время генеральнаго осмотра въ 1786 году, о чемъ отмѣчено въ актѣ осмотра (визиты) подъ рубрикою: „домъ“, именно, чтобы разрѣшено было разобрать оставшіяся въ ней книги²⁾

¹⁾ Рекомендѣмая уставомъ и нигдѣ почти не встрѣчаемая важн по визитамъ.

²⁾ Значительная часть по-іезуитской библіотеки сгорѣла во время пожара въ 1780 году.

и полезныя передать школамъ, а остальныя хотя бы кому-нибудь подарить, подъ какимъ-либо условіемъ. Но на это доселѣ нѣтъ разрѣшенія, хотя въ этихъ видахъ уже три раза посылаемъ былъ списокъ этихъ книгъ, какъ о томъ значится въ томъ же актѣ осмотра. Объ этомъ разрѣшеніи и теперь просимъ, такъ какъ оно и соотвѣтствуетъ желанію капитула относительно перенесенія библіотеки, и недостатку мѣста для нея въ школьной библіотекѣ, и бесполезными книгами не будетъ напрасно занято мѣсто.

Въ школьной библіотекѣ не имѣется ни одной необходимой для учителя физики книги по металлургіи и химіи. Если бы въ другихъ школьныхъ библіотекахъ нашлись лишніе экземпляры такихъ книгъ, или имѣлись бы дубликаты ихъ въ библіотекѣ Залусскихъ, принадлежащей Рѣчи Посполитой¹⁾, служащіе въ луцкихъ школахъ просятъ прислать таковыя въ библіотеку ихъ.

Дворникъ (*zdróż domu*) содержится. Такъ какъ содержание *ex sartis tectis* было бы обременительнымъ для этой суммы и въ ущербъ другимъ нуждамъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ и школьнымъ слугою и такимъ образомъ получаетъ *ex sartis tectis* только продовольствіе, а жалованье — изъ ученической складчины.

Экономическая часть ведется по указанію устава пресвѣтлой комиссіи. Проректоръ и учителя вносятъ въ кассу

¹⁾ Это — родовая библіотека графовъ Залусскихъ, собранная въ теченіе долгаго времени цѣлыми поколѣніями. Представители этого рода, братья Іосифъ, р.-ж. епископъ кіевскій, и Андрей, епископъ варминскій, оба талантливые писатели (послѣдній за свое проповѣдническое краснорѣчіе прозванъ польскимъ Златоустомъ), свезли все свое родовое книжное имущество въ Варшаву, построивъ для него особый дворецъ. Здѣсь они весьма значительно умножили его собственными приобрѣтеніями, и въ 1775 году Іосифъ Залусскій подарилъ его Рѣчи Посполитой для публичнаго пользованія. Это было одно изъ дорогихъ книгохранилищъ, по множеству печатныхъ изданій и рукописей. По взятіи Варшавы Суворовымъ, Екатерина II повелѣла перевезти эту библіотеку въ Петербургъ, гдѣ она (говорятъ — далеко не полная) доселѣ хранится, составляя часть Императорской Публичной Библіотеки.

опредѣленную часть жалованья, учителя же по четвертямъ года завѣдываютъ стодомъ. Въ концѣ каждой четверти представляется всему собранію отчетъ въ расходахъ, при чемъ избирается новый провизоръ.

Списокъ бумагамъ, имѣющимся въ школьномъ архивѣ, не могъ быть составленъ въ прошломъ году, по причинамъ, изложеннымъ въ актѣ прошлагодняго осмотра; изготовленіе его было тогда только обѣщано. Въ исполненіе этого обѣщанія, посылаю нынѣ еписокъ всѣхъ бумагъ этого архива.

Провизіальная касса содержится подъ двумя замками. Жалованье служащимъ исправно выплачивается изъ нея. Относительно исправности записей по приходамъ и расходамъ я не могу свидѣтельствовать о себѣ самомъ, но, ссылаясь на свидѣтельство г. Пелевеля, ливскаго чесника, генеральнаго кассира (комиссіи просвѣщенія), въ томъ, что въ нихъ не оказывалось никакой ошибки и неправды, и такое засвидѣтельствованіе я получалъ послѣ каждаго представленія счетовъ отъ этого мужа, наиболѣе заботливаго объ интересахъ фундуша¹⁾.

Богослуженіе. Литургія совершается для учениковъ въ каедральномъ костелѣ. Въ воскресные и праздничные дни, послѣ литургіи, одинъ изъ ксендзовъ-доминикановъ даетъ старшимъ ученикамъ урокъ религіи. Вообще соблюдается все, что относится къ богослуженію.

Классы и наука. Въ классахъ было бы больше учениковъ, притомъ болѣе усердныхъ и старательныхъ, если бы: а) введено было преподаваніе французскаго языка, такъ какъ, ради изученія этого языка, родители помѣщаютъ своихъ дѣтей въ другія школы, и ученики сами хлопочутъ о своемъ

¹⁾ Янъ Снядецій въ своихъ, извѣстныхъ уже намъ, письмахъ часто и сильно возмущается поступками этого генеральнаго кассира за отказъ вравовской академіи въ суммахъ на самые необходимые предметы и за нѣкоторые непродуманные расходы изъ этихъ суммъ.

переводъ въ такія школы; б) если бы пресвѣтлая комиссія просвѣщенія, по милостивому обѣщанію своему, прислала физическіе инструменты.

Испытанія производятся, какъ требуютъ постановленія. Не было однако экзаменовъ въ мартъ по случаю происшедшей тревоги. Во время этой тревоги, школьная молодежь, взявшись за оружіе вмѣстѣ съ обывателями, содержала по ночамъ стражу, доказавъ послѣднимъ, какихъ дѣятельныхъ защитниковъ будетъ имѣть въ ней отечество¹⁾). Публичныя испытанія бывають весьма многолюдны, такъ какъ въ это время обыкновенно производятся суды по имуществамъ (*grodskie*). Обыватели и духовенство не жалѣютъ о томъ времени, которое они привыкли дарить отличающейся (*porisujacej się*) молодежи.

Конвиктъ. Конвиктъ для бѣдныхъ шляхетскихъ дѣтей пресвѣтлая комиссія просвѣщенія открыла только въ текущемъ году. Учениковъ въ немъ 48. Всѣ они приняты съ разрѣшенія пресвѣтлой комиссіи, именно: Матвѣй Жураковский, Іосифъ Словацкій, Петръ Жулинскій, Николай Ярковский, Янъ Корженевскій, Аловій Эмѣевскій, Павелъ Метлинскій, Каетанъ Кобылинскій, Іосифъ Андреевскій, Викентій Барбовскій, Раймундъ Барбовскій, Іосифъ Юцинскій, Тома Русиловичъ, Антоній Хшонщковский, Францишекъ Карбовскій, Игнатій Тышецкій, Андрей Лопушанскій, Доминикъ Глинскій. Изъ числа этихъ учениковъ, г. Іосифъ Юцинскій не оказываетъ ни усердія, ни успѣховъ, ни доброй нравственности, а потому необходимо удалить его. чтобы онъ не

¹⁾ Первая вѣсти о готовящемся народномъ возстаніи появился въ Дубнѣ во время *контрактовъ* (февр.). Слишкомъ свѣжа еще была память о возстаніи подъ предводительствомъ Гонты и Желѣзняка (1768 г.). Февраль, особенно мартъ, были наиболѣе тревожнымъ временемъ, пока поляки не убѣдились, что никакого возстанія нѣтъ, и что можно спокойно вымещать свою тревогу на русскомъ населеніи, за высказываемыя имъ надежды на русскую императрицу.

занималъ напрасно мѣста, которое принесло бы другому пользу, соотвѣтственно видамъ пресвѣтлой комисіи просвѣщенія. Вѣдомость о конвикторахъ составляется такимъ образомъ: она раздѣлена на четыре части: въ первую часть вписываются всѣ денежныя выдачи по контрактамъ съ хозяевами, мастеровыми и аптекарями; въ другую—расходы на покупку матеріаловъ, какъ-то: сукна, полотна и бумаги; въ третьей записывается все то, что выдается каждому конвиктору на счетъ фундуша и каждому директору для нуждъ цѣлой квартиры; въ четвертой части каждый конвикторъ самъ вписываетъ годъ и день своего поступленія въ конвиктъ. Конвикторы квартируютъ въ трехъ комнатахъ, по шести въ каждой, имѣютъ трехъ директоровъ, являются (проректору) ежедневно. Всѣ нужды ихъ удовлетворяются. Словомъ, я старался всецѣло исполнить постановленія о нихъ пресвѣтлой комисіи.

Директоры. Всѣ послушны, а нѣкоторые воишь способны и старательны. Было бы между ними больше способныхъ, если бы обыватели согласились вносить плату за нихъ на руки проректора. Но обыватели не соглашались на это, потому что они привыкли то выплачивать имъ деньги по частямъ, что для нихъ легче, то расшачиваться платьемъ, поясами, полотномъ или другими предметами.

Приходскія школы. По условію съ окружнымъ ректоромъ, лудкій проректоръ обязанъ осматривать школу въ Берестечкѣ¹⁾. Актъ осмотра этой школы отосланъ окружному ректору.

Физическое воспитаніе. Соотвѣтственно предписаніямъ, въ прежніе годы я хотѣлъ ввести военныя упражненія; но

¹⁾ Въ *сизитъ* 1798 г. по этому предмету выражено: „z tych żadnych nie masz ani w Łucku, ani w bliskiej okolicy“. Лукашевичъ говоритъ (т. IV, стр. 278), что въ Берестечкѣ существовала школа тринитаровъ въ составѣ подокружныхъ школъ и въ 1787 году посѣщена была королемъ Понятовскимъ. Очевидно, что это была частная школа.

тому препятствовало отсутствіе въ Луцкѣ всякаго войска и невозможность устроить обмундированіе. Въ нынѣшнемъ страшномъ году, по случаю возникшаго бунта, въ Луцкѣ появились войска, обыватели надѣли военную форму, которою легко было увлечь учениковъ, хотя еще и не воѣхъ. Военныя упражненія начаты съ учениковъ фундушевыхъ; къ нимъ присоединились и другіе. Устроивъ для фундушевыхъ учениковъ военныя принадлежности, я тѣмъ самымъ только предупредилъ милостивое разрѣшеніе пресвѣтлой комиссіи и не жалѣю объ этомъ расходѣ, не ожидаю даже одобренія (подтвержденія) его, находя полное удовлетвореніе для себя въ пользѣ молодежи, въ довольствѣ обывателей, въ репутаціи школъ и въ сознаніи того, что я исполнилъ мысль и волю пресвѣтлой комиссіи просвѣщенія. Въ рекреаціонное время ученики заняты или военными упражненіями, или практическою геометріей и такимъ образомъ играя учатся и унасъ играютъ. Въ промежуткахъ между этими занятіями, они играютъ въ мячъ, бѣгають въ перегонку. Оберегаются отъ всякихъ нѣжностей (*miękkości i pieszczoł*). Несмотря на это, многіе ученики болѣли гнилой горячкой и лихорадкой, а отъ потворства родителей, дозволяющихъ дѣтямъ употребленіе даже вредныхъ предметовъ, одинъ изъ учениковъ умеръ отъ гнидой горячки¹⁾.

Ученики, награжденные медалями. На основаніи произведенной мною повѣрки успѣховъ и по разсмотрѣніи вѣдомостей о мѣсячныхъ испытаніяхъ, признаны заслуживающими серебрянаго подарка его королевской милости: Яковъ Опатовскій и Иванъ Гульчановскій, ученики III класса.

Препятствія успѣхамъ ученія. Въ Луцкѣ одинъ изъ латинскихъ кафедральныхъ викарныхъ ксендзовъ учитъ ка-

¹⁾ Известно, что въ Луцкѣ эти болѣзни доселѣ господствуютъ, особенно весною, отъ сосѣдства болотъ по рѣкѣ Стири.

едральныхъ аколитовъ¹⁾ латыни давнимъ способомъ, чего нельзя запретить ему, потому что аколиты составляютъ отдѣленіе (низшее) семинаріи и должны поступать въ семинарію. Но въ школу аколитовъ онъ принимаетъ и дѣтей обывательскихъ, на что онъ не имѣетъ права, потому что этимъ способомъ школа его является соперницей нашихъ школъ. Ксендзы тринитары также обучаютъ двухъ шляхетскихъ дѣтей. Изъ этихъ учениковъ одинъ—племянникъ ксендва-провинціала, прибывшій изъ-за кордона, а потому обученіе его можетъ считаться домашнимъ, но другой не могъ быть принятъ. Точно также ксендзы-доминикане и ксендзы-кармелиты частію занимаются обученіемъ. Это приводитъ къ мысли, что монахи апостольствуютъ противъ образованія. Кажется, необходимо, чтобы пресвѣтлая комиссія просвѣщенія разослала циркуляръ всѣмъ ксендзамъ-провинціаламъ монашескихъ орденовъ, съ воспрещеніемъ монахамъ обучать дѣтей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются публичныя школы, и съ внушеніемъ имъ, дабы они не брались за обученіе тѣхъ наукъ, въ которыхъ, ничего не понимаютъ²⁾.

Пособія образованію. Разумѣю двоякое образованіе: общее, или безотносительное и то, которое существуетъ въ практикѣ школьной (*osób stanu akademickiego*). Что касается перваго, то образцовый уставъ, изданный пресвѣтлою комис-

¹⁾ Аколиты—приготавлиющіеся въ вѣрики, въ составъ церковнаго хора. Малоспособные изъ нихъ поступали на низшія службы церковныя, болѣе способные—въ семинарію.

²⁾ Подробные отзывы, часто въ гораздо болѣе рѣзкихъ формахъ, читаемъ и въ другихъ визитахъ. Но монашествующая братія упорно отказывается отъ исполненія распоряженій комиссіи просвѣщенія, продолжаетъ содержать школы и учить по-старинѣ. Генеральный визитаторъ 1790 г. Крусянскій, донося о нѣкоторыхъ такихъ школахъ въ Малой Польшѣ, свидѣтельствуетъ, что обыватели, во имя стараго обученія, охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ монашескія школы, и предлагаетъ употребить всѣ средства, чтобы „примѣрно наказать (монаховъ) за такое публичное поруганіе надъ образованіемъ“. Обѣ стороны—старина и новизна—не уступали другъ другу въ фанатизмѣ.

сией просвѣщенія и возбуждающій удивленіе даже въ людяхъ предубѣжденныхъ, прекрасно устроилъ все, что приводило бы его къ наивысшему совершенству. Уставъ тѣмъ скорѣе и прочнѣе достигнетъ своей цѣли, чѣмъ скорѣе эдукаціонный фондупгъ снабдитъ школы такъ необходимыми для нихъ и милостиво обѣщанными имъ физическими и математическими инструментами. Но, кромѣ сего, для достиженія этой цѣли, необходима большая субординація служащихъ въ отношеніи къ школьному начальству. Я не могу жаловаться на здѣшнее собраніе (учительское), какъ не жаловался и во время прошлогодней ревизіи. Мужъ просвѣщенный, знаменитый по своимъ высокимъ талантамъ и любящій порядокъ, визитаторъ (генеральный) Крушинскій былъ свидѣтелемъ согласія и взаимнаго почтенія въ здѣшнемъ собраніи, о чемъ мы заботились и въ теченіи настоящаго года. Но что въ другихъ собраніяхъ происходятъ несогласія и раздоры, этого нельзя скрыть, несмотря на узаконенный по этимъ дѣламъ секретъ¹⁾. Эти раздоры, происходящіе отъ недостатка субординаціи, приносятъ дѣлу образованія только вредъ. По моему мнѣнію, которое представляю на усмотрѣніе высшей власти, право суда надъ начальникомъ школы, присвоенное²⁾ себѣ нѣкоторыми учительскими собраніями, должно быть отнято отъ нихъ. Если преступленіе начальника не такого свойства, чтобы немедленно судить его, то собранію слѣдовало бы отложить свою жалобу до времени генеральной или окружной визитаціи. Если же преступленіе требуетъ немедленнаго суда, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы собранію ограничиться только донесеніемъ о немъ главной школѣ, такъ какъ и теперь постановленіе собранія (по этимъ дѣламъ)

¹⁾ Уставъ 1783 г., гл. 24, п. 13 требуетъ содержать въ тайнѣ всѣ разбирательства и постановленія въ школьныхъ судебныхъ засѣданіяхъ и за выдачу секрета подвергаетъ виновныхъ самымъ строгимъ взысканіямъ.

²⁾ Авторъ, очевидно, игнорируетъ 12 п. 24 гл. устава, предоставляющій это право учительскому собранію.

ничего не значить безъ утверженія со стороны главной школы, въ противномъ случаѣ назначила бы комиссію или изъ сосѣднихъ обывателей, или изъ членовъ сосѣдняго учебнаго заведенія, или изъ среды эмеритовъ. Расходы на нужды такой комиссіи должна была бы уплатить сторона виновная. Этимъ способомъ устранялись бы нецриличные раздоры и возникающее изъ нихъ, явно вредное для дѣла образованія, неповиновеніе.

Еще: я никогда не откажусь отъ моего мнѣнія, что необходимо всѣми мѣрами заботиться объ увеличенія учениковъ въ школахъ академическихъ (подчиненныхъ академіи, т. е. главной школѣ). Эдукаціонный фондусъ непремѣнно долженъ имѣть своихъ благопріятелей и охранителей. Такихъ друзей онъ не можетъ ожидать для себя въ дѣтяхъ, воспитывающихся въ монашескихъ школахъ, или можетъ имѣть таковыхъ изъ нихъ въ крайне ограниченномъ числѣ. Привычка производить то, что люди гораздо болѣе расположены чувствовать любовь и благодарность къ учрежденію, непосредственно воспитавшему ихъ, чѣмъ къ такимъ (учрежденіямъ и лицамъ), которыя хотя бы и благотворнѣе, но болѣе отдаленно вліяли на образованіе ихъ. Это подтверждается и на Воляни. Гдѣ обыватели преимущественно отдають дѣтей въ монашескія школы, тамъ и болѣе всего нареканій на эдукаціонный фондусъ (на образованіе, установленное на счетъ этого фондуса). Такого рода обывателей-судей нужно ожидать и въ будущемъ, потому что (молодое поколѣніе), слушая толки родителей и получивъ воспитаніе большею частію (!) у монаховъ, будетъ въ особенности отстаивать монаховъ.

По этой-то причинѣ, заставши въ луцкихъ школахъ, при вступленіи въ должность префекта ихъ 1781 года, всего около 50 учениковъ, какъ это значитъ въ актѣ визитаціи 1782 года, я старался привлечь какъ можно болѣе учениковъ въ эти школы. Теперь ихъ уже больше 160. Больше

сего я не могъ сдѣлать, потому что не было помощи. Если какія, то преимущественно лущкія школы должны получить помощь въ привлеченіи возможно большаго числа учениковъ — по слѣдующимъ причинамъ:

1) Луцкъ служить главнымъ городомъ (*mjasto stoleczne*) одного изъ первыхъ воеводствъ, по числу обывателей, богатыхъ, служащихъ и имѣющихъ большое значеніе въ Рѣчи Посполитой.

2) Это самый многолюдный городъ (на Волыни), въ немъ происходятъ самые видные сѣвады воеводскіе. Въ другихъ городахъ происходятъ только повѣтовые сѣвады, а въ Луцкѣ и повѣтовые, и общіе (генеральныя, пѣлаго воеводства). Здѣсь же состоитъ и комиссия порядна¹⁾.

3) Нужно ожидать гораздо болѣе людныхъ сѣвадовъ въ Луцкѣ, потому что воеводство настаиваетъ на перенесеніи въ него или контрактовъ изъ Дубно, или части трибунала²⁾.

4) Луцкія школы болѣе всѣхъ другихъ имѣютъ сосѣдей-товарищей. Повѣты владимірскій и кременецкій имѣютъ только по одному учебному заведенію, а въ луцкомъ повѣтѣ ихъ четыре: въ Луцкѣ, Олыкѣ, Острогѣ и Межлѣвчѣ. Недалеко отъ Луцка и думбровицкія школы, принадлежащія къ литовскому (академическому) округу. При такомъ (близкомъ другъ отъ друга) положеніи школъ, ученики не могутъ склоняться къ школамъ академическимъ, если не будутъ чувствовать особливаго понужденія къ тому, и если они имѣютъ болѣе побужденій предпочитать инныя школы³⁾.

¹⁾ Подходить къ нашему губернскому правленію.

²⁾ Трибуналъ волынскаго и украинскаго воеводства продолжалъ оставаться въ Люблинѣ.

³⁾ Признаніе довольно знаменательное, показывающее сильное неравнѣріе въ шляхтѣ къ новымъ школамъ (академическимъ) и предпочтеніе школъ монашескихъ. Школы олицкія и острожскія состояли въ вѣдѣніи базилианъ, межлѣвчскія — въ вѣдѣніи піаристовъ. Замѣчательно, что, несмотря на униженіе базилианъ комиссіей просвѣщенія и на дѣйствитель-

Способы и средства возбудить расположеніе учениковъ къ лучшимъ школамъ могли бы быть слѣдующіе:

1) Помимо всего, эти школы имѣли бы несравненно болѣе учениковъ, если бы, имѣя въ прежнее время шесть учителей, не были, послѣ пожара, ограничены тремя учителями. Десятки разъ приходилось объяснять обывателямъ, что дѣти одинаковую пользу получаютъ въ школахъ при трехъ, какъ и при шести учителяхъ, и что въ тѣхъ и другихъ школахъ преподаются одни и тѣ же уроки. Но обыватели не хотѣли вѣрить этому; утверждая, что учитель, принужденный полчаса заниматься съ первогодичными учениками, а другой получасъ съ второгодичными, поневолѣ приноситъ всѣмъ ученикамъ меньшую пользу, чѣмъ тотъ, который занимается цѣлый часъ съ одними и тѣми же учениками. Это соображеніе побудило обывателей на прошлагоднихъ сеймикахъ постановить просить пресвѣтлую комиссію объ увеличеніи числа учителей въ лучшихъ школахъ. Объ этомъ могли бы быть разсужденія и на нынѣшнихъ сеймикахъ, если бы я не употребилъ противъ этого стараній.

Однако это средство къ увеличенію числа учениковъ уже не своевременно, такъ какъ оно не могло бы быть исполнено: безъ покупки у каедры части зданій и безъ пристройки къ нынѣшнему школьному зданію, хотя каедра охотно и благородно склонилась бы къ этимъ нуждамъ лучшихъ школъ. Но что сокращеніе числа учителей служить причиною малочисленности учениковъ, а въ нихъ и будущихъ ревнителей эдукационнаго фондуша, это остается безусловною правдою.

2) Другимъ средствомъ къ привлеченію учениковъ въ лучшія школы послужило бы установленіе въ нихъ француз-

ное приниженіе въ нихъ образованія, эти школы всегда были переполнены шляхетскими дѣтьми. Причины тому—простота базиліага и вѣрность старымъ школьнымъ порядкамъ.

скаго языка. Правда, что здѣсь болѣе нуждаются въ нѣмецкомъ языкѣ, въ видѣствіе сосѣдства съ австрійскимъ пограничьемъ; но обыватели повсюду признають, что французскій языкъ болѣе приятенъ, и что въ французскихъ книгахъ больше пользы, чѣмъ въ нѣмецкихъ. Я самъ видѣлъ, какъ ученики ѣдутъ чрезъ Луцкъ во Владиміръ, поступая въ эти послѣднія школы единственно ради обученія въ нихъ французскому языку. Многіе ученики, хотѣли послѣ ваканцій оставить луцкія школы, особенно мнѣ круга ваничей (rapiat), которыя слѣдовало бы заранѣе располагать къ учебному вѣдомству; я удержалъ ихъ только надеждою на то, что съ началомъ учебнаго года будетъ назначенъ учитель французскаго языка, чѣмъ удовлетворены будутъ ожиданія обывателей. Если я обманусь въ этой надеждѣ, то перестану уже и питать ее ¹⁾.

3) Учрежденіе одной золотой медали для здѣшнихъ школъ также послужило бы вышеозначенной цѣли. Награда, надъ которою есть еще высшая, никогда не удовлетворитъ благороднаго стремленія къ наивысшей наградѣ. Золотая медаль, будучи наивысшею наградою, располагаетъ къ усиліямъ всѣхъ тѣхъ, кто чувствуетъ себя способнымъ заслужить ее и имѣетъ средства на путешествія къ инымъ школамъ (вышшимъ). По этому самому, золотая медаль отвлекаетъ (отъ луцкихъ школъ) всѣхъ, обладающихъ и большими умственными способностями, и большимъ состояніемъ, а между тѣмъ академическое сословіе отъ первыхъ имѣетъ наилучшую для себя репутацію, а отъ другихъ при случаѣ получаетъ наибольшую поддержку.

¹⁾ Заботливому автору пришлось обмануться не только въ этой надеждѣ, но и во всѣхъ другихъ своихъ стараніяхъ относительно луцкихъ школъ. До конца этого періода не произошло никакихъ улучшеній въ этихъ школахъ. Самъ авторъ переведенъ былъ на другое мѣсто, а проректоромъ луцкихъ школъ назначенъ всендѣ Прушинскій, о которомъ генеральный визитаторъ 1791 года говоритъ, что онъ „страдаетъ запоемъ, на соблазнъ ученикамъ“, и что по винѣ его въ школахъ много безпорядковъ. Учениковъ въ этомъ году было 140.

4) Закрытие конвиктовъ при школахъ, содержимыхъ монахами и имѣющихъ достаточный фондупъ, привлекло бы въ академическія школы много паничей. Межирѣцкія школы (піарскія), получающія, въ прибавку къ давней ихъ фундаціи, 2000 злотыхъ изъ суммъ пресвѣтлой коммюніи просвѣщенія, равно какъ и школы острожскія, получающія такую же прибавку, должны бы подчиняться постановленію, воспрепятствующему принимать учениковъ къ общему столу¹⁾. То же нужно сказать и о школахъ домбровицкихъ. Если бы послѣдовало такое распоряженіе, то, я увѣренъ, большая часть обывателей предпочитала бы содержать своихъ дѣтей въ городахъ казенныхъ (publicznich), а не въ помѣщичьихъ²⁾.

Я изложилъ эти способы и средства (къ увеличенію числа учащихся въ академическихъ школахъ) на основаніи собственнаго убѣжденія, повѣреннаго опытомъ, въ безошибочности ихъ.

Мнѣ остается еще сказать о томъ, что, по мнѣнію обывателей, увеличило бы почтеніе и довѣріе къ академическому сословію.

Вѣрно и несомнѣнно, что платье не вліяетъ на свойства души; но вѣрно и то, что въ настоящее время народъ обращаетъ вниманіе на платье. Если такъ дѣлается въ Варшавѣ, то на Волыни гораздо давнѣе и упорнѣе заглядываются на платье и соразмѣряютъ съ нимъ степень почтенія. Я не писалъ бы объ этомъ по обязанности визитатора, если бы мнѣ не говорили о томъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ многіе обыватели и дамы. Умолчать объ этомъ я считаю неприличнымъ и несообразнымъ съ инструкціей главной школы коронной.

¹⁾ Авторъ придирается къ мовахамъ. Запрещеніе принимать учениковъ къ общему учительскому столу едва ли приложимо къ монашеской трапезѣ, происходящей при иныхъ условіяхъ, на основаніи монашескихъ уставовъ.

²⁾ Каковыми были: Межирѣчье, Острогъ и др.

Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одни обыватели осмѣлились въ насмѣшку называть учителей лакеями, а другіе явно, въ полномъ невѣдѣніи, спрашивали (встрѣчныхъ или приходящихъ къ нимъ учителей), изъ какого они двора (панскаго). Фракъ и прежде не вызывалъ никакого уваженія въ адѣвскихъ мѣстахъ; тѣмъ менѣе уваженія къ нему теперь, когда г. Корженевичъ, выгнанный изъ рожинской семинаріи¹⁾, одѣвшись въ костюмъ аббата (in abbe)²⁾, бродилъ по Луцку, въ кругу неартичной компаніи. По совѣту съ учителями, я послалъ къ нему съ требованіемъ или онять этотъ костюмъ, или предъявить патентъ на право ношенія его. Послѣ такого требованія, онъ уѣхалъ изъ Луцка, но въ Острогѣ, по подозрѣнію въ участіи въ бунтѣ, выси-дѣлъ нѣсколько дней подъ арестомъ.

Такъ какъ уваженіе, сочувствіе и почтеніе къ академическому сословію со стороны обывателей, особенно въ адѣвскихъ мѣстахъ, возможны только подъ условіемъ ношенія учителями духовнаго платья (sukni klirickiej), и если ношеніе этого платья не обязываетъ учителя поступать въ ксендзы, то я полагалъ бы необходимымъ подтвердить это учителямъ, предостерегая только, чтобы учителя не были обязываемы участвовать въ процессіяхъ и посвящать опредѣленные часы колѣнопреклоненіямъ³⁾.

¹⁾ Объ этой семинаріи мы не встрѣчали свѣдѣній.

²⁾ Распространившееся въ то время изъ Франціи пренебреженіе къ духовному сословію и къ костюму духовенства побуждало свѣтскихъ учителей обходить посланное комиссіи просвѣщенія объ академической формѣ и замѣнять ее костюмомъ, придуманнымъ либеральными французскими аббатами, именно—короткою сутаню съ вырѣзкой спереди, на подобіе тогдашнихъ французскихъ аристократическихкихъ мундировъ или парадныхъ сюртуковъ. Сельская шляхта, тосковавшая по іезуитахъ, глумилась надъ новымъ костюмомъ учителей, приравнивая его къ входившей тогда въ моду ливреѣ для лакеевъ. Нѣкоторые изъ учителей предпочитали носить нѣмецкій фракъ. Тотъ и другой костюмъ шляхта одинаково признавала неавыстными ея фракомъ (fracsiek).

³⁾ Комиссія просвѣщенія обратила вниманіе на это замѣчаніе и въ томъ же году настойчиво подтвердила свое требованіе относительно общаго

Благотѣли итали. Эдукаціонный фондунъ имѣеть въ луцкомъ повѣтѣ много враговъ, но не мало есть и друзей образованія, которые бывають на публичныхъ экзаменахъ, хвалять систему обученія и выражаютъ благодарность пресвѣтлой комисіи просвѣщенія. Яновельможный Филиппъ Олизаръ, литовскій подчапій, кавалеръ польскихъ орденовъ, показалъ себя истиннымъ благотѣлемъ, защищая въ средѣ обывателей существованіе (отдѣльнаго) эдукаціоннаго фонда и академическаго сословія. Таковъ и яновельможный Калясанты Волчковичъ-Олизаръ, камергеръ его королевской милости, кавалеръ ордена св. Станислава, который на прошлогоднемъ публичномъ экзаменѣ раздавалъ медали, оказавъ рѣчь въ похвалу учащихся и пригласилъ ихъ, вмѣстѣ съ лучшими учениками и собраніемъ обывателей, на великолѣпный ужинъ.

По ворученію пресвѣтлой комисіи просвѣщенія, я писемно выразилъ ксендзу Кучковскому, луцкому (каедральному) писарю, благодарность за постройку дома для элементарной школы.

Постороннія сѣдѣнія (wiadomości roboczne). Въ школахъ межирѣчскихъ (піарскихъ) и острожскихъ (базиліанскихъ) заведены театральныя представленія. Такъ какъ они не имѣють основанія въ уставѣ пресвѣтлой комисіи просвѣщенія, отнимають много времени и влекутъ за собою нѣкоторые неприличныя и непріятныя случаи, то они должны быть воспрецены. Въ Житомирѣ появился манифестъ противъ ксендзовъ-піаристовъ межирѣчскихъ, по поводу смерти конвиктора ихъ г. Галецкаго, происшедшей оттого, что его, боьного, вывели на сцену, гдѣ ему, по причинѣ слабости, сдѣлалось дурно, а скоро затѣмъ онъ умеръ. Можетъ быть,

учительскаго стола и духовнаго платья. Визитаторъ 1890 года пишетъ, что предписаніе относительно стола еще не всюду соблюдается, а сутаны не носить только учитель математики въ лещицкихъ школахъ.

они оправдаются въ этомъ дѣлѣ, въ противномъ случаѣ не-
сли бы справедливый упрекъ въ томъ, что не сообразуются
съ уставомъ. По моему мнѣнію, монашескія школы не дол-
жны пользоваться никакими привилегіями сравнительно со
школами академическими. Если суммы ихъ не достаточны для
содержанія шести учителей, то лучше ограничить ихъ тремя
или четырьмя учителями, чѣмъ нарушать для нихъ уставъ¹⁾.

Распоряженія. 1) Распоряженія пресвѣтлой комиссіи
просвѣщенія и главной школы, записавъ въ особую книгу,
оставляю къ исполненію. 2) Поручаю торжественно совер-
шать открытіе ученія (начало новаго учебнаго года) непре-
мѣнно въ день, назначенный для этого уставомъ, т. е. 29
сентября. 3) Книга совѣтскихъ засѣданій должна быть при-
носима на каждое засѣданіе, и тутъ же въ нее должны быть
вписываемы протоколы засѣданій. 4) Я просилъ гг. учите-
лей, дабы они и въ будущемъ такъ же тщательно заботились
о пользѣ молодежи, какъ заботились о ней доселѣ.

Желанія. 1) Служащіе въ лудскихъ школахъ просятъ
главную школу ходатайствовать предъ пресвѣтлой комиссіей
просвѣщенія, дабы она распорядилась послѣдить наданіемъ
остальныхъ учебниковъ. 2) Служащіе просятъ также объ-
ясненій къ статистической таблицѣ воеводства (одинъ экзе-
мпляръ этихъ таблицъ я отослалъ во владимірскія школы,
другой оставилъ въ лудскихъ школахъ), именно — для чего
предназначаются онѣ: для составленія ли географической карты,
или всеобщей переписи, или регулированія податей. Это
объясненіе необходимо для того, чтобы требуемое о нихъ
мнѣніе наиболѣе соответствовало цѣди ихъ²⁾. Для составле-

¹⁾ Нарушеніе устава въ этомъ случаѣ авторъ видитъ въ томъ, что
нѣкоторымъ монашескимъ общинамъ дозволялось имѣть въ своихъ под-
омружныхъ школахъ по шести учителей.

²⁾ Польское правительство заботилось въ то время о выработкѣ про-
граммы для составленія подробной статистики Речи Посполитой. Упомяну-
тая здѣсь таблица была бѣглымъ опытомъ, о которомъ собирались мнѣнія.

нiя географической карты эта таблица не годится, такъ какъ квадратныя мили высчитаны только по географическимъ картамъ (существующимъ). Чтобы она полезна была для составления всеобщей переписи, необходимо раздѣлить въ ней евѣтскiя сословія отъ духовныхъ и ввести особую графу о жидовскихъ каралахъ и о числѣ лицъ этого населенiя. Эта послѣдняя графа полезна была бы и при установленiи податей, потому что этотъ народъ уплачиваетъ подати соразмѣрно съ количествомъ своего населенiя, равно какъ и при опредѣленiи пропорціи между войскомъ и населенiемъ, при чемъ жидовское населенiе не принимается въ расчетъ, потому что жида не рѣшаются служить въ войскѣ. Необходимо также отвести особую графу для такого класса, который, хотя и не имѣетъ постояннаго мѣста жительства, но и не есть праздничующійся, напримѣръ, бочары, копальщики, рабочіе въ соляныхъ копяхъ, торговцы въ разноску, рудокопы и т. п.

Конецъ. Осмотръ оконченъ прочтенiемъ распоряженiй и убѣжденiемъ учителей къ неоплабному исполненiю своихъ обязанностей.

Перемены въ личномъ составѣ. Никакихъ переменъ не было. Самую необходимую была бы та переменна, по которой олицкія школы, по милостивому распоряженiю пресвѣтлой комиссіи проsvѣщенiя, получили бы еще трехъ учителей и преподавателя французскаго языка.

Олицкія подокружныя школы, академическія, о трехъ учителяхъ.

Проректоръ ксендзъ Матвѣй Романевскій, олицкій (каедральный) схоластикъ.

Всѣгда затѣмъ образована особая военная комиссія съ спеціальною задачею статистическаго описанiя всѣхъ воеводствъ. Эта комиссія начала свои замятiя затребованiемъ отъ всѣхъ городовъ, учрежденiй и помѣщиковъ необходимыхъ свѣдѣнiй. Но ея дѣйствiя приостановлены были вторымъ раздѣломъ Польши.

Учители: 1 кл. ксендзъ Иванъ Хмѣлевскій,
 „ математики и физики Иванъ Лучинскій,
 „ краснорѣчія и права ксендзъ Уловичъ.

Осмотръ этихъ школъ производилъ ксендзъ Эдмундъ Попель-Брошнівскій, докторъ богословія и философіи, проректоръ луцкихъ школъ, на правахъ уполномоченнаго визитатора. Осмотръ началъ 5, оконченъ 8 іюля 1789 г. Вотъ какъ онъ пишетъ объ этомъ.

Объ осмотрѣ объявлено въ засѣданіи.

Всѣхъ учениковъ 54¹⁾.

Осмотръ классовъ. Въ присутствіи нѣсколькихъ почетныхъ лицъ (фамилія которыхъ означены въ рапортѣ), послѣ обычной рѣчи, началъ осмотромъ 1 класса, продолжавшимся 3 часа. На математику употреблено болѣе трехъ часовъ, на физику и право около 4 часовъ (о всѣхъ предметахъ во всѣхъ классахъ говорится въ рапортѣ съ похвалою учителямъ).

Учители, при усиленной заботливости ксендза проректора, стараются, на сколько можно, поставить обученіе на ту точку, на которой оно стоитъ всюду. Говорю: *на сколько можно*, потому что, не имѣя никакихъ математическихъ приборовъ, они не могутъ заниматься практической геометріей, иля—когда ни учителя, ни ученики не имѣютъ ни одного циркуля, то нельзя заниматься рисованіемъ. Ксендзъ-словастикъ проректоръ, просвѣщенный и весьма заботливый о пользѣ учениковъ и объ исполненіи всѣхъ установленій пресвѣтлой комисіи просвѣщенія, даетъ для пользованія (разуба) собственныя географическія карты. Учитель краснорѣчія

¹⁾ Въ 1786 г. было здѣсь 106 учениковъ, а въ 1792 г. 100. Въ разсматриваемое время сокращеніе числа учениковъ зависѣло отъ цѣлаго состава учителей, хотя визитаторъ и хвалитъ ихъ, какъ бывшихъ своихъ учениковъ, и отъ отсутствія преподавателей иностранныхъ языковъ.

и права, ксендзъ Уловичъ, бывшій ученикъ лущкихъ школъ, получившій медаль въ 1787 году, человекъ степенный, старательный и довольно способный. Учитель математики и физики, ксендзъ Лучинскій, также бывшій ученикъ лущкихъ школъ, получившій медаль въ 1786 году, имѣеть хорошия способности къ этому предмету, старателенъ, степененъ, обучалъ этимъ предметамъ два года. Нынѣ онъ слушаетъ лекціи въ главной школѣ. Учитель 1 класса ксендзъ Янъ Хмѣлевскій учитъ другой годъ. Онъ уже не способенъ къ преподаванію, къ тому же заикается; но на жалованье въ 1020 злотыхъ лучшаго нельзя найти.

Окончавъ осмотръ классовъ, я объявилъ ученикамъ, что фамиліи болѣе старательныхъ изъ нихъ я помѣщу въ рапортъ; тѣмъ, которые не ровно занимались, я сказалъ, что фамиліи ихъ тогда только будутъ напечатаны, и отечество тогда только будетъ видѣть въ нихъ опору, когда они хорошо окончатъ курсъ ученія: пускай и ждуть этого въ силу того только, что когда-то хорошо начали оное.

Школьныя записи. Минувя другія книги, которыя мною подписаны, окажу только о слѣдующихъ; въ книгу мѣсячныхъ экзаменовъ вносились только фамиліи наиболѣе старательныхъ учениковъ, — я указалъ, какъ нужно вести записи: въ ней, книги объ особыхъ комиссіяхъ и происшествіяхъ ¹⁾ не имѣется, — ксендзъ-охластикъ проректоръ объявляетъ, что въ мѣстечкѣ, какъ Олыка, кромѣ торговъ и ярмарокъ, ничего замѣчательнаго не бываетъ.

Личныя бесѣды. Я имѣлъ особыя бесѣды съ гг. служащими, начиная съ ксендза-охластика проректора. Изъ нихъ я узналъ, что на будущій годъ математика останется безъ учителя. Объ этомъ я тотчасъ письменно донесъ главной школѣ; но на скудное жалованье въ 200 ²⁾ злотыхъ, вмѣстѣ

¹⁾ Рекомендовалъ уставъ. Многіе не понимали, что именно нужно вносить въ эту книгу.

²⁾ Т. е. за вычетомъ суммы, положенной на общій столъ.

за математику и физикку, она не могла приехать въ Ольку учителя.

Богослуженіе производится по уставу.

Иностранные языки. Одинъ изъ директоровъ, прибывшій изъ-за цесарской (австрійской) границы, обучаетъ нѣмецкому языку. Такъ какъ онъ училъ не по обязанности и безъ определенныхъ условий, то просилъ, чтобы ученики что-нибудь заплатили ему за его трудъ. Но это не состоялось, а потому онъ обучаетъ теперь только двухъ учениковъ. Этотъ директоръ имѣетъ произношеніе *австрійское*, говоритъ по навыку, учить правиламъ языка не умѣетъ.

Экзамены частные и публичные. Экзамены производятся ежемѣсячно. Одинъ изъ нихъ былъ опущенъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, по причинѣ тревоги въ краѣ и приближавшихся праздниковъ (Пасхи). На публичныхъ испытаніяхъ обыкновенно бываютъ тѣ гости, которые присутствовали и на испытаніи во время визитаціи. Больше ихъ и ожидать нельзя въ уѣздномъ городѣ.

Физическое воспитаніе. Во время рекреаций дѣти играютъ въ мячъ, бѣгаютъ до назначенной меты. Въ теченіе года всѣ пользовались адоровѣемъ.

Директоры оказываютъ должное уваженіе учителямъ, представляютъ мѣсячные рапорты, провожаютъ дѣтей въ школы и въ костелъ.

Ученики, награжденные медалями. Хотя ученикъ III класса Григорій Попуховичъ не изъ лучшихъ въ математикѣ, но, принявъ во вниманіе, что это произошло не по недостатку прилежанія въ немъ, а по недостаточности первоначальныхъ основаній въ этомъ предметѣ, вынесенныхъ изъ низшихъ классовъ,—что все собраніе учителей засвидѣтельствовало объ усиленномъ стараніи его въ настоящее время и отлично рекомендовало его въ поведеніи,—что въ прочихъ предметахъ, какъ я самъ убѣдился, онъ значительно успѣлъ, вслѣдствіе сего, уважая болѣе усиленное трудолюбіе, чѣмъ

таланты, часто бесплодные, я назначилъ ему (серебряную) медаль его королевской милости, вмѣстѣ съ Деидеріемъ Точановскимъ, ученикомъ II класса.

Пособіе образованію. Фундаторы олицкихъ школъ, кн. Радзивиллы, назначили въ пользованіе ихъ бенефиціи: колковскую, ямпольскую и казимиржецкую; но луцкіе епископы воспротивились этому, и бенефиціи остались въ исключительномъ пользованіи владѣльцевъ, кромѣ казимиржецкой, на которую назначеніе зависитъ отъ коллегіата (школъ). По сношенію съ пресвѣтлой комиссіей просвѣщенія, съ кн. Радзивиллами и съ луцкимъ епископомъ, можно бы возвратить школамъ бенефиціи колковскую и казимиржецкую, доходы съ которыхъ поступали бы частію посесорамъ (изъ учителей, получающихъ ихъ въ награду), частію на викарныхъ (священниковъ). Ямпольская бенефиція, какъ далеко отстоящая отъ школъ, именно въ кременецкомъ повѣтѣ, не могла бы быть полезна для этой цѣли.

Распоряженія. 1) На основаніи постановленія пресвѣтлой комиссіи просвѣщенія, собраніе учителей, по знакомству съ родителями учениковъ, имѣеть убѣждать ихъ вносить плату, слѣдующую директорамъ, на руки начальника школъ, выставляя имъ въ томъ собственную ихъ и дѣтей ихъ пользу. 2) Учители обяваны ежемѣсячно исповѣдываться въ установленные для этого дни. 3) Ксендзь и проректоръ имѣють заблаговременно предъ началомъ учебнаго года представить въ главную школу для утвержденія вѣдомость объ учителяхъ, избранныхъ на слѣдующій годъ. 4) Подтверждено распоряженіе прошлагодней визиты (пунктъ 2) о томъ, чтобы учитель краснорѣчія разговаривалъ съ учениками, а ученики III класса говорили съ нимъ и между собою не иначе, какъ на языкѣ латинскомъ¹⁾.

¹⁾ Шляхта, болѣе и болѣе не довольная правительствомъ и принимавшая угрожающее положеніе, поколебала, наконецъ, стойкость комиссіи просвѣщенія. Въ 1786 г., въ угоду ей, предписано старшимъ ученикамъ гово-

Желанія. Обраніе служащихъ проситъ послѣднить изданіемъ учебниковъ и увеличить ихъ содержаніе. Волгодотвіе скуднаго жалованья, въ 200 злотыхъ, учитель математики ксендзь Янъ Лучинскій отказывается отъ службы. Ксендзь проректоръ доселѣ получалъ добавочныхъ 100 злотыхъ,—на дальнѣйшее время ему отказано въ этой прибавкѣ....

Владимірскія¹⁾ подокружныя школы базилианскія, о шести учителяхъ.

Ректоръ *коллегіи* (т. е. не только школъ, но монастырей, имѣній и проч.), проректоръ школъ ксендзь Александръ Баранскій.

рять по-латыни. Въ концѣ 1789 года она „разрѣшила“ побуждая къ тому же и учениковъ низшихъ классовъ! При поверхностномъ грамматическомъ изученіи языка, можно судить, что за латынь являлась въ говорѣ учениковъ! Она далеко должна была опережать латынь іезуитскую...

¹⁾ Дукашевичъ, какъ и авторы *Starecystwa Polska*, ничего не знаютъ о происхожденіи этихъ школъ: Между тѣмъ это одна изъ древнѣйшихъ русскихъ школъ на югѣ Руси, какъ это дознано по мѣстнымъ документамъ визитаторомъ: 1788 года. По словамъ его (въ визитѣ), школы во Владимірѣ основаны стараніемъ и иждивеніемъ брестскаго каптеляна Игнація Подея, скоро за симъ принявшаго санъ епископа владимірскаго, въ которомъ онъ приобрѣлъ такую грустную извѣстность въ исторіи православной Церкви и русскаго народа. Въ 1595 году Подей исходатайствовалъ для этихъ школъ привилегію Сигизмунда III и поручилъ ее монахамъ чина св. Василія. Погибненіе для этихъ школъ онъ отвелъ въ кафедральныхъ зданіяхъ и содержалъ ихъ на счетъ своихъ доходовъ. Умирая, онъ завѣщалъ имъ 3600 злотыхъ. Епископы, преемники Подея, Глинскій и Валбоскій продолжали содержать эти школы также на свой счетъ, но постоянного фонда не назначили для нихъ. Должно полагать, что затѣмъ устроенный базилианскій орденъ, пріявъ въ свое вѣдѣніе эти школы, содержалъ ихъ изъ своихъ средствъ. Что обученіе въ этихъ школахъ не прекращалось, это извѣстно изъ привилегіи, данной владимірскимъ базилианскимъ школамъ Августомъ III въ 1746 году и свидѣтельствующей, что владимірскіе базилиане издавна (od niepalego czasu) содержатъ школы и „учатъ дѣтей шляхетскихъ хорошо, старательно, съ немалю пользою“. Въ 1768 году король Станиславъ Понятовскій подтвердилъ эти привилегіи. Послѣ перваго раздѣла Польши владимірскіе базилиане потеряли почти все, тѣмъ въ послѣднее время надѣляли ихъ благотворители: земельныя угодья ихъ отошли къ Австріи

Проповѣдникъ и вице-ректоръ ксендзъ Аврелій Сулятицкій.

Профектъ школъ ксендзъ Юліанъ Антоновичъ состоитъ вмѣстѣ и учителемъ физики, а также языковъ итальянскаго и аглицкаго.

Учители: 1 класса ксендзъ Макарій Гибинскій,
 „ 2 „ ксендзъ Іассонъ Гедройцъ,
 „ математики—ксендзъ Іосафатъ Слободскій,
 „ физики—кс. Юліанъ Антоновичъ, префектъ,
 „ нравственности и права—ксендъ Амвросій Калиновскій.

Преподаватели: языковъ нѣмецкаго и славянскаго ксендзъ Амвросій Калиновскій, учитель права;

войска которой притомъ забрали у нихъ провизіи на 15 тысячъ злотыхъ. Въ 1782 г. въ первый разъ осмотрѣлъ эти школы визитаторъ комиссіи просвѣщенія Головиць. Онъ нашелъ въ нихъ: учителей съ префектомъ 5, классовъ 4, учениковъ 380, помѣщенія деревянныя, нигуда не годныя, фундушъ крайне убогій; не было ни книгъ, ни геометрическихъ снарядовъ; Альваръ господствовалъ надъ всѣмъ обученіемъ (Архивамъ. Краковъ, 1877 г. кн. 1, стр. 38—40). Комиссія просвѣщенія обратилась съ просьбой къ фундаторкѣ бывшей владимірской іезуитской миссіи подарить мѣстнымъ школамъ пе-іезуитскій костель. Но, вѣрная своимъ духовнымъ ошамъ, фундаторва Садовская объявила, что она лучше желаетъ видѣть этотъ костель въ развалинахъ, чѣмъ въ рукахъ не-іезуитовъ. Наконецъ, въ 1786 году Садовская убѣдилась въ своемъ напрасномъ ожиданіи возвращенія іезуитовъ и уступила костель базилианамъ подъ условіемъ, чтобы они выстроили новый домъ для школъ. Комиссія просвѣщенія съ своей стороны нанянула въ пособіе этимъ школамъ 2000 злотыхъ. Дѣятельность базилианъ оживилась, какъ оживилась она и всюду подъ вліяніемъ непріятнаго польско-католической, особенно прозвѣта 1787 года, объ уничтоженіи православія и униі. Несмотря на свои крайне скудныя средства, владимірскіе базилиане сумѣли поставить свои школы такъ, что онѣ стояли на ряду съ ерменецкими, считавшимися наилучшими на Волыни и Украинѣ, учредили 6 классовъ съ 6 учителями, завели преподаваніе не только нѣмецкаго и французскаго, но итальянскаго и аглицкаго языковъ, и привлекали въ свои школы весьма значительное число учениковъ. Король Станиславъ Понятовскій посѣтилъ эти школы въ 1787 году по дорогѣ въ Каневъ; ученики привѣтствовали его здѣсь на шести языкахъ (исключая русскаго!). Владимірскіе базилиане, польщенные этимъ визитомъ, съ особеннымъ рвеніемъ стали заботиться о патріотизмѣ учениковъ.

Преподаватели: французскаго — ксендзь Иларіонъ Хмѣлевскій, учитель краснорѣчія,
 „ итальянскаго и аглицкаго — ксендзь Юліанъ Антоновичъ.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ ксендзомъ Брошнівскимъ (Попелемъ); проректоромъ лучшихъ школъ, уполномоченнымъ со стороны генеральнаго визитатора, — начатъ 25, оконченъ 29 іюня. Ксендзь объявилъ о своемъ полномочіи въ собраніи служащихъ, на которомъ разспрашивалъ обо всемъ, что относится къ преподаванію, а на другой день приступилъ къ осмотру классовъ. Объ этомъ и о дальнѣйшихъ своихъ занятіяхъ онъ пишетъ въ своемъ рапортѣ слѣдующее.

Осмотръ классовъ. Число учениковъ — 337. Хотя это число учениковъ было отъ начала учебнаго года, однако при посѣщеніи мною классовъ ихъ оказалось всего 259. Уменьшеніе учениковъ произошло по случаю поступленія однихъ въ военную службу и отъѣзда другихъ въ дома родителей, вслѣдствіе тревоги, произведенной на Волини частію извѣстіями о готовившемся бунтѣ, частію насильными вербунками. Добровольно поступило въ военную службу 14 учениковъ.

Испытаніе учениковъ 1 класса продолжалось три съ половиною часа. По предметамъ религіи я спрашивалъ всѣхъ учениковъ, по прочимъ предметамъ — только лучшихъ изъ нихъ, по особому списку, составленному для этого учителемъ. Иногда я спрашивалъ и такихъ, которые не были помѣщены въ этомъ спискѣ, для убѣжденія, дѣйствительно ли они мало успѣли. Тѣмъ, которые не отвѣчали на вопросы, я выставялъ на видъ, какъ не хорошо находится въ средѣ не успѣвающихъ, а напротивъ для отвѣчавшихъ удовлетворительно я не щадилъ похвалъ. Кромѣ испытанія въ наукахъ, я просматривалъ тетради чистописанія и нашелъ, что

многіе изъ учениковъ имѣютъ начатки хорошаго письма. Испытаніе II и III классовъ продолжалось по три часа, IV—четыре часа, V—три съ половиною часа, VI класса, наименьшаго по числу учениковъ, два часа.

Префектъ и учителя. Префектъ ксендзъ Антоновичъ уже десять лѣтъ служить въ школахъ. Онъ—просвѣщенный и трудолюбивый человѣкъ. Я исполнилъ порученіе пресвѣтлой комиссіи просвѣщенія и выразилъ ректору Баранскому ея почтеніе и память о немъ¹⁾. Мнѣ кажется, что на будущей годъ слѣдовало бы оказать подобное вниманіе и ксендау префекту, достойному того, такъ какъ все управленіе школами и весь порядокъ въ нихъ отъ него зависятъ и имъ поддерживаются, хотя онъ и обязанъ докладами ректору. Исполненіе двухъ обязанностей—префекта и учителя физики и естественной исторіи, особенно же преподавателя англискаго и итальянскаго языковъ—не легко для него. Я совѣтовалъ ему ходатайствовать предъ своимъ орденскимъ начальствомъ объ увольненіи его отъ учительскихъ обязанностей и оставленіи при одной префектовской должности. Онъ сказалъ, что и самъ объ этомъ думаетъ. Если орденское

¹⁾ Мы не знаемъ, откуда такое вниманіе комиссіи просвѣщенія къ ректору. Всѣ визитаторы отзываются, что ректоры базилианскихъ коллегій почти не занимаются школами, а только интересами своего ордена, и часто не присутствуютъ при визитаціяхъ. Надзоръ надъ школами принадлежитъ префекту. Визитаторъ 1788 года весьма не выгодно отзывался о состояніи преподаванія и успѣховъ въ владимірскихъ школахъ. По отзыву его, первый классъ оказался совсѣмъ плохъ; второй классъ—лучше перваго, но въ арифметикѣ также плохъ. Прочіе классы брали только памятью, безъ всякаго пониманія. Ученики не имѣли почти никакихъ свѣдѣній по исторіи и праву, и „самъ учитель не знакомъ съ естественнымъ правомъ“, такъ что визитаторъ долженъ былъ долго наставлять его въ понятіи объ этомъ предметѣ и указать источники для преподаванія его. Но визитаторъ съ большою похвалою отзывался о военной выправѣ учениковъ. „Ни въ одной школѣ я не видѣлъ такого совершенства въ физическомъ воспитаніи, какъ здѣсь. Военныя упражненія учениковъ представляли прекрасный видъ и, по мнѣнію офицеровъ, присутствовавшихъ при этомъ вѣдѣть со мною, производимы были съ точностью“. Не этотъ ли отзывъ о военныхъ упражненіяхъ вызвалъ лестное вниманіе комиссіи просвѣщенія къ ректору?

начальство не согласится на просьбу его, по скудости суммъ, то помогло бы представленіе со стороны главной школы. Имѣя больше времени, онъ могъ бы посвятить его на физическіе опыты и наблюденія. Въ слѣдствіе заботливости его о томъ, чтобы доказать обывателямъ достоинства нынѣшняго образованія, учителя усердно трудятся надъ образованіемъ молодежи.

Учитель 1 кл., мнѣ кажется, имѣетъ среднія способности, если только неясность и медленность въ отвѣтахъ учениковъ не происходитъ отъ несмѣлости, въ слѣдствіе перваго опыта ихъ въ этой практикѣ (отвѣтомъ предъ экзаменаторомъ).

Учитель краснорѣчія показавъ отличныя способности въ этомъ предметѣ и трудолюбіе. Учитель права доказавъ меньше чѣмъ среднія способности; но онъ очень старателенъ, что доказавъ, какъ обиліемъ матеріала, преподаваннаго ученикамъ, такъ и успѣхами учениковъ.

Иностранные языки. На испытаніе въ этихъ предметахъ посвящено было полтора часа. Преподаватель нѣмецкаго языка показался мнѣ мало знающимъ свой предметъ; успѣхи учениковъ въ этомъ предметѣ, вѣроятно, зависятъ отъ прежнихъ преподавателей. Въ французскомъ языкѣ ученики достаточно успѣли. Преподаватель довольно хорошо знаетъ этотъ языкъ. Переводили съ англійскаго и итальянскаго подъ руководствомъ ксендза префекта Антоновича, который, по свидѣтельству многихъ знатоковъ, отлично знаетъ эти языки. Читали скоронисъ славянскую и русское (!) письмо. Англійскому языку учится только одинъ ученикъ, прочимъ—по нѣскольку десятковъ. Наибольше успѣвшіе въ языкахъ показаны мною въ особомъ приложеніи.

По окончаніи испытанія учениковъ, продолжавшагося болѣе двадцати часовъ, поздравивши лучшихъ учениковъ (съ отличіемъ), пожелавъ имъ наибольшихъ успѣховъ и увѣривъ ихъ въ несомнѣнной пользѣ ученія въ будущемъ, я

объявилъ ученикамъ, что охотно приму всякаго изъ нихъ въ слѣдующій день, если кто-либо изъ нихъ пожелаетъ заявить мнѣ о какихъ-либо своихъ нуждахъ. Однако ни одинъ ученикъ не пришелъ, кромѣ двухъ, которые въ то время, какъ я уже выѣзжалъ изъ города, остановили меня въ предмѣстьи на дорогѣ и просили о перемѣщеніи ихъ въ лущкія школы, что однако я отложилъ на дальнѣйшее время.

Кандидаты. Ни одинъ изъ учениковъ не выразилъ желанія приготовляться къ поступленію въ академическое сословіе (на учебную службу). Предъ самымъ отъездомъ моимъ изъ Владиміра, ксендзъ префектъ доложилъ мнѣ объ одномъ ученикѣ, желающемъ приготовить себя къ учительской службѣ. Но, не нашедши этого ученика въ спискѣ наиболее успѣвшихъ и избранныхъ мною для награжденія, я не хотѣлъ помѣстить его въ своемъ рапортѣ. Префектъ объяснялъ незначительный успѣхъ его въ этомъ году тѣмъ, что онъ долго болѣлъ лихорадкой. Такъ какъ этотъ ученикъ еще только въ пятомъ классѣ, то я рѣшилъ, чтобы онъ подождать съ своимъ намѣреніемъ до слѣдующаго года.

Школьныя записи. Я подписалъ ихъ. Но не всѣ онѣ исправны. Записи вновь поступающихъ учениковъ сдѣланы не по образцу, положенному подъ № 15 при уставѣ, и въ нихъ нѣтъ мѣста для записыванія выбывающихъ учениковъ. Не записываются въ нихъ также (отдѣльно) ученики, переходящіе изъ другихъ школъ, и не отмѣчаются училищныя свидѣтельства ихъ. Описаніе происшествій въ школѣ (*domowusch*) ведется не такъ, чтобы оно могло послужить для составленія или объясненія мѣстной (*krajowej*) исторіи. Въ нихъ помѣщены только рѣчи, которыми привѣтствуемы были проѣзжія особы, и описанія публичныхъ экзаменовъ. Объ эти книги также велось и прежде, во время прошлагодной визитации; но я не рѣшился сдѣлать выговоръ за неисправность, чтобы это не было сочтено за соперничество между

школами—сообщами, въ чемъ существуетъ адсь предубѣ-
жденіе. Не заведена книга для описанія открытій и важ-
ныхъ опытовъ. Учители заявили, что, обязанные постоянно
присутствовать въ школахъ, они не имѣютъ времени, ни
даже необходимыхъ пособій для производства опытовъ. Не
было также книги для отмѣтокъ поведенія учениковъ во
время мѣсячныхъ экзаменовъ, равно какъ и книги прото-
коловъ о сдачѣ должностей. Я вновь подтвердилъ завести
эти книги.

Богослуженіе. Литургія въ обыкновенные дни совер-
шается въ классѣ по той причинѣ, что еще не окончены
работы въ подаренномъ пресвѣтлою комиссіей просвѣщенія^{*)}
костелѣ (по-іезуитскомъ). Въ праздники однако она совер-
шается въ этомъ костелѣ.

Экзамены мѣсячные и публичный. Въ мартѣ и апрѣлѣ
не было экзаменовъ, потому что ученики разбѣжались въ
страхѣ отъ угрожавшей рѣзни и отъ насилій вербунковъ.
Въ другіе мѣсяцы и годы, какъ свидѣтельствуемъ описаніе
школьныхъ происшествій, экзамены бывають исправно. На
публичныхъ испытаніяхъ охотно присутствуютъ обыватели,
если имъ случится на тотъ часъ быть во Владимірѣ. Хотя
они и показываютъ, что весьма довольны нынѣшнею систе-
мою образованія, однако между ними нѣтъ ни одного, имя
котораго можно было бы огласить, какъ благодѣтеля просвѣ-
щенія. Объ этомъ, на основаніи инструкціи главной школы,
я собиралъ свѣдѣнія.

Конвиктъ. По причинѣ скудости фондуша, мѣстныя
школы содержатъ конвиктъ для шляхетскихъ дѣтей, безъ по-
мощи котораго не было бы возможности содержать школы.
Всѣхъ конвикторовъ 15; они живутъ въ отдѣльномъ домѣ
и ходять на уроки въ школы.

^{*)} Точнѣе—Садовской.

Директоры держатъ себя въ должномъ повиновеніи начальству и почтеніи къ учителямъ. Родители не вносятъ слѣдуемой директорамъ платы на руки префекта, а часто не хотятъ платить и директорамъ.

Приходскія школы. На вопросъ мой о нихъ мнѣ сказали, что есть одна школа въ трехъ миляхъ (отъ Владимира) въ *Докачахъ*, при мѣстной фарѣ, а другая, также въ разстояніи трехъ миль, въ *Юржиски* содержится базилианами. Я осмотрѣлъ эти школы и рапортъ о нихъ особо представилъ въ главную школу.

Личныя бесѣды. На основаніи ихъ составлена рубрика: *Желанія служащихъ*.

Физическое воспитаніе. Въ теченіе этого года дѣти пользовались хорошимъ здоровьемъ, хотя многія болѣли перемежающейся лихорадкою. Въ рекреационные дни они занимаются военными упражненіями и практическою геометріей. Въ присутствіи моемъ они, въ числѣ 100, показывали (*сзупілі роріс*) свои успѣхи въ военномъ искусствѣ, а потомъ отборными голосами пѣли пѣсню, составленную коендзомъ префектомъ и возбуждающую стародавнее польское мужество.

Награда его королевской милости. По окончаніи болѣе чѣмъ двадцатичасоваго испытанія, убѣдившись въ особенныхъ способностяхъ Францишка Висневскаго, сына Черняховскаго кгородскаго судьи, въ его успѣхахъ во всѣхъ наукахъ не только сравнительно съ товарищами, но и съ учениками высшаго класса, а также въ его успѣхахъ во всѣхъ языкахъ, исключая славянскаго, узнавши, что онъ старается больше и больше совершенствовать себя посредствомъ чтенія книгъ, которыя онъ выпрашиваетъ у учителей, сожалѣющихъ о слабости глазъ его, — я назначилъ этому Францишку Висневскому, ученику V класса, золотую медаль. На серебряныя медали избраны Антоній Рожанскій и Викентій Шолайскій, сынъ судьи владимірскаго, также ученики V класса.

Препятствія образованію. Я разспрашивалъ о нихъ, и въ засѣданіи, и при личныхъ бесѣдахъ, не распространяютъ ли, напримѣръ, монахи вражды къ нынѣшней системѣ образованія, нѣтъ ли гдѣ частныхъ пансіоновъ, отвлекающихъ молодежь отъ публичныхъ школъ. Собраніе не знаетъ ни о какихъ подобныхъ случаяхъ.

Распоряженія. 1) Должны быть заведены: книга протоколовъ о сдачѣ должности и книга объ успѣхахъ и поведеніи, показанныхъ учениками на мѣсячныхъ экзаменахъ; первая всегда должна быть наготовѣ, въ послѣднюю вписывать, что слѣдуетъ, послѣ каждаго мѣсячнаго экзамена. 2) Безъ патентовъ (отъ школъ, въ которыхъ прежде учился) не должны быть принимаемы въ школы даже шляхетскія дѣти. Кто явится безъ патента, задержать его и письменно онесть о высылкѣ документовъ его. 3) Я прошу собраніе также тщательно и старательно заботиться объ успѣхахъ молодежи и въ будущемъ, какъ оно заботилось доселѣ.

Желанія служащихъ. 1) Благоволитъ главная школа представить пресвѣтлой комиссіи просвѣщенія о необходимости поспѣшить изданіемъ остальныхъ учебниковъ. 2) Собраніе проситъ пресвѣтлую комиссію просвѣщенія удостоить и здѣшнія школы тою же милостію, какая сдѣлана другимъ школамъ—дозволеніемъ увеличить число физическихъ и математическихъ инструментовъ и исчислить расходъ, необходимый на производство опытовъ, а также нанять солдата для обученія военнымъ упражненіямъ, съ покрытіемъ расходовъ на эти предметы. 3) Алгебра, при своей обширности и при двухъ часахъ (въ недѣлю) для лекцій, не можетъ быть окончена.

Славянская грамматика. Такъ какъ ксендзъ Журавскій въ этомъ году перевѣщенъ (провинціаломъ) въ Литву, то ректоръ письмомъ по почтѣ сообщилъ (провинціалу же) по-

становленіе пресвѣтлой комиссіи просвѣщенія относительно славянской грамматики¹⁾).

Осмотръ оконченъ обычнымъ способомъ.

Острожскія²⁾ подокружныя школы базилианскія, о четырехъ учителяхъ.

Ректоръ мѣстной коллегіи, состоящій проректоромъ школъ, не вписывается въ актъ визиты и не присутствовалъ въ за-сѣданіи совѣта.

¹⁾ Уставъ допускалъ обученіе славянскому языку въ числѣ необязательныхъ предметовъ, но не сдѣлалъ никакихъ указаній о преподаваніи его, совершенно игнорируя его во всѣхъ работахъ о распорядкахъ преподаванія и отчетности въ немъ. Въ распоряженіяхъ комиссіи просвѣщенія не было никакихъ упоминаній и вопросовъ о немъ. Визитаторы также не считали нужнымъ давать отчетъ о положеніи его, упоминая только иногда о томъ, что базилиане учатъ славянскому чтенію. 1787 годъ—время появленія проекта объ уничтоженіи уни и православія—вызвалъ ожесточенныя нападки на русиновъ со стороны другихъ. Визитаторъ 1787 года, въ обзорѣ владимірскихъ школъ, выражаетъ сожалѣніе, что базилиане учатъ съ большимъ успѣхомъ и нѣмецкому, и французскому, и аглицкому, и итальянскому языкамъ, а „о своемъ природномъ (godowitem) славянскомъ языкѣ забыли“, почему онъ поручилъ ректору просить провинціала назначить во владимірскія школы учителя этого языка. На слѣдующій учебный годъ назначенъ былъ учителемъ славянскаго языка базилианинъ Журавскій. Визитаторъ 1788 г. нашелъ въ немъ хорошаго преподавателя и рекомендовалъ комиссіи просвѣщенія поручить ему составить славянскую грамматику. Предложеніе со стороны комиссіи просвѣщенія послѣдовало, но въ слѣдующемъ году провинціалъ перевелъ Журавскаго въ Литву. Тѣмъ дѣло и окончилось.

²⁾ Не будемъ говорить о первой, столь извѣстной въ исторіи юго-западной Руси, острожской школѣ, основанной приснопамятнымъ княземъ Конст. Конст. Острожскимъ. Прошло всего нѣсколько лѣтъ со времени смерти этого знаменитаго защитника православія и борца противъ козней іезуитовъ, какъ ввучка его Анна, вступившая въ бракъ съ великимъ гетманомъ литовскимъ Яномъ Карломъ Ходкевичемъ, оказалась, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, также происходившимъ изъ русскаго православнаго рода, страстною почитательницей іезуитовъ. Въ 1624 году она вызвала ихъ въ Острогъ, устроила для нихъ великолѣпныя зданія, снабдила нѣвольными помѣстьями (Благининъ, Мощеница, Берездовъ) и другими доходными статьями и поручила имъ содержать высшую школу. Іезуиты устроили здѣсь

Префектъ ксендзъ Павелъ Кучовскій,
 Учитель 1-го класса ксендзъ Граціанъ Крупокій,
 „ математики ксендзъ Мартинъ Скибинскій,
 „ краснорѣчія и права ксендзъ Маркель Ды-
 чаковскій,
 „ физики ксендзъ Иннокентій Костюковичъ,

Преподаватели: нѣмецкаго языка — ксендзъ Мартинъ Скибинскій, учитель математики; французскаго языка — ксендзъ Граціанъ Крупскій, учитель 1-го класса.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Лукою Свѣбодкимъ, ректоромъ волынскаго округа, который началъ таковой 15, окончилъ 17 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьныя записи. Тѣ изъ нихъ, которыхъ не было въ прошломъ году, теперь заведены. Наспешивъ тѣ и другія въ порядкѣ, я поднесалъ ихъ.

Состояніе и управленіе школъ. Префектъ имѣетъ надзоръ за всѣмъ порядкомъ. Ректоръ внимательно относится къ назначенію учителей, избираемыхъ провинціаломъ (ордена). Несмотря на стараніе учителей, учениковъ въ этихъ шко-

коллегію, въ которой обучали и высшимъ наукамъ: философіи и богословію. Къ этой коллегіи принадлежали іезуитскія резиденціи въ Кременцѣ, Овручѣ и Винницѣ, а также нѣсколько инсій. Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена явилась бы мысль воспользоваться величественными и обширными зданіями ихъ для устройства въ нихъ особаго для южно-русскихъ областей польскаго университета. Но недостатокъ средствъ не дозволилъ осуществить этотъ проэктъ. Комиссія просвѣщенія передала эти зданія базилианамъ, имѣвшимъ свой монастырь въ Гоци, подъ условіемъ содержать въ нихъ ходокружныя школы. Но на содержаніе этихъ школъ она назначила имъ изъ по-іезуитскаго наслѣдства только небольшое имѣніе Курозаванъ и по 2000 злотыхъ, тогда какъ содержаніе однихъ зданій требовало большихъ расходовъ. Къ тому же костель по-іезуитскій, во время случившагося въ Острогѣ пожара, сгорѣлъ, и вмѣсто пособія школамъ комиссія просвѣщенія должна была нести большіе расходы на возобновленіе этого обширнаго костела. Изъ обширной іезуитской библіотеки и музея базилианамъ досталась только малая доля, все прочее расхищено то самими іезуитами, то приемщиками имущества ихъ.

лахъ мало. Лекціи идутъ установленнымъ порядкомъ; учебники (явданные комиссіей просвѣщенія) введены. Тѣ предметы, по которымъ еще не изданы учебники, изучаются: краснорѣчіе—по руководству автора *de Colonia* ¹⁾, съ объясненіями Цицерона, Квинтиліана, Тацита и др.; физика—по Гонорату ²⁾; право—по отрывкамъ изъ сочиненій Стройновскаго и Скшетульскаго ³⁾; огородничество, минералы и земледѣліе—по сочиненіямъ Клюка ⁴⁾. Правда, что уроки по этимъ предметамъ отнимаютъ много времени, которое ученики принуждены тратить на списываніе (въ классѣ подъ диктовку). Но, ввѣривая хорошіе успѣхи однихъ учениковъ и слабые успѣхи другихъ, я нашелъ, что причиною послѣднихъ были и другія обстоятельства, именно: а) недостаточное число директоровъ, которые могли бы повторять съ учениками уроки въ квартирахъ; б) частыя заболѣванія лихорадкою, по причинѣ которыхъ множество учениковъ во время моего посѣщенія имѣли видъ блѣдный, изнуренный; наконецъ, в) теперешнія замѣшательства, вслѣдствіе которыхъ родители для безопасности забирали своихъ дѣтей въ свои дома, а потомъ не во время представили ихъ въ школы, чѣмъ причинили имъ значительный ущербъ въ наукахъ.

Число учениковъ. Всѣхъ учениковъ считалось до 155 ⁵⁾. Я засталъ ихъ всего 102, такъ какъ однихъ родители изъ боязни не вернули вновь въ школы, другіе же сами ушли, особенно изъ наиболѣе возрастныхъ, опасаясь вербовки въ

¹⁾ *De Colonia Dominik. De arte rhetorica libri quinque.* Lublin. 1712. 1754. 1763.

²⁾ Точнаго заглавія этой книги нѣтъ ни въ одной изъ польскихъ библіографій.

³⁾ О руководствахъ этихъ лицъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ.

⁴⁾ Тоже.

⁵⁾ Въ прежніе годы число учениковъ бывало всегда гораздо значительнѣе. Въ 1785-году было ихъ 245.

солдаты. Посыщеніе классовъ и спраивванье, совмѣстно съ учителями; продолжаюсъ два дня, всего около 14 часовъ.

Посыщеніе классовъ. Въ присутствіи острожскаго духовенства, офицеровъ полка великой булавы и дамъ, ученики старшихъ трехъ классовъ испытываемы были по краснорѣчію, физикѣ, нравственности, праву, а также огородничеству и земледѣлію. Переводы классическихъ авторовъ и сочиненія на латинскомъ языкѣ; читанія учениками, убѣждали мужчинъ, что въ школахъ существуютъ достаточныя упражненія въ латинскомъ языкѣ; физическіе опыты забавляли дамъ. Что касается моего собственнаго наблюденія, то я нашель даже въ первомъ классѣ такихъ учениковъ, которые прекрасно отвѣчали; тѣмъ болѣе—въ высшихъ классахъ; въ которыхъ и самый возрастъ, и собственный опытъ болѣе даютъ свѣта. Мало нашлось такихъ, которые отвѣчали бы хорошо по всемъ предметамъ: однихъ нужно было выводить на дорогу, другіе обнаруживали силу памяти и недостатокъ соображенія. Тѣмъ не менѣе нашлись и такіе, которые во всѣхъ предметахъ оказались успѣвшими настолько, чтобы заслужить награду.

Награда его королевской милости. Для наградъ медалями избраны слѣдующіе ученики, подающіе несомнѣнную надежду на успѣхи и въ даднѣйшіе годы: ученикъ IV класса Гаврилъ Гачковскій, ученикъ III класса Янъ Рафаловскій и Петръ Соболевскій, новоградскій хорунжичъ, ученикъ II класса.

Директоры. Нѣкоторые изъ нихъ уѣхали вслѣдствіе замѣшательства; оставшіеся исполняютъ свои обязанности.

Иностранные языки. Успѣхи въ французскомъ языкѣ оказались средними, въ нѣмецкомъ—лучшими.

Музей. Стараніемъ учителя математики устроены цѣпь и палки въ дополненіе къ геометрическимъ инотрунтамъ, присланнымъ правительственною комиссіей¹⁾.

¹⁾ Визнаторъ 1788 года не нашель въ этихъ школахъ ни одного геометрическаго прибора.

Богослуженіе. Хотя кармелиты дали пресвѣтлой комиссіи просвѣщенія обѣщаніе пособлять (базилианамъ) въ совершеніи религиозныхъ обрядовъ для учениковъ, однако базилиане сами исполняютъ всѣ богослуженія, предписанныя уставомъ.

Физическое воспитаніе. Ксендзь префектъ уже упредилъ намѣреніе пресвѣтлой комиссіи и еще въ маѣ завелъ военныя упражненія, упросивши офицеровъ, квартирующихъ въ зданіи коллегии, командировать для этого солдата.

Порученія. Во избѣжаніе пересудъ, гг. служащіе въ школахъ должны прекратить оценоческія упражненія. Въ случаѣ публичнаго акта, съ произнесеніемъ рѣчей самими монашествующими или учениками, эти рѣчи, для избѣжанія порицаній со стороны общества, должны быть предварительно прочитаны въ засѣданіи совѣта¹⁾. 2) Ксендзь префектъ и учителя постараются приличными способами склонить родителей къ тому, чтобы они, для собственной пользы, вносили плату директорамъ на руки префекта. 3) Не назначать въ директоры такихъ учениковъ, которые не были признаны способными на предшествовавшихъ экзаменахъ.

Заявленія. Учители просятъ главную школу ходатайствовать, дабы пресвѣтлая комиссія поспѣшила изданіемъ остальныхъ учебниковъ, такъ какъ имъ приходится слишкомъ много тратить времени на составленіе и диктовку уроковъ въ высшихъ классахъ.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

¹⁾ Визитаторъ 1788 года, излагая причины слабыхъ усилковъ учениковъ острожскихъ школъ, между прочимъ пишетъ: „два раза въ году устроются здѣсь діалоги—безъ всякаго вкуса. Лучшихъ учениковъ выводятъ при этомъ на сцену и заставляютъ играть какія-либо смѣшныя роли, напр. жида, хлопа и т. п., что, какъ сами ученики заявляли мнѣ, отнимаетъ у нихъ много времени.“

*Шаргородскія подокружнныя школы¹⁾ базилянскія о 4-хъ
учителяхъ.*

Ректоръ коллегіи — проректоръ школъ ксендзъ Демкевичъ,

Прфектъ ксендзъ Лука Сульжинскій,

Учителя: 1 кл. кс. Θεодосій Токарскій,

„ математики кс. Амплеатъ Шелеховскій,

„ физики кс. Ядекъ Громачевскій,

„ краснорѣчія и права кс. Патрикій Концевичъ.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ ксендзомъ каноникомъ Вжещемъ, ректоромъ украинскаго округа; начаты 1, окончены 4 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьные записи. Всѣ онѣ содержатся въ надлежащемъ порядкѣ и мною подписаны.

Учениковъ 300 (по визитѣ 1782 г. учениковъ 600).

Посвященіе классовъ. Преподаваніе производится на основаніи расписанія предметовъ въ школахъ о 4 учителяхъ. Испытаніе учениковъ продолжалось въ теченіи двухъ дней

¹⁾ Визитаторъ 1788 года, на основаніи разсмотрѣнныхъ имъ мѣстныхъ документовъ, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о шаргородскихъ школахъ: „Издавна базилиане поселились въ соседней съ Шаргородомъ деревнѣ Кашиновѣ. Въ 1746 году князь Станиславъ Любомирскій, воевода кievскій, перемѣстилъ ихъ въ Шаргородъ, свое помѣстье, и поручилъ имъ устройствомъ и живденіемъ его школы. Въ 1764 году детичевскій подстолий Андрей Годземба-Варднскій назначилъ сумму, на провантъ которой доселѣ содержателя учителя философіи и богословія (studia). Новый владѣлецъ Іосифъ Сосновскій устроилъ новыя помѣщенія для школъ на новомъ мѣстѣ. Комиссія просвѣщенія отпускаетъ на содержаніе этихъ школъ по 2000 злотыхъ. Платятъ *subsidiū charitatis* 1400 злот. Лукашевичъ не имѣлъ этихъ свѣдѣній. На основаніи визиты 1764 года, онъ сообщаетъ только свѣдѣнія (обыкновенно не благоприятныя) о состояніи этихъ школъ въ томъ же годѣ (т. IV, стр. 266—267), именно: учениковъ было до 600, однако, по нерадѣнію и невѣжеству базилианъ, школы находились въ самомъ плохомъ состояніи; базилиане не хотѣли праздновать католическихъ праздниковъ и своихъ учениковъ-католиковъ заставляли присутствовать только на богослуженіяхъ по восточному обряду.

по четыре часа ежедневно утромъ и по-полудни. Оно начато и кончено было рѣчью (обращенною къ ученикамъ и учителямъ). По краснорѣчю, поэзи и праву успѣхи оказались весьма слабыми. Въ слѣдующемъ году краснорѣчіе и право будетъ преподавать ксендзъ Корычковскій, окончившій курсъ въ главной школѣ; надѣюсь, что тогда успѣхи будутъ гораздо лучше¹⁾).

Награда его королевской милости. Награждены серебряными медалями (патентами на медали) слѣдующіе выдѣляющіеся изъ ряда другихъ успѣхами и прилежаніемъ ученики: Феликсъ Гинтовтъ—Дзвьялковскій, ученикъ II класса, и Петръ Лескевичъ, ученикъ III класса.

Директорство, богослуженіе, мѣсячные экзамены, годичные экзамены, рапорты директорскіе, посѣщеніе ученическихъ квартиръ, совѣщаніе съ директорами—все это производится точно по уставу.

Порученія. 1) Подтверждается первый пунктъ прошлогодней визиты, именно—чтобы учителя, какъ академическихъ, такъ и среднихъ школъ, не принимали учениковъ къ общему своему столу.

¹⁾ Тутъ какое-то со стороны визитатора, должно быть, недоразумѣніе или—мѣстная интрига. Генеральный визитаторъ 1787 г. Крисинскій отказывается о преподавателѣ Концевичѣ слѣдующимъ образомъ: „Здѣсь имѣется рѣдкій по усердію и способностямъ учитель краснорѣчія и права ксендзъ Матрикій Концевичъ, обузавшійся въ главной школѣ. Ни въ одномъ классѣ не нашлось въ чемъ попрекнуть его. Имѣя любовь къ своему предмету и желая болѣе и болѣе совершенствоваться въ немъ, онъ проситъ главную школу ходатайствовать предъ начальствомъ базилианскимъ, дабы его не устранили отъ этого предмета“. Какимъ образомъ Концевичъ вдругъ сталъ неспособнымъ?—Генеральный визитаторъ 1787 года проф. Богдановичъ отзывался о шаргородскихъ школахъ слѣдующимъ образомъ: „Эти школы во время визиты отличались болѣе всѣхъ базилианскихъ школъ охотою въ наукамъ, трудолюбіемъ и знаменитыми успѣхами учениковъ, не исключая ни одной науки и ни одного класса: во всѣхъ одинаковій успѣхъ. Собраніе учителей состоитъ изъ людей способныхъ, которые учатъ старательно, усердно и заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны пресвѣтлой комиссіи и главной школы.“

2) Изученіе иностранныхъ языковъ, какъ и другихъ предметовъ преподаванія, не должно быть предоставляемо усмотрѣнію учениковъ или родителей ихъ. Въ I и II классахъ ученики обучаются нѣмецкому языку, въ III и IV— французскому. Уроки должны быть расположены такъ, чтобы способные ученики могли по желанію обучаться обоимъ языкамъ.

3) Ученикамъ, окончившимъ курсъ, уставъ позволяетъ оставаться въ послѣднемъ классѣ для усовершенствованія въ нѣкоторыхъ предметахъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ другихъ предметовъ. Такъ какъ примѣръ такихъ учениковъ вредно влияетъ на усердіе остальныхъ учениковъ, не окончившихъ курса, то для избѣжанія этого вреда, допускать къ занятіямъ одну какую-либо наукою только такихъ учениковъ (окончившихъ курсъ), которые или заняты какой-либо службою (напр. г. Крыдинскій даетъ уроки французскаго языка, г. Веселовскій обучаетъ музыкѣ), или, оказавши вполне удовлетворительные успѣхи во всѣхъ наукахъ (до окончанія курса), потомъ, избравши одинъ какой-либо предметъ, постоянно заняты были бы имъ посредствомъ чтенія книгъ, приготовленія диссертаций для публичнаго прочтенія ихъ и не тратили бы даромъ времени при свободѣ отъ занятій другими предметами¹⁾.

Въ заключеніе я выразилъ всему собранію учителей благодарность за точное исполненіе предписаній устава и за почтенные труды ихъ по воспитанію молодежи.

¹⁾ Замѣчаніе визитатора Вжеша, кромѣ общаго своего значенія, могло имѣть въ виду упоминаемый прежними визитаторами обычай шаротродскихъ базилианъ увольнять отъ изученія нѣкоторыхъ предметовъ тѣхъ изъ учениковъ высшаго класса, которые изъявили желаніе поступить въ *Studia*. Такіе ученики, оставаясь въ школахъ, посѣщали вмѣстѣ и уроки въ *Studia*, ради которыхъ освобождаемы были отъ нѣкоторыхъ предметовъ школьнаго курса. Вжешъ, вообще неблагоклонный къ базилианамъ, очевидно, имѣлъ

БАРЬ.

Школы подокружныя базиліанскія, в 4-хъ учителяхъ¹⁾.

Ректоръ collegiі, проректоръ школъ ксендзъ Андрианъ Андрузкевичъ,

Префектъ ксендзъ Іосафатъ Яницкій,

Учители: I класса ксендзъ Θεодосій Ольшанскій,

„ II „ ксендзъ Серафимъ Пыжицкій, суб-
ститутъ краснорѣчія²⁾,

Учители: краснорѣчія и права—ксендзъ Іосафатъ Яниц-
кій, префектъ,

„ математики—ксендзъ Симеонъ Билинкевичъ,

„ физики—ксендзъ Августинъ Пшыбыльскій,

Преподаватель иностранныхъ языковъ ксендзъ Іосафатъ Яницкій, префектъ.

Осмотръ произведенъ ксендзомъ каноникомъ Вжещемъ, ректоромъ украинскаго округа. Начать 6, оконченъ 8 іюля. Изъ рапорта его извлекаемъ слѣдующее.

въ виду устраненіе этой аномаліи въ школахъ. Въ качествѣ окружнаго визитатора, въ 1787 году, онъ распорядился было закрытіемъ *Studia* въ Шаргородѣ, но генеральный визитаторъ отиѣнилъ это распоряженіе въ томъ же году.

¹⁾ Школы въ Барѣ учреждены первоначально іезуитами на иждивеніе извѣстнаго гетмана польскихъ войскъ Жолкевскаго (1610—1614 г.). Съ помощію другого извѣстнаго гетмана Конецпольскаго, эти школы выросли въ collegiю. Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена, при распределеніи по-іезуитскаго имущества, великолѣпное зданіе collegiі оказалось собственностью жидовъ. Комиссія просвѣщенія затруднялась возстановленіемъ этихъ школъ, и только въ 1781 году она передала по-іезуитскія зданія мѣстнымъ базиліанамъ, подъ условіемъ, чтобы они содержали въ этихъ зданіяхъ школы. Послѣ возвращенія Подоля отъ турокъ къ Польшѣ, въ Барѣ оказались удѣлѣвшими остатки издавна бывшаго здѣсь монастыря. Бвзъ Доминиуъ Любомирскій, владѣлецъ Бара, въ 1715 году отдалъ эти развалины еро базиліанамъ. Послѣдніе до самаго уничтоженія іезуитскаго ордена не занимались обученіемъ юношества.

²⁾ Субститутами назывались лица, приготовляющіяся при школахъ къ занятію учительскаго мѣста и потому состоявшія въ подчиненіи учителю того предмета, второй готовился преподавать.

Число учениковъ 350. Отличные изъ нихъ награждены патентами на серебряныя медали, именно: Михаилъ Скибневокій, ученикъ I-го класса¹⁾, и Феодоръ Лисевичъ, ученикъ II-го класса.

Положеніе о директорахъ, мѣсячные и публичныя экзамены и т. д.—все исполняется по уставу.

Преподаваніе и успѣхи учениковъ я нашелъ не въ лучшемъ видѣ. Ученики высшихъ классовъ оказались довольно слабыми въ поэзіи и правѣ, какъ и учитель этихъ предметовъ, префектъ Яницкій. Въ слѣдующемъ году мѣсто Яницкаго заступилъ ксендзъ Дитвискій, изъ Умани, какъ мнѣ кажется, человѣкъ способный.

Порученія. Изученіе иностранныхъ языковъ не должно быть предоставляемо усмотрѣнію учениковъ и родителей ихъ. Ученики I и II классовъ могутъ обучаться нѣмецкому, III и IV—французскому языку. Уроки должны быть распределены такъ, чтобы желающіе могли заниматься обоими языками.

2) Такъ какъ я нашелъ, что здѣсь въ высшей степени неумѣло пользуются дозволеніемъ устава допускать окончившихъ курсъ къ занятіямъ однимъ какимъ-либо предметомъ, то, послѣ объясненія этого дѣла въ собраніи учителей и на экзаменахъ, я распорядился, чтобы впредь никто не былъ допускаемъ къ занятіямъ однимъ предметомъ въ какомъ бы то ни было классѣ, пока современемъ не найдутся такіе, которые исполнѣ были бы того достойны²⁾.

¹⁾ Въ слѣдующемъ году учителя жаловались генеральному визитатору Трефлеру на несправедливое назначеніе Вжещемъ медали ученику I класса, который вслѣдъ затѣмъ покинулъ школу. Трефлеръ нашелъ этого ученика въ каменецкихъ школахъ и велѣлъ ему возвратитъ медаль на руки префекта барскихъ школъ.

²⁾ Визитаторы прежнихъ двухъ лѣтъ весьма неодобрительно отзывались о составѣ барскихъ учителей и объ успѣхахъ учениковъ. Въ описываемое время это была одна изъ самыхъ плохихъ школъ. Причиною такого

Поручается обращать особенное вниманіе на то, чтобы ученики, поступающіе изъ другихъ школъ, не были принимаемы безъ свидѣтельствъ отъ этихъ школъ, и чтобы свидѣтельства выдаваемы были только вполне достойнымъ ученикамъ.

4) Нашедши, что нѣкоторыя изъ школьныхъ записей ведутся не исправно, даю рѣшительное предостереженіе по этому предмету.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

УКРАИНСКІЙ ОКРУГЪ.

*Винниція*¹⁾ *окружныя школы академическія, о шести учителяхъ.*

Ректоръ округа ксендзъ Янъ Вжещъ, каменецкій и кievскій кафедральный каноникъ.

Префектъ г. Михаилъ Кубшевскій, докторъ философіи.

состоянія этихъ школъ должно признать тогдашнее положеніе Бара среди огромныхъ болотъ, которыя и доселѣ вполне не осушены, а въ то время дѣлали Баръ однимъ изъ самыхъ нездоровыхъ городовъ, почему способные изъ базилианскихъ учителей вслѣдствіи уклонались отъ назначенія на должность въ этотъ городъ.

¹⁾ Въ Винницѣ школы учреждены первоначально іезуитами въ 1610—1617 гг. на иждивеніе Валентина-Александра Калиновскаго, генерала подольскаго и старосты брацлавскаго. Устройство школъ въ этомъ пограничномъ городѣ значительно подняло цѣлое пограничье въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ дворянство, имѣя возможность воспитывать своихъ дѣтей на мѣстѣ, охотнѣе оставалось въ своихъ имѣніяхъ и заселяло ихъ. Сами іезуиты въ этомъ городѣ, значительно удаленномъ отъ центровъ политической и религіозной борьбы, сосредоточивались преимущественно на занятіяхъ воспитаніемъ, и потому винниція школы приобрѣли уваженіе у мѣстныхъ обывателей, и серьезность занятій учителей обратилась здѣсь въ традицію, такъ что и по уничтоженіи іезуитскаго ордена, съ подчиненіемъ винницкихъ школъ краковской академіи, эти традиціи одушевляли новыхъ учителей, которые старались превзойти іезуитовъ въ мнѣніи обывателей. Всѣ визитаторы отзываются съ отличною похвалою объ этихъ школахъ. Эта репутація ихъ была причиною того, что въ 1785 году онѣ возведены на степень окружныхъ, вмѣсто школъ житомирскихъ.

Учители: I класса ксендзъ Стефанъ Шидловскій,
 „ II „ г. Севастіанъ Порембинскій,
 „ краснорѣчія и повѣи г. Модестъ Колежливскій,
 „ математики г. Феликсъ Анцыпа,
 „ физики г. Михаилъ Демидовичъ,
 „ права г. Матвѣй Мехержинскій,
 Проповѣдникъ ксендзъ Матвѣй Венцковскій.

Преподаватели иностранныхъ языковъ: нѣмецкаго—г. Кастанъ Закшевскій, поручикъ кадетскаго корпуса; французскаго—для начинающихъ тотъ же Закшевскій, а для усвѣвающихъ—г. Демидовичъ, учитель физики.

Генеральный осмотръ произведетъ ксендвомъ Вжещемъ, ректоромъ украинскаго округа; начать 25, окончень 30 июня. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьныя записи и богослуженіе исполняются точно по уставу.

Домъ, костель и школьныя помѣщенія съ каждымъ годомъ приходятъ въ худшее состояніе, по недостатку средствъ на содержаніе ихъ въ надлежащемъ видѣ. Изъ 400 злотыхъ, положенныхъ на *sarta tecta*, содержатся: смотритель зданій, почта, прислужникъ при алтарѣ (*zakrystian*), сторожъ,—покупаются: вино и свѣчи для богослуженій, газеты, совершенно необходимыя и разрѣшенныя комиссіей просвѣщенія, а между тѣмъ стѣны, крыши, печи, двери, окна, скамьи и все въ этихъ обширныхъ зданіяхъ, въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ, ежегодно приходятъ въ худшее состояніе и все большихъ требуетъ расходовъ на починку. Необходимо назначить одновременно на починку 200 злотыхъ, а на ежегодное содержаніе по 1000 зл.

Провинціальная касса. Жалованье получено всеми. Доходы кассы оказываются недостаточными: въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ потребовалась помощь (изъ другихъ кассъ) въ 2000 злот.

Учениковъ 425.

Посѣщеніе классовъ. Испытаніе учениковъ изъ всѣхъ предметовъ проіекодило въ теченіи двухъ дней, по 4 часа утромъ и по 5 часовъ по-полудни. Преподаваніе производится на основаніи расписанія, положеннаго въ уставѣ, и по изданнымъ учебникамъ. Исключая 1 класса, во всѣхъ прочихъ классахъ ученики оказали значительные успѣхи.

Иностранные языки. Ученики показали въ нихъ значительные успѣхи, занимается ими не малое количество учащихся. Списокъ ихъ прилагается особо.

Награда ево королевской милости. Золотая медаль назначена Стефану Заливскому, чешниковичу ливскому, ученику VI класса; серебряныя:—Эдуарду Желтовскому, ученику V класса, и Григорію Рудаковскому, ученику V класса.

Директоры. Всѣхъ 40. Совѣщанія съ ними и надзоръ за ними точно по требованію устава имѣетъ г. префектъ.

Физическое воспитаніе. Г. префектъ посѣщаетъ ученическія квартиры, заботится о порядкѣ въ нихъ, о чистотѣ и здоровьи учениковъ. Лучшее обученныхъ военнымъ упражненіямъ имѣется до 80; руководить ими въ этихъ играхъ ученикъ VI класса Николай Сциславскій, имѣя помощникомъ солдата изъ полка генерала коронной артиллеріи Потоцкаго.

Конвикта и пансіоновъ не имѣется.

Приходскія школы. 1) Въ *Браиловѣ* тринитары обучаютъ дѣтей чтенію и письму, не получая за то никакого вознагражденія и единственно ради того, чтобы дѣти могли имѣть потомъ прислуживать при богослуженіи. Эту школу омагтривадъ префектъ Кубшевскій. 2) Въ *Немировѣ*, подъ руководствомъ ксендза Шапинскаго, діарнаго, обучается 25 кадетовъ, на иждивеніи короннаго подкоморія Потоцкаго, безъ опредѣленнаго однако, какъ мнѣ говорили, содержанія⁴⁾.

⁴⁾ Генеральный визитаторъ 1787 года Богдановичъ пишетъ о немировской школѣ, что ксендзь Шапинскій, вмѣсто школы кадетовъ, на учрежденіе которой комиссія просвѣщенія выдала дозволеніе Потоцкому, содер-

Порученія. 1) Въ самомъ началѣ учебнаго года имѣть быть совѣтъ, на которомъ прочитаны будутъ изъ устава наставленія для учителей и служащихъ и сокращенія генеральныхъ визитировъ; а тамъ составлено будетъ распорядокъ продову, столу и школамъ. 2) Члены учебнаго состава же должны вышнваться въ кругъ интересовъ, принадлежащихъ спеціальному вѣдѣнію начальника заведенія, какъ напр: всемъ помѣщеній, дозволеніе или недозволеніе пользоваться квартирою или службами въ зданіи, установленіе (ученическихъ) складокъ и помѣщеніе учениковъ въ зданіи коллегіи.

Желанія. 1) Г. Мехержинскій, учитель права, проситъ пресвѣтлую комиссію, дабы возвращены были ему расходы, понесенные имъ при перемѣщеніи его изъ Познани въ Краковъ, оттуда въ Винницу, какъ на переездъ, такъ и на доставку книгъ и друрикъ вещей его, въ размѣрѣ 340 злотыхъ, т. е. въ такомъ же количествѣ, въ какомъ уплачены они были префекту кременецкому г. Лучезокому.

2) Г. Демидовичъ, учитель физики, на дорогу въ Овручъ¹⁾, на раскопку горы, на пробныя стекла и т. п. истратилъ на 40 злотыхъ болѣе той суммы, которая назначена была ему пресвѣтлою комиссіей. Переѣздъ изъ Кракова въ Винницу потребовалъ отъ него расхода на 54 зл. больше той суммы, какая ему назначена была по таксѣ, установленной восемь лѣтъ назадъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ все

жить пятиклассныя школы и поднять штатъ учителей; а вмѣсто 12 кадетовъ, опредѣленныхъ штатомъ школы, имѣетъ 168 учениковъ обыкновенныхъ. При этихъ школахъ Шацкискій устроилъ конвнныя, отъ котораго имѣетъ большія выгоды. Богданевичъ проситъ закрыть эти школы, какъ существующія безъ разрѣшенія комиссіи просвѣщенія и притомъ въ подрывъ интересамъ правительственныхъ школъ, что и было исполнено. Но Шацкискій снова открылъ ихъ...

¹⁾ Цѣлю командировки Демидовича въ Овручъ, вѣроятно, было озвѣщаніе его съ мастерской физическихъ инструментовъ всенда Соболевскаго, о которой будетъ сказано при изложеніи, ремейтра овручскихъ школъ.

вдороджало. Крім того, онъ оставивъ винницькимъ школамъ устроенные на свой счетъ фінанческіе инструменты: барометръ и термометръ въ одной оправѣ, стоившіе 20 злотыхъ, — глобусъ, стоившій 7 злотыхъ, трехсторонная призма — 3 злота, эленторъ — 4 зл., за минералогическіе предметы 13 злотыхъ (не считая тѣхъ, которые онъ самъ собиралъ)¹). Все это, вмѣстѣ съ суммою $40 + 54 = 94$ злот., онъ проситъ превѣстную комиссію возвратить ему.

Въ заключеніе осмотра я отдалъ полную справедливость всему собранію служащихъ, а въ классахъ учителямъ и ученикамъ, успѣвшимъ, за весьма малымъ исключеніемъ, во всѣхъ предметахъ²).

Перемѣны. 1) На мѣсто учителя 1 класса Шидловскаго поступилъ ксендзъ Матвѣй Венцковскій; 2) на мѣсто г. Андцыпы поступилъ учителемъ математики г. Смукровскій; 3) на мѣсто префекта Кубешевского назначенъ г. Ярковскій, изъ Кременца; 4) на мѣсто г. Демидовича, учителя физики, поступилъ г. Витвицкій, изъ Житомира.

Житомирскія³) подокружныя школы, академическія, о 6 учителяхъ.

Проректоръ ксендзъ Янъ Одынецъ, кievскій кафедральный каноникъ, депутатъ короннаго трибунала.

¹) Генеральный визитаторъ 1788 года Крусинскій свидѣтельствуеъ, что Демидовичъ, поступивъ на должность учителя физики, не засталъ въ винницкихъ школахъ ни одного физическаго инструмента, и рѣшился самъ приготовить таковыя. Не понятно перемѣщеніе такого полезнаго учителя въ другія школы.

²) Тотъ же генеральный визитаторъ отзывается о винницкихъ школахъ: „въ всѣхъ провинціальныхъ академическихъ учительскихъ собраніяхъ дѣйшее собраніе наилучше понимаетъ свое призваніе и можетъ быть названо счастливымъ“. Онъ порицаетъ только учителей: Андцыпу — за опущеніе обязанностей своихъ и Шидловскаго — за неуживчивый характеръ. — Врагами мѣстныхъ школъ Крусинскій признаетъ капуциновъ и доминикановъ.

³) Въ Житомирѣ открыта іезуитская миссія и при ней грамматическая (въ составѣ трехъ классовъ) школа въ 1724 году, на иждивеніи Ка-

Награда его королевской милости. Хотя медали не были еще присланы, однако онъ назначены слѣдующимъ наилучшимъ ученикамъ: IV класса Викентію Залескому, лутскому ловчичу—золотан, Іоакиму Лосилескому, ученику IV класса, и Вавржинцу Маленевскому, ученику III класса, серебряныя.

Мѣстные и годичные экзамены. Первые производятся точно по уставу. На публичныхъ экзаменахъ, которые проходятся на время сеймиковъ, а также собраній капитулы, обыкновенно присутствуютъ первыя особы изъ обывателей, прелаты и каноники, а также и многія другія лица.

Богослуженіе. Совершается по уставу. Мѣстные бернардины за условленную плату совершаютъ богослуженіе, сказываютъ проповѣди и т. п.

Физическое воспитаніе. Квартыры учениковъ посѣщаются ученики приучиваются къ опрятности, къ труду, упражняются въ занятіяхъ, укрѣпляющихъ силы ихъ. Военными упражненіями занимаются по преимуществу ученики низшихъ классовъ. Ученики возвращаются въ городъ съ ученья обыкновенно вечеромъ подъ звуки барабана. Этимъ оскорбился капитанъ Овсицкій, комендантъ мѣстнаго гарнизона, принадлежащаго къ полку генераль-инспектора Мальчевскаго; онъ нѣсколько разъ просилъ запретить ученикамъ эти упражненія, особенно послѣ пробитія вечерней зари, положеннаго въ 8 часовъ, угрожалъ даже силою разгонять учениковъ. Эти поступки г. Овсицкаго сильно оскорбили обывателей, которые всегда довольны были приготовленіями молодежи къ службѣ на защиту отечества, а также охладили самихъ учениковъ къ упражненіямъ этого рода.

Провинціальная касса. Содержится подъ двумя ключами и со всею осторожностью. По уплатѣ жалованья за апрѣль, въ ней осталось 305 влотыхъ и 20¹/₄ грошей. Изъ этой суммы нужно еще уплатить эмериту ксенду Рупков-

сумму 300 злотыхъ, за полученіемъ которыхъ онъ доселѣ не являлся.

Домъ, помнаты, костелъ. Домъ находится въ плохомъ состояніи. Учители принуждены терпѣть въ своихъ квартирахъ разные невыгоды, то отъ дымящихся печей, построенныхъ неумѣлими мастерами изъ мокихъ кафлей, слѣпленныхъ изъ плохой глиною, то отъ согнившихъ оловяныхъ рамъ, то отъ дверей, плохо пригнанныхъ или разошедшихся. Крыша на коллегіи, устроенная уже больше 20 лѣтъ, во время дождей протекаетъ. Окна въ корридорахъ также портятся то отъ случайныхъ, то отъ намѣренныхъ поврежденій, которыхъ нѣтъ возможности исправить по причинѣ совершенной недостаточности суммы на *partu tota*. Все это увеличиваетъ невыгоды всѣмъ жильцовъ. Въ классныхъ комнатахъ пять печей безусловно требуютъ передѣлки, съ придачею новыхъ кафлей. Слѣдовало бы также каждый годъ побѣлить хотя двѣ классныя комнаты. Скамьи такъ ветхи, что напрасны были бы расходы на починку ихъ. На костельныхъ куполахъ крыши издавна ожидаютъ починки, а между тѣмъ своды и стѣны все больше и больше портятся отъ течи и возбуждаютъ опасенія.

Общій столъ. Получивъ отъ пресвѣтлой комисіи просвѣщенія единовременно 300 злотыхъ на устройство принадлежностей для общаго стола, собраніе учителей приносить ей за это милостивое вниманіе искреннюю благодарность. На что именно употреблена будетъ эта сумма, покажетъ потомъ отчетъ въ расходѣ ея. Но собраніе предпочитало получать и меньшую сумму, только ежегодно, а не единовременно; такъ какъ, за отсутствіемъ колодца, оно принуждено дорого оплачивать воду, доставляемую изъ отдаленнаго мѣста на въгору. Собраніе проситъ объ этомъ пресвѣтлую комисію.

(Далѣе идетъ подробное исчисленіе суммъ, потребныхъ, по мнѣнію Одынца, на починки и на ежегодное содержаніе всѣхъ зданій и богослуженія, на приобрѣтеніе разныхъ пред-

метовъ для костела и т. под. На починки ичищено 1500 злотыхъ; на *sarta tecta* 820 злот., на экстраординарные расходы 299 злот.; въ возвратъ служащимъ за исправленіе занимаемыхъ ими помѣщеній 429 злот. и 26 грошей. При этомъ ничего не упоминается объ учебныхъ принадлежностяхъ, не говорится о бібліотекѣ, кабинетахъ; хотя изъ прежнихъ визитъ видно, что онѣ находились въ очень убогомъ состояніи).

Порученія. Таковыхъ отдѣлаю 15, всѣ они вписаны въ книгу порученій и предостереженій:

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

Перемѣны. На мѣсто учителя краснорѣчія г. Витвицкаго (поступившаго въ винницкія школы учителемъ физики) назначенъ кандидатъ г. Янъ Рыхарскій. На мѣсто учителя физики г. Павла Старнавскаго поступилъ г. Николай Хрущельскій, бывший учителемъ права въ Люблинѣ.

Любарскія¹⁾ подокружныя школы, базилианскія, о 4-хъ учителяхъ.

Ректоръ collegiі, проректоръ школъ ордѣнъ Венедиктъ Ржицицкій,

¹⁾ Лукашевичу (т. IV, стр. 265—266) ничего не извѣстно о началѣ этихъ школъ. Тоже и визитатору 1781 года Головичу (Archivum, т. 1, стр. 47). Визитаторъ 1788 года говоритъ, что школы въ Любарѣ основаны въ 1760 году княземъ Францишкомъ-Фердинандомъ Любомирскимъ. Лукашевичъ утверждаетъ, что комиссія просвѣщенія преобразовала эти школы въ шестиклассныя. Но, начиная съ первой визиты 1781 года, всѣ онѣ находятъ въ этихъ школахъ 4 учителей и съ начала четыре, потомъ три класса. Однако любарскія школы первоначально считались въ числѣ первыхъ по численности учениковъ (по визитамъ 1781 и 1784 г. учениковъ было до 450). Визитаторъ 1787 года очень хвалитъ усидку учениковъ въ физикѣ и математикѣ. Визитаторъ 1788 г. нашелъ въ этихъ школахъ только слѣдующіе приборы по математикѣ и физикѣ: два негодныхъ въ употребленію столѣтка для измѣренія, желѣзную цѣпь, поломанную, астролябію; также поломанную и негодную къ употребленію, — и ничего больше. Школьная бібліотека почти не существовала.

Префектъ ксендъ Флавіанъ Петринскій,

Учителі: I-го класса ксендъ Павлинъ Калинскій,

„ математики ксендъ Анастасій Недзвільскій,

„ физики ксендъ префектъ Ф. Петринскій,

„ краснорѣчія и права ксендъ Эразмъ Міаковскій.

Проповѣдникъ и духовники учениковъ ксендзы: Даміанъ Чемеринскій и Мартинъ Ляторовскій.

Преподаватели: французскаго языка г. Скорчковскій, нѣмецкаго—г. Гайдрихъ.

Генеральный осмотръ производилъ ксендъ каноникъ Одынецъ, депутатъ трибунала, проректоръ житомирскихъ школъ, начавъ его 9, окончивъ 11 іюля. Изъ рапорта, его извлекается слѣдующее.

Предварительно осмотра въ собраніи всѣхъ служащихъ я держалъ рѣчь о замѣшательствахъ въ краѣ по поводу хлопскихъ бунтовъ и о заботливости пресвѣтлой комиссіи просвѣщенія и главной школы о распространеніи и развитіи въ этомъ краѣ образованія, для улучшенія въ немъ нравственности и для искорененія предубѣжденій и ненависти къ польскому имени, послѣ чего спрашивалъ обо всемъ, что относится къ общественному образованію.

Школьные записки содержатся въ надлежащемъ порядкѣ и подписаны мною.

Учениковъ 353.

Испытанія учениковъ продолжались 13 часовъ. Уроки производятся одни по учебникамъ, другіе—по программамъ, указаннымъ въ уставѣ. Вопросы давались мною, начальникомъ заведенія и учителями. Большинство учениковъ отвѣчали съ полною сознательностью и свободой.

Иностранные языки. До іюня французскій языкъ преподавалъ Димитрій Трешинскій, а нѣмецкій—Саламонскій; оба они уволены по основательнымъ причинамъ (?), и мѣсто

перваго занялъ г. Скопниковскій, второго—Гайдрихъ. Французскому языку обучается 28 учениковъ, нѣмецкому—12; всѣ они показали успѣха ¹⁾).

Награда ево королевской милости. Награждены (серебряными медалями): ученикъ III класса Іосифъ Зелинскій и II класса Іосифъ Цѣлецкій.

Мѣсячные экзамены и годовыя, испытанія. Экзамены производятся точно по уставу. На публичныхъ актахъ присутствуютъ обыватели, а также почтенный пріоръ, славный проповѣдникъ, любимый обывателями ксендзъ Доминикъ Вышинскій со всѣмъ собраніемъ доминикановъ, которые, какъ извѣстно здѣсь всѣмъ, повсюду превозносятъ похвалами нынѣшнюю систему образованія ²⁾).

¹⁾ Визитаторъ 1787 года поручилъ собранію ходатайствовать у провинціала между прочимъ о назначеніи учителя славянскаго языка. Но или это порученіе не было исполнено, или ходатайство не уважено, потому что ни въ слѣдующемъ, ни въ текущемъ году славянскій языкъ не преподавался. Странно, поляки хлопочутъ о преподаваніи славянскаго языка въ базилианскихъ школахъ, а базилиане, любители родного, славянскаго богослуженія, повсюду уклоняются отъ преподаванія его! Тутъ, очевидно, недоразумѣніе: 1) въ то время славянская филологія еще не пробуждалась, и славянская грамматика могла быть преподаваема развѣ по невозможнымъ учебникамъ Susani и „студеевъ, иже въ Львовѣ“; 2) польскіе реформаторы усиливались убѣдить базилианъ и русиновъ вообще, что природный языкъ ихъ есть славянскій, а не русскій, тогда какъ базилиане желали обучать русскому языку, что доказываетъ появленіе въ печати нѣсколькихъ грамматикъ русскаго языка, сдѣланныхъ базилианами, о чемъ нами сказано было въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ Рѣдкій примѣръ представляли эти доминикане между монашествующими тогдашняго времени, если только ксендзъ Одынецъ не кривить въ этомъ случаѣ душою въ пользу ксендзовъ-доминикановъ противъ не любимыхъ всѣми ксендзами, особенно въ то время, базилианъ. Генеральный визитаторъ 1788 г. Крушинскій, свѣтское лицо, вообще всюду встрѣчавшій со стороны монашествующихъ только непріязнь къ новой системѣ обученія, доносилъ комиссіи просвѣщенія о любарскихъ доминиканкахъ: „слушавшіе въ школахъ жаловались на любарскихъ доминикановъ, что они повсюду, гдѣ только можно, поносятъ нынѣшнюю систему образованія и подрываютъ между обывателями довѣріе къ лицамъ, трудящимся на пользу этого образованія“.

Порученія. Кроме 12 общихъ, подтверждено прежнее порученіе объ осмотрѣ приходской школы въ Полонномъ¹⁾, устройствѣ въ ней порядковъ и о донесеніи о томъ главной школѣ.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

Овручскія²⁾ подокружныя школы, базилианскія, о 4-хъ учителяхъ.

Префектъ ксендзъ Климентъ Веселовскій.

Учители: I класса ксендзъ Анастасій Малецкій,

„ математики Климентъ Веселовскій, префектъ,

„ физики ксендзъ Анатолій Садовскій,

„ краснорѣчія и права ксендзъ Иларій Лелявскій.

¹⁾ О школѣ въ Полонномъ визитаторъ Крушинскій, также не поствившій ее, говоритъ только, что въ ней очень много учениковъ, и что, по словамъ, въ ней не соблюдаются постановленія комиссіи просвѣщенія.

²⁾ Учрежденіе учебнаго заведенія въ Овручѣ, въ этой столѣцѣ колѣсскихъ болотъ и полудинныхъ погѣнуковъ, представляеть по времени дѣйствительно смѣлое предпріятіе и самоотверженное служеніе образованію, какъ понимали его учредители—іезуиты, которые перенесли сюда свою резиденцію и школы около 1680 года изъ Ксаверовки, совершенно разоренной во время московскихъ войнъ за Малороссію. Конечно, въ такой полудинкой сторонѣ, каковою было Полѣсье, трудно было возбудить расположеніе къ школамъ, особенно іезуитскимъ, потому что это полудинное населеніе отличалось крѣпкою привязанностью къ старымъ своимъ обочамъ, составлявшимъ весьма грубую смѣсь язычества съ христіанскимъ православіемъ. Овручскія школы никогда не были въ дѣйствующемъ состояніи въ рукахъ іезуитовъ, несмотря на то, что мѣстная іезуитская миссія пользовалась значительными поземельными владѣніями (Дунашевичъ, т. IV, стр. 125 и 126). Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена, комиссія просвѣщенія поручила эти школы краковской академіи, преобразовавъ ихъ въ трехклассныя, съ тремя учителями. Но, вѣроятно, краковская академія затруднялась пріемаемъ учителей изъ своихъ воспитанниковъ, которые имѣли бы охоту поселиться среди этого царства болотъ и страшныхъ въ тогдашней Польшѣ погѣнуковъ, и составъ учителей въ Овручѣ постоянно былъ не полный. Поэтому комиссія просвѣщенія склонялась къ мысли передать ихъ какому-либо монашескому ордену, преимущественно базилианскому, къ которому русское населеніе имѣло болѣе довѣрія, нежели къ орденамъ католическимъ. Пер-

Генеральный осмотр произведенъ кievскимъ кафедральнымъ каноникомъ, эмеритомъ ксендзомъ Михайломъ Соболевскимъ, начатъ 22, оконченъ 25 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Учениковъ 192. Изъ нихъ директоровъ 23. Во время вербунковъ взято въ военную службу 28.

Богослуженіе. Проживая всегда здѣсь (въ Овручѣ), помогая, на сколько могу (въ богослуженіи), я вижу здѣсь настоящее католическое образованіе.

Испытаніе учениковъ. Въ 1 классѣ я испытывалъ первогодичныхъ въ теченіе трехъ часовъ, второгодичныхъ въ теченіе четырехъ часовъ. Во второмъ и третьемъ классахъ испытаніе продолжалось десять часовъ съ половиною. Во всѣхъ классахъ я съ истиннымъ удовольствіемъ нашелъ

выи изъ визитаторовъ комиссіи просвѣщенія, не разъ упоминаемый нами ксендзъ Головчичъ, посѣтивши овручскія школы въ 1782 году, пишетъ по этому поводу въ своей визитѣ (*Archivum*, стр. 43 и 44): „Эти школы, расположенныя на окраинѣ, заселенной мелкою шляхтою, чуждой всякаго образованія, должны обратить на себя особенное вниманіе пресвѣтлой комиссіи. Здѣшняя молодежь и большая часть обывателей мало знакомы съ польскимъ языкомъ. Необходимо поэтому посылать сюда способныхъ учителей, которые могли бы распространить науку и цивилизовать этотъ край. Но сохрани Богъ поручать эти школы монахамъ, такъ какъ это значило бы укрѣпить въ этомъ краѣ гнѣздо суевѣрій... Я совершенно не одобряю мысли отдать эти школы и костель базилианамъ, отъ которыхъ нельзя ожидать надлежащаго обученія“. Лукашевичъ, въ одномъ мѣстѣ (т. IV, стр. 266) допускаящій, что отъ іезуитовъ овручскія школы перешли къ базилианамъ, въ другомъ мѣстѣ той же книги (стр. 126) рассказываетъ въ этомъ своемъ будто бы заблужденіи и утверждаетъ, что школы оставались академическими. На самомъ дѣлѣ комиссія просвѣщенія, несмотря на предостереженіе со стороны Головчича, нашлась вынужденною передать эти школы базилианамъ (послѣ 1784 года); другого способа для поддержанія школъ въ этомъ глубокомъ захолустѣ не было. Головчичъ нашелъ здѣсь школьныя помѣщенія вполне достаточными, классныя помѣщенія, заново отстроеныя, въ очень хорошемъ состояніи, хотя домъ требовалъ починки, костель содержался прекрасно, хотя не оконченный и требовавшій поправки въ наружныхъ частяхъ, плохую бібліотеку и необходимое число геометрическихъ приборовъ; учениковъ—150 (Лукашевичъ, не извѣстно на какомъ основаніи, поазываетъ ихъ здѣсь въ этомъ году 245).

успѣхи, а потому, собравши учениковъ всѣхъ классовъ, я выразилъ имъ заслуженную ими похвалу, а наистарательнѣе приготавливающихся къ службѣ отечеству увѣрилъ въ особенномъ вниманіи къ нимъ со стороны высшаго правительства. Постановленія по учебной части, касательно распредѣленія предметовъ и учебныхъ часовъ, а также другихъ полезныхъ занятій, соблюдаются здѣсь съ примѣрнымъ стараніемъ¹⁾.

Школьные записи воѣ мною разсмотрѣны и подписаны.

Инструменты. Ихъ мало, и воѣ уже испорчены отъ долгаго употребленія. Однако воѣ они сохраняются. Воѣ они—геометрическіе, для физики же нѣтъ ничего.

Иностранные языки. Преподаютъ только нѣмецкій и славянскій; ученики испытываются въ нихъ на публичныхъ актахъ²⁾.

Порученія. Я составилъ здѣсь только общія порученія, ввѣяты изъ предписанія пресвѣтлой комиссіи и изъ наставленій главной школы.

Награда ея королевской милости. Наибольше достойны этой чести ученики II класса: Игнатій Яновскій и Феодоръ Михневичъ.

Визитация окончена обычнымъ порядкомъ.

Добавленіе со стороны генеральнаго визитатора. О выдѣлкѣ инструментовъ ксендзь Соболевскій донесъ мнѣ, что она прекращена: такъ какъ пресвѣтлая комиссія не дала завѣренія (въ производствѣ заказовъ), то рабочіе, въ числѣ восьми, приученные имъ къ этого рода работамъ, разошлись

¹⁾ Визитаторъ 1788 года также отзывается съ большою похвалою объ усердіи учителей и успѣхахъ учениковъ „въ этомъ захолустѣ, куда трудно проникнуть свѣту“.

²⁾ Въ слѣдующемъ году генеральный визитаторъ нашелъ, что ни нѣмецкій, ни славянскій языки не преподаются, по недостатку способныхъ учителей.

въ разныя стороны и, не имѣя чѣмъ жить, одни занялись новозотой, другіе принялись за бронзовыя идѣлія, иные стали часовщиками, отъ чего Соболевскій понесъ большіа убытки¹⁾.

Описание мѣста. Въ этихъ школахъ не имѣется ничего новаго, какъ и въ цѣломъ уѣздѣ. Можетъ быть, тутъ нашлось бы что полезнаго для края, но для этого здѣсь нужны другіе люди, какъ правители, такъ и подданные, потому что первые проводятъ время въ пьянствѣ, послѣдніе въ праздности. Почва на нѣсколько миль вокругъ Овруча хороша: въ ней имѣется известь, желѣзо, мельничный камень, прекрасный матеріалъ для мощенія улицъ, глина для выдѣлки кирпича, чистая и здоровая вода, всегда урожайная поля, лѣса наполненные звѣрами, птицами и пчелами, рыбныя рѣчки. Овручь считается главнымъ городомъ обширнаго уѣзда, но онъ не городъ; ученики терпятъ въ немъ большія нужды, какъ по причинѣ плохого устройства усадебъ, такъ въ особенности, для пріѣзжихъ издалека, по причинѣ трудности въ пріобрѣтеніи предметовъ продовольствія²⁾.

¹⁾ Генеральный визитаторъ 1788 года Крушинскій пишетъ въ своемъ рапортѣ слѣдующее: „Здѣсь проживаетъ давній эмеритъ преклонныхъ лѣтъ, всендѣзъ Соболевскій, владѣющій споровкою въ выдѣлкѣ математическихкихъ и физическихкихъ инструментовъ. При немъ обучается этимъ работамъ много молодыхъ людей. Я видѣлъ нѣсколько математическихкихъ предметовъ, сдѣланныхъ имъ; они уступаютъ заграничнымъ, но въ полевыхъ работахъ могутъ имѣть преимущество предъ иностранными. Если бы пресвѣтлая комиссія рѣшила надѣлать школы физическими и математическими инструментами, то можно бы условиться съ Соболевскимъ насчетъ доставки ихъ до значительно уменьшеннымъ цѣнамъ“. Къ сожалѣнію, комиссія упустила этотъ единственный случай для надѣленія школъ необходимѣйшими инструментами, не поддержала этого перваго зарождавшагося въ край заведенія, какъ поддерживала разныя не нужныя для школъ фабрики. Въ 1782 г., во время осмотра овручскихъ школъ Головничемъ, Соболевскій былъ проректоромъ этихъ школъ и обратилъ его вниманіе „особенною любовью къ механикѣ и архитектурѣ, въ которыхъ оказываешь услуги обывателямъ“.

²⁾ Головничъ подтверждаетъ то же самое, при чемъ не хвалитъ и мѣстности. „Ученики,—говоритъ онъ въ своей визитѣ,—заболѣвали катаррами и

Каневскія¹⁾ подокружнныя школы, базилянскія, о трехъ учителяхъ.

Префектъ ксендзъ Адрианъ Славинскій.

Учители: I класса и славянскаго языка—ксендзъ Станиславъ Тучанскій,

„ краснорѣчія и права—ксендзъ Иеронимъ Гуринъ,

„ математики—префектъ Славинскій,

Проповѣдникъ ксендзъ Игнатій Фидрицкій.

Преподаватель нѣмецкаго языка г. Залѣскій.

Генеральный осмотръ производилъ ксендзъ Янъ Дынецъ, кievскій каноникъ, депутатъ, проректоръ житомирскій; начатъ 28, оконченъ 29 июля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

О генеральной визитѣ объявлено было въ собраніи служащихъ, послѣ чего я спрашивалъ обо всемъ, что относится къ воспитанію.

горячками, которыя обыкновенно господствуютъ здѣсь въ началѣ весны, по причинѣ болотъ, окружающихъ лежащій на пригорѣхъ Овручъ и распространяющихся по цѣлому уѣзду. Вслѣдствіе перемѣства въ городѣ и въ дворахъ хозяевъ, у которыхъ квартируютъ ученики, учителя при посѣщеніи этихъ квартиръ никакъ не могутъ внушить ученикамъ опрятности, такъ какъ квартиры пріучаютъ ихъ къ неопрятности:

¹⁾ Генеральный визитаторъ 1782 года Юрсинскій, на основаніи мѣстныхъ документовъ, говоритъ: „Основатель этихъ школъ—ксендзъ опать Физякевичъ, который, еще будучи комиссаромъ при старостѣ, князѣ Понятовскомъ, построилъ для нихъ деревянный домъ. Получивши мѣсто опата (почетнаго начальника монастыря), въ 1781 году, когда староство стало дѣдичнымъ имѣніемъ князя латовскаго подскарбіа, онъ самонилъ князя построить для школъ новый каменный домъ и назначить для нихъ содержаніе. Постановленіемъ отъ 23 мая 1786 года, комиссія просвѣщенія устранила отъ завѣдыванія школами лицо не монашествующее и назначила имъ по 3550 злотыхъ (серебр.)“. Значитъ, эти школы поступили въ вѣдомство комиссіи просв. и въ завѣдываніе базилянъ только въ 1786 году, до тѣхъ же поръ существовали въ видѣ элементарной, или фарной школы. Въ генеральной визитѣ 1782 года каневская школа значится въ числѣ парафіальныхъ (вмѣстѣ съ *бл.моцержковскою*, о которой, кромѣ этого упоминанія, мы не нашли другихъ свѣдѣній), находящаяся въ вѣдомствѣ ректора житомирскихъ школъ (Archiwum, стр. 43).

Школьные записи ведутся въ порядкѣ и подписаны мною.

Богослуженіе совершается сообразно требованіямъ устава. Для приобщенія учениковъ латинскаго обряда приглашается тринитаръ изъ Быща. Всегда имѣется также священная гостіа (св. дары запасные) для приобщенія заблуждающихся.

Всѣхъ учениковъ 139. Я засталъ только 28 учениковъ; остальные, не дожидаясь конца ученія, разѣхались по домамъ родителей (!). Большею частію эти ученики отвѣчали сознательно и легко. Испытаніе продолжалось два дня, по 4 часа.

Иностранные языки. Нѣмецкому языку обучалось 23 ученика, славянскому—30¹⁾. Изъ тѣхъ и другихъ осталось мало; оказавшіеся на лицо давали удовлетворительные отвѣты.

Награда его королевской милости. Хотя Тома Рыдловскій получилъ медаль прежде сего, однако, принимая во вниманіе, что онъ случайно утерять эту медаль и нынѣшнимъ постояннымъ усердіемъ вновь заслужилъ ее, я назначилъ ему такую вмѣсто Романа Евфимовича, который въ этомъ году получилъ бы первую медаль, если бы нѣсколькими днями раньше не уѣхалъ на вакацію. Другой, получившій медаль, Феодоръ Домницкій. Оба ученики III класса.

Мѣсячные экзамены, физическое воспитаніе и т. п. производятся точно по уставу.

Порученія. Я оставилъ только общія порученія, означенныя въ предписаніи пресвѣтлой комиссіи и главной школы.

Дополнимъ это скудное описаніе свѣдѣніями изъ другихъ визитъ. Генеральный визитаторъ 1787 года нашелъ, что всѣ предметы преподаются слабо, и что Опатъ не мо-

¹⁾ По числу обучавшихся славянскому языку можно съ точностью судить о числѣ русскихъ учениковъ въ школахъ.

зеть удерживать должный порядокъ въ школахъ и почти не занимается ими. Визитаторъ не засталъ одного изъ учителей. Опять объясняетъ отсутствіе его необходимостью посо- вѣтоваться съ докторами въ Богуславѣ относительно лѣченія разстроеннаго здоровья, а также даннымъ ему порученіемъ купить на ярмаркѣ кое-какіе необходимые предметы для школь. Но префектъ сообщилъ визитатору, что ничего этого не было, и что учитель уѣхалъ на ярмарку по другимъ побужденіямъ. Визитаторъ хотѣлъ было строго оштрафовать этого учителя; но затѣмъ, „встрѣтивъ шляющихся (вѣжака- суч) по Каневу жиитомирскихъ учителей, забившихся сюда за 20 миль, простилъ этого учителя, уѣхавшаго всего за 5 миль“, поручивъ однако сдѣлать ему выговоръ въ собраніи учителей. Учители жаловались визитатору, что существующая въ Богуславѣ школа отвлекаетъ учениковъ отъ каневскихъ школь, и что тѣ изъ нихъ, которые поступаютъ изъ богуславской въ каневскія школы, съ большими трудомъ отвыкаютъ отъ старыхъ способовъ ученія и привыкаютъ къ новымъ. Генеральный визитаторъ 1788 года пишетъ, что „ксендзъ Опать теперъ рѣдко бываетъ въ Каневѣ, и надзоръ его мало можетъ принести пользы школамъ“. Обязанный отчетностью предъ визитаторомъ въ суммѣ, отпускаемой комиссіей просвѣщенія (3550 зл.), Опать прислалъ ему списокъ расходовъ и замѣтки о нихъ на отдѣльныхъ листкахъ безъ подписи. Визитаторъ хвалитъ префекта Банульскаго, преподававшаго краснорѣчіе и право, но порицаетъ порученіе преподаванія краснорѣчія во II классѣ *субституту*, „всего менѣе способному къ этому предмету“. На вопросъ, почему не всегда бываютъ мѣсячныя засѣданія совѣта, собраніе отвѣчало, что „не о чемъ было совѣщаться“. Визитаторъ приказалъ непремѣнно собираться ежемѣсячно, и если бы не нашлось о чемъ разсуждать, то въ протоколѣ записать: „N дня и мѣсяца состоялось засѣданіе педагогическаго совѣта, которое за недостаткомъ предметовъ для обсуждения

закрѣто". Тотъ же визитаторъ пишетъ въ своей визитѣ слѣдующее о *богуславской* школѣ: „Прѣзжая изъ Канева въ Умань, я остановился на цѣлый день въ Богуславѣ, чтобы ознакомиться съ состояніемъ мѣстной школы. Директоромъ этой школы состоитъ Павелъ Петровичъ, 39 лѣтъ отъ роду, который самъ учитъ давнимъ способомъ грамматикѣ, поэзіи и риторикѣ. Я засталъ до 40 учениковъ, собранныхъ изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ. Я пошелъ экзаменовать эту школу вмѣстѣ съ учителемъ житомирскихъ школъ Витвицкимъ, котораго я засталъ въ Богуславѣ. Оказалось, что даже мнимые риторы не умѣютъ ни по-польски, ни по-латыни. Я спросилъ директора, знакомъ ли онъ съ курсомъ, предписаннымъ комиссіей просвѣщенія для приходскихъ школъ. Но онъ отвѣтилъ, что гораздо полезнѣе обучать по-латыни по-давнему. Началъ я разговаривать съ нимъ о разныхъ предметахъ по-латыни и убѣдился, что онъ ни старымъ, ни новымъ способомъ не выучился по-латыни. Окончивъ испытаніе, я призвалъ директора къ себѣ и объявилъ ему, что онъ измѣнникъ и публичный обманщикъ, который обманываетъ столько дѣтей, чтобы отнять у нихъ возможность получить образованіе. Я объяснилъ ему все то, что относится къ 3 пункту инструкціи, данной мнѣ главною школою, и объявилъ ему, что если и впредь онъ будетъ ставить такія же препятствія полезному общественному образованію, то будетъ подвергнутъ отвѣтственности за обманъ столькихъ лицъ, сколько въ школѣ его дѣтей. Директоръ послѣ этого обѣщавалъ исполнить распоряженіе пресвѣтлой комиссіи и обучать чтенію, письму, религіи и счету, притомъ только дѣтей мѣстныхъ официалистовъ. О фундушѣ школьномъ нельзя было добиться ничего вѣрнаго. Въ древнее время директоръ получалъ изъ кассы имѣнія 300 злотыхъ. Впослѣдствіи выдача этой суммы прекращена, но официалисты сами сложили эту сумму, чтобы удержать такую, по мнѣнію ихъ, полезную для дѣтей ихъ особу. Если бы во время пребыванія моего въ

Богуславъ я засталъ было кого-либо изъ богѣе смыслящихъ официалистовъ, то постарался бы въ приятной бесѣдѣ вывести его изъ такого заблужденія“. Въ слѣдующемъ году Крусинскій, по назначенію главной школы, ревизовалъ школы въ Великой и Малой Польшѣ и при этомъ въ Дешно (недалеко Калиша) „нашелъ школу высшихъ наукъ“, которая ярко напомнила ему богуславскую школу, чѣмъ онъ и ограничился въ описаніи и характеристикѣ этой школы. Визитаторъ 1790 года Трефлеръ нашелъ въ каневскихъ школахъ 200 учениковъ; префектъ Славинскій и учитель краснорѣчія оказались способными, но успѣхи учениковъ не вполне удовлетворительными, въ нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ только „начатки“, военныя упражненія въ отличномъ состояніи. О славянскомъ языкѣ онъ ничего не упоминаетъ.

Уманскія подокружныя школы, базилианскія, о трехъ учителяхъ¹⁾.

Префектъ ксендзъ Іоассонъ Корженевичъ.

Учители: I-го класса ксендзъ Далмать Бровинскій,

„ математики и физики—ксендзъ Пахомій Левицкій,

„ краснорѣчія и права—ксендзъ Граціанъ Литинскій.

¹⁾ Визитаторъ 1788 г., на основаніи мѣстныхъ документовъ, говоритъ слѣдующее: „Францъ-Салезій Потоцкій, воевода кievскій, желая исправить худыя нравы украинскаго народа, основалъ въ Умані въ 1766 году школы, назначивъ на постройку каменнаго костела, дома для учителей и классныхъ помѣщеній, равно и на содержаніе школъ, двѣсти тысячъ злотыхъ. Изъ этой суммы сто тысячъ употреблены на постройку, а другія сто тысячъ остаются въ кассѣ Станислава-Щенскаго (сына Салезія) Потоцкаго, и проценты отъ нихъ расходуются на содержаніе зведенія и на нужды учительскаго собранія“. Первоначально уманскія школы содержали 6 учителей, имѣли до 400 учениковъ, какъ въ 1782 (Архивум, стр. 48), такъ и въ 1784 г. (Лукашевичъ, т. IV, стр. 265). Не извѣстно, по какому случаю число учи-

Проповѣдникъ ксендвъ Лукіанъ Стебельскій.

Преподаватель французскаго и нѣмецкаго языковъ г. Францишекъ Хросцицкій.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ г. Михаиломъ Кубешевскимъ, бывшимъ винницкимъ префектомъ; начатъ 9, оконченъ 10 іюля. Изъ рапорта его извлекаемъ слѣдующее.

На предварительномъ собраніи я объяснилъ значеніе генеральныхъ визитъ, установленныхъ пресвѣтлой комиссіей и главною школою.

Учениковъ 400.

Посѣщеніе классовъ. Предъ началомъ испытаній я собралъ учениковъ всѣхъ классовъ и въ обращенной къ нимъ рѣчи изложилъ имъ заботливость о надлежащемъ образованіи молодежи со стороны пресвѣтлой комиссіи, которая не только установила въ школахъ необходимыя и полезныя науки, устроила всѣ порядки въ учебныхъ заведеніяхъ, но и старается вникать во все то, отъ чего зависитъ успѣхъ общественнаго образованія, совершенствованіе въ наукахъ и воспитаніе молодыхъ людей въ добрыхъ обывателей. Далѣе, изложивъ пользу наукъ для края и для учащагося юношества, я возбуждалъ ревность учениковъ къ успѣхамъ въ наукахъ и въ доброй нравственности. Испытаніе начато съ III класса, потомъ произведено во II и въ I классахъ, окончено иностранными языками. Во время самыхъ испытаній я обращалъ вниманіе на способы обученія и на способность учителей, равно какъ и на успѣхи учениковъ. Вслѣдствіе

телей уменьшено до трехъ. Съ уменьшеніемъ числа классовъ въ школахъ, базиліане открыли при нихъ *Studium* съ преподаваніемъ курса философіи. Въ 1787 г. въ этомъ *Studium* было 9 студентовъ. Жестокая участь, постигшая уманскія школы во времена Готти и Желѣзняка, на столько известна, что мы опускаемъ здѣсь этотъ ужасный эпизодъ народной жестокости за средства, помощью которыхъ неразборчивые и фанатическіе польскіе цивилизаторы „исправляли грубые нравы украинскаго народа“.

этихъ наблюдений, имѣю честь рекомендовать зышнему правительству прежде всего ксендза-префекта Корженевича, старательно по своей должности и хорошо правящаго молодежью, потомъ — ксендза Литинскаго, учителя нравственности, и ксендза Левидскаго, учителя математики, которые показали способность и опытность въ преподаваніи своихъ предметовъ. Эти три лица заслуживаютъ той чести, какая отдается лицамъ, отлично служащимъ образованію¹⁾). Учитель 1 класса ксендзъ Бровинскій показалъ среднія способности.

Иностранные языки. Преподаватель французскаго и нѣмецкаго языковъ не получаетъ жалованья, но за свой трудъ онъ обезпеченъ кондиціями (частными занятіями съ учениками): Оба языковъ онъ знаетъ хорошо. Нашедши незначительное число учащихся этимъ языкамъ, я объяснялъ (ученикамъ) пользу отъ изученія ихъ и проемль префекта позаботиться объ увеличеніи съ будущаго года числа учащихся имъ, посредствомъ заохочиванія учениковъ, каковое порученіе я даже записалъ въ кнѣгу.

Награда его королевской милости. По совѣщанію съ служащими, я назначилъ медали ученикамъ: III класса Кириллу Сороцинскому и II класса Иосифу Качинскому.

Школьные записи. Между ними не доставало книги объ успѣхахъ, оказанныхъ учениками на мѣсячныхъ испытаніяхъ. Я поручилъ завести ее.

Частныя бесѣды. Нѣкоторые изъ служащихъ выражали свое неудовольствіе на управленіе ордена за то, что оно по-

¹⁾ Времена переимѣнились. Во время первой ревизіи этихъ школъ, въ 1782 г., онѣ стояли на самомъ низкомъ уровнѣ, о чемъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ; то же, по свидѣтельству Лукашевича, было и въ 1784 г. Теперь, несмотря на сокращеніе штата учителей, состояніе этихъ школъ является въ иномъ видѣ. Визитаторъ 1788 года приписываетъ успѣхъ школъ ректору мѣстной базиліанской коллегіи ксендзу *Морулецу*, отличавшемуся любовью къ наукамъ, а также бывшему въ то время префекту и профессору философіи въ *Stadium* Кондвинчу.

отоянно перемѣщаетъ учителей изъ одного класса въ другой, съ одного предмета на другой, безъ всякаго вѣдома со стороны главной школы и несмотря на желаніе учителя остаться при своемъ предметѣ¹⁾). Жаловались также на скудость получаемого ими жалованья, именно по 400 злотыхъ²⁾, изъ которыхъ они должны покупать себѣ одежду и проч.; выражались, что орденъ не признаетъ заслугъ въ трудѣ ихъ и гораздо лучше оплачиваетъ проповѣдниковъ и другихъ лицъ, даже служащихъ въ орденѣ частнымъ образомъ, чѣмъ учителей, отъ чего теряется охота служить отечественному просвѣщенію.

Богослуженіе. Совершается по указаніямъ (школьнаго) устава. Ксендзь Стебельскій, ордена миссіонеровъ, способностей среднихъ, въ праздничные дни сказываетъ проповѣди ученикамъ.

Классныя помѣщенія—деревянные, очень поврежденные (zgrópowane) и не выгодныя. На будущій годъ классы помѣщены будутъ въ каменномъ зданіи коллегіи, которое теперь починается. Нашедши, что въ I и II классахъ слишкомъ много учениковъ³⁾, я просилъ ректора Моргуца съ началомъ будущаго учебнаго года увеличить школы однимъ классомъ и однимъ учителемъ, что онъ обѣщалъ исполнить⁴⁾.

Физическое воспитаніе. Префектъ посѣщаетъ квартиры учениковъ и заботится объ опрятности въ квартирахъ и въ ученикахъ. Ученикамъ дозволяются развлечения; дѣтомъ всѣ

¹⁾ Жалоба справедливая; распоряженія ордена ничѣмъ не объяснимы. Сличивъ списки служащихъ во всѣхъ базилианскихъ школахъ за 1787, 1788, 1789 и 1790 годы, мы не находили ни одной школы, въ которой большинство служащихъ, часто всѣ до одного, не были бы перемѣщаемы ежегодно съ одного мѣста на другое, безъ всякаго соображенія съ пользою для учебнаго дѣла и, очевидно, съ единственною цѣлю приучать монашествующихъ къ безусловной покорности, смиренію, устраниенію въ себѣ всякихъ виѣннихъ привязанностей, честолюбія и под.

²⁾ Конечно, не считая квартиръ и продовольствія пищею.

³⁾ Такъ какъ въ старшихъ классахъ всюду бывало мало учениковъ, то очевидно, что въ двухъ низшихъ въ этихъ школахъ было не меньше, какъ по 150 учениковъ на одного учителя.

⁴⁾ Изъ визиты 1790 г. видно, что это предложеніе не было исполнено.

идутъ въ поле, гдѣ занимаются разными играми, военными упражненіями и всѣмъ, что содѣйствуетъ ловкости, живости, здоровью и мужеству.

Директоры. Установленныя собранія директоровъ (у префекта) происходятъ, какъ предписано. Въ собраніяхъ читаются постановленія (объ обязанностяхъ директоровъ), внушается старательность въ занятіяхъ съ учениками, ласковость въ обхожденіи съ ними, осмотрительность въ исправленіи и внимательность къ здоровью ихъ.

Порученія. Кромѣ общихъ порученій, сдѣланы два слѣдующія: 1) чтобы заведена была книга для записыванія результатовъ мѣсячныхъ экзаменовъ; 2) дабы ксендзъ-префектъ озаботился увеличеніемъ числа обучающихся нѣмецкому и французскому языкамъ.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

ЧАСТЬ ПІАРСКАГО ОКРУГА.

Межирѣчскія¹⁾ подокружныя школы.

Ректоръ коллегіи, проректоръ школъ ксендзъ Доминикъ Шибинскій²⁾.

¹⁾ *Межирѣчье* — мѣстечко по соседству съ г. Острогомъ — издавна входило въ составъ нѣмѣй, резиденціей которыхъ были Кореть, а потому назывался Межирѣчье-Коретцкій, въ отличіе отъ Межирѣчья-Подляскаго, Основателемъ школы въ Межирѣчье-Коретцкомъ былъ мѣстный владѣлецъ кн. Доминикъ Любомірскій, соорудившій для нихъ отличныя зданія и снабдившій ихъ достаточными средствами содержанія. Это было въ 1702 году. Это были единственныя піарскія школы на Волыни, а потому піарскій орденъ имѣлъ о нихъ особенную заботливость. Изъ оковъ мѣжирѣчскихъ піарскихъ школъ видны были величественныя зданія острожской іезуитской коллегіи, которая должна была возбудить въ нихъ соревнованіе. Піары дѣлаемъ уступку одному нашему почтенному критику въ употребленіи этой формы слова вмѣсто *піаристы*, хотя въ послѣдней формѣ не видимъ никакого грѣха) умѣли поставить эту школу такъ, что въ теченіе всего 18-го вѣка она была одною изъ лучшихъ на Волыни и Украинѣ (*Лукаш.* т. IV, стр. 217 и 218. *Архивум*, стр. 56. *Визиты* 1787, 1788 и 1790 гг.). Число учителей въ межирѣчскихъ школахъ бывало не одинаково. Съ 1787 года прибавка двухъ учителей къ прежнимъ четыремъ осталась неизмѣнною.

²⁾ Доминикъ Шибинскій былъ девятнадцать лѣтъ начальникомъ этихъ школъ (*Вѣльскій* у *Лукаш.* т. IV, стр. 218, въ прилѣч.). Однимъ изъ пред-

Префектъ ксендзъ Янъ Хрисостомъ Дылевскій.

Учители: 2 класса ксендзъ Матвѣй Подгороденскій,

„ краснорѣчя „ Оадей Голыньскій,

„ математики „ Корнилій Даниловичъ,

„ физики „ Самуилъ Близинскій,

„ права „ Иосифъ Трепаловскій.

Учитель 1-го класса г. Николай Павловскій и учитель приготовительнаго класса ¹⁾ г. Иеронимъ Могельскій, оба директоры, не принадлежатъ къ составу служащихъ, а потому не были приглашены въ засѣданіе.

Преподаватели: французскаго языка ксендзъ Корнилій Даниловичъ, учитель математики, нѣмецкаго языка—г. Игнатій Домбровскій.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Лукою Свѣбоцкимъ, ректоромъ волинскаго округа. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьные записки. Ведутся всѣ по формамъ, указаннымъ въ уставѣ, и всѣ имѣются, даже тѣ, которыхъ въ прошломъ году не было, исключая вѣдомости о приходскихъ школахъ, которая хранится у окружного ректора.

Состояніе школы. Нужно отдать справедливость собранію служащихъ, которое, состоя изъ лицъ монашествующихъ, нравственныхъ, любящихъ и понимающихъ все разнообразіе наукъ, старательныхъ и усердныхъ въ точномъ исполненіи установленій пресвѣтлой комиссіи просвѣщенія,

мѣстниковъ его долгое время былъ ученый Александръ Шибинскій, наслѣдовавшій это мѣсто послѣ другого ученаго піара Іодловскаго, также не мало потрудившагося для этихъ школъ. Піары имѣли на это дѣло взгляды, противоположныя базилианскимъ. Не удивительно, что піары на столько были привязаны къ своимъ школамъ, на сколько базилиане были апатичны къ нимъ.

¹⁾ Приготовительные классы были во всѣхъ піарскихъ школахъ и были причиною того, что съ перваго же класса піарскія школы рѣзко отличались по успѣхамъ учениковъ отъ прочихъ школъ.

распределенія учебнаго времени; разумныхъ способо́въ для возбужденія въ ученикахъ охоты къ ученію, вполне соотвѣтствуютъ намѣреніямъ устава.

Учениковъ до 300.

Посѣщеніе классовъ. Изъ всѣхъ учениковъ едва нѣсколько оказалось не успѣвшими и то такіе, которымъ природа не дала способностей. Въ нѣкоторыхъ замѣтны были вялость соображенія и преобладаніе памяти, но эти недостатки искупались въ нихъ одушевленіемъ. Въ теченіе полутора дня до поздней поры виѣстѣ съ учителями я испыталъ учениковъ изъ каждой науки, начиная съ приготовительнаго и оканчивая шестымъ классомъ и иностранными языками. Ученики доказали (своими отвѣтами), что они, въ особенности дѣти обывателей, при своихъ способностяхъ, увѣнчаютъ славою дорогое отечество.

Награда ея королевской милости. Медали назначены: золотая ученику V класса, сыну инфлянскаго подкоморія Дунину; серебряныя: директору Петру Свиданскому и Юзефу Бачинскому, ученикамъ VI класса.

Директоры, надлежаще руководимые, исполняютъ свои обязанности.

Иностранные языки. Преподаватель, лично мнѣ известный своими способностями и опытностію, кромѣ классныхъ уроковъ, обучаетъ французскому и нѣмецкому языкамъ конвикторовъ въ ихъ квартирѣ. Всѣ учащіеся значительно успѣли въ нихъ.

Музей рисунковъ. Рисунки геометрическихъ фигуръ, присланные пресвѣтлою комиссіей просвѣщенія, я засталъ въ цѣлости. Ими пользуется на урокахъ учитель математики, но что и ученики не довольствуются созерцаніемъ ихъ, въ этомъ я убѣдился, когда разсмотрѣлъ сдѣланные ими чертежи цѣлаго мѣстечка съ его окрестностями и всѣхъ мѣстныхъ шарскихъ зданій.

Физическое воспитаніе. Хотя господствующія въ этихъ мѣстахъ лихорадки постигали многихъ учениковъ, однако я засталъ всѣхъ ихъ въ добромъ здоровьи. Последнему содѣствуетъ опрятность въ квартирахъ, разныя игры, придумываемыя учителями, а больше всего частыя военныя упражненія, которыя облегчаются для нихъ употребленіемъ военной униформы. Эти упражненія сильно воспламеняютъ ихъ на служеніе отечеству. Руководилъ ими, воспитывая въ ученикахъ старопольскій духъ, ксендзь Близинскій, учитель физики.

Мѣсячные экзамены. Я засталъ приготовленный для главной школы рапортъ о мѣсячныхъ экзаменахъ, но такъ какъ по установившемуся порядку пары посылаютъ свои рапорты чрезъ своихъ провинціаловъ, то я рѣшился не нарушать этого порядка и не взять этого рапорта.

Конвоитъ. Въ виду репутаціи, какую имѣетъ межирѣчской конвиктъ столько же у визитаторовъ, сколько и у парскихъ провинціаловъ, представляющихъ свои отчеты по учебной части пресвѣтлой комиссіи, я не рѣшился напомнить ректору о отдѣланномъ генеральнымъ визитаторомъ Крушинскимъ порученіи. Нашедши въ цѣломъ заведеніи все въ отличнѣйшемъ порядкѣ, я оставилъ только такія порученія, которыя не были предложены прежними визитаторами, именно: 1) чтобы на директорство избираемы были только такіе ученики, которые признаны способными къ тому, послѣ долгаго наблюденія надъ образомъ жизни ихъ и послѣ испытанія учителями познаній ихъ; 2) чтобы школьное начальство убѣдило родителей вносить слѣдующую директорамъ плату на руки префекта, что принесло бы пользу и дѣтямъ, и родителямъ.

Заявленія служащихъ. Убѣдившись, что порученія визитаторовъ мало помогаютъ успѣхамъ учениковъ старшихъ классовъ въ латинскомъ языкѣ, здѣшнее учительское собра-

не единогласно постановило просить ходатайства главной школы о томъ, чтобы пресвѣтлая комиссія приказала напечатать остальные учебники логики, физики и права на латинскомъ языкѣ. Изложеніемъ своихъ мыслей на этомъ языкѣ ученики, приготовленные посредствомъ переводовъ классическихъ писателей, сдѣлали бы въ немъ значительные успѣхи. Умѣнье владѣть языками приобрѣтается гораздо болѣе живымъ опытомъ, чѣмъ переводами.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

Заявленіе учителей достаточно показываетъ, на сколько тогдашняя система запуталась въ опредѣленіи значенія латинскаго языка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ основаніи обученія. Знаменательно и то, что это предложеніе въ категорической формѣ высказано пѣрами, которые въ свое время, въ числѣ другихъ школьныхъ реформъ, ратовали противъ преподаванія на языкѣ латинскомъ. Кстати примемъ здѣсь одно заявленіе межирѣчскихъ пѣровъ, также единогласно высказанное ими визитатору 1785 года и достаточно обрисовывающее отношеніе ихъ къ тому народу, среди котораго они были представителями своего ордена и передовыми проповѣдниками просвѣщенія, имененно народу русскому. „Межирѣчское пѣрское собраніе, — пишетъ въ своей визитѣ визитаторъ этого года, Богуцицкій, — заявило просьбу, дабы пресвѣтлая комиссія просвѣщенія нашла способъ устранить неудобства, происходящія отъ соблюденія праздниковъ, постовъ, совершенія литургій и обрядовъ по двумъ обрядамъ, что непремѣнно отрываеетъ учениковъ (значить въ межирѣчскихъ школахъ было не мало русскихъ учениковъ) отъ уроковъ, а учителямъ мѣшаетъ правильно распределить свое время и правильно вести преподаваніе, *вноситъ разнь между членами одного народа* (†), препятствуетъ установленію правильного, однообразнаго во всѣхъ школахъ порядка“. Другими словами: пѣры ходатайствовали о томъ же, о чемъ порѣшила было волеюная шляхта на сеймѣ 1787 года — уни-

чтожить въ предѣлахъ Польши церковно-восточный обрядъ, какъ одну изъ причинъ розни между поляками и русскими, какъ одно изъ препятствій къ слитію русскихъ съ поляками въ одинъ народъ. Эта же шляхта, по свидѣтельству ксендза Вжоща (въ общихъ замѣчаніяхъ о результатахъ произведеннаго имъ осмостра школъ), на сеймѣ 1789 года по поводу возникшихъ тогда народныхъ волненій постановила, дабы на каждую школу, по крайней мѣрѣ русскихъ воеводствъ, выдано было на отчетъ казны по 50 ружей какъ для военныхъ упражненій, такъ и на случай нужды въ защитѣ города отъ враждебныхъ нападеній. Фальшивыя основы проовѣщенія, конечно, не могли установить здравыхъ понятій въ такомъ важномъ дѣлѣ, и сами служили тѣмъ же страстямъ политическимъ, противъ которыхъ, повидимому, направлена была учебная реформа. Читатели, вѣроятно, обратили вниманіе, что въ 1789 году всюду уже въ базилианскихъ школахъ значится одинъ проповѣдникъ и духовникъ для всѣхъ учениковъ—римско-католическій ксендзъ!..

Въ связи съ межирѣчскими школами приведемъ извѣстіе о *корецкой* школѣ, находившейся въ завѣдываніи ректора этихъ школъ. Генеральный вивататоръ Крушинскій пишетъ о ней слѣдующее: „Вмѣстѣ съ ректоромъ ксендзомъ Шибинскимъ я поѣхалъ (изъ Межирѣчья) въ Корець, гдѣ представился оятельному князю Чарторыйскому, литовскому стольнику, и просилъ его доволить мнѣ осмотрѣть мѣстную приходскую школу, состоящую подъ протекторатомъ его, что онъ разрѣшилъ мнѣ съ большимъ удовольствіемъ. Осмотръ произведенъ въ присутствіи многихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Учениковъ оказалось больше 30; они хорошо читали, показывали усѣхъ въ чистописаніи, давали отвѣты по религіи и нравственности, а наилучше отвѣчали по ариметикѣ. Для приходской школы этого достаточно... Директоромъ школы состоитъ Антоній Левецкій, пользующійся репутацией за свой образъ жизни и показавшій на экзаменѣ свою ста-

рательность.... Мѣстный пастырѣ ксендзъ каноникъ луцкій Гувковскій на свой счетъ построилъ для школы деревянный домъ, а князь даетъ содержаніе директору. Завѣдываетъ школою ксендзъ Баранскій, управляющій приходомъ въ отсутствіи пробоша. По окончаніи экзамена, я поблагодарилъ всѣхъ присутствовавшихъ за сочувствіе къ образованію и поспѣшилъ въ замокъ, чтобы поблагодарить самого князя за такую примѣрную заботливость его объ обученіи своихъ крѣпостныхъ“ (между приведенными визитаторомъ 14-ю фамиліями, едва ли хотя одна принадлежитъ крестьянину: все это обыкновенныя мелко-шляхетскія фамиліи, принадлежащія, очевидно, мѣстнымъ официалистамъ).

Холмскія¹⁾ подокружныя школы, піарскія, о трехъ учителяхъ.

Префектъ школъ ксендзъ Эразмъ Соколовскій.

Учителя: I класса—Іоаннъ Вѣркевскій,

„ математики и физики—Фридерикъ Линднеръ,

„ краснорѣчія и права—кс. Яковъ Пинярскій.

Преподаватель нѣмецкаго языка — ксендзъ Фридрихъ Линднеръ, учитель математики.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ холмскимъ кафедральнымъ каноникомъ, ректоромъ малопольскаго

¹⁾ Піарскія коллегіи учреждены въ г. Холмѣ въ 1677 году. Піарамъ уступленъ мѣстный фарный костелъ со всѣми постройками и цѣлое пробоство со всѣми доходными статьями. Но, не извѣстно почему, піары долгое время не открывали здѣсь школъ и открыли ихъ только во время Августа III. Комиссія просвѣщенія преобразовала ихъ въ подокружныя о трехъ учителяхъ. Эти школы никогда не пользовались сочувствіемъ мѣстнаго населенія и всегда имѣли незначительное число учениковъ, несмотря на убѣреніе Дукашевича (т. IV, стр. 197) въ противномъ. Въ близкомъ соседствѣ съ этими школами находились іезуитскія коллегіи въ Люблинѣ и Брашова, соперничество съ которыми было трудно. Въ 1788 г., во время пожара, истреблявшаго большую часть Холма, піарскія школы потеряли многое изъ своего имущества и не скоро могли оправиться.

округа Трефлеромъ; начать 8, окончить 9 июля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Учениковъ 120¹⁾).

Посыщеніе классовъ. Ученики испытываемы были изъ всѣхъ предметовъ въ теченіе восьми часовъ. Всѣ они успѣли въ наукахъ и въ доброй нравственности. Префектъ и учителя способны и усердны въ своихъ обязанностяхъ.

Нѣмецкому языку обучаются успѣшно. Занималось имъ 40 учениковъ.

Богослуженіе, школьныя записи, экзамены мѣсячныя и публичныя проиаводятся точно по уставу.

Физическое воспитаніе производится точно по уставу. Я присутствовалъ при военныхъ упражненіяхъ учениковъ²⁾, происходившихъ подъ руководствомъ проживающаго въ Холмѣ солдата. Въ этомъ году придется уплатить ему 81 р. Префектъ посѣщаетъ квартиры учениковъ, внушаетъ опрятность и т. п.

Порученія. Осматривать приходскія школы³⁾. Затѣмъ общія порученія.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

¹⁾ Въ 1786 году ихъ было всего 66.

²⁾ Визитаторъ 1783 года сообщилъ, что холмскіе ученики для военныхъ упражненій надѣлены были ружьями и саблями; но первое примѣрное сраженіе они хотѣли учинить надъ своимъ ректоромъ, угрожая ему, во время какаго-то своего возмущенія, ружьями и саблями, такъ что ректоръ долженъ былъ шесть недѣль не выходить изъ своей квартиры, пока возмущеніе не было усмирено.

³⁾ Районъ префекта холмскаго былъ наиболѣе богатъ приходскими школами. По визитѣ 1784 г., школы существовали здѣсь въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ *Красношатъ, Дорогускѣ, Савинѣ, Любомлѣ, Машотѣ* и въ *Остосѣ*. Въ первыхъ двухъ обучали тогда по старому, въ послѣднихъ уже по новому плану. Исчислимъ здѣсь всѣ приходскія и вообще нѣвшія, хотя бы то и съ высшими претензіями, школы въ описываемыхъ русскихъ областяхъ, по визитамъ 1782—1792 г. Кромѣ указанныхъ въ холмскомъ районѣ, на Волыни—въ *Дубнѣ, Ровнатѣ, Заглазѣ, Гулевичахъ, Юржискѣ, Лопи-*

Опускаемъ общія замѣчанія нѣкоторыхъ изъ этихъ визитаторовъ по поводу настоящей визитаціи, такъ какъ они не сообщаютъ ничего новаго о нашемъ предметѣ. Предпочитаемъ привести здѣсь выписку изъ послѣдней генеральной визиты, относящейся къ школамъ Волыни и Украйны, именно изъ визиты 1792 года. Въ этомъ году, въ обычный срокъ, выѣхалъ изъ Кракова генеральный визитаторъ Фіалковскій и отправился въ русскія области обычнымъ визитаторскимъ трактомъ, Люблинъ—Владиміръ.... „Во Владиміръ,—пишетъ онъ въ своей визитѣ,—я узналъ о занятіи русскими войсками

часть, *Берестечк* (въ 1782 г. было три учителя, 130 учениковъ. Учредители тринитары просили визитатора 1782 г. включить эту школу въ число высшихъ, но комиссія просвѣщенія не нашла возможнымъ исполнить просьбу ихъ и зачислила ее въ разрядъ приходскихъ), *Керимъ*, на Украйнѣ: въ *Немуротѣ*, *Богуслаевѣ*, *Вильой-Церкви*, *Крупинѣ*, *Гродкѣ*. Образованная въ 1790 г. военно-гражданская комиссія, имѣвшая задачей между прочимъ привести въ извѣстность фондуши парафіальныхъ школъ и наискать мѣстныхъ средствъ къ устройству училищъ, начала свои дѣйствія съ западныхъ границъ и далеко не успѣла дойти до границъ Волыни и Украйны.

Приведемъ здѣсь замѣтку визитатора 1787 г., сдѣланную имъ по поводу бесѣды его съ холмскими пѣарами объ успѣхахъ народнаго образованія въ русскихъ областяхъ. „Визитаторъ, представляя главной школѣ отчетъ о русскихъ (!) пѣарскихъ школахъ, обязанъ присовокуплять, сколько препятствій испытываетъ нынѣшняя система образованія отъ пѣаровъ, шляющихся по Руси и занимающихся частнымъ обученіемъ, безъ вѣдома своего орденскаго начальства“. Въ примѣръ приводится школа немировская, въ которой такой пѣаръ, „подъ предлогомъ военнаго образованія“, обучаетъ не вѣсть чему „единственно въ видахъ своей корысти“. Визитаторъ приводитъ фамиліи еще трехъ пѣаровъ: „Тверницкаго, Спелинскаго и Стройнскаго, изъ которыхъ первые два бродятъ отъ одного обывателя къ другому, запрашиваясь въ домашніе учителя,—кончивъ обученіе въ одномъ домѣ, поступаютъ въ другой. Третій изъ нихъ занимаетъ мѣсто директора въ временецкихъ школахъ, не слушаетъ приказаній орденскаго начальства о снятіи съ себя пѣарскаго костюма или о возвращеніи въ орденъ. Пѣары (холмскіе и межирѣчскіе) слышали, что весьма многіе изъ членовъ ордена ихъ занимаютъ тѣмъ же ремесломъ (въ тѣхъ же мѣстахъ); они рады были бы, если бы эти учителя или наслѣдно возвращены были въ орденъ, или прикрѣплены были каждый къ опредѣленному мѣсту, дабы можно было имѣть надъ ними надзоръ и не допускать ихъ срамить свой орденъ“. Визитаторъ настаиваетъ на принятіи строгихъ мѣръ противъ этихъ бродячихъ учителей.

польской Украины, Подолья и части Волыни и тотчас написал объ этомъ въ главную школу, спрашивая ее, какъ мнѣ поступить въ отношеніи къ школамъ, очутившимся за новымъ русскимъ кордономъ, и долженъ ли я передать этимъ школамъ назначенныя для нихъ медали. Въ Кременецѣ я получилъ письмо отъ секретаря главной школы, который сообщилъ мнѣ слѣдующія соображенія ея:

1) По окончаніи осмотра школъ, оставшихся (въ предѣлахъ Польши), тотчасъ отиравиться къ губернатору занятыхъ областей Кречетникову и, изложивъ цѣль своей командировки, просить его, не позволить ли онъ осмотрѣть школы, отошедшія за кордонъ. Въ случаѣ отказа въ осмотрѣ школъ, просить его о позволеніи по крайней мѣрѣ получить деньги за учебники, принадлежащіе главной школѣ и въ теченіе двухъ лѣтъ продававшіеся (при школахъ), и одѣлать счетъ непроданнымъ книгамъ.

2) Въ томъ же случаѣ назначенныя для этихъ школъ медали привезти въ Краковъ.

3) Устрашеніе могущихъ встрѣтиться затрудненій главная школа предоставляетъ собственной находчивости визитатора.

Представляю отчетъ въ исполненіи этихъ порученій.

1) Тотчасъ по полученіи означеннаго письма я отправился изъ Кременца за новый русскій кордонъ, прямо въ Лабунь, въ которомъ Кречетниковъ имѣлъ свою резиденцію. Прибывши въ Острогъ, я узналъ здѣсь, что въ это самое время губернаторъ выѣхалъ въ Каменецъ-Подольскій. Такъ какъ я не могъ собрать достовѣрныхъ свѣдѣній по этому предмету, то рѣшился остаться въ теченіе сутокъ въ Острогѣ и употребилъ это время на сведеніе счетовъ за учебники и на повѣрку непроданныхъ книгъ, которыя нашелъ въ надлежащей сохранности. Я ни за что не согласился на просьбу острогскихъ учителей произвести осмотръ мѣстныхъ школъ

я объяснилъ имъ, что не могу приступить къ осмотру безъ разрѣшенія едѣшняго правительства. Такъ какъ все еще не зналъ подтверждалось нѣвѣстіе о выѣздѣ губернатора въ Каменецъ - Подольскій, то я снова направился въ Лабунь чрезъ Заславль. Но тутъ я получилъ печальное извѣстіе (szcztła wiadomość) о смерти Крестникова, постигшей его въ Межибожѣ, по дорогѣ въ Каменецъ. Не заставши въ Лабунѣ вице-губернатора и узнавши, что время возвращенія его не извѣстно, я поѣхалъ въ Межибожъ. Здѣсь я засталъ вице-губернатора и, получивъ аудіенцію, изложилъ ему цѣль моего прѣзда. Вице-губернаторъ отвѣтилъ мнѣ, что, не будучи губернаторомъ, онъ не можетъ дать разрѣшенія на осмотръ школъ, но что если бы я приступилъ было къ осмотру, ни у кого не испрашивая на то разрѣшенія, то никто не препятствовалъ бы въ этомъ. Теперь, прибавилъ онъ, если бы я захотѣлъ получить разрѣшеніе, то долженъ былъ бы ожидать прѣзда новаго губернатора, который прѣбудетъ, можетъ быть, только чрезъ два мѣсяца. Тогда я приступилъ къ исполненію второго порученія главной школы — относительно денегъ, слѣдующихъ ей за проданныя въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ учебники. Именемъ главной школы я просилъ позволенія получить эти деньги, какъ ея собственность, и свести счеты съ проректорами о нераспроданныхъ учебникахъ, которые и переслать въ тѣ школы, какія укажетъ главная школа. Но вице-губернаторъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не можетъ и на это дать позволенія, такъ какъ дѣло идетъ о вывозѣ (за границу) денегъ. Напрасно я доказывалъ, что деньги за проданныя учебники никоимъ образомъ не могутъ быть признаны собственностью главной школы, а на перевозку ихъ нужно смотрѣть, какъ на перевозку товара. На все это я получилъ отвѣтъ, что онъ не противъ полученія во всякое время какъ денегъ, такъ и остатка учебниковъ, но въ виду настоящаго несчастнаго случая, когда губернаторъ умеръ, а другого на его мѣсто еще

нѣтъ, онъ, вице-губернаторъ, не считаетъ себя въ правѣ давать разрѣшенія по предметамъ подобнаго рода. Онъ нѣсколько разъ повторялъ мнѣ, чтобы я засвидѣтельствовалъ главной школѣ его высокое уваженіе къ учебному сословію, и что онъ будетъ считать для себя за особенную честь подтвердить это самимъ дѣломъ, и если главная школа дастъ ему возможность помочь ей въ этомъ дѣлѣ, то онъ тотчасъ по прѣздѣ новаго губернатора постарается о самомъ скоромъ и благопріятномъ рѣшеніи дѣла объ учебникахъ¹⁾.

„Что касается личнаго объѣзда мною школъ для свѣденія счетовъ съ проректорами, онъ сказалъ мнѣ, что это было бы напрасною тратою и времени, и денегъ, и не принесло бы ничего, потому что прибавилъ онъ—можно быть увѣреннымъ, что главная школа не потерпитъ въ этомъ дѣлѣ никакого убытка. Наконецъ онъ заявилъ, что каждому изъ учителей вѣдшихъ школъ дозволено будетъ выѣхать въ Польшу со всемъ своимъ имуществомъ, на что каждому безпріятственно данъ будетъ паспортъ. Получивъ такой отвѣтъ, я просилъ о выдачѣ мнѣ паспорта для свободнаго возвращенія, каковой мнѣ тотчасъ и былъ выданъ“.

2) Медали, соответствующи рѣшенію главной школы, я сохранилъ и при семъ представляю ихъ: золотыхъ 3, серебряныхъ 20“.

3) Далѣе вице-губернаторъ описываетъ свою поѣздку для свѣденія счетовъ съ проректорами за учебники и для личныхъ условій по этому дѣлу съ базилианскимъ провинціаломъ: былъ

.....

.....

1) Школы, отомедія за двѣ русскія кордонъ, были слѣдующія: академическія—въ Винницѣ, Житомирѣ и Каменцѣ; базилианскія—въ Острогѣ, Любарѣ, Овручѣ, Каневѣ, Уманн, Шаргородѣ и Барѣ; пiarская—въ Межирѣччѣ. Отъ всѣхъ этихъ школъ (кромя межирѣчская) слѣдоваго главной школѣ получить за учебники 19,080 злот. и 20 грошей.

онъ въ Винницѣ и Каменцѣ, искалъ провинціала въ Любарѣ, Бѣлиловѣ и въ Барѣ, свелъ счеты за учебники, но нигдѣ не принялъ за нихъ денегъ, распорядившись только хранить ихъ въ школьныхъ кассахъ впредь до распоряженія со стороны новаго правительства, а самъ вернулся въ Краковъ¹⁾).

¹⁾ Намъ не известно, получила-ль краковская главная школа эти деньги.

Русскія школы и обученіе русскому языку въ Привислянскомъ краѣ до изданія указовъ 30-го августа 1864 года.

30-го августа 1874 года исполнилось 10 лѣтъ со дня изданія Высочайшихъ указовъ, положившихъ прочныя основы воспитанію и образованію въ Царствѣ Польскомъ. 12 января 1864 года открыта была первая русская гимназія въ Царствѣ Польскомъ (нынѣ 1-я Варшавская гимназія), какъ основной камень того величественнаго зданія, которое предстояло строить на основаніи этихъ указовъ. Съ тѣхъ поръ прошло всего десять лѣтъ, и въ настоящее время русскія учебныя заведенія, среднія и низшія, считаются въ Привислянскомъ краѣ сотнями, русскій языкъ служитъ органомъ преподаванія и обученія во всѣхъ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, русскій языкъ въ учебныхъ заведеніяхъ Привислянскаго края въ десять лѣтъ закончилъ самый трудный и важный свой періодъ.

И въ прежнее время въ Царствѣ Польскомъ дѣлаемо было не мало попытокъ къ устройству русскихъ учебныхъ заведеній, много было потрачено усилій на обученіе русскому языку въ польскихъ училищахъ, установлено было въ нихъ одно время даже преподаваніе на русскомъ языкѣ, назначаемы были въ гимназіи русскіе директоры, инспекторы, учителя, даже русскіе „дядьки“... Но въ 1864 году новая учебная организація застала здѣсь только память объ этихъ

долгихъ попыткахъ и тяжелыхъ усилiяхъ; все дѣло русскаго обученiя пришлось начинать какъ бы вновь. Естественно рождается вопросъ: почему же эти напряженныя усилiя и старанiя остались безплодными и не привели къ желаннымъ цѣлямъ?

Мы вовсе не претендуемъ въ настоящемъ очеркѣ представить полную картину означеннаго нами періода. Для этого потребовался бы гораздо болѣе обширный трудъ. Мы хотимъ только указать важнѣйшіе факты и намѣтить пункты будущей его разработки.

I.

(1815—1831 г.).

Вслѣдъ за образованiемъ по вѣнокому конгрессу Царства Польскаго, прибыли въ этотъ край нѣсколько русскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; кромѣ того, какъ въ Варшавѣ, такъ и въ нѣсколькихъ другихъ городахъ расквартированы были небольшіе ряды русскихъ войскъ. Эти новые поселенцы застали здѣсь не малое число русскихъ военныхъ лицъ, оставшихся въ разныхъ мѣстахъ то за ранами, то за болѣзнію или по другимъ причинамъ; частью во время преслѣдованiя наполеоновской арміи, частью при возвращенiи нашихъ войскъ изъ парижскаго похода. Нѣкоторые изъ нихъ уже вышли изъ службы, получили пенсію и, женившись на полякахъ, поселились здѣсь на постоянное жительство. Эта небольшая семья православныхъ русскихъ радушно принята была не малою семейю грековъ, занимавшихся торговлею дѣлами и имѣвшихъ здѣсь въ то время 5 православныхъ церквей (въ Варшавѣ, Люблинѣ, Петроковѣ, Камишѣ и Радомѣ), укрытыхъ отъ глазъ мѣстнаго фанатизма въ сараяхъ и на чердакахъ¹⁾. Но русскіе пришельцы нашли здѣсь

¹⁾ Въ 1828 году Св. Синодомъ командированъ былъ московскій протоіерей Дмитріевъ для ревизіи этихъ церквей и устройства изъ нихъ особаго благочинiя. Дмитріевъ нашелъ при всѣхъ пяти церквяхъ 416 прихо-

и православный русский монастырь (Яблоченский, Съдлецкой губернии, Бѣльскаго уѣзда, близъ деревни Яблочной), и цѣлый православный приходъ (дер. Дрогичинъ, той же губ., Соколовскаго уѣзда) исконныхъ русскихъ поселенцевъ этого края, которые въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ оставались вѣрными православной вѣрѣ, тогда какъ все населеніе вокругъ нихъ приняло унию или католичество. Въ окрестностяхъ г. Сувалокъ оказалось до 70 поселковъ русскихъ раскольниковъ, въ числѣ свыше 3,000 душъ, поселившихся здѣсь въ разныя времена, особенно при Петрѣ Великомъ. Это населеніе удивительно сохранило цѣлость и свѣжесть русскаго типа. Хорошо владѣя польскимъ языкомъ въ сношеніяхъ съ поляками, оно употребляло въ своей средѣ только русскій языкъ во всей его неприкосновенности и чистотѣ. Домашніе мастера и мастерицы книжнаго дѣла учили дѣтей грамотѣ по старымъ книгамъ и приготовляли начетчиковъ. Но вся эта колонія русскихъ, православныхъ и раскольниковъ, была слишкомъ незначительна въ сравненіи съ тѣмъ кореннымъ русскимъ населеніемъ Царства Польскаго, которое жило между Бугомъ и Вислою, находилось нѣкогда въ тѣсной связи со всею Русью и потому обречено было на долгую безвыходную борьбу съ Польшою. Это населеніе въ то время хранило свой русскій языкъ (малорусское нарѣчіе) и свое славянское богослуженіе, но, лишенное образованнаго класса, павшаго въ борьбѣ съ полонизмомъ, состоя изъ однихъ крестьянъ и духовенства, смутно помнило свою связь съ Русью и требовало просвѣщеннаго братскаго участія, чтобы поднять и укрѣпить чаемое духъ свой. Этого народонаселенія считалось тогда больше 300,000. Слѣ-

жанъ, не считая русскихъ, которые не были записываемы греками въ церковныя вѣдомости. Послѣ устройства благочинія и подчиненія его волынскому архіепископу, къ этимъ церквамъ назначаемы были русскіе священники (Опис. Варшавск. епархіи протоіерея Лотоцкаго. Варшава, 1863 г.).

дѣя смутнымъ преданіямъ своей старины, оно имѣло во многихъ мѣстахъ при своихъ церквахъ школы, въ которыхъ дѣтки обучали дѣтей на природномъ ихъ языкѣ чтенію церковно-славянскихъ книгъ и церковному пѣнію. Духовенство въ домашнемъ своемъ быту употребляло языкъ русскій, на которомъ произвело, за рѣдкими исключеніями, всѣ церковныя записи, какъ-то: метрики, исповѣдныя описки, поминальнички и т. п. До 1830 года все это населеніе находилось въ церковно-иерархической зависимости отъ львовскаго митрополита и въ тѣсномъ единеніи съ русскимъ населеніемъ Галиціи, а потому во многихъ отношеніяхъ расположено къ усвоенію тѣхъ началъ, которыя отыскивались для него въ тѣсномъ политическомъ единеніи со всею Россіею, подъ охраною русскою власти.

Въ короткое время (1794—1807) прусскаго и австрийскаго владычества, на всемъ пространствѣ Царства Польскаго появились нѣмецкія училища: въ Варшавѣ устроена была тогда нѣмецкая гимназія (четыре класса) съ ремесленнымъ и педагогическимъ отдѣленіемъ; въ каждой приходѣ евангелическомъ и въ каждой общинѣ устроены были кантораты, какъ необходимѣйшія опоры для нѣмецкой силы и вліянія въ край. Въ Царствѣ Польскомъ, тогдашнѣ послѣ учрежденія его, русскихъ, пришлыхъ и коренныхъ, оказалось гораздо больше, чѣмъ нѣмцевъ. Опираясь на мѣстное русское населеніе, Россія имѣла бы образъ стать твердою ногою въ Польшѣ и скоро порѣшить польскій вопросъ. Но въ самой Россіи въ то время мало сознавали великую силу школы и смутно представляли даже племенное родство съ кореннымъ русскимъ населеніемъ края Царство Польское находилось только въ личномъ соединеніи съ Россіею, и все мѣстное русское населеніе, коренное и пришлое, очутилось подъ вліяніемъ отдѣльной польской администраціи и особаго законодательства, образованныхъ на основаніи дарованной полякамъ конституціи. Эта конституція прежде всего за-

явила, что она признаетъ въ Царствѣ Польскомъ лишь польскую народность. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новой администраціи было (въ 1817 г.) распоряженіе объ устройствѣ начальныхъ училищъ, изданное Правительственной Комиссіею внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Подтвердивъ все постановленія по этому дѣлу, изданныя бывшею Эдукаціонною Палатою въ 1808 году¹⁾, по случаю наступившихъ въ краѣ военныхъ дѣйствій, не приведенныхъ въ исполненіе, Правительственная Комиссія устроила въ каждомъ приходѣ и въ каждомъ городѣ особые *училищныя дозоры*, состоявшіе изъ помѣщика, ксеслава и солтыса (въ городахъ — бургомистра), назначаемого помѣщикомъ, и этимъ дворамъ, подъ руководствомъ *организаторовъ*, избираемыхъ для каждаго воеводства воеводскими (губернскими) комиссіями, ввѣрилось все устройство и управление училищами. Не уважая ни курса, ни программъ, ни предметовъ обученія въ начальныхъ училищахъ, Правительственная Комиссія все это предоставляла усмотрѣнію организаторовъ и училищныхъ дозоровъ, убѣждая ихъ „стараться о распространеніи и поддержаніи столь важныхъ учрежденій, не смущаясь затрудненіями, могущими представиться въ началѣ дѣла, разыскивая средства унять препятствія, не щадя трудовъ и возбуждая словомъ и совѣтомъ *ту ревность, которая свойственна полякамъ*, всегда столь заботливымъ о благѣ народа“²⁾. Когда приступлено было, на основаніи этого распоряженія, къ устройству училищъ, оказалось, что воеводскія комиссіи, организаторы и помѣщики, „съ ревностью, которая свойственна полякамъ“, не допускали въ народныхъ училищахъ много языка, кромѣ польскаго, въ средѣ

¹⁾ Постановленія Эдукаціонной Комиссіи 1808 г. были первымъ актомъ заботливости польскаго правительства о народномъ образованіи.

²⁾ Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія, Т. I, № 10.

населенія какъ нѣмецкаго, такъ и русскаго. Нѣмцы тотчасъ вступили въ борьбу съ организаторами, отставивъ свои школы и свой языкъ. Русскіе раскольники отказались и отъ училищныхъ дозоровъ, и отъ училищъ; русскіе прищельцы, по своей малочисленности, вовсе не думали о русскомъ училищѣ для нѣсколькихъ солдатскихъ и офицерскихъ дѣтей. Но русскіе греко-уніаты, дилетанты образованнаго класса, не могли выдерживать никакой борьбы за свои церковныя школы. Эти школы принуждены были укрываться отъ глазъ организаторовъ, пустѣли и постепенно закрывались. Въ разныхъ мѣстахъ принялись первыя польскія школы для греко-уніатскихъ крестьянъ.

Въ 1820 г. былъ изданъ новый уставъ среднихъ учебныхъ заведеній — училищъ воеводскихъ (губернскихъ) и окружныхъ (уѣздныхъ). Въ этомъ уставѣ не было и помину о русскомъ языкѣ¹⁾, и это было тѣмъ большею несправедливостью, что въ то же время польскій языкъ введенъ былъ русскимъ правительствомъ въ программы всехъ русскихъ учебныхъ заведеній сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, даже въ православныхъ духовныхъ семинаріяхъ и въ Кіевской духовной академіи, въ которыхъ онъ оставался до 1840 года. Въ уставѣ ничего не сказано также о русской исторіи и географіи. Зато уставъ требовалъ отъ учителей — въ преподаваніи польскаго языка и словесности „изображать характеры героевъ или знаменитыхъ государственныхъ мужей, описаніе сраженій, преимущественно изъ *отечественной* (польской) исторіи“, а въ преподаваніи географіи — „излагать подробныя свѣдѣнія о пространствѣ и раздѣленіи *древней Польши*“. Курсъ польской исторіи растянуть былъ на пять лѣтъ (во II и III классахъ курсъ

¹⁾ Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго. Відомство просвѣщенія. Уставъ воеводскихъ училищъ (гимназій) т. II, № 7; Уставъ окружныхъ (уѣздныхъ) училищъ № III, №№ 12—16.

приготовительный, въ IV—VI—обширный), при чемъ, какъ исключеніе изъ общаго правила, по которому для каждаго предмета положены были обстоятельныя программы, изданныя при самомъ уставѣ, для исторіи не указана была программа, то-есть, преподаваніе ея предоставлено было личному усердію патріотовъ.

Въ 1823 году комиссія просвѣщенія, уступая настояніямъ русскихъ правительственныхъ лицъ, дозволила преподаваніе русскаго языка въ публичныхъ училищахъ. Но при этомъ она объявила его предметомъ необязательнымъ, не назначила ни учителей, ни платы за преподаваніе и не издавала учебниковъ. По старанію нѣкоторыхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ учебныхъ заведеній, въ разныхъ мѣстахъ нашлись ученики, пожелавшіе изучать русскій языкъ, нашлись и учителя, способные къ преподаванію его, началось самое обученіе. Но на просьбы о вознагражденіи этихъ учителей, объ изданіи руководствъ и пособій комиссія просвѣщенія до конца означеннаго періода, то-есть до 1831 года, отвѣчала отказомъ, и хотя съ 1826 года польское правительство, подъ вліяніемъ особыхъ побужденій, стало обращать вниманіе на русскій языкъ и русскую исторію въ учебныхъ заведеніяхъ, однако комиссія просвѣщенія не одѣлала ничего для означенной цѣли.

Въ 1823 году при Варшавскомъ университетѣ была открыта, подъ ближайшимъ руководствомъ варшавскаго римско-католическаго архіепископа, главная семинарія для воспитанниковъ „римско-католическаго и греко-уніатскаго исповѣданія“, которые могли въ ней „совершенствовать себя въ высшихъ наукахъ, относящихся къ духовному званію, находились подъ приличнымъ надзоромъ и, сверхъ преподаваемыхъ такъ наукъ, *практически упражнялись въ важныхъ обязанностяхъ духовнаго сана*“¹⁾. Въ пользу греко-

¹⁾ Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія. т. VI, № 18.

униатской церковной практики, различающейся от католической всею своею системою, равно какъ въ полъву родного для мѣстныхъ униатовъ языка, не отдѣлано при этомъ никакого исключенія, и греко-униатское исповѣданіе во всѣхъ своихъ церковныхъ и народныхъ отношеніяхъ вполнѣ слито было съ польскимъ католичествомъ.

Только въ Калишскомъ кадетскомъ корпусѣ, основанномъ въ 1818 году и находившемся въ особомъ завѣдываніи великаго князя Константина Павловича, въ 1822 году русскій языкъ отдѣланъ былъ обязательнымъ предметомъ, при чемъ тогда же назначенъ былъ въ этотъ корпусъ учитель русскаго языка Цигулевскій, бывший учителемъ Минской духовной семинаріи, который, такимъ образомъ, былъ первымъ и до 1833 года единственнымъ официальнымъ преподавателемъ русскаго языка въ Царствѣ Польскомъ. Такъ какъ въ корпусѣ всегда обучалось не мало дѣтей русскихъ офицеровъ, то вмѣстѣ съ учителемъ русскаго языка назначенъ былъ и законоучитель православнаго исповѣданія—священникъ Василій Борисевичъ (изъ воспитанниковъ Кіевской духовной академіи), который такимъ образомъ былъ первымъ официально допущеннымъ православнымъ законоучителемъ въ Царствѣ Польскомъ.

Но между тѣмъ какъ новая польская администрація вовсе не допускала русскаго языка въ учебныя заведенія, поляки давно уже признавали нужду въ этомъ языкѣ, и многіе изъ нихъ научали его весьма усердно. Первая русская грамматика для поляковъ была напечатана базилянскимъ монахомъ М. Любовецкимъ въ Почаевѣ въ 1778 году, то-есть, за 16 лѣтъ до послѣдняго раздѣла Польши и до присоединенія Волыни къ Россіи¹⁾. Авторъ посвятилъ эту грамматику

¹⁾ Grammatyka rossyjska. Przez M. Lubowiecza. Poczaw, 1778. Составлена по грамматикѣ Ломоносова.

извѣстному вельможѣ и непримиримому врагу Россіи, князю Адаму Чарторыйскому. Въ посвященіи онъ говоритъ, что вызванъ былъ къ этому труду, тѣмъ особеннымъ вниманіемъ, которымъ русскій языкъ подается въ домѣ князя, что онъ нѣсколько дѣтъ назадъ представлялъ князю свою грамматику въ рукописи, но тотъ пристыдилъ автора, указавъ ему много грубыхъ ошибокъ, потребовавшихъ продолжительнаго изученія нѣкоторыхъ особенностей русскаго языка и многихъ исправленій. Извѣстна также *Grammatyka Rossyjska*, напечатанная въ Полоцкѣ въ 1770 году. Съ присоединеніемъ сѣверо-западныхъ областей къ Россіи и въ особенности съ образованіемъ Виленскаго и Кременецкаго учебныхъ округовъ (1804 г.), изученіе русскаго языка между поляками стало распространяться особенно сильно. Учебники русскаго языка для разныхъ возрастовъ постоянно умножались¹⁾ Попечитель Виленскаго округа князь Адамъ Чарторыйскій, сынъ того, о которомъ упоминали мы сейчасъ, поощрялъ эти занятія между учеными и въ обществѣ. Лелевель, Мицкевичъ основательно изучили русскій языкъ и восхищались имъ. Въ Вильнѣ образовался цѣлый кружокъ любителей русской литературы, который вступилъ въ близкія сношенія съ извѣстнымъ покровителемъ занятій русскою стариною Румянцевымъ и съ русскими археологами и писателями. Въ Кременецкомъ округѣ занятія русскимъ языкомъ были не столь успѣшны, но встрѣчали ревностную поддержку со стороны тамошняго попечителя Чацкаго. Профессоръ русскаго языка въ лицѣ Стрѣлецкій, въ своей первой лекціи въ 1805 году, въ присутствіи Чацкаго, говорилъ, обращаясь къ нему: „ты признаешь русскій языкъ необходимымъ и нео-

¹⁾ Кромѣ буквarei и книгъ для чтенія, извѣстны грамматики русскаго языка для поляковъ, напечатанныя въ Вильнѣ: въ 1800 году неизвѣстнаго автора переводъ русской грамматики для народныхъ имперскихъ училищъ, въ 1805 году—грамматика Бродовскаго, въ 1809—Вутовскаго; въ томъ же году и въ 1811—Дворжецкаго и другихъ.

наукою и изученіе его поставилъ между первыми обязанностями" (учащихся)¹⁾. Въ средѣ римско-католическаго духовенства сѣверо-западнаго края не мало было тогда любителей русскаго языка, готовыхъ ввести его въ костелы. Въ 1808 году шарскій монахъ Модестъ Стаевичъ издалъ въ Петербургѣ: *Rozsуждение о русскомъ языкѣ*, хотя лишенное ученыхъ достоинствъ, но написанное съ одушевленіемъ и такимъ прекраснымъ языкомъ, какимъ владѣли въ то время весьма немногіе изъ извѣстныхъ русскихъ писателей. Онъ же издалъ въ Вильнѣ въ 1826 году: *Ручной російско-польскій словарь*, показывающій въ авторѣ основательное знаніе русскаго языка. Представитель католическаго духовенства митрополитъ Сестрэнцевичъ не только поощрялъ занятія русскимъ языкомъ, но готовъ былъ обрубить католичество сѣверо-западнаго и юго-западнаго края.

Такое движеніе въ пользу русскаго языка въ Вильнѣ и Кременцѣ скоро отразилось и въ самой Варшавѣ. Здѣсь печатались учебники русскаго языка еще съ прошлаго вѣка, когда Варшава считалась прусскимъ городомъ. Такъ, въ 1795 г. напечатанъ былъ: *Łatwy sposób nauczenia się po rossyjsku i po polsku czytać i pisać w różnych odmianach liter, tak druku, jako też i skoropisu, z przydatniem rozmów, wierszów, anekdotów, przez F. J. M. (Franciszka Jakę Makulskiego). Warszawa 1795 r.* (Легкій способъ научиться читать и писать по-русски и по-польски какъ по печатнымъ книгамъ, такъ и по скорописи, съ соединеніемъ разговоровъ, стиховъ, анекдотовъ). Авторъ изданнаго въ Варшавѣ въ 1825 году русско-польскаго словаря Якубовичъ говоритъ (см. прибавленіе въ концѣ 2-го

¹⁾ Эта лекція напечатана была польскимъ ученымъ Банде въ журналѣ „Pamiętnik Warszawski“ въ 1815 году. Отрывокъ изъ нея помѣщенъ въ предисловіи къ русско-польскому словарю Якубовича, изд. въ Варшавѣ, въ 1825 г.

тома), что у него имеется рукопись подъ заглавіемъ: *Начальная наука польская съ русскойю, 1795*. Въ 1809 и 1811 годахъ, во времена Варшавскаго герцогства, когда поляки, упоенные надеждами на Наполеона, меньше всего думали о подчиненіи Россіи, въ Варшавѣ (одновременно и въ Вильнѣ) выдержали два изданія: „Grammatyka języka gosyjskiego dla młodzi szkolnej, napisana przez Jana Bodanowicza Dworzeckiego“ (составленная отчасти по Домоносову, но, большею частію, по русской грамматикѣ, изданной въ 1802 году для студенто́въ Московскаго университета). Краковскій профессоръ, ученый историкъ Бандке, въ своемъ разсужденіи о языкахъ русскомъ, чешскомъ и польскомъ, напечатанномъ въ Варшавѣ въ 1815 году („Pamiętnik Warszawski“, № 8), привелъ вступительную лекцію о русскомъ языкѣ Стрѣлецкаго (см. выше), говоритъ: „изучать этотъ *прекрасный* языкъ, вмѣстѣ съ старымъ церковнымъ языкомъ и въ сравненіи съ другими славянскими нарѣчіями, и совѣтовалъ бы каждому поляку, чеху и каждому славянину, гдѣ бы онъ ни жилъ“. Варшавскій ученый, составитель известнаго сравнительнаго словаря славянскихъ нарѣчій, Линде въ 1815 и 1816 гг. напечаталъ (въ томъ же варшавскомъ журналѣ) обширный разборъ изданнаго въ то время: *Опытъ русской библіографіи* Сопикова. По словамъ самого Линде¹⁾, этотъ трудъ его принятъ былъ, не только въ средѣ мѣстныхъ ученыхъ, но и въ обществѣ польскомъ, „чрезвычайно милостиво“ и „обратилъ общественное вниманіе на богатство русской литературы и на тѣсную связь ея съ литературою польскою. Съ тѣхъ поръ Линде прекратилъ занятія своимъ словаремъ и занялся исключительно русскою

¹⁾ См. предисловіе къ изданной имъ въ 1823 году на польскомъ языкѣ „Исторіи русской литературы“ Греча, о чемъ ниже. Статья Линде напечатана въ русскомъ переводѣ, въ 1816 году, въ „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго, №№ 22—24.

литературою. Напрасно известный тогда польскій меценатъ графъ Оссолинскій побуждалъ его продолжать словарь, описавшій ему славу между учеными и патриотами: Линде уже не чувствовалъ себя въ силахъ оторваться отъ русскихъ писателей (известно, что онъ не кончилъ словаря). Въ 1823 году онъ издалъ въ Варшавѣ въ польскомъ переводѣ „Исторію русской литературы“ Греча¹⁾ съ прибавленіемъ къ ней статей изъ сочиненій Батюшкова, Вестулева, Булгарина, Каченовскаго, Карамзина, Кеппена, Корниловича, Вяемскаго. Въ обширномъ предисловіи къ этому изданію Линде разсматриваетъ труды русскихъ писателей по исторіи ихъ литературы и въ концѣ дѣлаетъ наставленіе относительно употребленія русскимъ языкомъ. Онъ скорбитъ при этомъ, что польскій языкъ утратилъ много старинныхъ словъ и замѣнилъ ихъ часто гурдливыми словами, тогда какъ они сохранились въ русскомъ языкѣ, на примѣръ, *тосерь, волна*,—онъ совѣтуетъ полякамъ принимать въ свой языкъ изъ русскаго все, что есть въ немъ славянскаго, не только въ леконконѣ, но и въ грамматическихъ формахъ. Относительно переводовъ съ русскаго на польскій языкъ онъ замѣчаетъ, что нужно строго держаться русскаго подлинника, не измѣняя безъ особенной нужды ни строкъ рѣчи, ни формъ языка, и приводить для этого слѣдующій примѣръ: „Какъ можно сѣять науки тамъ, гдѣ осенью серпъ земледѣльца пожинаетъ рѣдкіе klasy на браздахъ, потомъ его орошенныхъ“—слѣдуетъ перевести: „Jak można siać nauki tam, gdzie w jesieni sierp ziemianina pożyna rzadkie kłosy na bródach, potem jego oroszonych“ и т. п.

Еще раньше, а именно, въ 1819 году, Гродзинскій напечаталъ на польскомъ языкѣ переводъ „Практической рус-

¹⁾ Mikołaja Gracza Rys historyczny literatury rosyjskiej z rosyjskiego przez Samuela Bogumiła Linde. Warszawa. 1823 г. Съ портретомъ канцлера графа Румянцева. Посвящена Новосильцеву.

ской грамматики“, изданной на нѣмецкомъ языкѣ бывшимъ профессоромъ Московскаго университета Іоанномъ Рейлохъ¹⁾. При этой грамматикѣ переводникъ приложилъ русскую христоматию въ прозѣ и стихахъ и русско-польскій словарь. Авторъ посвящаетъ свое изданіе великому князю Константину Павловичу. Въ предисловіи къ русской христомати онъ говоритъ: „Многіе изъ любителей русскаго языка, *имѣя охотою къ изученію русскаго языка*, издавна желаютъ имѣть такія книги, по которымъ они могли бы составить себѣ о ней понятіе. Намыслю наградою я счелъ бы для себя, если бы трудъ мой послужилъ къ облегченію изученія *одного изъ обильныхъ и прекрасныхъ языковъ*, который множествомъ своихъ произведеній, доселѣ не извѣстныхъ иностранцамъ, современнымъ сдѣлается для всѣхъ интереснымъ“.

Въ 1820 году профессоръ Варшавскаго университета Владиславъ Раковскій издалъ въ Варшавѣ „Русскую Правду“²⁾. Въ предисловіи авторъ, доказывая важность изученія старославянскаго языка и убѣждая своихъ соотечественниковъ оставить старыя политическія счеты, вредно повліявшіе на занятія въ Польшѣ этимъ языкомъ, съ увлеченіемъ говорить, что „русскій языкъ наиболее близокъ къ старославянскому“, что русскій народъ всегда уважалъ оной языкъ и сохранилъ его чистоту гораздо больше, чѣмъ удалось это полякамъ относительно языка польскаго; что многіе слова и обороты въ русскіихъ памятникахъ, чуждые нынѣшнему цѣльскому языку поляковъ, встрѣчаются въ сочиненіяхъ старыхъ польскихъ писателей и доселѣ живутъ въ простонародномъ говорѣ Великой и Малой Польши и польской Галиціи.

¹⁾ Praktyczna Rosyjska Grammatyka z wypisami z różnych rosyjskich autorów i słownikiem, ułożona przez Jana Heim, przełożona dla użytku polaków podług ostatniej poprawnej i powiększonej edycji przez M. Grodzickiego. W. Wroslawin 1819 r.

²⁾ Prawda ruska czyli Prawa Wielkiego Księcia Jarosława Władymirowicza. Warszawa, 1820—1820 г., съ приложеніемъ договоровъ Олега, Игоря и Мстислава Давидовича.

Въ 1825 году напечатанъ былъ въ Варшавѣ первый и весьма обстоятельный русско-польскій словарь¹⁾. Авторъ его, поручикъ польскихъ войскъ Антоній Якубовичъ, въ предисловіи къ этой книгѣ, говоритъ, что онъ задумалъ ее въ виду усилившагося въ польскомъ обществѣ, особенно подъ вліяніемъ Линде, стремленія къ изученію русскаго языка. Необходимость для поляковъ подобнаго изученія онъ видитъ не только въ политической связи Польши съ Россією, но и въ достоинствахъ русокой литературы.

Что занятія русскимъ языкомъ распространялись въ это время въ Царствѣ Польскомъ не только между учеными и въ высшемъ обществѣ, но и въ народѣ, видно изъ того, что дешевыя виленскія изданія учебниковъ русскаго языка появлялись здѣсь во множествѣ, а также печатались они и въ Варшавѣ. Въсѣтъ съ тѣмъ, въ экзаменаціонный комитетъ поступали просьбы отъ разныхъ лицъ о дозволеніи имъ заниматься частными уроками русскаго языка и получать патенты на званіе частныхъ учителей этого языка.

Но если занятія русскимъ языкомъ такъ распространились въ Царствѣ Польскомъ, то почему же тамошнее правительство не узаконило и не упрочило его въ учебныхъ заведеніяхъ? Стремленіе къ изученію русскаго языка идетъ въ Польшѣ двумя путями: въ массѣ изучаютъ его въ силу простой и рѣшительной необходимости, подъ вліяніемъ близкихъ разнообразныхъ сношеній съ Россією и русскимъ народомъ. Но въ высшихъ классахъ господствуютъ иного рода побужденія: мечты объ обширныхъ національныхъ завоеваніяхъ.

¹⁾ Słownik rossyjsko-polski, ułożony podług słowników Akademii rossyjskie pierwszego i późniejszego wydania, pomnożony wyrazami technicznemi, Warszawa, 1825—1828 г. Посвященъ императору Александру I. Авторъ обѣщалъ издать такой же словарь польско-русскій, но не исполнилъ обѣщанія. До появленія словаря Якубовича, печатались небольшіе русско-польскіе словари, при различныхъ учебникахъ русскаго азыка, весьма не достаточные и часто не вѣрные.

ніяхъ въ средѣ народа русскаго, подогрѣтыя надеждами на присоединеніе къ Царству Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни, Подолья, Украйны,—вотъ что заставляло патриотовъ усердно заниматься русскимъ языкомъ. Въ указанной нами лекціи профессора Стрѣлецкаго этотъ ученый говоритъ, обращаясь къ Чацкому: „Ты желаешь, чтобы ученикъ на многихъ языкахъ благословлялъ *одно отечество*“,—и потомъ онъ напоминаетъ своимъ слушателямъ проповѣдь, сказанную въ тотъ же день на молебнѣ предъ началомъ ученія коендвомъ, возбуждавшимъ въ учащихся горячую любовь къ отчизнѣ. Митрополитъ Сестрэнцевичъ готовъ былъ обрушить католичество, но только подъ условіемъ свободной пропаганды его въ средѣ униатовъ и православныхъ. Даже такой серьезный ученый, какъ Линде, съ восторгомъ обрацаетъ вниманіе поляковъ (въ предисловіи къ Исторіи литературы Греча) на то, что Гречь называетъ XVII вѣкъ въ русской литературѣ періодомъ *польскимъ* (какъ предыдущіе періоды онъ называлъ татарскимъ и византійскимъ), и на признаніе тѣмъ же непризнаннымъ филологомъ малороссійскаго говора „областнымъ польскимъ нарѣчіемъ“ и видитъ не только въ Петрѣ Могилѣ, Голятовскомъ, Симеонѣ Полоцкомъ, Славинецкомъ и друг., но даже въ Теофанѣ Прокоповичѣ—орудія польской цивилизаціи въ Россіи. Только немногіе ученые изъ поляковъ, устранивъ всякіе политическіе счеты, занимались, такъ сказать, безкорыстно изученіемъ русскаго языка.

Польская мѣстная администрація вполне отвѣчала этому общему настроенію относительно русскаго языка. Она была увѣрена, что, не препятствуя его изученію въ школахъ, сдѣлала съ своей стороны все, что могла, но рѣшительно устранилась отъ мысли объ обязательности его для поляковъ. Въ 1826 году поляки убѣдились, какъ обманчивы ожиданія ихъ о возвращеніи бывшихъ польскихъ областей и о роли ихъ въ русской имперіи. Съ этого времени не появляется въ

польской литературѣ ничего, подобнаго трудамъ или отзывамъ о русскомъ языкѣ Бандке, Линде, Раковского, Гродзинскаго, Якубовича и друг.

Къ сожалѣнiю, лучшiе филологи того времени, вполне оцѣнившiе изученiю русскаго языка поляками, не успѣли ни приготовить учебниковъ по идеямъ Линде, Бандке, Раковского и другихъ, ни даже опредѣлить частныя приемы и способы его преподаванiя. Въ массѣ учебниковъ, изготовленныхъ до 1831 года для училищъ Вѣлорусскаго и Кременецкаго округовъ и для частнаго преподаванiя въ Царствѣ Польскомъ, этотъ „прекрасный“, „богатый“ языкъ являлся совсѣмъ инымъ. Лучшiе изъ учебниковъ—тѣ, которые отличаются правильностью русскаго языка, достаточною полнотою и общими удобствами системы (Бутовскаго, Гейма, отчасти Бржевинскаго, Рейфа и нѣкоторыхъ другихъ). Но какъ въ этихъ, такъ и въ остальныхъ, порожденныхъ незатѣйливою спекуляцiею, русскiй языкъ является почти столь же чуждымъ для поляковъ, какъ языки нѣмецкiй и французскiй. Обыкновенный приемъ, происходившiй, можетъ быть, изъ желанiя показать тонкое пониманiе языка, состоялъ въ приискиванiи для польскаго слова русскаго значенiя, различнаго отъ него по корню и по формѣ, когда въ русскомъ имѣется такое же слово съ тѣмъ же значенiемъ; напримѣръ, слово *droga* переводили словомъ *путь*, *chytrość*—*коварство*, *hardy*—*теснотный*, *dobrość*—*благость*, *strogosc*—*лютость* и т. д. Линде совѣтовалъ (въ предисловіи къ Исторiи литературы Грека) безъ крайней нужды не употреблять пришлыхъ, не свойственныхъ духу польскаго языка, формъ и замѣнять ихъ благозвучными русскими, совершенно свойственными и польскому языку, напримѣръ, форму *tańcować* онъ требовалъ замѣнять русскою *танцовать*—*tańcować* и т. п. Но ни одинъ учебникъ, ни одно руководство не коснулось этой задачи, и строго соблюдали чуждыя формы въ польскомъ языкѣ. Невѣжество иногда безъ всякой нужды замѣняло совершенно законныя

русскія формы уловными польскими, на примѣръ, въ букварѣ, появившемся въ Вильнѣ въ 1827 году и выдержавшемъ нѣсколько изданій: *найчастей* (najczęściej—наичаще), родная (rodzina, rodzina—родная)... Какія есть планеты намъ *знамыя*?... Какіе есть знаки *зодіакальные*?... Кушанье очень хороше пристряпано...“ Въ сборникахъ и книгахъ для чтенія характеристическою чертою является крайняя боязнь и неумѣлость въ отношеніи ко всемъ вопросамъ, издавна раздѣлявшимъ Русь и Польшу на два враждебные лагеря. Въ произведенія русскихъ писателей, въ которыхъ имѣются хотя бы отдаленные намеки на эти вопросы, тщательно обходятся авторами сборниковъ. Много прекрасныхъ русскихъ произведеній стали запретнымъ плодомъ для поляковъ, и горизонтъ русской литературы слишкомъ суживался въ глазахъ ихъ. Вместо того, были составляемы самими издателями, или заимствуемы изъ произведеній второстепенныхъ русскихъ авторовъ, статьи безцвѣтныя, часто пустыя по содержанию и плохія по языку.

II.

(1831—1839 г.).

1831 годъ разрушилъ планы поляковъ и измѣнилъ отношенія правительства къ Царству Польскому. Таможняя національная армія была распущена и замѣнена русскою, такъ же, какъ и вся внутренняя и пограничная стража; уничтоженъ былъ сеймъ и все избирательныя учрежденія, служившія главными рычагами мятежа; закрыты были учебныя заведенія, ибо значительная часть служившихъ въ нихъ и учениковъ приняли участіе въ возстаніи. Во главѣ управленія краемъ явились русскія лица, при которыхъ состояло не мало русскихъ чиновниковъ. Въ Варшаву и въ другіе города начали стекаться русскіе купцы, мелкіе промышленники

и др., такъ что въ короткое время составила огромная семья православнаго русскаго люда. Какъ устроился при этомъ дальнѣйшій ходъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ? Рѣшено было предоставить Польшѣ развиваться своей бытѣ на собственныхъ началахъ, устранивъ только все вредныя вліянія и указывая ей направление въ вѣрности престолу и въ тѣсной связи съ Россією. Все гражданскія учрежденія, законы и языкъ польскій оставлены были въ прежнемъ ихъ значеніи и силѣ, въ томъ числѣ и составъ мѣстныхъ чиновниковъ, которые притомъ одни могли справиться съ безпорядочною массою законовъ польскихъ, прусскихъ, французскихъ, саксонскихъ, которые вмѣщаль въ себя тогдашній кодексъ Царства. На этомъ основаніи закрыты въ 1831 году учебныя заведенія вновь были открыты въ 1833 году, хотя въ болѣе ограниченномъ составѣ, но на тѣхъ же началахъ, которыми они руководились въ прежнее время.

По уставу 1833 года¹⁾, все учебныя заведенія Царства раздѣлены были на *первоначальныя*, *ободовыя* (уѣздныя) *училища* и *гимназіи*. Каждое первоначальное училище вѣрялось непосредственному надзору приходскаго коендаа и мѣстнаго декана (благочиннаго), которые должны были наблюдать за учителями, слѣдить за успѣхами дѣтей, наставлять ихъ въ религіи и нравственности. Кроме того, въ помѣщичьихъ селеніяхъ приходскія училища, вѣряются пресвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ, кои могутъ поручать смотрѣніе за одними и другимъ благонадежнымъ людямъ по своему выбору“ (§ 8). Каждое ободовое училище получало двухъ почетныхъ инспекторовъ, которые набирались — „одинъ изъ духовенства

¹⁾ Уставъ 1833 года напечатанъ на русскомъ языкѣ въ Сборникѣ административныхъ распоряженій по дѣламъ Царства Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія. Т. I в. III.

между деканами и прелатами, другой (свѣтскій) — изъ числа жителей или обводныхъ и воеводскихъ (губернскихъ) чиновниковъ“. Каждая гимназія имѣла особаго „почетнаго попечителя, избраннаго изъ среды жителей каждаго воеводства“. Почетнымъ попечителямъ и инспекторамъ принадлежалъ „надзоръ за училищами и гимназіями по всемъ частямъ“; директора и штатные инспекторы обязаны были „сообщать имъ свѣдѣнія о всехъ своихъ распоряженіяхъ“. Преподаваніе во всехъ безъ исключенія училищахъ происходило на польскомъ языкѣ: при этомъ въ первый разъ обязательно вводилось въ среднихъ училищахъ преподаваніе русскаго языка, какъ отдѣльнаго предмета, для котораго положено было по уставу въ гимназіяхъ 18 недѣльныхъ уроковъ, а въ обводныхъ училищахъ — 12. Для Закона Божія назначено было только по одному законоучителю римско-католическаго исповѣданія въ каждомъ учебномъ заведеніи, при чемъ объ ученикахъ исповѣданія греко-уніатскаго, равно какъ православнаго и евангелическаго, не отдѣлено никакихъ указаній. Въ правительственной комисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія учебное управленіе сохранило всю прежнюю свою организацію. Оно сосредоточивалось въ совѣтъ просвѣщенія, состоявшемъ изъ членовъ постоянныхъ, депутатовъ отъ католическаго и евангелическаго исповѣданій и члена отъ правительства, каковымъ въ это время былъ генералъ-майоръ Окуневъ. При совѣтѣ просвѣщенія состояли: а) экзаменаціонный комитетъ, для производства испытаній на званіе учителей; для составленія учебниковъ, программъ, инструкцій, для надзора за частными учебными заведеніями; б) визитаторы для постоянной ревизіи учебныхъ заведеній. Весь персоналъ совѣта управленія, экзаменаціоннаго комитета и визитаторовъ избранъ былъ изъ лицъ, занимавшихъ уже въ нихъ должности въ прежнее время; то же слѣдуетъ сказать о директорахъ и инспекторахъ гимназій, инспекторахъ обводныхъ училищъ и обо всехъ учите-

яхъ. Инспекторомъ Шинчовскаго обводоваго училища назначенъ былъ ксендзъ Ковальскій (оставался до смерти въ 1838 г.). Щербашинская гимназія оставалась частною гимназію графовъ ординатовъ Замойскихъ, основателей ея, и находилась лишь въ общемъ заведѣваніи учебнаго управленія: ординать самъ, или чрезъ управляющаго своего, набирая кандидатовъ на все должности въ этой гимназіи, наблюдая тѣмъ же порядкомъ за ходомъ обученія и воспитанія и т. д.

При такомъ устройствѣ учебныхъ заведеній, инородцы Царства Польскаго естественно должны были придти къ мысли объ отдѣльныхъ училищахъ для своихъ дѣтей. Нѣмцы, въ пользу которыхъ исполнители новаго устава не дѣлали никакихъ уступокъ, успѣли въ слѣдующемъ 1834 году исходатайствовать распоряженіе объ устройствѣ отдѣльныхъ начальныхъ училищъ для дѣтей евангелическаго исповѣданія¹⁾. Въ виду этого, понятно, что русскіе, для которыхъ весь польскій бытъ казался слишкомъ чуждымъ, имѣли полное право желать вполне русскихъ учебныхъ заведеній. Князь Паскевичъ раздѣлялъ это общее желаніе и въ 1833 г. поручилъ находившемуся въ то время въ Варшавѣ для разбора книгъ и бумагъ бывшаго Варшавскаго общества любителей наукъ извѣстному предсѣдателю комитета иностранной цензуры А. И. Красовскому, какъ единственному въ Варшавѣ члену министра народнаго просвѣщенія, составить проектъ учебнаго заведенія для русскихъ дѣтей въ Царствѣ Польскомъ. Русскіе были убѣждены въ необходимости близкаго вліянія на проектируемое для нихъ училище со стороны православнаго архіерея, для котораго въ то время пригото- влялась въ Варшавѣ каедрa (открытая въ 1834 г.). Но Кра-

¹⁾ Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго. Відомство просвѣщенія, т. I, № 21.

совскій пошелъ гораздо дальше. Онъ не находилъ лучшаго образца для учебныхъ заведеній, какъ духовныя семинаріи и духовныя уѣздныя и приходскія училища. Принимая во вниманіе, что въ то время въ Царствѣ Польскомъ было 6 православныхъ приходоѡвъ, 36 церквей съ 60 священниками при военномъ штабѣ и въ полкахъ, онъ полагалъ, что училища въ Варшавѣ болѣе всего нужны для дѣтей духовенства и должны вполнѣ соответствовать спеціальнымъ задачамъ его. Въ ноябрѣ 1883 года онъ представилъ князю Паскевичу свои „Мысли о заведеніи въ Варшавѣ русскихъ духовныхъ училищъ“. Проектировалось устроить въ Варшавѣ духовную семинарію, духовное уѣздное и приходское училища, безъ всякаго измѣненія ихъ сравнительно съ существовавшими въ Россіи образцами этихъ учебныхъ заведеній. Въ этихъ училищахъ, какъ полагалъ Красовскій, „могли бы воспитываться дѣти не только священно-и церковнослужителей, но и чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ“. При этомъ „дѣти свѣтскихъ родителей не обязываются обучаться всемъ предметамъ, преподающимся въ духовныхъ училищахъ: выборъ таковыхъ предметовъ отдается на волю родителей или опекуновъ. Здѣсь можно принять непремѣннымъ правиломъ то, чтобы всѣ дѣти русскихъ родителей безъ изыатія обучались русскому языку, катехизису и священной исторіи“. Ректоромъ этихъ учебныхъ заведеній, по проекту Красовскаго, долженъ быть православный архіерей, профессорами и учителями—состоящіи при немъ лица монашествующаго и блага духовенства. Князь Паскевичъ нашелъ этотъ проектъ основательнымъ; но такъ какъ на первомъ планѣ въ немъ стояли спеціальныя нужды духовенства, то онъ счелъ нужнымъ препроводить его на заключеніе Волынскому архіепископу Иннокентію, которому подчинено было въ то время духовенство Царства Польскаго; Красовскому же поручилъ спросить мнѣніе по этому дѣлу ректора Кіевской духовной академіи, извѣстнаго своею уче-

ностью и краснорѣчіемъ епископа Иннокентія. Оба преосвященные не могли смотрѣть на проектируемыя училища иначе, какъ глядѣли на нихъ въ своихъ епархіяхъ, именно—какъ на специальную духовную семинарію и училища духовныя, допускающія свѣтскихъ воспитанниковъ лишь въ качествѣ вельнослушающихъ, и поэтому оба они, исправивъ въ проектѣ нѣкоторыя неважныя частности, рѣшительно высказались за подчиненіе упомянутыхъ учебныхъ заведеній Киевской духовной академіи и комисіи духовныхъ училищъ при Св. Синодѣ. При этомъ оба преосвященные также рѣшительно высказались противъ назначенія профессоровъ и учителей изъ лицъ, которыя будутъ составлять штатъ архіерейскаго дома и собора, ибо—во замѣчанію одного изъ нихъ,— „монашествующіе при домѣ архіерейскомъ большею частію бывають и впредь будутъ изъ людей, не получившихъ образованія“; изъ соборнаго же духовенства „не всѣ могутъ быть съ ученными степенями, напримѣръ, протоіакоу къ собору наберется, боятъ сомнѣній, не по ученой степени, а по видному росту и басистому голосу“. Иннокентій киевскій предлагалъ съ своей стороны нѣсколько учителей изъ окончившихъ курсы духовной академіи. Князь Паскевичъ согласился съ мнѣніями преосвященныхъ и исправленный по указаніямъ ихъ проектъ препроводилъ въ комисію духовныхъ училищъ.

Дальнѣйшая обработка этого проекта производилась исключительно въ вѣдомствѣ духовномъ, при чемъ комисія, по малочисленности духовенства въ Царствѣ Польскомъ, нашла излишнимъ учрежденіе въ Варшавѣ духовной семинаріи и рѣшила отложить это на дальнѣйшее время, ограничившись на первый разъ открытіемъ только духовнаго уѣзднаго училища съ приготовительнымъ при немъ классомъ, а Св. Синодъ не согласился на измѣненіе программы для свѣтскихъ дѣтей. Въ Варшавѣ, очевидно, не того ожидали, хотя и не могли дать себѣ яснаго отчета въ своихъ

требованіяхъ; ибо школа и въ самой Россіи еще не опиралась на долговременный опытъ. Князь Паскевичъ не выказалъ сочувствія новому проекту, и дѣло готово было заглухнуть. Но мѣстная духовная власть надѣялась, что училище въ состояніи будетъ удовлетворять нуждамъ и овѣтокныхъ родителей. Въ 1836 году первый варшавскій архіепископъ Антоній, въ отрывѣ своемъ на имя генерала Головнина, выражалъ увѣренность, что въ училище сразу явится до 30 овѣтскихъ учениковъ. Генералъ Головнинъ, въ докладѣ своемъ князю Паскевичу (въ сентябрѣ того же года), указывалъ на пользу и необходимость училища сколько для духовенства, столько же „для состоящихъ въ вѣдѣнномъ краѣ на службѣ разнаго званія чиновъ православнаго исповѣданія, кои нынѣ принуждены ограничиться воспитаніемъ дѣтей своихъ въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ“; находилъ, что „осуществованіе въ семъ краѣ таковаго училища можетъ даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ существовать видамъ правительства“; наконецъ, приводилъ и то обстоятельство, что правительство на своемъ иждивеніи содержитъ римско-католическую духовную академію въ Варшавѣ, отпускаетъ на содержаніе въ университетахъ евангелическихъ стипендіатовъ 12,000 злотыхъ, расходуетъ на школу раввиновъ ежегодно до 37,000 злотыхъ, и въ заключеніе просилъ князя Паскевича ходатайствовать объ открытіи въ Варшавѣ проектируемой школы. Князь Паскевичъ согласился съ этими доводами¹⁾. Но только въ 1840 году открыто было училище. Въ докладѣ Св. Синода государю императору также выражена была увѣренность, что училище, „во-первыхъ, оградило бы православныхъ духовныхъ, чиновниковъ и жителей отъ необходимости давать первоначальное воспитаніе

¹⁾ Свѣдѣнія объ учрежденіи этого училища заимствованы нами изъ дѣлъ архива бывшихъ намѣстниковъ Царства Польскаго, №№ по каталогу 741, 1326, 1328 и 1591.

дѣтямъ ихъ въ тамошнихъ училищахъ, и, во-вторыхъ, оно было бы тамъ рассадникомъ воспитанія собственно русскаго, основаннаго на началѣ православной вѣры и преданности государю и Родинѣ; и въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ, при благословеніи Божіемъ, принесло бы великую пользу¹⁾. Одновременно съ провѣтомъ объ устройствѣ училища для православныхъ русскихъ дѣтей, возникла въ Варшавѣ толка о русскихъ училищахъ для дѣтей греко-униатскихъ. По умиреніи мятежа, при закрытіи всѣхъ учебныхъ заведеній Царства, были закрыты и существовавшія въ нѣкоторыхъ униатскихъ приходяхъ церковныя школы. На основаніи устава 1833 года, въ средѣ униатскаго населенія, имѣя и въ остальныхъ частяхъ Царства, открывались только польскія элементарныя училища подъ попечительствомъ католическихъ ксендзовъ и помѣщиковъ, униатскія дѣти обучаемы были въ нихъ Закону Божію наряду съ римско-католическими; церковныя школы уже не возобновлялись. Въ 1835 году генералъ Головинъ назначилъ учителя русскаго языка въ Холмокую духовную семинарію, въ которой все преподаваніе производилось на польскомъ, отчасти на латинскомъ языкахъ; а также назначилъ греко-униатскихъ священниковъ преподавателями Закона Божія въ обшественныхъ училищахъ Бѣльскомъ и Грубешовскомъ, въ которыхъ находилось довольно значительное количество униатскихъ дѣтей. Но эта мѣра и для самого генерала Головина казалась весьма не достаточною, такъ какъ: 1) не мало униатскихъ учениковъ обучалось и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ (въ Люблинѣ, Щербрашинѣ, Луковѣ, Сѣдлецѣ); 2) униатскіе священники для верѣ учениковъ преподавали Законъ Божій на польскомъ же языкѣ и по римско-католическому исповѣданію, а потому они и высказывали способы къ устройству отдѣльныхъ школъ для униатовъ.

¹⁾ Описаніе Варшавской епархіи, *Лотоцкаго*. Варшава, 1863 г., стр. 189 и 184.

Въ 1836 году варшавскій епископъ Антоній, ходатайствуя о возвратѣ Яблоченскому православному монастырю земель и угодій, отнятыхъ у него въ 1807 и въ 1817 годахъ арендаторомъ имѣній Радзивилла графомъ Грабовскимъ, въ донесеніи своемъ вышней духовной власти писалъ, что возвращеніе угодій дало бы монастырю, между прочимъ, возможность устроить училище для греко-уніатскаго юношества, „которое, съ явнымъ уклоненіемъ отъ преданій и уставовъ восточной Церкви и не согласно съ духомъ истинной вѣротерпимости, а слѣдовательно, и вопреки благотворнымъ дѣламъ русскаго правительства, воспитывается досадѣ въ свѣтскихъ польскихъ училищахъ и слушаетъ уроки по Закону Божію у римско-католическаго духовенства“. По докладу объ этомъ дѣлѣ оберъ-прокурора Св. Синода въ апрѣлѣ 1838 года, императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ возвратить Яблоченскому монастырю отнятыя у него угодья, оставивъ въ пользованіе его и 8,000 польскихъ злотыхъ аренды, назначенной ему въ замѣнъ этихъ угодій, съ тѣмъ, чтобы монастырь немедленно учредилъ и содержалъ на свой счетъ училище для уніатскихъ дѣтей. При исполненіи этого Высочайшаго повелѣнія, встрѣтилось недоумѣніе относительно программы и устройства новой школы. Такъ какъ давно задуманный въ правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія проектъ устройства отдѣльныхъ училищъ въ то время хотя и былъ готовъ, но не получалъ еще утвержденія, то Св. Синодъ, отъ 29-го сентября того же года, предписалъ волынскому архіепископу Иннокентію, которому подчинена была тогда Варшавская епархія, не ожидая общаго по Царству Польскому учрежденія уніатскихъ училищъ, „немедленно учредить при Яблоченскомъ монастырѣ училище для такого числа учениковъ, сколько то возможно по настоящему положенію монастырскихъ строеній, и приложить начальственное попеченіе, чтобы благое начало сего заведенія привлекло къ себѣ желающихъ

и во всемъ соответствовало бы предназначаемой благой онаго цѣли“. Архіепископъ Иннокентій, исполняя это распоряженіе, предписалъ своему викарію, варшавскому епископу Антонію, открыть училище по образцу духовныхъ двухклассныхъ приходскихъ училищъ и о дальнѣйшемъ развитіи и устройствѣ его представить свои соображенія.

Но въ это время весь монастырь представлялъ груды развалинъ: полуразрушенныя старыя деревянныя строенія его сносились, и на мѣстѣ ихъ возникали новыя каменные зданія; немногочисленная братія монастырская едва имѣла и для себя тѣсныя помѣщенія. Прибывъ въ ноябрѣ лично въ монастырь, преосвященный Антоній нашелъ одну комнату, въ которой можно было помѣстить до четырехъ дѣтей, и приказалъ открыть въ ней обученіе для тѣхъ, какъ доносилъ онъ преосвященному Иннокентію, „четырехъ мальчиковъ—дѣтей сосѣднихъ поселенъ унитовъ, кои, въ бытность мою въ монастырѣ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, изъявили охоту обучаться при монастырѣ чтенію, писанію и ариеметикѣ“. Смотрителемъ и учителемъ старшаго класса назначенъ былъ игуменъ монастыря Іоанникій, учителемъ младшаго класса—монастырскій послушникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, Люценскій. 6-го декабря училище было открыто съ возможною торжественностью. Къ открытію явились только три ученика. Тѣсная комнатка въ старомъ деревянномъ домикѣ въ убогомъ монастырѣ на островѣ р. Буга, трое бѣдныхъ учениковъ изъ среды народа, ставшаго почти чуждымъ Россіи, два монаха-учителя—такова была обстановка перваго русскаго училища въ Царствѣ Польскомъ!

Въ іюнѣ 1839 года Святѣйшій Синодъ утвердилъ окончательную организацію этой школы: въ 1-мъ классѣ положено было обучать Закону Божію, чтенію русскому и славянскому и письму; во 2-мъ классѣ: Закону Божію, священной исторіи, чистописанію, четырьмя правилами ариеметики

и потному гбнію. При этомъ назначенъ былъ и штатъ училища: смотритель, два учителя и 20 учениковъ, изъ коихъ 10 полныхъ пансіонеровъ монастырскихъ, а 10 своекоштныхъ съ платою за полное содержаніе по 50 руб. сер. въ годъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые предписанныя училищу формы были не удобоисполнимы для унитскаго народа того времени и слишкомъ затрудняли опредѣленіе дѣтей. Отъ поступающихъ въ училище требовались именно слѣдующіе документы: метрическое свидѣтельство, медицинское свидѣтельство о привитіи оспы и свидѣтельство отъ мѣстнаго войта о томъ, что мальчикъ „записанъ по ревизскимъ сказкамъ и, ни въ какихъ худыхъ дѣлахъ не замѣченъ“. Но получить метрику отъ священника—фанатика или свидѣтельство отъ войта, назначеніе коего принадлежало тогда помѣщику, было слишкомъ труднымъ дѣломъ для унитскаго простолюдина. Не менѣе затрудняло его—добыть у доктора-поляка свидѣтельство о привитіи оспы. Заботливое монастырское начальство изыскивало для этого всѣ способы, тѣмъ не менѣе, до окончанія новыхъ монастырскихъ построекъ въ 1840 году, число учениковъ, по тѣснотѣ помѣщенія, не могло превышать четырехъ. Съ открытіемъ болѣе удобнаго для училища помѣщенія, число ихъ тотчасъ (въ 18⁴⁰/₄₁ учебномъ году) увеличилось до 7 и постепенно доходило до штатнаго числа. Это училище продолжаетъ доселѣ, въ скромныхъ размѣрахъ, оказывать пользу униатскому дѣлу¹⁾.

Между тѣмъ, въ февралѣ 1838 года, заступившій генерала Головнина генераль-адъютантъ Шиповъ представилъ князю Паскевичу составленное имъ „Положеніе объ элементарныхъ училищахъ для греко-унитовъ“²⁾. Вотъ главныя

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ взяты изъ отдѣльнаго дѣла въ архивѣ Варшавской духовной консисторіи: „Объ угодахъ и отобранныхъ земляхъ Яблченскаго монастыря“, производившагося съ 1836 по 1842 годъ.

²⁾ Пользуемся копіею, находящеюся въ томъ же дѣлѣ Варшавской консисторіи.

основанія этого довольно смѣлаго по времени проэкта: училища подчиняются инспекторамъ обwodовыхъ училищъ и директорамъ гимназій (при этомъ генералъ Шиповъ предполагалъ всѣхъ директоровъ обwodовыхъ училищъ въ губерніяхъ Люблинской, Сѣдлецкой и Августовской замѣнить русскими лицами, что въ слѣдующемъ году и исполнилъ) и совѣту просвѣщенія. „Попечители избираемы будутъ изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ граeco-унитскаго вѣроисповѣданія и должны непременно знать російскій языкъ, преимущественно же изъ унитскихъ священниковъ“. Учитель долженъ знать русскій языкъ; онъ избирается приходомъ. Обучение дѣтей обязательно для всѣхъ унитовъ. Каждое училище должно состоять изъ двухъ классовъ: въ 1-мъ дѣти обучаются чтенію русскому и славянскому, письму и нотному пѣнію; во 2-мъ—катехизису, одобренному духовнымъ унитскимъ начальникомъ и совѣтомъ проовѣщенія, священной исторіи, четыремъ правиламъ ариеметики; сверхъ того упражняются въ руководѣліяхъ (сообразно полу), въ черченіи орудій и машинъ, употребляемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. „Въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ живутъ ремесленники и фабриканты, могутъ быть преподаваемы начала геометріи, приложенныя къ ремесламъ и искусствамъ, начала естественной исторіи, технологіи и географіи, а также дѣти могутъ упражняться въ составленіи техническихъ чертежей“. Если священникъ не знаетъ русскаго языка, то Законъ Божій преподаетъ учитель. Въ каждомъ классѣ ученикъ долженъ пребыть не мене двухъ лѣтъ. Содержаніе каждаго училища производитъ слѣдующимъ образомъ: двѣ трети изъ сбора съ жителей и одну треть изъ казны.

Но этотъ проэктъ не имѣлъ успѣха, и самъ генералъ Шиповъ въ слѣдующемъ году долженъ былъ оставить службу въ Царствѣ Польскомъ. Не удалось и возбужденное тогда же дѣло о воссоединеніи холмскихъ уніатовъ съ православною Церковію...

Въ то время, когда такъ замедлялось учрежденіе русскаго училища въ Варшавѣ и русокихъ училищъ для греко-унитскихъ дѣтей, русскій языкъ дѣлалъ первые свои шаги въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ¹⁾. На основаніи постановленія совѣта управленія Царства Польскаго, отъ 21-го іюня 1832 года, въ Варшавѣ устроенъ былъ комитетъ для опредѣленія способовъ выполненія новаго проектированнаго тогда устава учебныхъ заведеній. Этотъ организаціонный комитетъ²⁾ между прочимъ постановилъ: для преподаванія русскаго языка пригласить до 30 учителей изъ Россіи (но одному для каждой гимназій и уѣднаго училища, какъ предположено было первоначально въ проектѣ штатовъ). Комитетъ справедливо полагалъ, что, соображаясь съ обстоятельствами края, необходимо избрать учителей вполнѣ образованныхъ и отличной нравственности, дабы тѣмъ успѣшнѣе достигнуть полезной цѣли распространенія русскаго языка и вліять на образъ мыслей учениковъ. „На каждаго изъ нихъ, безъ сомнѣнія, мѣстные жители, особенно въ обводныхъ училищахъ, будутъ смотрѣть неравнодушно, каждый долженъ будетъ собственными достоинствами создать себѣ

¹⁾ Свѣдѣнія о положеніи русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ извлечены нами изъ многочисленныхъ дѣлъ архива Варшавскаго учебнаго округа, въ частности изъ дѣлъ подъ общими заглавіями: о преобразованіи и учрежденіи учебныхъ заведеній, объ учебникахъ, о программахъ и инструкціяхъ, о назначеніи учителей и служащихъ, отчеты объ осмотрѣ учебныхъ заведеній, годичные и другіе отчеты директоровъ и визитаторовъ учебныхъ заведеній,—преимущественно за 1832—1847 гг. Всѣ эти дѣла находятся подъ №№ 1708, 1709, 1712, 1718, 1727, 1728.

²⁾ Онъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ члена совѣта комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія статскаго совѣтника Шанявскаго изъ членовъ: извѣстнаго уже намъ Линде, предначавшаго тогда къ должности директора 1-й Варшавской гимназій и училищъ Варшавской губерніи, бывшаго ректора Варшавскаго университета всендѣ Швейковскаго, прелата Лубинскаго и генералъ-маіора Данненберга. Дѣла этого комитета находятся въ дѣлахъ архива Варшавскаго учебнаго округа 1832—1834 г. подъ заглавіемъ: „Реорганизація учебныхъ заведеній“, за 1832—1833 г.

всѣхъ и тѣмъ приобрести вѣрнѣйшій способъ благотворнаго вліянія на шаткій образъ мыслей учениковъ“. Комитетъ полагалъ, что для достиженія этой цѣли слѣдуетъ не щадить никакихъ средствъ. Хотя стараніе комитета о назначеніи учителямъ прибавки къ жалованью и квартирныхъ не увѣнчалось успѣхомъ, тѣмъ не менѣе жалованье старшимъ учителямъ 750 руб., младшимъ 450 р., по тогдашнему времени, было весьма значительно и давало возможность имѣть учителей вполне свѣдущихъ. Послѣ такого опредѣленнаго постановленія объ учителяхъ, не менѣе ясно и опредѣленно рѣшенъ былъ вопросъ о программахъ и учебникахъ русскаго языка. 16-го декабря того же года совѣтъ управленія между прочимъ постановилъ: а) для обводовыхъ училищъ принять программу русскаго языка имперскихъ уѣздныхъ училищъ; б) программу для гимназій имѣетъ составить главный директоръ комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и предварительно сообщить ее для разсмотрѣнія министру народнаго просвѣщенія въ имперіи; в) онъ же долженъ обратиться къ министру съ просьбою указать и выслать учебники и книги для преподаванія русскаго языка. Такимъ образомъ не было сомнѣнія, что русскій языкъ будетъ преподаваемъ русскими учителями, вполне образованными, по русскимъ программамъ (которыя будутъ приспособлены для высшихъ классовъ) и по русскимъ учебникамъ.

Въ сентябрѣ 1832 г., то-есть, почти за годъ до открытія учебныхъ заведеній (открыты они 20-го августа 1833 г.), князь Паскевичъ отнесся къ министру народнаго просвѣщенія графу Уварову съ просьбою объявить по всемъ учебнымъ округамъ, не пожелаетъ ли кто изъ русскихъ учителей, отличныхъ по своимъ способностямъ и нравственнымъ качествамъ и благонадежныхъ въ политическомъ отношеніи, заняться преподаваніемъ русскаго языка въ Царствѣ Польскомъ (жалованье старшему учителю 750 руб. сер., млад-

шему 450 р. сер., по тогдашнему времени весьма значительное), при чемъ просилъ министра принять на себя выборъ кандидатовъ и высылать ихъ въ распоряженіе Варшавскаго учебнаго вѣдомства. Но графъ Уваровъ увѣдомилъ князя Паскевича, что онъ находитъ неудобнымъ принимать на себя оцѣнку благонадежности кандидатовъ, и предоставляетъ ее исполнѣ мѣстной учебной власти, ограничиваясь съ своей стороны, только полнымъ ей содѣйствіемъ.

Какъ только оглашено было приглашеніе князя Паскевича, со всѣхъ концовъ Россіи стали поступать просьбы о назначеніи на должности учителей русскаго языка въ Царствѣ Польскомъ. Какъ ни скудны были въ то время учительскія силы въ Россіи, однако изъ этой массы просителей можно было выбрать весь составъ требуемыхъ учителей (40), вполне способныхъ и знающихъ. Но принятая совѣтомъ просвѣщенія мѣры въ самомъ началѣ затруднили дѣло. Каждый проситель, кто бы онъ ни былъ, получалъ одну и ту же резолюцію — выдержать экзаменъ или въ Варшавской экзаменаціонной комиссіи, или въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, — въ послѣднемъ случаѣ представить, кромѣ того, засвидѣтельствованіе отъ министерства народнаго просвѣщенія объ отличныхъ способностяхъ и нравственныхъ своихъ качествахъ. Подобные отвѣты подучали не только не сдужившіе въ учительскихъ должностяхъ или преподаватели другихъ предметовъ, но и лица, занимавшія въ русскихъ гимназіяхъ должности старшихъ учителей русскаго языка. Настойчивость учебнаго управленія простиралась до того, что оно требовало подвергнуть экзамену даже профессора Нѣжинскаго лицея Хандожицкаго. Между тѣмъ, министерство народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе отзыва князя Паскевича и ходатайства самого учебнаго управленія Царства Польскаго, дѣйствовало въ раздачѣ свидѣтельствъ объ отличныхъ способностяхъ съ крайнею разборчивостью. Такія мѣры сразу лишили учебныя заведенія Царства Польскаго многихъ

достоинных преподавателей русскаго языка, такъ какъ мно-
гие изъ просителей, по понятной причинѣ, не захотѣли под-
вергнуться экзамену (въ домъ числѣ и Хандожинскій).

Несмотря на раннее объявленіе вызова, несмотря на
то, что еще за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія учебныхъ
заведеній совѣтъ управленія отвѣчалъ нѣкоторымъ просите-
лямъ, что нѣтъ болѣе вакансій, и что графъ Уваровъ из-
бралъ уже 30 кандидатовъ на должности учителей русскаго
языка, къ 28 августа 1833 года, т. е. спустя восемь дней
послѣ открытія гимназій и обводовыхъ училищъ, изъ всѣхъ
учителей русскаго языка оказались на лицо только два, имен-
но Страховичъ (студентъ Минской духовной семинаріи, явив-
шійся еще въ февралѣ, на экзаменъ въ Варшаву) и Шуман-
скій (бывшій учитель Витебской гимназій), назначенный по
рекомендаціи гр. Уварова. Чтобы ускорить замѣщеніе учи-
тельскихъ вакансій кандидатами изъ Россіи, князь Паске-
вичъ предложилъ совѣту управленія увеличить льготы для
русскихъ учителей: 6-го октября того же года совѣтъ управ-
ленія сдѣлалъ распоряженіе, дабы русскимъ учителямъ вы-
даваемы были: 1) прогонныя деньги на три лошади, 2) жа-
лованье по штату гимназій Царства Польскаго со дня вы-
ѣзда ихъ изъ мѣста прежней службы, 3) по прибытіи на
мѣсто не въ зачетъ полугодовой оклады жалованья. Но не-
смотря на эти льготы, „отличные по способностямъ“ учителя
изъ имперіи уже не обнаруживали желанія поступить въ
гимназій Царства Польскаго, и кандидатами являлись боль-
шею частію такія лица, изъ которыхъ выборъ былъ весьма
затруднителенъ. Въ іюль 1834 года, то-есть, по истеченіи
уже цѣлаго учебнаго года, незанятыхъ мѣстъ учителей рус-
скаго языка было 24. Въ виду такого недостатка учителей,
Варшавское учебное управленіе приняло съ своей стороны
дѣятельныя мѣры: мѣстные чиновники разныхъ вѣдомствъ,
отставные военные, русскіе и поляки, допускаемы были къ
экзамену и получали мѣста. При этомъ вопросъ объ отлич-

ныхъ способностяхъ и нравственныхъ качествахъ замѣненъ былъ вопросомъ объ отличномъ знаніи кандидатами польскаго языка, которое часто совершенно покрывало недостатокъ школьнаго образованія. Такъ, назначенный въ ободовое училище на Новомъ-Свѣтѣ въ Варшавѣ Игнатій Яновскій, сынъ священника Волынской губерніи, нигдѣ не обучался, служилъ писцомъ сперва въ Волынской уголовной палатѣ, а потомъ въ Варшавской комиссаріатской комисіи; учитель Сандомбрскаго училища Иванъ Кондратовичъ въ прошеніи своемъ показалъ, что обучался въ Луцкомъ уѣздномъ училищѣ, но свидѣтельства объ этомъ не представилъ; служилъ писцомъ сперва въ Луцкомъ магистратѣ, въ 1833 году перешелъ на такую же должность въ Варшавскій магистратъ, откуда въ 1834 г. по экзамену назначенъ на должность учителя; учитель ободоваго училища на улицѣ Фрета въ Варшавѣ Янъ Маришо (католикъ); домашняго воспитанія, служилъ писцомъ въ канцеляріи бывшаго польскаго военнаго министерства, въ 1821 г. выдержалъ экзаменъ на званіе частнаго учителя русскаго языка въ Варшавскомъ экзаменаціонномъ комитетѣ; объ учителѣ 2-ой Варшавской гимназіи Григоріѣ Ставницкомъ въ формулярномъ спискѣ его подъ рубрикою: „какія проходилъ науки“ значится: „только: „съ 1807 по 1830 г. служилъ въ полку стрѣльцомъ“; въ формулярномъ спискѣ учителя Грубешовскаго училища Альфонса Брунелли (католикъ) подъ тою же рубрикою значится: „окончилъ курсъ въ родительскомъ домѣ“, въ 1821 году вступилъ въ военную службу унтеръ-офицеромъ, въ 1834 году вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика.

Вслѣдствіе такихъ назначеній, въ средѣ гимназическихъ учителей въ самомъ началѣ установился весьма печальный взглядъ на преподаваніе русскаго языка. По порученію экзаменаціонной комисіи, въ мартѣ 1834 года педагогическій совѣтъ Варшавской губернской гимназіи экзаменовалъ Будкевича, бывшаго переводчикомъ въ Люблинской военной гим-

назиі, и даждь о немъ такой отзывъ: „умѣетъ читать и писать по-русски, *но не вполне правильно; отчасти знаетъ грамматику этого языка. По недостатку учителей этого предмета, могъ бы преподавать основанія его въ обводовыхъ училищахъ*“. Въ ноябрѣ того же года тотъ же педагогическій совѣтъ далъ следующее мнѣніе о бывшемъ ученикѣ V класса Бѣлостокской гимназіи, Викторѣ Мрововскомъ: „читаетъ по-русски хорошо, достаточно знаетъ первоначальныя правила русскаго языка по грамматикѣ Греча, *но мало знакомъ съ правописаніемъ. Впрочемъ, при особенномъ стараніи и усердіи, по недостатку учителей русскаго языка, могъ бы преподавать его въ обводовыхъ училищахъ*“. До, пока набирались подобныя учителя, по недостатку будто бы кандидатовъ, не мало хорошихъ учителей въ самомъ началѣ принуждены были оставить службу.

Отъ 9-го апрѣля 1835 года генераль Головинъ увѣдомилъ графа Уварова, что всѣ должности учителей русскаго языка въ Царствѣ Польскомъ вакансны, и потому просилъ его „объявить по учебнымъ округамъ, что приглашеніе таковыхъ профессоромъ и учителей прекращено“.

Одновременно съ выборомъ учителей русскаго языка, происходилъ выборъ учебныхъ книгъ, составленіе программъ и подробныхъ инструкцій для преподаванія всѣхъ предметовъ, положенныхъ въ курсъ учебныхъ заведеній.

Для выполненія этой важной работы, въ концѣ 1832 года устроенъ былъ особый комитетъ¹⁾, подъ предѣлительствомъ члена государственнаго совѣта Царства Польскаго графа Валевскаго, изъ нѣсколькихъ членовъ организационнаго комитета (Линде, Шанявскій и Швейковскій), нѣсколькихъ лицъ изъ учебнаго управленія (Сушинскій, Радомир-

¹⁾ Дѣла этого комитета находятся въ архивѣ Варшавскаго учебнаго округа въ числѣ „Дѣлъ элементарныхъ для публичныхъ школъ“, въ связкахъ за 1832—1834 года.

скій, Левецкій, Кржижановскій), оказавшихся наиболее деятельными въ комитетъ, а также генераль-маіора Окунева и инспекторовъ низшихъ училищъ въ Петербургъ Прокоповича и Зиберта, командированныхъ для присутствія при окончательномъ разсмотрѣніи книгъ и программъ. Дѣлопроизводителемъ этого комитета назначенъ былъ Глѣбовичъ—польскій переводчикъ „русской грамматики“ Рейфа (1823 года) и авторъ „Статистики Россіи“, изданной на польскомъ языкѣ въ Вильнѣ въ 1827 году.

Постановленіемъ совѣта управленія Царства Польскаго 16 декабря 1832 года этому комитету вѣнялось въ обязанность строго наблюдать, дабы въ учебныхъ книгахъ „не было ничего противнаго религіи, нравственности и правительству, а также нарушающаго доброе согласіе между поляками и русскими или оскорбительнаго для Россіи. Если бы оказалось въ нихъ что-либо подобное, то такія книги или запрятать и опечатать, или выбросить изъ нихъ все то, что признано будетъ вреднымъ“. Ко времени открытія учебныхъ заведеній, комитетъ успѣлъ пересмотрѣть, исправить и издать всѣ учебники, составить программы и обширныя инструкции по всѣмъ предметамъ. Точка зрѣнія на учебное дѣло, установленная, обстоятельно мотивированная и горячо поддержанная комитетомъ, была тогда совершенно новою какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Россіи. Классическіе писатели оказались съ этой точки слишкомъ опасными для учебныхъ заведеній по своимъ политическимъ и нравственнымъ воззрѣніямъ и пріемамъ. По порученію комитета, варшавскіе и пярскіе монахи *исправили* и напечатали всѣ, положенныя въ тогдашнемъ учебномъ курсѣ, произведенія древнихъ авторовъ: Корнелія Непота, Федра, Аврелія Виктора и Евтропія. Изъ латинской грамматики исключены многіе примѣры и статьи для упражненія, въ родѣ разказовъ: о Муціѣ Сцеволя въ станѣ Порсены, объ убійствѣ Але-

Александромъ Македонскимъ Клита, о сыновьяхъ Брута, объ убійствѣ Цезаря и мн. др.—Всѣобщая исторія Кайданова, служившая въ то время руководствомъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи и изданная въ 1828 году на польскомъ языкѣ (въ Вильнѣ, Францишкомъ Заторокии), выывала много опасеній по своему духу и характеру, почему комитетъ, не имѣя въ виду другого учебника всеобщей исторіи, поручилъ польскому переводчику исправить ее, именно исключить изъ нея всѣ мѣста, касавшіяся Политики, измѣнить нѣкоторыя мысли, мнѣнія и также слова: „свобода“, „независимость“ и под. и обратить болѣе вниманія на фабрики, руководія и вообще на промыселъ народный.

Этотъ суровый взглядъ на потребности обученія и воспитанія оказался наиболѣе неблагоприятнымъ для учебниковъ и книгъ по предметамъ русскаго обученія.

Для русской (и польской) исторіи комитетъ не нашелъ ни одной книги, которую можно было бы дать въ руки ученикамъ, даже въ исправленномъ видѣ, и потому постановилъ ограничиться изданіемъ инструкціи для учителей (поляковъ), предоставивъ имъ выдавать ученикамъ вмѣсто учебника собственныя записки! Относительно учебниковъ русскаго языка и словесности совѣтъ управленія просилъ графа Уварова избрать и выслать лучшіе изъ нихъ, что и было исполнено министромъ задолго до открытія учебныхъ заведеній (въ октябрѣ 1832 года), но комитетъ не призналъ возможнымъ допустить въ учебныхъ заведеніяхъ и этихъ учебниковъ и ни одной русскаго языка; изъ польскихъ же изданій подобнаго рода избралъ только одно для всѣхъ классовъ, сдѣланное въ Вильнѣ въ 1830 году, подъ заглавіемъ: „Wypisy Rossyjskie czyli stopniowane ćwiczenia dla rozszkolenia się uczyb języka rossyjskiego“ (Русскіе отрывки, или постепенныя упражненія для начинающихъ учиться русскому языку). Эта книга (пользуемая изданіемъ 1836 года, in 16°, 214 страницъ) заключаетъ въ себѣ; а) примѣры на

главныя этимологическія статьи и на важнѣйшія формы предложень; б) 24 басни, переведенныя самимъ авторомъ изъ пиратедей древнихъ и французскихъ и 12 басенъ Крылова и Хемницера; в) 12 рассказовъ Шишкова, Муравьева, Карамзина, Жуковскаго и Батюшкова; г) восемь историческихъ описаній, изъ коихъ шесть посвящены мѣстностямъ и обычаямъ Сибири; д) отрывки изъ исторіи Карамзина о призваніи варяговъ, Владиміръ Мономахъ и черной смерти; е) письма Пушкина (одно) и Муравьева (Эмилиевы письма) и ж) восемь стихотвореній Державина, Каддиста и Долгокурова. Въ концѣ приложенъ русско-польскій словарь (на 42 страницахъ). Крайняя скудость матеріала въ этой книгѣ, которая должна была замѣнить собою и грамматику, и хрестоматію и служить единственною русскою книгою для чтенія учениковъ, усиливалась, плохимъ, совершенно бесполезнымъ переводомъ басенъ. Вотъ, на примѣръ, переводъ басни: „Лисица и Воронъ“: „Воронъ держалъ въ клювѣ своемъ сыръ. Лисица, которой хотѣлось получить изъ него на свою долю, начала ласкать ворона и говорила ему, что если голосъ его соответствуетъ другимъ его качествамъ, то онъ долженъ быть фениксомъ между птицами. Воронъ, прельстясь ея рѣчьми, открылъ оной широкій клювъ и упустилъ сыръ“...—Комитетъ постановилъ (въ августѣ 1833 года, предъ самымъ открытіемъ учебныхъ заведеній) принять эту книгу въ руководство для высшихъ классовъ, въ низшихъ же четырехъ проходить грамматику *изустно*.

При такомъ ограниченіи учебныхъ пособій, комитетъ не нашелъ возможнымъ ни допустить программу русскаго языка имперскихъ училищъ, о которой состоялось прямое распоряженіе совѣта управленія, ни составить новую, подобно какъ составлены были программы и инструкціи по всемъ предметамъ учебнаго курса. Всѣ наставленія учителямъ русскаго языка онъ огривачилъ только слѣдующимъ краткимъ замѣчаніемъ, названнымъ *инструкціою*: такъ какъ въ ка-

любой планъ необходимо начинать съ первыхъ элементовъ русскаго языка, то, „распределение преподаванія этого языка приходится предоставить на долгое время усмотренію преподавателей и начальства. Учитель русскаго языка и словесности *обязанъ сноситься съ учителями польскаго языка и словесности* въ той цѣли, чтобы эти два предмета больше и больше сближались между собою, опирались другъ на друга и оказывали влияние одинъ на другого“. Вотъ и вся инструкция! Никакихъ поясненій объ этихъ сношеніяхъ съ учителемъ польскаго языка не прибавлено въ ней. Съ такимъ-то доскуткомъ загадочной инструкции въ одной рукѣ и съ тощею польско-русскою книгою въ другой—должны были предстать въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ первые русские учителя и самъ русскій языкъ!

Но и тутъ неудача. Уже учебныя заведенія открыты, уже прибыло нѣсколько русскихъ учителей—и тогда только оказалось, что *Wypis*-овъ Рогальскаго давно уже нѣтъ въ продажѣ ни одного экземпляра ни въ Варшавѣ, ни въ Вильнѣ! Братъ автора, служившій въ Варшавѣ, получилъ отъ него полномочіе сдѣлать изданіе этой книги для учебныхъ заведеній и просилъ только гарантировать ему продажу ея ученикамъ. Но комитетъ не нашелъ возможнымъ дать ему эту гарантию, на томъ основаніи, что программы и инструкции утверждены только на одинъ годъ.

Между тѣмъ, князь Паскевичъ, получивъ уведомленіе о затрудненіяхъ комитета въ выборѣ учебника, русской грамматики, 5-го сентября предписалъ ввести учебникомъ грамматику Греча и выписать въ пособіе для учителей его же *Практическіе уроки* и *Вѣдомъ*. Получивъ это предписаніе, комитетъ распорядился, прежде всего, перевести грамматику Греча на польскій языкъ и поручилъ эту работу дѣлопроизводителю своему Глѣбовичу. Этимъ постановленіемъ конечно рѣшенъ былъ вопросъ о преподаваніи русскаго языка.

Русскіе учителя должны были преподавать свой предметъ, а ученики изучать его на языкѣ польскомъ...

Въ концѣ октября учитель 2-й Варшавской гимназіи Шуманскій представилъ въ комитетъ (представленіе писано на французскомъ языкѣ) только-что изданный въ Варшавѣ польско-русскій букварь: *Początki języka rossyjskiego*, заключавшій въ себѣ (на 30 страницахъ in 8°) азбуку, склады, нравственныя наставленія и четыре описанія швейцарскихъ видовъ узъ *Писемъ русскаго путешественника* Карамзина (Рейнскій водопадъ, долина Гасли, Мейрингенъ и Штаубахъ), и, указывая на чрезвычайную трудность заниматься съ учениками единственно при помощи письма на классной доскѣ, просилъ дозволить употреблять этотъ букварь на урокахъ русскаго языка. Разрѣшеніе дано, и *Początki języka rossyjskiego* оставались единственнымъ руководствомъ для учениковъ всѣхъ классовъ до конца марта 1834 года.

Въ промежутокъ между этими уроками, произошелъ случай, имѣвшій рѣшительное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу русскихъ учебниковъ въ Царствѣ Польскомъ. Гречъ, узнавъ о постановленіи перевести грамматику его на польскій языкъ, по праву автора самъ приступилъ къ переводу и Грамматики, и Практическихъ уроковъ, и Ключа и просилъ выслать ему переводъ Глѣбовича, по окончаніи его, по крайней мѣрѣ для проверки. Это заявленіе произвело сильное возмущеніе въ комитетѣ. На основаніи заявленія генерал-майора Окунева, что онъ сомнѣвается въ достаточномъ знаніи Гречемъ польскаго языка, комитетъ высказалъ опасеніе, что переводъ его выйдетъ не удовлетворителенъ. Въ первый разъ при этомъ случаѣ подалъ голосъ Динде: онъ рѣшительно высказался противъ переводовъ на польскій языкъ въ Петербургѣ, считая вреднымъ давать ученикамъ переводъ, отданный буквально. Крімъ того, онъ также рѣшительно

высказался противъ научнаго значенія сочиненій Греча по русскому языку, которыя; по словамъ его; представляютъ только компилицію изъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ авторовъ и заключаютъ въ себѣ много „смѣшного“, а потому онъ предлагалъ переводъ этихъ сочиненій сдѣлать въ Варшавѣ и допустить ихъ только по одному экземпляру въ училищныя библіотеки. Комитетъ вовсе не нашелъ страннымъ дѣлать нарочитый переводъ и новое изданіе довольно обширныхъ сочиненій Греча, признанныхъ притомъ неудовлетворительными, только ради 30-ти экземпляровъ, по числу среднихъ учебныхъ заведеній въ то время, и поручилъ Глѣбовичу, уже кончившему свой переводъ *Грамматки*, приступить къ переводу *Практическихъ уроковъ* и *Ключа*. Съ этого времени учебное управленіе приняло правиломъ: не допускать въ учебныя заведенія ни одной русской книги, напечатанной въ имперіи, а необходимыя для нихъ учебники составлять и печатать исключительно въ Варшавѣ посредствомъ доверенныхъ лицъ.

Между тѣмъ, въ мартѣ появилось новое изданіе *Wyris'овъ* Рогальскаго, напечатавшаго ихъ на свой счетъ, а въ апрѣлѣ напечатана *Grammatyka Rossyjska Grecza* въ переводѣ Глѣбовича, и обѣ эти книги тогда же разосланы въ учебныя заведенія. Такимъ образомъ установился курсъ обученія русскому языку, опредѣленный системою самихъ учебниковъ: по окончаніи букваря, проходили грамматику, при чемъ всѣ упражненія производили по *Wyris'амъ* Рогальскаго. Въ 1835 году къ этимъ учебникамъ прибавились еще *Rozmowy polsko-rossyjskie* (польско-русскіе разговоры), составленные¹⁾ по порученію совѣта просвѣщенія тѣмъ же

¹⁾ Эти *Rozmowy* составлены по петербургскому нѣмецкому изданію 1831 года Якова Ланге: *Neue deutsche und russische Gespräche*. Въ началѣ 1836 года учитель Липнянскаго уѣзднаго училища Соловьевъ представилъ въ совѣтъ собственнаго сочиненія разговоръ на русскомъ языкѣ на тему:

Глѣбовичемъ для учебныхъ заведеній и представляющіе параллельно, въ польскомъ и русскомъ текстахъ, разговоры о разныхъ предметахъ домашняго и общественнаго быта, болѣею частью пустые и безсодержательные, по мѣстамъ не чуждые намековъ на тогдашніе отбснительные порядки (напримѣръ, о паспортахъ, стр. 268) и полонизмовъ въ русскомъ текетѣ (напримѣръ, на стр. 137: „Любите ли вы вальса? Я ихъ люблю“.... и друг.). Въ томъ же году издавъ въ Варшавѣ неизвѣстнымъ авторомъ въ двухъ компактныхъ томахъ *Słownik rosyjsko-polski* (Словарь русско-польскій), довольно полный и вѣрный, принятый въ руководство для учебныхъ заведеній.

Крайнее убожество этого курса усиливалось явнымъ нерасположеніемъ учениковъ къ покупкѣ русскихъ учебниковъ. Глѣбовичъ, въ званіи визитатора (въ 1834 г.) ревизовавшій учебныя заведенія Плоцкой и Варшавской губерній и г. Варшавы въ мартѣ 1835 года, доносилъ совѣту просвѣщенія, что третья часть учениковъ доселѣ не покупали ни одного русскаго учебника, ссылаясь на бѣдность (*Grammatyka* 60 коп., *Wypisy* 45 коп.), почему совѣтъ приобрѣлъ у самого Глѣбовича 350 экземпляровъ грамматики и разослалъ ихъ въ даръ бѣднѣйшимъ ученикамъ. Между тѣмъ, съ концомъ 1832 года истекалъ трехлѣтній срокъ, назначенный (16 декабря 1832 года) совѣтомъ управления Царства Польскаго, послѣ котораго никто не могъ быть оставленъ на службѣ и принять вновь, не выдержавъ экзамена въ русскомъ языкѣ. 7 декабря 1837 года состоялось по этому предмету постановленіе совѣта управления Царства

„религія есть душа просвѣщенія“ и просилъ дозволить ему употреблять ихъ на урокахъ русскаго языка. Но совѣтъ просвѣщенія нашелъ излишнимъ эти разговоры при *Rozmowach* Глѣбовича и предислалъ автору строго держаться инструкціи (о недопущеніи никакихъ книгъ, кромѣ предписанныхъ) и не употреблять своихъ разговоровъ на урокахъ, допустивъ только произнесеніе ихъ учениками на публичномъ актѣ.

Польскаго. Эта мѣра должна была сильно повліять на положеніе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ то же время Высочайше повелѣно было высылать ежегодно на казенный отчетъ дѣянія лучшихъ воспитанниковъ Царства Польскаго въ русскіе университеты, для приготвленія къ учительскимъ должностямъ. Нельзя было болѣе довольствоваться лоскуткомъ инструкцій, букваремъ и *Wypis*'ами. Главный директоръ комисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія генералъ Головининъ въ началѣ 1837 г. поручилъ учителю 1-й Варшавской гимназіи магистру Рклицкому составить начальныя основанія русскаго языка для первыхъ двухъ классовъ и русскую хрестоматію. Въ то же время, усмотрѣвъ изъ донесенія вивататора Глѣбовича, что въ нѣкоторыхъ сельскихъ училищахъ учителя обучаютъ русскому языку по учебникамъ, изданнымъ до революцій, генералъ Головининъ поручилъ экзаменаціонному комитету (на который перешли обязанности бывшаго комитета по выбору и изданію учебниковъ и программъ) составить таблицы взаимнаго обученія русскому чтенію и письму и разослать ихъ во всѣ низшія и частныя училища, обязавъ учителей и содержателей обучать русскому языку всѣхъ учащихся въ нихъ мужскаго и женскаго пола.

Въ томъ же 1837 году генерала Головина замѣнилъ генералъ-адъютантъ Шиповъ. Короткое время управленія (1837—1839 гг.) этого замѣчательнаго дѣятеля въ Царствѣ Польскомъ доселѣ памятно своими энергическими мѣрами въ пользу русскаго языка.

Прежде всего, г. Шиповъ обратилъ вниманіе на начальниковъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ многіе, не смотря на постановленіе совѣта управленія, все еще не знали русскаго языка. Въ короткое время онъ смѣнилъ всѣхъ такихъ директоровъ и инспекторовъ и назначилъ на ихъ мѣста лицъ, вполне владѣвшихъ этимъ языкомъ, въ предѣлахъ

же Холмской епархіи—только лицъ русскаго происхожденія¹⁾. Эта мѣра скоро отразилась на всемъ внѣшнемъ порядкѣ учебныхъ заведеній. Въ средѣ учениковъ и учителей намѣтилось отношеніе къ русскому языку; въ канцеляріяхъ учебныхъ заведеній мало-по-малу установилось дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ, такъ же какъ и въ совѣтѣ просвѣщенія, послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ въ личномъ составѣ канцеляріи его. Г. Шиповъ не щадилъ никакихъ средствъ для поощренія и учениковъ, и учителей, усвѣвающихъ въ русскомъ языкѣ. Съ особеннымъ участіемъ онъ относился къ ученикамъ. Визитаторы обязаны были въ своихъ отчетахъ представлять справки о тѣхъ изъ нихъ, которые оканчивали курсъ съ отличными успѣхами въ русскомъ языкѣ, и главный директоръ самъ занимался устройствомъ дальнѣйшаго ихъ положенія. Кто изъявлялъ желаніе по окончаніи курса поступить въ высшее учебное заведеніе, тому тотчасъ испрашиваемо было или освобожденіе отъ платы за ученіе, или казенное содержаніе, или необходимыя средства на переѣздъ

¹⁾ Всѣ эти лица, кромѣ директора въ 1839 (по 1846) Варшавской 1-й гимназій Филиппова, служившаго (съ 1819 года) въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ Петербургскомъ университетѣ, были изъ военного сословія. Доселѣ живо поддерживаются въ извѣстномъ лагерѣ враждебные толки объ этихъ первыхъ русскихъ директорахъ. Дѣйствительно, всѣ они, кромѣ Филиппова, не были подготовлены для педагогической службы. Но, по своему образованію, они, за исключеніемъ двухъ-трехъ, ни мало не уступали значительному большинству тѣхъ директоровъ и инспекторовъ, которыхъ совѣтъ просвѣщенія избралъ въ 1833 году, и не были изъ разряда тѣхъ офицеровъ, которыхъ тотъ же совѣтъ просвѣщенія назначилъ учителями русскаго языка. Таковы директора: Люблинской гимназій—подполковникъ Сіановъ, Кѣлецкой—полковникъ Загурскій, Луковской (потомъ Сѣдлецкой)—штабсъ-капитанъ баронъ Каульбарсъ, Домжиской—штабсъ-капитанъ Пановъ (съ 1835 года инспекторъ той же гимназій), Радомской—ротмистръ гвардіи Выжицкій, Варшавской реальной—полковникъ Франковскій; инспекторы: училища на Лешно—штабсъ-капитанъ Чичеринъ, Грубешовскаго—поручикъ Добричъ и друг. Непривычныя въ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ строгія мѣры, принятыя этими новыми начальниками въ отношеніи къ русскому языку и внѣшнему порядку, были причиною враждебныхъ отзывовъ о нихъ.

и под.; кто изъявлялъ желаніе поступить въ гражданскую службу, тѣ немедленно назначаемы были на лучшія мѣста въ подвѣдомственныхъ генералу Шипову многочисленныхъ канцеляріяхъ.

Съ начала 1837/38 учебнаго года учебныя заведенія получили новыя пособія, въ замѣтъ крайне скудныхъ и по звыву, и по мысли прежнихъ руководствъ. То были изданія учителя Рялицкаго, напечатанныя въ теченіе іюля и августа: 1) *Начальныя основанія русскаго языка*. Эта книга, названная для упражненій въ I и II классахъ, заключала въ себѣ: алфавитъ, правила выговора, отрывочныя мысли, съ польскимъ подстрочнымъ переводомъ, статьи изъ христіанскаго нравоученія, рассказы, описанія, басни и под., съ указаніемъ значенія болѣе трудныхъ словъ; въ концѣ приложено собраніе болѣе употребительныхъ въ русской грамматикѣ терминовъ; 2) *Хрестоматія*. Она состоитъ изъ двухъ томовъ, второй томъ изъ двухъ частей и представляетъ отрывки и цѣлыя статьи исключительно изъ произведеній русскіхъ писателей, расположенныя въ порядкѣ тогдашней риторической системы, именно въ 1-мъ томѣ: описанія, повѣствованія, разговоры и письма; во 2-мъ томѣ въ 1-й части—проза учебная и философская, поэзія лирическая и дидактическая, во 2-й части—поэзія эпическая и драматическая.

12 января 1837 года ¹⁾ г. Шиповъ представилъ князю Паскевичу проектъ новаго расписанія уроковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ а) на русскій языкъ назначено было 41 урокъ; б) русскую и всеобщую географію, статистику и исторію положено было преподавать на русскомъ языкѣ; для чего назначалось 27 уроковъ, такъ что всего обязательнаго преподаванія на русскомъ языкѣ приходилось 68 (изъ 292)

¹⁾ Въ архивѣ Варшавскаго учебнаго округа подъ общимъ № 1709 специальное дѣло: „Относительно преподаванія уроковъ на русскомъ языкѣ въ гимназіяхъ и обводовыхъ училищахъ“ въ 1837 и 1839 годахъ.

уроковъ, а потомъ предполагалось назначить во (все учебныя заведенія по одному русскому учителю сверхъ штата; в) независимо отъ сего, положено было побудить всѣхъ учителей, знающихъ русскій языкъ, преподавать порученные имъ предметы по-русски, за что каждому изъ нихъ выдавать ежегодно особое вознагражденіе сверхъ штатнаго жалованья. Видѣтъ съ тѣмъ, поручено было новому члену совѣта просвѣщенія Павлищеву и учителю Бклицкому составить программы и избрать учебники по всѣмъ предметамъ русскаго обученія въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ октябрѣ того же года этотъ трудъ былъ оконченъ, при чемъ Павлищевъ поспѣшно составилъ по Устрялову *Русскую исторію*, „приспособивъ“ ее для учебныхъ заведеній Царства Польскаго. Такимъ образомъ, назначены были: а) для русской статистики (въ высшихъ 4-хъ классахъ) Руководство Булгарина; б) для всеобщей статистики — книга Цѣтунина: *Новѣйшая статистики европейскихъ государствъ*, которую положено было пройти въ V, VI и VII классахъ. Ту и другую науку положено было при этомъ „начать во всѣхъ классахъ сначала“, такъ какъ „до сихъ поръ русской статистикѣ не учили, или учили, но весьма кратко“, тоже и всеобщей; в) для всеобщей и г) русской географіи.—Руководство Арсеньева, при чемъ относительно первой требовалось: „текстъ книги сокращать по мѣрѣ возможности“ и, кромѣ того, въ I классѣ преподавать на польскомъ языкѣ; д) для всеобщей исторіи — Руководство Кайданова и е) для русской исторіи—учебникъ Павлищева, который назначался собственно для высшихъ трехъ классовъ (IV—VII), въ низшихъ же классахъ (II—IV) полагалось, до изданія соотвѣтственнаго руководства, пройти по учебнику Павлищева введеніе и первую главу—до нормановъ. Программы по всѣмъ этимъ предметамъ ограничивались указаніемъ, какія главы въ какомъ классѣ должно пройти по учебникамъ.

Тогда же и тѣми же лицами составлена была въ первый разъ съ 1833 года программа русскаго языка и словесности. По этой программѣ полагалось пройти: въ I и II классахъ, по грамматикѣ Греча, о словосочиненіи. При этомъ требовалось „половину положенныхъ для русскаго языка часовъ посвятить на чтеніе по-русски и переводъ съ русскаго на польскій языкъ“; въ I классѣ первыя двѣ трети преподаванія производить на польскомъ языкѣ, послѣднюю треть на русскомъ. Въ III классѣ требовалось кончить всю грамматику; упражненіе въ чтеніи съ разборомъ грамматическимъ производить по статьямъ 1-й части хрестоматіи Рклицкаго; занимать учениковъ переводами съ польскаго на русскій языкъ по книгѣ: *Wypisy polskie na klassej pierwszej*; въ IV классѣ повторить всю грамматику; при этомъ „занимать учениковъ чтеніемъ и переводомъ изъ русской хрестоматіи столько, чтобы къ концу учебнаго года *прочитать весь I-й томъ*; для переводовъ съ польскаго употреблять *Wypisy polskie na klassej III*; задавать ученикамъ легкія темы для собственныхъ сочиненій, которыя потомъ разбирать въ классѣ со стороны грамматической. Составители программы выражаютъ смѣлое по тому времени желаніе, чтобы къ концу года ученики могли безошибочно объясняться и писать по-русски.

Словесность полагалось проходить по запискамъ, выдаваемымъ учителемъ; въ V классѣ требовалось пройти изъ риторики: объ описаніяхъ, повѣствованіяхъ, разговорахъ, письмахъ и прозѣ философской; задавать ученикамъ сочиненія и подражанія по первымъ двумъ отдѣламъ; „одну лекцію посвящать чтенію нѣкоторыхъ легчайшихъ статей изъ II-го тома хрестоматіи, а другую—переводамъ съ польскаго на русскій языкъ изъ книги: *Pamiętki po dobrym ojcu*, или *Wypisy polskie na klassej III*“. Въ VI классѣ полагалось пройти изъ риторики: о краснорѣчии духовномъ, свѣтскомъ и судебномъ, правила русскаго стихосложенія, о повѣи ли-

рической и дидактической, при чемъ требовалось упражнять учениковъ въ переложеніи стиховъ въ прозу, а также съ польскаго по той же книгѣ: *Pamiętki po dobrym ojcu*. Въ VII классѣ: о поэзіи эпической и драматической; рекомендовалось упражнять учениковъ въ подражаніи, но „только способнѣйшихъ“, а прочимъ задавать лишь разборы и переложеніе стиховъ въ прозу; въ послѣднюю треть давать ученикамъ „по одному большому сочиненію, которое служило бы доказательствомъ разностороннихъ успѣховъ ихъ въ русскомъ языкѣ“.

Составители программы въ заключеніе замѣчаютъ, что въ теченіе 18³⁸/₃₉ учебнаго года эта программа *не можетъ быть выполнена*, такъ какъ русскій языкъ преподается всего пять лѣтъ, а потому требуютъ, чтобы къ концу этого года въ точности пройдено было то, что по программѣ требуется для I—VI классовъ, въ VII же и VIII классахъ должно быть сокращенно пройдено то, что положено для VI и VII классовъ.

Хотя кромѣ этого сухого перечня занятій въ каждомъ классѣ, программа не включаетъ въ себѣ никакихъ другихъ указаній, настоятельно требуемыхъ тѣмъ хаосомъ, въ которомъ находилось преподаваніе русскаго языка въ теченіе пяти лѣтъ, особенно же объясненій тѣхъ загадочныхъ сношеній учителя русскаго языка съ учителемъ языка польскаго, которыя предписаны были первоначальною инструкціею, тѣмъ не менѣе эта программа, въ соединеніи съ учебникомъ Рклицкаго должна была сообщить преподаванію русскаго языка по крайней мѣрѣ внѣшній порядокъ, систему и полноту курса и освободить, наконецъ, этотъ важный предметъ отъ „личнаго усмотрѣнія преподавателей и начальниковъ учебныхъ заведеній“, по которому преподаваніе проивводилось безъ всякаго отношенія къ возрасту и степени развитія учащихся, такъ что въ теченіе пяти лѣтъ не пройденъ

былъ полный курсъ русскаго языка, и только въ послѣднемъ году начато было преподаваніе русской словесности.

Но, не ограничиваясь внѣшнимъ порядкомъ курса русскаго языка, генераль Шиповъ не мало заботился и о внутреннемъ направленіи его. Предписанное первоначальною инструкціею сближеніе между языками русскимъ и польскимъ доселѣ оставалось не опредѣленнымъ въ своихъ подробностяхъ и задачахъ и подчинено было исключительно личному усмотрѣнію преподавателей начальныхъ учебныхъ заведеній. Понимая, какъ мало можно было въ то время выяснитъ эту важную задачу однѣми программами и инструкціями, генераль Шиповъ задумалъ издать полный курсъ обученія русскому языку въ сличеніи его съ польскимъ. Въ томъ же 1838 году онъ предложилъ учителю Варшавскаго уѣзднаго училища на Мурановѣ Ѳомѣ Кургановичу, служившему въ прежнее время въ бѣлорусскихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ главномъ педагогическомъ институтѣ и представившему въ рукописи свои опыты сближенія польскаго языка съ русскимъ, составить „русскую грамматику для обученія польскаго юношества, съ тѣмъ, чтобы она заключала въ себѣ правила, выведенныя по возможности изъ сличенія и сходства языковъ польскаго и русскаго“. Совѣту просвѣщенія тогда же поручено было снабдить Кургановича по этому дѣлу инструкціею. Кургановичъ усердно занялся этою важною работою, но совѣтъ просвѣщенія медлилъ изданіемъ для него инструкціи¹⁾....

Всѣ исчисленныя мѣры вошли въ силу, начиная съ января 1839 года. Но въ томъ же году г. Шиповъ долженъ былъ оставить службу; вслѣдъ за тѣмъ наступило новое преобразование учебныхъ заведеній, а потому всѣ означенныя

¹⁾ Инструкція не была выдана и впоследствии, несмотря на просьбу Кургановича (въ 1841 году), а потому и трудъ его не былъ исполненъ.

мѣры не могли принести никакихъ существенныхъ плодовъ.

Въ чемъ же состояло въ теченіе этого періода направленіе преподаванія русскаго языка? Какому способу слѣдовали преподаватели, и какихъ результатовъ они достигали?

При отсутствіи программы и инструкціи, мы можемъ судить объ этомъ только по крайне отрывочнымъ, слишкомъ общимъ и скуднымъ отзывамъ тѣхъ же директорскихъ и визитаторскихъ отчетовъ и по учебникамъ. Предоставленное „усмотрѣнію преподавателей и наставниковъ“, преподаваніе русскаго языка до 1839 года подчинено было личному вліянію визитаторовъ, какъ главныхъ органовъ учебнаго управленія въ руководствѣ учебными заведеніями. На основаніи отрывочнаго и загадочнаго требованія первоначальной инструкціи, чтобы „учитель русскаго языка и словесности сносился съ учителемъ польскаго языка и словесности—въ той цѣли, чтобы эти два предмета больше и больше сближались между собою, опираясь другъ на друга, и оказывали вліяніе одинъ на другой“, постепенно выработалась и ревниво поддерживалась учебнымъ управленіемъ такая постановка этого дѣла: „польскій языкъ долженъ стоять въ центрѣ филологическаго обученія“ (часто повторяется фраза), а потому учитель русскаго языка и словесности: 1) не долженъ заниматься на своихъ урокахъ никакими теоретическими опредѣленіями и объясненіями, но долженъ ограничиваться отъ начала до конца исключительно практическими цѣлями и задачами, состоящими въ простомъ обученіи учениковъ говорить и писать по-русски правильно, и въ ознакомленіи ихъ съ важнѣйшими произведеніями русской литературы; 2) онъ долженъ располагать свои уроки такъ, чтобы польскій товарищъ его всегда шелъ впереди его, дабы, въ случаяхъ необходимости теоретическихъ объясненій, можно было сослаться на объясненія польскаго учителя. Важнѣйшимъ приемомъ, въ которомъ полагаали всю силу преподаванія и всю

задачу его, считали простой переводъ русскаго слова на польское. Этому требованію подчинены были все термины и положенія русской грамматики и словесности и все упражненія. Переводъ въ низшихъ классахъ съ русскаго на польскій языкъ, въ вышихъ классахъ съ польскаго на русскій считался душою дѣла, краеугольнымъ камнемъ преподаванія и успѣховъ въ русскомъ языкѣ. Въ этихъ видахъ, и директоры, и визитаторы постоянно торопили русскихъ учителей поскорѣе и получше изучать польскій языкъ и степенью успѣха въ немъ цѣнили достоинство и успѣхъ преподаванія русскаго языка. Въ спискѣ служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ за 1835 годъ, съ отмѣтками директоровъ о способностяхъ и усердіи ихъ, читаемъ, напримѣръ, объ учителѣ Радомской гимназіи Марковѣ: „хорошо изучилъ польскій языкъ, *отчего* ученики получали великую пользу, заслуживаетъ во всехъ отношеніяхъ вниманія правительства и похвалы“;—или объ учителѣ Пултускаго уѣзднаго училища Львовѣ: „мало знаетъ польскій языкъ, а *потому* успѣхи слабы“ (Львовъ скоро долженъ былъ оставить службу учительскую). Въ 1839 году визитаторъ Суминскій въ своемъ отчетѣ (написанномъ на русскомъ языкѣ) объ осмотрѣ многихъ учебныхъ заведеній, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Тамъ, гдѣ учитель способенъ и *знающій польскій языкъ*, въ русскомъ языкѣ оказались большіе успѣхи. Совершенно противное обнаруживается тамъ, гдѣ учитель или не знаетъ преподаваемого имъ предмета (къ сожалѣнію, такихъ было не мало), или не былъ въ состояніи *объясняться по-польски*, въ случаѣ надобности“. Поэтому Суминскій даетъ рѣшительный совѣтъ: „избирать учителей способныхъ и *знающихъ польскій языкъ*“.

Ничего подобнаго не представлялось учителю польскаго языка въ отношеніи къ русскому языку. Онъ не былъ связанъ какими-либо сношеніями съ русскимъ учителемъ и оставался вполне самостоятельнымъ и независимымъ въ своемъ

преподаваніи. Русскій учитель сносился съ нимъ не для того, чтобы установить взаимное, дѣйствительное соглашеніе между двумя предметами, но единственно, чтобы получать отъ него на каждый случай инструкціи и находиться въ постоянной зависимости отъ него, служить преимущественно цѣлямъ польскаго языка всѣмъ составомъ своего предмета. Такъ было въ дѣйствительности. Объясненія на польскомъ языкѣ, непрестанные переводы съ русскаго на польскій языкъ и обратно сами по себѣ на половину обрапали уроки русскаго языка въ уроки языка польскаго. Но гораздо важнѣе въ этомъ дѣлѣ то, что русскій языкъ, уступивъ все свое образовательное значеніе польскому, и самъ лишенъ былъ важнѣйшей своей внутренней опоры—своей логической стороны, которая одна могла показать достоинство и силу его и способна была возбудить любознательность учениковъ и твердо запечатлѣвать въ памяти ихъ свои особенности. Отсюда происходили всѣ тогдашнія невзгоды русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ.

Во-первыхъ, онъ прежде всего терялъ свое достоинство въ стѣнахъ учебныхъ заведеній и, сбитый исключительно на практическую дорогу, лишенный тѣхъ элементовъ, которые принадлежали каждой наукѣ, считался и учениками, и служащими ниже всѣхъ предметовъ и находился у всѣхъ въ полномъ пренебреженіи, какъ нѣчто грубое, не имѣющее омысла и нравственной силы. Русскіе учителя, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могли измѣнить этого печальнаго положенія своего предмета, — визитаторы и директора строго блюли, чтобы они не отступали отъ „инструкціи“. Вспомнимъ педагогическую подготовку и степень образованія значительной части ихъ.... Педагогическая подготовка русскіхъ директоровъ и инспекторовъ, поставленныхъ генераломъ Шиповымъ, дѣлала ихъ совершенно некомпетентными судьями въ этомъ отношеніи. При всѣхъ своихъ энергическихъ мѣ-

рахъ, они не могли видѣть и преогдывать внутренней причины печальнаго положенія русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ и могли только на время исправлять внѣшній видъ его, чѣмъ только маскировали зло. Русскіе учителя тянулись за польскими на буксирѣ, питались крушицами со стола ихъ, пережевывали разные элементы польскаго языка, — понуждаемые директорами и визитаторами, они учились весьма усердно польскому языку. Осудимъ ли ихъ за то, что этимъ путемъ они неизбежно и незамѣтно для самихъ себя пришли въ концѣ этого періода къ ополяченію и самихъ себя? За весьма небольшимъ исключеніемъ, всѣ они въ это время уже женились на полькахъ, устроили свой домашній бытъ на польскій ладъ и въ своемъ частномъ быту не знали другого языка, кромѣ польскаго....

Во-вторыхъ, это зависимое, безличное положеніе русскаго языка затрудняло изученіе его на каждомъ шагу. Съузвивъ до послѣдней степени сферу практики въ русскомъ языкѣ на урокахъ, при отсутствіи для учениковъ всякой практики за стѣнами учебнаго заведенія, они стали въ прямое противорѣчіе съ главною задачею преподаванія и затруднили изученіе тѣхъ сторонъ въ русскомъ языкѣ, которыя преимущественно усвоятся практикою. Затрудненія начинались съ первыхъ же шаговъ, именно — съ выговора и ударенія.

Когда поляки учились русскому языку у своихъ собственныхъ учителей, въ то время, за невозможностью учиться произношенію и выговору изъ живой рѣчи, они обращались къ равнообразнымъ правиламъ, которыя должны были замѣнить для нихъ практику. Для правильнаго произношенія буквъ и чтенія цѣлой рѣчи, подписывали подъ ними соотвѣтственные польскіе звуки и слова. Этотъ приѣмъ вполнѣ удержанъ былъ русскими учителями въ теченіе разсматриваемаго періода. При значительномъ большинствѣ учителей изъ уроженцевъ западнаго края, гдѣ въ то время не легко было

усвоить себѣ чистый великорусскій выговоръ, при разнообразіи этого выговора, котораго учителя изъ великороссовъ не могли свести къ единству, установленіе правилъ на каждый отгѣнокъ выговора казалось совершенно необходимою. Тутъ царствовалъ тотъ же всемогущій пріемъ, которому приписывали всю силу успѣха, именно простой переводъ русскаго звука на польскіе звуки. Въ каждомъ тогдашнемъ руководствѣ для обученія чтенію помѣщались обстоятельныя правила, въ какихъ случаяхъ и какъ выговаривать ту или другую русскую букву. Не оказывалось ни одной гласной и значительной части согласныхъ, которыя произносились бы такъ, какъ писались; иныя буквы имѣли по четыре и по пяти различныхъ звуковъ, такъ что для поляка, привыкшаго выговаривать на своемъ языкѣ буквы такъ, какъ онѣ написаны, изученіе русскаго языка съ перваго же шагу представляло чрезвычайныя затрудненія. Но какъ ни усиливался ученикъ, онъ не могъ безъ живой практики уловить отгѣнковъ русскаго выговора, все у него выходило дико, уродливо. Особенно дико звучали въ говорѣ его простые, повидимому, отгѣнки буквъ *a, o, e, ъ, z, k*. Когда ученикъ читалъ „по правиламъ“, читалъ: *часы, шелунъ и под.*, то произносилъ здѣсь *e*, какъ обыкновенный въ польскомъ языкѣ звукъ *e*, безъ всякаго отношенія къ тому отгѣнку, который оно получаетъ въ этомъ случаѣ въ выговорѣ великоросса. Точно также дико звучали при чтеніи: *каварить, человѣкъ, дружъ, Петербурхъ, што, хто, нарошна, скушна* и т. д. Рклицкій, въ *Начальныхъ основаніяхъ*, въ наставленіи учителю говорить, „что совершенно правильное и чистое произношеніе пріобрѣтается употребленіемъ и обращеніемъ съ людьми хорошо знающими языкъ“, но самъ начинаетъ свое руководство подробными правилами выговора и произношенія и требуетъ „не приниматься за чтеніе дотолъ, пока учащійся не будетъ въ состояніи объяснить произношеніе каждой буквы порознь“; самыя правила изложены у него на языкѣ польскомъ.

Не меньшія затрудненія представляли ударенія, которыя въ самомъ польскомъ языкѣ установлены простымъ механическимъ способомъ (на предпоследнемъ слогѣ), а въ русскомъ подчинены логическимъ законамъ. Придумывали разные способы къ устраненію этихъ затрудненій. Такъ, печатали въ учебникахъ воѣ буквы съ удареніемъ курсивомъ, но курсивъ ускользалъ отъ глазъ, и потому обратились къ черточкамъ и палочкамъ. Воѣ учебныя книги для всѣхъ классовъ печатались съ удареніями. Но и это мало пособяло дѣлу, особенно при первоначальномъ обученіи. Рклицкій, въ *Начальныхъ основаніяхъ*, придумалъ такой способъ: гласную съ удареніемъ онъ печаталъ курсивомъ, надъ нею ставилъ палочку, а слѣдующій за нею слогъ отдѣлялъ длинною чертою (—) въ томъ предположеніи, что если бы ученикъ проѣзжалъ курсивъ и палочку, то онъ непременно зашнется предъ чертою, протянетъ стоящую предъ нею гласную, и такимъ образомъ получится удареніе, напримѣръ „*е́*—жели *бу́*—демъ чело́вѣколю́би—вы, то *бу́*—демъ отъ люде́—й лю́би—мы“ . Вторая половина этого учебника, назначенная для II-го класса, напечатана съ меньшими отступленіями и безъ черточекъ, именно такъ: „Помни всѣкой христіа́нинъ, что Богъ на са́мья твоѣ мы́сли и на́мѣренія смѣ́трить“ . Но воѣ эти механическія усилія замѣнить живую практику мало помогали дѣлу, ученики до конца курса встрѣчали непобѣдимую трудность въ удареніяхъ, о чемъ согласно говорятъ отчеты всѣхъ визитаторовъ. Рклицкій при первомъ изданіи своей *Хрестоматіи* (въ 1837 году), во второй части ея, назначенной для старшихъ классовъ (VI, VII и VIII) не поставилъ удареній, т. е. палочекъ надъ словами, но при второмъ изданіи (въ 1838 году) вынужденъ былъ поставить ихъ, такъ какъ, по словамъ его (въ предисловіи), „у ча́щіеся находятъ для себя *большую трудность* въ томъ, чтобы по книгѣ, не имѣющей этихъ знаковъ, приготовиться въ домѣ

исправно читать и тѣмъ самымъ приучаются къ неправильному произношенію словъ“.

Не легче дѣлались и дальнѣйшіе шаги въ изученіи русскаго языка, т. е. въ этимологіи и синтаксисѣ. Здѣсь отъ начала до конца царилъ одинъ приемъ—простой переводъ этимологической формы и синтаксическаго строя на польскій языкъ, безъ всякихъ объясненій, и затѣмъ общіе олучаи (правила) затверживались при помощи грамматики Греча въ переводѣ Глѣбовича. Изъ всѣхъ тогдашнихъ учебниковъ русскаго языка видно, что польскій языкъ не только съ своей стороны не хотѣлъ вступать ни въ какое соглашеніе съ русскимъ, но изыскивалъ всѣ способы, чтобы не имѣть съ нимъ ничего общаго и воздвигалъ всевозможныя препоны тамъ, гдѣ русскій языкъ совершенно мирно сходилъ съ нимъ. Въ этомъ дѣлѣ польскій языкъ шелъ путемъ, прямо противоположнымъ тому, о которомъ нѣкогда такъ восторженно мечталъ Линде, теперь совсѣмъ замолкшій и спокойно глядѣвшій на насильственные похороны нѣкогда любимѣйшей идеи его. И учебники, и преподаватели, и руководители ихъ слѣдовали той системѣ, которую безознательно установило въ прежнемъ періодѣ невѣжество, спекуляція и наивное желаніе блеснуть званіемъ тонкихъ отгѣнковъ въ обоихъ языкахъ. Всѣ исчисленные нами учебники русскаго языка отличались усердіемъ въ подыскиваніи различныхъ значеній и отгѣнковъ даже для тождественныхъ въ обоихъ языкахъ словъ и формъ. За ними слѣпо пошелъ и Рклицкій. Въ *Начальныхъ основаніяхъ* его безъ всякой нужды на каждомъ шагу встрѣчаются такіе, напримѣръ, переводы съ одного на другой: образъ—*sposob* (способъ), другой—*inny* (иной), предѣлъ—*granica* (граница), дѣло—*robota* (работа), врагъ—*nieprzyjaciel* (непріятель), положитъ—*przyjąć* (допустить) и многіе другіе, тогда какъ въ польскомъ языкѣ имѣются совершенно тождественныя слова: *obraz, drugi, przedziel, dzieło, wróg, położyć* и т. д., а въ русскомъ имѣются другія то-

жественныя съ переводомъ: способъ, иной, граница и д. т. При переводахъ цѣлой рѣчи иногда какъ бы намѣренно измѣняли русскій или польскій строй, напримѣръ въ томъ же учебникѣ Рклицкаго на стр. 12: „Приобрѣтай трудомъ то, въ чемъ имѣешь нужду“—*Pracuj nad tem, co ci jest potrzebne*; или на стр. 16: „Везъ голода: не употребляй пищи, безъ жажды не пей воды“ (и по смыслу, и по строю, фраза дикан)—*Kiedy nie takniesz (алчешь), nie używaj pokarmu, kiedy nie masz pragnienia, nie pij wody*. Въ 1837 году авторъ знакомыхъ намъ *Wyprós*'овъ Леонъ Рогальскій, состоявшій уже въ то время въ должности секретаря совѣта просвѣщенія, собралъ всѣ слова, имѣющія въ русскомъ и польскомъ явкахъ одинаковое значеніе, но различныя по произношенію, и составилъ цѣлый словарь, который, по распоряженію генерала Головнина, напечатанъ былъ на казенный счетъ и разосланъ во всѣ учебныя заведенія, чѣмъ окончательно утверждена въ нихъ насильственно проведенная демаркаціонная линія между этими двумя языками. Само собою понятно, что всѣ, дѣйствительно различныя отъ русскихъ польскія формы, въ противоположность рѣшительнымъ совѣтамъ Линде, а равно и всѣ иностранныя слова и формы, которыми безъ всякой нужды такъ испещренъ польскій языкъ, береглись въ немъ, какъ оватыня.

Такъ, начиная съ произношенія и удареній и оканчивая цѣлымъ строемъ рѣчи, русскій языкъ, оставаясь покорнымъ слугою польскаго языка, не смѣлъ имѣть съ нимъ ничего общаго и долженъ былъ во всемъ отличать себя отъ своего господина. Изъ краткихъ и голослѣвныхъ отрывковъ директоровъ и визитаторовъ за 1839 годъ мы видимъ, что ученики низшихъ классовъ не понимали преподаванія ариеметики на русскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего имъ очень хотѣлось, чтобы этотъ предметъ по прежнему преподавался на языкѣ польскомъ; ученики высшихъ классовъ заучивали рус-

скую исторію на память, потому что затруднялись излагать разказы своими словами по-русски. Директоръ Сѣйненской гимназіи говоритъ, что „это обстоятельство сдѣлало исторію (въ VI, VII и VIII клас.) предметомъ болѣе декламаци, чѣмъ науки, и вынуждало часто повторять одно и то же“. Членъ совѣта просвѣщенія Крузениптернъ, послѣ обозрѣнія учебныхъ заведеній Люблинской губерніи, находитъ, что Щебржешинская гимназія лучше Люблинской (считавшейся всегда между лучшими) и вообще находится въ отличномъ состояніи, но что въ русскомъ языкѣ ученики низшихъ четырехъ классовъ оказали „слабые успѣхи“, ученики V класса „нуждаются въ словахъ и худо переводятъ“. То же, или почти то же, ревизующіе находили и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, всегда приписывая неуспѣхъ учениковъ или нерадѣнію русскаго учителя, или невнанію имъ польскаго языка. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ визитаторы хвалятъ успѣхи въ русскомъ языкѣ; но въ чемъ состояли эти успѣхи, объ этомъ ничего не говорится въ отчетахъ. Когда польскіе учителя, побуждаемые г. Шиповымъ и наскоро изучивъ русскій языкъ, начали преподавать порученные имъ предметы по-русски, то въ учебныхъ заведеніяхъ появился дикій польско-русскій жаргонъ. Послѣ перваго же опыта такого преподаванія, генералъ Шиповъ вынужденъ былъ поручить директорамъ, подъ личною отвѣтственностью ихъ, допускать къ преподаванію на русскомъ языкѣ только тѣхъ учителей, которые достаточно владѣютъ имъ.

Остальнымъ предметамъ русскаго обученія досталось въ учебныхъ заведеніяхъ не менѣе тяжелое положеніе, чѣмъ представителю ихъ—русскому языку.

Русскую исторію первоначально рѣшено было преподавать по учебнику, издавна принятому въ имперіи для народныхъ училищъ и переведенному на польскій языкъ подъ заглавіемъ: *Krótka Hystorya Rossyjska* (тощая книжка, представляющая исторію Руси до завоеванія Западной Руси

Литвою и Польшею, а затѣмъ только исторію Московскаго государства въ біографіяхъ великихъ князей и царей), но вскорѣ затѣмъ принято было комитетомъ другое рѣшеніе, а именно—обучать русской исторіи по запискамъ, выдаваемымъ учителями, и притомъ въ соединеніи съ польскою исторіею. Преподаваніе ея казалось вначалѣ крайне труднымъ, въ виду постановленія совѣта управленія относительно всего, что могло бы вредить доброму согласію между русскими и поляками, какъ понимали тогда это постановленіе. Впрочемъ, въ то время въ самой Россіи весьма немногіе еще ясно себѣ представляли, кому должна принадлежать Литва и Западная Русь. Въ русскихъ учебникахъ исторіи этотъ вопросъ оставался нейтральнымъ: въ нихъ излагалась исторія Западной Руси только до завоеванія ея Литвою и Польшею, а затѣмъ все ограничивалось исторіею только Московскаго царства. Послѣ 1831 года русскіе историки, въ особенности Устряловъ, имя котораго останется навсегда почтеннымъ преимущественно въ борьбѣ за Западную Русь, начали настаивать, чтобы и Западная Русь, и Литва включены были въ русскую исторію. Въ 1837 году министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ разослалъ во всѣ учебныя заведенія и ученыя учрежденія инструкцію для составленія учебника русской исторіи, въ которомъ строго проведены были бы начала православія, самодержавія и русской народности, и въ которой подробно изложена была бы исторія Западной Руси съ Литвою на тѣхъ же началахъ. Ходъ и направленіе событій въ этой послѣдней рѣзко очерчены въ инструкціи. За лучшій учебникъ русской исторіи предлагалась премія въ 10 тысячъ руб. сер. и изданіе на казенный счетъ, съ предоставленіемъ автору права пользоваться какъ этимъ, такъ и послѣдующими изданіями. Это приглашеніе, по просьбѣ графа Уварова, разослано было во всѣ учебныя заведенія Царства Польскаго, и хотя не нашло здѣсь желающихъ принять участіе въ конкурсѣ, но, по крайней

мѣръ, должно было сильно поколебать установившійся въ нихъ взглядъ на принадлежность Литвы и Западной Руси Польшѣ. Въ началѣ 1839 года учебникомъ русской исторіи введена была *Русская исторія по Устрялову*, составленная Павличевымъ, и преподаваніе ея началось на русскомъ языкѣ. При этомъ случаѣ оказалось, что русская исторія въ прежніе годы вовсе не преподавалась во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, и преподаваніе ея началось вновь съ 1839 года, почему, какъ свидѣтельствуесть визитаторъ Суминскій въ отчетѣ 1839 года, послѣ обозрѣнія многихъ учебныхъ заведеній, въ гимназіяхъ и обводовыхъ училищахъ „изъ русской исторіи (и географіи) во всѣхъ почти классахъ преподавалось одно и то же“.

Русская географія, по первоначальному постановленію, должна была проходиться по учебнику Контантинова, переведенному на польскій языкъ Леономъ Рогальскимъ. При г. Шиповѣ установилось преподаваніе ея на русскомъ языкѣ, по учебнику Арсеньева.

Русская статистика, положенная въ программѣ для VIII класса въ видѣ особаго предмета, преподавалась по учебнику, изданному въ 1826 году Глѣбовичемъ: *Rys Statystyki Państwa Rosyjskiego* (Очеркъ статистики русскаго государства)—тощій очеркъ тогдашняго состоянія Россіи почти исключительно въ предѣлахъ Московскаго царства. Комитетъ въ самомъ началѣ поручилъ автору пополнить это изданіе статистикою Царства Польскаго. Глѣбовичъ спустя четыре года, именно въ 1837 году, представилъ это пополненное изданіе, но въ немъ по прежнему не оказалось статистики Царства Польскаго, которой авторъ, по словамъ его, „не успѣлъ“ составить. Тѣмъ не менѣе это, пополненное въ прежнихъ частяхъ своихъ, изданіе сдѣлано на казенный счетъ и оставалось по прежнему учебникомъ, пока при генералѣ Шиповѣ не замѣнено было руководствомъ Булгарина съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ.

Предположенное г. Шиповымъ назначеніе по одному сверхштатному руссокому учителю въ каждое изъ учебныхъ заведеній, для преподаванія всѣхъ этихъ предметовъ, не получило утвержденія въ законодательномъ порядкѣ, по неимѣнію достаточныхъ суммъ. Тѣмъ не менѣе, учебному управленію предоставлено было назначать такихъ учителей на счетъ оvoidныхъ по учебнымъ заведеніямъ суммъ, и въ 1839 году назначены были сверхштатные русскіе учителя въ Варшавскія гимназіи. Но съ увольненіемъ генерала Шипова, назначеніе этихъ учителей прекратилось. Русская исторія, географія и статистика, кромѣ Варшавскихъ учебныхъ заведеній, всюду почти преподаваемы были польскими учителями.

Наконецъ, Законъ Божій православнаго исповѣданія. Этому важнѣйшему для русскихъ учениковъ въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ предмету выпала самая тяжелая доля. Въ 1834 году для всѣхъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ назначенъ былъ, по малочисленности православныхъ учениковъ и ученицъ, одинъ законоучитель—протоіерей Теофілъ Новицкій, который собиралъ учениковъ изъ всѣхъ заведеній вмѣстѣ въ неурочное время, распредѣлялъ ихъ по своему усмотрѣнію по возрасту и по степени познаній и обучалъ ихъ священной исторіи и катехивису. Онъ одинъ былъ хозяиномъ всего этого дѣла; учебное управленіе не относилось къ нему ни посредствомъ директоровъ, ни посредствомъ визитаторовъ. Разумѣется, ученики, въ неурочное время, со всѣхъ концовъ Варшавы не охотно шли на эти уроки, никѣмъ не контролируемые. Самъ законоучитель, неопій на себѣ въ то же время обязанности каедральнаго протоіеря, благочиннаго церковей въ Царствѣ Польскомъ, члена комиссіи внутренихъ и духовныхъ дѣлъ, члена комиссіи по постройкѣ зданій для православной каедры и разныхъ другихъ комиссій, которыхъ не мало было въ то время въ Варшавѣ, безъ сомнѣнія, не могъ быть исправнымъ въ отноше-

ніи къ преподаванію и благоустройству всего этого дѣла. Въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ до 1837 года не было православныхъ законоучителей, но приходскіе священники, гдѣ они были, напримѣръ, въ Люблинѣ, Радомѣ, Петровѣ, Калишѣ, по требованію духовной власти, занимались обученіемъ православныхъ учениковъ Закону Божію также въ неурочное время, не имѣя въ этомъ дѣлѣ никакихъ отношеній къ учебному управленію. Въ 1837 году предложено было русскимъ учителямъ, получившимъ образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, принять на себя преподаваніе Закона Божія ученикамъ православнаго исповѣданія, на тѣхъ же основаніяхъ, какія приняты были въ Варшавѣ, и съ вознагражденіемъ по 75 руб. въ годъ. Но это распоряженіе не было обязательнымъ для нихъ; къ учителямъ же изъ воспитанниковъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній оно вовсе не относилось. Такимъ образомъ, обученіе православной религіи производилось только въ весьма немногихъ мѣстахъ. Ни директора, ни вивитаторы вовсе не касаются этого предмета въ своихъ отчетахъ.

III.

(1840—1846 г.).

20-го ноября 1839 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи Варшавскаго учебнаго округа, съ подчиненіемъ его министру народнаго просвѣщенія въ имперіи. Эта мѣра и сама по себѣ была весьма внушительна, какъ рѣшительный шагъ къ слиянію Царства Польскаго съ Русскою имперіею въ одной изъ самыхъ жизненныхъ сторонъ народнаго быта. Въ соединеніи съ другими, почти одновременно послѣдовавшими, событіями, она должна была встревожить весь польскій міръ. Въ мартѣ того же года произошло воссоединеніе бѣлорусскихъ греко-уніатовъ съ право-

славною Церковію, а вслѣдъ затѣмъ Высочайше повелѣно прекратить преподаваніе польскаго языка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго края. Судьба этихъ послѣднихъ областей такимъ образомъ рѣшена была окончательно. Польско-католическій міръ, а также и русскіе въ Царствѣ Польскомъ убѣждены были, что распоряженіемъ объ образованіи Варшавскаго учебнаго округа готовится такая же судьба и Царству Польскому: вновь возникшіе разговоры и открытыя попытки къ возмущенію, повидимому, рѣшили участь поляковъ въ мысляхъ императора Николая. Въ началѣ слѣдующаго 1840 года, прежде открытія дѣйствій учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія проводилъ въ Варшаву русскіе учебники по всѣмъ предметамъ съ предписаніемъ ввести ихъ въ учебныя заведенія. 31 августа того же года Высочайше утвержденъ новый уставъ¹⁾ учебныхъ заведеній Царства Польскаго (съ раздѣленіемъ на филологическія и реальныя). Для русскаго языка въ гимназіяхъ назначено при этомъ 28 уроковъ, а спустя годъ, именно съ іюля 1841 года, прибавлено еще 5 уроковъ, для русской исторіи положено 12 уроковъ, для русской географіи и статистики 6 уроковъ. При этомъ въ первый разъ введенъ въ курсъ учебныхъ заведеній славянскій языкъ, на который назначено было 6 уроковъ. Графъ Уваровъ въ своихъ предписаніяхъ часто напоминалъ попечителю генерал-маіору Окуневу, что „воля Государя Императора состоитъ въ томъ, чтобы устройство учебныхъ заведеній Царства Польскаго во всемъ соглашено было съ порядкомъ имперскимъ“. Ни для кого не были тайною тѣ задачи и цѣли, какія имѣло въ виду этого соглашеніе учебныхъ порядковъ съ имперскими. Нашлись и между поляками разныя лица, которымъ наскучили непрерывныя потрясенія народнаго быта

¹⁾ Сборникъ административныхъ распоряженій по дѣламъ Царства Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія, т. I, № 32 и т. III, № 23.

въ Польшѣ, и которыя желали, чтобы Россія покончила съ полонизмомъ, и указывали на учебныя заведенія, какъ на лучший способъ для достиженія этой цѣли. Въ 1840 году графъ Уваровъ, по Высочайшему повелѣнію, сообщилъ князю Паскевичу и попечителю Окуневу копію съ записки, поданной императору Николаю Павловичу польскимъ графомъ Гуровскимъ: „*Quelques données sur les bases de l'éducation et de l'enseignement en Pologne*“. Авторъ этой записки совѣтовалъ немедленно приступить къ полному слиянію польской національности съ русскою посредствомъ обученія и воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ выражалъ увѣренность, что при надлежащемъ устройствѣ учебныхъ заведеній и при твердыхъ и благоразумныхъ дѣйствіяхъ учебнаго управленія скоро не стало бы нужды въ всѣхъ школахъ Польши въ преподаваніи польскаго языка, „какъ не преподаются языки провансальскій, бретонскій или нѣмецкій въ различныхъ частяхъ Франціи“, — „русскій языкъ станетъ въ Польшѣ исключительнымъ орудіемъ мысли“, — „русская національность мало-по-малу проникнетъ польскую молодежь“, а затѣмъ „русская національная жизнь вкоренится въ Польшѣ не только механически, своимъ языкомъ, но и морально и станетъ органическою жизнію ея“. Исполненіе этой задачи казалось графу Гуровскому весьма легкимъ, если бы, съ одной стороны, допущена была полная свобода кафедръ и изслѣдованія въ отношеніи къ тѣмъ началамъ польскаго быта, которыя не заявили своей вражды къ Россіи, съ другой стороны — если бы все обученіе основано было строго на началахъ славянства. Въ особенности онъ много разчитывалъ на славянскій языкъ и совѣтовалъ усилить преподаваніе его въ учебныхъ заведеніяхъ до наибольшихъ размѣровъ, а въ начальныхъ училищахъ предлагалъ дать ему первенствующее значеніе и занимать учениковъ чтеніемъ твореній отцовъ и учителей Церкви на славянскомъ языкѣ, чтобы „очистить понятія о традиціяхъ и историческомъ происхожденіи хри-

стіанства, и то́гда законы его стали бы извѣстны во всей ихъ возвышенности¹⁾). Для насъ не важенъ самый проєктъ Гуровскаго о программѣ и курсѣ обученія въ учебныхъ заведеніяхъ, но важны искреннія желанія и надежды его въ отношеніи къ русскому языку, который онъ желалъ видѣть „орудіемъ мысли“ въ Польшѣ и органическимъ началомъ быта ея. Графъ Уваровъ, сообщая отъ 30-го ноября 1840 года князю Паскевичу копію съ этой записки, писалъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ предлагаемаго Гуровскимъ проєкта, но находитъ исполненіе его не удобнымъ въ томъ единственно отношеніи, что оно „нарушило бы единообразіе воспитанія юношества въ царствѣ и имперіи и повредило бы вводимому нынѣ порядку“, и при этомъ выражалъ убѣжденіе, что „принятія уже и предполагаемыя мѣры, общія единообразнымъ воспитаніемъ юношества въ царствѣ и имперіи *постепенное*, хотя и непоогѣшное, *сліяніе народностей*, подаеъ надежду, что высокія намѣренія Его Величества *будутъ достигнуты путемъ, нынѣ избраннымъ, болѣе естественнымъ*“.

Такія смѣлыя задачи и цѣли, такъ рѣшительно поставленныя, возбудили въ русской колоніи всеобщія надежды на благоприятныя перемены въ строѣ и характерѣ учебныхъ заведеній и ослабили въ ней давнее давнее желаніе имѣть отдѣльныя учебныя заведенія для своихъ дѣтей. Попечитель Окуневъ, въ концѣ перваго года послѣ новаго преобразованія учебныхъ заведеній, именно отъ 16-го іюля 1841 года, доносилъ министру народнаго просвѣщенія, что въ средѣ православныхъ жителей Царства Польскаго мѣстныя учебныя заведенія приобрѣли уже „всеобщее довѣріе“ и „заслуженную репутацію“, и что „хотя число учениковъ православнаго (и протестантскаго) исповѣданія не совѣтъ еще

¹⁾ Архивъ б. намѣстниковъ Царства Польскаго, № 2306.

значительно, однакоже число это, какъ видно изъ директорскихъ рапортовъ, постепенно всюду возрастаетъ“, и потому онъ хлопоталъ, чтобы поскорѣе былъ установленъ порядокъ преподаванія православнаго (и протестантскаго) Закона Божія¹⁾).

Въ январѣ 1840 года люблинскій губернаторъ генералъ-майоръ Альбертовъ представилъ главному директору внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ о необходимости устройства отдѣльныхъ училищъ для греко-уніатскихъ дѣтей, въ видахъ прекращенія полонизаціи и окатоличенія ихъ въ элементарныхъ училищахъ, подъ руководствомъ католическихъ ксендзовъ, и воспитанія ихъ въ духъ своей вѣры и народности. Генералъ Альбертовъ выражалъ при этомъ увѣренность, что существованіе такихъ училищъ, въ которыхъ преподаваніе будетъ производимо „на природномъ языкѣ жителей“ греко-уніатскаго исповѣданія, съ обученіемъ церковно-славянскому языку и при подчиненіи ихъ непосредственному завѣдыванію греко-уніатскихъ священниковъ, скоро повліяло бы на самое богослуженіе въ уніатскихъ церквахъ и постепенно вытѣснило бы изъ него польскій языкъ, на которомъ тогда повсюду уже произносились священниками проповѣди, и пѣлись различныя духовныя пѣсни. Причины неудачи проѣкта генерала Шипова объ устройствѣ такихъ училищъ въ 1838 году, т. е., въ самый разгаръ дѣла о воссоединеніи уніатовъ съ православною Церковью, которое, по желанію князя Паскевича, не должно было коснуться холмскихъ уніатовъ, теперь, повидимому, исчезли. Пылкій генералъ Окуневъ, не чуждый участія въ происхожденіи проѣкта г. Шипова, по званію въ то время члена комиссіи внутреннихъ и доховныхъ дѣлъ, энергически поддержалъ теперь проѣктъ Альбер-

¹⁾ Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія, т. II, ст. 455.

това. Онъ предлагалъ вообще въ предѣлахъ Холмской епархіи не допускать устройства училищъ римско-католическихъ, въ губерніяхъ же Люблинской, Подляской и Августовской назначать на мѣста директоровъ и инспекторовъ училищъ, а также на мѣста бургомистровъ только лицъ русскаго происхожденія православнаго исповѣданія. Но тѣмъ и кончилось дѣло о проектѣ Альбертова ¹⁾. Въ уставѣ 31 августа того же года § прежняго устава объ обученіи во всѣхъ первоначальныхъ училищахъ „чтенію и письму на польскомъ языкѣ“ измѣненъ былъ такимъ образомъ: „Во всѣхъ первоначальныхъ училищахъ дѣти обучаются... 2) чтенію печатныхъ книгъ и рукописей на *природномъ языкѣ и, по возможности, на русскомъ* ²⁾).

Въ сентябрѣ того же 1840 года было открыто, наконецъ, въ Варшавѣ духовное уѣздное православное училище. Меньше чѣмъ когда-либо можно было ожидать, чтобы это училище измѣнило свой специальный характеръ въ интересахъ свѣтскихъ семействъ. Но, съ другой стороны, въ это время возбужденныхъ надеждъ на перемѣны въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, меньше чѣмъ когда-либо можно было рассчитывать, чтобы служащія въ Царствѣ Польскомъ русскія лица отдавали своихъ дѣтей въ это училище, значительно притомъ разнившееся по своимъ программамъ отъ низшихъ классовъ гимназій. Поэтому, въ рѣдкіе годы появлялись въ немъ свѣтскіе воспитанники, и то не болѣе одного-двухъ, почти исключительно изъ класса торговцевъ. Но для духовенства Варшавской епархіи это училище оказало незамѣнимыя услуги, избавивъ его отъ тяжелой необходимости воспитывать своихъ сыновей вдаль отъ семьи, т. е., въ учебныхъ заведеніяхъ имперіи, что соединено было для него съ чрезвычайными затратами. Штатъ этого училища

¹⁾ Архивъ б. намѣстниковъ Царства Польскаго, № 2320.

²⁾ Уставъ 1840 года, § 13.

поставленъ былъ выше штата имперскихъ духовныхъ училищъ, даже духовныхъ семинарій, что давало ему возможность имѣть отличныхъ преподавателей. Вообще Варшавское духовное училище считалось однимъ изъ первыхъ духовныхъ училищъ въ Россіи.

Въ томъ же 1840 году князь Паскевичъ, не раздѣлявшій надеждъ на „слияніе народностей“ и обрусѣніе польскихъ учебныхъ заведеній и едва ли сочувствовавшій самой идеѣ обрусѣнія, — съ другой стороны — побуждаемый постоянными просьбами нѣмцевъ объ устройствѣ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній для предохраненія дѣтей ихъ отъ полонизаціи, сообщилъ графу Уварову свой проэктъ устройства въ Варшавѣ нѣмецко-русскаго училища, которому впослѣдствіи можно было бы дать большее развитіе, въ родѣ Петербургскаго Петропавловскаго училища, и въ которомъ всѣ учебные предметы преподавались бы частію на нѣмецкомъ, частію на русскомъ языкѣ, всѣ служащіе назначены были бы изъ среды русскихъ и нѣмцевъ. Графъ Уваровъ, вполне раздѣляя мысль князя Паскевича, поручилъ попечителю Окуневу представить свои соображенія по этому дѣлу. Но попечитель прежде всего рѣшилъ, что такое училище совершенно излишне для русскихъ, по незначительному числу ихъ въ Варшавѣ¹⁾, и передалъ это дѣло на обсужденіе исключительно варшавской нѣмецкой колоніи. Въ то время въ мѣстной нѣмецкой колоніи не было того согласія, которое явилось въ ней впослѣдствіи: твердые въ нѣмецкомъ духѣ, но меньшіе числомъ и матеріальными средствами лютеране недовѣрчиво глядѣли на евангеликовъ, давнихъ жителей Царства Польскаго, значительно полонизованныхъ и располагавшихъ богатыми средствами. Каждая изъ этихъ партій старалась при-

¹⁾ Въ 1842 году православныхъ прихожанъ въ Варшавѣ и въ Царствѣ Польскомъ было 12,749 душъ, не считая войскъ и инвалидовъ командъ. См. *Описаніе Варшавской епархіи* протоіерея Лотоцкаго.

своить себѣ исключительное вліяніе въ проектируемомъ училищѣ. Лютеране грозили совершенно устраниваться отъ училища, если оно подчинено будетъ вліянію евангеликовъ; евангелики же не щадили своихъ богатыхъ средствъ для подчиненія училища вѣдѣнію евангелическаго дозора. Но обѣ стороны согласны были въ томъ, что проектируемое училище должно имѣть курсъ общеобразовательныхъ гимназій, съ педагогическимъ отдѣленіемъ для приготовленія учителей въ кантораты. Больше двухъ лѣтъ длились эти споры, писались разнообразные проекты; наконецъ, по требованію графа Уварова, попечитель Окуневъ представилъ ему проектъ, составленный въ подвѣдомственномъ ему управленіи Крузенштерномъ, Суминовскимъ и Кржижановскимъ. Этотъ проектъ прежде всего полагалъ, что, по незначительности (?) русскихъ въ Варшавѣ, нѣтъ никакой надобности въ отдѣльномъ учебномъ заведеніи для дѣтей ихъ, и что училище должно быть польско-нѣмецкимъ, а не нѣмецко-русскимъ. Затѣмъ, принимая въ соображеніе, что нѣмецкая колонія въ Варшавѣ состоитъ преимущественно изъ торговцевъ, промышленниковъ и фабричныхъ, онъ полагалъ достаточнымъ преобразовать одно изъ уѣздныхъ варшавскихъ училищъ въ реальное четырехклассное же училище, съ приспособленіемъ его къ потребностямъ мелочной торговли и фабричности. Но графъ Уваровъ, соглашаясь на устройство училища реально-торгового, находилъ необходимымъ дать ему нѣмецко-русскій характеръ, чтобы оно одинаково могло служить и нѣмцамъ, и русскимъ. Съ этою цѣлью онъ сдѣлалъ въ проектѣ слѣдующія перемѣны:

- 1) Законъ Божій православнаго исповѣданія долженъ имѣть штатнаго преподавателя, наравнѣ съ протестантскимъ;
- 2) русскій языкъ и географія должны быть преподаваемы на языкѣ русскомъ и лицами русскаго происхожденія; остальные же предметы (нѣмецкій языкъ, математика съ бухгалтерією, естествовѣдѣніе и чистописаніе) на языкѣ нѣмецкомъ лицами нѣмецкаго происхожденія (князь Паскевичъ, не имѣя довѣ-

рія къ національному духу мѣстныхъ нѣмцевъ, полагалъ необходимымъ выписать учителей для этого училища изъ Галиціи); 3) не опредѣляя національности инспектора училища, графъ Уваровъ требовалъ, чтобы онъ одинаково хорошо владѣлъ и русскимъ, и нѣмецкимъ языками. Но генералъ Окуневъ рѣшительно возсталъ противъ этихъ перемѣнъ: онъ настаивалъ, что: 1) русскихъ дѣтей ожидается въ этомъ училищѣ ничтожное число, и потому училище должно вполнѣ сохранить нѣмецкій характеръ; 2) „инспектору не слѣдуетъ вмѣнять въ непремѣнную обязанность основательное знаніе русскаго языка“; 3) на русскомъ языкѣ должны быть преподаваемы только православный Законъ Божій и русскій языкъ, остальные же предметы—на языкѣ нѣмецкомъ. Графъ Уваровъ однако остался при своемъ требованіи, и 3-го мая 1843 года Высочайше утвержденъ былъ исправленный имъ первоначально уставъ и штатъ нѣмецко-русской школы въ Варшавѣ¹⁾. Но при учрежденіи этой школы не исполнено ни одно изъ означенныхъ требованій министра и устава. Въ нѣмецко-русской школѣ не было ни одного русскаго учителя, и должность православнаго законоучителя оставалась все время вакантною. Инспекторомъ школы былъ назначенъ Эдуардъ Шаферъ, выѣхавшій изъ Пруссіи, ничѣмъ не показавшій своихъ познаній въ русскомъ языкѣ, но хорошо владѣвшій польскимъ языкомъ. Учителемъ русскаго языка былъ Шварцъ, преподававшій этотъ предметъ въ закрытомъ уѣздномъ училищѣ, польскій нѣмецъ; географію преподавалъ полякъ Іеронимъ Дзѣшукъ, воспитывавшійся въ Дерптскомъ университетѣ. Прочіе преподаватели избраны были почти исключительно изъ состава учителей закрытаго уѣзднаго училища, въ которомъ они преподавали на польскомъ языкѣ. Все дѣлопроизводство въ школѣ происходило на польскомъ языкѣ.

¹⁾ Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія, т. III, № 29.

Такимъ образомъ, училище сразу получило вмѣсто нѣмецко-русскаго полу-польскій и полу-нѣмецкій характеръ, волѣдствіе чего отъ него одинаково отвернулись и русскіе, и нѣмцы, и даже поляки. Въ теченіе перваго учебнаго года въ немъ было всего 18 учениковъ; изъ нихъ православныхъ 3, католиковъ 3, евангеликовъ 12, лютеранъ ни одного. Въ теченіе втораго учебнаго года къ этому числу прибыло: православыиъ 1, католикъ 1, ни одного лютеранина, ни одного евангелика. Нѣмецко-русская школа потерпѣла такимъ образомъ полное фіаско и въ началѣ третьяго своего учебнаго года (въ августѣ 1845 года), по представленію попечителя, переведена въ Лодзь, при чемъ въ курсъ ея введенъ былъ польскій языкъ. Въ Лодзѣ эта школа оставалась все время своего существованія (до 1862 года) такимъ же польскимъ училищемъ, какъ и всѣ уѣздныя училища Царства Польскаго, хотя продолжала официально именоваться *нѣмецко-русскою школою*¹⁾.

Какими же способами выполнялась въ учебныхъ заведеніяхъ идея *слиянія народностей*? Какъ производилось примѣненіе къ нимъ воѣхъ имперскихъ учебныхъ порядковъ, и какіе результаты дало это примѣненіе?

Прежде всего, необходимо замѣтить, что образованіе Варшавскаго учебнаго округа произведено было единственно посредствомъ перемѣщенія отдѣла просвѣщенія изъ вѣдомства главнаго директора комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ Варшавѣ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣ-

¹⁾ Дѣло объ устройствѣ нѣмецко-русской школы въ Варшавѣ см. въ архивѣ Варшавскаго учебнаго округа № 272, М. „по учебной части“.—Въ объяснительной запискѣ къ уставу 1862 года говорится: „Будучи переведено въ Лодзь, это училище сдѣлалось почти бесполезнымъ для тѣхъ, для которыхъ первоначально было открыто. Дѣти нѣмцевъ находятся въ немъ обыкновенно въ значительно меньшемъ числѣ, а русскіе вовсе тамъ нѣтъ. (Материалы по дѣламъ Царства Польскаго, собр. Н. А. Милютинимъ, IV. Свѣдѣнія по учебной части, тетрадь первая, стр. 202 и 203).

щенія въ Петербургѣ. Устройство окружнаго управленія осталось во всѣхъ частяхъ своихъ то же самое, какое имѣлъ отдѣлъ просвѣщенія. Остался тотъ *советъ просвѣщенія*, съ тѣмъ же значеніемъ и кругомъ дѣйствій и съ тѣмъ же составомъ, именно: вице-президентъ, въ качествѣ директора отдѣла, начальникъ правленія округа, два депутата отъ исповѣданій: католическаго и православнаго, два президента консисторій евангелической и лютеранской, два совѣтника съ штатнымъ жалованьемъ и члены, назначаемые по особому Высочайшему повелѣнію. Совѣту просвѣщенія подчинены были всѣ дѣла учебныхъ заведеній по части административной, учебной и хозяйственной. Попечитель округа былъ въ немъ только предсѣдателемъ. Остался тотъ же *экзаменаціонный комитетъ*, съ тѣми же обязанностями по разсмотрѣнію учебниковъ и программъ и по завѣдыванію частными учебными заведеніями, которыя въ это время стали быстро возрастать въ числѣ, какъ въ Варшавѣ, такъ и въ провинціальныхъ городахъ. Передача въ 1842 году дѣлъ перваго рода исключительно въ совѣтъ просвѣщенія ни мало не измѣнила внутренняго характера этихъ дѣлъ. Остались тѣ же *визитаторы* учебныхъ заведеній. Инструкція предоставляла имъ по прежнему самое широкое вліяніе на дѣйствительный ходъ и направленіе преподаванія. Они по прежнему засѣдали въ совѣтѣ просвѣщенія по всѣмъ дѣламъ, касающимся учебныхъ заведеній¹⁾. Вся эта сложная и тяжелая машина учебнаго управленія стояла неборимою стѣною между попечителемъ и учебными заведеніями, заслоняя ихъ собою со всѣхъ сторонъ отъ непосредственнаго попечительскаго вліянія.

Въ самыхъ учебныхъ заведеніяхъ къ этому времени успѣла незамѣтно вырости и вполне окрѣпнуть особая

¹⁾ Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія. Т. II. Внутреннее образованіе *совета народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ* въ статьѣ 489 и *Никазь генеральнымъ визитаторамъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа* въ ст. 558.

сила, которая стала почти такою же стѣною между начальникомъ и между учащими и учащимися, ограничивая и направляя вліяніе его по своему усмотрѣнію. Уставъ 1840 года почти только повторилъ статьи устава 1833 года объ участи католическаго духовенства въ почетномъ попечительствѣ надъ средними учебными заведеніями и въ непосредственномъ надзорѣ за первоначальными училищами. Верховное русское правительство, признавъ вполнѣ значеніе католической религіи въ Царствѣ Польскомъ, строго соблюдало всѣ прерогативы ея и прямодушно заботилось о поддержаніи уваженія къ религіи, какъ высшему началу въ общественномъ быту и въ особенности въ воспитаніи. Всѣ распоряженія русскаго правительства съ 1831 года неизмѣнно запечатлѣны были этимъ характеромъ. Но въ исполненіи своимъ эти прямодушныя намѣренія получили иной характеръ. Никто такъ искусно не успѣлъ употреблять новыхъ обстоятельствъ края въ свою пользу, какъ католическое духовенство. Постепенно все значеніе, предоставленное религіи, перешло къ католической іерархіи. Поставивъ принципомъ, что революція имѣетъ основаніе исключительно въ недостаткѣ религіозной нравственности и страха Божія и тревожно указывая правительственнымъ лицамъ на возрастающій упадокъ, „съ нѣкотораго времени“, этой нравственности въ народѣ, особенно въ молодежи, оно искусно эксплуатировало заботы ихъ о нравственности, для упроченія абсолютнаго своего вліянія на народъ, особенно на воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ. Къ 1840 году громы Ватикана и вопли католической Европы по случаю воссоединенія бѣлорусскихъ униатовъ съ православною Церковію вызывали частыя торжественныя заявленія, что русское правительство чуждается всякой религіозной пропаганды. Князь Паскевичъ строго преслѣдовалъ всякій знакъ неуваженія къ католической религіи и ея духовенству. Попечитель Окуневъ искренно заботился о поддержаніи значенія католической религіи въ вос-

питаніи и ревниво оберегалъ вліяніе ея не только въ подчиненной ему средѣ, но и предъ высшею властію. Получивъ обратно отъ графа Уварова въ исправленномъ видѣ составленные въ 1841 году совѣтомъ просвѣщенія *Правила надзора за частными учебными заведеніями въ г. Варшавѣ*¹⁾ и усмотрѣвъ, что выраженіе въ нихъ о воспитаніи учащихся „въ страхѣ Божіемъ по правиламъ вѣры“ выброшено министромъ, онъ энергически протестовалъ противъ устранения этого выраженія и настойчиво просилъ возстановить его въ *Правилахъ*, такъ что графъ Уваровъ вынужденъ былъ доложить объ этомъ императору Николаю Павловичу, чтобы придать надлежащую санкцію своему распоряженію, — и настойчивость попечителя только по этой причинѣ прекратилась²⁾). Въ томъ же 1841 году, по случаю появившихся въ Плоцкой гимназіи случаевъ политической неблагонадежности, бискупъ Плоцкой епархіи Павловскій, по просьбѣ самого попечителя Окунева, издалъ окружное посланіе къ законоучителямъ учебныхъ заведеній Плоцкой губерніи, „въ духѣ и намѣреніи исправить испорченную молодежь и либеральныхъ учителей“. Въ этомъ посланіи, заключающемъ въ себѣ слишкомъ общія наставленія въ отношеніи къ ученикамъ, бискупъ поручаетъ законоучителямъ всячески поучать и сдерживать либеральныхъ учителей, въ случаѣ же неповиновенія ихъ — доносить ему, „а я, — говорится въ посланіи, — постараюсь о такихъ лицахъ предъ высшею властію и сдѣлаю распоряженіе, чтобы о смерти и жизни ихъ не было ничего печатаемо въ періодическихъ изданіяхъ“. Получивъ копію этого посланія, попечитель распорядился препроводить его къ директору училищъ Плоцкой губерніи, для свѣдѣнія

¹⁾ *Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія*. Т. II, статья 524.

²⁾ Переписка по этому дѣлу въ архивѣ бывшихъ намѣстниковъ Царства Польскаго, въ дѣлѣ подъ № 2306.

и, въ чемъ слѣдуетъ, точнаго исполненія¹⁾.—При такихъ обстоятельствахъ, старое значеніе ксендза въ учебныхъ заведеніяхъ выросло и стало еще болѣе широкимъ и вліятельнымъ. Онъ былъ первою и главною силою въ учебномъ заведеніи, заслонявшею собою начальника и обращавшю инспектора гимназій только въ помощника своего по воспитанію. Ксендзъ былъ привилегированнымъ хранителемъ и руководителемъ совѣсти и души всѣхъ воспитанниковъ учебнаго заведенія. Въ педагогическихъ совѣтахъ, по вопросамъ педагогическимъ и нравственнымъ, голосъ его былъ рѣшающимъ. Въ сужденіи о каждомъ проступкѣ ученика онъ былъ самымъ компетентнымъ судьей. Даже такой проступокъ, какъ лѣность, визитаторъ Радоминскій (въ отчетѣ объ осмотрѣ учебныхъ заведеній Варшавской и Радомской губерній въ 1845 году) ставитъ въ связь съ религіознымъ настроеніемъ, относя его тѣмъ самымъ къ заботамъ ксендза: „лѣность,—говоритъ онъ,—имѣетъ связь съ религіознымъ индифферентизмомъ, довольно общимъ теперъ на свѣтѣ“.—Каждое утро, исключая времени сильныхъ морозовъ, всѣ ученики предъ началомъ уроковъ, подъ предводительствомъ ксендза, отправлялись въ костелъ на молитву. Ежедневно ксендзъ обходилъ квартиры учениковъ, повѣрялъ занятія ихъ, образъ мыслей, давалъ всѣмъ наставленія или приглашалъ ихъ къ себѣ для наставленій одиночныхъ, вступалъ въ сношенія съ родителями, въ особенности съ гувернерами, которыхъ въ то время состоятельные родители имѣли обыкновеніе содержать при своихъ дѣтяхъ-ученикахъ въ ихъ квартирахъ. Визитаторы въ своихъ отчетахъ указываютъ на эту дѣятельность законоучителей, какъ на поруку за доброе направленіе въ средѣ учащейся молодежи. Сила и значеніе ксендза выросли въ особенности въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ на-

¹⁾ Архивъ Варшавскаго учебнаго округа въ „дѣлѣ общихъ распоряженій о преобразованіи учебныхъ заведеній“ за 1841 годъ.

чальники были русскіе. Положеніе этихъ начальниковъ постепенно, но скоро, оказалось самымъ тяжелымъ. Не приготовленные къ своему посту ни образованіемъ, ни прежнимъ родомъ дѣятельности, теряя должное значеніе въ вопросахъ педагогическихъ, они еще меньше могли имѣть вліянія въ вопросахъ воспитанія, въ которыхъ искусныя руки все охватывали, даже обыкновенную ученическую дѣльность, съ началами религіи католической, которой они не были сынами, почему всегда могли подвергнуться громкому нареканію за неуваженіе къ религіи или за вмѣшательство въ религіозныя дѣла, что было въ то время не безопасно. Одинокіе въ средѣ своихъ подчиненныхъ, дружно сплоченныхъ около другого центра, безсильные во всемъ, кромѣ наружнаго порядка, эти лица скоро прониклись духомъ своей среды, такъ что рѣже и рѣже, наконецъ совсѣмъ переставали даже писать по-русски и устраивали весь свой домашній бытъ по образцу польскому.

При такомъ положеніи учебныхъ силъ, руководящихъ и направляющихъ, идея „слиянія народностей“ и обрусѣнія учебныхъ заведеній должна была встрѣтить неодолимые препятствія на первыхъ же шагахъ своихъ.

На первомъ планѣ стояло введеніе учебниковъ и программъ имперскихъ учебныхъ заведеній¹⁾. Въ январѣ 1840 года генераль Окуневъ просилъ графа Уварова выслать ему всѣ учебники, принятые для имперскихъ учебныхъ заведеній. При этомъ, сосялаясь на недостаточное знаніе учениками низшихъ классовъ русскаго языка, онъ просилъ дозволить устроить особый комитетъ для ближайшаго разсмотрѣнія и рѣшенія, какіе изъ этихъ учебниковъ могутъ быть введены сполна нынѣ же и какіе въ послѣдующее время.

¹⁾ Свѣдѣнія по этому предмету извлечены нами изъ дѣлъ архива Варшавскаго учебнаго округа за 1840—1846 г.

Графъ Уваровъ согласился на учрежденіе особаго комитета, но подъ условіемъ, „что эта мѣра будетъ введена временно, впредь до усмотрѣнія возможности усвоить учебнымъ заведеніямъ Царства русскія учебныя книги во всемъ ихъ пространствѣ“. Эта первая удача смѣло повела къ дальнѣйшимъ требованіямъ и независимымъ распоряженіямъ. Получивъ русскіе учебники, совѣтъ просвѣщенія, вмѣсто образованія особаго комитета изъ компетентныхъ и безпристрастныхъ лицъ, сполна поручилъ эту важную работу, по прежнему порядку, экзаменаціонному комитету. Для экзаменаціоннаго комитета такая работа оказалась чрезвычайно трудною; не смотря на напоминанія со стороны министра, онъ тянулъ ее цѣлый годъ, такъ что пришлось и начать, и окончить первый учебный (18⁴⁰/₄₁) годъ послѣ реформы по старымъ учебникамъ.

Между тѣмъ, едва успѣлъ графъ Уваровъ одѣлать эту первую уступку, какъ отъ него настойчиво потребовали другой, гораздо болѣе важной. Отъ 2-го марта того же года князь Паскевичъ предписалъ попечителю Окуневу слѣдующее: „Въ русской исторіи, составленной статскимъ совѣтникомъ Павлищевымъ, по образцу сочиненной профессоромъ Устряловымъ, для преподаванія въ здѣшнихъ училищахъ, во многихъ мѣстахъ говорится о католической вѣрѣ съ неуваженіемъ. Принимая въ соображеніе съ одной стороны, что правительство отнюдь не имѣетъ цѣлью дѣлать пропаганду, съ другой—что нельзя ожидать, чтобы ученики съ должнымъ довѣріемъ учились исторіи по такой книгѣ, въ которой съ неуваженіемъ говорится о ихъ вѣрѣ, предлагаю вамъ указанныя мною въ означенномъ экземплярѣ мѣста исправить въ новомъ изданіи такъ, чтобы вездѣ, гдѣ только упоминается о римскомъ исповѣданіи, говорено было съ приличіемъ и должнымъ уваженіемъ, и, какъ по личному вашему донесенію составляется другая русская исторія, то важности это и въ отношеніи оной и мнѣ донести, какія въ

этой исторіи будутъ мѣста, подобныя вышеупомянутымъ⁴. Къ сожалѣнію, мы не могли отыскать этого любопытнаго экземпляра исторіи Павлищева¹⁾ и потому не можемъ судить о степени неуваженія ея къ римско-католической вѣрѣ. Имѣемъ, однако, основаніе полагать, что г. Павлищевъ вовсе не расположенъ былъ къ неуваженію католичества. По всей вѣроятности, дѣло идетъ здѣсь о тѣхъ отношеніяхъ католичества къ Россіи, которыя, съ точки зрѣнія русской исторіи, не могутъ быть оправданы. Какъ бы то ни было, но когда это категорическое требованіе князя Паскевича сообщено было графу Уварову, послѣдній нашелся вынужденнымъ пригласить Устрялова сдѣлать соотвѣтственныя исправленія въ своемъ учебникѣ русской исторіи, для введенія его въ учебныя заведенія Царства Польскаго. Устряловъ охотно согласился на это предложеніе и въ августѣ того же года отпечаталъ и выслалъ, по распоряженію графа Уварова, въ Варшаву двѣ тысячи экземпляровъ своей Русской Исторіи, *исправленной и приспособленной* для учебныхъ заведеній Царства Польскаго. Въ этой Русской Исторіи тщательно обойдено все, что вынуждало бы неблагоприятныя отзывы о папствѣ и католичествѣ: въ печальной картинѣ уніи фигурируютъ только іезуиты и сами уніаты, какъ единственные виновники всего зла; папы и католическая церковь держатся въ сторонѣ и неповинны ничѣмъ въ длинномъ рядѣ насилій, которыя испытывала православная Церковь въ Польшѣ; папа Григорій XIII совершенно безкорыстно заботился о примиреніи Ивана Грознаго съ Польшею, и миссія Антонія Посевина въ Москвѣ ограничивалась только стараніями объ этомъ примиреніи; орденъ меченосцевъ не употреблялъ никакихъ насилій для обращенія эстовъ и латышей въ като-

¹⁾ Независимо отъ этого случая, всѣ экземпляры исторіи Павлищева, по требованію Устрялова, какъ контрфакція, были уничтожены. Другая *Русская Исторія*, о которой говорится въ предисловіи князя Паскевича, въ Варшавѣ не появлялась.

лическую вѣру и обнажалъ свои мечи единственно противъ дикихъ литовцевъ, нападавшихъ на владѣнія ихъ и т. п. Точно такимъ же порядкомъ русскій историкъ вынужденъ былъ скрасить все событія, которыя могли бы раздражать польское народное самолюбіе, хотя авторъ нисколько не задумался надъ тѣмъ, что, включивъ исторію Литвы и Западной Россіи въ русскую исторію и признавая на нихъ исконное право Россіи, онъ тѣмъ самымъ наносилъ наибольшее оскорбленіе польскому патріотизму.

Въ сентябрѣ 1840 года графъ Уваровъ объявилъ конкурсъ на составленіе учебника польской исторіи, назначивъ за лучший учебникъ 6,600 рублей ассигн. и право продажи его въ учебныя заведенія. Вызвалось много охотниковъ участвовать въ конкурсѣ. Но всехъ раньше, именно 1-го апрѣля 1841 года, представилъ свой трудъ членъ совѣта просвѣщенія Павлицевъ, при чемъ попечитель округа, согласно съ мнѣніемъ его, отнесся къ министру народнаго просвѣщенія о невозможности ожидать, пока прочіе конкуренты окончатъ свои труды, а потому просилъ его, на основаніи постановленія совѣта просвѣщенія, разрѣшить выдать Павлицеву полную премію и составленную имъ Польскую Исторію ввести въ учебныя заведенія. Но графъ Уваровъ, согласно съ мнѣніемъ компетентныхъ лицъ, которымъ онъ поручилъ рассмотреть эту книгу, призналъ ее неудовлетворительною и указалъ въ ней болѣе сорока мѣстъ, требовавшихъ исправленія. Пока Павлицевъ занимался исправленіемъ указанныхъ мѣстъ, на конкурсъ явился съ своею польскою Исторіею учитель 1-й Варшавской гимназій Балинскій. Рецензія экзаменаціоннаго комитета, съ которою вполне согласился совѣтъ просвѣщенія и попечитель, была весьма благоприятна для Павлицева и совсѣмъ не благоприятна для Балинскаго. Съ особеннымъ сочувствіемъ экзаменаціонный комитетъ отнесся къ духу и характеру Исторіи Павлицева: „въ повѣствованіи событій, — говоритъ рецензія этой книги, — авторъ

соблюдаетъ умѣренность и *убыгаетъ* *блаторазумно разительныхъ воспоминаній*, которыя, не *составляя сущности предмета*, могли бы только возбуждать неумѣстное *негодование и недоброжелательство* (?) теперь воедино связанныхъ народовъ“. Объ Исторіи Балинскаго экзаменаціонный комитетъ выразился довольно рѣзкимъ для тогдашняго времени намекомъ, именно—что она составлена по Делевелю и вообще находилъ, что она излагаетъ только внѣшній ходъ событій. Но графъ Уваровъ, по разсмотрѣніи обонхъ этихъ трудовъ, отдалъ предпочтеніе книгѣ Балинскаго. Къ сожалѣнію, эта послѣдняя представлена была министру на польскомъ языкѣ, а потому, чтобы поспѣшить изданіемъ учебника, такъ какъ со времени объявленія конкурса прошло уже почти два съ половиною года (въ февралѣ 1843 г.), онъ распорядился немедленно напечатать Исторію Павлицева, написанную на русскомъ языкѣ, хотя и признанную имъ вновь „неудовлетельною“ и не заслуживающею полной положенной преміи. Совѣтъ просвѣщенія, однако, исходатайствовалъ Павлицеву полную премію и напечаталъ Исторію его на казенный счетъ. Эта Польская Исторія служила учебникомъ до 1861 года. Польскіе преподаватели и ученики имѣли ее только удобно ширмою на случай ревизій. Съ русской точки зрѣнія она была далеко не пригодна—такъ фальшива въ ней вся постановка историческихъ событій, въ особенности тѣхъ „разительныхъ воспоминаній“, по поводу которыхъ она удостоилась похвальнаго отзыва экзаменаціоннаго комитета.

Между тѣмъ, въ совѣтъ просвѣщенія шли приготовленія ко введенію славянскаго языка въ курсъ учебныхъ заведеній. Прежде всего совѣтъ пожелалъ ознакомиться со степенью познаній въ этомъ языкѣ самихъ учителей. Для этого онъ придумалъ довольно оригинальную мѣру, именно—потребовалъ отъ учителей русскаго языка, чтобы каждый изъ нихъ, въ доказательство своихъ познаній, представилъ собственную біографію на славянскомъ языкѣ, о чемъ въ

январь 1841 года попечитель предписалъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ. Отъ многихъ учителей поступили эти диковинныя произведенія. Нѣкоторые написали ихъ со всѣмъ тщаніемъ древнихъ книгописателей, употребивъ въ дѣло все искусство ихъ, даже въ извѣстныхъ мѣстахъ красныя чернила, какъ подобіе киновари¹⁾. Но лучшіе учителя, въ томъ числѣ Рклицкій, отказались отъ этого писательства, хотя заявили, что они могутъ преподавать славянскій языкъ. Учитель 2-й Варшавской гимназій Фивегеръ сослался на свои сочиненія по славянскому языку, за которыя онъ удостоенъ Петербургскимъ университетомъ награжденія золотою медалью. Но о каждомъ изъ этихъ учителей въ журналѣ совѣта просвѣщенія отмѣчено было, что они „не представили доказательства своей способности“ къ преподаванію славянскаго

¹⁾ Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ этихъ біографій: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй ны. Азъ многогрѣшный рабъ Божій *Андрей Безимный* сынъ (?) родихся въ первопрестольномъ градѣ св. Петра, гдѣ и науки *шобиралъ* (полонизмъ) въ Императорскомъ университетѣ. Посланнымъ бе (?) въ землю Ляцкую, придохъ во престольный градъ Варшаву въ лѣто отъ Рождества Христова *АЩЕ* мѣсяца августа; въ онъ часъ бе (sic) главнымъ директоромъ генералъ Головинъ и повелѣ послати мя учителемъ грамоты русской въ обводный градъ Раву, гдѣ и до днесь пребываю“. Большею частію всѣ бывшіе воспитанники свѣтскихъ учебныхъ заведеній написали свои біографіи такимъ же языкомъ. Болѣе правильнымъ языкомъ написали бывшіе воспитанники духовно-учебныхъ заведеній. Нашлись знатоки и изъ поляковъ. Вотъ для примѣра отрывки изъ біографіи одного изъ нихъ: „Азъ родихся въ странѣ, яже нѣкогда звася Литва, нынѣ же нарицается Западная Русь, въ лѣто *АЩИ*, царствующу Императору Александру Первому, Благословенному. Рождество великихъ людей значитя знаменіи: тако, Александръ царь Македонскій родися въ день, въ иже сгорѣ храмъ Діаны въ Ефесѣ. О мнѣ же никто знаваше ничесоже, токмо родителя моя и ихъ знаемин; азъ и самъ не вѣдѣхъ, яко есмь. Градъ той бѣ не великъ, а живуци въ немъ Жидове... Судиша послати мя въ Вильну въ училище, глаголемое гимназія... Въ Вильнѣ пребыхъ четыре лѣта и отвезохся въ Москву въ университетъ... Обрѣтше степень кандидата, поѣхалъ есмь въ Варшаву, иде же и днесь быти честь имашъ. *Іоаннъ Памьонскій*, учитель руску языку въ училищи на Новѣмъ Свѣтѣ“. Членамъ учебнаго управленія довелось прочитати въ одной изъ біографій тяжелую правду о тогдашнемъ положеніи нѣкоторыхъ русскихъ учителей, постоянно гонимыхъ съ мѣста на мѣсто.

языка. Нѣкоторые изъ представившихъ свои біографіи подверглись сомнѣнію въ достаточномъ знаніи этого языка. Тѣ и другіе, въ томъ числѣ Фивегеръ, по рѣшенію совѣта просвѣщенія, потребованы къ экзамену въ особомъ комитетѣ, устроенномъ подъ предѣдательствомъ Линде. Но многіе не явились къ экзамену, и дѣло затянулось... Экзаменаціонный комитетъ подалъ мнѣніе, чтобы изъ двухъ учителей русскаго языка одной гимназіи, знающихъ славянскій языкъ, одного перемѣстить въ другую гимназію, въ которой нѣтъ такихъ знатоковъ,—мѣра, въ то время тяжелая для русскихъ учителей, но, къ сожалѣнію, часто примѣнявшаяся къ нимъ. Къ сожалѣнію, по странному случаю, оказалось, что почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ обучались въ то время дѣти греко-уніатовъ, учителя русскаго языка

Это—автобіографія Петра Александровскаго, бывшаго 26 лѣтъ профессоромъ русскаго языка въ Кременецкомъ лицей и отлично рекомендованнаго кievскимъ попечителемъ г. фонъ-Брадье: „Оле горькаго злошастія!—писалъ онъ между прочимъ. Въ лѣто 4871 г. начальницы и власти Царства Польскаго провозгласиша во всеуслышаніе всея Россіи, яко аще бы кто сынъ росіанинъ восхотѣ переселитися отъ страны своея и въ нихъ воспріяти на ся бремя долга наставника, имать имѣти корысти, яже въ законѣ написана суть. Окаянный азъ прелстихся гласомъ сирены дуваема и поплывухся и увязе нога моя во блатѣ неправды. Вся елика заповѣдахъ си на корысть мою, отриновена быша: отторженъ быхъ отъ мѣста служенія въ Варшавѣ, егоже возжадахъ для блага и воспитанія чады моихъ: по триехъ лѣтахъ изжененъ быхъ отъ града Люблина, идѣже служба честно и ревностно, не согрѣшихъ ни словомъ, ни дѣломъ, ни мыслію: отлученный чады и супруги своєї, превитахъ въ Сейнахъ, яко птица, особающаяся на зѣбѣ: поздѣ же водворихся въ Кѣльдахъ, уповавъ на единѣмъ мѣстѣ скончати путь и служенія моего и живота моего. Но по триехъ лѣтахъ затворися домъ (Кѣлецкая гимназія въ 1840 году временно была закрыта за безпорядки политическаго характера), идѣже трудихся, уча юношей грамотѣ же росіискій и славянскій. Егда же трикратное переселеніе раззори мя въ конецъ и пожра вся плоды трудовъ моихъ, и егда состарихся, еже не мощи ми избрати новыя стези къ свершенію пути живота моего, власти и начальницы отринуша мя въ конецъ, и нынѣ оставленъ есмь съ родомъ моихъ и со студомъ поверженъ въ скорбь и нищету кромѣшную, нынѣ въздыханія—хлѣбъ мой. слезы—питіе мое, гладъ и хладъ кости моя проникоста, плачь и стenanія чады моихъ возмутиша и сотряса душу мою...“

оказались или вовсе не знающими славянскаго языка, или не способными къ преподаванію его (въ Бѣлой, Грубешовѣ, Сѣдлецѣ, Люблинѣ). Въ Бѣльскомъ училищѣ вызвался преподавать славянскій языкъ законоучитель, греко-уніатскій священникъ Іоаннъ Калиновскій, для чего представилъ свою біографію на славянскомъ языкѣ. Подъ этой біографіей, написанной церковно-славянскими буквами, авторъ подписался по-польски такъ: Charakterem *glagolickim* (?) pisatem własnoręcznie X. J. Kalinowskj". На этомъ основаніи, въ Грубешовскомъ училищѣ предписано преподавать славянскій языкъ законоучителю, также греко-уніатскому священнику, который однако не заявилъ къ тому ни желанія, ни умѣнья. Такимъ путемъ набралось, наконецъ, до 30 учителей для преподаванія славянскаго языка, каковое количество оказалось достаточнымъ для всѣхъ учебныхъ заведеній (въ Варшавѣ одному учителю поручено было преподавать въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ).

Окончивъ выборъ учителей, совѣтъ просвѣщенія приступилъ къ выбору учебниковъ славянскаго языка. Одобривъ учебникъ Пенинскаго, совѣтъ просвѣщенія не хотѣлъ отступить отъ принятой имъ въ самомъ началѣ мѣры—не выписывать русскихъ книгъ изъ имперіи, но печатать ихъ въ Варшавѣ. Но министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ, что учебники эти составляютъ собственность автора. Тогда, не вступая ни въ какія сношенія съ Пенинскимъ, совѣтъ просвѣщенія (въ сентябрѣ 1841 года) поручилъ учителю 1-й Варшавской гимназіи Плевѣ составить славянскую грамматику для мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Въ январѣ 1842 года Плевѣ уже представилъ свое произведеніе совѣту просвѣщенія, который одобрилъ его и распорядился приготовленіемъ къ печатанію его въ Варшавѣ, для чего требовалось выписывать славянскій шрифтъ. Книгопродавецъ Глюксбергъ выписалъ уже этотъ шрифтъ, только не изъ Россіи, а изъ Германіи, почему шрифтъ оказался значительно не похожимъ

на принятый въ Россіи, что, повидимому, было безразлично для совѣта просвѣщенія. Но среди этихъ приготовленій, графъ Уваровъ увѣдомилъ попечителя, что Академія Наукъ вовсе не одобрила грамматики Плева. При этомъ онъ предложилъ выписать учебники Пенинскаго и обратить вниманіе совѣта просвѣщенія на несообразность принятой имъ мѣры составлять и печатать учебники въ Варшавѣ, при ясно постановленномъ требованіи вводить учебники имперскихъ учебныхъ заведеній. При такихъ обстоятельствахъ, преподаваніе славянскаго языка началось только въ третьемъ послѣ преобразованія учебномъ годѣ (1842/43) ¹⁾.

Между тѣмъ, 24-го февраля 1841 года, экзаменаціонный комитетъ представилъ свое заключеніе о примѣненіи русскихъ учебниковъ къ мѣстнымъ учебнымъ заведеніямъ по всѣмъ предметамъ. Заключеніе комитета по этому предмету было смѣлое и рѣшительное. Кромѣ русской исторіи, о которой комитетъ не считалъ себя вправѣ упоминать въ виду существовавшихъ уже положительныхъ распоряженій, всѣ прочіе русскіе учебники онъ призналъ не пригодными для мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Приведемъ въ сокращеніи главные его мотивы:

1) *Таблицы взаимнаго обученія чтенію и письму*, по мнѣнію комитета, излишни, потому что мѣстныя первоначальныя училища достаточно снабжены таблицами, напечатанными въ Варшавѣ по распоряженію совѣта просвѣщенія въ 1837 году (съ русскимъ и польскимъ текстомъ).

¹⁾ Нѣкоторые изъ русскихъ учителей посѣщали занятия съ учениками славянскимъ языкомъ и, за отсутствіемъ учебниковъ, преподавали его по запискамъ. Учитель Плоцкой гимназій Теодоръ Крониковскій еще въ маѣ 1841 года, донося объ этомъ попечителю, говорилъ, что онъ занимается составленіемъ славянской грамматики. Въ отсутствіе попечителя, управлявшій округомъ вице-президентъ совѣта просвѣщенія Козловскій увѣдомилъ Крониковскаго, что находитъ трудъ его излишнимъ и рекомендуетъ ему строго держаться инструкціи, которая „будетъ прислана“.

2) *Русскіе буквари* также излишни, потому что для I и II классовъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній существуетъ руководство, составленное Рклицьямъ: *Начальныя основанія русскаго языка*.

3) *Грамматика Востокова* не можетъ быть предпочтена грамматикѣ Греча—тѣмъ болѣе, что послѣдняя имѣется въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ во множествѣ экземпляровъ на русскомъ и на *польскомъ* языкахъ.

4) *Риторика Кошианскаго* можетъ быть приобрѣтена только для библиотекъ училищныхъ по одному экземпляру, такъ какъ теорія словесности преподается въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ учителемъ польскаго языка и по-польски.

5) Въ *Русской Хрестоматіи Пенинскаго* „падаютъ такія мысли, которыя могутъ въ нынѣшнее время вредно вліять на молодежь“. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ „могутъ возбудить въ молодежи раздраженіе, на примѣръ въ статьѣ: *Постоялый дворъ*: „Добро, добро! называй его, какъ хочешь, а все-таки онъ держится вѣры православной и не полякъ, а этотъ королевичъ Владиславъ, этотъ еретикъ...“ Такимъ же мѣстомъ комитетъ признаетъ сдѣвующія слова изъ *Похвального слова* императору Александру I: „Сарматы (то-есть, поляки), всегда явно или тайно умышлявшіе пагубу отечеству нашему, увидѣли раздробленнымъ собственное отечество и знатною частію своихъ владѣній усилили могущество наше.“ „Другія мѣста,—по словамъ комитета,—слишкомъ общія, будучи различно понимаемы, могутъ породить пагубныя мысли въ учащихся“. Къ такимъ мѣстамъ комитетъ относитъ не только выраженія въ *Маршъ Посадницъ* о свободѣ и любви къ отечеству, но и слѣдующій афоризмъ: „Чтобы не укорять себя въ будущемъ, необходимо только дѣйствовать благоразумно въ настоящемъ, избирать лучшее и спокойно ожидать слѣдствій“ (!!). По мнѣнію комитета, *Хрестоматія*

Рклидкаго составлена гораздо лучше, и потому слѣдуетъ оставить ее и на дальнѣйшее время.

6) Объ *Исторіи Кайданова* (на русскомъ языкѣ) комитетъ отозвался, что „основанія, принятая въ ней въ отношеніи къ римско-католической церкви и іерархіи, противны духу этой церкви“. Комитетъ ссылается еще и на то обстоятельство, что попечитель уже поручилъ одному изъ членовъ его, Швейницу, составить всеобщую исторію для мѣстныхъ учебныхъ заведеній.

7) *Географіи* Арсеньева, Ободовскаго, Зябловскаго и Соколовскаго—то слишкомъ обширны, то пригодны развѣ для высшихъ классовъ по своему изложенію, то назначены для военныхъ учебныхъ заведеній, то не вѣрны...

8) Изъ прочихъ учебниковъ комитетъ одобрилъ только *Арифметику Буссе, Французскую Грамматику и Практическое руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Белюстина*, но лишь подъ условіемъ перевода ихъ на польскій языкъ. Комитетъ говоритъ, по поводу послѣдняго руководства, что „здѣшняя молодежь не успѣла въ русскомъ языкѣ на столько, чтобы понимать на немъ мысли“ (?!), и признаетъ вреднымъ обучать латинскому языку не на языкѣ „материнскомъ“.

Все это мнѣніе экзаменаціоннаго комитета вполне одобрено было совѣтомъ просвѣщенія и попечителемъ, который, въ апрѣлѣ 1841 года, донесъ объ этомъ министру, присовокупивъ, что будетъ стараться постепенно вводить русскіе учебники. Въ виду такого рѣшительнаго приговора, графъ Уваровъ не только не одѣлалъ никакихъ возраженій, но, желая непремѣнно ввести въ учебныя заведенія Царства Польскаго Хрестоматію Пенинскаго, пригласилъ автора *исправить* ее сообразно указаніямъ экзаменаціоннаго комитета, послѣ чего предписалъ попечителю ввести ее въ учебныя заведенія.

Такимъ образомъ, все преобразование по части учебниковъ ограничилось введеніемъ *исправленныхъ* или *приспособленныхъ* учебниковъ русской и польской исторіи, русской хрестоматіи и славянскаго языка; прочіе учебники, въ томъ числѣ и грамматика русскаго языка, въ переводѣ Глѣбовича, остались прежніе, отличные отъ имперскихъ и большею частію на польскомъ языкѣ. *Польская Исторія* Павлищѣва, хотя представлена была въ министерство на русскомъ языкѣ, однако преподавалась на языкѣ польскомъ, и только въ августѣ 1844 года поднять былъ попечителемъ вопросъ о преподаваніи ея на языкѣ русскомъ.

За учебниками слѣдовали *программы* и *инструкціи* преподавателямъ. По требованію министра, два раза онѣ были составляемы и исправляемы тѣмъ же экзаменаціоннымъ комитетомъ. Но оба раза комитетъ устранился отъ составленія программъ и инструкцій по предметамъ русскимъ. Наконецъ, въ мартѣ 1842 года, составленъ былъ комитетъ изъ варшавскихъ учителей: Плева, Алексѣева и Савкина, который въ двѣ недѣли выработалъ и представилъ попечителю подробную программу—инструкцію для преподаванія русскаго языка и словесности. Программа эта, по разсмотрѣніи ея въ совѣтѣ просвѣщенія, была утверждена министромъ. Послѣ того какъ Павлищѣвъ, которому поручено было составить инструкцію по русской исторіи, по понятнымъ причинамъ „затруднился“ исполнить это порученіе, графъ Уваровъ, въ августѣ 1842 года, препроводилъ попечителю составленную въ министерствѣ инструкцію по русской исторіи и вмѣстѣ инструкцію для преподаванія славянскаго языка, поручивъ принять ту и другую въ руководство для учителей. При этомъ, относительно русской географіи и статистики, графъ Уваровъ предложилъ руководствоваться прежнею инструкціею и прежними учебниками, пока не будутъ составлены въ Петербургѣ новые учебники, къ чему приняты имъ были всѣ мѣры. Разсмотримъ эти программы и инструкціи.

Въ утвержденной министерствомъ инструкціи для преподаванія польскаго языка сказано было: „Преподаваніе польскаго языка должно имѣть двѣ цѣли и задачи: 1) главная цѣль обученія польскому языку состоитъ *въ умственномъ усовершенствованіи* юношества, находящемся въ тѣсной и неразрывной связи *съ усовершенствованіемъ нравственнымъ*... 2) *Польскій языкъ долженъ быть принимаемъ въ основаніе изученію другихъ языковъ*... Изъ этихъ двухъ цѣлей распространяется объемъ науки, которая, кромѣ ознакомленія учениковъ съ свойствами языка и сочиненіями первоклассныхъ польскихъ писателей, включаетъ въ себѣ *все, что только принадлежитъ къ общимъ правиламъ*, а именно: основаніе общей грамматики, риторики и пѣтитики“. Къ этому центральному значенію польскаго языка виолнѣ приспособлена инструкція для русскаго языка и оловесности. Въ началѣ онѣ требуетъ отъ преподаванія, чтобы „ученики, съ одной стороны, успѣвали какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ изученіи русскаго языка, съ другой—пріобрѣтали достаточныя свѣдѣнія касательно историческаго развитія онаго, познакомившись съ лучшими произведеніями и писателями русскими“. Далѣе поясняется: „главнѣйшая цѣль, къ которой учитель обязанъ стремиться, должна состоять *въ практическомъ обученіи языку*, а теорія должна служить ему только средствомъ“, почему инструкція требуетъ, чтобы преподаватель, при изложеніи теоріи, „избѣгалъ опредѣленій общихъ свойствъ, *потому что это дѣло учителя польскаго языка*“, и „прибѣгалъ къ нимъ *только для того, чтобы подтвердить свѣдѣнія, полученныя изъ преподаванія польскаго языка*“. Русскую грамматику инструкція требовала проходить (въ I, II и III классахъ всю, въ IV классѣ повторить всю) *сравнительно съ польскою*: какъ при обученіи чтенію, такъ и при изученіи каждой этимологической и синтаксической формы, учитель долженъ сличать русскій языкъ съ польскимъ, указывать и объяснять сход-

ство и различіе между ними, при чемъ инструкція преду-
 преждаетъ учителей, что „сходство оиѣхъ двухъ соплемен-
 ныхъ языковъ *весьма обманчиво*“ (1). Эти постоянныя ука-
 занія сходствъ и различій между русскимъ языкомъ и поль-
 скимъ, съ предоставленіемъ теоретическихъ объясненій учи-
 телю польскаго языка,—эти постоянныя упражненія въ пе-
 реводахъ съ русскаго языка на польскій и обратно, при ча-
 стыхъ объясненіяхъ на польскомъ языкѣ, производили то,
 что и учитель, и ученики на урокахъ занимались гораздо
 больше польскимъ языкомъ, чѣмъ русскимъ, и вся постановка
 русскаго языка вела преимущественно къ тому, чтобы „под-
 крѣпить“ польскій языкъ. Послѣ сего, странно было ожидать,
 чтобы ученики IV класса, съ окончаніемъ русской грамматики
 по учебнику Греча, „совершенно усвоили себѣ оію науку и
 были тверды въ приложеніи ея на практикѣ“. Въ заключе-
 ніи грамматическаго курса, въ томъ же IV классѣ, рекомен-
 дуется учителю „прибавить замѣчанія о достоинствахъ и не-
 достаткахъ русской азбуки и грамматики (?), одѣлать сводъ
 грамматикъ Греча и Востокова (?), раскрыть свойства рус-
 скаго языка и различія онаго отъ соплеменныхъ“ (?).

Постановку и направленіе преподаванія русской словес-
 ности инструкція опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Тео-
 ретическое изученіе словесности *по преимуществу отно-
 сится къ преподаванію польской словесности*, слѣдовательно,
 для учителя русской словесности остается важнѣйшею цѣлюю
 ознакомленіе своихъ учениковъ съ произведеніями русской
 литературы и съ общимъ развитіемъ оной. Однако и теорія
 словесности не должна быть имъ вовсе оставлена, и это
 опять потому, чтобы *подкрѣпить и пополнить приобрет-
 тенныя уже по этой части свѣдѣнія учениковъ*... При пре-
 подаваніи теоріи словесности, учитель долженъ держаться
*современнаго направленія этой науки, въ чемъ предвари-
 тельно согласится съ учителемъ словесности польской*“ (1).
 Курсы словесности распределенъ по классамъ такъ: въ V

классъ изъ риторики о прозѣ, въ VI—о повѣи, въ VII—исторія русской литературы. Въ этихъ классахъ положены слѣдующія упражненія: а) подражаніе, б) переводы съ польскаго языка на русскій, в) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній и г) собственныя сочиненія учениковъ. Подражанія рекомендуются учителю для того, „чтобы не стѣснять себя и учениковъ двойными узами—мысли и языка,“ и въ томъ убѣжденіи, что „для всякой мысли есть одно только изящное выраженіе“. Для переводовъ съ польскаго предписываются „отрывки и стихотворенія, *приводимыя въ образцы учителямъ польской словесности, а также Pamiętniki po dobrym ojcu*“. При упражненіяхъ въ сочиненіи стиховъ требуется „ищушихъ польскіе стихи *поощрять къ переводамъ русскихъ поэтовъ*“. Относительно выбора образцовъ для чтенія, разбора и подражаній, инструкція дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „избраніемъ оныхъ примѣровъ долженъ руководствоваться, кромѣ вкуса, разсудокъ преподавателя, который никогда не долженъ забывать, что иное дѣло преподавать въ Россіи, иное въ Польшѣ, почему исключить онъ все то, что могло бы оскорбить *народное самолюбіе учениковъ и возбудить въ нихъ толки, по случаю восторженнаго патриотизма нѣкоторыхъ русскихъ поэтовъ*“.

Итакъ, русскій языкъ, съ реформою учебныхъ заведеній въ духѣ „слиянія народностей“, не только не сдѣлалъ ни одного шагу въ этомъ направленіи, но даже не сдѣлалъ попытки къ собственной независимости въ учебныхъ заведеніяхъ и остался въ нихъ въ томъ же положеніи, въ какомъ встала его реформа, съ тѣмъ единственно различіемъ, что въ прежнее время это положеніе его поддерживалось только произволомъ, теперь же оно стало формальнымъ правиломъ и тѣмъ болѣе сильнымъ, что согласовалось съ желаніями и настроеніемъ самихъ учителей русскаго языка. Въ этомъ зависящемъ и подчиненномъ положеніи русскій языкъ не только никогда не могъ стать „орудіемъ мысли“ въ учеб-

ныхъ заведеніяхъ, какъ того желалъ графъ Гуровскій, и какъ, очевидно, имѣла въ виду самая идея реформы, но употреблялъ всё усилія, чтобы „поддержать“ и „укрѣпить“ польскій языкъ, какъ единственное орудіе мысли, равно обязательное для всехъ учениковъ. Онъ боялся „стѣснять и учителя, и учениковъ двойными узами—мысли и языка“, пережевывая съ учениками тѣ образцы польской мысли, которые предварительно были объяснены имъ учителемъ польской словесности. Выборъ русскихъ образцовъ, для которыхъ такъ мало оставалось времени за занятіями польскими образцами, онъ долженъ былъ подчинять капривному и легкомысленному вкусу польскихъ учениковъ. Наконецъ, даже направленіе словесности онъ долженъ былъ принимать не иначе, какъ „предварительно согласившись съ учителемъ польской словесности!“ Само собою, что ничего подобнаго относительно польскаго языка предписано не было,—онъ оставался полнымъ распорядителемъ самого себя и безусловнымъ владыкою языка русскаго.

Совершенною противоположностью отличалась программа славянскаго языка, присланная министромъ народнаго просвѣщенія. Говоря объ упражненіяхъ въ переводахъ съ славянскаго на польскій языкъ, инструкция требуетъ „употреблять всё мѣры, чтобы переложеніе было самое близкое, и отступать отъ подлинника только въ крайнихъ случаяхъ. Учитель долженъ внушать рассуждающимъ уже ученикамъ своимъ, что отъ *такого сближенія* славянскаго языка съ ихъ отечественнымъ нарѣчіемъ оно ничего не теряетъ, а напротивъ *очищается, усиливается, обогащается*, подобно какъ французскій языкъ отъ сближенія съ латинскимъ... Переложенную такимъ образомъ статью воспитанники, вписавъ въ свои тетради, заучиваютъ къ слѣдующему уроку“. Не такъ ли точно совѣтовалъ нѣкогда полякамъ Линде изучать русскій языкъ? Не ту ли же идею даютъ совѣты Бандке, Раковского и др. объ изученіи русскаго языка совместно

съ славянскимъ? Можно глубоко пожалѣть, что составитель инструкціи для славянскаго языка не призвалъ на помощь ему языкъ русскій и не поставилъ его въ соотвѣтственныя отношенія къ польскому языку. То было бы *сближеніе* русскаго языка съ польскимъ самое естественное... Между тѣмъ, оставляя русскій языкъ въ противоположномъ, рабочемъ отношеніи къ польскому языку, славянскій языкъ самъ оказался предъ нимъ одинокимъ и безсильнымъ и не могъ получить должнаго значенія для языка польскаго.

„Инструкція для преподаванія *русской исторіи* въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа“, напечатанная въ Петербургѣ и предписанная министромъ народнаго просвѣщенія, отличалась рѣшительностью не меньше предыдущей. Прежде всего она требовала, чтобы русская исторія преподаваема была на языкъ русокомъ. Нигдѣ не упомянуто въ ней о тѣхъ предостереженіяхъ и внушеніяхъ, которыя дотолѣ держали русскую исторію на польско-католической точкѣ; ярко очерчены въ ней событія изъ исторіи Западной Руси. Предписывая краткій учебникъ, исправленный Устряловымъ, для низшихъ классовъ (III и IV), инструкція назначаетъ для вышихъ трехъ классовъ *Начертаніе русской исторіи* того же автора, безъ всякихъ перемѣнъ. Между прочимъ, она требуетъ: „При изложеніи исторіи Литовскаго княжества, преподаватель познакомитъ учениковъ съ разсужденіями проф. Устрялова, напечатанными въ концѣ V части его Исторіи—о томъ, какое мѣсто въ русской исторіи должно занимать великое княжество Литовское. Изъ этого разсужденія они убѣдятся въ неосновательности мнѣнія тѣхъ людей, которые думаютъ, будто о литовскихъ дѣлахъ не слѣдуетъ упоминаеть въ русской исторіи“. Но преподаваніе русской исторіи оставалось по прежнему въ значительно большей части учебныхъ заведеній въ рукахъ польскихъ учителей, подъ зоркимъ глазомъ ксендзовъ, вооруженныхъ сильными мѣрами противъ „либеральныхъ“ учите-

лей... Въ 1844 году, по представленію попечителя, послѣдовало распоряженіе министра, дабы русскую исторію и славянскій языкъ преподавали учителя русскаго языка. Но между послѣдними не мало было лицъ польскаго происхожденія. Съ другой стороны, при этомъ распоряженіи учителя русскаго языка, напримѣръ въ уѣздныхъ училищахъ, получили по 27 уроковъ (русскаго языка—18, славянскаго—3, русской исторіи—6), а съ русскою географіею и статистикою должны были имѣть ихъ по 30; кромѣ того, нѣкоторые изъ православныхъ учителей должны были еще преподавать Законъ Божій православнаго исповѣданія, что въ совокупности было имъ совершенно не по силамъ. Въ то же время, они находились подъ давленіемъ, съ одной стороны, категорическаго требованія инструкціи для русскаго языка „исключать все то, что могло бы оскорбить *народное самолюбіе учениковъ* и возбудить въ нихъ толки, по случаю восторженнаго патріотизма нѣкоторыхъ русскихъ поетовъ“—требованіе, которое они невольно должны были прилагать и къ русской исторіи; съ другой стороны, зоркій глазъ ксендза становился особенно бдительнымъ въ отношеніи къ русской исторіи въ рукахъ русскаго учителя. По этимъ причинамъ, означенное распоряженіе осталось безъ исполненія въ большей части учебныхъ заведеній.

Русская географія и статистика, все это время, преподавались по прежнимъ учебникамъ и программамъ.

Наконецъ, *Законъ Божій православнаго исповѣданія* остался въ томъ же положеніи, какъ и въ прежнемъ періодѣ. Отъ 31 марта 1841 года графъ Уваровъ предписалъ, чтобы преподаваніе этого предмета поставлено было въ одинаковое положеніе съ католическимъ закономъ, посредствомъ назначенія штатныхъ законоучителей и параллельныхъ съ нимъ уроковъ. Тамъ, гдѣ число православныхъ учениковъ оказалось бы незначительнымъ, предписывалось обязывать родителей православныхъ учениковъ обучать ихъ религіи

дома. Это требованіе, по разсмотрѣніи его въ совѣтъ просвѣщенія, вызвало пространное объясненіе со стороны попечителя о невозможности исполнить его. По словамъ этого объясненія¹⁾, съ одной стороны, не возможно устроить сводные классы для католическаго закона, по многочисленности учениковъ, съ другой—не возможно назначить штатныхъ православныхъ законоучителей по совершенному недостатку и необходимыхъ для этого суммъ, и „способныхъ законоучителей“. Выстъ съ симъ, по тому же объясненію, не возможно было обязывать русскихъ родителей обучать своихъ дѣтей Закону Божію дома, потому что русскіе чиновники, пріѣзжающіе на службу въ Царство Польское, „большею частію получаютъ скудное, едва достаточное жалованье на содержаніе себя и своего семейства“. При этомъ однако попечитель указывалъ на печальное положеніе русскихъ дѣтей въ семействахъ: „Православные чиновники,—говорилъ онъ,—пріѣзжая холостыми на службу въ Царство, женятся на здѣшнихъ посторонняго исповѣданія, и случается, что дѣти ихъ, имѣя отъ роду до 10 лѣтъ, не знаютъ, какого они вѣроисповѣданія“, что „открылось въ исходящемъ учебномъ году“ (писано 16 іюля 1841 года). На основаніи этихъ объясненій, графъ Уваровъ согласился оставить преподаваніе православнаго Закона Божія въ прежнемъ положеніи²⁾.

Законъ Божій греко-уніатскаго исповѣданія, какъ въ прежнемъ, такъ и въ настоящемъ періодѣ, не вызвалъ ника-

¹⁾ Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія. Т. 11, статья 455.

²⁾ Уставъ 1840 г. увеличилъ число уроковъ во всѣхъ классахъ до 34 въ недѣлю. Въ теченіе четырехъ дней ученики имѣли по 6, въ остальные два дня по 5 уроковъ. По окончаніи этихъ уроковъ, всѣ ученики обязаны были ежедневно заниматься въ гимназій гимнастикой. Только послѣ этого православные ученики могли идти (въ Варшавѣ—въ отдаленную часть города) на уроки Закона Божія.

кихъ вопросовъ въ учебномъ управленіи. Между тѣмъ, за стѣнами учебнаго управленія происходила сильная борьба по поводу преподаванія этого предмета. Одна сторона рѣшительно не допускала въ этомъ отношеніи никакого различія между учениками греко-уніатскими и католическими, другая глубоко не сочувствовала этому взгляду, но, смутно понимая вопросъ, не могла придумать никакихъ способовъ къ положительному рѣшенію его. Первоначально (по уставу 1833 г.) штатный законоучитель назначень былъ только для католическаго исповѣданія, о прочихъ исповѣданіяхъ въ уставѣ не упоминалось. Всѣ ученики греко-уніатскаго исповѣданія обяваны были, безъ всякаго впрочемъ официальнаго распоряженія, слушать уроки Закона Божія у католическаго законоучителя, наравнѣ съ католическими учениками. Генералъ Головинъ назначилъ на должности законоучителей въ Вѣльское и Грубешовское училища греко-уніатскихъ священниковъ. Но при этомъ ничего не оказано было относительно программы и учебниковъ для обѣихъ группъ, а потому наставники соединили тѣхъ и другихъ учениковъ за одними и тѣми же уроками, приняли тѣ же программы, тѣ же учебники и способы обученія, тотъ же польскій языкъ въ преподаваніи, какъ было при католическихъ законоучителяхъ. Съ другой стороны, греко-уніатскіе ученики обучались и въ гимназіяхъ Щебржешинской, Люблинской, Сейненской (потомъ Сувалкской) и въ др. и продолжали слушать Законъ Божій у римско-католическихъ законоучителей наряду съ римско-католическими учениками, исполняя вмѣстѣ съ ними всѣ католическіе обряды и обязательно посѣщая католическое богослуженіе. Генералы Шиповъ и, въ началѣ своего управленія, Окуневъ понимали это крайне ненормальное положеніе, но не имѣли возможности измѣнить его. Такъ осталось это дѣло и въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода, съ тѣмъ лишь различіемъ, что реформа 1840 года, коснувшись всѣхъ сторонъ быта учебныхъ заве-

деніѣ, оставила не тронутымъ единственно вопросъ о католическомъ Законѣ Божіемъ и католическихъ и греко-уніатскихъ законоучителяхъ.

Къ какимъ же результатамъ привела мысль о „слияніи народностей“ въ учебныхъ заведеніяхъ?

Практика въ русскомъ языкѣ для учениковъ *должна была* значительно увеличиться. На русскомъ языкѣ, по изданнымъ распоряженіямъ, *должно было* проходить преподаваніе: русскаго языка и словесности, славянскаго языка, русской исторіи. Въ 1844 г. сдѣлано распоряженіе о преподаваніи польской исторіи на русскомъ языкѣ, а также подтверждено распоряженіе генерала Шипова о преподаваніи на томъ же языкѣ русской географіи и статистики. Съ 1840 г. число учителей ежегодно пополнялось 10 воспитанниками русскихъ университетовъ изъ стипендіатовъ Царства Польскаго, обязанныхъ ¹⁾ преподавать порученные имъ предметы на русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, при надлежащемъ выполненіи существующихъ распоряженій, можно было достигнуть довольно удовлетворительныхъ успѣховъ въ русскомъ языкѣ. Но не было никакой гарантіи, ни внутренней, ни вѣшной, въ томъ, что эти требованія дѣйствительно будутъ выполнены. Отсутствие внутренней гарантіи ясно обнаружено всею постановкою русскаго языка и всего русскаго обученія. Не возможно было обезпечить русскій языкъ и литературу болѣе, чѣмъ это сдѣлано было ихъ программю. Все, что могло раскрыть внутреннее достоинство и значеніе его для умственнаго развитія учениковъ, тщательно устранено было изъ преподаванія. Въ этомъ положеніи русскій языкъ никому не внушалъ уваженія къ себѣ и не только не могъ сдѣлаться „орудіемъ мысли“, но не могъ достигнуть и того, чтобы ученики „понимали на немъ мысли“, какъ недвусмы-

¹⁾ Распоряженіе объ этомъ послѣдовало 20 іюля 1842 года.

оженно выразился экзаменаціонный комитетъ. Торжество польско-католическихъ началъ во всѣхъ предметахъ русскаго обученія вело къ тому, что всѣ эти предметы служили цѣли, прямо противоположной задачамъ реформы. Внѣшней гарантіи русское обученіе не могло ожидать для себя ни съ какой стороны: ни отъ совѣта просвѣщенія, ни отъ экзаменаціоннаго комитета, ни отъ вѣститаторовъ, ни отъ ближайшей гимназической администраціи. Вся учебная администрація представляла дружно сплоченную среду, въ которой безсилно было вліяніе реформы. Полонизмъ, пораженный и растерявшійся въ началѣ прежняго періода, но постепенно собравшій свои силы, благодаря отсутствію прочной и строгой системы, смѣло вступилъ теперь въ борьбу съ реформой и, достигнувъ на первыхъ же порахъ полнаго торжества своихъ началъ въ цѣлой системѣ преподаванія и воспитанія, подчинивъ себѣ всѣ предметы русскаго обученія, не находилъ нужнымъ болѣе сдерживать себя. Прошло не болѣе года послѣ реформы, какъ въ учебномъ вѣдомствѣ все дѣлопроизводство снова происходило только на польскомъ языкѣ, исключая сношеній попечителя съ министерствомъ. Каждая новая мѣра въ духѣ реформы, предписанная министерствомъ, или оставалась мертвою буквою, или отражалась въ учебныхъ заведеніяхъ въ иномъ свѣтѣ. Преподаваніе на русскомъ языкѣ положенныхъ предметовъ зависѣло единственно отъ усердія самихъ учителей. Новые учебники, такъ неблагоклонно принятые совѣтомъ управленія и экзаменаціоннымъ комитетомъ, несмотря на передѣлку ихъ въ польско-католическомъ духѣ, встрѣчены въ учебныхъ заведеніяхъ весьма непріязненно и учителями, и учениками. Русскіе директоры и инспекторы оказались безсильными въ этой смѣлой учебно-воспитательной борьбѣ, для которой они не располагали ни умственной, ни нравственной подготовкою, и покорно склонили предъ нею свои головы, наряду съ польскими своими товарищами, не рѣшаясь даже подписываться

на бумагахъ къ попечителю по-русски. Борьба была для нихъ безуспѣшна. 3-го октября 1842 года директоръ училищъ Варшавской губерніи Филипповъ доносилъ попечителю, что визитаторъ Леводкій, посѣтивъ училища на улицѣ Фрета, сдѣлалъ выговоръ инспектору за то, что онъ, исполняя распоряженіе министра, приказалъ ученикамъ купить учебникъ польскаго языка (въ которомъ авторъ, для поясненія нѣкоторыхъ этимологическихъ формъ, осылается на русскій языкъ), затѣмъ потребовалъ предписаніе директора по этому предмету и унесъ его съ собою. При этомъ Филипповъ доносилъ, что нѣкоторые изъ учителей позволяютъ себѣ иногда дѣлать неумѣстныя замѣчанія объ учебныхъ книгахъ и, оказывая явное неудовольствіе свое за введеніе оныхъ въ употребленіе, поселяютъ тѣмъ въ ученикахъ неуваженіе къ предписаннымъ руководствамъ. Донесеніе это осталось безъ послѣдствій¹⁾.

Русскіе учителя, чрезмѣрно обремененные уроками, болѣе чѣмъ когда-либо приниженные, не только не смѣли возвысить голоса, но считали свое рабское положеніе предъ полонизмомъ естественнымъ и законнымъ.

При такихъ условіяхъ, если появлялись гдѣ-либо успѣхи въ русскомъ языкѣ, то они были случайные и мишурные. Визитаторы и въ этомъ періодѣ въ отчетахъ своихъ говорятъ о положеніи русскаго преподаванія и объ успѣхахъ учениковъ въ русскомъ языкѣ только въ общихъ фразахъ одобренія или порицанія, съ явнымъ пристрастіемъ къ нѣкоторымъ лицамъ и даже къ учебнымъ заведеніямъ. Въ 1844 году визитаторъ Глѣбовичъ, послѣ осмотра учебныхъ заведеній Петроковской губерніи, дѣлаетъ о нихъ слѣдующіе отзывы: а) въ Петроковской гимназіи „русскій языкъ находится въ пренебреженіи относительно выговора“ (учитель—Кучинскій,

¹⁾ Архивъ Варшавскаго учеб. округа № 1724 г. XV.

представившій въ 1841 году сравнительный учебникъ русскаго и польскаго языковъ), „русская исторія была дѣломъ памяти и дословнаго заучиванія“; б) въ Сѣрадаскомъ училищѣ „русскій языкъ запущенъ былъ учителемъ Соловьевымъ; поручено инспекторѣу обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе“; в) въ Калишскомъ училищѣ „русскій языкъ значительно запущенъ (учителемъ Тумановскимъ). Другой учитель русскаго языка, священникъ Левицкій, молодой, не опытенъ и мало имѣетъ такту въ отношеніи къ ученикамъ. То же самое я нашелъ въ преподаваніи русской географіи—тѣмъ же Левицкимъ“; г) въ Канскомъ училищѣ „въ русокомъ языкѣ ученики мало успѣли (учитель Серединскій). То же самое и въ русской исторіи“. Только въ Пинчовскомъ училищѣ визитаторъ обрадованъ былъ успѣхами въ русокомъ языкѣ, какъ видно изъ слѣдующаго краткаго замѣчанія его объ этомъ предметѣ: „училище въ Пинчовѣ доказываетъ, что и *поляки* могутъ съ великою пользою учить русскому языку, какъ это показали учителя Евзерскій и Горошевичъ“ (Горошевичъ былъ *греко-уніатъ*¹⁾, а потому визитаторъ считаетъ его *полякомъ*). Въ общемъ выводѣ положеніе русскаго обученія, и въ частности русскаго языка, оказывается безотраднымъ. Несмотря на это, визитаторъ Глѣбовичъ въ томъ же отчетѣ хлопочетъ, чтобы число уроковъ польскаго языка было увеличено, „такъ какъ, по мнѣнію его, 18 уроковъ слишкомъ не достаточно для поддержанія его достоинства, какъ главной основы теоретическаго изученія всѣхъ языковъ“. Кромѣ того, онъ хлопочетъ, чтобы въ нившихъ классахъ ариметика преподаваема была не на русокомъ, а на польскомъ языкѣ, ибо, по словамъ его, „учить ариметикѣ по-русски значить имѣть дѣло съ памятью, а не съ развитіемъ дѣтей“. Тутъ же, указывая

¹⁾ Родомъ изъ м. Кодня, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдл. губерніи; воспитывался въ Варшавск. піарской гимназій, въ которой окончилъ курсъ въ 1825 году.

на значеніе католическихъ законоучителейъ въ учебныхъ заведеніяхъ, онъ напоминаетъ о давнемъ ходатайствѣ своемъ, чтобы это значеніе упрочено было въ глазахъ воѣхъ посредствомъ предоставленія имъ первенства въ полученіи лучшихъ приходовъ въ епархіяхъ и въ іерархическомъ повышеніи. Визитаторъ Глѣбовичъ считался въ учебномъ управленіи самымъ компетентнымъ судьей въ русскомъ языкѣ. Другіе визитаторы отзывались о русскомъ языкѣ и о русскомъ обученіи также кратко, но большею частію горадо снисходительнѣе. „Наилучшіе успѣхи въ русскомъ языкѣ“ въ томъ же году, по мнѣнію ихъ, оказались въ гимназіяхъ Щебржешинской и Плоцкой (съ 1841 г. директоромъ этой гимназіи былъ Рклицкій); но въ отчетахъ обоихъ визитаторовъ (Радоминскаго и Легоцкаго), кромѣ этой фразы, ничего болѣе не находимъ для оцѣнки этихъ „наилучшихъ“ успѣховъ. Въ слѣдующіе годы визитаторы иногда, по требованію попечителя, давали ученикамъ въ присутствіи своемъ русскія экстемпорале. Эти упражненія всегда оказывались вполне удовлетворительными. Представленные въ іюнѣ 1846 года визитаторомъ Радоминскимъ экстемпорале учениковъ IV класса Опольскаго (Люблинск. губерніи) уѣзднаго училища, написанныя въ присутствіи его на западную имъ тему: „Объ употребленіи времени“, оказались воѣ такъ одинаково хороши, что, принимая во вниманіе, что въ маломъ мѣстечкѣ ученики могли имѣть практику въ русскомъ языкѣ только съ учителемъ, невольно сомнѣваешься въ авторствѣ воспитанниковъ¹⁾.

Съ 1839 года начинаетъ явно обнаруживаться въ учебныхъ заведеніяхъ духъ вражды ко всему русскому и мятеж-

¹⁾ Вотъ одно изъ нихъ на выдержку: „Часто мы жалуемся, что у насъ мало времени для нашихъ занятій; это происходитъ оттого, что мы не умѣемъ какъ слѣдуетъ употребить нашего времени. Надобно употреблять наше время такъ, чтобы намъ можно было и трудиться и найдти еще нѣсколько минутъ для нашего отдохновенія и удовольствія. Прилежный ученикъ всегда найдетъ довольно времени и для ученія и для забавъ, свой-

ныя выходки противъ русской власти. Не только отдѣльные ученики, но и цѣлыя гимназіи, даже управляемыя русскими директорами (Плоцкая, Варшавская 1-я и реальная, затѣмъ Кѣлецкая, Щебржешинская, Варшавская 2-я, также Люблинская), одна за другой заявляли себя рѣзкими выходками, требовавшими вмѣшательства полиціи и гражданскихъ властей. Учебное начальство всякій разъ послѣ такихъ событій получало самыя успокоительныя завѣренія на будущее время. Въ отчетахъ объ осмотрѣ въ 1844 г. гимназій Плоцкой и Щебржешинской, послѣ обнаруженнаго въ нихъ враждебнаго направленія, читаемъ—о первой: „наилучшіе успѣхи оказались въ русскомъ языкѣ... Пріятно видѣть и слышать, какою тщательный порядокъ имѣетъ теперь Плоцкая гимназія, гармонію въ себѣ и доброе мнѣніе о себѣ на сторонѣ... Ученики значительно исправились. Поведеніе ихъ въ костелѣ, скромность, почтеніе къ старшимъ тщательно наблюдаются“. О второй: „Успѣхи въ русскомъ языкѣ наилучшіе... Доброе поведеніе учениковъ обезпечено тщательнымъ надзоромъ училищнымъ и положеніемъ гимназіи въ предмѣстьи мѣстечка... Доброе согласіе между учителями, примѣрное поведеніе и старательное исполненіе обязанностей дѣлаетъ честь имъ и начальству гимназіи“. Но весною 1846 г. появились въ краѣ эмиссары и затѣмъ вооруженныя, ничтожныя, впрочемъ, шайки бродягъ. Этого достаточно было, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ поднялась молодежь. Отъ 17-го іюня того же года князь Паскевичъ сообщалъ попечителю округа слѣдующее: „Послѣдніе мятежные замыслы въ вѣдѣнномъ краѣ обнаружили духъ воспитывающагося юношества. Открыты злоумышленные замыслы между учениками старшихъ трехъ

степенныхъ его дѣтской рѣзвости. Человѣкъ возмужалый тоже въ свое время исполняетъ возложенныя на него обязанности и отдыхаетъ послѣ трудовъ въ кругу своего семейства. Такіе люди не чувствуютъ ни скуки, ни усталости: у нихъ на все есть время. Вотъ слѣдствія хорошаго употребленія времени“.

классовъ Щебржешинской и Плоцкой гимназій; наконецъ, открыть заговоръ на жизнь мою между учениками здѣшнихъ гимназій. Все это показываетъ, что обыкновенныя училищныя начальства не только не умѣли дать учащемуся юношеству сообразнаго съ назначеніемъ его направленія, но, напротивъ, оказались даже не довольно бдительными и сильными, чтобы удержать вѣренную имъ учащуюся молодежь отъ участія въ злонамѣренныхъ замыслахъ бунтовщиковъ, такъ что одно лишь принятіе, въ свое время, самыхъ дѣятельныхъ и сильныхъ мѣръ удержало эту буйную молодежь отъ обнаруженія общаго волненія, въ особенности же въ Варшавѣ, гдѣ, при допущенномъ необыкновенномъ скопленіи учащихся, доходящемъ до двухъ тысячъ, обыкновенный надзоръ не представляетъ въ отношеніи къ общественному порядку никакого ружательства“. Засимъ князь Паскевичъ увѣдомляетъ попечителя, что государь императоръ, по докладу его, повелѣлъ закрыть высшіе три класса Варшавскихъ гимназій.

Въ томъ же году всѣ учебныя заведенія подчинены были губернаторамъ, на правахъ почетныхъ попечителей.

IV.

(1847—1861 г.).

Печальные результаты неумѣлой системы слиянія народностей возбуждали въ отдѣльныхъ національностяхъ края сильное недовольство учебными заведеніями и настойчивыя старанія объ устройствѣ отдѣльныхъ училищъ для своихъ дѣтей. Прежде всѣхъ успѣли въ этомъ стараніи нѣмцы, опиравшіеся на ходатайство генерала графа Ридигера.

Въ 1847 году послѣдовало распоряженіе намѣстника о подчиненіи евангелическо-аугсбургской консисторіи всѣхъ

евангелическихъ училищъ и о преподаваніи въ нихъ всѣхъ предметовъ на нѣмецкомъ языкѣ. Основнымъ мотивомъ этого распоряженія выставлено то обстоятельство, что нѣмцы „отстали отъ своего природнаго языка до того, что и самое богослуженіе отправляется уже во многихъ мѣстахъ на польскомъ языкѣ“, почему „надобно изыскивать воспѣшнѣйшія мѣры, чтобы по крайней мѣрѣ положить преграду дальнѣйшему распространенію между нѣмцами польскаго языка“¹⁾. При этомъ, сославшись на совершенный недостатокъ денежныхъ средствъ, князь Паскевичъ находилъ нужнымъ отложить на время устройство нѣмецкой педагогической семинаріи, но признавалъ настоятельную необходимость ея. Тотъ же недостатокъ средствъ заставилъ отложить на дальнѣйшее время и устройство средняго учебнаго заведенія, въ составѣ гимназическаго курса, о чемъ настойчиво ходатайствовала особая комиссія и самъ попечитель Окуневъ²⁾. Такъ, неудачная постановка системы „слиянія народностей“ повела только къ радикальному обособленію одной изъ наиболее благопріятныхъ въ Царствѣ Польскомъ для Россіи національностей, а именно—нѣмецкой.

Въ теченіе семнадцати лѣтъ воспитанія въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ греко-уніатское населеніе сильно измѣнилось. Все, что воспитывалось въ этихъ училищахъ, окончательно сливалось съ полонизмомъ и католичествомъ, проникалось мыслью, что унія и католичество—одно и то же исповѣданіе, и что природный языкъ греко-уніатовъ представляетъ только одно изъ просторѣчій польскаго языка. Мы видѣли, что визитаторъ Глѣбовичъ официально признавалъ учителя греко-уніата полякомъ. Постановленіе устава 1840

¹⁾ Сборникъ административныхъ распоряженій Царства Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія. Т. I, № 42.

²⁾ Архивъ бывшихъ намѣстниковъ, № 9681.

года о преподаваніи въ элементарныхъ училищахъ „на природномъ языкѣ жителей“ и обученіи религіи „по катехизису соотвѣтственнаго вѣроисповѣданія“, сразу объяснено было руководителями училищъ среди греко-уніатскаго населенія, католическими ксендзами и помѣщиками такимъ образомъ, что природный языкъ уніатовъ есть польскій языкъ, къ которому русинское нарѣчіе относится такъ же, какъ мазовецкое, малопольское и проч., а унія—вѣроисповѣданіе католическое. Ни русскіе губернскіе директоры училищъ, ни совѣтъ просвѣщенія, тѣмъ болѣе визитаторы ни разу не выражали противъ этого объясненія въ теченіе всего прошлаго періода. Многія тысячи греко-уніатовъ окончательно полонизовались и перешли въ католичество. Но важнѣйшее ало состояло въ томъ, что убѣжденіе въ тождествѣ уніи и католичества, *русинскаго* нарѣчія и польскаго языка проникло въ массы, что создалось понятіе о какой-то особой *русинской* народности. Полонизмъ успѣлъ овладѣть самыми священными въ глазахъ простаго народа предметами; польскій языкъ сталъ исключительнымъ орудіемъ греко-уніатской проповѣди, всѣхъ метрическихъ и другихъ церковныхъ записей, всего быта духовенства, такъ что уніатскій простолюдинъ вовсе не слышалъ своего домашняго говора въ церкви, какъ не слышалъ его въ школѣ, а потому привыкалъ смотрѣть на польскій языкъ, какъ на языкъ своей вѣры. Но дерзость полонизаторовъ не знала границъ. Католическіе ксендзы отстранили греко-уніатскихъ священниковъ отъ завѣдыванія училищами и отъ обученія религіи въ собственныхъ приходяхъ ихъ и тѣмъ подвергли ихъ униженію въ глазахъ прихожанъ. Вслѣдствіе сего, къ князю Паскевичу стали поступать просьбы отъ греко-уніатскихъ священниковъ и цѣлыхъ приходовъ объ учрежденіи особыхъ училищъ, въ которыхъ „дѣти ихъ обучаемы были бы правиламъ вѣры по ихъ исповѣданію и на природномъ языкѣ ихъ“. Послѣ доклада по этому предмету императору Николаю Павловичу, князь Па-

скевичъ, 15-го марта 1849 года, издавъ распоряженіе¹⁾, которымъ постановлялось: 1) существующія въ оредѣ униатскаго населенія общія училища постепенно закрывать и на мѣсто ихъ учреждать училища греко-униатскія; 2) эти училища, оставивъ подъ главнымъ завѣдываніемъ попечителя учебнаго округа, подчинить Холмокой духовной консисторіи и поручить ближайшему вѣдѣнію греко-униатскихъ благочинныхъ и приходскихъ священниковъ, которые обязаны обучать въ нихъ Закону Божию; 3) преподаваніе въ нихъ поручить церковнымъ дьячкамъ изъ воспитанниковъ Холмскаго *института дьяковъ*; 4) обученіе производить „на природномъ языкѣ“ жителей; 5) предметами обученія назначены: а) чтеніе церковной печати, молитвы, катехизисъ, священная исторія, б) церковное пѣніе по нотамъ, в) *чтеніе и писаніе по-русски* и г) четыре правила ариметики съ понятіемъ о мѣрахъ, вѣсахъ и деньгахъ. § 8 предписывалъ: „въ училищахъ употреблять учебныя книги: букварь, часословъ или октоихъ, псалтирь, краткій катехизисъ, а для пѣнія—кругъ простого нотнаго пѣнія“. О польскомъ языкѣ въ этомъ распоряженіи не сказано ни слова.

Несмотря на многіе недостатки въ учебной части, учрежденіе этихъ училищъ по времени было отряднымъ явленіемъ и могло послужить здоровымъ сѣменемъ для будущаго. Два года, однако, распоряженіе князя Паскевича ожидало исполненія. Первые греко-униатскія училища появились только въ 1851 году и открывались весьма медленно, встрѣчая сильныя препятствія со стороны польскихъ чиновниковъ и ксендзовъ. Въ 1857 году ихъ было всего 27, въ 1860 году 52²⁾. Обученіе въ этихъ училищахъ начиналось сла-

¹⁾ Сборникъ административныхъ распоряженій Царства Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія. Т. I, № 43.

²⁾ Матеріалы, собр. Н. А. Милютинимъ. Вѣдомство просвѣщенія. Тетрадь вторая, № 9. Вѣдомость о числѣ греко-униатскихъ училищъ.

вянскою грамотою, при чемъ объясненія производились на языкѣ дѣтей. При дальнѣйшихъ успѣхахъ, переходили къ чтенію русскому по изданнымъ въ 1838 г. таблицамъ (съ русскимъ и польскимъ текстомъ). Наконецъ, принимались за обученіе польской грамотѣ, и тогда все преподаваніе производилось на польскомъ языкѣ, на которомъ обучали и ариметикѣ.

Когда въ первыхъ же открытыхъ училищахъ священникомъ Лишкевичемъ введено было преподаваніе польскаго языка, попечитель учебнаго округа Мухановъ сдѣлалъ сношеніе съ подлежащими властями о воспрещеніи благочиннымъ и священникамъ этихъ самовольныхъ распоряженій¹⁾. Но самъ чиновникъ, открывавшій и ревизовавшій эти училища, употреблялъ и въ разговорахъ, и на письмѣ только польскій языкъ, на которомъ вносилъ въ училищныя книги все свои замѣчанія и наставленія учителямъ. Учебное управленіе сносилось съ учителями на томъ же языкѣ и только правила и инструкции для нихъ печатало на двухъ языкахъ параллельно, польскомъ и русскомъ. Съ своей стороны, и Холмская духовная консисторія производила все свои сношенія съ благочинными и священниками по дѣламъ училищнымъ также на польскомъ языкѣ и на немъ же разослала благочиннымъ циркуляръ о воспрещеніи преподаванія его въ училищахъ. Вокругъ училищъ все гражданскія и духовныя учрежденія и сама Церковь униатская употребляли тотъ же польскій языкъ; „природнаго же языка жителей“, заповѣднаго органа преподаванія въ униатскихъ училищахъ, никто не употреблялъ ни въ книгахъ, ни на письмѣ, ни въ церковной проповѣди. Такая фальшивая постановка этихъ школъ не могла возбудить сочувствія къ нимъ въ средѣ самого греко-униатскаго населенія. Распоряженіе, воспрецавшее пре-

¹⁾ Сборникъ административныхъ распоряженій Царства Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія. Т. I, № 52.

подаваніе польскаго языка, при такихъ обстоятельствахъ, не могло имѣть никакой силы и осталось мертвою буквою. Полонизмъ, помимо всякихъ письменныхъ запрещеній, со всѣхъ сторонъ охватилъ эти училища.

Но какъ при усиленіи латинизма въ униатскихъ церквахъ, народъ постепенно склонялся къ мысли, что ужъ лучше идти въ костелы, такъ и при полонизаціи своихъ училищъ тотъ же народъ сталъ озираться на покинутыя имъ общія школы, въ которыхъ учителя изъ воспитанниковъ Ловичскаго педагогическаго института обучали польскому языку гораздо лучше, чѣмъ обучали ему церковные дьячки. Во многихъ мѣстахъ эти училища остались не тронутыми и часто находились всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ училищъ униатскихъ. Въ этихъ послѣднихъ, по мѣрѣ умноженія ихъ, число униатскихъ учениковъ постепенно уменьшалось. Въ 1853 г. въ 27 униатскихъ училищахъ обучалось 709 дѣтей, а въ 1860 г. въ 52 считалось ихъ всего 643. Наибольшее число ихъ было въ 1858 г., именно 804 въ 51 училищѣ (около 16 учениковъ на училище и по 3 ученика на каждую тысячу душъ всего униатскаго населенія)¹⁾.

Послѣ событій 1846 года, ясно раскрывшихъ направленіе и духъ учебныхъ заведеній, въ средѣ русскихъ въ Царствѣ Польскомъ вновь возникла мысль объ устройствѣ особаго русскаго училища. Не было никакой надежды на устройство его на счетъ казны; оставалось обратиться къ частнымъ средствамъ. Но разбросанность русскихъ по всему Царству Польскому, скудость содержанія, получаемаго за службу, отсутствіе всякой общественности, а потому и необходимой для этого дѣла инициативы представляли неодолимыя затрудненія для устройства задуманной школы. Между

¹⁾ Матеріалы, собр. Н. А. Милютинимъ. Вѣдомство Просвѣщенія. Тетрадь вторая. № 9. Вѣдомость о греко-униатскихъ училищахъ.

тѣмъ, потребность образованія для русскихъ въ Царствѣ Польскомъ, среди чуждаго населенія, безъ осѣдлости, безъ собственности, сознавалась болѣе и болѣе: въ учебныхъ заведеніяхъ число православныхъ учениковъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Въ 1850 г. всѣхъ такихъ учениковъ считалось уже 293. Эта молодежь, по выходѣ изъ учебныхъ заведеній, оказывалась въ самомъ тяжеломъ положеніи: она была чужою какъ для поляковъ, такъ и для русскихъ, ибо не усвоивала ни языка, ни духа родного. Въ русскихъ университетахъ съ изумленіемъ глядѣли на это новое, невиданное поколѣніе русскихъ студентовъ; четырехлѣтній университетскій курсъ часто не могъ исправить дикаго русскаго жаргона, съ которымъ они пріѣзжали изъ учебныхъ заведеній Царства Польскаго. Значительное большинство русскихъ воспитанниковъ, оставаясь по выходѣ изъ учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ, совершенно сливалось съ польскою средою, такъ же какъ и дѣти низшаго русскаго класса, не имѣвшія возможности обучаться грамотѣ и первымъ правиламъ своей вѣры.

Особенное затрудненіе испытывали тѣ лица изъ военныхъ, которыя, имѣя возможность воспитывать своихъ дѣтей съ опредѣленнаго возраста въ имперскихъ учебныхъ заведеніяхъ на казенный счетъ, должны были приготовить ихъ для поступленія въ означенныя заведенія. Домашнее приготовленіе требовало значительныхъ издержекъ, которыя обременительны были для многихъ даже изъ состоятельнаго класса. Мысль объ устройствѣ въ Варшавѣ частнаго русскаго пансіона для приготовленія дѣтей въ военно-учебныя заведенія, училище правовѣдѣнія и др. стала занимать многихъ. Въ 1850 году инспекторъ частныхъ училищъ въ Варшавѣ Стендеръ (впослѣдствіи попечитель Казанскаго учебнаго округа), по просьбѣ нѣкоторыхъ лицъ, открылъ въ своемъ домѣ пансіонъ; но, отвлекаемый обязанностями службы, онъ скоро долженъ былъ прекратить это занятіе. Тогда родители

обратились къ частному учителю г. Гольцу съ предложеніемъ открыть частный русскій пансіонъ на общихъ основаніяхъ, принятыхъ въ Царствѣ Польскомъ для заведеній этого рода: 17-го октября 1851 года г. Гольць, выдержавъ предварительно экзаменъ на званіе частнаго учителя, представилъ въ экзаменаціонный комитетъ программу проектируемаго имъ трехкласснаго русскаго пансіона и просилъ о дозволеніи открыть этотъ пансіонъ. Программа заключала въ себѣ: Законъ Божій, языки: русскій, польскій, латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій и англійскій, ариметику, начальную геометрію, необходимыя свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, чистописание, рисованіе, гимнастику, музыку и танцы. Преподаваніе всѣхъ предметовъ положено было на русскомъ языкѣ. Но экзаменаціонный комитетъ отказалъ г. Гольцу въ дозволеніи на открытіе этого пансіона, на томъ основаніи, что 1) г. Гольць хотя и выдержалъ экзаменъ на званіе частнаго учителя, но не получилъ еще патента на это званіе, и 2) представленная имъ программа не согласна съ требованіями Высочайше утвержденнаго устава частныхъ учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ,—она должна была быть или строго филологическою, или строго реальною и притомъ обличена съ низшими тремя классами казенныхъ учебныхъ заведеній¹⁾. Между тѣмъ г. Гольць, сдѣлавъ всѣ приготовления къ открытію пансіона, по просьбѣ нѣкоторыхъ родителей, началъ принимать дѣтей на полное содержаніе. Но, по требованію экзаменаціоннаго комитета

¹⁾ Въ дѣствительности требованіе устава 1841 г. § 22 по этому предмету выражено слѣдующимъ образомъ: „въ числѣ и распорядкѣ учебныхъ предметовъ частныхъ учебныхъ заведеній должны по возможности сблизяться съ соответствующими степенями ихъ учящими казенными. Впрочемъ, содержателямъ дозволяется присовокуплять къ симъ предметамъ какую-либо науку, иностраннй языкъ или искусство, сообразяясь съ мѣстными потребностями, желаніемъ родителей или особенными цѣлями заведенія, но не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа“. Сборникъ администр. распоряженій Царства Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія.

полиція распорядилась удалить этих дѣтей и не начинать обученія ихъ до получения разрѣшенія подлежащей власти.

Такое начало не обѣщало предпріятію г. Гольца успѣха. Но онъ не покинулъ задуманное дѣло и 29-го января 1852 года, по полученіи патента на званіе частнаго учителя, подалъ вновь прошеніе о дозволеніи открыть пансіонъ, при чемъ представилъ новую программу, приспособленную къ низшимъ классамъ филологичеркихъ гимназій. Въ представленіи попечителю округа по этому дѣлу предсѣдатель экзаменаціоннаго комитета Суминскій писалъ: „противъ этого желанія г. Гольца съ своей стороны я ничего не имѣю, тѣмъ болѣе, что г. Гольцъ исполнилъ воѣ требованія устава. Въ случаѣ, если ваше превосходительство признаете, что прибавленіе одного частнаго училища къ нынѣ уже существующимъ (?) *не будетъ излишнимъ въ отношеніи къ местнымъ потребностямъ*, то благоволите дать г. Гольцу просимое разрѣшеніе“.—Разрѣшеніе попечителя послѣдовало 14-го марта, но оно заключало въ себѣ право на открытіе только училища, о пансіонѣ же въ немъ вовсе не упоминалось. Это распоряженіе ставило г. Гольца въ крайне затруднительное положеніе, такъ какъ, обладаженный успѣхомъ своей просьбы, онъ приискалъ для пансіона помѣщеніе, гувернеровъ и могъ дѣлаться многихъ, уже явившихся къ нему, пансіонеровъ. Къ этому присоединилось новое не предвидѣнное затрудненіе: предсѣдатель экзаменаціоннаго комитета, сообщая г. Гольцу разрѣшеніе попечителя на открытіе „школы“, не дозволилъ ему, безъ всякихъ объясненій, воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ ранѣе начала слѣдующаго учебнаго года. Г. Гольцъ надѣялся, что, по крайней мѣрѣ, до начала новаго учебнаго года онъ получитъ разрѣшеніе, согласно первоначальной своей просьбѣ, на учрежденіе пансіона, какъ главнаго предмета своихъ стараній, безъ котораго училище не могло существовать, и для котораго онъ одѣлалъ всѣ приготовленія, о чемъ вновь подалъ въ томъ же мѣсяцѣ просьбу въ экза-

національний комітетъ. Но предсѣдатель комитета увѣдомилъ его, что разрѣшеніе на открытіе пансіона не будетъ выдано ему, пока онъ не откроетъ „школы“. Г. Гольцъ преодолѣвъ и это затрудненіе и въ августѣ того же года открылъ свою русскую „школу“ (на Наливкахъ). Разрѣшеніе на учрежденіе пансіона послѣдовало спустя два мѣсяца, 28-го октября, и пансіонъ тогда же былъ открытъ.

Всѣхъ учителей въ пансіонѣ было 9, изъ нихъ двое русскихъ, остальные принадлежали къ разнымъ національностямъ, но хорошо владѣли русскимъ языкомъ. Въ началѣ поступило 13 пансіонеровъ, въ концѣ учебнаго года было ихъ 23, изъ коихъ православныхъ 13, католиковъ 7, евангеликовъ 2. Пансіонъ, и составомъ учителей, и составомъ учениковъ, доказалъ, что мысль о русскомъ учебномъ заведеніи не чужда была въ Варшавѣ не только русскимъ, но и полякамъ. Это обстоятельство, и при неудовлетворительности программы, давало пансіону надежду на успѣхъ. Но непредвидѣнныя и непреодолимыя затрудненія преслѣдовали его на каждомъ шагѣ. Съ первыхъ же дней возникъ вопросъ о православныхъ праздникахъ. Въ росписаніи ихъ для казенныхъ учебныхъ заведеній показаны были только праздники католическіе, о православныхъ же въ немъ не упоминалось. По требованію экзаменаціоннаго комитета, пансіонъ г. Гольца долженъ былъ исполнѣ подчиниться этому росписанію. Для освобожденія православныхъ учениковъ въ праздничные ихъ дни отъ уроковъ, г. Гольцъ вынужденъ былъ испрашивать всякій разъ разрѣшеніе экзаменаціоннаго комитета. Это обстоятельство не мало смущало нѣкоторыхъ родителей, которые и въ этомъ единственномъ въ Варшавѣ свѣтокомъ русскомъ учебномъ заведеніи, притомъ частномъ, не могли имѣть полной равноправности въ религіозныхъ дѣлахъ съ католиками. Но важнѣйшее затрудненіе предстояло впереди, а именно заключалось оно въ отрывочности пансіонскаго курса, такъ какъ, оставаясь при трехъ классахъ,

онъ не могъ до конца довести программу ни по одному предмету; необходимо было для этого открыть четвертый классъ. Но разрѣшеніе на это зависѣло отъ министра народнаго просвѣщенія. Поэтому, родители пансіонеровъ, въ числѣ 13 лицъ, въ апрѣлѣ 1853 года подали попечителю округа прошенія объ исходатайствованіи г. Гольцу позволенія открыть въ своемъ пансіонѣ четвертый классъ.

Всѣ они выражали полное довольство пансіономъ Гольца за добросовѣстный надзоръ и основательное обученіе въ особенности русскому языку. Полковникъ Потаповъ (нынѣ шефъ жандармовъ), помѣстившій въ пансіонѣ воспитанника своего Ивашкина, писалъ въ своемъ прошеніи: „Величайшее благодѣяніе было бы для всѣхъ служащихъ въ Варшавѣ русскихъ, если бы столь отличному во всѣхъ отношеніяхъ и единственному, гдѣ всѣ предметы преподаются исключительно на русскомъ языкѣ, заведенію было предоставлено право имѣть четыре класса“.

Между тѣмъ, съ началомъ 1853/54 учебнаго года въ пансіонѣ открытъ былъ III классъ, а съ нимъ новыя затрудненія, по поводу настоятельной необходимости пополнить пансіонскій курсъ нѣкоторыми предметами. Попечитель разрѣшилъ ввести въ программу пансіона латинскій языкъ и естественную исторію. Но въ то же время предсѣдатель экзаменаціонной комисіи Суминскій предписалъ г. Гольцу: 1) пригласить для пансіона особаго католическаго законоучителя; 2) преподаваніе польскаго языка производить отдѣльно для каждаго класса, не соединяя для этого два класса вмѣстѣ. Первое изъ этихъ двухъ требованій г. Гольцъ исполнилъ немедленно, но на второе отвѣчалъ, что во II классѣ только одинъ ученикъ изъявилъ желаніе обучаться польскому языку, и что открывать особые уроки для одного ученика было бы слишкомъ обременительно. Но предсѣдатель экзаменаціоннаго комитета не уважилъ этого обстоятельства

и потребовалъ безусловнаго раздѣленія польскаго языка по классамъ. Въ то же время предписано преподавать русскую географію отдѣльно (отъ всеобщей и польской). И католическій законъ Божій, и польскій языкъ, принятые подъ особую опеку экзаменаціоннаго комитета, преподаваемы были польски. Между тѣмъ, приближалось окончаніе учебнаго года. Въ іюнѣ, предъ самымъ роспускомъ учениковъ, г. Гольцъ получилъ формальное увѣдомленіе, что министръ народнаго просвѣщенія не разрѣшилъ ему открыть четвертый классъ, такъ какъ не нашелъ къ тому достаточныхъ основаній въ представленіи попечителя округа. Это было рѣшительнымъ ударомъ для пансіона, ударомъ тѣмъ болѣе непредвидѣннымъ, что въ то же время рѣшено было частному учителю въ Варшавѣ Юркевичу содержать четырехкласный (польскій) пансіонъ.

Съ началомъ слѣдующаго учебнаго года (18⁵⁴/₅₅) изъ пансіона выбыло 15 учениковъ, вновь поступило въ теченіе всего года только 9; въ первый классъ никто не поступилъ, и этотъ классъ не былъ открытъ. Въ теченіе 18⁵⁵/₅₆ года выбыли изъ пансіона оба русскіе учителя и не были замѣнены другими: преподаваніе православнаго Закона Божія прекратилось, хотя православныхъ пансіонеровъ въ это время было въ немъ 11. Въ августѣ 1856 г. православныхъ пансіонеровъ оказалось всего 3; изъ нихъ одинъ чрезъ два мѣсяца выбылъ.

Пансіонъ Гольца существовалъ до 1861 года, все болѣе и болѣе уступая давленію полонизма. Число православныхъ воспитанниковъ то увеличивалось до 6, даже до 10, то уменьшалось до 3 и 2 и большею частью держалось на этой цифрѣ. Начиная съ 185⁶/₇ учебнаго года, г. Гольцъ не могъ даже выдавать ученикамъ въ награду русскихъ книгъ, какъ то было въ прошлые годы, и выдавалъ только польскія книги. Въ 1861 году открывшіяся въ Варшавѣ уличныя демонстраціи принудили г. Гольца распустить сво-

ихъ воспитанниковъ и закрыть пансіонъ за два мѣсяца до окончанія учебнаго года (въ апрѣлѣ); вмѣстѣ съ тѣмъ, для личной безопасности, онъ самъ рѣшился оставить Варшаву ¹⁾).

Почти одновременно съ открытіемъ пансіона г. Гольца отчасти выполнена была мысль объ устройствѣ училища для бѣдныхъ солдатскихъ дѣтей. При церкви главнаго штаба въ Варшавѣ съ 1832 года существовалъ хоръ пѣвчихъ, набравшихся изъ солдатъ и солдатскихъ, а также другихъ бѣдныхъ дѣтей, которыхъ было въ немъ до 35. Дѣти обучались пѣнію и пѣли въ церкви; но затѣмъ никто о нихъ не заботился; ни къ чему не приготовленные, они часто терялись въ мѣстной средѣ, забывая свой языкъ и религію. Въ 1853 году, съ разрѣшенія князя Паскевича, открыто было для этихъ дѣтей, на счетъ экстраординарной армейской суммы, начальное русское училище, въ которомъ обучали: Закону Божію, русскому чтенію и письму, ариметикѣ и каллиграфіи. На содержаніе этого училища отпускалось ежегодно 475 руб. сер. Ученики, окончившіе курсъ, опредѣлялись, смотря по способностямъ и наклонностямъ, или въ причетники къ полковымъ церквамъ, или въ писаря главнаго штаба и разныхъ военныхъ канцелярій. Такимъ образомъ, училище приносило двоякую пользу—какъ для бѣдныхъ дѣтей, которымъ оно давало, по выходѣ изъ хора, надежный пріютъ, такъ и для военныхъ церквей и канцелярій. Это училище существовало до января 1864 года, когда пѣвчіе стали обучаться въ новооткрытой въ Варшавѣ русской общеобразовательной школѣ.

¹⁾ Архивъ Варшавскаго учебнаго округа: *Объ устройствѣ частныхъ мужскихъ учебныхъ заведеній*, № 273, а также специальное дѣло архива инспекціи училищъ г. Варшавы.

(1861—1864 г.).

Въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ послѣ 1846 года производились частыя перемѣны. Въ 1848 г., вмѣсто закрытыхъ высшихъ классовъ въ варшавскихъ гимназіяхъ, возникъ въ Варшавѣ благородный институтъ, въ которомъ введена была самая строгая дисциплина. Въ 1850 году закрыты гимназіи въ Ломжѣ и въ Сѣдлецѣ. Въ учрежденныхъ тогда же трехъ высшихъ классахъ единственной въ Варшавѣ гимназіи для приходящихъ число учениковъ ограничено 50, при чемъ воспрещено открывать параллельные классы; плата за право ученія возвышена до 45 руб. сер. въ годъ, увольненіе отъ этой платы безусловно воспрещено. Тѣ же мѣры приняты были и въ отношеніи къ реальной гимназіи. Въ 1851 году число всѣхъ гимназій въ Царствѣ Польскомъ сокращено было до 6, при чемъ вмѣсто гимназій открыты пятиклассныя филологическія училища „съ округленнымъ курсомъ наукъ, дабы воспитанники могли получать въ нихъ окончательное образованіе и не имѣли надобности переходить въ гимназіи“. Эти училища назначались для дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Число всѣхъ уѣздныхъ училищъ значительно сократилось, при чемъ, для отвлеченія бѣдныхъ учениковъ отъ этихъ школъ, открыты были въ нѣкоторыхъ городахъ дополнительные при начальныхъ училищахъ классы. Первоначальныя училища повелѣно было закрывать всюду, гдѣ жители не пожелали бы имѣть ихъ; всѣ вообще жители освобождались отъ обязанности обучать своихъ дѣтей въ училищахъ. Съ 1851 по 1861 г. закрыто было 239 начальныхъ школъ. Въ 1852 году закрыта гимназія въ Щебржещинѣ за распространеніе воззванія къ мятежу¹⁾).

¹⁾ О всѣхъ этихъ перемѣнахъ см. *Сборникъ административныхъ распоряженій Царства Польскаго. Видомство просвѣщенія. Т. III. №№ 44—50.*

Всѣ эти мѣры, направленныя къ обузданію мятежнаго духа учебныхъ заведеній, постепенно отодвигали на дальнѣйшій планъ главную задачу реформы 1840 года. Идея „слиянія народностей“ постепенно уступала мѣсто заботамъ о внѣшнемъ порядкѣ, который сталъ душею учебнаго управленія того времени. Русское обученіе двигалось механически. Умножались съ каждымъ годомъ учителя изъ воспитанниковъ русскихъ университетовъ, поддерживалось преподаваніе на русскомъ языкѣ тѣхъ предметовъ, которые поручались имъ, въ корридорахъ благороднаго института поставлены были „дядьки“ изъ отставныхъ русскихъ солдатъ, преподаваніе русскаго языка и исторіи поручалось только русскимъ учителямъ и т. п. Но все это болѣе и болѣе теряло надлежащій свой смыслъ, становилось безцѣльнымъ, отличалось шаткостью. Учителя изъ воспитанниковъ русскихъ университетовъ скоро, по вступленіи въ свои должности, забывали русскій языкъ и самовольно преподавали на польскомъ языкѣ. Ученики были неистощимы въ изобрѣтеніи затрудненій для русскихъ учителей. Русскіе учителя давно уже потеряли всякую энергію и покорно склонили головы предъ этою буйною средою, въ которой они издавна чувствовали себя совершенно одинокими и безсильными.

Однѣ лишь польско-католическія основы въ учебныхъ заведеніяхъ стояли твердо и нерушимо. Вся прежняя учебная система, выдержавъ рѣшительную борьбу съ идеею „слиянія народностей“ въ самомъ началѣ ея, гордо занимала свой постъ и дѣлала безсильными всѣ мѣры и къ обрусѣнію, и къ обузданію непокорнаго духа учебныхъ заведеній. Какъ только ослаблены были мѣры строгости въ Царствѣ Польскомъ, тотчасъ стало само собою прекращаться въ учебныхъ заведеніяхъ русское преподаваніе, и никто не обратилъ на это вниманія, — такъ оно казалось естественнымъ и неизбѣжнымъ. Вскорѣ начавшіяся въ краѣ публичныя демонстраціи нашли для себя въ учебныхъ заведеніяхъ передовыя и вполнѣ

подготовленные орудія. Русскій языкъ, какъ и честный русскій учитель, въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, сталъ предметомъ открытаго глумленія и злой потѣхи. Демонстрація воспитанницъ Пулавскаго института, устроившихъ торжественную процессію похоронъ всѣхъ русскихъ учебныхъ книгъ въ Вислѣ, была только своеобразнымъ институтскимъ выраженіемъ того, что дѣлалось въ то же время во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Отмѣтимъ тѣ перемены, которыя произведены были уставомъ 8-го мая 1862 года въ положеніи русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ¹⁾.

1) Во всѣхъ безъ исключенія начальныхъ училищахъ, въ томъ числѣ и греко-уніатскихъ, обученіе установлено на польскомъ языкѣ, а преподаваніе русскаго языка вовсе отмѣнено. Въ греко-уніатскихъ училищахъ не сдѣлано при этомъ исключенія даже для Закона Божія, хотя въ евангелическихъ училищахъ допущено обученіе Закону Божию на нѣмецкомъ языкѣ и только разрѣшено обученіе церковно-славянскому языку.

2) Во всѣхъ воскресно-ремесленныхъ, коммерческихъ и земледѣльческихъ училищахъ, въ институтѣ земледѣлія и политехническомъ, въ художественной школѣ и во всѣхъ вообще специальныхъ училищахъ преподаваніе русскаго языка также вовсе отмѣнено.

3) Существовавшее въ Лодзи „нѣмецко-русское четырех-классное училище“ закрыто, и вмѣсто него открыто пяти-классное специальное училище съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ на польскомъ языкѣ, кромѣ евангелической религіи, которую дозволялось преподавать на языкѣ нѣмецкомъ.

¹⁾ Уставъ 1862 года и объяснительная записка къ нему напечатаны сполна въ матеріалахъ, собран. Н.А. Милютинимъ. Тетр. 1-я, Б, № 1 и 2 и В, № 2, 3 и 4.

4) Въ гимназіяхъ: а) вмѣсто двухъ учителей русскаго языка назначенъ одинъ; б) число уроковъ этого предмета сокращено съ 33 на 14; в) воѣ эти уроки отнесены на полюбѣдненные часы; г) преподаваніе славянскаго языка отмѣнено; д) русская исторія, какъ отдѣльный предметъ, уничтожена и соединена съ исторіею всеобщюю; е) въ I и II классахъ преподаваніе русскаго языка узаконено на польскомъ языкѣ.

5) Въ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ относительно русскаго языка и русскои исторіи постановлено то же, что и въ мужескихъ гимназіяхъ.

6) Въ новооткрытой главной школѣ русскій языкъ со словесностью введенъ былъ только на историко-филологическомъ факультетѣ, при чемъ онъ включенъ въ сравнительную литературу славянскихъ нарѣчій.

7) Въ педагогической семинаріи, учрежденной при главной школѣ для приготовленія учителей гимназіи, введенъ былъ одинъ учитель для польскаго и русскаго языковъ.

Такъ ограничено было положеніе русскаго языка уставомъ. Но вотъ каково было положеніе его на самомъ дѣлѣ. Признавая глубокий вредъ, причиненный всей учебной іерархіи прежнею „эдукаціонною магистратурою“, коммиссія просвѣщенія „удалила изъ службы 6 человекъ, оставила за штатомъ 38, представила къ эмеритальному пансіону 11 заслуженныхъ, но уже по дряхлости не пригодныхъ къ выполненію своихъ обязанностей, и, сверхъ того, произвела почти всеобщее перемѣщеніе, такъ что всякій учитель явился въ другой средѣ и другихъ отношеніяхъ“. При этой не двусмысленной мѣрѣ, почти всѣ русскіе учителя перемѣщены были не только въ другія учебныя заведенія, но и на другіе предметы, и преподаваніе русскаго языка во многихъ мѣстахъ прекращено было „по неимѣнію учителей“. Значительная часть русскихъ учителей, не оставшіеся за штатомъ по слу-

чаю сокращенія вакансій по русскому языку, особенно молодые изъ нихъ, подали министру народнаго просвѣщенія просьбы о перемѣщеніи ихъ въ имперскія учебныя заведенія и оставили Царство Польское.

Между тѣмъ число православныхъ учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ къ этому времени было весьма значительно. Въ 1860 году оно достигло 450¹⁾, но затѣмъ стало быстро уменьшаться. Многіе изъ учениковъ до того разучивались русскому языку, что на экзаменѣ изъ Закона Божія и на исповѣди у священниковъ просили позволенія объясняться по-польски. Нашлось между ними не мало жертвъ крайне печальнаго увлеченія. Русскіе гимназисты не рѣдко являлись участниками уличныхъ демонстрацій противъ русской власти; большая часть родителей принуждены были брать дѣтей своихъ изъ учебныхъ заведеній; состоятельные изъ нихъ отправляли ихъ въ имперскія школы, несостоятельные воспитывали, какъ могли, дома. Давняя мысль объ устройствѣ особаго русскаго училища, на русскихъ основахъ, стала теперь господствующею. Великій князь Константинъ Николаевичъ, по прибытіи въ Варшаву на должность намѣстника Царства Польскаго, выразилъ полное сочувствіе этой мысли. По желанію Его Высочества, составленъ былъ въ 1862 г. проектъ устройства въ Варшавѣ двухъ русскихъ гимназій, мужеской и женской, и шести первоначальныхъ русокихъ училищъ въ различныхъ городахъ Царства Польскаго. Вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ и съ отъѣздомъ Его Высочества изъ Царства Польскаго, дѣло это не имѣло дальнѣйшаго хода.

Но самая мысль о русскихъ учебныхъ заведеніяхъ ни мало не ослабѣла отъ этой неудачи, напротивъ—постоянно усиливалась. Всѣ пришли къ убѣжденію, что, при наступив-

¹⁾ Матеріалы, собр. Н. А. Милютинимъ. Вѣд. проsv. Тетр. 2, № 3.

шемъ неопредѣленномъ положеніи Царства Польскаго, не возможно ожидать, чтобы правительство приняло на себя главную заботу въ этомъ дѣлѣ, и что необходимо обратиться къ частнымъ средствамъ, ограничившимся на первый разъ только самымъ необходимымъ. Волѣдствіе сего, въ сентябрѣ 1863 года, съ разрѣшенія новаго намѣстника въ Царствѣ Польскомъ графа Берга, въ Варшавѣ и въ цѣломъ краѣ между русскими открыта была подписка на устройство русской школы, планъ которой не былъ предрѣшенъ, но поставленъ въ зависимость отъ количества пожертвованій. Появившееся тогда же въ правительственномъ органѣ, *Сверстой Почты*, извѣстіе объ этихъ пожертвованіяхъ перепечатано было всѣми почти русскими газетами и принято чрезвычайно сочувственно. Въ Варшаву со всѣхъ концовъ Россіи поступали пожертвованія „на учрежденіе русской школы“ въ Царствѣ Польскомъ, такъ что, спустя не болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ открытія подписки, распорядители ея нашли возможнымъ приступить къ осуществленію своей задачи. По приказанію графа Берга, отведено было въ одномъ изъ домовъ, занятыхъ для военнаго вѣдомства (домъ Красинскаго, противъ лютеранской церкви), соответственное помѣщеніе, и 7 ноября 1863 года, при всеобщемъ одушевленіи, открыта была первая въ Царствѣ Польскомъ общедоступная *русская школа*.

Преподаваніе въ ней приняли на себя бесплатно нѣкоторые изъ офицеровъ генеральнаго штаба и гренадерскаго короля Вильгельма III полка, а также нѣсколько русскихъ дамъ. Всѣ эти лица составляли совѣтъ школы, въ которомъ рѣшались всѣ вопросы по административной, хозяйственной и учебной частямъ. Первоначально, сообразно наличнымъ средствамъ и приспособительно къ учрежденнымъ въ 1863 году въ Царствѣ Польскомъ двухкласснымъ училищамъ, русская школа состояла изъ двухъ отдѣленій: *элементарнаго*, съ общимъ элементарнымъ курсомъ, и *приготовительнаго*,

въ которомъ дѣтямъ сообщались свѣдѣнія, необходимыя какъ для поступленія въ гимназіи, такъ и для домашняго быта. 7 ноября, въ день открытія школы, явилось въ нее до 70 дѣтей обоого пола, а чрезъ мѣсяць ихъ было уже — 154. Дѣвочки отдѣльно обучались отъ мальчиковъ, такъ что школа при двухъ классахъ имѣла четыре отдѣленія. Спустя нѣсколько времени, и составъ, и учебный планъ школы измѣнились: приготовительное отдѣленіе преобразовано въ два первые класса гимназій мужской и женской, а отдѣленіе элементарное обращено въ общій приготовительный для нихъ классъ. 7-го февраля 1864 года всѣхъ учащихся было уже 189.

Между тѣмъ, извѣстіе объ открытіи русской школы въ Варшавѣ повсюду возбудило къ ней вниманіе, пожертвованія стали быстро умножаться. Въ январѣ 1864 г. графъ Бергъ представилъ отчетъ о ней Государынѣ Императрицѣ и Ея Величество соизволила пожертвовать на нужды школы двѣ тысячи рублей серебромъ. Въ февралѣ и мартѣ устроены были въ Варшавѣ въ пользу школы лоттерей и два русскихъ спектакля, принесшіе чистаго дохода 4934 руб. 51 коп. сер. Дѣйствительный тайный совѣтникъ И. И. Фундуклей предложилъ отъ себя на нужды школы, начиная съ декабря 1863 года, ежемѣсячно, по 100 руб. сер., пока содержаніе ея не будетъ обезпечено постоянными источниками. Преосвященный Іоанникій, архіепископомъ варшавскій, вліянію котораго русская школа много обязана была своимъ учрежденіемъ, пожертвовалъ на содержаніе ея ежемѣсячно по 50 р. Съ разныхъ сторонъ Россіи, отъ всѣхъ классовъ общества, даже отъ крестьянъ, приходили пожертвованія въ пользу школы то деньгами, то учебными пособіями. По 7-го іюня 1864 года всего собрано было *21,527 руб. 75 коп. сер.*, а за всѣми расходами, сдѣланными на содержаніе школы со дня открытія ея, оставалось *18,500 руб. сер.*

Когда такимъ образомъ средства школы стали умножаться, признано было необходимымъ устроить болѣе прочный порядокъ въ дѣлахъ ея. Въ началѣ марта 1864 года, по распоряженію намѣстника графа Берга, учрежденъ былъ подъ предѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Фундуклея комитетъ для завѣдыванія школою, при чемъ она ввѣрена была особому попеченію и покровительству архіепископа варшавскаго Іоанникія. Комитетъ озаботился, прежде всего, устройствомъ правильнаго и цѣлесообразнаго преподаванія. Приготовительный классъ раздѣленъ былъ на два особа отдѣленія, для мальчиковъ и для дѣвочекъ. Два класса школы по программамъ своимъ были приспособлены къ двумъ классамъ тогдашнихъ имперскихъ гимназій. Увеличено было число постоянныхъ преподавателей, при чемъ каждому изъ нихъ назначена поурочная плата по 75 коп. сер.

Въ концѣ перваго учебнаго года въ русской школѣ было всѣхъ учащихся 252. Первый экзаменъ въ ней произведенъ былъ публично, въ присутствіи многихъ высокопоставленныхъ лицъ и родителей. Съ начала слѣдующаго учебнаго года въ школу поступило 280 дѣтей. Между ними оказались достаточно приготовленные въ четвертый классъ гимназій, а потому въ мужскомъ отдѣленіи открылись тогда же два слѣдующіе класса III и IV, въ женскомъ прибавленъ только III классъ. При этомъ комитетъ, въ виду большихъ требованій отъ преподавателей, возвысилъ поурочную плату до одного рубля сер. Школа по прежнему продолжала содержаться преимущественно на частныя средства.

30 августа 1864 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о новомъ устройствѣ учебныхъ заведеній въ краѣ, при чемъ повелѣно преобразовать русскую варшавскую школу въ русскую мужскую гимназію и женскую прогимназію съ начальнымъ при нихъ училищемъ и весь расходъ на содержаніе ихъ принять на счетъ казны. Эти русскія учебныя заведенія открыты были 12 января 1865 года.

ЗАПИСКА ОБЪ УНІАТСКОМЪ ДѢЛѢ ВЪ ПРИВИСЛЯНСКОМЪ КРАѢ.

Должность главнаго директора внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ Привислянскомъ краѣ послѣ князя Черкаскаго занялъ Рудольфъ Ив. Брауншвейгъ, греко-уніатскія же дѣла перешли въ непосредственное вѣдѣніе намѣстника гр. Берга. Не возможно было ожидать болѣе рѣзкаго перехода этихъ дѣлъ, какъ и воѣхъ дѣлъ внутреннихъ и духовныхъ, изъ однихъ рукъ въ другія. Гр. Бергъ всегда былъ противникомъ воѣхъ мѣръ, принятыхъ при кн. Черкасскомъ въ отношеніи уніатовъ; всю совокупность уніатскаго вопроса онъ относилъ къ религіи и, настаивая на полномъ невмѣшательствѣ гражданской администраціи въ религіозныя дѣла, хотѣлъ видѣть инициативу ихъ исключительно въ рукахъ духовной власти. Оставить уніатовъ въ покоѣ, предоставить имъ самимъ устроить свои дѣла—вотъ его правило. Не зная исторіи и быта уніи и отношеній ея къ русскому народному чувству и связи съ государственными интересами Россіи, гр. Бергъ не могъ руководить тѣми возбужденіями и стремленіями, которыми проникнуты были какъ сами уніаты, такъ и вся сфера, окружающая ихъ. „Оставить уніатовъ въ покоѣ“ не могли допустить ни сами уніаты, начавшіе понимать необходимость выбиться изъ оковъ полонизма и латинства, ни историческіе претенденты ихъ—полонизмъ и латинство, ни наконецъ русскій міръ, въ которомъ предшество-

вавшими мѣрами такъ глубоко возбуждено было чувство родства и историческаго долга въ отношеніи къ этому населенію. „Предоставить уніатовъ самимъ себѣ“ значило отдать ихъ судьбу случайностямъ борьбы партій, какъ въ средѣ ихъ самихъ, такъ и вокругъ нихъ существовавшихъ, и, при слабыхъ, только что возбужденныхъ силахъ ихъ, создать для нихъ положеніе по пословицѣ: „кто палку въ руки взялъ, тотъ и капраль.“ Всѣ обстоятельства, послѣдовавшія за удаленіемъ отъ дѣлъ Н. А. Милютина и кн. В. А. Черкаскаго, дѣйствительно сложились такъ, что подобное положеніе должно было наступить само собою. Главный директоръ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Р. И. Брауншвейгъ, принявшій этотъ постъ только для постепенной передачи всѣхъ дѣлъ министерству внутреннихъ дѣлъ имперіи, предоставлялъ широкій просторъ дѣятельности губернаторовъ. Уніатскій міръ до такой степени чуждъ былъ ему, что онъ никогда не могъ, напримѣръ, отличить Іосафата Кунцевича отъ св. Митрофана воронежскаго и постоянно смѣшивалъ ихъ (въ разговорѣ) между собою. Учредительный комитетъ, при наступившемъ постепенномъ закрытіи центральныхъ управленій Царства Польскаго и передачѣ дѣлъ ихъ въ соответственныя министерства имперіи, оставался только для окончанія дѣлъ по реформѣ крестьянскаго быта, а представителемъ прежняго направленія въ дѣлахъ его служилъ одинъ Я. А. Соловьевъ, совершенно подавленный своимъ одиночествомъ среди новыхъ лицъ и новыхъ вѣяній въ Варшавѣ.

Въ Холмѣ, куда передавалась теперь инициатива уніатскихъ дѣлъ, обстоятельства всего менѣе благопріятствовали ей. Нѣтъ сомнѣнія, что сильная духовная власть была бы наилучшимъ орудіемъ для разрѣшенія уніатскаго вопроса, какъ то достаточно показалъ опытъ приснопамятнаго митрополита Іосифа Сѣмашки и (отчасти) галицкаго митрополита Григорія Яхимовича. Вспомоществуемая школою, церковью наиболѣе содѣйствовала бы оживленію и обновленію

тежнаго народа, въ понятіяхъ котораго всѣ особенности его быта слились съ особенностями его исповѣданія. Ничто не соудало бы для школы большей силы и прочности въ средѣ такого народа, какъ церковь. Наше правительство, слѣдуя опыту въ Бѣлоруссіи, всегда искало опоры для вліянія на холмскихъ униатовъ въ холмской духовной власти. При кн. Черкасскомъ одѣланы были всѣ попытки склонить холмскаго епископа - номината Каляинскаго на сторону правительства. Но ни въ Холмѣ, ни во Львовѣ благія намѣренія правительства не встрѣтили тогда сочувствія и поддержки. Потребовалося устроить въ Холмѣ временную духовную власть, которая, не имѣя въ глазахъ епархіи каноническаго значенія и потому не принимая на себя инициативы и авторитета въ дѣлахъ вѣры, содѣйствовала бы правительству въ тѣхъ реформахъ, какія оно признало необходимыми относительно національнаго духа и быта холмскихъ униатовъ. Гр. Бергъ и Брауншвейгъ, какъ лютеране, думали иначе: учрежденная правительствомъ въ Холмѣ духовная власть, по убѣжденію ихъ, могла пользоваться полнотою духовной власти и инициативы въ дѣлахъ религіозныхъ. Пока эта новая власть воздерживалась отъ инициативы, епархія относилась къ ней болѣе или менѣе равнодушно.* Протестъ, составленный нѣсколькими священниками противъ реформы холмскаго церковнаго управленія и поданный намѣстнику гр. Бергу, навлекъ на виновниковъ его справедливую кару и не встрѣтилъ въ народѣ никакого сочувствія, почему авторы его поспѣшили дать подписки въ повиновеніи администратору епархіи и консисторіи. Повиновеніе, безъ сомнѣнія, было только вынужденнымъ, наружнымъ, а между тѣмъ оно принято за искреннее и, въ соединеніи съ равнодушіемъ народа къ совершавшейся въ Холмѣ перемѣнѣ и къ протесту противъ нея, признано было достаточною опорой для новой духовной власти въ ея начинаніяхъ!....

Далѣе: администраторъ Войццкій оказался слабымъ и недалновиднымъ. Давнія симпатіи его къ Галиціи теперь вняли верхъ надъ воѣми побужденіями, вытекавшими изъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ епархіи. Холмскіе галичане заняли тотчасъ при немъ правящее положеніе въ качествѣ членовъ консисторіи. Но эти новые въ епархіи люди не только не могли утвердить, но еще болѣе ослабляли въ глазахъ мѣстнаго духовенства и всего населенія значеніе холмской духовной власти, не получившей каноническаго утвержденія. Извѣстно, что львовскій митрополитъ Спирidonъ Литвиновичъ на все просьбы кн. Черкасскаго объ отпускѣ благонадежныхъ галицкихъ священниковъ на службу въ Холмскую епархію отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, настаивая самъ на подчиненіи ему Холмской епархіи, какъ то было до 1830 года. Изъ четырехъ первыхъ священниковъ, приглашенныхъ на учебную службу въ холмскія учебныя заведенія, онъ выдалъ „отпустительную грамоту“ только одному Дьячану. „Отпустительная грамота“ служила для священника документомъ въ томъ, что онъ признается въ священномъ санѣ своемъ, не подверженъ церковному запрещенію и можетъ поступить на службу въ другой епархіи въ томъ же санѣ. Церковные каноны, какъ западной, такъ и восточной церкви, воспрещаютъ принятіе священника въ другую епархію безъ разрѣшенія прежняго его епископа. При кн. Черкасскомъ ни одинъ изъ этихъ священниковъ не былъ допущенъ къ епархіальной службѣ, за исключеніемъ службы учебной. Двухъ изъ нихъ, Дьячана и Лавровскаго, администраторъ епархіи назначилъ членами консисторіи. Это назначеніе не нарушало никакихъ каноническихъ условій, такъ какъ Дьячанъ представилъ отпустительную грамоту, выданную ему львовскимъ митрополитомъ, а Лавровскій перемѣщенъ въ Холмъ съ должности настоятеля краковскаго униатскаго прихода, входившаго въ то время въ составъ Холмской епархіи; оно задѣвало только самолюбіе мѣстнаго

духовенства, обоюдного предпочтеніемъ новыхъ людей въ назначеніи на вліятельныя должности въ епархіи и давало пищу враждебнымъ холмской духовной власти толкамъ. Къ сожалѣнію, эти толки тотчасъ нашли для себя опору: холмское епархіальное управление, въ новомъ своемъ составѣ, не считало нужнымъ наблюдать осторожность въ своихъ дѣйствіяхъ, сосредоточить свои усилія предварительно на успокоеніи умовъ въ духовенствѣ, взволнованныхъ учрежденіемъ администраторства и консисторіи, вмѣсто привычнаго капитула, на пріобрѣтеніи расположенія и довѣрія какъ духовенства, такъ и народа; напротивъ, оно тотчасъ высказало неуваженіе не только къ народной совѣсти, но и къ положительнымъ законамъ, соблюдаемымъ всею христіанскою Церковію. Вслѣдъ за первыми священниками, приглашенными правительствомъ, изъ Галиціи стали пріѣзжать въ Холмъ священники по собственному желанію, съ срочными паспортами отъ австрійскаго правительства, безъ отпустительныхъ грамотъ, а иные и безъ дозволенія своего епископа. Епархіальное управление тотчасъ, безъ всякихъ справокъ и сношеній, не требуя отъ нихъ даже предварительно присяги на русское подданство, назначало ихъ на приходы въ Холмокой епархіи, выбирая при этомъ для нихъ лучшіе приходы и болѣе вліятельныя мѣста. Эти назначенія произвели сильное впечатлѣніе въ духовенствѣ и въ народѣ. Каждого такого священника прихожане встрѣчали ропотомъ. Когда появился въ Сѣдлецкой губерніи первый такой священникъ—Макарій Хойнацкій, агитаторы внушили прихожанамъ, что онъ—пероудѣтый священникъ изъ Курской губерніи; потребовалось содѣйствіе полиціи для водворенія его въ приходъ (Цицеборъ) по указу консисторіи. Въ то же время львовскій митрополитъ и перемышльскій епископъ (Сембратовичъ, нынѣшній галицкій митрополитъ) громко выражали крайнее порицаніе холмской консисторіи за эти назначенія, а священниковъ, принятыхъ въ Холмскую епархію, объявили бѣжав-

шими. Голосъ этихъ духовныхъ сановниковъ дошелъ до мѣстнаго духовенства и народа....

Не довольствуясь этими распоряженіями и пренебрегая настроеніемъ епархіи, холмская консисторія рѣшилась конуться самыхъ жизненныхъ сторонъ церковно-народнаго быта и радикально измѣнить постановку греко-уніатскаго вопроса.

Всѣ, прибывавшіе въ Холмскую епархію изъ Галиціи духовные и міряне, принадлежали тамъ къ такъ называемой партіи „обрядовцевъ“, т. е. поборниковъ идеи чистоты церковнаго обряда, какъ существеннаго отличія уніи отъ латинства и полонизма и главнаго основанія не только религіозной, но и національной самостоятельности уніатовъ среди латинянъ и поляковъ. Это направленіе возникло въ время, когда наука еще не располагала достаточными данными для опредѣленія и разъясненія южнорусскаго и бѣлорусскаго племени,—когда въ учебникахъ русской исторіи Южной и Западной Руси исторія ихъ излагалась только до завоеванія ихъ Литвою, а затѣмъ все ограничивалось только исторіей Московскаго царства,—когда графъ Уваровъ предлагалъ (въ 1837 г.) премію въ десять тысячъ рублей за составленіе учебника русской исторіи, въ который включена была бы и исторія Западной Руси,—когда, вслѣдствіе этого предложенія, Устряловъ „открылъ“ *Русь Литовскую*, а Зубрицкій (*правда о Галицкой Руси*) „открылъ“ *Русь Червоную*. Вслѣдствіе такого положенія научныхъ данныхъ, для ревнителѣй народности богослужебный обрядъ казался наиболѣе яркимъ доказательствомъ отличія южноруссовъ и бѣлоруссовъ отъ поляковъ по религіи и по національности. Вотъ почему возбужденное Зубрицкимъ народное чувство галичанъ съ энтузіазмомъ отнеслось къ своему церковному обряду: оно видѣло въ немъ теперь памятникъ народности, пережившій всѣ бури и невзгоды, послужившій путеводною звѣздой для изслѣдователей исторіи, воскресителемъ и спасителемъ народности. Тѣмъ заботливѣе отнеслось къ обряду духовенство: сохране-

ніе его въ цѣлости и чистотѣ, изгнаніе изъ него всего, что казалося роднившимъ его съ латинствомъ и полонившимъ со стороны того и другого—вотъ что стало главною задачею ревностнаго русина-священника. Въ средѣ такихъ ревнителей обрядъ постепенно становился главною опорою для борьбы съ полонизмомъ и латинствомъ. Съ тѣхъ поръ филологія, этнографія и исторія постепенно раскрыли и утвердили основанія русской народности, а „обрядовцы“ продолжали считать обрядъ важнѣйшимъ мѣриломъ ея. Воспитанные въ католическихъ богословскихъ факультетахъ, потерявшіе нить православнаго догмата, они сосредоточили все свое богословствованіе въ борьбѣ съ латинствомъ на обрядовыхъ разсужденіяхъ.

Но что значило на языкѣ обрядовцевъ заботиться о чистотѣ и цѣлости обряда, очищать его отъ латинства и полонизма? Что могутъ сдѣлать въ этомъ отношеніи частныя лица, хотя и священники? Къ чему должна была привести ихъ эта повидимому святая ревность? Что могла она принести народу.

Извѣстно, что единый чинъ богослуженія никогда не былъ установленъ для всей восточной Церкви. Попытка ввести строгое единство въ совершеніи всѣхъ обрядовъ является въ первый разъ въ римско-католической церкви, именно въ постановленіи тридентскаго собора. Въ Великой Россіи однообразіе въ богослужебномъ чинѣ окончательно установлено при патріархѣ Никонѣ, а въ греческой Церкви—въ 1852 г. изданіемъ обязательнаго для всѣхъ церквей четырехъ патріархій Евхологіона (*εὐχολόγιον ἑλληνικόν*). Святые апостолы установили для всей Церкви только основныя богослужебныя дѣйствія. Полный богослужебный чинъ совидался постепенно, въ разныхъ частныхъ церквахъ разнообразился, при чемъ не только предстоятель церкви, но и епископы въ епархіяхъ сохраняли право дополнять унаслѣдованный чинъ, по мѣрѣ

нужды пасомыхъ, въ освященіе мѣстныхъ благочестивыхъ обычаевъ, вновь составленными молитвами и дѣйствіями, соотвѣтственно духу богослуженія и обрядовымъ преданіямъ. Съ 1544 года стали появляться печатныя изданія греческаго евхологіона. До 1647 года венеціанская греческая типографія сдѣлала пятнадцать такихъ изданій, для разныхъ мѣстностей греческой Церкви, по порученію представителей церковныхъ, подъ надзоромъ довѣренныхъ лицъ. Ученый Гоаръ сдѣлалъ сводъ всѣхъ этихъ изданій въ своемъ *Euchologion graecorum* (Парижъ, 1647). Оказалось, что греческій обрядъ представлялъ безчисленное разнообразіе какъ въ числѣ и составѣ отдѣльныхъ богослуженій (за исключеніемъ литургіи), такъ въ составѣ и текстѣ молитвъ и частныхъ обрядовыхъ дѣйствій. Въ Великой Россіи требникъ въ первый разъ напечатанъ при патріархѣ Іовѣ въ 1602 году, во второй разъ изданъ патріархомъ Филаретомъ въ 1624 году, въ третій разъ патріархомъ Іоасафомъ въ 1635 году, четвертое изданіе сдѣлано при патріархѣ Никонѣ въ 1657 году. Всѣ эти изданія заключаютъ въ себѣ множество отличій другъ отъ друга въ числѣ и составѣ обрядовъ, въ текстѣ и выборѣ молитвъ и частныхъ дѣйствій. До чего простиралась въ этомъ отношеніи власть предстоятеля церкви, видно, на примѣръ, изъ того, что патріархъ Іоасафъ въ своемъ изданіи требника выбросилъ *чинъ погребенія іереевъ*, признавъ этотъ чинъ еретическимъ, тогда какъ этотъ чинъ помѣщенъ въ филаретовскомъ изданіи и имѣется въ рукописномъ требникѣ митрополита Θεогноста, пользовавшимся большимъ уваженіемъ на Руси.—Въ южнорусской церкви, подъ вліяніемъ мѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, утвердился иной порядокъ установленія богослужебнаго чина: здѣсь не только епископы, но и монастыри, и даже свѣтскія общества, получившія отъ восточныхъ патріарховъ право ставропигій, пользовались самостоятельностью въ обрядѣ, а изданіемъ богослужебныхъ книгъ занимались даже частныя лица. Въ южно-

русской церкви требникъ напечатанъ въ первый разъ въ Стрятинѣ (близъ Львова) въ 1606 году львовскимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ. Потомъ требникъ издаваемъ былъ: острожскимъ братствомъ въ Острогѣ въ томъ же 1606 году, виленокимъ братствомъ въ 1618 и 1628 гг., львовскимъ епископомъ Арсеніемъ въ 1637 году, неизвѣстнымъ лицомъ въ Долгополѣ въ 1635 году, львовскимъ братствомъ въ 1644 году, моголевскимъ въ 1646 году. Петръ Могिला, тщательно изслѣдовавъ всѣ эти изданія, пришелъ въ сильное негодованіе по поводу безчисленнаго множества перемѣнъ, нововведеній, искаженій въ числѣ, составѣ и послѣдовательности обрядовъ, въ опредѣленіи отдѣльныхъ богослужебныхъ дѣйствій, въ числѣ, составѣ и текотѣ молитвъ, въ наставленіяхъ іереямъ и т. д. Онъ рѣшился издать требникъ и сдѣлать его обязательнымъ для всей южнорусской церкви. Но составленный имъ Требникъ представлялъ столько отличій отъ всѣхъ греческихъ и славянскихъ редакцій, что среди всѣхъ изданій онъ доселѣ стоитъ совершеннымъ особнякомъ. Довольно сказать, что въ немъ имѣется до 48 обрядовъ, не встрѣчаемыхъ въ извѣстныхъ намъ изданіяхъ греческихъ и славянскихъ. Въ каждомъ изъ остальныхъ обрядовъ онъ болѣе или менѣе сдѣлалъ дополненія и перемѣны, сохраняя въ точности только наслѣдіе отъ св. апостоловъ и отцовъ Церкви, во всемъ остальномъ руководствовался богослужебною мыслию и полнотою удовлетворенія мѣстной духовной нуждѣ. Если такое разнообразіе представляли печатныя изданія, то что же было въ рукописныхъ требникахъ! Въ предисловіи къ своему требнику Гедeonъ Балабанъ говоритъ, что, собравъ много славянскихъ списковъ требника на Руси, въ Молдавіи и Сербіи, онъ ужаснулся разнообразію, произволу и невѣжеству ихъ и обратился къ греческимъ (но къ рукописнымъ, а не печатнымъ, отъ чего въ изданіи его помѣщено не мало обрядовыхъ дѣйствій и чиновъ, не встрѣчаемыхъ ни въ одномъ изъ печатныхъ греческимъ изданій требника, на-

примѣръ: *чинъ братотворенію, чинъ приобщенія агасмото*, т. е. богоявленскою водою и под.). Такимъ же образомъ отнесся къ славянскимъ спискамъ *служебника* Тарасій Земка, напечатавшій служебникъ въ 1629 году въ Кіевѣ, по порученію Кіево-Печерской Лавры, такъ какъ нашель въ нихъ „множайшаа и бесчисленнаа погрѣшенія“ и даже пришелъ къ убѣжденію, что „вся книги славенскія отъ колико сотъ лѣтъ иреписуются невѣжами, токмо черниломъ мажущими, ума же не имущими, языка не умѣющими и силы словесъ невѣдущими“ (Предисловіе къ служебнику 1629 г.). Какъ постушали въ дѣлахъ обряда свѣтскія общества, ставропигіальныя братства, показываетъ слѣдующее мѣсто въ „Постановленіи объ общежительствѣ въ братствѣ луцкомъ 1624 года“. „Что касается,—говорится здѣсь,—благочинія въ церкви, то во всемъ должно примѣняться къ церковному уставу св. отцовъ, давнимъ обычаемъ сего мѣста и къ старожитности всей русской Церкви. Если бы нужно было что-либо *исключить, придать* или *замѣнить*, то игумень, собравши всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ, долженъ имъ о томъ предложить, представивъ въ оправданіе той отмѣны удовлетворительные и неопровержимые доводы. *Тогда все, что не будетъ противнымъ Св. Духу и разсудку, безпрекословно дозволится, а если иначе, то по справедливости воспретится*“¹⁾. Попытки къ прекращенію этого самоволія братствъ не удавались. Въ 1591 году митрополичій намѣстникъ въ Вильнѣ потребовалъ отъ священниковъ виленскаго братства отмѣны нѣкоторыхъ обычаевъ, произвольно установленныхъ въ братской церкви. Но священники отвѣтили ему: „мы священницы братскіе не подручны подъ справу вашу, отче протопопе: бо мы есмы священниками братскими и маемъ старшихъ своихъ, ихъ милость пановъ братью“²⁾. Энерги-

¹⁾ Памятники, изд. Кіевск. комис. для разбора древнихъ актовъ. Т. I, отд. 8-й.

²⁾ Акты Западной Россіи. Т. IV, № 41.

ческій Петръ Могила, заботясь о прекращеніи произвола и разногласицы въ богослуженіи, запретилъ издавать богослужебныя книги безъ разрѣшенія его, подъ угрозою отлученія отъ Церкви ослушниковъ, и исполнилъ эту угрозу на извѣстномъ тогда справщикѣ и издателѣ церковныхъ книгъ Слезкѣ. Но братства не хотѣли подчиняться распоряженію его, не страшились угрозы и, по выраженію самого Могила (въ Предисловіи къ Требнику), „аки аспиды затыкали уши своя“ на голосъ его.

Могила не успѣлъ издать всего круга богослужебныхъ книгъ, предпринятаго имъ, не успѣлъ даже ввести въ употребленіе своего Требника, такъ какъ послѣдній окончень печатаніемъ наканунѣ смерти своего приснопамятнаго составителя. Въ оставшихся за Польшею русскихъ областяхъ, въ средѣ православныхъ, такъ и не было установлено единообразіе богослужебныхъ обрядовъ; епископы и ставропигии продолжали пользоваться свободою выбора обрядовыхъ редакцій, а приходскіе священники ничѣмъ не были ограничены въ выборѣ тѣхъ или другихъ изданій богослужебныхъ книгъ для (своего) употребленія въ своихъ церквахъ.—Тотъ же порядокъ сохранялся и въ униатской церкви. Замойскій соборъ, произведшій переворотъ въ догматическихъ вѣрованіяхъ и религіозныхъ понятіяхъ униатовъ, не установилъ редакцій богослужебныхъ книгъ. Первые богослужебныя книги, изданныя по мыслямъ этого собора, стали появляться только въ пятидесятыхъ годахъ 18 столѣтія, а первый такой требникъ напечатанъ митрополитомъ Аванасіемъ Шептицкимъ въ 1757 году. Засимъ появляются почаевскія изданія богослужебныхъ и другихъ церковныхъ книгъ, убившія всякую конкуренцію съ ними. Но всѣ эти изданія не были обязательны для всей униатской церкви. Каждый епископъ продолжалъ сохранять право установленія въ своей епархіи богослужебнаго чина. На этомъ основаніи и въ Холмской

епархіи епископъ Цѣхановецкій издалъ въ 1815 году: *Porządek nabożeństwa cerkiewnego* (чинъ церковнаго богослуженія), представляющій отличія отъ воѣхъ печатныхъ уніатскихъ изданій служебника.

Въ виду такой исторіи богослужебнаго чина въ Южной Руси, что могли избрать галицкіе обрядовцы основою для сохраненія обряда въ чистотѣ и цѣлости? Очевидно, ничего — кромѣ новаго, собственнаго произвола. Южнорусская старина, сложившаяся подъ давленіемъ несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ, школа уніи не могли внушить имъ авторитета Церкви, какъ единаго истиннаго судьи въ этомъ дѣлѣ. Преслѣдуя возвышенную по виду цѣль, они не замѣчали того, что не имѣютъ подъ собою почвы и на дѣлѣ служатъ только дальнѣйшему развитію духа старины мѣстной, привыкшей къ обрядовой вольницѣ. Увлеченные понніемъ объ обрядѣ, какъ выраженіемъ національной церковно-религіозной жизни, они или совершенно запутывались между основаніями современнаго имъ богослужебнаго чина въ Россіи, Греціи и въ Римѣ, или избирали основою излюбленные народомъ обряды и обычаи и доходили въ націонализированіи обряда до того, что пытались во многихъ случаяхъ замѣнять славянскій языкъ обряда (напр. акаѣистовъ) южнорусскимъ нарѣчіемъ. Въ результатѣ такой дѣятельности получались только печальныя для служителя Церкви свойства: препирательство, производъ и оскудѣніе духа истинной церковности, неуваженіе къ духу богослуженія, каковыми свойствами дѣйствительно отличались всѣ галицкіе обрядовцы.

Запутавшись въ препирательствахъ и противорѣчіяхъ по главнымъ обрядовымъ основаніямъ, обрядовцы дружно сошлись на очищеніи обряда отъ латинства и полонизма. Но если легко распознать въ богослуженіи полонизмъ, то что признать основаніемъ для сужденія о латинствѣ въ обрядѣ? Безъ сомнѣнія, такимъ основаніемъ могутъ служить только отличительныя вѣрованія латинянъ, отвергнутыя восточною

Церковію, и освоенныя на нихъ богослужебныя дѣйствія. Къ сожалѣнію, галицкіе обрядовцы, получившіе высшее образованіе въ австрійскихъ университетахъ, въ которые не проникло ни одно православно-богословское сочиненіе, не имѣли никакой возможности высвободиться изъ цѣпей католическаго догмата. Вся оппозиція ихъ латинству, вся ихъ нелюбовь къ нему выросла исключительно на практической дорогѣ, изъ отношеній бытовыхъ. По этимъ причинамъ, обрядовцы руководствовались въ очищеніи обряда отъ латинства только бытовыми условіями. Если они враждовали противъ *Filioque*, то только потому, что исторія внесенія этого латинскаго догмата въ славянскій символъ вѣры одишкомъ извѣстна и сопровождалась грубымъ обманомъ и открытымъ насиліемъ. Но исключительно практическія основанія въ очищеніи обряда опять ведутъ только къ препірательствамъ и произволу. Напримѣръ: ни въ одной редакціи требниковъ греческихъ не было и доселѣ нѣтъ въ обрядѣ бракосочетанія вопросовъ, предлагаемыхъ священниками нашими жениху и невѣстѣ: „имали ли благое и непринужденное желаніе... не общался ли еси иной... иному“? Во всѣхъ славянскихъ редакціяхъ этого обряда до Петра Могилы ихъ также не было. Петръ Могила внесъ ихъ въ свой Требникъ, буквально взявши ихъ изъ римско-католическаго требника и, согласно съ послѣднимъ, постановилъ, что въ этихъ вопросахъ и отвѣтахъ заключается сущность и форма обряда брака, что бракъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ, если эти вопросы и отвѣты не соблюдены во всей точности. Кіевскіе справщики церковныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ внесли эти вопросы и отвѣты (въ первый разъ) въ московскій требникъ, хотя и безъ всякихъ поясненій о значеніи ихъ, и съ тѣхъ поръ они не только существуютъ въ православномъ русскомъ требникѣ (раскольники не принимаютъ ихъ), но и считаются безусловно важными въ обрядѣ брака, такъ что при опущеніи ихъ таинство брака не считается совершив-

шимся. Латинство это въ русской Церкви, или нѣтъ? Цѣлая система наставленій іереямъ о приготовленіи къ совершенію божественной литургіи въ первый разъ появилась въ Требникѣ Петра Могилы, но буквально почти взята имъ изъ *Missale romanum*, составленнаго въ Польшѣ на петроковскомъ соборѣ 1638 года, по опредѣленіямъ тридентскаго собора; потомъ эта статья перепечатана при служебникѣ никоновскомъ и печатается доселѣ при русскихъ служебникахъ, а также и въ униатскихъ изданіяхъ, хотя этихъ наставленій не было и доселѣ не имѣется ни въ одномъ изданіи греческаго служебника (евхологіона). Скажутъ, что заимствованія, утвержденныя церковнымъ соборомъ, становятся собственностью Церкви. Но правомъ установленія частныхъ обрядовыхъ дѣйствій въ восточной Церкви издавна пользовались и епископы. Повтому, нельзя считать латинствомъ допущенное, на примѣръ, патріархомъ Филаретомъ обливаніе при крещеніи больныхъ младенцевъ. Подобнымъ образомъ поступали и епископы южнорусской церкви, а глубокій богословъ, величайшій ревнитель православія Петръ Могила, строго защищая въ обрядѣ православныя догматы и вѣрованія восточной Церкви, сдѣлалъ въ своемъ Требникѣ многочисленныя заимствованія изъ латинскихъ ритуаловъ и не мало обрядовъ вновь составилъ, заимствовавъ основу ихъ изъ тѣхъ же ритуаловъ и устроивши для нихъ полныя чины по духу и мысли восточной Церкви. Хотя этотъ разрядъ обрядовъ не вошелъ въ требникъ патріарха Никона, но извѣстно, что они пользуются уваженіемъ въ нашей Церкви, и не только священники, но и епископы употребляютъ ихъ въ нуждѣ церковной (на примѣръ при освященіи разныхъ предметовъ). Такимъ образомъ, несмотря на то, что патріархъ Іеремія, при обзорѣ южнорусской церкви въ 1589 году, осуждалъ обычай освященія пасхальныхъ хлѣбовъ и другихъ яствъ, однако потомъ епископы и митрополитъ Петръ Могила удержали въ требникахъ молитвы на этотъ случай, которыя и

доселѣ употребляютъ въ русской Церкви, хотя эти молитвы составлены по образцу римско-католическихъ. Итакъ, и этотъ разрядъ заимствованій не можетъ быть привнанъ въ русскую Церковь латинствомъ.—Остается цѣлая серія обычаевъ, вторгнувшихся въ униатское богослуженіе путемъ простаго увлеченія со стороны священниковъ и прихожанъ, безъ разрѣшенія соборовъ и епископовъ. Но тутъ галицкіе обрядовцы окончательно впали въ противорѣчіе съ самими собою, потому что, сражаясь съ излюбленными народомъ обычаями, они вызывали на бой народъ, во имя котораго подняли знамя обрядности. Противъ нихъ въ этомъ дѣлѣ выступили уже не одни униатскіе епископы и представители церковнаго управленія, но и партія „народовцевъ“, для которой многіе церковные обычан, происхожденіемъ своимъ теряясь въ неважнѣйшихъ временахъ, приобрѣли силу народности. Вражда противъ нихъ со стороны народовцевъ дошла до того, что ихъ считали наемными тайными агентами поляковъ, проповѣдывавшими, подъ благовиднымъ предлогомъ, вражду и пренебреженіе къ русскому народу въ Галиціи.

Возвышенная идея сохраненія обряда въ чистотѣ и цѣлости и очищенія его отъ чуждыхъ обычаевъ на почвѣ уніи совершенно не состоятельна. Обрядовцамъ предстояла дилемма: или обрядъ есть выраженіе вѣчной истины въ жизни церковной и въ такомъ случаѣ подчиняется только авторитету Церкви—единственной хранительницы вѣчной истины, значитъ влечетъ унію къ латинскому Риму, подчиняется латинству; или же обрядъ есть выраженіе народной религіозной жизни, національный религіозный типъ, и въ такомъ случаѣ вполне подчиняется народнымъ обычаямъ, открывая дорогу даже страстямъ народнымъ. Въ томъ и другомъ отношеніи положеніе безвыходное. На почвѣ уніи обрядовый вопросъ не можетъ быть рѣшенъ и заключаетъ въ себѣ, какъ и вся унія, созданная Римомъ, только самообманъ и произволь. Великій святитель русской Церкви митрополитъ Іосифъ Съ-

машко, будучи уніатскимъ архієпископомъ, не находилъ возможнымъ приступить къ очищенію уніатскаго обряда во всей цѣлости его, несмотря на свое право въ этомъ дѣлѣ; уже внутренне ставшій на почву православной Церкви, онъ рѣшился ввести служебникъ московскій—менѣе всѣхъ другихъ богослужебныхъ книгъ измѣненный уніатскими изданіями. Только послѣ того, какъ вся бывшая уніатская паства его поставлена была на ту же почву, онъ приступилъ къ постепенному очищенію всего обряда, по образцамъ православнымъ, и то съ величайшею осторожностію и не касаясь обычаевъ, излюбленныхъ народовъ.

Испытывая на родинѣ тяжелую участь не только отъ чужихъ, но и отъ присныхъ, обрядовцы сильно возбуждены были вѣстію о томъ, что русское правительство ищетъ надежныхъ людей въ средѣ галицкаго духовенства для содѣйствія ему въ возрожденіи уніатскаго населенія Холмокой епархіи, сильно ополяченнаго и латинизованнаго. Они были увѣрены, что въ Холмокой епархіи они найдутъ широкое поле для примѣненія своихъ завѣтныхъ стремленій, не вѣдая того, что въ предѣлахъ Россіи нѣтъ нужды изыскивать основы для русской народности, и что здѣсь все уніатское населеніе всего менѣе склонно было связывать съ обрядомъ свою національность и видѣло въ немъ, напротивъ, всю свою религію. Основываясь на собственномъ опытѣ, они были увѣждены, что для очищенія обряда требуется только добрая воля со стороны священниковъ; привязанность къ мѣстнымъ обрядовымъ особенностямъ въ мѣстномъ духовенствѣ и народѣ они объясняли только измѣною русскому дѣлу и преданностію полонизму и латинству, почему такихъ лицъ, по мнѣнію ихъ, слѣдуетъ устранять отъ службы и даже изъ края, поставляя на мѣста ихъ надежныхъ лицъ изъ среды ихъ самихъ. Они мечтали, что (этимъ способомъ) не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ Холмокая епархіа предстанетъ въ обновленномъ видѣ. Вовсе не зная Холмокой епархіи и судя

о населеніи ея по состоянію народа въ Галиціи, руководимаго десятки лѣтъ опытными вождями, вышедшими изъ ореды его самого, дѣтьми его, они вполне увѣрены были, что это населеніе, услыхавъ въ церкви проповѣдь на родномъ нарѣчїи, вмѣсто польскаго языка, сразу почувствуетъ въ себѣ подъемъ духа, и само пожелаетъ разстаться съ польскими рожанцами, годинками и т. п.,— что вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно будетъ со стороны священника объяснить своимъ прихожанамъ происхожденіе обрядовыхъ искаженій интригою и враждою полоно-латинства, чтобы вызвать полное сочувствіе ихъ очищенію обряда.

Эти новые люди въ Холмской епархіи, съ своими смѣлыми планами, увѣренностью и рѣшительностью, пришли по душѣ той группѣ русскихъ дѣятелей, которая не довольна была медленностью, осторожностью и снисходительностью прежней системы греко-уніатскихъ дѣлъ, и въ порывахъ патріотизма и раздраженія польско-латинскою интригою, строившею изъ каждой уніатской особенности баррикады противъ заботъ правительства объ уніатскомъ населеніи, постоянно обращалась къ кн. Черкасскому съ требованіями „приказать“, „запретить“, „штрафовать“ и т. п. Теперь, при ослабленіи или даже при совершенномъ отсутствіи сильной руководящей власти въ дѣлахъ уніатовъ, эта группа, дѣйствовавшая въ разбивную, по мѣрѣ усердія, обратила свои взоры на Холмъ, ожидая отъ него скорого осуществленія завѣтныхъ своихъ мечтаній. Проектъ „все покончить разомъ“ уступилъ мѣсто новому плану, быстро созрѣвшему въ Холмѣ, въ кружкѣ новыхъ уніатскихъ дѣятелей. „Очищеніе обряда“, требовавшее, по мнѣнію этихъ дѣятелей, лишь нѣкотораго времени, при удаленіи неблагонадежныхъ священниковъ, обѣщало вѣрное и безповоротное рѣшеніе уніатскаго вопроса, такъ какъ народъ, увидѣвъ въ церквахъ своихъ чистое славянское богослуженіе, слушая русскую проповѣдь, не слыша польской

рѣчи, скоро убѣдится въ единствѣ своей вѣры съ право-
славною русскою Церковію.

И вотъ, 11 марта 1867 года, т. е. спустя всего три
мѣсяца послѣ удаленія отъ дѣлъ Н. А. Милютина и кн. В.
А. Черкаскаго, появилось окружное посланіе холмской ду-
ховной консисторіи „благочиннымъ и всему духовенству“,
долженствовавшее служить программю дальнѣйшаго направ-
ленія и хода уніатскихъ дѣлъ. Посланіе обнимаетъ всю со-
вокупность уніатскаго вопроса, имѣя въ виду „чистоту и
цѣлостъ“ не только „исповѣданія“, но и „русской народно-
сти“. Эта широкая задача, составлявшая доселѣ предметъ
усиленныхъ и долгихъ заботъ правительства, какъ отдален-
ное *piu desideria*, по мнѣнію посланія, можетъ быть испол-
нена легко и скоро, необходима только добрая воля со сто-
роны пастырей—и вѣковой строй уніи тотчасъ и всецѣло
обновится. „Благодѣянія, излитыя на (насъ) уніатовъ ще-
дротами Всемилостивѣйшаго Монарха, способны *уничтожить*
самыя закоренныя предубѣжденія въ тѣхъ изъ пастырей,
которые имѣли несчастіе подвергнуться имъ, въ то же время
даютъ имъ полныя средства *сбросить съ себя усвоенные ими*
чуждые обычаи... Не сильно ли все это возвратитъ насъ
къ той славной самобытной русской жизни, какую жили предки
наши?... *Чего намъ надобно болѣе, чтобы мы познали са-
михъ себя, возбудили и поддержали въ себѣ твердую рѣ-
шимость и непринужденное желаніе сбросить съ себя на-
ложенныя на насъ въ нашей духовной и общественной*
жизни оковы?“ Эта увѣренность въ томъ, что измѣненіе
всего быта уніи зависитъ единственно отъ доброй воли свя-
щенниковъ, а добрую волю всегда можно возбудить въ себѣ,
побудила холмскую консисторію не откладывать исполненія
этого важнаго дѣла, а потому она рѣшается предписать его
къ немедленному исполненію. „Отбросимъ же отъ себя,—гово-
ритъ посланіе,—иноземныя и инновѣрныя привычки, чуждыя
духу нашей святой Церкви и нашей дорогой русской народ-

ности... Не будемъ употреблять въ соблазнъ нашего народа, ни въ обыкновенныхъ съ нимъ бесѣдахъ, ни тѣмъ болѣе въ бесѣдахъ пастырскихъ съ церковной кафедрой, чуждую намъ рѣчь польскую... Годзинки, рожанцы и всякія коленды замѣнимъ точнымъ отправленіемъ богослуженія по правиламъ и уставамъ нашей св. восточной Церкви... Органы замѣнимъ живымъ разумнымъ гнѣниемъ". Что касается народа, то посланіе не только не видитъ со стороны его какихъ-либо препятствій къ немедленному исполненію священниками предложенной программы, но и вполне увѣрено, что народъ съ одушевленіемъ пойдетъ за своими пастырями. „Видя насъ обновляющимися, народъ нашъ оживится, сильнѣе сознаетъ свою народность и почувствуетъ свою силу". Доказавши такимъ образомъ, что нѣтъ никакихъ препятствій въ дѣлѣ, консисторія въ концѣ посланія прибавляетъ: „настоящее распоряженіе наше высокопреподобные отцы благочинные имѣютъ разослать по одному экземпляру для каждаго изъ подвѣдомыхъ имъ священниковъ, *слѣдить за точнымъ исполненіемъ оного и доносить консисторіи о исполненіи священниками настоящаго предписанія*".

Такъ измѣнена была прежняя программа греко-уніатскаго вопроса, обнимавшая собою не одно только духовенство, но все населеніе Холмской епархіи, видѣвшая въ церковно-народномъ обычаѣ не произволь, но исторически сложившуюся жизненную силу, а потому поставившая его въ зависимость отъ развитія сознанія и нравственныхъ силъ въ народѣ, а не отъ доброй воли священниковъ, возлагавшая надежды преимущественно на школу, а не на циркуляры, предписанія и под.

Построенная на самыхъ фальшивыхъ основахъ, новая программа могла принести только цѣлый рядъ грубыхъ ошибокъ на дѣлѣ и привести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ.

Прежде всего, холмская консисторія забыла, что, предписывая священникамъ приступить къ очищенію обряда, не достаточно одного общаго выраженія (въ посланіи отъ 11 марта) о „точномъ отправленіи богослуженія по правиламъ и уставамъ восточной Церкви“, но необходимо точно опредѣлить, какимъ обрядовымъ редакціямъ слѣдовать въ совершеніи всѣхъ богослуженій, чтобы соблюсти требуемую „чистоту и цѣлость завѣщаннаго предками греко-уніатскаго исповѣданія“. Достаточны ли были для этой цѣли уніатскія изданія и какія именно, или необходимо вернуться къ изданіямъ, принятымъ въ первыя времена уніи, или наконецъ избрать служебникъ и требникъ московскій? Консисторія должна была признать всю свою несостоятельность въ этомъ вопросѣ. Утвердить уніатское изданіе значитъ признать неизмѣнными всѣ латинскія догматическія вѣрованія, внесенныя въ богослужебныя книги, по опредѣленіямъ замойскаго собора (объ исхожденіи Св. Духа, главенствѣ папы, частилицѣ, индульгенціяхъ и т. д.); къ старымъ богослужебнымъ книгамъ не мыслимо было возвратиться хотя бы и потому, что въ цѣлой Холмской епархіи не сохранилось отъ нихъ ни одного экземпляра какого-либо вида, все истреблено временемъ и расчетами латинской пропаганды; наконецъ ввести московскій служебникъ и требникъ—для этого сама консисторія признавала свой авторитетъ для епархіи не достаточнымъ. Въ виду такого грознаго вопроса, возникшаго тотчасъ за изданіемъ посланія отъ 11 марта, консисторія предпочла сложить съ себя всю вину за послѣдствія и все отнести къ благоразумію священниковъ и содѣйствію гражданскихъ властей. Отсельъ начинается узелъ тѣхъ прискорбныхъ отношеній консисторіи къ приходскому духовенству и къ администраціи свѣтской, въ которыхъ она оставалась до конца своего, и по которымъ во всей дальнѣйшей путаницѣ дѣлъ предъ нею оставались виновными или священники, или гражданскія власти.

Не малой важностью въ настоящемъ дѣлѣ былъ и вопросъ о внутреннемъ устройствѣ храмовъ. Кн. В. А. Черкасскій, намѣтившій въ перспективѣ своей программы возстановленіе правильнаго чина богослуженія, понималъ, что для этого необходимо предварительно озаботиться возстановленіемъ внутренняго устройства храмовъ униатскихъ, издавна въ значительномъ большинствѣ передѣланныхъ по образцу латинскихъ костеловъ. Его стараніемъ исходатайствовано было изъ государственнаго казначейства 250,000 руб. сер., независимо отъ другихъ источниковъ, приносившихъ до 60,000 руб. сер., на постройку новыхъ и починку старыхъ униатскихъ церквей¹⁾. 5 мая 1865 года Высочайше утвержденъ проектъ постройки и починки униатскихъ храмовъ, которымъ предположено было начать работы предварительно въ Люблинской губерніи и окончить ихъ къ 1 генв. 1868 года, затѣмъ приступить къ работамъ въ Сѣдлецкой губерніи и окончить къ 1 генв. 1870 года²⁾. Если ко времени появленія посланія холмской консисторіи объ очищеніи обряда въ Люблинской губерніи значительная часть церквей исправлена была, то въ Сѣдлецкой губерніи все оставалось по-старому, и не было и десяти церквей съ иконостасами. Какъ соблюсти въ точности восточный чинъ литургіи, вечерни и утрени при латинскомъ устройствѣ храмовъ? На этотъ вопросъ холмская консисторія не обратила никакого вниманія, а между тѣмъ онъ-то не мало послужилъ начальному ходу дальнѣйшихъ дѣлъ на Подлясьѣ и въ цѣлой Холмской епархіи. При восточномъ устройствѣ значительнаго большинства храмовъ въ Люблинской губерніи, восточный чинъ богослу-

¹⁾ Впослѣдствіи эта сумма нѣсколько разъ увеличивалась, и въ дѣйствительности по одной Люблинской губерніи на этотъ предметъ израсходовано 427,705 р. 19 к. сер.

²⁾ Въ дѣйствительности, строительный комитетъ перенесъ свои дѣйствія въ Сѣдлецкую губернію только осенью 1872, исполнивъ до того времени по этой губерніи всего двѣ постройки.

женія казался естественнымъ; при латинскомъ устройствѣ ихъ на Подлясѣ, непривычный священникъ долженъ былъ путаться, сбиваться, изобрѣтать для себя положенія и движенія, и весь чинъ богослуженія получалъ странную окраску, ни восточную, ни латинскую, что не могло не приводить въ удивленіе и недоумѣніе всякаго, не говоря уже о простомъ народѣ. Въ Люблинской губерніи, при производствѣ починокъ и передѣлокъ, не говоря уже о новопостроенныхъ храмахъ, органы устранились изъ церквей и не дразнили богѣ народной привычки къ нимъ; въ Сѣдлецкой губерніи органы оставались во всѣхъ безъ исключенія церквахъ, и внезапное молчаніе ихъ легко могло воспламенить латинизованное чувство невѣжественной массы и вызвать ее на безпорядокъ.

Такъ дѣйствительно и случилось. Какъ только начиналось богослуженіе, народъ, не слыша органа, поднималъ въ церкви ропотъ, а смѣльчаки бросались на хоры и принимались играть какъ попало или тащили на хоры дьячка, принуждая его играть,—происходило общее смятеніе, шумъ, богослуженіе прекращалось. Это служило прелюдией къ дальнѣйшимъ возраженіямъ противъ очищенія обряда со стороны народа, за которымъ теперь быстро сомкнулась и ловко расположилась латино-польская партія, которая на Подлясѣ издавна была несравненно шире и сильнѣе, чѣмъ въ Люблинской губерніи.

Священники, испытавшіе неудачу въ очищеніи обряда, недоумѣвали, что предпринять, такъ какъ консисторія указывала имъ только на благоразуміе; тѣ изъ нихъ, которые испытали въ церкви насилія и угрозы, получали въ консисторіи совѣтъ обращаться съ жалобами къ полицейскимъ властямъ. Въ короткое время сѣдлецкій губернаторъ Громека со всѣхъ сторонъ получилъ донесенія о безпорядкахъ и просьбы со стороны священниковъ о защитѣ ихъ отъ насилій. Эти жалобы и настоянія въ первый разъ вызвали на

арену греко-уніатскаго вопроса сѣдлецкаго губернатора, получившаго потомъ такую громкую извѣстность въ уніатскихъ дѣлахъ, державшаго эти дѣла въ сильномъ напряженіи, много внесшаго въ него страстности, увлеченія и полицейскаго характера, но несравненно болѣе оклеветаннаго его недругами и друзьями и крайне неаолуженно опозореннаго у насъ послѣ обращенія уніатовъ въ православіе. Несомнѣнно, что не онъ былъ причиною безпорядковъ 1867 года. Но энергія его въ подавленіи безпорядковъ, при его пылкой, увлекающейся натурѣ, заводила его слишкомъ далеко, въ область чисто церковныхъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе холмскаѣ духовная консисторія рѣшительно стояла тогда на сторонѣ губернатора и въ окружномъ посланіи своемъ, отъ 8 сент. того же года, отнесла происхожденіе волненій къ „равнодушію пастырей“; которымъ воспользовались „враги уніатской церкви и русскаго племени“, а дѣйствія сѣдлецкой администраціи признавала вполне законными, видя въ нихъ только „охрану свободы уніатской вѣры“ и „огражденіе греко-уніатскаго исповѣданія отъ отъ противозаконныхъ посягательствъ со стороны поляковъ“. Галицкіе священники въ особенности превозносили похвалами дѣятельность Громеки, называли его „ревнымъ русскимъ патріотомъ“, „единнымъ щирымъ защитникомъ и покровителемъ русскаго дѣла въ униі“. При тогдашнемъ нѣмецкомъ составѣ высшихъ властей въ Царствѣ Польскомъ, при извѣстномъ направленіи намѣстника гр. Верга и безличности Брауншвейга, Громека, талантливый, энергическій и глубоко преданный интересамъ Россіи въ Царствѣ Польскомъ, дѣйствительно, въ это печальное время колебанія началъ, насажденныхъ въ теченіе трехъ предшествовавшихъ лѣтъ, казался единственнымъ человекомъ, на которомъ могли сосредоточиться надежды ревнителей уніатскаго дѣла.

Какъ бы то ни было, но новая программа греко-уніатскихъ дѣлъ не только не пострадала отъ первой своей тяж-

кой неудачи, но напротивъ достигла санкціи. Разслѣдованіе дѣла по усмиренію безпорядковъ разными комиссіями привело слѣдователей въ концѣ концовъ къ убѣжденію, что виною неудачи была не программа и не вышательство гражданской власти въ церковныя дѣла, но недостаточность авторитета для народа въ подобномъ дѣлѣ самой консисторіи, — убѣжденіе, сильно поддержанное Громекою. Консисторія окончательно парализована была въ своемъ значеніи для народа появившеюся въ то же время энцикликвою папы Пія ІХ, разрѣшавшею народъ отъ повиненія ей. Признано необходимымъ вступить въ сношеніе съ римскимъ дворомъ о назначеніи для Холмской епархіи епископа.

Въ зиму 1867/8 года дѣло стояло въ крайнемъ напряженіи. Папская энциклика, подъ именемъ „письма съ неба“, тайными руками распространялась въ народѣ, одушевляла фанатиковъ, смущала все униатское населеніе. Мѣстное духовенство, не приготовленное къ такимъ событіямъ, чувствовало себя между двухъ огней и не способно было руководить мнущеюся народною совѣстію. Духовенство галицкое, пополненное въ эту зиму еще нѣсколькими выходцами, тѣмъ усерднѣе принялось дѣйствовать въ духѣ новой системы. Но его проповѣдь дышала не чувствомъ любви и милости къ заблуждающимся, но чувствомъ досады и мести за неудачу программы его. Какъ холмская консисторія смотрѣла въ этомъ дѣлѣ на духовенство, такъ теперь галицкое духовенство относилось къ народу, видя въ упрямствѣ его только недостатокъ доброй воли, злоумышленность, личную виновность каждаго непокорнаго, и спѣшило предать виновныхъ въ руки полиціи. Въ большинствѣ волновавшихся приходовъ продолжали квартировать войска, наѣзжали разные слѣдственные комиссіи, полицейскіе чиновники. Широкая русская натура не выдерживала впечатлѣнія, производимаго картиною религіознаго настроенія въ народѣ. И солдаты, и ихъ начальники, въ частныхъ объясненіяхъ съ народомъ, вели дѣло

начистоту, убѣждая народъ покориться волѣ начальства и принять православную вѣру. Высшія власти находились въ тревогѣ по поводу каждаго событія, каждаго слуха, въ особенности послѣ того, какъ въ разныхъ мѣстахъ прихожане перестали посѣщать церковь, исполнять обряды крещенія, погребенія и под., полиція не располагала иными мѣрами, кромѣ штрафовъ, арестовъ, воинскихъ постоевъ и т. п. Въ этой всеобщей сумятицѣ, одна верховная власть стояла выше всякихъ колебаній и недоумѣній; нѣсколько разъ, при докладахъ о разныхъ мѣрахъ къ успокоенію народа, государь императоръ выражалъ твердую волю, дабы въ отношеніи къ народу употребляемы были „духовныя мѣры“. Но дискредитированная въ глазахъ народа папскою энцикликою консисторія была совершенно безсильна, ея вліяніе скорѣе могло производить теперь обратное дѣйствіе на народъ. Тѣмъ настойчивѣе сами собою дѣла сосредоточивались въ рукахъ гражданской власти, на мѣстѣ—въ рукахъ губернатора Громеки, который теперь постоянно ходатайствовалъ напротивъ о прекращеніи всякихъ распоряженій въ отношеніи богослуженія со стороны консисторіи и о скорѣйшемъ назначеніи для Холмской епархіи епископа (последнее представленіе—Брауншвейгу отъ 5 апр. 1868 года за № 202).

Изъ оказаннаго доселѣ достаточно ясно, какъ должно было измѣниться теперь положеніе греко-уніатскихъ учебныхъ заведеній, съ ихъ задачею мирнаго возрожденія народа, съ возбужденными ими широкими надеждами, съ ихъ несомнѣннымъ первоначальнымъ успѣхомъ. Новая программа уніатскихъ дѣлъ самимъ существомъ своимъ отодвигала ихъ въ сторону отъ направленія уніатскаго вопроса, сосредоточивая ихъ лишь на общихъ задачахъ воспитанія и образованія. Что могли сдѣлать онѣ, если вся задача уніатскаго вопроса сводилась къ очищенію церковнаго обряда? Основы новой программы этого вопроса были прямо противоположны основамъ учебныхъ заведеній. Программа смотрѣла на религіозно-

народный бытъ униатовъ, какъ на нарость на здоровомъ тѣлѣ, который можно срѣзать однимъ взмахомъ искусной руки, и была увѣрена, что обычай можно измѣнить простымъ напряженіемъ доброй воли, какъ перемѣнить обувь, платье, мебель; учебныя заведенія основаны были на системѣ, глядѣвшей на народный бытъ, какъ на живую силу, выросшавшую и крѣпшую въ теченіе столѣтій,—на обычай и обрядъ, какъ на преданіе, завѣтъ старины, какъ на совѣтъ народную, а потому они должны были возлагать всю свою надежду на воспитаніе сознанія и проясненіе народнаго чувства. Приходилось выслушивать въ то время возраженія противъ несовмѣстности этихъ двухъ задачъ; поборники новой программы убѣждены были, что Церковь и школа могутъ итти въ этомъ дѣлѣ самостоятельно, каждая своимъ путемъ, не стѣсня одна другую. Но дѣло Церкви и школы можетъ преуспѣвать только подъ условіемъ взаимной близости и дружества ихъ между собою, въ противномъ случаѣ та и другая будутъ только взаимно вредить другъ другу и парализовать дѣло. Дѣйствительность скоро раскрыла пагубное вліяніе этой раздѣльности Церкви и школы въ отношеніи къ греко-униатскому вопросу. Учрежденія, выросшія изъ существенныхъ потребностей населенія и успѣвшія уже связать себя съ жизнью и бытомъ его, не могли удержаться въ сторонѣ отъ общаго положенія униатскихъ дѣлъ и невольно должны были испытывать на себѣ всѣ фазисы и всѣ послѣдствія его. Изъ семействъ родителей дѣти приносили въ школу недоувѣріе и подозрительность въ отношеніи ко всѣмъ требованіямъ учителей и воспитателей, не согласнымъ съ тѣмъ, что они видѣли и слышали дома, начиная отъ молитвы и кончая русскимъ языкомъ,—все сводилось, съ голоса родителей, на замыслы противъ униатской вѣры, во всемъ стала грезиться пропаганда православія. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ приливъ учениковъ униатскаго исповѣданія прекратился, и въ теченіе 1867/8 учебнаго года ихъ было меньше, чѣмъ

при самомъ открытіи этихъ заведеній¹⁾. Сельскія школы съ трудомъ приобрѣтали учениковъ. Учители подвергались угрозамъ и даже насиліямъ по самымъ пустымъ подозрѣніямъ. Подозрѣнія, начавшись съ предметовъ обрядовыхъ (по какимъ молитвенникамъ учатъ дѣтей молиться, какъ требуютъ творить крестное знаменіе, какіе праздникі приняты въ школахъ и т. д.), въ теченіе зимы 1867/8 года, подчиняясь общему ходу народнаго настроенія, которымъ теперь усиѣла завладѣть польская партія, постепенно перешли на русскій языкъ, какъ на важнѣйшую причину всѣхъ постигшихъ униатовъ религіозныхъ обѣдствій. Въ эту зиму появилось не малое число секретныхъ школъ въ дворахъ помѣщиковъ, на заводахъ, мельницахъ, кузницахъ и под., въ которыхъ униатскія дѣти собираемы были, подъ предлогомъ заработка, для обученія польской грамотѣ и польскимъ молитвамъ. Въ Радлинскомъ уѣздѣ снова закипѣла дѣятельность фелиціанокъ, содержимыхъ, подъ видомъ благотвореній, графинею Кабогою: онѣ то странствовали по домамъ униатскимъ, то собирали дѣвочекъ для обученія рукодѣльямъ, при чемъ большую часть времени посвящали съ ними на обученіе польскимъ молитвамъ, грамотѣ и на благочестивые ризсказы и упражненія. Такъ называемыя *охронки*, издавна существовавшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для пріюта малолѣтнихъ дѣтей во время ухода родителей на работу, стали привлекать теперь взрослыхъ дѣтей для обученія и наставленія въ латино-польскихъ

¹⁾ Несмотря на увеличеніе числа классовъ, со времени преобразованія Бѣльской прогимназіи въ гимназію, съ пяти на семь, число учениковъ въ этомъ году было то же самое, которое было при открытіи прогимназіи въ сент. 1865 г., т. е. 66, и на 3 ученика меньше противъ 1867/8 учеб. года. Въ Бѣльскіе педагогическіе курсы въ ноябрѣ 1866 года, при открытіи ихъ, поступило 27 учениковъ, въ теченіе 1867/8 года ихъ прибавилось всего 4. Въ Сѣдлецкую женскую прогимназію, при открытіи ея въ августѣ 1867 г. и во весь 1867/8 учеб. годъ, было всего двѣ ученицы изъ униатовъ. То же и въ Холмѣ.

намѣреніяхъ. Для возрастныхъ и отцовъ семействъ незримые руководители устроили собранія въ глухихъ сараяхъ, въ лѣсахъ и под., гдѣ пѣлись польскія молитвенныя пѣсни, давались соответственныя наставленія, велись переговоры съ мнимыми и дѣйствительными депутатами изъ Галиціи отъ вѣрныхъ Риму и Польшѣ уніатовъ, читались „письма съ неба“, т. е. посланія отъ папы, которыя усердно фабриковались агитаторами, сочинялись чудеса и т. д. Очагомъ этой агитаціи сталъ Радинскій уѣздъ, сколько по омѣщанности въ немъ уніатскаго населенія съ латинскимъ, столько и по давней, напряженной работѣ пропаганды, воспитавшей въ немъ нѣсколько поколѣній, не мало и по присутствію въ немъ священника Велиновича (Дрелевъ), котораго польско-латинская партія избрала кандидатомъ на холмскую каѳедру. Вечернія и воскресныя бѣсѣды, успѣшно поведенныя нѣкоторыми учителями въ училищныхъ помѣщеніяхъ, теперь нигдѣ не имѣли мѣста. Въ теченіе этой зимы по спискамъ значилось въ училищахъ Сѣдлецкой губерніи то же почти число учениковъ, что и въ прошлую зиму (2017—2104), несмотря на увеличеніе числа уніатскихъ училищъ съ 90 на 102, но въ дѣйствительности не обучалось и половины ихъ.

Новая программа уніатскаго вопроса повредила школѣ не одними только своими неудачными послѣдствіями, сосредоточивая весь интересъ уніатскаго вопроса на очищеніи обряда и ограничивая учебныя заведенія лишь общими задачами воспитанія и обученія, она шевелила и оживляла недомысліе и несочувствіе, которыми встрѣчена была мысль кн. В. А. Черкаскаго объ устройствѣ отдѣльныхъ не только начальныхъ, но и среднихъ учебныхъ заведеній для уніатовъ, со стороны нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ въ Варшавѣ. Теперь все вліяніе сосредоточилось въ рукахъ этихъ лицъ. Первоначальныя расположенія Ө. Ө. Витте теперь, съ перемѣною направленія всѣхъ дѣлъ въ Царствѣ

Польскомъ, снова оживились. Особенности греко-уніатскихъ учебныхъ заведеній, вытекавшія изъ первоначальной задачи ихъ, теперь стали подвергаться колебаніямъ. Заботы о привлеченіи уніатскихъ дѣтей въ гимназіи, объ увольненіи ихъ отъ платы за право ученія, объ обезпеченіи ихъ въ содержаніи, объ огражденіи ихъ отъ вліянія полово-латинства, о вниманіи ко всѣмъ нуждамъ и обстоятельствамъ, вытекающимъ изъ положенія уніатскаго населенія, теперь не находили уже прежней поддержки въ правящихъ сферахъ и предоставлялись личному усердію служащихъ въ гимназіяхъ. Даже статьи устава гимназій, вытекающія изъ основной задачи ихъ, какъ напр. назначеніе на учительскія и другія должности только „лицъ русскаго происхожденія православнаго или греко-уніатскаго исповѣданія“, объ исключительномъ правѣ уніатскихъ учениковъ на казенныя стипендіи, положенныя въ штатѣ гимназій, равно какъ и тѣ порядки, которые прямо возникали изъ духа, заповѣданнаго имъ, напр. о праздникахъ и под., подверглись возраженіямъ и серьезнымъ затрудненіямъ. Напротивъ, вниманію служащихъ поручались заботы исключительно объ общихъ для всѣхъ учениковъ нуждахъ, объ уравниваніи всѣхъ элементовъ въ гимназіи и особенно католическаго, какъ самаго численнаго, при чемъ неизбѣжно преподаваніе римско-католическаго Закона Божія на русскомъ языкѣ, установленное первоначально, подверглось также сомнѣніямъ, вызвавшимъ произволъ и упорство со стороны римско-католическихъ законоучителей. 1867/8 годъ былъ въ особенности критическимъ. Въ ближайшихъ къ населенію административно-полицейскихъ сферахъ болѣе и болѣе устанавливался взглядъ на несочувствіе и сопротивление требованіямъ новой программы уніатскаго вопроса, какъ на противодѣйствіе правительственнымъ видамъ, однородное съ польскою революціонною идеей (увы, эти подорванія были на руку полякамъ и мало-по-малу дѣйствительно помогли имъ связать уніатскую оппозицію съ поль-

ской идеей, каковою и проникнуты нынѣшніе остатки этой оппозиціи!); принявъ на себя наблюденіе за проявленіями этой уніатской оппозиціи, полицейскія власти не оставляли въ покоѣ и учащихъ и изъ мелкихъ поступковъ дѣтей, большею частію безсознательныхъ, выводили заключенія, смущавшія и учащихъ, и учащихъ. Не обинуясь можно сказать, что только усилія учительскаго состава, первоначально набраннаго и проникнутаго духомъ первыхъ завѣтовъ, сохранили эти учебныя заведенія отъ полнаго крушенія въ это тяжелое для нихъ время.

Вмѣсто Попеля, не рекомендованнаго Риму львовскимъ митрополитомъ Спиридономъ Литвиновичемъ, съ согласія русскаго правительства избранъ былъ на холмскую кафедру архипресвитеръ львовской митрополичей кафедры, знаменитый преемникъ митрополита Григорія Яхимовича въ руководствѣ галицкимъ народнымъ возрожденіемъ Михаилъ Куземскій. Одно извѣстіе объ этомъ произвело въ Холмской епархіи быструю перемену: всѣ партіи умолкли и готовились къ перестановкѣ ролей. 11 мая 1868 года, въ храмовой день греко-уніатской гимназической церкви въ г. Сѣдлецѣ, при первомъ извѣстїи о назначенїи Куземскаго, Громека послалъ ему, совмѣстно съ начальникомъ учебной дирекціи, весьма сочувственную поздравительную телеграмму, съ пожеланіемъ силъ и успѣховъ въ предстоящей ему, въ духѣ славянскихъ просвѣтителей, дѣятельности. Куземскій отвѣчалъ на эту телеграмму: „Богъ да благословитъ общія наши заботы, да соединитъ лучшія и благороднѣйшія усилія въ томъ, чтобы вѣра была утверждена, надежда укрѣплена, поле любви возможно лучше воздѣлано было“.—Виновники и поборники новой программы уніатскихъ дѣлъ упали духомъ, чувствуя, что подъ ними уходитъ почва. Мѣстное духовенство оживилось неопредѣленными надеждами. Полонофилы смутились, начатая было ими работа по сосредоточенію уні-

атской оппозиціи на полонизмахъ уніи выпадала изъ рукъ ихъ—такъ силенъ былъ въ глазахъ народа авторитетъ епископа, и такъ внушительно имя энергическаго вождя народнаго галиційскаго въ холмскомъ населеніи!

Но прежде чѣмъ враги собрались съ мыслями о способахъ противудѣйствіи новому вождю Холмской епархіи, свои, присные, земляки его, уже ковали противъ него ковы. Они твердили въ русскихъ кружкахъ про папизмъ Куземскаго, доказывая несомнѣстность направленія его съ видами русскаго правительства въ Холмской епархіи. Они возбуждали опасенія противъ тѣхъ условныхъ народныхъ симпатій, которыя принесетъ съ собою Куземскій, предсказывая въ нихъ пагубное вліяніе для успѣховъ общерусскихъ народныхъ началъ, посѣянныхъ въ Холмской епархіи. Они увѣряли, что Куземскій, весь отдавшись въ Галиціи народности, почти не занимался церковными дѣлами и потому не пойметъ и не въ состояніи будетъ управлять дѣлъ Холмской епархіи, въ которой (будто бы) впереди всего долженъ стоять вопросъ церковно-обрядовый. Наконецъ, составили и послали ему въ Львовъ цѣлую программу ожидаемой отъ него правительствомъ дѣятельности; въ этой программѣ, выдавая свою систему за систему русскаго правительства, они совѣтовали ему воздерживаться отъ обличенія съ мѣстнымъ духовенствомъ и приблизить къ себѣ тѣхъ изъ нихъ самихъ, земляковъ его, которые пріобрѣли уже достаточно опыта въ мѣстныхъ дѣлахъ и пользуются полнымъ довѣріемъ со стороны правительства.

Но Куземскій хорошо зналъ своихъ земляковъ, и первыя же отношенія его къ епархіи оказались совершенно противными совѣту ихъ. Онъ выразилъ желаніе, дабы депутація отъ Холмской епархіи, имѣвшая прибыть для присутствія при рукоположеніи его въ санъ епископа и для проводовъ его въ Холмскую епархію, состояла изъ туземцевъ, и чтобы въ ней не участвовалъ ни одинъ изъ галицкихъ выходцевъ.

Прибывъ въ Холмъ, сопровождаемый отъ самой границы Галиціи толпами народа, смѣнявшими однѣ другихъ до самой каедры, Куземскій выразилъ глубокое вниманіе къ народу, къ душевному состоянію мѣстнаго духовенства, загнаннаго, запуганнаго, устраненнаго отъ дѣлъ епархіи и отъ вліянія на народъ, и въ то же время собратьямъ своимъ дружески, но рѣшительно далъ почувствовать всю несообразность ихъ дѣйствій въ Холмской епархіи. „Народъ—говорилъ онъ имъ въ частныхъ бесѣдахъ—цѣлые вѣка страдавшій отъ чуждыхъ ему, историческихъ своихъ враговъ, ждалъ любви и утѣшенія отъ присныхъ своихъ, отъ своихъ пастырей, а вы объявили ему заклѣтую войну! Вся нравственность и совесть его, вся вѣра его почивала на церковности, обрядѣ, а вы подвергли этотъ обрядъ открытому порицанію! Обрядъ нельзя перемѣнять, какъ одежду“... Открытый, прямой и рѣзкій, Куземскій никогда не прибѣгалъ къ полуфразамъ, тѣмъ болѣе къ секретамъ, онъ весь и съ энергіей высказывался въ разговорѣ о состояніи дѣлъ въ епархіи и о дальнѣйшемъ направленіи ихъ. Убѣжденія и намѣренія его для всѣхъ были ясны и не оставляли никакихъ сомнѣній. Образъ дѣйствій его былъ также прямой и рѣшительный, не допускавшій никакихъ колебаній и уступокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ „легальный“ (какъ самъ онъ выражался), строго сообразный съ дѣйствующимъ законоположеніемъ и уставами и не допускавшій нарушенія ихъ и перемѣны инымъ путемъ, кромѣ того, которымъ онѣ произошли.

Прежде всего Куземскій былъ русинъ—по типу, выросшему на австрійской конституціонной почвѣ, не похожему ни на нашъ малорусскій, ни тѣмъ болѣе на великорусскій типъ. Своихъ собратій, раньше его вышедшихъ изъ Галиціи, онъ называлъ *вольницею*, *казаками*, бѣжавшими отъ требованій законности и порядка и мечтавшими о Холмской епархіи, точно о церковномъ Запорожьѣ. Онъ не отѣснялся подчасъ приравнивать къ той же вольницѣ и наше низ-

шее чиновничество, не усѣвшее соблюсти въ своихъ дѣйствіяхъ требованій долга и закона и часто беззавѣтно отдававшееся собственнымъ инстинктамъ. Но въ его побужденіяхъ къ законности дышала не внутренняя сила долга, правды, а внѣшняя форма обязательности, именно *легальность*, состоящая не въ духѣ закона, а въ формулѣ его. Онъ не былъ ни „хохолъ“ вообще, ни „червонорусъ“, не проникался народными началами такъ, какъ проникнуты ими напр. наши славянофилы, народолюбіе его сплона заключалось въ томъ, что онъ хотѣлъ видѣть свой народъ на высотѣ легальности, на одномъ уровнѣ съ другими самостоятельными, цивилизованными народностями. Онъ казался какъ бы законнымъ въ народные галиційскіе обычаи, не могъ наломать свой языкъ на общерусскій и не дѣлалъ даже попытки къ тому. Многіе видѣли въ этомъ узкую сепаративную склонность и нелюбовь къ великорусскому племени. Но это происходило единственно отъ того, что долгая широкая дѣятельность его происходила въ средѣ своего народа и единственно для этого народа и закалилась въ формахъ его быта. О великорусскомъ, какъ и о малорусскомъ племени онъ судилъ совершенно одинаково, все съ той же главной своей точки, и видѣлъ въ немъ, безъ сомнѣнія вслѣдствіе своего малаго знакомства съ нимъ, склонность къ необузданной вольницѣ, грубому произволу, „нелегальности“. Этимъ общимъ свойствомъ его, а не мелкимъ тщеславіемъ и самолюбіемъ, объясняется его нетерпѣливость ко всякому вмѣшательству въ дѣла, порученныя ему, хотя бы то и со стороны высшихъ властей, въ которыхъ онъ также видѣлъ духъ вольницы, недостатокъ законности, *легальности*. Онъ любилъ повторять: „населеніе Холмской епархіи болѣе всего страдаетъ отъ совершеннаго отсутствія чувства законности и гражданскаго долга; Польша была для него тяжкою школою произвола и неурядицы, русскіе чиновники не подаютъ ему въ томъ добраго примѣра. Пускай мнѣ не мѣшаютъ, я въ нѣ-

сколько лѣтъ сдѣлаю этотъ народъ вѣрнымъ своему государю, свято уважающимъ законъ“.

Далѣе: Куземскій былъ папистъ. Глаза его искрились, когда онъ говорилъ о своихъ впечатлѣнiяхъ подъ сводами собора св. Петра, о торжественныхъ приѣмахъ въ Ватиканѣ и под. Но въ его сужденiяхъ объ этомъ предметѣ сказывался скорѣе художникъ, поэтъ, увлекшійся историческимъ величiемъ христіанскаго Рима, но вовсе не католикъ, вѣрующій въ догматъ папской непогрѣшимости. Въ натурѣ этого епископа поражалъ недостатокъ догматическаго элемента, отсутствiе, если можно такъ выразиться, вкуса къ догмату. Для него догматъ христіанскій, казалось, былъ только легальностью. Для него Римъ былъ образцомъ легальности въ церковныхъ порядкахъ, за это онъ уважалъ его, напротивъ онъ, ни мало не колеблясь, возсталъ бы противъ непогрѣшимаго папы, если бы послѣдній нарушилъ легальность въ Церкви. Вслѣдствiе такихъ убѣжденiй, онъ отнюдь не былъ врагомъ православной Церкви, какъ нѣкоторые думали о немъ. Ему совершенно можно вѣрить, когда онъ говоритъ въ письмѣ къ губернатору Громекъ отъ 23 апр. 1869 года: „я откровенно и торжественно заявляю, что ни словомъ, да даже ни мыслию, не дерзну запускаться въ полемику съ Церковью православною. Хрань мя, Боже! Церковь православная есть Церковью Христовою, а такъ и святою; а что для всякаго христіанина святымъ, для епископа есть о много святѣйшимъ“. Весьма осторожно, но совершенно опредѣленно онъ выражался, что восточная Церковь, вслѣдствiе несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ, задержана въ устройствѣ своихъ порядковъ и далеко уступаетъ въ этомъ отношенiи Риму. Онъ не только не былъ пропагандистъ, но, по видимому, въ церковно-религіозномъ вопросѣ твердо стоялъ на той же точкѣ, какая опредѣляла всю его дѣятельность въ Австріи: какъ въ австрійскомъ рейхсратѣ онъ стоялъ за

равноправность народностей, такъ и въ религіи онъ стоялъ за равноправность христіанскихъ церквей.

Наконецъ, Куземскій былъ униатъ. Онъ часто повторялъ: „я униатъ и уже умру униатомъ“. Но униа была для него дорога тоже, какъ легальность, основанная на торжественныхъ договорахъ и постановленіяхъ собора, которой притомъ онъ два раза присягнулъ—какъ христіанинъ, въ таинствѣ крещенія, и какъ епископъ, при своемъ рукоположеніи. Въ Холмоской епархіи „униатское вѣроисповѣданіе загарантовано гражданскими законами и словомъ Его Императорскаго Величества и не подлежитъ обсужденію“, говоря онъ въ томъ же письмѣ къ Громекъ, т. е. нельзя касаться его при сужденіи о дѣлахъ Холмоской епархіи. Ненарушимость вѣроисповѣднаго начала въ униі онъ ставилъ главнымъ условіемъ для успѣховъ своей дѣятельности. Съ вѣроисповѣданіемъ тѣсно связанъ и богослужебный обрядъ. То, что въ обрядѣ установлено легальнымъ путемъ, должно быть строго соблюдаемо и не можетъ быть отиѣнено иначе, какъ тѣмъ же путемъ. Въ униі одни обряды наслѣдованы отъ восточной Церкви и не подлежатъ отиѣнѣ; то, что согласно принято всего восточною Церковію, не можетъ быть измѣнено частною церковію, униатскою. Замойскій соборъ, по словамъ его, не измѣнилъ, а только дополнилъ нѣкоторые обряды и ввелъ нѣкоторые новые обычаи въ униатскомъ богослуженіи. Какъ бы ни смотрѣть на эти дополненія и нововведенія, но разъ они установлены соборомъ, не могутъ быть измѣнены иначе, какъ только церковнымъ же соборомъ. Исключеніе представляетъ только *Filioque*, которое противурѣчить принятому восточною Церковію символу вѣры. Но, поступая легально, нельзя исключить его теперь иначе, какъ по опредѣленію собора же. Редакціи богослужебныхъ книгъ, принятія въ послѣднее время русскими униатскими епископами согласно, безъ противурѣчій, должны быть строго соблюдаемы, измѣнять ихъ нельзя иначе, какъ по соглашенію

всѣхъ русскихъ униатскихъ епископовъ. Остается затѣмъ два разряда обрядовъ и обычаевъ, принятыхъ по усмотрѣнiю самихъ священниковъ или привычкѣ къ нимъ народа. Первые могутъ быть отмѣнены властiю епископа и будутъ немедленно отмѣнены имъ. Но послѣднiе не поддаются, по его мнѣнiю, никакой власти, никакому приказу, волею народнаго невѣжества. Онъ изумлялся рѣшимости холмской консисторiи исправлять народныя привычки циркулярнымъ предписанiемъ. Для народа обрядъ, церковный обычай—вся религiя; отнимите у него излюбленный благочестивый обычай—вы выдернете изъ-подъ него подмостки, основы религiозности, разрушите совѣсть и нравственность его. Если эти обычаи прямо противны Церкви или государству, ихъ нужно благоразумно устранить, соблюдая всю осторожность, чтобы „не вырвать съ шпелами и пшеницы“. Если же они причиняютъ только косвенный вредъ, то необходимо терпѣнiе, пока просвѣщенiе не сдѣлаетъ свое дѣло. Въ школѣ онъ видѣлъ великую силу и важнѣйшаго помощника Церкви въ народѣ. Всѣ церковныя переимѣны, хотя бы онѣ произведены были самымъ легальнымъ путемъ, по его мнѣнiю, не могутъ принести для народа той пользы, какую онѣ имѣютъ въ виду, если не будутъ упреждены влiянiемъ школы. Цѣлый разрядъ обычаевъ церковно-религiозныхъ онъ ставилъ въ исключительную зависимость отъ школы. Онъ ссылаясь на свой опытъ въ Галицiи, гдѣ тысячи народныхъ училищъ, устроенныхъ подъ его руководствомъ, въ двадцать лѣтъ измѣнили отношенiя народа къ обычаямъ, незаконно вторгшимся въ бытъ его, и къ обрядамъ, произвольно взятымъ священниками отъ латинянъ, вообще дали самые благотѣльные результаты для обновленiя народа какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ быту его.

Таковъ былъ Куземскiй. Къ сказанному о немъ слѣдуетъ прибавить, что, будучи въ частномъ своемъ быту простымъ, необыкновенно воздержнымъ, умѣреннымъ, скром-

нымъ, онъ тотчасъ измѣнялся, когда дѣло касалось служебнаго положенія его, и когда онъ выступалъ публично. Гордая осанка, властные манеры, рѣшительность въ голосѣ, въ цѣломъ сухомъ тѣлѣ его, не покидали его и, казалось, были природными его свойствами. При богослуженіи ливрейные лакеи за кресломъ его, красныя перчатки, съ перетнемъ,—при выходѣ изъ церкви, впереди его, два длинные ряда священниковъ, поющихъ: „Преосвященному Киръ Михаилу многая лѣта“,—за столомъ гербовые приборы, дорогія вина, изысканныя кушанья,—при выѣздахъ гербы на экипажѣ, на ливреяхъ кучера и лакея, даже на лошадиной сбруѣ—все это и под. онъ считалъ необходимыми атрибутами легальнаго быта епископа.

Очевидно, что Куземскій не соотвѣтствовалъ видамъ правительства въ отношеніи холмскаго населенія. Онъ не могъ вести этого населенія въ направленіи общерусскомъ, оживить, развить и укрѣпить въ немъ общерусскія начала, какъ главное и единственное условіе народнаго возрожденія. Но Куземскій незамѣнимъ былъ для Холмской епархіи по времени и по обстоятельствамъ, въ которыхъ она теперь внезапно очутилась. Успокоить взволнованные умы, разрѣшить тревожныя сомнѣнія народа и духовенства, установить правильныя отношенія въ униатскихъ сферахъ, нарушаемыя недавними событіями, положить вновь начало спокойному теченію дѣлъ, въ особенности возстановить довѣріе народа къ духовной своей власти и къ властямъ подлежащимъ,—вотъ что было задачей того времени. Такъ и Куземскій понималъ эту задачу и свое призваніе и приступилъ къ исполненію его съ полною рѣшимостью прочно исполнить его. Онъ отнюдь не обольщалъ себя насчетъ будущности Холмской епархіи; онъ хорошо понималъ неизбѣжныя судьбы ея и совершенно чуждъ былъ приписываемаго ему намѣренія обновить, укрѣпить силы униіи и сдѣлать ихъ болѣе стойкими и смыслащими въ борьбѣ съ православіемъ. Въ

частныхъ бесѣдахъ съ близкими къ нему лицами онъ не разъ высказывался: „Знаю, что дни уни въ Холмской епархіи изочтены, противъ исторіи идти нельзя, потому что исторія—воля Божія. Но это скрыто отъ насъ въ планахъ Божіихъ. Оставьте Богу рѣшить это дѣло, не мѣшайте въ планы Его, не упреждайте воли Его, не насилуйте народъ. Если меня будутъ нудить направлять всѣ дѣла епархіи къ православію, я откажусь отъ своей службы и вернусь на свою родину.“ Онъ не обольщалъ себя и насчетъ прямой своей задачи; но онъ зналъ, что для славы народнаго вождя Галиціи нѣтъ болѣе благодарной почвы, какъ Холмская епархія — послѣдній клочекъ русской земли, гибнувшей въ полоно-латинской опеку и поставившей въ сильное затрудненіе правительство великой имперіи, и вполнѣ надѣялся на свою опытность въ народномъ предводительствѣ. Въ письмѣ къ Громекъ отъ 23 апр. 1869 года онъ говоритъ, что, отказавшись отъ приглашенія на холмскую кафедру, сдѣланнаго ему въ 1865 году (кн. В. А. Черкасскимъ), онъ не могъ устоять, когда услышалъ про „большіе безпорядки и смуты обрядовые въ Холмской епархіи. Разболѣлось сердце мое,— продолжаетъ онъ,— объ русскомъ народонаселеніи Холмской епархіи, и, желая услужить святой церкви, вмѣстѣ же удовлетворить Высочайшей волѣ Августѣйшаго Императора, я рѣшился принять на себя сіе тяжкое бремъ со всею отвѣтственностію.“

Вступивъ въ должность и съ перваго же шагу опредѣленно высказавъ свою программу ближайшимъ его помощникамъ, Куземскій немедленно приступилъ къ исполненію ея. Со всѣхъ сторонъ потянулись къ нему въ Холмъ депутаты отъ приходоу и священники съ надеждами и сомнѣніями. Изумительно было терпѣніе его въ бесѣдахъ съ этимъ народомъ, представлявшимъ олицетворенную темноту и нищету духовную, переполненнымъ всѣми несчастными плодами долгой

фанатической опеки надъ нимъ полонизма и латинства, тецерь же еще встревоженнымъ и науганнымъ и уже достаточно подготовленнымъ незримыми руками въ аргументаціи своихъ жалобъ и просьбъ. Видя въ епископѣ посланника самого папы римскаго и полагая всю свою вѣру въ нарушенныхъ консисторіей обрядахъ и обычаяхъ, онъ былъ вполне увѣренъ, что епископъ сполна возвратитъ имъ эти обычаи и обряды. Депутаты на колѣняхъ умоляли его возвратитъ имъ органы, рожанцы, монстранціи, колокольчики и т. п. Они не могли допустить, что органы и рожанцы не только заповѣданы уніатамъ и вторглись въ уніатскія церкви незаконно, что исповѣдываться и пріобщаться у латинскаго ксендза не разрѣшено уніатамъ папою, и т. д. Куземскому нужно было въ этихъ разговорахъ употребить неимоверныя усилія, чтобы, при своихъ убѣжденіяхъ и своей нервной натурѣ, не поколебать въ глазахъ народа авторитета окружнаго посланія ея отъ 11 марта 1867 года, такъ энергически поддержаннаго правительственными органами, напротивъ укрѣпить довѣріе народа къ правительству. Глубокое знаніе народа, опытность въ отношеніяхъ къ нему помогали ему отыскивать въ простой мятущейся душѣ дѣйствительныя причины тяготы и унынія, ставить ихъ предъ глазами ея и разрѣшать; его любовное слово, вниманіе ко всѣмъ нуждамъ народа, состраданіе къ горю, снисхожденіе къ недостаткамъ и терпѣніе до конца сильно дѣйствовали на эти депутаціи. Рѣдкіе уходили отъ него, не успокоившись въ своихъ тревогахъ и сомнѣніяхъ. Фанатики, успѣвшіе попасть въ темныя руки, которыя привели ихъ къ присягѣ на вѣрность всѣмъ отиѣненнымъ обычаямъ, въ особенности же рожанцамъ и проповѣди на польскомъ языкѣ, находили въ немъ, послѣ первыхъ же упорныхъ требованій, властнаго посланника папы, гордаго и рѣшительнаго сановника Церкви, умѣющаго заставить смириться и подчиниться, если не убѣдятся. Въ этихъ разговорахъ съ народомъ онъ по-

стоянно указывалъ ему на его темноту душевную, какъ на важную причину его бѣдствій религіозныхъ и житейскихъ, и настойчиво совѣтывалъ побольше заводить школы и посылать дѣтей для науки. Но при этомъ уже многіе заявляли ему свое недовѣріе къ существующимъ училищамъ, какъ рассадникамъ православія. Дабы, при такомъ подозрѣніи, не лишиться помощи школы, которую онъ считалъ ничѣмъ незамѣнимой, Куземскій, завѣдывавшій сельскими школами въ Галиціи, составилъ планъ церковно-приходскихъ школъ и рѣшился немедленно приступить къ осуществленію его. Принятый въ сентябрѣ 1868 года, въ Варшавѣ, въ аудіенціи Государемъ Императоромъ, обрадованный милостивымъ и ласковымъ словомъ его, онъ рѣшился при этомъ упомянуть о примѣрѣ великихъ князей русскихъ Владиміра и Ярослава, устроившихъ школы при церквахъ, и просить установить тотъ же порядокъ въ Холмской епархіи, поручивъ заботу о школѣ и опеку надъ нею духовенству. Государь Императоръ коротко замѣтилъ ему: „поговорите объ этомъ съ графомъ Толстымъ“ (которому въ то же время Высочайше поручено было завѣдываніе униатскими дѣлами, и который на ту пору былъ въ Варшавѣ).

Что касается приходскаго духовенства, то въ отношеніяхъ къ нему Куземскій выдерживалъ тонъ сановника, не допускающаго ослушанія, держащаго въ рукахъ своихъ милость и кару, или, какъ онъ выражался, „епархіальное владѣніе“. Въ первомъ же своемъ окружномъ посланіи къ епархіи, изданномъ въ день вступленія его въ должность, 25-го августа 1868 года, онъ, избѣгая всего, что касалось наболѣвшихъ мѣстъ, твердо и рѣшительно поставилъ духовенству два требованія, какъ главнѣйшія условія служенія его, именно: точное совершеніе богослуженія и политическую благонадежность. „Повелѣваемъ я приказуемъ.... Держитесь вѣрно порядка богослуженія *по уставу богослужебныхъ книгъ на-*

милъ: хронѣтъ чистоту нашего святаго обряда, отцами намъ переданнаго, а въ исполненіи богослужебныхъ обрядовъ заховуйте всякую принадлежну честность... Будьте первыми въ приданности Августѣйшему Монарѣ и Всевысочайшей Палатѣ Его и исполняйте правительственные указы и гражданскіи законы прилѣжно, точно и совѣстно, дабысьте и въ томъ родѣ должностей стали примѣромъ подражанія безъ всякаго зазора“. Богослужебныя книги онъ указалъ приобрѣтать изъ Львова. Въ частныхъ наставленіяхъ онъ внушалъ духовенству отнюдь не пытаться возстановлять въ церквахъ то, что доселѣ повсюду устранено было. Что касается другихъ обычаевъ, къ которымъ народъ привязанъ, то онъ требовалъ не касаться ихъ, если они не противны богослужебнымъ книгамъ, напротивъ—настойчиво, но съ любовію къ народу отвлекать его отъ обычаевъ, не согласныхъ съ обрядомъ, въ особенности же исповѣди и приобщенія св. Тайнъ въ латинскихъ костелахъ—отъ записи въ костельныя братства и присяги въ исполненіи рожанцовыхъ и подобныхъ обѣтовъ, отъ ношенія религіозныхъ талисмановъ, вручаемыхъ латинскими монахами и ксендзами подъ условіемъ обѣтовъ прочитывать въ извѣстные часы по нѣскольку молитвъ на польскомъ языкѣ, или присутствовать въ опредѣленные случаи въ костелѣ и т. п. Обычай, подвергнуіеся рѣзкимъ порицаніямъ со стороны галицкихъ священниковъ, но упорно покровительствуемые народомъ, онъ требовалъ до поры до времени оставить въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся въ послѣднее время, не высказывая къ нимъ ни расположенія, ни пренебреженія и стараясь показать безразличность ихъ для уни. „Если въ извѣстные моменты при литургіи пономарь позвонитъ въ звонокъ, не препятствуй,—если не позвонитъ—не приказывай позвонитъ“. То же относительно перенесенія служебника съ одной стороны престола на другой, хожденія въ процессіи съ монстранціей и под. Такъ какъ нѣкоторые священники, ссылаясь на отсутствіе

„повелѣній“ со стороны епископа, продолжали нарушать правительственныя распоряженія по дѣламъ униатовъ и игнорировать всѣ распоряженія бывшей консисторіи, то Куземскій, вызвавъ этихъ священниковъ въ Холмъ и сдѣлавъ имъ строгій выговоръ, 25 октября 1868 года издалъ окружное посланіе къ епархіи, которымъ утвердилъ всѣ распоряженія бывшей консисторіи и внушалъ строгое исполненіе правительственныхъ узаконеній (о бракахъ униатовъ съ католиками, о неслуженіи униатскихъ священниковъ въ костелахъ, о переходѣ униатовъ въ латинство и др.). Для вразумленія подляскихъ униатскихъ протестантовъ Куземскій хотѣлъ лично и по нѣсколько разъ посѣтить всѣ волновавшіеся приходы, что исполнилъ лѣтомъ 1869 года. Но предварительно онъ пожелалъ совершить богослуженіе въ одномъ изъ такихъ приходо́въ, дабы духовенство и народъ видѣли богослуженіе его и разнесли о немъ молву. Дѣло въ томъ, что, при усмиреніи волненій 1867 года, узнавши, что въ народѣ сильно распространена увѣренность, будто въ Галиціи самъ митрополитъ служить съ органами, Громека исходатайствовалъ у графа Берга вызвать въ Галицію, на штрафныя суммы, нѣсколькихъ униатовъ изъ простонародья, по выбору наиболѣе фанатизованныхъ приходо́въ Радинскаго уѣзда, дабы они могли лично убѣдиться въ противномъ и свидѣтельствовать о томъ предъ своими собратьями. Къ сожалѣнію, эта удачная мысль исполнена какъ нельзя болѣе неудачно. Депутатовъ снабдили паспортами и деньгами и отправили—самихъ по себѣ, притомъ, ради желѣзной дороги, чрезъ Краковъ! Въ Галиціи они не были поручены чьему-либо надежному руководству! Темныя руки не дремали, и въ Краковѣ же депутаты любезно встрѣчены были мѣстнымъ униатскимъ священникомъ Чарлючакевичемъ, давно извѣстнымъ фанатикомъ, который, будучи профессоромъ богословія въ Краковскомъ университетѣ, выразился на лекціи, въ присутствіи студентовъ изъ униатовъ, что „въ православной евхаристіи

подъ видомъ хлѣба и вина присутствуетъ не Спаситель міра, но самъ дьяволъ“. Этотъ ревнитель латинства въ униіи и былъ руководителемъ нашихъ депутатовъ. Гдѣ именно они бывали въ Галиціи, о томъ показанія ихъ были не ясны и сбивчивы. Въ Львовѣ они были, но никто изъ извѣстныхъ мѣстныхъ униатовъ не видѣлъ ихъ и не зналъ о присутствіи ихъ. Своимъ собратьямъ они привезли увѣренія, что въ Галиціи во многихъ мѣстахъ вводятъ органы, и что митрополитъ служить, хотя безъ органовъ, но со всѣми обычаями, отвергаемыми холмскою консисторіей. Послѣ этой поѣздки, нѣкоторые приходы, особенно въ Радинскомъ уѣздѣ, стали рѣшительно отказываться отъ исполненія обрядовъ и перестали почти поголовно посѣщать богослуженіе въ униатскихъ церквахъ. Куземскій имѣлъ въ виду собственнымъ примѣромъ показать имъ, какъ служить епископъ и митрополитъ въ Галиціи. Для этого онъ воспользовался предстоявшимъ освященіемъ церкви въ одномъ изъ такихъ приходовъ Бѣльскаго уѣзда, въ м. Пищацѣ. 20 ноября 1868 года онъ прибылъ въ Пищацъ и 21 ноября совершилъ освященіе и литургію. Съ вечера возлѣ церкви раздавался плачъ женщинъ о гбнущей вѣрѣ ихъ, нѣсколько человекъ однако вошли въ церковь вождѣ за епископомъ, и нѣкоторые начали даже помогать въ пѣніи дьячкамъ. Скоро любопытство взяло свое, и церковь переполнилась народомъ. Куземскій участвовалъ въ служеніи (литія, хвалитны), оставаясь на своемъ мѣстѣ, устроенномъ для него подлѣ иконостаса. Къ концу вечерни и на заутрени нельзя было протолпиться къ церкви пѣвцовъ оказалась масса, многіе усердно молились и плакали, не многіе угрюмо и туно смотрѣли на все, не участвуя въ молитвѣ. На другой день вокругъ церкви появилось нѣсколько тысячъ народа, между которымъ оказались депутаты почти отъ всѣхъ приходовъ волновавшихся. На многихъ лицахъ видна была недвусмысленная рѣшимость. Полиція, присутствовавшая здѣсь въ полномъ составѣ, боялась безпоряд-

ковъ и насилій. Куземскій, однако, узнавши объ арестѣ канунѣ одной бабы, вопившей около церкви съ причита-ніями угрозъ, просилъ полицію ни во что не вмѣшиваться. Въ церковь изъ дома священника онъ прошелъ въ торжественной процессіи, посреди толпы, въ которой многіе не сняли даже при этомъ шапокъ. Во время богослуженія изъ церкви въ церковь толпы постоянно смѣняли одна другую и на дворѣ вели между собою оживленные разговоры. Въ церкви молитвенное настроеніе не измѣнялось даже въ то время, когда приходила пора—и колокольчики не звонили, службеникъ не переходилъ съ одной стороны престола на другую, монстранціи нигдѣ не видно было. Наиболѣе опаснымъ моментомъ было появленіе проповѣдника, одного изъ мѣстныхъ благочинныхъ, мѣстнаго уроженца. Но проповѣдникъ ¹⁾ началъ и кончилъ свою одушевленную проповѣдь на народномъ нарѣчій, при совершенной тишинѣ и спокойствіи слушателей. Это была первая проповѣдь на Подлясьѣ, произнесенная мѣстнымъ священникомъ не на польскомъ языкѣ. До того времени ни одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ не рѣшался сказать проповѣдь иначе, какъ по-польски, а когда консисторія запретила произнесеніе польскихъ проповѣдей, они вовсе перестали произносить поученія, оправдываясь фанатизмомъ народа. Когда Куземскій возвращался въ процессіи изъ церкви, тѣ же толпы опускались предъ нимъ на колѣни, и только пять-шесть шапокъ остались на головахъ. Въ домѣ священника, въ кругу болѣе двадцати священниковъ, Куземскій со слезами говорилъ имъ: „не клеветайте на народъ, дай Богъ такого народа побольше. Умѣйте вести его, и онъ пойдетъ за вами“. За обѣдомъ онъ говорилъ о великой силѣ народности, особенно о силѣ школы вообще и въ народѣ

¹⁾ Священникъ носовскаго прихода *Важовичъ*, бывшій потомъ однимъ изъ самыхъ полезныхъ священниковъ, къ сожалѣнію не принявшій православія и доселѣ проживающій въ Варшавѣ.

галицкомъ въ частности, внушая священникамъ приложить все усердіе и стараніе въ отношеніи къ школамъ. Послѣ этого посѣщенія¹⁾, Подлясье стало успокаиваться. Священники нигдѣ уже не отказывались незнаніемъ иного языка, кромѣ польскаго; почти каждый изъ нихъ заявилъ письменно начальнику учебной дирекціи о своемъ желаніи принять блюстительство и законоучительство въ школахъ своего прихода (во время волненій нѣкоторые изъ бывшихъ законоучителей отказались продолжать свои занятія въ школахъ, иные были уволены за попытки преподавать по-польски); проповѣдь безпрепятственно произносима была на народномъ нарѣчій; священники не пытались возстановить отринутые обычаи и заботились о привлеченіи народа въ церковь, а потому быстро рѣдѣли въ народѣ ряды „уніатскихъ повстанцевъ“, какъ прозвали въ народѣ непокорныхъ Церкви.

Съ перемѣною въ настроеніи духовенства, съ постепеннымъ успокоеніемъ народа, полиція на Подлясьѣ и въ Холмщинѣ стала спокойною. Громека²⁾ отправился въ Холмъ, чтобы лично познакомиться съ Куземскимъ и выразить ему личную свою благодарность за избавленіе отъ тревогъ и волненій на будущее время. Куземскій принялъ весьма радушно. Три дня радужныхъ, самыхъ искреннихъ бесѣдъ о всѣхъ вопросахъ уніатскаго дѣла (я сопутствовалъ Громекѣ въ этой поѣздкѣ и присутствовалъ при всѣхъ разговорахъ его съ Куземскимъ) установили между ними полное согласіе по всѣмъ этимъ вопросамъ и, повидимому, обѣщали на дальнѣйшее время спокойное теченіе дѣлъ въ Холмской епархіи,

¹⁾ Рассказываю объ этомъ эпизодѣ какъ очевидецъ, тогда же занесшій всѣ подробности его въ свой дневникъ.

²⁾ Въ январѣ 1869 года. Но еще вслѣдъ за изданіемъ окружнаго посланія отъ 25 октября 1868 года, Громека сдѣлалъ распоряженіе, дабы подвѣдомственные ему чины отнюдь не виѣшивались ни въ какія дѣла уніатовъ, направляя священниковъ съ жалобами къ епископу, о чемъ тогда же доведъ намѣстнику.

въ частности на Подлясьѣ. Всѣ, искренно соболѣзновавшіе народу и сочувствовавшіе дѣлу, искренно радовались этому поступку со стороны Громеки.

Увы, радость оказалась слишкомъ поспѣшною.... Мы видѣли, какъ отнеслись галицкіе выходцы къ назначенію Куземскаго на холмскую кафедру. Съ пріѣздомъ его въ Холмъ они не только потеряли первенствующее значеніе въ епархіи, но и подверглись рѣзкому порицанію со стороны его; программа ихъ не только отвергнута, но и на дѣлѣ рѣзко обличала свою несостоятельность, новая система приносила добрые плоды. Тутъ-то болѣе всего сказался недостатокъ въ нихъ духа церковности и любви къ народу. Закрывая глаза свои на временную нужду Холмской епархіи, они всюду твердили, что программа Куземскаго направлена къ обособленію Холмской епархіи отъ Россіи, къ закрѣпленію уніатовъ за Римомъ, къ возбужденію ненависти противъ русскаго народа и православной Церкви. Низшія, мѣстныя полицейскія власти, возбужденныя идеей предшествовавшей программы, которую они принимали за правительственную систему, привыкшія къ прежней системѣ наблюденія и предупрежденія, теперь, замѣчая повсюду рѣзкую перемѣну, тревожно прислушивались къ внушеніямъ людей, вся программа которыхъ направлена была, повидимому, къ самымъ завѣтнымъ для русскаго сердца цѣлямъ. Въ донесеніяхъ люблинской полиціи ясно сказывается это недоумѣніе и тревога по поводу первыхъ же дѣйствій Куземскаго. Въ октябрѣ 1868 года г. Холмъ посѣтилъ графъ Д. А. Толстой. Въ Холмѣ онъ засталъ общій глухой ропотъ противъ Куземскаго, за отстраненіе отъ своихъ земляковъ и отъ русскихъ, за приближеніе къ себѣ лицъ мѣстнаго духовенства, не отличавшихся благонадежностью, за рѣзкія порицанія многихъ установившихся въ мѣстныхъ учрежденіяхъ порядковъ, подозрѣваемыхъ имъ въ пропагандѣ православія на соблазнъ народу, исполненіе нѣкоторыхъ обычаевъ, устраненныхъ въ мѣстномъ

каедральномъ соборѣ архипресвитеромъ Войцицкимъ и т. д. Куземскій съ своей стороны жаловался на недовѣріе и подозрѣнія къ нему со стороны ближайшихъ его официальныхъ помощниковъ, мѣстныхъ русскихъ чиновниковъ, особенно на порядки, принятые въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ отношеніи греко-уніатскихъ воспитанниковъ и учителей, преподаванія Закона Божія. Но болѣе всего онъ обвинялъ своихъ галицкихъ собратій въ нерадѣніи о своихъ обязанностяхъ, въ рѣзкой проповѣди православія на урокахъ въ семинаріи и гимназіяхъ, въ грубомъ нарушеніи уважаемыхъ народомъ обычаевъ и въ агитаціи лично противъ него. Онъ просилъ дозволенія устранить законоучителей гимназій и нѣкоторыхъ профессоровъ семинаріи, предоставивъ ему вызвать на мѣста ихъ болѣе благонадежныхъ лицъ (тогда же при этомъ указывалъ онъ на Добрянскаго, Гойнацкаго, которыхъ потомъ и вызвалъ въ Холмскую епархію, — на Крыжановскаго, префекта Львовской семинаріи, который однако не принялъ приглашенія, переданнаго мною ему лично, въ бытность мою во Львовѣ, отъ имени Куземскаго, и на другихъ уважаемыхъ лицъ). Графъ Толстой, приглядѣвшись ко всему въ теченіе нѣсколькихъ дней, рѣзко осудилъ всѣ партіи, но, къ сожалѣнію, не установилъ начала для примиренія ихъ, вслѣдствіе чего партіи прониклись еще большимъ недовольствомъ другъ противъ друга. Онъ рѣшительно отказалъ Куземскому не только въ его проектѣ церковно-приходскихъ школъ, но и въ опекѣ надъ преподаваніемъ Закона Божія въ гимназіяхъ и училищахъ и не дозволилъ смѣстить законоучителей. Онъ обратилъ его вниманіе на болѣе близкое къ нему учрежденіе, на Холмскую духовную семинарію, въ которой всѣ части онъ нашелъ въ неудовлетворительномъ состояніи. Онъ находилъ галицкихъ выходцевъ вполне благонадежными и требовалъ снисхожденія къ ихъ ретивости и благоразумнаго руководства ихъ.

Посѣщеніе графомъ Толстымъ г. Холма сильно возбудило Куземскаго. Онъ тогда же выражалъ, что ему „руки связаны“ въ его „еперхіальномъ владѣніи“. Самолюбіе его было поражено, завѣтныя мечты разрушены, онъ понялъ, что враги его успѣли свить себѣ прочное гнѣздо, что самъ онъ долженъ быть орудіемъ чуждыхъ ему стремленій. Оставить славу народнаго вождя, чтобы потерять все, уйти осмѣяннымъ, поруганнымъ, возбудить злобную радость въ польскомъ лагерѣ—этой мысли онъ не могъ перенести. Съ другой стороны, онъ не могъ помириться съ мыслию, что послѣ него снова настанетъ царство обрядовцевъ, снова поднимутся народные вопли, слезы. Онъ рѣшился бороться до конца.

Странное явленіе представлялось тогда въ сферахъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ униатскимъ дѣламъ. Куземскій увѣрялъ всѣхъ, что правительство не заключало никакого договора съ римскою куріей по дѣламъ Холмской епархіи при назначеніи его въ епископа; что ни митрополитъ, ни нунцій не сообщали ему какихъ бы то ни было требованій отъ правительства предъ отправленіемъ его въ Холмъ; что отъ намѣстника графа Берга онъ не получалъ по этому предмету ни устно, ни письменно никакихъ увѣдомленій. Между тѣмъ въ указаныхъ сферахъ упорно держалось убѣжденіе, что договоръ между правительствомъ и куріей состоялся—въ смыслѣ очищенія обряда. Всѣ были убѣждены въ этомъ, хотя никто не получалъ официальнаго увѣдомленія по этому дѣлу, и низшіе чиновники только ссылались на высшихъ. Сообразно съ этимъ убѣжденіемъ, всѣ почти сферы расположены были видѣть въ Куземскомъ противника правительственной системы и оцѣнивать всѣ его распоряженія и поступки съ этой стороны. Недостатокъ дѣйствительно и ясно опредѣленной системы—эта общая черта администраціи Царства Польскаго, появившаяся вслѣдъ за удаленіемъ отъ дѣлъ Н. А. Милютина и князя В. А. Черкаскаго, въ дѣ-

лахъ уніатовъ, глубоко задѣвшихъ русское патріотическое чувство, стало замѣнять патріотическое возбужденіе, стремившееся видѣть въ искалѣченномъ уніатѣ сходство съ каждымъ русскимъ человѣкомъ. Программа галицкихъ выходцевъ, допущенная правительствомъ, сильно пришлась по душѣ многимъ, за нее ухватились, какъ за регулятора общаго возбужденія, въ ней готовы были видѣть правительственное требованіе. Рѣшительность въ подавленіи волненій, въ требованіи отъ народа подчиненія распоряженіямъ консисторіи окончательно убѣдила и народъ, и ближайшихъ къ нему правительственныхъ дѣятелей въ томъ, что новая программа уніатскихъ дѣлъ есть дѣйствительно система правительственная. Теперь, поколебленное было появленіемъ Куземскаго убѣжденіе снова стало оживать, хотя опять никто никакихъ официальныхъ инструкцій не получалъ. Произошло печальное *qui pro quo*: власти убѣждены были, что Куземскій „свыше“ получилъ опредѣленные указанія, но скрываетъ ихъ, а Куземскій, послѣ объясненій съ графомъ Толстымъ, подозрѣвалъ, что власти имѣютъ секретныя, опредѣленные предписанія по уніатскому вопросу. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается разгадка той тяжелой драмы, которую представляетъ время Куземскаго, время печальнѣйшихъ недоразумѣній между русскимъ патріотическимъ чувствомъ и замѣчательнымъ представителемъ русской галицкой семьи, между русскою порывистою, нетерпѣливою прямою и австрійскою легальностью галицкой семьи.

Драма открывается выступленіемъ на сцену тѣхъ же галицкихъ собратьевъ Куземскаго, прижатыхъ имъ, теперь ободренныхъ. Исполняя словесное порученіе гр. Толстого, Куземскій, для соблюденія всѣхъ требованій легальности, 5 ноября 1868 года предложилъ благочиннымъ истребовать отъ галицкихъ выходцевъ отпустительныя грамоты и представить таковыя ему. Выходцы сильно встревожились. Стало извѣстнымъ, что еще во время переговоровъ о назначеніи

епископа графъ Бергъ, въ виду заявленій австрійскаго правительства о просрочкѣ паспортовъ, выданныхъ этимъ выходцамъ, и публикацій со стороны галицкихъ униатскихъ властей, готовъ былъ на крайнія мѣры въ отношеніи къ нимъ, но что ихъ спасло заступничество О. С. Сидорскаго. расположившаго намѣстника своимъ докладомъ отложить это дѣло до прибытія въ Холмъ епископа. Выходцы обратились съ жалобами и просьбами о заступничествѣ къ гражданскимъ властямъ. Дѣло окончилось принятіемъ всѣми выходцами русскаго подданства, Куземскій уступилъ. Но выходцы не могли простить ему этого случая и, опираясь на гражданскихъ властей, предъ которыми они выступали въ роли гонимыхъ и преслѣдуемыхъ Куземскимъ за вѣрность „русской идеѣ“, вступили съ нимъ въ борьбу. Теперь они смѣло заявляли Куземскому о противурѣчій его системы съ правительственными намѣреніями, о невозможности исполнять требованія его относительно многихъ народныхъ обычаевъ и богослужебныхъ обрядовъ и под. Священникъ прихода Голешова Стецула, человекъ пьяный и буйный, на замѣчаніе Куземскаго, по поводу ношенія имъ бороды и длинныхъ волосъ, отвѣтилъ ему, что, будучи вѣрнымъ слугою русскаго царя, онъ не хочетъ измѣнять своего образа по подобію враговъ царя, латинскихъ ксендзовъ, и что если епископъ будетъ заставлятъ ихъ подобиѣся врагамъ царя, то всѣ они примутъ православіе. Возвратившись въ приходъ, Стецула послалъ Куземскому экземпляръ брошюры, изданной въ Галиціи на память о немъ, надписавъ въ ней противъ слова *архіерей* цѣлый рядъ бранныхъ словъ: „архипаписта, архикатоликъ, обманувшій довѣріе русскаго народа“ и под. (я видѣлъ этотъ экземпляръ у Куземскаго). Въ то же время нѣкоторые изъ свѣтскихъ учителей-галичанъ дѣйствительно приняли православіе. Это обстоятельство сильно встревожило Куземскаго. Изъ Галиціи друзья сообщали ему, что выходцы въ письмахъ своихъ къ пріятелямъ распростираютъ

о немъ толки, будто въ Холмѣ онъ совершенно перемѣнился, измѣнилъ своей славѣ, преслѣдуетъ ихъ за вѣрность правительству, покровительствуетъ враговъ Россіи, не любимъ русскими властями и т. д. Одновременно онъ получалъ много безымянныхъ писемъ съ бранью за измѣну русскому дѣлу или съ совѣтами и похвалами за услуги полякамъ и ксендзамъ и под. Но всего болѣе эти галицкіе священники рассчитывали на содѣйствіе мѣстныхъ русскихъ властей; которое со всѣхъ сторонъ охотно оказывалось имъ. Пылкій Громека, опасаясь возрастающаго значенія нѣкоторыхъ мѣстныхъ священниковъ, оказавшихся дѣйствительно враждебными правительству во время беспорядковъ, а также задуманнаго Куземскимъ возвращенія на приходы священниковъ, отрѣшенныхъ въ прежнее время консисторіей, вступилъ съ нимъ въ переписку, въ которой, выражая свои опасенія насчетъ нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ имъ по епархіи, коснулся и вопроса о галицкихъ священникахъ. Куземскій отвѣчалъ обстоятельнымъ письмомъ, въ которомъ, уступая по нѣкоторымъ вопросамъ, рѣшительно возставалъ противъ галицкихъ своихъ собратьевъ и ихъ теорій очищенія обряда. Переписка вначалѣ имѣла теоретическій характеръ и представляла попытку дружескаго обмѣна мыслей, который, повидимому, вполне достигъ своей цѣли во время пребыванія Громеки въ Холмѣ. Но оказалось, что на страстной почвѣ униатскаго вопроса менѣе всего можно ожидать спокойствія и отъ натуръ пылкихъ. Среди общаго напряженнаго недоразумѣнія, поѣздка Громеки къ Куземскому казалась событіемъ большой важности. Ею интересовалось духовенство, чины полиціи, даже графъ Бергъ. Галицкія газеты заговорили о ней съ увѣренностью, что, наконецъ, прекратятся напряженныя отношенія администраціи къ Куземскому. Галицкимъ выходцамъ казалось, что теперь ихъ выдадутъ Куземскому головою. Все ожидало отъ Громеки разясненій. Пылкій Громека рѣшился дать, такъ сказать, всѣмъ отчетъ о результатахъ своей по-

ѣадки. Въ запискѣ, составленной имъ по этому случаю, описавъ положеніе дѣлъ въ епархіи, онъ высказываетъ увѣренность (высказанную имъ лично Куземскому) въ существованіи опредѣленной правительственной программы по уніатскому вопросу, основанной на идеѣ очищенія обряда, въ существованіи договора по этому предмету между правительствомъ и куріей и указываетъ необходимость предпочтенія этой программы. Затѣмъ, по связи вопроса объ очищеніи обряда съ судьбою галицкихъ выходцевъ, излагаетъ необходимость предпочтенія ихъ мѣстному духовенству. Во многихъ мѣстахъ этой записки разсѣяны выраженія, бросающія тѣнь на дѣятельность Куземскаго. Громека имѣлъ печальную рѣшимость отлитографировать эту записку и разослать ее многимъ лицамъ, въ томъ числѣ и самому Куземскому, какъ доказательство своей искренности въ отношеніи къ нему. Этотъ поступокъ Громеки послужилъ тяжкимъ ударомъ для Куземскаго. Два направленія, доселѣ глухо враждовавшія между собою, теперь, какъ два враждебные стана, открыто раздѣлились и приготовились вступить въ бой. Громека снова становился центромъ, вокругъ котораго собиралось все, что такъ или иначе примыкало себя къ русскому патріотическому отношенію къ униі. Многіе изъ тѣхъ, что теперь винятъ во всемъ Громеку, въ то время пѣли ему, за его смѣлый поступокъ, хвалебные гимны, ободряли, одушевляли „стоять за русское дѣло въ униі“. Графъ Бергъ, слишкомъ сочувствовавшій легальности Куземскаго, но весьма щекотливый къ вопросамъ русскаго патріотизма, по понятнымъ причинамъ, не мѣшался въ эту непонятную для него борьбу. Изъ Петербурга, для новаго управленія уніатскихъ дѣлъ, слишкомъ не ясны были причины вражды двухъ лагерей.— Для Куземскаго записка Громеки, значеніе которой онъ слишкомъ преувеличивалъ, показалась и тяжкимъ оскорбленіемъ, и рѣшительнымъ *veto*. Чувствуя себя униженнымъ, связаннымъ, онъ тогда же хотѣлъ отказаться отъ епархіи. Онъ понималъ силу

обстоятельствъ, которыя, помимо всякихъ распоряженій и даже въ противность намѣреніямъ высшихъ правительственныхъ лицъ, не только удерживали Громеку на вліятельномъ для уніатскихъ дѣлъ мѣстѣ, но и сосредоточивали на немъ надежды всѣхъ нетерпѣливыхъ противниковъ полоно-латинскихъ симпатій въ уніи. Вся администрація Царства Польскаго привыкала уже считать Громеку наиболѣе свѣдущимъ въ уніатскихъ дѣлахъ, и, съ перенесеніемъ греко-уніатскаго управленія въ Петербургъ, къ нему обращались за справками и за совѣтами по каждому дѣлу. Куземскій понималъ эти обстоятельства и тѣмъ болѣе преувеличивалъ значеніе *записки* Громеки. Въ длинномъ письмѣ къ Громекѣ, отъ 23 апрѣля 1869 года, онъ излилъ всю свою наболѣвшую душу. „Въ Галиціи,—писалъ онъ,—я наслаждался общою любовію всего русскаго народа, приобрѣлъ уваженіе даже и враговъ русскаго имени; мене почитали всѣ правительственные мужы Австріи; я удостоился личной благосклонности самого австрійскаго монарха, а соразмѣрно было даже и матерьяльное мое состояніе во Львовѣ о много лучшее, якъ здѣсь. Я всѣмъ пожертвовалъ, даже и родню оставилъ и спѣшилъ служить русскому дѣлу и святой Церкви подъ русскимъ правительствомъ. Сюда принесъ я съ собою многолѣтній опытъ, горячее русское сердце, несломанную волю и неутомимую ревность. Что же я здѣсь встрѣтилъ? Недовѣріе и подозрѣніе!“ Куземскій не допускаетъ, чтобы существовалъ уговоръ между правительствомъ и куріей относительно очищенія обряда, такъ какъ ни та, ни другая сторона не сообщали ему объ этомъ. Онъ отклоняетъ отъ себя всякія объясненія о своемъ поведеніи въ обрядовомъ вопросѣ. „Я поступаю совѣтъ откровенно, непретворно и нелицемѣрно, а зная мои обязанности къ Церкви и государству, не отклонюсь отъ нихъ ни на одинъ шагъ и отъ тѣхъ обязанностей не отведу меня такіе вопли, ниже уненія (отчаяніе), ниже угроженія заблудшихъ моихъ братій“. Тѣмъ болѣе онъ не допускаетъ

вмѣшательства администраціи въ дѣла вѣры и отрицаетъ всякую мысль о пропагандистическомъ характерѣ своей дѣятельности. Главными виновниками недовольства противъ него онъ признаетъ своихъ собратій—галицкихъ священниковъ, которые, по его мнѣнію, „нынѣ такъ Высокое Правительство, какъ и епархіальную власть больше всего затрудняютъ“. Большую часть своего обширнаго письма онъ посвящаетъ критикѣ убѣжденій и всего поведенія галицкихъ выходцевъ и рѣзко осуждаетъ всю ихъ дѣятельность какъ въ Галиціи, такъ въ особенности въ Холмокой епархіи. Главную причину недовольства ихъ онъ видитъ въ неудавшемся стремленіи къ вольницѣ и во внутреннемъ признаніи общаго въ населеніи нерасположенія къ нимъ, причину котораго они сваливаютъ на всѣхъ и на все, тогда какъ она лежитъ въ нихъ самихъ. „Я ихъ,—говоритъ онъ,—удержать здѣсь желаю, однако какъ это сдѣлать, чтобы ихъ народъ полюбилъ, ихъ не страдался и отъ нихъ не утѣкалъ въ костелы и полонизмъ? Любовь и привязанье не дадутся приказать.... Виновато ли Высокое Правительство или епархіальная власть въ томъ, что многіе изъ нихъ по болшой части тутъ званавижены?... Извѣстно, какъ зашедшихъ сюда прежде мене изъ Галиціи священниковъ народъ не любилъ. По болшой части стоятъ церкви, при которыхъ онѣ примѣщены, порожними, а за тое латинскіе костелы переполнены уніатскимъ народомъ. О томъ, чтобы тому злему запобѣгнуть, мои галицкіе братья не пекутся, пусть имъ будетъ добре, приходъ же най погибаетъ. Что ихъ собственные прихожане не терпятъ, не смотря объ этомъ вины въ себѣ, а слагаютъ на подстреканія то латинскаго, то мѣстнаго уніатскаго духовенства, то помѣщиковъ, а въ концѣ и на невѣдоміи стихіи. Неперечно, что подстреканія существуютъ, тѣмъ болшая ихъ, таковыхъ священниковъ, обязанность не дать причины подстреканіямъ. Но уже то крайняя нужда, что прихожане по причинѣ нелюбаго священника оставляютъ свою церковь и

заходятъ въ костелы, что дѣтей своихъ не даютъ крестить, что старики безъ исповѣди исходятъ изъ того свѣта, что мертвецій своихъ сами гребутъ, воистину се есть причина для епископа унѣвать, что такихъ имѣеть священниковъ, отъ которыхъ народъ утѣкаетъ, и по этой причинѣ я, а не они, попалъ въ крайнее уненіе, ибо изъ того затрудненія мнѣ натеперь при весьма непріязненныхъ обстоятельствахъ нѣтъ нѣякаго выхода“... Куземскій противопоставляетъ прежнимъ выходцамъ тѣхъ четырехъ священниковъ, которыхъ самъ онъ вызвалъ изъ Галиціи, и которые здѣсь любимы и уважаемы всѣми. Онъ увѣряетъ, что прежніе выходцы, за весьма малымъ исключеніемъ, и въ Галиціи не пользовались народною любовію, а нѣкоторые бѣжали оттуда, „убѣгая сюда предъ судомъ и другого рода преступленіями“. Онъ отрицаетъ искренность ихъ въ очищеніи обряда, увѣряя, что они служатъ „ни по уставѣ литургикола, ни по типиконѣ, ни по галицкимъ звычаямъ.... Они предъ Высокимъ Правительствомъ заявили, что такъ, какъ они, всѣ въ Галиціи служатъ; а когда я ихъ заставилъ оправдаться, какъ они дерзнули противъ положительному закону св. Церкви въ обрядахъ переменны дѣлать, заставлялись правительствомъ, будто бы Высокое Правительство имъ такъ служить приказало. Вотъ въ какое крутарство попали“!—Онъ отрицаетъ также искренность ихъ въ отношеніи къ „русской идеѣ“, въ служеніи которой они указываютъ причину гоненій на нихъ, и увѣряетъ, что они „лестно подшиваются подъ наводную идею“. „Не въ обрядахъ, ниже въ русской идеѣ вина, а лучше прямо сказать: имъ не хочется здѣсь епископа, чтобы не смотрѣлъ за ними и не обуздалъ ихъ самовольства; имъ было бы гораздо лучше безъ епископа“.... Доказывая, что „они научились только роптать, а не повиноваться ни епархіальной власти, ни церковнымъ законамъ“, Куземскій предсказываетъ „навѣрно, что роптаніямъ ихъ не будетъ конца“!

Ни для кого не было тайною, что опредѣлившаяся въ то время смертельная болѣзнь львовскаго митрополита Литвиновича и всеобщій голосъ въ Галиціи о Куземскомъ, какъ единственномъ преемникѣ его, были единственными причинами, удерживавшими послѣдняго на холмской кафедрѣ. Въ крайнемъ случаѣ онъ надѣялся получить перемышльскую кафедру, если на митрополию предпочтенъ будетъ епископъ послѣдней Сембратовичъ. Но съ этихъ поръ Куземскій сталъ раздражительнымъ, еще болѣе рѣзкимъ, всюду подозрѣвавшимъ напоръ и интригу въ цѣляхъ скорѣйшаго обращенія униатовъ въ православіе. Раздражительность и подозрительность его сообщилась и приходскому духовенству, которое теперь, разставшись въ богослуженіи съ полонизмомъ, тѣмъ настойчивѣе напирало на такіе обычаи, въ которыхъ народъ полагалъ рѣзкое отличіе отъ православнаго богослуженія¹⁾. Роли между двумя лагерями, православнымъ и униатскимъ, стали перемѣняться: униатское духовенство изъ недавно обвиняемаго превращалось въ обвинителя, повсюду отыскивая

¹⁾ Эти обычаи тѣмъ болѣе раздражали обѣ стороны, чѣмъ болѣе были мелки. Въ богослужебныхъ книгахъ униатовъ осталось не тронутымъ слово „православный“, какъ названіе униатскаго исповѣданія („всѣхъ васъ *православныхъ* христіанъ до поманетъ Господъ Богъ...). Но въ Холмской епархіи, уже въ позднѣйшее время, вмѣсто „православный“ стали употреблять „правовѣрный“ (всѣхъ васъ *правовѣрныхъ* христіанъ да поманеть...). Теперь священники съ особеннымъ удареніемъ произносили слово „правовѣрный“, а ревнители униі въ народѣ сторожили такіе моменты въ богослуженіи. Или, напр., въ нѣкоторыхъ изданіяхъ служебника третій стихъ херувимской пѣсни переведенъ такъ: „всякое нынѣ житейское отвержимъ *печаль*“. Этотъ переводъ удержанъ былъ во многихъ мѣстахъ Холмской епархіи. Теперь повсюду ухватились за него, какъ за униатскую особенность, несмотря на то, что въ значительной части церквей употребляемы были служебники иныхъ униатскихъ же изданій, въ которыхъ вмѣсто „печаль“ напечатано „попеченіе“,— послѣднее считали „православіемъ“. Въ Соколовскомъ уѣздѣ издавна почему-то, въ противность всѣмъ изданіямъ, слово „печаль“— „попеченіе“ замѣнялось простонароднымъ *печа*, и пѣли этотъ стихъ такъ: „всякое нынѣ житейское *отвержимъ печу*“. Изъ-за этой *печи* выходили цѣлыя исторіи, по поводу удивленія, выраженнаго вслухъ православными лицами въ частномъ разговорѣ, бывшими въ церкви.— Не мало усилій потрачено духо-

попытки и факты религіознаго насилія и заноса о нихъ жалобы Куземскому, который немедленно давалъ ходъ такимъ жалобамъ. Всего прискорбнѣе было во всеяъ этомъ направленіи образованіе въ народѣ партіи ревнителѣй, которые болѣе и болѣе забирали въ свои руки распоряженіе церковными обычаями и поведеніемъ прихожанъ. Толпа, частію по непониманію предмета спора, частію напуганная недавними событіями, а въ иныхъ, хотя и рѣдкихъ, случаяхъ, въ виду свидѣтельства честныхъ грамотеевъ и стариковъ, помнившихъ времена безъ органовъ и нѣкоторыхъ другихъ нововведеній, оставалась безмолвною, кричали и распоряжались ею нѣсколько человекъ. Полоно-латинство, зорко слѣдившее за каждымъ явленіемъ въ дѣлахъ униатовъ, заботливо окружило этихъ ревнителѣй своимъ вниманіемъ и расположеніемъ. Повсюду первоначально это были, не считая мѣщанъ въ городахъ, издавна ополяченныхъ, бывшіе панскіе слуги, подолгу служившіе въ польскихъ домахъ, или панскіе „выхованцы“, или женатые на католичкахъ и т. п., связанные давними симпатіями съ полонизмомъ и латинствомъ. Теперь они практиковались въ богословствованіи и приготавливались къ той роли, какую имъ довелось исполнить въ теченіе 1872—5 г., и какую они исполняютъ доселѣ въ качествѣ руководителей

венствомъ въ это время въ борьбѣ со школами за обученіе пѣнію. Въ первоначальныхъ школахъ униатскихъ введено было обученіе пѣнію по „Кругу“. При новомъ устройствѣ школы введено пѣніе четырехголосное, по Бортнянскому, употреблявшееся и въ холмскомъ кафедральномъ соборѣ при послѣднихъ епископахъ (и при Куземскомъ). Во многихъ мѣстахъ это пѣніе первоначально нравилось народу. Теперь его стали называть „православнымъ“ и наставляли на замѣнѣ его „униатскимъ“, т. е. тѣмъ напѣвомъ бывшихъ униатскихъ органистовъ, который вполнѣ скопированъ съ напѣва сельскихъ польско-латинскихъ органистовъ. Подобныя особенности появлялись на каждомъ шагѣ—и на нихъ въ особенности напирала ревнители уни. Куземскій не сдерживалъ этой ревности, а въ борьбѣ за пѣніе сталъ на сторону ревнителѣй и официально ходатайствовалъ предъ гр. Толстымъ о порученіи обученія пѣнію въ школахъ дьячкамъ и священникамъ, а не учителямъ.

и наблюдателей партіи, протестующей противъ обращенія уніатовъ въ православіе. Подготовка этой партіи книжниковъ, фарисеевъ и саддукеевъ уніи составляетъ едвали не самый прискорбный фактъ изъ временъ Куземскаго.

Всего менѣе могло быть случаевъ вмѣшательства въ религіозныя дѣла уніатовъ со стороны русскихъ чиновниковъ въ это именно время, когда, по жалобамъ Куземскаго, всѣ почти вѣдомства получали строгое внушеніе и предостереженіе, и когда Громека получилъ съ трехъ сторонъ (отъ министра внутреннихъ дѣлъ, министра просвѣщенія и намѣстника) замѣчаніе за попытки вмѣшательства въ дѣла Куземскаго и за рѣзкія выраженія, употребленныя имъ въ письмахъ къ послѣднему. Но тѣмъ напряженнѣе становилось настроеніе въ русскомъ православномъ станѣ. Такъ какъ во время волненій стражники и солдаты вводимы были въ церкви для предупрежденія безпорядковъ при богослуженіи и насилій подѣ духовенствомъ, то теперь на нихъ обрушилась нетерпимость ревнителѣй. Начальство вынуждено было предписать, дабы стражники не входили въ церкви ни подѣ какимъ предлогомъ. Стражники и солдаты роптали, что имъ негдѣ Богу помолиться, и что ихъ, точно „нехристей“, не пускаютъ въ „русскую“ церковь. Священникъ—галичанинъ отпечаталъ бланки для своихъ официальныхъ сношеній, употребивъ выраженіе: „священникъ *уніатско-русскаго* прихода“... Полиція отобрала у него эти бланки, такъ какъ они раздражали ревнителѣй уніи, называвшихъ себя „греко-уніатами“, а не „русскими уніатами“. Но это въ свою очередь раздражало русское патріотическое чувство, тѣмъ болѣе, что и полицейскіе чины дѣйствовали въ этомъ случаѣ не искренно, а вынужденно, въ чемъ ни предѣ къмъ не скрывались. Всего тяжелѣе казалось положеніе въ уніатской деревнѣ русскаго солдата, который никакъ не могъ понять, какъ это сталося—есть „русская церковь“, а онъ для нея

чужой!—есть „русскій погѣ“, а брѣется, не хочетъ служить для него молебна, поминовенія, а „умрешь—не станеть хоронить, и загребуть тебя свои ребята безъ попа, какъ и умираешь безъ покаянія“!... Такіе и подобныя случаи сильно дѣйствовали на русское патріотическое чувство, которое, будучи лишено твердаго просвѣщеннаго руководства въ дѣлахъ съ уніатами, волновалось каждымъ фактомъ и слухомъ. Въ деревняхъ не только солдаты, но часто и офицеры не могли выдержать: „вы съ вашимъ попомъ—измѣнники царю, измѣнили царскую православную вѣру“—такія и подобныя рѣчи велись во многихъ мѣстахъ. Въ средѣ русскихъ чиновниковъ патріотическое чувство напирало на нилкаго Громеку. Несмотря на общее нерасположеніе къ личнымъ свойствамъ галицкихъ выходцевъ, особенно за ихъ корыстолюбіе и грубость съ народомъ, за ихъ склонность во всемъ прятаться за опину полиціи, всѣ русскіе смотрѣли на нихъ въ этотъ періодъ, какъ на свою братію въ уніи, русское патріотическое чувство неволью, среди такихъ обстоятельствъ, служило для нихъ охраною и удерживало ихъ на своихъ мѣстахъ.

Между тѣмъ Куземскій рѣшился на крайнюю мѣру. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ за 1869 годъ онъ рѣзко осудилъ дѣятельность всѣхъ вѣдомствъ въ отношеніи къ уніатскому вопросу, упрекая ее въ недостаткѣ вѣротерпимости и справедливости. Въ особенности онъ нападалъ на сельскія училища, доказывая несостоятельность учебнаго вѣдомства въ надзорѣ и руководствѣ ихъ и направляя свои доказательства къ необходимости передачи этихъ училищъ въ руки духовенства. Выписки изъ этого отчета сообщены были подлежащимъ вѣдомствамъ для объясненій и подлили масла въ огонь...

Но судьба уже готовила для него окончательные удары и притомъ съ такой стороны, съ которой онъ меньше всего ожидалъ ихъ.

Вслѣдъ за подачею отчета, онъ просилъ отпуска въ Галицію и въ генварѣ 1870 года отправился въ Львовъ, въ надеждѣ личными стараніями достигнуть назначенія на кафедрѣ львовскаго митрополита, на мѣсто умершаго Спиридона Лятвиновича, въ крайнемъ случаѣ—на перемышльскую епископію. Но его ожидало здѣсь полное разочарованіе. Польская интрига употребила всѣ усилія, чтобы не допустить его ни на ту, ни на другую кафедру. Всѣ старанія галицкихъ русскихъ „народовцевъ“, противъ которыхъ теперь была и своя же братія „обрядовцы“ (о которыхъ Куземскій выразился въ письмѣ къ Громеку отъ 23 апр., что они въ Галиціи дѣйствуютъ „въ руку полякамъ“), остались тщетными, австрійское правительство, т. е. польская руководящая дѣлами Галиціи партія предпочла Куземскому на митрополию Іосифа Сембратовича, на перемышльскую кафедру—полономана Ступницкаго. Въ свѣдущихъ кругахъ рассказывали, что, только уступая общаніямъ и настояніямъ вѣнскаго нунція, Куземскій не привелъ въ исполненіе своей рѣшимости остаться въ Галиціи въ качествѣ частнаго лица и вернулся въ Холмъ.

Въ Холмѣ между тѣмъ готовился для него болѣе тяжелый ударъ: ему предложено было приступить къ очищенію обряда. Послѣ этого, Куземскій послалъ прошеніе о своемъ увольненіи отъ управленія епархіей и о предоставленіи ему пребыванія въ зданіяхъ бывшаго Радошницкаго монастыря. Ему прислано увольненіе и паспортъ въ Галицію...

Такъ окончился этотъ для многихъ загадочный эпизодъ изъ исторіи послѣднихъ дней Холмской униатской епархіи,—эпизодъ борьбы брошеннаго на произволъ русскаго патріотическаго чувства съ легальнымъ и гордымъ вождемъ галицкой русской семьи! Такъ окончился этотъ второй актъ тяжелой драмы, начавшейся вслѣдъ за измѣною первоначальнаго направленія униатскихъ дѣлъ, чтобы дать мѣсто третьему, еще болѣе тяжелому акту!

Полагаемъ, что нѣтъ нужды описывать, какъ отразился этотъ эпизодъ на состояніи греко-уніатскихъ учебныхъ заведеній. Сельскія школы, отмѣченныя особенною заботливостью Куземскаго, быстро оживились. Каждый почти священникъ такъ или иначе старался показать свое усердіе къ школѣ и заявить о себѣ то содѣйствіемъ къ устройству училища тамъ, гдѣ его не было, то убѣжденіемъ родителей посылать дѣтей въ науку, то личнымъ стараніемъ въ случаяхъ затрудненія для училища; каждый старался почаще посѣщать училище, преподавать Законъ Божій, по крайней мѣрѣ обучить дѣтей молитвамъ, на случай пріѣзда въ приходъ Куземскаго, который при обзорѣніи епархіи любилъ экзаменовать дѣтей по религіи. Въ первую же зиму по вступленіи его въ должность въ Сѣдлецкой губерніи число учащихся значительно увеличилось,—и не въ спискахъ только, но на дѣлѣ,—сдѣланы приготовленія къ учрежденію новыхъ двадцати слишкомъ училищъ. Эта горячность въ отношеніи къ училищамъ со стороны духовенства не ослабѣвала и въ періодъ открытой борьбы Куземскаго съ учебнымъ вѣдомствомъ, но она прониклась уніатскою ревностью и подозрительностью въ отношеніи къ православію. Положеніе учителей, особенно лицъ православнаго исповѣданія, стало тяжелымъ. Въ отношеніи среднихъ учебныхъ заведеній Куземскій, послѣ отказа въ перемѣнѣ законоучителей, держалъ себя непріязненно. Впрочемъ онъ посѣтилъ гимназіи и педагогическіе курсы въ Сѣдлецкой губерніи, обративъ особенное вниманіе на положеніе греко-уніатскихъ воспитанниковъ. Мечъ, брошенный Куземскимъ учебнымъ заведеніямъ, былъ обоюдоострымъ. Въ данныхъ обстоятельствахъ, трудно было воевать этимъ мечомъ со школою, съ грамотностью, когда дѣтямъ становилась доступною книга, когда ученики гимназій знакомились съ исторіей, читали русскія лѣтописи, обращали вниманіе на старинныя рукописи, лежавшія въ сундукахъ родителей, ближе знакомились съ исторіей Польши и самой

уни, читали богослужбныя книги, — когда даже деревенскій мальчикъ, прислуживающій у престола въ алтарѣ, имѣвшій возможность заглянуть въ служебникъ, говорилъ, какъ то не разъ бывало, своимъ родителямъ: „а и правда, что въ книгахъ стоитъ *православный*, а не *правотърный*“, и что въ нихъ нигдѣ не говорится объ органахъ, а всюду стоитъ: „ликъ же поеть“, или „клиръ же поеть“ и т. д. Учители изъ униатовъ, которыхъ въ сельскихъ школахъ было огромное большинство, съ увеличеніемъ училищныхъ библіотекъ, съ умноженіемъ знакомствъ съ образованными русскими людьми, особенно съ открытіемъ для нихъ библіотеки педагогическихъ курсовъ и т. п., точно въ первый разъ вступали въ міръ правды и свѣта и, по свойственному каждому возрождающемуся и вырывающемуся изъ чуждыхъ цѣпей народному чувству, доходили до увлеченія этимъ раскрывающимся предъ ними міромъ. Опасно было говорить такимъ лицамъ о насидяхъ въ дѣлахъ униатовъ со стороны Россіи, когда они узнавали правду Россіи изъ своихъ же церковныхъ книгъ, когда они по милости Россіи въ первый разъ стали сознавать себя людьми, а не рабами польскаго произвола, когда они глядѣли теперь на тяжкое духовное убожество своего народа, какъ результатъ долгаго владычества уни. Среди напастей и подозрѣній во имя темныхъ народныхъ обычаевъ, не мало появлялось горячихъ головъ, готовыхъ „разомъ покончить все“ съ унией, „не скрывать правды отъ народа“. Приходилось всячески сдерживать эту горячность. Куземскій постепенно понялъ эти послѣдствія нападеній на школы и учителей, но поздно. Онъ въ особенности боялся, чтобы это прорывающееся настроеніе не вошло въ связь съ планами галицкихъ выходцевъ и не создало бы для населенія Холмской епархіи своихъ собственныхъ обрядовцевъ. Послѣ возвращенія изъ Львова, онъ сталъ сдержанъ въ отношеніи къ школѣ.

Гораздо болѣе потери понесли въ это время греко-уніатскія школы съ той стороны, съ которой всего менѣе слѣдовало ожидать ее. Въ это критическое время, когда съ одной стороны огромное значеніе школы въ греко-уніатскомъ вопросѣ признавалось самими уніатами, съ другой стороны происходила борьба за обладаніе этимъ дорогимъ и незамѣнимымъ орудіемъ въ воспитаніи народа, уніатскія школы всего менѣе обращали на себя вниманія со стороны учебнаго вѣдомства. Министерство народнаго просвѣщенія, занятое разработкою общаго типа учебныхъ заведеній, не было расположено къ заботливости о мѣстныхъ нуждахъ школы и о ея частныхъ, такъ сказать домашнихъ отношеніяхъ. Въ этомъ отношеніи даже такое распоряженіе, какъ отмѣна въ Царствѣ Польскомъ, въ 1869 году, названій учебныхъ заведеній по исповѣданіямъ и національностямъ, не могло остаться безъ послѣдствій для учебныхъ заведеній, устроенныхъ для греко-уніатскаго населенія, обязательно сосредоточивая ихъ лишь на общихъ задачахъ обученія и предоставляя частныя, домашнія задачи ихъ доброй волѣ служащихъ въ нихъ. Не удивительно, что, несмотря на нужду въ увеличеніи начальныхъ училищъ для уніатовъ, варшавское учебное начальство предпочитало теперь заботы о равномерномъ распредѣленіи начальныхъ училищъ во всѣхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго, находило, что уніатамъ дано уже слишкомъ много, насчетъ другихъ мѣстностей, и изъ суммы (100,000 р. с.), положенной по смѣтѣ на пособія начальнымъ училищамъ въ Царствѣ Польскомъ и въ первое время преимущественно расходованной на устройство училищъ для русскаго населенія, предпочло возвратить остатокъ въ сорокъ тысячъ руб. серебр. въ казну, чѣмъ употребить ихъ на развитіе уніатскихъ учебныхъ заведеній. Въ то же время не возможно было, несмотря на Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее при учрежденіи въ г. Сѣдлецъ греко-уніатской женской прогимназіи, получить незначительную сумму на

преобразование ее въ шестиклассную гимназію ни прямымъ кредитомъ, ни насчетъ упраздненія въ Варшавѣ одного уѣзднаго училища, признаннаго излишнимъ и подлежавшаго упраздненію.—Въ 1870 году послѣдовалъ первый выпускъ греко-уніатскихъ стипендіатовъ изъ Московскаго университета, и учебное вѣдомство (ни тѣмъ болѣе другія вѣдомства) не нашло нужнымъ призвать ихъ на службу въ предѣлахъ Холмской епархіи. Всѣ эти воспитанники, получившіе возможность служить своему народу, бывшіе особенно дорогими для него въ это время, остались на службѣ въ имперіи, и ни одинъ (какъ и впослѣдствіи) не получилъ мѣста въ греко-уніатскомъ учебномъ заведеніи, какъ ни одинъ не получилъ какой бы то ни было службы въ предѣлахъ Холмской епархіи, въ которой между тѣмъ постоянно появлялись на разныхъ родахъ службы галицкіе полуграмотные выходцы, и въ огромномъ большинствѣ гражданскія мѣста среди уніатскаго населенія занимали поляки, такъ что даже слѣдствія по церковнымъ дѣламъ уніатовъ, по недостатку свѣдущихъ русскихъ чиновниковъ, поручались зачастую полякамъ.—Въ томъ же году поступило ходатайство отъ Варшавскаго университета о переводѣ въ штатъ его стипендій для православныхъ и греко-уніатскихъ уроженцевъ Царства Польскаго, а также для литовцевъ, изъ Московскаго университета. Хотя по этому предмету состоялось предположеніе комитета по дѣламъ Царства Польскаго при самомъ учрежденіи этихъ стипендій въ 1867 году, однако время всего менѣе благоприятствовало исполненію этого предположенія. Тѣмъ не менѣе министерство народнаго просвѣщенія удовлетворило ходатайство Варшавскаго университета, и греко-уніатскіе воспитанники, не имѣвшіе средствъ для своего содержанія, при напряженномъ состояніи умовъ въ средѣ своихъ собратій, должны были заканчивать свое образованіе не въ сердцѣ Россіи, но въ сердцѣ Польши! Въ Варшавскомъ университетѣ вовсе не видѣли нужды заботиться о греко-уніатахъ и предпочитали

назначать эти стипендіи русскимъ студентамъ, поступавшимъ въ этотъ университетъ изъ имперіи, надѣясь посредствомъ увеличенія числа коренныхъ русскихъ студентовъ благотворно вліять на польскую учащуюся молодежь. Выиграли ль отъ этого русскіе коренные студенты, и достигъ ли Варшавскій университетъ желаннаго вліянія при помощи ихъ на студентовъ польскихъ, или нѣтъ, несомнѣнно одно—что число греко-уніатскихъ студентовъ сильно сократилось, что греко-уніатскіе студенты поставлены были въ Варшавѣ въ безпомощное положеніе, и что они, и по своему образованію, и по своему направленію, и по силѣ духа далеко уступали воспитанникамъ Московскаго университета. Опасенія насчетъ заразы нигилизмомъ, обуревавшимъ русскіе университеты, не должны бы при этомъ имѣть мѣста въ виду особаго польскаго нигилизма, столько же разрушительнаго для Россіи, какъ и русскій нигилизмъ, но едва ли не болѣе послѣдняго дрессированнаго и изворотливаго. Въ дѣйствительности не было ни одного примѣра, чтобы бывший греко-уніатскій московскій воспитанникъ оказался нигилистомъ или даже противникомъ православной вѣры, хотя послѣдніе попадались въ числѣ уніатовъ—воспитанниковъ Варшавскаго университета.

Куземскій удалился въ Галицію, Попель назначенъ администраторомъ Холмской епархіи.

Наступило полное торжество системы очищенія обряда. Настроеніе въ цѣлой епархіи вдругъ измѣнилось. Когда Громека прислалъ мнѣ извѣстіе объ увольненіи Куземскаго и назначеніи Попеля, въ это время былъ у меня молодой и дѣятельный священникъ уніатскій, изъ воспитанниковъ Кіевской духовной академіи; услыхавъ это извѣстіе, онъ задрожалъ и упалъ на стулъ. Пришедши въ себя, онъ воскликнулъ: „о несчастный нашъ народъ!..“ Не мало священниковъ

перебывало въ Сѣдлецѣ для убѣжденія въ справедливости этого извѣстія, и всѣ предсказывали тяжелыя событія въ Холмской епархіи.—Спустя нѣсколько дней послѣ отъѣзда Куземскаго изъ Холма, бѣжалъ въ Галицію секретарь консисторіи священникъ Баньковскій. Скоро затѣмъ бѣжалъ другой священникъ, третій... Началось очищеніе состава духовенства, приливъ новыхъ выходцевъ изъ Галиціи, назначеніе ихъ на лучшіе приходы, изъ которыхъ мѣстные священники перемѣщаются были на худшіе. Холмская семинарія вновь наполнилась молодыми людьми изъ Галиціи, часто приходившими даже безъ паспортовъ. Началось приготовленіе циркуляровъ объ очищеніи обрядовъ. Все это называлось на языкѣ новой епархіальной администраціи „благоразумною осторожностью и осмотрительностью“ въ „приготовленіи къ очищенію обряда“. Отъ 16 дек. 1871 года за № 32, циркуляръ разосланъ по епархіи, съ приложеніемъ къ нему „Табели священнымъ временамъ въ продолженіи года“. Циркуляръ вводитъ въ Холмской епархіи новое начало вмѣсто епископской власти, именно—правительство, и самъ прикрывается волею правительства. „Всѣ вышеупомянутые праздники, посты и заупокойные дни прааждновались издавна въ Холмской епархіи, а потому они и *признаны правительствомъ*“. Отступленія и мѣстные обычаи, не согласныя съ этой табелью, по мнѣнію циркуляра, произведены „невѣжествомъ и хитростію міра сего“, „въ новѣйшія времена разгула плоти“. Какъ только циркуляръ объявленъ былъ духовенству, тотчасъ начались движенія въ народѣ. Галицкое духовенство ретивымъ исполненіемъ его первое испытало насилія со стороны народа. Побои, поджоги, разореніе домовъ, насилія при богослуженіи и отобраніе отъ священника церковныхъ ключей, охрана церкви вооруженною толпою день и ночь—были обыкновенными явленіями въ взволнованныхъ, почти все тѣхъ же тридцати трехъ, приходахъ Сѣдлецкой губерніи. Снова начался побѣгъ священ-

никовъ въ Галицію, снова двинуты на усмиреніе народа войска, затѣмъ разбирательство и судъ надъ виновными въ возмущеніи, ссылки, заключенія въ тюрьму, штрафы и т. п. Не менѣ жестокая борьба происходила въ компетентныхъ сферахъ по вопросу: кто виноватъ въ возбужденіи беспорядковъ? Всѣ документы свидѣтельствуютъ о томъ, что полиція, до появленія беспорядковъ и насилій, не вмѣшивалась ни въ какія дѣла уніатовъ. Что касается поведенія войскъ, то, въ силу военнаго положенія, едва вступали войска въ приходъ, администрація прекращала въ немъ свои дѣйствія, и полиція во всемъ подчинялась командующему отрядомъ. Едва устанавливалось спокойствіе, и войска покидали приходъ, какъ снова начиналось волненіе, которое постепенно снова принимало тѣ же формы. Консисторія, убѣжденная въ томъ, что только подстрекательства со стороны мѣстныхъ священниковъ и поляковъ и крутыя мѣры со стороны полиціи препятствуютъ успѣшному ходу очищенія обряда, не дѣлала никакой уступки народу, — увольняла членовъ консисторіи, подозрѣваемыхъ въ несочувствіи ему, отрѣшала отъ приходовъ неблагонамѣренныхъ священниковъ, исходатайствовала удаленіе нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ изъ предѣловъ епархіи, съ предоставленіемъ имъ права эмигрированія въ Галицію (между ними профессору Холмской семинаріи Бѣгановскому) и т. п., затѣмъ внушала духовенству „осторожность и осмотрительность“, будучи не въ силахъ указать никакихъ практическихъ мѣръ осторожности и управлять поведеніемъ галицкихъ своихъ свѣже прибывшихъ собратій, которые „очищали обрядъ“ по мѣрѣ своего усердія и разумнія. Общій грѣхъ въ отношеніи къ уніатскому вопросу, общая вина въ непониманіи его, въ безурядицѣ отношеній къ нему со времени устраненія отъ дѣлъ кн. Черкаскаго, — безурядицѣ, которая мѣшала правильной оцѣнкѣ какъ всего хода этихъ дѣлъ, такъ и мѣстныхъ явленій его, мѣшала распознать и дѣйствительныя причины вол-

неній на Подлясь, и относительное спокойствіе въ Холмщинѣ—два околodka, долгое время бывшіе въ антагонизмѣ между собою по іерархическимъ дѣламъ, имѣвшіе свои историческія особенности, глубоко вліявшія на свойства населенія обѣихъ частей.

Просьбы и жалобы униатскихъ ходаковъ во всѣхъ правительственныхъ инстанціяхъ не приносили имъ никакой пользы, и волненія снова возникали. Въ народѣ не хотѣли и не могли вѣрить, что измѣненіе обряда не есть перемѣна вѣры, неискренность и фальшивость увѣреній виновниковъ очищенія давала себя чувствовать на каждомъ шагу. Тѣмъ затруднительнѣе становилось положеніе всѣхъ, кто поставленъ былъ въ необходимость объясненій съ народомъ. Всего менѣе могъ служить отвѣтомъ на народное сомнѣніе новый циркуляръ администратора къ епархіи, отъ 20 октября 1873 года, завѣрявшій, что исправленіе обряда не ведетъ за собою перемѣну униатской вѣры.

Въ отвѣтъ на этотъ послѣдній циркуляръ появилась энциклика папы Пія ІХ, отъ 13 мая 1874 года, имѣвшая огромное значеніе на дальнѣйшій ходъ дѣла. Энциклика объявляетъ администратора „псевдо-администраторомъ, лишеннымъ всякой церковной юрисдикціи“, который „не дверью вошелъ во дворъ овчій, но прелазяй“, а потому она благословляетъ и одушевляетъ народъ противиться всѣми силами требованіямъ этого „псевдо-администратора“ объ очищеніи обряда. Піи ІХ называетъ въ ней „прекраснѣйшимъ представившееся въ послѣднее время Богу, ангеламъ и челоукамъ зрѣлище геройства, бодрости и мужества, оказанныхъ въ Холмской епархіи русскими, которые, отвергая несправедливыя требованія псевдо-администратора, лучше хотѣли претерпѣть бѣдствія всякаго рода и самую жизнь подвергнуть опасности, нежели позволить нанести уронъ отеческой вѣрѣ“. Эта энциклика переведена была на польскій языкъ

и на „русинское“ нарѣчіе и въ послѣднемъ видѣ отпечатана во множествѣ экземпляровъ, которые главнымъ образомъ назначены были для Холможской епархіи. Появилось не мало эмисаровъ изъ Галиціи, которые распространяли въ народѣ анциклику съ разными комментаріями. Полиція ловила эмисаровъ, но народъ укрывалъ ихъ.

Что сказать о состояніи учебныхъ заведеній въ это время? Положеніе ихъ понятно само собою. Въ 1873 году носѣдовало примѣненіе къ гимназіямъ Царства Польскаго устава классическихъ гимназій. Найдено необходимымъ, для большей самостоятельности гимназій, изъять ихъ изъ вѣдомства начальниковъ учебныхъ дирекцій. Эта мѣра была благодѣтельной для усилъховъ отвлеченнаго классицизма, но она сильно повредила тѣмъ мѣстнымъ интересамъ правительства, которые руководили реформою народнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ послѣ усмиренія польскаго мятежа, и которые изложены въ Высочайшихъ указахъ отъ 30 августа 1864 года. Не будемъ касаться другихъ мѣстностей; скажемъ только, что, съ изъятіемъ гимназій изъ вѣдомства начальниковъ учебныхъ дирекцій, единство направленія въ бывшихъ униатскихъ учебныхъ заведеніяхъ прекратилось. Съ 1873 года бывшія греко-униатскія гимназіи стали дѣйствительно только *бюрократическими* и совершенно оторвались отъ своего первоначальнаго назначенія. Гимназіи теперь совершенно отрѣшились отъ нуждъ и потребностей мѣстнаго населенія, игнорировали дѣтей этого населенія, направляли всѣ предоставленныя имъ первоначальнымъ уставомъ льготы единственно къ исполненію новой своей задачи. Часто между директорами этихъ гимназій и начальниками учебныхъ дирекцій существовалъ полный антагонизмъ по отношенію къ нуждамъ мѣстнаго населенія, и гимназія часто намѣренно устраняла униатскихъ дѣтей, какъ недостаточно приготовленныхъ и долгое время упруго подвигающихся въ изученіи классическихъ языковъ, что вѣрно было только съ точки отличія и показной стороны.

Лишенные всякихъ отношеній къ гимназіямъ, какъ единственному пути для образованія юношества, начальники учебной дирекціи замкнуты были въ своей дѣятельности въ тѣсномъ кругѣ тѣхъ народныхъ потребностей, которыми можетъ служить сельская школа, и которыми одними не можетъ быть „живъ человѣкъ“, и такимъ образомъ перестали быть помощниками и руководителями народа въ его высшихъ духовныхъ потребностяхъ, удовлетворяемыхъ школою, а вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли значеніе для народа. Уровень обученія въ самыхъ сельскихъ школахъ упалъ отъ этого, для начальника учебной дирекціи слабы стали побужденія поднимать его и направлять дальше скудной программы сельскихъ школъ, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія и ограничивающейся умѣньемъ читать, писать и считать по четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики.—Сами по себѣ гимназіи не мало пострадали въ своихъ отношеніяхъ къ мѣстному населенію отъ реформы. Дѣло въ томъ, что, такъ какъ штаты бывшихъ польскихъ гимназій оказались не достаточными для примѣненія къ нимъ реформы, а между тѣмъ нельзя было надѣяться на увеличеніе смѣты по Варшавскому учебному округу, на основаніи особаго по этому предмету постановленія Государственнаго Совѣта, то графъ Толстой предложилъ попечителю Витте воспользоваться для этого штатами бывшихъ греко-уніатскихъ гимназій и русской гимназіи въ Варшавѣ, которые были гораздо значительнѣе штатовъ другихъ гимназій, какъ установленные съ цѣлію привлеченія въ эти гимназіи надежныхъ учителей изъ имперіи. Вслѣдствіе сего, бывшіе греко-уніатскія гимназіи (какъ и бывшая русская гимназія въ Варшавѣ) сравнены по штатамъ со всѣми гимназіями Царства Польскаго (кромѣ казенныхъ стипендій). Установивъ четыре разряда учителей по жалованью, какъ въ гимназіяхъ имперскихъ (1500, 1250, 900 и 750 р. с.), реформа 1873 года а) предоставила высшій окладъ только учителямъ русскаго языка, тогда какъ въ имперіи онъ до-

ступень каждому учителю по прослуженіи опредѣленнаго числа лѣтъ; б) каждому учителю, за получаемое имъ жалованье, назначила по 15 обязательныхъ уроковъ, тогда какъ въ имперіи за то же жалованье учителя имѣютъ по 12 обязательныхъ уроковъ; б) за каждый сверхъ-обязательный урокъ назначила вознагражденіе по 40 руб. сер., тогда какъ въ имперіи положено по 60 руб. сереб. При этомъ плата за право ученія назначена по прежнему въ доходъ казны, тогда какъ въ имперіи она обращается въ доходъ гимназій и расходуеться, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, на нужды гимназій и на пособія какъ учащимся, такъ и служащимъ.— Съ тѣхъ поръ служба въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа для русскихъ учителей перестала быть выгодною, и приглашеніе надежныхъ учителей изъ имперіи стало затруднительнымъ. Права на пенсію не заманчивы для молодыхъ и неженатыхъ людей, они манили только стариковъ, много-семейныхъ и отбросковъ гимназическаго учительскаго состава, въ рѣдкихъ случаяхъ—людей вполне дѣльных. Нельзя не упомянуть при этомъ, что русскія лица, окончившія курсъ въ Варшавскомъ университетѣ, а также и русскіе уроженцы Царства Польскаго, хотя бы получившіе образованіе въ русскихъ университетахъ, причислены по правамъ службы къ польскимъ чиновникамъ (т. е. 35 лѣтъ службы на пенсію, подчиненіе эмеритальному взносу и проч.), почему такіе молодые люди стали убѣгать изъ Царства Польскаго на службу въ имперію. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ переменъ произошло то, что для бывшихъ греко-уніатскихъ гимназій и прогимназій часто не оказывалось кандидатовъ на учительство, и „за недостаткомъ русскихъ учителей“ не рѣдко стали назначать въ нихъ учителей изъ поляковъ!... польскими руками воспитывать въ тревожной мѣстности русскихъ уніатскихъ дѣтей!...;

Не будемъ далѣе слѣдить за ходомъ униатскихъ дѣлъ и разбирать способъ обращенія униатовъ въ православіе. Для выясненія этого дѣла, столько опровергаемаго нашимъ дробнымъ общественнымъ мнѣніемъ, нашею лжелиберальною печатью (преимущественно съ голоса заграничныхъ польскихъ газетъ), осужденнаго и людьми истинно благомыслящими, но не знакомыми со всеми данными, необходимыми для правильного пониманія этого важнаго дѣла, требуется особый трудъ, посторонній для настоящей нашей цѣли. Воспользовались самымъ критическимъ моментомъ въ настроеніи народа, воспользовались наболѣвшимъ крикомъ массы и порѣшили великое дѣло, разрушили гордіевъ узець! Что же дальше? Чѣму научились мы тяжкимъ опытомъ нѣсколькихъ лѣтъ? Задумались ли надъ тѣмъ, что обстоятельства измѣнились и рѣшительно требуютъ иной системы, иныхъ отношеній къ народу? Увы, разрубивъ гордіевъ узець, тотчасъ стали плести новый узець на подобіе прежняго, изъ ключевъ прежняго, прежними руками! Снова стало во главѣ его то самое духовенство, къ которому народъ потерялъ довѣріе и отъ котораго думалъ спастись въ православной Церкви, и снова церкви огласились, вмѣсто слова любви и всепрощенія за величайшую жертву, принесенную народомъ къ подножію церковнаго алтаря, словомъ укора, обличенія въ пражнемъ поведеніи и прежнихъ вѣрованіяхъ! Вмѣсто заботливаго ухода за свѣжими тяжелыми ранами его, рѣзко указывали на эти раны и отворачивались отъ нихъ! Вмѣсто отеческаго воспитанія въ новой вѣрѣ, предъ которою онъ трепетно склонилъ своєю голову, окружили его, какъ тисками, приказами, понужденіями, новыми застрачиваніями полиціей. Борьба воскресла съ новою силою: борьба съ народомъ, борьба съ братьями, уже не только мѣстными, но и древлеправославными, борьба съ гражданскою администраціей, съ высшею епархіальною властью, борьба и борьба!.. Невольно поминались слова Куземскаго: эти люди „научились только роптать, а не повиноваться ни епархіальной власти, ни цер-

новнымъ законамъ. Знаю навѣрно, что роптаніямъ ихъ не будетъ конца“. Сибѣтели ради нихъ архіепископа, принявшаго народъ въ православіе, удалили губернатора (Гремуку), начавшаго дѣло обращенія, а ропотъ не только не прекращался, но и усиливался, готовилась борьба съ новымъ архіепископомъ, котораго никто еще и не видѣлъ. Повидимому, вся задача новаго порядка дѣлъ заключалась для этихъ людей въ полной вольницѣ ихъ и въ изобиліи для нихъ благъ міра сего. Кузенскій и въ этомъ отношеніи былъ правъ въ своихъ отзывахъ о нихъ.

Та же старая путаница воскресла и въ дѣлахъ администраціи. Всѣ сознавали, что положеніе дѣлъ въ Холмской епархіи было весьма трудное, и что предстоитъ трудная задача для тѣхъ, кто поставленъ въ отношенія съ этими дѣлами. Позаботились обезпечить положеніе этихъ лицъ, дабы они могли всецѣло отдаться на служеніе дѣлу. Справедливо обезпечено положеніе православныхъ священниковъ и причетниковъ. Если не увеличено содержаніе чиновникамъ, зато всѣ они получили соотвѣтственныя награды. Вліятельнымъ признано даже положеніе гимннхъ нисарей, и, по ходатайству гражданской администраціи, имъ обезпечено жалованье не меньше 300 руб. сер. Забыли только про школы и про учителей! Повидимому, теперь-то въ особенности наступила пора для мирнаго воспитанія народа, для развитія сознанія его, для распространенія въ средѣ его здравыхъ понятій, какъ лучшаго средства къ примиренію его съ новымъ положеніемъ его. Однако, на школы никто не обратилъ вниманія, все осталось въ нихъ въ томъ же видѣ и значеніи, въ какомъ онѣ существовали въ послѣдніе годы. Тѣ же склады учительскаго жалованья, которые утверждены были правительствомъ для сельскихъ учителей (120—150 р. с.) въ 1865 году, остались и теперь, хотя сельскія общества безпрепятственно могли увеличивать ихъ—изъ собственныхъ средствъ! Первымъ послѣдствіемъ этого невниманія къ шко-

ламъ было то, что лучшіе учителя стали покидать училища и поступать въ гминные писаря, въ причетники, а педагогическія семинаріи перестали привлекать бывшую уніатскую молодежь и стали искусственно наполняться молодыми людьми изъ сосѣднихъ губерній или отбросками мѣстныхъ гимназій, безпріютными грамотеями, спасавшимися отъ воинской повинности, которыхъ народъ не зналъ, и которые не знали народа.—Гимназіи окончательно утвердились въ своемъ недавнемъ направленіи, чуждомъ настоятельнымъ народнымъ нуждамъ и воздыханіямъ. По прежнему даже доселѣ попадаютъ въ нихъ польскіе учителя.—По прежнему ни въ одномъ изъ этихъ учебныхъ заведеній нѣтъ ни одного учителя изъ бывшихъ мѣстныхъ воспитанниковъ, какъ нѣтъ ихъ и на другихъ должностяхъ въ предѣлахъ Холмской епархіи. По прежнему воспитанницы Холмскаго женскаго шестикласснаго училища не видны на должностяхъ класныхъ дамъ, учительницъ и под.; попрежнему онѣ не имѣютъ возможности приготовить себя въ методахъ и способахъ первоначальнаго и вообще низшаго обученія, чтобы съ успѣхомъ служить народу, вытѣснить изъ священническихъ и вообще русскихъ семействъ учительницъ и гувернантокъ-полекъ, къ которымъ многіе еще принуждены тамъ прибѣгать. Приливъ учащихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ изъ бывшаго уніатскаго населенія почти прекратился, даже въ педагогическихъ семинаріяхъ, наполнявшихся въ прежнее время (напр. въ Бѣлой) исключительно уніатами, процентъ ихъ бываетъ весьма незначительный. Къ умноженію начальныхъ училищъ для народа не принято никакихъ особенныхъ средствъ.

Доселѣ вся тягость дѣлъ въ Холмской епархіи лежитъ на одномъ духовенствѣ. Другія вѣдомства пытаются оказывать ему услуги, хотя подчасъ больше мѣшаютъ, чѣмъ пособляютъ ему. Одно учебное вѣдомство стойко выдерживаетъ себя въ сторонѣ отъ общихъ усилій въ этомъ дѣлѣ,

забывая, что статьи Высочайшихъ указовъ о содѣйствіи учебныхъ заведеній въ Холмской епархіи возрожденію народа въ духъ его народности и религіи не были отмѣнены никакими послѣдующими законоположеніями. Никогда не поздно приняться за исполненіе этой высокой задачи, всегда можно ожидать только благодѣтельныхъ и незамѣнимыхъ результатовъ отъ сближенія школы съ народомъ. Настоящее время требуетъ этого проникновенія школы нравственными нуждами населенія болѣе, чѣмъ когда-либо, благодѣтельные результаты отъ ея усилій могутъ наступить скорѣе, чѣмъ въ прежнія времена. Бывшее уніатское населеніе въ настоящее время—точно земля жаждущая, точно росы небесной ждетъ оно свѣта и руководства въ вопросахъ новаго положенія своего. Нельзя придумать въ Холмской епархіи лучшей помощи для святого дѣла Церкви, какъ помощь со стороны школы. Школа—и только школа—была бы въ этомъ дѣлѣ естественною, вѣрною и незамѣнимою союзницею Церкви.

Для оживленія школы въ предѣлахъ Холмской епархіи и для выполненія ею своей задачи въ отношеніи къ мѣстному населенію, по моему крайнему разумѣнію, необходимо принять слѣдующія мѣры:

1) Относительно низшихъ училищъ.

а) Увеличить жалованье учителей до нормы жалованья причетниковъ и писарей, а въ городахъ—не меньше 400 руб. сереб.

б) Должности учителей замѣщать преимущественно мѣстными уроженцами, не только понимающими нужды и болѣзни своего народа, но и сострадающими ему.

в) Вмѣнить въ обязанность начальниковъ учебныхъ дирекцій (или начальника, если онъ будетъ одинъ для цѣлой епархіи, что было бы лучше) и учителей, а также священниковъ, употреблять воѣ зависящія отъ нихъ средства къ привлеченію дѣтей въ училища, посредствомъ убѣжденія

отцовъ и матерей, пособія бѣднымъ ученикамъ платьемъ, обувью, книгами (не малымъ источникомъ для этого должна служить сумма двѣ тысячи руб. сер., отпускаемая въ распоряженіе начальниковъ учебныхъ дирекцій), устройствомъ при училищахъ ночлеговъ для дѣтей, приходящихъ изъ соседнихъ деревень, гимнастическихъ снарядовъ, пѣнія, обученія полезнымъ рукодѣльямъ, вообще заботливостію объ ученикахъ во всѣхъ отношеніяхъ.

г) Изыскать способы къ увеличенію числа начальныхъ училищъ, такъ какъ нынѣшніе районы училищныя часто весьма значительны, и дѣти затруднены въ посѣщеніи училищъ дальностью разстоянія.

д) Учредить во всѣхъ городахъ, посадахъ и большихъ деревняхъ отдѣльныя училища для дѣвочекъ.

е) Уравновѣситъ число двухклассныхъ училищъ въ губерніяхъ: Люблинской (14) и Сѣдлецкой (5), помѣщая ихъ преимущественно въ большихъ деревняхъ, такъ какъ въ городахъ пользуются ими преимущественно евреи и католики. Распредѣлить эти училища такимъ образомъ, чтобы въ Соколовскомъ уѣздѣ было одно, а въ прочихъ девяти уѣздахъ обѣихъ губерній по два училища. Крайне полезно было бы устроить хотя при одномъ изъ такихъ училищъ въ каждомъ уѣздѣ обученіе необходимѣйшимъ въ народномъ быту ремесламъ, что, кромѣ прямой пользы, постепенно принесетъ народу освобожденіе отъ зависимости, въ которой онъ находится отъ поляковъ и жидовъ.

ж) Устроить одно низшее училище земледѣлія и садоводства, которое было бы величайшимъ благодѣяніемъ для народа. Для этого можно бы воспользоваться, напр., подуховнымъ имѣніемъ въ четырехъ верстахъ отъ г. Бѣлой, отданнымъ въ пользованіе бѣльскаго православнаго приюта, которому весьма не удобно управляться съ нимъ, такъ что попечительство отдаетъ его нынѣ въ аренду за 250 руб.

сер., тогда какъ въ немъ имѣется земли до 450 морговъ. „Общество поощренія народнаго труда,“ вѣроятно, не откажетъ бы въ своей помощи для первоначальнаго устройства этой школы.

в) Политическіе виды побудили правительство не допускать въ Варшавскомъ учебномъ округѣ должности почетныхъ попечителей учебныхъ заведеній. Необходимо допустить эту должность въ предѣлахъ Холмской епархіи, съ допущеніемъ къ этой должности русскихъ лицъ, владѣющихъ имѣніями, или домами, или поселившихся на жительство и извѣстныхъ правительству своимъ образованіемъ и благонадѣжностью.

и) Напомнить комиссарамъ по крестьянскимъ дѣламъ неоднократные циркуляры бывшаго учредительнаго комитета о содѣйствіи начальникамъ учебныхъ дирекцій въ заботахъ о матеріальныхъ нуждахъ училищъ.

2) Относительно среднихъ учебныхъ заведеній.

а) Выѣнить въ обязанность начальниковъ учебныхъ дирекцій заботиться о привлеченіи лучшихъ учениковъ начальныхъ училищъ въ педагогическія семинаріи и даже въ гимназіи. Достигнуть этого можно а) назначеніемъ учителямъ награды (изъ двухъ тыс. р. с.) за каждаго абитуриента и б) заботами объ обеспеченіи быта этихъ учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, для чего необходимо напомнить начальникамъ и педагогическимъ совѣтамъ этихъ учебныхъ заведеній о Высочайше дарованномъ этимъ дѣтямъ преимуществѣ на стипендіи, положенныя въ штатѣ гимназій (1450 р. с.), прогимназій (800 р. с.) и въ особенности педагогическихъ семинарій (3500 р. с.).

б) Сборъ за право ученія въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа составляетъ доходъ казны. Исключеніе сдѣлано только для первыхъ Варшавскихъ гимназій, мужской и женской, назначенныхъ для дѣтей русскаго происхожденія православнаго исповѣданія. Справедливость требуетъ, чтобы

бывшія греко-уніатскія гимназіи, назначенныя для дѣтей мѣстнаго русскаго населенія, теперь православнаго исповѣданія, пользовались тѣмъ же исключеніемъ. На эту сумму можно бы устроить пансіоны или общія квартиры для учениковъ, назначать имъ пособіе, снабжать учебными пособіями и т. п. Мѣстное учебное вѣдомство издавна ходатайствуетъ о предоставленіи сбора во всѣхъ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа въ пользу тѣхъ же гимназій. Но этотъ вопросъ продолжаетъ встрѣчать затрудненія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Полагаю, что выдѣленный изъ общаго по Варшавскому учебному округу вопросъ о бывшихъ греко-уніатскихъ гимназіяхъ не встрѣтитъ затрудненій.

в) Немедленно устранить изъ этихъ гимназій учителей польскаго происхожденія или лицъ съ неопредѣленнымъ исповѣданіемъ, называющихъ себя въ одномъ случаѣ православными, въ другомъ уніатами, въ третьемъ католиками. На мѣсто ихъ вызвать бывшихъ греко-уніатскихъ стипендіатовъ, служащихъ теперь или въ Варшавѣ, или въ имперіи. Спеціальныя суммы дали бы этимъ гимназіямъ возможность возвысить плату учителямъ за добавочные уроки и хотя отчасти устранить препятствіе къ приобрѣтенію надежныхъ русскихъ учителей.

г) Холмское женское училище принять въ ближайшее вѣдѣніе и попеченіе оберъ-прокурора Св. Синода, дабы вывести это училище изъ нынѣшняго неопредѣленнаго состоянія его и сдѣлать его пріютомъ для воспитанія дочерей духовенства, а не случайнаго контингента всякаго званія и состоянія дѣвицъ. При этомъ училищѣ слѣдовало бы открыть педагогическое отдѣленіе, въ которомъ дѣвицы, окончившія курсъ, могли бы приготовиться къ должности учительницъ, воспитательницъ и под. Окончившимъ курсъ въ педагогическомъ отдѣленіи этого училища слѣдовало бы предоставлять

преимущественное право на занятіе должностей класонныхъ дамъ и учительницъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Холмской епархіи.

Что касается учебной дирекціи, то необходимо было бы а) вмѣсто двухъ учебныхъ дирекцій установить въ предѣлахъ Холмской епархіи одну, что принесло бы незамѣнимыя выгоды единствомъ направленія училищъ и болѣе правильнымъ распредѣленіемъ въ епархіи учебныхъ выгодъ. Начальнику такой учебной дирекціи слѣдовало бы, по примѣру имперскихъ губерній, дать двухъ-трехъ помощниковъ, въ качествѣ инспекторовъ народныхъ училищъ, для возможно болѣе частаго посѣщенія училищъ, которое и теперь не возможно для одного начальника учебной дирекціи. б) Если бы найдено было, что общая педагогическая идея требуетъ возможно большей самостоятельности начальниковъ и педагогическихъ совѣтовъ гимназій и прогимназій и потому не допускаетъ усложненія инстанцій между гимназіей и центральнымъ управленіемъ, т. е. подчиненія ихъ вновь начальникамъ учебныхъ дирекцій, то нѣтъ никакихъ препятствій къ назначенію начальника учебной дирекціи въ Холмской епархіи на должность почетнаго попечителя гимназій и прогимназій, находящихся въ предѣлахъ той же епархіи, съ правами предоставленными почетнымъ попечителямъ въ гимназіяхъ имперіи.

3) Относительно высшаго образованія.

Двадцать стипендій, Высочайше назначенныхъ для бывшихъ греко-уніатскихъ воспитанниковъ въ университетѣ, предоставить и нынѣ въ пользу студентовъ изъ бывшихъ греко-уніатовъ. Эти стипендіи должны бы находиться въ распоряженіи не Варшаваго университета, но попечителя Варшавскаго учебнаго округа, при чемъ стипендіаты не были бы отъсвояемы непремѣннымъ условіемъ поступленія въ Варшав-

скій университетъ, но могли бы получать позволеніе для поступления въ университеты имперіи, подъ условіемъ представленія попечителю Варшавскаго учебнаго округа, въ концѣ каждаго учебнаго года, а) краткаго отчета о своихъ занятіяхъ въ университетѣ, б) свидѣтельства отъ университета о переходномъ испытаніи и в) свидѣтельства полиціи о поведеніи. Эти документы должны служить основаніемъ для продолженія стипендіи. Первоначальное ходатайство о предоставленіи стипендіи поступающему въ университетъ должно быть предоставлено директорамъ подлежащихъ гимназій.

ШКОЛЫ ПРИ СЕЛЬСКИХЪ ЦЕРКВАХЪ ВЪ КІЕВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Въ Кіевской губерніи, какъ и во всей Малороссіи, простой народъ до сихъ поръ называетъ домъ причетниковъ *школою*, дьячка, въ веселый часъ, титулуетъ *бакаляромъ*, паномъ *директоромъ*. Это показываетъ, что дьячекъ и его бѣдная хижина нѣкогда дѣйствительно были въ деревнѣ тѣмъ, что выражаютъ эти названія. Гораздо прежде конца 16-го вѣка, т. е. до начала систематическаго образованія въ Южной Россіи, видимъ при церквахъ приходскихъ, а также и при монастыряхъ *школы*, въ которыхъ дѣти прихожанъ обучаются церковному чтенію и пѣнію, обыкновенно подъ руководствомъ дьячка, въ отведенномъ для него домѣ, или же, въ болѣе значительныхъ мѣстахъ, напримѣръ городахъ, подъ руководствомъ нарочитаго *бакаляра*. Эти плоды выростали здѣсь, безъ сомнѣнія, изъ тѣхъ сѣмянъ, которыя вложены въ здѣшнюю почву Ярославомъ, заставлявшимъ „нарочитыя чяди“ (лучшихъ людей) отдавать своихъ дѣтей „на ученіе книжное“¹⁾, и поддерживались постоянною нуждою въ людяхъ грамотныхъ. И это были въ то время единственные разсадники русской учености, развивавшейся посредствомъ чтенія свящ. Писанія, сочиненій св. отцовъ и учителей Цер-

¹⁾ Лаврск. глгоп. стр. 65. Опис. Кіево-Софійск. соб., въ прилож. подъ № 41; о церковн. братствахъ въ Юго-Западной Россіи, сочин. священника Флерова, стр. 87.

кви, лѣтописей, сказаній и под. Въ концѣ 16-го вѣка, когда начали появляться и утверждать за собою право гражданства въ наукѣ школы братскія, значеніе школъ приходскихъ не уничтожилось, а только ограничилось. Тогда же мы находимъ и прямое указаніе на ихъ главную задачу и характеръ. Патріархъ Іеремія, ограничивая въ Львовѣ въ 1590 г. права частныхъ, прежнихъ учителей въ пользу новоустроенной школы браткой, оставляетъ однакожъ за священниками право „учить одного или двухъ дѣтей *для прислуги*, но не болѣе“ ¹⁾. Въ то время духовенство не составляло еще особаго сословія,—на служеніе Церкви могъ поступать каждый изъ прихожанъ, грамотный и обученный церковному богослуженію. Каждый священникъ и приходъ сами заботились, поэтому, о приготовленіи будущихъ священно- и церковнослужителей своей церкви. Каждый приходъ, такимъ образомъ, имѣлъ нужду въ школахъ, и школы эти имѣли главнымъ назначеніемъ своимъ приготовленіе для церкви „прислуги“, т. е. церковнослужителей, способныхъ потомъ занять и мѣсто священника. Въ 18 вѣкѣ мы ближе знакомимся съ этими школами. Въ каждомъ приходѣ, въ домѣ дьячка ютятся по нѣсколько мальчиковъ, преимущественно изъ сиротъ или же бѣднѣйшихъ прихожанъ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ дьячка, они изучаютъ букварь, часословъ и псалтирь. Навыкнувшій бѣглому чтенію часослова участвуетъ съ дьячкомъ на клиросѣ. Изучившій такимъ образомъ и псалтирь начиналъ практически обучаться церковному уставу и причетническимъ обязанностямъ: онъ прислуживалъ въ алтарѣ, читалъ псалтирь надъ покойникомъ, участвовалъ въ обхожденіи прихода *съ крестомъ, молитвою, съ св. водою* и во всѣхъ вообще церковныхъ требахъ. Кто пріобрѣлъ уже навыкъ въ этомъ служеніи, тому отъ прихожанъ и священника давался титулъ *поддьячого, марчука, псаломщика, цер-*

¹⁾ Памятн. Кіевск. ком. Т. III, № 5, пунктъ II.

кошники и под. Такихъ лицъ, кромѣ начинавшихъ изучать букварь, было въ приходѣ иногда по пяти и болѣе. Всѣ они слыли подъ названіемъ школярей, формально признавались отъ прихожанъ церковниками и, живя при школѣ, имѣлись ими въ виду при каждомъ вознагражденіи дьячка за требы церковныя, при частныхъ пожертвованіяхъ ему, при *рокованіи* и под. Цѣлюю всей этой жизни было добыть себѣ мѣсто пономаря или дьячка, какъ степени къ священству. Когда выбывалъ въ приходѣ дьячекъ, громада избирала на его мѣсто изъ *школярей* болѣе послужившаго и честнаго. На иного же, особенно честнаго и практичнаго, имѣвшаго законныя лѣта (30), падалъ выборъ и въ священники въ свой приходъ, гдѣ знали о его достоинствахъ. Не снискавшій благосклонности громады, своей или чужой, оставался школярюмъ и церковникомъ иногда до преклонныхъ лѣтъ.

Такимъ образомъ, сельскія школы, существовавшія на югѣ Россіи до конца 18 столѣтія, не были школами собственно народными; онѣ имѣли цѣлюю не столько образованіе прихода, крестьянъ, сколько болѣе приготовленіе церковнослужителей. Грамотность прихода была для нихъ дѣломъ постороннимъ, случайнымъ; богатый крестьянинъ поручалъ сына своего дьячку только въ видахъ роскоши; на грамоту смотрѣли въ деревнѣ, какъ на ремесло, назначенное въ удѣлъ тому, кто лишентъ возможности издѣтства навикнуть хозяйству. Съ другой стороны, это были школы грамотности — въ самомъ узкомъ ея значеніи. Тогдашняя наука первоначальная сказалась въ нихъ только своею голою формою, а не содержаніемъ, мыслію. Дѣти *учили* букварь, часословъ и псалтирь только для того, чтобы навикнуть чтенію и другихъ церковныхъ книгъ, участвовали при совершеніи обрядовъ, чтобы навикнуть уставу и приемамъ причетническимъ. Изъясненіе молитвъ, заповѣдей, символа вѣры, входящихъ въ составъ букваря, обрядовъ и пѣсней, положенныхъ въ

часословѣ, псалмовѣ Давидовыхъ, — все это не входило въ программу школы.

Въ такомъ видѣ сельскія школы перешли и въ настоящій вѣкъ. Академія Кіевская и семинарія Переяславская не могли уничтожить нужды въ нихъ, потому что, съ одной стороны, количество воспитанниковъ, искавшихъ собственно церковной службы, было слишкомъ не значительно въ сравненіи съ потребностями православнаго населенія всей почти Малороссіи, Бѣлороссіи и Галиціи, для которыхъ онѣ были единственными училищами православія, съ другой стороны — полученіе церковной должности въ приходѣ зависѣло тогда отъ выбора прихожанъ. Педагогическое значеніе дьячка не прекращалось въ деревнѣ и продолжало привлекать къ нему крестьянскихъ сиротъ, оставленныхъ безъ приюта и возможности практиковаться въ хозяйствѣ деревенскомъ¹⁾. Но оно значительно сѣзусилось, когда, съ присоединеніемъ этого края къ Россіи (1794), уничтожено право вольныхъ школярей на причетничество и священство; духовное сословіе стало и здѣсь строго отдѣленнымъ въ народѣ кружкомъ, за которымъ единственно осталась церковная служба всѣхъ родовъ.

Мысль объ образованіи собственно простого народа, о школахъ для крестьянъ часто являлась въ Россіи въ продолженіи прошлаго, особенно настоящаго вѣка. Но она падала, не успѣвъ выказаться опредѣленно; условія крестьянскаго быта и состояніе всего русскаго общества далеко не соответствовали ея требованіямъ. Рѣшительная попытка къ осуществленію этой мысли одѣлана въ первый разъ въ 1828 году самимъ правительствомъ; по Высочайшему повелѣнію, составлены тогда и разосланы повсюду правила для обученія крестьянъ. Но проходили годы, а къ заведенію школъ никто не приступалъ, и этой рѣшительной попыткѣ грозила участь

¹⁾ „Народ. Чтеніе“ 1860 года № 2. Письмо Тар. Гр. Шевченко къ редактору Народн. Чтенія.

ей предшествовавшихъ, если бы случай не вызвалъ участія въ ней духовенства.

Въ 1835 году Св. Синодъ, разсуждая о мѣрахъ къ ограниченію раскола въ Олонецкой губерніи, гдѣ онъ въ то время сильно началъ развиваться, и увѣрившись, что сила раскола держится единственно наружнымъ невѣжествомъ, призвалъ лучшею мѣрою къ прекращенію постоянныхъ совращеній въ расколъ обученіе простого народа истинамъ вѣры и духу церковнаго богослуженія. Поэтому, тогда же определено устроить школы для дѣтей крестьянскихъ, подъ надзоромъ духовенства, во всѣхъ епархіяхъ, гдѣ есть раскольники. Въ Кіевской епархіи считалось тогда около двухъ тысячъ раскольниковъ, поэтому распоряженіе о крестьянскихъ школахъ распространено и на нес. Двумя указами 1836 и 1837 года повелѣно при каждой церкви завести школы для крестьянскихъ дѣтей, по всей епархіи, подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ священниковъ и причетниковъ. Равнымъ образомъ, и каждый монастырь обязанъ былъ открыть такія же школы для дѣтей штатныхъ служителей своихъ. Касательно предметовъ и метода обученія указы эти не содержали ничего болѣе, кромѣ общихъ предписаній, выраженныхъ въ правилахъ 1828 года. Въ нихъ сказано: „обучать чтенію церковной и гражданской печати, а желающихъ и письму; между тѣмъ должно изучать на память молитву Господню, символъ вѣры, десять заповѣдей, стихъ „Богородице Дѣво“, къ чему учащій присовокупить краткое и самопростѣйшее изъясненіе оныхъ изъ катихизиса и главнѣйшія сказанія изъ свящ. исторіи, передавая сіе изъясненіе въ видѣ разговоръ и разказовъ, по временамъ и случаямъ возобновляемыхъ, безъ школьной принужденности и буквальнаго вытверживанія на память. Оказаавшимъ успѣхи въ церковномъ чтеніи въ праздничные дни велѣно „давать мѣсто на клиросѣ, приходячивать ихъ къ церковному пѣнію, и по возможности употреблять къ церковному чтенію“. Школы повелѣно было от-

крыть въ домахъ самихъ священниковъ или причетниковъ. Ученіе начинать 1 сентября и оканчивать 1 мая. Въ продолженіи четырехъ-мѣсячныхъ каникулъ дѣти должны были собираться въ школу по праздникамъ и воскресеньямъ для повторенія пройденныхъ уроковъ. Книжки должно было покупать на кошелековыя церковныя деньги. Ближайшій надзоръ за обученіемъ поручался мѣстнымъ благочиннымъ, которые обязаны были часто освѣдомляться о ходѣ ученія, дѣлать испытанія въ присутствіи помѣщиковъ и чрезъ каждое полугодіе доносить обо всемъ епархіальному начальству. Такія школы повелѣно было завести, гдѣ можно, и для дѣвочекъ, подъ надзоромъ священническихъ вдовъ.

Но когда приступили къ исполненію этого плана, то сразу встрѣтились съ множествомъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ показывало, что дѣло народнаго образованія еще впереди, что попытка къ образованію крестьянскихъ школъ не можетъ быть осуществлена безъ предварительныхъ и смѣлыхъ реформъ въ самомъ быту крестьянъ. Среда, вѣками закрѣпленная въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ чернорабочества, глядѣла на науку и грамотность, какъ на лишній для себя трудъ и потѣху въ обыкновенныхъ, сродныхъ ей занятіяхъ. Съ другой стороны, тогда же должно было открыться и то, какъ мало понята въ этой попыткѣ идея обученія народнаго, и какъ много должно было еще сдѣлать для уясненія ея. Укажемъ главнѣйшія затрудненія въ этомъ дѣлѣ.

Самое сильное изъ нихъ встрѣчалось въ отношеніяхъ крестьянъ къ своимъ владѣльцамъ. Крепостное положеніе этого края достигло въ то время, повидимому, послѣдняго развитія. Указъ 18 марта 1818 года, ограничивавшій произволъ владѣльцевъ и дававшій крестьянину довольно свободнаго времени¹⁾, не оставилъ здѣсь и слѣдовъ своихъ.

¹⁾ По этому указу, крестьяне должны были отбывать барщины—въ зимнее время по 3 дня отъ двора,—въ лѣтнее по 6 дней отъ души.

Произволь, послѣ неудачной попытки части польскаго населенія къ соединенію съ варшавскими и подольскими конфедератами (1831 г.), принялъ по мѣстамъ характеръ національной непріязни, недовѣрчивости, пророчившей неудачу каждому предпріятію въ пользу крестьянъ, требовавшему сочувствія владѣльцевъ. Крестьяне вообще обязаны были тогда работами на помѣщика во все дни недѣли, кромѣ праздниковъ и воскресныхъ дней, но этими послѣдними днями они сгѣшили воспользоваться для собственныхъ работъ, такъ что все возрастныя были заняты работами даже въ страстную седмицу, на которой едва могли улучшить одинъ день для исповѣди и приобщенія св. Таинъ. Крестьянскія дѣти, поэтому, начиная съ 8 лѣтъ, были необходимѣйшими помощниками своихъ родителей и воегда имѣли свои занятія въ домѣ, исправляя мелкія хозяйственныя работы, досматривая меньшихъ дѣтей и под. Но и эти послѣдніе, начиная съ 10-ти лѣтъ, уже получаютъ назначеніе въ хозяйство владѣльца и приставлялись—одинъ или нѣсколько къ комнатнымъ услугамъ, тѣ къ панскому гусятнику, курятнику, телятнику и под., другія къ плугу, боронѣ и проч. Поэтому не было никакой возможности примирить обязанности школы съ обязанностями крестьянства. Иной крестьянинъ радъ отпустить сына въ школу, но не можетъ поручиться за свободу его отъ работъ на владѣльца, и потому отсылалъ священника къ этому послѣднему. Владѣльцы большею частію, повидимому, не препятствовали ни крестьянамъ, ни священнику въ устройствѣ постоянной школы. Обученіе начиналось, ученики умножались въ школѣ; но пройдетъ недѣля, другая, и экономическій прикащикъ прекращалъ ея существованіе, назначивъ большей части дѣтей постоянныя занятія въ экономическомъ хозяйствѣ. Иные же владѣльцы презрительно относились къ самой мысли объ училищахъ для крестьянъ. Прямое содѣйствіе священникамъ въ учрежденіи школъ показали помѣщики: м. Кагорлыка (Кіевскаго уѣзда), м. Корсуни (Канев-

скаго удѣзда), с. Гопчицы (Сквирскаго уѣзда) и с. Ковшоватой (Таращанскаго уѣзда); въ этихъ мѣстахъ школы приняты подъ непосредственное вѣдѣніе самихъ помѣщиковъ и получили отъ нихъ воѣ средства (кромѣ с. Ковшоватой, гдѣ школа скоро упала), такъ что съ тѣхъ поръ онѣ не прекращаются доселѣ. Мы вовсе не беремся здѣсь рѣшать, на сколько дѣйствительна эта причина тогдашняго неуспѣха крестьянскихъ школъ; мы изложили это дѣло только такъ, какъ изложено оно въ формальныхъ донесеніяхъ епархіальному начальству, чтобы видѣть затрудненія, въ которыя поставилось тогда сельское духовенство распоряженіемъ о школахъ. Несомнѣнно только то, что на эти донесенія, предъявленныя владѣльцамъ чрезъ гражданское начальство, воплѣтъ удовлетворительнаго опроверженія въ свое время не послѣдовало.

Само сельское духовенство еще не могло уладить и успѣшно вести дѣло народнаго обученія. Дѣло это, повидимому, такъ простое и такъ непосредственно связанное съ прямыми его обязанностями, показалось для него новымъ, чуждымъ и вызвало множество болѣе или менѣе основательныхъ въ его положеніи вопросовъ, рѣшенія которыхъ оно напрасно искало въ окружавшей его средѣ и только истомлялось въ борьбѣ съ нею и съ самимъ собою. 1) Какъ вызвать въ крестьянахъ и владѣльцахъ согласіе на устройство и постоянное усердіе къ школѣ, когда крѣпостной бытъ и привычные, вѣками закрѣпленные обычаи стоятъ противъ нихъ, считаютъ обученіе занятіемъ лишнимъ, ничего не приносящимъ для нихъ и, напротивъ, только отнимающимъ рабочія силы? Думали подвинуть дѣло исключительно полицейскими мѣрами и отовсюду просили епархіальное начальство онесться съ гражданскимъ, чтобы оно *заставило* помѣщиковъ не отвлекать дѣтей отъ школы, а крестьянъ отпускать ихъ, снабжать учебниками, не прерывать ихъ занятій и под.

Не нужно говорить, насколько уладили бы это дѣло полицейскіе приемы. Но тогдашній священникъ, видѣвшій въ деревнѣ только личный произволъ и принужденіе и убѣждавшійся въ исключительной власти и силѣ полиціи, иначе и не могъ самъ собою рѣшать этого вопроса. 2) Какъ помирить трудъ въ отношеніи къ школѣ съ собственными хозяйственными занятіями? Прежде всего, какъ, безъ крайняго стѣсненія себя и своего семейства, помѣстить школу въ собственномъ домѣ, когда въ то время не было по деревнямъ для духовенства общественныхъ квартиръ, — каждый священникъ долженъ былъ имѣть собственный домъ со всеми хозяйственными службами, отъ чего многіе жили въ наемныхъ крестьянскихъ избахъ, объ одной комнатѣ, а строившіе ихъ на собственный счетъ не имѣли возможности построить ихъ болѣе, чѣмъ объ одной или двухъ комнатахъ? Большею частію, поэтому, требовали для школы общественнаго дома. Но понятно, какъ посмотреть на это требованіе въ деревнѣ, гдѣ самая мысль о школѣ казалась тогда странною и не совмѣстимою съ занятіями и потребностями крестьянина. Иные священники, по воспоминанію о минувшихъ временахъ, относя дѣло школы къ обязанностямъ дьячковъ, думали помѣстить ее въ домахъ сихъ послѣднихъ. Но если священникъ въ этомъ отношеніи былъ стѣсненъ, то дьячекъ гораздо болѣе. Обыкновенно, тогдашніе причетники, большею частію ведя холостую жизнь, были нахлѣбниками достаточныхъ крестьянъ, которые и давали имъ пріютъ, и кормили ихъ или за незначительную плату, или за *приучиваніе* ихъ дѣтей къ грамотѣ. Въ рѣдкой деревнѣ существовала школа; и это была жалкая избушка, съ покосившимися стѣнами, безъ всякихъ другихъ службъ, такъ что единственная въ ней комната служила вмѣстѣ и кухнею, и кладовою, и амбаромъ, подчасъ и сараемъ. Если и усаживали въ этой комнатѣ *школярей*, то не болѣе трехъ или пяти, но и тѣ безпрестанно прерываемы были въ своихъ усиліяхъ надъ *грамотою* то всегдашнимъ

шумомъ и хлопотами дьячковскаго семейства, то участіемъ въ хозяйственныхъ занятіяхъ дьячка. Таковы дѣйствительно и были большая часть изъ заведенныхъ и числившихся тогда въ епархіальныхъ отчетахъ школъ. Далѣе: какъ, безъ крайняго ущерба для собственнаго хозяйства, ежедневно, въ продолженіи большей части года, отрывать себя отъ него для занятій съ дѣтьми, когда, въ тогдашнемъ положеніи священника, хозяйство составляло преимущественное и почти исключительное средство его содержанія? Этотъ вопросъ смутно стоялъ въ мысляхъ тогдашняго духовенства сельскаго, возбуждалъ въ немъ разные толки, передавался епархіальному начальству и не находилъ прямого и близкаго къ нему рѣшенія. Отсюда, многія изъ тогдашнихъ школъ заведены были и считались только на бумагѣ; дѣти, разъ собранныя и поименованныя въ первоначальномъ списокѣ, отиѣчались дѣйствительно учащимися и на будущее время, собирались иногда *промовлять* молитвы и вообще принимались за занятія тогда, когда священникъ или дьячекъ улучалъ свободное отъ хозяйственныхъ заботъ время. 3) Какъ пріобрѣтать учебники? Духовнымъ начальствомъ разрѣшено было употреблять для этого церковную кошелевкую сумму. Но эта сумма въ большей части приходовъ оказывалась крайне не значительною, часто отъ 5-ти до 1 руб. сер., вообще всегда имѣла свое назначеніе въ постоянныхъ расходахъ церковныхъ. Почти всюду требовали, чтобы крестьяне на свой счетъ пріобрѣтали для своихъ дѣтей книги. Но, какъ бы въ отвѣтъ на такое требованіе, повсюду въ вѣдомостяхъ объ этихъ школахъ всегда читаемъ одну неизмѣнную замѣтку: „нѣтъ книгъ, и нѣтъ средствъ покупать ихъ“. Крестьянинъ не станетъ тратить денегъ, пока не увидитъ пользы практической отъ этой затраты. 4) Чему и какъ обучать? Къ чему направлять науку? Надъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ, повидимому, самыхъ трудныхъ, самыхъ основныхъ, нисколько однакожъ не задумывались. Курсъ и методъ обученія вѣками закрѣ-

племя былъ за деревнею; все тогдашнее сельское духовенство, какъ воспитавшееся въ Киевской семинаріи и училищахъ, такъ и не обучавшееся въ нихъ, не минуло этого курса и не знакомо было съ другимъ первоначальнымъ способомъ обученія. Его тотчасъ подняли и приложили къ дѣлу, нисколько не подозрѣвая его крайней отвлеченности для простолюдина и необходимости болѣе полного курса и болѣе близкихъ къ быту селянина приемовъ и приложений. Навыкнувъ бѣглому чтенію по часослову и псалтири, мальчикъ оканчивалъ полный курсъ ученія и возвращался навсегда къ обычнымъ деревенскимъ занятіямъ. Читать свободно другія церковныя книги онъ могъ только послѣ долгаго и усерднаго упражненія на клиросѣ. Никто не думалъ, что можно закончить съ механязмомъ чтенія надъ однимъ букваремъ, что, при изученіи въ немъ молитвы Господней, символа вѣры, десяти заповѣдей и счисленія евангельскихъ блаженствъ, дѣлъ милосердія и под., можно и должно объяснить мальчику кратко катихизисъ и внушить ему правила нравственности христіанской,—что при чтеніи часослова можно и должно раскрывать предъ нимъ духъ и требованія церковнаго богослуженія,—при чтеніи псалтири уяснить духъ церковной молитвы, различныя душевныя потребности и состоянія христіанина, многія нравственныя обязанности и под. и потомъ кратко изложить для него понятіе о св. Писаніи. Никто не думалъ о необходимости поддерживать и развивать въ мальчикахъ полученныя ими въ школѣ свѣдѣнія, посредствомъ чтенія книгъ, толкованія по праздникамъ дневныхъ евангелій, посланій апостольскихъ и проч., и проч.; *школяръ*, предоставленный самому себѣ, скоро забывалъ и грамоту и, сдѣлавшись ховяиномъ, жалѣлъ, можетъ быть, о потерянномъ времени. Съ этой стороны школы представлялись и для владѣльцевъ, и для крестьянъ, и для самого духовенства дѣйствительно бесполезными, отнимающими у нихъ только трудъ и время.

Можно послѣ всего этого понять, какъ вообще глядѣлъ крестьянинъ на школу. Не видимъ ни одного примѣра какого бы то ни было усердія къ ней, напротивъ, какъ всюду доносило духовенство, высказывалось рѣшительное равнодушіе и недовѣрчивость къ наукѣ. При ежедневномъ восьмимѣсячномъ отсутствіи изъ дома сына, крестьянинъ, во всякомъ случаѣ, терпѣлъ чувствительный убытокъ и въ пособіи хозяйственномъ, и въ средствахъ, часть которыхъ употреблялъ на покупку книгъ, на обувь и одежду для сына въ зимнее время. Но этотъ убытокъ ничѣмъ не вознаграждался для него, когда сынъ оканчивалъ науку, потому что приобретенныя имъ познанія не имѣли никакого приложенія къ хозяйству, къ религіозной его жизни, вѣками утвержденныхъ въ деревнѣ и получаемыхъ чрезъ преданіе. Въ головѣ крестьянина слагалось такимъ образомъ самое безотрадное понятіе о наукѣ, въ которомъ смутно бродили представленія: хозяйство, панщина, трата денегъ, трата времени.

Самое распоряженіе о школахъ для крестьянъ ограничилось только приказомъ завести школы и общимъ указаніемъ курса и метода обученія. Послѣ этого собирались только справки, сколько есть на лицо школъ, и почему не открыты онѣ въ другихъ деревняхъ; не видно, чтобъ духовенство получало отвѣты на многочисленные свои вопросы и затрудненія, никогда не видѣло у себя наставленій, какъ вести дѣло народного обученія въ частности, къ чему направлять его, какъ поддерживать и развивать въ дѣтяхъ вынесенныя ими изъ школы свѣдѣнія, какъ возбуждать въ деревнѣ охоту къ наукѣ, какъ улаживать свои хозяйственные интересы съ интересами школы и проч., и проч. Духовное правительство не могло не согласиться съ многими затрудненіями сельскаго духовенства, не могло не сознавать народной науки шире и глубже сухой, узкой и короткой программы 1828 года; но оно не могло отступать отъ ея предписаній, не могло затрогивать общественныхъ вопросовъ тогдашняго молчаливаго

времени. Положено было самое дѣло о школахъ держать какъ бы въ секретѣ, при учрежденіи училищъ „употреблять рѣшительныя, но не гласныя мѣры“. Самыя свѣдѣнія о школахъ требовались съ теченіемъ времени все рѣже, побужденія дѣлались все слабѣе и къ 1847 году совершенно замолкли. Первоначально предположено было Св. Синодомъ издать особый катихизисъ для деревенскихъ школъ; но это предпріятіе, какъ и сама мысль о школахъ, не дождалось своего исполненія. Все пособіе школамъ по Кіевской епархіи состояло только въ пожертвованіи въ каждую изъ нихъ по 8 экземпляровъ букварей одновременно. Тогдашніе свѣтскіе и два духовныхъ журнала (Христ. Чтеніе и Воскр. Чтеніе) тѣмъ болѣе не считали себя въ правѣ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ распоряженіе объ этихъ школахъ вызвано случайнымъ, непрямимъ обстоятельствомъ, и для цѣлей случайныхъ, именно для ограниченія раскола. Въ Кіевской епархіи оказались тогда раскольники только въ Радомысльскомъ уѣздѣ, въ г. Черкассахъ и въ г. Звенигородѣ, всего около двухъ тысячъ душъ. Гдѣ ихъ не было, тамъ спрашивали себя: къ чему жъ и школа? Все это показывало, что дѣло народнаго обученія тогда еще слишкомъ темно было понято воѣми, что для разъясненія и упроченія его необходимы были предварительныя и сильныя реформы, какъ въ быту крестьянскомъ, такъ и въ состояніи всего общества, и что школы, устроенныя на тогдашнемъ понятіи о нихъ, должны были пасть, несмотря на воѣ возможные старанія о поддержаніи ихъ.

Такъ и случилось. Школы, заведенныя въ Кіевской епархіи, существовали сомнительно, прерывисто: онѣ то являлись, то исчезали, снова формировались и снова прекращались. Многія изъ нихъ, имѣя по 4 и по 3 ученика, состояли исключительно изъ дѣтей священно-и церковно-служителей, однодворцевъ и солдатъ, составляясь такимъ образомъ и

независимо отъ высшаго распоряженія и побужденія; но при вопросахъ, для избѣжанія отвѣтственности, онѣ показывались существующими по предписаніямъ и вносились въ общій итогъ. Въ 1847 году послѣдній разъ кievская консисторія собирала о нихъ свѣдѣнія. Уманское духовное правленіе доносило тогда, что дѣти, не имѣя книгъ, въ особенности же будучи отрываемы родителями и помѣщиками, оставили ученіе, и всѣ школы, бывшія въ уѣздѣ, числомъ 34, закрыты. Такою же вѣсть сообщила и липовецкое духовное правленіе, въ уѣздѣ котораго закрыты были еще въ предыдущемъ году всѣ школы—21, равнымъ образомъ и правленіе васильковское, въ вѣдомствѣ котораго было 8 школъ. Это была послѣдняя формальность къ отношенію къ нимъ; дѣло сдано въ архивъ, откуда ни разу не отзывалось какимъ бы то ни было вопросомъ. А между тѣмъ, по вѣдомости 1858 года, изъ всѣхъ этихъ школъ оказалась существующею только одна въ с. Соловiевкѣ (Радом. уѣзда), и въ ней только 1 ученикъ. Числилась еще съ 1841 года школа въ с. Ступичной (Звенигородск. уѣзда), но намъ положительно извѣстно, что существующая теперь тамъ школа открыта только весною прошлаго года. Школы дѣйствительно и прочно существовали, хотя и не числились по вѣдомостямъ, какъ личное дѣло помѣщиковъ, только въ мѣстечкахъ Корсунѣ и Кагарлыкѣ.

Кромѣ крестьянъ помѣщичьихъ, въ Кіевской губерніи существуютъ и крестьяне вѣдомства государственныхъ имуществъ. Условія быта этихъ послѣднихъ много разнились тогда отъ условій крестьянина помѣщичьяго. Вмѣстѣ съ личною свободою въ отношеніи къ хозяйству, въ деревнѣ казенной возникалъ интересъ общественный, а вмѣстѣ съ ними являлись и средства общественныя. Духовенство, такимъ образомъ, не могло встрѣтить здѣсь тѣхъ неудобствъ, какія встрѣчены въ средѣ, скрѣпленной одною волею, допуская только свой интересъ. Поэтому школы являлись

здѣсь скорѣе, держались прочнѣе. Крестьяне заинтересованы были вѣстію о грамотности и болѣе или менѣе на первый разъ охотно отдавали дѣтей въ школы. Съ другой стороны, въ дѣлѣ этомъ приняло участіе и управленіе государственныхъ имуществъ. Циркуляромъ 21 апрѣля 1840 года, министръ государственныхъ имуществъ предписалъ кievской палатѣ, чтобы окружные чиновники и сельскіе головы дѣлали духовенству вспоможеніе въ заведеніи и устройствѣ школъ. Содѣйствіе это должно было выражаться, съ одной стороны, устройствомъ въ большихъ деревняхъ особыхъ домовъ для школы, съ другой — небольшими денежными суммами, изъ общественныхъ сборовъ, на покупку учебниковъ. При такомъ положеніи дѣлъ, въ 1843 году обученіе шло уже во всѣхъ приходяхъ казеннаго вѣдомства; всѣхъ школъ было заведено 109, учащихся въ нихъ считалось 1269. До 1840 года, пока школы эти считались единственно за духовенствомъ, положеніе ихъ, методъ и характеръ обученія не могли еще опредѣлиться и высказаться; школы только-что заводились, методъ и характеръ только-что хотѣли импровизироваться. Но едва приняли въ нихъ участіе сельскія власти, тотчасъ явилось направленіе опредѣленное, но далеко не среднее школъ, какъ мѣсту обученія религиозно-нравственнаго. Окружные чиновники и сельскіе головы увидѣли въ нихъ для себя возможность имѣть дешевыхъ писарей, и въ этихъ видахъ первые вмѣшались въ дѣло обученія и поставили на первомъ планѣ каллиграфію. Успѣвшіе въ этомъ ремеслѣ забирались въ окружныя, волостныя и сельскія правленія, служа здѣсь помощниками писарей, рассыльщиками и под. Палата государственныхъ имуществъ не могла не видѣть въ этомъ направленіи школъ большой выгоды и для себя, и потому распорядилась, чтобы лучшіе изъ успѣвшихъ въ каллиграфіи отсылаемы были для пособія палатскимъ писцамъ. Мальчики, помогая писцамъ, вмѣстѣ съ симъ практически знакомились съ формами бумагъ официальныхъ, съ

простѣйшими формами дѣлопроизводства и потомъ, въ награду за свой трудъ, производимы были въ волостные писаря, затѣмъ въ головы. Между 109 школами явились такимъ образомъ специальныя „школы писарей“, и на нихъ исключительно обращено было вниманіе, прочія же школы лишены были всякаго участія. Это направленіе съ перваго же разу не зарекомендовало школу въ глазахъ народа. Спосособный мальчикъ отрывался отъ хозяйства со времени вступленія въ школу до 20-лѣтняго и болѣе возраста. Иной никогда не дописывался въ палатѣ и до степени волостного писаря и возвращался въ домъ отца, вынося изъ всѣхъ занятій своихъ только непривычку и равнодушіе къ хозяйству. Но и достигнувшій писарства не радовалъ отца своимъ ремесломъ. У казенныхъ крестьянъ до сихъ поръ смутный взглядъ на писаря да и на все сельское чиновначаліе.... Отъ этого крестьяне потеряли довѣріе къ школѣ и перестали отдавать дѣтей своихъ въ науку. Въ 1843 году самъ министръ государственныхъ имуществъ циркулярно указалъ кіевской палатѣ на всю несообразность этого направленія школъ съ понятіемъ о воспитаніи и требовалъ немедленно исправить эту ошибку удаленіемъ каллиграфіи на послѣдній планъ и обученіемъ религіозно-нравственнымъ. Въ школѣ, говоритъ циркуляръ, „пусть дѣти пріобрѣтаютъ истинныя понятія о своихъ обязанностяхъ, предписанныхъ закономъ Божиимъ, и обо всемъ, что необходимо въ кругу сельскаго быта“.

Выстъ съ симъ циркуляръ давалъ новый видъ школамъ. Онъ предписывалъ на первый разъ оставить по одному училищу въ каждой волости тамъ, гдѣ можно имѣть хорошихъ учителей, затѣмъ постепенно открывать такія же училища во всѣхъ большихъ селахъ и мѣстечкахъ, разположенныхъ на большихъ дорогахъ, а потомъ открыть ихъ и во всѣхъ селахъ. Главною задачею обученія должно быть пріобрѣтеніе познаній, необходимыхъ крестьянину во всѣхъ его нуждахъ. „Дѣти—говоритъ циркуляръ—пріобрѣтаютъ ис-

тинныя понятія о своихъ обязанностяхъ, предписанныхъ законномъ Божіимъ, и *обо всемъ, что необходимо въ кругу сельскаго быта*". Въ этомъ выраженіи задача народнаго обученія понята хотя и наружно, но близко къ его идеѣ. Та только наука вѣрна и достигаетъ своей цѣли, которая отвѣчаетъ потребностямъ нашего быта. Она обнята въ этомъ положеніи даже, если угодно, совершенно полно, потому что имѣетъ въ виду удовлетворить всеѣмъ потребностямъ селянина, значить—и религіознымъ и, хозяйственнымъ, потребностямъ общественной и домашней жизни. Но циркуляръ не далъ программы для выполненія этой задачи и предписывать только во всемъ руководствоваться Высочайше утвержденными правилами 1828 года. Курсъ обученія, по этимъ правиламъ, долженъ состоять въ преподаваніи—1) *Закона Божія*, въ составъ котораго входили: а) изъясненіе молитвъ, б) краткій катихизисъ, с) свящ. исторія, d) изъясненіе литургіи,—2) *арифметики* (только, впрочемъ, первой части ея), 3) *русской грамматики*, куда относилось и *чистописаніе*. Теперь добавлены: *счетоводство* и *церковное пѣніе*, а въ женскихъ училищахъ *руководствіе*. Полный курсъ назначался въ 3 года. Обученіе должно начинаться 1-го сентября и оканчиваться 1-го мая. Лучшихъ изъ воспитанниковъ, по окончаніи курса, предписывалось отсылать въ межирѣцкую школу и на Горыгорецкую ферму для практическаго ознакомленія съ усовершенствованными способами хозяйства. Все содержаніе школъ производить изъ общественныхъ сборовъ. Наставниками должны быть или священники, или свособные изъ другихъ званій. Все управленіе школами этими поручено палатѣ, которая обязана была, кромѣ общихъ и постоянныхъ наблюденій, чрезъ окружныхъ и нарочитыхъ чиновниковъ постоянно повѣрять и улучшать обученіе. Такимъ образомъ, вся инициатива школъ перешла теперь изъ рукъ священниковъ въ руки чиновниковъ, въ вѣдомство палаты государственныхъ имуществъ, священники остались

исполнителями ея распоряженій. На этихъ новыхъ началахъ тогда же палата открыла 19 школъ мужескихъ и 14 женскихъ. До послѣдняго времени существовали только эти школы, предписаніе впредь открывать такія же школы въ большихъ селахъ, а затѣмъ и во всѣхъ деревняхъ, впоследствии не повторялось, а потому палата и не открывала ихъ. И вотъ, уже 17 лѣтъ существуютъ эти школы. Каждый годъ отпускается на содержаніе ихъ, изъ общественныхъ сборовъ, 4000 руб. сер., т. е. до сихъ поръ издержано на нихъ болѣе 60,000 руб. сер. Какой же процентъ далъ этотъ затраченный капиталъ? Даютъ ли онѣ народу истинныя понятія о его обязанностяхъ, удовлетворяютъ ли его потребностямъ? Въ концѣ 1859 года г. министръ государственныхъ имуществъ, „по личному удостовѣренію на мѣстѣ и по донесеніямъ нарочитыхъ ревизоровъ“, нашелъ школы казенныхъ крестьянъ въ жалкомъ состояніи (Ж. М. Г. Им. 1859 г. Декабрь; Ж. М. Н. Пр. 1860 г. Генварь. Смѣсь 34—39: Циркуляръ г. министра государ. имущ.). Представимъ здѣсь нѣсколько несомнѣнныхъ данныхъ о состояніи казенныхъ школъ Кіевской губерніи въ генварѣ 1860 года. Въ 19 училищахъ мужескихъ считалось тогда учениковъ 904, а въ 14 женскихъ 225, всего 1129. Въ каждомъ училищѣ наставникомъ мѣстный священникъ, помощниками его (гдѣ положено) ученики, уволенные изъ семинаріи. Въ фастовскомъ училищѣ и должность наставника занимаетъ уволенный изъ семинаріи. Въ женскихъ училищахъ должности наставницъ занимали вдовы чиновниковъ и военныхъ, въ *фастовскомъ*—дочь священника. Предметами преподаванія оставались, какъ и доселѣ остаются, тѣ же, которые указаны въ Высочайше утвержденныхъ положеніяхъ 1828 года, и даже съ сокращеніемъ, именно—въ нихъ не упоминается объ изъясненіи литургіи. Впрочемъ, въ вѣдомостяхъ школьныхъ предметы эти обозначаются большею частію такъ: *чистотисаніе, скоротисаніе, чтеніе, букварь, ариметика, счеты, молитвы,*

исторія, катихизисъ, русская грамматика, пѣніе, такъ что оцѣнокъ пестрится десяткомъ графъ, и учения представляются учащимся значительному числу предметовъ. Въ библіотекахъ всѣхъ училищъ считалось книгъ: а) учебныхъ: букварей 1925, прописей 855, священныхъ книгъ 1775, арифметикъ 709, аспидныхъ досокъ 81, счетъ 59; б) книгъ для чтенія 867. Въ училищахъ *новоселецкомъ* и *крыловскомъ*, а также и во всѣхъ (9) училищахъ Кіевского округа не было тогда ни одной книги для чтенія. Въ шести училищахъ не было аспидныхъ досокъ. Въ училищахъ *васильковскомъ*, *субботовскомъ* и *лесковскомъ* не было счетъ. Грамматикъ не было ни въ одномъ училищѣ. Въ отчетахъ училищъ *черныховскаго* и *ржевскаго* показано обученіе пѣнію; дѣвочекъ обучали рукодѣлію только въ двухъ училищахъ: *фастовскомъ* и *трипольскомъ*. Каждый годъ истрачивается на училищныя библіотеки болѣе 200 руб. сер. (въ 1859 г. употреблено на нихъ 289 р. 95¹/₄ коп. сер.).

Какъ шло въ этихъ школахъ обученіе? Въ генварѣ 1860 года въ *мартиновскомъ* училищѣ 39 мальчиковъ учили буквари, изъ нихъ 12 поступили въ школу въ 1859 году, остальные 27 еще въ 1858 году. Въ *шабельницкомъ* училищѣ, изъ учившихся тогда же только чтенію, 8 мальчиковъ поступили въ школу еще въ генварѣ 1857 года. Значить, ровно три года уже они учились чтенію! Точно такъ же и въ *бѣлозерскомъ* училищѣ, изъ 36 мальчиковъ, учившихся только чтенію, одни постушили въ 1858, другіе въ 1857 г. Трудно повѣрить этому факту, что у насъ учатся русской грамотѣ по 3 года, и кто знаетъ, можетъ быть, до сихъ поръ въ этихъ школахъ они еще не изучили ее! Не удивительно поэтому, что полный курсъ обученія для нѣкоторыхъ мальчиковъ удвоится: такъ, въ *шабельницкомъ* училищѣ въ 1860 году обучался одинъ ученикъ еще съ 1855 года, а въ *ржевскомъ* съ 1854 года! Несмотря, впрочемъ, на этотъ длин-

ный курсъ, въ рѣдкомъ изъ училищъ найдемъ „учащихъ“ грамматику и катихизисъ.—Какъ посѣщаются школы эти учениками? Въ генварѣ 1860 года 10 дѣвочекъ борщаговскаго женскаго училища ни разу не были въ немъ. Въ *скатеринославскомъ* училищѣ 34 мальчика тогда же цѣлый мѣсяць „не были“, въ *субботовскомъ* 15 мальчиковъ „не представлены родителями“, въ *фрастовскомъ* 2 ученика „не были по воспрещенію отца своего“. Подобныя явленія найдемъ въ каждомъ училищѣ.—Что касается самихъ отчетовъ объ этихъ школахъ, то въ нихъ, кромѣ голыхъ показаній количества учениковъ и предметовъ обученія, никогда не увидите замѣтокъ о методѣ преподаванія, о причинахъ успѣховъ или неуспѣховъ учениковъ. Педагогическихъ записокъ также не увидите, и ни изъ чего не видно, дѣлаютъ ли здѣсь что-нибудь для улучшенія въ курсѣ и методѣ преподаванія, для возбужденія энергіи и охоты въ учащихся, заботятся ли объ умноженіи и упрощеніи средствъ и способовъ къ умственному развитію дитяти,—не видно также, дѣлаютъ ли здѣсь что-нибудь для нравственнаго развитія дѣтей, какія употребляются мѣры для исправленія въ дѣтяхъ дурныхъ наклонностей, для возбужденія и поддержанія добрыхъ, раскрываются ли имъ обязанности ихъ круга и проч., и проч. Не видно также, какъ пользуются книгами для чтенія дѣти и всѣ вообще селяне, и пользуются ли они ими? что это за книги? нѣтъ ли нужды въ другихъ? руководствуетъ ли кто крестьянъ при чтеніи и под.? Всего этого отчетъ нисколько не касается.

Отчего же эти школы находятся въ такомъ неудовлетворительномъ состояніи? Въ нашей литературѣ утвердилось мнѣніе, что виною здѣсь всего зла—неумѣнье, неспособность, а большею частію и нравственные недостатки наставниковъ и ихъ помощниковъ, которые повсюду почти, въ Кіевской же епархіи исключительно, изъ духовенства. Въ концѣ 1859 г. это мнѣніе относительно наставниковъ изъ духовенства признано

и опубликовано по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ циркулярно (см. выше: циркуляръ г. мин. гоо. имущ. Ж. м. г. имущ. 1859 г. Декабрь). Даже долго колебались, оставить ли эти школы впередъ за духовенствомъ. Странно, вся инициатива школъ находится въ рукахъ чиновниковъ и палаты, а упрекъ въ несостоятельности школъ, въ дурномъ ихъ положеніи падаетъ на наставниковъ, которые въ нихъ имѣютъ значеніе чисто орудное. Если у кого хозяйство идетъ дурно, неужели виновна въ этомъ только прислуга? Предоставляя, впрочемъ, священникамъ самимъ дѣломъ оправдать себя отъ этого, очень гласнаго обвиненія, мы считаемъ необходимымъ указать на нѣсколько фактовъ въ положеніи нашихъ училищъ, которые могутъ служить къ объясненію заявленной министерствомъ неудовлетворительности сельскихъ училищъ казеннаго вѣдомства.

Отдѣльные дома для школъ находятся не вездѣ; иной школѣ приходится тѣсниться въ комнатѣ, далеко не приспособленной къ занятіямъ класснымъ, тѣсной и даже безъ лавокъ; съ другой стороны, ученье происходитъ въ осеннее и зимнее время (съ 1 сентября—по 1 мая), распоряженіе объ стошеніи школъ и прислугѣ зависитъ единственно отъ сельскаго управленія. Но отопленіе въ нихъ плохое, а гдѣ и вовсе не бываетъ; прислуги также или вовсе не бываетъ при школѣ, или она постоянно на работахъ у писаря, у головы и другихъ сельскихъ чиновъ. Отъ этого нѣкоторыя школы внутри похожи на хлѣвъ. Намъ привелось быть въ генварѣ 1860 года въ школѣ С. Ш.; она помѣщается въ одной изъ двухъ комнатъ дьячка и служить для него переходною, или переднею; отопленіе не знакомо ей; на земляномъ полу соръ, по стѣнамъ сырость и толстые слои намерзлаго снѣгу, равно какъ и на окнахъ,—двѣ лавки подъ стѣнами, обыкновенный хозяйскій столъ, тутъ же кадки съ кислую капустою и кислыми бураками, дѣжа съ водою, мѣшки съ зерновымъ хлѣбомъ и другія хозяйственныя принад-

лежности. Во всякое время семейство дьячка за всякими потребами ходитъ взадъ и впередъ по этой комнатѣ, ведетъ свой разговоръ и под. Гдѣ школа при сельскомъ управленіи или при квартирѣ помощника учителя, тамъ тѣ же самыя явленія, потому что такъ же точно некому о ней заботиться. Какъ же хозяину отпускать свое дитя въ такую школу? Далѣе: въ школѣ много мальчиковъ изъ другихъ деревень; эти дѣти имѣютъ квартиры у крестьянъ же. Весь бытъ этихъ квартирантовъ происходитъ единственно на взаимномъ условіи хозяина и родителей ихъ; никто не мѣшается въ положеніе ихъ—имѣютъ ли они выгоды и время для занятій, занимаются ли они уроками, имѣютъ ли они одежду и обувь и пользуются ли ею при всякой необходимости своей. Хозяинъ, обыкновенно, смотритъ на квартиранта, какъ на члена семейства; всѣ занятія членовъ семейства не минуютъ и его участія, его одежею пользуется здѣсь всякій мальчикъ, какъ общимъ достояніемъ. При этихъ условіяхъ, ученикъ рѣдко имѣетъ возможность бывать въ школѣ. Что же за пріятность крестьянину отдавать свое дитя на такую жизнь въ продолженіи цѣлой осени и зимы? Вотъ первая и важнѣйшая причина равнодушія крестьянъ къ школѣ, а также и причина не успѣха учениковъ. Крестьяне не охотно отпускаютъ дѣтей на жизнь въ холодѣ и голодѣ, на положеніе *пыхачей людскихъ*, какъ сами они выражаются объ ученикахъ-квартирантахъ, а дѣти не охотно ходятъ въ холодную и грязную школу, прерываютъ и вовсе покидаютъ ученіе. Вотъ почему въ отчетахъ такъ часто встрѣчаются глухія отмѣтки: „не были“, „не ходили“, или же съ поясненіемъ причины: „не былъ по неимѣнію обуви и одежды теплой“, „не представлены родителями“, „не былъ по воспрещенію отца своего“—и под. И не 2—3 въ школѣ такихъ ученика, а часто значительная цифра отъ 15 до 30 и болѣе (см. выше). Легко объясняется изъ этого и причина неуспѣха наставника. Онъ имѣетъ дѣло не съ постоянными учениками, а съ слу-

чайными. Иной ученикъ исправно ходитъ недѣлю, другую; а затѣмъ не является цѣлый мѣсяць; другой не возвращается съ праздника Рождества Христова и къ слѣдующей осени является, совершенно забывши выученное; третій держится весь годъ, на второй не является, на третій приходитъ такимъ же, какъ и въ предыдущій. Возможно ли въ такой школѣ распределеніе учениковъ по группамъ и правильное распределеніе занятій, когда, въ одной и той же массѣ и комнатѣ, одного нужно учить азбукъ, другого чтенію, третьяго молитвамъ, четвертаго счетоводству, пятаго чистописанію, шестого исторіи, катихизису, — о томъ, о другомъ, третьемъ, десятомъ предметѣ? Не диво опять, что у наставника ученики большею частію только „учатъ буквари“, рѣдкіе доходятъ до исторіи и только въ 2—3 училищахъ „учатъ“ грамматику. Не диво, если ученики „учатъ буквари“ по нѣсколько лѣтъ; они, зачислившись въ школу, не являются по году и по два, или въ продолженіи трехъ лѣтъ являются на короткое время, потомъ оставляютъ ученіе, забываютъ выученное, снова возвращаются, и снова начинаютъ съ а, б, в... И всему этому виною, какъ очевидно, рѣшительно не наставники.

Далѣе: первоначальное распоряженіе объ этихъ школахъ ничего не говорило о программѣ и методѣ обученія, палата сама отъ себя не разсылаетъ никакихъ педагогическихъ циркуляровъ и замѣтокъ. Правила 1828 г. довольно говорятъ о нравственныхъ качествахъ наставника, объ обхожденіи съ учениками и под., но и въ нихъ ничего не говорится объ учебной, вообще педагогической части. Священникъ остается въ совершенномъ недоумѣніи, можетъ ли онъ отъ себя дѣлать какія-либо измѣненія и улучшенія по этой части, можетъ ли онъ даже входить съ представленіемъ объ этомъ предметѣ, просить о введеніи новыхъ способовъ преподаванія, о замѣненіи старыхъ учебниковъ вновь выходящими, болѣе приспособленными къ пониманію дѣтей. Никто

не говоритъ ему, какъ приспособлять преподаваніе къ быту крестьянъ, чѣмъ поддерживать и развивать въ дѣтяхъ вынесенныя ими изъ школы свѣдѣнія, какъ вообще дѣйствовать изъ школы на всю массу и под. Далѣе: онъ приступаетъ къ обученію чтенію, а въ бібліотекѣ училищной существуютъ только грамматики да буквари, испачканные чѣмъ-то въ родѣ арбузовъ, бочекъ, ведеръ и под. Онъ хочетъ ознакомить дѣтей съ правилами грамматики и съ пѣніемъ; но въ бібліотекѣ „грамматическихъ наставленій—0“, „нотныхъ пѣній—0“.

Но вотъ нашелся ученикъ—другой, кое какъ чрезъ 5—6 лѣтъ прошедшій всю науку и вступившій на общую дорогу селянина. Какъ наставнику поддерживать и развивать въ немъ пріобрѣтенныя въ школѣ свѣдѣнія тамъ, гдѣ въ училищной бібліотекѣ „книгъ для чтенія 0“? Гдѣ же и есть эти книги, то онѣ большею частію ни по содержанію, ни по изложенію не приспособлены къ нуждамъ и пониманію крестьянъ, и выписка ихъ зависитъ отъ воли чиновника окружнаго и отъ палаты, безъ всякаго участія въ томъ дѣлѣ наставника.

Что касается тѣхъ изъ учениковъ, которые, по выходѣ изъ школы, посылаются на Горыгорецкую ферму или въ палату и потомъ являются въ деревняхъ хозяевами и людьми чиновными, то за ихъ поведеніе и нравственное направленіе ни школа, ни тѣмъ болѣе наставникъ не отвѣчаютъ, то и другое утверждается въ нихъ положеніемъ на фермѣ и въ палатѣ.

Не трудно вообще понять, какую роль занимаетъ наставникъ-священникъ въ положеніи школы, и виновенъ ли онъ въ общемъ неурядицѣ ея. Его положеніе здѣсь страдательное, онъ только исполняетъ, что опредѣлено другими, и исполняетъ такъ, какъ это возможно для него. То, что даетъ школѣ направленіе, жизнь,—весь порядокъ, вся инициатива ея находится въ рукахъ палаты и сельскихъ на-

чальниковъ. Въ этой-то средѣ и должно искать причины неудовлетворительнаго состоянія школъ. Но мы вовсе не думаемъ указывать эту причину въ какой-либо неблагонамѣренности этихъ властей, она заключается въ самомъ отношеніи ихъ къ школамъ. Мы не можемъ положительно сказать, что случилось бы съ этими школами, если бы они оставались до сихъ поръ въ рукахъ первыхъ своихъ учредителей-священниковъ, а начальство казенныхъ имѣній ограничивалось бы только матеріальнымъ пособіемъ имъ; но, вѣроятно, онѣ были бы иными. Мы видѣли, что священника не встрѣтили въ народѣ холодностію и недоувѣрчивостію, когда приступлено къ открытію школы; сами по себѣ школы тотчасъ явились въ каждомъ приходѣ казенномъ, учащихся въ нихъ было на 139 болѣе, чѣмъ въ январѣ 1860 года, и не было въ отчетахъ показаній, что ученики цѣлыми десятками поимѣнно не являлись въ школу безъ всякой причины, тѣмъ болѣе „по воспрепенію“ родителей своихъ. Народъ съ перваго разу сильно заинтересованъ былъ вѣстію о грамотѣ и школѣ и принималъ участіе въ распоряженіяхъ и планахъ священника, содѣйствовалъ ему совѣтомъ и под. Школа видимо могла сдѣлаться общественнымъ интересомъ, потребностью прихода. Если бы школы эти въ такомъ положеніи существовали и далѣе, т. е. какъ интересъ прихода, какъ его собственное дѣло, этотъ интересъ могъ бы укрѣпиться и развиться, обученіе сдѣлалось бы живымъ, близкимъ къ каждому дѣломъ въ народѣ, его потребностью, и такимъ образомъ школы сами въ себѣ носили бы зародышъ къ постоянному усовершенствованію своему. Но едва стали возникать самыя школы, едва начало высказываться живое отношеніе къ ней въ народѣ, какъ завѣдываніе школами отъ духовенства перешло къ писарямъ и головамъ подъ наблюденіемъ окружныхъ.

Настаиваніе на ненужной народу каллиграфіи, отсылка дѣтей въ сельскія, волостныя и окружныя правленія,

а также и въ палату вскорѣ поколебали въ народѣ возникшее участіе къ школамъ. Головы и писаря стали исключительными въ деревнѣ распорядителями нуждъ новой школы; тогда народу до нея не было дѣла, съ крестьянина строго высказали бы, если бы онъ вмѣшался въ какое-либо состояніе ея. Народъ и поставилъ себя къ школамъ въ такое же отношеніе, въ какомъ вообще онъ находится ко всякому приказу, ко всякой повинности и, безъ дальнихъ разсужденій, призналъ за нею враждебность и насиліе своимъ интересамъ, пользу только для чиновъ сельскихъ. Это уничтожило нравственную связь между школою и народомъ, крестьянинъ пренебрегаетъ обученіемъ и не хочетъ слушать чьихъ-нибудь толковъ о достоинствѣ и значеніи его.—Далѣе: сельскія власти блюли указы и правила о школахъ точно такъ же, какъ блюдутся и выполняются ими указы и положенія о взиманіи платежей, о распредѣленіи земель, общественныя повинности въ деревнѣ и под. Но не таковъ характеръ обученія. Онъ зарождается въ самыхъ короткихъ и свободныхъ отношеніяхъ учащаго и управляющаго школою къ учащемуся, въ пониманіи самыхъ частныхъ отношеній послѣдняго. Здѣсь необходима полная свобода и самостоятельность для учащаго и управляющаго, этимъ создается методъ, и вызывается нужда, желаніе обученія—корень и условіе успѣха въ обученіи. Официальность, одно буквальное выполненіе предписанія нисколько не создадутъ этого дѣла, но убьютъ его. Мы уже не говоримъ о томъ, что обученіе народное для многихъ изъ властей сельскаго управленія есть дѣло постороннее. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои прямыя и болѣе постоянныя обязанности—сохраненіе и улучшеніе казеннаго имущества и управленія крестьянами и въ исполненіи этихъ обязанностей поставляетъ всю задачу своей службы, предоставляя участь школы ближайшему попечительству головы и писари. А головы и писари?... Невѣжество смотреть на обученіе, какъ на обычную работу, не питаетъ

къ нему уваженія, не знаетъ, на что нужно настаивать, чему пособлять и под. Отсутствие участія и надлежащаго уваженія часто даетъ широкое мѣсто недобросовѣстности въ исполненіи лучшихъ намѣреній правительства.

Вотъ главныя и общія причины несостоятельности школъ казеннаго вѣдомства. Изъ нихъ естественно, кажется, вытекаютъ общіе и главные способы, при посредствѣ которыхъ можно бы исправить происходящіе отъ нихъ недостатки.

1) Необходимо возбудить въ народѣ довѣріе къ школѣ, нравственное уваженіе къ обученію. Это довѣріе и уваженіе никогда не явятся, если народъ не увидитъ школы *своею* потребностію, если онъ не призванъ будетъ къ участію въ ея интересахъ. Не вдаваясь въ подробности этого дѣла, мы только укажемъ здѣсь на одно изъ средствъ къ этому, выгода котораго скорѣе и прямѣе скажется. На западѣ Россіи школы въ 16 вѣкѣ учреждены братствами, онѣ ими же сохранены въ самое бѣдственное для православія время; можно бы и нынѣ въ селахъ учредить попечительный совѣтъ о школахъ, подобный братствамъ прошлаго времени. Члены этого совѣта, принадлежа къ числу почетнѣйшихъ прихожанъ, вмѣстѣ съ священникомъ заботились бы о благѣ школы, обезпечивали бы ея нужды и своимъ вліяніемъ поддерживали бы довѣріе къ школѣ и обученію. Тогда школа, какъ дѣло народное, болѣе была бы любима народомъ. Кромѣ того, въ каждой деревнѣ, гдѣ есть училище, полезно было бы избрать, при участіи лучшихъ хозяевъ и священника, достаточнаго и честнаго хозяина и, освободивъ его отъ сельскихъ повинностей, поручить ему всю экономическую часть училища. Онъ долженъ совмѣстно съ священникомъ заботиться о чистотѣ зданія, объ отопленіи, прислугѣ и мелкихъ школьныхъ потребностяхъ, каковы: таблицы, доски, бумага и под. Онъ долженъ также наблюдать за квартирами учениковъ, ихъ содержаніемъ, положеніемъ въ семействѣ хозяина и под. Вообще, онъ представитель и свидѣтель народнаго

голоса и требованія о школахъ. Писарь и голова должны быть не болѣе, какъ только членами школьнаго совѣта, а не полными распорядителями школы.

2) Устранивши механизмъ управленія школами, нужно вызвать въ нихъ постоянную педагогическую работу. Для этого инициативу обученія во всѣхъ школахъ поручить лицу, которое исключительно занято было бы однимъ этимъ дѣломъ на правахъ директора или инспектора школъ. Онъ не остается въ положеніи только поджидающемъ, не высматриваетъ только указовъ, циркуляровъ, замѣчаній вышнихъ, не формально только и не механически относится къ существующимъ правиламъ. Его задача—постоянное развитіе обученія. Онъ долженъ непосредственно наблюдать за преподаваніемъ, изыскивать простѣйшіе способы обученія, способы для нравственнаго развитія учениковъ, а также для поддержанія и развитія познаній, вынесенныхъ учениками изъ школы, и вообще для успѣшнѣйшаго проведенія образованія въ массу, возбужденія и развитія сочувствія къ школѣ и под. Тогда главной и единственной задачею школъ стала бы наука, и наука эта понимала бы свое назначеніе и цѣль, именно нравственное и умственное усовершенствованіе народа и удовлетвореніе всѣмъ потребностямъ его круга. Съ другой стороны, наставникъ-священникъ долженъ быть въ ближайшемъ отношеніи къ лицу, наблюдающему за школами казенныхъ имѣній, и къ нему, а не къ разнымъ властямъ казеннаго управленія входитъ какъ съ отчетами о своей педагогической дѣятельности, такъ и съ предположеніями объ улучшеніяхъ въ курсѣ и методѣ преподаванія и под. Подобные инспекторы сельскихъ училищъ должны быть въ каждомъ округѣ имѣній казеннаго вѣдомства.

Кто долженъ быть этимъ лицомъ, и къ какому вѣдомству инспекторъ этотъ долженъ принадлежать,—мы не определяемъ. Но считаемъ не излишнимъ замѣтить при этомъ,

что въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, гдѣ народное обученіе стало твердою ногою и приноситъ полные успѣхи, надворъ за сельскими школами предоставленъ сельскому духовенству, которое для сего въ каждомъ округѣ изъ среды себя избираетъ одного или двухъ инспекторовъ на три года. Съ своей стороны скажемъ, что наблюдатель-священникъ лучше можетъ знать способности и дѣятельность наставниковъ-священниковъ и болѣе имѣть вліянія какъ на нихъ, такъ и на сельскія общества. А если задача народныхъ школъ—религіозно-нравственное развитіе народа, то само собою очевидно, что и сельскія школы казеннаго вѣдомства не должны быть совершенно внѣ вѣдома епархіальнаго управленія, какъ стояли онѣ доселѣ, несмотря на то, что наставниками въ нихъ священники.

Съ тѣхъ поръ, какъ первая попытка къ обученію крестьянъ въ Кіевской губерніи обнаружила рѣзкія противорѣчія между дѣломъ и бытомъ нашихъ деревень и напередъ говорила о своей неудачѣ, до послѣднихъ годовъ произошли значительныя перемѣны въ положеніи сельскихъ священниковъ и въ главныхъ отношеніяхъ нашей деревни. Въ 1842 году сельскому духовенству Кіевской епархіи, какъ и другихъ западныхъ епархій, назначено постоянное жалованье. Это событіе предвѣщало въ жизни духовенства значительную перемѣну. До тѣхъ поръ ховяйство было главнымъ источникомъ содержанія нашего сельскаго духовенства, все его вниманіе, думы и заботы главнымъ образомъ посвящены были ховяйству. Знакомый съ потребностями болѣе разнообразными и духовными, нежели остальное населеніе деревни, священникъ, однакожъ, по своимъ занятіямъ, по всему строю жизни, почти ничѣмъ не различался отъ своихъ, думающихъ только о насущномъ хлѣбѣ, прихожанъ и такъ же, какъ и они, все лѣто потѣлъ на нивахъ, а всю зиму проводилъ въ заботахъ объ умолоткѣ хлѣба, о зимовкѣ скота, объ огородѣ, о починкѣ зданій хозяйственныхъ, о постоянныхъ работни-

кахъ для этого, прислугѣ на лѣто и под. Доходы отъ службы его въ приходѣ мало, или почти нисколько, не выигрывали для него времени и покоя. Жалованье было значительнымъ пособіемъ въ этомъ отношеніи; оно облегчало трудъ священника и оставляло ему болѣе свободнаго времени. Вмѣстѣ съ симъ, оно и самыхъ забывчивыхъ наводило на мысль о необходимости посвящать болѣе своего времени на прямыя обязанности пастырства. Перемѣна въ способахъ содержанія духовенства зарождала перемѣну въ отношеніи священника къ своимъ обязанностямъ: священникъ начиналъ болѣе прежняго вдумываться въ прямой свой долгъ. Съ 1845 года духовенство нашей епархіи получило новое пособіе. Это пособіе состояло въ слѣдующемъ: 1) всему причту назначены были постоянныя квартиры отъ прихожанъ, и всѣ расходы по содержанію ихъ отнесены на счетъ сельскаго общества; 2) отъ него же священники получили пособіе въ обработкѣ полей и уборкѣ хлѣба. Если мы предположимъ, что то и другое пособіе доставляется священнику исправно, то у него значительная часть времени остается для занятій дѣлами пастырства. Правда, исполненіе положеній 1845 года встрѣтило сильныя препятствія въ интересахъ владѣльческихъ экономій и самыхъ крестьянъ, обязанныхъ участвовать здѣсь своимъ трудомъ и капиталомъ, и большею частію произвело въ отношеніяхъ священника къ прихожанамъ, особенно къ владѣльцамъ, ссоры и непріязнь. Однако, все это принесло, по крайней мѣрѣ, ту особенную выгоду, что и въ самыхъ преданныхъ прежнему порядку людейъ вызвало и поставило на главномъ планѣ мысль о необходимости для сельскаго духовенства свободнаго отъ хозяйственныхъ трудовъ времени и объ употребленіи этого времени на занятія пастырства и учительства. И мы дѣйствительно видимъ, что съ тѣхъ поръ быстро начали развиваться въ нашемъ сельскомъ духовенствѣ интересы прямого его долга.

Около того же времени въ положеніи крестьянъ Кіевской губерніи произошли не менѣ важныя перемѣны. Въ 1845 году въ западныхъ губерніяхъ введены такъ называемые инвентари, т. е. правила для управленія помѣщичьими имѣніями. Между прочими выгодами отъ нихъ для крестьянъ, важнѣйшими можно назвать: 1) что дѣти ихъ до 14-ти лѣтняго возраста освобождались отъ барщины; 2) каждый крестьянинъ могъ свободно располагать половиною и болѣе дней въ недѣлѣ. Крестьянинъ уже отчасти входилъ въ новое положеніе, не знакомое его отцамъ, положеніе нѣкоторой свободы и независимости: новыя понятія, новыя душевныя ощущенія являлись въ немъ сами собою и освѣжали подавленную крѣпостнымъ трудомъ его душу. Въ Кіевской губерніи инвентари произвели цѣлый рядъ процессовъ между помѣщиками и крестьянами, въ которыхъ на половину виновно именно темное ощущеніе крестьянами свободы и независимости и неумѣнье помирить его съ внѣшнимъ долгомъ и зависимоію. Печальныя явленія 1855 года были самымъ крайнимъ развитіемъ и выраженіемъ этого душевнаго состоянія. Но вмѣстѣ съ симъ, послѣ каждаго неудачнаго и неправильнаго проявленія чувства свободы, крестьянинъ нашъ дѣлался внимательнѣе къ самому себѣ, болѣе вдумывался въ свое положеніе. Съ 1855 года произошла рѣшительная перемѣна въ этомъ отношеніи: крестьяне сознали безобразность этихъ выходокъ своихъ и, несмотря на послѣдовавшія затѣмъ мѣры правительства къ освобожденію ихъ изъ крѣпостной зависимости, до сихъ поръ нигдѣ не отступали отъ своего долга и спокойно ожидали будущей своей свободы. Спокойное ожиданіе естественно заставляло мысль ихъ вдумываться въ эту недалекую отъ нихъ, давно желанную, но все еще мало понятную для нихъ, будущность. Какъ жить самимъ по себѣ? какъ отвѣчать самимъ за себя? какъ вести свои дѣла съ другими обществами и людьми, стоящими далеко выше ихъ по развитію? Въ этомъ состояніи тревожныхъ и самыхъ жи-

выхъ вопросовъ каждое чужое слово о сущности и способахъ къ жизни въ будущемъ выслушивается и принимается съ полнымъ сочувствіемъ.

Такимъ образомъ, когда общественное мнѣніе, вслѣдъ за манифестомъ 1857 года о созваніи комитетовъ для обученія мѣръ къ освобожденію крестьянъ, заговорило о народномъ образованіи, какъ основной необходимости свободного и независимаго положенія, о необходимости какъ можно скорѣе приступить къ обученію крестьянъ, — въ Кіевской епархіи и духовенство, и крестьяне уже достаточно приготовлены были къ тому, чтобы прежде и живѣе другихъ мѣстностей отозваться на голосъ общественнаго мнѣнія самимъ дѣломъ. 1-го мая 1858 года открыта школа для крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ мѣстечкѣ *Торговицѣ* мѣстнымъ священникомъ, и тогда же явилось въ ней 30 учениковъ и ученицъ. 1-го ноября того же года открыта школа въ мѣстечкѣ *Ольховцѣ* священникомъ Николаевской церкви; тогда же явилось въ ней столько учениковъ, что многимъ пришлось отказать за недостаткомъ помѣщенія, оставлено только 22 мальчика; даже крестьяне сосѣднихъ деревень приходили съ просьбами о принятіи ихъ дѣтей въ эту школу. Крестьянинъ сразу понялъ, что ему грамота нужна такъ же, какъ и свобода; духовенство видѣло, что въ деревнѣ одно только оно могло служить проводникомъ грамотности, такъ какъ здѣсь оно только грамотно въ потребностяхъ и характерѣ русской національности, — знало, съ другой стороны, что первоначальнымъ, основнымъ обученіемъ для этихъ темныхъ людей должна быть наука вѣры и доброй нравственности, — что, значить, на немъ лежитъ долгъ первоначальнаго обученія крестьянъ. Школы, такимъ образомъ, готовы были возникнуть сами собою по всей почти епархіи: онѣ не являлись только потому, что наше сельское духовенство вообще еще не привычно къ общественнымъ начинаніямъ, къ самостоятельнымъ возбужденіямъ, съ другой — наши крестьяне все

еще въ рѣшеніяхъ о своихъ нуждахъ и переимѣнахъ поглядывали исключительно на помѣщиковъ. Дѣло, однакожъ, не могло оставаться не рѣшеннымъ. Митрополитъ Исидоръ (нынѣ с.-петербургскій), обозрѣвая Кіевскую епархію въ маѣ и іунѣ 1859 года, замѣтилъ это общее настроеніе и этотъ недостатокъ возбужденности и рѣшился перенести инициативу этого дѣла на епархіальное начальство. 31-го августа того же года онъ далъ предложеніе кіевской консисторіи: „Принимая во вниманіе настоящее состояніе Россіи, стремящейся къ образованію, я нахожу нужнымъ, чтобы сельское духовенство не было чуждо сего общаго движенія и по возможности старалось бы содѣйствовать ему распространеніемъ въ сельскихъ обществахъ полезныхъ знаній. Для сего предлагаю консисторіи распорядиться: 1) чтобы во всѣхъ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ еще не заведены училища, были открыты въ самыхъ домахъ священниковъ школы, если таковыхъ не будетъ устроено со стороны сельскаго общества; 2) чтобы въ школахъ сихъ учили чтенію и письму и преподавали Законъ Божій примѣнительно къ понятіямъ сельскихъ дѣтей“....—Это распоряженіе епархіальнаго начальства тѣсно совпало съ интересами мѣстной гражданской власти. Главный начальникъ края князь Васильчиковъ дѣятельно пособилъ мысли о школахъ для крестьянъ подъ надзоромъ священниковъ. Распоряженіе митрополита Исидора встрѣтило въ немъ горячее участіе; для вспоможенія быстро возникшимъ школамъ, онъ исходатайствовалъ Высочайшее разрѣшеніе для Кіевской губерніи 500 рублей серебромъ, и на эти деньги тотъ же часъ выписано было 10 тысячъ букварей для раадачи по всѣмъ приходамъ — бѣднѣйшимъ ученикамъ бесплатно, достаточнымъ съ платою, которая обращалась бы на выписку новыхъ букварей. Въ то же время онъ сносился съ помѣщиками, приглашая ихъ къ участію и вспоможенію священникамъ въ открытіи и содержаніи школъ, и вообще принималъ самое живое участіе въ рѣ-

рѣшеніи всѣхъ почти вопросовъ по этому дѣлу. Г. министръ государстве. имущ. разрѣшилъ (въ 1860 г.) доставлять всѣ учебныя пособія изъ остатковъ училищной суммы для школъ, заводимыхъ священниками въ казенныхъ деревняхъ. Такимъ образомъ, дѣло школъ въ Кіевской епархіи сразу стало предметомъ вниманія почти всѣхъ лицъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ простому народу. Съ прибытіемъ въ Кіевскую епархію высокопреосвящ. митрополита Арсенія (въ октябрѣ 1860 года), дѣло школъ быстро подвинулось, ставши самымъ близкимъ предметомъ его заботливости. Мѣры, принятыя имъ, имѣли быстрый успѣхъ. До вступленія высокопреосвященнаго Арсенія въ управленіе кіевскою паствою, въ ней было 385 школъ. Безъ средствъ, безъ матеріальныхъ пособій, дѣйствуя только словомъ убѣжденія на своихъ пасомыхъ, сельскіе священники, по наставленіямъ своего архипастыря, успѣли настолько, что къ 1 января 1861 года открыто было уже въ епархіи 1036 школъ, въ которыхъ учащихся было—мальчиковъ 16,269¹⁾, дѣвочекъ 4,654 (болѣе всѣхъ въ Васильковскомъ уѣздѣ: мальчиковъ 1,569, дѣвочекъ 406; менѣе всѣхъ въ уѣздѣ Звенигородскомъ: мальчиковъ 1,094, дѣвочекъ 161). Съ этого же собственно времени начались заботы и объ организаціи учебной части въ этихъ школахъ, которая до того времени предоставлена была единственно волѣ священника. Но мы не будемъ здѣсь подробно исчислять заботы въ этомъ дѣлѣ, не будемъ говорить объ открытіи при консисторіи особаго учебнаго стола, объ учрежденіи по уѣздамъ надзирателей школъ, о личныхъ пожертвованіяхъ высокопреосв. Арсенія въ пользу этихъ школъ и проч. Не будемъ также налагать здѣсь хода открытія этихъ школъ въ разныхъ мѣстностяхъ, средствъ, употребляемыхъ епархіальнымъ начальствомъ къ успѣшнѣйшему заведенію ихъ и под. Скажемъ только въ заклю-

¹⁾ Здѣсь разумѣются и школы по селамъ казеннаго вѣдомства.

чение: 1) Школы эти вызваны не частнымъ какимъ-либо обстоятельствомъ въ положеніи общенародномъ, всегда временнымъ и большею частію не имѣющимъ никакого отношенія къ той или другой мѣстности, какъ, напр., школы 1837—1847 гг. Съ другой стороны, онѣ не устроены на общихъ отвлеченныхъ основаніяхъ необходимости науки и вообще, не привиты къ народу насильно, не заказаны ему какъ повинность, своего рода барщина, но явились по естественному порядку развитія народнаго, какъ потребность жизни общественной, сознанная по крайней мѣрѣ въ общемъ ея представленіи. Итакъ, мы имѣемъ все основаніе надѣяться, что школы эти не подвергнутся участи прежнихъ,—что народъ Кіевской епархіи отселѣ положительно начинаетъ свое пробужденіе послѣ долгаго—долгаго сна.—2) Основа всякаго обученія, залогъ прочнаго развитія — вѣра и добрая нравственность, — это прежде и болѣе всего нужно въ наукѣ и жизни, сему прежде всего и нужно обучать каждого человѣка, имъ начинать самое обученіе грамотѣ. Такимъ образомъ, священники не чувствомъ челоѣколюбія только и долгомъ челоѣка, сознающаго себя единственно грамотнымъ въ неграмотной средѣ, но самымъ саномъ своимъ обязываются къ первоначальному обученію крестьянъ. Школа здѣсь имѣетъ одно и то же значеніе съ храмомъ въ отношеніи къ проповѣдничеству; тамъ книжка, здѣсь слово имѣютъ одну и ту же святую задачу. Итакъ, не только епархіальное начальство, но и все общество вправѣ ожидать отъ сельскихъ священниковъ полнаго усердія къ дѣлу школъ.

ЕЩЕ О НАРОДНЫХЪ ШКОЛАХЪ ВЪ КІЕВ- СКОЙ ГУБЕРНІИ.

(По поводу статьи г. Чечурина въ 72, 74, 76 №№ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей: Народныя училища въ юго-западномъ краѣ).

Мы прочитали вышедшую въ Кіевѣ маленькую брошюру: *Народныя училища гражданскаго вѣдомства въ Кіевской епархіи*. Авторъ ея коротко и просто, на основаніи *официальныхъ источниковъ*, излагаетъ причины и ходъ открытія этихъ школъ, указываетъ ошибки дѣла, кривые пути, которые дозволили себѣ исполнители его, и тѣ грустныя слѣдствія, къ какимъ неминуемо и непосредственно ведутъ они.—Въ то же время мы прочитали въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ статью г. Чечурина о томъ же дѣлѣ. Авторъ широко раскинулъ свой планъ и объясилъ все положеніе народныхъ школъ въ Кіевской губерніи. Но онъ излагаетъ это дѣло въ иномъ советѣмъ видѣ: онъ пишетъ апологію учебному вѣдомству, учредившему народныя гражданскія школы, и сильно обвиняетъ духовенство въ несправедливости и неискренности, съ какими оно будто отнеслось къ „раціональнымъ“ дѣйствіямъ его, въ невѣжествѣ и грубости, отъ которыхъ будто страдаетъ въ этой губерніи народное образованіе.—Кто правъ, кто виновенъ? Уже одно то, что, г. Чечуринъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій кіевского генералъ-губернатора

самъ же участвовалъ въ этихъ дѣлахъ учебнаго округа, былъ однимъ изъ агентовъ его (вмѣстѣ съ г. Туловымъ), слѣдовательно хвалить самого себя, заставляя посторонняго слушателя осторожнѣе относиться къ его симпатіямъ и антипатіямъ. А безусловность, съ какою онъ обвиняетъ духовенство, и въ которой слышатся только общія, старыя, избитыя фразы и ничего мѣстнаго, собственнаго, прямо дышитъ пристрастіемъ, предубѣжденіемъ. Г. Чечуринъ говоритъ въ концѣ своей статьи: „Надѣмся, что глубокое наше убѣжденіе, откровенно высказанное, оградитъ насъ отъ *несправедливыхъ* подозрѣній и *неблагонамѣренныхъ* обвиненій.“ Такая надежда не основательна; потому только, что мы убѣждены глубоко и высказываемся откровенно, нельзя напередъ называть всякое подозрѣніе несправедливымъ и всякое обвиненіе неблагонамѣреннымъ. Можно быть глубоко убѣжденнымъ въ томъ, въ чемъ нужно бы убѣждаться осторожнѣе и рациональнѣе, и что, при болѣе спокойномъ, правильномъ отношеніи нашемъ, дало бы иныя убѣжденія; можно откровенно высказывать то, чего вовсе не слѣдовало бы высказывать, что не справедливо. Наши подозрѣнія и обвиненія г. Чечурина въ пристрастіи и предубѣжденіи совершенно оправдались, когда мы повѣрили дѣло *подлинными* документами,—мы увидѣли, что онъ убѣдилъ себя поспѣшно и—въ несправедливости, откровенно высказалъ то, что на дѣлѣ далеко не такъ было. Незнакомый съ самимъ дѣломъ можетъ подумать, что г. Чечуринъ, какъ очевидецъ и участникъ въ немъ, знаетъ его хорошо и излагаетъ вѣрно. Статья его, поэтому, приобретаетъ особенное вниманіе, и мы рѣшаемся раскрыть подлинную степень справедливости ея.

Г. Чечуринъ обнимаетъ всю исторію школъ въ юго-западномъ краѣ и описываетъ сначала школы овященниковъ, а потомъ—процессъ учрежденія школъ министерскихъ, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, народныхъ.

Сначала онъ говоритъ объ учрежденіи приходскихъ школъ. Онъ напираетъ здѣсь на то, что *инициатива* этихъ школъ принадлежитъ *гражданской власти*,—что духовенство *не само взяло* на себя трудъ народнаго образованія, а онъ *возложенъ* на него,—что дѣятельность духовенства была въ этомъ дѣлѣ *не добровольная*, вызванная *не любовью къ ближнему и желаніемъ общей пользы*,—что правительственная власть возложила этотъ трудъ на духовенство только потому, что необходимость школъ „застигла ее (*насъ* выражается г. Чечуринъ) совершенно врасплохъ,“—что такъ поступила она только „въ крайнемъ случаѣ“. На этомъ онъ основываетъ потомъ оправданіе мѣстной правительственной власти, которая могла поступить съ школами священниковъ, какъ съ своею собственностью, основываетъ и обвиненія духовенства, которое не захотѣло въ послѣдствіи безусловно подчинить свои школы всѣмъ требованіямъ этой власти.—Что сказать объ этомъ? Народъ нашъ, до извѣстнаго манифеста, находился въ такомъ положеніи, что съ какой бы стороны ни подойти къ нему, вездѣ встрѣчались такіе щекотливые вопросы, которыхъ никто не въ силахъ былъ разрѣшить, кромѣ власти правительственной, замкнувшей въ своихъ рукахъ всякое чужое свободное возбужденіе. Само министерство просвѣщенія, въ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ своего существованія, ничего почти не сдѣлало въ этомъ отношеніи для народа. Даже, наконецъ, само верховное правительство не могло сдѣлать тутъ ничего. Екатерина II-я съ Бецкимъ долго мечтали о народномъ образованіи, но успокоились только на проѣктахъ и сочли лучшимъ обратиться къ Смольному институту. При Александрѣ I еще жарче взялись за это дѣло, и опять ничего не сдѣлали. Въ 1828 году Высочайше утвержденъ даже проѣктъ и программа народныхъ школъ, но на этомъ и покончили. Но кому же принадлежитъ у насъ честь перваго, дѣйствительнаго учрежденія народныхъ школъ? Духовенству. Еще въ 20-хъ годахъ въ южныхъ губерніяхъ

видны были слѣды народныхъ школъ въ каждомъ приходѣ. Въ свое время эти школы удовлетворяли тогдашнимъ потребностямъ народа, и между послѣднимъ было тогда несравненно больше грамотныхъ, чѣмъ въ настоящее время. Но мѣстная гражданская власть не хотѣла и знать этихъ школъ и школяровъ разгоняла, какъ бродягъ или какъ дармоѣдовъ. Крѣпостное право усилилось, отецъ не могъ располагать свободно и 8-лѣтнимъ сыномъ, помѣщикъ имѣлъ для него свою воегдашнюю *панцину*. Учитель такой школы, носившій названіе *директора*, занимавшій въ то же время должность церковнаго пѣвца, обреченъ только на эту послѣднюю должность, которая затѣмъ унижена въ глазахъ народа, осталась при одномъ названіи *дьячковства*. Каковы бы ни были эти школы, выдержавшія борьбу съ польскимъ гнетомъ, онѣ, при поддержкѣ, могли бы выполнить свое назначеніе, какъ выполняе его въ своемъ началѣ (16 и 17 вѣкѣ), онѣ поддерживали бы и развивали бы въ народѣ православно-русскій элементъ, какъ это дѣлали прежде, и нынѣшнія продѣлки польской пропаганды не застали бы никого „врасплохъ“. Но поддерживать ихъ не могла тогда никакая сила, кромѣ правительственнаго содѣйствія. *Правительственная власть* не старалась даже знать о нихъ, и потому онѣ воѣ уничтожились.—Съ 1835 года духовенство начало хлопотать о постоянныхъ школахъ для народа. Побужденіемъ къ этому для однихъ былъ расколъ, увлекавшій во многихъ губерніяхъ цѣлыя массы народа, для другихъ—простая и великая польза для народа отъ образованія. Къ 1843 году духовенство Кіевской губерніи открыло школы при каждой почти церкви. Но грустно вспоминать объ этихъ школахъ. Помѣщики приказывали палками выгонять учениковъ изъ школы *на панцину*, преслѣдовали священниковъ, разоряли ихъ хозяйство. Одинъ помѣщикъ Кіевского уѣзда, генералъ N., прямо запретилъ священнику своей деревни заводить школу и, потребовавъ къ себѣ письменное распоряженіе кіевской конси-

сторіи объ учрежденіи школъ, объявилъ, что отошлетъ его „къ губернатору для уничтоженія“. Такъ дѣйствовали тогда русскіе патріоты, нечего и говорить уже о шляхтичахъ. Все жалобы духовенства, просьбы о содѣйствіи оставались тщетными: гражданская власть, къ которой обращаемы были эти просьбы и жалобы, льстила патріотамъ—генераламъ, исправники и становые жили на хлѣбахъ у шляхтичей. Понятно, что школы эти не могли устоять. Остаются до сихъ поръ только тѣ изъ нихъ, которыя заведены священниками въ деревняхъ государственныхъ имуществъ, потому что министерство не стѣсняло ихъ, а въ 1843 году, по Высочайшему повелѣнію, взяло ихъ въ непосредственное свое управленіе. Наконецъ, явился манифестъ о созваніи дворянъ для освобожденія крѣпостныхъ. Прежде чѣмъ гражданская власть пришла къ мысли объ учрежденіи школъ, духовенство Кіевской губерніи по мѣстамъ уже открывало ихъ. Такъ, школа въ м. Ольховцѣ (Звенигородскаго уѣзда) открыта свящ. Вас. Олтаржевскимъ въ 1858 году; въ томъ же году существовала уже школа въ с. Ступичной (Звенигородскаго уѣзда), въ с. Соловѣевкѣ (Рад. уѣз.) и въ др. Дѣло это, по мѣрѣ приближенія завѣтнаго орока освобожденія, безъ всякаго сомнѣнія, развилось бы и устроилось само собою, безъ участія гражданской власти, которая, послѣ освобожденія крестьянъ, не такъ уже нужна для священника, только бы не мѣшала она ему.—Послѣ сего, какой смыслъ въ фразахъ г. Чечурина: духовенство *не само* взяло на себя народное образованіе, а оно *возложено* на него правительственною властью, — „дѣятельность духовенства въ этомъ дѣлѣ была *не добровольная*, вызванная *не любовью къ ближнему и желаніемъ общей пользы*, а возложена на него?“ Справедливо ли, что *инициатива* школъ народныхъ въ Кіевской губерніи принадлежитъ гражданской власти? Если гражданская власть, возбуждаемая съ одной стороны успѣхами польской пропаганды, съ другой стороны—напряженною, при всей матеріальной без-

помощности своей, дѣятельностію православнаго духовенства, поднялась, наконецъ, на подвигъ народнаго образованія и пригласила духовенство къ этому дѣлу, вовсе не знакомому для нея и давно знакомому для духовенства, которое столько хлопотало предъ нею объ этомъ прежде; то можно ли отрицать въ духовенствѣ любовь къ ближнему и желаніе общей пользы, а представлять его только черствымъ и пассивнымъ исполнителемъ распоряженій гражданской власти, которыя—прибавимъ при этомъ—не имѣютъ въ подобныхъ дѣлахъ для духовенства обязательной силы?—Далѣе: г. Чечуринъ утверждаетъ, что гражданская власть только потому обратилась къ духовенству, что сама застигнута была „врасплохъ“ (г. Чечуринъ и не подозревалъ, какой сарказмъ говорить онъ этимъ гражданской власти! Необходимость народнаго образованія, понятая турецкою и японскою гражданскою властью, давно провозглашаемая у насъ всѣми почти сословіями, кіевскую гражданскую власть, въ 1860 году, застигла „врасплохъ“), и находилась „въ крайнемъ случаѣ“ (опять комплиментъ!) и, значитъ, вовсе не желала бы видѣть народное образованіе въ рукахъ духовенства, не симпатизировала его вліянію на народъ въ этомъ дѣлѣ. Не то читаемъ въ официальныхъ отношеніяхъ князя Васильчикова къ епархіальному начальству въ 1860 году: въ нихъ щедро рассыпаны похвалы духовенству, подробно и опредѣленно (было, значитъ, время подумать) доказывается, что народное образованіе сроднѣе и ближе всего къ духовенству, что ни отъ кого другого нельзя ожидать такихъ успѣховъ для этого дѣла, какъ отъ священниковъ, которые одни могутъ положить прочныя основы для нравственнаго народнаго развитія. Выходитъ одно изъ двухъ: или г. Чечуринъ клеветаетъ на гражданскую власть и, значитъ, не заслуживаетъ довѣрія въ своихъ показаніяхъ, или же онъ обнаруживаетъ такія свойства въ прежней кіевской гражданской власти, по

которымъ никакой честный и прямодушный человекъ не долженъ имѣть довѣрія къ ней.

Перейдемъ къ первоначальному состоянію школъ, открытыхъ духовенствомъ въ каждомъ приходѣ. Г. Чечуринъ представляетъ его въ самомъ жалкомъ видѣ, онъ видитъ только недостатки, и притомъ самые крайніе и случайные, соединяетъ ихъ въ одно общее представленіе, исключющее всякое движеніе мысли и жизни, одуряющее и развращающее народъ, и это представленіе выдаетъ за вывѣтку самой сущности священническихъ школъ. Это состояніе приходскихъ школъ полагаетъ онъ прямымъ олдѣствиемъ того состоянія умственнаго и нравственнаго, въ которомъ находится духовенство. По мнѣнію г. Чечурина, вся послѣдующая дѣятельность гражданской власти и учебнаго вѣдомства въ отношеніи къ народному образованію завсѣла преимущественно отъ неспособности къ нему духовенства, и потому онъ старается возможно ярче представить эту неспособность его: умъ, нравственность, религіозность, администрація, домашній бытъ—все выдвинулъ онъ и представилъ въ безобразномъ видѣ. Мы не будемъ защищать духовенство отъ этихъ жалкихъ обвиненій, это значило бы сражаться съ мыльными пузырями, которыми бросаютъ въ васъ дѣти. Г. Чечуринъ положилъ себѣ цѣлю оправдать „дѣйствія учебнаго вѣдомства“ въ такомъ дѣлѣ, къ которому судьба привязала и его; но эти дѣйствія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть оправданы, если не будетъ обвинено духовенство, нужно, значитъ, обвинять изо всѣхъ силъ. Потому здѣсь и могли быть только общія мѣста, описанія и фразы, давно разбросанныя въ мѣкоторыхъ журналахъ и теперь въ невинности сердца повторяемые людьми, которыхъ притиснетъ нужда и безплодіе на половинѣ дѣла, о которомъ, по увлеченію, они ваялись написать статью.—Намъ могутъ возразить, что г. Чечуринъ лично наблюдалъ бытъ сельскаго священника и приходскихъ школъ, слѣдовательно говорить о свѣжихъ дѣлахъ. Посмо-

трите же на его опыты и наблюденія: указать ихъ начало и способъ—значить раскрыть степень вѣроятности тѣхъ описаній, которыя построены на нихъ.—Г. Чечуринъ однако, имѣя возможность лично дознаться то или другое, самъ не всегда полагается на овой опытъ и занимаетъ его у другихъ. Такъ, онъ обращается къ опыту *Помяловскаго*: „Бурсацкіе типы,“ чтобы доказать „безобразіе духовныхъ училищъ“—аргументъ весьма важный для него, потому что изъ него, какъ по маслу, плывутъ увѣренія, что духовенство не способно къ народному образованію, что оно только уродуетъ умъ и нравственность крестьянскихъ дѣтей. На этотъ опытъ мы и тогда не согласились бы, если бы вы признали, что, напр., „Губернскіе очерки“—*Щедрина* списаны съ вышшаго кievскаго чиновничества. Въ *Отеч. Запискахъ* тогда же объявили, что типы Помяловскаго крайне изуродованы и рѣшительно не вѣрны. Самъ же Помяловскій потомъ, когда нѣкоторые писатели признали его первый очеркъ за вывѣску современности, выразилъ свою досаду на нихъ и объявилъ, что его типы относятся къ давно минувшимъ днямъ. „И жаль, и досадно—говоритъ онъ въ заключеніи „Бурсацкихъ типовъ“—что нѣкоторые писатели заявили, будто я все исчерпалъ въ „Взнемемъ вечеръ въ бурсѣ“... Бурса будетъ въ моихъ очеркахъ, какъ и на дѣль было, постоянно улучшаться. Чтобы постепенно дойти до современнаго состоянія своего предмета, онъ требуетъ „восемь очерковъ,“ восемь степеней, и въ послѣднихъ обѣщаетъ вывести „симпатическіе типы,“ свѣтлыя стороны. „Но если придется,—говоритъ онъ,—ограничиться этими двумя очерками, то будетъ очень жаль, потому что читатель тогда не получитъ полнаго понятія о томъ, что такое бурса, и потому относительно составить о ней *ложное* представленіе.“—Въ другомъ случаѣ г. Чечуринъ, утверждая, что духовенство до того увко понижаетъ свои улучшенія, что ограничиваетъ ихъ одною матеріальною стороною, ссылается на духовные журналы. Но

кто читаль духовные журналы хотя въ теченіи 2—3 мѣсяцевъ, для того эта ссылка г. Чечурина покажется крайне легкомысленною и недобросовѣтною.—Такъ, онъ пользуется чужими опытами. Онъ знаетъ о нихъ по отрывкамъ, по слухамъ, передаваемымъ въ извѣстномъ кружкѣ, въ которомъ вся сумма представленій и выводовъ состоитъ изъ сплетней, потому что у него нѣтъ ни времени, ни охоты вникать въ дѣло.

Понятно, послѣ сего, каковы будутъ собственные опыты г. Чечурина, какая односторонность и ложь будетъ въ его наблюденіяхъ. Онъ крѣпко стоитъ на точкѣ аристократа—чиновничьей и преданъ ей въ невинности сердца, какъ единственному спасенію грѣшнаго міра. Съ этой-то точки онъ дѣлаетъ свои наблюденія, ею измѣряетъ достоинство каждаго предмета. Въ одномъ случаѣ онъ является глубоко вѣрующимъ въ образовательное и нравственное значеніе паркета, *сomme il faut*—наго общества, которое коробитъ одна мысль о домашнемъ хозяйствѣ, бѣдной хатѣ, обращеніи съ мужикомъ. „Священникъ *бѣденъ*—наблюдаетъ г. Чечуринъ—живетъ въ *тѣсной и бѣдной хатѣ*. Все время его, свободное отъ церковной службы и духовныхъ требъ, занято заботами о *хозяйствѣ и матеріальномъ его положеніи*. Такая жизнь—дѣлаетъ онъ выводъ изъ своего наблюденія—какъ навѣстно (кому же, кромѣ одного кружка?) *мало способствуетъ развитію духовной стороны чловѣка и убиваетъ всякую умственную дѣятельность*, не говоря уже о томъ, что отрѣшеніе отъ общества (какого же?) и пребываніе *въ грубой средѣ* (бѣдный русокій народъ! когда же, наконецъ, аристократическій ввортъ увидитъ въ тебѣ другую твою, овѣжую и здоровую сторону?) влечетъ за собою разные пороки.“ И такъ, священникъ, въ глазахъ г. Чечурина, находится въ умственной летаргіи, сталъ жалкимъ существомъ, потому что не ходитъ по паркетному полу, не живетъ въ хорошемъ обществѣ! Можетъ быть это, можетъ быть и совершенно

другое въ деревенскихъ обстановкахъ, такъ же, какъ и въ *хорошемъ образованномъ* обществѣ вырастаютъ и глупцы, и люди умные. Другой опытъ. Представивъ учебную и административную часть священническихъ школъ въ самомъ безобразномъ видѣ (съ точки аристократизма и типовъ Помяловскаго), а отсюда потомъ—необходимость для народа особыхъ школъ, онъ захотѣлъ сдѣлать все это голосомъ и желаніемъ самого народа. Кто же теперь изъ передовыхъ людей не прибѣгаетъ къ голосу народа? Но грустно смотрѣть, какъ они вытягиваютъ изъ народа его голосъ! Въ рукахъ г. Чечурина одно изъ могущественныхъ средствъ—заставить народъ дать такой голосъ, какой ему угодно, именно—чиновничество, онъ и держится всѣхъ правилъ бюрократизма. „Въ каждомъ селеніи—говоритъ онъ—есть *нѣсколько* передовыхъ крестьянъ, которыхъ можно назвать прогрессистами; весьма часто правдивый голосъ ихъ заглушается дикими и упорными криками невѣжественнаго *большинства*.“ Итакъ, въ цѣломъ обществѣ онъ выдѣляетъ для себя только нѣкоторыхъ лицъ и отъ нихъ хочетъ узнать голосъ народа; большинство, гдѣ кроется дѣйствительная мысль и нужда народа, онъ презираетъ, какъ дикое и упорное невѣжество. Но кто же эти лица—„передовые крестьяне, которыхъ можно назвать прогрессистами?“ „Они—говоритъ г. Чечуринъ о себѣ и о г. Туловѣ,—по пріѣздѣ въ селеніе, тотчасъ собирали *выборныхъ должностныхъ лицъ* и обращались къ нимъ..!“ Итакъ, старшины, десятскіе—вотъ „передовые крестьяне, которыхъ можно назвать прогрессистами.“ Какъ чиновникъ, онъ не хочетъ имѣть дѣла съ нечиновною толпою. Но кто же, кромѣ пьяныхъ чиновниковъ, не видитъ, что выборные чины у народа теперь не тѣ лица, которыхъ желалъ бы народъ, а тѣ, которыхъ подставили ему посредники, помѣщики и земская полиція,—что народъ поэтому не довѣряетъ имъ,—что эти простодушные хранители невѣдомаго имъ закона теряются въ присутствіи вышей власти и всякое слово ея

принимають, какъ приказъ, карающій за неисполненіе его? Но „передовые, прогрессисты“ созваны: наѣхали чиновники отъ губернатора, ступай слушать приказъ. Какъ же дознають эти чиновники отъ нихъ народный голосъ? Спрашиваютъ ли ихъ просто о мнѣніи народа? Нѣтъ, напередъ дадутъ имъ почувствовать весь ореолъ своего значенія, потомъ декламируютъ цѣлыя тирады о попечительности начальства, о благѣ народномъ отъ нея и проч., наконецъ уже спрашиваютъ—простодушный прогрессистъ даетъ имъ какой угодно отвѣтъ. „Они собирали... и обращались къ нимъ *съ тѣмъ* (!) о необходимости грамотности и о пользѣ просвѣщенія, въ чемъ крестьяне по большей части соглашались.“ Какъ это дико! Къ чему тутъ *тѣмъ*, въ которой мужикъ ничего не пойметъ? Вы говорили о пользѣ просвѣщенія, а вашими прогрессистамъ за спинами вашими видѣлся грозный становой приставъ, еще грознѣе событія, сопровождавшія предъ тѣмъ введеніе уставныхъ грамотъ. „*Затѣмъ* имъ предлагали учредить у нихъ народное училище“. Старшины, разумѣется, вполне согласились. „Всегда при этомъ имѣлось въ виду побудить крестьянское общество (съ которымъ вы и не видѣлись) участвовать въ дѣлѣ учрежденія училища какимъ-либо денежнымъ сборомъ“. Опять полное согласіе. Прогрессисты возвращаются по деревнямъ и объявляютъ: „царь приказалъ уничтожать священническія школы и заводить другія“. Народъ недоумѣваетъ, къ чему это, когда онъ доволенъ вполне священническою школою, ему отвѣчаютъ, что они и сами не знаютъ, къ чему это, но—„сами чиновники говорили,“ отвѣчаютъ они: Народъ упрямится, ему грозятъ наказаніемъ, напоминаютъ обстановки введенія уставныхъ грамотъ. Когда священникъ и. Мошенъ Левъ Крамаренковъ пришелъ на сходъ по этому дѣлу, то засталъ тутъ всѣ горькіе плоды рѣчей гг. Тулова и Чечурина: „какъ только кто изъ присутствовавшихъ крестьянъ начинаетъ говорить противное, старшина тотчасъ прерываетъ его сло-

вами: „мы уже разъ напуганы царскою волею, и теперь боимся и не слушать,“ напоминая тѣмъ о послѣдствіяхъ волненія по дѣлу уставныхъ грамотъ“. А гг. Чечуринъ и Туловъ, выѣхавши также послѣ своей рѣчи изъ селенія, доносятъ начальству, публикуютъ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ: „можетъ быть, мы ошибаемся? Можетъ быть, мы слишкомъ пристрастнымъ и поверхностнымъ взглядомъ окинули двухлѣтнюю дѣятельность сельскаго духовенства? Спросите *самихъ крестьянъ*: и они, при ихъ неравности, при всей ихъ нетребовательности, *скажутъ вамъ то же*; и это невыгодное, но вполне справедливое *мнѣніе ихъ* о теперешнемъ обученіи ихъ дѣтей доказываетъ сознаніе необходимости лучшей грамотности, основанной на болѣе прочныхъ и справедливыхъ началахъ“.

Вотъ опыты г. Чечурина, аргументы, на основаніи которыхъ онъ безусловно анаематствуетъ религіозность, умъ, нравственность и всю духовную дѣятельность сельскаго духовенства. Прибавимъ къ этому, что, передавая какой-либо фактъ, говорящій не въ пользу духовенства, онъ говоритъ: „въ *одномъ мѣстѣ*...!!, а защищая учебное вѣдомство выражается: (это одѣлано) „по *разнымъ* причинамъ“. Манера, скажутъ, деликатная: и ловкая, прибавимъ мы, потому что устраняетъ всякую возможность повѣрить фактъ.

Но мы должны еще, для полной обрисовки аргументовъ г. Чечурина, представить и логику его соображеній, при обвиненіи духовенства. Сразу вваливъ на духовенство всю вину неудовлетворительности школъ, онъ, чрезъ нѣсколько строкъ, вдругъ, самъ не сознавая, что это ведетъ къ уничтоженію только-что сказаннаго, рисуетъ непобѣдимыя трудности для успешнаго хода дѣла, за которое принялось духовенство. „Если у насъ весьма часто не исполняется законъ, напечатанный русскими буквами въ Сводѣ, то еще чаще не исполняются многія частныя распоряженія

правительства. Исполнители *очень ловко умѣютъ парализировать* дѣйствія распорядительной власти своимъ *нехотѣніемъ и небрежностью...*“ Это говоритъ онъ въ самомъ началѣ, когда приступаетъ къ оцѣнкѣ учебной дѣятельности духовенства. Но чрезъ 15 строкъ онъ уже забылъ объ этомъ свойствѣ духовенства и описываетъ заботою духовной стороны въ священникѣ, неспособность его къ обученію. Какъ же помирить *очень ловкое умѣнье парализовать* чужія мудрыя распоряженія съ душевною заботою, крайнею ограниченностью?—нехотѣніе и небрежность съ неспособностью и неумѣньемъ? Что-нибудь одно изъ двухъ: или не способно, или ловко отдѣлывается, хоть и можетъ. Но г. Чечуринъ не хочетъ сообразить (подобныхъ мелочей и ровно чрезъ столбецъ въ томъ же № газеты описываетъ то, что уже опровергаетъ оба эти противорѣчія, именно—что дѣло учрежденія и развитія школъ покинуто было всѣми соловіями края, боролось съ громадными препятствіями отовсюду и держалось только на рукахъ духовенства. „*Крестьяне или народъ... неприязненно и холодно* глядѣлъ сначала на усилія правительства (которое, однакожь, усиливалось только на бумагѣ) и духовенства обучить молодое поколѣніе“ (приводится нѣсколько отговорокъ крестьянскихъ, совершенно вѣрныхъ въ это время крѣпостной зависимости). „*Помѣщики*—польская шляхта, жившая крѣпостнымъ трудомъ южно-русскаго крестьянина, встрѣтила съ *недоброжелательствомъ* начинъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа. *Неприязненные отношенія ея къ нашему сельскому духовенству парализовали совершенно усилія послѣдняго* (усилія? а нехотѣніе и небрежность?! Парализовали помѣщики? А внутренняя сословная неспособность, духовная мертвенность священниковъ?!) склонить ее къ какимъ-либо матеріальнымъ пожертвованіямъ. Шляхтичи смотрѣли на это дѣло, какъ на совершенно имъ чуждое и *могущее* противудѣйствовать ихъ собственнымъ стремленіямъ и мечтамъ. Впрочемъ—сгнѣшить

онъ замять этотъ аргументъ, совершенно справедливый—понимая вполнѣ матеріальную несостоятельность вновь открываемыхъ школъ, а также *слабую ихъ сторону въ учебномъ отношеніи* (они рѣшительно не видали этихъ школъ!), помѣщики не дѣлали серьезныхъ препятствій.“ Но правда не отступчива: „но это отрицательное положеніе, въ которое они поставили себя относительно приходскихъ школъ, было, можетъ быть, *среднее противудѣйствіе*“. „*Другія сословія края* здѣшняго въ дѣлѣ учрежденія школъ грамотности при сельскихъ приходохъ *не участвовали*; остались къ нему совершенно равнодушными... *Общественная благотворительность*... также *не замѣтила* того бѣдственнаго положенія, въ которомъ находилось народное образованіе“. Со стороны *гражданскаго правительства*, „единственнымъ матеріальнымъ пособіемъ при учрежденіи этихъ школъ было извѣстное количество пожертвованныхъ букварей“. Что же—скажетъ безпристрастный читатель—можетъ сдѣлать тутъ хоть какой человѣкъ? При всѣхъ недостаткахъ этихъ школъ, духовенству нужно отдать полное сочувствіе и помощь за то, что оно одно удержалось среди общей антипатіи къ народному образованію и противудѣйствія ему... Нѣтъ, отвѣтитъ г. Чечуринъ, духовенство „очень ловко парализовало это дѣло своимъ нехотѣіемъ и небрежностью“, виновато одно оно...

Вотъ опособы, посредствомъ которыхъ г. Чечуринъ получилъ и передаетъ увѣренія, что духовенство не религіозно не нравственно,—что воспитаніе его самого, а отъ него и народа—безобразное, уродливое. Духовенство исполняло свой долгъ добросовѣстно: на первыхъ порахъ, побуждая всеобщее равнодушіе сословій, оно открыло повсюду въ своихъ домахъ школы, покупало книги для учениковъ на свой счетъ (кромѣ учебниковъ, народные журналы и др. сочиненія для простаго народа), нѣкоторые священники строили на свои деньги особыя училищныя дома, жертвовали для всѣхъ учениковъ полный уборъ. Въ учебномъ отношеніи школы свои

они довели до значительнаго по многимъ мѣстамъ совершенства, такъ что крестьяне государственныхъ имуществъ отбирали своихъ дѣтей изъ казенныхъ школъ, жители городокіе отбирали изъ приходскаго министерскаго училища (напр. въ Таращѣ) и отдавали въ сосѣднія священническія. Пломъ этой дѣятельности было то, что совнаніе необходимости образованія проникло въ массу народа, тогда какъ въ началѣ она холодно и недовѣрчиво глядѣла на призывъ къ образованію. Прогрессисты, соглашавшіеся съ словами гг. Тулова и Чечурина о пользѣ просвѣщенія, не съ неба же упали, но масса гораздо лучше ихъ понимаетъ это дѣло, что засвидѣтельствовала она, вслѣдъ за формальнымъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, многочисленными пожертвованіями на свои школы, постройкою домовъ для нихъ, наймомъ помощниковъ священникамъ и под., тогда какъ „прогрессисты“, разжирѣвшіе на выгодномъ хлѣбѣ, только глядѣли, нѣтъ ли въ этихъ оходкахъ народа чего-нибудь незаконнаго, за что власть можетъ оштрафовать и смѣнить ихъ самихъ. Только аристократо-чиновничій формализмъ и школьное педанство не могутъ замѣтить этихъ внутреннихъ вліяній и успѣховъ священническихъ школъ.

Переходимъ къ самому дѣлу, для оправданія котораго г. Чечурину необходимо было такъ глубоко унизить духовенство. Видно, дѣло непрямодушное. Чтобы раскрыть это дѣло, мы не будемъ напередъ, подобно г. Чечурину, прибѣгать къ отвлеченнымъ соображеніямъ о чиновничествѣ и учебномъ вѣдомствѣ,—не будемъ судить о первомъ по „Губернскимъ Очеркамъ“—Щедрина, о послѣднемъ, объ гимназическомъ и университетскомъ образованіи по описаніямъ „Ясной Поляны“ графа Толстого, а расскажемъ самое дѣло по живымъ документамъ.

Въ началѣ 1862 г. покойный князь Васильчиковъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ, не ожидая времени приведенія въ дѣло министер-

скаго проекта о народномъ образованіи, открыты такія школы въ вѣренныхъ ему губерніяхъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, *гдѣ населеніе православное смѣшано съ католическимъ*, и гдѣ потому духовенству *не удобно* имѣть школы для всего населенія. Такъ гласитъ формальная сторона этого дѣла. Но не секретъ другая сторона, толки и вліянія, вызвавшія это ходатайство. Учебное вѣдомство, спокойно почивавшее, пока дѣло школъ представляло огромныя трудности, теперь, когда эти трудности побѣждены духовенствомъ, явилась возможность предаться исключительно учебной сторонѣ школъ, оно стало предъявлять свои права и привилегіи на *народное просвѣщеніе* съ устраненіемъ отъ него духовенства. О взаимномъ участіи не было и рѣчи: люди, не видѣвшіе ни разу овященническихъ школъ, стали говорить, что священники не способны къ обученію народа, что они только уродуютъ крестьянскихъ дѣтей; недѣльные слухи выдавались за живой фактъ, мимолетный, узкій взглядъ какого-нибудь пролетарія—прогрессиста, накропавшаго безсвязную статейку въ газетѣ, принимаемъ былъ за сильный аргументъ; враждебныя духовенству мнѣнія посредниковъ—поляковъ, польско-католическихъ стремленій которыхъ сами прежде боялись, возбуждая духовенство противудѣйствовать имъ, теперь получали вѣсъ и значеніе. Словомъ, составилось то мнѣніе и описаніе школъ и духовенства, какое выдаетъ г. Чечуринъ за собственные наблюденія. Государь Императоръ повелѣлъ „школы духовенства оставить неприкосновенными, съ тѣмъ чтобы министерство народнаго просвѣщенія оказывало содѣйствіе преуспѣванію ихъ по мѣрѣ возможности.“ Г. министр народнаго просвѣщенія въ то же время писалъ къ попечителю Кіевскаго учебнаго округа: „1). Заботиться *не о числѣ, а больше о достоинствѣ* народныхъ школъ; 2). Стараться *устроить положеніе священниковъ въ этихъ школахъ такъ, чтобы мѣстное духовенство желало учрежденія ихъ, и чтобы приходскій священникъ считалъ себя въ награду*

учрежденіе въ его селѣ народной школы; 3). *Не привлекать въ нихъ учениковъ священническихъ школъ никакими мѣрами убѣжденія*; 4). При открытіи этихъ школъ имѣть въ виду, чтобы заботливость министерства о распространеніи ихъ не была принята, *какъ новое бремя на низшее сословіе*“. Очевидно, это распоряженіе не согласовалось съ тѣмъ, что желалось. Что же дѣлаютъ? Оставляютъ ли школы духовенства неприкосновенными? Идутъ ли къ миролюбивому соглашенію съ духовенствомъ?

11 мая 1862 года управляющій Кіевскимъ учебнымъ округомъ обратился къ высокопреосвященному Арсенію съ предложеніемъ слить школы, существующія при церквахъ, съ имѣющими открыться школами учебнаго округа. Это сліяніе понималось такъ, что учитель и главный распорядитель школы будетъ назначенъ учебнымъ вѣдомствомъ, которое переводитъ на себя и всю инициативу школы, священникъ остается только законоучителемъ, подчиненнымъ учителю. Раціонально ли было такое предложеніе? Мы уже не говоримъ о томъ, что имъ уничтожались школы священническія; во имя блага народнаго, можно было принять сліяніе, если бы оно принесло гораздо лучшее состояніе этимъ школамъ и разумное устройство. Но кто такой учитель и распорядитель школы, которому будетъ подчиненъ священникъ? Г. Чечуринъ ловко заходитъ общественное мнѣніе, называя этихъ учителей магическимъ титуломъ „молодого поколѣнія“; онъ боится описать познанія, способности и нравственное достоинство этого сорта „молодого поколѣнія“, и когда ему приходится рѣшительно сказать, что это „молодое поколѣніе“ — исключенные семинаристы и гимназисты, юнкера, дьячки, онъ просто душно увѣряетъ, будто не понимаетъ, что тутъ смѣшного, и, стараясь увѣриться, что тутъ рѣчь идетъ о званіи (?), смѣло отвѣчаетъ: „Мы не видимъ тутъ ничего смѣшного, и отвѣчаемъ, что въ педагогической школѣ (въ которой обучали этихъ лицъ методамъ преподаванія) есть люди, отъ ко-

торыхъ не требуютъ ни дворянскихъ метрихъ, ни аттестатовъ, весьма часто свидѣтельствующихъ о препровожденіи времени въ извѣстномъ учебномъ заведеніи, а требуютъ опредѣленныхъ (въ чемъ же? Нигдѣ объ этомъ не говорится у него) показаній и желанія посвятить себя дѣлу народнаго образованія... Вѣдь предлагаютъ же образовать учителей для народа *изъ среды самого народа.*“ Словоохотливый въ описаніи духовной стороны священниковъ, г. Чечуринъ вотъ какъ обходитъ ту же сторону новыхъ народныхъ учителей. Пишущій эти строки весьма хорошо знаетъ многихъ изъ бывшихъ учениковъ педагогической школы и нынѣшнихъ народныхъ учителей. Двое изъ нихъ—числившіеся два года вольнослушающими въ университетѣ, а одинъ окончившій курсъ семинаріи. Эти три кандидата были такою очастливою находкою для учебнаго вѣдомства, что для нихъ сочли никакимъ пройти трехмѣсячный курсъ педагогической школы и отправили ихъ на первыя мѣста тотчасъ по заявленіи ими желанія. Но эти лица (да простятъ они намъ) ни въ какомъ случаѣ не идутъ въ рядъ съ обыкновеннымъ священникомъ. Но если эти 3 лица были находкою, то что сказать объ остальныхъ? Одинъ изъ нихъ исключенъ изъ семинаріи въ 50-хъ годахъ и, до поступленія въ педагогическую школу, былъ дьячкомъ; и этотъ оказался лучшимъ изъ 40 учениковъ школы, и потому опредѣленъ учителемъ вслѣдъ за первыми. Другіе ученики этой школы—исключенные изъ 5 класса семинаріи и изъ гимназіи, юнкера и под. Какія же у нихъ *опредѣленные* познанія? Къ чему туманить людей, приписывать этимъ лицамъ „желаніе *посвятить* себя дѣлу народнаго образованія,“ когда имъ просто некуда было дѣваться, рады готовому куску хлѣба, а между тѣмъ предлагаютъ 100 руб. отъ министерства, 100 руб. или и болѣе отъ общества, также квартиру, огородъ и съѣстные припасы, участокъ поля (содержаніе, превышающее окладъ профессора семинаріи!)? Въ педагогической школѣ этихъ

лицъ обучали методамъ преподаванія въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ и менѣе. Обучаютъ, напр., методамъ преподаванія русской исторіи того, кто не слушалъ самой исторіи! или же о методахъ преподаванія русскаго языка такихъ лицъ, которыя пяти словъ не умѣютъ написать грамотно! И всѣ такіе учителя поѣхали на службу—просто, Америку открывать! Было ли бы рациональнымъ подчинять такимъ учителямъ священниковъ? Въ с. Исайкахъ священникъ Кремниокій, окончившій курсъ семинаріи студентомъ, былъ шесть лѣтъ учителемъ въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, а учебное вѣдомство послало туда учителемъ бывшаго дьячка! Въ с. Гребенкахъ священникъ имѣетъ академическую степень кандидата богословія—какой же смыслъ подчинять его исключенному ученику, котораго туда послали учителемъ?! Что касается нравственности этихъ учителей, которая въ народномъ учителѣ едва ли не важнѣе образованія умственнаго, то учебное вѣдомство не представляло никакихъ ручательствъ за нее. „Влѣзть въ чужую душу,—говоритъ г. Чечуринъ съ точки чиновничьяго формализма,—трудно (вотъ бѣда!), но въ государствѣ есть законъ, который караетъ преступленіе и охраняетъ соблюденіе гражданскихъ и нравственныхъ обязанностей“. Насколько въ этой наивной фразѣ знакомства съ духомъ и силою преподаванія, видитъ всякій нечиновникъ и не невѣжда. Будете поджидать, пока становой привезетъ вамъ мнимаго возмутителя народнаго. Дальше съ государственнымъ закономъ не пойдете, духъ обыкновеннаго нравственнаго вліянія не доступенъ ему. Учителя новыхъ народныхъ школъ—исключенные изъ разныхъ вѣдомствъ, или совершенно не имѣвшіе хода въ нихъ, а потому далеко не развитые нравственно. Въ своемъ дѣлѣ они предоставлялись самимъ себѣ, будучи удалены отъ мѣстъ учебнаго вѣдомства. По воѣмъ этимъ причинамъ, его высокопреосвященство кievскій митрополитъ Арсеній соглашался на слияніе церковныхъ школъ только съ условіемъ—подчинить новыхъ учителей

священникамъ и духовнымъ наблюдателямъ школъ. Въ случаѣ несогласія на такое оліяніе, митрополитъ предложилъ г. попечителю открывать особыя школы, общая дѣль въ нихъ особыхъ законоучителей, съ жалованьемъ, какое можетъ дать учебное вѣдомство. Г. Чечуринъ желчно описываетъ это послѣднее предложеніе. Но онъ забываетъ то, что оно вынуждено самимъ учебнымъ вѣдомствомъ. Каждый священникъ занятъ своимъ приходомъ и школою, возлагать на него преподаваніе еще въ министерской школѣ было бы не всякому по силамъ; поэтому необходимо было раздѣлить этотъ трудъ, иначе дѣло не пошло бы успѣшно ни въ той, ни въ другой школѣ. Тяжело духовенству дѣлить скудные доходы прихода, но оно принесло вамъ эту жертву. Притомъ же, новые законоучители назначались не по принужденію, а по оубодному согласію. Учебное вѣдомство удѣлило имъ 50 руб. сер. въ годъ, и г. Чечуринъ скорбитъ, что это цифра большая! Но почему же для учителя не большая цифра 100 р. отъ министерства, 100 отъ общества, квартира и проч.? Если вы заботитесь „не о числѣ, а о достоинствѣ школъ“, какъ говоритъ министръ, то нѣтъ мѣста вашимъ жалобамъ на скудость отпущенныхъ вамъ суммъ (5 т. р. сер.). Но достоинство поставлено на второмъ планѣ, главное—число...

Г. попечитель Кіевокаго учебнаго округа не далъ опредѣленнаго отвѣта на условія митрополита. Признали не рациональнымъ подчинять новыхъ учителей священникамъ—соединить свои учебныя средства съ нравственнымъ вліяніемъ, какимъ пользуется въ деревнѣ священникъ, и какого никогда не могутъ имѣть эти учителя, а, значить, и удовлетворять нуждамъ деревни, давать силу и значеніе образованію. Учитель такой достигнетъ апогея своей славы, когда наплодитъ въ деревнѣ бойкихъ знатоковъ ариметики, русскихъ склоненій и спряженій, князей и царей; знаніемъ городовъ, рѣкъ и под. въ Англии, Франціи; больше этого онъ не въ силахъ сдѣлать, какъ по количеству, такъ и по характеру своихъ

свѣдѣній, вынесенныхъ изъ 5—6 класса гимназіи или семинаріи (будучи притомъ въ нихъ худшими учениками), отрывочныхъ, не представляющихъ для крестьянина очевидной связи съ дѣйствительными, насущными потребностями его. Какимъ образомъ—спрашиваетъ и теперь крестьянинъ—знаніе Азіи и Африки, Англіи и Франціи улучшить его матеріальный бытъ? Какъ можетъ знаніе склоненій и спряженій и равныхъ былей и небылицъ сдѣлать его честнымъ человекомъ, лучшимъ, чѣмъ онъ теперь? На всѣ эти оправдательныя требованія школа не даетъ отвѣта ему, потому что не имѣетъ его въ себѣ: во всѣхъ школахъ эти предметы не имѣютъ образовательнаго значенія, а только готовятъ ученика для другихъ, высшихъ наукъ, образующихъ его и не возможныхъ въ нынѣшней деревенской школѣ, между прочимъ и по той простой причинѣ, что сами учителя ихъ не проходили или знаютъ въ предѣлахъ только учебника. Черезъ два-три года и лучшіе ученики забудутъ и склоненія, и спряженія, забудутъ *говорить по-русски*, дѣлать дробы и именованныя числа, будутъ полагать Парижъ въ Китаѣ, а Пекинъ въ Россіи, останутся тѣми же мужиченками, какими ихъ сверстники, не бывавшіе въ школѣ, а отцы ихъ будутъ грустно поговаривать, глядя на нихъ: „и правда, что наука бесполезна.“ Эти познанія не принесутъ никакой пользы не потому, чтобы они были сами въ себѣ для крестьянина бесполезны, но потому, что они сами получаютъ свою жизнь и силу изъ другой науки, основной при первоначальномъ образованіи, возбуждающей міросозерцаніе, развивающей интересъ къ знанію, стремленіе искать и усвоивать полезное въ природѣ, книгѣ и проч. Что же способно выввать эту силу въ душѣ крестьянскаго дитяти, оживлять и двигать его способность пониманія? Укажемъ здѣсь на опытъ человѣка, долгая и неоцѣненная практика котораго надъ образованіемъ крестьянскихъ дѣтей, его глубокія познанія въ народной педагогіи признаны людьми, вполне изучившими народъ,—графа

Л. Н. Толстаго. Всѣ познанія, какія передавалъ онъ своимъ ученикамъ, усвоились ими холодно, механически: училъ онъ „грамотѣ, объяснялъ явленія природы, рассказывалъ, какъ въ азбукахъ, что плоды ученія сладки“, читалъ русскую исторію, принимался за всеобщую и географію, — выходили отвѣты часто бойкіе, но отвѣчавшій видимо не понималъ дѣла, всѣ были безучастны къ познанію и скоро забывали выученное. „Я попробовалъ читать имъ библію, и вполнѣ завладѣлъ ими. Они полюбили и книгу, и ученье, и меня. Мнѣ оставалось только руководить ими дальше.“ Возобновились потомъ прежнія науки, и пошли весьма успѣшно. Онъ повторилъ этотъ опытъ во многихъ крестьянскихъ школахъ и семействахъ, и всюду получилъ одинаковые результаты: отрывочныя безцѣльныя свѣдѣнія систематизировались, получали живую силу, интересъ для учениковъ, развивавшійся все больше и больше. Толстой убѣдился, что возбудить въ крестьянскомъ ученикѣ міросозерцаніе не можетъ ничто, кромѣ библіи. „Я не могу себѣ представить, какое возможно было бы образованіе, если бы не было этой книги?“ Толстой увлекая по обыкновенію этимъ фактомъ, и одѣлалъ о немъ повтормостороннее заключеніе. Но, очевидно, что въ библіи дѣйствовалъ на учениковъ религіозный духъ, религіозныя начала, присутствующія здѣсь во всей своей цѣльности и общедоступности. Таинственный механизмъ простой души разрѣшается самъ собою при соприкосновеніи съ ключемъ религіи, покоящаяся сила природы отзывается родственнымъ сочувствіемъ на голосъ религіи... Религіозность есть единственная точка, съ которой нужно начинать народное образованіе, если хотятъ, чтобы оно было сознательно, прочно, чтобы познанія не умирали въ ученикѣ, по выходѣ его изъ школы.

Г. Чечуринъ вѣруетъ въ безусловное значеніе русской литературы для народнаго образованія на томъ основаніи, будто образованное общество не разрывало связи съ народомъ; онъ называетъ нѣтъшими различныя комбинаціи о сближеніи этихъ

двухъ лагерей. Блаженная вѣра! Но зачѣмъ же онъ тутъ же соглашается, что „книгъ для народа нѣтъ у насъ,—что всѣ бывшія попытки до сихъ поръ не удались,“ когда вся такъ называемая у насъ народная литература представляетъ только переводъ понятій и требованій образованнаго общества, русской литературы на языкъ и складъ народный? Онъ, очевидно, не знакомъ съ народною литературою, выдѣлываемою петербургскими и московскими литераторами—печальниками народнаго образованія, когда возстаютъ противъ мнѣнія, что „народъ нашъ не пойметъ русской литературы,“ и говорить, что „до сихъ поръ мы этого не знаемъ, потому что не видѣли на опытѣ.“ Между тѣмъ, постройка комбинацій о сближеніи этихъ двухъ областей развивается все больше и больше и дѣлаетъ обширные успѣхи, какъ у насъ, такъ и въ Германіи. Но крѣпче всѣхъ изъ нихъ у насъ стоитъ та, которая въ существенныхъ пунктахъ сближенія полагаетъ религію, какъ основу внутренняго народнаго міра. Не будемъ, послѣ этого, распространяться о томъ, что священникъ, какъ представитель религіи, какъ человѣкъ самый близкій къ внутреннему состоянію своего прихожанина, имѣетъ важное значеніе въ первоначальномъ обученіи крестьянскихъ дѣтей; онъ даетъ ему возбужденіе, силу и опредѣленность,—то, чего не дадутъ ни грамматика, ни исторія, ни географія, ни ариметика; но необходимо, чтобы онъ вполне пользовался своимъ значеніемъ. Условія митрополита открывали возможность организовать такое полное и живое обученіе въ крестьянскихъ школахъ, соединивъ средства учебнаго округа и духовенства.

Но условія эти не вызвали никакихъ дальнѣйшихъ соображеній къ взаимному соглашенію, учебное вѣдомство приступило къ открытію *особыхъ* школъ. Какъ же ведется это дѣло? Гражданская власть предписала мировымъ посредникамъ объявить обществамъ крестьянъ, что школы народныя, особыя отъ священническихъ, будутъ открываемы всюду, по

заявленіи крестьянами согласія на это. Два года назадъ, эта самая гражданская власть справедливо хлопотала о томъ, чтобы устранить поляковъ отъ народнаго образованія, такъ какъ единственнымъ желаніемъ ихъ въ этомъ случаѣ служить не образованіе, а полонизмъ и католицизмъ народа. Теперь та же власть даетъ участіе въ народныхъ школахъ этимъ полякамъ! Мы уже упоминали, что нынѣшніе старшины сельскіе почти всюду избраны по вліянію помѣщиковъ и посредниковъ, а не по желанію народа, на первыхъ порахъ рѣшительно не понимавшаго ни условій, ни значенія и выгоды избирательности, и что народъ рѣдко гдѣ въ ладахъ съ старшинами своими, понимающими свои выгоды, или ничего не понимающими, и потому только повинующимися посредникамъ и всякому начальству. Писаря, ближайшіе хранители и знатоки сельскаго закона, темнаго для старшинъ и народа, на половину поляки, остальные — отставные чиновники и солдаты, которыхъ во всякое время можетъ смѣнить мировой. Посредники въ деревняхъ — диктаторы. Итакъ, объявленіе о народныхъ школахъ, переданное чрезъ посредниковъ, давало послѣднимъ всю возможность повести это дѣло такъ, какъ имъ угодно. Слѣдствіемъ этого было *уничтоженіе священническихъ школъ*. Посредники не требовали голоса отъ народа и передали старшинамъ распоряженіе начальства. Послѣдніе приняли *приказъ* и употребили всѣ энергическія мѣры къ исполненію его; народъ игралъ пассивную роль, ему не объявили, что священническія школы могутъ оставаться. Въладъ ватѣмъ, г. Туловъ и Чечуринъ прѣзжали въ деревни, „озывали выборныхъ должностныхъ лицъ и говорили имъ *речь*...“ Старшины получили такимъ образомъ все побужденіе дѣлать такъ, а не иначе. Мы уже упоминали, какъ старшина м. Мошенъ объявилъ о своемъ приказѣ обществу — уничтожить школы священниковъ и завести другія, въ которыхъ священники не были бы учителями: „мы уже разъ напуганы царскою волею — отвѣчалъ

онъ на возраженія народа и священника — и теперь боимось ии не слушать.“ На общемъ крестьянскомъ сходѣ священникъ „увѣрился, что намѣреніе и желаніе крестьянъ обучать дѣтей своихъ въ церковно-приходскихъ школахъ неизмѣнно, и что другого ученія они не желаютъ“. Но приговоръ отъ лица общества, ниоколько въ немъ не участвоваваго, подписанъ старшиною и писаремъ, предназначившимся въ учителя новой школы, и посланъ посреднику. Тотчасъ многие изъ народа пришли къ священнику увѣрить его, что они „не давали своего согласія на этотъ приговоръ,“ а напротивъ желаютъ, „чтобы дѣти ихъ учились въ церковной школѣ“ (нужно замѣтить, что школа свящ. Крамаренкова одна изъ лучшихъ, и что самъ онъ извѣстее въ духовныхъ журналахъ умными статьями о разныхъ общественныхъ нуждахъ деревни). „Крестьянинъ Харитонъ Захарченко объявилъ, что онъ вовсе не былъ при составленіи этого приговора и подписанъ на немъ *безъ его отдома*“. Крестьянамъ, — говоритъ свящ. Крамаренковъ, — выставлено было это дѣло, „какъ *непремѣнная и обязательная воля царская*, отчего и самыя училища названы царскими; и потому неисполненіе сего есть *сопротивленіе царю*“¹⁾. Въ м. Виноградѣ, въ с. с. Рѣйкахъ и Павловкѣ волостной старшина, по предписанію посредника, „*строго приказалъ* старшинамъ сельскимъ, чтобы они отклоняли общества отдавать дѣтей своихъ въ церковно-приходскія школы и *на мѣсто ихъ* учреждали бы народныя, *угрожая за неисполненіе его приказаній денежными штрафомъ*“. Засимъ, старшина и писарь, претендовавшій и получившій школу свящ. Варгулевича (бывшаго нѣсколько лѣтъ учителемъ въ кievскомъ уѣздномъ училищѣ), открыли въ цѣлой волости народныя школы, „*посредствомъ*

¹⁾ Дожесеніе св. Крамаренкова черкаскому протоіерею отъ 19 дек. 1862 года.

десятскихъ забрали дѣтей изъ школъ церковныхъ¹⁾ и наняли учителей, „едва умѣющихъ читать,“ и то только „славянской букварь и часословъ“. Въ м. Лысянкѣ, Бояркѣ и въ др. пяти селахъ, „по распоряженію мировыхъ посредниковъ“, крестьяне, „*принуждаемые* своими старшинами, должны были согласиться на учрежденіе народныхъ школъ и приговорить известную сумму. Но когда они узнали (конечно, не отъ старшинъ и посредниковъ), что ихъ приходскія школы, открытыя духовенствомъ, могутъ существовать и на будущее время, если только они сего пожелаютъ, давъ имъ отъ себя обезпеченіе, то сіи общества съ полною готовностью добровольно согласились приговоренную на открытіе народныхъ училищъ сумму обратить на свои церковно-приходскія школы и дѣтей своихъ оставить въ завѣдываніи духовенства“¹⁾). Въ м. Брусиловѣ волостной старшина, по внушенію писаря, составилъ приговоръ: священническую школу обратить въ народную, учителемъ и распорядителемъ долженъ быть писарь, а священникъ—его помощникомъ,—созвали сельскихъ старшинъ, и приказали и имъ поступить такъ же въ своихъ деревняхъ, увѣряя, что за это „имъ будетъ награда отъ начальства“²⁾). Священники сс. Масловки и Емчихи доносятъ наблюдателю школъ церковныхъ Каневского уѣзда: „6-го *декабря* козинскій волостной старшина, соввавъ въ волость общества масловское и емчихское, *строго приказалъ* отцамъ обучавшихся полтара года въ церковно-приходскихъ нашихъ школахъ дѣтей, чтобы они выслали съ того времени своихъ дѣтей въ народную школу, устрояющуюся при волостномъ правленіи въ м. Козинѣ... Мальчишковъ гоняли въ м. Козинѣ чрезъ сотскихъ и десятскихъ“³⁾).

¹⁾ Донесеніе свящ. Варгулевича митр. Арсенію 26 окт. 1862 г.

²⁾ Донесеніе свящ. Демченка радомысл. протоіерею 6 окт. 1862 г.

³⁾ Донесеніе священниковъ наблюдателю школъ Каневского уѣзда 23 декабря 1863 года.

Это было въ декабрѣ. Итакъ, справедливо передаютъ въ Киевскомъ Телеграфѣ, что „сотскіе и десятскіе гонять босыхъ дѣтей зимою изъ одной деревни въ другую въ школу“, только это дѣлается далеко не духовенствомъ... „Сельскій староста *насилно и противъ воли родителей* забралъ изъ моей школы учениковъ“ въ школу волостную¹⁾, пишетъ овящ. с. Яцюковъ Ѡ. Левицкій. Такія сцены открылись во всѣхъ почти уѣздахъ.

Въ другихъ мѣстахъ ограничивались только прегражденіемъ всякаго хода къ матеріальному улучшенію священническихъ школъ. Стали запрещать крестьянамъ давать цѣлымъ обществомъ обезпеченіе для этихъ школъ, по предложенію священниковъ. Одною статьею „Положеній“ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, признается незаконнымъ тотъ мірской сходъ, на которомъ было менѣе $\frac{2}{3}$ домохозяевъ, имѣющихъ право на голосъ. Писаря—поляки отказывались присутствовать на сходахъ и, по окончаніи ихъ, объявляли, что на сходѣ не было $\frac{2}{3}$ домохозяевъ. Иногда, послѣ этого, домохозяева сами собою снова сходились, тогда писарь прямо отказывался принимать участіе въ этомъ дѣлѣ и угрожалъ старшинѣ судомъ и штрафомъ отъ начальства. Въ м. Коростышевѣ, послѣ первой сходки, писарь—полякъ, объявивъ ее незаконною, не согласился на вторичный сходъ, несмотря на желаніе народа и старшины; священника и уѣзднаго протоіерея онъ принялъ грубо и коротко объявилъ имъ: „старшина ничего не понимаетъ, я за все отвѣчаю, онъ не смѣетъ сдѣлать что-либо безъ моего распоряженія“. Народъ самъ собою снова собрался и требовалъ утвердить приговоръ. Но старшина, по уходѣ крестьянъ, „объявилъ, что писарь запретилъ ему подписать приговоръ“²⁾. То же было въ с. *Синявкѣ*: послѣ

¹⁾ Донесеніе благочинному А. Креминскому.

²⁾ Донесеніе радом. уѣзд. протоіерея митр. Арсежію 2 нояб. 1862 г.

вторичной сходки, видя желаніе старшины сирѣчь, по настоянію міра, приговоръ, писарь—полякъ Дидковскій „сталъ грозить ему мировымъ посредникомъ и судомъ,“ и староста побоялся подписать ¹⁾). Посредникъ 5 участка Каневского уѣзда Тарнавокій объявлялъ сходы незаконными за то, что они дѣлались подлѣ церкви, а не подлѣ волостного правленія. Звенигородскаго уѣзда посредникъ Крицкій объявилъ всеѣмъ обществамъ своего участка напередъ, что тѣ изъ нихъ подвергнутся суду и штрафу, которые дадутъ обезпеченіе священнической школѣ ²⁾). Въ с. *Вильно* (Радом. уѣзда) писарь—полякъ Добржанскій, послѣ разныхъ отказовъ подписать приговоръ, объявилъ, что безъ мирового посредника онъ не можетъ этого сдѣлать. Священникъ поѣхалъ къ посреднику; но послѣдній сказалъ, что не можетъ этого сдѣлать безъ мирового съѣзда. Священникъ поѣхалъ на съѣздъ; тутъ сказали ему, что нельзя этого сдѣлать безъ губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, и предложили ему ѣхать въ Кіевъ. Священникъ оцелъ за лучшее возвратиться домой и прекратить это дѣло ³⁾). Въ с. *Верезовкѣ* (Радом. уѣзда) крестьяне заготовили матеріалъ и приступили къ постройкѣ дома для школы на *церковной* усадьбѣ. Тогда посредникъ Зубовскій приказалъ остановить постройку, на томъ основаніи, будто земля эта спорная. Восемь старожиловъ тотчасъ составили актъ, въ которомъ объявляли, что усадьба эта болѣе 20 лѣтъ уже находится въ безпрекословномъ владѣніи церкви, и только въ послѣднее время мѣстный помѣщикъ секретно *подсылалъ* одного крестьянина напастъ на эту усадьбу и отобрать ее отъ церкви.

¹⁾ Донесіе благоч. П. Колтоновскій помощнику наблюдателя школъ П. Артемовскому.

²⁾ Донесеніе благоч. Илляшкевича преосв. Серафиму 12 нояб. 1862 г.

³⁾ Донесеніе благоч. П. Сенаторскаго преосв. Серафиму 23 февр. 1863 года.

Гражданская власть и губернское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, на сообщеніе объ этихъ фактахъ епархіальнаго вѣдомства, отвѣчали, съ голоса мировыхъ посредниковъ, что сходы общественные дѣлались незаконно. Но мы видѣли, кто и какимъ образомъ выставлялъ ихъ незаконными... Далѣе говорили, съ того же голоса, что духовенство *принуждаетъ* крестьянъ къ составленію приговоровъ. *Кис. Епарх. Вѣдомости* тогда же заявили справедливое требованіе указать факты принужденія, а не выставлять однѣ общія фразы объ этомъ; но фактовъ до сихъ поръ не представлено. Мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ священникъ, совершенно выдѣленный отъ всякаго формальнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ деревни, можетъ *принудить* цѣлое общество дѣлать денежный сборъ на школу!... Заключали свой отвѣтъ представленіемъ, что теперь, когда крестьяне обременены множествомъ расходовъ и сборовъ, нельзя вводить ихъ въ какіе-либо новые расходы. Это отвѣчали въ то время, когда чиновники отъ учебнаго округа и генераль-губернатора, собирая выборныхъ должностныхъ лицъ, говорили имъ рѣчи, между прочимъ съ цѣлю, какъ говорить одинъ изъ нихъ—г. Чечуринъ: „*побудить* крестьянское общество участвовать въ дѣлѣ учрежденія училища (отъ министерства) какимъ-либо *денежнымъ сборомъ* въ пользу дополнительнаго содержанія учителя,“ и когда ученикамъ педагогической школы напередъ объявляли, что, кромѣ 100 руб. жалованья отъ министерства, они будутъ получать отъ общества: столько же рублей, квартиру, огородъ!... Народъ знаетъ своихъ священниковъ, приходскую школу считаетъ *своею*, потому что она явилась единственно по непосредственному соглашенію съ нимъ священника; онъ во всякое время повѣряетъ эту школу, съ священникомъ онъ—свой человекъ. Школы же, открываемыя посредниками и волостью, „по приказу начальства,“ называютъ *казенными*, интересомъ посредника, писаря и старшины. На священническую школу

они жертвуютъ по добровольному и общему приговору; приговоры на казенныя школы составляются старшиною и писаремъ и только впоследствии объявляются народу для непременнаго исполненія. На чьей же сторонѣ принужденіе?

Разумѣется, что сдѣлавшіе чрезъ мировыхъ посредниковъ распоряженіе о народныхъ школахъ вовсе не имѣли въ виду всѣхъ указанныхъ нами результатовъ, а желали только узнать объ этомъ голосъ народа. Но нельзя сказать, что распоряженіе это сдѣлано не опрометчиво. Если когда, то именно въ этомъ случаѣ шляхта поняла несостоятельность учебной стороны сельскихъ школъ, зная напередъ, что учебное вѣдомство и гражданская власть не могутъ дать вдругъ учителей для 1400 деревень, и что она сама чрезъ мировыхъ посредниковъ будетъ избирать и назначать для нихъ учителей и управлять школами. Послѣ недавно совершившихся событій, не возможно сказать, чтобы дѣйствія посредниковъ и писарей—поляковъ имѣли въ виду интересы русскаго правительства и русской народности; всякій полякъ въ душѣ отказался бы отъ такой чести. Священники тогда же всюду, особенно въ Радомысл. уѣздѣ, говорили это самое. Мировой посредникъ Т., на котораго наиболѣе жалобъ отъ священниковъ, на просьбу священника с. О. утвердить приговоръ общества объ обезпеченіи приходской школы, сказалъ, что утвердить, если школу „подчинять *его вліянію*, и если въ приговорѣ будетъ написано: *и подѣ вліяніемъ мирового посредника*.“ Въ декабрѣ прошлаго года посредникъ созвалъ подвѣдомыхъ старшинъ, а гораздо болѣе шляхты на экзаменъ въ народной школѣ села И. и предварилъ первыхъ рѣчью: „вотъ посмотрите, какъ *наши* учителя учатъ, не то что ваши попы и дьяки, они ничему васъ не научатъ.“ Старшины не знали, что ученики новой (*панской*) школы всѣ почти два мѣсяца назадъ отобраны отъ священника, у котораго они учились уже около двухъ лѣтъ, и протодушно удивлялись, какъ это паны въ два мѣсяца такъ

многому научили дѣтей. Самимъ ученикамъ напередъ было заказано, при публичномъ спросѣ, отвѣчать, что нигдѣ прежде сего ничему не учились, что и исполнено, „хотя нѣкоторые изъ вышшихъ учениковъ и поомѣялись этой выходкѣ“ — замѣчаетъ мѣстный священникъ. „Дрябги, мелочь, не стоющая вниманія“ — скажетъ холодный читатель. „Смотрѣть, — скажемъ словами г. Чечурина, представившаго подобную *мелочь* со стороны духовенства, одѣланную *нѣкоторыми* лицами *при нѣкоторыхъ* торжественныхъ случаяхъ (жаль, что не указано прямо — какими лицами и при какихъ случаяхъ; но такова ужъ метода его), — смотрѣть серьезно на подобную выходку нельзя; но можно записать ее, какъ характеристическій фактъ, свидѣтельствующій объ известномъ (уровнѣ развитія и образованія, говоритъ онъ)“ расчетѣ шляхты на народное образованіе и на разъединеніе народа отъ духовенства. — Кому полезно такое разъединеніе? Какимъ образомъ нельзя было предвидѣть всѣхъ этихъ случаевъ (а сколько было скрытныхъ и непрямыхъ!), дѣлая известное распоряженіе чрезъ мировыхъ посредниковъ? Нынѣшняя власть сама признала; что прежняя сдѣлала такое распоряженіе поспѣшно¹⁾.

На эти произвольные и ничѣмъ не оправдываемые поступки, скажутъ намъ: они не имѣютъ никакой связи съ тѣми приѣмами, какіе избирало учебное вѣдомство при открытіи своихъ школъ. Мы сильно желали бы убѣдиться въ этомъ, но наперекоръ этому убѣжденію идутъ факты за фактами.

1) Учебное вѣдомство, минуя вполнѣ рациональное распоряженіе „заботиться болѣе о достоинствѣ, а не о числѣ школъ“, рѣшило открыть свои школы въ *каждой* деревнѣ.

¹⁾ Отношеніе г. генералъ-губернатора на имя преосвящ. Серафима 16 марта 1863 года.

Но не грустна ли эта затѣя въ окружномъ учебномъ вѣдомствѣ? Если на 19 открытыхъ имъ школъ оно набрало учителями *исключенныхъ* семинаристовъ, гимназистовъ, юнкеровъ и проч., то кого бы и гдѣ бы нашло оно на 1400 школъ? А надзоръ за этими школами,—вѣдь 5 т., отиущенныхъ министерствомъ на каждую губернію, едва стало бы на одни разъѣзды (безполезные) чиновниковъ учебнаго округа?! Устраивать школы, опредѣляя въ нихъ учителями отставныхъ солдатъ, какъ пришлось бы, вѣдственныхъ писарей и под., только бы не священниковъ? Указанное нами распоряженіе гражданской власти предъявляло объ этомъ нагѣреніи учебнаго вѣдомства, и мы видѣли, что произвело оно по деревнямъ. Въ этихъ результатахъ нельзя не винить и учебнаго вѣдомства. При открытіи въ деревнѣ такихъ школъ, общимъ вопросомъ было бы: что же школы священниковъ? Отвѣтъ подразумевался: онѣ ниже всякой критики—г. Чечуринъ объявляетъ объ этомъ. Затѣя эта недавно только оставлена простымъ стороннимъ объясненіемъ, что на 5 т. можно учредить не болѣе 20 школъ, а не 1400.

2) Мы уже видѣли, каковъ былъ первый шагъ чиновниковъ, посланныхъ для открытія новыхъ школъ. Наше правительство, относительно народнаго образованія, рѣшилось слѣдовать англійской системѣ. Англійская система—лучшая изъ всѣхъ, и весьма желательно, чтобы она утвердилась у насъ; но тамъ чиновники не ѣздятъ по деревнямъ и не выкликаютъ непонятными для народа рѣчами: не хочетъ ли кто правительственной школы? Тамъ ожидаютъ инициативы дѣла отъ самого народа. Съ другой стороны, англійскій чиновникъ не то для своего народа, что чиновникъ русскій для народа русскаго; тамъ отношенія ихъ свободны, а у насъ одинъ страхъ проникаетъ мужика въ присутствіи губернскаго чина, хотя бы этотъ чинъ велъ себя какъ только можно либеральнѣе. Далѣе, тамъ народные выборные прави-

тели вполне связаны съ интересами своей деревни, а у насъ пока этой связи нѣтъ, потому что народъ еще не опытенъ въ свободѣ сужденія и голоса, а дворянская среда далеко не покинула своего духа касты и исключительности личныхъ интересовъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ. Вотъ почему побѣдка чиновниковъ нашихъ для полученія народнаго голоса, не рациональна, она можетъ только задавать народу чиновничій голосъ, приказъ. Превосходная англійская система въ рукахъ нашего чиновничества стаетъ дикою, деморализующею народъ. Очевидно, что для этой системы не пришло еще у насъ время... Одно можетъ служить оправданіемъ такихъ побѣдокъ—это необходимость поспѣшить школами при напорѣ польской пропаганды. Но разумно ли будетъ сказать, что исключенный семинаристъ, гимназистъ и под. успѣютъ лучше оградить русскую народность въ простомъ народѣ, чѣмъ священникъ? Не смѣшно ли будетъ полагать, что обученіе дѣтей ариметикѣ, русскимъ склоненіямъ и спряженіямъ и под. разъяснить народу его національность? Мужикъ несравненно крѣпче всякаго гимназиста понимаетъ, что онъ—не полякъ, а рускій, и это пониманіе основывается почти исключительно на религіи; до исторіи, политики, вообще до научныхъ пріемовъ ему нѣтъ никакого дѣла, да и слишкомъ не скоро еще примется онъ за нихъ. Итакъ, надежда поддержать народность, при нынѣшнихъ польскихъ затѣяхъ, посредствомъ новыхъ народныхъ школъ, неосновательна. Что же послѣ этого можно сказать объ этой поспѣшности учредить особыя школы для народа?

3) Какъ открывались эти школы? Соблюдена ли при этомъ та священная заповѣдь первоначальнаго образованія, которая отрицаетъ духъ касты, вражды, вызывающей не образованіе, а возбужденіе къ одностороннимъ узкимъ стремленіямъ? Послѣ указаннаго нами отвѣта митрополита на предложеніе о сліянніи школъ, вели дѣдо это безъ всякаго сношенія съ духовною властью, несмотря на то, что встрѣ-

чались съ ея значеніемъ на каждомъ шагу. Въ деревнѣ священникъ узнавалъ объ открытіи новой школы только тогда, когда пріѣзжалъ уже учитель, и начинались воинственные отношенія къ школѣ церковной. „6 октября,—пишетъ священникъ села Потокъ,—прибылъ въ Потокъ *какой-то* (вотъ какъ учредители школъ удаляли священниковъ отъ участія въ этихъ дѣлахъ!) учитель и съ 17 числа началъ въ управѣ обучать мальчиковъ...“ Новая школа учреждалась такъ, что священникъ видѣлъ себя вдругъ отрѣшеннымъ отъ своей школы, ученики и домъ его училища оказывались въ рукахъ *какого-то* учителя. Г. Чечуринъ увѣряетъ, что того желали сами отцы этихъ учениковъ и весь народъ, по сознанію будто бы неудовлетворительности священническаго обученія. Это совершенная клевета, подтѣсканная только для оправданія чисто чиновничьихъ пріемовъ въ учрежденіи школъ. Мы видѣли, на чьей сторонѣ былъ народъ, при объявленіи ему старшинами о волѣ начальства касательно школъ, —видѣли, въ комъ гг. Туловъ и Чечуринъ думаютъ видѣть народъ и его голосъ. Говоритъ такъ со словъ пугливыхъ предъ чиновникомъ, предупрежденных *рѣчью* старшинъ (но мы крѣпко сомнѣваемся, чтобы даже старшины могли сказать объ этомъ такъ, какъ говоритъ г. Чечуринъ), значить поступать слишкомъ опрометчиво и недостойно чиновниковъ—представителей двухъ высшихъ вѣдомствъ края. Но на дѣлѣ было совершенно обратно. „Того же числа—продолжаетъ священникъ с. Потокъ—сельскимъ старостою *самовольно* забраны прежніе наши ученики изъ квартиръ дьячка и дьякона въ ту же управу“¹⁾. „Свѣтскіе—пишетъ священникъ м. Стеблева, отлично устроившій свою школу—позавидовали, вѣроятно, дому для школы, по моему совѣту, прекрасно устроенному, и потому министерская школа наипервѣе,

¹⁾ Донесеніе свящ. Собкевича мѣстн. наблюдателю школъ 19 окт. 1862 года.

по уѣзду, устроена въ моемъ приходѣ, въ домѣ, назначенномъ прежде для моей школы и *отнятомъ изъ моихъ рукъ* ¹⁾. И въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ только открыты эти школы, онѣ являлись только превращеніемъ, посредствомъ мѣстной полиціи, школъ священническихъ. Народъ только пугливо глядѣлъ на эту новую для себя государственную повинность, боясь, чтобы его голосъ не назвали возмущеніемъ, бунтомъ, и сѣвшилъ заявить священнику своему свое несочувствіе къ дѣлу старшинъ и желаніе, чтобы его дѣти „навсегда оставались въ завѣдываніи православнаго духовенства,“ какъ это мы выше упоминали о прихожанахъ м. Мошень, м. Лысянки, Боярки и др. Въ м. Сарнахъ священникъ Купріевичъ узналъ о путешествіи сюда гг. Тулова и Чечурина только тогда, когда писарь—полякъ и старшина купили еврейскій домъ для школы и рѣшили забрать для нея учениковъ священника „по приказу самого царя.“ Но въ ближайшій воскресный день, послѣ литургіи, всѣ прихожане подлѣ церкви объявили, что „они всѣ не согласны на учрежденіе новой школы, а желали бы дать лучшее устройство церковно-приходской школѣ, которою всѣ остались довольны“ ²⁾. Такъ учреждались и всѣ прочія школы: старшина и писарь, во „исполненіе воли начальства, приказа царскаго,“ безъ вѣдома народа и священника, полагали окладъ на учителя, отнимали всѣ средства отъ школы священнической, посредствомъ десятскихъ приказывали ученикамъ ходить къ новому учителю. Шли ватѣмъ толки въ деревнѣ, почему это начальство запрещаетъ священникамъ обучать дѣтей, а даетъ учителей „отъ казны?“ Что говорили на это въ рѣчахъ своихъ гг. Туловъ и Чечуринъ, объ этомъ они сами не объявляютъ, хотя они, держась совершенно въ сторонѣ

¹⁾ Донесеніе свящ. Левицкаго мѣст. наблюдателю школъ 24 октября 1862 года.

²⁾ Донесеніе свящ. Купріевича наблюдателю школъ Кисилевичу 24 февр. 1863 года.

отъ духовенства, не могли не предполагать этихъ толковъ и не сказать въ предупрежденіе ихъ что-нибудь. Откровеннѣе и рѣзче всего рѣшала эти вопросы беззащитная шляхта: она объявляла, что все это сдѣлано по ея старанію, что священники не умѣютъ учить и „только обманываютъ народъ“, что „имъ не нужно вѣрить ни въ чемъ“¹⁾. Мы уже упоминали о рѣчи одного мирового посредника Каневского уѣзда, которою онъ предупредилъ старшинъ, созвавъ ихъ на экзаменъ въ министерскую школу с. Исаекъ: „вотъ посмотрите—говорилъ онъ—какъ наши учителя, не то что эти попы и дьяки, они ничему васъ не научатъ“ (см. выше). Писаря—поляки были эхомъ посредниковъ; старшины твердили, что „такова воля царская“, начальство не хочетъ священниковъ.—Что же сами учителя? Намъ грустно приводить то, что рассказываютъ о мнѣніи ихъ въ этомъ дѣлѣ священники. Малоразвитость, независимость въ деревнѣ, напутствованіе ихъ общими риторическими фразами о самоотверженіи, о высококомъ служеніи и значеніи ихъ дали имъ мнѣніе о себѣ, какъ о Колумбахъ своего рода. „Что ожидаетъ васъ—обращается къ нимъ г. Чечуринъ—въ новой сферѣ избранной вами дѣятельности? Жизнь въ *мужи*, въ бѣдной и *грухой* средѣ (вотъ перлы въ грязи, подумаешь!), трудъ тяжкій и ничѣмъ не поощряемый, суровыя требованія принятой вами обязанности. Это съ моральной стороны. Съ матеріальной—васъ ожидаетъ 100 рублей жалованья, можетъ быть, *столько же* дополнительнаго содержанія отъ крестьянъ, тѣсная комнатка—кусочъ земли.... и—*больше ничего!* (Окладъ этотъ равняется—и даже превыситъ—жалованье профессора семинаріи!).... Что же побудило васъ избрать этотъ *мужской* и *тернистый* путь? (Кусочъ хлѣба, выгодный для нихъ, по ихъ способностямъ и прежнему положенію, знаемъ мы несомнѣнно). *Разумѣется не матери-*

¹⁾ Донесеніе благочиннаго Ильяшевича (Звенигор. уѣзда) преосв. Серафиму 12 нояб. 1862 года.

алыныя выгоды... Въ вашихъ сердцахъ есть предчувствіе того *важнаго значенія, какое получите* въ рождающейся жизни народной. Въ вашей готовности пойти тяжкимъ путемъ труда есть своего рода *героизмъ: благородное и высокое побужденіе* даетъ вамъ силы обречь себя на *бѣдность (!)* и трудъ. Бѣдный сельскій учитель, *темнаго* происхожденія (г. Чечуринъ остается убѣжденнымъ, что улыбки при видѣ этихъ учителей вызываются только ихъ *происхожденіемъ*), не имѣющій *ни чиновъ, ни крестовъ* (глубокое горе чиновничье!) и *едва-едва* имѣющій кусокъ насущнаго хлѣба (!), получаетъ въ жизни народной *большее значеніе, чѣмъ сопѣтники губернскаго правленія*.... Подумаешь, что это отрывокъ изъ „Дневника темнаго челоѣка“ (въ Рус. Словѣ). И предъ кѣмъ расточаются эти фразы? Вѣдь намъ извѣстны почти всѣ эти учителя; несравненно полезнѣе было бы научить ихъ, въ чемъ состоитъ народное образованіе, да улучшить ихъ собственныя познанія, далеко не отвѣчающія потребностямъ народа. Такъ и поѣхали эти учителя только съ увѣренностію, что они имѣютъ *важное значеніе, большее, чѣмъ сопѣтники губернскаго правленія*, что они показываютъ великое самоотверженіе, забываясь *въ глушь, въ бѣдную и тубую* среду! Пришли затѣмъ вѣсти, что первымъ дѣломъ ихъ было поспорить съ священникомъ—прежнимъ учителемъ народа—и выставить народу на видъ, что прежняя наука ихъ дѣтей была только уродствомъ, что не даромъ же его прислало само министерство. „*Тайныя покушенія священниковъ*—говоритъ г. Чечуринъ—*повредитъ* въ самомъ началѣ вновь рождающимся училищамъ заключались въ доносахъ и *растущеніи ложныхъ слуховъ* о поведеніи и худой нравственности народныхъ учителей“. Вотъ какъ относится г. Чечуринъ къ голосу священниковъ! Одно дѣло дѣйствительно, по жалобѣ священника, разбиралъ самъ г. Туловъ, и г. Чечуринъ, на основаніи этого разбирательства вины своего птенца,

считаетъ себя вправѣ сказать: „Доносы эти по тщательной поспрѣкѣ оказались ложными“.

„Цѣль этой статьи—заключаетъ г. Чечуринъ—показать публикѣ *раціональность дѣйствій учебнаго вѣдомства въ дѣлѣ народнаго образованія* и высказать безъ всякой горечи *истину нашему духовенству*“... Но мы видѣли, на сколько раціональны дѣйствія этого вѣдомства, и на сколько въ статьѣ г. Чечурина истины о духовенствѣ Кіевской епархіи.—Считаемъ нужнымъ еще сдѣлать два замѣчанія: а) Духовенство Кіевской епархіи никогда не считало народнаго образованія своею исключительною привиллегіею, собственностью своего званія; оно стояло за мысль, которой всегда будетъ держаться, что первоначальное образованіе тогда только прочно, развитіе тогда правильно будетъ, когда оно будетъ начинаться и сопровождаться религіознымъ духомъ,—что и народъ нужно и можно возбудить къ истинному, полезному для него, а не къ пустому и бесполезному образованію только съ точки религіозной. Если оно настаиваетъ, что народное образованіе нужно теперь поручить ему, то это потому, что учебное вѣдомство русское далеко не въ состояніи дать народнымъ школамъ своихъ *хорошихъ* учителей и еще не скоро найдеть ихъ у себя, и потому, что народъ самъ предпочитаетъ учителя-священника всякому другому. б) Духовенство дѣйствительно не довольно новыми мнистерскими школами въ селахъ; но не потому, чтобы оно, во имя какихъ-нибудь своихъ правъ и привиллегій, само хотѣло завладѣть народнымъ образованіемъ, и чтобы оно считало свѣтскую науку — „заморскою мудростью, не вѣрующею въ Бога“, какъ старается увѣрить въ этомъ себя и другихъ г. Чечуринъ, а потому, что школы эти дѣйствительно дурны, по неразвитости своихъ учителей, по насилію народной воли, наконецъ по враждебности къ духовенству, какою проникнуть весь про-

цессъ устройства ихъ. У священника есть своя святая школа, съ которой онъ можетъ всегда и воѣхъ, а не однихъ дѣтей прихожанъ, поучать всему доброму, развивать міросозерцаніе и нравственныя силы ихъ, — берите отъ него школы грамотности, если чувствуете себя въ силахъ къ этому и если считаете это своимъ патентомъ, гербомъ, но дайте народу лучшее, а не худшее, иначе духовенство, которое, и по историческимъ своимъ судьбамъ, такъ рѣзко напоминаемымъ нынѣшними польскими стремленіями, и по своему служенію, тѣснѣе воѣхъ связано съ народомъ, никогда не будетъ молчать, хотя бы противъ него выступали и сотни такихъ почтенныхъ импровизаторовъ, какъ г. Чечуринъ, забывающихъ или же затемняющихъ истинное достоинство новыхъ школъ и выѣжающихъ только на безусловномъ пораженіи достоинствъ духовенства.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДИЮ,

ГОСПОДИНУ МИРОВОМУ ПОСРЕДНИКУ 5-го участка, РАДОМЫСЛЬСКАГО УѢДА,

ХАБЕНСКАГО ВОЛОСТНАГО ПРАВЛЕНІЯ,

ПРОШЕНІЕ.

Такъ какъ при открытіи въ мѣстечкѣ Хабномъ народной школы инспекторомъ казенныхъ училищъ, существовавшія въ нашей волости двѣ приходскія школы имѣли быть уничтоженными, то Хабенское волостное правленіе по общему совѣту признало необходимымъ оказать хотя и съ трудностію всевозможное содѣйствіе въ открытіи народной школы.

Нынѣ же, когда приходскія школы не закрыты и таковыя существуютъ, въ которыхъ, какъ замѣчено нами, что крестьянскія дѣти болѣе пользуются науками, чѣмъ въ народной школѣ, а тѣмъ паче, что въ настоящее время не стѣсняемся никакимъ платежемъ, ни другими вознагражденіями за обученіе дѣтей въ приходскихъ школахъ, а потому хабенское волостное правленіе честь имѣетъ покорнѣйше просить вашего высокоблагородія сдѣлать со стороны овоей надлежащее распоряженіе, отнестись куда слѣдуетъ, или на основаніи предписанія г. начальника Кіевской губерніи, отъ 16 прошлаго августа, коимъ предоставлено на волю временно-обязаннымъ крестьянамъ отдавать дѣтей въ народныя или приходскія училища, дозволить намъ самимъ просить объ уничтоженіи народной школы, и тѣмъ самымъ отвратить отъ насъ излишніе расходы; въ чемъ и подписался хабенской волостной старшина Михаилъ Вовомонъ.

II.

ПРИГОВОРЪ САЛИВАНСКАГО ОБЩЕСТВА.

1863 года мѣсяца января 8 числа, собранъ былъ сельскій сходъ, на которомъ разсуждено: октябрю мѣсяца прошлаго 1862 г. въ послѣднихъ числахъ прибылъ въ нашу волость неизвѣстно кто, по фамиліи Крымскій и получено нами 72 руб. 50 коп. серебр. денегъ на его содержаніе, съ тѣмъ, что онъ будетъ обучать нашихъ дѣтей; но до настоящаго времени деньги Крымскимъ почти всѣ забраны, а изъ селенія Гребенокъ никто не посылаетъ ни одного мальчика и что въ приходѣ нашемъ устроена нами церковно-приходская школа подъ нашимъ попеченіемъ и надзоромъ священника, въ которой обучаются дѣти наши тому же самому, чему учить и г. Крымскій. Учитель этотъ постоянно дѣлаетъ пре-

тензіи къ обществу, требуетъ сторожа, котораго содержаніе намъ обходится почти столько же, сколько и вся церковная школа, требуетъ топлива, когда мы едва имѣемъ отапливать чѣмъ управу, перестройки, переноски гнилаго дома, когда у насъ не сдѣланъ магазинъ, постоянно ссорятъ насъ съ г. мировымъ посредникомъ, жалуясь ему на насъ, что мы ему не даемъ мальчиковъ, отопленіе и проч. Этимъ самымъ такъ вооружилъ противъ себя, что никто не хочетъ имѣть съ нимъ дѣла, и староста сельскій отказывается имѣть какія-либо пособія учителю Крымскому на томъ основаніи, что (§ 46 примѣч. 6) старосты сельскіе не обязаны нисколько заниматься училищемъ, заведеннымъ не отъ общества. Съ водвореніемъ учителя Крымскаго у насъ постоянное неспокойствіе, ненужные хлопоты, а ученіе его намъ совсѣмъ излишне, за имѣющимися тремя церковно-приходскими школами въ волости Гребенкахъ, Пиньчукахъ и самыхъ Саливанкахъ, которыхъ содержаніе упрочено приговорами сельскихъ сходовъ; стало быть для г. Крымскаго казенныя деньги тратятся совершенно напрасно, и самъ онъ кое-что дѣлаетъ противно нашему благочестію, что намъ хорошо извѣстно. Въслѣдствіе какого приговора и разсужденія, просимъ покорно волостное правленіе ходатайствовать, гдѣ слѣдуетъ, чтобы учитель г. Крымскій былъ отъ насъ отозванъ и употребленъ въ другое мѣсто, гдѣ въ немъ нуждаются. Въ томъ и подписались: деревни Саливанокъ сельскій староста Григорій Пуринъ; жители, крестьяне: Евфимъ Майка, Никита Индыкъ, Семень Периченко, Павелъ Дещенко, Доришъ Индыкъ, Яковъ Дещенко, Кузьма Пуринъ, Логвинъ Пуринъ, Саустіанъ Тонковидъ, Игнатъ Тонковидъ, Мойсей Зануда, Ѳедоръ Зануда, Ѳедоръ Пуринъ, Кондратъ Яценко, Наумъ Яценко, Иванъ Рябуха, Авраамъ Степаненко, Сакъ Литвиненко, Прохоръ Плоденко, Данило Степаненко, Лаврентій Сиденко, Лукьянъ Литвиненко, Мина Корпѣенко, Василий Шафранъ, Олексій Лютый, Никита Тонковидъ, Степанъ Степаненко, Яковъ

Степаненко, Петръ Лисинъ, Свиридъ Чайка, Данило Тонковидъ, Иванъ Черношкуръ, Степанъ Усъ, Прокопъ Степаненко, Емельянъ Рябуха, Антонъ Григоренко, Игнатъ Руденко, Константинъ Губенко, Захарій Щербакъ, Авдій Бугай, Исаія Бугай и Софронъ Кулида; а за нихъ неграмотныхъ росписался крестьянинъ: Феодоръ Плоденко¹⁾).

¹⁾ Эти приложенія переданы по возможности съ буквальною точностію.

ЧЕШСКІЕ УЧИТЕЛЬСКІЕ КУРСЫ ВЪ ГОРОДѢ ОСТРОГѢ ¹⁾).

Вотъ уже 10-й день живу я въ г. Острогѣ, въ зданіи учительской семинаріи, семьей съ чешскими учителями и ихъ наставниками. Всѣхъ чеховъ собралось 25. Къ сожалѣнію, начальство учебное не успѣло еще свыкнуться съ чешскими школами, т. е. узнать, сколько ихъ, чѣмъ онѣ живутъ, имѣются ли общественные приговоры объ ихъ содержаніи, кто именно учителя въ нихъ; посему никакихъ свѣдѣній съѣзду нашему о нихъ не доставлено. Является иной учитель на съѣздъ съ предписаніемъ отъ начальства, другой безъ предписанія. „Не получалъ, пріѣхалъ потому, что другіе ѣхали“. Последніе дѣйствительно ли состоятъ учителями? „Поѣзжай, привези хотя отъ сельскаго старосты удостовѣреніе“.... Но изъ одной деревни (Залѣсье) двое привезли такое удостовѣреніе, въ другой отказались дать его потому, что учитель принялъ православіе, и т. п.хлопоты были не малые, пока все это уладилось. Для помѣщенія нашего оставлены были въ учительской семинаріи три комнаты (въ одной изъ нихъ и я поселился), а для чеховъ—спальни и приготовительный классъ. Едва добыли мы здѣсь кое-какія книги (Паульсона,

¹⁾ Изъ письма Евеніи Михайловича Крыжановскаго.

часословы и октоихи). Прислугу добыли мы изъ прогимназіи, а частью наняли въ городѣ. О своей кухнѣ и думать нечего. Мы поэтому рѣшили давать чехамъ деньги на прокормленіе, по 45 коп. въ день.

Прежде всего кинулись мы на поиски за книгами. *Дубенецъ* и *Степановичъ* (два гимназическіе учителя, данные мнѣ въ помощь изъ Кіева) подарили свои изданія (первый—букварей, второй—по славянской литературѣ, особенно по чешской). Начальница Блудовскаго училища Щепетильникова подарила намъ 19 экземпляровъ русской исторіи Иловайскаго. Нашли мы здѣсь рваную карту Европейской Россіи, развѣсили ее. Нашли въ церкви обиходъ Бахметева, пустили въ дѣло. Пока (съ Паульсономъ и часословами) вотъ всѣ наши учебныя пособія! Для чтенія Игнатовичъ прислалъ „Кіевскіе Листки“. Къ счастью, и я захватилъ изъ Кіева нѣсколько книгъ для собственныхъ справокъ, а то пришлось бы волкомъ быть. Сильно мы горевали эти дни: что и какъ будемъ дѣлать безъ книгъ? Особенно тяжела была перспектива—отправить чешскихъ учителей по мѣстамъ для обученія чешскихъ дѣтей безъ всякихъ русокихъ книгъ. Купить изъ отпущенныхъ намъ денегъ, на весь съѣздъ 650 руб., не мыслимо. Въдѣ содержаніе чеховъ нашихъ, по 45 коп. въ день, въ теченіе 50-ти дней, хотя бы и 25 душъ, потребуетъ 562 рублей 50 коп. Остальныхъ не станетъ на выдачу имъ прогоновъ на одну лошадь. И этихъ 650 рублей пока еще не прислали, и я содержу пока всю машину на свой счетъ, выдавая деньги распорядителю расходовъ.

Тяжело было намъ среди такихъ обстоятельствъ. Но Богъ по насъ! Какъ же мы обрадовались вчера, когда получили телеграмму, что Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ пожертвовалъ изъ своего запаса книги для чешскихъ школъ! Не успѣли мы опомниться отъ неожиданной радости,

какъ получается телеграмма отъ Иеронима ¹⁾: „добрая душа жертвуетъ на покупку книгъ для чешокихъ школъ“ (неизвестно еще сколько). Господи, за что такая милость!

Какъ бы то ни было, но мы ликуемъ отъ такой благодати. Вчера же нашъ батюшка по этому случаю пригласилъ всѣхъ чеховъ на чай,—пировали, пѣли, съ наставниками (я не былъ съ ними, ѣздилъ за 35 верстъ на свиданіе съ преосвященнымъ Палладіемъ, проѣзжавшимъ изъ Пochaева въ Житомиръ).

Изъ 25 чеховъ нашихъ 18—православные. Изъ остальныхъ четверо сразу заявили о желаніи присоединиться. Я поручилъ ихъ батюшкѣ для наставленій. Оказалось однако, что они знаютъ катехизисъ и молитвы. Завтра одного присоединяемъ торжественно. Остальныхъ присоединимъ 29 іюня. Остается три неправославныхъ и не знающихъ ничего. Они тоже просятъ о присоединеніи, но я отказалъ—до испытанія ихъ усердія въ занятіяхъ, особенно въ Законѣ Божіемъ.

Конечно, и мысли нѣтъ пройти съ ними эти курсы, а только необходимѣйшія стороны ихъ, именно: по Закону Божію отличительные догматы и особенности таинствъ. При славянскомъ чтеніи—изученіе молитвъ и объясненіе всенощной и литургіи. Ариѳметика и географія—преимущественно для твердаго усвоенія терминовъ русскихъ. Ну, исторія хотя въ важнѣйшихъ очеркахъ. Конечно, русскій языкъ—самая главная, послѣ религіи, наша забота. Тутъ и по религіи всѣ работаемъ цѣлый день—не на урокахъ только, но и всюду. Пользуемся всякими случаями, чтобы практиковать въ языкѣ и объяснить тотъ или другой случай религіозный въ нашемъ русскомъ быту. Устраиваемъ общіе чаи, прогулки, собранія сухія и под.

¹⁾ Преосвященнаго епископа чигиринскаго.

По совѣту съ своими помощниками, я распредѣлилъ занятія наши такъ:

Въ понедѣльникъ отъ 9—10 час. Законъ Божій, 10—11 русскій языкъ, 11—12 географія, 12—1 русская исторія; во вторникъ отъ 9—10 ч. Законъ Божій, 10—11 русскій языкъ, 11—12 ариѳметика, 12—1 славянское чтеніе; въ среду отъ 9—10 час. Законъ Божій, 10—11 русскій языкъ, 11—12 географія, 12—1 славянское чтеніе; въ четвергъ отъ 9—10 час. ариѳметика, 10—11 русскій языкъ, 11—12 русская исторія, 12—1 славянское чтеніе; въ пятницу отъ 9—10 час. Законъ Божій, 10—11 русскій языкъ, 11—12 географія, 12—1 славянское чтеніе; въ субботу отъ 9—10 час. ариѳметика, 10—11 русскій языкъ, 11—12 русская исторія, 12—1 пѣніе. Во всѣ дни недѣли отъ 5—6 час. веч. практическія упражненія по русскому языку и отъ 6—7 пѣніе.

Мои помощники—по душѣ мнѣ и моимъ чехамъ. Очень хорошіе люди.

Мнѣ на долю выпало обученіе славянскому чтенію съ объясненіемъ богослуженія, исторіи и пѣнію. Одинъ изъ чеховъ хорошо знаетъ ноту и играетъ на скрипкѣ—онъ мой помощникъ. Учимъ гаммы, интерваллы и проч., какъ слѣдуетъ (когда-то я былъ регентомъ). Нельзя безъ этого. Чехи любятъ пѣніе, но на Волыни много отстали или и совсѣмъ перезабыли, чему учились на родинѣ. Большинство учителей голосомъ не умѣетъ потянуть, съ ноты на ноту перейти. Учатся весьма усердно. Есть между ними старецъ 61 года, бодрый еще, крѣпкій. Трудно удержаться отъ смѣха, когда придетъ ему очередь у доски тянуть *до, ре, ми, фа*.... съ выбиваніемъ такта рукою. Мы хотѣли не тянуть его къ этимъ операціямъ, но онъ очень тѣмъ обидѣлся и просилъ не исключать его изъ числа другихъ ни въ какомъ отношеніи. Исподоволь учимъ отдѣльныя церковныя пѣсни и болѣе простыя поемъ въ церкви (въ ходеніи въ

церковь, въ изученіи Закона Божія, пѣнія и чтенія славянскаго никому не дѣлается исключенія—православнымъ, католикамъ, лютеранамъ). Завчера по Голубцовѣ¹⁾ служили панихиду. Наканунѣ чехи до часу учили панихидное пѣніе—крѣпко хотѣлось имъ отличиться, но успѣли выучить только половину ея и вѣчную память. Совоѣмъ измучили меня. На панихидѣ я не былъ (вѣдиль къ преосвященному Палладію), чехи сами пропѣли половину панихиды.

По-славянски безъ титлѣ читаемъ уже свободно. Призывая на помощь сравненіе славянскихъ нарѣчій (Степовичъ знаетъ всѣ славянскія нарѣчія, по-чешски хорошо говоритъ), мы успѣли заинтересовать чеховъ церковно-славянскимъ языкомъ, какъ праотцемъ славянскихъ нарѣчій. Очень усердно учатся. Молитва у насъ частная. Только „Отче нашъ“ поютъ всѣ вмѣстѣ, утромъ убравшись. Когда выучимъ „Нынѣ отпускаеши“, то будемъ пѣть ее вечеромъ предъ сномъ. Учимъ „Царю Небесный“ и „Достойно есть“ и будемъ ихъ пѣть передъ уроками и послѣ уроковъ. Кое-какъ они уже поютъ и это, но я не допускаю пѣть молитвы, пока не выучатъ твердо, стройно, безъ фальши.

Что сказать вообще о семъ маломъ стадѣ? И я, и мои помощники увлечены имъ и можемъ ошибиться въ отзывахъ. Мы тутъ—слабый мірокъ, отрѣзанный отъ всего, живемъ для нихъ, дышимъ на нихъ, какъ на будущихъ апостоловъ. Мы увлечены нашимъ дѣломъ, живемъ эпископскимъ духомъ. Всякую казенщину долой, семья да и только! И какъ намъ пріятно въ этой атмосферѣ! И батюшка, и Степовичъ, и Лубенецъ твердятъ, что еще не испытывали такихъ пріятныхъ ощущеній, какъ нынѣ—за дѣломъ съ чехами. Наши чешскіе учителя принесли мнѣ приговоръ: всѣмъ имъ говорить между собою съ 8 часовъ утра до 8 часовъ

¹⁾ Попечитель Кіевского учебнаго округа, недавно скончавшійся.

вечера только по-русски, за каждую забывчивость по копѣйкѣ штрафу; на штрафныя деньги купить что-либо въ семинарію на память о сѣздѣ. Я отложилъ исполненіе приговора ради нѣкоторыхъ, очень плохихъ еще въ русскомъ языкѣ.

Въ Кіевъ пріѣду 8-го іюля. Если средства позволятъ, привезу съ собой хотя нѣсколько чешскихъ учителей, да видятъ православное торжество.

О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ.

Постановка преподаванія русскаго языка въ начальной школѣ—это злоба дня, самое больное мѣсто школы, отзывающееся на цѣлой организациі обученія. Это—наиболѣе близкая, наиболѣе широкая и доселѣ самая не воздѣланная область начальнаго обученія въ нашемъ отечествѣ. Не говоримъ здѣсь о ней въ отношеніи дѣтей инородцевъ и вообще дѣтей не русскаго происхожденія. Не говоримъ даже о дѣтяхъ разныхъ русскихъ нарѣчій. Разумѣемъ русскую школу съ дѣтьми народа, говорящаго тѣмъ же живымъ русскимъ языкомъ, которому обучаютъ въ этой школѣ. Къ ней именно относится все, что пишется у насъ о постановкѣ этого предмета. Литература этого предмета у насъ уже столь богата, повидимому, что книгамъ и статьямъ о немъ счету нѣтъ, а все еще какъ будто многого и многого недостаетъ въ ней, и много требуется все новыхъ и новыхъ объясненій.

Да позволено будетъ и намъ сказать свое слово по этому предмету. Думаемъ, что если оно и не достигнетъ своей цѣли, то все-таки будетъ не лишнимъ.

Всѣмъ извѣстно, что въ народѣ и въ образованныхъ классахъ существуетъ недовольство противъ системы обученія въ нашихъ начальныхъ народныхъ училищахъ. Это недовольство сполна долженъ принять на себя отечественный языкъ, занявшій въ школахъ центральное значеніе и упра-

вляющій постановкою всего обученія. Различные классы населенія по-своему выражаютъ недовольство школою; но въ каждомъ случаѣ это недовольство находитъ свою причину и свое объясненіе въ постановкѣ отечественнаго языка. „Грамота страху Божію не научаетъ дѣтей, отъ работы отбиваетъ“,—говоритъ крестьянинъ. „Школы не увеличиваютъ просвѣщенія въ народѣ, не даютъ народу толковыхъ грамотеевъ, гонятъ грамотныхъ вонъ изъ деревни, на фабрики, къ легкимъ профессіямъ, плодятъ недовольныхъ“,—говорятъ въ образованныхъ классахъ. Люди, близко наблюдавшіе школу, знаютъ, что эти обвиненія прямо вытекаютъ изъ духа и характера всей постановки въ ней отечественнаго языка—грамоты въ собственномъ смыслѣ. Не мало нареканій возбуждаетъ и формальная сторона этой постановки. Въ литературѣ не рѣдки явленія, что система обученія родному языку въ народныхъ школахъ преслѣдуетъ отвлеченныя задачи, страдаетъ неумѣреннымъ развитіемъ реализма и сложностію курса, не соответственнаго ни съ потребностями народа, ни съ силами дѣтей.—Спеціальное вѣдомство заявляло, что весьма значительный процентъ получившихъ по экзамену въ школахъ свидѣтельства на льготу по военной повинности, т. е. бывшихъ лучшихъ учениковъ, при поступленіи на военную службу оказываются забывшими грамоту. Но самымъ тяжелымъ обвиненіемъ для грамоты школьной остается упрекъ въ холодности ея къ духу религіозно-нравственному, въ неуваженіи къ добрымъ обычаямъ въ народѣ и под. Какимъ образомъ случилось, что грамота, получившая на Руси самое начало свое путемъ вѣры православной, долгіе вѣка питавшая народъ другой вѣры и благочестія, стяжавшая себѣ среди этого народа уваженіе наравнѣ съ священными предметами, вдругъ измѣнила этому своему значенію для него, и какимъ образомъ предостеречь ее отъ этой намѣны,—эти вопросы глубоко занимаютъ истинныхъ печальниковъ народнаго просвѣщенія и благосостоянія.

Поборники новѣйшей системы грамотности въ школахъ, устраняясь отъ прямыхъ отвѣтовъ на вопросы о духѣ и направленіи ея, объясняютъ происхожденіе всѣхъ нареканий на нее сколько предразсудками въ народѣ и обществѣ противъ рациональнаго обученія, столько и молодостью самаго дѣла, недостаткомъ надлежащихъ исполнителей его — народныхъ учителей, хорошо приготовленныхъ, наконецъ несовершенствомъ технической обработки предмета. Они надѣются, что когда система эта достигнетъ надлежащаго развитія и полнаго примѣненія, предразсудки ослабѣютъ, и какъ общество образованное, такъ и народъ вполнѣ примирятся съ нею. Но нѣтъ никакой нужды ожидать завершенія техники, чтобы судить о достоинствѣ ея и о значеніи самаго предмета ея. Разработка самой системы обученія грамотѣ производится весьма тщательно. Всѣ предметы школьнаго курса въ совокупности не привлекали къ себѣ столько педагогическихъ силъ, какъ обученіе родному языку, и всѣ они вмѣстѣ не имѣютъ такой обширной литературы, какую оно имѣетъ. Но эта масса руководствъ, учебниковъ, пособій, наставленій, разъясненій, образцовъ и т. д. давитъ преподаваніе, а не облегчаетъ и оживляетъ его; въ ней столько противорѣчій, сбивчивости, пробѣловъ, столько туманныхъ пятенъ, что съ ней трудно справиться самому опытному и просвѣщенному учителю. Между тѣмъ въ ней доселѣ нѣтъ точной и обстоятельной программы предмета, нѣтъ вполнѣ удовлетворительной „книги для чтенія“ въ школѣ; даже книжки для первыхъ упражненій въ чтеніи, постоянно умножаясь, только сбиваютъ другъ друга. Одинъ изъ наиболѣе видныхъ у насъ представителей этой системы обученія грамотѣ, признавая, что успѣхамъ школьнаго курса мѣшаетъ главнымъ образомъ его „нестройность, отрывочность, пропуски, пробѣлы, недомолвки“, а также отсутствіе гармоніи между механическими и образовательными упражненіями учениковъ, предпринялъ огромный трудъ, именно—расписаніе занятій по всѣмъ пред-

метамъ на каждый день и часть въ теченіе трехлѣтняго школьнаго курса (*Дневникъ начальной общеобразовательной школы*—Бунакова. Изд. 2-е, 1883 года). По этому распisanію, отечественный языкъ представляетъ такую сложную систему, которая способна только обратить воспитаніе въ рядъ иллюзій, если бы она серьезно кѣмъ-либо примѣнена была. Это—система безъ причинъ и границъ; это—энциклопедія знаній, подбираемыхъ на основаніи независимой отъ народнаго дѣйствительнаго быта общеобразовательной задачи; это—міръ усиленнаго возбужденія и напряженія дѣтскихъ умственныхъ силъ; это, наконецъ, грамота канцелярская и вмѣстѣ литературная!—Всѣ эти усилія подробной обработки и формулировки обученія ясно убѣждаютъ только въ томъ, что наша народная грамота попала въ закодированный кругъ, изъ котораго нѣтъ для нея иного выхода, кромѣ перемѣны самихъ основныхъ началъ своихъ.

Въ виду такого положенія дѣла, истинные печальники народнаго благосостоянія иыскиваютъ способы дать народу такую грамотность, которая была бы для него дѣйствительнымъ свѣточемъ и пособникомъ въ его быту, которую онъ полюбилъ бы и поддерживалъ. Поиски за такую грамотность дали уже примѣры высокаго самоотверженія. Но опыты этихъ печальниковъ народнаго блага мало у насъ извѣстны. Общество, не имѣя возможности проникнуть въ тайникъ ихъ скромной по виду работы, судить-рядить о нихъ по своему. Разумѣемъ въ особенности татевскую приснопамятную школу, съ ея немалочисленными филиями. Немногіе видѣли и хорошо изучили ее. Но кто тамъ былъ и близко вникнулъ въ дѣло, тотъ, хотя бы и расходился съ нею въ подробностяхъ, не можетъ не сказать о ней: „это—предтеча настоящей русской народной школы. Это—школьный апостолъ на Руси“.... 20 лѣтъ настоящей подвижникъ идеи русской народной школы ведетъ свое дѣло съ необычайнымъ терпѣніемъ и надеждою. Имя приснопамятнаго устроителя и учи-

теля этой школы въ будущемъ всякій русскій учитель привнесетъ съ благоговѣнiемъ, какъ произноситъ германская школа имена великихъ отцевъ своихъ. Но пока мало кто знаетъ эту школу и эту систему. Слышать о ней наши педагоги больше только толки, сплетни и пересуды. Высочайше утвержденныя Положенiя 14 августа 1884 года обратили вниманiе на церковно-приходскую школу, ожидается рѣшительный голосъ ея въ этомъ запутанномъ дѣлѣ грамотности. Вопросъ о самой грамотѣ, какъ объ узлѣ затрудненiй въ отношенiи школы, состоитъ едва ли не болѣе всего для нея, такъ какъ отъ разрѣшенiя его зависятъ правильная постановка остальныхъ предметовъ обученiя, въ особенности Закона Божiя, который, при настоящей постановкѣ преподаванiя отечественнаго языка, теряетъ свое влiянiе на воспитанiе дѣтей въ школѣ или вынуждается вести съ нимъ постоянную борьбу.

Кто не рѣшаетъ этого вопроса въ основѣ его согласно и положительно! Всѣ требуютъ, чтобы обученiе отечественному языку устранялось несвойственныхъ ему притязанiй и давало бы народу грамотность, соотвѣтственную дѣйствительнымъ нуждамъ его, въ духѣ религиозна-нравственномъ. Но какимъ же образомъ исполнить это требованiе на самомъ дѣлѣ? Тутъ-то начинаются разногласiя безъ конца. Тутъ почти на каждомъ шагѣ недоразумѣнiя, способныя спутать все дѣло: то страхъ къ живымъ приемамъ дѣла, мертвящимъ дѣтское развитiе, то увлеченiе къ такимъ приемамъ, которые противорѣчатъ главной задачѣ дѣла. Самые термины дѣла часто употребляются совсѣмъ не точно. Дѣло это вообще трудное, и подробная разработка всѣхъ частныхъ его еще впереди. Но главныя стороны въ предметѣ, главные проводники и хранители самыхъ основъ дѣла должны быть напередъ точно опредѣлены, въ противномъ случаѣ неизбежны противорѣчiя и запутанности. Въ особенности это должно

сказать въ отношеніи тѣхъ сторонъ въ дѣлѣ, которыя наиболѣе служатъ выраженіемъ иной постановки грамоты, а также методовъ и способовъ, заимствованныхъ у нея: необходимо не механически брать изъ этой постановки все то, что по виду кажется сподручнымъ, но органически соединять въ задачахъ своей, самостоятельной основы, иначе вино новое не долго удержится въ мѣхахъ старыхъ. Было бы крайне прискорбно, если бы церковно-приходская школа на первыхъ же порахъ оказалась лишенною самостоятельной силы въ такомъ дѣлѣ, которое возбуждаетъ наиболѣе ожиданій отъ нея, и—то сама очутилась бы на буксирѣ системы, которой она не признала, то повторяла бы недостатки своихъ дѣдовъ и прадедовъ. Необходимо поэтому рассмотреть и возможно точнѣе опредѣлить какъ самую основу дѣла, такъ и главныя стороны въ постановкѣ его.

Новѣйшая постановка отечественнаго языка въ нашихъ начальныхъ народныхъ училищахъ перешла къ намъ съ запада Европы. Тамъ она родилась на той же почвѣ естественнаго развитія онлч челоуѣка, которая ведетъ свое начало отъ Руссо. Начальное обученіе долгое время искало для себя этой почвы опорнаго пункта. Полагали его то въ естественной религіи и моралѣ, то въ естествознаніи и т. под. Быстрые и рѣшительные успѣхи лингвистики (братья Гриммы, Гумбольдъ, Боппъ и др.) побудили германскихъ педагоговъ обратить вниманіе на отечественный языкъ, который, при свѣтѣ сравнительнаго метода, оказался хранителемъ естественно-историческаго народнаго міросоверпанія, живымъ организмомъ, вмѣющимъ свою логику и законы естественнаго своего развитія. Народные обычаи, повѣрья, легенды, сказки, басни, пѣсни, пословицы и т. п., тщательно собираемыя и объясняемыя, скоро составили цѣлую литературу, въ которой ярко выступала естественная народная жизнь съ ея идеалами и цѣлою программю своего развитія. Направленіе естественнаго развитія дѣтей въ школахъ поспѣшило восполь-

зоваться этою сферою. Въ школахъ появились сказки, пѣсни, басни, пословицы и т. п., по которымъ дѣти не только упражнялись въ чтеніи, но и получали наставленія въ мудрости и морали, разъясненіе и развитіе своего міросозерцанія. Тѣ предметные уроки, которые, по мысли Песталоцци, должны были полагать прочныя основы для естественнаго развитія душевныхъ силъ дѣтей, теперь расширили свою программу и стали обращать грамоту въ орудіе для своихъ цѣлей. Между тѣмъ лингвистика оказала сильное вліяніе на оживленіе литературы. вмѣсто стараго классицизма, стала выступать въ ней своя сѣдая старина, отвлеченные идеалы стали замѣняться живыми народными. Въ этомъ новомъ своемъ духѣ и характерѣ литература становилась наилучшимъ комментариемъ и наилучшимъ развитіемъ народныхъ основъ и стремленій. Появились особыя изданія сказокъ, легендъ, басенъ, пословицъ и т. п., спеціально назначенныя для дѣтскаго чтенія. Появилось множество разнородныхъ литературныхъ произведеній на темы изъ этой области народнаго творчества. Съ этого рода изданіями въ школахъ появились и литературныя требованія. По мѣрѣ того, какъ литература приобрѣтала все большее и большее вліяніе на общество и становилась руководительницей его, выросли и новыя требованія отъ школьной грамоты. Постепенно появились усилія обработать дѣтскую рѣчь, устную и письменную, до возможной степени языка литературнаго, усложнились упражненія умственныя, потребовалось изучать образцы и формы литературнаго изложенія. Курсъ грамотности такимъ образомъ усложнялся до весьма значительной степени. Школа, прежде обязанная научить дѣтей простому чтенію и письму на отечественномъ языкѣ, теперь должна была отдѣлится отъ него значительную часть времени и заботъ для иныхъ цѣлей, имѣющихъ съ нимъ связь лишь при особыхъ условіяхъ, и затѣмъ закрѣпить его за этими цѣлями, обративши его въ орудіе для развитія дѣтскаго міросозерцанія и литературнаго

вліянія. Етимъ однако не былъ заверше́нь курсъ грамоты въ начальномъ обученіи. Педагогическая теорія о самоодѣятельности въ служеніи истинѣ, добру и красотѣ, какъ назначеніи челоуѣка въ жизни, и о приготолвеніи дѣтей къ этой самоодѣятельности, какъ задачѣ школьнаго воспитанія (Дистервегъ), нашла для себя наиболѣе удобный матеріалъ въ новой постановкѣ грамоты въ школахъ и скоро проникла весь курсъ ея. Упражненія въ самоодѣятельности начинались съ перваго шагу дитяти въ школѣ, сопровождали каждое занятіе его, усложнялись все болѣе и болѣе и не покидали его до конца курса. Это была не простая самоодѣятельность цѣльной дѣтской природы, но дѣятельность умственная, сознательная, отъ которой поставлено въ зависимость развитіе всѣхъ силъ дитяти, почему каждый шагъ его въ грамотѣ требовалось упреждать сознаниемъ, пониманиемъ. Съ этимъ направленіемъ школьная грамота широко раздвинула свои границы, точнѣе—она не могла уже опредѣлить своихъ границъ, такъ какъ онѣ перенесены въ туманную область самостоятельнаго дѣтскаго мышленія и самоодѣятельной дѣтской воли. Тутъ уже не возможна точная и обстоятельная программа дѣла, не возможна и книга для чтенія, которая способна была бы объять всѣ предметы упражненій и всѣ условія самоодѣятельности,—тутъ все значитъ живой исполнитель и руководитель дѣла. Такъ какъ нужды народнаго быта сами полагали предѣлъ школьному обученію, далеко на этой дорогѣ не законченному, то для школы явилась необходимость распространить вліяніе учителя за предѣлы ея и поручить его заботливости, въ развитіи самоодѣятельности, не только учениковъ, едва оставившихъ школу, но и взрослыхъ грамотныхъ людей. Такъ постепенно произошли тѣ наслоенія, которыя составили, наконецъ, курсъ отечественной грамоты въ начальной школѣ. Полный расцвѣтъ этого курса относится къ тому времени, когда въ Европѣ самыя слова: „самостоятельность“, „свобода“, „независимость“, „самоодѣя-

тельность“ и т. п. производили магическое дѣйствіе на толпу (сороковые годы). Германія, которой принадлежит вся организація этого курса, занялась и технической обработкой его. Все вниманіе педагоговъ сосредоточилось на широкой перспективѣ новыхъ условій грамотности. Въ громадной литературѣ предмета, повидимому, все изслѣдовано и определано. Методы, возбуждающіе умственную дѣятельность дѣтей, облегчающіе пониманіе предметовъ и усвоеніе знаній, развивающіе самостоятельность силъ и независимость сужденія, получили полное господство въ предметѣ. Напротивъ, методы, уводящія дѣтямъ грамоту въ собственномъ смыслѣ, частію пренебрежены и оставлены въ своемъ развитіи, частію поступили на службу новымъ задачамъ школы.

Но на самой родинѣ этого курса отечественнаго языка, несмотря на подробную обработку его въ литературѣ, полное примѣненіе его въ дѣйствительности встрѣчается весьма рѣдко, именно въ городскихъ вполне обеспеченныхъ школахъ, въ рукахъ любителей, людей со средствами, властвующихъ образованіемъ. Въ обыкновенныхъ народныхъ сельскихъ училищахъ большею частію, напротивъ, поражаетъ господство методовъ старыхъ, механическихъ. Тутъ оразу выступаетъ вся система—дѣйствовать на волю, а не на пониманіе, требовать дѣла, а не ожидать свободного расположенія къ нему. Повелительный тонъ учителя, безусловное исполненіе приказаній его, наказаніе за неисправность, часто раздающаяся команда: разъ, два, три... не только за письмомъ, но и за чтеніемъ, особенно за чтеніемъ по знакамъ прерыванія, чтеніе общее въ тактъ, разнообразныя упражненія памяти, заучиванія, повторенія, механическія формы изложенія мыслей на письмѣ, сообщеніе знаній въ тонѣ наставительномъ, внушеніе правилъ дѣятельности и т. д.—все это часто доводится до своего рода художества, которое давно уже создало народный типъ нѣмецкаго школьмейстера. Безъ

сомнѣнія, весь строй такого обученія способенъ только смутить того, кто захотѣлъ бы познакомиться въ обыкновенной нѣмецкой школѣ съ царствомъ дѣтскаго пониманія, сознательнаго усвоенія дѣтми грамоты, самостоятельной дѣятельности учениковъ, развитія міросозерцанія ихъ. Такой школьный духъ смущаетъ даже такого посторонняго наблюдателя не-нѣмца, который вовсе не расположенъ къ новѣйшей школьной системѣ. Но этотъ духъ, выросшій и окрѣпшій на національномъ духѣ народа, стойко выдерживаетъ себя, развивается и совершенствуется свои приемы и методы и смѣло отбивается отъ нападковъ новѣйшей школы. Не столько старый нѣмецкій протестантизмъ, сколько этотъ именно старый духъ и тонъ школы побѣдили Дистервега въ такъ называемыхъ *прусскихъ регулятивахъ*.

Такимъ образомъ, новѣйшая школьная система на своей родинѣ своей не только не получила господства, но и должна выносить рѣшительное противодѣйствіе со стороны старой народной школы, которое умѣряетъ ея порывы, заставляетъ уважать многія требованія ея, хотя бы то и не огласныя съ общимъ духомъ ея самой, чѣмъ въ свою очередь побуждаетъ старину обновлять себя новыми приемами. Изъ этой борьбы постепенно вырастаетъ тамъ новый типъ школы, въ которомъ новые методы и способы дружно сходятся съ священными для народа началами и основами его быта.

У насъ не то....

Старая народная школа русская давно прекратила свое существованіе, или укрылась въ темныхъ народныхъ закоулкахъ. Самое преданіе о ней доходить до насъ не въ живой своей силѣ, но въ сухой формѣ нѣсколькихъ приемовъ и способовъ, далеко не соответствующихъ нуждамъ нашего времени. У насъ, такимъ образомъ, давно уже не было живой нормы для оцѣнки всякаго приходящаго къ намъ школьнаго строя. Въ то время, когда у насъ раздава-

лись первые голоса (въ концѣ пятидесятихъ годовъ) въ пользу новѣйшей школьной системы, у насъ не было народныхъ школъ, кромѣ кое-какихъ школъ министерства государственныхъ имуществъ, по крайней мѣрѣ не было никакой определенной школьной организаци. Далѣе,—эта система черпалась у насъ не изъ живой практики, хотя бы чужой, но почти исключительно изъ книгъ, изъ теоретической постановки ея. Тѣмъ увлекательнѣе показалась она тогда. Наконецъ, пора перваго заимствованія ея совпала съ преслѣдованіемъ ея въ сосѣдней съ нами Пруссіи и съ первымъ, столь памятнымъ для насъ, возбужденіемъ общественныхъ нашихъ силъ, когда все, имѣвшее даже только видъ проsvѣщенія, прогресса, самосовнанія, самостоятельности, подѣема народныхъ силъ, способно было быстро породить и увлечь, и когда все, преслѣдуемое за эти свойства, мнимыя или дѣйствительныя, въ особенности располагало къ нему. Вотъ причины, по которымъ такъ называемая новѣйшая система школьная при самомъ появленіи оноемъ у насъ быстро стала овладѣвать умами и переходить въ дѣло, а затѣмъ безпрепятственно овладѣвать вновь открывавшимися у насъ школами и всею организациею ихъ. Правда, тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, изъ среды духовенства появились голоса противъ предпринятой тогда школьной организаци; но, не имѣя опоры въ практикѣ, эти голоса оказались слабыми, а призракъ клерикализма, вызванный изъ католическаго запада на помощь новой системѣ, вмѣстѣ съ призракомъ заматорѣвшаго протестантскаго пастора, потрясающаго предъ толпою *результивами*, доставила ей въ то время рѣшительную побѣду.

Наиболѣе полное выраженіе этой системы въ отношеніи отечественнаго языка представляютъ изданія и сочиненія: Ушинскаго, барона Корфа, Бунакова, Паульсона, Водовозова, графа Л. Н. Толстого и др., а также существующія въ печати методики предмета. Частною обработкою системы

предмета занимались въ особенности появившіеся у насъ въ немаломъ числѣ педагогическіе журналы; ей также посвящены многочисленныя сочиненія и изданія, о которыхъ мы уже упоминали. По всѣмъ этимъ изданіямъ, курсъ отечественнаго языка въ начальномъ обученіи представляется въ слѣдующемъ видѣ.

1) Обученіе открывается устными бесѣдами учителя съ учениками о предметахъ наиболѣе близкихъ къ нимъ, при чемъ самыя предметы показываются имъ въ дѣйствительности или на рисункахъ, чертежахъ, моделяхъ и т. п., наглядно. Это такъ называемое *наглядное обученіе*, или *общепредметныя уроки*. Наглядность обученія требуется по каждому предмету въ школѣ; независимо отъ сего полагается *наглядное обученіе*, какъ особый предметъ, упреждающій всѣ другіе школьныя предметы, но не имѣющій своего собственнаго содержанія, а заимствующій его у всѣхъ другихъ, подъ именемъ *общихъ*, почему и уроки эти называются *общепредметными*. Цѣлью этихъ уроковъ, или бесѣдъ полагается: 1) ознакомить дѣтей съ школьными порядками и обязанностями ихъ въ отношеніи школы; 2) по возможности исправить и приучить тѣ органы чувствъ, помощію которыхъ преимущественно производится обученіе, особенно: зрѣніе, слухъ, руку; 3) возбудить и развить способности: наблюденія, сравненія, вывода, воспоминанія, пересказа и т. д.; 4) дать дѣтямъ запасъ словъ, оборотовъ рѣчи или первыхъ правилъ и формъ для выраженія мыслей и по возможности исправить ихъ говоръ, убогій, своеобразный; 5) сообщить имъ свѣдѣнія, которыя должны составить естественную основу всего школьнаго ученія, отъ твердости которой зависятъ въ каждомъ ученикѣ всѣ его дальнѣйшіе дѣйствительныя успѣхи. Это, такимъ образомъ, пропедевтика всего школьнаго курса. Но она специально соединена съ курсомъ отечественнаго языка и въ программахъ его носитъ названіе *Первой ступени обученія грамотѣ*. Всѣ элементы ея цѣликомъ вхо-

дять затѣмъ въ составъ обученія грамотѣ въ собственномъ смыслѣ, развиваясь все болѣе и болѣе въ формахъ разнообразныхъ упражненій и сводя къ нимъ все развитіе и образованіе дѣтей.

2) *Предметныя* эти, или *наглядныя* бесѣды направляются такимъ образомъ, что послѣ 2—3 недѣльныхъ занятій естественно переходятъ въ занятія азбукой¹⁾. Учителю предоставлено избрать любой изъ методовъ звукового способа, но по преимуществу рекомендуется методъ *синкретическій*, какъ наиболѣе соответствующій желанному духу и характеру всего обученія. Этотъ способъ всецѣло опирается на предметныя, или наглядныя бесѣды, служащія продолженіемъ тѣхъ же предварительныхъ бесѣдъ и соединяющія въ себѣ тѣ же главные элементы ихъ. Тутъ уже требуется какъ можно тщательнѣе и основательнѣе проработать эти упражненія. Здѣсь, въ этихъ упражненіяхъ, подборники системы полагаютъ ключъ къ успѣху въ обученіи по этому методу. Кто мало обращаетъ вниманія на эту сторону дѣла, тотъ заранѣе осуждается ими на неудачу. Какъ способъ, переходящій къ изученію слова отъ изученія предмета, говоритъ Бунаковъ, онъ дѣйствуетъ на дѣтей всесторонне развивающимъ образомъ, развивая въ нихъ наблюдательность, мышленіе, даръ слова, а потому расширяетъ значеніе обученію грамотѣ, освобождаетъ его отъ того односторонняго характера, при которомъ оно только сообщаетъ дѣтямъ умѣнье читать и писать. Какъ способъ, соединяющій въ себѣ самыя разно-

¹⁾ При этомъ учитель тщательно предостерегается отъ „старыхъ“ способовъ обученія азбукѣ: азъ, буки, вѣди... или а, бе, ве... Эти способы признаны не подлежащими никакому усовершенствованію или развитію, соотвѣтственно назначенію грамоты, а потому „отупляющими дѣтей“. И дѣйствительно, они считаются омерзительными; никто не пробовалъ (по крайней мѣрѣ, пробы этого рода у насъ неизвѣстны), возбудить въ нихъ жизнь и способность къ усовершенствованію, хотя они пережили тысячи лѣтъ со времени самаго появленія грамоты и вплоть до нашего XIX вѣка, не уступая своего значенія никакому другому способу.

образныя и осмысленныя занятія, онъ даетъ дѣтямъ постоянную посильную работу, интересъ которой усиливается параллельно съ успѣхами дѣтей въ грамотности, а слѣдовательно вноситъ въ обученіе личный интересъ, возбуждаетъ въ дѣтяхъ самодѣятельность и охоту къ ученію¹⁾. Ясно, что обученіе азбукъ становится не цѣлю всѣхъ упражненій, но средствомъ къ тому же всестороннему развитію дѣтей, именно къ возбужденію и направленію дѣтскихъ душевныхъ силъ, къ сообщенію дѣтямъ разнообразныхъ свѣдѣній, къ упражненію ихъ въ самодѣятельности. Знаніе дѣтьми азбуки должно появиться изъ этихъ упражненій, какъ одинъ изъ результатовъ ихъ, притомъ не непосредственно вытекающій изъ нихъ, а собственно приуроченный къ нимъ, такъ какъ прямыя задачи ихъ иныя, слишкомъ отдаленныя отъ знаковъ алфавитныхъ. Ни одинъ изъ этихъ педагоговъ не обѣщаетъ, чтобы путемъ однихъ подобныхъ упражненій буквы были усвоены дѣтьми вполне правильно и прочно: какъ только дѣло коснется этой, самой существенной, стороны дѣла, такъ каждый изъ нихъ обращается къ инымъ упражненіямъ, основаннымъ на *памяти* и *навыкѣ*. Безъ всякаго сомнѣнія, память и навыкъ должны быть употребляемы при обученіи и воспитываемы въ гармоніи со всѣми душевными силами и проникаться сознаниемъ; но тѣ умственныя упражненія, которыя сопровождаютъ изученіе грамоты, слишкомъ далеко выходятъ за предѣлы своего предмета и увлекаютъ за собою память и навыкъ. Такъ какъ предметъ, т. е. звукъ и его начертаніе, не прямо, живо связанъ съ этими разсужденіями и свѣдѣніями, а произвольно, служа для нихъ поводомъ, то память и навыкъ возвращаются изъ этой области къ бук-

¹⁾ „Обученіе грамотѣ по звуковому способу“ Бувакова, стр. 4—5. Какъ по этому предмету, такъ и о дальнѣйшемъ ходѣ обученія см. также: Ушинскаго — „Руководство къ преподаванію по „Родному слову“, Паульсона — „Обученіе грамотѣ по первой учебной книгѣ“ и др. Изъ переводныхъ: Дистервега: „Начатки школьнаго обученія“.

вамъ мало или почти не подготовленными къ нимъ и принимаются за нихъ вяло, туго, механически. Механическіе способы по этому самому получили въ новѣйшей системѣ—какъ это, повидимому, ни не сообразно съ духомъ ея—широкое примѣненіе и сопровождаютъ каждый шагъ ея въ грамотности.

Тѣмъ же характеромъ проникнуто и *обученіе письму*. Множество условій соединяется для того, чтобы письмо, съ самыхъ первыхъ элементовъ его, становилось не просто письмомъ, но средствомъ къ развитію и обогащенію дѣтей свѣдѣніями.

3) Послѣ изученія всѣхъ буквъ алфавита, дѣти приступаютъ къ упражненію въ чтеніи по такъ называемой *Первой книгѣ*. Такъ какъ предыдущій процессъ сопровождается чтеніемъ отдѣльныхъ словъ на извѣстныхъ буквы и цѣлыхъ предложеній, то система эта рекомендуетъ не оставаться долго на чтеніи отдѣльныхъ словъ и предложеній, но переходить къ связнымъ статьямъ. Тутъ важнѣйшее условіе—чтобы всѣ статьи, будучи вполне доступны дѣтямъ по языку и изложенію, взяты были изъ непосредственно окружающаго дѣтей быта и представляли для дѣтей предметы наглядные. Это потому, что книга должна представить матеріалъ для тѣхъ же наглядныхъ, или предметныхъ бесѣдъ, которыя начаты съ перваго шага ученика въ школѣ. Здѣсь горизонтъ бесѣдъ расширяется и переходитъ въ такъ называемое *родноопредѣленіе*. Берутся предметы болѣе или менѣе общіе всякой деревнѣ на Руси—дома, внѣ дома, въ поляхъ, лѣсахъ, воздушныя явленія, особенно обыденныя человѣческія отношенія. Обыкновенная форма ихъ—разсказъ, басня, анекдотъ или быль, сказка и под. Избранную статью дѣти прежде всего прочитываютъ механически. Затѣмъ имъ объясняются непонятныя слова и выраженія. Послѣ того, ведутся бесѣды о предметахъ статьи, съ описаніемъ ихъ

свойствъ, отношеній, значенія въ быту, дѣлаются сравненія, выводы, предположенія, отыскиваются причины, послѣдствія и т. д.,—все это до той степени, пока дѣти поймутъ сполна всю статью, точнѣе—предметъ ея. Гдѣ тутъ предѣлы пониманія? это предоставлено личному усмотрѣнiю учителя; никакое руководство не можетъ точно обозначить ихъ. Сдѣлѣнiя и эвристика увлекаютъ и учителя, и учениковъ. Нуженъ слишкомъ опытный и просвѣщенный учитель, чтобы соблюсти мѣру и тактъ въ этой заманчивой и безбрежной области, чтобы сразу не ставить дѣтское пониманiе на ходули, не принять игру ощущенiй и воображенiя за сознанiе, мышленiе, не увлечься однѣми внѣшними формами самодѣятельности и самостоятельности. Изъ этой области, по замѣчанiю всѣхъ опытныхъ учителей, дѣти не охотно возвращаются къ упражненiямъ въ языкѣ, устнымъ и письменнымъ, и тутъ снова выступаетъ на первый планъ память и навыкъ. Послѣднiя, болѣе и болѣе воспитываясь въ легкой и заманчивой сферѣ бесѣдъ, начинаютъ тяготиться работами механическими и требовать изысканiя разнообразныхъ мѣръ, подъ видомъ игръ и развлеченiй, чтобы облегчить имъ работу. Теорiя Локка о томъ, что для дѣтей обученiе грамотѣ должно быть не серьезнымъ занятiемъ, а забавой, находить для себя много родственнаго въ нынѣшней системѣ, несмотря на громкiя слова: сознанiе, разумнѣе мышленiе, самостоятельность, самодѣятельность....

4) Всѣ указанные доселѣ элементы занятiй, развиваясь болѣе и болѣе, переходятъ въ такъ называемое *Чтенiе объяснительное*, которое служитъ затѣмъ главнымъ руководителемъ всѣхъ занятiй грамотностию, не покидаетъ ученика до конца курса, сообщая духъ и тонъ всему обученiю. Объяснительное чтенiе—не одно и то же съ объясненiемъ читаемаго: въ немъ читаемое служитъ не только предметомъ и границею объясненiй, но и поводомъ, точкою опоры для сродныхъ, близкихъ или не близкихъ къ нимъ, предметовъ.

Въ отношеніи дѣтскаго мышленія и вообще дѣтскихъ душевныхъ силъ, оно имѣетъ въ виду постепенно расширять горизонтъ ихъ дѣятельности; въ отношеніи знаній и свѣдѣній оно переходитъ отъ „родиновѣдѣнія“ къ „отечествовѣдѣнію“, отъ послѣдняго къ „міровѣдѣнію“; наконецъ, относительно самой грамоты оно имѣетъ въ виду выработку стройнѣйшей устной и письменной до оближенія съ литературной. Основую для объяснительнаго чтенія служитъ особая *Книга для чтенія*, слѣдующая послѣ *Первой* подобной книги. Требования отъ такой книги мы приведемъ изъ той же методики, о которой мы уже упоминали, что цитируемъ ее не въ силу авторитета автора, но въ силу вѣрности его авторитетамъ системы, обилія ихъ мыслей и близости къ намъ. „Книга для чтенія,—говорится здѣсь,—должна составлять, по справедливымъ словамъ одного изъ современныхъ педагоговъ (Кэра), основаніе и средоточіе всего начальнаго обученія въ школѣ... Предметы начальнаго обученія суть: чтеніе, письмо, счисленіе и Законъ Божій. Но въ настоящее время всѣми болѣе или менѣе признается, что задача начальной народной школы состоитъ не въ томъ только, чтобы научить дѣтей читать и писать, но и въ томъ еще, чтобы сообщить имъ первоначальныя, самыя необходимыя свѣдѣнія, возбудить въ нихъ любовь и стремленіе къ этимъ занятіямъ и указать путь къ самостоятельному ихъ приобрѣтенію. Главнымъ средствомъ для этого является въ начальной школѣ *Книга для чтенія*. Такъ какъ жизнь каждаго человѣка складывается изъ его отношеній къ Богу, къ природѣ и другимъ людямъ, то и знанія, необходимыя для каждаго учащагося, должны касаться этихъ областей“. Авторъ исчисляетъ и характеризуетъ затѣмъ каждый отдѣлъ, долженствующій входить въ составъ Книги для чтенія. Эти отдѣлы слѣдующіе: исторія, географія, свѣдѣнія о природѣ, объ отношеніи людей между собою и религіи. Религіозный отдѣлъ получаетъ здѣсь особый характеръ, устраняющій изъ него то, что не

подлежить требованіямъ мышленія. „Элементъ религіозно-нравственный,—говоритъ авторъ,—долженъ выражаться преимущественно въ характерѣ статей, заимствованныхъ изъ сферы человѣческихъ дѣйствій и отношеній, но отнюдь не вязываться въ формы такъ называемой прописной морали, въ видѣ поученій, назиданій, нравственныхъ сентенцій“. За удовлетвореніемъ этихъ требованій, Книга для чтенія должна „включать въ себѣ элементы для изученія родного языка“¹⁾. Впрочемъ, существующія у насъ *книги для чтенія*, отъ *Дѣтскаго міра и Христоматіи*—Ушинскаго до *Въ школу и дома*—Бунакова, представляютъ разные оттѣнки, отступающіе отъ этого типа. То, напр., вовсе исключаютъ изъ него статьи религіознаго содержанія (Бунаковъ), относя эту область всецѣло къ Закону Божію, то расширяютъ отдѣлъ литературный, составляющій у того же Бунакова цѣлую особую книгу, назначаемую собственно для городскихъ училищъ, то даютъ перевѣсъ отдѣлу естественныхъ свѣдѣній (Успенскій), то заботятся преимущественно о литературномъ изложеніи (Паульсонъ) и т. д. Но общій типъ ихъ одинъ—естественное развитіе дитяти до степени самостоятельности мышленія и дѣятельности.

При первомъ взглядѣ на каждую изъ такихъ книгъ, прежде всего бросается въ глаза, что въ ней главную работу составляютъ свѣдѣнія, знанія, возбужденіе и развитіе разнообразныхъ дѣтскихъ способностей и направленіе дѣтскаго міросозерцанія, а упражненія въ грамотѣ, языкѣ, скрыты подъ всеѣмъ этимъ, пріурочиваются къ нимъ, не имѣя самостоятельности. Представляется необходимымъ особое разъясненіе для учителя, какимъ образомъ вести эти послѣднія упражненія по Книгѣ для чтенія. Такія *руководства* дѣйствительно издаются иногда при самыхъ книгахъ,

¹⁾ Стр. 241 и 242.

или гораздо чаще особо, а затѣмъ и совсѣмъ особья изданія съ особыми статьями для упражненій. Такимъ образомъ, чѣмъ дальше развивается курсъ обученія, тѣмъ рѣзче обозначается на дѣлѣ раздвоеніе между обученіемъ грамотности въ собственномъ смыслѣ и сферою дѣтскаго развитія вообще. *Книга для чтенія* теряетъ подъ собою почву и обращается собственно въ особое, не принятое въ составъ начального обученія, курсы: исторіи, географіи, естествовѣдѣнія и т. п., къ которымъ приурочивается упражненіе въ чтеніи всѣхъ родовъ точно такъ же, какъ оно могло бы быть приурочено къ любой книгѣ, составленной для дѣтей или для простого народа, словомъ общепонятной. Въ этомъ именно раздвоеніи занятій и въ невозможности органически соединить столь разнообразныя стремленія нужно искать объясненія, почему доселѣ нѣтъ у насъ вполне удовлетворительной *Книги для чтенія*.

Не будемъ далѣе слѣдить хода обученія отечественному языку; характеръ его достаточно опредѣлился. Обращеніе грамотности въ средство развитія дѣтскихъ умственныхъ способностей, стремленіе овладѣть дѣтскимъ міросозерцаніемъ и воспитать его въ условіяхъ естественности, реализма, въ концѣ концовъ направить его къ литературѣ, какъ руководителю дальнѣйшаго развитія—вотъ главные и существенныя черты этого характера. Грамотность—не грамотность, если она не проникнута этимъ духомъ и характеромъ; внѣ этихъ условій она напередъ обрекается на тупость, механизмъ, бесполезность. Въ такой своей постановкѣ, отечественный языкъ становится хозяиномъ и распорядителемъ всего школьнаго обученія. Всѣ предметы школьнаго курса должны подчиняться ему и содѣйствовать тому же направленію воспитанія. Счетъ—не счетъ, если онъ появляется не результатомъ всесторонней умственной работы надъ числами, и методъ Груббе всегда будетъ для этой системы заманчивымъ, будетъ вызывать только поправки, упрощенія. Самое

тяжелое положеніе въ этой системѣ предстояло Закону Божию. Неизбѣжна была для него дилемма: или всеѣмъ своимъ существомъ стоять въ сторонѣ отъ процесса дѣтскаго развитія и совершенствованія, всецѣло принадлежавшаго инымъ началамъ и задачамъ, и такимъ образомъ становиться только достояніемъ холодной памяти и внѣшнихъ обязанностей, какъ официальная необходимость,—или же самому себя превращать въ средство къ тому же умственному развитію дѣтей и обогащенію ихъ свѣдѣніями, ограничивая для дѣтей усвоеніе вѣры и нравственности христіанской предѣлами и свойствами ихъ пониманія. Та или другая черта дѣйствительно становилась общими во всеѣхъ нашихъ народныхъ училищахъ, *надлежаще* устроенныхъ.

Все изложенное доселѣ даетъ возможность понимать ненормальность всей постановки отечественнаго языка въ нашихъ начальныхъ народныхъ училищахъ.

1) Прежде и болѣе всего эта система воспитанія дѣтскихъ силъ не соотвѣтствуетъ натурѣ самихъ дѣтей. Она въ самой основѣ своей выросла изъ отвлеченной теоріи высшихъ стремленій человѣка, а не изъ законовъ роста дѣтскихъ душевныхъ силъ, которыя главнымъ образомъ должны управлять системою воспитанія ихъ. Школа принимает дитя изъ рукъ семьи, изъ сферы цѣльнаго и живого вліянія. Каковы бы ни были недостатки той или другой семьи, но дитя выросло и до извѣстной степени окрѣпло въ своихъ душевныхъ силахъ только посредствомъ этого именно цѣльнаго вліянія. Уже это одно обстоятельство предохраняетъ школу отъ рѣзкой перемѣны основнаго способа развитія силъ дитяти. Но школьный возрастъ дѣтей и самъ по себѣ вызываетъ это предостереженіе для педагоговъ. Душевные силы дитяти въ это время представляютъ живую цѣльность, для которой корнемъ питанія и оживленія служитъ чувство. Если что требуетъ преимущественнаго ухода въ дѣтяхъ, такъ

это именно корень душевныхъ силъ ихъ. Дитя—не какъ взрослый человѣкъ: впечатлѣнія дѣйствуютъ въ немъ прежде всего не на мышленіе, а на расположеніе, на волю; дитя прежде пожелаетъ, даже одѣлаетъ, а потомъ думаетъ. Расположеніе воли, а не впечатлѣнія непосредственно, служатъ у него толчками и основаніями для мышленія. Этотъ періодъ вовсе не такъ рано заканчивается, какъ думаютъ (7 лѣтъ), особенно въ дѣтяхъ крестьянскихъ. Притомъ, между однимъ и другимъ періодомъ (начало мышленія) смѣна часто длится подолгу. Эта-то смѣна и есть первый школьный періодъ, который и долженъ произвести переходъ отъ одного состоянія къ другому, т. е. начать сполна первымъ и закончить началомъ второго. Правильный ростъ дѣтскихъ душевныхъ силъ требуетъ отъ школы болѣе всего вниманія къ корню ихъ. Только путемъ живого и цѣльнаго вліянія на всю душевную область дитяти, изъ корня ея, правильно могутъ подниматься и выростать душевные побѣги, составляющіе начала и основы для дальнѣйшаго развитія. Рѣзкое нарушеніе этого психологическаго дѣтскаго процесса, т. е. сразу переходъ отъ впечатлѣній къ мышленію, сознанію, лишаетъ школу должной силы вліянія на дѣтей, нарушаетъ гармонію способностей и вноситъ въ нихъ зародышъ порчи: вмѣсто дѣйствительнаго живого усвоенія преподаваемыхъ предметовъ, у дѣтей сразу поднимаются инстинкты поддѣлки подъ формы усвоенія ихъ, ухищренія, извороты, которые потомъ обращаются въ навыки. Новѣйшая система прежде всего страдаетъ этимъ именно грѣхомъ. Вмѣсто цѣльнаго и живого вліянія, вмѣсто естественнаго возрастанія душевныхъ силъ дитяти, эта система сразу приступаетъ къ раздѣленію этихъ силъ и способности умственныя, требующія особенно бережной заботливости, подготовки, выдѣляетъ надъ всеми прочими, обращая ихъ въ главный проводникъ своего вліянія. Результатъ неизбѣженъ: умственныя силы дитяти сразу ставятся на ходули, вмѣсто дѣйствительнаго мышленія и

сознанія появляются призраки ихъ. Тотъ рѣшительный методъ, который управляетъ предварительными бесѣдами, обученіемъ азбукѣ и первому чтенію, именно такимъ образомъ дѣйствуетъ на дѣтей, надѣляя ихъ не дѣйствительными свѣдѣніями и пониманіемъ, а только первоначальными внѣшними формами ихъ, и эти формы становятся потомъ основами для дальнѣйшихъ упражненій. Дѣти съ болѣе живыми способностями скоро навикаютъ въ этихъ формахъ, которыя кажутъ ихъ въ собственныхъ глазахъ выше другихъ, даже взрослыхъ, особенно въ средѣ крестьянской, кидаютъ на ухищреніе и поддѣлки въ нихъ. Дальнѣйшій ходъ дѣла уже довольно прозрачно открывается на урокахъ объяснительнаго чтенія,—это бойкая игра въ свѣдѣнія и пониманіе, погоня за способами поддѣлаться подъ нихъ. Бойкая эвристика много содѣйствуетъ дѣтямъ въ этихъ поискахъ. Конечный результатъ этого процесса понятенъ: живой подборъ формъ пониманія и неопытность, вялость дѣйствительнаго мышленія, стремленіе къ легкому чтенію и къ легкимъ занятіямъ, не требующимъ серьезныхъ усилій,—третированіе въ отношеніи окружающихъ предметовъ, а не спокойное вдумываніе въ нихъ.

Цѣльное и живое вліяніе требуетъ прежде всего полной сосредоточенности на ходѣ дѣтскаго душевнаго развитія. Живая воспріимчивость или впечатлительность должна быть направлена прежде всего на волю дитяти. Духъ любви и участія, характеръ сосредоточенный, тонъ наставительный,—вотъ главныя черты первоначальнаго преподаванія. Въ этотъ первый періодъ обученія память всецѣло еще подчинена впечатлѣніямъ и расположеніямъ, и живость ея вполнѣ равняется живости этихъ послѣднихъ. Не для чего, значитъ, пугаться механизма, тупости и т. п., о которыхъ такъ любятъ говорить при этомъ случаѣ пылкіе поборники новѣйшей системы. Не нужно забѣгать впередъ и искусственно возбуждать мышленіе. Наилучшій возбудитель мышленія и

сознанія—расположеніе. Но нужно не заманивать его у дѣтей, а воспитывать долго и внимательно. Изъ расположеній образуются навыки, которые одни только составляютъ душевный опытъ, необходимый для дѣйствительности сознанія и пониманія. Навыкъ въ каждомъ родѣ дѣлъ—это наиболѣе вѣрный указатель, что для дитяти наступила пора умственныхъ упражненій непосредственно изъ впечатлѣній.

Этому основному методу самой дѣтской природы должны подчиняться все предметы школьнаго первоначальнаго курса.

Но что всего полнѣе и живѣе отвѣчаетъ этому именно методу воспитаніе дѣтскихъ силъ, и чему по преимуществу должна быть ввѣрена главная забота объ этой правильности роста ихъ?—Религіи. Религія—это по преимуществу область цѣльнаго и живого вліянія. Цѣльнымъ существомъ своимъ она отвѣчаетъ такому вліянію, объединяя въ немъ людей всѣхъ возрастовъ. *Аще не будете яко дѣти, не увидите въ царствіе небесное*—вотъ основной духъ ея въ отношеніи къ людямъ! Дѣйствуя прямо на сердце, она вызываетъ прежде всего расположенія воли и въ нихъ уже созидаетъ побужденіе для сознательной умственной работы (пробы обратнаго метода преподаванія религіи въ школахъ, производимыя подъ вліяніемъ той же системы, дали печальные результаты). Святое чувство возбудитъ соотвѣтственный настрой воли, который отразится и на работѣ ума. Міръ дѣтскихъ ощущеній и расположеній, а потому и первыхъ правильныхъ умственныхъ упражненій, будетъ наполняться не тѣми легкими, забавными, часто смѣшными для дѣтей, предметами, и не въ той постановкѣ ихъ, которая рекомендуется для предметныхъ бесѣдъ—не тою игрою въ формы пониманія, которая часто напоминаетъ извѣстный вопросъ: „веревка вещь какая?“ и которая всегда будетъ претить здравому народному смыслу, но предметами и отношеніями священными, которые

будутъ вызывать въ дѣтяхъ соответственное ихъ серьезное и сосредоточенное настроеніе душевныхъ силъ. Эта сосредоточенность и серьезный настрой наилучшимъ образомъ подготовятъ въ дѣтской душѣ почву для всѣхъ предметовъ обученія. Не возможно придумать болѣе вѣрной и живой основы для начальной школы. Не возможно для самой грамоты въ глазахъ народа и его дѣтей поставить болѣе вѣрную опору, какъ этотъ, изстари привитый нашему народу, взглядъ на нее, какъ на дѣло святое, Божіе, которое нужно исполнять съ молитвою и благоговѣніемъ. Поставьте всѣ предметы школьнаго курса въ должное отношеніе къ религіи, пускай они не стремятся къ тому, къ чему не призваны по самому существу своему, къ захвату въ свои руки полноты дѣтскаго развитія и дѣтскаго міросозерцанія, пускай, напротивъ, всячески поддерживаютъ свою лучшую и единственную надлежащую опору, — и успѣхъ ихъ обезпеченъ. Религія окажется для нихъ не врагомъ лучшихъ изъ новѣйшихъ методовъ преподаванія, но другомъ. Она наилучше подготовитъ пути въ дѣтской душѣ и для тѣхъ предметовъ, о которыхъ такъ усиленно хлопочетъ новѣйшая система, именно для свѣдѣній объ окружающей природѣ, о родинѣ, о людскихъ отношеніяхъ, объ отечествѣ, о мірѣ.

2) Родной языкъ, или обученіе грамотѣ, по самому существу своему, всего менѣе имѣетъ претензій на энциклопедію дѣтскихъ свѣдѣній и на развитіе дѣтскаго міросозерцанія. Въ словѣ дѣйствуетъ на душу дитяти не форма его и не содержаніе, но то же живое вліяніе. Отнимите у слова это вліяніе, и оно станетъ предъ дитятей объектомъ, болѣе далекимъ отъ него, чѣмъ весь окружающій его міръ, а потому и болѣе труднымъ для изученія его, чѣмъ предметы этого міра, сохраняющіе для него свое живое вліяніе. Вотъ почему изученіе родного языка всегда будетъ самымъ труднымъ для дѣтей предметомъ, предъ которымъ прочіе предметы будутъ для нихъ отдыхомъ. Это сказывается въ ны-

нѣшней системѣ тотчасъ на предметныхъ бесѣдахъ. Дѣти охотно отвлекаются отъ занятій словомъ къ предметамъ бесѣды и не охотно расстаются съ послѣдними, чтобы снова сосредоточиться на операціяхъ съ словомъ. Между тѣмъ, языкъ дѣтей, особенно дѣтей крестьянскихъ, крайне бѣденъ, матеріально и формально; исправить его, пополнить и развить до степени общаго всѣмъ, общаго книгѣ и государству языка—это такой трудъ, который требуетъ особенныхъ усилій въ теченіе короткаго элементарнаго курса. Пока не будетъ законченъ этотъ процессъ образованія дѣтскаго языка, благоразумно ли отвлекать его отъ прямой его задачи и отнимать у него значительную часть времени, и безъ того короткаго? Но—говорятъ защитники системы—эти предметы, свѣдѣнія, облегчаютъ для дѣтей усвоеніе самой грамоты, дѣлаютъ ее сознательною, осмысленною,—безъ нихъ она останется механическою, тупою. Въ этомъ возраженіи нельзя не видѣть простаго предубѣжденія. Мы сказали уже въ своемъ мѣстѣ, что у насъ до появленія нынѣшней школьной системы прочной организаціи не было, что школа старой нашей Руси, дававшая всему народу и государству всякаго рода книжниковъ, потеряла для насъ жизненность преданія. Новая система застала только подобіе школъ, крышихся по темнымъ угламъ, съ самородными грамотеями и всякаго рода безпріютными людьми во главѣ. Призракъ этихъ-то школъ тотчасъ и выступаетъ, когда заговорятъ о недостаткахъ новой системы,—убогіе дьячки да отставные солдаты. Но мы укажемъ на тотъ же примѣръ въ расколѣ, сохранившій живыя преданія о старой русской школѣ. Учатъ въ нихъ невѣжественные „мастера“ и „мастерицы“, а между тѣмъ грамотность эта плодитъ для раскола писателей, проповѣдниковъ, книжниковъ всякаго рода, и грамотность далеко болѣе распространена въ средѣ раскольниковъ, чѣмъ въ другихъ низшихъ сферахъ народа. Секретъ здѣсь въ словѣ самой грамоты, въ духѣ обученія—сосредоточенномъ, бла-

гоговѣиномъ, внушающемъ высшее расположеніе къ грамотѣ, какъ дѣлу серьезному, святому. Ломоносовъ въ дѣтствѣ своемъ учился у книжниковъ такого же закала. Дайте этому духу просвѣщеніе, дайте ему лучшіе способы обученія, поставьте его въ тѣсный союзъ съ религіей, и тогда выступить секретъ, какъ и самая грамота въ процессѣ дѣйствуетъ на корень дѣтскаго развитія, вызываетъ соотвѣтственные расположенія у дѣтей, будить и строить мышленіе и соананіе безъ помощи облегченія и заохочиванія дѣтей разными занятными бесѣдами и игривыми упражненіями. Не станемъ и доказывать здѣсь, что мы не только не отрицаемъ пользы сообщенія дѣтямъ свѣдѣній и развитія ихъ міросозерцанія путемъ грамоты, но и желали бы возможно болѣе расширить кругъ ихъ для дѣтской души. Но для этого мы желаемъ предварительно научить дѣтей грамотѣ. Для самой возможности правильно воспринимать ихъ требуется предварительная подготовка способностей понимать и усвоить, иначе свѣдѣнія и сами выйдутъ легкими, пустыми и спутають дѣтское развитіе. Дѣло не въ томъ, чтобы непременно школьная грамота надѣлила дѣтей свѣдѣніями, а въ томъ, чтобы она непременно подготовила дѣтскія способности приобрѣтать ихъ. Мы хлопочемъ для школы только о такихъ свѣдѣніяхъ, которыя являются результатомъ, плодомъ грамотности, и не вѣримъ въ тѣ свѣдѣнія, которыя, забѣгая впередъ, стремятся стать причиною и основою самой грамотности. Мы, наконецъ, боимся, что само дѣтское міросозерцаніе подъ господствомъ обученія грамотѣ и исключительнымъ руководствомъ его станетъ одностороннимъ, даже призрачнымъ, и способно будетъ заронить въ дѣтскія души одно недовольство окружающимъ бытомъ безъ возможности исправить его. Сюда относятся и усилія многихъ изъ новѣйшихъ педагоговъ завершить элементарный курсъ грамоты ознакомленіемъ дѣтей съ произведеніями лучшихъ литературныхъ писателей. Не только полагають особые литера-

турные отдѣлы въ книгахъ для чтенія въ школѣ, но являются и особья христоматіи этого рода спеціально для начальныхъ школѣ. Мальчикъ напутствуется изъ школы укаваніемъ на литературу, какъ на источникъ высшей мудрости и нравственныхъ идей. Если бы появилась такая христоматія, въ которой собраны были бы произведенія лучшихъ писателей, разъясняющія народу непосредственно присущіе ему источники міросозерцанія, какъ-то: добрые обычаи въ народѣ, долгъ семейный, общественный и гражданскій, въ особенности долгъ религіозный, къ природѣ, въ ея ближайшемъ и наиболѣе доступномъ народу отношеніи; то мы искренно привѣтствовали бы такую книгу и ее дали бы ученику при выходѣ изъ школы, когда онъ уже твердо приготовленъ будетъ въ грамотѣ. Но порывать дѣтей къ литературнымъ именамъ чуть не съ азбуки, биться надъ ними съ литературнымъ изложеніемъ, когда собственный языкъ еще крайне бѣденъ и условенъ, направлять ихъ понятія вообще къ литературѣ, какъ лучшему руководителю, — это значитъ давать только превратное понятіе о самой литературѣ и ослаблять въ будущемъ лучшее, возможное вліяніе ея. Лучшія въ школьномъ отношеніи произведенія писателей сами собою появятся, гдѣ нужно, при обученіи грамотѣ, но они явятся здѣсь не какъ цѣль изученія и направленія міровоззрѣнія, а какъ средство къ большому и лучшему развитію языка. Результатъ выйдетъ такой же, какъ и въ отношеніи свѣдѣній; сами этого рода произведенія впоследствии только выиграютъ въ пониманіи ихъ.

Вотъ наша точка зрѣнія на предметъ. Съ этой точки стороны предмета представляются въ слѣдующей постановкѣ.

1) Предварительныя занятія учителя съ учениками должны быть отнесены къ обязанностямъ законоучителя. Все то, что полагаетъ первыя основы для дѣтскаго обученія и воспитанія въ школѣ, всего приличнѣе взять на себя За-

кону Божію, религіи. Пока дѣти не умѣютъ читать, законоучителю придется учить ихъ изустно. Чему же учить? Неужели только молитвамъ, какъ полагается по существующимъ программамъ? Нѣтъ, самыя эти молитвы побуждаютъ внести дѣтскую душу просвѣтъ на тѣ случаи, по поводу которыхъ онѣ читаются, и на всю среду, состоянія и отношенія, ради которыхъ онѣ возсылаются къ Богу. Церковь, семья, школа, деревенскій бытъ, обыденныя отношенія людскія, природа въ своихъ наиболѣе доступныхъ для дѣтей явленіяхъ,—вогъ сфера этихъ бесѣдъ. Эти бесѣды могутъ быть ведены такимъ образомъ, что молитвы войдутъ въ нихъ цѣлымъ своимъ кругомъ и получатъ въ нихъ наиболѣе живое объясненіе. Что можетъ быть разумнѣе и цѣлесообразнѣе того, чтобы первыя школьныя возбужденія дѣтской души въ отношеніи окружающей дѣтей сферы были соединены съ молитвою къ Богу и проникнуты религіознымъ духомъ! Первенцы школы въ дѣтской душѣ да будутъ посвящены Богу! Никакое другое посвященіе не произведетъ на нихъ и на дальнѣйшій ростъ ихъ такого цѣльнаго и животворнаго вліянія. Вниманіе, память, способности наблюденія, сличенія, сравненія, вывода, воображенія,—всѣ эти пробужденія умственныхъ способностей, вслѣдъ за чувствомъ и волею, безъ сомнѣнія, гораздо лучше согрѣются, оживятся и станутъ пускать побѣги подъ дыханіемъ духа религіи, чѣмъ подъ вліяніемъ тѣхъ способствъ, холодныхъ и одностороннихъ, на которыхъ держатся извѣстныя предметныя, или наглядныя бесѣды, полагаемыя въ программахъ русскаго языка. Школьныя внѣшнія распорядки не потребуютъ особыхъ бесѣдъ, такъ какъ дѣти усвоятъ порядки не путемъ объясненій, а опытомъ и упражненіемъ. Что касается собственно языка, грамоты, то учителю не для чего тратить время на предварительныя бесѣды, а развѣ, указавъ дѣтямъ на икону святыхъ творцовъ нашей грамоты, рассказать имъ, кто они были, для чего изобрѣли грамоту, чему учили по ней, ка-

кіе труды и печали понесли ради нея, да въ заключеніе разсказа сотворить съ дѣтьми молитву равноапостольнымъ просвѣтителемъ нашимъ и приниматься за свое дѣло—за азбуку и черченіе.

Здѣсь самъ собою возникаетъ вопросъ о методѣ обученія грамотѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что старые буквенные методы (азъ, буки, вѣди... а, бе, ве) въ отношеніи трудности для дѣтей не могутъ идти въ сравненіе съ методомъ звуковымъ. Но еще болѣе несомнѣнно, что и наилучшій методъ въ рукахъ учителя неумѣлаго можетъ принести для нихъ гораздо больше затрудненій, чѣмъ старый, управляемый опытною рукою. Убѣжденный, спокойный тонъ, сосредоточенность, добрая участливость къ дитяти, при несложномъ процессѣ воли и памяти, не нарушая гармоніи дѣтскихъ силъ, искушаютъ недостатокъ видимой полноты ихъ въ дѣлѣ, довѣріе къ учителю замѣнить на первый разъ и подготовить осмысленность въ немъ. Напротивъ, методъ, рассчитанный главнымъ образомъ на сознательность усвоенія, но неудачно поведенный, только спутаетъ всю душевную дѣтскую работу и отобьетъ расположеніе къ дѣлу. Для дѣла тотъ методъ наилучше, которымъ наилучше владѣетъ учитель. Безъ сомнѣнія, дидактика и образцовыя школы ознакомятъ учителей съ лучшими способами обученія азбукѣ; но обязывать каждого изъ нихъ непременно однимъ которымъ-либо изъ этихъ методовъ, хотя бы и самымъ лучшимъ, было бы рискованно. Молодому учителю, прежде чѣмъ окончательно остановиться на какомъ-либо методѣ, слѣдуетъ предварительно хорошо провѣрить свое расположеніе практикою. При изученіи азбуки по звуковому способу, послѣ каждой группы буквъ слѣдуютъ примѣры для упражненія въ сочетаніи ихъ, отдѣльныя слова и дажѣ цѣльныя предложенія, простыя и сложныя. Тутъ для учителя главнѣйшая забота—правильный выговоръ каждой буквы и каждого слова, съ объясненіемъ словъ непонятныхъ или мало понятныхъ для дѣтей. Объ-

ясненія не должны выходить за предѣлы слова. Словъ, требующихъ отвлеченія, вниманія, не должно быть здѣсь. Если бы въ принятомъ для этого руководствѣ оказались такія слова, которыя въ данной мѣстности не встрѣчаются въ разговорѣ, что, при множествѣ нашихъ разговоръ, весьма не рѣдко можетъ случиться, такія слова нужно напередъ вычеркнуть въ книгѣ, чтобы не тратить времени на объясненіе ихъ на этой ступени обученія. Никакихъ другихъ объясненій здѣсь не требуется. Изъ знаковъ препинанія встрѣтятся здѣсь только запятая и точка. Достаточно только назвать ихъ и заставлять дѣлать на нихъ соотвѣтственныя паузы.

2) Когда дѣти изучаютъ всю азбуку, упражненія въ чтеніи расширяются. Для этого или полагается особый отдѣлъ при букварѣ, или особая книжка. Такой отдѣлъ или такая Первая книга для чтенія есть специальность, которой не можетъ замѣнить другая, хотя бы и самая простая книга. Она должна быть руководствомъ къ сообщенію дѣтямъ первыхъ элементовъ правильной рѣчи. Дѣти умѣютъ уже читать, т. е. правильно выговаривать каждую букву, правильно сочетать ихъ въ слоги и въ слова, какъ посредствомъ подвижной азбуки, такъ и при чтеніи, не сливать одного слова съ другимъ, какъ при чтеніи, такъ и при подборѣ подвижныхъ буквъ. Теперь слѣдуетъ перейти съ ними къ азбукѣ рѣчи. Впередѣ пойдутъ слова, предложенія и самыя короткія статьи для болѣе отчетливаго усвоенія буквъ мягкихъ и твердыхъ, сомнительныхъ гласныхъ и согласныхъ. Далѣе слѣдуютъ простѣйшія и употребительнѣйшія сочетанія словъ, какъ первое знакомство съ частями рѣчи и съ употребительнѣйшими измѣненіями словъ, затѣмъ упражненія въ словахъ и предложеніяхъ сложныхъ, наконецъ ознакомленіе съ точкой запятой и знаками вопросительнымъ и восклицательнымъ. Всѣ эти упражненія должны быть расположены по группамъ, а въ каждой группѣ къ искомому, подлежащему объясненіямъ, должно присоединяться только извѣстное изъ преж-

нихъ группъ. Каждая такая группа уже путемъ одного чтенія будетъ класть отпечатокъ на дѣтскомъ представленіи. Всѣ объясненія должны быть производимы безъ употребленія грамматическихъ терминовъ и не выходить за предѣлы группы и ближайшаго требованія ея. Эти упражненія должны быть ведены, какъ матеріалъ для будущихъ грамматическихъ объясненій и упражненій. Учитель долженъ всецѣло сосредоточиться на этой работѣ и не смущаться необходимостію держаться въ тѣсномъ кругѣ объясненій, прямо требуемыхъ смысломъ подлежащей формы. Онъ долженъ при этомъ помнить, что чѣмъ болѣе успѣетъ самъ сосредоточиться на этомъ занятіи, тѣмъ болѣе внесетъ оживленія въ расположеніе къ нимъ дѣтей;—что это занятіе несравненно вѣрнѣе и правильнѣе вызываетъ и раститъ дѣтское мышленіе, чѣмъ заманиванія его и подстреканіе разными свѣдѣніями, положеніями и дѣйствіями людей и другихъ предметовъ, для которыхъ объясняемая форма служитъ лишь поводомъ;—что чѣмъ строже будетъ исполнена эта работа, тѣмъ правильнѣе и прочнѣе возведенъ будетъ фундаментъ для усвоенія впоследствии дѣтьми свѣдѣній, возбужденія нравственныхъ понятій, чувствъ и т. п. Безъ сомнѣнія, что всѣ примѣры и статьи въ книгѣ должны быть не только взяты изъ круга наиболѣе близкаго къ дѣтямъ быта, но и составлены изъ круга словъ, дѣтямъ извѣстныхъ. Въ этотъ періодъ обученія нужно думать не объ обогащеніи дѣтей новыми словами и свѣдѣніями, а о правильности и большей сознательности ихъ собственнаго круга словъ и выраженій, что въ простонародіи представить не малый трудъ.

Книга, составленная въ такой задачѣ, безъ сомнѣнія, по содержанію и духу статей должна быть въ согласіи съ духомъ школы и избѣгать того своеобразнаго реализма, которымъ обыкновенно наполняются книги для первыхъ упражненій въ чтеніи, и которому столь дивуется простой крестьянинъ, ожидающій отъ школы наученія и свѣта для сво-

ей темноты. Но нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые желали бы, чтобы первую книгою для чтенія была непременно книга священнаго содержанія, напр., священная исторія или под. Это было бы крайностію, противоположною воззрѣніемъ реализма. Статьи такого содержанія совершенно необходимы въ Первой книгѣ, но какъ завершеніе и приложение къ дѣлу упражненій въ чтеніи. Для этого слѣдуетъ помѣстить ихъ въ концѣ cadaго отдѣла упражненій: маленькій разсказъ или описаніе и под. священнаго содержанія, съ нѣсколькими примѣрами въ языкѣ на тему упражненій этого отдѣла, прочтется дѣтьми, подъ руководствомъ учителя, спокойно, серьезно, именно какъ завершеніе бывшей работы и надлежащее приложение ея, и оставитъ въ дѣтской душѣ отпечатокъ, свойственный духу и характеру его.

Еще Ушинскій выразился: „Написать Первую книгу послѣ азбуки—едва ли не самая трудная задача во всей дидактикѣ“! Конечно, онъ имѣлъ въ виду сложность задачи, имъ же самимъ закрѣпленной въ системѣ нашей начальной народной школы. Но упрощеніе этой задачи упроститъ и трудъ составленія книги.

3) Дальнѣйшія упражненія учениковъ въ языкѣ будутъ имѣть слѣдующій видъ, постепенно развивающійся и усложняющійся до степени надлежащаго умѣнья читать и писать:

а) чтеніе правильное, свободное, выразительное, толковое;

б) повтореніе и повѣрка всѣхъ уже усвоенныхъ учениками свѣдѣній и навыковъ въ языкѣ;

в) усвоеніе новыхъ словъ и оборотовъ рѣчи и развитіе формъ ихъ до степени положенной сознательной грамматической правильности и полноты;

г) разборъ частныхъ и общей мысли статьи или ходъ выраженія главной мысли;

д) пересказъ дѣтymi цѣлой статьи какъ въ послѣдовательномъ порядкѣ мыслей, такъ и сокращенно до выраженія ея однимъ основнымъ положеніемъ;

е) письменные отвѣты на главные вопросы въ статьѣ, письменное изложеніе пересказа въ полномъ и сокращенномъ видѣ;

ж) списыванье съ книги, диктовка, частныя упражненія грамматическія, заучиваніе статей.

Этими занятіями опредѣляется и характеръ Книги для чтенія въ школѣ. У насъ существуетъ значительное количество изданій этого рода. Но трудно сдѣлать между ними выборъ книги, вполне пригодной для школы. Всѣ онѣ или заняты главнымъ образомъ заботами объ энциклопедіи дѣтскихъ свѣдѣній и о кругѣ дѣтскаго міросозерцанія и потомъ уже объ упражненіяхъ въ языкѣ, или представляютъ наборъ статей безъ всякой руководящей мысли. Въ послѣднее время, послѣ обнародованія Правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, стали появляться Книги для чтенія, специально назначаемыя для этихъ школъ. Подлежащее вѣдомство еще не успѣло издать программъ и опредѣлить способъ выполненія ихъ, а услужливые книжники спѣшатъ уже съ готовыми руководствами для нихъ. Это обстоятельство само по себѣ уже предостерегаетъ отъ довѣрія къ этимъ книгамъ. Несмотря однако на такое положеніе дѣла, нельзя согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ о замѣнѣ подобной книги священной исторіею. Если опытные педагоги, напр. авторъ *Записки объ образцовыхъ училищахъ при духовныхъ семинаріяхъ*, указываютъ учителямъ въ морѣ книгъ на священную исторію, то вовсе не потому, чтобы такая книга излишняя была при ней, но единственно потому, что вполне пригодной для этой цѣли книги доселѣ нѣтъ у насъ.

Простое психологическое наблюденіе убѣждаетъ, что дѣтская мысль, упражняемая въ кругѣ лишь одного рода

предметовъ, становится боязливою при встрѣчѣ съ предметами другого рода и затрудняется въ обращеніи съ ними. Дитя и пойметъ, да не увѣрено въ себя, не привычно къ выраженію въ данномъ кругѣ предметовъ—совершенно такъ же, какъ, выросши въ своей семьѣ, въ кругу однихъ и тѣхъ же лицъ, оно стѣсняется въ другой семьѣ, въ присутствіи другихъ такихъ же дѣтей. Ученикъ начальной школы, по выходѣ изъ нея, очутится точно въ такомъ же положеніи. Однообразное чтеніе развиваетъ съ теченіемъ времени неумѣлость и даже тупость въ отношеніи къ содержанію иного рода. Кому не приходилось въ крестьянскомъ быту встрѣчать бойкихъ начетчиковъ религіозныхъ, совершенно бесполезныхъ для народа въ бытовыхъ нуждахъ его,—прогнанный со службы писарь и т. п. перехватываютъ у него вліяніе на народъ. Это — крайность, противоположная крайности и односторонности энциклопедизма и заботъ о міросозерцаніи, которые даютъ такой же результатъ — гонять грамотеевъ изъ среды народа въ города, на фабрики, къ легкимъ профессіямъ, оставляя его на произволъ всякихъ выбросковъ изъ громаднаго круга. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается главнымъ образомъ необходимость для грамотности содержанія разнообразнаго, именно—указываемаго прямыми нуждами народнаго быта.

Что касается языка, то языкъ дѣтей, особенно дѣтей простонародья, крестьянскихъ, говоритъ въ этомъ дѣлѣ самъ за себя. Это языкъ крайне бѣдный, условный. Послѣ ближайшей выправки его наличности предыдущими упражненіями, необходимо затѣмъ пополнять его новыми словами и разнообразными формами и отношеніями ихъ, новыми оборотами и формами рѣчи до степени полноты, опредѣленности и точности выраженія въ устной рѣчи и на письмѣ. Разнообразіе нашихъ народныхъ говоровъ представляетъ значительный трудъ для того, чтобы привести дѣтей къ единому во всей Руси языку. Эти требованія, очевидно, не выпол-

нимы или слабо будутъ исполнены при обученіи дѣтей по священной исторіи, какъ и по другой какой-либо книгѣ одного спеціальнаго содержанія, представляющей языкъ одного, извѣстнаго строя и однообразный кругъ словъ и оборотовъ рѣчи.

Прибавимъ ко всему этому еще одно замѣчаніе. Священное содержаніе книги для чтенія должно имѣть въ виду соотвѣтственное настроеніе дѣтской души; употреблять его ради упражненій въ языкъ значило бы лишать его главнаго вліянія на дѣтей и дѣлать достояніемъ только холоднаго воспріятія. Конечно, опытная рука нашлась бы въ этомъ дѣлѣ, но возлагать эту обязанность на всякаго преподавателя слишкомъ рискованно.

Соотвѣтственно изложеннымъ требованіямъ, *Книга для чтенія* а) должна отказаться отъ претензіи на энциклопедію свѣдѣній и кругъ міросозерцанія, т. е. отъ того отдѣла статей, который въ существующихъ изданіяхъ спеціально назначается для этой цѣли, но ограничиться статьями, которыя были бы пройдены указаннымъ нами способомъ, въ полномъ его составѣ или въ необходимѣйшихъ частяхъ; б) должна заключать въ себѣ статьи разнообразнаго содержанія, имѣющаго непосредственное отношеніе не къ тому идеалу развитаго крестьянскаго мальчика, о которомъ мечтаютъ книги новѣйшей формаціи, но къ тому народному быту, который приметъ его непосредственно изъ рукъ школы, и который ждетъ отъ нея проку для своего собственнаго благобыта. Это вовсе не то значитъ, чтобы насильственно закрѣплять мальчика за его деревней, но то, чтобы не гнать его насильственно изъ деревни въ мѣста неопредѣленныя или не заставлятъ его, оставаясь въ деревнѣ, махнуть на все рукою и бросить самую грамоту. Въ результатѣ указанныхъ нами занятій по этой книгѣ окажется меньше свѣдѣній, чѣмъ сколько ихъ сообщается путемъ заботъ объ энциклопедіи

ихъ и мировоззрѣніи, но эти свѣдѣнія не будутъ усвоены поверхностно, торопливо, не будутъ громоздиться и давить другъ друга, не будутъ рости пртензій на всезнайство, а улягутся въ душѣ сознательно, прочно, почему и будутъ служить дѣйствительною опоркою для дальнѣйшаго развитія и умноженія ихъ. Для усвоенія дѣтьми свѣдѣній въ полнотѣ и прочности, необходима прежде всего достаточная полнота и прочность самой грамотности, т. е. тщательной обработки самой формы, въ которой излагаются отдѣльныя свѣдѣнія. Это азбука и первое чтеніе свѣдѣній. Необходимую полноту ихъ должна указать затѣмъ или сама жизнь, или, кому понадобится, школа двухклассная, въ которой они будутъ сообщены въ системѣ, а не въ произвольномъ подборѣ.

Скажутъ: священная исторія, объясненіе богослуженія, катехизисъ преподаются въ школѣ въ полнотѣ и системѣ свѣдѣній... Но свѣдѣнія этого рода получаются инымъ путемъ и имѣютъ иной характеръ и значеніе, чѣмъ свѣдѣнія, о которыхъ у насъ рѣчь. Свѣдѣнія о священныхъ предметахъ и сообщаются дѣтямъ, и получаются ими путемъ не пытливости простой, но довѣрія къ предмету, точнѣе путемъ вѣры въ Творца, Промыслителя и Спасителя нашего, и служить не для возбужденія любознательности, а для развитія и укрѣпленія той же вѣры и преданности Богу. Правда, новѣйшая постановка грамотности въ школахъ произвела было особенныя заботы и о свѣдѣніяхъ, составляющихъ курсъ Закона Божія, появились и методики этого рода; но эти заботы только отвлекли вниманіе оо. законоучителей отъ того, что въ этомъ дѣлѣ *едино есть на потребу*, обратили преподаваніе религіи въ достояніе холодной памяти, отсюда и произвели недостатокъ религіозно-нравственнаго воспитанія въ школахъ.

На этомъ же самомъ основаніи, для статей религіознаго содержанія, полагаемыхъ въ книгѣ для чтенія въ школѣ,

должно быть сдѣлано соотвѣтственное имъ отступленіе отъ указаннаго нами характера упражненій. Онѣ должны быть помѣщены здѣсь не въ видѣ особаго отдѣла (какъ и всѣ другія), а по возможности въ заключеніи нѣсколькихъ (двухъ-трехъ и болѣе) статей, имѣющихъ въ виду извѣстную группу или степень упражненія, и каждая изъ нихъ по языку и изложенію должна не превышать свѣдѣній этой ступени. Такую статью учитель самъ прочтетъ дѣтямъ воуухъ, а въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла онъ будетъ поручать это чтеніе и лучшему изъ учениковъ послѣ предварительнаго приготовленія, дѣти будутъ *слушать* его чтеніе, которое остальные будутъ слѣдить по книжкѣ. Провѣрка, затѣмъ, дѣтскихъ впечатлѣній должна быть ведена осторожно, дабы прочитанное не осталось достояніемъ одной холодной памяти, но согрѣто было чувствомъ. Такого рода чтеніе, кромѣ главнаго свойства предмета—назиданія, будетъ служить и упражненіемъ въ слѣдующемъ: а) въ чтеніи выразительномъ, толковомъ. Несмотря на то, что такія чтенія постепенно готовятъ упражненія въ языкѣ и условливаются успѣхами въ грамотности, они не могутъ обойтись безъ живого вліянія, примѣра. Дистервегъ замѣтилъ, что „умѣнье читать основывается прежде всего на подражаніи“, и что „на сколько учитель самъ усвоилъ искусство обученія, на столько онъ способенъ обучать чтенію“. Чтеніе самого учителя необходимо въ теченіе всего школьнаго курса, начиная съ того времени, когда дѣти еще не умѣютъ читать. Въ статьяхъ, о которыхъ у насъ рѣчь, примѣръ учителя найдетъ для себя наилучшее употребленіе. б) Въ приученіи дѣтей *слушать* чтеніе, особенно же назидательное—внимательно, спокойно, сосредоточенно, имѣя въ виду доброе наставленіе. Этого рода упражненіе большею частію игнорируется учителями, а между тѣмъ оно не дается ученикамъ само собою при помощи иныхъ занятій, но требуетъ упражненія и навыка. На священныхъ предметахъ всего удобнѣе приучать ихъ къ такому

слушанію. в) Путемъ этихъ занятій дѣти будутъ приучаться *читать* такія статьи и книги *вслухъ въ семьяхъ*, гдѣ по праздникамъ, и особенно въ зимніе вечера, столько бываетъ потребности въ томъ. Прочитанную такимъ образомъ статью всякій разъ полезно было бы напоминать дѣтямъ по прочтеніи ея вслухъ въ семьяхъ.

Языкъ всѣхъ статей Книги для чтенія долженъ быть простъ, безъ литературныхъ замашекъ, но и безъ поддѣлки подъ народный складъ рѣчи. Литературныя свойства языка и самыя простыя не доступны для дѣтей элементарнаго курса, имъ мѣсто развѣ во второмъ классѣ. Поэтому нѣтъ надобности искать статей для такой *Книги* непременно у писателей извѣстныхъ, образцовыхъ, — именно то, что есть въ такихъ статьяхъ образцоваго, то и наиболѣе не доступно дѣтямъ при обученіи языку. Чѣмъ больше дѣти будутъ навывать въ обыкновенной правильной рѣчи, тѣмъ прочнѣе будутъ подготавливаться къ пониманію художественной простоты ея. Торопливость къ изученію литературныхъ образцовъ производитъ въ дѣтяхъ только помѣсь той и другой простоты и ослабленіе вкуса или чутья къ простотѣ художественной. По этой же причинѣ и стихотворенія, помѣщаемыя въ *Книгѣ*, должны быть наиболѣе близки къ простой правильной рѣчи. Вовсе не значить все это, чтобы мы отрывали элементарную школу отъ всякаго общенія съ литературою (художественною), съ именами Пушкина, Тургенева, Гоголя и т. д. Напротивъ, мы убѣждены, что только предварительное твердое усвоеніе простой правильной рѣчи можетъ подготовить дѣтей между прочимъ и къ чтенію доступныхъ имъ произведеній этого рода. Мы желаемъ только не забѣгать впередъ и не создавать для дѣтей иллюзію рѣчи, вмѣсто дѣйствительнаго обладанія ею. Съ другой стороны, извѣстно нерасположеніе самого народа къ поддѣлкѣ подъ его языкъ, особенно въ книгахъ. Съ формами своего говора

онъ привыкъ соединять значеніе своей темноты; не по предразсудку, а въ силу вѣковой привычки ему трудно относиться къ нимъ иначе, трудно выйти съ ними изъ темноты. Только рѣчь правильная, простая—болѣе точное выраженіе мысли—помогаетъ ему въ этомъ и затѣмъ самый говоръ его оживаетъ для него. Владѣть народною рѣчью до степени яснаго и отчетливаго выраженія разнообразныхъ душевныхъ состояній могутъ только художники слова. Но о художествѣ языка мы уже сказали. Вообще, простая правильная рѣчь—это насущный хлѣбъ въ быту народа во всѣхъ отношеніяхъ. Трудъ надъ выработкой такой рѣчи потребуетъ цѣлаго курса элементарной народной школы.

Форма изложенія статей въ Книгѣ—разсказъ и описаніе, имѣющіе нѣсколько видовъ. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе въ нынѣшнихъ изданіяхъ *басни*, признаваемые наиболѣе простыми, доступными и удобными для дѣтей формами для первыхъ упражненій. Говорятъ при этомъ о народности этой формы, о неподражаемой полнотѣ, ясности и мѣткости выраженія, о занимательности, близости къ природѣ и т. д. Но забываютъ одно—что народъ не любитъ басни и пользуется ею не для мудрости своей, но для развлеченія. „Баснямъ въ школахъ учать“, — говорится въ немъ съ упрекомъ. Мы видѣли происхожденіе басенъ и подъ въ начальномъ обученіи. Отвлеченная теорія, а не дѣйствительная жизнь дала имъ педагогическое значеніе. Періодъ творчества этого рода въ народѣ давно прошелъ, забыть, басня потеряла для него свой прямой смыслъ. Она остается теперь археологическимъ памятникомъ, который можетъ быть призванъ къ жизни только при помощи образованія, творчества, художества. Наиболѣе простыя и самыя лучшія басни принадлежатъ извѣстнымъ поэтамъ и писателямъ. То, что въ этихъ произведеніяхъ наиболѣе характерно и существенно, можетъ быть понято только съ помощію образованія.

Лафонтенъ, Крыловъ и т. п. писали свои басни для образованнаго общества, а не для народа и не для дѣтей. Въ литературѣ былъ такой періодъ, было такое направленіе, съ которымъ совпадала форма басни. Это направленіе давно прошло, съ педагогической теоріей естественнаго развитія душевныхъ силъ эта форма совпала тѣснѣе, питая въ немъ мечту о естественномъ дѣтскомъ міросозерцаніи. Но школа никогда не сдѣлаетъ басню надлежаще поучительною для дѣтей, такъ же, какъ не возвыситъ ихъ до смысла образованнаго общества. Басня останется для нихъ только забавною своею стороною. Школа слѣдуетъ своей теоріи, но въ семьяхъ извѣстно, что дѣти охладѣваютъ къ баснямъ тотчасъ, какъ только ознакомятся съ другою формою изложенія; они готовятъ басни только для уроковъ и считаютъ для себя даже обиднымъ, когда имъ предлагаютъ басни для обыкновеннаго чтенія, или возьмутся за нихъ только для развлечения, забавы. То же почти самое нужно замѣтить и о сказкахъ, хотя сказка представляетъ болѣе серьезную форму, чѣмъ басня. Не даромъ „Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ“ — Пушкина привнается геніальнымъ произведеніемъ. Нужна великая сила творческая, чтобы сказка не осталась для дѣтей, какъ и для народа, только праядною забавою, развлеченіемъ. На этихъ же самыхъ основаніяхъ получаетъ свою цѣну и *анекдотъ* — обыкновенная форма въ нынѣшнихъ *книгахъ для чтенія* для начальныхъ упражненій, наравнѣ съ баснею и былью. Особенно нужно избѣгать анекдотовъ сатирическихъ. Въ нынѣшнихъ книгахъ, на примѣръ, заурядны забавные анекдоты про глупости мужика, часто старика, про слѣпыхъ и глухихъ и т. д.¹⁾ Дѣти скорѣе поймутъ такія статьи въ превратномъ, чѣмъ въ прямомъ смыслѣ, который трудно дается имъ въ этой формѣ, и злоупотребятъ имъ. Но и са-

¹⁾ Въ книжкѣ, напр., Бунакова первая же статья *Мужикъ и Заяцъ*, въ первой книгѣ гр. Л. Толстого вторая статья *Слѣпой и Глухой*. Не говоримъ о другихъ.

мая благовидная форма анекдота не должна быть употребляема въ отношеніи предметовъ религіозно-нравственныхъ, что также начинаетъ появляться съ благонамѣренною цѣлію упростить для дѣтей пониманіе, заинтересовать ихъ предметомъ, но что только даетъ этимъ предметамъ фальшивую окраску.

4) При обученіи грамматическимъ требованіямъ рѣчи встрѣчается недоразумѣніе, легко устранимое. Отрицая необходимость употребленія грамматическихъ терминовъ, нѣкоторые требуютъ однакоже сознательной правильности чтенія и письма и выясненія условій правильности на примѣрахъ. Но коль скоро дѣти приучатся на примѣрахъ узнавать существенныя требованія, то почему же послѣ этого нельзя закрѣпить эти требованія въ ихъ памяти формулами и терминами грамматическими? Боятся грамматическихъ терминовъ можно только при воспоминаніи объ обратномъ методѣ обученія грамматикѣ; но когда дѣти поняли существо дѣла, не можетъ быть опасенія, будто грамматическія обобщенія и формулы превьсятъ ихъ силы. Было бы слишкомъ ошибочнымъ надѣяться, что дѣти достаточно прочно могутъ усвоить себѣ эти требованія при помощи объясненій и упражненій на примѣрахъ. Слишкомъ слабо еще дѣтское пониманіе, чтобы рассчитывать исключительно на силу его въ такомъ разнообразіи, какое представляютъ условія правильности рѣчи, особенно по выходѣ дѣтей изъ школы. Оно всегда будетъ нуждаться въ менторѣ, который напоминалъ бы ему существо дѣла, побуждалъ бы потомъ болѣе и болѣе вникать въ него и укрѣпляться въ немъ, въ противномъ случаѣ школьное пониманіе быстро изсякнетъ, останутся развѣ тѣ изъ навыковъ, которые прочнѣе успѣли укрѣпиться въ школѣ, но и они постепенно будутъ терять смыслъ. Такимъ менторомъ для дѣтей могутъ служить только грамматическія термины и формулы, когда они получаютъ для нихъ, какъ выводъ изъ опыта и какъ вывѣска требованій правильности

рѣчи. Иной вопросъ о степени усвоенія дѣтьми правильно-сти рѣчи и закрѣпленія ея грамматическими формулами. Этою степенью опредѣляютъ и границы элементарнаго курса грамоты въ школѣ. Но она зависитъ отъ многихъ условий, не для каждой школы одинаковыхъ. Мы только констатируемъ, что безъ ознакомленія съ элементарными грамматическими формулами нельзя считать курсъ грамоты въ школѣ оконченнымъ.

5) Что касается вопроса о неудобствѣ учительской самодѣятельности въ изобрѣтеніи примѣровъ для упражненій, то онъ имѣетъ значеніе только въ отношеніи учителей мало-свѣдущихъ и малоопытныхъ, но отнюдь не долженъ быть правиломъ для всѣхъ учителей. Само дѣло будетъ подсказывать и учителю, и ученикамъ необходимость такой работы, потому что самая идеальная книга не можетъ объять всѣхъ примѣровъ, требуемыхъ живымъ дѣломъ, и та книга, которая претендовала бы на исключеніе изъ упражненій примѣровъ помимо нея, напередъ обречена была бы на недовѣріе къ ней.

6) Наконецъ, замѣчанія относительно обученія письму и изложенію мыслей на письмѣ.

Мнѣніе о вредѣ совмѣстнаго обученія чтенію и письму не можетъ быть принято безусловно, если дѣло идетъ о чистописаніи. Чистописаніе имѣетъ свою систему, которая въ рукахъ учителя внимательнаго и умѣлаго не будетъ затруднена копированіемъ буквъ при изученіи азбуки, какъ не затрудняется, а напротивъ облегчается она предварительнымъ черченіемъ, которое не можетъ быть на первыхъ порахъ правильнымъ. Все дѣло здѣсь въ учителѣ, и вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ на мѣстѣ тѣмъ же способомъ, какъ и вопросъ о способѣ обученія азбукѣ. Иное дѣло, когда письмо-чтеніе употребляется не столько для болѣе скорого и болѣе точнаго усвоенія начертанія буквъ, сколько въ цѣляхъ болѣе широкой дѣятельности и болѣе скорого развитія дѣтскихъ

умственныхъ силъ, съ предварительными наглядными бесѣдами, сообщеніемъ запаса свѣдѣній и т. п. Считаемо лишнимъ примѣнять здѣсь наше мнѣніе, высказанное по этому дѣлу въ своемъ мѣстѣ. Единственная тенденція, которой можетъ и должно служить письмо, это—самое существо его, какъ второй, органической паловины грамоты. Оно должно постоянно находиться въ тѣснѣйшей связи съ первою половиною дѣла—чтеніемъ, стремиться къ одной съ нимъ цѣли и обладать одними и тѣми же свойствами: правильностью, свободою, выразительностію, толковостію. Руководства къ обученію письму, составленныя въ связи съ обученіемъ правописанію (напр. Гербача), слѣдуетъ предпочитать всѣмъ другимъ.

Относительно изложенія мыслей на письмѣ „своихъ собственныхъ“, самостоятельно выработанныхъ дѣтьми, замѣтимъ, что эта дѣтская работа должна быть принята въ очень ограниченномъ смыслѣ. Понятія: „самостоятельность“, „самостоятельная выработка“ мыслей спутываютъ учителей молодыхъ, малоопытныхъ, особенно же способныхъ и усердныхъ между ними, которые прилагаютъ все стараніе, чтобы поскорѣе добиться отъ дѣтей мыслей „самостоятельно выработанныхъ“, и въ погонѣ за такими мыслями упускаютъ изъ виду надлежащую обработку мыслей готовыхъ. Такія мысли для сочиненія должны быть выработаны учениками подъ руководствомъ учителя (основная мысль и главныя стороны ея), и только обработаны учениками самостоятельно, на письмѣ. Разказъ, описаніе, письмо—обычныя формы такъ называемыхъ школьныхъ дѣтскихъ сочиненій, составляющихъ завершеніе курса грамоты, могутъ быть съ пользою употребляемы въ школѣ только при соблюденіи этого именно условія предварительной выработки мыслей учениками съ учителемъ. Помимо этого условія, самодѣятельность послужитъ скорѣе къ развитію ходульности мыслей, а не къ образованію ихъ. И возрастъ дѣтей, и короткій срокъ школьнаго

курса, и самое существо дѣла требуютъ отнюдь не торопиться къ самостоятельности, независимости дѣтей въ изобрѣтеніи мыслей для сочиненія, но ограничиться твердыми и разумными тѣми упражненіями ихъ мышленія, какія указаны цѣлою совокупностію курса грамоты, потому что они одни служатъ основами для самостоятельности и мыслей, и вложенія ихъ. Жизнь будетъ лучшей учительницею самостоятельности и въ этомъ отношеніи.

О постановкѣ церковно-славянскаго языка въ церковно-приходскихъ школахъ.

Относительно постановки церковно-славянскаго языка въ церковно-приходскихъ школахъ мы прежде всего приходимъ къ убѣжденію, что славянскій языкъ долженъ составить въ церковно-приходскихъ школахъ не отдѣльную часть въ программѣ русскаго языка, подобно школамъ другихъ вѣдомствъ, но особый предметъ, и что этому языку должно быть дано, послѣ Закона Божія, первенствующее значеніе, какъ главному орудію церковно-религіознаго духа, которымъ должна быть проникнута церковно-приходская школа. Но въ постановкѣ этого предмета есть такія стороны, которыя способны свести значеніе его только на формальную дорогу и сообщить ему только признакъ первенства въ церковно-приходской школѣ. И полное подчиненіе церковно-славянскаго обученія требованіямъ „новѣйшей“ педагогики, и строгая выдержка его по системѣ предковъ одинаково могутъ поколебать и затемнить истинный смыслъ его.

„Новѣйшая“ педагогика родилась, выросла и получила господство внѣ всякаго общенія съ духомъ и характеромъ православной вѣры. Это одно обстоятельство уже внушаетъ не подчиненное, но самостоятельное и осторожное отношеніе къ требованіямъ педагогики въ воспитаніи православно-религіозномъ. Основное правило ея—давать дѣтямъ въ школѣ матеріалъ, доступный разумѣнію ихъ, и основная задача педагогическаго преподаванія—достигнуть съ ними понима-

нія этого матеріала, въ отношеніи православной Церкви, доводятъ учениковъ только до полупути и бросаютъ его, такъ сказать, у порога церковнаго. Православная церковность не только не враждуетъ съ разумніемъ, но, напротивъ, даже возсылаетъ молитвы къ Богу о ниспосланіи его вѣрующимъ. Но не въ разумніи только ея задача, а главнымъ образомъ въ духъ и характеръ, который она стремится усвоить христіанину, какъ источникъ и основаніе добрыхъ дѣлъ, спасающихъ его вмѣстѣ съ вѣрою. Какимъ образомъ школа можетъ пособить этому требованію православной церковности? „Новѣйшая“ педагогика на этотъ вопросъ не отвѣчаетъ, точнѣе—игнорируетъ его, какъ область, чужую ей. Если она, по признанію новѣйшихъ изслѣдователей ея¹⁾, страдаетъ „преобладаніемъ интеллектуальности“ и „весьма мало обращаетъ вниманія на этику“, да и сама вообще „не можетъ заявить претензіи на серьезную науку“, то какое же отношеніе она можетъ имѣть къ православной церковности—этой по преимуществу области христіанскаго чувства и нравственнаго духа, и почему обученіе въ духъ православной церковности должно слѣдовать ея указаніямъ отъ начала до конца? Еще понятно подчиненіе ей тамъ, гдѣ дѣти до совершеннолѣтія не суть члены Церкви, гдѣ достоинство вѣры дѣлится въ христіанинѣ степенью уразумѣнія ея, гдѣ церковность, богослуженіе отсутствуютъ (лютеранство). Но и тамъ происходитъ постоянная борьба съ „новѣйшею“ педагогикой, ради огражденія исповѣданія вѣры, противъ стремленія очистить его для учениковъ отъ всего, не доступнаго разумнію ихъ, и низвести въ разрядъ естественныхъ благочестивыхъ сентенцій. У насъ же строгое приложеніе требованій „новѣйшей“ педагогиги способно было бы извратить церковность въ существѣ ея, дѣти могли

¹⁾ Курсъ педагогиги—М. Олесницкаго. Кіевъ, 1885 года. Выпускъ I, стр. 2 и 4.

бы отлично разумѣть славянскій языкъ, но стать холодными и безучастными къ церковному духу и характеру. Можно было бы славянскій языкъ вполне подчинить всѣмъ новѣйшимъ методамъ, если бы онъ разсматривался, какъ цѣль, какъ средство образовательное. Но въ церковно-приходской школѣ онъ имѣетъ значеніе воспитательное, православно-церковное, а въ такомъ случаѣ самые методы должны условиваться не удобствомъ только изученія его, но—и главнымъ образомъ—потребностями церковности, усвоеніемъ дѣтямъ духа церковнаго.

Извѣстно, что славянскій языкъ преподается въ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія по всѣмъ правиламъ „новѣйшей“ педагогики; но извѣстно также, что само министерство народнаго просвѣщенія признало успѣхи въ немъ въ этихъ школахъ неудовлетворительными и изыскиваетъ способы къ должной постановкѣ его, а всеобщій голосъ духовенства признаетъ въ этихъ школахъ недостатокъ религіознаго духа; въ свою очередь голоса изъ народа выражаютъ жалобу, что эти школы не учатъ дѣтей „божественному“. Одинъ педагогъ имѣлъ случай наблюдать обученіе церковно-славянскому языку въ этихъ школахъ и вотъ какъ описываетъ его. „Когда такой учитель даетъ урокъ объяснительнаго чтенія, особенно въ предварительной катихизаціи, нагляднаго обученія, умственнаго очисленія, то онъ является, такъ сказать, во всеоружіи методическаго искусства: урокъ идетъ правильно, послѣдовательно, ученики легко воспринимаютъ и усваиваютъ преподаваемое,—словомъ, урокъ, съ точки зрѣнія современной педагогики, можно признать образцовымъ. Но лишь только переходитъ онъ къ церковно-славянскому чтенію, гдѣ вся его методическая выработанность сказывается блестящею мишурою, какъ тотъ же учитель оказывается неузнаваемымъ: объясненія его жалки, а иногда совершенно не правильны, зна-

нія скудны, веденіе дѣла неумѣлое“. Самъ педагогъ объясняетъ такое печальное явленіе въ учителѣ „весьма скуднымъ запасомъ свѣдѣній по славянскому языку“, выносимыхъ воспитанниками изъ педагогическихъ семинарій, и пренебреженіемъ къ предмету. Но происхожденіе самой скудости свѣдѣній и пренебреженія къ славянскому языку онъ не касается. Между тѣмъ, „съ точки зрѣнія современной педагогики“, иначе и быть не можетъ. Вѣдь эта точка требуетъ устранять все непонятное въ языкѣ или трудное для объясненій и разумнаго усвоенія учениками! Вѣдь она требуетъ *подбирать* слова для упражненія въ чтеніи болѣе доступныя для нихъ по смыслу! Съ этой-то точки и возникаетъ нерасположеніе къ часослову и псалтири, какъ учебнымъ книгамъ, и предпочтеніе евангелія, преимущественно въ исторической его части, какъ наиболѣе простаго по языку и доступнаго разумѣнію учениковъ. Самъ преподаватель, защищающій постановку церковно-славянскаго языка по требованіямъ современной педагогики, склоненъ устранить псалтирь и часословъ изъ курса церковно-приходскихъ школъ, по трудности языка ихъ и лирическому духу псалтири, и допускаетъ ихъ только потому, что ученики должны читать въ церкви. При такой постановкѣ языка, запасъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій окажется неизбежно весьма скуднымъ, а слова и выраженія *трудныя*, а потому и обойденныя въ школъ, обратятся потомъ—пожалуй—въ пугало для учениковъ и послужатъ сѣменами къ холодности и даже пренебреженію къ церковно-славянскому языку въ его подлинномъ употребленіи, а не въ *подобранномъ* видѣ. Какіе результаты получатся отсюда для самой церковности, это понятно безъ объясненій. Педагогика сама по себѣ не даетъ средства предупредить эти результаты, потому что вообще она не имѣла доселѣ никакихъ отношеній къ нашей церковности. Настоящая, въ дѣлѣ церковно-приходскихъ школъ, встрѣча ея съ православной церковностью является въ первый разъ.

Но если требованія современной педагогики не могутъ быть безусловно прилагаемы къ церковно-славянскому языку, то и старинная постановка его въ школахъ также требуетъ осторожности. Эта постановка дошла до насъ почти только въ своей внѣшности, механизмъ, внутренняя сила ея намъ уже почти не извѣстна. У раскольниковъ она свято соблюдается, и грамотность среди нихъ держится прочно. Но тамъ это дѣло ведется истари непрерывно, какъ живое преданіе, и поддерживается всеми условіями быта. У насъ же, послѣ длиннаго перерыва, при долгомъ господствѣ иныхъ способовъ обученія, при значительно измѣнившихся условіяхъ быта, возстановленіе стариннаго метода потребовало бы такихъ условій, которымъ не могутъ удовлетворить наши учителя начальныхъ школъ. Тутъ прежде всего потребовалось бы убѣжденіе въ достоинствѣ метода, зависящее отъ яснаго сознанія духа его. Но откуда нашему школьному учителю можно было получить это убѣжденіе, когда педагогика и дидактика преподаются теоретически и исключительно на основаніи иностранныхъ системъ, когда въ самыхъ учебникахъ той и другой старинная постановка обученія передается посмѣянню, когда компетентные въ этомъ дѣлѣ для самихъ преподавателей педагогики тщательно предостерегали ихъ отъ этой постановки, безусловно осуждали ее, даже не пробуя разъяснять и поправлять ее. Послѣ такой подготовки цѣлаго поколѣнія учителей требовать, чтобы они слѣдовали старинному методу преподаванія въ школахъ, значило бы открыть въ этихъ школахъ съ перваго же шагу такую путаницу, которая болѣе всего принесла бы этимъ школамъ вреда и уронила бы ихъ въ глазахъ всѣхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ средѣ духовенства найдется не мало людей искренно убѣжденныхъ, которые способны внести въ этотъ методъ живой духъ, избѣжать механизма и „колотушекъ“, которые для многихъ кажутся неизбѣжными атри-

бутами старинной методы обученія,—соблюсти духъ церковковный и вмѣстѣ удовлетворить современнымъ потребностямъ грамотности въ народѣ. Но такія лица окажутся исключеніемъ, и ихъ примѣра самобытнаго нельзя ставить въ обязательство для другихъ лицъ. Можно желать того же отъ всѣхъ учителей церковно-приходскихъ школъ, но нельзя требовать, тѣмъ болѣе узаконять. Необходимо подождать опытовъ, разъясненій и примѣрныхъ уроковъ отъ такихъ лицъ, а до тѣхъ поръ необходимо руководствоваться въ этомъ дѣлѣ наличными учительскими силами. Безъ живого примѣра и образца, руководства и пособій, окруженный господствомъ иныхъ методовъ обученія, учитель легко могъ бы запутаться или сбиться на чисто формальную дорогу.

Но обратимся къ главнымъ пунктамъ самаго дѣла обученія церковно-славянскому языку въ начальной школѣ.

1) Когда начинать обученіе славянской грамотѣ—до или послѣ русской? Есть мнѣніе, утверждающее необходимость начинать обученіе съ церковно-славянскаго языка. Основанія, приводимыя въ защиту этого требованія, не могутъ не вызывать глубокаго сочувствія, такъ какъ они почерпнуты изъ самаго существа церковно-приходской школы. Но тутъ—то по преимуществу и появляются затрудненія, такъ какъ въ этомъ именно дѣлѣ наибольшее значеніе имѣетъ методъ обученія. Тогда какъ одни изъ педагоговъ защищаютъ методъ подлиннаго названія буквъ и заучиванія ихъ подрядъ, другіе доказываютъ необходимость звукового метода, которому вообще сочувствуютъ и желающіе ввести въ школахъ обученіе славянскому языку послѣ русскаго. Но, 1) когда говорится о трудности стариннаго метода, о потерѣ живого духа его, о необходимости силы убѣжденія и полнаго сознанія современной потребности народа въ грамотности, то прежде и болѣе всего имѣется въ виду этотъ именно первый шагъ въ дѣлѣ, какъ наиболѣе важный, спо-

собный наложить свой характеръ на весь дальнѣйшій ходъ его. Гдѣ порука, что въ настоящее время, при данныхъ условіяхъ, этотъ методъ дѣйствительно выполнить соединяемыя съ нимъ наилучшія намѣренія? А безъ поруки слишкомъ рискованно было бы пускаться въ этотъ путь. До сихъ поръ не указано никакихъ опытовъ въ подтвержденіе этого мнѣнія. Н. И. Ильминскій не только не представилъ пробы въ этомъ дѣлѣ, но даже издалъ руководство для обученія церковно-славянской грамотѣ въ школахъ приспособительно къ изученію ея послѣ русской грамоты¹⁾. Въ своей брошюрѣ объ обученіи церковно-славянскому языку онъ вовсе не ставитъ этого метода и самаго дѣла непремѣннымъ условіемъ церковно-приходскихъ школъ, а только выражаетъ желаніе видѣть опыты его въ этихъ школахъ.— „Мнѣ кажется, — говоритъ онъ, — что мое мнѣніе могло бы найти для себя приложеніе въ церковно-приходскихъ школахъ“ (стр. 12). Если старинная наша школа довольствовалась въ этомъ дѣлѣ извѣстнымъ „Начальнымъ обученіемъ человѣкомъ, хотящимъ учиться книгъ божественнаго писанія“, то въ настоящее время, при усложнившихся потребностяхъ, при многочисленныхъ искушеніяхъ для учителей со стороны иныхъ методовъ, оно не можетъ служить руководствомъ, а другихъ руководствъ доселѣ нѣтъ. 2) Что касается звукового метода, то онъ тѣмъ уже не удобенъ, что съ перваго же шагу нарушаетъ подлинный смыслъ и значеніе славянской азбуки и свято чтимыя народомъ письмена измѣняетъ въ порядкѣ и названіяхъ единственно въ угоду „новѣйшей“ педагогики, ради относительной легкости усвоенія звуковъ ихъ. При томъ и этотъ методъ въ отношеніи къ церковно-славянскому

¹⁾ „Обученіе церковно-славянской грамотѣ въ начальныхъ народныхъ училищахъ“. Составилъ Н. Ильминскій. Казань. 1885 г.—Новѣйшіе труды г. Ильминскаго по этому предмету еще не вышли въ свѣтъ въ то время, когда написана была настоящая статья.

языку требует еще обработки. Существующія и употребляемыя въ министерскихъ и другихъ школахъ руководства, составленныя по этому методу (Афанасьева, Тихомирова, Грушевскаго), имѣютъ задачею формальное знакомство съ языкомъ, воспитательное значеніе котораго чуждо имъ. Напечатанный въ 1885 году „Букварь для обученія церковно-славянскому и русскому чтенію“ Вышеславцева, соединяющій въ себѣ цѣли: *образовательную* и *воспитательную*, составляетъ первый опытъ, заставляющій ожидать результатовъ его. Дѣло въ томъ, что самый порядокъ легкости звуковъ еще не опредѣленъ и представляетъ произволь, влекущій за собою выборъ первыхъ словъ для чтенія—первыхъ представленій, усвояемыхъ учениками изъ чтенія. Предстоитъ для учителя въ этомъ методѣ и другого рода трудность, не легко устранимая даже для образованнаго и опытнаго. Обученію по этому методу предшествуютъ предварительныя упражненія, состоящія въ устномъ разложеніи словъ на слоги, слоговъ на звуки и, обратно, въ сочетаніи словъ въ слоги, слоговъ въ слова. „При этихъ упражненіяхъ,—говорится въ предисловіи къ букварю Вышеславцева,—наблюдается особенная осторожность въ выборѣ библейскихъ словъ и выраженій: разбираемое слово отъ неудачнаго выбора, съ одной стороны, можетъ потерять свою важность и соответствующее дѣйствіе на сердца учащихся, а съ другой—самый разборъ слова можетъ дать поводъ къ смѣху и такимъ образомъ нарушить сосредоточенное вниманіе и благоговѣйное настроеніе учащихся“. Задача не легкая для учителя молодого, хотя и образованнаго! Въ подражаніе тѣмъ же русскимъ (и иностраннымъ) руководствамъ по звуковому методу, эти буквари рекомендуютъ черченіе изучаемыхъ славянскихъ буквъ. Но если это средство доступно для дѣтей при изученіи русскаго алфавита и полезно въ особенности при изученіи писму-чтенію, то чего стоило бы дѣтямъ черченіе славянскихъ буквъ, при совершенномъ незнакомствѣ еще съ русскимъ

способомъ, и затѣмъ, минуя склады, дѣти прямо могутъ приступить къ чтенію словъ и выраженій.

Но нельзя не повторить здѣсь, что установленіе такого порядка обученія славянской азбукѣ въ церковно-приходской школѣ основано главнымъ образомъ на необходимости устранить путаницу, недомысліе, суету, механизмъ и тяготу, неразлучныя съ старою системою обученія въ рукахъ учителя неубѣжденнаго и малоопытнаго, хотя бы и образованнаго, такъ какъ эта путаница принесла бы существенный и неизгладимый вредъ всему дѣлу церковно-приходской школы. Желательно, чтобы установленіе означеннаго порядка не лишало людей убѣжденныхъ и вполне опытныхъ возможности начинать обученіе съ славянской грамоты въ подлинномъ порядкѣ и названіяхъ буквъ. Опыты этого рода обученія давали бы весьма цѣнный матеріалъ для окончательнаго рѣшенія вопроса объ обученіи славянскому чтенію въ церковно-приходскихъ школахъ.

3) Относительно надстрочныхъ знаковъ и титлѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что если они составляютъ неотъемлемую принадлежность церковно-славянскаго текста, то знать ихъ необходимо. Во имя педагогическаго правила удобства, ограничивать эти знаки только болѣе необходимыми и усвоить ихъ практически значило бы нарушать другое, болѣе важное правило—сознательности чтенія и разумности грамоты. Если нѣкоторые изъ надстрочныхъ знаковъ не имѣютъ практическаго значенія для учениковъ въ данное время (придыханія, различіе удареній), то они получаютъ его въ будущемъ и во всякомъ случаѣ будутъ содѣйствовать ясному и правильному представленію о священной древности и неприкосновенности церковно-славянскаго языка. Простое любопытство учениковъ побудитъ учителя къ объясненію ихъ, и внушеніе при этомъ ученикамъ, что большею частію они не важны для настоящаго времени, и названія ихъ, не стоящія вниманія, слишкомъ

трудныя, было бы крайне не педагогично, не говоря уже о томъ, что это не достойно было бы духа церковности. Совершенно справедливо, что въ нашихъ церковныхъ изданияхъ существуетъ чрезвычайное разнообразіе въ постановкѣ титлъ и надстрочныхъ знаковъ вообще; въ особенности звательца, нео, апострофи, каморы, кавыки. Но не менѣе должно быть справедливо и то, что это разнообразіе зависитъ не отъ системы и характера самихъ титлъ и вообще надстрочныхъ знаковъ, а отъ невѣжества прежнихъ переписчиковъ церковныхъ книгъ и недосмотра нынѣшнихъ типографскихъ корректоровъ. Дѣйствительно, какъ нельзя найти двухъ старинныхъ рукописей, согласныхъ между собою въ этомъ отношеніи, такъ нельзя встрѣтить двухъ славянскихъ книгъ въ прежней и нынѣшней печати, не имѣющихъ значительныхъ различій въ надстрочныхъ знакахъ и титлахъ. Учебныя изданія церковно-славянскія должны подвергнуться въ этомъ отношеніи строгому пересмотру и согласованію. Иное дѣло способъ изученія надстрочныхъ знаковъ и титлъ. Тутъ не могутъ имѣть безусловнаго значенія названія греческія; но во всякомъ случаѣ ознакомленіе съ ними необходимо, и лучше всего это одѣлать тогда, когда дѣти твердо будутъ читать по удареніямъ и по титламъ.

4) *Часословъ, псалтирь, евангеліе.*—Какъ ни сильны повидимому разногласія относительно употребленія этихъ книгъ въ церковно-приходскихъ школахъ, однако они могутъ быть примирены. Защитники часослова и псалтири, какъ лучшихъ книгъ для чтенія, не требуютъ, чтобы къ этимъ книгамъ приступлено было тотчасъ послѣ обученія азбукѣ и вообще механизму чтенія, а предполагаютъ предварительно упражненіе въ чтеніи по букварямъ или сборникамъ словъ, изреченій, молитвъ, отрывковъ изъ книгъ церковныхъ и священнаго Писанія. Они не желаютъ только ставить евангеліе въ разрядъ учебныхъ книгъ только въ цѣломъ его видѣ, ради особенной святости, какую оно дол-

жно сохранить для народа. Защитники евангелія, предпочитая его часослову и псалтири, видятъ однако необходимость дать преимущество исторической части его или даже исключительно ограничиться евангельскими рассказами. Такимъ образомъ въ сущности тѣ и другіе сходятся въ томъ, что отрывки изъ евангелія, преимущественно изъ исторической части его, должны предшествовать чтенію часослова и псалтири. Если въ сборникѣ, обыкновенно печатаемомъ при букваряхъ, будутъ помѣщены и рассказы изъ евангелія, то обѣ стороны должны быть удовлетворены этимъ способомъ. Останется только вопросъ о характерѣ и способахъ обученія по этимъ книгамъ.

Но въ этомъ послѣднемъ вопросѣ по преимуществу открывается главный недостатокъ современной педагогики— господство интеллектуальности, и онъ-то будетъ служить источникомъ недоразумѣній въ постановкѣ обученія по часослову и псалтири. Съ точки чистой интеллектуальности кажется совершенно непонятнымъ употребленіе псалтири и часослова въ школѣ, и новѣйшая педагогика рѣшительно не въ силахъ справиться съ ними. Подъ вліяніемъ педагогическихъ теорій, въ начальныхъ училищахъ успѣла уже утвердиться постановка преподаванія Закона Божія (см. „Наставленія въ препод. Закона Божія“: Арсенія Соколова, Ширскаго и др., протоколы съѣздовъ законоучителей земскихъ школъ, напр. Псковскаго и др.), которая неизбѣжно подчиняетъ себѣ и всѣ частныя пособія религіознаго обученія. Довести ученика до разумѣнія или до „разумнаго усвоенія“ истинъ вѣры— вотъ задача и предѣлъ этой постановки. Въ обученіи молитвамъ, св. исторіи, катихивису, богослуженію— всюду управляетъ этотъ методъ. Понятно, поэтому, стараніе педагоговъ подчинить тому же методу и все церковно-славянское чтеніе въ школѣ. Но часословъ и псалтирь и своимъ языкомъ, и своимъ содержаніемъ, и характеромъ, и цѣлымъ строемъ полагаютъ тому рѣшительныя пре-

пятствія. Въ выборкахъ о отрывкахъ можно было бы приложить къ нимъ методъ, который установленъ для изученія молитвъ, но въ цѣломъ видѣ и значеніи они не поддаются никакому извѣстному дидактикѣ методу. Эти книги по преимуществу служатъ въ школахъ представителями той области, къ которой педагогика доселѣ не имѣла серьезныхъ отношеній, т. е. церковности. Методъ разумнѣя сердцемъ, или—выражаясь словами предисловія къ учебному часослову—„навыкновеніемъ содержимыхъ“ (въ книгѣ) и приѣмъ, по которому „учащеніемъ дѣла обычай воспріятый и многимъ временемъ нравъ утверждея естества имать силу“—эти способы наибольшую имѣютъ силу въ обученіи по часослову и псалтири, а между тѣмъ они чужды школьной педагогикѣ. Практикѣ церковно-приходскихъ школъ предстоитъ разъяснить и укрѣпить этотъ способъ обученія часослову и псалтири, долженствующій оказать благотворное влияніе и на положеніе Закона Божія въ начальныхъ училищахъ. До тѣхъ же поръ можно установить только слѣдующія требованія: 1) къ чтенію часослова и псалтири приступать только тогда, когда ученики хорошо усвоили механизмъ славянскаго чтенія и хотя нѣкоторый навыкъ относиться къ этому чтенію благоговѣйно; 2) не обращая отдѣльныхъ статей въ предметъ такъ называемаго „объяснительнаго чтенія“ и не забывая о переводѣ ихъ на русскій языкъ, объяснять только встрѣчающіяся при чтеніи непонятныя для дѣтей слова и выраженія; 3) цѣлыя понятія разбирать и объяснять въ томъ случаѣ, когда они представляютъ особенности, которыхъ могутъ не коснуться уроки Закона Божія; 4) съ внутренней стороны чтеніе должно быть спокойное, сосредоточенное, съ внѣшней—правильное со стороны выговора удареній и знаковъ препинанія, неспѣшное. Большаго требовать трудно въ виду непродолжительности курса. Время отъ времени, особенно въ случаяхъ особенной важности и трудности, учитель, не довольствуясь объясненіемъ непонятныхъ

словъ и выраженій, самъ прочтетъ предъ учениками слѣдующую молитву или псаломъ. Религіозно-благоговѣйное чтеніе молитвъ и псалмовъ, согрѣтое искреннею любовью читателя, дѣлаетъ ихъ весьма часто гораздо болѣе доступными для дѣтскаго чувства и пониманія, чѣмъ многословныя объясненія ихъ ¹⁾).

б) Что касается чтенія въ церкви, то необходимо допускать дѣтей сначала къ чтенію отдѣльныхъ краткихъ молитвословій, каковы: „Нынѣ отпускаеши“, „Сподоби, Господи“ и под., а потомъ уже, при вполне надежной привильности и выдержкѣ чтенія, дозволять чтеніе шестопсалмія, каѳизмъ и т. п. Нельзя допускать дѣлимости шестопсалмія и каѳизмъ между нѣсколькими учениками, во избѣжаніе возможной при этомъ суеты и развлеченія молящихся, вообще выставки декораций, питающихъ самолюбіе и мірское соперничество въ дѣтяхъ. Наконецъ, нельзя не признать, что допущеніе учениковъ къ чтенію апостола, паремій, канонъ и под. было бы преждевременнымъ.

1) „Вухваръ“ Вышеславцева. Предисл., стр. X.

ОБУЧЕНІЕ ЦЕРКОВНОМУ ПѢНІЮ ВЪ НАРОДНЫХЪ ШКОЛАХЪ.

Слѣдующее за церковно-славянскимъ языкомъ мѣсто въ церковно-приходской школѣ занимаетъ церковное пѣніе.

Для надлежащаго разрѣшенія вопроса о школьномъ обученіи церковному пѣнію необходимо предварительно рѣшить вопросъ о задачѣ и цѣли пѣнія въ церковно-приходской школѣ. Не достаточно сказать, что оно должно быть церковное, потому что этимъ ничего не говорится о способѣ примѣненія его къ школьному обученію, тогда какъ главный интересъ для школы составляетъ то, чему именно изъ всего круга церковнаго пѣнія слѣдуетъ и можно обучать и какъ обучать, чтобы въ результатѣ получалось умѣнье пѣть по-церковному. Не достаточно сказать, что необходимо выучить то или другое по обиходу, — необходимо показать, отвѣчаетъ ли этотъ кругъ предметовъ обученія задачѣ церковнаго пѣнія въ школѣ.

Пѣніе въ церковномъ богослуженіи служитъ средствомъ къ оживленію, восполненію и объединенію молитвеннаго чувства присутствующихъ въ церкви. Оно не только согрѣваетъ и раститъ молитвенное чувство, но и возвышаетъ его до молитвы *единными усты и единымъ сердцемъ*. Короче сказать: пѣніе служитъ естественнымъ и необходимымъ выраженіемъ молитвы общественной-единодушной. Такимъ образомъ въ церковномъ пѣніи представляются два элемента, составляю-

ще его *содержаніе* и *форму*, т. е. молитвенное чувство и мелодія, точно опредѣляющая это чувство и дѣлающая его общимъ достояніемъ предстоящихъ и молящихся. Понятно, что оба эти элемента въ церковномъ пѣніи не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Нечего и говорить, что ослабленіе молитвеннаго чувства приносить въ церковное пѣніе чуждыя молитвѣ душевныя стремленія и настроенія. Этимъ путемъ появляется или неблагоговѣйное, небрежное пѣніе, или же такое, которое служитъ земнымъ чувствамъ—музыкальному удовольствію и различнымъ 'страстнымъ порывамъ. Къ сожалѣнію, то и другое явленія становятся у насъ заурядными,—первое въ деревняхъ, послѣднее въ городахъ. Но и несоблюденіе формы пѣнія, при самомъ даже благоговѣйномъ молитвенномъ чувствѣ, лишаетъ его должнаго значенія. Какъ бы ни было возвышенно личное настроеніе пѣвца, но произвольныя его мелодіи не могутъ быть доступны для всѣхъ, не могутъ также служить выраженіемъ точнаго, всѣмъ свойственнаго чувства молитвы, а потому и не могутъ быть руководствомъ для общаго молитвеннаго настроенія. Молитва въ такомъ случаѣ обращается въ слушаніе пѣвца и теряетъ значеніе общности. Или же такой пѣвецъ долженъ быть глубокой психологъ и богословъ, по подобію древнихъ церковныхъ пѣснотворцевъ. Но и въ такомъ случаѣ для простаго народа было бы не достаточно личнаго вдохновенія пѣвца: для него необходимы мелодіи не только искреннія и точныя (а только такія мелодіи могутъ быть для него и простыми), но и привычныя, освященныя постояннымъ употребленіемъ ихъ въ богослуженіи, столь же вѣковымъ, какъ и самыя общественныя молитвы. Отъ церкви, а не отъ личности пѣвца, онъ принимаетъ руководство своимъ молитвеннымъ чувствомъ и въ этомъ отношеніи точныя, исконно-привычныя въ церкви мелодіи растутъ и укрѣпляютъ въ немъ молитвенное чувство несравненно прочнѣе, чѣмъ самое развитое пѣніе.

Св. Церковь всегда заботилась о точности выражения молитвеннаго чувства посредствомъ пѣнія. Принявъ извѣстныя мелодіи, какъ вполнѣ отвѣчающія тому или другому молитвенному смыслу и чувству и наиболѣе доступныя для всѣхъ, она оберегала ихъ не только отъ небрежности и безчинства, но и отъ личнаго, хотя бы то и добраго, усмотрѣнія пѣвцовъ. Въ церковномъ Типиконѣ читаемъ: „Безчинный вопль поющихъ въ церкви, не пріяти того къ церковному пѣнію. Такжеже и прилагая къ церковному пѣнію не пріятенъ есть (т. е. такой, котораго не должно принимать въ хоръ): да извергуются сана своего, и паки въ церкви да не поють. Подобаеть бо пѣти благочинно, и согласно возсылати Владыцѣ всѣхъ и Господу славу, яко едиными усты отъ сердець своихъ: преслушающіяся же оія вѣчнѣй муцѣ повинни суть, яко не повинуются св. отецъ преданію и правиламъ“¹⁾).

Изъ сказаннаго ясно, къ чему должно быть направляемо церковное пѣніе въ начальномъ училищѣ. Живое участіе въ общественномъ богослуженіи, молитва единими усты и единымъ сердцемъ—вотъ общая задача и цѣль этого обученія. Не всякій, по своимъ голосовымъ средствамъ, можетъ участвовать въ хорѣ пѣвцовъ, но всякій обязанъ участвовать въ общественной молитвѣ, проникаться духомъ ея, рости и укрѣплять въ себѣ молитвенное чувство по руководству св. Церкви. Въ этомъ главномъ своемъ назначеніи церковное пѣніе не только можетъ быть установлено для однихъ желающихъ или для способныхъ къ нему, но должно быть также обязательнымъ для всѣхъ учениковъ, какъ обязательенъ Законъ Божій и церковно-славянское чтеніе. Вообще вопросъ объ обязательности пѣнія въ народной школѣ на церковной почвѣ рѣшается прямо и просто. Вся пута-

¹⁾ Типиконъ, „О безчинныхъ воплехъ“.

ница, какую представляет по этому предмету наша новѣйшая педагогика, произошла отъ устраненія ея отъ церковности и утвержденія на такихъ основахъ, на которыхъ это дѣло находится въ зависимости исключительно отъ личныхъ свойствъ и распоряженій учащаго и учащагося.

Итакъ, обученіе церковному пѣнію въ начальномъ народномъ училищѣ должно достигать, въ отношеніи всѣхъ учениковъ—стремленія къ живому и сознательному участию въ общественной молитвѣ, въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ (владѣющихъ достаточными голосовыми средствами)—участія въ хорѣ церковныхъ пѣвцовъ. Поэтому и курсъ пѣнія въ этомъ училищѣ долженъ представлять двѣ степени, именно—обученіе: а) наиболѣе простымъ и наиболѣе употребительнымъ въ церковномъ пѣніи мелодіямъ, составляющимъ доступное для всѣхъ руководство молитвеннымъ чувствомъ, и б) мелодіямъ болѣе сложнымъ, болѣе труднымъ и болѣе употребительнымъ. Первый курсъ долженъ быть для всѣхъ учениковъ обязательнымъ, второй—не обязательнымъ, или же дополнительнымъ. Первый отдѣлъ, очевидно, долженъ составить главную и существенную заботу народной школы; отъ постановки его зависитъ все значеніе и курса дополнительнаго. Находясь въ тѣснѣйшемъ единеніи съ Закономъ Божиимъ и церковно-славянскимъ языкомъ, церковное пѣніе должно выполнить свою долю религіознаго воспитанія, т. е. возбудить и прояснить въ душѣ воспитанника необходимость и способъ исполненія церковно-общественной молитвы, дабы, по выходѣ изъ школы, онъ могъ, на сколько свойственно юному возрасту, сознательно участвовать въ ней, возрастать и укрѣпляться въ ней. Только такіе начатки пѣнія способны возбудить въ душѣ воспитанника уваженіе къ церковному пѣнію, какъ дѣлу священному, а съ нимъ и стараніе, по мѣрѣ своихъ способностей, совершенствоваться въ умѣнны пѣть, чтобы дѣятельно участвовать во всѣхъ церковныхъ пѣсняхъ.

Нѣтъ нужды объяснять здѣсь, что подъ церковнымъ пѣніемъ, назначаемымъ для начальной школы, мы разумѣемъ тѣ церковныя мелодіи, которыя освящены исконнымъ употребленіемъ ихъ въ нашей Церкви, собраны и заключены въ церковно-богослужебныхъ пѣвческихъ книгахъ, каковы: *Обиходъ, Ирмологій, Октоихъ, Праздники*, составляющихъ столпъ и утвержденіе нашего церковнаго пѣнія. Эти мелодіи послужили основою для нѣсколькихъ нашихъ старыхъ церковныхъ распѣвовъ, по существу своему совершенно родственныхъ между собою. Онѣ же могутъ послужить неисчерпаемымъ источникомъ для самаго высокаго художественнаго творчества. Пробы послѣдняго давно уже начались у насъ. Но какъ бы ни были высоки эти произведенія въ музыкальномъ отношеніи, все достоинство ихъ въ церковномъ отношеніи измѣряется церковными мелодіями, какъ основами ихъ. Ясно, что для начального училища церковное пѣніе должно заключаться въ кругѣ этихъ исконныхъ церковныхъ мелодій, какъ началъ для всего существующаго и возможнаго въ будущемъ подъ названіемъ церковно-музыкальнаго пѣнія.

Полный курсъ церковныхъ мелодій, или церковнаго пѣнія по существующимъ церковно-богослужебнымъ пѣвческимъ книгамъ доступенъ только для совершенныхъ церковныхъ пѣвцовъ. Въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ этотъ кругъ заключается въ изданномъ Св. Синодомъ *Обиходъ нотнаго церковнаго пѣнія* и въ *Сокращенномъ Обиходѣ*. Но и эти изданія сдѣланы не для начального пѣнія, хотя въ нихъ и заключаются начала его, но для приготовленія самостоятельныхъ клиросныхъ пѣвцовъ, и полный курсъ пѣснопѣній, входящихъ въ составъ ихъ, не по силамъ того дѣтскаго возраста, который имѣетъ въ виду начальная школа, и излишенъ для простаго живого участія въ церковно-общественной молитвѣ.

Все устройство нашего церковнаго пѣнія основано на осмогласіи. „Гласы“ составляютъ главнѣйшее руководство въ церковномъ пѣніи, и всякое отступленіе отъ закона осмогласія составляетъ нарушеніе церковнаго устава, указующаго при всякомъ пѣснопѣніи усвоенный ему „гласъ“. Такимъ образомъ „гласы“ представляютъ тотъ *minutit*, котораго должно требовать для ознакомленія съ церковнымъ пѣніемъ. Это требованіе въ большей мѣрѣ предстоитъ для участниковъ въ церковномъ хорѣ и въ меньшей—для молящихся подъ руководствомъ хора, но въ существѣ своемъ должно быть одинаково для тѣхъ и другихъ.

Выполнимо ли для начальнаго сельскаго училища это требованіе, этотъ вопросъ не долженъ бы и поставляться въ отношеніи къ начаткамъ и основаніямъ церковнаго-уставнаго, а не произвольнаго пѣнія. Если подобный вопросъ не имѣетъ мѣста относительно начатковъ и основаній христіанской вѣры, несмотря на составъ требуемаго для нихъ курса (св. исторія, катихизисъ, богослуженіе, не говоря уже о домашней молитвѣ), то ничто не должно бы останавливать и въ отношеніи начатковъ царковнаго пѣнія, составляющаго въ православномъ богослуженіи важнѣйшую принадлежность, служащаго незамѣнимымъ руководствомъ для молитвеннаго чувства, а тѣмъ самымъ для укрѣпленія религіознаго духа. Еще на памяти нашей то время, когда въ сельской школѣ не знали другого курса религіознаго обученія, кромѣ навыка въ чтеніи часослова и псалтири, затѣмъ участія въ клиросномъ чтеніи и пѣніи. Теперь ни у кого нѣтъ сомнѣнія, что св. исторія, катихизисъ и объясненіе церковнаго богослуженія составляютъ непремѣнную принадлежность начальнаго курса этого обученія. Давно ли въ тѣхъ же школахъ признавалось достаточнымъ простое, почти механическое чтеніе и письмо по-русски, или же школа сельская и вовсе не касалась его? Теперь же мы не боимся требовать отъ этой школы чтенія сознательнаго, письма правильнаго и

складнаго, съ соблюденіемъ даже основныхъ грамматическихъ правилъ. Почему же, при такомъ ростѣ школы, нельзя было бы того же требовать относительно началъ и основаній церковнаго пѣнія? Прежняя школа, несмотря на убожество своихъ средствъ, не имѣла и тѣни сомнѣнія въ этомъ вопросѣ, рѣшительно поставляя для себя задачей достигать съ учениками полного клироснаго пѣнія, и успѣвала въ этомъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ успѣховъ ея въ этомъ дѣлѣ служить точное сохраненіе для нашего времени исконныхъ нашихъ старинныхъ церковныхъ распѣвовъ (большой и малый знаменный, греческій, болгарскій, кіевскій и др.), представляющихъ неисчерпаемое богатство церковной музыки. Кто не признаетъ, что еще на памяти нашей сельскія наши церкви славились пѣвцами? Ихъ подготавливала тогдашняя сельская школа. Нынѣ пѣніе не только въ сельскихъ церквахъ, но и въ городскихъ и въ небогатыхъ даже монастырскихъ, по общему признанію, въ упадкѣ. Можно даже сказать, что оно упало на столько, на сколько наша начальная школа выросла. Преобразовательница нашей школы—наша новѣйшая педагогика, въ торопливомъ стремленіи къ улучшеніямъ, занялась только пересадкою иностранныхъ образцовъ обученія. Все школьномъ курсѣ поддавалось—хотя наружно—этой пересадкѣ. Одно церковное пѣніе встрѣтило къ тому неодолимыя препятствія, по своему глубокому различію на западѣ и у насъ. Въ католической церкви, при господствѣ мертваго языка въ богослуженіи и при взглядѣ на значеніе іерархіи въ самомъ богослуженіи, вѣрующіе только присутствуютъ при немъ, имѣя въ рукахъ особія отъ совершаемыхъ священникомъ и клиросомъ (органомъ) молитвы; пѣніе полагается для нихъ только въ богослуженное время. У лютеранъ церковное богослуженіе почти не существуетъ. У насъ во всемъ этомъ глубокая разница: вѣрующіе непосредственно, вмѣстѣ съ совершителемъ богослуженія, предстоить предъ престоломъ благодати, живо и дѣй-

ственно участвуютъ въ немъ; однѣ и тѣ же молитвы и пѣснопѣнія существуютъ и для клира, и для молящихся. У насъ богослуженіе далеко выше по своей системѣ и полнотѣ выраженія. Какимъ же образомъ возможна была пересадка западнаго церковнаго пѣнія въ наши школы? Къ сожалѣнію, несмотря на это глубокое различіе въ существѣ и въ характерѣ и въ формѣ дѣла, попытки такой пересадки производились нѣкоторое время настойчиво. Игнорируя основныя нашего церковнаго пѣнія, замѣнили ихъ требованіями музыкальности; появились особыя музыкальныя произведенія для начальныхъ школъ; понадобились особыя переложенія обиходныхъ пѣснопѣній; стало укореняться (въ теоріи) убѣжденіе и усиливаться стремленіе къ образованію гармоническихъ хоровъ, т. е. четырехголосныхъ, по крайней мѣрѣ трехголосныхъ; явилась необходимость въ списываніи нотъ и расписываніи ихъ по голосамъ, въ камертонѣ, скрипкѣ, фисгармоніи и т. п. Въ такомъ стрѣ и характерѣ надѣялись видѣть хоры на сельскихъ церковныхъ клиросахъ. Но наши крестьянскіе ученики оказались слишкомъ туги для условій музыкальности; музыкальныя произведенія и переложенія оказывались крайне неудачными или слишкомъ дорогими для сельскихъ дѣтей; четырехъ и даже трехголосные хоры въ сельскихъ хорахъ оказывались не по голосовымъ средствамъ дѣтей; списываніе и расписываніе нотъ, скрипки, фисгармоніи и т. п. всѣхъ пугали расходами. Въ довершеніе всего, не оказывалось хорошо приготовленныхъ для такого пѣнія учителей. Какъ бы то ни было, но въ нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ стали появляться хоры съ музыкальнымъ пѣніемъ. Что же? Одна половина присутствующихъ въ церкви съ любопытствомъ прислушивалась къ хоровому пѣнію, покинувъ молитву, другая или недоумѣвала, или поднимала ропотъ, находя хоръ только помѣхою молитвѣ. Съ музыкальной стороны почти сплошь наши сельскіе церковные хоры представляютъ только жалкое подобіе

гармоническаго пѣнія, въ которомъ цѣнится только усиленіе и стараніе учителя и учениковъ. Въ довершеніе всего, съ переходомъ учителя на другое мѣсто, хоръ почти всегда падаетъ, не оставляя никакой прививки ни въ дѣтяхъ, ни въ взрослыхъ, какъ растеніе на чуждой почвѣ пропадаетъ безъ искусственнаго ухода. Въ городахъ это пѣніе распространяется больше, чѣмъ въ деревняхъ, единственно благодаря большимъ искусственнымъ средствамъ. При удовлетворительномъ такомъ хорѣ, для многихъ присутствующихъ въ церкви молитвенное расположеніе замѣняется желаніемъ „слушать пѣніе“. Пока такой хоръ существуетъ въ приходѣ, простое исконное церковное пѣніе постепенно падаетъ въ немъ. Разстроился подобный хоръ—клиросъ остается въ жалкомъ положеніи.

Реформа духовныхъ семинарій въ 1867 году, давши значительный перевѣсъ въ пѣніи теоріи и отвлекши вниманіе воспитанниковъ и воспитателей ихъ отъ основаній нашего исконнаго церковнаго пѣнія къ музыкальности, содѣйствовала общему упадку пѣнія. Молодые причетники оказывались плохими знатоками музыкальнаго пѣнія, неумѣлыми и вовсе неохочими въ устройствѣ хоровъ, но въ то же время часто не умѣвшими пропѣть на указанный гласъ, не умѣющими различить одинъ гласъ отъ другого, а главное потерявшими вкусъ къ старымъ церковнымъ напѣвамъ. Прежнее живое дѣло устранено, забыто, новое направленіе ничего взамѣнъ его не принесло, и повсюду слышны жалобы на оскудѣніе пѣнія въ сельскихъ и даже городскихъ приходсахъ.

Не отсюда ли происходятъ теперь и заявленія относительно трудности для начальной школы началъ и основаній церковнаго пѣнія, о невозможности и даже излишествѣ изученія „гласовъ“? Да, поминая прежнее время, не возможно указать для этого иную причину, кромѣ дѣйстви-

тельнаго оскудѣнія въ приходѣ пѣнія и совершеннаго недостатка учителей. Какъ ни важно это затрудненіе, но уступать предъ нимъ значило бы закрѣплять въ приходѣхъ настоящее положеніе пѣнія. Напротивъ, необходимо употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы постепенно исправить его; церковно-приходскія школы могли бы послужить наилучшею опорой для него. Опустить въ настоящую пору этотъ благопріятный случай значило бы отказаться отъ этой опоры и закрѣпить настоящее положеніе и нашихъ клиросовъ въ приходскихъ сельскихъ церквахъ. Если бы въ значительномъ большинствѣ невозможнымъ оказалось исполнить указанную задачу пѣнія, то все-таки необходимо поставить ее на видъ, какъ такое условіе, къ выполненію котораго слѣдуетъ готовиться и стремиться по мѣрѣ силъ и оредетвѣ, постепенно совершенствуя его. Пока нѣтъ возможности исполнить его, можно довольствоваться и тѣмъ, что будетъ сдѣлано; но сдѣланнаго не ставить предѣломъ, не упускать изъ виду главной задачи и изыскивать способы къ тому, чтобы сдѣлать еще и еще шагъ въ направленіи ея. Дѣло это требуетъ строгой постепенности, но, не поставивъ для себя твердо и ясно цѣли, нельзя надѣяться и на совершенствованіе его. Будетъ ясно поставлена задача—будетъ сознана и потребность, появятся и учителя. Безъ этого ихъ не будетъ.

Какимъ способомъ обучать церковному пѣнію въ начальномъ училищѣ? Безъ сомнѣнія—практическимъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы можно было обучать безъ помощи письменныхъ знаковъ, только по наслышкѣ. Примѣръ старины, къ сожалѣнію, въ настоящее время не можетъ имѣть силы. Тамъ всѣхъ одушевлялъ живой духъ, всѣмъ управлялъ священный завѣтъ отцовъ и дѣдовъ, пѣвцы бережно хранили и точно передавали каждую мелодію и каждый звукъ, такъ что и до послѣднихъ временъ повѣрка

усвоеннаго предаіемъ открывала поразительную точность его въ отношеніи къ записямъ отдаленнѣйшихъ временъ. Нынѣ сила этого преданія изсякла, и почти не видно уже живыхъ выразителей его, увѣренныхъ въ себѣ и покоряющихъ своимъ примѣромъ другихъ. Нынѣ, подъ вліяніемъ музыкальныхъ вѣяній, заносимыхъ изъ городовъ и пѣвческихъ хоровъ, причетники привносятъ много личныхъ добавокъ и переменъ къ старому напѣву, если они успѣли усвоить его, и подъ вліяніемъ этихъ наростовъ напѣвъ часто становится совѣмъ неузнаваемымъ. Теперь почти только книги церковныя сохранили вѣрность напѣвовъ церковныхъ, и только онѣ могутъ точно научить имъ и служить порукою вѣрности для народа. Теперь только книга, нотный знакъ можетъ служить опорой для дальнѣйшаго совершенствованія въ пѣніи. Въ настоящее время учить церковному пѣнію только по наслышкѣ было бы все равно, что учить Закону Божію только изустно, безъ помощи грамоты, книги. Что касается механизма церковнаго пѣнія, то это механизмъ одинъ изъ самыхъ простыхъ въ музыкѣ и поэтому наиболѣе легкихъ для изученія. Въ немъ нѣтъ никакихъ хитростей сочетанія и постановки звуковъ (напр. трелей, пассажей, украшеній, также полутоновъ и т. п.). Всѣ напѣвы преимущественно держатся въ предѣлахъ нотъ средняго голоса, и потому доступны для всѣхъ. Мелодіи его вполне подчинены тексту пѣсней, а не требованіямъ музыкальности, къ тексту приложены всѣ ударенія, остановки и под., что дѣлаетъ ихъ прозрачными для религіознаго смысла и молитвеннаго чувства, а потому легко покоряетъ вниманіе и расположеніе къ нимъ. О трудности и излишествѣ обученія въ школѣ по нотамъ говорятъ единственно съ точки зрѣнія музыкальнаго пѣнія, заслонившаго наши богослужбеныя пѣвческія книги. Съ этой точки обученіе нотное для начальной школы не только было бы весьма труднымъ,

но и вреднымъ дѣломъ, и подобнаго рода усилія не должны быть поощряемы, какъ измѣняющія задачу обученія пѣнью въ начальной школѣ и имѣющія въ виду немногихъ учениковъ. Необходимо постановить обязательною для школы только церковную ноту; въ этихъ предѣлахъ изученіе нотъ потребуетъ отъ учениковъ усилія не болѣе того, какое требуется для изученія семи буквъ алфавита по звуковому способу.

ОСНОВЫ „ДИДАКТИКИ“ ВЪ СВЯЗИ СЪ ОСНОВАМИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ.

I.

Обученіе составляетъ одно изъ важнѣйшихъ орудій воспитанія, а потому оно должно утверждаться на тѣхъ же основаніяхъ, изъ которыхъ возникаетъ духъ и весь строй школьнаго воспитанія. *Чему, для чего и какъ учить?* Эти существенные вопросы науки обученія, или дидактики должны быть рѣшены только на почвѣ самой школы.

Нѣтъ такого школьнаго типа, который повсюду могъ бы быть принятъ одинаково, безусловно. Школа съ такимъ притязаніемъ, основанная на соображеніяхъ отвлеченнаго дѣтства, оказалась бы прокустовымъ ложемъ для живыхъ дѣтей. Религія, исторія, государство, народный бытъ и т. п. представляютъ такія условія, которыми опредѣляются самыя основы школы. Не отвлеченныя соображенія, но живыя свойства и потребности созидаютъ школьный типъ. Наука только помогаетъ уясненію и точнѣйшему опредѣленію его. Дидактика въ учебныхъ заведеніяхъ должна имѣть для себя опору въ этомъ именно живомъ типѣ школы и содѣйствовать приготовленію учителей не по отвлеченнымъ соображеніямъ, но по нуждамъ школы.

Эти элементарныя требованія отъ дидактики часто забываются ею, въ особенности тамъ, гдѣ школа еще молода. Въ исторіи воспитанія встрѣчаемъ не мало школьныхъ ти-

повъ съ претензіями на всемірное значеніе. Неопытные педагоги увлекаются такими типами и торопятся осуществить избранный типъ въ школъ, которой они призваны послужить. Отсюда появляется разладъ между школою и тѣми, для кого она назначена,—разладъ съ религіей, исторіей, бытомъ, государствомъ.

Не пытается ли прорваться такой разладъ и въ нашу молодую народную школу, повидимому достаточно уже опредѣленную разнообразными школьными постановленіями, и нѣтъ ли въ ней самой причины для возможности этого разлада? Не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ, не будемъ распространяться о причинахъ, вызвавшихъ у насъ въ настоящее время новый школьный типъ, церковно-приходскую школу. Воспользуемся бывшимъ опытомъ для благоустройства подлежащаго намъ дѣла. Чтобы предупредить возможность чего-либо подобнаго въ церковно-приходской школѣ, необходимо выяснитъ основы ея и на этихъ уже основахъ утвердить самую науку обученія въ ней. Ничего не могло бы быть гибельнѣе для нея, какъ разногласіе съ нею самихъ учителей ея, а между тѣмъ соблазнъ независимыхъ основаній для этой науки въ наше время большой... Живая связь между школою и дидактикой—залогъ преуспѣянія той и другой.

Церковно-приходская школа является дѣломъ чрезвычайной важности. Съ высоты Престола духовенство призывается къ достойному исполненію этого дѣла. Въ Святейшій Синодъ поступаютъ изъ всѣхъ епархій заявленія, показывающія, что духовенство почувствовало всю важность и значеніе этого призыва. Многочисленные голоса изъ среды образованныхъ классовъ и самого народа не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ учрежденіи церковно-приходскихъ школъ ожидается тотъ школьный типъ, который на-

ибогѣ свойственъ нашему народу и вполнѣ соответственъ духу твердо хранимаго преданія, не только въ массахъ русскаго народа, но и въ государственномъ школьномъ управленіи¹⁾. Не потому эта школа называется церковною, что находится въ вѣдѣніи духовенства, но потому, что церковность становится основою ея, духовенство призывается къ устройенію ея, какъ спеціальныя слуги Церкви. Церковность есть начало, испытанное на нашемъ народѣ многими вѣками. Прерванное въ нашей народной школѣ нѣкоторыми обстоятельствами, оно нынѣ возстановляется въ ней. Такимъ образомъ, церковно-приходская школа, несмотря на вѣковыя традиціи, становится для нашего поколѣнія явленіемъ новымъ, требующимъ многихъ соображеній въ виду многихъ измѣнившихся обстоятельствъ и усложнившихся условій нашего времени. Въ этомъ состоитъ важность предстоящей духовенству задачи. Будемъ слѣдить эту задачу прежде всего въ отношеніи къ этой самой основѣ школы и въ ней искать основаній для дидактики.

Въ первомъ пунктѣ Высочайши утвержденныхъ 13 іюня 1884 года Правилъ о церковно-приходскихъ школахъ говорится: „Церковно-приходскія школы имѣютъ цѣлю утверждать въ народѣ *православное ученіе свѣры и нравственности христіанской* и *сообщить* первоначальныя полезныя свѣдѣнія.“ Въ Положеніи 1874 г. сказано вообще: (утверждать въ народѣ) „*религіозныя и нравственныя понятія.*“ Всякій согласится, что послѣднее выраженіе не опредѣленно и открываетъ путь въ наше школьное дѣло разнообразнымъ пониманіямъ религіозности и нравственности и произвольнымъ толкованіямъ той и другой, тогда какъ первое совер-

¹⁾ Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія понечителямъ учебныхъ округовъ 24 іюля 1884 г. № 10, 370.

шенно ясно и точно опредѣляетъ ихъ, устраняя отъ нихъ всякое толкованіе помимо толкованія самой православной Церкви. Такимъ образомъ, церковно-приходская школа получаетъ такое незыблемое основаніе, какого наша школа послѣдняго времени доселѣ не имѣла. На этомъ незыблемомъ основаніи должно располагаться и *сообщеніе* первоначальныхъ полезныхъ свѣдѣній и все обученіе. На немъ, значитъ, должна утверждаться и дидактика.

Въ виду полной самостоятельности и независимости этого основанія, понятно отсюда, почему должна быть устранена педагогика, служившая доселѣ опорой для дидактики: она „не достигла еще надлежащаго развитія, какъ наука, и представляетъ болѣе общія, а не рѣдко и спорныя мнѣнія о воспитаніи“¹⁾. Всѣ изслѣдователи въ области воспитанія признаютъ это несовершенство педагогики. Предметъ ея одинъ изъ самыхъ трудныхъ въ наукѣ. Опредѣлить задачу человѣческой жизни, чтобы изъ нея получить цѣль воспитанія и главныя свойства его—что можетъ быть смѣлѣе въ наукѣ и выше этого труда! Но и нѣтъ предмета въ наукѣ, который ближе былъ бы сердцу человѣка, чѣмъ вопросъ о задачѣ жизни и о лучшихъ способахъ исполненія ея, начиная съ дѣтства, и съ той поры, какъ умъ человѣческой, долго покоившійся въ этомъ вопросѣ на религіи, выступилъ на самостоятельные поиски за рѣшеніемъ его, на встрѣчу ему поднялись всѣ силы души, требуя скорого и вѣрнаго для себя указанія въ этомъ дѣлѣ. Жизнь отдѣльныхъ людей и отдѣльныхъ поколѣній скоро уходитъ, ждатель въ такомъ дѣлѣ нельзя. И вотъ, въ каждомъ поколѣніи, на разныхъ мѣстностяхъ, при разныхъ условіяхъ быта, появились свои рѣшенія великаго вопроса. Въ близкое сердцу дѣло ненабѣжно вмѣшались страсти, всѣ направленія въ наукѣ, обществѣ и

¹⁾ Объяснительная записка въ уставу духовной семинаріи.

государствѣ пытались направлять его по своимъ видамъ, и ни одинъ предметъ въ наукѣ не вызывалъ такого разнообразія и борьбы мнѣній, какъ предметъ педагогики, въ сравнительно короткій періодъ научной обработки его. Изъ всей этой работы доселѣ получился только рядъ гипотезъ, другъ друга опровергающихъ. Одинъ изъ послѣднихъ представителей въ области науки воспитанія и наиболѣе преданныхъ научной постановкѣ его, именно Бэнъ, не признаетъ значенія за сими попытками отыскать цѣль воспитанія, чтобы по указанію ея опредѣлить способы и средства его. „Дѣло это — говоритъ онъ — слишкомъ еще мало опредѣленно и закруглилось для рѣшенія вопроса научнымъ образомъ“ — и предлагаетъ, вмѣсто этихъ усилій, сосредоточить все вниманіе на „сообщеніи знанія“¹⁾, т. е. онъ отвергаетъ педагогику въ собственномъ смыслѣ и значеніе ея всецѣло переноситъ на дидактику.

Новый уставъ духовныхъ семинарій вовсе не въ этомъ послѣднемъ смыслѣ устраняетъ педагогику изъ семинарскаго курса, т. е. не переноситъ значенія ея на дидактику, не ставитъ возбужденія, укрѣпленія и направленія душевныхъ силъ въ исключительную зависимость отъ силы знанія, отъ сообщенія свѣдѣній въ школѣ, отъ умственныхъ упражненій. Онъ устраняетъ педагогику, какъ науку, т. е. какъ сферу пріемовъ и способовъ, посредствомъ которыхъ она изслѣдуетъ предметъ, и которые дадутъ ей бытіе, какъ наукѣ; но онъ вовсе не устраняетъ и не можетъ устранить самаго предмета ея, т. е. воспитанія, а только переноситъ его на ту же самую почву, на которой утверждается все воспитаніе и образованіе будущихъ пастырей и учителей народа, и которая дана теперь церковно-приходской школѣ, и на

¹⁾ Воспитаніе, какъ предметъ науки, Бэнъ. С.-Петербургъ 1879 г. стр. 7 и 8.

этой почвѣ надѣется получить наиболѣе вѣрные указанія всѣхъ требованій его въ отношеніи къ дидактикѣ. Церковь Христова сама владѣетъ тайною бытія человѣческаго. Она постоянно обращаетъ мысли человѣка къ задачѣ земной его жизни и даетъ средства къ выполнению ея. Она по преимуществу есть мать вѣрующихъ, рождающая ихъ благодатно, питающая ихъ сперва *млекою*, потомъ *брашною* и возвращающая ихъ *въ міру возраста исполненія Христова*. Духъ церковнаго пастырства есть по преимуществу духъ воспитательства, *пѣстунства* во Христѣ. Дѣло церковно-приходской школы является только примѣненіемъ этого воспитательнаго духа Церкви къ дѣтскому возрасту. Дидактика, предварительнаго изложенія своего предмета, обязана уяснить для себя этотъ духъ воспитанія, чтобы на немъ основать и проникнуть имъ все школьное обученіе. Чѣмъ доселѣ она питалась изъ педагогики, то теперь она должна искать для себя въ духѣ св. Церкви.

Важная задача предлежитъ такимъ образомъ преподавателю дидактики. Съ одной стороны, отъ него потребуется не мало твердости, въ виду распространеннаго и въ нашемъ обществѣ убѣжденія въ значеніи педагогики, въ особенности для нашей молодой и еще неопытной первоначальной школы и въ виду опасеній клерикализма, навѣянныхъ у насъ съ запада и смущающихъ умы подражательные, всегда не твердые, робкіе. Съ другой стороны, сильный соблазнъ представлятъ для него многочисленныя въ исторіи новѣйшаго воспитанія попытки согласовать требованія религіи съ основаніями, приемами и способами педагогики (изъ германскихъ: Гарнишъ, Греффе, Сайлеръ, Гразеръ, Гренреттернъ, Динтеръ и др.), не говоря уже о религіозныхъ идеяхъ самихъ корифеевъ новѣйшаго воспитанія—Песталоцци и Дистервега. На видъ эти попытки часто представляютъ высоко-гуманные и вмѣстѣ высоко-христіанскіе идеалы воспитанія. Но при ближайшей повѣркѣ ихъ оказывается въ нихъ только педа-

гогическая мечта замѣнить Церковь школою и протестантское безсиліе осуществить узкій принципъ спасенія чловѣка вѣрою, посредствомъ уразумѣнія истинъ ея. Религія очищается въ нихъ отъ всѣхъ трудностей и упрощается до такой степени, чтобы и дѣти могли уразумѣть существо ея и руководствоваться въ жизни разумомъ ея. Такой очищенной и упрощенной для ума религіи не можетъ опознать даже тотъ народъ, для котораго производятся эти опыты, и который и безъ того лишенъ въ своей Церкви видимаго руководства, и потому послѣ такой школы идетъ онъ въ секты, чтобы пополнить къ нимъ свое воспитаніе и найти какое-либо руководство для жизни. Совершенно опредѣленная основа нашей церковно-приходской школы и ясно указанная цѣль ея не допускаютъ никакой сдѣлки съ этими обезличенными религіовно-воспитательными идеалами, способными только полировать, а не одушевлять воспитаніе духомъ вѣры Христовой и христіанской нравственности. Наша церковно-приходская школа тѣмъ успѣшнѣе выполнитъ свою задачу, чѣмъ она точнѣе будетъ проникаться всѣми требованіями нашей православной вѣры.

Какимъ же способомъ примѣнить эти требованія къ дѣлу школы? Что должно служить указаніемъ и руководствомъ въ этомъ дѣлѣ? То, въ чемъ всего полнѣе и живѣе выражаются самыя эти требованія, что всего доступнѣе въ нашей православной вѣрѣ для всѣхъ и каждаго, чѣмъ искони воспитывался и воспитывается нашъ народъ, именно—наше церковное богослуженіе, уставы и правила церковныя, словомъ—наша церковность. Въ нашей православной церковности мы имѣемъ неисчерпаемый и ничѣмъ не замѣнимый источникъ духовнаго питанія на всѣхъ ступеняхъ жизни и во всѣхъ положеніяхъ ея. Въ ней сама жизнь истины Христовой предстоитъ предъ нами, руководитъ насъ, вливается въ насъ. Въ ней цѣльно соединяются и догматы, и его ближайшее объясненіе, и нравственное значеніе, и способы усвое-

нiя его, и правила нравственности, примѣры чистаго выраженiя ея на всѣхъ ступеняхъ совершенствованiя, наставленiя, побужденiя къ ней, ободренiе въ неудачахъ, утѣшенiе въ печали, поддержка въ паденiяхъ, и надъ всѣмъ этимъ *божественная благодать немогущая врачующая и оскудѣвающее восполняющая*. Самимъ составомъ своимъ, текстомъ молитвъ и подробностiю дѣйствiй, свято сохраняемыхъ отъ всѣхъ вѣковъ вселенской Церкви, наше богослуженiе доставляетъ вѣрующему высокую и незамѣнимую отраду чувствовать себя въ семьѣ истинно-вѣрующихъ всѣхъ вѣковъ даже до св. апостоловъ и Самого главы Церкви, и молиться съ ними *единими усты и единымъ сердцемъ*. Одно это чувство способно сообщать ему крѣпость духа среди увлеченiй и тревоженiй времени. Такимъ могущественнымъ средствомъ воспитанiя, какое заключено въ нашемъ богослуженiи, не обладаетъ никакое другое христiанское общество, тѣмъ болѣе ни одна научная система и ни одно человѣческое учрежденiе. Протестантство, отвергая преданiе и таинства церковныя и ограничивъ дѣйствiе вѣры усвоенiемъ истинъ ея разумомъ, лишено богослуженiя и потому принуждено изобрѣтать различныя системы для лучшаго усвоенiя этихъ истинъ и требованiй христiанской нравственности, постоянно плѣняться разнообразными направленiями въ педагогикѣ и никогда не достигать такой воспитательной системы, какая наиболѣе свойственна *глаголамъ живота вѣчнаго*. Католичество, постепенно сведши всю систему христiанства къ идеѣ главенства папы въ Церкви, преобразовало и все богослуженiе свое по этой идеѣ, обративъ его въ орудiе власти надъ умами и сердцами вѣрующихъ. Католическiй священникъ сталъ не просто совершитель таинства, но *minister sacramenti*, властный раздаятель даровъ благодати. „*Ego te baptizo*“... „*Ego te confirmo*“... Самое дѣйствiе благодати поставлено въ зависимость отъ личнаго распоряженiя его (*intentio*) и не можетъ совершиться, если онъ не имѣлъ твердаго намѣ-

ренія и рѣшимости совершить таинство. Страшную силу для истинно вѣрующихъ представляетъ этотъ *minister sacramenti*, сполна заслоняющій ихъ отъ престола благодати. Но этотъ властитель надъ вѣрующими самъ сполна зависимъ отъ своего главы—папы. Таинство не можетъ совершиться, и благодать не дѣйствуетъ въ обрядѣ, если онъ нарушилъ что-либо въ предписанныхъ ему властію папы, но не установленныхъ ни св. апостолами, ни церковными соборами и не существовавшихъ во вселенской Церкви, *forma et materia*. Такимъ образомъ, богослуженіе католической церкви заражено духомъ властолюбія. Поэтому и въ воспитаніи школьномъ католицизмъ можетъ исполнять только ту же идею власти надъ вѣрующими и никогда не свободенъ будетъ отъ упрековъ въ клерикализмъ, въ пренебреженіи къ потребностямъ народа, общества и государства и въ пригнетеніи душевныхъ силъ человѣка, порождающемъ, вмѣсто живой вѣры и христіанской нравственности, фанатизмъ. Наша церковность чужда всѣхъ этихъ свойствъ протестантизма и католичества. Будучи сама совершенною жизнію истины Христовой, она не имѣетъ нужды, подобно протестантству, изобрѣтать и мѣнять системы воспитанія христіанина. Въ противоположность католичеству, она цѣлымъ своимъ строемъ свидѣтельствуется, что *идъже Духъ Господень, ту и свобода*. Благодать Божія дѣйствуетъ въ нашихъ таинствахъ и обрядахъ непостижимо, независимо отъ расположеній совершителя ихъ; обрядъ служитъ для священника не тисками, но живымъ руководствомъ въ предводительствѣ вѣрующихъ къ престолу благодати; вѣрующіе, *жерусимы тайно образующе*, свободно предостоятъ вмѣстѣ съ священникомъ предъ этимъ престоломъ. Такимъ образомъ въ сферѣ нашего богослуженія возможна только свобода, истинность и полнота роста духовныхъ силъ. Поэтому и въ нашей школѣ, строго руководимой церковностью, возможны только эти высокія свойства воспитанія; клерикализмъ слишкомъ чуждъ ей, и всякое по-

дозрѣніе въ этомъ отношеніи свидѣтельствовало бы только о полнѣйшемъ невѣжествѣ въ православной вѣрѣ со стороны тѣхъ, кто его намъ навязываетъ. Нашъ народъ, несмотря на многія неблагопріятныя условія его исторіи, доселѣ сохраняетъ полноту, крѣпость и бодрость духовныхъ силъ. Этимъ онъ обязанъ главнымъ образомъ своему воспитанію на православной церковности. Всѣ добрыя свойства его характеризуются преданностью богослуженію и уставамъ Церкви. Искони онъ учился и въ школѣ на церковности, на церковную книгу онъ смотритъ съ благоговѣніемъ и ставитъ ее выше всѣхъ другихъ книгъ. Какъ ни широко распространяется среди него новая первоначальная школа, какъ ни старательно пересаживаются для него въ эту школу лучшія теоріи и способы воспитанія, выработанныя на западѣ Европы, онъ не перестаетъ просить, чтобы школа учила его дѣтей по-церковному. Этотъ народный голосъ имѣетъ глубокій, неотразимый смыслъ,—смыслъ всей нашей исторіи, нашей народности.

Преподаватель дидактики приникнетъ къ этому воспитательному духу православнаго богослуженія¹⁾ и примѣнитъ его къ потребностямъ воспитанія и обученія въ церковно-приходской школѣ. Поможетъ ему въ этомъ дѣлѣ примѣръ огласительныхъ школъ первыхъ вѣковъ Церкви Христовой. Помогутъ наставленія св. отцевъ и учителей Церкви восточной (но не западной, напр. Тертуліана, Августина), въ особенности указанія св. Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, Климента Александрійскаго и др. Поможетъ и примѣръ нашей старой начальной школы—конечно, не своимъ механизмомъ, созданнымъ неблагопріятными условіями того времени, но своими внутренними свойствами и стремленіями. Наконецъ, поучительный урокъ доставитъ ему и опытъ начальной

¹⁾ См. Бесѣды объ отношеніи Церкви къ христіанамъ Я. К. Амфиотрова. Изд. 2 С.-Петербургъ 1885 г.

школы на западъ Европы какъ до, такъ и послѣ разрыва ея съ Церковію¹⁾. Этотъ послѣдній въ особенности поучителенъ, какъ предостереженіе отъ увлеченій. Попытки неуваженія къ церковности, прорывавшіяся въ послѣднія времена въ нашей народной школѣ, не должны смущать насъ въ нашемъ дѣлѣ, потому что эти попытки появлялись только какъ подражаніе примѣру запада, притомъ не вслѣдствіе несостоятельности нашей церковной школы, а вслѣдствіе совершеннаго отсутствія ея у насъ въ эти послѣднія времена. Безъ образца, безъ живого указаія и примѣра увлеченія чужими примѣрами неизбежны. Благодареніе Богу, эти увлеченія не пустили глубоко корней въ первоначальной нашей школѣ. Тѣмъ поэтому усиленнѣе должны быть старанія о томъ, чтобы церковно-приходская школа возможно полнѣе и точнѣе выполнила свою задачу въ отношеніи къ воспитываемымъ ею дѣтямъ, дабы тѣмъ самымъ она послужила примѣромъ и указаніемъ для другихъ нашихъ школъ, не имѣющихъ у себя такихъ широкихъ средствъ воспитанія народа въ церковномъ духѣ, какими располагаетъ духовенство по своему призванію. Церковно-приходской школѣ предстоитъ роль весьма важная.

Изъ этого изложенія воспитательнаго духа православнаго богослуженія и краткаго очерка судебъ первоначальнаго обученія въ первенствующей Церкви, на западѣ и у насъ, получатся слѣдующіе основные выводы для нашей церковно-приходской школы: 1) Существомъ ея должно быть приготовленіе дѣтей къ сознательной и свободной преданности православной Церкви, какъ руководительницѣ въ дальнѣйшемъ религіозно-нравственномъ совершенствованіи ихъ. 2) Это приготовленіе должно состоять въ соотвѣтственномъ дѣтскому возрасту возбужденіи, проясненіи и упражненіи

¹⁾ См. брошюру протоіерея П. Смирнова: „Прошедшее въ церковно-приходской школѣ на западѣ, въ виду будущаго нашей“. Москва 1884 г.

всѣхъ дѣтскихъ силъ въ духѣ и характерѣ православной церковности. 3) Основною чертою этой дѣятельности въ церковно-приходской школѣ служитъ цѣльность выраженія всѣхъ средствъ его: объясненія, наученія, внушенія, правила, живого побужденія, примѣра, упражненія, ободренія и т. д. и надъ всѣмъ этимъ обращенія къ помощи и милости Подателя силъ. 4) Соблюденіе гармоніи этихъ средствъ въ цѣлой школьной практикѣ составляетъ искусство воспитанія въ церковно-приходской школѣ, школьное паствырство. 5) Это искусство требуетъ помощи научныхъ свѣдѣній, но само опирается не на нихъ, а на сознательномъ, искреннемъ и живомъ проникновеніи духомъ православной церковности.

Эти основныя положенія подробнѣе, на сколько требуется, будутъ выяснены при разсмотрѣніи трехъ главныхъ составныхъ элементовъ школьнаго дѣла, которые составляютъ 1) учитель, 2) ученикъ и 3) школьная организація. Въ эти три отдѣла войдетъ весь матеріалъ, изложенный въ четырехъ главахъ первой части „педагогика“. При этихъ объясненіяхъ преподаватель обратитъ особенное вниманіе на слѣдующія стороны ихъ:

1) Различіе между воспитательною дѣятельностью учителя и преподавательскою, о которомъ трактуется въ системахъ педагогика, имѣетъ формальное значеніе, а не по существу. Оно открывается только на высшихъ ступеняхъ образованія, когда знаніе становится силою и вызываетъ необходимость усиленной заботливости о немъ, между тѣмъ какъ нравственныя основы болѣе или менѣе уже окрѣпли въ душѣ воспитанника. Такой необходимости не представляютъ свѣдѣнія, сообщаемыя ученику первоначальною школою и имѣющія характеръ воспитательный. Между тѣмъ, опытъ и нашей народной школы успѣлъ уже показать вредныя послѣдствія для школы недостаточно-понятаго воспитанниками изъ педагогика различія между двумя означенными дѣятельностями. Сплошь и рядомъ слышатся жалобы на учителей,

спеціально приготовленныхъ для своей службы, на недостатокъ заботливости о воспитаніи дѣтей. Даже лучшіе и вполне усердные изъ этого рода учителей большею частію ограничиваются холоднымъ требованіемъ отъ учениковъ исполненія предписанныхъ имъ правилъ. Конечно, въ этомъ прискорбномъ явленіи участвуютъ многія причины, въ томъ числѣ воспитаніе самихъ учителей; но наука воспитанія тѣмъ болѣе должна быть осмотрительна въ этомъ дѣлѣ и не только не давать повода къ раздвоенію воспитательной и преподавательской дѣятельности въ школѣ, но и принять мѣры противъ соблазна такого раздвоенія ихъ и ослабленія одной во вредъ другой. Заботливость о томъ, чтобы провести точную черту между воспитаніемъ и обученіемъ (этой черты точно опредѣлить не успѣла еще ни одна педагогическая теорія), ослабляетъ силу послѣдующихъ наставленій о необходимости соединенія этихъ двухъ обязанностей въ лицѣ учителя начальной школы. Учебная дѣятельность, какъ болѣе подробно опредѣленная, скорѣе доставляющая видимые плоды и сама по себѣ болѣе легкая, вообще увлекаетъ учителя и, сосредоточивая вниманіе его на успѣхахъ формальнаго обученія, постепенно вытѣсняетъ воспитательный духъ изъ практики. Въ церковно-приходской школѣ такое раздвоеніе воспитательной и учебной дѣятельности повредило бы ей въ самомъ корнѣ, извратило бы самое существо ея. Всѣ объясненія той и другой должны быть направлены только къ уясненію живого единства ихъ и недѣлимости въ школной практикѣ, какъ дерево и его корни. Наилучшимъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ для учителя можетъ быть только живое и искреннее проникновеніе его самого духомъ церковности. Гармонія и цѣльность выраженія воспитательныхъ средствъ въ богослуженіи должна служить ему примѣромъ въ его собственной дѣятельности: ученіе, наставленіе, внушеніе, упражненіе, правило, живой примѣръ и т. п. должны выражаться въ каждомъ отношеніи его къ ученикамъ, имѣть въ виду такую

же гармонію дѣтскихъ силъ — нравственный умъ и сознательную волю. Въ особенности же учитель долженъ помнить силу примѣра для дѣтей. Никакое искусство воспитанія не поможетъ ему, если оно не будетъ поддержано собственнымъ примѣромъ его. Искреннее расположеніе къ церковности, проникновеніе духомъ ея, неуклонное исполненіе требованій ея самимъ учителемъ прочно закладываютъ въ дѣтскихъ душахъ сѣмена того же расположенія духа.

2) Въ характеристикѣ отрочества, какъ школьнаго возраста, преподаватель, кромѣ указаній психологіи и под., обратитъ вниманіе въ особенности а) на историческія свойства нашего народа и условія его быта. Школа будетъ народною только тогда, когда она будетъ отвѣчать потребностямъ народа, а не однимъ потребностямъ отвлеченнаго дѣтства. Всѣ добрые обычаи, свято хранимые въ народѣ, будутъ непремѣннымъ условіемъ и предметомъ школьнаго воспитанія. Дети является въ школу съ зародышами всѣхъ этихъ обычаевъ и свойствъ, какъ и съ первыми элементами всѣхъ предметовъ школьнаго обученія. Тѣ и другіе совмѣстно должны быть возбуждаемы въ немъ, укрѣпляемы, совершенствуемы. Народный бытъ и исторія ярче всего представляютъ, что всѣ добрыя свойства народа коренятся въ церковности. Отсюда вниманіе естественно переносится б) на тѣ стороны церковности, которыя въ особенности благотворно вліяли на народъ и выразились въ традиціонныхъ обычаяхъ и свойствахъ его. Живая сила церковнаго духа способна переливаться въ душу, съ какой бы стороны ни проникнуть къ ней, и потому излюбленные народомъ предметы ея ни мало не угрожаютъ односторонностію религіозно-нравственнаго духа, если они поставлены разумно. Излюбленные народомъ книги, каковы напр. часословъ, псалтирь, а при нихъ житія святыхъ, описаніе святынь и т. п., обычай ставить свѣчи предъ иконами, возжигать лампады въ домахъ, креститься при началѣ всякаго дѣла и т. д. — каждое изъ этихъ народныхъ расположеній мо-

жетъ служить живымъ путемъ къ полнотѣ и силѣ дѣйствія церковнаго духа. Необходимо внушить при этомъ будущимъ учителямъ церковно-приходской школы тщательную осторожность въ отношеніи къ тѣмъ случаямъ, когда въ обычаяхъ является смѣсь церковности христіанской съ явическимъ суевѣріемъ; здѣсь не должно имѣть мѣста осмѣяніе, укорь, но только спокойное разъясненіе; вразумленіе наставленіе. Такимъ образомъ учитель найдетъ для себя въ народныхъ обычаяхъ много наиболѣе сподручныхъ и наиболѣе соответственныхъ дѣтской натурѣ орудій къ возбужденію, проявленію и укрѣпленію въ дѣтяхъ религіозно-нравственнаго духа. Не говоримъ уже о посѣщеніи самыхъ богослуженій, участіи въ немъ чтеніемъ, пѣніемъ, прислуживаніемъ и т. д.

3) Безъ сомнѣнія, всѣ порядки и все устройство школьное должны соответствовать задачѣ церковно-приходской школы. Желательны всякія внѣшнія удобства въ ней. Но церковно-приходская школа—скажемъ словами одного достопочтеннаго служителя алтаря¹⁾— „идеть въ міръ, подобно первымъ проповѣдникамъ христіанства, *не имѣя ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясъ своея*. Здѣсь мѣсто—вѣрѣ и надеждѣ. Дѣло это не наше, Божіе“. Будетъ ли на первый разъ школа наша хотя отоплена достаточно, будетъ ли въ ней хотя какая-либо скамья, доска, какія-нибудь учебныя пособія? Будущаго учителя церковно-приходской школы нужно въ этомъ отношеніи утѣшить, ободрить, воодушевить на терпѣніе, а не закидывать требованіями усовершенствованныхъ принадлежностей школы. Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ ознакомить ихъ съ полезнѣйшими (но не съ вычурными и прихотливыми) изобрѣтеніями этого рода, дабы они, по мѣрѣ средствъ, могли воспользоваться ими; но еще болѣе слѣдуетъ

¹⁾ *Прошедшее въ церковно-приходской школѣ на западѣ, въ виду будущаго нашей.* Протоіерей П. Смирнова. Москва, 1884 г., стр. 56.

наставить ихъ, какъ бытъ при недостаткѣ необходимѣйшихъ удобствъ, и это обстоятельство имѣтъ въ виду при объясненіи потомъ самыхъ методовъ и способовъ обученія, въ особенности чтенію, письму и счету.—Но недостатокъ орудствъ, лишающій возможности внѣшняго благоустройства въ школѣ, не долженъ служить препятствіемъ къ внутреннему благоустройству ея, вполне зависящему отъ личности учителя. Точность и опредѣленность всѣхъ школьныхъ распорядковъ, соответствіе ихъ съ духомъ церковности и соответственное этому духу пользованіе ими, взглядъ на ученіе, какъ на дѣло святое, христіанскія отношенія между учителемъ и учениками и т. д. возможны при всякой внѣшней обстановкѣ. Прекрасный образецъ школьной дисциплины завѣщала намъ наша русская старина въ наставленіяхъ учителямъ, приписываемыхъ митрополиту Михаилу: „призываше къ себѣ всѣхъ тѣхъ учителей грамотныхъ (т. е. обучающихъ грамотѣ) и наказываше ихъ правѣ и благочиннѣ учить юныя дѣти, якоже словесемъ книжнаго разума, такожде и благонравію, и въ правдѣ, и любви, и зачалу премудрости страху Божию, чистотѣ и смиренномудрію; учить же ихъ не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ, и сладкимъ проученіемъ, и ласковымъ разсужденіемъ, противу коеждо силы, и со ослабленіемъ (снисхожденіемъ), да не унывають... на пользу души же и тѣлу; отъ безумныхъ же неподобныхъ словесъ всячески опаятся“. Да послужить этотъ завѣтъ нашей старины въ поученіе нашимъ учителямъ и во обличеніе тѣхъ, у кого, при имени церковно - приходской школы, тотчасъ возникаютъ опасенія колотушекъ, суроваго аскетизма, безмысленнаго вурбренія и т. п.

Между школьными распорядками, нельзя не пожелать возстановленія нѣкоторыхъ порядковъ старой нашей школы. Напримѣръ, нельзя не пожелать замѣны нынѣшнихъ молитвъ предъ началомъ и по окончаніи уроковъ прежде употребитель-

ными: *Царю небесный* и *Достойно есть*. Первые искусственны по языку и отвлеченны по мысли (онѣ составлены при первомъ учрежденіи въ Россіи „народныхъ училищъ“, собственно общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній въ 1783 году), не употребительны въ церковныхъ богослуженіяхъ и молитвословіяхъ, тогда какъ послѣднія, составляя уставное начало и конецъ всякаго церковнаго богослуженія, болѣе имѣютъ значенія при началѣ и концѣ школьныхъ занятій, не говоря уже о ежедневномъ употребленіи ихъ въ домашней молитвѣ. Весьма благоразуменъ также обычай, отпуская дѣтей изъ школы вечеромъ, сотворить съ ними вечернія молитвы, по крайней мѣрѣ съ тѣми изъ нихъ, родители которыхъ сами не умѣютъ правильно прочесть молитвѣ, или не имѣютъ возможности наблюдать за молитвою своихъ дѣтей предъ сномъ, который притомъ застигаетъ дѣтей безъ всякихъ приготовленій.

По особымъ условіямъ быта въ нашей деревнѣ, необходимо осторожно относиться къ тѣмъ, рекомендуемымъ новѣйшею школою, педагогическимъ средствамъ, которыя имѣютъ въ виду дѣтское развлеченіе. Стремленіе обратить раввлеченіе въ орудіе школьнаго воспитанія требуетъ отъ школы достаточныхъ средствъ, а отъ учителя большой опытности, а при недостаткѣ ихъ обращается въ пустую трату времени и даже во вредъ. Независимо отъ сего, существующія въ педагогическихъ системахъ указанія, правила и образцы для этого дѣла часто представляютъ цѣлый кругъ условій иного народнаго быта, которому школа въ этомъ отношеніи только пособляетъ, а не противудѣйствуетъ, тогда какъ къ условіямъ быта нашего народа они не подходятъ. Такъ, напри- мѣръ, особенно рекомендуемая *занятія въ саду и огородѣ*, если бы тотъ и другой даже оказались при нашей школѣ, у насъ, при отсутствіи лѣтнихъ курсовъ, при нуждѣ родителей въ помощи и малыхъ дѣтей въ теченіе лѣта дома, въ

огородѣ, въ полѣ и под., и не достигли бы цѣли, и вызвали бы ропотъ со стороны родителей за лишеніе ихъ помощи въ хозяйствѣ. Далѣе, *прогулки съ дѣтьми*—въ нашу суровую зиму и при нашей осенней и весенней распутицѣ не возможны, а въ лѣтнюю пору, если бы онѣ и оказались возможными по воскреснымъ днямъ и праздникамъ, то, по нашей однообразной природѣ, въ нашихъ степныхъ, песчаныхъ и болотистыхъ полосахъ, мало что принесли бы даже съ хорошими и свѣдущими учителями. Рекомендуемый при этомъ выборъ *красивыхъ* мѣстностей еще болѣе затруднилъ бы нашего учителя. Но мы не можемъ не указать здѣсь на примѣръ одной изъ существующихъ у насъ образцовой народной школы, который лучше всего объяснить, какого рода прогулки съ дѣтьми въ воспитательныхъ цѣляхъ не только будутъ возможны въ нашей деревнѣ, но и высоко поставятъ школу въ глазахъ народа. Глубокопочтенный учитель этой школы время отъ времени устрояетъ для своихъ учениковъ религіозныя паломничества. Ближайшій монастырь или чудотворная икона служатъ предметомъ паломничества. Отцы и матери съ охотою тогда отпускаютъ и снаряжаютъ своихъ дѣтей. По дорогѣ ученикамъ объясняется все, что вызываетъ любопытство ихъ, и обращается вниманіе ихъ на все, что учитель признаетъ для нихъ полезнымъ. Сознаніе важности совершаемаго путешествія особенно возбуждаетъ и сосредоточиваетъ дѣтскія способности, а потому всѣ объясненія прочно укладываются въ душѣ, припоминаются живо. Безъ сомнѣнія, что мѣсто поклоненія служитъ главнымъ предметомъ вниманія, объясненій, наставленій, и вся *прогулка* надолго остается для дѣтей глубокимъ *урокомъ*. Помнимъ также подробно описанную въ свою время въ одной изъ нашихъ газетъ *прогулку* учениковъ одной (хотя и не начальной) изъ нашихъ школъ къ памятнику на бородинскомъ полѣ.... Еще болѣе благоразумной осмотрительности требуется отъ учителя въ отношеніи къ дѣтскимъ *шрамъ*. Нашъ на-

родъ не даромъ повсюду подозрительно смотритъ на занятіе учителя съ дѣтьми играми, признавая его „баловствомъ“. Въ особенности не понятны для него книжныя игры, составленныя по мотивамъ чуждаго нашему народу быта. Образовательное значеніе игръ — дѣло спорное, во всякомъ случаѣ слишкомъ искусственное. Какъ воспитательное средство, оно требуетъ свободы и естественности, и лучше всего въ отношеніи къ нимъ ограничиться наблюденіемъ и необходимыми предостереженіями.

Требованіе отъ дѣтей чистоты и опрятности будетъ имѣть большое значеніе для нашего народа; учитель долженъ постоянно благоразумными мѣрами приучать къ тому учениковъ. Гигіеническія требованія въ школахъ должны быть соблюдаемы со всею строгостію. Физическія, или гимнастическія упражненія отнюдь не должны быть пренебрегаемы подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Вообще, все школьное дѣло должно служить „на пользу души и тѣла“ (вышеприведенное наставленіе митр. Михаила).

Вотъ основанія, на которыхъ должна утвердаться дидактика. Объясненіе этихъ основаній и относящихся сюда свѣдѣнія должны составить *предварительную часть* въ дидактикѣ и замѣнить собой все то, что въ прежней программѣ составляло *часть I*, подъ названіемъ „педагогика“. Главными рубриками этой *предварительной части* должны быть слѣдующія:

Ученіе Господа нашего Іисуса Христа и св. апостоловъ о дѣтяхъ.

Церковь Христова, какъ мать вѣрующихъ.

Заботы Церкви о воспитаніи дѣтей (по обрядамъ оглашенія, крещенія, миропомазанія, брака и др.).

Огласительныя школы въ первые вѣка христіанства.

Наставленія и мнѣнія св. отцевъ и учителей Церкви о воспитаніи дѣтей.

Древле-русская народная школа. Составъ и характеръ обученія въ ней. Значеніе ея въ исторіи народной жизни и государства. Причины, не благопріятствовавшія развитію ея.

Церковная школа въ западной Европѣ. Причины и характеръ борьбы съ нею новѣйшей школы. Недостатки католическаго и протестантскаго школьнаго воспитанія.

Православное богослуженіе, какъ наилучшее средство воспитанія народа въ православномъ ученіи вѣры и христіанской нравственности.

Примѣненіе его къ церковно-приходской школѣ. Духъ и характеръ воспитанія въ ней.

1) Единство обязанностей воспитательскихъ и учительскихъ въ лицѣ учителя церковно-приходской школы. Качества учителя умственные и религіозно-нравственные.

2) Отрочество, какъ возрастъ школьнаго воспитанія. Значеніе семьи. Значеніе народнаго быта, обычаевъ и свойствъ народа. Особенное значеніе церковности для дѣтей и условія воспитанія ихъ въ ней.

3) Школьные порядки, духъ и характеръ ихъ въ церковно-приходской школѣ. Дисциплина. Живой примѣръ учителя. Школьныя принадлежности. Отношеніе къ прогулкамъ, играмъ и под. Гигіеническія условія и физическія упражненія.

II.

Дидактика, имѣющая цѣлью содѣйствовать подготовленію учителей для начальной народной школы, можетъ и должна быть для нихъ не столько теоріей, сколько практическимъ руководствомъ. Она должна быть системой наставленій и правилъ, при помощи которыхъ преподаваніе, или обученіе въ школѣ успѣшнѣе служило бы выполненію общей за-

дачи ея. Теорія становится здѣсь не распорядителемъ, но пособникомъ дѣла. Имѣя въ виду все, что лучшаго въ этомъ отношеніи добыто и теоріей, и практикой, дидактика должна избрать изъ этого матеріала то, что наиболѣе отвѣчаетъ потребностямъ школы, и наставить будущихъ учителей ея въ наиболѣе цѣлесообразномъ употребленіи этихъ, избранныхъ, методовъ и способовъ обученія. Нельзя не признать, что вмѣстѣ съ такою постановкою дидактики отъ преподавателя ея требуется и совершенное знаніе теоріи обученія, и глубокое проникновеніе основами и задачами подлежащей предъ нимъ школы. Вовсе не имѣется здѣсь въ виду, будто дидактика въ такой постановкѣ свойственна только духовной семинаріи, въ силу указанныхъ ей основъ; напротивъ, во всякомъ учебномъ заведеніи, имѣющемъ цѣлю содѣйствіе приготовленію или спеціальное приготовленію учителей для школы опредѣленной, теоретическая постановка дидактики была бы химерическою и ставила бы своихъ питомцевъ въ противорѣчіе со многими требованіями предстоящаго имъ школьнаго служенія.

Въ соответствіи съ такимъ характеромъ дидактики, въ новой программѣ ея выпущено все то, что давало бы ей теоретическую постановку. Съ учрежденіемъ образцовой школы при духовной семинаріи, теоретическій способъ ознакомленія воспитанниковъ съ методами и способами обученія излишенъ. Преподаватель дидактики изберетъ одинъ: наиболѣе соответственный дѣлу методъ по каждому предмету и отдѣльному случаю, объяснитъ сущность и главные моменты его, возможные уклоненія и ошибки при исполненіи его, потомъ обратитъ вниманіе воспитанниковъ на видѣнные ими уже въ образцовой школѣ примѣры употребленія этого метода, въ болѣе важныхъ случаяхъ назначитъ для лучшаго выясненія его особый образцовый урокъ, дополнитъ поясненія необходимыми указаніями и затѣмъ назначитъ пробный урокъ по тому же предмету для самихъ воспитанниковъ.

Этотъ пробный урокъ преподаватель подвергнетъ потомъ обсужденію въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ класса, и этого матеріала совершенно достаточно будетъ для цѣлей критики и сравненія. При этомъ, если укажетъ необходимость, найдутъ для себя мѣсто и мнѣнія авторитетовъ, какъ иностранныхъ, такъ и своихъ. Существенное достоинство каждаго метода состоитъ въ соотвѣтствіи его а) предмету обученія, б) цѣли обученія и в) натурѣ обучаемыхъ дѣтей. При этомъ, кромѣ сознательности элементовъ метода и поддержки въ употребленіи его, получается та сила убѣжденія, которая одна остается руководителемъ учителя въ школѣ, и то уваженіе къ опыту, которое постоянно побуждаетъ его тщательно вникать во всѣ нужды школы и условія быта учениковъ и внимательно относиться къ опытамъ своихъ товарищей.

Составъ самаго курса дидактики опредѣляется курсомъ церковно-приходской школы. Высочайше утвержденными 13 іюня 1884 года Правилами постановляется: „Церковно-приходскія школы могутъ быть одноклассныя съ двухлѣтнимъ и двухклассныя съ четырехлѣтнимъ курсомъ. Въ нихъ преподаются: 1) Законъ Божій, а именно: а) изученіе молитвъ, б) св. исторія и объясненіе богослуженія и в) краткій катихизисъ; 2) Церковное пѣніе; 3) чтеніе церковной и гражданской печати и письмо; 4) начальныя ариѳметическія свѣдѣнія. Въ школахъ двухклассныхъ преподаются сверхъ того начальныя свѣдѣнія изъ исторіи Церкви и отечества. При семъ наблюдается, чтобы въ одноклассныхъ школахъ составъ учебныхъ предметовъ былъ не менѣе опредѣленнаго въ Положеніи о начальныхъ училищахъ 25 мая 1874 года (§ 5)“. По мѣрѣ надобности и средствъ, дозволяется открывать, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, при церковно-приходскихъ школахъ: а) дополнительные классы по предметамъ, преподаваемымъ въ одноклассныхъ и двухклассныхъ школахъ; б) ежедневные уроки для взрослыхъ; в) особыя

ремесленные отдѣленія и руководѣльные классы и г) воскресныя школы для лицъ, не имѣющихъ возможности пользоваться ученьемъ ежедневно (§ 7). Такимъ образомъ, церковно-приходская школа представляетъ довольно сложное народное училище, обнимающее важнѣйшія нужды народнаго быта. На обширномъ пространствѣ нашего отечества разныя мѣстности имѣютъ свои особыя нужды, которыя укажутъ церковно-приходской школѣ составъ и свойства необходимыхъ дополнительныхъ классовъ, выборъ ремеслъ, руководѣльныхъ занятій, особыхъ уроковъ для взрослыхъ и т. п. Дидактика не можетъ ни предвидѣть, ни обнять воѣхъ этихъ нуждъ, чтобы дать учителю спеціальныя наставленія въ нихъ. Спеціальнымъ кругомъ ея можетъ быть только нормальный курсъ церковно-приходской школы. Сравнительно съ прежнею программю, составъ ея пополняется методикою исторіи Церкви и отечества, а также и географіи, въ помощи которой нуждается исторія. Свѣдушій и опытный въ этомъ кругѣ предметовъ учитель найдетъ и въ отношеніи къ необходимымъ дополнительнымъ занятіямъ безъ особыхъ наставленій на урокахъ дидактики.

Объемъ свѣдѣній по каждому изъ предметовъ курса церковно-приходской школы опредѣленъ особыми программами, изданными Св. Синодомъ. Эти программы должны служить основаніемъ при изложеніи методики отдѣльныхъ предметовъ. Указанные при программахъ учебники и пособія преподаватель разсмотритъ съ воспитанниками и объяснитъ употребленіе ихъ. Обзоръ литературы предмета долженъ быть произведенъ только въ кругѣ наиболѣе полезныхъ для учителей и для дѣтскаго чтенія книгъ, съ предостереженіемъ противъ направленій вредныхъ или химерическихъ. Для изложенія цѣлой литературы предмета нѣтъ ни времени, ни нужды: живая сила преподаванія и всего обученія незамѣнима никакимъ учебникомъ. Она одна даетъ въ глазахъ дѣтей смыслъ учебнику и создаетъ успѣхъ его. Въ рукахъ невниматель-

наго къ условіямъ обученія учителя и самый лучший учебникъ и наиболее цѣлесообразныя пособія не дадутъ успѣховъ дѣлу. Живая сила преподаванія и всего обученія дается только яснымъ сознаніемъ и неуклоннымъ преслѣдованіемъ *цѣли* его и проникновеніемъ его духомъ школы. Предварительно изложенія методики отдѣльныхъ предметовъ, преподаватель даетъ воспитанникамъ необходимыя по этому предмету наставленія. Для этого въ общей части дидактики помѣщаются отдѣльныя статьи о *цѣли преподаванія* и о *духѣ* всего обученія. Считаемо нужнымъ для этого пояснить: а) цѣль всякаго воспитательнаго преподаванія состоитъ въ томъ, чтобы возбудить въ ученикѣ интересъ. Разумѣемъ не тотъ интересъ, который призывается на помощь каждому уроку и служитъ средствомъ для него, поддерживая вниманіе ученика живостью и занимательностью объясненій, но интересъ конечный, какъ результатъ всего преподаванія. Ученье въ школѣ окончится, многое изъ него мало-по-малу неизбежно потомъ забывается ученикомъ, не должно забываться одно—интересъ къ самому ученію, постоянно побуждающій ученика къ самодѣтельности въ немъ. Этотъ интересъ, это влеченіе къ посильному продолженію своего совершенствованія въ предметахъ обученія и есть то сокровище, которое ученикъ выноситъ изъ школы, и которое онъ долженъ хранить и приумножать всю жизнь. Не вынесетъ ученикъ этого достоянія изъ школы—онъ постепенно потеряетъ все, чему бы ни научился въ ней, забудетъ даже грамоту. Для того, чтобы преподаваніе имѣло воспитательный характеръ, оно должно во всемъ своемъ теченіи имѣть въ виду главнымъ образомъ волю ученика, чтобы въ ней именно образовать расположеніе и влеченіе къ ученію. Ошибаются тѣ учителя, которые полагаютъ успѣхъ этого дѣла въ постоянномъ оживленіи учениковъ, въ живописи и занимательности изложенія, въ скорости и легкости воспріятія, въ разнообразіи свѣдѣній, въ удовольствіи отъ урока, въ разныхъ способахъ

развлеченія и отдыха ихъ и т. п. Эти приемы преподаванія имѣютъ все свое значеніе, какъ отдѣльныя свойства его, къ которымъ учитель долженъ обращаться всякій разъ, когда видитъ въ томъ нужду для своей главной цѣли. Но какъ характеръ и направленіе всего преподаванія, они приносятъ обученію несомнѣнный вредъ. Дѣйствуя постоянно и главнымъ образомъ на воображеніе и чувство, они постепенно замыкаютъ въ нихъ интересъ ученія и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляютъ волю. По окончаніи ученія, когда прекращается токъ готовыхъ свѣдѣній съ ихъ занимательностію и оживленіемъ, возбуждаемое воображеніе и чувство мало-по-малу переходитъ на другіе готовые предметы, которые часто уносятъ бывшаго ученика далеко отъ интересовъ школьнаго обученія. Немногочисленность, но точность и строгая связь возбуждаемыхъ въ ученикѣ представленій, постоянная повѣрка ихъ въ этой связи между собою, спокойный и сосредоточенный характеръ изложенія и всѣхъ объясненій, при искренности и твердости выраженія, прочно вліяютъ на волю ученика и постепенно созидаютъ расположеніе къ обученію и самую силу къ самодѣятельности въ немъ. Этотъ психологическій законъ вдвойнѣ важенъ въ нашей сельской школѣ. Учитель часто самъ лишенъ будетъ возможности разнообразія свѣдѣній, по недостатку къ тому средствъ, лишенъ также пособій къ занимательности, наглядности и живости своихъ объясненій, не говоря уже о другихъ удобствахъ, но, если онъ внимателенъ къ себѣ и къ задачѣ обученія, онъ никогда не будетъ лишенъ того, что *едино есть на потребу*. Съ учебникомъ въ рукахъ и съ немногими простыми пособиями, онъ можетъ достигнуть того, что часто не дается при широкихъ свѣдѣніяхъ и богатыхъ пособияхъ школьныхъ. Въ этомъ отношеніи, не ходя далеко за примѣрами, укажемъ на многихъ существующихъ въ средѣ нашего народа *мастеровъ* и *мастерицъ* грамоты. Крайнее убожество ихъ свѣдѣній и всего школьнаго курса, механизмъ и сухость всего

обученія, при спокойномъ и сосредоточенномъ характерѣ ученія, при силѣ убѣжденія въ достоинствѣ своего дѣла, при неуклонномъ преслѣдованіи цѣли, твердомъ выраженіи, усилюють навсегда поселить въ ученикахъ расположеніе къ школьной наукѣ. У нашихъ раскольниковъ эта убогая наука производитъ широкое распространеніе грамотности, плодитъ начетчиковъ, книжниковъ, писателей, проповѣдниковъ. Въ этомъ состоялъ и секретъ нашей старой народной школы, служившей долгое время опорой грамотности и просвѣщенія въ цѣломъ нашемъ отечествѣ. Для нашего времени этотъ секретъ обратился въ ясный психологическій законъ, вся задача состоитъ только въ строгомъ выполненіи его. Для образованнаго сельскаго учителя нашего времени не мало соблазновъ представляетъ это самое образование въ виду темноты народа. Учитель усердный, преданный дѣлу, чувствуетъ прежде всего побужденіе подѣлиться съ учениками своими свѣдѣніями, торопится сообщеніемъ ихъ, усиливается возбудить любопытство ихъ, упростить пониманіе, занять воображеніе и чувство, а потомъ съ прискорбіемъ видитъ съ одной стороны недостатокъ средствъ для желаннаго усилія въ своемъ дѣлѣ, съ другой стороны то распушенность учениковъ, по выходѣ ихъ изъ школы, и неохоту къ сельскимъ занятіямъ, стремленіе къ легкимъ житейскимъ профессіямъ, стремленіе къ чтенію только раздражающему воображеніе и чувство,—то постепенное охлажденіе къ самой грамотѣ, а вслѣдствіе сего скоро самъ охлаждѣваетъ къ дѣлу. Этотъ соблазнъ и его прискорбныя послѣдствія въ особенности сильны для воспитанниковъ духовныхъ семинарій, какъ наиболѣе образованныхъ въ средѣ нашихъ народныхъ учителей. Имѣя превосходство предъ прочими учителями въ своемъ богословскомъ образованіи, они могутъ стать дѣйствительно лучшими учителями народной школы, если хорошо усвоятъ себѣ главное условіе преподаванія въ ней. Въ этомъ отношеніи усилію ихъ окажетъ назамѣнное содѣйствіе церковность. Любовь

къ церковности влечеть за собою и любовь къ грамотности, къ чтенію и пѣнію въ церкви, къ чтенію дома, къ умноженію своихъ свѣдѣній, къ постоянному общенію съ школою. Главная задача церковности—воспитаніе воли христіанина и главная цѣль всякаго воспитательнаго преподаванія—образованіе той же воли въ направленіи грамотности, просвѣщенія, представляютъ въ церковно-приходской школѣ такое поле, на которомъ всего дружиѣ сойдутся всѣ предметы обученія. Взглядъ Церкви на школьное образованіе, какъ на дѣло святое, отвѣтственное предъ Богомъ (молебень предъ началомъ ученія), только укрѣпляетъ и возвышаетъ этотъ характеръ и духъ обученія.

Значеніе каждаго изъ предметовъ въ курсѣ церковно-приходской школы и отношеніе ихъ между собою опредѣляется задачей ея—„утверждать въ народѣ ученіе православной вѣры и нравственности христіанской и сообщать полезныя свѣдѣнія“. Всѣ предметы должны содѣйствовать исполненію этой задачи, но одни изъ нихъ естественно всѣмъ своимъ содержаніемъ исполняютъ первое и главное изъ требованій ея—утвержденіе въ ученіи православной вѣры и христіанской нравственности и потому должны быть признаны главными, другіе же по преимуществу служатъ общенію полезныхъ для народа свѣдѣній. Къ первымъ принадлежатъ: Законъ Божій, церковно-славянское чтеніе, церковное пѣніе и исторія Церкви; ко вторымъ: русская гражданская грамота, ариѳметика, географія и исторія отечества.—Соотвѣтственно этому значенію,

а) Законъ Божій долженъ быть душою всего школьнаго курса, основаніемъ для всего школьнаго обученія и всѣхъ школьныхъ порядковъ. И доселѣ Законъ Божій значился въ курсѣ первоначальной школы главнымъ предметомъ; но это главенство въ дѣйствительности ограничивалось внѣшнимъ почетомъ, другіе предметы давали тонъ и направленіе всему

школьному обученію. Въ церковно-приходской школѣ онъ долженъ быть представителемъ и охранителемъ всего духа ея и руководителемъ каждаго изъ предметовъ ея. Въ соотвѣтствіи съ этимъ положеніемъ,

а) Предметныя бесѣды, имѣющія цѣлью приготовить вновь поступающихъ учениковъ къ прохожденію школьнаго курса и обыкновенно соединяемая съ программю русскаго языка, должны быть соединены съ Закономъ Божиимъ и отнесены къ обязанностямъ законоучителя. Въ рукахъ законоучителя эта школьная пропедевтика должна состоять въ томъ, чтобы положить первые основы для занятій и поведенія учениковъ. Прежде всего законоучитель объяснить имъ важность и значеніе грамоты для утвержденія въ ученіи православной вѣры и нравственности христіанской и для житейскаго благобыта,—школьные порядки, обязанности учениковъ и поведеніе ихъ за уроками, въ отношеніи къ учителю, къ товарищамъ, школьнымъ принадлежностямъ,—о необходимости запоминать всѣ объясненія, исполнять всѣ наставленія, вникать въ нихъ, соображать и надъ всѣмъ—молиться Богу о дарованіи смысла и усердно посѣщать церковныя богослуженія. Эти изустныя бесѣды, сопровождаемая катихизаціей, будутъ и первыми школьными возбужденіями дѣтской мысли—вниманія, запоминанія, наблюденія, соображенія, пересказа. Въ основѣ ихъ будетъ лежать мысль о школьномъ ученіи, какъ о дѣлѣ святомъ, богоугодномъ, а въ развитіи ихъ будетъ по возможности обнята и проникнута этою мыслию вся школьная сфера.

Эти бесѣды естественно перейдутъ къ предметамъ вѣры. Въмѣсто отвлеченныхъ представленій, обычныхъ въ этомъ дѣлѣ, всего лучше для этого отъ школы перейти къ храму Божию, какъ высшему христіанскому училищу, и здѣсь наглядно показать и возможно объяснить первые и главные предметы почитанія христіанскаго и молитвеннаго располо-

женія и дать первыя понятія о Богѣ, о Спасителѣ міра, о Божіей Матери, объ ангелахъ, о святыхъ, о любви и благоговѣніи къ Богу и о молитвѣ.

Отсюда естественный переходъ къ изученію молитвъ. Безъ сомнѣнія, молитва встрѣтитъ первый шагъ ученика въ школѣ и будетъ ежедневно встрѣчать его въ ней и провожать изъ нея. Безъ сомнѣнія, при этомъ обращено будетъ вниманіе на правильное исполненіе дѣтьми крестнаго знаменія, малыхъ поклоновъ, на почтеніе иконъ и под. Слѣдуетъ также съ такими дѣтьми ежедневно прочитывать молитву Господню и наиболее простую изъ вечернихъ молитвъ. Изученіе молитвъ, какъ перваго отдѣла въ школьномъ курсѣ Закона Божія, начнется только послѣ вышеуказанныхъ предметныхъ бесѣдъ. Начиная съ наиболее краткихъ и отчасти извѣстныхъ уже дѣтямъ изъ родительскаго дома молитвъ и переходя къ болѣе сложнымъ, законоучитель приступитъ къ каждой молитвѣ благоговѣйнымъ прочтеніемъ ея, потомъ объяснитъ малопонятныя слова и выраженія, изложитъ смыслъ ея и наставитъ дѣтей въ чувствахъ, употребленіи и произношеніи ея. Въ заключеніе этихъ объясненій и наставленій, онъ снова благоговѣйно прочтетъ ее и потомъ приступитъ къ повторенію съ учениками данныхъ объясненій, къ замятованію молитвы и къ произнесенію ея самими учениками.

Въ нашей педагогической литературѣ установился обратный методъ обученія молитвамъ въ народной школѣ. По этому методу, законоучитель прежде всего объясняетъ ученикамъ предметъ молитвы и главныя условія ея, такъ чтобы вся эта молитва вылилась, какъ результатъ объясненій; всимъ законоучитель сказываетъ молитву по-русски и наконецъ переводитъ ее на церковно-славянскій языкъ. Вся забота этого метода состоитъ въ томъ, чтобы дѣти съ перваго же разу пріучались понимать смыслъ молитвы и не произносили бы ни одной молитвы механически. Забота весьма почтенная!

Но только по наружности. а) Ради этой заботы, съ перваго же шагу дѣтямъ внушается мысль о подлинномъ текстѣ молитвы, который они слышатъ въ церкви и отъ родителей, привыкли уже соединять съ нимъ священное значеніе, какъ о препятствіи къ пониманію ея. При этомъ обыкновенно до крайности преувеличивается трудность для дѣтей церковно-славянскаго текста. Что непонятнаго, и что переводить предварительно на русскій языкъ въ текстѣ слѣдующихъ самыхъ первыхъ молитвъ: Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. *Аминь*.—Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.—Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.—Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ.—Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безомертный, помилуй насъ.—Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, нынѣ, и *присно*, и во вѣки вѣковъ.—Пресвятая Троице, помилуй насъ: Господи, очисти грѣхи наша; Владыко, прости беззаконія наша; Святый, посети и исцѣли немощи наша имене Твоего ради.—Господи, помилуй.—Итакъ, на вѣѣ эти молитвы только два слова—*аминь* и *присно*, требующихъ не перевода только, но объясненія. Понятнѣ ли дитяти станетъ молитва, если оно услышитъ: Святѣйшая Троица, вмѣсто Пресвятая Троице, помилуй меня—вмѣсто помилуй мя, ради имени Твоего—вмѣсто имене Твоего ради и т. д. Не въ этихъ и подобныхъ словахъ и выраженіяхъ трудность пониманія молитвы, а въ самыхъ понятіяхъ ея.—б) Школа принимаетъ дитя изъ рукъ семьи. Мать учила его молитвамъ путемъ живого опыта, простого показанія и навыка. Не страшилась она славянскаго текста, когда заставляла повторить за ней слова молитвы, не боялась механизма, когда ставила его предъ иконою, водила его рукою, обучая крестному знаменію, нагибала голову его, уча творить поклонъ. Это былъ голосъ и дѣйствія материнскія, проникнутыя любовію и заботою о дитяти. Кому не извѣстно, какъ глубока эта материнская наука! Сразу разрывать съ этимъ методомъ и ставить дитя на путь отвлеченныхъ мо-

литвенныхъ представленій было бы ни съ чѣмъ не сообразно. Всего естественнѣе продолжать ту же материнскую науку, постепенно расширяя и просвѣтляя ее для дитяти помощію объясненій. Живой примѣръ законоучителя, простое показаніе молитвы въ ея цѣломъ употребленіи, благоговѣніе и любящая забота живѣе всякихъ предварительныхъ бесѣдъ и перевода на русскій языкъ вложить молитву въ душу дитяти, еще не способную къ отвлеченностямъ.—в) Методъ уразумѣнія дѣтьми смысла молитвы повидимому былъ естественнымъ послѣдствіемъ догмата о спасеніи человѣка вѣрою, усвоеніемъ истинъ ея. Онъ появился и наиболѣе распространяется въ средѣ протестантской. Но это догматическое ученіе нигдѣ такъ не высказало своей слабости, какъ на опытѣ самаго обученія. Точное примѣненіе метода предварительнаго уразумѣнія молитвы повело къ произвольному выбору и сочиненію такихъ молитвъ, изъ которыхъ устранялось все непонятное для дѣтей и преимущественно важнѣйшія истины христіанской вѣры; весь курсъ религіи ограничивался доступными дѣтямъ нравственными христіанскими наставленіями, совпадающими съ естественными побужденіями, и школа глубоко расходилась съ Церковію. Спасая ученіе вѣры, но не находя въ основѣ ея живой силы къ устраненію личнаго произвола въ дѣлѣ обученія, ревнители протестантства принуждены бросаться въ противоположную крайность. Пасторы и доселѣ предпочитаютъ въ школахъ механическое заучиваніе опредѣленнаго числа молитвъ, псалмовъ, пѣсней, а за ними такое же заучиваніе катехизиса, исторіи и др. правилъ протестанства.—Православная Церковь требуетъ болѣе (усвоенія) вѣры сердцемъ, нежели познанія правилъ холоднымъ умомъ. Православное богослуженіе есть живой образецъ наученія молитвѣ. Молитвенное слово выступаетъ въ немъ безъ всякихъ предвареній, но проникнутое духомъ благоговѣнія и сопровождаемое полными смысла и чувства знаками и дѣйствіями. Нигдѣ православный христі-

анинъ не научается молитвѣ съ такимъ смысломъ и разумѣніемъ, какъ за богослуженіемъ, чинно совершаемымъ. Сердцемъ она усваивается здѣсь прежде всего, потомъ легко дается и разумѣнію. Частная, домашняя молитва должна быть частнымъ, домашнимъ богослуженіемъ, а потому должна слѣдовать примѣру церковнаго богослуженія. Только тогда она будетъ плодотворна для жизни. Наши домашнія молитвы—заповѣдная святыня, идущая отъ отцевъ и учителей Церкви, и въ своемъ текстѣ славянскомъ освящены для насъ тысячелѣтіемъ. Всѣ эти свойства молитвы и должны быть прежде и болѣе всего предметомъ наученія ей въ школѣ. Живой примѣръ законоучителя, при сердечной заботѣ о дѣтяхъ, будетъ наилучшимъ способомъ въ этомъ дѣлѣ. За нимъ объясненія живѣе и полнѣе будутъ ложиться на душу дѣтяти. Эти объясненія будутъ все болѣе и болѣе расширяться по мѣрѣ того, какъ дѣти будутъ утверждаться въ духѣ молитвы, и общими усиліями школы будетъ укрѣпляться самая ихъ способность разумѣнія. Въ такомъ характерѣ изученіе молитвъ послужитъ и наилучшею пропедевтикою для дальнѣйшаго курса Закона Божія, и благотворно отразится на самомъ теченіи его.

Изустныя бесѣды законоучителя съ вновь поступившими въ школу учениками по необходимости продолжатся значительное время, пока ученики не освоятся достаточно съ русскимъ и церковно-славянскимъ чтеніемъ. Но и послѣ того чтеніе молитвы по книгѣ послужитъ только пособіемъ для изученія молитвъ, именно для болѣе точнаго запоминанія текста ихъ и болѣе близкаго вниканія въ складъ и смыслъ отдѣльныхъ выраженій. Порядокъ же наученія новой молитвѣ долженъ оставаться одинъ и тотъ же.

По каждому изъ предметовъ дальнѣйшаго курса Закона Божія преподаватель укажетъ болѣе соотвѣтственные имъ методы преподаванія, при чемъ должно быть объяснено бу-

дущимъ учителямъ и законоучителямъ школы, что всѣ улучшенныя методы преподаванія Закона Божія въ народной школѣ имѣютъ значеніе только какъ пособія къ лучшему разумѣнію изучаемыхъ предметовъ. Но остается затѣмъ цѣлая область религіознаго духа и жизненной силы вѣры, которая составляетъ главную задачу обученія Закону Божию. Этотъ духъ и эта жизненная сила не даются вышними методами обученія, а только живымъ примѣромъ и вліяніемъ самого законоучителя и соответственными упражненіями въ школѣ, въ церкви, дома. Въ особенности важное значеніе въ этомъ дѣлѣ будетъ имѣть церковность, любовь къ которой и законоучитель, и вся школьная система должны неуклонно воспитывать въ дѣтяхъ чрезъ весь курсъ школьнаго обученія, не опасаясь неизбежнаго на первыхъ порахъ дѣтскаго непониманія, только бы личный примѣръ, любовь, искренность руководили всеми внушеніями и требованіями отъ дѣтей. Ко времени изученія св. исторіи, особенно катихизиса и богослуженія, путемъ должнаго отношенія къ молитвѣ, въ школѣ и дома, присутствія при богослуженіяхъ, участія въ чтеніи и пѣвнѣ на клиросѣ, приоуживанія въ алтарѣ, соблюденія постовъ, уваженія къ благочестивымъ обычаямъ въ народѣ и многихъ частныхъ случаевъ, которыми школа всегда будетъ пользоваться, въ дѣтской душѣ образуются навыки, которые потомъ остается на урокахъ прояснять, одушевлять, укрѣплять. Къ концу курса, завершеніе его объясненіемъ богослуженія сведетъ къ нему всѣ нити бывшихъ уроковъ, объясненій и упражненій, и такимъ образомъ школа, выпуская ученика, сдаетъ его съ рукъ на руки той же церковности, которая должна быть руководителемъ человѣка до могилы. Въ зародившихся въ дѣтской душѣ опытахъ и навыкахъ, самыя объясненія по св. исторіи и катихизису найдутъ неизмѣнное для себя подспорье, живо воспринимаясь, какъ нѣчто уже готовое, свое, родное. Всю важность составляетъ эта завязь въ душѣ, безъ нея

всѣ религіозныя представленія не найдутъ для себя въ душѣ живой почвы, будутъ только скользить по ней, восприниматься умомъ, но не сердцемъ. Это—психологическій законъ.—На такомъ пути преподаванія Закона Божія найдутъ для себя должное употребленіе всѣ указанные дидактикой методы: наглядность, акроаматизмъ, хротематизмъ, эвристика и под. Этотъ путь не допуститъ тѣхъ, усиленно пропагандируемыхъ въ послѣдніе годы въ нашей народной школѣ, напряженій этихъ методовъ, которыми дѣло священное во всемъ приравнивается къ обыкновеннымъ школьнымъ процессамъ и обращается въ простую дрессировку умственныхъ способностей ученика, подобно нагляднымъ бесѣдамъ, объяснительному чтенію и арифметическимъ упражненіямъ. Въ особенности осторожность требуется въ отношеніи распространенной въ учебникахъ наглядности съ ея недостойными св. изображеній аляповатыми картинками, внушающими съ одной стороны фальшивыя представленія о св. предметахъ, съ другой стороны легкія отношенія къ иконамъ,—а также усиленная эвристика, заботящаяся о живости, сметливости и ловкости мышленія и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе уклоняющая его отъ живого и спокойнаго духа вѣры.

Церковно-славянское чтеніе должно получить въ дидактикѣ болѣе опредѣленное положеніе, чѣмъ какое оно имѣло доселѣ, какъ важнѣйшее подспорье для Закона Божія и для всей церковности. Требованія по этому предмету въ достаточной полнотѣ и основательности изложены въ сочиненіи г. Ильминскаго: *Объ обученіи церковно-славянскому чтенію въ начальныхъ училищахъ*. Тамъ же изложены и наиболѣе соотвѣтственные способы этого обученія. А потому это сочиненіе рекомендуется преподавателю дидактики и самимъ учителямъ церковно-приходскихъ школъ, какъ лучшее изъ существующихъ по этому предмету указаній. Но нельзя не остановиться на самомъ первомъ вопросѣ въ этомъ дѣлѣ: когда начинать обученіе церковно-славянской грамотѣ и какъ

приступить къ нему? Рекомендуемый авторомъ способъ—начинать это обученіе прежде грамоты гражданской и притомъ порядкомъ исконнымъ—конечно, всего ближе отвѣчаетъ задачѣ церковно-приходской школы, подчиняющей житейскій утилитаризмъ потребностямъ вѣры и христіанской нравственности. Къ сожалѣнію, это желаніе въ настоящее время едва ли исполнимо, такъ какъ методика этого предмета у насъ совершенно не почата, а старыи, исконный способъ его дошелъ до насъ своимъ механизмомъ, который всего менѣе желателенъ въ церковномъ дѣлѣ. Правда, цѣлый міръ нашего раскола начинаетъ обученіе грамотѣ по старинѣ, и грамотность прививается въ немъ прочно. Но тамъ это дѣло ведется такъ изстари, безъ всякаго перерыва, какъ живое преданіе, и поддерживается всѣми условіями живого быта, замкнутаго въ себѣ и ограждающаго себя отъ новшествъ. У насъ же, послѣ длиннаго перерыва и долгаго господства иныхъ условій обученія, частію порожденныхъ новыми условіями быта, частію успѣвшихъ слиться съ нимъ, это преданіе потеряло свою жизненную силу, и для возстановленія его потребовались бы такія условія, которымъ бы наши учителя не могли удовлетворить безъ вреда для дѣла. Отъ учителя потребовалась бы и сила убѣжденія, и строгая выдержка характера, и полная опытность въ дѣлѣ. При недостаточности котораго-либо изъ этихъ свойствъ, въ церковно-приходской школѣ открылась бы такая путаница, которая извратила бы все дѣло ея. Будущему предстоитъ воспитать въ эти требованія и свойства, сообразно измѣнившимся условіямъ быта, а до тѣхъ поръ можно лишь желать, чтобы убѣжденные и опытные въ дѣлѣ пастыри и учителя не устранялись бы отъ него и показали бы свои опыты на обученіе другимъ.—Нѣкоторые думаютъ, что вся путаница въ этомъ дѣлѣ устранена была бы обученіемъ церковно-славянскому чтенію по новѣйшимъ методамъ, въ особенности звуковому. Но въ такомъ случаѣ церковный характеръ грамоты

нарушался бы съ перваго шагу. Нарушеніе первыхъ же свойствъ церковной грамоты, имѣющихъ свой глубокой смыслъ, не искупится относительною легкостію успѣха въ ней; но строго выдержанный характеръ ея вполне окупить относительно позднюю пору обученія ей. Разъ поставлена грамота, какъ церковная, она должна быть строго выдержана въ характерѣ церковности. По этимъ причинамъ удобнѣе пока вообще начинать обученіе съ русской грамоты и переходить къ церковно-славянской лишь тогда, когда дѣти вполне овладѣютъ механизмомъ русскаго чтенія, примѣрно спустя около трехъ мѣсяцевъ послѣ начала ученія. Этотъ переходъ совершится весьма легко, особенно если по стѣнамъ въ школахъ развѣшены таблицы церковно-славянскаго текста.

Церковное пѣніе тогда только исполнить свою задачу въ школахъ, когда будетъ строго держаться въ характерѣ нашей православной церковности, не увлекаясь требованіями музыкальности, которая въ послѣдніе годы болѣе и болѣе подрывала пѣніе въ нашей народной школахъ. Для послѣдней, руководимой требованіями образованнаго вкуса, народная школа не имѣетъ ни времени, ни средствъ, ни расположенія въ народѣ. Истинно музыкальныя мелодіи на темы, близкія къ дѣлу школы и къ потребностямъ народа, крайне рѣдки, слишкомъ дороги и нуждаются въ образованномъ, вполне владѣющимъ теоріей и практикой пѣнія учителѣ. Тѣ дешевыя и нетрудныя для изученія мелодіи, которыя разносятся у насъ изъ городовъ по деревнямъ въ спискахъ подъ именемъ церковныхъ, составляютъ только порчу народнаго вкуса и молитвеннаго расположенія, а не удовлетвореніе того и другого. Наши церковныя старыя напѣвы обладаютъ всѣми достоинствами той музыки, которая всего нужнѣе для истиннаго воспитанія нашего народа. Они близки къ народной натурѣ, срослись съ нашимъ церковнымъ богослуженіемъ, служа прозрачнымъ выраженіемъ духа и характера его, за-

ключаютъ въ себѣ серьезные мотивы, способные къ широкому развитію и глубокому впечатлѣнію на душу, просты для изученія самыхъ малыхъ дѣтей, доступны всего по дешевизнѣ изданій для сельской школы и могутъ быть обучаемы каждымъ знающимъ учителемъ. Въ виду преимуществъ этихъ напѣвовъ для нашихъ сельскихъ школъ, въ виду поднимающихся въ нашемъ музыкальномъ мірѣ заботъ о сохраненіи и развитіи ихъ и крайней необходимости утвердить для нашего православнаго богослуженія свои, наиболѣе соответственныя духу и смыслу его мелодіи, необходимо дать учителямъ церковно-приходскихъ школъ надлежащія по этому предмету предостереженія и наставленія, чтобы отклонить ихъ отъ соблазна усердно разносимыхъ по деревнямъ случайными любителями хоральныхъ пьесъ и обратить все вниманіе ихъ на забываемые церковные: обиходъ, ирмологій, октоихъ. Основою обученія пѣнію въ церковно-приходской школѣ долженъ быть *сокращенный обиходъ*, а дополненіемъ къ нему *обиходъ церковный нотнаго пѣнія*. Само собою, что это пѣніе при первоначальномъ обученіи должно быть одноголосное, какимъ оно значится въ этихъ книгахъ. Абсолютный унисонъ можетъ быть обращенъ въ октавный, затѣмъ легко перейдетъ въ двухголосное пѣніе, отъ котораго переходъ къ трехъ- и четырехголоснымъ существующимъ переложеніямъ этихъ напѣвовъ составитъ лишь вопросъ различныхъ между учениками голосовъ. Квадратная нота, принятая въ этихъ обиходахъ, вовсе не исключаетъ необходимости ознакомить учениковъ и съ общепринятымъ начертаніемъ ея.

Начальныя свѣдѣнія изъ исторіи, назначаемыя для второго класса церковно-приходскихъ школъ, должны составить не отрывочное собраніе разсказовъ о важнѣйшихъ событіяхъ въ ней, но правильную систему ихъ, сообразную съ потребностями школы. Въ основѣ этой системы должна лежать

мысль о Церкви, имѣющей Божественное происхождение и предназначенной Богомъ для руководства вѣрующихъ ко спасенію, а также о Церкви православно-русской, какъ хранительницѣ, вмѣстѣ съ другими православными Церквами, истиннаго свѣта Христова и жизни во Христѣ. Въ составъ этого предмета должны войти слѣдующія статьи, какъ главныя и основныя: 1) Церковь ветхозавѣтная. Такъ какъ св. исторія ветхаго завѣта будетъ уже пройдена учениками, то легко будетъ извлечь изъ нея и въ нѣсколькихъ урокахъ изложить понятіе о происхожденіи ветхозавѣтной Церкви (вслѣдъ за грѣхопаденіемъ), о первой жертвѣ въ ней, о состояніи ея при патриархахъ, объ устройствѣ ея при Моисеѣ, о главныхъ свойствахъ ея, важнѣйшихъ прообразахъ и пророчествахъ и о книгахъ ветхаго завѣта. 2) Церковь новозавѣтная. Переходъ къ ней, послѣ изученія св. исторіи новаго завѣта, не представитъ никакихъ затрудненій. Тайная вечера, какъ основаніе богослуженій христіанской Церкви. Посланіе апостоловъ на проповѣдь и сошествіе на нихъ Св. Духа, какъ начало церковной іерархіи. Божественное происхожденіе таинствъ, какъ главныхъ путей дѣяствія благодати Божіей въ Церкви. Черты церковной жизни первыхъ христіанъ по книгѣ *Дѣяній св. апостоловъ*. Гоненія и мученики въ Церкви Христовой. Значеніе соборовъ церковныхъ и соборы вселенскіе. Равноапостольныя Константинъ и Елена. Важнѣйшіе предметы дѣятельности вселенскихъ соборовъ: символъ вѣры, иконопочитаніе, установленіе правилъ церковной жизни. Великіе отцы и учителя Церкви: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Николай Чудотворецъ. Церковныя пѣнописцы: Іоаннъ Дамаскинъ, Андрей Критскій. Великіе подвижники благочестія: Антоній, Макарій, Савва, Феодоръ Студитъ. Мученики: Георгій Побѣдоносецъ, Варвара, Екатерина... Здѣсь вообще должно быть правиломъ: ознакомить учениковъ съ тѣми святыми восточной Церкви, которые наиболѣе чтимы въ народѣ, и которыхъ изображе-

нія имѣются въ мѣстной церкви. Просвѣтителі славянъ Кириллъ и Меѳодій. Св. Ольга и Владиміръ. Крещеніе Руси. Первые церковныя школы на Руси. Св. Борисъ и Глѣбъ. Основаніе Кіево-Печерской Лавры и преподобные Антоній и Ѣеодосій печерскіе. Умноженіе монастырей, распространеніе ими грамотности на Руси и благочестія. Преподобный Сергій, Радонежскій чудотворецъ, и учрежденіе Сергіевой Лавры. Преподобные Зосима и Савватій и происхожденіе Соловецкой обители. Святители: Петръ, Іона, Алексій и Филиппъ. Подвиги вѣры въ смутное время на Руси: Авраамій Палицынъ и патріархъ Гермогенъ. Патріархъ Никонъ и происхожденіе раскола.—О расколѣ сообщаются свѣдѣнія преимущественно въ сѣверной Руси. Въ юго-западной Руси вмѣсто того даются свѣдѣнія о происхожденіи папства и объ униі. Учрежденіе Св. Синода. Святители: Димитрій Ростовскій, Митрофанъ Воронежскій и Тихонъ Задонскій. Эти свѣдѣнія дополняются изложеніемъ происхожденія и объясненіемъ мѣстно чтимыхъ святыхъ, святыхъ иконъ и другихъ предметовъ благочестія въ народѣ.

Изъ методики обученія русской грамотѣ должна быть исключена такъ называемая первая ступень обученія грамотѣ, состоявшая въ предметныхъ бесѣдахъ учителя съ учениками съ цѣлью подготовить ихъ къ прохожденію всего курса обученія. Мы сказали уже, что эта подготовка учениковъ въ церковно-приходской школѣ всего естественнѣе относится къ Закону Божію и къ законоучителю, какъ распорядителю школы. Входящія въ составъ этихъ бесѣдъ практическія упражненія руки, глаза и под. сохраняются, какъ подготовка къ письму и нумераціи, но не требуютъ для себя отдѣльнаго курса и должны быть ведены параллельно съ изученіемъ всѣхъ буквъ алфавита и первыми умственными упражненіями надъ числами. Равнымъ образомъ должна быть исключена и статья объ обязанности учителя преподавать уче-

никакъ совѣты относительно выбора и чтенія книгъ. Эта обязанность должна лежать на распорядителѣ школы-законучителѣ, который исполнить это дѣло по совѣщанію съ учителемъ.—Остальныя статьи методики русскаго чтенія слѣдуетъ расположить не по ступенямъ, но по сторонамъ обученія, для большей опредѣленности каждой изъ нихъ. Курсъ второго класса отличается отъ перваго только большею полнотою и отчетливостію этимологіи и синтаксиса и болѣе осмысленнымъ усвоеніемъ учениками простыхъ словесныхъ формъ: описанія, разсказа, письма.

Вообще, для большаго успѣха русской грамоты въ первоначальной школѣ, необходимо устранить изъ программы ея все то, что искусственно прививалось къ ней и отвлекало дѣтское вниманіе къ предметамъ постороннимъ, подъ предлогомъ умственнаго развитія дѣтей и сообщенія имъ разнообразныхъ свѣдѣній и т. п. Въ этомъ отношеніи въ особенности необходимо положить должныя границы объяснительному чтенію, устранивъ изъ него длинныя бесѣды о предметѣ чтенія, отступленія отъ содержанія прочитаннаго, мелкія упражненія дѣтской мысли въ разныхъ мнимо-логическихъ пріемахъ и т. п. и сосредоточивъ вниманіе на ближайшемъ уразумѣніи учениками предмета и тѣхъ его отношеній, которыя прямо даются ходомъ рѣчи. Отрывочныя свѣдѣнія, доставляемыя ученикамъ этими объясненіями, мало-помалу пріобрѣтаютъ преимущественный интересъ для дѣтей и дѣлаютъ для нихъ скучными упражненія въ самой грамотности, тогда какъ сосредоточеніе занятій главнымъ образомъ на требованіяхъ грамотности и всего лучше способствуетъ укрѣпленію дѣтскаго мышленія, и прочно запечатлѣваетъ въ умѣ получаемое изъ чтенія и разбора статьи свѣдѣніе.

Точно такимъ же порядкомъ, ложное понятіе о задачѣ и значеніи ариметики въ курсѣ начальной народной школы,

оставляющей будто бы вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ основу первоначальнаго школьнаго занятія, породило у насъ чрезмѣрное распространеніе метода Груббе и его различныхъ видоизмѣненій. Задача математики въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ примѣтана къ курсу ариѳметики въ начальныхъ народныхъ школахъ, и простое дѣло, вызываемое живую потребностію народа, извращено въ пользу отвлеченной идеи. Крайняя продолжительность и утомительность для крестьянскихъ дѣтей упражненій надъ числами (даже въ упрощенныхъ формахъ—Евтушевскаго), предразсудокъ въ отношеніи нумераціи и т. п. производятъ весьма медленные, не твердые и далеко недостаточные для сельской потребности успѣхи въ счетѣ. Въ церковно-приходской школѣ ариѳметика имѣетъ значеніе полезнаго для народа свѣдѣнія, и чѣмъ проще и живѣе она удовлетворитъ практической нуждѣ народа въ счетѣ, тѣмъ вѣрнѣе исполнитъ свое назначеніе. Въ виду этой нужды и въ виду того значенія, какое должно получить въ школѣ религіозное обученіе, толки о развращающемъ значеніи ариѳметики теряютъ свою силу. Не можетъ быть никакихъ опасеній въ механизмѣ обученія этому предмету, если учитель сократитъ значительно предметный курсъ, ограничивъ его упражненіями надъ числами перваго десятка только въ простыхъ и болѣе употребительныхъ формахъ, засимъ приступитъ къ нумераціи и далѣе толково будетъ соразмѣрять дѣйствія надъ цифрами съ умственными упражненіями въ числахъ.—Преимущественнымъ употребленіемъ должны пользоваться тѣ пособія, которыя берутъ примѣры изъ народнаго быта.

Преподаваніе *географіи* можетъ быть введено только какъ пособіе къ изученію исторіи отечества, положенной во второмъ классѣ церковно-приходской школы, а потому географія должна быть излагаема какъ пособіе, а не какъ предметъ самостоятельный. Она должна дать необходимыя для исторіи и

полезныя въ народномъ быту свѣдѣнія о Россіи и ея положеніи какъ въ отношеніи къ сосѣднимъ государствамъ и странамъ, такъ и на земномъ шарѣ. Эта главная мысль будетъ руководить выборомъ общихъ географическихъ свѣдѣній. Въ соотвѣтствіи съ этою задачею:

а) Географія должна быть пройдена въ теченіи перваго года второго класса, а исторія во второй годъ.

б) Нѣтъ никакой нужды начинать ее тѣмъ, распространеннымъ у насъ, способомъ, по которому учитель приступаетъ сперва къ описанію, имѣренію и черченію предметовъ классной комнаты, потомъ школьнаго дома, переходитъ затѣмъ на улицу, другую, пересматриваетъ всѣ предметы деревни, выходитъ въ поле и т. д. Этотъ способъ имѣетъ въ виду дѣтей начинающихъ учиться, семи-восьми лѣтъ; онъ имѣетъ мѣсто и значеніе наряду съ предметными бесѣдами, предшествующими обученію чтенію и письму. Но онъ совершенно иаищенъ съ учениками, прошедшими курсъ одноклассной школы. Изъ этого курса они должны вынести отрывочныя свѣдѣнія о разныхъ географическихъ предметахъ, которыя учителю остается только сгруппировать, чтобы получить въ дѣтской душѣ завязь для занятій географическихъ. Съ другой стороны, если онъ употребляется съ цѣлью съ перваго шагу поставить географическія представленія дѣтей на конкретную дорогу, то въ значительно большей части случаевъ эта конкретность окончится тотчасъ за деревней, такъ какъ наша однообразная равнина, удаленность отъ городовъ, рѣкъ, озеръ, морей, отсутствіе горъ и проч. и проч. поставяетъ тому рѣшительную преграду. Много, если учителю удастся показать ученикамъ окрестность села съ колокольни и, давши понятіе о мѣстности, произвести въ нихъ представленія о другихъ, иныхъ мѣстностяхъ. Затѣмъ волею-неволею придется обратиться только къ помощи воображенія и особенно памяти. Между тѣмъ,

усилія дать представленіямъ конкретность, располагають потомъ учителя къ пространнымъ описаніямъ и отступленіямъ, а учениковъ къ занимательнымъ картинкамъ, требуютъ множества картинъ, наглядныхъ пособій и производятъ холодность къ тѣмъ упражненіямъ, которыя даютъ потомъ дѣйствительныя географическія понятія.

Начавъ съ представленій, полученныхъ учениками отрывочно въ первомъ классѣ при чтеніяхъ и объясненіяхъ и изъ опыта самихъ дѣтей (вода, суша, источникъ, рѣка, озеро, равнина, долина, возвышенность, дождь, снѣгъ, зима, лѣто, осень, весна, вѣтеръ, солнце, луна, звѣзды, село, городъ, страна, царство и т. д., изъ коихъ одни много разъ встрѣчались на урокахъ, другія извѣстны изъ опыта), и сгруппировавъ ихъ въ отдѣльныя понятія, учитель можетъ прямо перейти къ глобусу и на немъ дать болѣе опредѣленныя и въ порядкѣ понятія о видѣ земли, объ отношеніи между сушею и водою, о формахъ той и другой, о климатѣ и распредѣленіи его на земномъ шарѣ, о частяхъ свѣта, о положеніи Россіи. Засимъ перейти къ картѣ Россіи и изложить тѣ свѣдѣнія, какія укаваны для двухклассныхъ училищъ программю министерства народнаго проовѣщенія.

Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что, и при самыхъ широкихъ средствахъ и наилучшихъ условіяхъ школы, память составляетъ единственно прочную опору для усвоенія представленій географическихъ мѣстностей, формы и величины. Воображеніе и разумокъ только тогда окажутъ дѣятельную помощь, когда данная поверхность будетъ усвоена, какъ фактъ. Самый лучший рядъ наглядныхъ, предметныхъ уроковъ не замѣнитъ того, что доставляетъ память, карта. Сколько ни внушаютъ учителямъ разныя руководства приучать учениковъ къ пониманію смысла карты, показываніемъ и черченіемъ плановъ школы, знакомыхъ дѣтямъ окрестностей и т. п., однако лучшіе учителя, старательно взявшисъ

за дѣло, невольно, силою самаго дѣла, принимаютъ карту за предметъ уроковъ, который только дополняется изустными объясненіями. Толково закрѣпить въ памяти географическое положеніе есть высшее искусство учителя. Безъ сомнѣнія, черченіе карты въ цѣломъ видѣ и по частямъ, въ данномъ и увеличенномъ масштабѣ, составляетъ при этомъ наиболее надежное пособіе.

Переходъ отъ географіи къ *исторіи отечества* будетъ естественъ. Въ этомъ предметѣ ученики будутъ имѣть не малую подготовку изъ книги для чтенія. Задача учителя будетъ состоять въ томъ, чтобы путемъ такихъ же простыхъ разсказовъ и объясненій, изложенныхъ въ порядкѣ и связи между собою, дать дѣтямъ понятіе объ отечествѣ и запечатлѣть въ нихъ дорогія для русскаго народа свойства его и воспоминанія. Всякая иная задача исторіи въ народной школѣ была бы только химерическою.—По степени подготовки учениковъ и по существу дѣла, форма изложенія исторіи будетъ преимущественно біографическая, въ которой дѣти живѣе усвоятъ историческія событія и черты народныхъ свойствъ. Эти событія и свойства должны руководить выборомъ лицъ для историческихъ разсказовъ и выборомъ самихъ дѣйствій и свойствъ этихъ лицъ. Изъ событій, которыя не строго связаны съ личностію, и въ которыхъ главная роль принадлежитъ народу, могутъ быть избираемы только такія, въ которыхъ наиболее типично выразились свойства народа, но и здѣсь, и для большей живости представленій, и по существу дѣла, отдѣльныя черты и частные моменты событія найдутъ для себя выраженіе въ нѣсколькихъ личностяхъ. Таковы событія: смутное время на Руси, унія въ юго-западныхъ областяхъ и нашествіе Наполеона I на Россію.—Для исторіи, какъ воспитательнаго обученія, нѣтъ метода; тутъ все значитъ духъ преподаванія и изло-

женія частныхъ разсказовъ. Не вдаваясь ни въ какія соображенія по этому предмету, можно смѣло сказать, что для нашей сельской школы нѣтъ лучшаго руководственнаго духа въ изложеніи событій отечественной исторіи, какъ тотъ, который проникнута наша первая лѣтопись.

Учебники и пособія для обученія церковно-славянскому языку въ начальныхъ училищахъ.

Со времени изданія Высочайше утвержденныхъ Правиль о церковно-приходскихъ школахъ, особенно съ появленія Программъ для этихъ школъ, быстро стали появляться учебники и пособія для первоначальнаго обученія церковно-славянскому языку. Въ послѣдніе три года этихъ изданій появилось болѣе, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе годы.

Дѣло однако не въ количествѣ. До изданія Программъ для церковно-приходскихъ школъ церковно-славянскій языкъ входилъ въ составъ курса русскаго языка въ начальныхъ училищахъ, какъ дополненіе къ нему. Не были опредѣлены для него съ точностію ни задача, ни планъ и приемы преподаванія. Не было положено для него даже особыхъ часовъ въ росписаніи уроковъ. Заботы о немъ не шли дальше обученія чтенію правильному, твердому. Еще на памяти нынѣшнихъ стариковъ этотъ предметъ былъ господствующимъ въ первоначальномъ обученіи: задача и планъ обученія ему были строго опредѣлены и не возбуждали никакихъ недоумѣній, не вызывали никакихъ переимѣнъ. Азбуковникъ, часословъ и псалтирь—вотъ полный курсъ, или основы всего школьнаго обученія для начала всякаго дальнѣйшаго образованія и для всякаго рода житейскаго быта. Отъ начала христіанства на Руси и почти до послѣднихъ временъ соперниковъ у этого курса первоначальнаго обученія не было, видоизмѣняться и приспособляться ко времени и обстоятельствамъ для него не

представлялось нужды: достоинство и сила его были на лицо — его вѣковѣчное существованіе и абсолютное значеніе для народа. Но обстоятельства, долго подготавливаясь, наконецъ рѣзко измѣнились, выдвинули впередъ живой русскій языкъ, какъ главный предметъ и основу первоначальнаго обученія, и измѣнили весь планъ и приемы этого обученія. Въ начальную нашу школу настезь раскрыли двери для всего, что до-быто было новѣйшею педагогикой въ Европѣ. Перемѣна про-изошла быстро и рѣшительно, новѣйшая педагогика стала полнымъ распорядителемъ нашего первоначальнаго обученія. На родинѣ этой педагогики, въ Германіи, живой и церков-ный языкъ — одинъ и тотъ же, и не было никакой нужды въ особыхъ урокахъ или приемахъ для языка церковности и для языка житейскаго быта, тѣмъ болѣе не было тамъ какой бы то ни было нужды въ разработкѣ, на основахъ педаго-гики, чужого церковнаго языка, въ особенности церковно-славянскаго. Слѣбое въ началѣ, но рѣшительное, подражаніе западу произвело то, что и въ нашемъ новомъ строѣ перво-начальнаго обученія не оказалось мѣста для нашего церков-но-славянскаго языка. Онъ не могъ быть у насъ устраненъ изъ курса грамотности, но, не находя для себя готовыхъ указаній въ новѣйшей педагогикѣ, не могъ приладиться къ этому новому курсу, сталъ въ школѣ особнякомъ, точно ро-ковая необходимость, вызывающая только механическое под-чиненіе ей, и хирѣлъ и замиралъ.

Церковно-приходская школа начинаетъ рѣшительную пе-ремѣну въ нашей педагогической литературѣ въ отношеніи этого предмета. Въ Программахъ ея церковно - славянскому языку отведено важнѣйшее послѣ Закона Божія мѣсто. Пер-воначальное обученіе должно быть основано на религіи, а потому въ нашей школѣ церковно-славянскій языкъ, какъ языкъ нашего православнаго богослуженія, долженъ быть изучаемъ со всею тщательностію. Благословляя и принимая

все, что лучшаго на пользу народа добыто новѣйшей педагогикой, церковно-приходская школа не доуускаетъ и мысли, чтобы здравая наука и религія находились въ несогласіи между собою, и чтобы первоначальное обученіе церковно-славянскому языку не могло воспользоваться плодами здравой педагогики для своего полного успѣха въ духѣ указанной ему задачи. Эта мысль глубоко отоввалаась во многихъ русскихъ сердцахъ. Она же произвела и оживленіе въ литературѣ первоначальнаго обученія церковно-славянскому языку. Безъ сомнѣнія, спекуляція и здѣсь и не замедлила пріютиться, но преобладающимъ характеромъ этого оживленія служить несомнѣнно стараніе воспользоваться плодами здравой педагогики для облегченія школѣ возможно лучшей постановки преподаванія церковно-славянскаго языка соотвѣтственно его задачѣ. Всѣ части программы церковно-приходской школы для этого предмета подвергаются обсужденію въ примѣненіи къ педагогическимъ требованіямъ, предлагаются опыты возможно лучшаго исполненія ихъ. Болѣе всего, конечно, заняты самымъ первымъ шагомъ въ дѣлѣ, какъ основномъ, т. е. букварями. За ними слѣдуютъ сборники, представляющіе попытку цѣлаго курса обученія церковно-славянскому языку. Далѣе идутъ пособія и руководства для учителей, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ въ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ предметахъ. Наконецъ, появляются словари и объясненія къ статьямъ, проходимымъ въ школѣ, какъ пособія и для учениковъ, и для учителей. По этимъ родамъ мы и будемъ разсматривать здѣсь всѣ эти изданія, выбирая, конечно, только тѣ изъ нихъ, которыя или заслуживаютъ вниманія, или требуютъ предостереженія.

I. Б У К В А Р И.

Первый вопросъ здѣсь: когда начинать обученіе церковно-славянской грамотѣ—прежде или послѣ русской? Отъ этого вопроса зависитъ система букваря для того и другого языка и вся постановка перваго обученія грамотѣ. Огромное большинство голосовъ на сторонѣ русскаго языка. Если собрать эти голоса, то получатся слѣдующіе аргументы: 1) русскій языкъ понятнѣе для дѣтей, чѣмъ церковно-славянскій, трудно дѣлать съ дѣтьми первые шаги въ грамотѣ на словахъ и выраженіяхъ, для нихъ малопонятныхъ; 2) буквы русскія по начертанію проще, а потому легче усвоятся дѣтьми, чѣмъ сложныя начертанія буквъ славянскихъ; 3) церковно-славянскій языкъ, представляя не мало трудностей для дѣтей, невольно обратится къ механическому заучиванію словъ и выраженій и такимъ образомъ въ самомъ началѣ дѣла создастъ въ дѣтяхъ навыкъ къ механизму всего дальнѣйшаго ученія; 4) само священное значеніе церковно-славянскаго языка для народа требуетъ не обращать его въ орудіе тѣхъ мелкихъ, иногда докучливыхъ, а подчасъ и забавныхъ для дѣтей, операций, которыя неизбѣжны при первомъ обученіи,—къ нему нужно съ перваго разу относиться серьезно, съ полнымъ подобающимъ ему уваженіемъ, а такое отношеніе возможно только тогда, когда всѣ докучливыя трудности чтенія побѣждены. Въ виду несомнѣнныхъ успѣховъ новѣйшей педагогики въ отношеніи русской грамоты, несомнѣнной трудности прежняго вѣковѣчнаго способа обученія грамотѣ славянской и необходимости соблюсти все уваженіе къ этой послѣдней съ перваго же приступа къ ней, эти аргументы невольно склоняли всѣхъ въ пользу русскаго языка. Известный нашъ ученый ревнитель церковно-славянской грамоты профессоръ Ильминскій, въ брошюрѣ, въ свое время разосланной оберъ-прокуроромъ Св. Синода всѣмъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ, весьма симпатичными чертами

изложилъ пользу и возможность начинать обученіе въ нашихъ школахъ съ церковно-славянскаго языка, но онъ ограничился лишь общими соображеніями по этому предмету и не представилъ практическихъ указаній, какъ повести это дѣло безъ нарушенія здравыхъ требованій его. Тѣмъ не мене голосъ г. Ильминскаго послужилъ ободреніемъ для тѣхъ немногихъ, кто издавна лелѣялъ въ душѣ ту же мысль.

Въ 1884 году, т. е. еще до изданія Программъ для церковно-приходскихъ школъ, появился въ печати: *Букварь для обученія церковно-славянскому и русскому чтенію* свящ. Алексѣя Вышеславцева, а въ 1885 году *Славяно-русская азбука съ поясненіемъ* къ ней (особо) г. В. Кулина.

Оба автора горячо стоятъ за церковно-славянскій языкъ, какъ начальный въ дѣлѣ грамоты для русскихъ дѣтей. Не будемъ останавливаться на ихъ соображеніяхъ о значеніи этого языка въ исторіи и въ быту русскаго народа, объ уваженіи къ нему, о нерасположеніи народа къ новѣйшей школѣ за обученіе въ ней побасенкамъ и под. Все это извѣстно. Остановимся исключительно на соображеніяхъ педагогическихъ.

Оба они ссылаются на свой опытъ—о. А. Вышеславцевъ въ школѣ при Симбирскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, въ качествѣ инспектора этого училища, Кулинъ въ школѣ при Алферовской (Смоленской губ.) педагогической семинаріи, въ качествѣ директора ея—и увѣряютъ, что грамота вообще дается дѣтямъ легче, усвоится ими основательнѣе и съ первыхъ шаговъ располагаетъ ихъ ко всему обученію серьезнѣе, когда она начинается съ церковно-славянскаго языка. Г. Кулинъ между прочимъ рассказываетъ: „опытъ производился при условіяхъ, не особенно выгодныхъ, такъ какъ обученіемъ занимались не опытные и хорошо подготовленные учителя, а совершенные новички въ дѣлѣ, воспитанники семинаріи, въ первый разъ явившіеся въ школу

на практику; къ тому же никакихъ печатныхъ учебниковъ не было. Несмотря на такія неудобства, результатъ оказался слѣдующій: въ первый же годъ дѣти научились читать и писать по-славянски, читать и писать по-русски“ (Поясненія къ азбукѣ, стр. 7). Сдѣланъ былъ параллельный опытъ: „всѣхъ безграмотныхъ, поступившихъ въ школу, мы раздѣлили на двѣ группы: одну обучали по-славянски, другую по-русски, при чемъ ученики одной группы не присутвовали на урокахъ другой. Въ результатѣ вышло, что „славяне, какъ мы тогда называли для отличія дѣтей, обучающихся по-славянски, опередили „русскихъ“; они скорѣе научились „грамотѣ“ (Тамъ же, стр. 10, примѣч.).

Оба автора убѣдились, что самыя начертанія славянскихъ буквъ даются дѣтямъ легче, чѣмъ начертанія русскихъ буквъ, особенно при совмѣстномъ обученіи чтенію и письму. Известно, что буквы русскаго алфавита пишутся не такъ, какъ печатаются, а при чтеніи словъ многія не такъ выговариваются, какъ пишутся и печатаются, и какъ учатъ проносить ихъ при обученіи азбукѣ. Это три трудности сразу. Въ славянскомъ языкѣ, напротивъ, всѣ буквы и пишутся, и выговариваются при чтеніи такъ, какъ печатаются. Кроме того, по словамъ г. Кулина, „есть еще одно удобство—въ письмѣ: славянское письмо прямое, въ немъ мало закругленій, каждая буква стоитъ отдѣльно, нѣтъ соединительныхъ линій; оно просто, доступно учащимся и не требуетъ никакихъ предварительныхъ упражненій въ письмѣ элементовъ буквъ. Дѣти пишутъ палочками и при этомъ способѣ быстро усвѣиваютъ въ славянскомъ письмѣ“.

Противъ возраженія, что для дѣтей трудно понимать церковно-славянскія слова и выраженія, оба автора замѣчаютъ, что и русскій литературный языкъ на столько же дѣтямъ не понятенъ, и что если при обученіи русской грамотѣ подбираются слова и выраженія изъ языка живого, обы-

деннаго, то и въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣется не мало такихъ словъ и выраженій, которыя стали достояніемъ обыденнаго языка и дѣтьми слышатся и употребляются постоянно въ молитвахъ и въ говорѣ, напримѣръ „Господи, благослови“, „Господи, помилуй“, „Слава Тебѣ, Боже нашъ“ и множество другихъ, не говоря уже о словахъ. Это замѣчаніе вполне основательно: нужно вовсе не знать народа и судить о дѣлѣ чисто теоретически, чтобы не видѣть, на сколько живой обыденный языкъ его наполненъ словами и выраженіями церковно-славянскими, и на сколько послѣдній языкъ доступенъ пониманію народа. Самъ *Ушинскій*, котораго многіе признають у насъ отцемъ или воспріемникомъ новѣйшей постановки первоначальнаго обученія, замѣтилъ: „церковно-славянскій языкъ такъ близокъ намъ, что часто люди, даже совершенно безграмотные, только прислушиваясь къ нему въ церкви, усваиваютъ пониманіе его въ замѣчательной степени“ (Руков. къ преподав. по *Родному Слову*. 1873 г. ч. III, стр. 31). *О. Вышеславцевъ* изъ своего опыта вынесъ убѣжденіе, что часто одно благоговѣйное прочтеніе самимъ учителемъ предъ учениками церковно-славянскаго текста (даже молитвъ, псалмовъ) дѣлаеть его вполне доступнымъ для дѣтскаго чувства и пониманія, даже часто лучше всякихъ объясненій (Предисл. къ Букварю его, стр. X).

То, что говорятъ авторы о прочности грамоты и о серьезности расположенія къ ней въ дѣтяхъ, подтверждаетъ и г. Ильминскій (въ той же своей брошюрѣ). По его наблюденію, въ качествѣ директора учительской семинаріи, изъ поступающихъ въ семинарію мальчиковъ оказывались болѣе грамотными тѣ, которые начали обученіе съ церковно-славянской грамоты.

Вообще все, что говорятъ о. Вышеславцевъ и г. Кулинь о выгодахъ и удобствахъ начинать обученіе въ нашей народной школѣ съ церковной грамоты, не можетъ не вызывать сочувствія всѣхъ, кому дороги успѣхи истиннаго про-

свѣщенія въ народъ¹⁾). Но дѣло въ томъ, что оба автора, справедливо признавая старый методъ обученія церковной грамотѣ (Азъ, Буки, Вѣди... Буки-Азъ-ба, Вѣди-Азъ-ва и т. д.) тяжелымъ для дѣтей и крайне замедляющимъ обученіе, обратились къ методу звуковому (первый по способу буквоосоединительному, второй по способу буквораздѣлительному). Но этотъ методъ въ отношеніи церковно-славянскаго языка представляетъ такія трудности, которыя требуютъ отъ учителя и глубокаго убѣжденія въ дѣлѣ, и основательнаго знанія ц.-слав. языка, и проникновенія духомъ церковности, и, наконецъ, значительной педагогической опытности. Много ли найдется такихъ учителей? Съ перваго же шагу авторы сами у многихъ вызовутъ недоумѣніе. Извѣстно, что степень легкости и трудности для дѣтей согласныхъ буквъ въ сочетаніи съ гласными условна. Классическая фраза: „у осы усы“, съ легкой руки Ушинскаго обошедшая всю Россію въ качествѣ перваго начала дѣтской грамотности, сослужила эту службу скорѣе своею забавностью для дѣтей, чѣмъ преимущественной легкоотъ согласной *с*. У о. А. Вышеславцева легчайшая согласная *д*, и первое славянское слово, которое прочтетъ дитя, есть *ад(ъ)*, *ада*, что съ перваго шагу уже говоритъ о натянутости дѣла, искусственности. На слѣдующемъ урокъ дѣти читаютъ: *род(ъ)*, *дар*, *народ*, *мор*, *рама*, *рыло*, *роман*, *ров*, *вдов* и т. п. Но вѣдь это только призракъ церковности! забава въ церковно-славянскія буквы! Для упражненія въ чтеніи на изученныя буквы необходимо побольше примѣровъ,—а какъ подобрать такія слова, которыя прямо говорили бы о своей церковности и вмѣстѣ вполнѣ понятны были дѣтямъ? Печальная необходимость заставляешь съ перваго же разу вносить въ дѣло диссонансъ, прикрывать церковнымъ видомъ (буквами) понятія и слова не церковныя.

¹⁾ Кому не извѣстно, что народъ несравненно благосклоннѣе смотритъ на школу, когда въ ней сразу обучаютъ „по-церковному“, а не „по-басенкамъ“.

Такъ идетъ дѣло, пока не будетъ изучено большинство буквъ, и пока не окажется возможнымъ читать славянскій текстъ. Но такимъ порядкомъ церковно-славянская грамота получаетъ лишь внѣшнее первенство предъ русскою, буквенное. Стоитъ ли ставить ее такимъ образомъ лишь въ угоду новѣйшимъ методамъ, для доказательства легкости изученія ея? Дальше у о. А. Вышеславцева дѣло идетъ строго, съ тактомъ и умѣнемъ, переходъ къ русской грамотѣ происходитъ быстро, незамѣтно, и грамота эта дѣйствительно сморитъ сразу прочнѣе, серьезнѣе, чѣмъ при обратномъ методѣ. Тѣмъ не менѣе первыя впечатлѣнія остаются во всей силѣ, отличительныя свойства того и другого языка чувствуются не такъ живо, какъ то желательно въ результатѣ Букваря, за которымъ слѣдуетъ чтеніе церковныхъ книгъ. Конечно, мы нисколько не сомнѣваемся, что все то, что говорится въ предисловіи къ Букварю о результатахъ системы, въ точности достигнуто авторомъ или учителемъ подъ его руководствомъ. Но это только говоритъ о личныхъ достоинствахъ автора, какъ педагога, а много ли у насъ такихъ учителей?

У г. Кулина дѣло начинается прямѣе. Его система позволяетъ сразу обратиться къ словамъ и выраженіямъ церковнымъ. Первый урокъ начинается у него со словъ: *Боже, спаси мя*; за нимъ слѣдуютъ: *Слава Тебѣ, Боже нашъ, Слава Тебѣ; Господи, помилуй* и т. д. Но и тутъ полученное сочетаніе звуковъ и буквъ требуется разнообразить на словахъ, и, за недостаткомъ достаточнаго числа славянскихъ или церковныхъ, съ первыхъ же уроковъ приходится читать славянокиими буквами: *маса, тила, масло, Оля, Поля, Коля, ива, нива, слива, тятя* и т. д. Слишкомъ большой трудъ выдержать себя здѣсь не на буквахъ только, но и на словахъ и выраженіяхъ церковныхъ.

Но есть и другого рода трудность въ этомъ методѣ. Обученіе сопровождается разложеніемъ словъ на слоги, сло-

говъ на звуки — буквы и обратно — сочетаніемъ буквъ въ слоги, слоговъ въ слова. „При этихъ упражненіяхъ—говорить о. А. Вышеславцевъ (Предислов. къ Букварю)—наблюдается особенная осторожность въ выборѣ библейскихъ словъ и выраженій: разбираемое слово отъ неудачнаго выбора, съ одной стороны, можетъ потерять свою важность и соотвѣтствующее дѣйствіе на сердца учащихся, а съ другой—самый разборъ слова можетъ дать поводъ къ смѣху и такимъ образомъ нарушить сосредоточенное вниманіе и благоговѣйное настроеніе учащихся“. Задача не легкая даже для учителя образованнаго и хорошо приготовленнаго къ преподаванію вообще!

Такимъ образомъ, звуковой методъ въ примѣненіи къ церковно-славянскому языку требуетъ еще разработки, въ настоящемъ своемъ видѣ онъ сподрученъ только для немногихъ учителей, основательно изучившихъ церковный текстъ и вполне опытныхъ въ школьномъ дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе, *Букварь* о. А. Вышеславцева и *Азбука* г. Кулина, какъ оцѣтъ серьезный, проникнутый искреннею любовію къ предмету и убѣжденіемъ въ благихъ плодахъ его для школьнаго обученія, вполне заслуживаютъ того, чтобы найти для себя мѣсто въ школьныхъ бібліотекахъ. Каждый учитель найдетъ въ нихъ для себя не мало полезныхъ замѣчаній и указаній, найдетъ въ особенности тотъ духъ, который служитъ лучшимъ залогомъ успѣха въ дѣлѣ, и который прежде и болѣе всего желателенъ для всякаго учителя.

Только одно и единственное изданіе букваря не приняло участія въ общемъ движеніи къ новѣйшимъ методамъ. Это столь древнее и столь извѣстное на Руси изданіе Святѣйшаго Синода и подвѣдомственныхъ ему типографій: Московской, Кіево-Печерской и Почаевской. Свято хранить оно завѣщаніе вѣковѣчной старины, начиная обученіе съ церковной грамоты и непремѣнно въ порядкѣ буквъ, установленномъ св. просвѣтителями славянъ, и съ подлинными назва-

ніями ихъ: *Азъ, Букѣ, Видѣ, Глаголь* и т. д. Нѣтъ нужды указывать здѣсь на тѣсную связь этого строя церковно-славянской азбуки съ цѣлымъ строемъ и характеромъ церковно-славянскаго языка и на вѣковѣчную привычку къ нему въ народѣ, точно къ овятынѣ. Если признается совершенно необходимымъ соблюдать въ печати и учить дѣтей въ школахъ титламъ и надстрочнымъ знакамъ, свято сохранять и научать начертанія церковно-славянскихъ буквъ, то, безъ сомнѣнія, слишкомъ непослѣдовательно было бы устранять изъ обученія подлинныя названія буквъ и подлинный порядокъ ихъ. Нѣтъ также нужды раскрывать здѣсь высокое преимущество славянской азбуки, въ ея осмысленныхъ названіяхъ и постепенности, предъ всѣми другими, въ томъ числѣ и русскими, съ ихъ названіями и порядкомъ механическими. Не было смысла въ названіяхъ: *а, бе, це, де, е, эф* и т. д., но былъ смыслъ, и доселѣ чувствуется присутствіе его въ названіяхъ: *Азъ—Букѣ—Видѣ—Глаголь—Добро—Есть—Живѣте—Зло—Земля* и т. д. Понятно и естественно стараніе педагоговъ приискать иной, осмысленный способъ передачи дѣтямъ западнаго алфавита; съ тѣхъ поръ, какъ русскій языкъ примѣнилъ къ своей азбукѣ тѣ же механическія названія (*а, бе, ве, ге, де, жв...*), онъ подвергается той же необходимости. Несмотря однако на все это, Программа церковно-приходскихъ школъ вовео не обявываетъ учителей слѣдовать преданію старины—начинать обученіе грамоты съ *азъ, букѣ, видѣ...* Она вообще не обявываетъ ихъ въ этомъ дѣлѣ однимъ какимъ-либо методомъ, допуская все, что лучшаго, адрваго добыто наукой, лишь подъ условіемъ полнаго свблуденія духа и значенія церковно-славянскаго языка. Какъ звуковой методъ, въ рукахъ учителя неопытнаго и не вполнѣ научившаго церковно-славянскій языкъ, можетъ сообщать дѣтямъ только видъ церковно-славянской грамоты и обращать обученіе въ игру; такъ и этотъ старинный способъ, въ рукахъ такого же учителя, можетъ обратиться для дѣтей не

въ ученіе, а въ мученіе и испортить дѣло въ самомъ началѣ болѣе, чѣмъ какой-либо иной методъ. Смыслъ многихъ славянскихъ названій буквъ вовсе потеряны для нашего времени (*фертъ, хтрь, цы, ша, ща, ерь* и др.), остальные не для всякаго вразумительны, и всѣ вмѣстѣ потребовали бы много усилій, чтобы осмыслить и облегчить для дѣтей изученіе ихъ. Гораздо полезнѣе, въ томъ и другомъ случаѣ, для самой церковной грамоты, чтобы русскій языкъ принялъ на себя всѣ предварительныя операціи надъ звуками и буквами, тогда изученіе славянской азбуки въ порядкѣ ея и въ подлинныхъ ея названіяхъ не встрѣтитъ никакихъ затрудненій, и священный характеръ церковной грамоты удобнѣе можетъ быть соблюденъ.—Тѣмъ не менѣе, Программа церковно-приходскихъ школъ не возбраняетъ людямъ убѣжденнымъ и свѣдущимъ употреблять и этотъ старинный способъ, начиная обученіе грамотѣ съ *азъ, буми*.. Опыты этого рода даже желательны, дабы произнести рѣшительный отзывъ объ этомъ способѣ. Трудно допустить, чтобы способъ, прожившій тысячу лѣтъ и доселѣ въ народѣ возбуждающій къ себѣ живое сочувствіе, окаменѣлъ безповоротно. Никто еще не работалъ надъ нимъ, нужны опыты. Постепенно отрезвляется увлеченіе звуковымъ методомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уже начинаютъ выступать нѣкоторыя достоинства стариннаго метода, на примѣръ обученіе по складамъ. Старинный методъ оказывается не тѣмъ виноватъ, что училъ читать по окладамъ (такъ и слѣдуетъ учить), а тѣмъ, что самые склады выходили у него не изъ звуковъ, а изъ названій буквъ, не *мь* звуковъ *б* и *а* выходило *ба*, а изъ *буми*—*азъ*. Звуковой методъ впалъ въ противоположную крайность, отказавшись отъ слоговъ¹⁾. Необходимо, значить, послѣ изученія славянской азбуки въ рядъ по длиннымъ названіямъ, тотчасъ перейти

¹⁾ См. между прочимъ: „Недостатки звукового метода и звуко-слагательный методъ, какъ болѣе совершенная форма обученія грамотѣ“. Руководство для учителей. Д. Мартынова.

ее звуковымъ способомъ, что очень легко одѣлать, выдѣляя первый звукъ въ названіи каждой буквы. При этомъ значительно облегченъ будетъ или и вовсе устранится трудъ съ такъ называемыми сомнительными согласными (*б—п, в—ф, к—а* и под.), шаткость которыхъ много обявана звуковому методу, не располагающему оредствомъ сразу поставить ихъ твердо, тогда какъ въ славянскихъ названіяхъ буквъ эти согласныя выступаютъ для дѣтей опредѣленно.—Но какъ удобнѣе усвоятъ дѣтямъ самыя названія славянскихъ буквъ въ порядкѣ ихъ? Остается вопросомъ.

Нашелся голосъ за одновременное, совмѣстное обученіе русской и церковно-славянской грамотѣ. Это *Обученіе грамотѣ русскаго языка совмѣстно со славянскимъ языкомъ. Сочин. М. Разумцова. Вятка, 1866 года.* Голосъ пока единственный и притомъ совсѣмъ не удачный. Само по себѣ параллельное изученіе двухъ этихъ языковъ оставляетъ трудъ, требующій особеннаго напряженія отъ дѣтей и особеннаго искусства отъ учителя. Авторъ не только не приложилъ къ своему букварю какихъ-либо объясненій для облегченія этого труда, не только не изложилъ подробно и наглядно хотя бы одного урока, но и значительно усложнилъ этотъ трудъ, присоединивъ къ двумъ печатнымъ алфавитамъ еще третій, письменный русскій, которые, вмѣстѣ съ тремя, рекомендуетъ изучать. Съ перваго же шагу онъ поставилъ въ рядъ тринадцать гласныхъ печатныхъ буквъ русскихъ, подѣ ними подписалъ тѣ же буквы славянской азбуки, а подѣ этими послѣдними буквы письменныя,—и тѣмъ ограничился съ ними. Какъ управиться учителю съ этою сѣткою разнообразныхъ начертаній буквъ—это остается секретомъ автора. Затѣмъ у него идетъ только приставка къ гласнымъ по одной согласной и примѣры для чтенія. Безъ сомнѣнія, что тутъ пронадеетъ всякое живое свойство славянскаго языка,

остаются только звуки и начертанія буквъ. Примѣры для чтенія составляются искусственно, лишь бы выходило упражненіе на данныя буквы. Напримѣръ: *Душе моя, душе моя, идеши до ада* (стр. 5). Въ составленіи такихъ фразъ онъ не останавливается даже предъ грубыми искаженіями, напримѣръ: *Глаголаша имъ Исусъ* (стр. 6). Въ своемъ букварѣ авторъ даже не упоминаетъ о славянскихъ удареніяхъ, о тѣлахъ, о надстрочныхъ знакахъ, и представленный имъ, послѣ азбуки, славянскій текстъ, всего на четырехъ страницахъ, напечатанъ безъ этихъ знаковъ.—Въ русскомъ текстѣ тотъ же недостатокъ, какъ и во всѣхъ букваряхъ звукового метода, когда они торопятся дать дѣтямъ угѣху, будто они съ перваго же урока умѣютъ уже читать. *У уха муха, моя мама у ямы, мало соли...* все такія же истины.—По обычаю букварей этого рода, авторъ сопровождаетъ уроки чтенія такъ называемыми развивающими вопросами. При урокѣ на букву *М*: *Кто шьетъ вамъ рубахи?* Ученикъ долженъ додуматься, чтобы въ отвѣтѣ слово заключало въ себѣ букву *м*, и отвѣтить: *Мама. Для столба выкопали? Яму. Кто ѣстъ въ амбартъ хлѣбъ? Мыши.* И т. д., все такія развивающія упражненія.

Переходимъ къ букварямъ для обученія церковно-славянскому языку послѣ русской грамоты. Остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которые или стоятъ вниманія и могутъ быть полезны въ школѣ, или требуютъ предостереженія противъ нихъ. Начнемъ съ наиболѣе распространенныхъ въ послѣднее время.

Первое мѣсто по распространенности принадлежитъ изданіямъ С. Θ. Грушевскаго: 1) *Первая учебная книга церковно-славянскаго языка для учащихся въ низшихъ и начальныхъ училищахъ.* 2) *Руководство къ обученію церковно-славянскому чтенію въ начальныхъ училищахъ, съ приложеніемъ словаря и извлеченія изъ грамматики церковно-славянскаго языка.* Первая книжка назначена для учени-

ковъ и служить основой для второй, составляющей только поясненіе къ первой. Первой книги, какъ значитъ на послѣднемъ изданіи ея (Москва, 1886 года, цѣна 25 коп.), разошлось уже до 250,000. Такая распространенность ея зависѣла отъ того, что г. Грушевскій, понявъ необходимость улучшеннаго обученія, упредилъ другихъ издателей, такъ что книга его нѣкоторое время оставалась единственнымъ обстоятельнымъ руководствомъ и успѣла утвердиться въ школахъ.

Сущность метода г. Грушевскаго состоитъ въ приложеніи къ церковно-славянскому языку закона постепенности отъ легкаго къ трудному. Дѣло начинается буквами, схожими съ русскими. Пока дѣти не овладеютъ вполнѣ съ славянскимъ шрифтомъ, дотолѣ имъ предлагается для чтенія текстъ русскій, напечатанный славянскими буквами. Искрѣдка осторожно вводятся въ текстъ слова славянскія, напримѣръ: *мати, матерь, „зѣло, или очень“, „злакъ, или трава“*. Подъ конецъ приводится много церковныхъ названій разныхъ предметовъ. Такого текста 26 страницъ. Въ этомъ отдѣлѣ имѣются надъ словами ударенія, а потомъ и *звѣтельцо*. Съ началомъ славянскаго текста появляются постепенно титла и другіе надстрочные знаки. Ученики пройдутъ 82 страницы церковно-славянскаго текста и въ концѣ книжки найдутъ славянскую азбуку въ рядѣ, съ подлинными названіями буквъ. узнаютъ, что такое титла и церковно-славянскія цифры. О другихъ надстрочныхъ знакахъ въ книгѣ ничего не сказано, авторъ считаетъ ихъ не имѣющими значенія при чтеніи.

Прежде всего, что это за обученіе церковно-славянскому чтенію, когда отъ дѣтей долгое время скрываютъ церковно-славянскій языкъ, предлагая имъ русскій текстъ въ славянскихъ буквахъ? Къ чему такая осторожность, когда церковно-славянскій языкъ столь близокъ русскому, а народный говоръ переполненъ церковными словами и выраженіями;

кроме того, дети имеют запас понятных им слов из молитв, к тому времени выученных ими? Плохо знает церковно-славянский язык и детскую натуру тот, кто думает, что нельзя сразу подобрать славянского текста, по крайней мере слов и выражений, вполне понятных для детей. Это значит искусственно возбуждать в детях предубеждение против языка, ожидание каких-то особенных трудностей его. Все это установилось было у нас с легкой руки известного барона Корфа, который рекомендовал подступать к детям с церковно-славянским языком так, чтобы они и не заметили того, что уже читают на этом языке. Только потом учитель вдруг открывает им, что они читают по-церковно-славянски. Это, по мнению барона Корфа, должно очень ободрить учеников и „поселить в них убеждение, что ничего не стоит научиться читать по-славянски“. И этот грубый фокус признается серьезным педагогическим приемом! Г. Грушевский поднял влияние этого фокуса: он слишком утрировал и извратил закон постепенности в этом деле.

Самый русский текст, предложенный для упражнения детям, обличает и пугает автора. Чем понятнее для детей множества славянских выражений такие русские фразы: „Душа оживляет наше тело... Душа наша думает, желает, любит. Душа думает умом, желает волею, любит сердцем“ (стр. 9)! Или вот статьи для чтения: *„Священные или церковные книги:* евангелие, апостол, служебник, псалтирь, часослов, октоих, минея месячная, минея общая, тріоди постная и цветная, требник и проч.—*Священные одежды:* стихарь, орарь, епитрахиль, фелонь, сакось, омофорь, митра, палица, набредренник.—*Церковные почетные звания и должности:* патриархъ, ерхархъ, митрополитъ, архіепископъ, протопресвитеръ, протоіерей, благочинный, протодіаконъ“ и т. д. Все это настоящая головоломка для детей в сравнении с простотою языка и бли-

востью сердцу дитяти множества изреченій изъ книгъ Сираха, Соломона, изъ псалмовъ, изъ евангелія. Во много разъ всѣ эти названія труднѣе обойдутся для дѣтей, чѣмъ обоплились бы: *оксія, изо, варіа, камора, краткая, зательцо, апострофъ*, которыя авторъ скрылъ отъ нихъ, убоявшись трудности ихъ.

Въ славянскомъ текстѣ книги безпорядокъ, никакой постепенности въ языкѣ. Сразу дѣти читаютъ такія выраженія, какъ: „Призвахъ Господа, и *услыши мя въ пространство...* Исповѣдайтесь *Богу боговъ...* Хвалите Его *во утвержденіи силы его...* Хвалите Его въ *кивалъхъ восклицаніяхъ*“.... (33 и 34). Всѣ эти выраженія не имѣютъ въ книгѣ никакихъ объясненій. Въ книгѣ подъ чертою имѣется не мало объясненій, собственно переводовъ словъ на русскій языкъ, но не понятно, почему авторъ переводитъ одни слова и выраженія, большею частію повидимому понятныя, а оставляетъ безъ всякихъ поясненій другія, малопонятныя. Въ этихъ переводахъ и объясненіяхъ не мало грубыхъ ошибокъ. Напримѣръ: „человѣколюбствовалъ еси обычно—показалъ *обыкновенное чловѣколюбіе*“, вмѣсто: оказалъ чловѣколюбіе, какъ всегда, обычно (88); „Осанна—благословеніе“, вмѣсто спасеніе, спаси, сохрани (46) и др.—Или: „христіанину имя дается *при крещеніи*“ (14); „*Первая* часть храма есть алтарь (18)—первая вм. главная. Вѣра христіанская отличается отъ другихъ *вѣръ*.... Вѣра христіанская признаетъ другія „вѣры“ невѣріемъ въ истиннаго Бога.“

Въ ряду евангельскихъ рассказовъ авторъ помѣстилъ рассказы изъ Четвы-Минеи (36—38, 51—54) и вовсе не отмѣтилъ ихъ, какъ таковые.

Церковно-славянская азбука представлена авторомъ невѣжественно. У него двѣ буквы ѣ, какъ два различные звука, одна по счету шестая, другая 33, первая названа собственнымъ именемъ *естъ*, вторая просто ѣ. Имѣется на своемъ

мѣстѣ о (*онъ*, 16 по счету), но, кромѣ того, та же самая буква на 36 мѣстѣ, да еще одна на 38 мѣстѣ, — всѣ три одинаковаго начертанія и произношенія, но почему-то у него различны одна отъ другой! Буква ѡ значится у него при ѡ, какъ строчная при прописной, тогда какъ эта послѣдняя имѣетъ то же самое начертаніе, когда ставится, какъ строчная (ставится только въ началѣ словъ). Вообще опущено начертаніе ѡ, которое ставится въ серединѣ и въ концѣ словъ, какъ оу въ началѣ словъ.

Вообще, книжка г. Грушевскаго требуетъ много времени для обученія, попусту большую частію тратитъ его, не даетъ достаточно знанія церковно-славянскаго грамоты и воспитываетъ легкое отношеніе къ ней.

Слѣдующій по распространенности — Букварь Д. Тихомирова. Авторъ часто измѣняетъ и дополняетъ его и выдаетъ подъ разными наименованіями. — Первоначальный свой видъ онъ имѣлъ въ составѣ изданнаго г. Тихомировымъ *Букваря для совмѣстнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и счисленію*. Въ 1884 г. этотъ послѣдній разошелся уже. Въ томъ же году церковно-славянская часть его издана отдѣльно подъ заглавіемъ: *Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи*. Цѣна 5 коп. На 19 страницахъ предложено: 13 стр. русскаго текста церковно-славянскими буквами и 4 страницы славянскаго текста, составленнаго изъ употребительнѣйшихъ ежедневныхъ молитвъ. Остальное — азбука и слова подъ титлами. — Это изданіе — продуктъ прежняго, крайне поверхностнаго, отношенія въ школахъ къ церковно-славянскому языку. Никакого значенія теперь оно не имѣетъ.

Вслѣдъ затѣмъ, съ появленіемъ Правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, Букварь г. Тихомирова рѣшительно

видоизмѣнился въ духѣ новыхъ требованій (въ 1886 напечатано уже четвертое изданіе его. Цѣна 6 коп.). Здѣсь уже вовсе нѣтъ русскаго текста церковно-славянскими буквами, и сразу послѣ азбуки приводится текстъ церковно-славянскій—краткія изреченія изъ св. Писанія, легкія для дѣтей по языку и по смыслу, заключающія въ себѣ наставленія дѣтямъ въ первыхъ ихъ обязанностяхъ. Выборъ этихъ изреченій составленъ удачно. Затѣмъ идутъ упражненія въ чтеніи титулъ, а за ними—употребительнѣйшія повседневныя молитвы. Къ молитвамъ приложенъ переводъ ихъ на русскій языкъ, а ко всему славянскому тексту—переводъ или объясненіе малопонятныхъ словъ. Давно уже въ нашей первоначальной литературѣ господствовало убѣжденіе, что, для лучшаго уразумѣнія дѣтьми молитвы, слѣдуетъ перевести ее на русскій языкъ. Авторы, для которыхъ литературный русскій языкъ сталъ насущнымъ, судятъ объ этомъ дѣль по себѣ, тогда какъ дѣти, поступая въ школу, часто вовсе еще не слыхали этого языка, и для нихъ онъ менѣе извѣстенъ въ своихъ формахъ, чѣмъ языкъ церковно-славянскій. Что ближе и понятнѣе дѣтямъ—сказать: *Царь небесный, Утѣшитель!* или *Царю небесный, Утѣшителю; Святѣйшая Троица!* или *Пресвятая Троице; Отецъ нашъ!* или *Отче нашъ* и т. д. Вотъ напр. у автора переводъ молитвы Богородицѣ—*Достойно есть*: „Совершенно справедливо прославлять Тебя, Богородицу, всегда блаженную, и святѣйшую, и Мать нашего Бога. И мы прославляемъ Тебя, истинную Богородицу, Которой принадлежитъ больше чести, чѣмъ Херувимамъ, и несравненно больше славы, чѣмъ Серафимамъ, Тебя, родившую Бога Слова и оставшуюся Дѣвою (безъ нарушенія дѣвства)“. Какъ узнать въ этомъ переводѣ столь торжественную и близкую сердцу молитву! Холодомъ и резонерствомъ вѣетъ отъ нея въ этомъ видѣ, и ничего не прибавляется къ истинному разумѣнію ея дѣтьми. А эта прибавка въ скобкахъ: *безъ нарушенія дѣвства*, въ поясненіе

слова *безъ истлѣнія*, показываетъ всю несообразность расчета на русскій языкъ. Какъ поймутъ дѣти *нарушеніе дѣства!* Можно ли предлагать имъ такіа объясненія? Или вотъ молитва Господня въ переводѣ; „Отецъ нашъ, Который на небесахъ! Помоги намъ жить свято и Своими святыми дѣлами прославлять имя Твое. Помоги намъ пребывать въ Твоемъ царствѣ“ и т. д. Не говоря уже объ извращеніи смысла важнѣйшей для всякаго христіанина молитвы, легче ли дѣтямъ понять, напр. *Да придетъ царствіе Твое*, или *Помоги намъ пребывать въ Твоемъ царствѣ!*

Мы обращаемъ вниманіе на этотъ пріемъ въ Букварѣ г. Тихомирова, потому что онъ не ему одному принадлежитъ, а и нѣкоторымъ другимъ букварямъ, и въ недавнее время всюду распространяемъ былъ у насъ, какъ ключъ къ сознательному и разумному усвоенію дѣтьми молитвъ (см. напр. Наставленія въ преподаваніи Закона Божія священниковъ: Афанасія Соколова, Ширскаго, Протоколы Псковскаго съѣзда законоучителей и др.). Вовсе не разумѣемъ мы здѣсь, чтобы не прикасаться къ молитвамъ съ переводомъ русскимъ. Напротивъ, отдѣльныя выраженія нужно и переводить, и объяснять самый переводъ всячески, сколько нужно для дѣтскаго пониманія. Но ставить въ рядъ съ церковно-славянскимъ текстомъ молитвы русскій переводъ ея и рассчитывать на него, какъ на руководство дѣтей въ молитвѣ, болѣе сознательное и разумное, чѣмъ славянскій текстъ, значитъ дѣлать крупную ошибку, именно—отнимать у молитвы душу, дыханіе ея, заключающееся часто въ самомъ складѣ словъ и сочетаніи ихъ между собою, рассчитывать исключительно на слабое еще дѣтское разумѣніе, а не на усвоеніе сердцемъ, уразумѣніе чувствомъ, что такъ доступно для дѣтей, и что главнымъ образомъ нужно возбудить и развить въ нихъ, какъ *едино на потребу*.

Въ частныхъ объясненіяхъ и переводахъ словъ въ разсматриваемомъ Букварѣ не мало то неточностей, то такихъ

объясненій, которыя только затемняютъ смыслъ слова. Напр. *Исцѣли*—сдѣлай цѣльнымъ то, что повреждено“ (18); „*и вся исполняяй*—все наполняющій“ (Греческ. καὶ τὰ πάντα πληρῶν... Πληρῶ—дѣлаю полнымъ, совершаю, утоляю, насыщаю, вполне снабжаю); „*благотѣрный*—правотѣрный“ (21) и под. Сюда же относятся и такія объясненія или переводы: „*Помышленіе*—дума, мысль“ (27); „*Пресвятый*—самый святой, въ высшей степени святой“ (18); „*Преблагій*—въ высшей степени добрый“ (2) и т. д.

Ко всему этому, славянскій текстъ Букваря въ большей части напечатанъ слишкомъ мелкимъ, неудобнымъ для дѣтскихъ глазъ, шрифтомъ, и текстъ этотъ такъ окруженъ на каждомъ шагу переводами и объясненіями, что трудно слѣдить за нимъ. Г. Тихомировъ, такъ же, какъ и г. Грушевскій, считаетъ излишнимъ знакомить дѣтей съ надстрочными знаками.

Въ нынѣшнемъ году г. Тихомировъ значительно измѣнилъ свою систему, пополнилъ этотъ Букварь и напечаталъ его въ составѣ книги: *Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и арифметикѣ*. Москва, 1887 г. Цѣна 30 коп.—Къ прежнему тексту букваря авторъ добавилъ изъ евангелій пять притчей Спасителя и ученіе Его объ *истѣ*. Русскій текстъ молитвъ и вообще переводъ текста отиѣнилъ. Объясненія нѣкоторыя исправлены, напр. „*исцѣли*—излѣчи“, „*пресвятый*—святѣйшій“; „*безъ истлѣнія*—безъ поврежденія“ (?); „*вся исполняяй*—все исполняющій“ (тоже не точно); другія остались въ томъ же видѣ.

Въ послѣднемъ видѣ Букварь г. Тихомирова могъ бы быть полезнымъ; но ради него не стоитъ покупать всю книгу, въ которой онъ напечатанъ, потому что по другимъ предметамъ найдутся руководства лучшія.

Вообще, манера нѣкоторыхъ авторовъ издавать въ одной книгѣ цѣлый курсъ начального обученія отзывается онекуляціей. Хочешь имѣть руководство по одному предмету — покупай всю книгу, тогда какъ въ ней нуженъ или полезенъ былъ бы только одинъ отдѣлъ. Упомянемъ здѣсь о такомъ сборникѣ свящ. Пономарева: *Первая школьная книжка*. Отдѣльно изданная имъ *Азбука для церковно-приходскихъ школъ*, 1885, цѣна 1 коп., семь страничекъ русскихъ упражненій и 4 стр. церковно-славянскаго текста, ничтожна для дѣла. Но отдѣлъ церковно-славянскаго чтенія *въ первой книжкѣ* и хорошо составленъ, и снабженъ подробными объясненіями и изображеніями церковныхъ принадлежностей. Онъ могъ бы быть полезнымъ, если не въ качествѣ руководства, то въ качествѣ пособія и для учителей, и для дѣтей¹⁾. Но русскій отдѣлъ книги составленъ весьма не удачно. 48 страницъ печати ученикъ долженъ пройти на чтеніи отдѣльныхъ словъ и предложеній. Затѣмъ прямо переходитъ онъ къ стихамъ и проходитъ на нихъ другихъ 48 страницъ. Наконецъ, получается 32 стран. прозаической рѣчи. На всемъ почти текстѣ лежитъ печать игривости и пустоты. Въ первомъ отдѣлѣ дѣти обильно надѣляются истинами въ родѣ слѣдующихъ:— „Блохи мелки, но кусливы... Жженка вкусна... Экой ты дурень!... Эхъ, какъ бы получить эполеты!... Сладокъ поцѣлуй, да послѣдствія горьки... Уаръ Уаровичъ видѣлъ, какъ летѣлъ сычъ. Флоръ Филатьевичъ не слыхалъ, какъ кричалъ грачъ... Пѣвица на сцену является, лишь занавѣсъ открывается“... и т. д. Текстъ сопровождается рисунками, иногда каррикатурными, иногда

¹⁾ Вычурны картинки, сопровождающія свящ. рассказы. Поэмы—не личные священнымъ лицамъ, ансамбль, противный духу сказанія, принадлежности костюма—чисто европейскія, послѣдней моды (напр. шляпа на Юсифѣ Обручницѣ, при посѣщеніи Елисаветы Богоматерію. Притомъ о присутствіи при этомъ свиданіи Юсифа священ. Писаніе не упоминаетъ).

амурными.—Въ стихахъ и въ прозѣ какъ будто главная забота: поменьше умственного труда, побольше легкости и веселія. И вотъ, ради порядочно составленной славянской части, покупай и эту часть, во многомъ не приличную и вредную для дѣтей!

Имѣется нѣсколько букварей, которые могли бы быть полезными, если бы авторы исправили въ нихъ нѣкоторые недостатки. Таковы:

1) *Книга для упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи; для народныхъ школъ и церковно-приходскихъ.* Составилъ П. К. Черновъ. Ставрополь. 1887 г. Цѣна 25 коп.—Всѣ части въ ней расположены толково, текста славянскаго достаточно для подготовки къ чтенію церковныхъ книгъ. Недостатки: ни слова не сказано въ объясненіе надстрочныхъ знаковъ.—Молитва предъ причащеніемъ сокращена, именно выброшенъ послѣдній отдѣлъ ея.—Подъ заглавіемъ—*Херувимскія пѣсни* приводятся: *Иже херувимы* и *Книга силы небесныя*. Послѣдняя пѣснь не носитъ названія херувимской; поется она при совершенно иныхъ условіяхъ, когда сама „Жертва тайная, совершенна, дориносится“, а не происходитъ только приготовленіе къ совершенію ея.—Приведены тропари на двенадцатые праздникі—девять, три почему-то опущены.—Изъ трехъ, помѣщенныхъ въ *Книгу*, псалмовъ 90-й труденъ для дѣтей по языку и нѣкоторымъ понятіямъ („отъ сряща и бѣса полуденнаго“ и др.).—Въ *объясненіи словъ, встрѣчающихся при богослуженіи*, весьма часты такія: „*Епитрахиль*—навыйникъ, нашейникъ“; „*Епископъ*—блюститель, надзиратель“. „*Діаконъ*—служитель“; „*Потиръ*—сосудъ для питанія“; „*Синодъ*—собраніе“ и т. д. Это ли объясненія для дѣтей! Въ *Словарѣ*: „*Водоносы*—сосуды“ (?), „*Обитель*—гостинница“, „*Отроча*—чадо“ и т. д. Въ мѣсяцесловѣ почти сплошь только голыя имена, безъ вся-

кихъ поясненій, напр. 23 нояб. „св. Митрофана“; 11 юля „св. Ольги“ и т. д. Какой толкъ для дѣтей отъ такого мѣсяцеслова!

2) *Азбука церковно-славянская. Въ память 6-го апр. 1885 г. тысячелѣтія блаженной кончины св. Меодія.* Сост. Гортовымъ и Рязанцевымъ.--Изданіе роскошное, при цѣнѣ 15 коп.—Здѣсь, напротивъ, статья о надстрочныхъ знакахъ изложена въ отвлеченныхъ правилахъ, которыя требуется отъ дѣтей заучить на память, прежде всякаго чтенія славянскаго, что слишкомъ трудно для нихъ.—О титлахъ говорится, что онѣ „ставятся надъ словами часто встрѣчающимися“, что не точно.—Текста для упражненія въ чтеніи мало, и въ немъ попадаются не рѣдко неправильныя ударенія (*камень, землѣ, оученіе, синодѣ*). Въ *Словарѣ* постоянны такіе переводы, только спутывающіе дѣтей: „око—глазъ... *очи*—глаза... *путь*—путь... *пресвятая*—въ высшей степени святая“ и т. д. Или: „*Мвро*—благовонная *жидкость*“ (вм. масло); „*Ниспосли*—пошли внизъ съ неба“ и т. п.—Въ длинномъ предисловіи „къ дѣтямъ“ (разсказъ о славянахъ, о св. Кириллѣ и Меодіѣ, о крещеніи Руси и т. д.) не мало свѣдѣній невѣрныхъ, въ родѣ напр., что славяне „*выдумывали* своихъ боговъ“; что у русскихъ славянъ былъ только идолъ Перунъ, который будто бы стоялъ *на берегу Днѣпра*; что только русскіе и поляки живутъ *подъ властію* славянскаго государя, а прочіе славяне находятся *подъ властію* иностранныхъ государей (а Сербія? Черногорія?); что *тѣмцы* совершали богослуженіе на *своемъ латинскомъ* языкѣ и т. д.

3) *Церковно-славянская азбука и первая книга для ученія на церковно-славянскомъ и русскомъ языкѣ.* А. Радонежскаго. СПб. 1885. Цѣна 25 коп.—Авторъ извѣстенъ въ педагогической литературѣ нѣсколькими дѣльными трудами. Предварительныя объясненія изложены довольно полно, но по мѣстамъ не довольно точно. Въ отдѣлѣ молитвъ нѣтъ ни

одной утренней и вечерней молитвы. Затѣмъ разказы изъ евангелій и изъ церковныхъ писателей (житій свитыхъ и под.). Текстъ такимъ образомъ не разнообразный, не достаточный.—Главный недостатокъ: текстъ всюду сопровождается подстрочнымъ грамматическимъ разборомъ, который для дѣтей этого возраста не доступенъ и излишенъ. Въ предисловіи авторъ настаиваетъ на необходимости званія дѣтьми славянской грамматики и осылается при этомъ на предисловіе къ „Часовнику“, изд. при патр. Іосифѣ. Но въ этомъ предисловіи говорится объ учителяхъ, а не объ ученикахъ: „аще ли *вамъ самымъ* нѣсть въ искусствѣ сицевое ученіе, и вы зрите въ *самую грамматику*“...

О Букварѣ Карюкова (*Книга для обученія церковно-славянскому языку*. Въ 1886 г. второе изданіе), хотя и удостоившемся отъ нѣкоторыхъ критиковъ лестныхъ отзывовъ, не стоитъ и говорить. Предисловіе на русскомъ языкѣ, но церковно-славянскими буквами (Откуда *взялся* славянскій языкъ), заключаетъ въ себѣ не мало несообразностей. За нимъ слѣдуютъ разказы изъ евангелія. Никакого другого текста нѣтъ. Въ концѣ приложены славянскія спряженія и склоненія (!), притомъ по *старо-славянскимъ* формамъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ уже не существуютъ въ *церковно-славянскомъ* языкѣ, напр. *будева, идевъ, идехова, бляхова, блясва* и под.

Ближе къ дѣлу стоитъ вышедшій въ нынѣшнемъ году *Азбуковникъ церковно-славянскаго языка съ сборникомъ для чтенія для начальныхъ училищъ* П. Случевского. Цѣна 15 копѣекъ.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что „наша народная школа должна служить предверіемъ церкви“. Основою обученія въ школѣ церковно-славянскому языку должны оста-

ваться: часословъ, псалтирь и евангеліе, азбуковникъ же долженъ ограничиться сообщеніемъ дѣтямъ механической правильности чтенія и привычки сознательно относиться къ содержанию прочитаннаго. При изученіи азбуки (сначала сходныхъ съ русскими буквъ) онъ не прибѣгаетъ ни къ русскому тексту, ни къ отдѣльнымъ словамъ славянскимъ, но прямо приводитъ текстъ славянскій, для котораго примѣры выбираетъ удачно. Приложенныя адѣсь поясненія о выговорѣ буквъ (1—4) составлены толково.—Относительно титлъ онъ приводитъ замѣчаніе изъ одного стариннаго азбуковника о словахъ, означающихъ предметы священные: „подобаетъ писать не просто, но почитать взметомъ или покрытіемъ, яко вѣнцемъ славы“. Конечно, это свойство титлъ играло важнѣйшую роль у нашихъ старыхъ оправщиковъ. Но къ этому присоединилось не мало словъ, вовсе не имѣющихъ священнаго значенія, напр. *наше*, *нынѣ*, *солнце*, *лѣсъ* и т. д., надъ которыми часто вовсе не ставятся титлы, тогда какъ надъ первыми всегда и неизмѣнно ставятся.—Надстрочные и строчные знаки приведены всѣ и объяснены довольно точно (9—11).—Въ изборникѣ для чтенія помѣщены употребительнѣйшія молитвы (мало), рассказы (семь) изъ евангелія о Господскихъ праздникахъ, при нихъ соответственные тропари, а за рассказомъ о воскресеніи Христовомъ—примосы Пасхи. Затѣмъ псалмы 1, 14, 51 и 136, какъ отличающіеся, по мнѣнію автора, „глубокимъ лиризмомъ и высокимъ движеніемъ душевнымъ“. Глубокое и высокое дѣтямъ не доступно; лучше для нихъ то, что проще и чаще употребляется, напр. псалмы 33, 50, 102, 103. Самъ авторъ чувствуетъ необходимость особеннымъ образомъ „помочь пониманію приведенныхъ имъ псалмовъ“ и прилагаетъ къ каждому изъ нихъ подражанія Симеона Полоцкаго, Державина и Языкова. Но это уже совсѣмъ не годится, тутъ нужны только церковныя толкованія.—За псалмами слѣдуютъ „Правила благочестія и опыты житейской

мудрости, выбранныя изъ св. Писанія, изъ Вечери Душевныя, изъ Лѣтописи св. Дмитрія Ростовскаго и изъ Предисловія къ Псалтири изд. 1645 г.: „Наказаніе ко учителемъ, како имъ учить дѣти грамотъ“. Заглавіе этихъ статей вычурно, можно выбросить его.—Вообще видно, что авторъ приступалъ къ своему предмету не съ одними требованіями новѣйшей педагогики, но старательно изучалъ его и стоитъ на дорогѣ къ правильной постановкѣ его.

Но лучше всего поставлено обученіе церковно-славянской грамотѣ въ изданіяхъ достоуважаемаго Н. И. Ильминскаго.

Въ 1885 г. онъ издалъ: *Обученіе церковно-славянской грамотѣ въ начальныхъ народныхъ училищахъ (когда онъ преподается послѣ русской грамоты), съ объяснительными замѣчаніями для народныхъ учителей и съ текстомъ для славянскаго чтенія*. Это изданіе не удобно было въ томъ отношеніи, что въ немъ уроки для учениковъ или въ перемежку съ наставленіями для учителя, что могло затруднять учениковъ. Самыя объясненія для учителей, достаточныя въ части предварительной, возбуждали недоумѣніе въ части грамматической, которая для свѣдущихъ учителей казалась излишнею, а для несвѣдущихъ не приносила существенной пользы. Г. Ильминскій самъ призналъ это неудобство, выдѣлилъ изъ книжки все, назначенное для учителей, обѣ части пополнилъ, развилъ наставленія для учителей и въ нынѣшнемъ году издалъ свой трудъ въ двухъ книжкахъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, назначивъ одну книжку *для учениковъ*, другую *для учителей*. Цѣна первой 15 коп., второй 20 коп.—Это второе изданіе труда г. Ильминскаго, особенно въ отдѣлѣ для учителей, составляетъ дорогое приобрѣтеніе для начальныхъ училищъ въ отношеніи церковно-славянскаго языка.

Содержаніе первой книжки. Азбука, въ рядъ, съ подлинными названіями буквъ, произношеніе или выговоръ буквъ,

надстрочные знаки, титла, знаки препинанія, изображеніе чиселъ. Затѣмъ рассказы изъ Ветхаго и Новаго Завѣта въ подлинномъ библейскомъ и евангельскомъ текстѣ, молитвы утреннія и вечернія, символъ вѣры и десять заповѣдей. Въ концѣ книжки объясненія славянскихъ словъ и выраженій, мало понятныхъ для дѣтей и вовсе не понятныхъ, встречающихся въ книгѣ.

Содержаніе, такимъ образомъ, не разнообразное. Зато на всей этой книгѣ и на каждой ея строчкѣ лежитъ печать точности и опредѣленности, святости и неприкосновенности дѣла, простоты и ясности изложенія. Авторъ не считаетъ нужнымъ освободить учениковъ отъ изученія какихъ бы то ни было внѣшнихъ отличій церковно-славянской грамоты отъ русской, находя все это необходимымъ для правильного чтенія церковно-славянской рѣчи и для дальнѣйшаго изученія ея. Приводимые имъ примѣры для упражненія на каждый такой случай взяты исключительно изъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ—простые, прямые и мѣткіе. Объясненія словъ и выраженій основаны не на одномъ только переводѣ ихъ на русскій языкъ, но главнымъ образомъ на духѣ и смыслѣ священнаго текста и отличаются строгою вѣрностью ему. По мѣстамъ, гдѣ нужна, приводятся и археологическія объясненія или историческія, сдѣланныя просто, вполне доступно для дѣтей.

Казалось бы, что, для большаго соответствія задачѣ букваря, необходимо было бы сократить число рассказовъ библейскихъ и вмѣсто нихъ пополнить отдѣлъ молитвъ нѣкоторыми церковными гѣсеніями, псалмами и под., чтобы дать дѣтямъ образцы болѣе разнообразнаго текста и подготовить ихъ къ чтенію богослужебныхъ книгъ. Но г. Ильминскій такъ ставитъ каждое дѣло, что невольно уступаешь ему поле дѣйствія. „Мѣста эти (изъ Ветхаго Завѣта)—говоритъ онъ—избраны не ради знанія св. исторіи, а ради нѣкотораго знакомства съ простою, честною, искреннею и боголюбивою

жизнiю патрiарховъ, ради такъ сказать—облагоуханiя этою чистотою нравовъ, прямою чувствъ, взаимнымъ довѣрiемъ. преданностью волю Божiей, которыя должны лечь въ основу религiозно-нравственнаго воспитанiя дѣтей народа... Нужно стремиться, чтобы дѣти почувствовали душу и характеръ изображаемыхъ лицъ и событiй... Особенно же къ этому должно стремиться при чтенiи мѣстъ изъ Евангелiя, такъ чтобы дѣти прониклись самымъ живымъ чувствомъ, къ какому способна дѣтская душа, умиленiя и любви къ Спасителю...“ (Книжка для учителей, стр. 78 и 79). Если эти слова залягутъ въ душѣ учителя и возбудятъ въ немъ соотвѣтственное старанiе, то, безъ сомнѣнiя, успѣхъ обученiя церковно-славянскому языку будетъ выше и цѣннѣ всякихъ формальностей, и всякое разнообразiе языка этимъ способомъ облегчено будетъ для дѣтей болѣе, чѣмъ другими способами.

Учителямъ вообще слѣдуетъ обратить вниманiе на это обстоятельство при всякомъ учебникѣ, при каждой статьѣ, въ цѣломъ курсѣ обученiя церковно-славянскому языку. Всѣять въ дѣтскую душу сѣмя любви къ святымъ словамъ—вотъ то *едино на потребу*, что должно сдѣлать первоначальное обученiе церковно-славянскому языку. При заботливости и искренности собственнаго расположенiя, учитель даже съ плохимъ учебникомъ или съ однимъ молитвенникомъ въ рукахъ можетъ исполнить эту задачу, или проложить ей дорогу въ дѣтской душѣ. Напротивъ, съ холоднымъ сердцемъ и съ формальнымъ отношенiемъ къ дѣлу, при наилучшихъ учебникахъ и собственныхъ знанiяхъ, получится успѣхъ слишкомъ одностороннiй и даже фальшивый.

Книга для учителей заключаетъ въ себѣ слѣдующее:
 1) вступленiе, въ которомъ излагается происхожденiе славянской грамоты и особенность чтенiя ея сравнительно съ русской; 2) древле-славянскiя формы склоненiя и спряженiя

и важнѣйшія особенности управленія словъ; 3) правила правописанія, склоненій и спряженій церковно-славянскихъ и другихъ частей рѣчи; 4) слова по своему составу и корню тождественныя съ русскими, но въ древле-славянскомъ имѣющія иное значеніе; 5) заключительное примѣчаніе.

Изъ этого перечня статей видно, что г. Ильминскій требуетъ отъ учителя отчетливаго и яснаго знанія необходимѣйшихъ (элементарныхъ) свойствъ церковно-славянскаго языка. „Изложенныя замѣтки,—говоритъ онъ (стр. 77),—не представляютъ цѣльнаго ученія о церковно-славянскомъ языкѣ; но учителей начальныхъ народныхъ училищъ—если между ними найдутся нѣкоторые не достаточно свѣдущіе въ немъ—замѣтки эти, своими сопоставленіями и намеками, могутъ расположить къ самостоятельному вниканію въ церковно-славянскій языкъ и къ основательному знанію его, а основательное знаніе поведетъ къ болѣе правильному пониманію и даже болѣе живому и наглядному, картинному, представленію изложенныхъ въ этомъ языкѣ событій, мыслей и чувствъ. Въ этомъ отношеніи составъ словъ, частицы, приставленныя къ нимъ, и формы имѣютъ большое значеніе, именно для опредѣленности и наглядности представленія“ (приводятся примѣры). Все объясненія г. Ильминскаго изложены просто и наглядно. Возможная точность омысла и духа церковно-славянскаго рѣчи, стараніе отгѣнить тотъ и другой даже въ самыхъ повидимому мелкихъ особенностяхъ этой грамоты—вотъ отличительная черта труда. Нить, проведенная имъ отъ древле-славянскаго языка чрезъ церковно-славянскій къ русскому, не должна пугать и наименѣе подготовленныхъ учителей. Изложеніе дѣла такъ просто, что—лишь бы была охота—усвоить его будетъ легко. Имѣя эту нить и къ основанію слова, и къ явленіямъ его въ русскомъ языкѣ, учитель не будетъ испытывать затрудненій въ переводѣ церковно-славянскихъ словъ и выраженій на русскій языкъ и въ необходимѣйшихъ объясненіяхъ ихъ. Правила г. Ильмин-

скаго ограничиваются самымъ необходимымъ и желательнымъ для учителя. Отъ нихъ выиграетъ преподаваніе не одного церковно-славянскаго языка, но и русскаго, и грамотность будетъ усвоиться дѣтми прочнѣе, чѣмъ при преподаваніи ея безъ помощи церковно-славянскои или при механическомъ отношеніи къ послѣдней.

Изъ частныхъ замѣчаній г. Ильминскаго отмѣтимъ слѣдующія.

Азбуку требуетъ оны заучить сразу подрядъ и въ подлинныхъ названіяхъ буквъ (азъ, буки...), данныхъ имъ св. Кирилломъ и имѣющихъ опредѣленный смыслъ (*азъ*—я, *буки*—буквы, книга, грамота, *вѣди*, точнѣе *вѣдь*—вѣдаю, знаю, *глаголь*—говори и т. д.).

Употребленіе разныхъ начертаній нѣкоторыхъ буквъ авторъ излагаетъ точно, ясно, наглядно. Въ соединеніи съ статьей о надстрочныхъ знакахъ этотъ предметъ не будетъ болѣе возбуждать недоумѣній со стороны учителей.

О титлахъ авторъ говоритъ слѣдующее: „Въ Евангеліи отъ Іоанна, гл. 19, ст. 19, сказано: *Написа же и титла Пилатъ, и положи на крестъ. Въ же написано: Исусъ Назарянинъ Царь Іудейскій*. Примѣняя эти слова Евангелія къ своимъ орфографическимъ титламъ, наши древніе уставщики церковнаго писанія приняли отличать титлой слова, относящіяся къ предметамъ священнымъ, и тѣ же слова ставить безъ титлъ, когда они относятся къ предметамъ языческимъ и непочтеннымъ“. Эта мысль совершенно вѣрна и должна лечь въ основу понятія о титлахъ. Но нельзя не видѣть, въ исторіи церковно-славянскаго письма, что къ этой мысли скоро стала примыкать и нужда скорописи, и подъ титлами явилось не мало словъ, не имѣющихъ значенія священнаго. Напр. *нынѣ*, *присно*, *солнце*, *мѣсяцъ*, *глагола* и т. д. Нужно только имѣть въ виду, что этотъ послѣдній разрядъ словъ ставится подъ титлами и безъ титлъ

безразлично, тогда какъ первый всегда подъ титлами, слова же непочтенныя и относящіяся къ предметамъ языческимъ и къ овойствамъ грѣховнымъ, никогда не писались подъ титлами.

Забываясь о точности и живости представленій, заключающихся въ особенностяхъ церковно-славянскихъ формъ, г. Ильминскій совѣтуетъ „направлять эти овойства, при обученіи дѣтей, не въ интересахъ знанія или художественности, а въ цѣляхъ собственно нравственныхъ и религіозныхъ. „Подобное стремленіе народнаго учителя—говоритъ онъ—будетъ школьнымъ примѣненіемъ заповѣди Спасителя: *Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ.*“—Для лучшаго внушенія дѣтямъ духа и характера овящ. текста, онъ рекомендуетъ между прочимъ практическое средство: „учитель впередъ самъ прочтетъ, а дѣти прислушаются, и они учуютъ живую нотку, и, всякъ по своему дарованію, воспроизведутъ ее“.

Нужно пожелать, чтобы каждый учитель имѣлъ подъ рукою эту книгу г. Ильминскаго.

Русско-славянскій букварь. Составилъ Т. Лубенецъ. Кіевъ, 1888 года. Цѣна 12 коп.

Славянскій или церковный букварь. Кіевъ, 1888 года. Его же. Цѣна 5 коп.

Роководство къ русско-славянскому букварю. Его же. Кіевъ, 1888 года. Цѣна 25 коп.

Русско-славянскій букварь г. Лубенца составленъ по звуковому способу, словораздѣлительному. Ничего новаго или особеннаго, по сравненію съ другими такими же изданіями, онъ не заключаетъ въ себѣ. Но онъ довольно видно отличается отъ многихъ и многихъ изданій этого рода строгостью въ отношеніи содержанія. Насколько возможно при звуковой системѣ, онъ старался избѣжать подбора словъ и вы-

раженій ради одного удобства звука, буквы,—пустыхъ, безсодержательныхъ, напротивъ, по мѣрѣ усгѣховъ въ чтеніи, болѣе и болѣе пользуется выраженіями нравственно-религиозными, вообще—серьезнаго наставительнаго свойства. Статей для упражненія въ чтеніи, сравнительно съ другими букварями, повидимому мало; но это потому, что авторъ исключилъ изъ обученія чтенію—и совершенно справедливо—приемы (статьи) занятности, забавы, развлечения для дѣтей, а также упражненія, такъ навываемыя, развивающія, которыя въ сущности только насилуютъ и ослабляютъ дѣтскую мысль, искусственно возбуждая ее и питая одними призраками сужденія и пониманія. Авторъ подобралъ матеріалъ только для укрѣпленія дѣтей въ твердомъ и отчетливомъ во всѣхъ отношеніяхъ чтеніи, по содержанію простой, толковый, вполне доступный для дѣтскаго пониманія и легко располагающій дѣтей сознательно относиться къ чтенію. Есть въ немъ нѣсколько неточностей, которыя при будущемъ изданіи желательно было бы исправить. Напримѣръ на стр. 20, въ статьѣ: *Солнце, морозъ и вѣтеръ*. Морозъ молвилъ: „я тебя заморозю; а вѣтеръ: я тебя одую“. Впрочемъ, и вся эта статья изложена не совсѣмъ складно. На той же страницѣ, въ статьѣ: Вопросы и отвѣты: „А не знаемъ—Божьей воли“. Люди знаютъ Божью волю, сколько нужно для ихъ блага, временнаго и вѣчнаго, изъ откровенія. На стр. 24-й, въ статьѣ: *За что я люблю свою мать*, въ заключеніи: „Иногда (мать) разсердится и накажетъ меня, если я одѣлаю что-нибудь дурное, такъ это *ничего—пустяки*“. Материнское наказаніе нельзя считать пустякомъ. Причинѣе было бы сказать: „такъ за дѣло, научая меня только добру“.—Предыдущая статья безсодержательна. Въ *народномъ гимнѣ*, стр. 27, третій стихъ напечатанъ такъ: „Царствуй *на славу*, *на славу* намъ“, т. е. два раза выраженіе „на славу“. Два раза оно употребляется только въ пѣніи (муз. Львова), а въ подлинномъ текстѣ однажды, согласно съ строемъ всѣхъ прочихъ стиховъ.

За русскимъ букваремъ слѣдуетъ церковно-славянскій, неложный, по системѣ обученія церковно-славянскому чтенію послѣ русскаго. Букварь этотъ заключаетъ въ себѣ только самое существенное, необходимое для укрѣпленія на столько, чтобы перейти къ упражненію по книгамъ церковнымъ. Въ изложеніи свойствъ церковно-славянскаго чтенія авторъ строго слѣдовалъ букварю Н. И. Ильминскаго, отличающемуся наибольшею точностью въ своемъ дѣлѣ. Окончивъ ознакомленіе учениковъ съ церковно-славянскими начертаніями буквъ, авторъ полагаетъ затѣмъ всю азбуку съ подлинными названіями буквъ. Авторъ, кромѣ священнаго значенія этихъ названій, дорожить въ нихъ большимъ удобствомъ въ отношеніи такъ называемыхъ сомнительныхъ согласныхъ, представляющихъ не малый трудъ для учителя и учениковъ, при обученіи по звуковому способу. Удобство это, по его словамъ (Руководство къ обученію по русско-славянскому букварю, стр. 48), заключается въ томъ, что „сомнительныя буквы: б—п, в—ф, ж—ш, д—т, з—с, въ славянской азбукѣ особенно рѣзко, какъ будто нарочито, предугадывая наше нынѣшнее затрудненіе при письмѣ, отличены другъ отъ друга и весьма рѣзкими, совершенно непохожими по своему произношенію названіями: буки—покой, вѣди—ферть, добро—твердо, живѣте—ша, земля—слово и проч.“. Въ церковно-славянскомъ текстѣ, состоящемъ только изъ предварительныхъ повседневныхъ молитвъ и двухъ краткихъ отрывковъ изъ евангелія, именно при молитвахъ, авторъ дѣлаетъ подотрочныя объясненія славянскихъ словъ, трудныхъ для дѣтскаго пониманія. Здѣсь поясненія: „крѣпкій—*сильный*, безсмертный—*неумирающій*“ не точны, а „сый—находящійся, насущный—*необходимый для существованія*“ не понятны для дѣтей.

Въ „Руководствѣ къ русско-славянскому букварю“ авторъ вдался въ нѣкоторыя разсужденія, то совершенно излишнія, то противорѣчивыя, то невѣрныя. Оставляемъ въ

сторонѣ его разсужденія о звуковомъ обученіи (6 — 11). Справедливое свое замѣчаніе, что „звукъ и буква далеко не всегда одно и то же“, что „между письмомъ и произношеніемъ является въ нѣкоторыхъ случаяхъ несоотвѣтствіе“, а это и составляетъ основу всѣхъ затрудненій при употребленіи этого способа, авторъ поясняетъ и пытается устранить трудности этого дѣла (31—39) такими разсужденіями и наставленіями, которыя для огромнаго большинства учителей покажутся довольно хитрыми и малопродуктивными. Статья *О первоначальномъ обученіи въ народныхъ южно-русскихъ школахъ* (12—22), доказывающая необходимость пособия малорусскаго нарѣчія при обученіи русскому языку въ этихъ школахъ, сама по себѣ совершенно излишне затрогиваетъ это дѣло, которымъ еще въ недавнее время слишкомъ злоупотребляли, пользуясь имъ для возбужденія народныхъ страстей и противугосударственныхъ стремленій, что въ свою очередь вызывало крайнія мѣры. Найдутся и теперь люди, способные злоупотребить на дѣлѣ мыслию г. Лубенца. Практика учительская—лучшій проводникъ въ подобномъ дѣлѣ, вводитъ его въ принципъ, формулировать, обязывать—совершенно излишне. Въ самомъ изложеніи этого дѣла трудно соблюсти строгую точность, не допускающую сомнѣній и подвѣрній, что автору уже замѣчено, когда статьи его печатались въ журналѣ „Церковно-приходская Школа“ (статья Андріяшева въ томъ же журналѣ). Статья: „Обученіе церковно-славянскому чтенію“ направлена къ убѣжденію учителей въ необходимости начинать обученіе церковно-славянскому чтенію послѣ русскаго, что противурѣчитъ мыслямъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, выраженнымъ въ программѣ церковно-славянскаго языка. Хотя авторъ направляетъ свои наставленія и заботы къ тому, чтобы возможно строже охранить святость церковно-славянской грамоты съ перваго же приступа къ изученію ея, однако эти наставленія не убѣдительны: въ основѣ ихъ лежитъ недоразумѣніе,

пока господствующее въ педагогикѣ, именно — убѣжденіе въ безусловномъ значеніи въ этомъ дѣлѣ рассудочнаго пониманія, мыслительной способности. Слѣдуя этой теоріи, не нужно было бы отцамъ и матерямъ учить дѣтей молитвамъ, пока они не придутъ въ возрастъ, не покажутъ способности понимать текстъ ихъ. Забывается при этомъ простое и *единое на потребу* средство — усвоеніе сердцемъ, а для сего — внушеніе, вліяніе живыхъ примѣровъ. Не будемъ однако разбирать аргументовъ, приведенныхъ авторомъ въ защиту своего требованія, потому что они не представляютъ ничего особеннаго, новаго и не разъ уже были обсуждаемы въ Училищномъ Совѣтѣ, который постановилъ по этому предмету единственно мудрое правило: не обязывать учителей однимъ какимъ-либо методомъ, требуя отъ нихъ только обученія благоговѣйнаго, вполне соответствующаго святости и молитвенному духу церковно-славянскаго текста; не порицать, а напротивъ поощрять опыты обученія церковно-славянской грамотѣ прежде русской, дабы, путемъ этихъ опытовъ со стороны людей просвѣщенныхъ и убѣжденныхъ, достигнуть разрѣшенія спорнаго, но важнаго вопроса о началѣ обученія въ церковно-приходской школѣ и о наиболѣе соответственномъ методѣ обученія церковно-славянскому языку.

II. СБОРНИКИ, СЛОВАРИ И ДРУГІЯ ПОСОБІЯ КЪ ОБУЧЕНІЮ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ ВЪ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

Что давать дѣтямъ для церковно-славянскаго чтенія послѣ букваря? Какъ вести эти занятія и къ чему направлять ихъ?

Эти вопросы оказались гораздо болѣе трудными, чѣмъ постановка букваря. Къ разрѣшенію ихъ едва приступлено, и на практикѣ еще мало что сдѣлано для этого. Тѣмъ не менѣе довольно опредѣленно выразились направленія, въ которыхъ происходитъ работа по этимъ вопросамъ.

Программа церковно-приходскихъ школъ отвѣчаетъ на эти вопросы такимъ образомъ: 1) Подлѣ букваря перейти къ чтенію наиболѣе употребительныхъ въ церковномъ богослуженіи книгъ (часословъ, псалтирь, октоихъ, евангеліе); 2) при чтеніи этихъ книгъ, объяснять употребленіе ихъ въ церкви, непонятныя въ нихъ слова, выраженія, содержаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ привлекать дѣтей къ чтенію и пѣнію на клироосѣ, прислуживанію въ алтарѣ. Конечною цѣлію обученія церковно-славянскому языку должно быть живое участіе въ церковномъ богослуженіи, какъ наилучшемъ для каждаго христіанина и для всѣхъ доступномъ источникѣмъ религіозно-нравственнаго совершенствованія. Всѣ приемы обученія должны быть направляемы къ усвоенію читаемаго преимущественно сердцемъ и къ воспитанію въ дѣтской душѣ расположеній и навыковъ къ церковному чтенію и богослуженію.

Многіе не согласны съ такой постановкой обученія церковно-славянскому языку. На практикѣ однако немногіе успѣли еще показать иной путь и способы этого обученія. Сюда относятся „книги“, или „сборники“ для церковно-славянскаго чтенія. Почти всѣ они смутно представляютъ путь, по которому идутъ, и не даютъ надлежащихъ разъясненій о немъ. Исключеніе составляетъ только „Книга для церковно-славянскаго чтенія“ г. Тихомирова. Въ послѣднемъ своемъ изданіи эта книга раздѣлена на два отдѣльные тома, изъ койхъ первый составляетъ „Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ“ (Изд. 8-е, цѣна 30 коп.); второй— „Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ“ (Изд. 2-е, цѣна 1 руб.).

„Книга“ г. Тихомирова—трудъ серьезный, стоящій вниманія какъ поборниковъ, такъ и противниковъ защищаемой имъ системы. Часть, назначенная для учениковъ, заключаетъ въ себѣ: повседневныя молитвы и много молитвъ, чаще другихъ употребляемыхъ въ церковномъ богослуженіи или осо-

бенно важныхъ и близкихъ каждому христіанину по своему содержанію и духу, тропари, кондаки, стихиры, ирмосы на важнѣйшіе церковные праздники, псалмы, читаемые на часахъ, шестопсалми, литурги, вечернѣ, утренѣ, рассказы изъ евангелія, представляющіе всѣ главныя событія изъ жизни Спасителя, притчи, наставленія и под. Весь этотъ *матеріалъ* расположенъ въ книгѣ по степени трудности языка. По плану автора, *матеріалъ* долженъ быть удвоенъ, такъ чтобы въ книгѣ собраны были отрывки изъ всего священнаго Писанія и изъ всѣхъ богослужебныхъ книгъ. Но и въ настоящемъ составѣ его вышелъ цѣлый томъ, который, по совнанію автора, наполнитъ трехгодичный курсъ школы. Въ руководствѣ для учителей авторъ шагъ за шагомъ, отъ начала до конца, даетъ всѣ объясненія и наставленія учителю, что и какъ дѣлать при чтеніи съ учениками положенной статьи. Въ первой книгѣ каждая статья снабжена объясненіемъ словъ и выраженій и переводомъ на русскій языкъ. Во второй—подробнымъ толкованіемъ текста, планомъ и подробнымъ объяснительнымъ изложеніемъ содержанія. Въ особенности обширны и хорошо составлены такія статьи къ евангельскимъ рассказамъ, для которыхъ авторъ изучилъ лучшихъ церковниковъ толковниковъ свящ. текста. Статьи его о послѣднихъ дняхъ земной жизни Спасителя составлены по извѣстному сочиненію покойнаго архіепископа Иннокентія и даютъ чтеніе не только объяснительное, но и умиленное. Къ нѣкоторымъ статьямъ приложены историческія объясненія и описанія, напр. *Крѣзь Герусалимскій*, *Иродъ*, *Пасха у евреевъ* и др.

Авторъ—рѣшительный противникъ обученія дѣтей по церковнымъ книгамъ. „Эти книги,—говоритъ онъ,—святыня, которой причествуетъ особое, полное высокаго уваженія, отношеніе, къ чему и нужно приучать: съ самаго ранняго возраста, и чего трудно достигнуть, одѣлавъ эти книги: необходимыми учебными пособіями“ (Руков. для учит. стр. IV).

Единственно цѣлесообразнымъ для школы онъ считаетъ сборникъ отрывковъ изъ этихъ книгъ, расположенныхъ не въ порядкѣ богослуженій, но по степени трудности языка. Онъ предполагаетъ участіе учениковъ въ чтеніи и пѣніи церковномъ, но только какъ долгъ всякаго христіанина, а не какъ способъ обученія школьнаго. Онъ вѣрно и живо понимаетъ задачу обученія церковно-славянскому языку. Это, по словамъ его, „возможно полное пониманіе читаемаго и даже не одно простое пониманіе, а проникновеніе этимъ содержаніемъ, его духомъ, его сущностью, душевное къ нему влеченіе и расположеніе, воспріятіе чрезъ чтеніе глубокихъ и теплыхъ впечатлѣній, такихъ впечатлѣній, кои бы остались на всю жизнь, воспитаніе любви къ этому великому тексту, желаніе вновь съ охотою обращаться къ нему, какъ къ руководству жизненному, какъ къ выраженію высшей мудрости“. Онъ увѣренъ, что изложенные въ его книгахъ (для учениковъ и для учителей) способы и приемы обученія вполне исполняютъ эту задачу обученія. Все дѣло здѣсь, по его мнѣнію, въ объясненіяхъ учителя и въ пониманіи текста дѣтми. „Довести ученика—говоритъ онъ—до умѣнья понимать языкъ церковно-славянскихъ книгъ, языкъ Евангелія, языкъ богослужебныхъ книгъ,—вотъ конечная цѣль обученія въ народной школѣ церковно-славянскому чтенію“ (тамъ же стр. 6). Такое пониманіе дается дѣтямъ, по словамъ его, „чрезъ усвоеніе отдѣльныхъ словъ и выраженій, чрезъ усвоеніе отдѣльныхъ мыслей и ихъ взаимныхъ отношеній... путемъ толкованія и заучиванія непонятныхъ словъ и выраженій и путемъ сближенія ихъ съ формами роднаго языка“. Онъ надѣется, что этимъ путемъ ученики приведены будутъ „къ пониманію св. Писанія и церковнаго богослуженія“ и даже къ „полному пониманію“, къ „полному уразумѣнію смысла читаемаго“ (тамъ же стр. 7 и 8), а затѣмъ къ воспріятію духа его и проч.

Въ основѣ всей этой постановки обученія церковно-славянскому языку въ начальной школѣ лежитъ одно изъ важныхъ недоразумѣній, переживаемыхъ нынѣ этою школою въ нашемъ отечествѣ. Скажемъ прямо, не обвиняясь (да не посѣтуетъ за это на насъ г. Тихомировъ!). „Такъ дѣлается въ западно-европейской школѣ, такъ должно быть и у насъ“ — вотъ истинная причина этого недоразумѣнія. Наша новѣйшая школьная система — раздражительная, копія съ западно-европейскаго образца. Тамъ школа не употребляетъ богослужебныхъ книгъ, но даетъ дѣтямъ сборники молитвъ, духовныхъ кантовъ, благочестивыхъ размышленій, наставленій и под. Въ католической церкви богослужебный языкъ совершенно чуждъ народу, невысказано изученіе его въ начальной школѣ. По свойству своихъ догматовъ, эта церковь въ прежнія времена даже воспрепятствовала мірянамъ чтеніе свящ. Писанія и въ настоящее время вовсе не поощряетъ чтеніе его, а за богослуженіемъ въ церкви предоставляетъ молящимся руководствоваться тѣми же сборниками, въ которыхъ имѣются соотвѣтственныя богослуженію молитвы, но не тѣ самыя, которыя читаются и поются въ церкви. Въ лютеранствѣ, по свойству основного отличительнаго догмата его объ оправданіи человека вѣрою, богослуженіе церковное вовсе не имѣетъ того значенія, какое даетъ ему православная Церковь; оно съужено до крайности, до нѣсколькихъ дѣйствій, уступило мѣсто наученію въ вѣрѣ, разъясненію истинъ ея, личная молитва поставлена въ рядъ съ религіозными размышленіями, богомысліемъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что языкъ лютеранской церкви и личной молитвы чадъ ея — тотъ же народный, живой языкъ. Вотъ почему для западной дидактики и методики вовсе не существуетъ вопроса объ изученіи языка церковнаго богослуженія и употребленіи въ школѣ богослужебныхъ книгъ, а рѣчь идетъ только объ обученіи (молитвамъ и пѣснямъ) по сборникамъ и книгамъ для религіознаго чтенія.

У насъ иное положеніе и значеніе богослуженія и его языка. У насъ, соответственно ученію о вѣрѣ, оправдываемой доброю жизнію, богослуженіе есть освященіе и подробное руководство человѣка въ жизни соответственно вѣрѣ. Оно есть наиболѣе полное и живое выраженіе вѣры, сама жизнь вѣры. Оно есть сила, сближающая насъ между собою и со Христомъ и въ этомъ единеніи укрѣпляющая наши духовныя силы. Наша домашняя, личная молитва не есть отдѣльное нѣчто отъ церковнаго богослуженія, а частица, отрывокъ изъ него, имѣющій свой смыслъ и значеніе только въ своемъ цѣломъ. Это наглядно сказывается на языкѣ. Мы потому не имѣемъ отдѣльнаго языка для домашней молитвы и молимся по-славянски, что наши молитвы взяты изъ круга церковно-богослужебныхъ, а не составлены особо отъ него¹⁾. Эти молитвы, какъ отрывки и частицы цѣлаго, имѣютъ свой надлежащій смыслъ, духъ и значеніе только въ тѣхъ церковныхъ богослуженіяхъ, изъ которыхъ онѣ взяты: молитвы утреннія и вечернія—изъ полунощницы и утрени, повечерій и вечерни, прочія—изъ дневныхъ богослуженій, изъ обрядовъ на разные случаи въ жизни христіанской, частной и общественной. Г. Тихомировъ, напр., помѣстилъ въ своемъ сборникѣ псалмы, читаемые на часахъ. Каждый изъ этихъ псалмовъ имѣетъ свою отдѣльную мысль, которая ничего не говоритъ, сама по себѣ, о главной мысли, соединяющей каждую группу ихъ въ цѣлое и дающей имъ особый духъ

¹⁾ Даже тѣ молитвы, которыя нынѣ не встрѣчаются въ богослужебныхъ книгахъ и печатаются только въ молитвенникахъ, существовали въ старыхъ спискахъ богослужебныхъ обрядовъ, славянскихъ и греческихъ. Исключеніе составляютъ молитвы предъ началомъ ученія и послѣ ученія, читаемыя нынѣ въ народныхъ училищахъ и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ: *Преблгий Господи* и *Благодаримъ Тебе, Создателю*. Онѣ составлены въ 1783 году, при учрежденіи въ Россіи «народныхъ училищъ», нарочно для этихъ училищъ, тогдашнимъ директоромъ этихъ училищъ, и не приняты въ церковное употребленіе.

и характеръ. Узнать эту мысль, почувствовать истинный ихъ духъ можно только при чтеніи ихъ въ цѣломъ обрядѣ (Часы: 1-й, 3, 6 и 9-й). То же и съ молитвами. Во сколько разъ, напр., вечернія молитвы становятся понятнѣе и ближе сердцу, когда онѣ пройдены въ совокупности цѣлыхъ обрядовъ вечерни и повечерій, при дѣятельномъ участіи въ этихъ богослуженіяхъ! То же и со всѣми остальными молитвами. Что касается псалмовъ, то въ церковномъ отношеніи книга *Псалтирь* не есть простой сборникъ псалмовъ, а цѣлый обрядъ, въ которомъ ветхозавѣтные вѣрованія и чаянія, лучшія душевныя расположенія и стремленія освѣщены новозавѣтными (молитвы, пѣсни, стихи, толкованія и проч.) и только въ этомъ соединеніи и освѣщеніи даютъ ту полную картину смысла, духа и характера, которая влечетъ христіанское чувство къ псалмамъ.

Вотъ причина, по которой у насъ за букваремъ должны слѣдовать церковныя книги. Букварь церковно-славянскій всегда состоялъ и будетъ состоять изъ отрывковъ церковнаго богослуженія, т. е. изъ молитвъ, пѣсней и т. п., данныхъ Церковію для домашняго употребленія. Съ этихъ отрывковъ начинается обученіе въ несомнѣнномъ предположеніи, что они знакомы дѣтямъ изъ домашняго употребленія, а потому легче даются обученію по книгѣ. Всякій искусственно составленный для букваря текстъ славянскій былъ бы аномаліей, потому что цѣль изученія этого языка не филологическая, а церковно-богослужебная. Если школа искренно и нелицемѣрно обучила дѣтей церковно-славянскому букварю, то, логически поступая, она должна овнакомить дѣтей съ источникомъ его статей, съ церковными книгами, въ которыхъ эти самыя статьи—предметъ ежедневной душевной потребности—станутъ для ученика понятнѣе и полнѣе не только въ общей мысли и духѣ, но въ самыхъ выраженіяхъ и словахъ. Всякая „книга для церковно-славянскаго чтенія“, или „сборникъ“, пытающіеся замѣнить собою подлинныя церков-

ныя книги, останутся только болѣе или менѣе раздутымъ букваремъ и оставлятъ дѣтей на полудорогѣ къ надлежащему церковному чтенію, если не совоѣмъ собьютъ ихъ съ этой дороги, надѣляя ихъ крупинками содержанія и духа, не поставленнаго въ живую связь съ общимъ содержаніемъ и духомъ богослуженія, а также одностороннимъ и холоднымъ пониманіемъ словъ и выраженій.

„Евангеліе и богослужебныя книги потеряютъ подобающее имъ уваженіе въ глазахъ дѣтей, если будутъ употребляемы въ качествѣ учебнаго пособія“. Очевидно, все дѣло въ томъ, чтобы школа научила дѣтей относиться къ этимъ книгамъ съ уваженіемъ. Если учитель надлежаще обучить дѣтей чтенію молитвъ, то ему легко будетъ обучить ихъ подобающему уваженію къ книгамъ молитвеннымъ и богослужебнымъ.

„Участіе въ чтеніи и пѣніи въ церкви есть долгъ христіанина и не должно быть пріемомъ школьнаго обученія“. Правильное и благоговѣйное чтеніе молитвъ—еще большій долгъ каждаго христіанина. Школа, обучая церковно-славянскому чтенію не въ филологическихъ, но въ богослужебныхъ цѣляхъ, должна научить дѣтей не явкы только молитвъ, но и соотвѣтственному употребленію ихъ, т. е. чтенію разумному, благоговѣйному, возбудить расположеніе къ ней, навѣкъ, долгъ читать ее дома въ положенное время. То же и въ отношеніи къ службамъ, заключающимся въ церковныхъ книгахъ: дѣтей необходимо обучить чтенію и пѣнію на клиросѣ не только посредствомъ соотвѣтственныхъ объясненій и упражненій въ школѣ, но и посредствомъ церковной практики, которая одна можетъ вѣрно поставить, развить, оживить и укрѣпить въ дѣтской душѣ этотъ долгъ, возбудить расположеніе къ нему и къ цѣлому богослуженію, желаніе дѣятельно участвовать въ немъ.

Г. Тихомировъ, вѣрно понимая задачу обученія церковно-славянскому чтенію, рассчитываетъ въ исполненіи ея

исключительно на объясненія и пониманіе. Наше новѣйшее начальное обученіе оправедливо упрекаютъ въ господствѣ интеллектуализма. Умственная сила менѣе другихъ силъ возбуждена и развита въ школьномъ возрастѣ дѣтей: она должна быть задачею, а не опорю обученія первоначальнаго; ее нужно еще вызвать къ дѣятельности и воспитать, а не сразу ставить проводникомъ вліянія; опорю для нея самой должны служить при этомъ другія душевныя силы, въ особенности воля, на которую по преимуществу нужно вліять разумными способами, чтобы вѣрно идти къ цѣли. Этому упреку подлежитъ въ особенности обученіе предметамъ религіознаго характера, когда оно опорю для себя избираетъ пониманіе, а не живое вліяніе, усвоеніе, средцемъ, упражненіе, навѣкъ, что одно можетъ служить опорю для правильнаго роста и самаго пониманія. Какъ бы мы ни преувеличивали силу дѣтскаго пониманія, но рекомендуемые г. Тихомировымъ способы: „толкованіе и заучиваніе непонятныхъ словъ и выраженій и сближеніе ихъ съ формами роднаго языка“, „усвоеніе отдѣльныхъ мыслей и ихъ взаимныхъ отношеній“, сами по себѣ, не пойдутъ дальше внѣшнихъ, формальныхъ свойствъ церковно-славянскаго языка, отъ которыхъ вообще еще далеко до пониманія содержанія церковно-славянскаго текста. Въ отношеніи русскаго языка эти способы дополняются въ школѣ свѣдѣніями изъ грамматики, письменными упражненіями и т. п., что все авторъ справедливо устранилъ изъ курса церковно-славянскаго чтенія, какъ не удобное и излишнее для дѣтей. Если въ русскомъ языкѣ, при егѣ единствѣ съ живымъ языкомъ дѣтей и при значительно болѣе широкихъ объясненіяхъ и способахъ пониманія, школа доводитъ учениковъ только до пониманія статей, написанныхъ просто, близко къ ихъ состоянію и къ предметамъ окружающаго ихъ быта, то какую степень пониманія принесутъ эти урѣзанные приемы въ отношеніи церковно-славянскаго языка, столь отличнаго отъ живого

языка и служащаго выраженіемъ „вышей мудрости“, „жизненнаго руководства“? Между тѣмъ авторъ увѣренъ, что предложенные имъ приемы и способы могутъ привести дѣтей даже къ „полному пониманію“, „полному уразумѣнію“ церковно-славянскаго текста, и въ результатѣ этого пониманія ожидаетъ „проникновенія его духомъ, его сущностью, душевнаго влеченія къ нему“ и т. п. Мечта эта осталась бы невинною, если бы она не стремилась замкнуть въ себѣ кругъ обученія церковно-славянскому чтенію и преградить другіе пути къ нему. И учителя, и ученики будутъ введены ею въ заблужденіе, будто, умѣя перевести молитву на русскій языкъ и разсказать содержаніе ея, они уже владѣютъ полнымъ пониманіемъ ея и напрасно будутъ ожидать показанныхъ результатовъ этого пониманія.

Церковно-приходская школа пользуется всѣми указанными способами объясненій; но она смотритъ на нихъ, какъ на способъ устраненія внѣшнихъ препятствій къ усвоенію содержанія церковно-славянскаго текста, самое же усвоеніе его, „проникновеніе его духомъ“, „душевное влеченіе къ нему“ она старается вести преимущественно путемъ сердца, живого примѣра, упражненій и навыка, помощію которыхъ укрѣпляется и разумѣніе этого священнаго содержанія. На этомъ пути она не боится вести дѣтей отъ отрывковъ къ полнымъ богослуженіямъ, отъ букваря къ часослову, псалтири и под., не останавливаясь предъ тѣмъ, что многое здѣсь не понятно для дѣтскаго ума, и вполне основательно надѣясь, что вложенное въ дѣтскую душу расположеніе и навыкъ къ церковному богослуженію постепенно будутъ содѣйствовать проясненію самаго пониманія, во всякомъ случаѣ не останутся безплодны, ибо, выражаясь словами стариннаго предисловія къ учебному часослову, „учащеніемъ дѣла обычай воспріятый и многимъ временемъ нравъ утвердился естества иматъ силу“.

Мы распространились объ этомъ предметѣ потому, что онъ составляетъ существенный пунктъ несогласій между церковно-приходскою школою и системою, установившеюся въ нашей новѣйшей начальной школѣ. „Книга для чтенія“ г. Тихомирова, въ послѣднемъ изданіи ея, въ обѣихъ частяхъ, служить наиболѣе полнымъ выраженіемъ этой системы. Помимо этого основнаго недостатка, принадлежащаго однако не ей, а системѣ, которой она служитъ, эта книга будетъ полезна и въ церковно-приходскихъ школахъ. „Руководство для учениковъ“, изишнее какъ руководство школьное, можетъ быть съ пользою употребляемо учениками для чтенія дома, какъ собраніе болѣе умильныхъ и поучительныхъ молитвъ, пѣсней и под. изъ главныхъ богослуженій и евангельскихъ разказовъ, съ поясненіями словъ и выраженій. Оно ни въ какомъ отношеніи не замѣнитъ собою для дѣтей, не только въ школѣ, но и дома, часослова, псалтири и евангелія, но можетъ, при недостаткѣ дома тріодей, миней и др., служить дополненіемъ къ часослову. Болѣе полезна можетъ быть часть для учителей, заключающая въ себѣ, при каждой почти статьѣ, толкованіе текста, содержаніе и планъ ея и при многихъ статьяхъ объяснительныя бесѣды, составленныя по лучшимъ церковнымъ писателямъ и проповѣдникамъ¹⁾. Но при пользованіи этою книгою учитель долженъ помнить слѣдующее: 1) переводъ словъ и выраженій на рускій языкъ, объясненія и толкованія устраняютъ только внѣшнія, формальныя, препятствія къ усвоенію содержанія священнаго текста, самое же пониманіе его, разумнае, усвоеніе производятся преимущественно сердцемъ, требуютъ соотвѣтственнаго живого вліянія посредствомъ духа обученія, примѣра самого учителя, упражненій и навыковъ; поэтому, обращаясь къ нимъ при всякомъ недоумѣніи со стороны

¹⁾ Обѣ книги г. Тихомирова одобрены Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ для бібліотекъ церковно-приходскихъ школъ.

ученика, какъ при чтеніи букваря, такъ и при чтеніи часослова, псалтири и проч., не полагаться на нихъ въ главномъ и существенномъ, но искать его для дѣтей способами, указанными нами выше. 2) Не переступать границъ объясненій, какъ то часто дѣлаетъ г. Тихомировъ, рассчитывающій исключительно на силу ихъ и тѣмъ часто отвлекающій учениковъ отъ занятій языкомъ: онъ часто то вдается въ мелочи, занимаясь переводами и объясненіями въ родѣ: *око*—глазъ, *очи*—глаза, *научитесь*—научитесь, *Господь*—господинъ и т. д., то влагаетъ въ уста учителя длинныя объясненія разсказа или мыслей статьи, чему мѣсто на урокахъ Закона Божія.

Нужда въ переводѣ и объясненіяхъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій начинается вынуждать особаго рода изданія для учениковъ начальныхъ училищъ—словари. Составить толковый церковно-славянскій словарь для этихъ учениковъ—дѣло трудное. Главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что ученики не знаютъ склоненій и спряженій славянскихъ и не могутъ находить основныхъ или прямыхъ формъ словъ, подъ которыми эти послѣднія стоятъ въ словарѣ, не смогутъ и по прямой формѣ догадаться о значеніи всякой встрѣченной. Пользованіе общимъ словаремъ возможно для нихъ только тогда, когда они практически будутъ владѣть достаточнымъ запасомъ формъ слова и оборотовъ рѣчи, а это возможно развѣ къ концу школьнаго курса. Вообще обыкновенный словарь полезенъ только для взрослыхъ, окончившихъ курсъ школы, и для учителей. Для учениковъ долгое время возможенъ и незамѣнимъ только живой словарь—толмачъ, самъ учитель. Для памяти въ букварѣ полезны, въ концѣ каждой статьи, или подстрочные переводы, или объясненія словъ и выраженій, но не въ прямыхъ формахъ, а въ данныхъ статьяхъ. Подобнымъ же образомъ полезно вести

и чтеніе часослова. Переводъ и объясненіе словъ и выражений можно здѣсь поставить или подъ чертою, или въ концѣ книги, но также по порядку статей и не въ прямыхъ формахъ словъ, а въ данныхъ текстомъ. Нужда въ объясненіяхъ и переводахъ все болѣе и болѣе будетъ уменьшаться, многія здѣсь статьи уже не потребуютъ ни одной выноски. Въ псалтири такіе переводы и объясненія должны быть отдѣланы въ концѣ книги, по ряду псалмовъ, а въ евангеліи— по ряду евангелистовъ и главъ. Такія изданія будутъ всего практичнѣе для дѣла, никакой словарь не можетъ замѣнить ихъ и при нихъ будетъ излишенъ для дѣтей. Такія изданія—дѣло, полагаемъ, недалекаго будущаго. Задержка ихъ происходитъ, по всей вѣроятности, отъ дороговизны печатанія.

При этомъ не можетъ не возвратиться снова къ излишнему усердію издателей въ переводахъ словъ церковно-славянскаго языка. Кромѣ словъ иностранныхъ (греческихъ, еврейскихъ), вышедшихъ изъ употребленія въ живомъ языкѣ, словъ старо-славянскихъ, словъ, одинаковыхъ по произношенію съ русскими, но имѣющихъ отличное отъ нихъ значеніе, а также получившихъ въ русскомъ языкѣ формы, рѣзко отличающіяся отъ славянскихъ, и словъ, составленныхъ по образцу греческихъ составныхъ, какая нужда въ переводѣ остальныхъ словъ? Не нужно забывать, что церковно-славянской языкъ долженъ быть преподаваемъ въ начальномъ училищѣ не въ образовательныхъ цѣляхъ, но въ воспитательныхъ. Ни при какихъ усиліяхъ не достигла бы въ школѣ своей цѣли постановка этого языка въ видахъ образовательныхъ. Напротивъ, воспитательный характеръ преподаванія его благотворно отразится и на образованіи дѣтей. Требуется достигнуть, чтобы церковно-славянской языкъ былъ для дѣтей не мертвымъ объектомъ, представляющимъ полезныя сравненія съ русскимъ языкомъ, но живую связь съ церковнымъ богослуженіемъ, съ духомъ и жизнью Церкви, какъ великой семьи Божіей. Въ этой семьѣ этотъ языкъ есть живой, ея

собственный, домашній языкъ. Не боимся мы приставлять къ дѣтямъ гувернеровъ и гувернантокъ для обученія иностраннымъ живымъ языкамъ—безъ словарей, безъ книжекъ, безъ постоянныхъ переводовъ и сличеній съ русскимъ языкомъ. Путемъ живого вліянія, практически, дѣти быстро усвояютъ иностранныя слова и выраженія, даже идиотизмы языка и понимаютъ ихъ, хотя часто не могутъ точно передать ихъ по-русски. Почему же мы боимся того же въ отношеніи къ церковно-славянскому языку въ школахъ, при помощи книгъ, притомъ въ отношеніи къ словамъ, которыхъ корни одинаковы съ русскими, а формы близки къ нимъ? Постоянные переводы только напрасно замедляютъ обученіе и охлаждаютъ къ духу и характеру языка.

Пока появился только одинъ словарь церковно-славянскаго языка для начальныхъ училищъ: *Словарь малопонятныхъ словъ и оборотовъ, встречающихся въ Евангеліи, дополненный словаремъ къ псалмамъ и тѣснопѣніямъ*. Сост. А. Державинъ. Выпускъ I и II. Спб. 1887 г. Цѣна 20 + 30 коп.

Авторъ даетъ церковно-славянскому языку въ начальныхъ училищахъ „образовательное-воспитательное значеніе“, увѣренъ, что дѣти сами могутъ пользоваться словаремъ, дома и въ классѣ, при подготовкѣ и повтореніи уроковъ,—словомъ, что дѣти легко и скоро научатся по данной формѣ слова узнавать основную его форму и изъ ряда значеній выбирать наиболее подходящее для текста. Но въ то же время онъ сознаетъ недостаточность объясненій словъ и выраженій, притомъ отдѣльно по книгамъ и по порядку текста. Онъ старается удовлетворить и этой нуждѣ, отдѣльно отъ словаря. Такимъ образомъ въ словарь его оказалось семь особыхъ отдѣловъ: въ первомъ выпускѣ: 1) алфавитный словарь къ евангелію; 2) болѣе употребительныя въ евангеліи слова въ порядкѣ главъ и стиховъ евангелія; 3) алфавитный

словарь къ псалмамъ и часослову; 4) переводъ трудныхъ мѣстъ, встрѣчающихся въ псалмахъ и пѣснопѣніяхъ, помѣщенныхъ въ часословъ; 5) нѣкоторые изъ болѣе употребительныхъ оборотовъ четвероевангелія. Во второмъ выпускѣ: а) переводъ трудныхъ мѣстъ евангелія и псалмовъ съ краткимъ объясненіемъ ихъ и б) словарь къ болѣе употребительнымъ молитвамъ и пѣснопѣніямъ, не вошедшимъ въ часословъ.

Очевидно, что авторъ не выяснилъ для себя основаній словаря для начальныхъ училищъ, и какъ самъ затрудняется въ размѣщеніи матеріала по отдѣламъ, такъ и дѣтей слишкомъ затрудняетъ постояннымъ недоумѣніемъ, въ которомъ отдѣлъ искать разгадку даннаго слова или выраженія. Самъ онъ то часто повторяется въ разныхъ отдѣлахъ, то находится вынужденнымъ въ словарѣ толковать выраженія, а въ отдѣлахъ выраженій—слова, то искусственно подбирать матеріалъ для особыхъ отдѣловъ: *болѣе употребительныя* и *болѣе трудныя* слова и выраженія и т. д. Если принять во вниманіе, что, по плану его, дѣти сами прискиваютъ въ словарь слова и выраженія дома и въ классѣ, во время подготвленія и повторенія уроковъ, то занятія церковно-славянскимъ языкомъ станутъ для дѣтей тяжелымъ бременемъ, земедлятъ успѣхи въ немъ и постоянно будутъ сосредоточивать вниманіе учениковъ на внѣшней, формальной сторонѣ языка, въ ущербъ главному, *единому на потребу*, для успѣховъ котораго незамѣнимы живыя объясненія учителя, упражненія въ чтеніи, участіе въ богослуженіи.

Но авторъ не выяснилъ для себя основаній самаго существеннаго въ дѣлѣ—перевода словъ и выраженій церковно-славянскихъ на языкъ русскій. И во 1-хъ, что считать непонятнымъ, требующимъ перевода на русскій языкъ и помѣщенія въ словарь? Раскройте любую страницу въ его словарѣ и на ней встрѣтите такія слова и переводы: *безза-*

коніе—беззаконіе, *бѣдний*—бѣдный, *ведро*—вѣдро, *вертепъ*—вертепъ, *вечерня*—вечерня, *вещь*—вещь, *видѣніе*—видѣніе, *власть*—власть, *внѣ*—внѣ и т. д. Эта тавтологія составляетъ добрую часть словаря. Но гораздо большую часть въ словарѣ составляютъ такія слова, въ которыхъ имѣется лишь самое слабое отличіе по внѣшности отъ русскихъ формъ ихъ, и для которыхъ достаточно одно общее объясненіе, чтобы ученики поняли ихъ и не имѣли нужды постоянно справляться о нихъ. Таковы, напримѣръ: *бесѣдовати*—бесѣдовать, *благословляти*—благословлять, *ввергати*—ввергать, *вечеряти*—вечерять, *витати*—витать, *вложити*—вложить, *возвеличити*—возвеличить, *возвѣстити*—возвѣстить, *вознести*—вознести, *возопити*—возопить, *воскресити*—воскресить и т. д. Не говоримъ уже о такихъ формахъ, какъ *всякъ*—всякій, *лютъ*—лютый, *лукавъ*—лукавый; или: *гладъ*—голодь, *градъ*—городъ, *злато*—золото и под.; или: *внезапу*—внезапно, *како*—какъ, *полъ*—половина, *покровъ*—кровь, *поморіе*—поморье и т. д. Не мало случаевъ, когда авторъ самъ дѣлаетъ совершенно понятное—буквально динаковое и въ церковно-славянскомъ, и въ русскомъ—слово непонятнымъ, требующимъ перевода, и для этого устанавливаетъ разнообразное употребленіе его въ томъ и другомъ языкѣ, напримѣръ у него: славянское слово *тнѣ*, русскій переводъ его—*хваля*, слав. *князь*—русское начальникъ, правитель, *бремя*—тяжесть, *губель*—трата, *лстецъ*—обманщикъ, *бисеръ*—жемчужина, *избытокъ*—полнота и т. д. Но это значитъ искусственно создавать перегородки между церковно-славянскимъ и русскимъ языкомъ, увеличивать въ мнѣніи дѣтей трудности перваго, воюду бояться ошибокъ, юмать попусту на каждомъ словѣ голову....

Во 2-хъ, основою для перевода словъ и выраженій евангелія и псалтири онъ избралъ русскій текстъ, изданный Св. Синодомъ. Но при этомъ онъ не принялъ въ соображеніе, что русскій переводъ псалтири сдѣланъ не съ славянскаго ея

текота (и не съ греческаго) и во многихъ мѣстахъ относится къ нему, какъ толкованіе, а часто измѣняетъ и самый смыслъ выраженій. Авторъ въ такихъ случаяхъ выписываетъ выраженіе славянскаго текста, ставитъ при немъ выраженіе изъ русскаго текста и считаетъ оное дѣло конченнымъ. Для примѣра: „Поразилъ еси вся, враждующія ми *всѣ*—Ты поражаешь въ *ламинту* всѣхъ враговъ моихъ“; „Господь рѣшитъ *окованныя*—(Господь) отверзаетъ *очи слѣпыхъ*“; „*отъ камне чиста—изъ чистаго золота*“; „*держава и приближище—каменная гора и ограда*“; „исправи предъ *Тобою* путь *мой*—уровняй предо мною путь *Твой*“; „очи мои возложиша на землю—они устремили глаза *свои*, чтобы низложить меня на землю“ и т. д. Это ли переводъ церковно-славянскаго текста? Это ли обученіе церковно-славянскому языку? Псалтирь проходитъ въ школахъ для цѣлей богослуженія и домашней молитвы, а для этого употребляется славянскій текстъ ея, и этому именно тексту ея нужно обучить дѣтей.

Но тамъ, гдѣ недостаетъ русскихъ переводовъ, авторъ совсѣмъ теряетъ подъ собою почву и то пользуется переводами изъ существующихъ букварей и сборниковъ, повторяя и чужія ошибки, то судить по внѣшнему сходству словъ, при чемъ иногда грубо извращаетъ смыслъ славянскаго текста, на примѣръ: „*Ста въ чинѣ своемъ (Церковь)*—стала въ чинѣ своемъ, т. е. „остановилась въ своей обычной жизни, пришла въ смущеніе“. Это объясненіе онъ ставитъ въ кавычкахъ, но не указываетъ, откуда взялъ его. Полный текстъ этого выраженія: „ста въ чинѣ своемъ, достойно взывающи: слава силѣ Твоей, Господи“—ясно показываетъ не смущеніе Церкви и остановку обычной ея жизни, но, напротивъ, подъемъ жизни, полное возбужденіе ея. Греческій текстъ: ἔστι ἐν τῷ ταῖσι, εἰκότως κραυγᾶς ὁμα.—Такіе переводы и объясненія, какъ: „*ключи Дномъ не вредивши*—не повредившіи

заклученной утробы Дѣвы“ только еще болѣе затемняютъ дѣло.

Нельзя не отмѣтить и небрежности, съ которою авторъ часто относится къ церковно-славянскому тексту. Напримѣръ онъ цитуетъ: „пріятелище невѣстимаго“ и переводитъ: „вмѣстилище Невѣстимаго“. Цитата: „невлажными ногами“, переводъ: „сухими ногами“. Въ подлинникѣ: „невлажными стопами“. Цитатъ: „неплодящая (Церковь)“, переводъ: „безплодная“. Въ подлинникѣ: „языческая неплодящая Церковь“ — и т. п.

Не будемъ отмѣчать другихъ недостатковъ этой книжки, которыхъ въ ней не мало. И по указаннымъ мѣстамъ видно, что не слѣдуетъ пользоваться ею при обученіи церковно-славянскому языку въ начальныхъ училищахъ. Единственный толково составленный отдѣлъ въ ней—переводъ и краткое объясненіе болѣе трудныхъ мѣстъ, встрѣчающихся въ псалмахъ, не вошедшихъ въ часословъ (2, 45—73). Хорошо здѣсь то, что авторъ старался точно держаться православныхъ толковниковъ псалтири, которые указали ему прямой смыслъ и значеніе славянскихъ словъ и выражений ея и не пустили его въ область существующаго русскаго перевода и собственныхъ соображеній. Но ради этого одного отдѣла не стоитъ покупать цѣлой книжки. Найдутся другія, стоящія того.

Къ такимъ стоящимъ книжкамъ мы относимъ предпринятое преподавателемъ Новгородской духовной семинаріи П. Н. Спасскимъ *Общедоступное изъясненіе псалмовъ наиболее употребительныхъ при богослуженіи*. Въ прошломъ году напечатанъ *первый выпускъ* его, заключающій въ себѣ „шестопсалміе“ (Новгородъ, 1886 года, цѣна 25 коп.). Въ слѣдующій выпускъ войдутъ псалмы, читаемые на часахъ.

„Принимая во вниманіе—говоритъ авторъ—то, что при богослуженіи исключительно, а въ быту домашнемъ преиму-

щественно псалтирь употребляется на славянскомъ языкѣ, въ настоящемъ трудѣ своемъ мы предлагаемъ изъясненіе смысла и значенія псалмовъ именно по славянскому тексту“ (Предисловіе). Это вполне отвѣчаетъ нуждѣ начальныхъ училищъ, въ которыхъ псалтирь проходитъ по тому же тексту.

Приемы изъясненія у автора вполне отвѣчаютъ своей задачѣ—общедоступности ихъ; онъ не входитъ въ богословскія изслѣдованія; онъ ограничивается простымъ изложеніемъ ближайшаго смысла текста шагъ за шагомъ и старается ввести читателя въ духъ его, дать осязательно почувствовать особья, ничѣмъ незамѣнимыя, свойства его, почувствовать въ нихъ свое, родное для души, преданной Богу и въ Немъ полагающей все свое упованіе. Тонъ изложенія—бесѣда, совершенно простая, постоянно переходящая въ перифразъ текста, т. е. въ молитвенное настроеніе.

Книжечка эта очень полезна будетъ для учителей, какъ образецъ тона и духа, въ которомъ слѣдуетъ вести въ школахъ объясненія при чтеніи съ дѣтьми псалтири. Назначенная собственно „для простого народа и вообще для людей малообразованныхъ“, она доступна и для старшихъ учениковъ.

При чтеніи часослова и другихъ богослужебныхъ книгъ, для учителей полезно запастись изданіемъ протоіерея Василія Михайловскаго (Спб., домъ Вознесенской церкви, по Екатериненскому каналу): *Словарь православнаго церковно-богослужебнаго языка и священныхъ обрядовъ*. Цѣна съ перес. 70 коп. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого словаря, скажемъ только, что онъ пока единственный въ этомъ родѣ, притомъ полный и довольно точный. При неимѣннн средствъ для выписки этого словаря, полезень будетъ изданный тѣмъ же авторомъ *Словарекъ не совѣстнхъ понятныхъ словъ, встрѣчающихся во св. четвероевангеліи и въ православномъ бого-*

служебн. Цѣна 4 коп. Тутъ помѣщено только самое необходимое. Не можемъ только согласиться съ авторомъ (стр. 1, примѣч.), что „этотъ словарькъ удобно могутъ изучать и дѣти, только-что начавшія читать по-русски бойко, прежде изученія всякихъ другихъ предложеній или сложныхъ уроковъ“. Авторъ едва ли самъ пробовалъ эту мѣру на ученикахъ, иначе онъ увидѣлъ бы всю трудность и бесполезность *такого* изученія для дѣтей. Старшихъ учениковъ можно приучать къ пользованію этимъ словарькомъ.

ИЗДАНИЯ ДЛЯ НАРОДА И ДЛЯ НАРОДНЫХЪ ШКОЛЪ О КРЕЩЕНІИ РУСИ.

Празднованіе 900-лѣтія величайшаго событія въ русской исторіи — крещеніе Руси — достойно и праведно есть воѣмъ классамъ русскаго населенія встрѣтить *едиными устамъ и единымъ сердцемъ*. Нѣтъ нужды распространяться о значеніи этого празднованія. Довольно указать на характеръ совершающихся приготовленій къ нему. Несмотря на все величіе событія, съ которымъ не можетъ сравниться никакое другое въ русской исторіи, мы не видимъ въ этихъ приготовленіяхъ ничего подобнаго даже тѣмъ юбилеямъ, которые совершаются нынѣ по разнымъ общественнымъ и частнымъ случаямъ. Не сегодня, не вчера появились первые, кроме, голоса объ этомъ празднованіи. И съ той поры все какъ будто замолкло: не слышно о воззваніяхъ, приглашеніяхъ, рекламахъ, пожертвованіяхъ, о какихъ-либо затѣяхъ съ цѣлью „увѣковѣчить“ что-нибудь, произвести эффектъ, доставить удовольствіе собравшейся публикѣ и т. п.; все идетъ столь тихо и спокойно, что какъ будто ничего не дѣлается. Да, предстоящее празднованіе и по приготовленіямъ къ нему не похоже на все то, что мы привыкли видѣть и слышать по поводу такъ называемыхъ юбилеевъ. Предъ этимъ праздникомъ умолкаютъ человѣческія страсти, бѣжитъ отъ него блескъ и шумъ мірской; обычная въ подобныхъ случаяхъ суета человѣческая сознаетъ, что она тутъ не у мѣста. Православная русская мысль и православное русское

чувство совершаютъ свое приговленіе къ величайшему празднику—не разсѣваясь на внѣшности, не заботясь о декорумѣ, но сосредоточиваясь на внутреннемъ смыслѣ и значеніи его. Мысль ищетъ большаго и большаго озаренія свѣтомъ событія, которому нѣтъ равнаго въ исторіи, которое опредѣлило все дальнѣйшее бытіе Россіи; чувство проситъ только молитвы, но той молитвы могучей, которую вознесла бы къ престолу Божию вся Россія, отъ края и до края, какъ одна семья, *единными усты и единымъ сердцемъ*, въ благодарность Господу Богу за величайшій даръ Его нашему отечеству—вѣру православную и за всѣ его милости, явленныя отцамъ и праотцамъ нашимъ, по вѣрѣ ихъ, въ теченіи прошедшихъ девяти-сотъ лѣтъ. Предстоящее празднованіе—величайшая православная *митургія* (общественное служеніе) отъ Россіи за Россію. Потому-то, если и слышится что-либо о приготовленіяхъ къ этому празднику, то именно и единственно—о содѣйствіи русскому самосознанію возможно ближе приикнуть къ купели нашего крещенія, возможно глубже войти въ смыслъ и духъ нашего проовѣщенія св. вѣрою, чтобы получить утѣшеніе въ прошедшемъ, ободреніе въ настоящемъ и благодатную помощь для будущаго. Это содѣйствіе выражается по преимуществу въ изданіяхъ, которыя всесторонне разъяснили бы событіе отъ первыхъ моментовъ его до завершения крещеніемъ всей Руси. Слышно, напримѣръ, что въ Кіевѣ готовится изданіе сборника, который имѣетъ обнять всѣ фазисы и всѣ важнѣйшія стороны событія и дастъ образованнымъ классамъ по возможности полную картину его. Слышно, что Петербургское славянское благотворительное общество взяло на свою долю такую же заботу о простомъ народѣ и о народныхъ школахъ и готовится прекрасное изданіе: *Жизнь св. Владиміра*, сочиненіе профессора Кіевской духовной академіи И. И. Малышевскаго, извѣстнаго своими учеными трудами по первоначальной исторіи христіанства въ Россіи и въ славянскомъ

мірѣ. Въ томъ и другомъ родѣ уже появляются (въ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльно) статьи и брошюры, читаются, обсуждаются.... Вмѣстѣ съ тѣмъ идутъ заботы и о помощи въ молитвѣ. Въ Москвѣ собраны старинныя рукописи службы св. Владиміру, по нимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пополнена и внѣшняя церковная служба въ честь его, приложена молитва въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Эта молитва не новая, но взята изъ извѣстной „Похвалы Владиміру“ митрополита Иларіона, пользующейся въ нашей литературѣ, какъ и у нашихъ праотцевъ, столь высокимъ почтеніемъ. Мы будемъ, такимъ образомъ, имѣть утѣшеніе, по прошествіи 900 лѣтъ, молиться *единими усты* съ первыми отцами нашими въ вѣрѣ Христовой, какъ бы стоя съ ними у купели крещенія Руси, и представлять собою весь православный русскій народъ отъ рожденія его во Христвѣ до настоящаго времени.

Дѣло изданій въ разъясненіе великаго событія, въ отношенія образованныхъ классовъ, не представляетъ затрудненій, и, кромѣ усердія людей, стоящихъ у источниковъ исторической истины и правды, ничего болѣе не требуется. Ни мало не служатъ здѣсь препятствіемъ существующія въ древнихъ нашихъ сказаніяхъ по этому предмету разнорѣчія и разнородныя научныя предположенія и догадки, пытающіяся примирить эти разнорѣчія, внести свѣтъ въ промежутки отрывочныхъ свѣдѣній, связать ихъ въ одно цѣлое, —общая мысль и значеніе великаго событія отъ этихъ ученыхъ изысканій только выигрываютъ въ своей ясности и силѣ. Единственный диссонансъ, или попытку къ нему, представило появившееся на столбцахъ одной газеты и перепечатанное нѣкоторыми другими газетами возраженіе противъ празднованія великаго событія въ 1888 году. Авторъ этого возраженія, на основаніи будто бы принятыхъ въ наукѣ рѣшеній, утверждаетъ, что крещеніе Руси произошло въ 989 году, а не въ 988, какъ свидѣтельствуетъ о томъ наша

древнѣйшая лѣтопись. Но автору, очевидно, не извѣстно положеніе научной гипотезы по этому предмету. Полагаемъ, что почтенные въ наукѣ русской исторіи виновники этой гипотезы первые улыбнулись бы легкомыслію нашего времени, если бы увидѣли, что не только принимаютъ ее за историческую истину, но и хотѣли бы подчинить ей такое жизненное явленіе, какъ общерусскій праздникъ. Ни одинъ ученый, несмотря на извѣстное всѣмъ давнее предположеніе праздновать въ 1888 году, не рѣшился обмолвиться противъ этого года даже хотя бы то однимъ словомъ. Имѣемъ возможность заявить, что напечатанная въ „Рус. Вѣд.“ замѣтка, поставившая нѣкоторыя газеты въ недоумѣніе и подписанная буквами *В.ова*, вовсе не принадлежитъ извѣстному московскому изслѣдователю по русской исторіи, котораго фамилія начинается и оканчивается тѣми же буквами. Самая основа означенной гипотезы слишкомъ шатка и легко можетъ быть устранена простой справкою на метеорологической обсерваторіи. Въ настоящемъ ея состояніи, она всего вѣроятнѣе послужитъ только къ большому подтвержденію нашего лѣтописнаго сказанія! Эта гипотеза пока составляетъ достояніе только ученыхъ кабинетовъ, которые знаютъ цѣну ея и умѣютъ обращаться съ нею на пользу науки и просвѣщенія. Похищать ее изъ этихъ кабинетовъ и выдавать за то, чего тамъ и не думали о ней, значитъ профанировать науку и оскорблять тружениковъ ея. Выходка г. *В.ова*, какъ и слѣдовало ожидать, не произвела того впечатлѣнія, на которое рассчитывала: кромѣ повторенія ея главныхъ положеній въ одной—другой газетѣ, никто не придалъ ей иного значенія, кромѣ того, какое она заслуживаетъ. Такимъ образомъ, для образованныхъ классовъ, среди разнорѣчія сказаній и изслѣдованій, имѣется полная возможность сознательно встрѣтить и единодушно проводить праздникъ великаго событія.

Иное дѣло нашъ народъ простой, темный, глядящій на печатное слово съ полнымъ довѣріемъ къ буквѣ его. Разногласія, гипотезы, соображенія, основанныя на разнообразныхъ логическихъ построеніяхъ, здѣсь не умѣстны и могутъ только затемнить и извратить въ глазахъ его все дѣло. Народу нуженъ рассказъ положительный, описанія точныя, а это, при существующихъ разнорѣчіяхъ въ нашихъ древнихъ сказаніяхъ и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, при существованіи значительныхъ пробѣловъ въ нихъ, при множествѣ догадокъ и предположеній, наконецъ по самой крайней отдаленности отъ насъ событія, дѣло весьма не легкое. Съ другой стороны, существуютъ и различные взгляды на характеръ и значеніе событія; между ними есть и такіе, которыми простая гѣрующая душа не можетъ не соблазниться,—есть самыя событія, которыя, будучи переданы въ ихъ отрывочности, безъ умѣлаго освѣщенія общимъ смысломъ и духомъ совершившихся надъ Русью высшихъ судебъ, способны вызвать въ простомъ читателѣ только недоумѣніе. Требуется близкое знаніе народа, чтобы не соблазнить одинаго отъ малыхъ оныхъ.

Большое событіе крещенія Руси издавна привлекаетъ къ себѣ вниманіе печальниковъ народной грамотности. Существуетъ не мало изданій этого рода, появившихся независимо отъ ожидаемаго празднованія 900-лѣтія его. Мысль о празднованіи вызвала уже въ печати нѣсколько новыхъ изданій, кромѣ тѣхъ, которыя приготавливаются къ печати. Значительное число этихъ изданій само собою уже свидѣтельствуетъ о трудности приблизить великое событіе къ пониманію простого народа, о разнородности и обилии поученія въ немъ. Чѣмъ болѣе будетъ выясняться это событіе, и чѣмъ глубже будемъ вникать въ него, тѣмъ обильнѣе окажется въ немъ источникъ поученія и назиданія для народа, и будутъ появляться все новыя и лучшія изданія. Изъ существующихъ уже изданій далеко не всѣ въ этомъ отношеніи

заслуживаютъ вниманія. Лучшія изъ нихъ большею частію представляютъ рѣзкія отличія въ выборѣ и группировкѣ фактовъ, въ ихъ освѣщеніи, въ духѣ и характерѣ изложенія. Въ ожиданіи новыхъ изданій, для всѣхъ, заботящихся о приготовленіи народа и учащихся дѣтей къ предстоящему празднованію, но не имѣющихъ возможности непосредственно ознакомиться съ существующими лучшими изданіями о крещеніи Руси, предлагаемъ краткій обзоръ ихъ съ цѣлію пособить сдѣлать между ними выборъ.

1) И по времени изданія, и по многимъ внутреннимъ достоинствамъ, первое мѣсто между этого рода брошюрами принадлежитъ весьма извѣстному сочиненію профессора К. Бестужева-Рюмина: *О крещеніи Руси, о Владимирѣ святомъ, о сновѣяхъ его и о монастырѣ Печерскомъ*, появившемуся въ первый разъ болѣе двадцати лѣтъ назадъ и съ той поры занимающему первое мѣсто между изданіями по тому же предмету. Время появленія этой брошюры совпадаетъ съ временемъ перваго, сильнаго возбужденія у насъ дѣломъ народнаго образованія, когда народная литература бродила еще въ потьмахъ, руководилась больше порывами гаданія, чѣмъ ясно сознанными нуждами дѣла. То было время увлеченія грубо понятымъ народничествомъ, отразившимся въ народной литературѣ поддѣлкою подъ народный жаргонъ, со всею непосредственностью его понятій и воззрѣній, поклоненіемъ грубому деревенскому реализму. Профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, въ цѣломъ рядѣ брошюръ историческаго содержанія, показалъ, что народу нужно не самодовольство его примитивнымъ состояніемъ, но стремленіе къ общимъ народнымъ понятіямъ и идеаламъ русской жизни, — не закрѣпленіе въ формахъ бѣднаго и темнаго просторѣчія, но развитіе его до степени общелитературнаго языка, — не забавное балагурство, но серьезное чтеніе, которое возбуждало бы въ немъ лучшія и высшія ощущенія, исправляло мысленіе его, облагораживало понятія и стремленія его. Необыкновенный по тогдашнему

времени успѣхъ этихъ брошюръ вполне оправдалъ мысль почтеннаго профессора и много содѣйствовалъ выходу нашей народной литературы на настоящую ея дорогу. Въ числѣ этихъ брошюръ г. Бестужева-Рюмина, означенная нами брошюра была первою по времени и съ той поры выдержала уже шесть изданій (послѣднее появилось въ 1865 г. Главный складъ въ магазинѣ товарищества „Общественная Польза“, С.-Петербургъ, Большая Подьяческая, домъ № 39-й. Цѣна 15 коп.).

Это—самое полное и обстоятельное изданіе для народа о древнѣйшемъ періодѣ Руси. Она начинается изложеніемъ языческаго быта нашихъ предковъ и, шагъ за шагомъ, рассказываетъ о началѣ и постепенномъ устроеніи русскаго государства и о постепенномъ озареніи его свѣтомъ вѣры Христовой до просвѣщенія всѣхъ концовъ его при сыновьяхъ и потомкахъ св. Владиміра. Весь этотъ матеріалъ переданъ въ одномъ сплошномъ разсказѣ на 55 страницахъ убористой печати. Хотя авторъ строго выдерживаетъ главную мысль всего разсказа, но множество отдѣльныхъ эпизодовъ разнообразнаго свойства, обширный періодъ, сложность событія дѣлаютъ книжку его затруднительною для самаго народа, требуя чтенія въ нѣсколько пріемовъ, а потому разсѣвая мысль и ослабляя нить разсказа. Такое чтеніе удобно лишь для лицъ, хорошо обученныхъ въ школахъ и вполне привыкшихъ къ нему, а для учениковъ—только подъ руководствомъ учителя. Если бы авторъ разбилъ весь матеріалъ на нѣсколько особыхъ отдѣловъ или разсказовъ, хотя бы на примѣръ означенныхъ въ заглавіи брошюры, или соответственно содержанию ея: 1) древнѣйшій бытъ русскихъ славянъ, 2) образование русскаго государства, 3) начало христіанства на Руси, 4) св. Владиміръ и крещеніе всей Руси, 5) Печерскій монастырь, — то брошюра отъ этого значительно выиграла бы.

Далѣ: заглавіе брошюры не точно выдерживаетъ содержаніе ея. Заглавіе и самыя начальныя слова ея заставляютъ ожидать, что главнымъ предметомъ брошюры будетъ начало и распространеніе вѣры Христовой на Руси; между тѣмъ содержаніе ея составляетъ преимущественно гражданскій бытъ нашихъ предковъ и первыхъ князей, а религіозныя дѣла вставлены и стоятъ въ нихъ отрывочно, а потому затрудняютъ для читателя представленіе о нихъ. Этими отрывками служатъ рассказы о крещеніи Аскольда и Дира, Ольга и Владиміра. Только послѣдняя часть брошюры занята всецѣло религіознымъ содержаніемъ; именно рассказомъ объ основаніи Печерскаго монастыря и его вліяніи на русскихъ князей послѣ Ярослава. За исключеніемъ этой послѣдней части, изложенной живо, типично, все остальное религіозное содержаніе брошюры недостаточно отбѣнено, а потому и не производитъ должнаго впечатлѣніи на читателей, служа лишь пополненіемъ бытовыхъ свойствъ нашихъ предковъ и первыхъ русскихъ князей. Съ другой стороны, авторъ, слѣдуя лѣтописцу въ подробностяхъ, тонъ и духъ изложенія гражданскихъ событій, къ сожалѣнію, не послѣдовалъ ему и другимъ тогдашнимъ сказаніямъ въ отношеніи событій религіозныхъ, тогда какъ этотъ тонъ и духъ древнихъ сказаній, въ своей основѣ, ничѣмъ не замѣнимъ для нашего народа по своей способности живо запечатлѣть событіе въ памяти и въ сердцѣ его. Живо изложены у автора, по лѣтописцу, черты Ольги до принятія ею христіанства, но блѣдно представлена она въ христіанствѣ, тогда какъ у лѣтописца Ольга-христіанка служитъ однимъ изъ самыхъ тиличныхъ и самыхъ отрадныхъ явленій на зарѣ русскаго христіанства. Подробно рассказавши о мудрости Ольги по устроенію земли русской, еще подробнѣе о хитромъ и жестокомъ мщеніи ея за смерть Игоря, авторъ затѣмъ начинаетъ: „Задумала Ольга креститься: должно бытъ наслышалась о тѣхъ христіанахъ, которыхъ тогда было много въ Кіевѣ“ (стр. 17). Вотъ и весь

переходъ къ великому подвигу Ольги, къ великому перелому въ ея жизни и вліянію на дальнѣйшія судьбы Руси. Холодомъ и скукою обдаетъ читателя этотъ переходъ. Дальнѣйшее изложено въ томъ же тонѣ, а глубоко-характерный отзывъ лѣтописца о значеніи Ольги-христіанки для Руси вовсе опущенъ.—Подробно, по лѣтописи, излагаетъ авторъ обстоятельства крещенія Владиміра и Руси, но также холодно, безучастно. Конечно, мы говоримъ это въ отношеніи читателей, для которыхъ авторъ назначилъ свой трудъ, а не вообще; предоставлять такимъ читателямъ самимъ поискать въ фактахъ должнаго смысла и одушевленія—значить рисковать произвести въ нихъ только скуку и равнодушіе къ событію, особенно при простотѣ и занятости разсказовъ про походы Владиміра, про Рогнеду и другихъ, которыми наполненъ разсказъ о немъ. Одна-двѣ черты вставлены здѣсь совсѣмъ не у мѣста и могутъ повредить и той долѣ впечатлѣнія, какое дается разсказомъ. Разсказавъ, на примѣръ, о крещеніи кievлянъ, собранныхъ для этого на рѣку по приказанію Владиміра, авторъ заключаетъ: „Тогда думали, что можно и насильно спасти душу человѣка“ (стр. 29). Выходка совсѣмъ не умѣстная, особенно въ глазахъ народа, который доселѣ видитъ, что крестятъ, на примѣръ, дѣтей не ожидая, пока они выростутъ и дадутъ на то свое согласіе. Выходка эта и исторически не справедлива, потому что въ крещеніи народа Владиміръ имѣлъ въ виду не только религіозныя цѣли, но и политическія.—Авторъ вообще пытается провести идею о насильственности крещенія Руси. И въ Кіевѣ, по словамъ его, „нашлись такіе, которые не хотѣли креститься и, боясь, чтобы ихъ не заставили креститься насильно, бѣжали въ лѣса“ (тамъ же). Но это—предположеніе, выводъ изъ постороннихъ фактовъ, — зачѣмъ же выдавать его за фактъ такого же свойства, какъ и тѣ, о которыхъ только-что разсказалъ авторъ по лѣтописи! — Передавая разсказъ лѣтописца объ умноженіи разбоевъ въ Кіевѣ и о совѣтѣ епи-

скопа Владиміру казнить разбойниковъ, авторъ дѣлаетъ предположеніе: „можетъ быть, изъ не желавшихъ креститься нѣкоторые ушли въ лѣса и пошли на разбой“ (стр. 34). Подобнаго рода „можетъ быть“ простой человекъ и въ толкъ себѣ не возьметъ и скорѣе всего скажетъ: „тутъ что-то мудрено, не нашего ума дѣло“.—Совсѣмъ иного рода рассказы о насильственномъ крещеніи въ Новгородѣ, въ Ростовѣ, Суздаля, Муромѣ, по Волгѣ, по Шеконѣ, на Бѣлѣ-озерѣ. Это—факты. Но автору слѣдовало отгнѣнить ихъ одною, общимъ чертою, что Новгородъ вообще привыкъ къ вольницѣ и обособленію отъ порядковъ въ центрѣ Руси, а сѣверо-восточное пограничье Руси представляло тогда населеніе по преимуществу инородческое, гораздо болѣе грубое, чѣмъ рускія племена, что, наконецъ, въ средѣ этихъ послѣднихъ племена, что наконецъ въ средѣ этихъ послѣднихъ племенъ, за исключеніемъ новгородцевъ, вѣра Христова принята мирно.

Есть нѣкоторыя невѣрности въ брошюрѣ и фактическія. Напр., говоря о постройкѣ Владиміромъ Десятинной церкви, авторъ замѣчаетъ: „теперь, послѣ татарскаго погрома, остались отъ нея только развалины, и то приходятъ дивиться имъ“ (стр. 33). Никакихъ такихъ развалинъ Десятинной церкви въ Кіевѣ нѣтъ, и Кіевъ давнымъ давно позабылъ о нихъ.—Сербовъ и болгаръ „турки до сихъ поръ держатъ подъ своею властію“ (стр. 3). Впрочемъ, авторъ писалъ свое сочиненіе тогда, когда это дѣйствительно было такъ. Вина его въ томъ, что онъ и доселѣ, въ шестомъ изданіи, не вычеркнулъ этого замѣчанія.

Вообще, разсматриваемое сочиненіе требуетъ не мало исправлений, въ настоящемъ своемъ видѣ оно часто затрудняетъ и читателей, и ихъ руководителей. Будетъ очень жаль, если почтенный авторъ оставитъ его въ томъ же видѣ и тѣмъ слишкомъ ограничитъ или и вовсе прекратитъ распространеніе ея въ народѣ, какого она заслуживала бы по своимъ высокимъ качествамъ—языка точнаго, строгаго, вмѣстѣ съ

тѣмъ простаго и яснаго для народа,—изложенія спокойнаго, типичнаго въ большинствѣ случаевъ.—основательнаго знанія древнѣйшаго быта Руси.

2) Второе, по времени изданія, стоящее вниманія сочиненіе по тому же предмету принадлежитъ священнику (нынѣ протоіерееу) В. Пѣвцову. Авторъ раздѣлилъ свой трудъ на двѣ части и надалъ его въ двухъ отдѣльныхъ брошюрахъ: 1) *Начало христіанства на Руси и крещеніе ея*,—2) *Распространеніе и утвержденіе христіанства въ Россіи послѣ св. Владиміра*. Обѣ брошюры напечатаны въ 1876 году тѣмъ же Товариществомъ „Общественная Польза“, каждой цѣна съ пересылкой 15 коп.

Авторъ, въ противоположность брошюрѣ г. Бестужева-Рюмина, держится исключительно въ кругѣ фактовъ христіанства на Руси, не отвлекаясь ни къ какимъ другимъ, какъ бы они ни казались необходимыми для пополненія и уясненія хода великаго событія. Отъ этого сочиненіе его въ историческомъ отношеніи представляется одностороннимъ. Для пополненія и оживленія своихъ разсказовъ, авторъ пользуется всѣми благочестивыми преданіями и ставитъ ихъ въ рядъ съ фактами историческими, нисколько не отгѣняя ихъ, какъ таковыя. Таковы въ первой брошюрѣ разсказы его о посѣщеніи Руси ап. Андреемъ, объ Аскольдѣ и Дирѣ, о св. Ольгѣ, о Ярополкѣ и нѣкоторыя черты въ жизни Владиміра. Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду цѣль поучительную, авторъ счумѣлъ поставить свой разсказъ такимъ образомъ, что въ разсказѣ нѣтъ натянутости и утрировки, и все служитъ простому и дѣйствительному поученію.

Первая брошюра представляетъ послѣдовательный рядъ преданій о началѣ и постепенномъ распространеніи христіанства на Руси, а затѣмъ, по лѣтописи, о крещеніи Руси при св. Владимірѣ. Все здѣсь строго выдержано, все просто и тождково. Не слѣдовало бы только автору вдаваться въ такія

подробности, которыя положительно не извѣстны или составляютъ плодъ умозаключеній, понятныхъ только въ процессахъ для немногихъ. Такихъ мѣстъ у автора не мало. Они, впрочемъ, легко исправимы. Не вѣрно у автора сказано, что церковь Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ построена *на мѣстѣ* бывшаго здѣсь Воздвиженскаго монастыря, — она построена не вдали отъ этого мѣста. — Аскольдовой Могилой въ Кіевѣ называется не церковь св. Николая, но самый холмъ, на склонѣ горы, на которомъ построена эта церковь. — Нѣтъ основанія утверждать, что церковь эта построена *близъ* мѣста погребенія Аскольда, а также, что св. Ольга построила въ Кіевѣ церковь св. Софій. — Ни откуда не извѣстно, чтобы сынъ варяга-христіанина, обреченный въ жертву языческимъ богамъ, былъ въ то время *младенцемъ*; гораздо справедливѣе полагать, что онъ былъ юношей, а потому нельзя утверждать и того, что „младенецъ-мученикъ Іоаннъ“, мощи коего „находятся въ кіевскихъ пещерахъ“, есть именно сынъ этого варяга. *Святое мѣсто*, гдѣ крещенъ былъ народъ кіевскій, изстари называлось *Крещати-комъ*. Но Крещатикомъ называется вся мѣстность, по которой теперь проходитъ главная улица того же имени; она получила свое названіе отъ формы креста, образуемой двумя долинами между взгорьями, называемыми Печерскомъ, или Липками и Старымъ городомъ. Присвоено это названіе часовнѣ надъ источникомъ у Днѣпра единственно потому, что она, какъ и источникъ, находятся на послѣднемъ склонѣ одного конца *крещатаго дола* къ Днѣпру, здѣсь оканчивается этотъ долъ, *Крещатикъ*. Не мало въ Южной Россіи и Галиціи имѣется мѣстностей съ названіемъ *Хрещатый Яръ*, *Хрещатая Долина* или просто *Хрещатикъ*. Недоразумѣніе относительно кіевского *Крещатика*, какъ мѣста крещенія кіевлянъ, со времени церковной процессіи къ нему въ день св. Владиміра, установленной въ шестидесятыхъ годахъ, усиливается все болѣе и болѣе и попадаетъ уже въ нѣ-

сколькихъ брошюрахъ для народа. Названіе главной мѣстности *Крещатицкой* дало поводъ нѣкоторымъ предполагать, что тутъ въ старину протекалъ ручей, въ которомъ *крещены* сыновья Владиміра. Предположеніе это нѣкоторыми, съ голоса археологовъ 17 вѣка, повторяется и доселѣ. Но старина рѣшительно ничѣмъ не дала повода предполагать здѣсь ручей такой, напротивъ, свидѣтельствуеть, что по этой мѣстности, вдоль и поперекъ, проходили дороги: въ Берестово, въ Кловъ, въ Лыбедь. Самая эта мѣстность, вдоль; имѣя оба конца наклонные—одинъ къ Днѣпру, другой къ Лыбеди—не допускаеть никакого предположенія о возможности тутъ такого ручья, въ которомъ можно было бы даже скупаться. — Тѣмъ болѣе, по нашему мнѣнію, нельзя выдавать предъ народомъ за положительный фактъ такое предположеніе, которое противурѣчитъ и ясному указанію источниковъ, и духу времени, и въ наукѣ еще не вполне установилось. Къ такимъ положеніямъ мы относимъ сказъ, будто Владиміръ, „истребивши идоловъ, послалъ священниковъ по городу учить народъ вѣрѣ христіанской. Священники были по большей части изъ Болгаріи и говорили языкомъ, понятнымъ для русскихъ славянъ. Иные кіевляне принимали вѣру и крестились, другимъ же все еще не хотѣлось разставаться съ прежнею вѣрою. Наконецъ Владиміръ велѣлъ объявить по всему Кіеву, чтобы всѣ, отъ мала до велика, на другой же день явились къ рѣкѣ креститься“ (стр. 24). Съ недавняго времени этотъ сказъ особенно нравится нѣкоторымъ рассказчикамъ про старину нашу и повторяется, иногда даже со многими прикрасами, почти во всѣхъ изданіяхъ для народа послѣдняго времени. Прямой источникъ событія передаетъ, что Владиміръ, истребивши идоловъ, послалъ по городу приказъ всѣмъ явиться на рѣку на другой день. Не будемъ говорить о томъ, какимъ образомъ началось сомнѣніе въ вѣрности этого свидѣтельства лѣтописи. Появленіе этого сомнѣнія довольно ясно совпадаетъ съ временемъ силь-

наго возбужденія у насъ толковъ о свободѣ совѣсти, о религиозномъ насиліи, о необходимости предварительнаго наученія въ вѣрѣ, о значеніи разумѣнія истинъ вѣры и т. д. Кто усумнится въ справедливости и высотѣ этихъ идей! Но не всегда же онѣ одинаково ясны были въ сознаніи человѣчества и отдѣльныхъ народовъ, тѣмъ болѣе не всегда служили руководствомъ для правителей въ дѣлѣ крещенія массъ. Переносить наши понятія объ этихъ предметахъ на то темное время, когда едва пробиваются сквозь мглу языческую первые лучи христіанства, и рисовать Владиміра гениемъ нашего времени—это противно всякому понятію объ исторіи и самой природѣ сознанія. И теперь, прочитавъ простому человѣку рассказъ о крещеніи кіевлянъ, а затѣмъ рассказъ по любой брошюрѣ съ подобными толкованіями, мы убѣдимся, что симпатіи его на сторонѣ лѣтописнаго сказа. Что могло привести языческой толпѣ, собираемой на улицахъ и площадяхъ, наученіе въ истинахъ Христовой вѣры? Какіе апостолы и учителя вдохновенные нужны для подобнаго наученія! Если бы еще эта толпа похожа была, по развитію религиознаго духа и по вѣрѣ въ откровеніе, на толпу, собравшуюся воелѣ дома апостоловъ, по сошествіи на нихъ Св. Духа, а не эта русская тогдашняя толпа, среди которой не замѣтно было даже жрецовъ-учителей, не замѣтно какой бы то ни было системы религиозной, общихъ понятій о вѣрѣ, о Богѣ, о нравственной жизни и под. Не было никакихъ знаній, потребныхъ въ доказательствахъ высшихъ истинъ и т. д.! Если бы намъ извѣстенъ былъ хотя одинъ изъ тогдашнихъ священниковъ! Положимъ, что пришли на ту пору овященники изъ Болгаріи. Ужъ то ли пришли богословы, а не послѣдніе простаки? Ужъ то ли подвинулись они сюда призваніемъ апостольства, а не иными побужденіями! Притомъ, какъ ни близокъ былъ тогда языкъ болгарскій къ русскому, но для простой толпы и въ обыденной рѣчи онъ все-таки только кое въ чемъ могъ быть понятенъ, а въ истинахъ

новой вѣры что могъ онъ объяснить ей? Только спутать темные умы могъ онъ, озадачить—ничего болѣе. *Могли* быть своя священники, *могли* придти изъ Венгерской Руси... Нѣтъ, все это дышитъ только грубою натяжкою, не имѣющею притомъ никакихъ причинъ и серьезныхъ побужденій. Не тотъ вѣкъ, не та эпоха, не тѣ люди, не таковы понятія—все не то, что могло бы поддаться подобнымъ толкованіямъ. Если бы и возможно было подобное наученіе, то чѣмъ оно лучше того, о которомъ положительно свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, т. е. о живомъ примѣрѣ, живомъ вліяніи князя и бояръ? Напротивъ, въ состояніи челоуѣка, въ какомъ находились тогда эти кіевляне, живой примѣръ во сто кратъ могущественнѣе всякихъ наученій, возможныхъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ.—Говоримъ все это только во имя исторической правды. Если этимъ историческимъ фактомъ злоупотребляли иногда въ послѣдующей нашей исторіи, то не отрицаніемъ или извращеніемъ его можно исправить подобныя злоупотребленія. Не мѣсто здѣсь однако объясненіямъ по этому предмету....

Во второй своей брошюрѣ о. Пѣвцовъ, рассказавъ о крещеніи новгородцевъ и сѣверо-восточныхъ окраинъ, при чемъ, въ противоположность брошюрѣ г. Бестужева-Рюмина, довольно ясно высказавши, почему въ этихъ мѣстахъ Владиміръ и преемники его прибѣгли къ насилію, рисуетъ помѣсь христіанскихъ понятій того времени съ языческими и весьма удачно примѣняетъ эту картину къ нынѣшнему двоевѣрью въ народѣ и располагаетъ своихъ читателей къ грамотности и просвѣщенію, какъ надежному способу къ устраненію такихъ противурѣчій въ вѣрованіяхъ и въ жизни.

3) Учрежденная, по Высочайшему повелѣнію, министерствомъ народнаго просвѣщенія комиссія по устройству народныхъ чтеній разновременно издала нѣсколько коротенькихъ брошюръ по частнымъ предметамъ изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства на Руси (всѣхъ

пять). *Г. Кочетовъ* изъ этихъ брошюръ составилъ одну, изданную тою же комиссіей въ 1884 году подъ заглавіемъ: *Начало христіанства на Руси* (35 стр. Цѣна 15 коп.). Она читана была въ аудиторіяхъ комиссіи предъ собраніемъ многочисленныхъ слушателей, при чемъ чтеніе сопровождалось свѣтовыми картинами (всѣхъ 37) событій, лицъ и мѣстностей, входящихъ въ составъ разсказа.

Ничего нѣтъ благодарнѣе, какъ составлять подобныя сочиненія по существующимъ уже брошюрамъ, а не по источникамъ, повѣреннымъ изслѣдованіями. Это значитъ—бродить въ потьмахъ, принимать на вѣру всякій сказъ, искать опоры для выбора ихъ только въ собственномъ вкусѣ, искать освѣщенія ихъ только въ собственномъ настроеніи. *Г. Кочетовъ* испыталъ на себѣ эту неблагодарность. Общій планъ его брошюры напоминаетъ только-что разсмотрѣнное нами сочиненіе о Пѣвцова.... Но въ выборѣ фактовъ для разсказа у него нѣтъ достаточныхъ основаній, нѣтъ руководящей нити; такую нить и освѣщеніе событій даетъ ему только собственное одушевленіе. Авторъ проникнуть глубокимъ одушевленіемъ, отъ начала до конца. Но это одушевленіе для него самого недостаточно прояснено, а потому оно порывисто, иногда безпричинно, часто искусственно, заставляя его прибѣгать къ выдумкамъ, къ подрисовкѣ событій. Вотъ, на примѣръ, какую придумываетъ онъ встрѣчу Владиміру въ Кіевѣ, при возвращеніи его изъ Корсуны. „Слухъ о крещеніи Владиміра распространился по Кіеву еще до прибытія туда князя, и языческіе жрецы сразу потеряли значеніе у народа. Показались на Днѣпрѣ ладьи княжескія, и толпами народъ хлынулъ къ берегу. Вышли на берегъ митрополитъ и епископы, со священниками и діаконами, и съ молитвою ступили на русскую землю. При радостныхъ кликахъ народа сошли на берегъ и князь съ молодою княгинею. Взглянулъ Владиміръ на своихъ подданныхъ, пожалѣлъ объ ослѣпленіи и невѣжествѣ ихъ и далъ обѣтъ крестить весь русскій на-

родъ“ (стр. 26). Весь этотъ фактъ выдуманъ, и все въ немъ раздуто, фальшиво. Особенно характерно въ немъ, будто жрецы „сразу потеряли значеніе у народа“ отъ одного слуха о крещеніи Владиміра (а вслѣдъ засимъ авторъ будетъ говорить объ упорствѣ многихъ въ язычествѣ, нежеланіи креститься, о наученіи, наставленіи, принужденіи къ тому....), и что Владиміръ только здѣсь далъ обѣтъ крестить народъ.— А вотъ и картина крещенія народа. „Къ назначенному часу огромныя толпы народа уже стояли на мѣстѣ, ожидая крещенія. Владиміръ, вмѣстѣ съ митрополитомъ и священниками, прибылъ на берегъ Почайны и, по данному имъ знаку, тысячи народа—мужчины и женщины, дряхлые старцы и дѣти—благоговѣнно вступили въ рѣку. Когда настало время, весь стоявшій въ рѣкѣ народъ трижды погрузился въ воду —и въ водахъ Почайны исчезла Русь языческая, и явилась Русь христіанская, православная“ (28)! Подобныя громкія фразы, безъ заботы о правдѣ, разсѣяны по всей брошюрѣ.— Великое событіе не нуждается въ подобныхъ выдумкахъ и прикрасахъ, которыя только затемняютъ его въ глазахъ народа и возбуждаютъ въ немъ только фальшивыя представленія и ощущенія.

Языкъ этой брошюры соответствуетъ ея духу и тону, вовсе не тотъ простой и прямой, который въ такихъ предметахъ понятенъ и вразумителенъ для народа. Иногда авторъ забываетъ о своихъ читателяхъ и выражается языкомъ ученыхъ: „Люди почитали богами (?) *различныя силы природы*“ (3).... „*Непосредственное знакомство* съ св. Писаніемъ было для нихъ не доступно“ (6).... Вѣра христіанская „*въ основу дѣятельности челоутка полагаетъ* любовь“... и мн. др. Иногда, напротивъ, онъ подрисовываетъ его, поддѣлывая на народный ладъ: „Послы приходили къ Владиміру *потолковать* о своей вѣрѣ“ (20)... „*Задумала* Ольга отправиться въ Константинополь“ (11; у Бестужева: „*Задумала* Ольга креститься“...). Странно самое начало этой бро-

шюры. „Въ наше время весь русскій народъ, *за весьма немногими исключеніями*, исповѣдуетъ вѣру Христову“ (3). Кого разумѣетъ авторъ подъ этими *исключеніями*? Христіане бываютъ добрые и худые, всякіе,—но гдѣ онъ слыхалъ о русскихъ не-христіанахъ? Не разумѣетъ ли онъ заводскихъ и сибирскихъ язычниковъ или русскихъ евреевъ? Но народъ никогда не признавалъ ихъ за русскихъ.

4) *О томъ, какъ жили наши отцы (,) и какъ князь Владиміръ крестилъ русскій народъ.* Разсказъ для народа. Воронежъ. 1887 г. М. Рубцова. Изданъ по поводу 900-лѣтія крещенія Руси. Оттискъ изъ Воронежскихъ епархіальныхъ вѣдомостей.

Эта брошюра представляетъ весьма оригинальное явленіе не только въ ряду изданій о крещеніи Руси, но и вообще въ народной литературѣ. Въ противоположность общепринзанному способу бесѣды съ народомъ объ историческихъ событіяхъ, т. е. сообщенія ему простыхъ свѣдѣній о предметѣ, въ простомъ, положительномъ изложеніи, помогающемъ ему уяснить мысль событія и примѣнить ее къ жизни, авторъ задался цѣлію дать народу высшее знаніе о предметѣ, добываемое въ ученыхъ кабинетахъ тяжелымъ и длиннымъ процессомъ выспихъ соображеній, разслѣдованій, дознаній. Онъ относится къ существующимъ сказаніямъ, какъ къ шифрамъ, подъ которыми скрывается иной смыслъ, доступный только посвященнымъ въ тайны ихъ. Древнія сказанія являются у него легендами, туманомъ древности, сквозь который проникаетъ только зоркій, изощренный глазъ. Замысль смѣлый, вполне оригинальный, способный подстрекнуть любопытство и возбудить самыя разнообразныя ощущенія въ той средѣ, для которой сочиненіе назначается, и которой не доступны пути къ высшему знанію.

Брошюра, соотвѣтственно заглавію ея, представляетъ двѣ части: въ первой (1—12) излагается языческій бытъ

русскихъ славянъ, во второй (12—33)—постепенное просвѣщеніе ихъ св. вѣрою и крещеніе всей Руси при св. Владимірѣ. Первая часть составлена по предварительной части въ брошюрѣ г. Бестужева-Рюмина, съ кое-какими перемѣнами въ ней, не имѣющими значенія. О ней мы не будемъ говорить, тѣмъ болѣе, что весь смыслъ этого сочиненія—во второй части.

Все изложеніе этой второй части направлено къ выясненію той мысли, что въ дѣлѣ просвѣщенія Руси христіанскою вѣрою нѣтъ тѣхъ особенностей, какія даются буквальнымъ текстомъ нашихъ древнихъ сказаній и представляютъ все дѣло въ чертахъ, довольно рѣзко отличающихъ русскій народъ въ семьѣ другихъ народовъ, просвѣщенныхъ свѣтомъ христіанства. Повсюду царитъ обыкновенный порядокъ вещей: умъ, знаніе свѣта и людей, стремленіе къ лучшему, разнообразныя выгоды,—словомъ—очевидное превосходство свѣта предъ тьмою, разума предъ невѣжествомъ.

Первые лучи христіанства появились на Руси, по мнѣнію автора, не съ востока, но съ запада. Не Греція посылала намъ первыхъ провозвѣстниковъ вѣры Христовой, но балтійское побережье, въ лицѣ варяговъ. Авторъ вовсе не упоминаетъ о древнѣйшихъ преданіяхъ на Руси, сложившихся подъ вліяніемъ твердаго убѣжденія въ появленіи перваго зова ея ко Христу съ востока, со стороны грековъ, каковы преданія о св. апостолѣ Андреѣ, о вліяніи христіанства изъ Крыма, объ Аскольдѣ и Дирѣ. Онъ не придаетъ даже особеннаго значенія путешествію св. Ольги въ Константинополь. По его мнѣнію, первыми нашими учителями въ вѣрѣ Христовой, какъ и первыми цивилизаторами, были варяги. „Варяги,—говоритъ онъ,—были народъ бравый... *Всроятно* варяги, знавшіе христіанскую религію раньше, чѣмъ русскіе, не разъ посмѣивались надъ нашими божками, сдѣланными изъ глины да изъ дерева, да и сдѣланными-то не

покусно. Но, посмѣваясь надъ божками и идолами древнихъ славянъ, варяги *не могли* скрывать вѣры христіанской, которую нѣкоторые изъ нихъ уже исповѣдывали. Это *первый и древнѣйшій способъ*, посредствомъ котораго наши предки *могли* познакомиться съ христіанскою вѣрою“ (7 и 12). На этихъ-то простыхъ житейскихъ отношеніяхъ авторъ полагаетъ краеугольный камень разсказа для народа о величайшемъ событіи въ исторіи Россіи. Онъ не замѣчаетъ несообразности въ своемъ изложеніи, когда утверждаетъ, что варяги вообще смѣялись надъ божками и учили христіанству, но прибавляетъ вслѣдъ затѣмъ, что только „нѣкоторые“ изъ нихъ были христіанами. Тутъ же высказываетъ онъ и другое противурѣчіе своей мысли, именно—что „въ то время, когда у насъ основывалось государство, т. е. *около* 862 года, на Руси было не мало христіанъ, которые спокойно жили въ Кіевѣ и другихъ городахъ“ (12). Прямое заключеніе отсюда, что—значить—христіанство на Руси появилось до пришествія варяговъ и независимо отъ вліянія ихъ. Но авторъ не обращаетъ на это никакого вниманія. Другое прямое предположеніе отсюда: не тогда ли устроена въ Кіевѣ и церковь во имя пр. Іліи, о которой только мимоходомъ упоминается при Игорѣ? Но авторъ почему-то (конечно, въ подтвержденіе своей мысли о значеніи варяговъ) утверждаетъ, что эта церковь „*построена* была при Игорѣ“. Далѣе: на убѣжденія матери креститься, Святославъ ссылается на свою дружину, какъ на главное препятствіе къ тому. Авторъ объясняетъ этотъ фактъ соображеніемъ, что въ то время христіанъ въ средѣ дружинниковъ было еще мало. Такимъ образомъ, единственнымъ основаніемъ его мысли о значеніи варяговъ, какъ первыхъ проповѣдниковъ христіанства на Руси, остается убѣжденіе, что они, какъ люди бывалые, были образованнѣе русскихъ.—Онъ признаетъ затѣмъ, что христіанство приходило къ намъ и отъ грековъ,

но все же главную роль въ этомъ святомъ дѣлѣ оставляетъ за варягами.

Все шло первоначально путемъ бытовыхъ ежедневныхъ вліяній варяговъ на русскихъ: насмѣшками и под. дѣлали великое дѣло,—язычество слабѣло, а „христіане все увеличивались и увеличивались въ числѣ, потому что, живя среди окружающихъ себя (?) язычниковъ, они, *по нравственному долгу, не могли* молчать о своей вѣрѣ и скрывать ее: *это ни для чего не было нужно*. Наоборотъ, несравненно *вѣроятнѣе думать*, что они объясняли своимъ роднымъ язычникамъ свою вѣру и уговаривали принять ее. *Такимъ* образомъ христіанская вѣра *могла* у насъ скоро и быстро распространяться... Толки о новой вѣрѣ у воѣхъ были на устахъ... Все это *не могло* быть не извѣстно и князю... И *несомненно* предпринимались какія-либо мѣры, чтобы успокоить волненіе. Какія это были мѣры, *до насъ не дошло объ этомъ свидѣній*. Изъ отсутствія гоненій *можно заключить*, что, *вѣроятно*, и сами князья сочувствовали христіанству“ (стр. 12 и 13). Положимъ, что все это такъ и было. Но что поймутъ въ этой цѣпи вѣроятностей и выводовъ тѣ читатели, для которыхъ авторъ назначаетъ свое сочиненіе? Не говоримъ уже о томъ, что вынесутъ они отсюда разумаго и поучительнаго о постепенно приближающемся днѣ спасенія всей Руси. Не сто-кратъ ли разумнѣе и поучительнѣе сказали бы имъ объ этомъ тѣ преданія и рассказы лѣтописные, которыми авторъ такъ гордо пренебрегъ во имя своихъ хитросплетеній? Почему эти преданія менѣе достовѣрны и осмысленны для народа, чѣмъ все эти: „по нравственному долгу не могли“, „можно заключить, что вѣроятно“, „это ни для чего не было нужно“, „какъ менѣе образованные“ и т. п.?

Въ лицѣ Владиміра авторъ находятъ того человѣка, который нуженъ былъ среди такихъ обстоятельствъ, чтобы, умѣло воспользовавшись ими, утвердить христіанство на Руси. Конечно, оно такъ и было. Съ-поконъ вѣка вся Русь смо-

трѣла и смотреть на Владиміра, какъ на орудіе Промысла Божія въ спасеніи Россіи и воздаеть ему за это честь. Но у автора здѣсь своя мысль,—именно: Владиміръ всѣмъ обязанъ въ этомъ дѣлѣ только своему уму; ни св. Ольга, никто другой не подготовили его къ христіанству, самъ онъ все понялъ своимъ умомъ, разсчиталъ выгоды и невыгоды дѣла и исполнилъ свой планъ умно, практично. Авторъ справляется съ своею задачею такъ: беретъ умнаго правителя вообще, снабжаетъ его логическими приѣмами и вообще психологическими условіями нашего времени, духомъ нашего вѣка и ставитъ его на мѣстѣ Владиміра. Все выходитъ просто, естественно, разумно, только не для простого ума и не для тѣхъ, кто сколько-нибудь знаетъ и уважаетъ исторію. „Владиміръ—говоритъ авторъ—былъ увлекающійся юноша, къ тому же поощряемый своимъ дядей, грубымъ язычникомъ Добрыней; но онъ былъ кромѣ того еще человѣкъ, который, какъ впоследствии оказалось, стоялъ головой выше своихъ современниковъ, даже выше своего злого генія Добрыни... *Какъ умный человекъ, Владиміръ долженъ былъ думать о томъ, что онъ дѣлаеть, а, думая, онъ не могъ не прийти къ сознанию* всей неблаговидности и непристойности затѣянныхъ имъ потѣхъ. Душа его *не могла* ими удовлетворяться... Владиміръ *не могъ не видѣть* всей бездѣльности и всей неразумности своихъ попытокъ возстановить язычество... Онъ *могъ* стыдиться и за язычество... Ему *стыдно было* и христіанъ... Посему, *нѣтъ ничего удивительнаго*, если въ немъ, какъ *человѣкъ мыслитель*, началась сильная *внутренняя борьба*, приведшая его вскорѣ къ рѣшимости измѣнить свои убѣжденія и жизнь“ (17 и 18). Выходитъ—дѣйствительно умный человѣкъ, со всѣми строго послѣдовательными душевными процессами нашего времени, составляющими плодъ долгаго историческаго опыта и образованія, но человѣкъ искусственный для своего времени, ходульный, объ исторію въ немъ и помину нѣтъ.

Еще одинъ шагъ—и уже вся эпоха поставлена будетъ на ходули. Авторъ смѣло справился съ ней. По поводу убійства двухъ варяговъ—христіанъ, онъ рисуесть слѣдующую картину. „Это событіе *должно было* произвести *потрясающее* впечатлѣніе *на всѣхъ*, въ томъ числѣ и на Владиміра. Слова варяга: „ваши боги—дерево“, сказанныя *публично, всенародно*, и мученическая смерть варяговъ за свою вѣру *должны были* быть предметомъ *смущенія, удивленія и волненія во всемъ Кіевѣ*. Не одинъ язычникъ, *откровенно*, повадумался надъ страннымъ значеніемъ ихъ. *Въ самомъ дѣлѣ*, ихъ языческіе боги унижены, названы деревомъ, а между тѣмъ они безмолвствуютъ, и не совершалось никакого знаменія, которое бы показывало, что они существуютъ и чувствуютъ нанесенное имъ оскорбленіе. Безмолвны стояли кумиры, какъ предъ своими почитателями, такъ и поносителями! *Не могъ* не задуматься надъ тѣмъ же и Владиміръ. Что же въ самомъ дѣлѣ я дѣлаю? *могъ* спросить онъ себя. Къ чему гублю людей? можетъ быть, напрасно? Не буду ли я виновенъ? А дружина между тѣмъ *прямо говорила*: да, князь, ты заблуждаешься, ты напрасно губишь людей; истуканы безмолвствуютъ и не въ силахъ защитить себя. Увѣруй же въ истиннаго Бога... Эти слова произвели въ немъ опасительную рѣшимость *перемѣнить вѣру*“ (21). Дружина, стало быть, оказалась даже умнѣе самого Владиміра! Та самая дружина, которая, какъ передаетъ лѣтописецъ, сама, подпивши, рѣшила предать въ жертву богамъ сына варяга, сама исполнила казнь надъ отцомъ и сыномъ!—Раздувая далѣе событія въ томъ же духѣ, авторъ доводитъ ихъ, самъ того не замѣчая, до комизма, въ которомъ Владиміръ является какимъ-то тупымъ, нерѣшительнымъ, забавнымъ. Сказаніе лѣтописи о посольствахъ отъ Владиміра для испытанія вѣрѣ и о совѣщаніяхъ по этому случаю при дворѣ его авторъ дешифрируетъ слѣдующимъ образомъ. „Тысячи вопросовъ охватили душу Владиміра, жаждавшую перемѣны

вѣры, тосковавшую по ней, но не знавшую, какъ *вытутаться изъ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ она находилась...* Дружина, конечно, его успокоивала, старалась ободрить говоря, что язычество не такъ сильно, какъ онъ думаетъ, что среди язычниковъ есть масса такихъ, которые держатся его только по приказанію князя... что многіе съ любовію воспоминаютъ его бабку св. Ольгу и называютъ ее мудрѣйшею изъ людей за то, что она давно рѣшилась и приняла христіанскую вѣру... Да, князь, говорили ему христіане—дружинники, если бы греческая вѣра не была самой лучшей, ее не приняла бы твоя бабка Ольга. А иные бывальцы въ Константинополѣ говорили: „мы никогда не забудемъ той красоты, которую мы тамъ видѣли: и какъ всякій человекъ, какъ скоро отвѣдаетъ сладкаго, уже не будетъ потомъ хотѣть горькаго, такъ и мы дальше не хотимъ оставаться въ язычествѣ“. Были у Владиміра и внѣшніе дѣла, отвлекавшія его отъ мысли о христіанствѣ. „Но и за всѣми этими дѣлами—повѣствуетъ авторъ—Владиміръ не забывалъ тоски души своей. Онъ вдругъ озадачивалъ дружину неожиданнымъ вопросомъ: „ну, что-жъ, когда и гдѣ намъ креститься?“—„Гдѣ тебѣ любо, князь, только крестись“, отвѣчала дружина и убѣждала не медлить. Но, поговоривши, Владиміръ обыкновенно заканчивалъ свою рѣчь тѣмъ, что говорилъ: „подожду еще не много“ (23—25).

За то послѣдній актъ своего великаго дѣла, именно крещеніе народа, Владиміръ, по отзыву автора, „исполнилъ такъ, какъ только можетъ исполнить человекъ въ высшей степени разсудительный и осторожный. Зная, что немедленно крестить весь народъ нельзя, потому что масса его далеко-далеко не была столь же внутренне готовою къ воспріятію новой вѣры, какъ напр. его дѣти и дружина,—что одно только таинство, безъ разумѣнія его смысла и значенія, не могло быть полезно для крещающихся,—что для нихъ нужно было найти достаточное число воспріемниковъ, зная все это,

Владиміръ рѣшилъ прежде разъяонить народу сущность новой вѣры и совершить крещеніе не вдругъ, а по частямъ. Для достиженія этой цѣли, онъ заставлялъ знающихъ руской языкъ священниковъ ходить по городу, учить народъ новой вѣрѣ и убѣждать креститься. Онъ даже лично принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Одни, по словамъ автора, убѣждались и крестились охотно, другіе не охотно, иные совсѣмъ отказывались. Последнимъ строго приказано было явиться на рѣку для крещенія. Многіе однако не послушались, „бѣжали въ лѣса и степи, гдѣ одѣлались разбойниками, доставившими вполнѣтвіи не мало хлопотъ Владиміру“ (27 и 28).

Приведенныя выписки достаточно характеризуютъ возрѣнія г. Рубцова на величайшее событіе въ русской исторіи и отношеніе къ источникамъ его. И жалко, и смѣшно! Авторъ всюду говоритъ тономъ рѣшительнымъ, докторальнымъ, въ полной увѣренности, что его сказъ—последнее слово науки,—что въ каждомъ отдѣльномъ положеніи своемъ онъ имѣетъ опору въ ученыхъ авторитетахъ. Но онъ совершенно обманываетъ въ этомъ и себя, и своихъ читателей, вовсе не понимаетъ смысла и значенія ученыхъ изысканій по этому предмету и только профанируетъ науку предъ народомъ.

Наука русской исторіи давно уже трудится надъ выясненіемъ древнѣйшаго, наиболѣе темнаго, періода въ ней. Древнія наши сказанія, отрывочныя, часто противурѣчащія другъ другу, часто основанныя на темныхъ преданіяхъ, подвергаются тщательной критикѣ, и тамъ, гдѣ все еще далеко до очевидной истины, все еще остаются пробѣлы и темныя пятна, пытливый умъ устремляется къ догадкамъ и вѣроятностямъ, вполнѣ понимая ихъ цѣну и умѣя обращаться съ ними на пользу науки. Это трудъ громадный, глупо почитенный, но мало благодарный. Это настоящая Сязи-

фова работа. Вотъ добыто, съ величайшимъ усилиемъ, многими руками, очищено и уложено на подобающемъ мѣстѣ новое положеніе, повидимому ярко озаряющее мракъ событій; но вдругъ появляется какое-либо случайное открытіе или болѣе острый взглядъ,—это новое положеніе летитъ внизъ, свѣтъ отъ него оказывается фальшивымъ. Начинаются новые поиски. Несмотря на долгія усилія изслѣдователей, работа эта все еще не выходитъ изъ области предположеній, догадокъ. Вся она ограничивается сферою ученыхъ кабинетовъ и профессорскихъ кафедръ и предлагается образованному кругу не какъ положительное знаніе, но какъ толчка къ высшей умственной дѣятельности, къ умственному оживленію и бодрости. Одинъ изъ самыхъ горячихъ поборниковъ этой сферы изслѣдованій въ области нашей церковной исторіи, предпринявшій огромный трудъ, чтобы свести всѣ наши древнія сказанія о просвѣщеніи Руси св. вѣрою, всѣ ученія предположенія, догадки и мнѣнія по этому предмету и освѣтить все это въ своемъ собственномъ воззрѣніи, говорить: „О томъ, что только предполагается, само собою понятно, не можетъ быть никакихъ положительныхъ рѣчей“ (Ист. рус. цер. Е. Голубинскаго. Т. I, пер. половина I т., стр. 143). Ни одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ изслѣдователей въ этой области не рѣшится замѣнить для простого народа простыя, столь близкія къ нему по духу, понятныя и поучительныя, древнія наши сказанія, чтобы, въ замѣнъ ихъ, толкнуть его въ широкую область догадокъ, предположеній, мнѣній, споровъ и под., тѣмъ болѣе обратитъ для него въ „положительныя рѣчи“ то, „что только предполагается“. Закрывать для народа доступный для него и обильный источникъ, дабы устудить языкъ его каплями новой воды, вовсе не привычной для него, не совѣтъ еще чистой, или же тушить привычный для народа, хотя и довольно тусклый, свѣточъ, чтобы минутно озадачить его искорками новаго свѣта, это было бы легкомыслиемъ.

Г. Рубцовъ согрѣшилъ, такимъ образомъ, и предъ наукой, и предъ народомъ. Онъ совершенно не понялъ нашихъ древнихъ сказаній, отнесшись къ нимъ съ пренебреженіемъ, — не понялъ и значенія ученыхъ изслѣдованій, выбравъ изъ нихъ то, что показалось ему самоновѣйшимъ, и обративши ихъ въ „положительныя рѣчи“. Общая мысль его, для которой онъ воспользовался этими изслѣдованіями, о томъ, что просвѣщеніе Руси св. вѣрою было только продуктомъ обычнаго историческаго хода вещей, что всѣмъ этимъ дѣломъ въ концѣ концовъ „мы обязаны Владиміру“, какъ умному политику, понявшему выгоды христіанства для государства и для частной жизни,—эта мысль, слишкомъ односторонняя, только холодомъ обдасть и пригнететъ тѣхъ читателей, для которыхъ онъ назначилъ ее. Если бы онъ отнесся къ древнимъ сказаніямъ безъ предубѣжденія, то нашелъ бы въ нихъ, помимо разногласій, неполноты, легендъ, нѣчто общее, глубоко правдивое, живое и возвышенное, составляющее *едино на потребу* для ума простаго, для души искренно вѣрующей и для всего русскаго народа. Это—мысль объ особенномъ, Божіемъ посѣщеніи Руси, явленномъ въ просвѣщеніи ея св. вѣрою, о самой вѣрѣ христіанской, какъ высшемъ дарѣ опасавшейся благодати Божіей, наконецъ о св. Владимірѣ, какъ орудіи этой милости. Какъ всякій народъ имѣетъ свою особую исторію, свою личность; такъ и русскій народъ имѣетъ свои особенности, сказывающіяся въ великихъ событіяхъ его исторіи. Эти свойства характеризовали его вступленіе въ семью христіанскихъ народовъ, много вліяютъ на его личность, самобытность въ христіанствѣ и налагаютъ на него соотвѣтственныя обязательства. Эта-то мысль, съ ея ближайшими чертами, и должна лечь въ основу разсказа для народа о величайшемъ событіи въ нашей исторіи. На этой основѣ наука оказала бы автору только самую благодѣтельную помощь и, конечно, не допустила бы обходиться съ ея матеріаломъ такъ, какъ обошелся съ нимъ г. Рубцовъ.

Мы остановились на этой брошюрѣ такъ долго потому, что она слишкомъ переполнена прегрѣшеніями, притомъ готова завалить ихъ на другихъ, съ больной головы на здоровую, и остановились только для того, чтобы настоятельнѣе предостеречь отъ нея тѣхъ читателей, для которыхъ авторъ назначаетъ свое сочиненіе.

5) Совершенную противоположность съ брошюрой г. Рубцова составляетъ рядъ разсказовъ, предложенныхъ почтеннымъ издателемъ столь извѣстныхъ въ народѣ „Троицкихъ Листковъ“. Это—шесть разсказовъ, обнимающихъ періодъ отъ перваго благовѣстія св. вѣры въ предѣлахъ нынѣшней Россіи до крещенія ея при св. Владимірѣ, именно: 1) *Св. апостолъ Андрей Первозванный*,—2) *Равноапостольная Ольга*,—3) *Русскіе первоученики*,—4) *Избраніе вѣры*,—5) *Крещеніе Руси*,—6) *Владиміръ—Христіанинъ*. Духъ и складъ „Троицкихъ Листковъ“ слишкомъ извѣстны, чтобы распространяться здѣсь о нихъ. Въ христіанской вѣрѣ есть благодатная сила, всѣмъ одинаково доступная, всѣхъ объединяющая, книжныхъ и не-книжныхъ. Почтенный издатель этихъ „Листковъ“ самъ проникся этою силою,—и вотъ разгадка широкаго распространенія ихъ во всѣхъ классахъ общества. И образованный, и темный человѣкъ читаютъ ихъ легко и съ назиданіемъ. Авторъ ясно доказалъ, что въ дѣлахъ вѣры для простаго народа не нужно изобрѣтать особаго языка, склада рѣчи, нужно только говорить искренно, сердечно, съ полною любовію къ нуждамъ христіанскимъ, съ благостію и снисхожденіемъ къ немощамъ человѣческимъ,—и голосъ вашъ найдетъ откликъ въ глубинахъ души, которая „по самой природѣ своей—христіанка“—Тѣмъ же духомъ и складомъ проникнуты и всѣ „Листки“ о началѣ христіанства на Руси. Авторъ нимало не заботится о критическомъ отношеніи къ древнимъ сказаніямъ,—истинный, чистый духъ вѣры служить для него лучшимъ руководителемъ въ выборѣ и освѣщеніи фактовъ и преданій, имѣя въ

виду одно—доброе, чуждое всякихъ фальшей, поученіе и назиданіе. Самый строгій критикъ не будетъ на него въ претензіи за допускаемыя по мѣстамъ, на взглядъ исторіи, произвольныя объясненія и показанія, ибо не увидитъ въ нихъ никакой тенденціи и фальши, а только простой недосмотръ, столь свойственный всякому человѣческому дѣлу. Мѣсть такихъ въ разсматриваемыхъ Листкахъ весьма не много, и то въ родѣ слѣдующихъ.

Ольга „передала управленіе государствомъ сыну, *чтобы свободнѣе заниматься дѣлами благотворенія*“.

Крещеніе кievлянъ совершилось „1-го августа 988 г.“.

Св. вѣра „слила—соединила въ одну родную семью разныя мелкія племена, населявшія русскую землю. Гдѣ, напр., эта *Чудь*, эти Вятичи и другія племена“?

„Иноземные священники... не могли такъ успѣшно распространять вѣру Христову, какъ священники свои родные—въ русскихъ, *и потому Владиміръ велѣлъ заводить школы*...“ Конечно, была и эта забота у Владиміра, но мысль его о школахъ вовсе не ограничивалась одною потребою пастырства.

Названіе Велосъ вм. Велесъ есть, конечно, опечатка.

Адресъ: Сергіевъ Посадъ, Москов. губ., въ Редакцію „Троицкихъ Листовъ“. Цѣна за 100 Листковъ съ перес. *одинъ рубль*.

6) Въ Москвѣ же издана, въ прошломъ году, брошюра подъ заглавіемъ: *Начало христіанства на Руси*. Издана она Обществомъ ревнителей религіозно-нравственнаго чтенія, которыми предпринятъ цѣлый рядъ изданій. Въ ряду этихъ изданій названная брошюра есть девятая по счету. Она заключаетъ въ себѣ изложеніе событій до смерти св. Ольги. Нужно, значитъ, ожидать, что Общество издастъ рассказы и о дальнѣйшемъ распространеніи христіанства на Руси, по крайней мѣрѣ до крещенія ея при св. Владимірѣ.

Общество поставило цѣлю своихъ изданій „дать читателямъ чтеніе назидательное по содержанию, доступное по изложенію и возможно обстоятельное по раскрытію взятаго предмета, такъ чтобы читающій самъ могъ отличить то, что истинно, спасительно и церковно, чего нужно держаться строго, отъ того, что ложно, что служить къ соблазну“... Эту задачу издатели выполняютъ въ предложенной брошюрѣ достаточно. Начинается она скорбно о начавшемся въ половинѣ 9-го вѣка раздѣленіи Церкви на восточную и западную. „Но Господу Богу угодно было—говорится затѣмъ—при томъ же патріархѣ (Фотіѣ), какъ будто въ вознагражденіе вселенской Церкви за отдѣленіе отъ нея западной, положить первое твердое основаніе своей вѣры на далекомъ холодномъ сѣверѣ, въ громадныхъ предѣлахъ нынѣшней Россіи“ (5). Излагается затѣмъ происхожденіе славянскаго племени, расселеніе русскихъ славянъ, ихъ языческій бытъ (6—12), рассказъ о посѣщеніи нашихъ странъ ап. Андреемъ и свидѣтельства древности о непрерывности христіанства въ южныхъ предѣлахъ Руси. Далѣе рассказываются преданія объ Аскольдѣ и Дирѣ (17—22), наконецъ рассказъ о св. Ольгѣ (22—30). Оканчивается рассказъ тронаремъ и кондакомъ въ честь Ольги.

Не извѣстно, однако, для какого круга читателей назначалась эта брошюра. Простому человѣку и дѣтямъ многое покажется здѣсь не по нимъ. Такъ, говоря о началѣ христіанства въ южной части Россіи, въ нынѣшнемъ Крыму, авторъ выражается: „Извѣстно, что сосланный сюда римскій епископъ Климентъ уже нашелъ здѣсь болѣе 2000 христіанъ“ (14 и 15). Далѣе: „во время *моноелитскихъ* споровъ были сосланы сюда св. исповѣдникъ Макоимъ“... (15) Предполагаются, значитъ, читатели, уже знающіе обстоятельства ссылки св. Климента, и что такое моноелитство. „*Нати мѣтосьи ничего не говорятъ* объ этомъ крещеніи Аскольда и Диры (20)... *Ничего не извѣстно изъ нашихъ*

Летописей о томъ, были ли въ Кіевѣ христіане при Олгѣ“ (21)... Эти и подобныя выраженія также предполагають бесѣду не къ простому народу и не къ дѣтямъ, иначе пришлось бы предварительно выяснить для нихъ, что такое лѣтопись, какое значеніе имѣетъ она для исторіи, какъ отличать въ ней истину отъ легенды и т. д. Таковъ однако весь тонъ разсказа. „Русскій народъ сливалъ божество съ міромъ, въ жизни природы видѣлъ жизнь Самого Бога, высшего существа, управляющаго міромъ, и вотъ бездушная природа стала у него живымъ существомъ, притомъ, неизмѣримо высшимъ его самого, обладающимъ таинственными для него свойствами и качествами. И нашъ предокъ преклонялся предъ этою невѣдомою силою и сталъ благоговѣть предъ природою, какъ предъ божествомъ, и кланяться ея явленіямъ, какъ божествамъ. Такъ вся природа у русскаго язычника была богомъ. Но такъ какъ тѣ главныя явленія природы, которыя обыкновенно вліяютъ на занятіе земледѣліемъ, происходятъ на небѣ, то и первымъ богомъ у нашихъ предковъ явилось небо“... (9) Очевидно, что это бесѣда не съ народомъ, а съ классомъ гораздо болѣе просвѣщеннымъ, чѣмъ обыкновенная народная масса. Классъ образованный не нуждается въ подобныхъ брошюрахъ, онъ найдетъ для себя чтеніе, въ которомъ для него освѣтятся факты и легенды, преданія и достовѣрныя событія, картина развернется шире и полнѣе, удовлетворитъ любознательности гораздо болѣе, чѣмъ этотъ подборъ ихъ, въ которомъ все говоритъ одинаковымъ докторальнымъ тономъ и въ скромныхъ размѣрахъ. — Въ нашихъ столицахъ давно уже существуютъ такъ называемыя *народныя чтенія*. Собирается на нихъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, не со всѣмъ простой людъ, а большею частію довольно грамотный, особенно же лощеный по столичному, читавшій и газеты, и кое-какія книги, слыхавшій разныя рѣчи. Для такихъ читателей разсматриваемая брошюра пригодится.

7) *Св. равноапостольный князь Владимиръ и крещеніе русскаго народа.* Составилъ свящ. Василій Преображенскій. С.-Петербургъ. Изд. И. П. Сидорскаго. 1867 г. 40 стр. Цѣна 15 коп.

О. Василій Покровскій составилъ овой рассказъ о св. Владимирѣ и о крещеніи Руси, не выходя изъ предѣловъ жизни равноапостольнаго князя. Начинается онъ родословною князя и оканчивается смертію его. Необходимыя дополненія и поясненія изъ предыдущаго періода размѣщаются въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ рассказа, нисколько не нарушая естественности его хода. Рассказъ составленъ въ существѣ дѣла просто и толково, ведется живо отъ начала до конца. Но авторъ, при несомнѣнномъ искреннемъ одушевленіи, увлекся народнымъ складомъ рѣчи, складомъ рѣчи народныхъ былинъ, и тѣмъ слишкомъ повредилъ всему дѣлу. Извѣстно, какъ хорошъ и пригожъ этотъ складъ тамъ, гдѣ царитъ широкая удалъ русская, гдѣ съ нею слились и черты христіанскія, какъ черты бытовой уже окрѣпшей жизни. Но далеко не таково событіе перваго просвѣщенія Руси св. вѣрою. Тутъ царитъ не удалъ, а то тревожная вдумчивость, то спокойная преданность, то восторженное благоговѣніе. Таково должно быть и изложеніе этого событія. Во многихъ мѣстахъ авторъ невольнo входитъ въ характеръ событія и говоритъ просто, спокойно—и это лучшія мѣста въ его брошюрѣ. Но едва остановишься на нихъ, какъ вдругъ пронесется цѣлый вихорь фразъ—то удалыхъ, то безпричинно порывистыхъ, и скачутъ онѣ, и пляшутъ, и несутся не-вѣсть куда, только мѣшая спокойному вниманію и благоговѣнному чувству. Уже въ самомъ предисловіи опредѣляется этотъ складъ и тонъ рѣчи. Сказавши о приближающемся праздникѣ 900-лѣтія крещенія Руси, авторъ заключаетъ его: „Такъ будемъ же славить нашего роднаго, равноапостольнаго и святаго князя Владимира. Для праздника великаго воспомянемъ съ вами родную старину, какъ русскій народъ

онъ крестилъ, вѣровать и жить по Божію научилъ“. — „Свя-
 тый и равноапостольный князь Владиміръ, креститель род-
 ной Руси, по отчеству звался Святославичемъ“. Такъ начи-
 нается разскавъ. Довольно бѣгло затѣмъ сказавши о креще-
 ніи, жизни и смерти св. Ольги, авторъ оживаетъ. „Не
 долго прожилъ въ Кіевѣ Святославъ по смерти матери своей.
 Скучно ему было безъ войны. Собираетъ онъ удалыхъ дру-
 жинниковъ. Въ полуденныя страны, въ богатую Болгарію,
 рѣшилъ князь идти... Но кто же на Руси править будетъ?
 Не долго думаетъ объ этомъ братолюбивый князь. Дѣти под-
 ростають. Что за бѣда, если они еще юны! Совѣтники ста-
 рые будутъ помогать имъ въ управленіи. Вадумано—сдѣ-
 лано... Не долго собирался князь въ путь, дальній походъ.
 Кликнулъ кличь, и собралися храбрые дружинники, удалые
 витязи. Въ Болгарію держитъ путь русская рать. Новыя
 земли, богатыя страны добывать ее князь ведетъ“... (6 и 7).
 Но не одни походы удалой дружины настраиваютъ автора
 на этотъ ладъ. Вотъ, послѣ браней, удовольствій и приволь-
 ной жизни, приходитъ время особаго Божія посѣщенія Вла-
 диміру, который повтому часто углубляется въ себя. Плати
 дань вѣку и признавая въ религіозныхъ побужденіяхъ Вла-
 диміра основы только политическія, авторъ не видитъ при-
 чины и самому задуматься надъ этими симптомами въ душѣ
 его, выходитъ у него дѣло просто, даже игриво. „Молодъ
 онъ былъ, но умогъ и разумогъ не обиженъ. Какъ ни по-
 ложи, а все выходило, что русская языческаая вѣра груба,
 низка и смутна“. Послѣ нѣсколькихъ походовъ, „успокоился
 князь. Не предвидится новаго похода. Сосѣди живутъ мирно
 и дани плотятъ. Пора, пора отдохнуть. Есть дѣло и дома.
 Много видѣлъ народовъ князь. Бывали въ дружинѣ его за-
 морскіе отважные варяги. Зналъ хорошо онъ и грековъ.
 Доходили вѣсти изъ Болгаріи, Чехіи и Польши. То дивно,
 что у грековъ науки и искусства процвѣтають... Хорошо
 бы и на Руси это завести. Да какъ же сдѣлать это? Гдѣ

взять учителей?.. А хорошо бы было войти въ общеніе съ образованными народами. Крѣпкую думу думаетъ князь“... (16 и 17). Мало похоже это на „крѣпкую думу“.—Прошла молва о поискахъ князя русскаго за новою, лучшею вѣрою. Стали являться къ нему послы отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ вѣры. „Спросъ вѣдь не бѣда, говорится въ пословицѣ. Испытать счастье нужно“. Пришли „послы болгарскіе, повѣдали ему свою вѣру... Въ сладость послушалъ Владиміръ рѣчь магометанъ о загробной жизни съ женщинами“. Ушли болгары ни съ чѣмъ. „Нѣмцы пожелали испытать счастье... Оказалось не совсѣмъ исправно и у нѣмцевъ“. Пришли и евреи. „Почему бы и имъ не повѣдать русскому князю о вѣрѣ своей?.. То дивно, пришли люди предлагать свою вѣру и ничего сказать не умѣютъ въ похвалу ея“... Кончились совѣщанія при дворѣ Владиміра о вѣрѣ. „Собираетъ русскій князь удалыхъ дружинниковъ и ратныхъ людей. Воевать съ греками хочетъ Владиміръ. Въ 987 г. двинулся съ войскомъ онъ... Шлетъ Владиміръ въ Царьградъ пословъ. Несутъ они греческимъ царямъ, Василю и Константину, недобрую вѣсть“... Приведенныя выписки достаточно характеризуютъ тонъ разсказа. „Совершилось по истинѣ превеликое дѣло крещенія жителей стольнаго города“, восклицаетъ авторъ въ заключеніе картины крещенія кievлянъ („по довольномъ наученіи“!). Но читатель изъ всего разсказа автора не выноситъ убѣжденія, что дѣйствительно „совершилось превеликое дѣло“. Все время онъ настроенъ былъ на тонъ болѣе удалой, чѣмъ сосредоточенный и благоговѣйный, въ ожиданіи величайшаго событія. Прекраснымъ обращеніемъ къ Руси заканчиваетъ авторъ свой разсказъ. Но оно плохо вяжется съ духомъ его. Стоитъ пожалѣть обо всемъ этомъ.

8) *Въ память девятисотлѣтія крещенія Руси. Житіе св. Равноапостольнаго князя Владиміра.* Изд. С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Составилъ профессоръ И. И. Малышевскій. С.-Петербургъ, 1888 года.

Профессоръ Малышевскій, извѣстный въ литературѣ многими учеными изслѣдованіями по церковной исторіи, особенно по древнему періоду ея, строго взвѣсилъ все подробности великаго событія, о которыхъ существуютъ въ нашей литературѣ самыя разнородныя мнѣнія, и представилъ наиболѣе точный выборъ изъ нихъ и наиболѣе точное изложеніе ихъ для народа. Онъ отвергнулъ все, что не выходитъ изъ области догадокъ и предположеній, хотя бы эти догадки имѣли за собою и авторитетныя въ наукѣ имена, и принялъ только то, что имѣетъ все свойства достовѣрности, и о чемъ можно вести положительный разсказъ, каковой долженъ быть исключительною формою историческаго изложенія для народа. На этомъ пути онъ строго выдержалъ себя и въ отношеніи къ благочестивымъ преданіямъ, во множествѣ окружающихъ купель нашего крещенія. Многіе изслѣдователи болѣе или менѣе ослабляютъ, нѣкоторые вовсе устраняютъ значеніе этихъ преданій. Другіе, напротивъ, не только принимаютъ ихъ въ цѣломъ видѣ, но и, ради обилія благочестивыхъ назиданій въ нихъ, пользуются разными обстоятельствами тогдашняго времени, чтобы снабдить ихъ подробностями, изъ которыхъ потомъ дѣлаютъ выводы въ отношеніи другихъ фактовъ и т. д., далеко уклоняясь отъ исторической почвы и тѣмъ не укрѣпляя, но ослабляя силу назиданія ихъ. Авторъ не склонился ни на ту, ни на другую сторону и представилъ эти преданія въ ихъ чистомъ видѣ, а потому и выводы изъ нихъ получены наиболѣе точныя и дорогіе для дѣла. Все изложеніе у него не выступаетъ изъ предѣловъ положительнаго разсказа, чуждо догадокъ и личныхъ мнѣній и под. и даетъ читателю простую и здоровую пищу для ума и для сердца. Отъ начала до конца сочиненія явственно проходитъ предъ читателемъ мысль о томъ, что вѣра Христова есть даръ Божій людямъ,

величайшій, безмѣрный по спасительнымъ продамъ его для воѣхъ сторонъ человѣческаго быта, что даръ этотъ подается всѣмъ, кто ищетъ его съ искреннимъ расположеніемъ, чистымъ сердцемъ, укрѣпляется и возрастаетъ доброю жизнью и заботами объ общемъ благѣ, что принятіе русскимъ народомъ вѣры православной, греко-восточной, есть особенное дѣйствіе Промысла Божія, побуждающее насъ къ особенной благодарности Господу Богу и къ особенному старанію дожить св. вѣрою нашею. Фактическая сторона представлена авторомъ съ вполне достаточною полнотою и ясностью. Изложеніе сжатое, тонъ повсюду ровный, спокойный, языкъ простой, точный.

Для удобства читателей, авторъ раздѣлил свой рассказъ на девять главъ. Въ первой изъ нихъ онъ говоритъ о путяхъ Промысла Божія, постепенно приготавливавшихъ рускій народъ къ принятію вѣры Христовой и направлявшихъ его въ этомъ св. дѣлѣ къ востоку, къ грекамъ. Пути эти особенно ясно сказались: въ самомъ географическомъ положеніи страны, заселенной русскими племенами, въ проповѣди св. апостола Андрея, въ неизбѣжныхъ бытовыхъ отношеніяхъ къ грекамъ, въ примѣрѣ св. Ольги, любимой всею землею русскою. Въ слѣдующихъ шести главахъ ведется рассказъ о св. Владимірѣ, о постепенномъ приготовленіи его самого и народа къ принятію вѣры православной, о крещеніи Руси и о мѣрахъ, принятыхъ Владиміромъ къ устройству всего быта государственнаго и народнаго по духу христіанскому. Восьмая глава рассказываетъ о смерти и погребеніи Владиміра и о почтеніи къ памяти его народа русскаго. Въ послѣдней главѣ авторъ обращается ко всему русскому народу съ глубоко прочувствованнымъ словомъ, убѣждая его хранить и приумножать величайшій даръ Божій, посланный ему чрезъ св. Владиміра.

Внѣшность этого изданія богатая, роскошная. Къ нему приложено изображеніе св. Владиміра, исполненное на золо-

томъ фонѣ по рисунку профессора Кошелева. На обложкахъ съ внѣшней стороны помѣщены художественно исполненныя изображенія предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ памяти св. Владиміра и крещенія Руси, именно: храмы въ честь св. Владиміра, строящіеся въ Кіевѣ и Херсонесѣ, церковь св. Спаса на бору, развалины Десятинной церкви, памятникъ св. Владиміру въ Кіевѣ и такъ называемая Крещатицкая часовня въ Кіевѣ же. На внутренней сторонѣ обложки напечатанъ тропарь св. Владиміру, положенный на ноты 4-го гласа. Цѣна за экземпляръ съ изображеніемъ св. Владиміра 15 коп., безъ изображенія 10 коп., отдѣльно изображеніе 10 коп. Адресъ: Въ С.-Петербургѣ, Совѣтъ Славянскаго Благотворительнаго Общества, площадь Александровскаго театра, д. № 7.

9) *Въ память девятистолѣтія крещенія Руси.* Сборникъ для народнаго чтенія. Изданіе редакціи журнала „Церковно-приходская Школа“. Кіевъ. 1888 г.

Это самое полное изъ всѣхъ существующихъ изданій для народнаго чтенія о великомъ событіи крещенія Руси. Здѣсь собраны и подробно изложены всѣ благочестивыя преданія и лѣтописныя сказанія, очищенныя и освѣщенныя историческою критикою, отъ преданія о первомъ благовѣстїи св. вѣры ап. Андреемъ на горахъ Кіевскихъ до крещенія всей Руси при св. Владимірѣ. Изданіе, въ 58 стр. 8^о, для удобства чтенія, раздѣлено на четыре отдѣльныя статьи: 1) Предисловіе, съ изложеніемъ великихъ, незамѣнимыхъ благодѣяній, принесенныхъ св. вѣрою для нашего отечества; 2) Начатки христіанства въ землѣ русской и первые христіане въ Кіевѣ; 3) Св. равноапостольная великая княгиня Ольга; 4) Св. равноапостольный великій князь Владиміръ. Вторая, третья и четвертая статьи раздѣлены на небольшія главы.

Въ предисловіи, послѣ изложенія краткихъ указаній благодѣяній св. вѣры для всего русскаго народа, въ исто-

рїи и быту, выражается пожеланіе, „да будетъ (предстоящее) празднество празднествомъ и церковно-приходской школы и всякой доброй христіанской школы. Девятисотлѣтіе крещенія Руси есть подлинно девятисотлѣтіе и нашей школы. Ибо съ торжествомъ христіанства явилась у насъ и школа, по волѣ самого Просвѣтителя нашего... Въ память сего да растеть и въ средѣ насъ любовь къ благому книжному обученію и чтенію. Почтимъ добрымъ чтеніемъ и дни приближающагося празднества, особенно чтеніемъ о томъ, что воспоминается нами въ семъ празднествѣ“.

Вторая статья, въ пяти короткихъ главахъ, начинается мыслию о постепенности въ порядкѣ призванія народовъ Промысломъ Божиимъ къ свѣту вѣры Христовой и затѣмъ излагаетъ благовѣстіе св. апостола Андрея на горахъ Кіевскихъ, распространеніе св. вѣры въ южныхъ частяхъ нашего отечества въ IV-мъ вѣкѣ, по свидѣтельству св. Іоанна Златоуста, проповѣдь св. Кирилла и Меодія у Хазаръ, владѣвшихъ русскими племенами по Днѣпру и самимъ Кіевомъ въ IX вѣкѣ, отношеніе первыхъ русскихъ князей къ Греціи и появленіе въ Кіевѣ цѣлой общины христіанъ при Игорѣ.

Третья статья, въ шести главахъ, подробно излагаетъ все болѣе достовѣрныя свѣдѣнія и преданія о св. Ольгѣ, какъ въ язычествѣ ея, такъ и въ христіанствѣ, подробно говоритъ о пребываніи ея въ Константинополь и апостольскихъ подвигахъ ея въ Кіевѣ, о смерти и прославленіи ея.

Объ эти статьи написаны опытною рукою: несмотря на туманъ, облегающій сказанія и преданія этого древнѣйшаго періода, несмотря на большое разнорѣчіе нашихъ изслѣдователей въ объясненіи ихъ, авторъ весьма удачно освѣтилъ ихъ, устраняя въ то же время все крайности и увлеченія въ объясненіяхъ ихъ, и представилъ подробную и живую картину непрерывности Высшаго попеченія о странѣ нашей въ призваніи и приготовленіи ея къ св. вѣрѣ, все

болѣе и болѣе распространявшейся въ ней, располагавшей сердца къ торжеству ея по всей землѣ нашей.

Четвертая статья, въ четырехъ, болѣе обширныхъ, главахъ излагаетъ житіе св. Владиміра и просвѣщеніе всей земли русской св. крещеніемъ. Первая глава направлена къ возбужденію въ читателяхъ благодарности Господу Богу за просвѣщеніе нашего отечества св. вѣрою и за всѣ благодѣянія, принесенныя ею отцамъ и праотцамъ нашимъ и приносимыя намъ на всѣхъ путяхъ жизни. Оканчивается молитвою къ Господу Богу, да не оставитъ насъ, но пробавитъ милость Свою на землѣ нашей и на родѣ нашемъ, да и сыны сыновъ нашихъ и вся русская держава до скончанія вѣка твердо пребываютъ въ св. вѣрѣ Христовой. Вторая глава излагаетъ жизнь Владиміра въ язычествѣ. Третья глава заключаетъ разсказъ о постепенномъ приготовленіи самого Владиміра къ принятію вѣры Христовой и о крещеніи его въ Корсуни. Четвертая глава описываетъ крещеніе кіевлянъ и всего русскаго народа, а также говоритъ о мѣрахъ къ большому и большому утвержденію св. вѣры въ умахъ и сердцахъ народа, наконецъ,—о смерти и прославленіи св. Владиміра. Статья эта отличается обиліемъ примѣненій къ читателю и соотвѣтственныхъ наставленій. Для характеристики приведемъ примѣръ. Сказавши объ учрежденіи Владиміромъ школъ и о скорби матерей, провожавшихъ своихъ дѣтей въ эти школы, авторъ говоритъ далѣе: „Не такъ ли и нынѣ нѣкоторые подобятся этимъ матерямъ, когда говорятъ: „зачѣмъ дѣтей учить грамотѣ? Ни мы, ни отцы наши не знали ея и не читали книгъ“. Такіе люди, будучи по имени христіанами, поступаютъ, какъ язычники, только что крестившіеся, но привыкшіе ходить во тьмѣ, въ слѣпотѣ. Владиміръ добро на добро приложилъ людямъ, заповѣдавъ по крещеніи учить дѣтей книгамъ. Если хотимъ твердо стоять въ вѣрѣ и имѣть отъ нея то добро, какое даетъ она, то да не будемъ слѣпыми, но научимся, во что вѣровать и

какъ жизнь свою устроить по вѣрѣ и по заповѣдямъ Божиимъ. Все это написано въ св. евангеліи, въ книгахъ церковныхъ, въ писаніяхъ св. отцевъ и людей мудрыхъ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, посылая учениковъ Своихъ во весь міръ, заповѣдалъ имъ: *Идите научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.* Итакъ, *наученіе* есть такая же заповѣдь Божія, какъ и *крещеніе*. Если мы скажемъ, что вѣруемъ въ Господа нашего Іисуса Христа, а не разумѣемъ того, во что именно подобаетъ вѣровать и какъ творить доброе по вѣрѣ, то какая намъ польза! Стѣны остаемся, какъ во тьмѣ ходимъ, не зная, гдѣ добро, гдѣ зло для насъ. Достигши нынѣ девяностолѣтія отъ времени крещенія нашего царства, мы ничѣмъ лучше не можемъ возблагодарить Господа Бога и св. Владиміра, какъ положивъ на сердцѣ своемъ учить нашихъ дѣтей писаніямъ святымъ, и да будетъ отнынѣ по всей Руси такъ: гдѣ церковь, тамъ и школа“.

Къ книгѣ этой приложено изображеніе св. Владиміра, Кіево-Печерской Лавры, церковей Андреевской и Десятинной въ Кіевѣ, памятника св. Владиміру въ Кіевѣ же и др. Цѣна этой книжкѣ необыкновенно дешевая: 5 коп. Адресъ: „въ редакцію „Церковно-приходской Школы“ въ Кіевѣ“.

РАЗБОРЪ КНИГЪ, ИЗДАННЫХЪ ДЛЯ НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ ШКОЛЪ.

Дружонъ. Русскій Букварь, съ наставленіемъ для обучающихся по звуковому способу въ 30 уроковъ выучить читать и писать. Н. Ф-въ. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Москва 1886 г.

„Наставленіе для обучающихся“ заключается въ предисловіи къ Букварю подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ обучающему по этому букварю“, и въ примѣрныхъ урокахъ обученія азбукъ.

Первая изъ этихъ статей начинается: „Открытіе звуковъ, съ цѣлію обученія грамотѣ, нельзя распредѣлить по урокамъ, такъ какъ это зависитъ отъ развитія обучающихся дѣтей, ихъ памяти и мышленія. Естественно, чѣмъ менѣе развиты дѣти, тѣмъ на большее время можно протянуть процессъ открытія звуковъ, дабы они хорошо проработали *бы* и сознательно усвоили каждый новый звукъ“... Не всякій изъ обучающихся, даже хорошо подготовленныхъ, сразу пойметъ, что авторъ разумѣетъ подъ выраженіемъ „открытіе звуковъ“. Терминъ этотъ принадлежитъ ему одному. Оказывается далѣе, что онъ означаетъ количество буквъ для изученія на урокъ. Все это предисловіе занято наставленіемъ по части „открытія звуковъ“. Тутъ изложены общія наставленія о томъ, что и какъ дѣлать учителю при обученіи азбукъ по методу автора, ничѣмъ впрочемъ не отли-

чающемуся отъ обыкновеннаго слогоараздѣлительнаго метода, сопровождаемаго обученіемъ и письму.

Общія эти наставленія онъ затѣмъ поясняетъ на самыхъ, примѣрныхъ, урокахъ. Первый урокъ. „Учитель, показывая дѣтямъ осу, спрашиваетъ: дѣти, что это такое?— Д. Оса.— Уч. Да, это оса. Это, что вы видите (указывая на осу), есть *предметъ*, а что вы сказали, есть *слово*. Всѣ предметы мы можемъ только видѣть, а говорить можемъ только слова“. Этотъ первый шагъ характеризуетъ и весь дальнѣйшій ходъ и характеръ примѣрныхъ уроковъ автора. И взять-то осу въ руки—довольно хитро, и процессъ ловли ея можетъ возбудить смѣхъ, а показывать осу нарисованную или засушенную—не будетъ того смысла, какой, какъ увидимъ далѣе, соединяетъ авторъ съ показываніемъ ея. Но, минуя это обстоятельство, какъ можно съ перваго же шагу говорить дѣтямъ о такомъ дѣлѣ, какъ отличіе въ словѣ *предмета* отъ самаго *слова*? Нѣтъ никакой возможности на этихъ порахъ, да и какой бы то ни было нужды, вызвать въ дѣтскихъ головахъ такой анализъ. Можно заставить ихъ затвердить фразу объ этомъ различіи, но это значитъ сразу притуплять дѣтское пониманіе, а не возбуждать его. Авторъ однако не смущается этимъ обстоятельствомъ и обращаетъ „особенное вниманіе учителей“ на требованіе, „чтобы понятіе о словѣ и предметѣ и о различіи между ними хорошо вѣзалось въ памяти дѣтей“. Что касается дѣйствительнаго пониманія этого дѣла, то и самъ авторъ путается въ немъ. „Всѣ предметы—говоритъ онъ—мы можемъ только видѣть“. А слышать, обонять, осязать?... „Говорить же—продолжаетъ онъ—можемъ только слова“. Но для дѣтей это слишкомъ тонкая и непостижимая мудрость. Да и вообще „говорить только слова“ значитъ говорить безсмыслицу.

Второй за симъ на этомъ первомъ урокѣ вопросъ: „Можно ли предметы дѣлить на части? Можно ли самую осу порвать на куски? Какъ каждый видимый предметъ дѣ-

лится на части, такъ и каждое слово можно подѣлить на части“. Но „дѣлить на части“ и „рвать на куски“—это далеко не одно и то же; дѣти получаютъ отсюда совсѣмъ фальшивое представленіе о дѣленіи на части.

Такъ идутъ и дальнѣйшія объясненія у автора. Между тѣмъ главный расчетъ у него именно на дѣтское пониманіе, сознательность усвоенія. Эту область онъ широко ставитъ на урокахъ. Двѣ съ половиною страницы занимаетъ у него объясненіе *слова* или звуковъ и буквъ въ словѣ *оса*. Затѣмъ онъ говоритъ: „Мы разсматривали слово *оса*, а теперь разсмотримъ самый предметъ *осу*, будетъ ли она такова, какъ лошадь, почему? Что она бѣгаетъ, или летаетъ? Кто еще можетъ летать? Что помогаетъ осѣ летать?“ И затѣмъ еще слѣдуетъ больше 20 вопросовъ объ осѣ. Между прочимъ, подѣливши *осу* на части, авторъ дѣлаетъ такое курьезное поясненіе: „Такъ какъ тѣло *осы* подѣлено какъ бы на части, или разсѣчено, то повтому она называется *насѣкомымъ*“. Для каждаго новаго звука берется новое слово, и сначала трактуется объ этомъ звукѣ и сочетаніи его съ прочими въ словѣ, а затѣмъ о предметѣ. Кромѣ бесѣдъ о самомъ предметѣ, рекомендуются учителю бесѣды и по поводу предмета, по связи и отношеніямъ его къ другимъ предметамъ. Напр., рекомендуется, говоря о *ростѣ*, дать понятіе „еще объ инеѣ, туманѣ, дождѣ и проч.“, или, говоря о *розѣ*, дать понятіе о *растеніи* вообще, особенно „о *кустѣ*: какія собственно растенія называются кустами? Чѣмъ они отличаются отъ травъ и деревьевъ“ и т. д.—Словомъ, съ обученіемъ азбукѣ онъ соединяетъ такъ называемое *наглядное обученіе*, или предметныя *бесѣды* и приемы объяснительнаго чтенія, ведетъ, значить, эту статью въ наивысшемъ тонѣ такъ называемаго развивающаго метода, со всѣми потугами его. Но не говоря уже объ извѣстныхъ недостаткахъ такого способа обученія: искусственности и ходульности дѣтскаго мышленія, обманѣ сознанія, притупленіи дѣйствительнаго по-

ниманія у дѣтей, нельзя, какъ увѣряетъ авторъ, въ 30 уроковъ научить дѣтей по этому способу читать и писать, развѣ самъ авторъ могъ бы это сдѣлать, обладая какимъ-то особымъ для этого секретомъ.

Дальнѣйшее затѣмъ содержаніе Букваря не представляетъ ничего особеннаго. За фалангами складовъ и словъ идутъ статьи (34) для чтенія, сначала отрывочныя, потомъ связныя. Составъ ихъ самый разнообразный, но преимущественно ивѣстные по букварямъ стихи, анекдоты, басни, рассказы. Кромѣ постепенности въ объемѣ, выборъ и расположеніе этихъ статей не представляетъ никакой иной системы. Никакими поясненіями и указаніями онѣ не сопровождаются: почему выбраны эти, а не иныя, затѣмъ ихъ въ Букварѣ такъ много, и что съ ними дѣлать, кромѣ чтенія—нигдѣ это не пояснено, тогда какъ, судя по выраженному въ самыхъ первыхъ урокахъ методу, слѣдовало ожидать этихъ указаній.

Излишне касаться достоинства самыхъ статей.

Азбука. Протоіерея В. Никольскаго. Изд. 7-е. Москва, 1887 г. Цѣна 20 коп.

Руководство для учителей при обученіи по азбукѣ протоіерея Никольскаго. Москва, 1887 г. Цѣна 10 к.

„Азбука“ протоіерея Никольскаго, въ шестомъ своемъ изданіи, Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ включена была въ число руководствъ для церковно-приходскихъ школъ. Авторъ, ссылаясь на весьма одобрительные отзывы объ Азбукѣ его со стороны разныхъ лицъ, печатные и письменные, предлагаетъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ произвести опытъ обученія по этой Азбукѣ и результаты его сравнить съ результатами обученія по другимъ лучшимъ учебникамъ. Если, по практическому испытанію и теоретическому разсмотрѣнію, Азбука окажется лучшею изъ

всѣхъ, то авторъ желалъ бы рекомендовать ее такую для школъ.

Въ такомъ педагогическомъ вопросѣ, какъ обученіе грамотѣ, зависящемъ отъ множества мѣстныхъ условій обширнаго нашего отечества, притомъ находящемся еще въ періодѣ выработки самыхъ первыхъ основаній дѣла, было бы слишкомъ рискованно объявлять по цѣлой Россіи, что такой-то учебникъ есть самый лучший, когда онъ, можетъ быть, въ данной мѣстности оказывается неудобнымъ, и когда можетъ появиться гораздо болѣе удобный учебникъ.

Въ нынѣшнемъ, седьмомъ, изданіи Азбуки протоіерей Никольскій не сдѣлалъ никакихъ существенныхъ исправленій и дополненій, кромѣ пополненія и упрощенія нѣкоторыхъ примѣровъ, а изданное къ этой Азбукѣ „Руководство для учителей“, на четырехъ листкахъ печати, не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, что не внушалось бы порядочному учителю самую *Азбукою*, неопытному же учителю не принесетъ пользы.

Азбука эта имѣетъ въ виду легкость и скорость обученія. Въ этомъ дѣлѣ она имѣетъ свое значеніе. Но свойство это 1) не составляетъ исключительной привилегіи ея предъ многими другими азбуками; 2) много зависитъ отъ свойствъ учителя; 3) само по себѣ не есть залогъ прочности обученія; 4) противъ той легкости и скорости, которую онъ предложилъ для церковно-славянскаго чтенія, можно спорить, и порядочный учитель едва ли прибѣгнетъ къ ней, скорѣе онъ обратится къ болѣе серьезнымъ учебникамъ, учителя же, предпочитающіе начинать обученіе съ церковно-славянской грамоты, и вовсе не возьмутъ въ руки этой Азбуки.

Замѣтимъ еще къ свѣдѣнію автора: имена церковно-славянскими буквами нужно писать такъ, какъ они положены въ церковныхъ святцахъ, а не какъ произносятся въ

Первая школьная книжка.—Первый отдѣлъ этой книжки включаетъ въ себѣ русскую азбуку, печатную и письменную, слова, предложенія и сборникъ статей для чтенія, т. е. курсъ первоначальнаго обученія русской грамотѣ. Методъ обученія азбукѣ—звуковой, съ совмѣстнымъ обученіемъ чтенію и письму. 48 страницъ печати ученикъ долженъ пройти на чтеніи отдѣльныхъ словъ и выраженій. Это не вѣроятно и жестоко въ отношеніи дѣтей. На всемъ этомъ отдѣлѣ лежитъ характеръ забавности и шутливости, вѣроятно, чтобы облегчить дѣтямъ тяжесть долгаго безпричиннаго однообразія и томленія. Съ первыхъ словъ дѣти читаютъ уже *ром(ъ), шми(ъ)*, съ первыхъ предложеній—каламбуръ, въ родѣ: *Паша, пиши папашит и мамашит; дяды и бабы рады дытъ; дяды и бабы пьл капу; баба пьла бабы; Федулъ губы надулъ*—и т. п. Далѣе во множествѣ, на каждой страницѣ, сообщаются дѣтямъ истины, въ родѣ слѣдующихъ: *Мыши пьл сало; блохи мелки, но кусливы; жженка вкуса; жой ты дурень! эхъ, какъ бы получить эполеты!* и т. п. Въ дальнѣйшихъ, сложныхъ, предложеніяхъ уже не мало и такихъ истинъ и образовъ: *„Сладокъ поцѣлуй, да послѣдствія горьки; замлыло ретивое сердечко; покраснѣло твое блое личико; заалыли твои губки мылыя и заблыли зубки маленькіе; десятилытыя сосѣдка похорошѣла и пополнила; наша красавица не встѣмъ нравится“* и т. д. Еще дальше—уже дѣти поучаются: *„пей да дѣло разумый; хорошо—пить, да надо и дѣло разумѣть; тѣвица на сцену является, мши заванѣсь открывається; горожане устроили торжественную встрѣчу прѣхавшей тѣвицы“*—и т. д. Характерны при этомъ такіе примѣры сокращенія прилагательныхъ, поставленные въ рядъ: *„Витя грубъ. Петя глупъ... Романъ глупъ. Семенъ плутъ... Яша лжець. Коля трусъ“*... Не приличны сопоставленія предложеній: *„Богъ хранитъ нашу хату. Гусь ходитъ по горѣ.“* Или: *„Иродъ былъ царь іудейскій. Исидоръ митрополитъ Новгородскій*

и С.-Петербургскій. Иоаннскій митрополитъ Московскій. Платонъ митрополитъ Кіевскій.

Для большей занимательности, авторъ помѣстилъ въ этомъ отдѣлѣ, между прочимъ, двѣ картинки—одну каррикатурную, другую—амурную, какъ будто взятая изъ Клядедача (стр. 17 и 18).

Отъ словъ и предложеній авторъ переводитъ своихъ учениковъ прямо къ стихотворной рѣчи и на ней проходитъ другихъ 48 страницъ. Стихотворенія оначала все игривыя, забавныя, съ поддѣлкой подъ дѣтскую натуру. Затѣмъ 30 страницъ прозаической рѣчи.

„Ариметика, съ примѣрами и задачникъ для упражненія въ предѣлахъ сотни“ не представляетъ ничего особеннаго. Сама по себѣ она могла бы быть допущена въ школы, къ сожалѣнію она помѣщена въ книгѣ въ соединеніи съ такою русскою частію, которая вовсе не должна бы имѣть въ нихъ мѣста.

Полная русская азбука. Золотой букетъ на 36 страницахъ in 16°, представляетъ слѣдующее: 1) азбуку съ первыми упражненіями въ чтеніи, представляющими коротенькія выдержки изъ перваго отдѣла только-что разсмотрѣнной нами первой части *Первой школьной книги*, съ такими же пустыми примѣрами. Слѣдуетъ отдѣлъ повседневныхъ молитвъ, напечатанныхъ русскимъ шрифтомъ, при чемъ молитвы утренняя и вечерняя приведены на русскомъ языкѣ (16 и 18). Вечерняя молитва переведена неудовлетворительно и заключаетъ въ себѣ опечатки (приношу Тебя, вм. Тебѣ, сопричти *въ число*, вм. *къ числу*). Есть одна молитва въ стихахъ (Міра заступница, Матерь всецѣтая...). На стр. 31 и 32 помѣщенъ коротенькій рассказъ—*Чудесный мальчикъ*, составляющій передѣлку известнаго сочиненія гр. Л. Н. Толстого—„Чѣмъ люди живы“. Содержаніе его: Бѣдный крестьянинъ, въ морозъ, ночью, находитъ по-

люодѣтаго, почти околѣнаго отъ стужи мальчика, привелъ его въ домъ, согрѣлъ, обласкалъ, предложилъ ему хлѣба; но мальчикъ оказался ангеломъ: „всталъ, благословилъ семью и исчезъ“. „Съ тѣхъ поръ подъ кровомъ бѣдниковъ воцарилось полное довольствіе и благоденствіе.“—Въ концѣ брошюрки помѣщены: мѣры длины, времени, вѣса, сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ и таблицы умноженія.

Св. Великомученица Варвара — брошюрка на 16-ти стр., in 16°, написана языкомъ сухимъ, холоднымъ, по характеру изложенія, не для простаго народа, но для класса образованнаго. Съ первой же страницы неточности въ языкѣ. „Въ первые три вѣка по Рождествѣ Христовѣ христіане подвергались страшнымъ гоненіямъ“ (отъ кого?); „Діоскоръ чрезвычайно любилъ ее (Варвару) и, по смерти жены своей, *сосредоточилъ на ней все свое вниманіе*“. „Въ башню никто не могъ входить (къ Варварѣ), *кромя учительницъ — служанокъ*“. „Не находя сама отвѣта на этотъ вопросъ, она часто *временно* обращалась съ вопросомъ къ своимъ учительницамъ“.

Азбуковникъ церковно-славянскаго языка съ изборникомъ для чтенія для начальныхъ училищъ. Ставрополь—Кавказскій, 1887 г. Цѣна. 15 коп.

„Азбуковникъ“ г. Случевского имѣеть значительныя достоинства въ сравненіи съ другими существующими церковно-славянскими букварями. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что „наша народная школа должна служить предвѣріемъ церкви, и что въ начальномъ обученіи уроки религіознаго содержанія должны быть преобладающими“. Онъ признаетъ, что основными книгами въ народномъ училищѣ для обученія церковно-славянскому языку должны быть *часословъ, псалтирь, молитвенникъ и евангеліе*. Своимъ *Азбуковникомъ* онъ желаетъ только сообщить дѣтямъ подготовку къ обученію по этимъ книгамъ, „сообщить имъ ме-

ханическую правильность чтенія церковно-славянскаго текста и привычку сознательно относиться къ содержанію прочитаннаго“. Система его—обученіе церковно-славянскому чтенію послѣ изученія русскаго. При изученіи азбуки сначала сходныхъ съ русскими буквъ, потомъ не сходныхъ, онъ совершенно устраняетъ подборъ словъ и искусственныхъ выраженій, а приводитъ удобопонятные для дѣтей тексты изъ св. Писанія. Приложенныя въ этомъ отдѣлѣ объясненія относительно выговора буквъ (стр. 1), употребленія однихъ и тѣхъ же буквъ, но различныхъ по начертанію (стр. 3 и 4), о строчныхъ и надстрочныхъ знакахъ (9, 10 и 11), составлены кратко, но толково. О значеніи титлъ, на которыя большинство букварей смотритъ, какъ на простыя сокращенія словъ, онъ приводитъ замѣтку изъ одного стариннаго Азбуковника о словахъ, выражающихъ предметы священные: „подобаетъ писать не просто, но почитать взметомъ или покрытіемъ, яко вѣнцемъ славы“ (стр. 7, примѣч.). Въ изборникѣ для чтенія помѣщены: употребительнѣйшія повседневныя молитвы, семь рассказовъ изъ евангелій о важнѣйшихъ праздникахъ Господскихъ, при каждомъ рассказѣ тропарь празднику, а послѣ рассказа о воскресеніи Господнемъ—ирмосы канона Пасхи, затѣмъ псалмы 1, 14, 51 и 136, какъ „отличающіеся—по его словамъ—глубокимъ лиризмомъ и высокимъ душевнымъ движеніемъ“. Но лучше бы выбрать для этого псалмы болѣе употребительныя и болѣе поучительныя для дѣтей—3, 33, 50, 102 и 103. „Чтобы помочь лучшему пониманію этихъ псалмовъ“, авторъ приложилъ къ каждому изъ нихъ подражанія Симеона Полоцкаго, Державина и Языкова. Это уже совсѣмъ не уместно—подражанія нужно устранить изъ книги. При обученіи церковно-славянскому языку нужны и объясненія только отъ имени Церкви, авторитетовъ церковныхъ.—За псалмами идутъ „Правила благочестія и опыты житейской мудрости“, избранныя изъ св. Писанія, изъ „Вечери душевныя“ и изъ „Лѣтописи“

св. Димитрія Ростовскаго. Наконецъ „Наказаніе ко учителемъ, како учти имъ дѣти грамотъ“—изъ предисловія къ псалтири, изд. въ 1554 г. Вообще видно, что авторъ изучалъ свой предметъ достаточно и приступилъ къ нему не по подобію большинства нынѣшнихъ составителей церковно-славянскихъ букварей, рассчитывающихъ преимущественно на силу новѣйшей педагогики. Печать очень хорошая, вполне удобная для дѣтскихъ глазъ, опечатокъ не замѣтно. Цѣна 15 коп.—недорогая для такого изданія.

Наше родное. *Русскій и церковно-славянскій букварь и сборникъ статей* для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи, съ образцами для письма, матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій и рисунками въ текстѣ. СПБ. 1886 г.

Книжка заключаетъ въ себѣ тѣ свѣдѣнія и упражненія въ отечественной грамотѣ, какія обыкновенно составляютъ курсъ перваго года начальныхъ училищъ. Она заключаетъ въ себѣ 4 отдѣленія: 1) русскій букварь, 2) первую послѣ букваря книгу для чтенія, 3)—задачи для письменныхъ упражненій и 4)—азбуку и текстъ церковно-славянскій.

Значеніе и достоинство каждаго изъ этихъ отдѣловъ авторъ, въ предисловіи къ своей книжкѣ, опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

Въ первомъ отдѣленіи „матеріалъ для чтенія подобранъ въ строгой послѣдовательности отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному не только по содержанію, но и по самому механизму чтенія“. Въ Букварѣ помѣщены образцы для чтенія и для письма.

Во второмъ отдѣлѣ „при выборѣ и составленіи статей (описанія, рассказы, басни и стихотворенія) имѣлось въ виду дать учащимся матеріалъ, вполне пригодный для чтенія, пересказа и заучиванія наизусть, и главнымъ образомъ такой

матеріалъ, который бы своимъ содержаніемъ возбуждалъ въ учащихся религіозныя чувства, укрѣплялъ нравственныя понятія и развивалъ любовь къ своему родному“.

Третій отдѣлъ назначенъ, по мысли автора, „содѣйствовать укрѣпленію навыка въ правописаніи“ и—съ другой стороны—„пріучать учащихся къ составленію простыхъ предложеній“. Помѣщенныя въ книжкѣ картинки (изъ сельскаго быта) назначены „служить предметомъ бесѣдъ учителя съ учениками, а также предметомъ различныхъ письменныхъ упражненій.

Четвертый отдѣлъ представляетъ: церковно-славянскую азбуку, слова подъ титлами, краткія изреченія изъ св. Писанія, ежедневныя молитвы и рассказы изъ евангелія о нѣкоторыхъ двенадесятихъ праздникахъ.

Книга г. Баранова не представляетъ ничего самостоятельнаго: первый отдѣлъ, третій и четвертый съ перваго же раза напоминаютъ Буквари Тихомирова, а второй—„Приходскую школу“ Ермина и Вологовскаго. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ не избѣжалъ недостатковъ того же отдѣла въ Букварѣ Тихомирова, именно неудачности письменнаго шрифта, произвола въ послѣдовательности буквъ алфавита (по степени трудности или удобства) и въ подборѣ неудачныхъ по своей малосодержательности примѣровъ для упражненія въ чтеніи. Можно и должно требовать большей серьезности въ подборѣ этихъ примѣровъ. Безсодержательными мы признаемъ фразы въ родѣ слѣдующихъ: „Сорока у осоки. Оса кусака. У Саши коса... Луша и Малаша шалили около осоки (стр. 3). Мама солила солонину... Утки около осоки (4). Наша кошка локала молоко (6)“ и под. Или рассказы: „Старикъ по тропинкѣ шелъ на мельницу; онъ несъ на спинѣ просо. Мѣшокъ со спины упалъ и просо просыпалось“ (10) и т. п. Изъ 16 рассказовъ и басенъ, помѣщенныхъ въ концѣ этого отдѣла, слѣдовало бы выбросить 3, 4, 8, 10, 12, 13 и 16, по ихъ малосодержатель-

ности. Изъ нихъ 12-й не удобенъ и какъ насмѣшка надъ старикомъ, а 16-й составляетъ слишкомъ тяжелую и сухую передѣлку извѣстной басни Крылова.

Второй отдѣлъ вполне отвѣчаетъ мысли автора. Но статьи 8, 11 и 41 лучше бы выбросить—первую по неудобству толковать съ дѣтьми о подкидышахъ, вторую—по безсодержательности и одной чертѣ („съ испытимъ лицомъ“), портящей для дѣтей всю и безъ того неприглядную картину;—наконецъ третій рассказъ представляетъ подражаніе (въ краткомъ видѣ) извѣстному разсказу графа П. Н. Толстого: „Чѣмъ люди живы“, заключая въ себѣ ту же туманную и фальшивую идею и ту же неестественность факта.

Третій отдѣлъ вообще можно признать довольно полнымъ по собранному въ немъ матеріалу и составленнымъ удовлетворительно.

Послѣдній отдѣлъ не богатъ содержаніемъ и въ церковно-приходской школѣ потребуетъ больше свѣдѣній и матеріала, прежде чѣмъ перейти къ чтенію псалтири, часослова и евангелія. Но онъ составленъ цѣлесообразно—для обыкновенной школы. Въ азбукѣ однако допущены неточности и неполнота. Неточно поставлено ѿ при Ю, какъ особое начертаніе его. Въ этомъ смыслѣ оно употреблялось въ старославянской письменности (юсь), но въ настоящее время оно означаетъ звукъ я и употребляется въ срединѣ и концѣ словъ. Начертаніе звука у необходимо дополнить формою *ou*, употребляемую въ нынѣшнихъ церковныхъ книгахъ въ началѣ словъ, а звукъ о, кромѣ показанныхъ въ книжкѣ начертаній слѣдуетъ дополнить двойнымъ растяжимымъ Ѡ, употребляемымъ при восклицаніяхъ, напр. Ѡ несмысленнаа ѿ коснаа сѣрдцемъ... (Луки 24, 25) Ѡ пасха кѣліа... и др.

Непосредственно послѣ азбуки авторъ предлагаетъ упражненія въ чтеніи титлѣ. Трудъ для дѣтей безъ всякой нужды. Удобнѣе помѣстить эти упражненія послѣ упражне-

ній въ чтеніи безъ титлѣ.—При историческихъ отрывкахъ изъ евангелій помѣщены три картины: *Рождество Іисуса Христа*, *Входъ Господень въ Іерусалимъ* и *Вознесеніе Господне*—и всѣ три не совсѣмъ удачны. Рождество Господа нашего Іисуса Христа (на картинѣ) происходитъ какъ бы подъ открытымъ небомъ, а не въ пещерѣ и ясляхъ. Входъ Господень въ Іерусалимъ представленъ такимъ образомъ, что Господь удаляется отъ Іерусалима, а не направляется къ нему. При вознесеніи Господа на небо присутствуютъ всего семь лицъ, изъ нихъ двѣ—три женщины...

Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. Составилъ Т. Лубенець. Кіевъ, 1888 года. Цѣна 15 коп. Частные предметы этой книжки слѣдующіе: первоначальныя упражненія въ списываніи; подготовительныя грамматическія работы, упражненія въ разрѣшеніи загадокъ; примѣры письменнаго объясненія загадокъ и отгадки; упражненія въ составленіи отвѣтовъ на вопросы по статьямъ; примѣрный планъ для самостоятельныхъ описаній, образецъ описанія по вопросамъ.

Первая изъ этихъ статей (3—6) имѣетъ задачей практическія упражненія въ правописаніи, преимущественно въ употребленіи сомнительныхъ согласныхъ и гласныхъ ѣ—е, ы—и—і. Всѣ примѣры подобраны здѣсь очень удачно и могутъ довольно прочно укрѣпить въ памяти дѣтей употребленіе означенныхъ буквъ. Слѣдовало бы однако гораздо больше примѣровъ привести на буквы ѣ, притомъ въ сопоставленіи ея съ е, а также на буквы і и ѡ въ срединѣ словъ. На букву з въ срединѣ словъ упражненій вовсе не имѣется, что необходимо пополнить.

Вторая статья имѣетъ задачей главнѣйшія правила этимологіи и синтаксиса. Это самая обширная статья въ книгѣ (стр. 6—32), строго выдерживаетъ практическій путь, съ разумною постепенностью предметовъ, съ хорошо подо-

бранными примѣрами, съ достаточною полнотою, чуждою всякаго излишества. По нашему мнѣнію, эта статья толковѣе достигаетъ своей цѣли, чѣмъ воѣ тѣ грамматическія объясненія, наставленія, уроки, упражненія, какія намъ приходилось встрѣчать у другихъ авторовъ. Въ церковно-приходской школѣ, точнѣе—при двухлѣтнемъ курсѣ, нѣтъ возможности исполнить воѣ упражненія на письмѣ, предложенныя здѣсь.

Упражненія въ разрѣшеніи загадокъ и Примѣры письменнаго разрѣшенія загадокъ (32—34)—излишняя головоломка для дѣтей, бесполезная для дѣла. Обѣ эти статьи лучше выбросить изъ книги.

Упражненія въ чтеніи про-себя и составленіи ответовъ на вопросы по статьямъ (34—45) представляютъ существенный приѣмъ для приготовления къ самостоятельному логическому разбору и изложенію цѣлой статьи, а затѣмъ и собственныхъ мыслей. Приѣмъ этотъ часто однако ведетъ къ односторонности, вредной для дѣла, и не заботится о томъ, чтобы каждый разъ такое упражненіе завершаемо было изложеніемъ, на словахъ или на письмѣ, главныхъ мыслей въ ихъ связи, т. е. статьи въ цѣломъ видѣ. Дѣти иногда, бойко отвѣчая на отдѣльные вопросы, теряются въ цѣломъ разсказѣ, не говоря уже о письменномъ изложеніи статьи, а затѣмъ и своихъ мыслей. Известно, между прочимъ, затрудненіе законоучителей въ школѣ, гдѣ такой методъ получилъ господство,—трудно бываетъ добиться отъ ученика простаго разсказа о событіяхъ изъ жизни Иисуса Христа, тогда какъ ученикъ бойко отвѣчаетъ на отдѣльные вопросы по статьѣ объ этомъ событіи. Къ сожалѣнію, методъ этотъ часто увлекаетъ и самихъ законоучителей и даже рекомендуется, какъ лучшее средство къ уразумѣнію содержанія священнаго разсказа (Наставленія къ преподаванію Закона Божія Широкаго, Аван. Соколова и др.). Не только теряется

при этомъ усвоеніе содержанія сердцемъ, обращая священ-
ный разсказъ въ предметъ однихъ холодныхъ разсудочныхъ
упражнений, но и страдаетъ простое усвоеніе предмета въ
цѣломъ видѣ, въ одной общей его мысли и связи.—Незави-
симо отъ сего, постоянное упражненіе по отдѣльнымъ во-
просамъ доставляетъ учителямъ соблазнъ уклоненія отъ су-
щества содержанія, главной мысли, далеко въ сторону отъ
дѣла, что и видимъ на такъ называемомъ объяснительномъ
чтеніи, въ которомъ эти вопросы играютъ главную роль.—
Г. Лубенецъ строго избѣгаетъ въ вопросахъ уклоненій отъ
прямого содержанія, ограничиваясь въ нихъ самымъ суще-
ственнымъ. Но онъ при всѣхъ статьяхъ ограничивается
этимъ частными вопросами и только подъ послѣднею ста-
теею вмѣсто нихъ стоитъ: „Прочитайте означенную статью
со вниманіемъ три раза, а затѣмъ закройте книгу, и сами
изложите письменно весь разсказъ“ (45). Трудно допустить,
чтобы авторъ считалъ излишнимъ это требованіе, въ боль-
шемъ или меньшемъ видѣ, и въ отношеніи ко всѣмъ дру-
гимъ статьямъ. Несомнѣнно, что онъ въ собственной прак-
тикѣ исполняетъ это требованіе. Но необходимо указать
на него подъ каждою статьею, въ заключеніе вопросовъ, съ
соблюденіемъ, конечно, постепенности относительно полноты
и точности изложенія. Безъ этого указанія, учитель неопыт-
ный или ретивый неизбежно впадетъ въ односторонность.

Руководство къ обученію церковно-славянскому чтенію.

Составилъ С. А. Бобровскій. Москва 1885 г.

Книга постепеннаго церковно-славянскаго чтенія.

Составилъ С. А. Бобровскій. Москва 1885 г.

Первая изъ этихъ книжекъ назначена для учителей и
заключаетъ въ себѣ наставленіе, какъ обучать дѣтей цер-
ковно-славянскому чтенію. Способъ, рекомендуемый авторомъ,
не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго, новаго—
сравнительно съ тѣмъ, какому нынѣ слѣдуютъ во всѣхъ на-

родныхъ училищахъ. Авторъ рекомендуетъ начинать обученіе церковно-славянскому чтенію „въ то время, когда ученики удовлетворительно читаютъ по-русски“,— „черезъ 4—5 мѣсяцевъ по вступленіи ихъ въ школу, т. е. въ концѣ перваго или въ началѣ второго учебнаго года“ (стр. 7), и сначала ознакомить ихъ съ буквами славянскими сходными по начертанію съ русскими, потомъ съ отличными по начертанію, затѣмъ съ цифровымъ значеніемъ буквъ, далѣе съ надстрочными знаками и наконецъ съ титлами. Ознакомленіе съ азбукой и надстрочными знаками онъ требуетъ производить по подвижной азбукѣ и раздать ученикамъ книгу для чтенія только послѣ того, когда они усвоили всѣ свѣдѣнія по этимъ предметамъ. Съ титлами ученики знакомятся постепенно при самомъ чтеніи по книгѣ. Къ этой постепенности занятій приспособлена авторомъ и самая книга для чтенія. Она состоитъ изъ шести отдѣловъ. Первый отдѣлъ— стихи изъ библіи и второй— „общеупотребительныя“ молитвы назначены для упражненія въ чтеніи только съ надстрочными знаками, при чемъ сначала идутъ стихи, состоящіе только изъ буквъ схожихъ съ русскими, потомъ по нѣскольку стиховъ на каждую изъ буквъ неизвѣстныхъ. Третій и четвертый отдѣлы состоятъ изъ рассказовъ о двенадцатыхъ праздникахъ, заимствованныхъ изъ евангелій и Четы-Миней, а также нѣсколькихъ *поученій* и *притчей* Спасителя, и назначены для постепеннаго упражненія въ чтеніи по титламъ. Пятый и шестой отдѣлы содержатъ въ себѣ главнѣйшія молитвы, пѣснопѣнія и псалмы изъ часослова, а также нѣсколько „болѣе доступныхъ пониманію учащихся“ псалмовъ изъ псалтири и имѣютъ цѣлю не только утвержденіе учащихся въ церковно-славянскомъ чтеніи, но и ознакомленіе ихъ „съ языкомъ важнѣйшихъ при богослуженіи церковныхъ книгъ“ (см. Предисловіе къ книгѣ для чтенія).

Этотъ, далеко не новый и почти всюду употребляемый, способъ постепеннаго ознакомянія учениковъ съ особенностями церковно-славянскаго чтенія авторъ признаетъ почти что собственнымъ изобрѣтеніемъ и приписываетъ ему панацею отъ всѣхъ недостатковъ, какими страдаетъ въ школахъ церковно-славянская грамота. Совершенно справедливо говоритъ онъ, что „въ курсѣ начальныхъ училищъ церковно-славянское чтеніе должно занимать первое мѣсто послѣ Закона Божія“, и что „начальная школа обязана прежде всего удовлетворять сердечному влеченію народа ко всему *божественному*“. Справедливо также, что „далеко не всѣ школы удовлетворяютъ этому народному стремленію, и ученики, выходя изъ школы, весьма рѣдко усваиваютъ себѣ навыкъ толково читать по-церковно-славянски“ (Предисл. къ *Руководству*). Но чтобы способъ постепенности, и наилучшимъ образомъ поставленный, самъ по себѣ могъ исполнить задачу обученія церковно-славянскому чтенію и удовлетворилъ бы сердечному влеченію народа ко всему божественному, это не справедливо. Можно читать по-славянски бѣгло, правильно, даже толково и въ то же время вовсе не имѣть сердечнаго влеченія ко всему божественному. Это именно зависитъ отъ такой постановки обученія церковно-славянскому чтенію, которая не приближаетъ его къ Закону Божію, а удаляетъ отъ него, ограничивая всѣ потребности его одною рациональнію. Авторъ нигдѣ ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, какимъ образомъ обученіе церковно-славянскому чтенію приблизитъ къ Закону Божію и сообщитъ ему характеръ церковности. Напротивъ, онъ поставилъ требованіе, дабы „при церковно-славянскомъ чтеніи соблюдаемы были всѣ тѣ же правила, какъ и при чтеніи рускомъ“ (Руководство стр. 15), т. е. поставилъ это чтеніе въ ближайшую связь съ однимъ русскимъ языкомъ. Этимъ мы вовсе не осуждаемъ автора за его стараніе какъ можно рациональнѣе поставить обученіе церковно-славянскому чтенію,

но мы утверждаемъ, что не въ этомъ одномъ способѣ вся оуть дѣла, и что надежды автора на этотъ способъ въ отношеніи исполненія школой своей задачи слишкомъ смѣлы. Гораздо правильнѣе было бы сказать, что книги его имѣютъ задачею научить дѣтей читать по-церковно-славянски правильно и толково—только. Къ этой задачѣ онѣ всецѣло направлены по своимъ приемамъ и методамъ, и съ этой только точки онѣ и подлежатъ оцѣнкѣ.

Къ сожалѣнію, и тутъ авторъ задается широкими цѣлями и приписываетъ своимъ книгамъ слишкомъ много. Онъ надѣется „довести учениковъ до пониманія наиболѣе употребительныхъ богослужбныхъ книгъ (евангелія, дѣяній апостольскихъ, псалтири, часослова и др. книгъ—Руков., стр. 15). Задача слишкомъ широкая! Для пониманія этихъ книгъ требуются такія условія, которымъ не можетъ удовлетворить никакая начальная школа. Та доля пониманія ихъ, которая возможна въ школѣ для ученика, преимущественно зависитъ отъ Закона Божія и вообще религіозно-нравственныхъ занятій и успѣховъ его, пониманіе же, сообщаемое обученіемъ собственно языку, нужно разумѣть въ очень тѣсныхъ предѣлахъ, именно—только какъ устраненіе главнѣйшихъ внѣшнихъ, со стороны языка, препятствій для пониманія. Обученіе церковно-славянскому чтенію наиболѣе послужило бы въ будущемъ пониманію означенныхъ книгъ, если бы оно успѣло сообщить ученикамъ расположеніе къ церковной грамотѣ, любовь къ чтенію божественному. Но объ этой сторонѣ обученія авторъ ничего не говоритъ, всецѣло рассчитывая на пониманіе.

Это пониманіе однако оказывается у него крайне скромнымъ. Сказавши, что „при церковно-славянскомъ чтеніи соблюдаются всѣ тѣ же правила, какъ и при чтеніи русскомъ“, онъ однако не рѣшился объяснить, какъ исполнить такое требованіе, и изъ всѣхъ приемовъ и методовъ, употребляемыхъ въ отношеніи русскаго языка, онъ говоритъ только

одвухъ, именно—объясненіи непонятныхъ словъ и выраженій и о списываніи прочитанныхъ славянскихъ отрывковъ. Объясненіе непонятныхъ словъ и выраженій дѣлается у него только посредствомъ перевода ихъ на русскій языкъ, и этотъ приемъ, по его мнѣнію, „долженъ значительно уяснить ученикамъ читаемое и дѣлать чтеніе оознательнымъ“ (12 стр.). Списываніе же съ книги („письменнымъ гражданскимъ шрифтомъ съ соблюденіемъ удареній, но безъ титлъ и двойныхъ гласныхъ“) онъ признаетъ вообще „самую полезною и осмысленною для учениковъ работою“ (стр. 15).

Обратимся къ самымъ книгамъ г. Бобровскаго. *Руководство* его далеко не во всѣхъ случаяхъ можетъ руководить учителей, напротивъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ даже вводить ихъ въ заблужденіе. Напр. онъ говоритъ, что „буквы Ѣ и Ѥ произносятся въ чтеніи такъ, какъ будто состоятъ изъ трехъ буквъ“ (8). Или же: „острое удареніе ставится на всѣхъ слогахъ, кончающихся согласною буквою“ (стр. 11). Въмѣсто точнаго указанія случаевъ употребленія той или другой особенности въ начертаніи славянскихъ буквъ, онъ почти всегда ограничивается выраженіями: „во многихъ словахъ“, „весьма часто“ и под. Напр. „гласный звукъ „у“ во многихъ словахъ обозначается двумя буквами *ou*“ (стр. 7); „въ началѣ словъ *весьма часто* вмѣсто простого ч употребляется сложное *ou*“ (стр. 9). „Такое же—наставляетъ онъ—замѣчаніе учитель дѣлаетъ и относительно буквы З (земля), вмѣсто которой *въ нѣкоторыхъ словахъ* употребляется S (сѣло) (тамъ же). О двойственныхъ начертаніяхъ $\text{o—\ddot{W}}$ и $\text{C\ddot{O}}$ онъ говоритъ: „первое изъ нихъ употребляется и въ началѣ, и въ срединѣ, и на концѣ словъ, а второе—въ началѣ и въ концѣ“ (тамъ же). Но первое указаніе крайне не опредѣленно, а послѣднее не совсѣмъ вѣрно. „Надъ ш , по словамъ его, *весьма часто* ставится т (твердо) $\text{C\ddot{O}}$; такое „онъ“ выговаривается, какъ *отъ*“ (тамъ же). Ко-

нечно, подобныя объясненія ничего не объясняютъ, а скорѣе сбиваютъ съ толку.

Въ Книгѣ для чтенія прежде всего бросается въ глаза неисправность въ томъ, что прежде всего требуется отъ чтенія, именно въ удареніяхъ. Такъ, на второй же страницѣ читаемъ: Труды плодовъ (безъ ударенія) твоихъ снѣси... Трудъ правды и милостыни... Другъ вѣренъ—правъ крѣпокъ... Въ выборѣ стиховъ и отрывковъ въ этомъ первомъ отдѣлѣ авторъ заботится главнымъ образомъ о соблюденіи постепенности въ отношеніи буквъ и ихъ начертаній и—въ противность своимъ же мнѣніямъ о пониманіи славянскаго текста,—слишкомъ мало обращаетъ вниманія на простоту и близость содержанія именно къ разумѣнію и нравственнымъ потребамъ дѣтскимъ. По крайней мѣрѣ половина предложеннаго матеріала и тяжела для чтенія, и трудна для дѣтскаго разумѣнія. Такъ, на 3-й же страницѣ читаемъ отрывокъ: „и ты Вилееме доме Евфравовъ, егда малъ еси, еже быти въ тысяцахъ Іудиныхъ; изъ тебе бо ивыдетъ Старѣйшина, еже быти въ князя во Израили, исходи же его изъ начала отъ дней вѣка“... Что тутъ пойметъ дити или усвоитъ сердцемъ—какъ ни объясняй ему это мѣсто? Совершенно не удобны въ этомъ отдѣлѣ и отрывки съ словами не славянскими, рѣдко встрѣчающимися въ книгахъ церковныхъ. Тутъ и *злато Сибирское* и *домъ Евфравовъ* и *свнухъ*, и архимагѣръ, и земля Еееоня, и *порбури* и *виссонъ*, и *ипаты* и под. Все это очень жаль, потому что—если найдено необходимымъ составлять матеріалъ изъ отрывковъ, то книги Соломона и Сираха, псалтирь, евангеліе даютъ полную возможность составить наилучшее первое чтеніе для дѣтей—по простотѣ, понятливости и близости къ дѣтямъ.

Во второмъ отдѣлѣ книги, отдѣлѣ молитвъ, довольно скудномъ, въ подстрочныхъ объясненіяхъ и переводахъ словъ допущены нѣкоторыя несообразности. Напр. (*иже вездѣ*)сый переведено: (вездѣ) *сущій*. Чѣмъ послѣднее слово понятяѣе

для дѣтей перваго? (*И вся*) *исполняяй* переведено: *наполняющій*—буквально, но грубо, не соответственно существу Божію. *Безъ исполнѣнія Бога Слова рождшюю*—*безъ нарушенія дѣвства рождшюю Сына Божія*. „Нарушеніе дѣвства“ едва ли не труднѣе объяснить 8—10 лѣтнимъ дѣтямъ, чѣмъ самыя трудныя слова славянскія. Простое приличіе не позволяетъ касаться предъ дѣтьми такихъ предметовъ въ отношеніи священныхъ лицъ.—Послѣдняя въ этомъ отдѣлѣ молитва: „Огради мя, Господи, силою честнаго и животворящаго Твоего креста и (*тѣмъ*—пропущено) сохрани мя отъ всякаго зла“—озаглавлена: *Молитва животворящему кресту*—не точно.

Остальные отдѣлы не представляютъ въ себѣ ничего особеннаго.

Руководитель церковно-приходскихъ школъ (посвящается русскому духовенству). Составилъ Гр. Ив. Кульжинскій. Харьковъ, 1884 г. Цѣна 50 коп.

Брошюрка, на 32 страницахъ, предлагаетъ совѣты учителямъ и наблюдателямъ церковно-приходскихъ школъ, начиная съ устройства училищныхъ домовъ и классной мебели и переходя затѣмъ къ училищнымъ порядкамъ и къ преподаванію положенныхъ предметовъ. Всѣ эти совѣты слишкомъ общіе и излагаются почти сплошь догматически, безъ указанія, какъ удобнѣе ихъ исполнить. Сколько-нибудь приготовленному учителю они слишкомъ извѣстны, а неприготовленный и не видѣвшій правильной школы учитель поставленъ будетъ ими только въ затрудненіе, не умѣя въ нихъ отличить должнаго отъ желательнаго, возможнаго отъ затруднительнаго, удобнаго отъ неудобнаго. Приведемъ требованія его относительно помѣщенія: „Хотя часто не отъ духовенства зависитъ устройство училищныхъ помѣщеній, но въ селахъ совершенно отъ духовенства зависитъ содержать ихъ въ чистотѣ и опрятности“. Какъ этого достигнуть безъ

всякихъ средствъ—объ этомъ авторъ умалчиваетъ, а только распространяется о вредномъ вліяніи неопрятности въ училищѣ на дѣтей. Засимъ говорится, что въ классной комнатѣ должна быть икона Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, съ лампадкой при ней, которая должна теплиться по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. На видномъ мѣстѣ должны быть портреты Государя Императора и Государыни Императрицы, а „на одной изъ стѣнъ должны быть развѣшены географическія карты Россійской Имперіи и той губерніи, въ которой находится училище“... „Полезно также развѣсить на стѣнахъ класса изображенія изъ св. и отечественной исторіи, замѣчательные виды русскихъ достопримѣчательныхъ мѣстъ и пр. Расписаніе уроковъ должно быть укрѣплено на стѣнѣ не очень высоко, чтобы даже малые ученики могли читать его“.—„Ученическія скамьи должны быть такъ разставлены, чтобы наставникъ удобно могъ видѣть воѣхъ своихъ учениковъ.—Класоная доска должна быть помѣщена въ такомъ мѣстѣ, чтобы дѣти, сидя на скамьяхъ, видѣли безъ труда, что на ней пишется... Близъ доски должны висѣть на стѣнѣ счеты большого размѣра. Тутъ же полезно развѣсить образцы мѣръ и вѣсовъ. Въ одномъ изъ угловъ классной комнаты долженъ находиться библиотечный шкафъ“... „Спальни для приходящихъ дѣтей изъ окрестныхъ деревень должны быть распределены такъ, чтобы мальчики помѣщались въ особой комнатѣ отъ дѣвочекъ. Между этими спальнями не должно быть двери, или она должна быть совершенно забита. Въ ночное время при дѣвочкахъ должна находиться женщина пожилыхъ лѣтъ и нравственныхъ качествъ... Для сна дѣтей должны быть устроены особыя лавки или особенные для каждаго соломенные маты... Предъ входомъ въ училищное помѣщеніе должна быть прибита таблица съ надписью имени училища: *N—ское церковно-приходское училище*. При входѣ въ училище долженъ быть высоко укрѣпленъ на столбѣ колокольчикъ, для зова

учащихся къ занятіямъ“. „Въ видахъ гигиеническихъ полезно разводить садики при училищахъ“. Если прибавить къ этому разрѣшеніе останавливаться въ училищномъ помѣщеніи только ревизорамъ училищъ и говѣльщикамъ изъ сосѣднихъ деревень, то будутъ всѣ совѣты автора относительно помѣщенія исчерпаны.

Мы нарочно выписали всѣ эти совѣты—и подлинными словами автора, чтобы яснѣе видѣть ихъ характеръ и достоинство. Откуда взять церковно-приходской школѣ на все это средства? Вотъ въ настоящую пору самый жизненный вопросъ! Смѣшно ставить эти требованія категорически. Найдутся средства—каждый священникъ и учитель сдумаетъ и безъ этихъ наставленій цѣлесообразно употребить ихъ. Все это могло быть новостью и невѣдѣніемъ лѣтъ 30—40 назадъ, теперь утверждать это авторитетно, да безъ указанія средствъ, смѣшно.

Въ главѣ „Объ училищныхъ порядкахъ“—тотъ же догматизмъ и та же наивность. Уроки должны начинаться въ определенное время... Дѣти должны молиться Богу утромъ и вечеромъ... Ходить въ недѣли и праздники въ церковь... Не опаздывать на уроки... сидѣть тихо... до обѣда имѣть получасовую перемѣну и т. д.

Авторъ предлагаетъ ватѣмъ планъ обученія всѣмъ предметамъ въ церковно-приходской школѣ, начиная съ Закона Божія. Авторъ говоритъ объ этомъ дѣлѣ точно въ томъ же духѣ—какъ будто еще ничего для этого не сдѣлано, и онъ первый открываетъ дорогу, притомъ единственно вѣрную.—Русскому языку въ церковно-приходской школѣ онъ поручаетъ „развитіе круговора учащихся“ (стр. 15). Изъ способовъ преподаванія его отдастъ *преимущество* одновременному обученію буквамъ „гражданскимъ отечественно-письменнымъ и церковно-славянскимъ“ (стр. 16), т. е. тому, который наиболѣе труденъ и способенъ спутать обученіе даже въ рукахъ хорошаго учителя... О церковно-славянскомъ

обученіи говорится всего въ нѣсколькихъ строкахъ (стр. 20). Въ немъ самое трудное, по его мнѣнію, *титла и циферные знаки!* „Цѣль обученія церковно-славянскому языку—по словамъ его—состоитъ единственно въ томъ, чтобы дать ученикамъ возможность понимать молитвословія“.

Прошедшее въ церковно-приходской школѣ на западѣ въ виду будущаго нашей. Протоіерея П. Смирнова. Москва, 1886 года.

Брошюра эта представляетъ рѣчь, сказанную авторомъ ея, съ нѣкоторыми сокращеніями, въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія вскорѣ послѣ изданія Высочайше утвержденныхъ Правилъ о церковно-приходскихъ школахъ и по поводу этихъ Правилъ. Она является такимъ образомъ первою по времени и прибавимъ—доселѣ единственною въ своемъ родѣ въ нашей литературѣ попыткою къ разъясненію вопроса величайшей важности для нашего и для послѣдующаго времени. Авторъ говорилъ въ такое время, когда у всѣхъ истинныхъ печальниковъ образованія нашего народа лежала на душѣ тревожная дума о будущности нашей, „какъ бы вновь зарождающейся“, православно-приходской школы, когда одни съ недоумѣніемъ, другіе со страхомъ и немногіе съ удивленіемъ и вѣрою глядѣли на смѣлое наступленіе ея съ одной стороны—въ виду особенно обострившагося и, можно сказать, рокового вопроса о направленіи школы на западъ“ (стр. 3), съ другой—въ виду оуществующихъ уже у насъ „школъ хорошо обставленныхъ и обезпеченныхъ“, сама не имѣя, подобно первымъ проповѣдникамъ христіанства, ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясѣ своемъ“ (стр. 56).

Въ особенности такая дума глубоко залега на душѣ тѣхъ, предъ которыми автору довелось сказать свое посиль-

ное слово. Авторъ чутко прислушался къ этому общему настроенію ревнителей народнаго образованія и весьма удачно отвѣтилъ на это. Онъ не вводитъ своихъ слушателей въ сущность вопроса, не заставляетъ ихъ еще разъ переживать тотъ тяжелый процессъ, который привелъ къ сознанію необходимости церковно-приходской школы, не строитъ плановъ для нея: „я имѣю—говоритъ самъ онъ—высказать только то, что представляется, такъ сказать, съ перваго раза“ (стр. 5), и что—прибавимъ мы—несомнѣнно было на душѣ у всѣхъ слушателей его, было не ясно, не увѣренно въ себѣ, что требовало разъясненія, утѣшенія, одобренія. И эта задача исполнена авторомъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла и такимъ же тактомъ.

Объясненія его столь просты и естественны, что какъ бы сами собою вырастаютъ изъ той глубокой думы, которой проникнуто было собраніе слушателей,—столь содержательны, что, несмотря на скромность задачи, заключаютъ въ себѣ пути къ разрѣшенію всѣхъ главныхъ трудностей вопроса,—наконецъ столь прозрачны, что для ума непредубѣжденнаго не оставляютъ никакого сомнѣнія какъ въ глубокой правотѣ и истинности предстоящаго дѣла, такъ и въ успѣшности его.

Для исполненія своей задачи, авторъ весьма удачно избралъ путь историческій, именно тотъ путь, который прошла западно-европейская школа—главная виновница тревогъ за будущность и нашей церковно-приходской школы. Разъясненіе причинъ и обстоятельствъ, приведшихъ эту школу къ печальному разладу съ церковію, имѣетъ весьма важное значеніе для нашей вновь зарождающейся церковной школы. Это разъясненіе требуется прежде и болѣе всего, именно „съ перваго раза“. Оно, по словамъ самого автора, „съ одной стороны указало бы намъ рядъ опасностей, предохранило бы насъ отъ ошибокъ и увлеченій, уже испытанныхъ, съ другой—могло бы послужить къ опредѣленію истиннаго

типа православной церковно-приходской школы, такъ какъ движеніе церковной жизни на западѣ представляетъ два рѣзко очертившіяся и во многомъ противоположныя направленія, между которыми именно и стелется срединный путь истины“ (стр. 4). Авторъ отклоняетъ отъ себя задачу „услѣдить этотъ золотой срединный путь и поставить на него нашу церковно-приходскую школу“,— „это—говоритъ онъ—дѣло многихъ и сильныхъ, дѣло также многихъ лѣтъ“ (тамъ же). Но то небольшое, что авторъ даетъ въ своей рѣчи, достаточно ясно опредѣляетъ этотъ путь и способы дальнѣйшаго дѣланія на немъ.

Общая мысль брошюры состоитъ въ слѣдующемъ. Католичество и протестанство страдали и страдаютъ такими крайностями въ дѣлѣ воспитанія, которыя неминуемо привели ихъ къ разладу съ школою и послужили поводомъ къ возникновенію въ западной педагогій противоположныхъ крайностей и увлеченій. Православная Церковь въ самыхъ нѣдрахъ своихъ носитъ такой типъ школы, который находится въ полномъ согласіи съ здоровыми началами воспитанія и не можетъ не пользоваться сочувствіемъ всѣхъ ревнителей народнаго образованія, а потому православная церковно-приходская школа можетъ смотрѣть на свою будущность съ твердою вѣрою и упованіемъ. Ходъ мыслей автора слѣдующій.

Начало церковно-приходской школы авторъ видитъ въ огласительныхъ школахъ первыхъ вѣковъ христіанства. Но въ то время, когда на востокѣ эти школы сохраняли свое истинное направленіе, когда восточные учителя и отцы Церкви (Александрійская школа, Іоаннъ Златоустъ) выражали „чистый и ясный взглядъ на дѣло воспитанія“ (8), на западѣ рано, еще у Тертуллиана и бл. Августина, появляется односторонность и крайность, осуждавшая всѣ тогдашніе способы образованія, ведущіе будто бы только къ развитію высокоумія, суемудрія и порочной жизни. „Впослѣдствіи въ этотъ пренебрежительный тонъ по отношенію къ общему об-

разованію вошли папы и подвластное имъ духовенство съ своими стремленіями къ преобладанію въ церкви. „Они старались болѣе господствовать надъ наслѣдіемъ Божиимъ, чѣмъ о томъ, чтобы просвѣщать народъ и быть образами стаду. Попеченіе о духовномъ просвѣщеніи массъ скоро было оставлено, и католическое духовенство вступило даже въ борьбу съ дѣятелями на поприщѣ науки и воспитанія. Уже въ темные средніе вѣка зарождаются и открываются борьба школы противъ католической церкви. *Artes liberales* появляются въ школахъ съ видимою неприязнью къ представителямъ *artis clericalis*. Реформація застала католичество среди борьбы съ свѣтскими заправителями школы и сразу нанесла ему два страшныхъ удара, вырвала изъ-подъ вліянія его высшую и среднюю школу и взяла подъ особенное свое вліяніе школу народную“ (9). Іезуиты усиливались вырвать изъ рукъ протестантовъ знамя науки и образованія; но школы іезуитовъ только ярче раскрыли духъ католичества—господства въ высшей и средней школѣ и пренебреженія къ низшей. Крайность іезуитовъ вывела расколъ въ самой католической школѣ. Янсенисты пытались основать школу на христіанствѣ, но не на панствѣ. Но попытка янсенистовъ уже не могла удалась, въ самомъ Римѣ къ ней отнеслись враждебно.

Въ свою очередь протестантство не могло поставить школу на прочныхъ основаніяхъ, лишивъ свою церковь того, что болѣе воспитательно дѣйствуетъ на народъ—богослуженія, таинствъ, самаго священства, какъ таинства. „Сухая догма, голый катехизисъ, до нельзя урѣзанное богослуженіе, длинная, утомительная проповѣдь—все это не можетъ дать удовлетворенія и душѣ взрослога челоуѣка... Въ особенности же среди этого обнищавшаго христіанства должна была голодать душа дѣтей“ (15). Авторъ приводитъ выписку изъ наставленій Лютера о преподаваніи Закона Божія въ школахъ, обнаруживающую всю мертвенность постановки дѣла, и находить, что „протестантскіе наставники, хотя бы и

искренно хотѣли, не могли удовлетворить потребностямъ дѣтскаго сердца и вызвали инныя враждебныя себѣ попытки воспитанія“ (16). Но появившіяся въ протестантской педагогіи два противоположныя направленія, оба имѣвшія задачей оживить мертвенность обученія, не удалась и только нанесли окончательный ударъ протестантству на поприщѣ религіознаго обученія.

Піетисты въ своихъ школахъ „молились, проповѣдывали, увѣщевали, упражнялись въ пѣснопѣніяхъ, при каждомъ удобномъ случаѣ. Всякая наука, не имѣвшая прямого отношенія къ религіи, презиралась“. Послѣдствіемъ такого воспитанія было только „притворное и напускное благочестіе и неизмѣнные его спутники: ханжество, ложь, лицемѣріе, фарисейство“ (16). Съ другой стороны, Раттихъ, пытавшійся согласить новыя, уже прорывавшіяся, идеи воспитанія съ протестантствомъ, вызвалъ противъ себя только яростныя нападки не только со стороны католиковъ, но и со стороны кальвинистовъ и лютеранъ, а Коменскій, несмотря на все стараніе, уже „не могъ примѣнить къ своему обнищавшему христіанству“ своихъ лучшихъ педагогическихъ идей предметности, наглядности и постепенности, а также идеи учительскихъ семинарій, и самъ косвенно уже указываетъ школамъ иную дорогу.

Между тѣмъ возбужденіе умовъ, поднятое тою же реформациею, быстро росло, проникая все сферы быта общественнаго. Вопросъ о воспитаніи выступалъ все болѣе и болѣе настойчиво. Идеи Бекона и Локка открывали рѣшительный моментъ въ этомъ вопросѣ. Но въ этотъ рѣшительный моментъ и католичество, и протестантство только ярче раскрыли свое безсиліе дать прочныя основы воспитанію. Появилась теорія Руссо—начало не только отпаденія, но и вражды школы съ церковію. Въ дальнѣйшемъ ходѣ идеи воспитанія въ системѣ Базедова, съ ея гармоническимъ развитіемъ задатковъ природы въ душѣ дитяти,—въ системѣ Песталоцци,

съ ея враждебностью ко всѣмъ предвзятымъ, школьнымъ планамъ, въ особенности къ церковности, — въ системѣ Дистервега, съ идеей „воспитанія сообразно назначенію человѣческой жизни для независимости путемъ самодѣтельнаго развитія“, авторъ видитъ постепенно усиливающійся разладъ и окончательный разрывъ между школою и церковію на западѣ. Рѣшительная попытка протестантовъ вернуть школу къ религіознымъ основамъ, выразившаяся въ такъ называемыхъ Прусскихъ Регулятивахъ (1854), только яснѣе подтвердила безсиліе протестантства въ этомъ живомъ дѣлѣ церкви. „Суть катехизиса, долбленіе текстовъ, цифры въ изученіи молитвъ, механизмъ въ изученіи религіозныхъ истинъ“, — вотъ чѣмъ протестантство боролось противъ „педагоговъ, охваченныхъ отвагою свободомыслія“. „Появленіе этихъ Регламентовъ ускорило — по словамъ автора — конецъ борьбы, длившейся около двухъ вѣковъ“ (32). Обѣ борющіяся стороны дошли до крайности, до невозможности примиренія. Послѣдовалъ затѣмъ Прусскій законъ 1872 г., объявившій школу исключительно государственнымъ учрежденіемъ, съ устраненіемъ изъ него религіознаго характера, а во Франціи послѣдовало изгнаніе изъ школъ не только преподаванія религіи, но и всѣхъ религіозныхъ знаковъ. То и другое явленіе составляютъ послѣднее слово правительственныхъ сферъ въ странахъ католическихъ и лютеранскихъ въ отношеніи школы. Со стороны поборниковъ новѣйшей педагогіи авторъ видитъ послѣднее слово въ желаніи, высказанномъ Шмидтомъ, преподавать въ школахъ Законъ Божій „на религіозной основѣ этического (нравственнаго) свойства, т. е. не обращая вниманія на различіе вѣроисповѣданій, имѣя въ виду лишь то, что связываетъ людей, а не то, что разъединяетъ ихъ“. „Куда можетъ унести этотъ бурный потокъ (эпоха), странно и подумать“, говоритъ авторъ по этому поводу и въ заключеніе своего историческаго обзорѣнія (35).

„Какіе же выводы и заключенія, вообще какое для себя назиданіе можемъ мы извлечь изъ печальной исторіи церковно-приходской школы на западѣ“ спрашиваетъ авторъ.

1) „Прежде всего—отвѣчаетъ онъ—чувствуется необыкновенная важность и самаго этого дѣла въ жизни народной и настоящаго времени“. Въ школѣ „вся жизнь, все будущее страны“. Наше время въ особенности напоминаетъ намъ объ этомъ. „Теперь народъ нашъ какъ бы просыпается“. Реформы прошлаго царствованія поставили его на путь развитія. Разныя, враждебныя Церкви и государству, вліянія „спѣшаютъ воспользоваться благодѣяніями минуты“ и „рвутся проникнуть въ народъ съ любезнымъ каждому знаменемъ науки и просвѣщенія“. „Время не опущено, но можетъ быть скоро опущено. Дѣло дается въ руки, но можетъ настать время, когда будемъ усиленно искать его и не найдемъ... Какъ страшно это слово: *теперь или никогда!*“ (37, 38). Народъ „желаетъ духовной пищи только отъ Церкви, не хочетъ другого ученія, какъ только въ духѣ церковномъ“; съ высоты престола духовенство призывается показать себя достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ. И духовенство, безъ сомнѣнія, не остановится въ этомъ своемъ призваніи ни окружающимъ его недоверіемъ и сомнѣніями въ способности его къ этому дѣлу, ни своими немощами, помня, что оно „орудіе той великой силы, которая въ немощахъ совершается“ (40).

2) „Дѣло церковно-приходской школы тѣснѣйшимъ образомъ соединено съ священнодѣйствіемъ крещенія, и есть именно то оглашеніе, которое для взрослыхъ должно предшествовать крещенію, для младенцевъ должно послѣдовать за нимъ, какъ только они придутъ въ возрастъ; въ томъ и другомъ случаѣ неразрывно связано съ нимъ: „научите крестяще“, сказалъ Господь... Этотъ долгъ въ отношеніи къ дѣтямъ строго выполняла Церковь Христова на востокѣ въ своихъ огласительныхъ школахъ. „Духовенство западной цер-

кви тѣмъ и погрѣшило, что оно, во-первыхъ, эту единую обязанность священника—какъ бы раздѣлило: католическій священникъ мнилъ себя болѣе совершителемъ таинствъ, протестантскій—болѣе проповѣдникомъ и учителемъ. Когда живое тѣло расцѣпляется пополамъ, то иной ему участи и быть не можетъ, какъ омертвѣніе“ (41). Въ дальнѣйшемъ развитіи мысли объ обязанности священника учить дѣтей, авторъ между прочимъ живо изображаетъ недостаточность одного законоучительства въ школахъ, при чемъ справедливо указываетъ на то обстоятельство, что „европейскій типъ, въ особенности средней и высшей школы, слагался въ то время, когда уже подорванъ былъ союзъ школы съ Церковію, и наставленіе въ религіи было всячески урѣзывается, сокращаемо, а иногда оставлялось только ради внѣшняго приличія; а оттуда онъ заимствованъ и для нашей школы“ (45).

3) Происхожденіе школы опредѣляетъ и ея программу. Авторъ излагаетъ ее согласно съ указаніями, данными въ Высочайше утвержденныхъ Правилахъ о церковно-приходскихъ школахъ, при чемъ живо рисуетъ окружающія духовенство искушенія и свѣжія еще увлеченія педагогическими модными теоріями въ преподаваніи самаго Закона Божія, выражая полную надежду, что церковно-приходская школа, какъ показываютъ уже появляющіеся опыты, въ цѣломъ строѣ своего курса точно и неуклонно сохранитъ истинный духъ Церкви. Этотъ духъ не только не отвергаетъ, напротивъ вполне одобряетъ „выработанныя новою педагогіей хорошія правила относительно постепенности, наглядности, самостоятельности въ обученіи дѣтей,“ а также „новоизобрѣтенныя и оказавшіеся на практикѣ полезными способы наученія дѣтей грамотѣ и счисленію“. Надобно, говоритъ авторъ, чтобы о нашей школѣ сказали: нѣтъ, это не католическая школа съ своею замкнутою исключительностію и пренебреженіемъ ко всему, что не ея, и не протестантская, гордо

выступившая съ своимъ рѣціонализмомъ и затѣмъ совершенно обезличенная; это школа Церкви, но Церкви—матери“ (53).

4) „Коренной и отличительный характеръ православной Церкви—не господствовать въ государствѣ, къ чему всегда стремилась церковь римско-католическая“, но и не „сливаться съ государствомъ подобно протестантству“, а стараться „проникнуть все государственное и общественное устройство животворнымъ духомъ христіанства“; этотъ характеръ „долженъ отразиться и въ церковно-приходской школѣ—по отношенію къ другимъ учрежденіямъ и дѣтелямъ того же рода“. Авторъ разумѣетъ здѣсь школы министерскія и земскія. Онъ желаетъ церковно-приходской школѣ не сепаратизма, розни и вражды въ отношеніи этихъ школъ, но мира и согласія. „Назначеніе ея—положить прочное церковное основаніе первоначальному образованію дѣтей и по возможности внести духъ церковности и православія и въ другія школы“ (53, 54).

5) Въ отношеніи къ такъ называемымъ школамъ грамоты авторъ рекомендуетъ священникамъ тотъ истинный „духъ православія“, который и надломленной трости не преломить и льна курящагося не угасить (55), беречь ихъ, оказывать защиту и покровительство.

Вотъ существенныя мысли о. протоіерея Петра Смирнова. Читатель видитъ, что въ нихъ обняты всѣ существенныя стороны церковно-приходской школы,—что представленныя авторомъ основы для этой школы суть *духъ и истина* нашей святой православной Церкви,—что высказанныя имъ пожеланія для нея какъ будто выхвачены изъ тайника души каждаго ревнителя истиннаго обученія нашего народа. Мы изложили только самое существенное въ брошюрѣ. Въ развитіи своихъ мыслей авторъ повсюду даетъ много цѣнныхъ указаній, имѣющихъ важное значеніе не только для духовенства, но и для всякаго учителя. Дорогъ также этотъ тихій, кроткій, мирный духъ, среди царившихъ доселѣ въ

нашей народно-педагогической сферѣ препирательствъ, недо-
вѣрія, подозрѣній. Языкъ брошюры повсюду простъ, необы-
кновенно ясенъ и точенъ, рѣчь теплая, задушевная. Вообще,
брошюра о. Петра Смирнова представляетъ рѣдкое явленіе
въ нашей народно-педагогической литературѣ и вполне
достойно открываетъ собою возрожденіе православно-русской
церковно-приходской школы.

РАЗБОРЪ РУКОВОДСТВЪ И ПОСОВІЙ ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ И КНИГЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Теорія словесности. Сводъ теоретическихъ положеній, выведенныхъ изъ разборовъ образцовъ прозы и поэзіи“ (Москва. 1883 года. 83 стр. К. Козьмина и В. Покровскаго).

Въ послѣднее время въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ господствуетъ взглядъ на теорію словесности, какъ на сводъ теоретическихъ положеній, выведенныхъ изъ разборовъ прозы и поэзіи. Эта метода, наиболѣе естественная для первоначальнаго преподаванія теоріи словесности, требуетъ отъ преподавателя строгаго вниманія къ самому себѣ, дабы не увлечься личными вкусами въ отношеніи образцовъ и не впасть въ односторонность выводовъ и теоретическихъ положеній. Въ массѣ существующихъ у насъ руководствъ по этому предмету значительное число имѣется такихъ, которыя страдаютъ этого рода недостатками. Число такихъ руководствъ пополняетъ собою и разсматриваемое сочиненіе. Повсюду очевидно, что теоретическими взглядами ихъ управляютъ только тѣ образцы, которые ими излюблены и разобраны были съ учениками, иногда безъ соображенія, а большею частію лишь съ слабымъ соображеніемъ ихъ съ существующими однородными образцами древними и новыми. Это—главнымъ образомъ или исключительно—русскіе традиціонные образцы, принятые въ программу словесности; между ними найдется для преподавателя излюбленный въ ка-

ждомъ почти родъ произведеній образецъ, который и налагаетъ печать своего духа на теоретическое положеніе.

Напр. вотъ опредѣленіе трагедіи.

„Трагедія изображаетъ дѣйствіе возвышенное, возбуждающее въ зрителяхъ страхъ и состраданіе. Героємъ трагедіи является человѣкъ съ непреклонной волей, съ сильными страстями, съ широкими замыслами. Онъ ставится въ такое положеніе, что его сердечныя, душевныя желанія и страсти сталкиваются съ нравственнымъ долгомъ, или другимъ какимъ-либо непреоборимымъ препятствіемъ. Происходитъ борьба, изъ которой нѣтъ другого исхода, кромѣ гибели. Если герой послушается своей совѣсти, то онъ лишится счастья, котораго онъ добивается. Если же онъ осуществитъ свое желаніе, перешагнувъ чрезъ преступленіе, то потеряетъ душевный покой и долженъ вѣчно переносить мученія совѣсти. Преступленія героя и ожидаемая за это казнь невольно возбуждаютъ въ зрителяхъ чувство страха. Бѣдствія его, зрѣлище его глубокихъ душевныхъ страданій, которыя иногда заканчиваются смертію, возбуждаютъ состраданіе къ нему, примиряютъ съ его заблужденіями“. „Лучшая трагедія въ нашей литературѣ—это *Борисъ Годуновъ*—Пушкина“, прибавляютъ авторы (36 и 37).—Все эти черты трагедіи списаны именно съ „Бориса Годунова“—Пушкина. Между тѣмъ, это гениальное произведеніе Пушкина во многихъ отношеніяхъ самобытное, и на немъ нельзя строить теоріи трагедіи. По мнѣнію авторовъ, герой трагедіи—непремѣнно человѣкъ съ сильными страстями и борется съ нравственнымъ долгомъ, или съ другими какими-либо препятствіями, непремѣнно шагаетъ къ своему завѣтному желанію чрезъ преступленіе. А *Гамлетъ*—это, по словамъ Гете, „прекрасное, чистое, благородное, въ высшей степени нравственное существо, но не обладающее нравственными силами героя и падающее подъ тяжестію, которой оно ни снести, ни сбросить съ себя не можетъ... отъ котораго требуютъ невозможнаго, не

по существу своему, а только для него невозможного? Гамлетъ ли не слушаетъ совѣсти? Онъ ли борется съ нравственнымъ долгомъ и шагаетъ къ счастію черезъ преступленіе? А *Орлеанская дѣва*—эта благороднѣйшая жертва высшаго призванія и высшаго долга?... Развѣ не возможна трагедія, герой которой не съ сильными страстями, но только съ глубокими и сильными ощущеніями, и борется онъ не противу, а во имя нравственнаго долга? Борется не съ совѣстію, а во имя совѣсти и чести, и умираетъ, не только не теряя душевнаго покоя и не испытывая мученій совѣсти, напротивъ съ полнымъ утѣшеніемъ въ совѣсти и въ чувствѣ? Съ точки зрѣнія авторовъ, вовсе не понятны будутъ и трагедіи Эсхила, Софокла, Еврипида, гдѣ герои борются не съ нравственнымъ долгомъ, а съ рокомъ, предопредѣленіемъ. „Преступленія героя и ожидаемая за это казнь невольно возбуждаютъ въ зрителяхъ чувство страха“, утверждаютъ авторы. Слѣдовало бы поонить, что это чувство страха—именно къ преступленіямъ.—„Бѣдствія героя, зрѣлище его глубокихъ душевныхъ страданій, возбуждаютъ состраданіе къ нему, примиряютъ съ его заблужденіями“, добавляють они. А этотъ главный герой, въ трагедіи Шиллера „Братья-разбойники“, старшій Мооръ развѣ возбуждаетъ къ себѣ состраданіе въ зрителяхъ? Примирится ли зритель съ его преступленіемъ? Пушкинъ гениально понялъ русскую натуру, когда наряду съ ужаснымъ преступленіемъ раскрылъ въ душѣ преступника богатое сокровище высокихъ свойствъ и въ особенности ту нѣжную струю семейственности, которая такъ живо отзывается въ душѣ русскаго человѣка и такъ способна увлечь его до состраданія къ преступнику. Но, повторяемъ, это произведеніе Пушкина—самобытное, напоминающее въ этомъ отношеніи „Короля Лира“—Шекспира. Нельзя переносить всѣ черты его на теорію трагедіи вообще.

Такая же односторонность и въ опредѣленіи комедіи. „Драматическое произведеніе, въ которомъ изображается дѣй-

стве низкое, пошлое, мелкое, называется комедіей. Герои комедіи—люди невѣжественные, неблагонамѣренные. Они борются изъ-за ничтожныхъ и эгоистическихъ цѣлей (скопленіе богатства, играніе первыхъ ролей въ кругу своихъ сосѣдей и знакомыхъ, чиновничье самолюбіе и т. д.). Для достиженія своихъ цѣлей они придумываютъ безразсудныя средства, строятъ забавныя планы. Происходитъ множество запутанныхъ столкновеній, противорѣчій, является суматоха. Нелѣпныя надежды и сумаобродныя намѣренія героевъ неожиданно для нихъ разлетаются въ прахъ... Это зрѣлище неразумія и пошлости такъ рѣзко противорѣчитъ тому, что мы считаемъ разумнымъ и благороднымъ, что невольно возбуждаетъ смѣхъ. Этотъ смѣхъ и примиряетъ зрителя съ недостатками комическихъ героевъ". Авторы цитуютъ для образца „Ревизора“ Гоголя. Это и все.

Не ясно ли, что это столь подробное опредѣленіе комедіи списано главнымъ образомъ съ комедіи „Ревизоръ“—Гоголя, и притомъ весьма поверхностно? Если комедія изображаетъ дѣйствіе низкое, мелкое, пошлое, если герои комедіи—люди невѣжественные, неблагонамѣренные, то какъ объяснить себѣ ученикъ хотя бы, несомнѣнно классическое у насъ, произведеніе—„Горе отъ ума“—Грибоѣдова, гдѣ герои принадлежатъ къ наиболѣе цивилизованному кругу второй столицы Россіи и считаютъ себя, какъ и вся Москва считала ихъ, самыми благонамѣренными людьми? Какъ въ особенности объяснить онъ типъ Чацкаго, которому принадлежитъ здѣсь самая сильная роль—и несомнѣнно комическая, глубоко задуманная? Ученикъ невольно поставитъ Чацкаго на одну доску съ Стародумомъ, сдѣлаетъ изъ него Новодума—и сдѣлаетъ грубую ошибку. Какъ понять это темное царство въ комедіяхъ Островскаго, эти оригинальные типы, съ желѣзною волей, съ убѣжденіями, въ которыхъ дышатъ цѣлыя вѣка традицій честныхъ, увѣренныхъ въ своей святости и непогрѣшимости, непреклонныхъ до пожертвованія

жизнию? По опредѣленію авторовъ ученикъ смѣшаетъ комедію съ водевилями комическими и съ балаганными пьесами и вовсе не будетъ имѣть понятія о томъ искусствѣ, которое мѣтко охарактеризовалъ самъ Гоголь, т. е. о смѣхѣ „сквозъ невѣдомыя міру слезы“. По мнѣнію авторовъ, комическіе герои „придумываютъ безразсудныя средства“ для своихъ нецѣльныхъ цѣлей, „строятъ забавные планы“. Но это—искусство балаганное, а не художественное произведеніе, фарсъ, а не комедія. „Смѣхъ,—говорятъ авторы,—примиряетъ зрителя съ недостатками комическихъ героев“. Если бы такъ было въ дѣйствительности, то комедія была бы искусствомъ, развращающимъ общество, а не развивающимъ и облагораживающимъ его. Не съ недостатками комическихъ героевъ смѣхъ примиряетъ зрителей, а съ жизнью, показывая истинныя причины недостатковъ, возможность и способъ борьбы съ ними, исправленія общественныхъ нравовъ.

Послѣ всего этого, теоретическое опредѣленіе у авторовъ, что „драма въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова представляетъ соединеніе трагедіи съ комедіей“ (стр. 37)—оставляетъ въ умѣ ученика лишь смутное представленіе. „Драма,—поясняютъ авторы,—представляетъ событіе такимъ образомъ, что оно начинается, продолжается и оканчивается въ данный моментъ предъ глазами зрителя. Здѣсь происшествіе является какъ бы настоящимъ, а дѣйствія лицъ не рассказываются, какъ въ эпической повѣи, а они какъ бы сами дѣйствуютъ. Лица, выведенныя въ драмѣ, стремятся привести въ исполненіе какое-нибудь желаніе. Такъ какъ при этомъ они встрѣчаютъ препятствія, то необходимо происходитъ столкновеніе, или борьба, изъ которыхъ возникаетъ рядъ столкновений, дающихъ содержаніе драмѣ“ (стр. 35). Это—наборъ словъ, представляющихъ кое-какъ наружный видъ драмы, но нисколько не уясняющій сущности ея.

„Въ драмѣ явленія группируются въ три или пять актовъ“ (стр. 36). Почему же не въ большее или меньшее

число ихъ? Отвѣта нѣтъ. Должно полагать, что такъ авторы видѣли на избранныхъ образахъ; и этого довольно у нихъ для теоретическаго положенія.

Родъ произведеній, слишкомъ разнообразный по своимъ формамъ, оказывается еще болѣе труднымъ для вывода изъ образцовъ теоретическихъ положеній. Эпосъ авторы опредѣляютъ, какъ „повѣстическій разсказъ о томъ, что было, или что могло быть въ дѣйствительности“ (стр. 25 и 26). Важнѣйшія формы эпоса дѣйствительно имѣютъ форму историческаго событія, разсказа (поэма, баллада, былина, сказка и т. д.). Но тутъ же встрѣчаются и такія формы:

а) Пословица. Всего менѣе этотъ родъ, по своей формѣ, подходит къ господствующимъ образцамъ эпоса. Авторы, оставаясь вѣрными принятому основанію—выводить теоретическія положенія о родахъ и видахъ произведеній изъ самыхъ образцовъ этихъ произведеній, въ опредѣленіи пословицы не обратили вниманія на это обстоятельство и ограничились непосредственнымъ выводомъ опредѣленія лишь изъ образцовъ самихъ пословицъ. Пословица—по ихъ опредѣленію—краткое изреченіе, содержащее или поученіе, совѣтъ, правило, или живую характеристику какого-либо предмета или явленія“ (стр. 27). Затѣмъ приводятъ примѣры пословицъ—и только. Ученикъ такъ и остается въ недоумѣніи, да почему же пословица относится къ эпосу? Гдѣ тутъ повѣстическій разсказъ? Онъ несомнѣнно есть, пословица—только выводъ изъ него, да авторы забыли это обстоятельство.

б) Далѣе *идиллія* (по-русски, толкуютъ авторы, картинка, видъ), тоже видъ эпоса. Между тѣмъ оказывается, что она, какъ и сами авторы поясняютъ, „составляетъ противоположность“ поэмѣ—главному виду эпоса. Но авторы, опять, свое теоретическое положеніе выводятъ только изъ образцовъ самой идилліи, безъ связи ея съ одной общей идеей эпоса, именно, что она „изображаетъ частную семейную жизнь, ровно, тихо и спокойно текущую у домашняго

очага“, а въ объясненіи этого положенія ограничиваются исчисленіемъ противоположностей ея съ поэмой—до того, что сами же заключаютъ это сравненіе такъ: „поэма разсказываетъ, идиллія описываетъ... Поэма отличается спокойнымъ безпристрастіемъ, объективностью, идиллическая живнь, идиллическіе герои, идиллическія мечтанія отражаютъ исключительность, личное чувство, лиризмъ“ (стр. 30). Да почему же, спроситъ ученикъ, идиллія все-таки есть эпосъ, а не лирика? Отвѣта нѣтъ.

Характерно здѣсь и то, что авторы образцомъ идилліи считаютъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“—Гоголя, опуская изъ виду, что предметомъ идилліи служитъ положительная, а не отрицательная сторона жизни.

Подобная рабская зависимость отъ избранныхъ или традиціонныхъ въ школѣ образцовъ господствуетъ у авторовъ по всей книжкѣ ихъ, почему теоретическія положенія въ ней страдаютъ или односторонностію, или неопредѣленностію и неясностію. Меньше всего личныхъ недостатковъ ихъ въ первой части, стилистикѣ, гдѣ они строго слѣдовали установившимся опредѣленіямъ, хотя сплошь повторяютъ опредѣленія только по внѣшнимъ признакамъ, требующимъ отъ учениковъ механическаго заучиванія опредѣленій, особенно въ статьяхъ о періодахъ, тропахъ и фигурахъ. Слабѣ другихъ третья часть—теорія поэзіи, представляющая наиболѣе самостоятельности авторовъ. Неточности въ опредѣленіяхъ второй части: „изображеніе предмета посредствомъ перечисленія его признаковъ называется описаніемъ“ (20). Повѣствовательныя сочиненія, представляя по преимуществу *жизнь чело́вѣка въ дѣйствіи*, являются“ и проч. (22) „Ораторская рѣчь есть *разсужденіе назначенное для произношенія*“ (25) и др.

Въ противоположность избранному методу, отъ котораго ожидалась живость опредѣленій, всѣ опредѣленія его на противъ страдаютъ догматизмомъ и сухостію.

Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности, съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли и объясненіемъ каждой статьи, съ темами и планами для устныхъ и письменныхъ упражненій. Ч. I-я, для младшаго возраста. Ч. II, для 3, 4 и 5 классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, для старшихъ классовъ городскихъ училищъ и народныхъ школъ (Изданіе 4-е. Казань. 1887 года).

Всѣ прежнія изданія обѣихъ частей одобрены Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для первыхъ пяти классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для старшихъ отдѣленій и старшихъ классовъ городскихъ и сельскихъ училищъ.

Въ предисловіи къ 1 части авторъ говоритъ слѣдующее: „Цѣль *Сборника статей*, какъ и цѣль объяснительнаго чтенія, состоитъ въ томъ, чтобы дать ученикамъ статьи по возможности самаго разнообразнаго содержанія, проникнутыя одною идеею и *направленныя къ развитію въ ученикахъ чувства истины, добра и красоты и къ образованію въ нихъ разумнаго, благороднаго идеала, къ которому они невольны стремились бы.* На чтеніи статей нужно пріучить учениковъ приводить въ гармонію внѣшнее выраженіе мысли съ внутреннимъ ея содержаніемъ, при этомъ *пусть ученики увидятъ образцы того, какъ глубокую мысль и сильное чувство можно ясно и сильно выразить въ языкъ.* На чтеніи образцовыхъ произведеній пусть *ученики наблюдаютъ также разнообразныя изящныя построенія, отъ которыхъ они потомъ пусть переходятъ путемъ подражанія къ самостоятельнымъ словеснымъ упражненіямъ какъ устнымъ, такъ и письменнымъ.*“

Изъ этихъ словъ самого автора прямо вытекаетъ, что книга его не можетъ быть руководствомъ для начальныхъ училищъ, въ которыхъ ближайшею задачею обученія рус-

скому языку служатъ существенныя требованія самаго языка и окружающія дѣтей нужды народнаго быта, а не отвлеченныя *идеалы*, хотя бы *разумныя и благородныя*, и не *изящныя разнообразныя построенія* рѣчи, путемъ подражанія лучшимъ литературнымъ образцамъ.

Что касается среднихъ учебныхъ заведеній, то объ книги его вполне отвѣчаютъ своей задачѣ. Всѣ статьи въ обѣихъ книгахъ подобраны удачно. Желательно только пополнить отдѣлъ статей для религіознаго чтенія (въ 1 части), въ настоящемъ составѣ (5—6 стихотвореній) онъ слишкомъ блѣденъ. Нѣкоторыя статьи въ той же части требуютъ большей внимательности отъ автора. Напр. конецъ сказки „Баба-Яга“ (стр. 39) совсѣмъ не удаченъ: „Дѣдъ какъ узналъ все это (посылка дочери мачехой къ Бабѣ-Ягѣ), разсердился на жену и застрѣлил ее, а самъ съ дочкой сталъ жить да поживать. И я тамъ былъ, медь—пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало“. Эта прибаутка въ сказкахъ употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда исторія оканчивается женитьбой. Сталъ дѣдъ съ дочкой жить да поживать, застрѣливши жену, выходитъ слишкомъ двусмысленно.—*Письмо гимназиста къ родителямъ*—(Гоголя) далеко не образцово по языку, по сыновнимъ чувствамъ и проч. Оно не идетъ въ подобныя книги. Еще болѣе не идутъ въ книги, назначенныя для учениковъ низшихъ классовъ, статьи въ родѣ статьи Плетнева *О домашней жизни Крылова* (стр. 76), которая наполнена исключительно описаніемъ крайней неряшливости гениальнаго баснописца,—дѣти не поймутъ этого разсказа, какъ должно. — Разсказъ Даля: „Чадолюбіе Медвѣдицы“ (40) не имѣетъ конца, а потому и достаточнаго смысла.—Сказка Пушкина *О рыбахъ и рыбкѣ* безъ всякой нужды сокращена и весьма неудачно: выброшены изъ нея въ разныхъ мѣстахъ по нѣскольку стиховъ, пополняющихъ разсказъ и служащихъ къ большей живости и картинности его, выброшенъ весь отдѣлъ о желаніи старухи быть вольной царицей,

старуха у него прямо изъ дворянки хочетъ быть владычицей морской.—Былину о томъ, *Какъ перевелись богатыри на Руси*, слѣдовало передать въ подлинномъ народномъ сказаніи, а не въ анализѣ только содержанія ея.—Вторая часть книги въ этомъ отношеніи гораздо болѣе исправна и не вызываетъ замѣчаній.

Каждая статья въ обѣихъ частяхъ снабжена необходимыми объясненіями для 1) вещественнаго разбора,—2) составленія плана ея,—3) вывода основной мысли,—4) темами для самостоятельныхъ упражненій письменныхъ и устныхъ. Эта особенность автора весьма полезна для дѣла. Этотъ сложный трудъ не могъ, конечно, обойтись безъ недостатковъ, но всѣ недостатки его совершенно не значительны въ сравненіи съ достоинствами его и пользы для дѣла. Два-три замѣчанія. При вещественномъ разборѣ нужно имѣть въ виду строгую точность, ясность и живость опредѣленія и объясненій. Авторъ всего болѣе грѣшитъ по этой части. Вотъ напр. у него объясненіе слова *каурка*: „масть лошади, у которой станъ рыжеватый, хвостъ и грива свѣтлѣе, а ремень потемнѣе, но не черный“ (I,74). Что тутъ поймутъ дѣти! Или: *падчерница*: „дочь, рожденная отъ перваго брака, относительно ко второму мужу своей матери, или второй женѣ своего отца, т. е. мачехѣ“ (I,28). Подобныхъ объясненій немало. Не вѣрно объясненіе слова *лукоморье*—„извилина моря“, „заливъ“ (II,147)—см. словарь Даля и польскій Линде. Древнее: *лукъ*, *луки* значитъ *край*, *граница*, *лукоморье*—берегъ моря.

Пятое изданіе разбираемаго сочиненія заключаетъ въ себѣ лишь нѣкоторыя перемѣны въ составѣ статей. Выброшено изъ прежняго изданія въ 1-й части 9 статей, и вмѣсто нихъ внесено 15 новыхъ статей. Всѣ эти 15 статей выбраны удачно. Изъ нихъ—*Отчего зло на свѣтѣ*—Л. Толстого безъ конца, именно нѣтъ отвѣта самаго пустынноика въ спорѣ звѣрей о происхожденіи зла (I,110). Во 2-й части не имѣется

ни одной новой статьи, а изъ состава прежнихъ выброшены: монологъ Бориса Годунова: *Достижь я высшей власти*—Пушкина и біографія Грибоѣдова, неизвѣстно почему. Все прочее въ обѣихъ частяхъ оставлено безъ перемѣны.—Изъ указанныхъ мною въ 4-мъ изданіи недостатковъ исправленъ только одинъ изъ самыхъ незначительныхъ, именно выброшено *Письмо къ своимъ родителямъ*—Гоголя.

Русская хрестоматія для приготовительнаго класса средне-учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ церковно-славянскаго текста и орфографическихъ упражненій. Составилъ Н. Покровскій, преподаватель Маріинскаго Института.—Правописаніе академическое. Ч. 1. Изданіе второе.

Въ предисловіи къ своей хрестоматіи авторъ говоритъ: „Задача хрестоматіи, какъ пособія въ дѣлѣ преподаванія отечественнаго языка, содѣйствовать, съ одной стороны, правильному развитію душевныхъ способностей дѣтей, съ другой—постепенной выработкѣ у нихъ дара слова. Искуснымъ выборомъ, и главнымъ образомъ изъ отечественныхъ писателей, хорошихъ образцовъ, доступныхъ по содержанію, ясныхъ, точныхъ и сильныхъ по языку, представляющихъ въ то же время одно законченное цѣлое, хрестоматія нормально развиваетъ воображеніе, память, разсудокъ дѣтей, пробуждаетъ въ нихъ высокія чувства—религіозное, нравственное, эстетическое и патріотическое, наконецъ приучаетъ ихъ незамѣтно осваиваться съ духомъ и свойствами классической рѣчи“.

Книга раздѣлена на 8 отдѣловъ: 1) дѣтскіе рассказы, числомъ 51, изъ нихъ 28 взяты изъ извѣстныхъ Книжекъ для первоначальнаго обученія гр. Л. Н. Толстого; 2) изъ русской природы и быта, по временамъ года, 41 рассказъ; 3) сказки—9; 4) басни—20; 5) изъ жизни замѣчательныхъ русскихъ людей—3 рассказа; 6) изъ русской исторіи—16

разказовъ; 7) церковно-славянская азбука съ текстомъ для чтенія и 8) упражненія по русскому правописанію.

Насколько отвѣчаетъ эта хрестоматія поставленной авторомъ задачѣ ея? И, во-1-хъ, — „развитію душевныхъ способностей дѣтей“? „Память и разумокъ дѣтей“, которые авторъ ставитъ здѣсь на первомъ планѣ, въ первомъ школьномъ возрастѣ развиваются не содержаніемъ самихъ статей, но преимущественно методами и способами, употребляемыми учителемъ при чтеніи и разборѣ ихъ. Авторъ ничего не говоритъ объ этихъ методахъ и способахъ занятій учителя по предложеннымъ въ его книгѣ статьямъ, очевидно относя всѣ эти занятія къ свободному распоряженію учителя. Поэтому и мы ничего не можемъ сказать о значеніи этихъ статей въ отношеніи одной изъ важнѣйшихъ задачъ хрестоматіи автора. Но развитіе тѣхъ свойствъ душевныхъ, которыя авторъ не совсѣмъ точно характеризуетъ названіемъ — „высокія чувствованія религиозное, нравственное, эстетическое и патріотическое“, зависятъ преимущественно отъ свойства самихъ статей, отъ ихъ смысла, духа, тона. Каковы же эти статьи, и — прежде всего — для развитія религиозныхъ свойствъ, поставленныхъ имъ самимъ на первомъ планѣ?

Не считая отдѣла для церковно-славянскаго чтенія, о которомъ будетъ рѣчь особо, собственно статей религиознаго содержанія въ книгѣ нѣтъ ни одной. Въ историческомъ имѣется четыре разказа, касающіеся предметовъ религиознаго свойства: *Крещеніе вел. князя Владиміра и русскаго народа*, отрывокъ изъ исторіи Соловьева, *Основаніе Печерскаго монастыря* — Водовозова, *Разказъ о св. Феодосіи* — Сиповскаго и *Троицко-Сергіева Лавра* — Петрушевскаго. Первый изъ этихъ разказовъ взятъ изъ учебника Соловьева отрывочно, безъ всякаго отношенія къ предыдущимъ обстоятельствамъ, раскрывающимъ побужденія великаго князя Владиміра къ принятію крещенія и просвѣщенія христіанской вѣрою всей земли русской. Онъ начинается такъ: „Въ 988

году пошелъ Владиміръ съ войсками на Корсунь“. разсказывается ватѣмъ объ обложеніи города, упорствѣ корсунцевъ, о стрѣлѣ, пущенной изъ города Анастасомъ, о предложеніи Владиміра греческимъ царямъ выдать за него въ замужество свою дочь, отвѣтъ царей о неприличіи христіанкѣ быть женою язычника, согласіе Владиміра креститься, крещеніе и бракъ его, ватѣмъ возвращеніе въ Кіевъ и крещеніе кіевлянъ. Самъ по себѣ этотъ отрывокъ оставляетъ впечатлѣніе, что Владиміръ крестился единственно изъ желанія жениться на греческой царевнѣ, т. е. сообщаетъ предствленіе невѣрное. *Основаніе Печерскаго Монастыря въ Кіевѣ* представляетъ, на одной страничкѣ, только механическую сторону поселенія преподобнаго Антонія и работы первыхъ пещерниковъ по устройству пещеръ и постройкѣ монастыря на верху горы, и ни однимъ словомъ не упоминаютъ о подвигахъ пещерниковъ, о томъ, что привлекало тогда, и что доселѣ влечетъ къ этой обители народъ русскій.—*Разсказъ о святомъ Феодосіѣ* касается извѣстнаго случая его съ княжескимъ конюхомъ во время возвращенія отъ князя въ Печерскую обитель ночью. Разсказъ чисто механической. *Троицко-Сергіева Лавра* — также на одной страничкѣ механическое и совершенно безсодержательное изложеніе основанія и нынѣшняго вида знаменитой обители.

Вотъ и все, что имѣется въ книгѣ по части пробужденія въ дѣтяхъ религіозныхъ чувствованій. Въ числѣ историческихъ разсказовъ имѣется разсказъ „Княгиня Ольга“ — составленный авторомъ, по его словамъ, по воскресенской лѣтописи. По лѣтописямъ эта княгиня извѣстна, какъ язычница — хитрая, лукавая, жестокая, и какъ христіанка — свѣтлая звѣзда на зарѣ христіанства на Руси. „Си бысть предтекущая христіанской земли, аки дѣньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ... Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси... Радуйся русское познаніе къ Богу...“, говорятъ о ней лѣтописи. Трогательныя рѣчи ея къ Свято-

славу о принятіи вѣры Христовой, несомнѣнное вліяніе на внука Владимира, слѣды ея христіанской заботливости въ Кіевѣ и въ родномъ ея Псковѣ оставили и въ ближайшемъ къ ней и въ отдаленнѣйшемъ русскомъ населеніи и доселѣ святую и высоко-поэтическую память о ней. Г. Покровский выбралъ изъ лѣтописи только рассказы о хитрости, лукавствѣ и жестокости ея при мести древлянамъ за смерть мужа (158—160). Это уже и не прилично въ хрестоматіи для дѣтей.—Въ отдѣлѣ: „Изъ русской природы и быта“ всѣ хрестоматіи помѣщаютъ рассказы или описанія изъ быта религіознаго, такъ какъ русскій бытъ носить на себѣ во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе религіи. Не мало есть въ этомъ отношеніи хорошихъ статей, стихотвореній, или нарочитыхъ или съ мотивами, упоминаніями, вообще съ настроенъ религіознымъ. У автора всѣ подобныя статьи обойдены. По всему этому можно сказать, что въ книгѣ автора почти нѣтъ мѣста воспитанію религіозныхъ свойствъ дѣтей.

Какимъ путемъ книга эта можетъ вліять на развитіе нравственнаго чувства въ дѣтяхъ? Послѣ религіи на дѣтей въ этомъ отношеніи всего болѣе вліяетъ семья. Но изъ семейнаго быта статей въ книгѣ ни одной, развѣ—известный коротенькій рассказъ про пукъ прутьевъ, которые отецъ предложилъ дѣтямъ переломать, сначала вмѣстѣ, потомъ порознь. У автора главный расчетъ въ этомъ дѣлѣ на природу и бытъ. Правда, природа—вторая книга откровенія, умѣлое чтеніе ея съ дѣтьми живо вліяетъ на развитіе въ нихъ высшихъ чувствованій. Но, не говоря, уже о томъ, что безъ религіозно-семейнаго настроенія нѣтъ почвы въ дѣтской натурѣ для правильной воспримчивости къ природѣ, необъяснимо, чтобы взглядъ самого автора на природу былъ прямой, чуждый окраски, тенденціозности. Нельзя сказать, чтобы книга его не оставляла въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній. Вотъ, напр., статья изъ журнала „Дѣтскій садъ“—*Тоттызинъ*. Барская барышняшла на улицѣ простого и

овябшаго щенка, принесла домой и, отъ нечего дѣлать, рѣшилась заняться воспитаніемъ его, такъ чтобы сдѣлать его „самой счастливой собакой на овѣтъ“. По неумѣлости, барышня плохо повела физическое воспитаніе Топтыгина: въ холѣ и роскоши, сидя дома, на подушкѣ, поѣдая „пирогы, блины, жирное мясо и разныя сласти“, онъ издохъ отъ ожиренія. За то нравственное развитіе собаки барышня довела до желанныхъ примѣровъ: Топтыгинъ сталъ понимать многія *слова*, напр.: „сиди дома“, „стыдно тебѣ“ и т. д., на укоризну выражалъ стыдъ и „самое искреннее раскаяніе“. „Я тебѣ прощаю“, говаривала ему барышня,—и „эти *слова* производили на Топтыгина волшебное дѣйствіе“ (40). Былъ Топтыгинъ „неподкупной честности“. Онъ ко всѣмъ былъ не расположенъ, кромѣ своей воспитательницы, и „нерасположеніе его къ людямъ происходило отъ того, что онъ помнилъ, какъ жестоко они поступили съ нимъ, выбросивъ его маленькаго въ холодъ на улицу“ (40). Всѣхъ этихъ успѣховъ барышни показалось мало; ей, по словамъ ея, „захотѣлось испытать, до какой степени“ ей „удалось ласковымъ обращеніемъ, такъ сказать, очеловѣчить Топтыгина“ (42), и послѣ нѣсколькихъ опытовъ она „добилась того, чего хотѣла“. Все дѣло, однако, оказалось въ томъ, что барышня добилась того, что собака съ кошкою, жившія постоянно въ комнатахъ, перестали дичиться другъ друга и жили между собою мирно. Барышня увѣрена, что она побѣдила въ собакѣ природное свойство—нерасположеніе къ кошкѣ и тѣмъ показала возможность развитія въ собакѣ чисто человѣческихъ свойствъ. И это представляется не какъ мечта празднобарышни, а какъ серьезное дѣло.—Не извѣстно, какимъ именно свойствомъ объясняетъ авторъ умиленную дружбу льва съ собакой, брошенной ему на съѣденіе въ клѣтку, въ одномъ лондонскомъ звѣринцѣ (21). Вообще, преобладающее свойство книги г. Покровскаго—реализмъ того тщательно обработаннаго свойства, который такъ заманчиво выступилъ

въ извѣстныхъ книжкахъ для первоначальнаго чтенія Л. Н. Толстого. Необходима опытная рука преподавателя, чтобы на подобныхъ статьяхъ, блестящихъ по изложенію, воспитать дѣйствительныя человѣческія свойства въ дѣтяхъ.

Въ отношеніи содержанія статей перваго отдѣла нужно сказать, что въ нихъ не мало пустыхъ, таковы: 6) *Птицы въ сѣти*, 7) *Обезьяна*, 12) *Ежъ и Кротъ*, 13) *Булька*, 19) *Сурка*, 26) *Чудный врачъ*, 29) *Медведь на повозкѣ*, 41) *Русскій и Татаринъ*. Разказы: *Гадкій ученикъ*—Андерсена и *Приключенія молодой бѣлки Бобочки*—Чистякова дѣйствительно съ жаромъ, даже со слезами читаются дѣтьми нервными, особенно дѣвочками. Но въ учебной книгѣ они не должны имѣть мѣста, какъ развивающіе фальшивый сантиментализмъ. Во второмъ отдѣлѣ безъ нужды нагромождено стихотвореній однородныхъ. Между ними трудны по языку: 57) *Весеннія воды*—Тютчева, 61) *Весенняя гроза*—его же, 65) *Наступленіе утра*—Козлова, 72) *Послѣ бури*—его же. Пусты здѣсь прозаическія статейки: 91) *Масленица* и 92) *Зимній буранъ*. Въ отдѣлѣ сказокъ: 96) *Лисичкинъ постъ*—грубая по содержанію и духу, 97) *Мужикъ, Медведь и Лиса*—пустая. Въ отдѣлѣ басенъ: 110) *Туча* и 113) *Бѣлка* ничего не говорятъ дѣтямъ.

Слѣдующіе затѣмъ отдѣлы: *Изъ жизни замѣчательныхъ русскихъ людей* и *Изъ русской исторіи*, которые лучше бы слить въ одинъ отдѣлъ историческій. Всего обстоятельнѣе здѣсь разказы изъ дѣтства Петра I, Суворова и Ломоносова. Только второй изъ нихъ—Новаковского написанъ складно, живо, занимательно и весьма поучительно для дѣтей. Въ первомъ 8 разказовъ изъ Христоматіи Виноградова безжизненны и безцвѣтны, а въ разказѣ о Ломоносовѣ—изъ чтеній въ Соляномъ городкѣ, не мало вольныхъ описаній и личныхъ ощущеній автора, влагаемыхъ въ душу отрока и юноши холмогорскаго рыбака. Остальныя статьи,

изъ которыхъ четыре мы въ своемъ мѣстѣ разобрали, представляютъ случайный подборъ предметовъ, сухи и безцвѣтны для дѣтей по изложенію. Лучшая изъ нихъ: *Какъ проводили день русскіе цари*—Забѣлина не должна бы имѣть мѣста въ хрестоматіи для приготовительнаго класса, потому что дѣти этого возраста и подготовки не поймутъ ее въ прямомъ ея значеніи.

Текстъ церковно-славянскій на 17 страницахъ представляетъ: 1) церковно-славянскую азбуку; 2)—церковно-славянское счисленіе; 3)—слова подъ титлами, затѣмъ отрывочные стихи и рассказы изъ евангелія и изъ книги Бытія.

Буквъ въ славянскомъ алфавитѣ авторъ показываетъ 39. Иалишекъ на одну букву противъ числа, установленнаго святыми просвѣтителями славянъ, произошелъ отъ принятія за двѣ буквы *о* (микронъ) и *ω* (мега). Свести бы обѣ буквы въ одно названіе, какое онѣ и имѣютъ въ произношеніи, какъ свелъ авторъ разныя начертанія звуковъ *у* и *я*. Впрочемъ, этотъ предметъ въ разныхъ нашихъ изданіяхъ учебниковъ понимается крайне разнообразно: одни показываютъ 38 буквъ, другіе 39, 40—до 43. Слѣдовало бы обратить вниманіе подлежащихъ вѣдомствъ на этотъ предметъ и привести его къ единообразію.

Отъ азбуки авторъ прямо переходитъ съ дѣтьми къ церковно-славянскому счисленію, что очень трудно для дѣтей. Слѣдовало бы въ приготовительномъ классѣ или вовсе обойти этотъ предметъ, или знакомить съ нимъ дѣтей постепенно въ теченіе курса. Замѣтить нужно автору, что число 10000, по-славянски *тма*, изображается не чрезъ *ѣ* а чрезъ [â].

Затѣмъ авторъ переходитъ къ словамъ подъ титлами—также къ наиболѣе труднымъ надстрочнымъ знакамъ. Здѣсь въ словѣ *благъ* опечатка глѣз. Сокращенія *Іѣ* *Хѣ* ста-

вятся только на иконахъ, а не въ печати. Слово *небесныхъ* пишется обыкновенно подъ титлою, а не словотитлою, т. е. ѿбсѣхъ, а не ѿбхъ. Слово *царскій* авторъ сокращаетъ подъ словотитлою, но оставляетъ букву с—ѣрскій, напротивъ слово *человѣчскій* сокращаетъ подъ титлою, но выбрасываетъ букву с—члчкій. Слово *пресвятъ* подъ словотитлою прѣтъ, тогда какъ по правиламъ послѣднее слѣдовало бы прочесть *перстъ*, а не *пресвятъ*. Слово *преподобенъ* по сокращенію у автора прѣпенъ нужно ставить подъ добротитлою, а не подъ титлою простою.

Въ первомъ отдѣлѣ самаго текста, въ отрывочныхъ стихахъ, подборъ сдѣланъ скорѣе по краткости выражений, чѣмъ по степени трудности пониманія. Къ скудному количеству разказовъ евангельскихъ, къ разказу о крещеніи Господнемъ и вмѣсто разказа о бракѣ въ Канѣ Галилейской хорошо бы прибавить разказы о рождествѣ Христовомъ, о преображеніи Господнемъ, о воскресеніи и о вознесеніи на небо, о благословеніи дѣтей. Нѣсколько поясненій къ малопонятнымъ для дѣтей словамъ въ текстѣ поставлено только при двухъ разказахъ изъ книги Бытія, при всѣхъ остальныхъ нѣтъ никакихъ поясненій.—Опечатки въ текстѣ: „хождаста родителя отроча Инсуса на всяко лѣто“... т. е. *отроча* вм. *отрочати* (183) и *Снъ* безъ титлы (стр. 185).

Послѣдній отдѣлъ—*упражненія по русскому правописанію*—въ 35 §§ представляетъ въ первыхъ шести параграфахъ начальныя грамматическія понятія, а затѣмъ упражненія въ правописаніи. Этотъ отдѣлъ въ книгѣ, по нашему мнѣнію, наиболее удачно составленъ. Обняты всѣ главныя трудности въ правописаніи этого возраста и развитія, предложены самые простые способы къ устраненію ихъ. Здѣсь однако замѣтимъ:

Одиннадцать параграфовъ посвящено упражненіямъ на звуки неясные или неодинаковые въ письмѣ и произноше-

ни. Дѣйствительно, въ этомъ дѣлѣ для дѣтей требуются долгія упражненія. Но поелику главная основа для твердаго усвоенія этой статьи полагается при самомъ обученіи азбукѣ и чтенію, и на эти упражненія наиболѣе употребляется времени въ теченіе перваго года обученія грамотѣ, т. е. до поступленія въ пригготовительный классъ, то въ этомъ классѣ можно бы ихъ сократить, а на счетъ ихъ прибавить упражненія на слоги § 18, на *аго* и *ого* — § 23 на *тсѣ* и *тсьѣ* — § 30 и на мѣстоименія *ея* и *ея* — § 32. Ошибки въ этихъ случаяхъ повторяются иногда чрезъ цѣлый курсъ средняго учебнаго заведенія, если не дать имъ прочной основы въ самомъ началѣ упражненій въ нихъ. У нашего автора, напр., только одна задача или одно упражненіе на дѣленіе словъ на слоги, состоящее изъ нѣсколькихъ буквъ. Между тѣмъ это одинъ изъ трудныхъ предметовъ въ этомъ классѣ; отъ него зависитъ и переноска словъ.

Русская хрестоматія для двухъ первыхъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Покровскій, преподаватель Маріинскаго Института. Ч. II Москва 1886 г.

Эта книга во многихъ отношеніяхъ составлена лучше первой части. Статьи подобраны въ ней, по тѣмъ же восьми рубрикамъ, удачнѣе и по языку, и по содержанію. Но авторъ и здѣсь остается вѣренъ своему взгляду на хрестоматию, какъ на пособіе не только къ выработкѣ дара слова, но и къ развитію душевныхъ способностей дѣтей. Въ предисловіи къ этой части онъ особенно настаиваетъ на необходимости для хрестоматіи служить „полному и гармоническому развитію“ душевныхъ силъ дѣтей, и увѣренъ, что избранныя имъ статьи лучшихъ писателей „совершенно овладѣваютъ дѣтьми, такъ что послѣднія незамѣтно входятъ въ воспроизводимый поэтами прекрасный міръ“. Автору уже замѣчено комитетной критикой, что преслѣдовать двѣ такіа

важныя задачи, какъ развитіе душевныхъ способностей, такъ и развитіе дара слова, значитъ гоняться за двумя зайцами, что уступка въ этомъ отношеніи возможна развѣ въ приготовительномъ классѣ, гдѣ приходится еще заохочивать дѣтей къ чтенію, но что въ классахъ гимназій, особенно уже во II классѣ, такая двойственная задача не ужѣстна и даже вредна, потому что мѣшаетъ одна другой.

Но если авторъ настаиваетъ на той и другой задачѣ и берется выполнить обѣ удовлетворительно, то тѣмъ самымъ онъ значительно увеличиваетъ и требованія отъ его хрестоматіи. Между тѣмъ она далеко не соответствуетъ первой изъ нихъ—разумному, правильному и гармоническому развитію душевныхъ способностей и затрудняетъ для учителя пользованіе ею для цѣлей языка.

Въ первомъ отношеніи—прежде всего опять тотъ же рѣзкій недостатокъ, какъ и въ первой части, именно отсутствіе статей изъ религіознаго и семейнаго быта и расчетъ главнымъ образомъ на вліяніе окружающей природы. Въ историческомъ отдѣлѣ этой книги имѣется шесть разказовъ о лицахъ и событіяхъ, чтимыхъ Церковію (пр. Θεодосій Печерскій, Александръ Невскій, Пр. Сергій, св. Троицкая Лавра, св. Троицкій архимандритъ Діонисій) и одинъ разказъ въ первомъ отдѣлѣ (изъ жизни пр. Спиридона, урокъ обманщику, стр. 9). Но эти разказы имѣютъ свою особую цѣль, а потому и свой особый характеръ изложенія и не возбуждаютъ въ дѣтяхъ такихъ ощущеній, которыя развивали бы въ нихъ религіозный настрой. Авторъ рассчитываетъ въ этомъ отношеніи преимущественно на церковно-славянскій текстъ, приложенный къ его книгѣ. Этого текста въ книгѣ его 22 страницы, исключительно изъ евангелій, именно 4 притчи Спасителя, три разказа о чудесахъ Спасителя и затѣмъ о *призваніи апостоловъ (рыбарей)*—у автора), страданіяхъ и смерти Господа, его воскресеніи, явленіяхъ по воскресеніи Маріи Магдалинѣ и апостоламъ, и о

вознесеніи на небо. Вотъ и все—для двухъ классовъ гимназій! Это очень скудно, и всѣ эти рассказы притомъ, по предметамъ и свойству языка, за исключеніемъ притчей и чудесъ, просятъ въ хрестоматію для приготовительнаго класса. Къ тексту славянскому не приложено никакихъ объясненій въ отношеніи языка, ни дополненій въ видѣ тропаря, стихиры или пѣсни на соответственное разсказу событіе, чтимое Церковью особымъ богослуженіемъ, и под.

Въ I отдѣлѣ не мало балласта, несмотря на имена авторовъ, напр. 9—Собака, пѣтухъ и лисица—Л. Толстого, 11—Наказанная заносчивость—его же, 13—Живи своимъ умомъ—Даля, 15—Отчего зло на свѣтѣ—Л. Толстого и др. Отдѣлъ басенъ слишкомъ великъ (37). Отдѣлъ сказокъ представляетъ подборъ случайный, безъ всякой мысли. Сказка Андерсена *Соловей* могла бы быть выброшена, какъ слишкомъ хитрая для русскихъ дѣтей. Также безъ всякой опредѣленной мысли составленъ отдѣлъ: *Описаніе животныхъ*. Изъ животныхъ здѣсь почему-то выбраны только: лисица, песецъ, заяцъ и ласка.

Кіевъ. Съ приложеніемъ плана города. Е. С. Горчаковой (Москва 1885 года).

Въ предисловіи къ своей книгѣ сочинительница говоритъ, что „искреннее желаніе познакомить съ замѣчательными мѣстностями и городами нашего дорогого отечества не только учащееся юношество, но и массу взрослыхъ, не имѣющихъ возможности побывать въ отдаленныхъ уголкахъ нашей обширной Россіи, побудило ее издать рядъ небольшихъ книжекъ, доступныхъ для большинства по простотѣ своего изложенія и по умѣренной цѣнѣ“. Она общается „въ каждой изъ нихъ, не ограничиваясь одними мѣстными и географическими свѣдѣніями, сообщить и тѣ историческіе факты, которые оставили неувидимые слѣды въ современной жизни

описываемыхъ ею городовъ и мѣстностей“, и „начинаетъ съ Кіева, этой колыбели святой вѣры нашихъ предковъ, не даромъ названнаго Олегомъ *матерью русскихъ городовъ*“.

Все сочиненіе раздѣлено на семь главъ или очерковъ: I. Историческія судьбы Кіева,—II. Топографія Кіева,—III. Старо-Кіевъ,—IV. Печерскъ,—V. Подоль,—VI. Городской или царскій паркъ съ дворцомъ и увеселительными заведеніями и, наконецъ, въ видѣ приложенія—*Окрестности Кіева*.

Кіевъ издавна привлекаетъ къ себѣ русское сердце, какъ колыбель русскаго государства и русскаго православія. Туристовъ привлекаетъ онъ и какъ одна изъ красивѣйшихъ мѣстностей Россіи. Въ послѣднее время Кіевъ занялъ самое видное положеніе на югѣ Россіи по своей умственной и торгово-промышленной дѣятельности и по своему гражданскому вліянію на юго-и сѣверо-западные области. Кн. Горчакова совершенно игнорировала въ своей книгѣ эти послѣднія черты современнаго Кіева, ярко характеризующія нынѣшнюю фізіономію его, и ограничилась только святынями, древностями да панорамой его, дополнивъ все это описаніемъ увеселительныхъ мѣстъ города. Такимъ образомъ по самому составу своему книга кн. Горчаковой не можетъ дать полнаго понятія о современномъ Кіевѣ.

Ограничиваясь святынями и древностями, авторъ главнымъ образомъ опирается на исторію. Но историческая сторона—самая слабая въ книжкѣ кн. Горчаковой. Въ концѣ книжки она приводитъ списокъ сочиненій, къ которымъ она отсылаетъ читателя „для дальнѣйшаго ознакомленія“ съ „достопримѣчательностями этого древняго города“, сознавая, „что сообщенныя ею свѣдѣнія кратки и не полны“ (стр. 142). Но не говоря уже о несообразности отсылать учениковъ „народныхъ училищъ“ и вообще „учащееся юношество“ къ цѣлому ряду недоступныхъ для нихъ изданій, всѣ эти изданія или сами требуютъ постоянныхъ и подробныхъ коммен-

таріевъ, каковы лѣтописи, или устарѣли и требуютъ поправки и дополненій, каковы сочиненія: Закревскаго, митрополита Ергенія, Фундуклея. Погодина или, наконецъ, *Очерки Русской исторіи*—Полевого, принадлежащія къ трудамъ диллетантскимъ. Съ открытіемъ въ Кіевѣ дѣятельности комиссіи для разбора древнихъ актовъ (въ началѣ 50-хъ годовъ), исторія его стала значительно проясняться и во многомъ измѣняться, а съ учрежденіемъ археологическаго общества (въ началѣ 70-хъ годовъ) частные предметы кіевскихъ древностей выступили ярче и полнѣе прежняго. Кня. Горчаковой совершенно незнакомы труды этихъ учреждений, многотомное изданіе древнихъ актовъ, брошюры и статьи въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ проф. Антоновича, Малышевскаго, Лашкарева, Голубева, протоіерея Лебединцева и многихъ другихъ лицъ. Сементовскаго она указываетъ только брошюрку о церкви Спаса на Берестовѣ, изд. въ 1847 году, а сочиненія его: *Кіевъ, его святѣиши, древности, достопамятности*, послѣднее изданіе котораго болѣе всѣхъ подобныхъ изданій полное и вышедшее 1881 году, она совсѣмъ не знаетъ. Отсюда многія пополненія, поясненія и поправки въ прежнихъ мнѣніяхъ о предметахъ кіевской старины остались для нея не извѣстны, и она наивно повторяетъ старыя о нихъ ошибки. Такъ, она говоритъ, что отъ св. Софіи Ярослава уцѣлѣли только „нѣкоторыя изъ ея стѣнъ“ (стр. 42), тогда какъ въ послѣдніе годы открыты фрески надъ алтарною частію ея и въ срединѣ главнаго купола величественное мозаическое изображеніе Господа Савваоова, и эти фрески уже возобновлены. Она знаетъ, что „въ 1860 году“—точнѣе въ 1864 году—въ Кирилловской церкви открыты были фрески XII вѣка и вѣрнѣе ходившему тогда слуху („говорятъ“), что „въ главномъ куполѣ и на стѣнахъ, по невѣжеству работниковъ, занимавшихся оскребкой внутренней побѣлки стѣнъ, превосходно сохранившіяся фрески совершенно уничтожены“, и при этомъ выражаетъ сожалѣніе о

„небрежности, съ которою мы такъ часто относимся къ остаткамъ нашего древняго стѣнописанія“ (стр. 28). Но она не знаетъ, что, по стараніямъ кіевского археологическаго общества, эти фрески были изслѣдованы въ 1879 г. при чемъ оказалось, что они попорчены были только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а не уничтожены; не знаетъ, что съ 1883 года начались работы по реставраціи всѣхъ этихъ фресковъ подъ руководствомъ профес. Прахова. Она утверждаетъ на основаніи своихъ источниковъ, что въ большой церкви Кіево-Печерской Лавры нигдѣ нѣтъ слѣдовъ древней византійской постройки“, и что „прежнія стѣны ея“ и все прочее погребло въ пожарѣ 1718 года (стр. 80), тогда какъ изслѣдованія кладки стѣнъ въ алтарной части и въ сѣверо-западномъ предѣлѣ, произведенныя проф. Лашкаревымъ, показали совершенно противное. Такимъ невѣдѣніемъ отличаются многія страницы въ книгѣ кн. Горчаковой.— Вслѣдствіе незнакомства съ изслѣдованіями послѣднихъ двадцати лѣтъ, у нея вся исторія Кіева (стр. 1—20) вышла крайне неудовлетворительною: до-татарскій періодъ представляетъ смѣсь легендъ съ историческими фактами, предположеній съ истиною, съ фальшивымъ освѣщеніемъ событій; періоды литовскій и польскій совсѣмъ перемѣшаны между собою, событія спутаны, изложены безпорядочно, событія прошлаго и нынѣшняго вѣка, совершенно измѣнившія фивіономію Кіева, изложены всего въ 30 строкахъ (стр 18 и 19) и также перепутаны, а пожаръ цѣлаго Кіева въ 1811 году (вмѣсто одной Подольской части) выдуманъ авторомъ.

Но кн. Горчакова далеко недостаточно изучила даже тѣ пособія и источники, на которыя она указываетъ читателю. Часто она беретъ свѣдѣнія изъ перваго попавшагося ей источника и не заботится о сличеніи его съ другимъ, прямымъ источникомъ. Напр., на основаніи, вѣроятно, подписи подъ иконою Божіей Матери, предъ которою, по пре-

данію, молился Игорь Ольговичъ, когда кіевляне схватили и убили его, и которая находится нынѣ въ большой Печерской церкви, авторъ говоритъ, что все это событіе произошло въ келіи Игоря, въ монастырѣ Вотчъ или св. Θεодора, въ которомъ постригся злосчастный князь, и называетъ самое событіе преданіемъ (стр. 59). Но въ тѣхъ же Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописяхъ, которыя авторъ указываетъ въ числѣ источниковъ своей книги, все это событіе подробно описано подѣ 1147 годомъ, и изъ него оказывается, что кіевляне „яша Игоря въ церкви, стояща по обычаю на обѣдни, у св. Θεодора и емше и поведоша изъ монастыря“; по дорогѣ братъ в. кн. Изяслава Владиміръ успѣлъ вырвать его изъ рукъ толпы и укрыть „въ домѣ матере своея“, но толпа ворвалась въ этотъ домъ, отыскала свою жертву и убила Игоря тутъ же „конецъ всходъ“. Это довѣріе къ первому попавшемуся подѣ руку источнику произвело не мало грубыхъ промаховъ въ книгѣ. Такъ, она говоритъ, что древній образъ Богоматери, висѣвшій надѣ „златыми воротами“, „до сихъ поръ хранится въ деревянной приходской церкви св. Троицы въ старомъ Кіевѣ, къ востоку отъ триумфальной Соборной колокольни“ (стр. 56). Но церковь св. Троицы въ Старомъ Кіевѣ сломана еще въ 1858 году, и на ея мѣстѣ устроены скверъ, а въ то же время въ Лыбедской части города построена новая церковь во имя св. Троицы, въ которой тогда же помѣщенъ и до сихъ поръ хранится означенный образъ. Притомъ, простая оправка съ надписью на иконѣ, сдѣланною въ 1699 году, показываетъ, что этотъ образъ, хотя и находился дотолѣ на такъ называемыхъ „Золотыхъ Воротахъ“, но вовсе не есть тотъ самый, предѣ которымъ Вячеславъ Кіевскій клялся въ присутствіи пословъ Юрія Долгорукаго. Надпись говоритъ: „1699 г... перенесенъ отъ Златыхъ Вратъ образъ явленія *Казанскія Богородицы*“. Кн. Горчакова видитъ въ Старомъ Кіевѣ *Житомирскія ворота*, — подлѣ этихъ воротъ находится,

по словамъ ея, ветхая деревянная церковь во имя „*Срѣт-
ная Господня*“ съ чудотворнымъ образомъ *Богоматери всѣхъ
скорблящихъ радостей* (стр. 53). Но и эта церковь сломана
еще въ 1861 году, когда вмѣсто нея и подлѣ нея устроена
каменная церковь, въ которую перенесенъ и означенный
образъ, а Житомирскія, точнѣе большія Львовскія, ворота
сломаны еще въ 1795 году и не возобновлялись. Въ мо-
настырѣ Михайловскомъ Златоверхомъ она видитъ *деревян-
ную церковь* при настоятельскихъ покояхъ (стр. 65). Но и
настоятельскіе деревянные покои, и церковь при нихъ сло-
маны еще въ 1854 году, и на мѣстѣ ихъ съ 1857 года
существуютъ каменные настоятельскія палаты, а при нихъ
каменная же церковь.

Часто кн. Горчакова, заимствуя свои свѣдѣнія изъ
двухъ разнорѣчивыхъ источниковъ, не соображаетъ ихъ, и
сама себѣ противорѣчитъ. Напр., на стр. 109 она говоритъ:
„На Подолѣ *древнѣе всѣхъ церквей* Братскій монастырь“,
а на стр. 117: „Соборная Успенская церковь, по плану,
кладкѣ стѣнъ, формѣ кирпичей и составу цемента, *древнѣе
всѣхъ церквей на Подолѣ* и построена греческими водичи“.
На той же однако 109 стр. она замѣтила, что на Подолѣ
нѣтъ церквей раньше 17 вѣка!—На стр. 9-й извѣстный
нѣмецкій лѣтописецъ Дитмаръ является лѣтописцемъ—„со-
временникомъ Владиміра“ святаго и описываетъ Кіевъ его
времени, а на стр. 36 тотъ же Дитмаръ является лѣтопис-
цемъ „XII вѣка“: видитъ посрединѣ церкви въ Десятинной
церкви гробницы Владиміра и супруги его Анны. На са-
момъ дѣлѣ Дитмаръ описываетъ Кіевъ во время взятія его
Болеславомъ I польскимъ, т. е. въ 1018 году, и самъ въ
Кіевѣ не былъ. На стр. 71-й говорится, что „Памятникъ
называемый Крещатикъ воздвигнутъ въ 1862 году“, а чрезъ
нѣсколько строчекъ—что онъ „построенъ въ 1802 году“:
на самомъ дѣлѣ этотъ памятникъ сооруженъ въ 1802 году,
а въ 1862 году только капитально реставрированъ. На стр.

105: „Большой Пустынно-Никольскій монастырь построенъ въ 1695 году“, а на слѣдующей стран. этотъ монастырь „построенъ въ 1690 году“.—Такихъ противорѣчій въ книгѣ не мало. Замѣтимъ, что въ книгѣ не имѣется списка опечатокъ.

Поппадаются въ книгѣ свѣдѣнія совершенно невѣрныя, составляющія только плодъ воображенія автора. Напр., по словамъ ея, „въ стѣнахъ Печерской Лавры возникла первая типографія, первая библіотека и первое духовное училище“ (стр. 23).

Не знаемъ, на основаніи какихъ свѣдѣній кн. Горчакова сообщаетъ, будто Янка, или Анна Всеволодовна, сестра Владиміра Мономаха, завела первое на Руси женское училище при монастырѣ Ирининскомъ (55). Объ училищѣ этомъ извѣстно только изъ Татищевскаго свода лѣтописей, и тамъ оно показано при большомъ монастырѣ Андреевскомъ, что гораздо естественнѣе, потому что, по лѣтописи Кіевской, этотъ послѣдній монастырь построенъ былъ отцемъ Янки В. К. Всеволодомъ, въ немъ Янка постриглась, прожила 26 лѣтъ, въ немъ скончалась и погребена. Въ лѣтописи этотъ монастырь не рѣдко называется *Янчъ*, или *Яничъ*.

Отмѣтимъ и такого рода несообразность, характеризующую внимательность автора. Съ террасы Андреевской церкви, глядя на Подольскъ и на все заднѣпровье, она видитъ „направо“ Щекавицу, за ней бывшій Кирилловскій монастырь и вообще всю линію 20-верстной перспективы, оканчивающуюся Вышгородомъ, тогда какъ вся эта часть панорамы находится полѣвую сторону отъ зрителя! „*Налто*“ предъ нею „раскинулся Старый Кіевъ, и она видитъ предъ собою его многорусныя колокольни, златоверхіе храмы, древнія ворота“... (стр. 66), тогда какъ весь Старый Кіевъ, при такомъ положеніи зрителя, находится за спиною, и съ этого пункта его нельзя видѣть, потому что отъ зрителя Андре-

евскою же церковію онъ закрытъ здѣсь. Не удивительна однако такая забывчивость кн. Горчаковой. Сама она говоритъ, что „провела въ Кіевѣ (всего) нѣсколько дней“ (стр. 129).

По своему духу, рассматриваемая книжка безспорно благонамѣренная. Сама кн. Горчакова такъ выражается по этому предмету: „Моя цѣль достигнута, если, ознакомивъ читателя, въ общихъ чертахъ, съ этимъ хранилищемъ нашей отечественной святыни (т. е. Кіевоиъ), я возбудила въ немъ *сознательно* тѣ чувства благоговѣнія и радостнаго умиленія, которыя невольно испытываетъ всякій русскій, побывавъ въ Кіевѣ въ первый разъ“ (стр. 142 и 143). Дѣйствительно, святыни Кіева и древности его представлены въ книжкѣ ея только въ общихъ чертахъ. О множествѣ предметовъ, имѣющихъ важное значеніе для поклонниковъ кіевскихъ святынь и древностей, она или упоминаетъ только вскользь, или вовсе не упоминаетъ. Главнымъ образомъ она сосредоточиваетъ вниманіе читателя на оригинальности предметовъ и заботится преимущественно о живости впечатлѣній. Святыни и древности она представляетъ въ картинахъ (главныхъ три: Старый Кіевъ, Подоль и Печерскъ), на которыхъ на главномъ планѣ располагаетъ то, что сразу производитъ сильное впечатлѣніе, остальные предметы располагаются по сторонамъ, получая значеніе не сами по себѣ, но по отношенію къ главному сюжету картины, при чемъ устраняется все, что кажется сухимъ, заставляя отвлекать вниманіе, углубляться, вдумываться въ предметы, собирать подлинный смыслъ святынь и древностей по крупинкамъ и т. п. Каждая такая картина требуетъ для себя и соотвѣтственной рамы. Богатая украшенія, обстановка, рельефно выставяющая святыню или древность, особенно располагаютъ автора, напротивъ убожество, скромный видъ смущаютъ его, а какая-либо черта нерадѣнія совѣмъ портитъ впечатлѣнія его. Въ Софійскомъ соборѣ роскошнѣйшаго убранства цѣнныя царскія врата,

входная дверь, „цѣнные и красивыя“ облаченія и сосуды, „стройное пѣніе, долетающее съ хоръ до слуха молящихся“ — все это, въ соединеніи съ окрестностями, привело ее въ „сердечное умиленіе“. Напротивъ, „пиджаки“ и ватные длиннополые халаты“, которые она замѣтила на клирооѣ въ Михайловскомъ монастырѣ между монашескими рясами, испортили впечатлѣніе ея въ отношеніи самыхъ мѣстныхъ древностей и святыни,—она описываетъ ихъ сухо, весь монастырь показался ей весьма бѣднымъ и даже церковь при настоятельскихъ келіяхъ деревянною.—Убогій видъ и бѣдность церковей Васильевской и Спаса на Берестовѣ не привлекли того вниманія, котораго заслуживаютъ обѣ эти самыя древнія въ Россіи церкви. Отсюда, напр., въ Софійскомъ соборѣ—древнѣйшая въ Россіи икона такъ называемаго Николы Мокраго, невзрачная по виду и притомъ находящаяся на хорахъ, или цѣнные рисунки по стѣнамъ гѣстницы, ведущей на хоры,—а въ Печерокой Лаврѣ гробница, а не „мощи“ пр. Θεодосія и ов. Владиміра, мощи митр. Михаила, гробъ кн. К. К. Острожскаго и т. д. едва упомянуты. Успенская чудотворная икона описана только съ внѣшней стороны (стр. 86). Впечатлѣнія каждой картины дополняются, если можно, видами природы мѣстной. Кн. Горчакова пользуется для этого всякимъ случаемъ; она мастерски рисуетъ мѣстности, особенно любитъ она виды на заднѣпрровье съ кіевскихъ высотъ и умѣетъ провозвести въ читателѣ наслажденіе ими (напр. съ колокольни Печерской Лавры, изъ Выдубицкаго монастыря, съ Аскольдовой могилы, съ террасы Андреевской церкви и др.). Видами съ Лаврской колокольни и самую эту оригинальную колокольню она живѣе занята, чѣмъ внутреннимъ видомъ Большой Лаврской церкви, заключающей въ себѣ главныя святыни ея. То же самое и съ Аскольдовой могилой. Древность только блѣдно мелькнула предъ нею, но кусты прекрасныхъ розъ и широкій видъ на заднѣпрровье такъ овладѣли ея вниманіемъ,

что она безъ вниманія пропустила даже находящуюся здѣсь въ церкви надпись, перепутала годы постройки церкви, реставраціи ея, фамилію строителя (не Мишериновъ, а Мещеряковъ) и под. Въ общемъ все сливается у нея въ одну картину, отъ которой получается оильное, пріятное впечатлѣніе и—наслажденіе. Въ книжкѣ кн. Горчаковой читатель не ходитъ по святымъ мѣстамъ Кіева съ цѣлью поклоненія имъ, не проникается смысломъ и чувствомъ родной древности, не стоитъ благоговѣнно у колыбели своего великаго государства и своей вѣры православной,—онъ совершаетъ только пріятную прогулку по святынямъ и древностямъ, всюду ждетъ оригинальныхъ и живыхъ впечатлѣній, легко находитъ ихъ и наслаждается ими. Легкая историческая мысль, такое же религиозное чувство, художественное впечатлѣніе, перелестъ ландшафта—все это сливается у него въ одно цѣльное пріятное впечатлѣніе, которое и составляетъ единственный результатъ, полученный изъ чтенія этой книги.

Дополняется это впечатлѣніе увеселительными мѣстами Кіева, которымъ кн. Горчакова посвятила въ своей книжкѣ цѣлую особую главу. Въ ней она описываетъ мѣстность заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, съ ея гуляньями, театромъ, въ которомъ, по словамъ ея, „иногда по вечерамъ разыгрываются юмористическія сцены, и доются комическіе куплеты и шансонетки“, и гдѣ „всякій день играетъ музыка, по утрамъ бесплатно, а по вечерамъ за плату при входѣ въ садъ (стр. 122).—Затѣмъ *Шато-де-флеръ* съ его рестораномъ, театромъ, террасой и павильономъ для музыки (124), весь городской паркъ, называемый царскимъ садомъ, съ дворцомъ и замѣчательными видами на Днѣпръ. Не опущено даже, при описаніи памятника, называемаго *Крещатики*, что къ нему „доносятся звуки веселаго вальса изъ сосѣдняго курзала минеральныхъ водъ“ (73). Тутъ же, развлеченія ради, указывается *Лысая гора*, составляющая, по словамъ автора, „сборное мѣсто кіевскихъ вѣдьмъ, упы-

рей и оборотней, о которыхъ молва распространилась — будто бы—по всѣмъ предѣламъ Россіи, конечно—добавляетъ она—только въ средѣ суевѣрныхъ простолюдиновъ“ (71). (О Лысой горѣ справилась бы хотя у Закревскаго, на котораго любить ссылаться).

Стоить глубоко пожалѣть, что кн. Горчакова въ книжкѣ своей не отвела мѣста для описанія этихъ простолюдиновъ, стекающихся въ Кіевъ со всѣхъ предѣловъ Россіи, и вообще такъ называемыхъ кіевскихъ богомольцевъ—этомъ наиболѣе характерномъ явленіи въ Кіевѣ въ теченіи всего лѣта, наиболѣе ярко выражающемъ великое значеніе Кіева не только для всей Россіи, но и для всего славянскаго міра и для православнаго востока. Она упомянула о кіевскихъ богомольцахъ только вскользь, всего въ нѣсколькихъ строкахъ (74), а между тѣмъ они навѣрное рассказали бы русскому юношеству гораздо проще, вѣрнѣе и внушительнѣе, чѣмъ вся ея книга, о томъ, съ какимъ расположеніемъ нужно ходить по святымъ мѣстамъ и древностямъ кіевскимъ.

Полное житіе преподобнаго отца нашего Феодосія, Игумена Печерскаго. — Составилъ А. Сливцкій (Москва 1887 г.).

Имя препод. Феодосія занимаетъ видное мѣсто среди первыхъ просвѣтителей Россіи христіанскою вѣрою. Свят. Владиміръ, его сыновья и внуки, первые наши пастыри и учителя, крестили народъ русскій и учили его истинамъ и правиламъ христіанской жизни. Пр. Феодосій, въ собственномъ и въ созданномъ его стараніями житіи печерокомъ, показавъ народу христіанскую жизнь на самомъ дѣлѣ, отъ низшихъ ступеней ея до высшихъ, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ быта личнаго, домашняго, общественнаго и гражданскаго. Покорно исполнялъ народъ волю князей, покорно слушалъ поученія пастырей, исполнялъ церковные

обряды, но онъ понялъ св. вѣру только въ житіи печерскомъ, лучшимъ выраженіемъ котораго служилъ самъ преподобный устроитель его; это житіе вливало въ него живую силу христіанства, дѣлало его близкимъ, яснымъ, доступнымъ для сердца, въ каждомъ званіи и состояніи, трогало и поражало во всѣхъ проявленіяхъ. Св. Владиміръ далъ народу вѣру греческую; въ житіи печерскомъ она стала русскою, народною. Вотъ почему, при первомъ же возникновеніи этого житія, князь и бояре, всѣ классы населенія устремились къ чуднымъ пещерамъ, и нѣкоторые уже не отходили отъ нихъ, тутъ же мѣняя все величіе и прелесть міра на подвиги въ темной пещерѣ. Вотъ почему, еще при жизни пр. Θεодосія, слава житія его личнаго и его обители разошлась по всей Руси и привлекала къ ней сердца всего народа. Всѣ видѣли и многіе повторяли потомъ, что много монастырей на Руси, устроенныхъ князьями и боярами, одаренныхъ богатствомъ всякимъ, но не таковыхъ, какъ обитель Печерская, созданная слезами и постомъ пр. Антонія и Θεодосія. И русскій народъ съ той поры и доселѣ глубоко чтитъ имена св. Антонія и Θεодосія и прочихъ чудотворцевъ Печерскихъ, ежегодно тысячами собирается въ обители Печерской, дабы поклониться останкамъ ихъ и подышать воздухомъ благо житія ихъ.

Вотъ почему ни объ одномъ лицѣ, ни объ одномъ событіи въ первомъ періодѣ нашей исторіи не дошло до насъ столько и такихъ восторженныхъ сказаній, какъ о личности пр. Θεодосія и Печерской обители его времени. *Житіе пр. Θεодосія*, написанное преподобнымъ Несторомъ, составляетъ наиболѣе обширное и во всѣхъ отношеніяхъ образцовое произведеніе нашей древнѣйшей письменности. *Сказаніе о зачатіи Печерскаго монастыря*, приписываемое тому же преподобному, *Сказанія* Симона и Поликарпа, *Печерскіе патерики* разнообразныхъ редакцій, церковныя службы многимъ святымъ Печерокимъ, особенно Антонію и Θεодосію, раскрыли

эту печерскую жизнь и нравственный характер подвижниковъ, въ особенности характеръ пр. Θεодосія, во всей его полнотѣ и оригинальности. Всѣми изслѣдователями признано, что составленный, по этимъ памятникамъ древности, въ XVII вѣкѣ и доселѣ печатаемый, съ нѣкоторыми поправками, *Патерики Печерскій* далеко не исчерпываетъ свойствъ и духа древняго печерскаго житія и далеко ниже произведеній пр. Нестора въ сказаніи о пр. Θεодосіѣ. *Четы-Мисси* св. Дмитрія Ростовскаго передаютъ житія преп. Печерскихъ по тому же Патерику, съ незначительными поправками въ содержаніи и въ своеобразномъ, превосходномъ языкѣ; но на нихъ здѣсь невольно отразился общій духъ древняго пустынножителства, во многомъ огладившій типичныя черты первоначальнаго русскаго подвижничества.

На русскомъ языкѣ доселѣ нѣтъ въ отдѣльномъ изданіи житія пр. Θεодосія, ни полнаго, ни неполнаго, но достаточно обработаннаго для юношества и для народа, не говоря уже объ образованныхъ классахъ. Этотъ недостатокъ въ особенности чувствителенъ въ настоящую пору, съ приближеніемъ празднованія 900-лѣтія просвѣщенія Россіи св. вѣрою, которое такъ живо вызываетъ въ памяти того, кто впервые показалъ русскому народу жизнь христіанскую, сдѣлавъ ее близкою и родною русскому сердцу.

Комитетъ грамотности Императорскаго Моск. Общ. Сельск. Хозяйства возымѣлъ благую мысль—издать популярное полное житіе пр. Θεодосія. Но исполненіе этой благой мысли въ рукахъ г. Сливицкаго вышло неудачно. Авторъ очевидно имѣлъ предъ собою всѣ существующія сказанія, даже нѣкоторые ученые трактаты о предметѣ; но онъ недостаточно позаботился о критикѣ сказаній, черпалъ изъ нихъ факты больше въ видахъ полноты разсказовъ, чѣмъ точности и смысла дѣла, вовсе при этомъ не заботясь объ освѣщеніи фактовъ для современнаго читателя, простаго, малообразо-

ваннаго, для котораго онъ писалъ свое произведеніе, — не вошелъ въ духъ и смыслъ эпохи и своего предмета. Вышелъ наборъ фактовъ голыхъ, сухихъ, связанныхъ между собою почти механически, большею частію чуждыхъ смысла и духа житія печерскаго и личности пр. Θεодосія.

Авторъ начинаетъ свое произведеніе такъ: „Житіе пр. Θεодосія написано пр. Несторомъ лѣтописцемъ. Несторъ пишетъ: „Братія, когда я вспомнилъ (у Нестора: „се же якоже, братіе, воспоминающе ми“...), что жизнь Θεодосія (у Нестора: „преподобнаго“) никѣмъ не описана, то всякій день погружался въ печаль (Нестор.: „печалію по вся дни съдржимъ бѣхъ“) и молилъ Бога, да сподобитъ меня все по порядку описать, что относится до жизни богоносца, отца нашего Θεодосія“. Богъ сподобилъ Нестора исполнить его желаніе. Вотъ житіе пр. Θεодосія“. Такимъ образомъ читателю внушается мысль, будто авторъ передаетъ ему житіе преп. Θεодосія, написанное преп. Несторомъ или составленное по Нестору. Но между этими двумя произведеніями нѣтъ никакого сходства, кромѣ большинства фактовъ, о которыхъ оба рассказываютъ своимъ совершенно особымъ способомъ.

Засимъ авторъ прямо приступаетъ къ разсказу о дѣтствѣ и юности Θεодосія, вовсе не заботясь о томъ, что современный читатель можетъ спросить: когда же именно это было? Въ какомъ состояніи находилась тогда страна наша? Какъ жили тогда наши предки? Почему юноша Θεодосій избралъ для себя такіе, а не иные, подвиги благочестія, и почему эти подвиги казались необыкновенными? Такъ ведетъ онъ и всѣ дальнѣйшіе разсказы до конца, заимствуя ихъ изъ древнихъ сказаній и ставя въ рядъ, одинъ за другимъ, безъ всякаго освѣщенія. Для современниковъ Нестора не было нужды въ подобныхъ поясненіяхъ, достаточно было для нихъ простыхъ указаній, текущая жизнь сама давала поясненія къ нимъ. Каждому недоумѣвающему писатель могъ

сказать тогда: *приди и виждь*. Не то спустя 800 лѣтъ послѣ того времени, при совершенно измѣнившихся условіяхъ быта, въ особенности для читателей простыхъ. Этимъ путемъ авторъ постоянно ставитъ ихъ въ недоумѣніе и лишаетъ факты должнаго впечатлѣнія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ не въ выборку, а подрядъ.

Мать бьетъ Θεодосія, когда онъ былъ уже 22-лѣтнимъ мужчиной, который самъ отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Что за безумная смѣлость и рѣшимость у этой женщины? Что за чудакъ этотъ парень, который не остановитъ ее въ такихъ поступкахъ, ей самой потомъ причинившихъ сильную душевную боль? У Нестора замѣчено при этомъ: „бѣ бо тѣлѣмъ крѣпка и сильна, яко жо и мужъ: аще бо кто и не видѣвъ ея, ти слышааше ю бесѣдующу, то начынаше мнѣнати мужа ю суща“ и при этомъ подвержена была сильнымъ раздраженіямъ—„великыя ярости“. Авторъ вовсе не обратилъ вниманія на этотъ фактъ, и Θεодосій вышелъ у него въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, добрымъ, но слабодушнымъ и вялымъ чудачкомъ.

Далѣе: приходитъ Антоній изъ Аэона, застаеъ въ Кіевѣ нѣсколько монастырей, но до того не полюбилаъ ему жизнь въ нихъ, что онъ предпочелъ имъ пещерку въ дѣбряхъ мѣстныхъ. Приходитъ Θεодосій, убогій въ рубищахъ, толкается въ тѣ же монастыри, но они гонятъ его прочь, и пріючивается онъ въ пещерѣ Антонія. Что же за явленіе—эти первые монастыри кіевскіе, презирающіе бѣдность, чуждые духу подвижника аэонскаго? Двѣ-три черты изъ того перваго времени христіанства на Руси послужили бы для читателя разгадкою происхожденія пещернаго житія на Руси и его величія въ глазахъ народа. Авторъ вовсе не задается этимъ вопросомъ, не существовавшимъ для древнихъ, современныхъ событіямъ, писателей, и рассказъ плетется у него механически: пришелъ, сталъ копать пещеру... пришла другіе, сразу полюбили пещерную жизнь... пришелъ Θεодосій,

припалъ къ ногамъ Антонія... приходятъ потомъ сынъ перваго боярина, за нимъ первый домоправитель князя, богатый купецъ и под. и уже не хотятъ отойти отъ пещеры, бросая богатство, знатность, всю прелесть міра... А читатель все еще не знаетъ, какой тутъ смыслъ, въ чемъ эта сладость житія пещернаго? отчего люди эти, нища подвиговъ духовныхъ, пренебрегаютъ монастырями? Отчего міръ кажется имъ такъ ничтожнымъ сравнительно съ тѣсною подземнаго житія? Безъ этого освѣщенія, всѣ эти люди, копающіе пещеры восторгающіеся жизнью въ нихъ, кажутся какими-то странными, загадочными оригиналами.

Но засимъ вдругъ почему-то уходятъ изъ этого житія два великіе подвижника Никонъ—первый пришедшій къ Антонію и постригавшій всѣхъ, и Ефремъ, промѣнявшій должность перваго домоправителя княжескаго дома на сладость пещерныхъ подвиговъ,—бѣгутъ въ дикія мѣста, въ монастыри для подвиговъ же. Что это за явленіе? Отчего бѣжали эти свѣтильники пещеръ? Ни словомъ не коснулся этого вопроса авторъ, и у читателя рождаются одни за другими недоумѣнія.

Когда число братіи увеличилось, сами они просятъ Антонія доволить имъ устроить монастырь внѣ пещеръ. Охотно благословляетъ ихъ на это дѣло Антоній, а Феодосій со всѣмъ усердіемъ принялся за устройство келій и проч., и сталъ „ветхій“ монастырь Печерскій. Откуда такая перемена? Пещеры брошены? Что же это была за сладость, которую такъ скоро бросили? Никакого поясненія къ этому факту. Авторъ опустилъ изъ виду, что пещеры остались по-прежнему для ищущихъ высшихъ подвиговъ духовныхъ, что монастырь устроенъ для такихъ лицъ, которые искали удаленія отъ міра, но не могли еще нести высшихъ подвиговъ и только стѣсняли такихъ подвижниковъ,—что, при умноженіи братіи, въ пещерахъ неизбежно поднималась суета по

ховяйству и т. п., что пещерное житіе и далѣе оставалось корнемъ и свѣточемъ жизни въ обители.

Далѣе: съ устройствомъ открытаго монастыря, все влеченіе и благоговѣніе князей, бояръ, народа переносится на самый монастырь, въ которомъ жилъ и управлялъ самъ пр. Θεодосій. И по автору, сіяютъ иноки въ обители житіемъ своимъ, подъ неусыпнымъ бдѣніемъ великаго своего учителя. „Далеко—говоритъ онъ—разносилась слава объ ея игуменѣ и добрыхъ нравахъ иноковъ“ (33). „Князья по большей части ставили игуменами своихъ монастырей и епископами русскихъ епархій иноковъ Печерскихъ, этихъ испытанныхъ, строгихъ отшельниковъ, нашихъ русскихъ первоучителей“ (27). И вдругъ онъ влагаетъ въ уста Θεодосія такую проповѣдь къ этой братіи своей: „Вспомнимъ свой первый приходъ сюда, какъ было, когда подошли къ монастырскимъ дверямъ: не все ли обѣщались терпѣть: и поношенія, и укоры, и униженія, и гоненія?... И призывали Христа во свидѣтели, что исполнимъ все? А нынѣ все уже забыто. Терпѣнія—и того не имѣемъ. Читаемъ жизнь святыхъ, а затыкаемъ уши, чтобы не слышать о мужествѣ ихъ. Въ молитвахъ не только начало, но и *аминь* не можемъ произнести... А вотъ, на бесполезныя рѣчи, на укоры, на гнѣвъ—мы не лѣнны! И уста, и глаза, и уши открыты. Сколько минуло лѣтъ, ни одного не вижу, чтобы пришелъ ко мнѣ да сказалъ: „какъ мнѣ спастись“? Но когда кому не дадутъ портищъ, или свиты, или иного чего—какъ мы печалимся“... Какіе же это свѣтила жизни? не скорѣе ли грубые празднолюбцы и буяны? Авторъ такъ и оставилъ своихъ читателей въ недоумѣніи, не давши никакихъ объясненій. У Нестора а) эта рѣчь Θεодосія передана совсѣмъ иначе—въ тонѣ и духѣ самообличенія древнихъ великихъ подвижниковъ. Авторъ предпочелъ иную, существующую отдѣльно отъ Несторова житія, редакцію этой рѣчи. б) У Нестора вслѣдъ за рѣчью читаемъ: „Они же яко земля,

жаждущая воды, тако приимааху словеса его, приносяще трудовъ своихъ плоды къ Господу овъ съто, овъ же 60. И бѣ видѣти на земли чловѣкы жатиемъ, ангѣлѣмъ тѣчны и монастырь тѣ подѣбны небеси, и въ немъ блаженныи отецъ нашъ Θεодосій паче солнца вссиявъ добрыими дѣлы“.

Въ особенности непонятными кажутся, въ изложеніи автора, отношенія пр. Θεодосія къ великому кн. Изяславу и Святославу. Долго и мужественно укоряетъ преподобный Святослава за изгнаніе брата и похищеніе престола его. Но затѣмъ принимаетъ отъ него щедрые дары на обитель, дружится съ нимъ. Въ читателѣ остается грустное чувство измѣны Θεодосія законному государю и другу за милости и вниманіе со стороны похитителя престола. Авторъ еще прежде стусеивалъ такія черты въ характеръ Изяслава, какъ женитьбу на ляховкѣ, попытку изгнать пр. Антонія изъ Кіева, клятвенное преступничество въ дѣлѣ съ Всеславомъ Полоцкимъ, послужившія причиною изгнанія его изъ Кіева, завладѣніе Кіевомъ и разореніе Руси въ союзѣ съ польскимъ королемъ Болеславомъ II; вовсе не упомянулъ о посланіи Θεодосія къ нему о вѣрѣ варяжской, а послѣ вторичнаго изгнанія Изяслава изъ Кіева только вскользь упомянулъ о новомъ обращеніи къ полякамъ за помощію, о поѣздкѣ къ германскому императору съ тою же цѣлію, совсѣмъ не упомянулъ объ обращеніи за помощію къ намѣ съ общаніемъ измѣнить православной вѣрѣ, для чего, въ слѣдующемъ уже послѣ смерти Θεодосія году, онъ посылалъ въ Римъ сына своего. Вѣрный законному государю, Θεодосій, при такой измѣнѣ его Церкви и отечеству, могъ считать себя свободнымъ отъ обязательствъ въ отношеніи Изяслава.

Все дальнѣйшее изложеніе фактовъ у автора—такого же свойства. Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть неудовлетворительность этого изложенія.

Еще болѣе механически относится авторъ къ второ-степеннымъ фактомъ въ дѣлѣ, о которыхъ приходится упо-минать мимоходомъ, въ дополненіе къ главнымъ. Вотъ нѣ-сколько примѣровъ.

Несторъ говоритъ, что Θεодосій, по смерти отца сво-его, между другими занятіями, ходилъ „съ рабы на село“ и съ ними работалъ тамъ. Авторъ повторяетъ: „Началъ хо-дить (Θеодосій) съ рабами своими изъ Курска *на село* и усердно трудился“ (6). Но слово *село* во времена Нестора имѣло иное значеніе, чѣмъ теперь, и рѣчь автора для со-временнаго читателя не точна.

Варлаамъ, сынъ перваго боярина, постриженный въ пещерѣ, но насильно вырванный изъ нея отцомъ и обжа-ченный въ богатыя одежды, ведомый изъ пещеръ въ городъ, по дорогѣ, говоритъ авторъ, „увидѣлъ *разсылину*, бросился въ нее и втопталъ въ грязь весь свой дорогой нарядъ“ (21). Что за *разсылина* такая? У Нестора: увидѣлъ: „распалину калну сущу“, т. е. болотную яму.

Иноки въ пещерахъ занимались ручными работами, говоритъ авторъ, „птели *комилавки*“ (26). Современный чи-татель не пойметъ, что значить это выраженіе. У Нестора: „еще же и рукама своими дѣлахуть дѣло, ово ли копытьца плетуци и клобуки“. Пр. Макарій перевелъ это мѣсто такъ: „птели клобуки изъ волны“ (Ист. рус. Церкви, т. II, 59), что близко къ дѣлу. Древній клобукъ—кокуль въ бѣдныхъ монастыряхъ—вылетали изъ волны, былъ онъ мягкій, а не упругій. „Копытьце“—верхній покровъ на клобукѣ.

Такъ механически относится онъ къ древнему назва-нію, имени, событію, свѣжему и повятому для современни-ковъ его, но требующему поясненія для современныхъ про-стыхъ читателей. Напали на Кіевъ „дикіе половцы“. Что это за народъ? Откуда ваялся тутъ народъ дикій?—Перене-сены мощи св. Бориса и Глѣба. Кто такіе Борисъ и Глѣбъ?

Гдѣ этотъ городъ Вышгородъ?—*Въче, уотъль*, осоры княжескія, бѣдствія народныя—все это время перваго вѣка въ христіанствѣ, полухристіанское, проходитъ передъ читателемъ механически, отрывочно, туманно, ничего не говоря ни уму, ни сердцу его.

Къ этого рода фактамъ авторъ не всегда относится съ должною точностію. Напр. „Быль городъ Василевъ“... начинается онъ разсказъ о дѣтствѣ Θεодосія. Но этотъ городъ и доселѣ есть—*Васильковъ*, уѣздн. городъ Кіевск. губ., въ 40 верст. отъ Кіева.—По словамъ автора, Антоній въ первое свое пребываніе въ Кіевѣ поселился „въ заброшенныхъ разбойническихъ пещерахъ близъ села Берестова,“ во второе—„нашелъ пещеру малую, сажени въ двѣ, и поселился въ ней“. Но въ сказаніяхъ объ этомъ предметѣ говорится, что въ первый разъ онъ поселился въ пещерѣ, „юже быша ископали варязи“, а во второй приходъ—въ пещерѣ, ископанной Иларіономъ и т. д.

Но, механически и безучастно относясь къ фактической сторонѣ дѣла, авторъ вполнѣ самостоятельно и независимо обошелся съ тою стороною печерскаго древняго быта, которая составляла душу его, главнымъ образомъ поражала современниковъ и доселѣ составляетъ главный предметъ разговоровъ и источникъ умиленія для народной массы въ стѣнахъ Печерской обители. Это—міръ чудесъ, который въ древнихъ сказаніяхъ окружаетъ cadaго подвижника и каждое новое предпріятіе, весь бытъ въ пещерахъ и обители препод. Θεодосія. Весь этотъ міръ авторъ, такъ сказать, дешифрировалъ и низвелъ его на простую бытовую почву. Весь міръ видѣній, напастей бѣсовскихъ, борьбы съ ними авторъ опускаетъ, а внѣ его имена первыхъ и высшихъ подвижниковъ пещерныхъ остались голыми и нѣмыми для читателя Пр. Исаакій, въ разсказѣ автора, вышелъ только тяжело больнымъ, причинившимъ „много огорченій и хлопотъ“ (53) Антонию и Θεодосію упорною болѣзнію и чудачествомъ. Всю

борьбу Θεодосія съ демонами въ пещерѣ, въ которую онъ удалялся ежегодно на время великаго поста, авторъ называетъ „привидѣніями“. „Присядетъ на стулъ и немного уснетъ. И вдругъ по темной пещерѣ загудитъ какой-то страшный шумъ, все ближе и ближе—словно ѣдетъ множество колесницъ. Послышатся бубны, дикіе крики, вся пещера затрясется. Святой перекрестится, встанетъ, начнетъ пѣть псалмы, и все утихаетъ. И опять дремота одолѣваетъ старца; но едва присядетъ онъ, снова тысячи звѣрскихъ голосовъ огласятъ страшную пещеру“ (49). Все такимъ образомъ сводится на безпокойные сны, но для простого читателя тутъ нѣтъ ни смысла, ни навиданія, не для чего и рассказывать объ этомъ.—Столь возвышенные рассказы о построеніи церкви Печерской онъ выдаетъ только за народные „толки“ (57). Въ сказаніи о Симонѣ—варягѣ онъ видитъ только человѣка, который, изъ уваженія къ святой жизни и чудесамъ препод. Θεодосія, принялъ православіе, „съ 3000 своихъ домашнихъ и слугъ“, получилъ отъ него разрѣшительную молитву и „подарилъ на украшеніе алтари золотую цѣпь въ 25 фунтовъ и драгоцѣнный родовой княжескій вѣнецъ“ (63). Упоминаетъ онъ два раза о козняхъ діавола, побѣжденныхъ Θεодосіемъ (71), но рассказъ въ такомъ тонѣ, что козни эти оказываются однимъ недоразумѣніемъ со стороны простаковъ.

Указывая на эту несостоятельность автора въ отношеніи къ міру чудесъ, окружавшихъ бытъ обители пр. Θεодосія, мы вовсе не хотимъ тѣмъ самымъ показать необходимость приводить этого рода рассказы изъ древнихъ сказаній, какъ они есть, въ подлинныхъ чертахъ ихъ,—мы только утверждаемъ фактъ несостоятельности автора въ этомъ дѣлѣ, лишашей читателей его одного изъ самыхъ существенныхъ назиданій въ древнемъ житіи печерокомъ. Дѣло это весьма не легкое для писателя, но обязательное для того, который пишетъ для народнаго чтенія.

Зато авторъ собралъ въ своей книжкѣ множество разсказовъ о такихъ случаяхъ въ жизни пр. Θεодосія и въ быту иноковъ Печерскихъ, которые поразительно ясно и просто учили людей доброй христіанской жизни въ каждомъ быту: трудолюбію, терпѣнію, упованію на Бога, любви къ ближнему, заботамъ о бѣдныхъ и больныхъ, смиренію, послушанію, молитвѣ, долгу и обязанности и т. д. Всѣ эти случаи представляютъ цѣлую картину, впервые для новопроевѣщенной страны показавшую христіанскую жизнь во всей ея простотѣ, ясности и доступности для всѣхъ и каждого, притомъ въ близости ея каждой душѣ и незамѣнимости внутренней сладости и утѣшеніи. Къ сожалѣнію, у автора—одно обиліе этихъ разсказовъ. Нѣтъ въ нихъ живости и теплоты, столь свойственныхъ этимъ случаямъ и прочно укладывающихся ихъ въ сердца и въ разумніи простого читателя. Къ большому сожалѣнію, авторъ, по всей вѣроятности изъ желанія возможно упростить рассказы, придавъ имъ колоритъ простоватости, часто вульгарности. „Никонтъ-опытный *чернецъ*“ (15). „Θеодосій сталъ разыскивать *чернецкій* уставъ... послалъ въ Константинополь къ *товарищу* своему Ефрему“ (41). Θεодосій въ пещерахъ „превосходилъ всѣхъ своею смышленностью“ (26). Монахи сходились „*поболтать*“ (22). Самъ игумень „*привеселый* сидѣлъ за столомъ“ (37). „Изяславъ сильно *привязался* къ Θεодосію“ (42). „Θеодосій любилъ послѣ бесѣды *попотчивать* всякаго гостя“ (44) и т. д. Или разговоры: Пономарь докладываетъ Θεодосію, что въ лампадномъ маслѣ утонула мышь. „Не знаю, говоритъ онъ, отколѣ влѣзла эта гадина“. „Того, братъ, и есть, отвѣчаетъ Θεодосій, лучше бы намъ съ тобою надѣяться на Бога“... (39). Очень странно слышать изъ устъ Θεодосія постоянныя: „*Ну, вотъ*, братъ, если хочешь быть настоящимъ инокомъ, то“... (33). „Собери-ка, братъ, собери-ка всѣ эти куски“... (39). „Я сказалъ тебѣ: иди молись Богу. Ну, завтра пойдешь въ городъ“... (36) и т. д.

Православіе на западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ представителяхъ или Патерикъ Воыно-Печерскій. Въ двухъ частяхъ. Протоіерея А. Ѳ. Хойнацкаго (Москва. 1888 г.).

Первая часть этой книжки, заключающая въ себѣ жизнеописанія святыхъ, подвизавшихся на Воыни или имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ Воыни, издана была отдѣльною книжкою, въ 1878 году, подъ заглавіемъ: *Очеркъ изъ исторіи православной Церкви и древняго благочестія на Воыни* и въ 1879 году Св. Синодомъ одобрена. Нынѣ книгопродавецъ Прѣсяновъ присоединилъ къ этой книгѣ пять статей того же автора и, издавъ ее подъ приведеннымъ заглавіемъ, просить одобрить ее въ цѣломъ, новомъ видѣ. „Буде—присовокупляетъ онъ—Учебный Комитетъ найдетъ достойнымъ одобрить трудъ о. Хойнацкаго, то дозволяю себѣ надѣяться, что оно (?) не минуетъ оглашенія въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, въ смыслѣ небезполезности пріобрѣтенія книги духовенствомъ юго-западнаго края“.

Разсмотрѣнію подлежитъ такимъ образомъ, только вторая часть этой книги.

Эта вторая часть занимаетъ въ книгѣ большую половину ея (240 страницъ изъ 472). Разсмотримъ ее по порядку напечатанныхъ въ ней пяти статей.

Статья первая: *Краткое сказаніе о Почаевской Лаврѣ* (235—251). Сказаніе слишкомъ краткое. Первый періодъ Почаевского монастыря, до присоединенія его къ униі, авторъ проходитъ только голыми указаніями на важнѣйшіе предметы его: преданія объ учрежденіи монастыря иноками Кіево-Печерской обители, бѣжавшими изъ Кіева отъ нашествія Батяи, документы о существованіи монастыря у горы Почаевской въ XVI вѣкѣ, происхожденіе иконы Почаевской Божьей Матери. За свѣдѣніями о дальнѣйшей исторіи монастыря, до присоединенія его къ униі, авторъ отсылаетъ читателя къ статьѣ его *пр. Іовъ Почаевскій*, напечатанной въ первой части. Точно также одними бѣглыми указаніями про-

ходить онъ, всего на четырехъ страницахъ, весь униатскій періодъ монастыря, не оставляя въ читателѣ ни одного яснаго понятія объ этой, весьма широкой и наиболѣе пагубной для православія дѣятельности униатскихъ монаховъ. Время отъ возвращенія Почаевской обители православію въ 1831 году до нашихъ дней представлено довольно подробно. Статья эта и составлена была по случаю праздновавшагося пятидесятилѣтія со времени включенія Почаевской обители въ число русскихъ православныхъ Лавръ и напечатана была особо. Авторъ ведетъ разсказъ по ряду архиастырей, управлявшихъ Волынской епархіей съ 1831 года, отмѣчая, что каждымъ изъ нихъ сдѣлано для благосостоянія обители. Въ концѣ статьи говорится: „Тѣмъ изъ посѣтителей Лавры, которые жалають познакомиться съ ея исторіей и святыней, или обозрѣть ее подробнѣе, Лавра предлагаетъ въ настоящее время цѣлую серію особыхъ книгъ по сей части, составленныхъ отчасти нами, отчасти другими“. Слѣдуетъ ичисленіе этихъ книгъ; „къ этимъ книгамъ авторъ отсылаетъ читателей, присовокупляя свой адресъ для выписки отъ него сочиненія его— „Очеркъ исторіи Почаевской Лавры“.

Вторая статья: „Воспоминаніе о святыхъ угодникахъ, изъ среды которыхъ вышли блаженные иноки, основавшіе обитель Почаевскую“. Преданіе объ основаніи Почаевской обители кіево-печерскими иноками—весьма древнее. Но оно не имѣетъ для себя никакихъ историческихъ данныхъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ. Авторъ однако принимаетъ это событіе за историческій фактъ („исторія свидѣтельствуетъ“... стр. 322) и пытаясь представить подвижническій бытъ на горѣ Почаевской въ первыя времена послѣ (гадательнаго) основанія обители на ней, приводитъ всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о кіево-печерскихъ подвижникахъ первой половины XIII вѣка и въ заключеніе восклицаетъ: „Кто же и что же въ состояніи возбранить намъ имѣть живую, непосредственную увѣренность, что таковы были и сами эти блаженные осно-

ватели обители Почаевской“ (278). Такъ, конечно, было бы, если бы откуда-нибудь было извѣстно, что обитель Почаевская дѣйствительно основана была кіево-печерскими иноками того времени и существовала уже въ XIII или XIV вѣкѣ. Но такъ какъ такихъ свидѣтельствъ нѣтъ, то вся эта статья лишняя въ Патерикѣ Волинскомъ. Древнія благочестивыя преданія не нуждаются въ искусственной натяжкѣ для нихъ историческихъ оправданій, если таковыхъ нѣтъ, такія натяжки только ослабляютъ силу ихъ въ глазахъ читателей холодныхъ и скорбь у читателей, преданныхъ вѣрѣ и Церкви, которая сама зиждется сколько на св. Писаніи, столько и на св. Преданіи. Достаточно подробно изложить такое преданіе, чтобы оно возымѣло силу свою, такъ какъ въ каждомъ такомъ преданіи имѣется зерно святой правды, которое даетъ себя чувствовать въ благочестивомъ дыханіи своемъ. Авторъ вовсе не позаботился о подробностяхъ этого преданія, весьма древняго и сильно развитаго въ населеніи Волини.

Третья статья: „Св. чудотворная икона Божьей Матери Почаевская, какъ памятникъ вѣковаго общенія нашего съ южными славянами“. Икона Почаевская представляетъ Приснодѣву съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и ликами святыхъ: пророка Или, архидіакона Стефана, мученика Мины, преподоб. *Авраамія* и мученицъ: Пятницы (Парасквы), Екатерины и Ирины. Надписи на ликахъ святыхъ славянскія. Принесена эта икона въ Россію греческимъ митрополитомъ Неофитомъ въ 1559 году и подарена имъ богатой и знатной владѣлицѣ Орля (нынѣ Урля, въ 9 верстахъ отъ Почаева) Аннѣ Гойской, въ благодарность за гостепрѣимство. Когда, въ 1597 году, братъ Гойской Филиппъ Козицкій, слѣпой отъ рожденія, получилъ прозрѣніе по молитвѣ предъ этой иконой, тогда Гойская передала ее на вѣчное храненіе въ Почаевскомъ монастырѣ, надѣливъ его значительными угодами. Съ той поры вѣрные притекаютъ къ этой иконѣ съ молитвою, и

многіе страдающіе недугами получали предъ ней исцѣленія. Въ настоящее время это наиболѣе почитаемая въ Почаевской Лаврѣ святыня. По славянскимъ надписямъ надъ ликами святыхъ, авторъ справедливо замѣчаетъ, что митрополитъ Неофитъ былъ славянинъ и родомъ изъ южныхъ славянскихъ странъ, что икона эта была семейною святынею, и что такимъ образомъ она остается памятникомъ связи югославянъ съ Почаевомъ, приглашаетъ ихъ прибѣгать къ этой святынѣ съ молитвою объ избавленіи отъ неволи, въ которой они теперь находятся, какъ избавила она Почаевъ отъ турокъ и татаръ въ XVII вѣкѣ. Этимъ статья и ограничивается. Автору слѣдовало бы еще обратить вниманіе на одну особенность св. иконы Почаевской, имѣющую значеніе въ отношеніи нашихъ раскольниковъ. Три св. мученицы на иконѣ изображены каждая съ крестомъ въ рукѣ, и у св. Пятницы крестъ восьмиконечный, у Екатерины шестиконечный, у Ирины четырехконечный. Это яркій и единственный пока въ своемъ родѣ фактъ, что въ старину православная Церковь отдавала одинаковое почтеніе всѣмъ тремъ формамъ св. креста.

Четвертая статья: „Православіе и унія въ лицахъ, или преп. Іовъ, игуменъ почаевскій и глаголемый уніатскій святой Іосафатъ Кунцевичъ, въ качествѣ представителей своихъ церквей, какъ земляки и современники“. Авторъ проводитъ параллель между свойствами дѣятельности Іова и Кунцевича и по ней рисуетъ достоинства православія и зловерность уніи. Къ чему это? О св. Іовѣ имѣется въ первой части книги обширная статья съ подробнымъ жизнеописаніемъ его. Помимо всего, даже по прочтеніи одной этой статьи, обиднымъ становится всякое сравненіе этого святого имени съ именемъ безумнаго фанатика уніи. Статья эта ровно ничего не прибавляетъ въ отношеніи православія на Волыни и святыхъ волынскихъ и составляетъ въ книгѣ только балластъ.

Последняя, самая обширная статья, въ 120 страницъ, имѣетъ своимъ предметомъ приходъ, въ которомъ родился авторъ, и священствовали отецъ и братъ его. Приходъ этотъ — одинъ изъ шести приходоу въ обширномъ с. Полонномъ, Волинской епархіи. Въ недавнее время въ этомъ приходѣ построена первая на Волини церковь въ честь Богоматери Почаевской. Въ древности это былъ городъ того же имени, который, въ числѣ другихъ городовъ и селъ, отданъ былъ св. Владиміромъ на содержаніе Десятинной церкви въ Кіевѣ, почему и называется въ лѣтописи „десятиннымъ“. Вотъ и вся причина включенія этого села и указаннаго прихода въ немъ въ число предметовъ Волинскаго Патерика. Приходъ, о которомъ рѣчь, образованъ былъ въ 1833 году изъ трехъ бывшихъ малыхъ, имѣвшихъ однако свои особыя церкви. Авторъ, по такъ называемымъ визитамъ униатскимъ и церковнымъ записямъ, рассказываетъ о судьбахъ этихъ церквей до соединенія ихъ въ одинъ приходъ, а засимъ останавливается на дѣятельности отца и брата своего, священствовавшихъ въ немъ. Описаніе дѣятельности и личностей того и другого занимаютъ цѣлую половину этой обширной статьи и составляютъ главный предметъ и очевидную цѣль ея. Почтенны образы этихъ пастырей, какъ описалъ ихъ авторъ; почтенно столь благоговѣйное отношеніе его къ памяти отца и брата. Но всякій согласится, что по меньшей мѣрѣ не удобно включать ихъ въ Патерикъ Волинскій, на ряду съ святыми и святынями, признанными Церковью. Не одинъ изъ читателей соблазнится такимъ сопоставленіемъ.

Въ этой статьѣ особенно обращаетъ вниманіе на себя дѣятельность брата автора, которая представлена здѣсь какъ образецъ пастырской ревности ко славѣ Божіей, къ благолѣпію храма Божія. Посторонняго наблюдателя юго-западнаго края грустно поражаетъ этотъ, восхваляемый авторомъ въ лицѣ своего брата и довольно распространенный теперь въ томъ краѣ, образъ пастырской ревности. Вотъ въ чемъ дѣ-

ло. Три церкви въ одномъ приходѣ представляютъ нѣкоторыя неудобства и для священника, и для прихожанъ. Каждая изъ нихъ тѣсна для всѣхъ прихожанъ, послѣдніе и въ непогоду во множествѣ принуждены были молиться вокругъ церкви во время богослуженія. Священники ватруднялись въ своемъ желаніи привести въ каждой церкви всѣ принадлежности богослуженія въ благолѣпный видъ, на три церкви не хватало для это средствъ. Братъ автора рѣшился сломать или продать всѣ эти три церкви и построить одну обширную, о трехъ престолахъ. Что и говорить, внѣшнія выгоды безспорны. Но прихожане сильно были привязаны къ своимъ старымъ храмамъ и „наотрѣзъ—по словамъ автора—отказались отъ всего, упорно заявляя, что они на вѣки желаютъ остаться при старыхъ своихъ церквахъ“ (394). Священникъ пересталъ съ ними вѣдаться по этому предмету и обратился къ инымъ способамъ, дабы достигнуть своего намѣренія, въ которое онъ всю душу свою вложилъ. Какими путями добыты средства для цѣли, объ этомъ послѣ, а пока горько читать у автора, что когда приступили къ разборанію первой церкви, и въ ней, уже полуразобранной, совершаема была послѣдняя литургія, то „всѣ безъ исключенія плакали навзрыдъ“ (397), а когда сняли колокола съ трехъ колоколенъ, чтобы перелить ихъ на большіе, то между крестьянами „поднялся—по мнѣнію самого автора—оригинальный, въ сущности же весьма серьезный, споръ. Каждый приходъ желалъ отстоять колокола своей церкви. Одинъ прихожанинъ, по словамъ автора, „до того простеръ свою ревность, что, сѣвъ на колокола своей церкви, вслухъ всего народа объявилъ, что онъ не дозволитъ разбивать ихъ ни за что на свѣтѣ“ (405). Какими же средствами священникъ достигъ своей цѣли? Когда прихожане наотрѣзъ отказались сломать старыя свои церкви, чтобы построить одну, новую, священникъ, по словамъ автора, „къ счастью, сейчасъ же смѣтилъ, откуда дуетъ противный вѣтеръ, и первымъ дѣ-

ломъ постарался устроить дѣла такъ, что прежнія волостныя власти замѣнены были другими, болѣе надежными. Три года тянулась упорная борьба; наконецъ, священнику удалось, при помощи мирового посредника, смѣнить волостныя власти. Въ лицѣ новаго волостного писаря Якичука, онъ, по словамъ автора, „пріобрѣлъ себѣ не только помощника, но и ближайшаго друга и совѣтника“ (394). Теперь дѣло пошло быстро. Священникъ по своему усмотрѣнію созывалъ крестьянскіе сходы и всякій разъ, несмотря на упорную борьбу со стороны прихожанъ, добивался составленія приговоровъ въ желанныхъ видахъ. Прихожане вдругъ оказались обязавшимися вносить на постройку новой церкви ежегодно, до заведенія его, по 500 р., давать подводы на вывозку матеріаловъ, уступать на этотъ предметъ общественные доходы за аренду выгоновъ, питейную торговлю и т. п. Пять лѣтъ прихожане несли это обязательство при разныхъ другихъ мелкихъ. При такомъ успѣхѣ, увеличился соблазнъ благолѣпія, роскоши въ новой церкви: оказалось желательнымъ всю ее расписать внутри художественнымъ письмомъ, завести боевые часы на колокольнѣ, построить каменную ограду вокругъ всей усадьбы церковной и т. д. Виѣстѣ съ тѣмъ священникъ задумалъ устроить на кладбищѣ усыпальницу для своего рода и надъ нею устроить церковь. Изъ трехъ церквей, одна разобрана была, другая продана сосѣднимъ крестьянамъ, третья пошла на устройство усыпальницы, съ приплатою 2000 руб. Священникъ, по словамъ автора, съ великою ревностію добивался и достигнулъ исполненія всѣхъ своихъ плановъ. „Приходилось, — говоритъ онъ, — заставлятъ крестьянъ посылать подводы для вывозки нужнаго дерева въ самую страдную пору іюльскаго жнива“ (402), пренебрегать возмущеніемъ крестьянъ, разореніемъ ихъ по случаю неурожаевъ въ теченіи двухъ лѣтъ сряду, въ то же самое время по содержанію и пересылкѣ войскъ въ теченіе всей войны за Болгарію и т. п. Болѣе пяти лѣтъ длится эта печальная исторія борьбы съ

прихожанами: чтобы побороть и пристыдить ихъ, священникъ дружится съ польскими паннами, органистомъ костела, жидами, выпрашиваетъ у нихъ пожертвованія на постройку церкви, превозноситъ ихъ въ проповѣдяхъ, сыпля при этомъ укорами на своихъ прихожанъ. Мѣстный помѣщикъ графъ Карвицкій, обязанный по мѣстному закону заботиться о починкѣ и постройкѣ церкви доставкою матеріала, позволилъ вывезти изъ его лѣсовъ дерева приблизительно всего на 600 руб. и камня до 50 куб. саж. Каково было послѣ этого прихожанамъ слышать въ проповѣди своего священника, при закладкѣ церкви, на которой присутствовалъ и этотъ польскій графъ со своимъ штатомъ, слѣдующее: „Радуйтесь, братіе, прихожане святаго новосозидаемаго храма сего! Радуйтесь и благодарите Бога... Радуйтесь и благодарите вмѣстѣ съ тѣмъ предстоящаго здѣсь благодѣтеля св. храма сего, своими богатыми жертвами положившаго начало и вѣнецъ честному дѣлу сему и, вознося о немъ горячія молитвы ко Господу, просите Его, Всеблагаго, да воздастъ Онъ сему благородному жертвователю сторицею за то добро, которое онъ сдѣлалъ намъ, и во вѣки вѣковъ да благословитъ его и его доброе семейство на всѣхъ путяхъ жизни ихъ“. Ни одного слова затѣмъ благодарности прихожанамъ, за то выставляется, что въ новой церкви священникъ будетъ приносить „безкровную жертву *о себѣ и о людскихъ невольностяхъ*“ и внушается прихожанамъ „до конца быть вѣрными принятымъ на себя священнымъ обязательствамъ относительно новаго храма, не щадя ни силъ, ни средствъ, ни трудовъ своихъ для его сооруженія“. Особенно прискорбна эта, въ заключеніи рѣчи, лезть предъ католицизмомъ. „Новосозидающійся храмъ долженъ быть равно дорогъ не только всѣмъ намъ, православнымъ, но и вамъ, благородные послѣдователи римско-католической церкви, въ томъ числѣ и вамъ, сіятельнѣйшій графъ, благодѣтель нашъ, потому что онъ создается во имя Божіей Матери, чудодѣйствующей въ чудотворной

иконѣ Своей Почаевокой“, которая „признана чудотворною и отъ самого папы римскаго, изволившаго, безъ сомнѣнія, по внушенію свыше короновать ее“... (398—400). По совершеніи обряда закладки храма, предсѣдатель церковно-приходскаго братства крестьянинъ Горбикъ, одинъ изъ близкихъ друзей священника, поднесъ тутъ же графу, на особомъ блюдѣ съ хлѣбомъ—солью, благодарственный адресъ отъ имени всего прихода. Недостойная эта лестъ была достойно наказана тотчасъ самимъ же католицизмомъ, въ лицѣ того же мнимаго благодѣтеля графа Карвицкаго, который вслѣдъ за симъ уѣхалъ за границу, ничего не давши на продолженіе церкви, а управляющій его имѣніемъ, по словамъ автора, „наотрѣвъ отказался дать хоть бы одно дерево“ (402). Такъ и кончились мнимыя благодѣянія графа для православнаго храма. За то, когда оконченъ былъ этотъ храмъ, потребовавшій, кромѣ матеріала, подводъ и разнообразнаго труда, до 20 тыс. руб. преимущественно отъ прихожанъ, послѣдніе, въ проповѣди священника при освященіи его, услышали одни укеры для себя за сопротивленіе при постройкѣ его.

И всѣ эти дѣйствія брата своего авторъ возноситъ до степени образцовой ревности по славъ Божіей. Добро богатая, благолѣпная церковь, но несравненно большее добро—любовь къ церкви своей со стороны прихожанъ; несомнѣнное же зло, большее зло, пренебреженіе этою любовію, благочестивыми традиціями прихожанъ, дружба священника съ писарями и под., составленіе приговоровъ противъ воли ихъ, насильные поборы, лестъ предъ польскими панами, предъ католицизмомъ, забота о роскошной усыпальницѣ для своего рода на счетъ прихожанъ. На Волини, среди 400-тысячнаго польско-католическаго населенія и 150-тысячнаго населенія разныхъ сектантовъ, не считая массы евреевъ, такое отношеніе къ благочестивымъ народнымъ расположеніямъ и къ прихожанамъ въ особенности опасно. Эти тѣсныя церкви

отстояли православіе въ долгой, неравной, тяжелой борьбѣ съ врагами его. Эти старыя стѣны, въ теченіе вѣковъ, были свидѣтелями и хранителями тяжкихъ воздыханій предъ Богомъ среди гоненій и страданій за вѣру православную, моленій о помощи, упованія на милость Божію. Въ нихъ для крестьянина все, что было отраднаго на душѣ у страдальцевъ отцевъ и праотцевъ его. Сколько примѣровъ здѣсь, что священникъ, достигнувши сломки старой церкви и постройки новой, въ результатъ получалъ одно равнодушіе со стороны прихожанъ къ богослуженію и приходилъ въ отчаяніе отъ упадка нравственности въ нихъ! Не мало и такихъ примѣровъ: построена прекрасная церковь, священникъ торжествуетъ, дружится съ мнимыми благодѣтелями, съ писарями, панами,—и въ приходѣ зачинается штунда. Неуваженіе къ благочестивымъ обычаямъ и расположеніямъ прихожанъ—одинъ изъ важнѣйшихъ двигателей штунды въ юго-западномъ краѣ. Дай Богъ, чтобы прихожане Богородично-Почаевского прихода въ с. Полонномъ такъ же полюбили свою новую церковь, какъ любили они свои старыя церкви. Но, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, въ с. Полонномъ въ послѣдніе годы появились между крестьянами начатки штундама.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Настоящій очеркъ извлеченъ изъ одного официальнаго донесенія, составленнаго Евѣиміемъ Михайловичемъ въ исполненіе даннаго ему весною 1884 года, при командировкѣ въ Псковъ и Ригу, особаго порученія посѣтить Псково-Печерскій монастырь и ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ немъ. По своей привычкѣ при обследованіи и даже простомъ обзорѣ современнаго состоянія какого-либо вопроса, дѣла, учрежденія сообщать преданія и свѣдѣнія о былыхъ судьбахъ его, Евѣимій Михайловичъ и въ данномъ случаѣ увлекся въ историческія воспоминанія о Псково-Печерскомъ монастырѣ, занесенныя имъ и въ официальное донесеніе. Такъ составилъ настоящій очеркъ, который не имѣетъ характера спеціальнаго научнаго изслѣдованія, а есть случайный набросокъ, исполненный въ короткое время. Но это набросокъ изящный, сложившійся на основѣ преданія и письменныхъ свѣдѣтельствъ, оживленный привнесеніемъ впечатлѣній отъ уцѣлѣвшихъ остатковъ далекой старины и отголосковъ ея въ явленіяхъ живой дѣйствительности. Въ дѣломъ онъ проникнуть мыслию объ особенномъ историческомъ значеніи монастыря, который, при начальномъ возникновеніи своемъ, воспринялъ какъ бы въ завѣтъ для будущаго память о страдальческомъ подвигѣ русскихъ людей на этой окраинной мѣстности за любовь къ своей вѣрѣ православной, подъ знаменемъ этой вѣры пережившихъ години тяжелыхъ испытаній, постигавшихъ ихъ отъ недуговъ земли русской, а для окрестнаго населенія русскаго и инороднаго (древней чуди, или эстовъ) служилъ, какъ выражается авторъ, „ключемъ православія“, свѣточемъ истинной вѣры и утѣшеніемъ благочестія. Въ немъ чаяли найти опору себѣ инородцы изъ эстовъ въ тяжелое время движенія ихъ къ православію въ началѣ сороковыхъ годовъ. Думается, что эта общая дума объ историческомъ значеніи Псково-Печерскаго монастыря была добрымъ напутствіемъ Евѣимію Михайловичу въ ту миссію, на пути въ которую онъ посѣтилъ монастырь.

Составляющее настоящую статью извлеченіе изъ официальнаго донесенія получено нами недавно, и потому помѣщается здѣсь внѣ общаго распорядка издаваемыхъ сочиненій Евѣимія Михайловича.

Я посѣтилъ Псково-Печерскій монастырь, отстоящій отъ Пскова на 56 верстъ. Сутки я провелъ здѣсь съ на-мѣстникомъ, весьма почтеннымъ архимандритомъ Павломъ, и съ старшею братіей; всѣ они весьма охотно показывали мнѣ и объясняли всѣ святыни, всѣ предметы и весь бытъ монастыря.

Особеннаго вниманія достойно положеніе этой, нѣкогда славной на Руси, глубоко чтимой въ народѣ, въ послѣднее время упавшей обители.

Необходимо вспомнить прошлое этой обители.— Старый монастырскій лѣтописецъ (списанъ въ послѣдній разъ въ 1692 г. и нѣсколько разъ напечатанный) рассказываетъ о началѣ этой обители слѣдующее. Нѣкогда на пограничьи Руси съ Ливоніей существовали только густые лѣса, наполненные всякимъ звѣремъ. Изъ Изборска (въ 25 вер. отъ монастыря) пріѣзжали сюда разные люди охотиться за звѣремъ. Пріѣзжала сюда и чужь. Надъ однимъ изъ мѣстныхъ глубокихъ овраговъ охотники встрѣчались съ страннымъ явленіемъ: слышно было пѣніе, тихое, унылое, но поющихъ не видать, точно пѣли на небѣ или подъ землею. Страхъ нападалъ, но любопытство влекло. Иногда охотники видѣли издали старца, сидящаго на камнѣ подъ дубомъ (доселѣ называютъ этотъ дубъ и подъ нимъ большой камень) и глядящаго вдаль по лобжинѣ оврага, за которымъ открывались луга, поля, лѣса на далекое пространство. Но едва приближались они къ этому мѣсту—старецъ исчезалъ, точно въ землю проваливался. Вся окрестность стала считать это мѣсто чуднымъ, святымъ. Такъ шли годы...

Въ 1472 г. въ тогдашней эстонской столицѣ произошло слѣдующее страшное событіе. Одинъ изъ русскихъ священниковъ церкви св. Николая, бывшей тамъ изстари, именно Исидоръ, въ день Богоявленія, вышелъ съ своими прихожанами на рѣку совершить освященіе воды. Нѣмецкіе патеры и бюргеры такъ возмущены были этимъ поступкомъ

русскаго священника и его прихожанъ, что немедленно бросили ихъ въ тюрьму и открыли судъ надъ ними, подъ председательствомъ епископа, который приговорилъ утопить всѣхъ ихъ въ той же рѣкѣ. 8-го генваря того же года рѣдкій въ лѣтописяхъ по жестокости приговоръ былъ аккуратно исполненъ: священникъ и 72 его прихожанина, между которыми были жены и дѣти, одинъ за другимъ брошены были въ прорубь съ привязанными къ шеѣ камнями (событіе, подробно описанное въ монастырской лѣтописи, записанное въ лѣтописяхъ ливонскихъ и признаваемое нѣмецкими историками). Оставшіеся въ живыхъ русскіе и другой священникъ той же церкви Іоаннъ въ ужасѣ бѣжали въ Псковъ. Іоаннъ и жена его такъ были поражены происшедшимъ событіемъ, что рѣшились искать уединенія отъ міра. Услышавъ о чудномъ мѣстѣ на границѣ съ тою же Ливоніей, изъ которой они бѣжали, нашли здѣсь пещеру, на которой была надпись: „Богомъ заданная пещера“, и поселились въ ней. Тутъ жена Іоанна тотчасъ постриглась (бывшими здѣсь пустынножителями) и вскорѣ умерла. Іоаннъ похоронилъ ее въ пещерѣ при самомъ входѣ въ нее, и это былъ первенецъ изъ многочисленныхъ, почивающихъ въ пещерѣ пустынниковъ, иноковъ и благочестивыхъ мірянъ. Съ той поры, вся умершая въ обители братія погребается въ этой пещерѣ, впоследствии въ особомъ отдѣленіи ея, носящемъ названіе братской усыпальницы, въ которой гробы не закапываются въ землю, но покоятся открыто одинъ подлѣ другого, что производитъ на посѣтителя необыкновенное впечатлѣніе. Послѣ смерти жены, Іоаннъ постригся подъ именемъ Іоны и братією избранъ въ игумены. Въ 1473 г. онъ ископалъ въ горѣ, при самомъ входѣ въ пещеры, небольшую церковь, которая тогда же и освящена была во имя Успенія Пр. Богородицы Кіево-Печерской; Іона сталъ тогда принимать всѣхъ приходящихъ сюда постричься или помолиться. Русскіе и чуждъ стали посѣщать это мѣсто уже не для охоты, а для молитвы.

Прошло съ той поры 70 лѣтъ, и пещерное мѣсто со своею подземною церковію стало славною на Руси въ средѣ чуди обителью. Вокругъ всего оврага на горахъ стояли уже высокія каменные стѣны съ башнями и бойницами, пещерная и другія церкви блистали золотомъ и дорогими украшеніями, десятки тысячъ народа собирались сюда, часто изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ. Все пограничье Ливоніи отъ обители до озера Чудскаго и вокругъ озера обращено было ею въ православную вѣру (просвѣтителемъ чуди считается преподобн. *Корнилій*, игуменъ Печерскаго монастыря 1529—1570 г.),—и это было достойное обители преподобн. Іоны отмщеніе за смерть 73 русскихъ мучениковъ. Ливонскіе рыцари скоро замѣтили опасность для нихъ отъ этой обители. Много разъ они нападали на нее, часто разоряли ее до основанія, но она вновь возникала, а со времени постройки стѣнъ оказалась для нихъ неприступною, выдерживая всѣ нападенія ихъ. Іоаннъ Грозный, идя на войну съ Ливоніей, ужаснулся, увидѣвъ твердыни обители, и, предполагая измѣну, собственноручно убилъ Корнилія—игумена, строителя ограды, за что непрестанно каялся предъ обителью, слалъ ей богатые дары, изъ коихъ многіе (и вещи Анастасіи Романовны) хранятся въ ней доселѣ. Во время пятимѣсячной осады Пскова Баторіемъ она имѣла для него такое же значеніе, какъ обитель пр. Сергія для Москвы въ смутную годину на Руси. Пещерная обитель собственными средствами одержала три побѣды надъ войсками Баторія и выдержала продолжительную осаду арміи его, при многихъ эпизодахъ упорной битвы подъ стѣнами ея, затѣмъ содѣйствовала освобожденію самаго Пскова (1581 г.), по вѣрѣ псковичей, принесшихъ изъ обители чудотворную икону ея и обходившихъ съ нею по городу и стѣнамъ, при каждомъ непріятельскомъ нападеніи. Въ 1611 Ходкевичъ лестью и богатыми дарами искалъ пріязни этой обители, но она отвергла дары и прогнала войско его. Въ 1801 г. Петръ I, задумавъ покорить Ливонію, из-

бралъ эту обитель опорнымъ пунктомъ и своими руками заложилъ вокругъ стѣнъ ея земляные бастионы. Въ 1812 г. войска Наполеона взяли уже Полоцкъ, такая же участь грозила и Пскову, а затѣмъ и столицѣ. Псковичи поспѣшили въ Печерскую обитель, подняли святыню ея, принесли ее въ Псковъ и совершили съ нею крестный ходъ вокругъ всего города. Это было 7-го октября. Въ тотъ же день графъ Витгенштейнъ взялъ Полоцкъ. Самъ императоръ Александръ I и гр. Витгенштейнъ признали въ этомъ дѣлѣ небесную помощь по ходатайству святыни печерской, и, на память объ этомъ событіи, устроенъ въ обители на горѣ храмъ во имя архангела Михаила, самый большой изъ ея храмовъ. Императоръ Александръ I нарочно прибылъ въ обитель, чтобы принести пещерной святыни благодарныя молитвы и поклоненіе за ея помощь, и установилъ, на память объ этой помощи, ежегодный крестный ходъ съ обительскими иконами въ Псковъ и вокругъ Пскова съ 3 по 15 октября, какъ совершается таковой же въ апрѣлѣ, въ память избавленія Пскова отъ Баторія.

Но св. обитель, столько услугъ принесшая Руси, съ 1764 г., лишившись богатыхъ своихъ угодій, стала сокращать свои благотворныя услуги. Управляемая изъ Пскова, она стала упадать. Русь, управляемая новымъ теченіемъ своей исторіи, стала забывать ее. Но не забылъ ее простодушный русскій народъ, доселѣ стекающійся въ нее десятками тысячъ. Не забыла ее эта, просвѣщенная православною вѣрою отъ нея, простодушная чудь (эстонскій языкъ она почти забыла, а русскій доселѣ не вполне усвоила, за что получила названіе въ народѣ „полувѣрцевъ“), считающая ее на далекое пространство какъ бы приходскимъ своимъ храмомъ. Наконецъ, не забыли ее и всѣ коренные обитатели прибалтійскаго края, среди которыхъ она постоянно поддерживала и сохраняла ключъ православія, открытый въ этомъ краѣ еще Ярославомъ Мудрымъ. Латыши и эстонцы-люте-

ране часто похвалялись въ обители съ просьбою о молитвѣ за нихъ и по-своему высоко чтили ее. Когда этотъ ключъ, долгое время тщательно скрываеый и засоряемый нѣмцами, наконецъ (1841 г.) брызнулъ стремительнымъ (и по неволѣ сначала мутнымъ) потокомъ, когда на мѣстѣ все бросилось удержать и завалить его, когда вывезенъ былъ изъ Риги православный епископъ, латыши и эстонцы толпами бросились тогда въ Печерскую обитель за совѣтомъ и помощью. и нужно было двинуть войска и цѣпью расположить ихъ по границѣ Лифляндіи со стороны обители, чтобы никого изъ нихъ не допустить къ ней (изъ дѣлъ Псковской консисторіи).

Нынѣ только остатки крѣпостныхъ стѣнъ и башенъ, готовые во многихъ мѣстахъ обрушиться, дороги украшенія на иконахъ да много дорогихъ вещей въ монастырской ризницѣ—свидѣтельствуютъ о бывшемъ нѣкогда величіи и славѣ этой обители. На всемъ лежитъ печать обнищанія и запущенія. Какая неблагодарность потомства къ исторической своей святынѣ! Тяжело глядѣть на запущеніе ея, когда понимаешь, какъ часто и сильно въ наше время настоитъ нужда въ тихомъ пристанищѣ для души, чтобы подчасъ забыться въ немъ отъ міра и суеты его и получить хотя каплю небснаго утѣшенія для наболѣвшаго сердца... Пещеры только въ незначительной части своей обдѣланы (и очень грубо) кирпичемъ и камнемъ, предохраняющимъ отъ обваловъ, въ остальныхъ частяхъ остаются въ натуральномъ видѣ. Нѣкоторые изъ просвѣщенныхъ посѣтителей оставляютъ на стѣнахъ надписи - сувениры, не приличныя святости мѣста. простодушные крестьяне русскіе и эстонскіе тайкомъ берутъ здѣсь песокъ и глину отъ болѣзней, своды въ иныхъ мѣстахъ осыпаются, угрожаютъ обвалами, каковыя неоднократно и случались уже, почему и закрыто уже одно большое отдѣленіе пещеръ. Возможности одного изъ такихъ обваловъ братія весьма боится, такъ какъ отъ него можетъ

обрушиться все надпещерное зданіе, и пещерная церковь сильно пострадаетъ. Въ самыхъ пещерахъ нѣтъ ни одной церкви, мысль о которой возникаетъ при воспоминаніи о пещерахъ Кіевскихъ и при видѣ множества покоящихся здѣсь благочестивыхъ предковъ нашихъ и молитвенниковъ обители, основателей ея и первыхъ пустынножителей. Въ пещерной церкви, устроенной препод. Іоною, въ послѣдствіи выложенной камнемъ, обновленной въ 1873 году бывшимъ поковскимъ епископомъ Павломъ, — главнымъ пріютѣ обительскихъ чудотворныхъ иконъ и мощей препод. Корнилія, просвѣтителя чуди, въ сводахъ образовалась течь, и на правомъ престолѣ ея, подлѣ мощей Корнилія, прекращено служеніе отъ течи и постоянной мокрой грязи вокругъ престола. Для многихъ тысячъ притекающаго къ пещерной святынѣ народа нужна бы здѣсь церковь просторная, потому что нынѣ изъ народа только нѣсколько десятковъ могутъ слышать здѣсь литургію, а всюнощную служатъ для него на дворѣ, подъ сводами небесными, чему часто препятствуетъ непогода. Впрочемъ, надъ пещерною церковію и прилегающими къ ней подваломъ и особою пещерою возвышается большое зданіе, увѣнчанное пятью оригинальными и весьма красивыми куполами. Посѣтитель не имѣетъ никакого сомнѣнія, что надъ пещерною церковію имѣется другая, довольно помѣстительная; но это — обширный чердакъ, не имѣющій никакого употребленія и построенный только для прикрытія со стороны горы пещерной церкви. Устройство церкви въ этомъ высокомъ чердакѣ, весьма удобной для ней, обошлось бы не дороже, чѣмъ строющееся нынѣ помѣщеніе для пріѣздовъ преосвященнаго. Есть еще надъ самымъ входомъ въ пещеры церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы, вмѣстимостію на 100—120 душъ. Есть въ ней престолъ и иконостасъ, довольно хорошій, но потолокъ обрушился отъ течи, и теперь въ ней привитаютъ только птицы небесныя. Церкви надъ ризницей и надъ св. воротами слишкомъ малы, ходъ въ нихъ неудобный и по-

тому богослуженіе въ нихъ бываетъ только въ дни престольныя. Просторный храмъ на горѣ, во имя архангела Михаила, давно требуетъ капитальной починки. Прекрасная живопись на стѣнахъ его поблекла, сглаживается отъ сырости и осыпается, нѣкоторыя изображенія уже трудно разобрать; позолота на небольшомъ, оригинальномъ иконостасѣ требуетъ обновленія; ступени широкихъ портиковъ обрушились, и только съ сѣверной стороны можно взойти по нимъ въ храмъ.— Ни въ св. воротахъ, ни по стѣнамъ зданій нѣтъ ничего, что такъ поучаетъ народъ, и что онъ любитъ—священныя изображенія, слова Спасителя, отцевъ Церкви и под. Когда-то, вѣроятно, было здѣсь это поученіе, какъ показываютъ имѣющіяся еще въ складахъ, не годныя за ветхостію, большихъ размѣровъ картины на холстѣ, напр. препод. Антоній и Θεодосій Печерскіе у трона Богоматери съ свитками въ рукахъ, осада обители Баторіемъ и др., которыя по своимъ размѣрамъ не могли помѣщаться въ тѣсныхъ храмахъ. Для помѣщенія братіи имѣется каменный двухъ-этажный корпусъ и нѣсколько одиночныхъ келій. Корпусъ незначительныхъ размѣровъ и въ немъ помѣщенія тѣсны: намѣстникъ, архимандритъ Павелъ, занимаетъ здѣсь двѣ небольшія комнатки, заваленныя всякою рухлядью монастырскою. Ризничій о. Михаилъ и еkkлесіархъ Θεодосій помѣщаются въ такихъ келіяхъ, которыя напоминаютъ пустынножителей. По недостатку помѣщеній, въ комнатахъ нижняго этажа владычныхъ палатъ, еще не оконченныхъ, тѣснится до 15 душъ братіи и послушниковъ, между ними одинъ заштатный архимандритъ (Геронтій). Для множества приходящихъ въ обитель богомольцевъ, нѣтъ страннопріимницы, ни больницы, ни даже какого-либо навѣса, подъ которымъ можно было бы укрыться или переночевать во время непогоды хотя болѣе слабымъ и заболѣвшимъ. Съ 1873 г., когда, по случаю 400-лѣтняго юбилея обители, зданія ремонтировались, доселѣ никакой ремонтровки не было. Крыша надъ цѣлымъ надпещернымъ зданіемъ сильно портится и даетъ течь.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

I.

Указатель личныхъ именъ и географическихъ названій.

А.

Авакумъ, Угрѣшскій игумень, т. I, стр. 333.
Августъ II, Польскій король, томъ II, стр. 298, т. III, стр. 112.
Августъ III, Польскій король, т. II, стр. 785, т. III, стр. 141, 189.
Агаангелъ, архіеписк. Волынскій, II, 824, 827—828, 832, 851—856, 859—861, 906, 952.
Адабашевъ, полковникъ, I, 478, 481.
Адріанъ, патриархъ всероссійскій, I, 163, 201.
Аксакъ Михаилъ, панъ благотворитель доминиканск. въ Кіевѣ конвента, I, 284.
Аксакъ Стефанъ, стронтель доминиканскаго въ Кіевѣ костела и конвента, I, 283.
Александровичъ, графиня, II, 21, 22.
Александровна, поселокъ Дубенск. уѣзда, Волынск. губ. II, 882.
Александръ I Павловичъ, Императоръ, II, 83, 414, III, 11, 93, 434, 781.
Александръ II Николаевичъ, императоръ, II, 69, 87, 276, 464, 466, 469, 470, 472—473, 477, 479, 504, 523—524, 529, 532, III 334, 351, 354, 356.
Александръ, князь Литовскій и король Польскій, I, 282, III, 379.
Александръ IV, папа, II, 382, 388—389, 391.

Алексеѣвъ Тимоѣей, кіевскій книгопечатникъ, I, 80.
Алексѣй Михайловичъ—царь Московскій, I, 248, 286.
Алексѣй Петровичъ, сынъ Петра I, I, 297, 302, 306, 311.
Алексѣй, митрополитъ, I, 147, 356.
Алліцій Левъ, объ Іоаннѣ Дамаскинѣ, I, 186—187, о воскресныхъ Анатоліев. стихирахъ, I, 189—191, о переводѣ Октоиха на слав. языкъ, I, 194—195.
Альбертовъ, Люблинскій губернаторъ, II, 224—225, III, 268—261.
Албертъ Іоаннъ, I, 41, 187.
Албертъ, доминиканскій монахъ, I, 281.
Алиеритскій, тукумскій православный священникъ, II, 518.
Амфилохій, настоятель Кіево-Межгорск. монаст., I, 264.
Анатолій, патр. Конст., I, 189.
Анатолій, монахъ Студ. мон., и его стихирь, I, 180, 183, 185, 189—190, 194.
Ангеловичъ Антоній, Львовскій митрополитъ, II, 73.
Андрей, священникъ Кіевской Феодосіевской церкви, I, 92.
Аникита, еписк. Римскій, I, 230.
Анна, сестра греч. царей Василія и Константина, I, 14—15, 17—18, 24—25.
Анна Іоанновна, императр., I, 307, 317, 318, 322, 338, 339, 342, 430, 467.

Антоній (Рафальскій), архіепископъ Варшавскій, а послѣ митрополитъ Новгородск. и Петербургск., II, 219—221, III, 218, 220, 221.

Антоній, игумень Кіевск. Петропавловск. монаст., I, 293.

Антоновка, поселокъ Острожскаго уѣзда, Волынской губ., II, 863, 924, 926, 928, 937, 947.

Амартохъ, Византійскій хроникеръ, I, 367.

Апостоль, малороссійскій гетманъ, I, 318, 429.

Акпраксинъ, генераль-адмиралъ, I, 307—308.

Аренсбургъ, уѣзд. гор. Лифляндской губ., II, 609, 647.

Армоній, сиріецъ, I, 178.

Арокюль, уѣздн. городъ Финляндск. губ., II, 701.

Арсеній, Ясскій митр., I, 414.

Арсеній Апостолисъ, ревнитель латинства, Монемавійскій митрополитъ, I, 116.

Арсеній (Москвинъ), архіеписк. Варшавскій, а потомъ Кіевскій митрополитъ, II, 111, 183, 235, III, 430, 448, 450.

Арсеній (Берло), Бѣлорусскій епископъ, I, 258.

Арсеній, еписк. Львовскій, III, 325.

Арсеньевъ, историкъ, III, 240, 244, 280.

Астрахань, I, 304.

Ахматовъ князь, оберъ-прокуроръ Св. Синода, II, 477, 507.

Аѳанасій, аѳонскій монахъ, I, 246.

Аѳанасія, игуменя Ладинск. монаст., Кіевск. епархіи, I, 478.

Аѳонъ, I, 362, 546.

Б.

Бабушки, село Житомирскаго уѣзда, Волынск. губ., II, 958.

Баварія, II, 342.

Вагратионъ, князь, Рижскій генераль-губернаторъ и предсѣдат. Училищнаго Совѣта, II, 535—538.

Ваведовъ, педагогъ, III, 30, 719.

Валабанъ Гедеонъ, епископъ Львовскій, I, 37, 52, 67, 69—78, 82, 442, III, 325.

Валабанъ, Феодоръ Юрьевичъ, племянникъ Гедеона, I, 69.

Валлодь, глава рижской герингуттерской общины латышей, II, 441, 448—449, 544.

Ванде краковскій профессоръ, I, 200, III, 206, 211, 285.

Вантышъ-Каменскій, русскій историкъ, I, 602.

Варановичъ Лазарь, I, 239.

Варановъ, графъ, Рижскій генераль-губернаторъ, II, 522.

Вароній, о Львѣ Исавръ, I, 175, объ Іоаннѣ Дамаскинѣ, I, 1с2.

Вгросовъ Н. П., профессоръ Варшавскаго университета, II, 305, 308, 364, 370.

Варшовка, поселокъ Дубенск. уѣзда, Волынск. губ., II, 880, 904—905.

Варъ, Каменецъ-Подольской губ., III, 95, 97, 153, 160, 194—195.

Васкаковъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода, I, 325.

Ваторій Стефанъ, король Польскій, I, 243—245, 232, II, 423, III, 780—781.

Ватый, I, 270, 280.

Вебринъ, Курляндской губ., II, 754.

Вевертъ, Лифляндской губ., II, 776, 779.

Ал-Бекри, арабскій писатель XI вѣка, II, 332, 336, 348—349.

Вельгія, II, 161.

Вендеры, уѣздный гор. Бессарабской губ., I, 314.

Вендровъ, начетчикъ-латышъ, II, 517.

Вергъ, графъ, намѣстникъ Царства Польскаго, II, 96—97, 183, 197—198, 201—202, 245—246, 254—256, 270—271, 276, III, 314, 315, 316, 317, 319, 339, 358, 364, 366, 367, 368.

Вердичевъ, уѣздн. гор. Кіевск. губ., I, 528, II, 887.

Веревечъ, мѣстечко (въ Сѣверо-Западномъ краѣ), III, 95.

Веревдовъ, Волынской губ., III, 150.

Верезовка, Радомысл. уѣзда, Кіевск. губ., III, 459.

Верестечко (на Волини), III, 124, 191.

Верестово, древнее великокняжеское село на нынѣшнемъ Печерскѣ г. Кіева, I, 25.

Верковецъ, деревня Кіевской губерни., I, 284.

Верло Арсеній, епископъ—см. Арсеній.

Вернардини, мѣстность въ г. Кіевѣ, I, 234.

Вернь, городъ въ Швейцаріи, II, 942.

Вессарабія, I, 414, 417, 494.

Вестужевъ-Рюминъ К., профессоръ, III, 207, 656, 657, 665, 667, 669.

Вецкій, сподвижникъ Екатерины II, I, 294, III, 434.

Вибииковъ, Кіевскій генераль-губернаторъ, I, 532.

- Виронъ**, временщикъ при императр. Аннѣ Ивановнѣ, I, 341—342.
- Вищъ**, Люблинской губерніи, II, 241, III, 176.
- Влудова**, графиня, II, 819, 877.
- Влудово**, поселокъ Острожск. уѣзда, Волинской губ., II, 844, 863, 924.
- Влудовъ**, графъ, II, 459.
- Вобжинскій**, польскій историкъ, II, 316, 318, 320—321, 325—327, 339, 357, 378.
- Вобринскій**, графъ, II, 524.
- Вобровица**, село Черниговской губ., I, 249.
- Вобровиць - Коптя** Іосифъ, игуменъ Кіево-Межигорск. монаст., I, 244.
- Вобруйскъ**, уѣднй городъ Минской губ., III, 91.
- Воганъ Семенъ**, учитель Тальсенск. школы (въ Курляндіи), II, 517—519.
- Вогдановиць**, профессоръ, III, 31, 156, 162—163.
- Воголюбскій Андрей** (основатель Кіево-Межигорскаго монаст.), I, 242.
- Вогуславъ**, мѣстечко Кіевской губ., III, 177, 178, 191.
- Вогуфалъ**, польскій историкъ, II, 370.
- Вогудицкій**, визитаторъ, III, 187.
- Вогудцій Антонъ**, надсмотрщикъ у крѣпостныхъ дѣлъ ровенск. уѣднаго суда, II, 808, 816, 831.
- Вогушия**, православные князья, основатели и благодѣтели Яблочинск. монаст., II, 282.
- Войма**, иезуитъ, I, 239.
- Волгарія**, I, 23, 291, 513, II, 99.
- Волеславъ I**, Храбрый, Польскій король изъ династіи Пястовъ, II, 313, 315, 321, 323—329, 332—333, 335, 352—354, 361, 365, 369, 371.
- Волеславъ Стыдливый**, князь Краковскій, II, 359—360, 375—377, 384, 388—395, 400.
- Волеславъ II** Рижій, король Польск., II, 353—354.
- Волеславъ II**, король Чешскій, II, 332, 348.
- Волеславъ III** Кривоустый, Польскій, король пзъ династіи Пястовъ, II, 333.
- Волеславъ**, князь Мазовецкій, II, 400—401, 404.
- Воневскій Воинфатій**, провинціалъ Василіанскаго капитула, II, 102, 117—119.
- Вопиъ**, филологъ, III, 485.
- Ворецкій Іовъ**, митрополитъ Кіевск., I, 92, 119, 247.
- Ворисевичъ Василій**, священникъ, III, 203.
- Ворисъ**, сынъ Ярослава Мудраго, I, 24, 125, 249, 268.
- Ворки**, имѣніе Кіево-Межигорск. монаст., I, 249.
- Воровскій**, подьячій, I, 317—319, 329, 328, 330.
- Воровскій С. А.**, педагогъ, III, 706—712.
- Вортничъ**, село Кіевской губерніи, I, 416.
- Воруны**, м. въ Сѣверо-Западн. краѣ Россіи, III, 95.
- Воршаговка** Петропавловская, село Кіевской губ., I, 285.
- Ворятинъ**, поселокъ Луцкаго уѣзда, Волинской губ., II, 884, 904, 907, 914—915, 919—920, 924, 937, 941, 966.
- Воснія**, I, 49.
- Воярка**, Звенигор. уѣзда, Кіевск. губ., III, 457—466.
- Воярскій**—дьякъ, II, 241.
- Воярскій**, священникъ въ Заболотѣ, II, 187, 235.
- Вранловъ**, мѣстечко Кіевской губ., III, 162.
- Враушвейгъ** Рудольфъ Ивановичъ, III, 317, 318, 319, 339, 341.
- Вревернъ**, Курляндскій губернаторъ, II, 516, 522.
- Врестъ**, I, 69, 591, II, 146, 209, 287, 299, 308, 311, 362—365, 367—368, 373, 336, 396, 399—402, III, 22.
- Вржевинскій**, составитель учебника русскаго языка, III, 211.
- Вршовскій** Максимилианъ, подстолий Кіевск. воеводства, I, 227.
- Вриггенъ**, баронъ, II, 773.
- Вроды**, селеніе въ Австріи, II, 808.
- Вроунъ**, графъ, Рижскій генераль-губернаторъ, II, 413.
- Врунсбергъ**, городъ въ Австріи, II, 212.
- Врусилово**, мѣстечко Кіевской губ., III, 457.
- Врыковъ**, село Волинской губерніи, II, 974.
- Врянскъ**, уѣднй гор. Орловск. губ., I, 271.
- Вугъ**, рѣка, I, 18, 44, 45, 48, 55, 72, 123, 156—157, 159, 217, 274, 276, 282—283, 300, 304—310, 315, 327—331, 339, 344—345, 350, 352, 355—358, 361, 363—371, 377—381, 394—399, 402, III, 198, 221.
- Вудеражъ**, имѣніе Дубенскаго уѣзда, Волинской губерніи, II, 809—810, 819, 825, 852, 863, 876, 878, 902,

- 904, 924, 926—928, 937—938, 975.
Вужинскій Гаврилъ, Киевск. митроп., I, 406, 438.
Вуковичи, село Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецк. губ., II, 407—408.
Вулгакъ Иосафатъ, Бѣлорусскій греко-уніатскій митроп., II, 73.
Вулгаринъ, писатель, III, 207, 240, 254.
Вунаковъ, авторъ „Дневника начальной общеобразовательной школы“, III, 483, 490, 492, 497.
Вуракишки, деревня Лифляндской губ., II, 776.
Вуривой I, князь Чешскій, II, 335, 338.
Вуолавъ, писатель, I, 349, 361, 370, 377.
Вутурлинъ, флигель-адъютантъ, II, 434.
Вучача, мѣстечко (въ Юго-Западн. краѣ), III, 9, 95.
Вучинъ русскій, деревня на сѣверѣ Подлясья, I, 643, II, 145.
Вучицы, деревня Сѣдлецкой губернии, II, 171.
Выстрицы, притокъ Вепря, II, 361.
Вѣла, городъ Сѣдлецкой губ. (Подляхія), I, 590, 592, 596, 601, 602, 606, 608, 634, 644, II, 12, 16, 25, 31, 32, 34, 61, 102, 106, 110, 115, 119, 147, 170, 179, 210, 214, 230, 239, 242, 253—255, 265, 267, 268, 274, 287—288, 293—295, 298—299, 303, III, 277, 390, 392.
Вѣлая-Церковь, мѣстечко Киевской губ., III, 191.
Вѣлгородъ, уѣздный городъ Курской губ., I, 265.
Вѣлгородка, поселокъ Дубенск. уѣзд., Волянск. губ., II, 808, 924.
Вѣлгородка, село Киевской губернии, I, 284.
Вѣлевскій, издатель славянскихъ историческихъ документовъ и памятниковъ, II, 336, 337, 340.
Вѣлиловка, мѣстечко Бердич. уѣзда, Киевск. губ. III, 195.
Вѣлинскій, критикъ-литераторъ, I, 369.
Вѣлинскій Францишекъ, писарь коронный, III, 20, 21, 42, 46.
Вѣлоруссія, I, 590, 591, 602, 624, 649, II, 84, 98, 185, 190—191, 208, 213, 217, 298—299, 414, 417, 794, III, 25, 91, 210, 319, 400.
Вѣлостокъ, уѣздный городъ Гродненской губ., III, 91.
Вѣльскій, польскій хроникеръ XVI вѣка, II, 315.
Вѣлявскій Яковъ, священникъ, I, 446, 448.
Вѣляевъ Михайло, войсковый товарищъ, I, 448.
В.
Вага, польскій историкъ, III, 42.
Валахія, I, 39, 49, II, 99.
Валевскій графъ, членъ государственнаго совѣта Царства Польскаго, III, 229.
Валки, городъ въ Лифляндской губ. II, 453.
Валуевъ П. А., II, 482—483, 506—507, 511, 514.
Вальтеръ, пасторъ, лифляндскій генераль-суперъ-интендентъ, II, 453, 461—466, 479—479, 492, 511, 513, 601, 605.
Ванатовичъ Варлаамъ, архіепископъ Киевскій (въ схимѣ Василій), I, 258, 288, 296, 308—342, 397, 460, 467—468, 477, 484.
Ваната Стефанъ, племян. Ванатовича, I, 336—338.
Варгулевичъ, сваяц. III, 456.
Варда Фока, Византийскій царедворецъ и полководецъ, I, 18.
Варидоне, Латышскій князь, II, 420.
Варковичи, Лифляндской губернии, II, 774, 779.
Варга, рѣка, II, 321, 331, 350.
Василевскій Іоаннъ, іеромон. Холмскаго монаст., II, 112.
Василій, архіеп. Новгородск., I, 353, 360, 377.
Василій, Греческій царь, I, 12.
Васильковъ, Киевск. губ., I, 426.
Василько (Ростиславичъ) Теребовльскій, князь Волинскій, II, 358.
Васильчиковъ, князь, начальникъ Юго-Западнаго края, III, 429, 437, 446.
Васюковскій Феодосій, игуменъ Киево-Межигор. монаст., I, 255.
Ваттеръ, составитель „Essais sur divers sujets interressants de politique“, III, 41.
Везенбергъ, уѣздный городъ Эстляндской губ., II, 701.
Вейсенштейнъ, Эстляндской губернии, II, 701.
Велепольскій, графъ, директоръ коммисіи просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, II, 23, 30, 69—70, 160, 178, 180, 240, 247, III, 11.
Великая—рѣка, II, 700.
Великоселицъ, село Киевской губ., I, 419.

- Велиновичъ**, священникъ с. Дрелева, II, 50, III, 344.
Вельдеръ, пасторъ, завѣдывавш. Гривскимъ училищемъ, II, 791.
Венгровъ, городъ Сѣдлецкой губ., II, 210, 214, 229, 404.
Венгрія, II, 99, 262.
Венедиктъ VI, папа, II, 330.
Венедиктъ XIV, папа (и его буллы), II, 148, 162—163, 206.
Веніаминъ, епископъ Рижск., II, 528, 530, 638.
Вепрь, притокъ Буга, II, 329, 339, 255—358, 360—363, 367, 375—379, 385—388, 390, 392—393, 395—399, 401.
Вербицкій Мельхиседекъ, настоятель Киево-Петропавловск. монастыря, I, 294, 455, 483, 487.
Верещинъ, старый городъ (въ Люблинск. губ.), II, 359.
Весь русская, деревня въ Подлясьи, I, 643, II, 146.
Вжещъ Янъ, ксендзъ, каедр. каноникъ, III, 100, 102, 111, 112, 155, 157, 158, 159, 160, 161, 188.
Византія, I, 353, 362, II, 313, 337, 342, 349, 353.
Викторъ, игумень Киево-Петропавл. монаст., I, 293.
Викторъ, польскій святой, патронъ Подлясья, I, 608, 640, 649, II, 21, 11—112, 160.
Виленская, супр. кн. Рожинскаго, I, 283.
Вилуевъ В. В., членъ комиссіи просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, II, 257.
Вильна, I, 10, 44, 88, 116, 157, 164, II, 893, 895, 914, 916—917, III, 10, 19, 38, 48, 95, 204, 205, 212, 230, 231, 233, 326.
Вильно, с. Радомисльск. уѣзда, Киевской губ., III, 459.
Винница, Подольск. губ., III, 22, 97, 151, 163, 165, 194—195.
Виноградъ, мѣстечко Звенигор. уѣзд. Киевск. губ., III, 456.
Висла, р. II, 72, 159, 274, 276, 291, 320, 322, 328, 344, 348—349, 360, 363, 368—369, 372, 376, 379, 395—399, 401, 403, 458, III, 108, 311.
Вислохъ верхній, притокъ Сана, II, 360, 397.
де-Вичи Арнольдъ, I, 278.
Витава, рѣчка, II, 352.
Витгенштейнъ, гр., III, 781.
Витебскъ, I, 602, 609, II, 25, 106, III, 10, 91.
Витгольдъ (или Витовтъ), вел. князь Литовскій, I, 282.
Витте Ѡ. Ѡ., главн. директоръ правл. комис. просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, II, 93, 246, 249, 254, 257—259, 261—262, 267—268, 270, 273, III, 314, 386.
Вишневецкіе, князья, (родъ ихъ) I, 591.
Вишневецкій Янушъ-Антонъ, князь, III, 101.
Вишницы, Влодавск. уѣзда, Сѣдлецк. губ., II, 242.
Владиміръ на Блязьмѣ, гор., I, 441.
Владиміръ - Волинскъ, городъ, II, 312, 966—968, III, 10, 95, 117, 131, 141, 146—147, 191.
Владиміръ Мономахъ, князь Киевск., II, 358, 376.
Владиміръ св., равноапостольн. и великій князь Киевскій, I, 3—29, 280—282, II, 305—312.
Владиміръ, князь Владимірскій, II, 401.
Владиміръ (Сокольскій), начальникъ сѣчевыхъ церквей, I, 261.
Владиславъ, Польско-Литовскій король, I, 282, III, 8.
Владимиръ Лука, I, 322—323, 328.
Власевъ, бригадиръ, I, 271.
Влодава, городъ Сѣдлецкой губ., I, 595, 634, II, 16, 17, 22, 31, 44, 45, 51, 55—57, 61, 244, 286.
Влодава, рѣчка, II, 311, 350, 363—364, 367, 397, 401.
Влодава, поселокъ Дубенскаго уѣзда, Волинской губ., II, 904.
Вогынъ (или Воинъ), мѣстечко Радннскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 17, 27, 401—402.
Водица—рѣчка погранич. для владѣній Киево-Межигорскаго монаст., I, 243.
Водозовъ, литераторъ, III, 490.
Воейковъ, Киевскій губернат., I, 272.
Возоможъ Михаилъ (хабенскій волостной старшина), III, 471.
Войтехъ, Чешскій архіепископъ, II, 335.
Войцацикій, свящ., предсѣдат. Холмской консисторіи, II, 88, 88—91, 94—95, 177, 180—181, 238, 276, III, 320, 363.
Войцѣховскій, польск. историографъ, II, 333—334, 350.
Волкевичъ-Оливаръ, камергеръ королевскій, III, 134.
Волковые, поселокъ Дубенск. уѣзда, Волинской губ., II, 853, 860, 882, 905, 924, 929, 975, 978.
Воловицкій, атаманъ, I, 473.

- Вологда, городъ, I, 325.
 Володкевичъ, Филиппъ, еписк. Холм-
 ский, униатскій митрополитъ, II,
 175, 301—302.
 Волоская воля, деревня Влодавск.
 уѣзда, Сѣдлецк. губ., въ Подлясьи,
 I, 645, II, 146.
 Воля русская, Радинск. уѣзда, Сѣд-
 лецкой губ., деревня въ Подлясьи,
 I, 643, II, 146.
 Востоковъ, авторъ Грам. русск. язык.,
 III, 279, 283.
 Вотницы, селеніе въ Богеміи, II, 807
 —808.
 Всеволодъ, князь Переяславскій, по-
 томъ Киевскій, сынъ Ярослава
 I Мудраго, I, 269.
 Выговскій, писарь, захватившій ма-
 лорос. гетманство, I, 248.
 Выговскій Дороей, помощникъ Тео-
 досія Васьяковскаго, игум. Киево-
 Межигорск. монаст., I, 255.
 Выгода, деревня въ Подлясьи, II, 171.
 Вырки, деревня Влодавскаго уѣзда,
 Сѣдлецкой губ., II, 33.
 Высокое, село Житомирскаго уѣзда,
 II, 901—902, 920, 932, 935—937,
 942, 948, 957.
 Вышгородъ, Киевск. губ., I, 241—242,
 243, 248, 249, 268, 284.
 Вышеславцевъ А., священ., III, 531,
 600—605.
 Вѣна, городъ въ Австріи, II, 62, 212,
 214.
 Вѣтвицкій Пахомій, настоятель Киево-
 Петропавловск. монаст., I, 293.
 Вяземскій, писатель, III, 207.
 Вяземскій, генераль-прокуроръ при
 императр. Екатеринѣ II, II, 812.

Г.

- Гагаринъ князь, II, 477, 504.
 Гавриилъ, настоятель Киево-Межи-
 горскаго монаст., I, 264.
 Гавриилъ, митрополитъ, I, 284.
 Гадзембо-Вардынскій Андрей, лети-
 чевскій подстолій, III, 155.
 Гайчинскій, Галицкій войскій, III,
 165.
 Галичъ, городъ, I, 67.
 Галлъ Мартинъ, польскій лѣтопи-
 сецъ, II, 313—314, 327—329, 335,
 370.
 Ганкевичъ Ремилій, консульторъ Ва-
 силианскаго капитула, II, 102.
 Ганна, деревня Бѣльскаго уѣзда, Сѣд-
 лецкой губ., II, 49, 50, 58.
 Ганышкевичъ, священникъ въ Кор-
 пицѣ, II, 49, 58.

- Гапсаль, уѣздный городъ, Эстляндск.
 губ., II, 701.
 Гарнишъ, германскій педагогъ, III,
 556.
 Гедиминъ, князь Литовскій, I, 281.
 Геймъ Іоаннъ, профес., III, 208, 211.
 Гейтлеръ, писатель-филологъ, II, 341.
 Гельметъ, село въ Лифляндск. губ.,
 II, 484.
 Генрихъ латышскій, католическ. про-
 повѣдникъ, лѣтописецъ XIII вѣк.,
 II, 419—421, 426—427.
 Генрихъ II, Германскій императоръ,
 II, 325, 328, 371, 373.
 Генрихъ IV, Германскій императоръ,
 II, 330.
 Георгій, Ясскій митрополитъ, I, 310.
 Гербачъ, педагогъ, III, 522.
 Германія, I, 597, II, 319, 389, 416,
 442, 453, 458, 459, III, 30, 454,
 488, 597.
 Гернгутъ (слав. Охрановъ) уѣзд. гор-
 II, 870, 912.
 Геронъ, нѣмецкій мареграфъ, II, 316,
 320.
 Герцике, (городъ Лифляндск. губ.),
 II, 418, 420—421, 751.
 Гильфердингъ А. Ф., II, 246, 257.
 Гинтовъ, священ., II, 84.
 Гловацкій, виленскій суперъ-интен-
 дентъ, II, 914, 915, 919, 967.
 Глинскій, епископъ, преемникъ По-
 цѣя, III, 141.
 Глинскій Θεодосій, настоятель Киево-
 Петропавловск. монаст., а затѣмъ
 игуменъ Кирилловскаго монаст.,
 I, 292, 330.
 Глинскъ, имѣніе Ровенскаго уѣзда,
 Волынск. губ., II, 806, 809—810,
 818, 820, 828, 835, 837, 844, 855,
 860, 876, 879, 882, 888, 895, 901—
 902, 921, 924, 937—938, 944, 978.
 Глуховской, графъ, организаторъ га-
 лицкой народности, I, 652, II, 91,
 III, 93.
 Глуховъ, Черниговской губ., I, 256,
 315, 327, пр. 1-е.
 Глѣбовка, Киевской губ., владѣніе кн.
 Оболенскихъ, I, 247, 249.
 Глѣбовъ, генераль, казенный при
 Петрѣ Вел., I, 306.
 Глюксбергъ, книгопрод., III, 277.
 Глѣвно, городъ первоначальн. Поль-
 ши, II, 333.
 Гоаръ, ученый, III, 324.
 Гобинъ, священникъ-латышъ, II, 604,
 613—614.
 Гоголь, писатель, III, 514.
 Годуновъ Борисъ, царь Московскій,
 I, 116.

- Голицынъ, фельдмаршалъ, I, 304, 307, 321.
- Головинъ, Рижскій генералъ-губернаторъ, II, 441—443, 454—455, 458, 475, 481, 489.
- Головинъ, канцлеръ при Петрѣ Великомъ, I, 204, 207, 321.
- Головинъ, визитаторъ, III, 142.
- Головинъ, главный директоръ коммисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, II, 78, 80, 218, 221, 227, III, 218—219, 222, 229, 237, 251, 289.
- Головно, деревня Влодавск. уѣзда, Сѣдлецк. губ., II, 53.
- Головчинъ, мѣстечко Могилевск. губ., III, 91.
- Головчиць Кс., визитаторъ украинскихъ и волынскихъ шкোলъ, III, 25, 49, 94, 165, 163, 172, 174.
- Голтва, мѣстечко Киевской губерніи, I, 466.
- Голубинскій Е. Е., профес. Московской дух. акад., III, 676.
- Голубцовъ, попечитель Киевск. учебнаго округа, III, 478.
- Гольдингенъ, городъ въ Курляндск. губ., II, 516—517, 520.
- Гольцъ, основатель русскаго пансіона въ Варшавѣ, III, 303—308.
- Голатовскій Іоанникій, I, 227, 239, 286, III, 210.
- Гонта Иванъ, сотникъ запорожцевъ, I, 494, 589, III, 123, 180.
- Гончицы, с. Сквирскаго уѣзда, Киевской губ., III, 404.
- Горачко Янъ, василіанскій монахъ, миссіонеръ при Илжукск. монаст., II, 733.
- Горбовъ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецк. губ., II, 242.
- Горленко Іоасафъ, епископъ Вѣлгородскій, I, 264—265.
- Горностай, панъ благотворитель Кіево-Межигорскаго монаст., I, 243.
- Городище, мѣстечко Влодавск. уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 43.
- Городокъ, деревня Соколовск. уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 34, 303.
- Горскій, протоіерей А. В., ректоръ Московской духовной академіи, I, 345.
- Гортовъ, педагогъ, III, 619.
- Горчаковъ, князь, намѣстникъ Царства Польскаго, II, 69, 111, 175, 482.
- Горышка, притокъ Днѣпра, I, 284.
- Горынграфъ, поселокъ Ровенскаго уѣзда, Волынской губерніи, II, 880, 921.
- Горянка, мѣстечко, владѣніе Кіево-Межигорск. монаст., I, 249.
- Гостомель (мѣстность въ 32 вер. отъ Кіева), I, 284.
- Гощи, мѣстечко Волынской губерніи, III, 151.
- Грабовскій, графъ, арендаторъ имѣній Радзивилла, III, 220.
- Грабовъ-Гроховскій Іеронимъ, генералъ-викарій Доминикъ, I, 283.
- Граверъ, германск. педагогъ, III, 556.
- Гребеня, село Киевск. губ., III, 450, 471, 472.
- Гренреттернъ, германскій педагогъ, III, 556.
- Грефъ, германск. педагогъ, III, 556.
- Греція, I, 12, 20, 23, 59, 78, 85, 112, 165, 180—192, 216, 220, 291, 363, 367, 369—370, 411, 513, 546.
- Гречъ, литераторъ, I, 356, III, 7, 206—207, 210, 211, 229, 233—235, 241, 250, 279, 283.
- Гривка, мѣстечко въ Курляндск. губ., II, 750, 767—768, 775, 779, 790—794.
- Григорій VIII, папа римскій, III, 272.
- Григорій Синаитъ (его „Троичны“ въ Октоихѣ), I, 107, 199.
- Гримальди Іеронимъ, архіеп.-предсѣдатель Замоискаго собора 1720 г., I, 159, 622.
- Гриммы—братья-филологи, III, 405.
- Гринвальдъ, ландратъ Остзейскій, II, 432—433.
- Гринвальдъ, мѣстечко въ Лифляндск. губ., II, 750, 759—761, 772—773, 804.
- Гродискъ, деревня Соколовск. уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 46, 54, 303, 303.
- Гродна, III, 15, 22, 91.
- Гродокъ, мѣстечко Киевской губерніи, III, 191.
- Громека, Сѣдлецкій губернаторъ, III, 338—341, 346, 350—351, 354, 360, 361—362, 366—369, 374—376, 381, 386.
- Гротъ К. Я., II, 340—342.
- Груббе, математикъ, III, 498, 591.
- Грубешовъ, Люблинской губерніи (въ древней Перемышльской землѣ), II, 173, 179, 214, 230, 239, 274, III, 277.
- Груды, село Бѣльск. уѣзда, Сѣдлецк. губ., II, 49, 61.
- Грумса, городъ въ Богем., II, 807.
- Грушвица, поселокъ Волынск. губ., II, 822, 913, 920—921, 937.
- Губе, директоръ Варшавскаго корп., III, 43.

Губинъ, посёлокъ Луцкаго уѣзда, II, 840, 962, 968.
 Гувовскій, ксендзъ каноникъ луцкій, III, 189.
 Гулевичи, мѣстечко Волынской губ., III, 190.
 Гулевичъ, луцкій хорунжій, III, 120.
 Гульча, посёлокъ Острожск. уѣзда, Волынской губерніи, II, 862, 881, 884, 889, 910, 924, 932, 937, 946, 960—961.
 Гумбольдъ, филологъ, III, 485.
 Гуровскій, графъ, II, 223—224, III, 258, 259, 285.
 Гусь, мѣстечко Радинск. уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, II, 17—18, 22, 49, 57, 62.

Д.

Давыдовичъ, ксендзъ, деканъ костела въ г. Илжувѣ, II, 785.
 Далемиль, чешскій хроникеръ и историкъ, II, 332.
 Далмация, I, 49, II, 340—341, 343.
 Дамаскинъ Іоаннъ, I, 58, 62, 72, 166—212.
 Даниилъ Романовичъ, князь Волынской и Галиційскій, I, 281, 591, II, 11—12, 146, 358—359, 362, 387, 391—392.
 Даниилъ, іеродиакъ, I, 448.
 Дашковъ Георгій, архіепископъ Ростовскій, I, 296, 301—303, 307, 310, 324—327, 334—336.
 Двѣтенъ, Курляндск. губ., II, 754.
 Двина, р., II, 420—421, 425, 700, 751—753, 790—791, 794.
 Дешидово, село Киев. губ., владѣніе Межигор. мон., I, 249.
 Демянцы, мѣстечко, владѣніе Киево-Межиг. мон., I, 249.
 Деревично, село Бѣльск. у., Сѣдл. губ., II, 58.
 Державинъ А., писатель, III, 621, 644.
 Дерптъ (Юрьевъ), городъ въ Лифляндской губ., II, 410, 418—424, 450, 648.
 Десканы, священникъ, II, 501.
 Джулинъ, Люблинской губерніи, II, 241.
 Динабургъ, у. гор. Витебской губ., II, 753, 785, 790—791.
 Динтеръ, германскій педагогъ, III, 556.
 Дистервегъ, педагогъ, III, 487, 489, 516, 556.
 Дитмаръ, саксонскій лѣтописецъ, II, 313, 317, 324—327, 371—372.

Діонисій-строитель, настоятель Киев. Петропавл. мон., I, 293.
 Длугошъ, польскій историкъ, I, 281, II, 313—316, 324, 325, 355—357, 360—362, 365—368, 370—371, 374, 376—378, 883, 385—386, 393—395, 403—404.
 Днѣпръ, I, 18, 243, 245, 248—249, 268, 281, 283—284, 288, II, 123, 127, 349, 382, 457, 889.
 Днѣстръ, рѣка, II, 310, 329, 344, 350, 352.
 Добратичи, дер. Бѣльск. у., Сѣдлец. губ., II, 33.
 Добрынь, дер. Бѣльск. у., Сѣдл. губ., II, 33.
 Добрыня, дядя св. Владиміра, Киев. князя, I, 6.
 Добрыня Сильвестръ, игумень Киево-Петропавловск. мон., I, 290, 292, 456.
 Добрянскій, униатскій перемышльскій сваяц., II, 35, 33, III, 363.
 Докуровъ, дерев. Бѣльск. у., Сѣдл. г., II, 49, 58, 242, 289.
 Долгая, Радинск. у., Сѣдл. губ., II, 243.
 Долгоброды, дер. Бѣльск. у., Сѣдл. губ., II, 48, 58.
 Долгорукіе, князья, I, 302, 307.
 Домбровица, посёлокъ Владиміръ-Волынской у., II, 879.
 Доминикъ, монахъ Доминик. мон., I, 281.
 Донъ, I, 500, 501, 522.
 Дороговское, стар. городъ въ Холмщинѣ, II, 359, 331.
 Доростан (Большіе и Малые), посёлокъ Дубенскаго у., Волынской губ., II, 851, 853, 860, 924, 975, 978.
 Дорошенко, гетманъ Западной Украины, I, 251.
 Дороей, игумень Самарскаго, Киев. губ., мон., I, 259.
 Досифей, еписк. Ростовскій, I, 302.
 Досифей-строитель, настоятель Киев. Петропавлов. мон., I, 293.
 Дрелевъ, деревня Радин. у., Сѣдл. г., II, 46, 50, 243, III, 344.
 Дрогичинъ, Соколов. у., Сѣдл. г., II, 210, 217, 282, 287, 299, 308, 363—364, 366, 368—371, 374, 376. О двухъ Дрогичинахъ 378—381, 386—387, 396—397, 399, 403—404, III, 198.
 Друнвальдъ, латышскій князь, II, 420.
 Дубневичъ Амвросій, архимандритъ Киево-Братск. мон., I, 480.
 Дубно, у. гор. Волынской губ., I, 226, II, 820, 832, 842—843, 849, 854,

900, 956, 965, 969, 972—973, 975, III, 123, 129, 190
Дубовичъ Иванъ, униатъ, I, 226.
Дубровский Михайлъ, василіанскій провинціалъ, II, 82, 112, 113, 120—121.
Дубровский, священникъ, I, 419.
Дулнъ, священникъ изъ католикъ, II, 75.
Дунай, р., I, 23.
Дьячанъ, священ. галицкій, II, 35, 278, III, 320.
Дятковичи, поселокъ Ровенск. у., Волын. губ., II, 844, 924.

Е.

Евгеній, митроп., I, 242, 345, 346.
Евтушевскій, математикъ, III, 591.
Екатерина I-я, императрица всерос., I, 301, 317, 329, 330.
Екатерина Вторая, императр., I, 261, 265—266, 270, 272, 294, 434, II, 98, 412—413, 415, III, 74, 121, 434.
Елизавета Петровна, императр., I, 270, 291, 324, 433, II, 301.
Елисей, архимандр. Густын. мон., I, 456.
Емчица, село Киев. губ., III, 457.
Ерминъ, педагогъ, III, 702.

Ж.

Желдборскій Арсеній, епископъ, I, 45, 52, 80—86, 95, 155.
Желънякъ, предвод. колѣвц., I, 262, 494, III, 123, 180.
Женева, II, 464.
Жидичинъ, Волынской губ., III, 10.
Жиповскій Іоаннъ, священ. кричевскаго прихода, II, 111, 157, 183, 184.
Жировицы, Гродненск. губ., III, 10, 95.
Житомиръ, г. г. Волынской губ., II, 955—956, 975, III, 16, 111, 134, 164—165, 194, 476.
Жмудъ, I, 56.
Жолкевскій, гетманъ польск. войскъ, III, 158.
Жураковский Проціонъ, архіеписк. Черниговскій, I, 255—259, 428—429, 435.
Журба, казавъ, I, 260—261.

З.

Заболотье, Бѣльскаго уѣзда, Оѣдл. губ., II, 187.

Заборовскій Рафаилъ, митроп. Киев., I, 254, 271, 294, 309, 311, 342, 400—401, 415, 419, 437, 452, 467, 473.
Забороля, поселокъ Ровенскаго у., II, 924.
Забороля, поселокъ Владиміръ-Волын. у., 879, 882.
Завадовскій Герасимъ, настоятель Киево-Межигорскаго мон., I, 264.
Заволоцкій, православный священникъ, II, 430.
Загородничъ Автоній, консуляторъ Василіанскаго капитула, II, 102, 104, 120.
Заленскій Левъ, униатскій митрополитъ, II, 296.
Залинскій Калистъ, архимандритъ Киево-Межигор. мон., I, 258, 335.
Зальске, поселокъ Острожскаго у., Волынк. губ., II, 881, 946.
Зальсовскій, еписк., преемникъ Поцѣя, III, 141.
Замостье, у. гор. нѣгѣшн. Любл. г., I, 602, 622, II, 102, 115, 210, 274, 291.
Замойскіе, графы (родъ ихъ), II, 229, III, 215.
Замойская, графиня, II, 18, 22.
Замойскій Андрей, ординаръ, III, 15, 74.
Запорожь, Сѣдл. губ., II, 303.
Запорожь, I, 241—266, 291—292, 417, 468, II, 127, III, 5.
Зарубицкій, авторъ „Правды о Галицкой Руси“, III, 322.
Заруцкій, польскій историкъ, III, 78, 89.
Заславль, м. Волынской губ., III, 190, 193.
Заткалицъ, свящ. дер. Рожанки, II, 49, 50, 54.
Заторскій Францишекъ, переводчикъ „Всеобщей исторіи“ Кайданова, III, 231.
Збучинка, притокъ р. Ливца, II, 396.
Звенягородка, у. г. Киевск. губ., III, 409.
Здолбиджа, Острожскаго уѣзда, Волынской губ., II, 931.
Здолбуново, Острожскаго уѣзда, Волынской губ., II, 921, 931, 956.
Здолбуново, поселокъ Ровенскаго у., Волынк. губ., II, 881, 960.
Зеленскій А. А., министръ государс. имуществъ, II, 527.
Зельбургъ, Курляндской губ., Фридрихштадтскаго уѣзда, II, 750.
Зелява, притокъ рѣки Кросны, II, 379.

Земка Тарасій и его сочиненія, I, 79, 92, III, 326.
Зещинка, Радив. у., Сѣдл. губ. II, 27, 34, 45, 48, 58.
Зиберы и Плятеры, графы, II, 753—755, 780, 785.
Зиваній Лаврентій, I, 44, 50.
Зимлеръ, варшавскій художникъ, II, 113.
Зиковъ Иванъ, л.—гвар. поруч., I, 316, 321.
Золочовскіе Нивы, поселокъ Дубенскаго уѣзда, Волинск. губ., II, 880, 924, 962.
Зонара Іоаннъ, объ Іоаннѣ Дамаскинѣ, I, 186.
Зубко Антоній, архіепископъ Минскій, сотрудникъ митроп. Іосифа Сѣвашко, II, 189.
Зубовщина, поселокъ Радомысльск. уѣзда, Киевской губ., II, 951—952.
Зудускіе, графы: Іосифъ, епископъ Киевскій, III, 121; Андрей, еписк. Варминскій, III, 121, 165.

И.

Ибрагимъ, еврей у Ал.-Бекри, араб. писателя, II, 332 348—349.
Иванъ III Васильевичъ, царь Московскій, II, 421.
Игнатій Богоносецъ I, 168, 171, 174 (учрежденіе имъ антифоннаго пѣнія), I, 367.
Игорь, князь Киевскій, II, 319—320.
Ижицкій, всендзѣ, III, 115.
Изборскъ, г. Псковской губ., II, 418, III, 778.
Изяславъ II, князь Киевскій, II, 354.
Иларіонъ, митроп. Киевскій, I, 27; о его молитвѣ I, 71; молитва Иларіона по требнику Арсенія Желиборскаго и Гедеона Балабана I, 83, 124, 135, 148, 362.
Иларіонъ, епископъ Черниговскій, I, 299, — архіепископъ Казанскій, I, 327, 335.
Иларіонъ, архимандр. печерскій, благодѣтель Кіево-Межигорскаго м., I, 243.
Иллирія, область, I, 49, II, 341.
Илузость (или Илузшты), уѣзд. гор. Курляндск. губ. II, 425, 750, 752—755, 759—760, 766—767, 775—777, 781—786, 791, 793, 798.
Иловайскій Д. И., историкъ русскій, II, 306, 308, 318, 330, 371, 399.
Ильминскій, Н. И., профес., III, 530, 584, 599, 600, 602, 603, 622, 623, 625, 626, 627, 629.

Инокентій III, папа, II, 389.
Инокентій IV, папа, I, 231, II, 391.
Инокентій, архіепископъ Волинск., III, 216, 220, 221, 633.
Инокентій, епископъ, ректоръ Киевской духовной академіи, III, 217.
Иривархъ, II, 435—439, 525.
Иривархъ, архимандр., настоят. Кирилл. бѣлозер. мон., I, 336.
Ирмлау, городъ въ Курлянд. губ., II.
Ирпень, притокъ Дѣвпра, I, 285.
Исайки, село Киевской губ., III, 460, 467.
Исидоръ Испалійскій, I, 179.
Исидоръ, митрополитъ, принявшій флорентійскую унію, I, 67, 362.
Исидоръ, митрополитъ Петербургскій, III, 429.
Исидоръ, священникъ Деритск. Николаев. церкви, II, 421—423.
Истра, рѣка въ Новг. губ., I, 339.
Италія, II, 442, 459.

I.

Іаковъ, герцогъ, II, 788.
Іаковъ, архимандритъ Ранфск. пуст., I, 335.
Іоакимъ, архимандритъ Предтеченск. монаст., I, 335.
Іоакимъ, Московск. патриархъ, I, 249, 253.
Іоакимъ, епископъ Суздальск., I, 323.
Іоакимъ, греческій патриархъ, I, 34, 42, 201.
Іоасафъ, патриархъ, III, 324.
Іоаннъ, одинъ изъ первыхъ св. мучениковъ на Руси, I, 11, 21.
Іоаннъ Дамаскинъ — см. Дамаскинъ.
Іоаннъ, патриархъ Іерусалимскій—объ Іоаннѣ Дамаскинѣ, I, 181, 186.
Іоаннъ, архіепископъ Новгородскій, I, 376.
Іоаннъ, епископъ Выборгскій, влоствдствіи епископъ Смоленск., II, 515, 551—565, 569, 584—590, 597, 608—609.
Іоаннъ, деритскій священникъ, основатель Псково-Печерск. монаст., II, 422—423.
Іоаннъ, царь, братъ и соправитель Петра I-го, I, 247.
Іоаннъ IV, Васильевичъ Грозный, I, 201, II, 144, 424, III, 272, 780.
Іоанникій, игумень Яблоч. монаст. (Сѣдлецкой губ., Вѣльскаго уѣзда) и смотритель Яблоч. училища, II, 220, III, 221.
Іоанникій Горскій, архіеписк. Холмско-Варшавскій, влоствдствіи Хер-

совскій и Одесскій, II, 181—185, 268, III, 315—316.
Говъ, патриархъ, III, 324.
Говъ, митрополитъ Новгородскій, I, 444.
Годловскій, ученый пиаръ, III, 184.
Госифъ, патриархъ, I, 110.
Госифъ, пѣснописецъ, I, 177, 180, 183, —какъ составитель Октоиха, I, 184, 185, 190.
Госифъ, архіеп. Фессалон., братъ Феодора Студита, I, 188.
Госифъ, игумень Киево-Никольскаго монаст., I, 330.
Госифъ, архимандритъ Илмукск. монастыря, II, 759.
Госифъ, игумень Густынск. монаст., I, 456.
Герусалимъ, I, 353.
Геремія, патриархъ, I, 34, 42, 45, 68—69, 74, 201, 204, 213—214, III, 330, 398.
Геронимъ, игумень Киево-Петропавл. монаст., I, 293.

К.

Кабога, графиня, II, 18, 22, III, 343.
Каве, объ Госифъ пѣснописцѣ, I, 184, о Паравлитикѣ, I, 195.
Кагарлыкъ, мѣст. Киевскаго уѣзда, III, 403, 410.
Кадлубекъ, польскій лѣтописецъ, II, 313—315, 327—329, 332, 352, 364, 366, 370, 374, 376, 378, 381—387.
Казань, I, 327, 335.
Казаровичи, влад. кн. Оболенскихъ, I, 247, 249.
Казиміръ I, Польскій король, II, 365—366, 368.
Казиміръ Справедливый, Польскій король (Мазовецкій князь), II, 374, 383—392.
Казиміръ III Великій, Польскій король, I, 57.
Казиміръ IV Ягайловичъ, Литовскій князь, а потомъ Польскій, I, 286, II, 404.
Казиміръ-Іоаннъ (Янъ), I, 282, II, 104, III, 14.
Кай, пресв. римскій, I, 268.
Кайдановъ, историкъ, III, 231, 240, 280.
Кайзерлингъ А. А., графъ, предводитель эстляндскаго дворянства, II, 480.
Калинка Кс. В., польскій историкъ, II, 310, 378.
Калиновскій Николай, Бѣльск. благодичин., II, 34, 39, 46, 48, 97, 242.

Калиновскій Валентинъ-Александръ, староста каменецкій, III, 112, 160.
Калинскій Николай, священ. Константиновскаго прихода. Волненія при избраніи его въ епископа Холмскаго, II, 166—170, 172—173, 180—182. Дѣятельность его въ санѣ Холмскаго еписк.-номината, II, 14, 23—24, 26—28, 30, 32, 34, 37, 38, 49, 65, 87—97, 117—120, 136—137, 146, 149, 186, 196, 206, 238, 243, 257, 263, 275, 277, 278.
Калишъ, губернский, городъ въ Царствѣ Польскомъ, III, 19, 179, 197, 256.
Калкуны, замокъ барона фонъ-Эттингена въ Курляндской губерни., II, 790, 794.
Калисть Никяфоръ (Ксанфонулъ), I, 187—188.
Калишъ Петръ, кошевой атаманъ, I, 262.
Кальнижевскій, атаманъ, I, 265.
Кальнофойскій, монахъ Киево-Печерскаго монаст., I, 270.
Каменецъ-Подольскъ, губернс. городъ Подольской губерни., III, 111, 112, 114, 116—117, 192—195.
Каменскій Адольфъ, пиаристъ, III, 20, 23, 46.
Каманка русская, деревня въ Подласси (Любарт. уѣзда, Люблинск. губ.), I, 643, II, 145.
Кангеръ, свящ., членъ рижской консисторіи, II, 674.
Каневъ, Киевской губ., III, 35, 142, 177, 178, 194.
Кантъ, философъ, III, 31.
Карамзинъ Н. М., историкъ русскій, I, 28, 346, II, 306—307, 318, 326, 370—372, III, 207.
Карвицкій, графъ-помѣщикъ, III, 774—775.
Карловичъ, польскій историкъ, II, 325, 354.
Карлъ XII, II, 298.
Карпинскій Пахомій, іеромон. Холмскаго монаст., II, 112.
Барюковъ, педагогъ, III, 620.
Кафштремъ, почетитель Дерптскаго учебнаго округа, II, 456.
Кашинъ, Тверск. губерни., I, 340.
Кашперъ Панкратій, іеродіак., I, 450.
Квасловъ, Ровенскаго уѣзда, Волынской губерни., II, 838, 844, 868, 872—873, 879, 882, 884, 895, 905, 922, 924, 937, 960, 962, 978.
Кейстутъ Гедиминовичъ, князь Литовскій, II, 403.
Бенигорець, городъ, II, 522.

- Келпенъ, писатель, III, 207.
- Кирикъ, домстикъ-іеромонахъ I, 75, 147, II, 419.
- Кириллъ, митрополитъ, I, 356, 364, 370, 373.
- Кириллъ бѣлозерскій, I, 359, 375.
- Кириллъ, Туровскій епископъ, I, 197, 362, 367.
- Киприанъ, митрополитъ, I, 43, 361, 362, 364.
- Киселевка, гора въ Києвѣ, I, 268.
- Киселевъ, графъ, русскій посланникъ при Вѣнскомъ дворѣ, II, 173, 459, 526—527.
- Кишка Левъ, униатскій митрополитъ на Замойскомъ соборѣ 1720 года, I, 159, 306, 622—623, II, 105.
- Кіевецъ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецк. губ., II, 242.
- Києвъ, I, 157, 201, 267—268, 622, II, 277, 324, 353—355, 368—369, 371, 373, 418, 865, 867, 884, 900, 949—950, 952, III, 326, 431—475, 478.
- Кленовница малая, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецк. губ., I, 637, II, 242.
- Климентъ VIII, папа, II, 163.
- Климентъ XIV, папа римск., III, 13.
- Клюкъ, піаристъ, III, 23.
- Кнеруты, поселокъ Дубенскаго уѣзда, Волынской губ., II, 905.
- Княгининъ, поселокъ Луцкаго уѣзда, Волынской губерніи, II, 878, 929, 937, III, 150.
- Князюха, притокъ Днѣпра, I, 466.
- Ковно, губернск. городъ въ Западной Россіи, I, 10.
- Ковшовата (Копешвата), село Тарашанскаго уѣзда, Киевской губерніи, III, 405.
- Кодакъ, деревня запорожскихъ казаковъ, I, 250.
- Кодень, мѣстечко Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., I, 595, 596, II, 12, 16—17, 47, 48, 58, 147.
- Кожемака Кириллъ (легенда о немъ), I, 268.
- Кожемаки, часть г. Києва, I, 284.
- Ковинъ, мѣстечко Киевскаго уѣзда, III, 457.
- Ковма Пражскій, чешскій хроникеръ, II, 330, 332—333.
- Кожейносъ (Кокенгаузенъ, въ 80 верстахъ отъ Риги), II, 418, 420—421, 751.
- Кожошкинъ Ѡ. Ѡ., II, 51, 92, 170.
- Колбусъ Іоаннъ, клирикъ василіанск. ордена, II, 117—277.
- Колемчица, деревня Люблинск. губ., II, 102, 116.
- Коломанъ венгерскій, I, 280.
- Коломбродъ, мѣстечко Радниск. уѣзда, Сѣдлецк. губ., II, 57.
- Коломна, городъ Московской губерніи, I, 304.
- Колонгай Гуго, каноникъ Краковскій, III, 23, 24, 25, 31, 46, 90.
- Колѣна, деревня, Люблинской губ., II, 22.
- Коменскій Амосъ, педагогъ, III, 719.
- Комнатка, поселокъ Владиміръ-Волынскаго уѣзда, II, 879.
- Комовъ, городъ въ Холмщинѣ (въ Люблинской губ.), II, 359.
- Конарскій, реформаторъ польскихъ піарскихъ шкколь, III, 8—10, 14, 18.
- Конашевичъ Лука, учитель Законошасск. училища, I, 330.
- Кондильякъ, III, 14, 16, 21, 30, 36, 44, 60, 78.
- Конецпольскій, гетманъ, III, 158.
- Конрадъ, Мазовецкій князь, II, 360, 375.
- Константинополь, I, 12, 15, 16, 193, —194, 313, 361, II, 347, 355.
- Константиновъ, уѣздный гор. Сѣдлецкой губ., I, 595, 614, 649, II, 6, 23, 146.
- Константинь, греч. царь, братъ Василія, I, 12.
- Константинь Павловичъ, великій кн., намѣстникъ Царства Польскаго, III, 203, 208, 313.
- Константинь Николаевичъ, вел. кн., намѣстникъ Царства Польскаго, I, 652, II, 26, 38—41, 88, 177, 298.
- Константинь Багрянородный, Византийскій императоръ, I, 180, 185, 191, 193, II, 336, 338, 350—346.
- Копинскій Исаія, митрополитъ, I, 43; его сочиненіе, I, 79, 246.
- Копницкій, священникъ-администраторъ латинскаго прихода Пущи Сольской (Люблинской губерніи), II, 206.
- Копче, поселокъ Луцкаго уѣзда, Волынской губ., II, 961.
- Копчинскій Онуфрій, піаристъ, составитель грамматикъ, III, 23, 35—37, 70.
- Копыловъ, Лифляндской губерніи, II, 765, 770, 772—773.
- Копыстенскій Захарія и его сочин. Палинодія, I, 220.
- Корець, м. Волынской губ., Острож. уѣзда, резиденція кн. Доминія Любомірск., III, 183, 188, 191.
- Корнелій, игумень Псково-Печерскаго монаст., II, 423.

- Корниловичъ**, писатель, III, 207.
- Коростышевъ**, мѣстечко Радомысльскаго уѣзда, Киевской губерніи, III, 458.
- Корпица**, деревня Яновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, II, 18, 49, 57, 58.
- Корсувъ** (или Херсонесъ, близъ Севастополя), I, 17, 17, 21, 28, 269.
- Корсувъ**, мѣстечко Каневского уѣзда, Киевской губ., III, 404, 410.
- Корфъ**, баронъ, II, 332, III, 490, 611.
- Корчевъ**, Сокол. уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 300.
- Корыто**, поселокъ Дубенскаго уѣзда, Волынской губ., II, 882.
- Костеневицы**, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 242.
- Костиферъ**, деревня Лифляндск. губ., II, 635.
- Коозъ** Сильвестръ, Киевскій православный митрополитъ, I, 79, 95, 155, 443, 615.
- Косовъ** русскій, Соколовск. уѣзда, Сѣдлец. губ., деревня (въ Подлясьи), I, 643—644, II, 145.
- Костюшко** Тадей, вождь поляковъ въ битвѣ съ москалями, I, 612.
- Котакowski** Филаретъ, игум. Киево-Межигорск. монаст., I, 255.
- Кохановщина**, поселокъ Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи, II, 880, 924.
- Кодекъ**, мѣстечко въ Подляхін, нынѣшн. Сѣдлец. губ., I, 592.
- Коченовскій**, издатель Вѣстника Европы, III, 206—207.
- Кочетовъ**, писатель, III, 666.
- Козловичъ** М. О., профес. С.-Петербургской духовн. академ., I, 603, II, 270.
- Краевскій** Ниваноръ, секретарь М. Дубровскаго, васил. провинціала, II, 82, 112.
- Красноставъ**, городъ Люблинск. губ., II, 178, 209—210, 214, 229, 253, III, 189—190.
- Красовскій** А. И., предсѣдатель комитета иностранной цензуры, III, 215, 216.
- Крашкевичъ** Александръ, іеромон. Холмск. монаст., II, 112.
- Кременецкій** Гавриилъ, митрополитъ Киевскій, I, 293, 453, 454, 463.
- Кременецъ**, Волынск. губ., III, 22, 106, 117, 151, 164, 192, 205.
- Креслинъ**, деревня Сѣдлецкой губ. на сѣверо-зап. Подлясья, II, 145.
- Кречетниковъ**, губернат. Волыни, Подолья и Украйны, III, 192, 193.
- Криднеръ**, баронъ, ордаусрихтеръ, II, 500—501.
- Криницкій** Теодоръ, черниг. подстолий, I, 253.
- Криницкій** Ипполитъ, галицкій священникъ, II, 92, 95, 278.
- Крожи**, Подольск. губ., III, 22.
- Кроковскій** Іосафатъ, архимандритъ Киево-Печерск. Лавры и митроп., I, 201, 256, 287, 288, 311, 434, 460, 463.
- Кромеръ**, епископъ Варминскій, польскій хроникеръ XVI вѣка, II, 315, 366, 374, 376—377, 382—386, 393, 395, III, 42.
- Кросна**, притокъ Буга, II, 395, 337—402.
- Крошица**, поселокъ Житомирск. уѣзда, Волынской губ., II, 920, 957—958.
- Кругловъ**, Киевск. городнич., майоръ, I, 470.
- Крутинъ**, Киевской губ., III, 191.
- Крусинскій**, генеральный визитаторъ школъ въ Малой Польшѣ, III, 126, 127, 156, 164, 170, 171, 174, 175, 179, 186, 188.
- Крутицкій** Леонидъ, епископъ, членъ Св. Синода, I, 327.
- Крыжбокъ** (или Крейдбургъ), уѣзд. городъ Курляндской губ., II, 753.
- Крыловъ**, баснописецъ, III, 519, 703.
- Крымъ**, I, 17, 57, 153, 251, 256, 500, 522.
- Ксаверовка**, село Киевск. губ., Васильевск. уѣзда, III, 171.
- Ксенжополь**, Люблинской губерніи, II, 241.
- Куземскій** Михаилъ, кафедральный протоіер., а потомъ еписк. Львовскій I, 607, II, 92, 95, III, 346—378, 381—382, 388—389.
- Кулишъ** П. А., членъ учредительнаго комитета Царства Польскаго, II, 257.
- Кульжинскій**, Гр. И., III, 712—715.
- Куммельтъ**, мыза (Лифляндск. губ.), II, 779.
- Куневъ**, мѣстечко Острожск. уѣзда, Волынской губ., II, 928.
- Куникъ**, членъ Импер. русской акад. наукъ, II, 332, 336.
- Кунцевичъ** Іосафатъ, Полоцк. униатскій архіепископъ, патронъ унив., лжемученикъ, I, 78, 592, 596, 601—609, 618, 637, 638, 649, II, 12, 14, 20, 21, 25, 29, 100, 101, 103, 106—110, 111—114, 119—123, 160, 269, 299, 789—790.
- Кунинно**, Подольск. губ., III, 114.
- Купичевъ**, поселокъ Владиміръ-Во-

- линскаго уѣзда, II, 841, 878, 879, 895, 902—903, 909, 914—916, 919, 920, 937—938, 941—942, 945, 967—968.
- Купатинъ**, деревня въ Подляси, Соколовск. уѣзда, II, 145.
- Куреневка** (въ Киевѣ), I, 284, 288.
- Куровъ**, уѣздн. гор. Волынской губ., III, 16.
- Курляндія**, II, 414, 425, 453, 520, 703, 751, 754—755, 757, 772, 794.
- Кутейна**, городъ, изд. въ немъ Октобра въ 1646 г., I, 198.
- Кучинскій**, ваштелянь подляшскій, II, 300.
- Кучковский**, всендзь, лудскій воеводскій писарь, III, 134.
- Кушницъ** Данило, I, 589.
- Кшешовъ**, Люблинск. губ., II, 241.
- Къльцы**, губернска. гор. въ Царствѣ Польскомъ, II, 229, III, 78.
- Каръ**, педагогъ, III, 406.
- Л.
- Лаба**, или Эльба, рѣка, II, 320.
- Лабунь**, м. Волынской губ., III, 192, 193.
- Лавровскій** Иоаннъ, настоятель Краковскаго греко-уніатскаго прих., II, 93, 95, 278.
- Ланской**, министръ внутреннихъ д., II, 480.
- Ланской**, предводитель польской организаціонной комисіи, III, 73.
- Ласкаръ** Теодоръ (Дува), имп., I, 180, 185, 191, 198—199.
- Лафонтенъ**, баснописецъ, III, 519.
- Леаль**, мѣст. въ Эстляндіи, II, 694, 701, 706.
- Лебедовичъ** Варнава, игуменъ Киево-Межигорскаго мон., I, 248.
- Левеставъ**, польскій историкъ, II, 337.
- Левецкій**, членъ учебнаго управленія въ Царствѣ Польскомъ, III, 230.
- Левитскій** Михайль, Львовскій митрополитъ, II, 77.
- Левозкій**, визитаторъ, III, 292, 294.
- Левъ**, еписк. Воронежск., I, 302, 324—325 (по разстриж. Леонтію), 334.
- Левъ** Исаврянинъ, I, 175.
- Левъ** Премудрый, I, 180, 185, 191, 198.
- Левъ XII**, папа, II, 73.
- Левъ** Даниловичъ, князь Волынскій и Галиційскій, II, 359—360, 363, 400.
- Ледоховскій**, графъ, архіепископъ Познанскій, II, 161, 166, 200.
- Лелевиль**, польскій историкъ и географъ, II, 310, 337, III, 204, 274.
- Лемзаль**, мѣст. Вольмарскаго уѣзда, II 496.
- Ленницій** Варлаамъ, еписк. Колом., I, 304.
- Ленчна**. Люблин. губ., Любарт. уѣзд., мѣст. въ Подляси, II, 178.
- Леонидъ**, архіеп. Крутицкій, I, 323.
- Леонтію**, архіепископъ Варшавскій и Холмскій, II, 405.
- Леонтьевъ**, генер.-губерн. Киев., I, 271, прим. 1-е, 469.
- Лесно**, дер. Бѣльск. у., Сѣдл. губ., I, 595, 602, II, 12, 119, 147, 231, 405—409.
- Лехъ**, основатель Польскаго государства, I, 616, II, 8, 352, 353, 359.
- Лешекъ** Бѣлый, Польскій король, I, 280.
- Лешекъ** (Лешко) Черный, князь Краковскій, II, 394, 400—401.
- Лешно**, Калишской губ., III, 179.
- Лещанскій** Станиславъ, король Польскій, III, 14.
- Ливень**, баронъ, Рижскій генерал-губернаторъ, II, 477—478, 483, 489.
- Ливень**, притокъ Буга, II, 364, 396, 398, 402—404.
- Ливонія**, II, 421—424.
- Лиліенфельдъ**, предводитель остзейскаго дворянства, II, 447.
- Линде**, авторъ сравнительнаго словаря славянскихъ нарѣчій, III, 206—211, 229, 234, 250—251, 276, 285.
- де-Линъ**, герцогиня, племянница еп. Массальскаго, III, 89.
- Липскъ**, мѣст. Люблинск. губ., II, 152, 202.
- Литвиновичъ** Спиридонъ, Львовскій унѣтскій митрополитъ, I, 607, II, 62, 92, 185—186, 257, 262, III, 320, 346, 372, 376.
- Лифляндія**, II, 412—414, 439, 441, 445, 448, 453, 455, 471—372, 479, 484—486, 489, 492, 495, 502, 521, 525, 539, 598, 613, 622, 639, 694, 698, 700—701, 703.
- Липкевичъ** Михайль, священникъ, II, 173, III, 300.
- Лобко** Павелъ, свящ., I, 431, 468.
- Ловичъ**, у. гор. Варшавск. губ., II, 605.
- Ловкеамъ** (или Лауденъ), Лифлянд. губ., II, 754.
- Логоветъ** Теоветистъ, I, 193.
- Лодзь**, гор. Петроков. губ., II, 226, III, 263, 311.

Локачи, село Владимірска г., Волин. округа, III, 148, 190.
Локкъ, III, 14, 16, 21, 719.
Ломаян, деревня Бѣльск. у., Сѣдл. губ., II, 34, 46, 48, 57, 58, 303.
Ломжа, губ. городъ Цар. Польск., I, 613, III, 309.
Ломоносовъ, писатель, III, 505.
Лонцкій Павелъ, свящ. деревни Зещины, II, 34, 37, 42, 45, 48.
Лопатинскій Теофилактъ, архіеписк. Тверской, I, 296, 299—301. Положеніе его при дворѣ и отношеніе къ Ѳ. Прокоповичу, I, 303—335, 340.
Лосице, мѣст. Яновскаго у., Сѣдл. губ., I, 634, 644, II, 16, 17, 34, 42, 146, 242.
Лотоцкій, протоіерей, III, 195, 219, 262.
Лубенскій Романъ, протоіер., I, 446, 468.
Лубенская, графиня, II, 22.
Лукашевичъ, польскій историкъ, III, 10, 13, 15, 17, 36, 43, 78, 90, 93, 94, 96, 102, 106, 124, 141, 155, 168, 171, 172, 179, 181, 183, 189.
Луковъ, Сѣдл. губ., городъ въ Подляси, I, 613, II, 146, 210, 214, 363—364, 370, 375, 388—393, 398—399, 401, III, 219.
Лупула Василій, Молдавскій господарь, I, 117.
Лутовичъ Яцько, благотворитель Кіево-Межигор. мон., I, 243.
Луцкъ, у. гор. Волинск. губ., II, 929, 934—935, 941, 956, 961—963, 967, III, 10, 117, 118, 125, 129, 131, 133.
Лыбедь, притокъ Днѣпра, I, 314.
Лысянка, м. Кіевской губ., III, 457, 466.
Львовъ, композиторъ духовный, III, 628.
Львовъ, городъ (нынѣ Лембергъ) въ Австрій, I, 80, 88, 94, 157, 158, 201, 239, 281, 622, II, 62, 92, 93, 173, 190, 212, 233, 271, 273, 277, 331, 360, III, 10, 319, 357, 359, 363, 369, 376, 378, 398.
Любаръ, у. г. Волин. губ., III, 9, 95, 168, 194—195.
Люблинъ, г. городъ въ Цар. Польск., II, 102, 105, 115, 209—210, 214, 361—363, 401, III, 99, 100, 129, 163, 189, 191, 197, 219, 256, 277.
Любовичъ М., монахъ базилианскій, III, 203.
Любомирскій Станиславъ, князь, воевода Кіевскій, II, 155.

Любомирскій Францишекъ—Фердинандъ, князь, основатель любарскихъ школъ, III, 168.
Любомирскій Доминикъ, князь, владѣтель г. Бара, III, 158, 183.
Лютгарда, поселокъ Дубенскаго у., Волинск. губ., II, 882.
Лютжеж, мѣстечко, принадл. Кіево-Межиг. мон., I, 249.
Лютерь, реформаторъ, III, 719.
Ляцковскій Станиславъ, староста свальскій, III, 112.

M.

Маевскій Іоасафъ, настоятель Кіево-Межигор. мон., I, 264.
Маевскій Іоасафъ, Тверской архимандр., I, 306—307, 340.
Мажекъ, князь Волинскій, II, 344, 351.
Мазепа Іоаннъ, малороссійскій гетманъ, I, 201, 256, 287, 433.
Маювія, страна въ нынѣшней Сѣдл. губ., I, 643, II, 320, 334, 365, 369, 376—377, 398, 401, 403.
Мазуры—племя, II, 367.
Макарій, іеродіак., I, 306, 324.
Макарій, митроп. Кіевскій, свящ.-муч., I, 34.
Макарій, пресвящ., архіеписк. Харьковскій, I, 346—348, I, 352—363.
Маковъ Л. С., бывшій министръ вн. д. II, 820—823, 828, 856, 867—868, 871—872.
Маковскій, свящ. въ Прахенкахъ, II, 49.
Максимъ, патр. Константиноп., I, 116.
Максимовичъ, авторъ „Друга дѣтей“, II, 940.
Малаховскій, III, 90.
Малинъ, поселокъ Дубенскаго уѣзда, Волинск. губ., II, 879, 905, 978.
Малиновскій Платонъ, архимандр. Харьковск., синодскій совѣтъ, I, 324, 332, 341.
Малишевскій Флавіанъ, польск. мнимо-святый въ (въ Минской губ.), I, 603.
Маниъ Левъ, холмскаго мон. суперіоръ, II, 112.
Марія Александровна, государыня императрица, III, 315.
Маркевичъ, малорос. подскарб., другъ Ѳ. Прокопов., I, 301.
Маркевичъ Павелъ, іеромон., I, 259.
Мартиновичи, поселокъ Ровенскаго уѣзда, II, 924, 929.
Мартосъ Лука, свящ., I, 430—431.

- Марчевскій**, всендзъ, членъ конси-
сторіи, II, 171.
- Масловка**, с. Кіев. губ., III, 457.
- Масловъ**, князь Мазовецкій, II, 365,
368.
- Массури**, историкъ, II, 344.
- Массальскій** Игнатій, князь, епи-
скопъ Виленскій, III, 15, 17, 18 99.
- Магусевичъ**, польскій министръ, III,
73.
- Мадзевскій**, польскій историкъ, II,
337.
- Машекъ**, агентъ виленской евангели-
ческой коллегіи, II, 915.
- Маймыкъ**, деревня (въ Эстляндіи),
II, 732.
- Мглинъ**, гор., I, 428.
- Медвуховскій** Іоанникій, настоятель
Кіево-Петропав. мон., I, 292.
- Межибожъ**, м. Подольской губ., III,
193.
- Межиръчъ**, м. Радниск. у., Сѣдл. губ.,
I, 591, 595, 596, 634, 644, II, 16,
22, 31, 32, 364.
- Межиръчъ** Корецкій, —мѣстечко по
сосѣдству съ Острогомъ, III, 129,
132, 183, 188, 194.
- Межилъсокъ**, поселокъ Острожскаго
у., Волынск. губ., II, 863, 881,
924, 927—928.
- Мезанскій**, аббатъ, папскій легатъ въ
Польшѣ, II, 375.
- Мелетій**, патр. Алекс., I, 70, 72, 74
—75, 85, 201, 216.
- Мелиссино**, об.-прокур. Св. Синода,
I, 448, 465.
- Мелхиседекъ**, архимандр. Воскресен.
на Истрѣ мон., I, 339.
- Мельникъ**, Константиновскаго уѣзда,
Сѣдл. губ., II, 308, 363, 368, 371.
- Менвилловскій**, непокойчицкій па-
сторъ, II, 914, 915, 918, 919, 965,
966, 968.
- Меншиковы**, I, 301—302, 301—305,
323.
- Мерзбургъ**, г. въ Саксоніи, на бе-
регахъ р. Саала, II, 325.
- Мехержинскій**, Краковскій профес-
соръ, польскій переводчикъ и стор.
Другоша и Кадлубека, II, 314, 357,
378.
- Мечиславъ** I. Польскій король изъ
династіи Пястовъ, II, 313, 315—
318, 320—325.
- Меоодій**, патр. Константин., I, 137.
- Мейнгардъ**, католическій и нѣмецкій
проповѣдникъ, II, 420.
- Мейндорфъ**—баронъ, представитель
русскаго правительства при пап-
скомъ дворѣ, II, 120.
- Мивочекъ**, поселокъ Дубенскаго у.,
Волын. губ., II, 863, 927.
- Милуши**, поселокъ Луцкаго уѣзд.,
Волынск. губ., II, 961, 967.
- Милютинъ** Н. А., министръ, статсъ-
секретарь Царства Польскаго, II,
39, 182, 184, 197, 237, 240, 246,
III, 318, 334, 364.
- Миндовъгъ**, Литовскій князь, II, 369.
- Минскъ**, III, 91.
- Мирогощъ**, поселокъ Дубенск. у., Во-
лынск. губ., II, 834, 851—857, 860,
876—877, 879, 902—903, 920, 937
—938, 973—975, 978.
- Мирошевичъ**, всендзъ, III, 32.
- Мисюринъ**, московскій придворный
архитекторъ, I, 271.
- Митава**, Курляндск. губ., II, 415,
753.
- Митрофанъ**, патр. Констан., IV в.
I, 190.
- Митрофанъ** Смирнскій, составитель
тринчыхъ каноновъ, I, 174, 180,
183—184, 185, 193—194.
- Михаиль**, импер., I, 185, 193.
- Михаиль**, еписк. Перемыш., I, 78.
- Михаиль**, первый митроп. на Русь,
I, 242, III, 566, 569.
- Михайловъ**, переводчикъ благослу-
жебн. внигъ на латышскій яз., II,
436, 449.
- Михневичъ** I. Г., помощникъ гла-
внаго директора просвѣщенія, II,
247, 157, 268—269.
- Мицкевичъ**, польскій поэтъ, I, 612,
II, 310, III, 204.
- Млоцкій** Стефанъ, Владиміро-Брес-
скій уніатскій еписк., II, 302.
- Могила** Петръ, митрополитъ Кіевск.,
I, 62, 91—92, 392—393, 589, 615,
92, 96, 98, 93—97, 98—99, 101—
104, 227—240, 105—165, II, 684,
III, 8, 210, 325, 327, 329, 330.
- Могилевъ**, городъ, I, 80, 622.
- Могилянскій** Арсеній, Кіевск. ми-
троп., I, 273, 428, 430—432, 449,
551—452, 473, 404.
- Мовиръ**, уѣзди. гор. Минской губер.,
III, 91.
- Молдавія**, I, 39, 42, 411, 414, 417,
546, II, 99, III, 325.
- Молодава**, деревня Дубенск. уѣзда,
II, 932.
- Молодечна**, село въ Виленской губ.,
II, 249.
- Монгескъ**, III, 53.
- Моонъ**, островъ, II, 492, 635.
- Моравія**, I, 193, 194, II, 341, 353—
921.

- Морды** (Сѣдлец. уѣзда), мѣстечко въ Подлясьи, I, 644, II, 145, 394.
- Москва**, I, 25, 185, 201, 234, 304, 306—307, 315—317, 321—323, 325, 327, 328, 330, 332, 334, 335, 338, 361, 368, 373, 430, 441, 483, 484, 618, 633, II, 8, 24, 25, 27 130, 177, 233, 752, 793, 808, III, 272.
- Мостище**, село, нѣмніе доминик. въ Кіевѣ, I, 286.
- Мошны**, мѣстечко Кіевской губерніи, III, 455, 466.
- Мошеницы**, мѣстечко Волинск. губ., III, 150.
- Мощаны**, село Кіевск. губ., I, 218—249.
- Мстиславль**, уѣздн. городъ Могилевской губ., III, 91.
- Мстиславъ Романовичъ**, князь Кіевскій, I, 270.
- Мстишинъ**, поселокъ Лудкаго уѣзда, Волинской губ., II, 878, 937, 941.
- Мукободы**, Венгровск. уѣзда, Сѣдлецкой губ., I, 643, II, 145, 215.
- Мултянскій Яковъ**, протоіерей - настоятель Кіево-Андреевск. церкви, I, 273, 274.
- Муравьевъ А. Н.**, I, 278.
- Муравьевъ**, графъ, Мих. Ник., Виленскій генералъ-губернаторъ, II, 249, 675, 763.
- Мусиянъ-Пушкинъ**, графъ, при Петрѣ Великомъ, I, 304.
- Мухановъ**, почитель Холмск. учебнаго округа, III, 300.
- Мухавецъ**, притокъ Буга, II, 386.
- Мушинскій**, всендзъ, докторъ правъ, III, 99.
- Мытищи**, село Московской губерніи, I, 271.
- Мышковскій**, всендзъ, секрет. консисторіи, II, 171.
- Мѣховита**, польскій хроникеръ XVI, II, 315.
- Н.**
- Наливайко Северинъ**, предводитель казацкаго возстанія, I, 589.
- Наполеонъ**, императоръ, II, 72, 128, 218, 228, III, 206.
- Напьерскій**, директоръ рижской гимназіи, II, 449.
- Нарбутъ Казимиръ**, піаристъ, III, 44.
- Наревъ**, притокъ Буга, II, 363, 368—369, 372, 377—379, 385, 390, 396—397.
- Нарушевичъ**, униатскій священникъ, историографъ, I, 280, II, 309—310, 315, 317, 324—325, 328, 356—357, 364—367, 371, 374, 377—385, 388, 392, 394—395, III, 42.
- Невоструевъ**, I, 345, 366.
- Немирово**, село Лудкаго уѣзда, Волинской губ., 882, III, 194.
- Неофитъ**, болгарскій Софійскій архіепископъ, I, 246.
- Непокойчицы**, село Гродненск. губ., II, 914, 965.
- Несторъ** мѣтонисецъ, I, 27, 192, 268, 360, 362, 364—365, 367, 269, II, 306, 311—322, 324, 327—328, 330, 333, 335, 339—340, 343, 346—348, 356—358, 364, 366, 370, 371, 417—418.
- Нейборнъ**, мѣстечко Лифляндск. губ., II, 775, 779.
- Нейгаузенъ**, городъ Курляндск. губ., II, 423.
- Нейродъ**, городъ въ Силезіи, II, 887.
- Нивиски**, деревня на Подлясьи, Сѣдлецкаго уѣзда, II, 145.
- Нижаноръ**, настаятель Кіево-Межигорскаго монаст., I, 264.
- Никифоръ**, митрополитъ Волошскій, I, 413.
- Никодимъ**, (Агіоритъ), объ I. Дамаскинѣ и (Ѡ. Студ.), I, 188.
- Николаевъ Астаматій**—грекъ, I, 294.
- Николай I Павловичъ**, императоръ, I, 528, 551, 615, II, 80, 128, 217, 219, 222—223, 230, 234, 406—417, 435—459, 461, 470, 481, 483, 512, 513, 525—526, 541, 756, III, 22, 257—259, 269, 296, 298.
- Никонъ**, I, 106—110, 246, 622, III, 323—324, 329—330.
- Никонъ**, черногорець, I, 363, 364, 370.
- Нифонтъ**, архіепископъ Новгородскій и Псковскій, II, 419.
- Новгородъ**, I, 6—7, 9, 338, 376, 420.
- Новогрудокъ**, уѣздный городъ Минской губ., III, 22, 91.
- Новосадъ** Теодоръ, дьякъ - учитель, II, 243.
- Новоселки Старые**, поселокъ Владиміръ-Волинскаго уѣзда, II, 880.
- Новосильцевъ**, членъ организаціонной комиссіи, III, 73.
- Новиковъ**, I, 346.
- Новицкій Теофилъ**, Варшавскій кафедральный протоіерей, III, 255.
- Новый Свѣтъ**, часть гор. Варшавы, III, 228.
- Носово**, село Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 406.
- Нѣманъ**, рѣка, II, 363, 377—379, 385, 397.
- Нѣсецкій** (о доминиканахъ), I, 820.

О.

- Оберъ-Паленъ, городъ въ Лифляндской губерніи, II, 484.
- Оболенская Александра, I, 247.
- Оболонье, предместье города Кіева, I, 284, 288.
- Овручь, уѣздный городъ Волынской губ., III, 95, 151, 163, 171, 172, 174, 194.
- Овсяникинъ, каведралин. протоіерей г. Волыни, II, 825—827.
- Огородничкова, жена польск. повстанца, II, 171.
- Оденъ, мѣстечко Лифляндской губ., II, 419, 426.
- Одерь, рѣка, II, 309, 320.
- Одесса, I, 511, II, 842.
- Овераны, поселокъ Владиміръ-Волынскаго уѣзда, II, 879.
- Овирка, поселокъ Дубенскаго уѣзда, Волынской губ., II, 924.
- Ока, рѣка, впадаетъ въ Волгу, II, 356.
- Окновъ, благочинный, протоіерей Коленгузскій, II, 720.
- Околокъ, поселокъ Житомирск. уѣзда, II, 936, 958.
- Околюкій, историкъ польск., I, 280.
- Окуневъ, попечитель Варшавскаго учебнаго округа, II, 223—230, III, 214, 230, 234, 257—260, 262—264, 267, 268, 270, 271, 239, 297.
- Олець, князь Кіевскій, I, 6, II, 313, 318—320, 337—338, 347, 355.
- Олтаржевскій Василій, священникъ м. Ольховиць, III, 436.
- Олыкъ, мѣстечко Волынской губерніи, III, 129, 138.
- Ольга, великая княгиня Кіевская, I, 5, 15, 21.
- Ольхоуць, городъ въ Венгріи, II, 212.
- Ольховець, мѣстечко Звенигородск. уѣзда, Кіевской губерніи, III, 428, 436.
- Ольшанка, колонія Житомирскаго уѣзда, II, 840, 879, 925, 933, 937, 956—958.
- Ольшанка, поселокъ Дубенск. уѣзда, Волынской губ., II, 880, 924.
- Ольсифоръ, Кіевскій митрополитъ, I, 34, 36.
- Опатовъ, городъ Радомысльской губ., въ Царствѣ Польскомъ, II, 335.
- Ополе, деревня Влодавскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, II, 48, 210, 214, 229.
- Орловка, Нѣжинскаго уѣзда, I, 415.
- Орловъ, мѣстность въ Подлясьи, Люблинской губ., II, 178.

- Орловъ, графъ, II, 459.
- Ортель Королевск., Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 58, 242.
- Орховокъ, Влодавск. уѣзда, Сѣдлецкой губ., I, 595, II, 26, 45—56, 48, 244.
- Орша, III, 91.
- Оссова, деревня Влодавскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 28, 41, 53.
- Оссолянскій, графъ, польскій меценатъ, III, 207.
- Остерманъ, баронъ, сотруди. Петра I-го, I, 304, 305, 307, 316, 339, 341.
- Островъ, мѣстечко Влодавск. уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 34.
- Острогъ, уѣздный городъ Волынской губ., I, 44, 88, 145, 164, 922, II, 819, 927, 953, III, 19, 95, 129, 132, 151, 193, 194, 325, 474.
- Острожскіе, князья, родъ ихъ, I, 521, 616, II, 13, 927.
- Острожскій Конст. Конст., князь, I, 33, 67, 77—78, 201, 243—244, II, 927, III, 150.
- Острожскій Конст. Иван., князь, II, 927.
- Острожскій Данилъ, князь, I, 67.
- Острианица, предводитель казацкаго возстанія, I, 589.
- Отто, суперъ-интендентъ Варшавскій, II, 913.
- Оттонъ I, Германскій импер., II, 330, 332, 341.
- Оттонъ II, Германскій императоръ, II, 317.
- Очаковъ, городъ въ Херсонской губ., I, 502.

П.

- Павель амморейскій, его стихиры въ Октоихѣ, I, 197, 199.
- Павель I Петровичъ, императоръ, II, 414—415.
- Павель, епископъ Олонецкій, II, 461—462, 513.
- Павель, архимандритъ Псково-Печерскаго монаст., III, 778, 784.
- Павлищевъ, членъ совѣта просвѣщенія, III, 240, 271—274, 281.
- Павловскій, бискупъ Плоцкой епархіи, III, 268.
- Павловка, село Кіевской губерніи, III, 456.
- Палацкій, чешскій знаменитый историкъ, II, 331, 338, 345, 353, 364.
- Палацкій, чешскій представитель на Московскомъ славянскомъ съѣздѣ 1867 г., II, 807—808.

- Палладій**, епископъ Волынской, II, 956, 959, 963, III, 476, 479.
- Паленъ**, генераль-губернаторъ, II, 448.
- Палецкій**, русскій пом., II, 851.
- Палій Семень**, полковникъ, I, 589.
- Паннонія**, область, II, 341.
- Панасевичъ Петръ**, секретарь Василанскаго капитула, II, 102.
- Парижъ**, II, 121, 530, III, 14.
- Пардубицы**, городъ въ Австро-Венгрии, II, 916.
- Парчевъ**, Влодавск. уѣзда, Сѣдлецк. губ., I, 595, 644, 649, II, 6, 48, 146, 363.
- Паскеничъ И. О.**, князь, намѣстникъ Царства Польскаго, I, 602, II, 80—83, 85—86, 152—153, 155, 158, 161—180, 218, 221—222, 224—226, 229, 233—237, 307—308, 917, III, 215—218, 222, 225—227, 233, 239, 258—267, 271—272, 295—299, 308.
- Пахомій**, патриархъ Константинопол., I, 116.
- Паульсонъ**, педагогъ, III, 400, 497.
- Пенинскій**, авторъ учебника славянскаго языка, III, 277, 278, 279, 280.
- Перемишль** (или Премыславъ), родоначальникъ, чешской монархической династии, II, 350.
- Перемишль**, уѣздъ Люблинск. губ., II, 306, 311—312, 316, 382, 347, 355—356, 366.
- Переяславль**, I, 504, 509, 592.
- Перновъ**, городъ въ Лифляндск. губ., II, 410.
- Перовскій**, графъ, II, 456.
- Песталоцци**, педагогъ, III, 486, 556, 719.
- Петербургъ**, I, 26, 258, 301, 341, 342, 450, 483, 633, II, 81, 82, 217, 230, 277, 279, 433, 455, 463, 469, 472, 478, 514, 561, 640, 709, 718, 728, 793, 832, 834, 895, 900, 916, III, 284, 286, 281, 286, 368, 399.
- Петергофъ**, I, 341.
- Петрика Алексѣй**, настоятель Киево-Межигорскаго монастыря, I, 264, 330.
- Петрович**, кардиналъ, II, 113.
- Петровцы**, Старине Новое, село, Киевской губ., I, 248—250.
- Петроковъ**, губернский городъ, въ Царствѣ Польскомъ, II, 684, III, 197, 256.
- Петрушевичъ**, Львовскій протоіерей, II, 72.
- Петръ I Великій**, I, 201, 247, 255—258, 286—289, 312, 329, 404—405, 434, 463—466, 476, 480, 483, 592, II, 22, 106, 298, 410—415, 422, 473, 479—481, 511, III, 189, 780.
- Петръ II**, Алексѣевичъ, I, 316, 318, 329, 330.
- Петръ III** Теодоровичъ, I, 270, 272.
- Петръ**, митрополитъ, 356, 370, 373.
- Петръ**, игуменъ Киево-Петропавловск. монаст., I, 292.
- Петръ**, іеромонахъ, I, 450.
- Петулинскій** Рувимъ, настоятель Киево-Петропавловскаго монаст., I, 293.
- Пештъ** (городъ въ Австро-Венгрии), II, 913.
- Пейпузъ**, озеро, II, 700.
- Піана**, деревня Дубенскаго уѣзда, Волынской губ., II, 965.
- Пій IV**, папа, I, 160.
- Пій VII**, папа (его булл.), II, 162.
- Пій IX**, папа, I, 612, III, 340, 384.
- Пилипа**, рѣка, II, 320—321, 332, 342, 352.
- Пиньчуки**, село Киевской губ., III, 472.
- Пинскъ**, уѣздный городъ Минской губ., III, 91.
- Пирамовичъ** Григорій, III, 12—37, 52, 56, 75—88, 165.
- Пироговичъ** Юліанъ, іеромон. Холмскаго монаст., II, 112.
- Питиримъ**, епископъ Нижегородскій, I, 61, 163, 323, 340.
- Пищацъ**, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецк. губ., I, 594, II, 148, III, 359.
- Погорѣльцы**, селеніе Дубенск. уѣзда, Волынской губ., II, 805.
- Подгайцы**, селеніе Дубенск. уѣзда, Волынской губ., II, 805, 809, 854, 883, 888, 903—905, 924, 937, 945, 975.
- Подлици**, поселокъ Дубенск. уѣзда, Волынской губ., II, 780, 924.
- Познань**, III, 10, 19, 22, 163.
- Половъ Иванъ**, благотворит. Межигорскаго монаст., I, 243.
- Полоное**, мѣстечко Волынск. губ., III, 171, 771—776.
- Полоцкъ**, уѣздный городъ Витебск. губ., I, 7, 602, II, 298, III, 10, 91, 95, 204, 781.
- Полтава**, губернский городъ, I, 504.
- Путускъ**, польскій городъ, при Наревѣ, II, 372.
- Поляковъ** Андрей, священникъ Эйхенангерскій, II, 496—501, 519.
- Поморье**, область, II, 320.
- Помяловскій**, авторъ бурсацкихъ типовъ, III, 439.

- Пономаревъ, священ., авторъ „Первой школьной книжки“, III, 617.
- Понятовскій Станиславъ II Августъ, Польскій король, II, 309.
- Понятовскій кн. Юсифъ-Антоній, польскій генералъ, военный министръ, I, 612.
- Понятовскій Михаилъ, примасъ Польши, III, 78, 175.
- Понятовскій князь, епископъ плоцкій, III, 15.
- Поортень, чин. канцелярин рижск. ген.-губерна., II, 449.
- Попель Маркеллъ, епископъ Витебскій и Полоцкій, II, 49, 54, 60, 61, 95, III, 346, 381.
- Поплавскій, пiаристъ, III, 12, 18, 19, 20, 21, 23, 34, 39, 48.
- Поповъ, авторъ соч. „Судьбы унии въ русской Холмской епархiи“, II, 72, 75, 81.
- Поспiшилъ, редакторъ чешскаго евангелическаго органа Еван. Сткевникъ, II, 920.
- Поссевиъ Антоній, иезуитъ, I, 48, 64, II, 425, 752, III, 272.
- Потаповъ, полковникъ (шефъ жандармовъ), III, 306.
- Потемкинъ Иосафъ, бiлорус. iеромон., I, 340.
- Потемкинъ, государственный дiатель при Екатеp. Второй, I, 502.
- Потокъ, село-Кiевской губ., III, 465.
- Потоцкiе, I, 616, II, 13, 161.
- Потоцкая, графиня, II, 18, 21, 22.
- Потоцкiй Станиславъ, III, 52, 73, 90, 93, 119.
- Потоцкiй, староста копаницкiй, III, 15.
- Потоцкiй Игнатiй, писарь литовскiй, III, 15, 16, 23, 25, 52, 90.
- Потоцкiй Францъ-Салезiй, воевода кiевскiй, III, 179.
- Потоцкiй, коронный подкоморiй, III, 162.
- Поцъй Ипатiй, епископъ Владимiрскiй и Брестскiй, I, 33, 78, 214—217, 614, 620, III, 141.
- Поцъй (Потъй) Иоаннъ, священн., ректоръ Холмской семинарии, II, 85—86, 174—175.
- Почаевъ, III, 95, 203, 476.
- Почобутъ, ректоръ Виленской академiи, иезуитъ, III, 25, 46.
- Пойшъ, младшiй Якобштадтскiй священникъ, II, 764.
- Платонъ, митроп. Москов. (его отзывъ о книгi Ляосъ), I, 238.
- Платонъ, архиепископъ рижскiй и митавскiй, II, 442, 459, 465—469, 478, 492—506, 512, 514—527.
- Плоска, поселокъ Ровенскаго уiзъ., Волын. губ., II, 852, 882, 921.
- Плоска, село Дубенскаго уiзда, Волын. губ., II, 971—973.
- Плоцъ, польскiй гор. при Вислi, II, 372.
- Прага, городъ, II, 332, 335, 348—350, 916, 917, 979.
- Приорка (предмiстье Кiева), I, 285, 288, 406.
- Припять, притокъ Днiпра, II, 368.
- Прокоповичъ Теофанъ, I, 7, 163, 210, 297—300, 336, 338—341.
- Протасовъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода, II, 81.
- Прохенки, Яновск. уiзъ., Сiдл. губ., II, 49, 243.
- Прохницкiй Янъ-Андрей, римско-католическiй каменецкiй епископъ, III, 112.
- Прушинскiй Феліксъ, членъ Холмск. капитула, II, 85.
- Пряшевъ, городъ (въ Венгер. Руса), II, 92.
- Псковъ, I, 420, II, 419, 458, 462, III, 778, 780—781.
- Пулавская, жена польск. повстанца, II, 171.
- Пушкинъ, поэтъ, III, 517, 519.
- Пуца Сольская (приходъ латинскiй въ Люблинск. губ.), II, 206.
- Пыпинъ, литераторъ, I, 349.
- Пятунинъ, авторъ книги: „Новшiя статистика европейскiхъ государствъ“, III, 240.
- Пясечко, поселокъ Владимiр-Волынскаго уiзда, II, 879.

Р.

- Радивъ, уiзъ. гор. Сiдл. губ., I, 595, 644, 649, II, 6, 146, 363—364.
- Радимъ и Вяtkо, родоначальники племени — радимичей и вятичей, II, 356—358.
- Радзивиллы, княжескiй родъ ихъ, I, 591, 592, 601, 602, 616, II, 13, 140, 288, 293—294, 298—299.
- Радзивиллъ Екатерина, княг., основательница Бiльскаго василiанскаго мон., II, 106, 296—298, 301.
- Радзивиллъ Карлъ-Станиславъ, ревнитель унии, II, 298—299.
- Радзивиллъ Янушъ, князь, I, 117, 247—248.

- Радзивиллъ Александръ-Людовикъ**, владѣлецъ г. Бѣлы, II, 294.
Радзивиллъ Богуславъ, глава бѣлорусскихъ кальвинистовъ, II, 917.
Радзивилловъ, мѣстечко Житомирскаго уѣзда, II, 936.
Радонежскій А., педагогъ, III, 619.
Радомъ, г.г. въ Царствѣ Польскомъ, III, 197, 256.
Радче, мѣст. Радн. уѣз., Сѣдл. губ., II, 17—18, 57, 61, 243.
Радышевскій Маркеллъ, архимандр., I, 306, 324, 338, пр. 1-е.
Разумовскій Кирилъ Григорьевичъ, гетманъ малороссійскій, I, 433.
Разумовская Наталія, граф., I, 415, 486.
Раковскій, священникъ Венгерской Руси, ревнитель русской народности, II, 175.
Раковскій Владиславъ, издатель „Русской Правды“, III, 208, 211, 265.
Рамеко, латышскій князь, II, 420.
Растрелли, архитект., I, 271.
Разиборъ, городъ, II, 360.
Ратняхъ, педагогъ, III, 719.
Райгасферъ, мѣстечко (въ Эстляндин), II, 735.
Ревель, городъ въ Эстляндской губ., II, 410, 415, 700—701, 704—706.
Ревуцкій Елифавій, игуменъ Сорочинск. монастыря, I, 310, 413.
Ремдаль, (миза), II, 635.
Репелль, историкъ польскій, II, 319, 329, 335, 339, 344, 364, 378.
Рейнбергъ, епископъ Колобжескій (Кольберскій), II, 325—326, 354.
Рейфъ, составитель учебника русск. языка, III, 211, 230.
Ржелка, агентъ виленской евангелической коллегии, II, 914—916.
Рига, городъ въ Лифляндской губер., II, 390, 410—413, 415, 420, 433, 435, 439, 450—452, 458, 463, 477, 478, 481, 503, 510, 511, 530, 540, 544, 549, 552, 557—559, 568, 593, 606, 623, 653, 688, 694, 704, 708, 710—716, 751, 768.
Ригеръ, чехъ, II, 807—808.
Ридигеръ, графъ, генералъ, III, 296.
Римъ, I, 33, 35, 215, 303, 608, 621, II, 7, 21, 36, 71, 73, 82, 86, 110, 112, 121, 129, 164, 168, 174—176, 180—182, 212, 232—233, 352, 416, 789, III, 21, 23, 328, 331, 344, 346, 350, 362.
Рялицкій, III, 237, 239, 240—242, 248—251, 275, 279—280, 294.
Ровналь, мѣстечко Волынской губ., III, 190.
Ровно, уѣздный городъ Волынской губ., II, 809, 815, 956.
Рогальскій Леонъ, авторъ перваго русско-польскаго учебника, III, 233, 235, 251, 254.
Роговльдъ, князь Полоцкій, I, 7, II, 358.
Рогвида, I, 7.
Роговно, поселокъ Дубенскаго уѣзда, II, 924.
Рожанка, деревня въ Подлясьи, II, 18, 22, 25, 49, 54.
Рожинскій Романъ, князь, I, 283.
Родзянка Семенъ, значковый товарищъ (и его фамилия), I, 430—431.
Родоминоскій, членъ учебнаго управленія, III, 230, 269, 294.
Росвадовскій Виторъ, каведраль. священникъ г. Янова, II, 170.
Розбергъ, профессоръ Дерптск. университета, II, 436.
Розвидовскій, генеральный проповѣдникъ при Киево-Доминиканск. конвентѣ, I, 282—283.
Розенбергъ, профессоръ Дерптск. университета, II, 436.
Романовъ, село Луцкаго уѣзда, Волынской губ., II, 964, 965.
Росошъ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецк. губ., II, 242.
Рубцовъ М., писатель, III, 668, 675, 677, 679.
Руда, деревня Радннскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 18.
Рудно, Сѣдлецкой губ., II, 17—18, 22, 52, 57, 61, 303.
Рудольфъ II, императоръ Австрійскій, II, 912.
Ружинскій Евстафій, Киевскій подвоевода (его отношеніе къ Межигорскому монасты.), I, 244.
Руммель, баронъ-помѣщикъ, II, 779.
Румянцевъ, генералъ, посланникъ при Константинопольскомъ дворѣ, I, 313—314.
Румянцевъ, Малорос. намѣстникъ, I, 274.
Русаново, село Киевской губер., I, 257.
Руссо, III, 30, 78, 485, 719.
Русь венгерская, II, 91, 92, 175,
Рутка, иезуитъ (его сочин. противъ кн. „Либось“), I, 239.
Рутскій Іосифъ-Вельяминъ, основатель Василіанскаго ордена, I, 78, II, 100.
Рышко Максимилянъ, холмскій униатскій епископъ, I, 624, II, 212—213, III, 10.

Рѣпки, село Киевской губ., III, 466.
 Рѣшиловъ Юсифъ, іеромон., I, 302, 340.
 Рѣорикъ, I, 5.
 Рязанцевъ, педагогъ., III, 619.
 Рязань, I, 335, 338.

С.

Савинъ, членъ комитета варшавскихъ учителей, III, 281.
 Савице русское, дер. въ Подлясьи, Соколовскаго уѣзда, Сѣдлец. губ., I, 644, II, 145.
 Садовскій Викторъ, архіеписк. Минскій (впослѣдствіи Черняговскій), I, 501.
 Садовская, фундаторка владимірской іезуитской миссіи, III, 142.
 Сайлеръ, германскій педагогъ, III, 556.
 Саксонія, II, 850.
 Саконичъ Кассіанъ, бывш. ректоръ Киев. Акад., I, 57, 62, 79, 102, 153, 221—226, 226, 226—240, 423—621, 629, II, 140.
 Саливанки, м. Киевской губ., III, 472.
 Самара, дерев. Киев. г., I, 250.
 Самаринъ Ю. Ѳ., II, 565—569.
 Самойловичъ Василій, I, 446.
 Самонъ, предводитель славянъ, II, 337, 343.
 Самуилъ (Миславскій), митр. Киев., I, 274—276, 294, 468, 466.
 Сангушки, княжескій родъ ихъ, I, 591, 616, II, 140, 282, 817.
 Сандоміръ, уѣз. гор. Радомской губ., II, 917, III, 99.
 Санъ, рѣка, притокъ Вислы, II, 123, 315, 319, 321, 327, 329, 332, 335, 339, 342, 344, 348, 350, 352, 354, 356—357, 360.
 Сапига, русско-литовскій родъ ихъ, I, 591, II, 140.
 Сарны, мѣстечко Киевской губер., III, 466.
 Свѣбодскій Лука, ксендзь, пробощъ кременецкій, III, 100, 101, 107, 151, 184.
 Святополкъ II Изяславовичъ, князь Киевскій, II, 364, 367—368.
 Святополкъ I Окаянный, сынъ Владимира Великаго, князь Киевскій, I, 24, II, 325—327, 354, 373.
 Святополкъ, Моравскій князь, II, 333, 335.
 Святославъ, Киевскій князь, I, 5, 363, 364, II, 319—320.

Севастополь, I, 17.
 Селецкій Самуилъ, священникъ, II, 295.
 Селецкій Мануилъ, священ., II, 288—292.
 Селяница (Славово тожъ), поселокъ Житомирск. уѣз., Волын. губ., II, 936, 938.
 Сембратовичъ, Галицкій митрополитъ, III, 321, 372, 376.
 Семидубы, имѣніе Дубенскаго уѣзда, Волыск. губ., II, 809, 838, 903, 962, 971—973, 975, 978.
 Серапіонъ, митропол. Киевскій, I, 350, 353, 357, 359, 370, 373, 374.
 Сербія, I, 362, 513, 546, II, 99, III, 325.
 Серочино, село Соколов. уѣз., Сѣдлец. губ., II, 50, 54.
 Сестренцевичъ Станиславъ, митрополитъ римско-католическій, II, 417, III, 205, 210.
 Сибирь, I, 256, 335, 339, 340, 467.
 Сиверсъ, графъ, директоръ департамента иностр. исповѣданій, II, 465—469, 516, 520.
 Сигизмундъ I, I, 242, 282, II, 363.
 Сигизмундъ II Августъ, I, 243.
 Сигизмундъ III, король Польскій, I, 282, II, 162, III, 117, 141.
 Сидоровъ Стефанъ, священникъ, I, 419.
 Силезія, область, II, 320—321, 333, 341.
 Сильвестръ, митроп. Казанскій, I, 327, 335.
 Симеонъ, царь Болгарскій, I, 23, 196.
 Симеонъ, протоіер., I, 305.
 Симеонъ, митр. Киев., I, 116.
 Синевичъ, священ., II, 36.
 Синявинъ, товарищъ министра внутрен. дѣлъ, II, 441, 443, 510.
 Синявка, село Киевской губ., III, 458.
 Сирія, I, 292, 513.
 Сирко, кошевой атаманъ, I, 252.
 Сіановъ, управл. Любл. гимн., II, 229.
 Скальскій Петръ, игуменъ преобразованнаго Варшав. мон., II, 117, 118.
 Скольскій Андрей, изданный имъ требникъ, I, 80.
 Скоропадскій, гетманъ, I, 315.
 Скруделино, Лифляндск. губ., II, 768, 772, 794—795.
 Славатычи, мѣстечко Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлец. губ., II, 58.
 Славинецкій, III, 210.
 Славута, имѣніе князя Сангушки на Волыни, II, 817, 886.

- Слезка, типографчикъ, I, 80, 94, 96, III, 327.
- Сливицкій А., авторъ „Поляго життя пр. Феодосія“, III, 755—766.
- Слонимъ (въ Бѣлорусіи), III, 91.
- Слонимскій Гедеонъ, настоятель Межиг. мон., I, 264.
- Случевскій П., III, 620, 699.
- Слуцкій, князь Дмитрій Омельковичъ, благодѣтель Межигор. мон., I, 243.
- Смигельскій, священникъ въ Прегалинѣ, II, 24, 28, 41, 53.
- Смола Игнатій, митроп. Коломен., I, 301, I, 304—305, I, 307, 324—325, 334, 336.
- Смола, польскій историкъ, II, 360, 378.
- Смотрицкій Мелетій, Полодскій архіепископъ, I, 217, 621.
- Смѣлянъ, Курляндск. губ., II, 754.
- Снядецкій Янъ, III, 15, 16, 24, 30, 31, 32, 33, 49, 122.
- Соболевскій Михаилъ, всендѣзъ, Кіевскій каедр. каноникъ, III, 101, 163, 172, 173, 174.
- Собѣщанскій, польскій историкъ и археологъ, II, 394.
- Сожь, рѣка, II, 357.
- Соколовъ, уѣз. гор. Сѣдл. губ., I, 634, 644, II, 16, 17, 50—51, 145, 198—199, 243, 303.
- Соловѣвка, село Радомск. уѣз., Кіев. губ., III, 410—436.
- Соловѣвъ Я. А., III, 318.
- Соловѣвъ С. М., русскій историкъ, II, 318—319, 322—324, 326, 330, 331, 335, 370—372.
- Соломія, сестра Польск. кор. Лешека, I, 280.
- Солонай, дер. въ Лифл. губ., II, 761, 769, 773.
- Солтанъ Юсифъ, митроп., I, 68, 75.
- Сомовитъ (Земовитъ), князь Мазовецкій, II, 387.
- Сониковъ, библиографъ, I, 80, 346, III, 206.
- Сорочанцы, мѣстечко Кіевской губ., I, 466.
- Спасокіе острова (на Днѣпрѣ), I, 243.
- Спасъ, деревня Люблин. губ., II, 102, 116.
- Станевичъ Модестъ, піарскій монахъ, III, 205.
- Старкевичъ, священ., II, 40, 42.
- Староселье, мѣст. Кіевской губ., I, 249.
- Стаховскій Антоній, Черниг. архіеп., I, 434, 466.
- Станиславъ Августъ Понятовскій, король Польскій, III, 14, 74, 106, 124, 141, 142.
- Стеблець, м. Кіевской губ., III, 465.
- Стендеръ, попечитель Казанск. учебн. округа, III, 302.
- Стефановичъ Павелъ, іеромон. Кіево-Петропавл. мон., I, 456.
- Степула, священникъ прихода Големова, III, 366.
- Стугна, притокъ Днѣпра, I, 24.
- Стозь русскій, деревня на Сѣверо-западѣ Подласья (Сѣдлецк. губ.), II, 145.
- Стольце, старый городъ въ Холмицнѣ (въ Люблин. губ.), II, 359.
- Стракловъ, поселокъ Дубенск. уѣзда, Волынск. губ., II, 879, 904, 924, 928, 937, 973, 975.
- Страумитъ Индрихъ (псевдон.), латышъ—священникъ, II, 430—432, 596, 686.
- Стремигоровъ, поселокъ Радомысльскаго уѣз., Кіевской губ., II, 951—952.
- Стрижевка, имѣніе кн. К. Острожскаго, I, 243.
- Строгановъ, графъ, II, 227.
- Стрыйковскій, польскій хроникеръ XVI вѣка, II, 315.
- Стрѣльна, близъ Петергофа, I, 341.
- Стрѣшневъ, генераль, I, 474.
- Стратинъ, г. близъ Львова, I, 69—76, 88, 157, 622, III, 325.
- Ступична, с. Звенигор. уѣз., Кіев. губ., III, 410, 436.
- Ступицкій, епископъ Перемышльскій, III, 376.
- Стырѣ, притокъ Припяти, II, 331, 345, 352, III, 125.
- Суббочъ, м. въ Лифлянд. губ., II, 751, 761, 804.
- Сувадки, губерн. городъ въ Царствѣ Польскомъ, I, 613, II, 39, III, 198.
- Суворовъ, князь, Рижскій генераль-губернаторъ, II, 442, 455, 459, 461, 467, 470, 477, 479—482, 502—503, 511, 513, 525—526, 756—759.
- Сула, притокъ Днѣпра, I, 24.
- Сулаковский, гиѣзненскій воевода, III, 15, 17.
- Сумицскій, визитаторъ, III, 229, 245, 254, 263, 304, 306.
- Сутескъ Червенскій, Красноставскаго уѣз., Люблинск. губ., II, 358.
- Сырещъ—рѣчка, I, 284, 288.
- Сѣдлецъ, губ. гор. въ Царствѣ Польскомъ, II, 145, 210, 214, 229, 274, III, 219, 277, 309, 346, 379, 382.
- Сѣдльце, Люблинск. губ., I, 613.

Съмашко Іосифъ, Виленскій митрополитъ, — I, 615, II, 14, 111, 156—157, 165, 183—184, III, 318, 331.

Т.

Таборъ, городъ въ Богеміи, II, 807, 916.
 Тагобуъ, ректоръ Виленскаго университета, III, 15.
 Талибальдъ, Латышскій князь, II, 420.
 Тальсея, мѣст. Курляндской губ., II, 517, 518, 520, 770.
 Танвель, свящ. мѣст. Острова, II, 34.
 Тарасій, патр. Констант., I, 121.
 Тарноградъ, Люблинской губерніи, II, 241.
 Тарногора, мѣст. Люблинской губ., близъ Красностава, II, 178.
 Татары, I, 21, 25.
 Тешаксъ, феліинскій священникъ (въ Эстляндіи), I, 720.
 Тешковъ, чинов. правит. въ Малорос., I, 433—434.
 Терашкевичъ Іоаннъ, нареченный униатскій епископъ Холмскій, II, 23, 81, 86—88, 149, 151, 155, 164, 166—168, 170, 172—177, 181, 200—201, 238.
 Теремно, поселокъ Луцкаго уѣзда, Волынской губ., II, 878, 924, 937, 961, 964—966, 978.
 Терентій, игуменъ Самарск. монаст., I, 256.
 Тересполь, мѣст. Сѣдлецкой губерніи (на Подлясьи), II, 147, 299.
 Терехтемировъ, м. Кіевск. губ., I, 245.
 Терлецкій Меоодій, Холмскій епископъ, I, 79, 219, II, 99, 104.
 Терлецкій Владиміръ, іеромонахъ. выходецъ изъ Галиціи, II, 874.
 Терликевичъ Іосифъ, священ., II, 42, 49, 50, 61.
 Тетеря Павелъ, гетманъ-благотворитель, Кіево-Межигорск. монаст., I, 257—246.
 Тимошеевичъ Николай, кошев. судья въ Запорожьи, I, 262.
 Тисса, рѣка, II, 332.
 Титовъ Алексій, архіепископъ Рязанскій, I, 338—339.
 Тихоміровъ, писатель, III, 531, 613, 615, 616, 632, 635, 636—644, 702.
 Тобольскъ, губернский городъ въ Сибири, I, 434.
 Томулевичъ, всендзъ-деканъ, II, 776.
 Толстой А., графъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода, II, 469—471, 477.

Толстой, графъ Л. Н., III, 416, 453, 490, 698, 903.
 Толочко Лавринъ (свидѣтельств. Кіево-Межигорскаго монаст. послѣ нападенія Гренковича), I, 244.
 Томашевъ, Люблинской губерніи, II, 241.
 Торговица, мѣстечко Кіевск. губ., III, 428.
 Точицкая, жена польск. повстанца, II, 171.
 Трансильванія, II, 99.
 Треповъ, генералъ, II, 137—138.
 Трефлеръ, всендзъ, холмскій кафедральн. каноникъ, ректоръ мало-польскій, III, 100, 107, 159, 179, 190.
 Тривна Іосифъ, архимандритъ Кіево-Печерской Лавры, I, 156, 158.
 Троцевичъ Сафроній, протоконсульторъ Василіанскаго капитула, 25, 102, 160.
 Трубецкой, князь, предсѣдатель малорос. приказа, I, 313.
 Трубежка, рѣка, I, 24.
 Труворъ, русскій князь изъ варяговъ, II, 418, 421.
 Тршецякъ, всендзъ, бывшій помощникъ декана, II, 776.
 Тургенева, писатель, III, 517.
 Тукумъ, мѣст. въ Курляндіи, II, 520.
 Туловъ, III, 433, 441—443, 446, 455, 465, 466, 468.
 Туль, графъ, II, 817.
 Туровщина, мѣст. Кіевской губерніи, владѣніе Межигорскаго монаст., I, 249.
 Турчиновичъ Іос., всендзъ-устроитель въ Вѣлоруссін школъ, III, 91.
 Турція, I, 153, 262, 494, 478.
 Туръ, основатель города Турова, II, 358.
 Тучапскій Макарій, еписк. Галицк., I, 443.
 Тишинскій, предсѣдатель физическ. коллегіи, III, 31.
 Тюбингенъ, городъ въ Германіи, I, 311.

У.

Уваровъ, графъ, министръ народнаго просвѣщенія, II, 223—225, 230, 435, 438, III, 225—229, 231, 253, 257—259, 265—264, 268, 270—274, 278, 280—281, 287—288, 322.
 Угрокъ (Угровскъ), село Выдавск. уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 146, 358—359.

- Ужгородъ**, въ Венгерской Руси, II, 92—93.
Узбекъ, ханъ, I, 147.
Уздыгальница, гора въ Киевѣ, I, 234.
Ульбаровъ, мѣстнѣ Дубенскаго уѣзда, Волынской губ., II, 809—810, 819, 921, 937.
Ульманъ, вице-президентъ генеральной лютеранской консисторіи, II, 521—522.
Умань, Киевской губерніи, III, 9, 95, 159, 178, 179, 194.
Урбанъ VIII, папа (и его буллы), II, 99, 148, 163—163.
Урвена, поселокъ Острожск. уѣзда, Волынской губерніи, II, 881, 946.
Урусовъ, князь, флигель-адъютантъ, I, 248, II, 434.
Успенскій, педагогъ, III, 497.
Устряловъ, историкъ, II, 307, III, 240, 253—254, 271—272, 286, 322.
Ушakovъ Андрей, членъ тайной канцеляріи при Петрѣ Великомъ, I, 323, 334.
Ушинскій, педагогъ, II, 939, III, 490, 497, 511, 602, 603.

Ф.

- Фабіаново**, Лифляндской губ., II, 770, 772, 773.
Фабрицій, изслѣдователь греческихъ писателей, I, 187.
Фальковъ, село Луцкаго уѣзда, Волынской губ., II, 882.
Фальковщина, поселокъ Дубенскаго уѣзда, II, 924.
Феліпскій, архіепископъ Варшавск., II, 23, 88.
Фелланъ, городъ въ Лифляндск. губ., II, 484.
Фельдгофъ, Лифляндской губерніи, II, 775, 779.
Феннеръ, мѣст. въ Лифляндіи, II, 694, 701.
Филаретъ, патріархъ Всероссійскій, III, 324, 330.
Филаретъ (Амфитеатровъ), Киевскій митрополитъ, I, 540.
Филаретъ, епископъ Рязскій, впоследствии Харьковскій, II, 437, 442—443, 449—450, 452, 454—455, 457—458, 512, 525, 674, 680, 764—765, 768.
Филиппикъ, императ. и его соборъ 712 года, I, 175.
Филипповъ, директоръ училищъ Варшавск. губ., III, 292.

- Филосей**, Константинопольск. патр., I, 71, 122, 134—135.
Финляндія, II, 412—413.
Фіалковский, Варшавскій архіеписк., II, 69, 87.
Фіоль Святополкъ, славянскій первопечатникъ, I, 200.
Флавіанъ, викарій Холмско-Варшавской епархіи, II, 407.
Фонъ-Флотовъ, камеръ-юнкеръ, II, 750.
Фотій, митрополитъ Всероссійскій, I, 356—357, 360—362, 374.
Франція, II, 442, 459.
Фредегардъ, историкъ, II, 343—344.
Фридрихъ-Августъ, герцогъ Варшавскій, II, 72, 76.
Фридрихъ II, король Пруссіи, II, 305.
Фундуклей И. И., III, 315—316.

Х.

- Хабно**, мѣстечко Радомскаго уѣзда, Киевской губ., III, 470.
Хандожинскій, профес. Нѣжинскаго лицея, III, 226, 227.
Харламповичъ Иванъ, священникъ, II, 51.
Харковцы, мѣстечко Киевской губ., I, 249.
Харскъ, Забужная православная деревня, II, 48.
Харьковъ, губерн. городъ, I, 259, II, 512.
Хлопково, деревня Яновск. уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 43.
Хмельницкій Богданъ, гетманъ запорожскихъ казаковъ, I, 248, 288, 393, 443, 494, 589, 591, II, 104, 291.
Ходкецкій Василій, князь, I, 243.
Ходкевичи, русско-литовскій родъ, II, 145.
Ходкевичъ Янъ-Карлъ, великій гетманъ Литовскій, III, 150, 780.
Ходкевичъ, историографъ, I, 286.
Холмщина, I, 590, 592, 620, 625, II, 5, 11, 38, 63, 87, 173, 174, 176, 188, 211, 276, 311—312, 789, III, 361, 384.
Холмъ (пустошь), Киевской губерніи, I, 249.
Холмъ, Люблинской губерніи, I, 19, 67, 624, 647, II, 11—12, 20, 27, 38, 45, 51, 59, 72—74, 81, 82, 93, 95—96, 102, 104, 115, 147, 164, 169, 174, 175, 177, 179, 181, 182, 190, 200, 209—214, 229, 268—266, 260, 267, 270—271, 274—275, 278, 358, 378, 381, 391, 605, III, 10, 91, 97,

- 189, 318—321, 333, 348, 354, 358, 361, 362, 364, 366—367, 376, 382.
Хоминскій Феодосій, игуменъ Кіево-Выдубецкаго монаст., I, 330.
Хорова, мѣст. Кіевск. губ., I, 430.
Хотыче, деревня Яновскаго уѣзда, Сѣдленой губерніи, II, 34, 48, 243, 303.
Хойнацкій Макарій, священникъ на Подлясьѣ, II, 42, 321.
Хребтовичъ Іоакимъ, подканцлеръ Литовскій, III, 15.
Хребтовичъ, князь, велик. маршалъ Литовскій, I, 643, II, 215.
Хробація (Хорватія), область, II, 320—321, 332—333, 335, 341, 345—351.
Хршево, Лифляндской губерніи, II, 769, 772.

Ц.

- Цамвлакъ** Григорій, Литовскій православный митрополитъ, I, 67, 357, 359, 361—362.
Царьградъ, см. Константинополь.
Циховскій Николай, іезуитъ, I, 227, 239.
Цициборъ, мѣст. Бѣльск. уѣз., Сѣдл. губ., II, 42, 289, III, 321.
Цурково, поселокъ Дубенскаго уѣз., Волянск. губ., II, 881.
Цѣхановецкій, или Цѣхановскій Фердинандъ, Холмскій еписк., ревнитель униатскаго обряда, I, 620, 631, II, 41, 72—77, 83, 149—151, 155, 214, III, 328.

Ч.

- Чарлонтакевичъ**, униатскій священникъ, II, 62, III, 358.
Чарторыйскіе, князья (родъ ихъ), I, 591, 616, II, 13, 140.
Чарторыйскій Адамъ, князь, генералъ, попечитель Виленскаго округа, III, 15, 24, 52, 89, 95, 204.
Чарторыйскій Николай, князь, Литовскій стольникъ, покровитель лудскихъ школъ, III, 117, 188.
Чацкій, польскій историкъ, II, 337.
Чацкій Фаддей, покровитель кременецкихъ школъ, III, 102, 204, 210.
Ченстоховъ, гор. Петроковск. губ., II, 332, 335.
Червень, явл. Любл. губ., II, 306, 312, 316, 347, 356, 361, 366.
Червенокая страна, II, 365, 369.
Черкасскій, князь, сотрудникъ Петра Велик., I, 307, 316, 339, 341.

- Черкасскій** Влад. Алекс., князь, II, 34—35, 39, 60, 63—66, 88—97, 115—123, 131—139, 160, 182—280, III, 317—320, 333—337, 344, 354, 364, 383,
Черкасск, Кіев. губ., III, 409.
Черниговъ, I, 198, 280, 417, 430.
Чернивъ, мѣст., владѣніе Кіево-Межиг. мон., I, 248—249.
Черногорье (изданіе Октоиха во второй разъ въ 1495 г.), I, 200.
Чернышевъ, генер., I, 405.
Четвертинскій Гедесонъ-Святополкъ, Кіев. митроп., I, 233, 444, 460.
Четвертинскій Сильвестръ, еписк., I, 258.
Четвертинскій Андрей, покровитель лудскихъ школъ, III, 117.
Чехъ Бартоломей, доминиканецъ, II, 391.
Чехоградъ, поселеніе чеховъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, II, 822.
Чечуринъ, чин. Кіевск. ген.-губ., III, 432—434, 489—447, 449—451, 453, 455, 460, 462—463, 465—470.
Чоломскій, село Сѣдлец. губ., II, 50.
Чудновъ, мѣстечко Житомирскаго уѣзда, II, 925, 932.
Чухлебы, деревня Сѣдлец. губ., II, 46.

Ш.

- Шаббатовичъ** Іоаннъ, прот., настоятель Кіево-Андреев. церкви, I, 275, 278.
Шайноха, польскій историкъ, II, 310, 317, 325, 326, 337.
Шанявскій, членъ организаціонной комисіи, III, 224, 229.
Шарогородъ, Волянск. губ., III, 9, 95, 155, 158, 194.
Шатковский Иванъ, возный, I, 244.
Шафарикъ, польскій историкъ, I, 195, II, 311, 340—342, 344.
Швейковскій, членъ организаціоннаго комитета, III, 224, 229.
Швейницъ, членъ экаменаціоннаго комитета, III, 280.
Швеція, II, 700.
Шевыревъ, литераторъ, I, 347.
Шелеметко, свяд., II, 34.
Шелтицкий Аванасій, униатскій митроп., I, 160, 623, III, 327.
Шереметевъ, фельдмаршалъ, I, 302.
Шерховскій, чин. Кіевск. митрополита Сильв. Коссова, I, 443.
Шимаанскій Веніаминъ-Петръ-Павель, римско-католическій под-

- гаскскій епископъ, I, 603, II, 20—21, 23—24, 110, 112—114, 159—173, 181, 197—202, 205, 238.
- Шиманскій** Павелъ, каноникъ, II, 34, 75, 78, 81, 88, 96—97, 216.
- Шиповъ**, генераль-адъютантъ, II, 80—81, 157, 221—222, 225—228, III, 222—223, 237—238, 243, 246, 252, 254—255, 260, 289—290.
- Ширковъ**, Киевскій губернаторъ, I, 275.
- Ширскій**, законоучитель, III, 536, 615, 705.
- Шмидтъ**, чин. Рижскаго генер.-губернатора, II, 518.
- Шокальскій**, ректоръ Холмской семинарии, ревностный уніатъ, II, 169, 171.
- Шостка**, дер. Радискаго уѣз., Съдлецкой губ., II, 34.
- Шпаково**, поселокъ Ровенскаго уѣз., Волин. губ., II, 844, 924.
- Штокъ**, Киевск. вице-губернаторъ, I, 313, 315, 317.
- Шуваловъ** П. А., графъ, Рижскій генераль-губернаторъ, II, 506—510, 514—515, 519, 522.
- Шуйскій**, польскій историкъ, II, 310, 315, 318, 320—321, 325, 333, 338, 353, 357, 378.
- Шумборскій** Филиппъ-Феллицианъ, епископъ Холмскій, II, 77—86, 102, 104, 149, 152, 155, 230.
- Шумлянокій**, еписк. Переяславскій, I, 476.

Щ.

- Щацкиноскій**, всендзъ, піаристъ, III, 162, 163.
- Щебрешиницъ**, Люблин. губ., II, 214, 229, III, 219, 309.
- Щедринъ**, писатель, III, 439, 446.
- Щекавида**, кладбище г. Киева, I, 268.
- Щербатскій** Тимофей, митрополитъ Киевскій, I, 318, 437, 446, 467.
- Щербина** Мисаилъ, игуменъ Киево-Межигор. мон. при Сигязм. I-мъ, I, 242.

Э.

- Эдигей**, ханъ, I, 268.
- Эдель**, островъ, II, 421, 492, 609, 644.
- Эллернъ**, Курлянд. губ., II, 754, 794.
- Эмбахъ**, рѣка, II, 700.
- Энгельгардтъ**, пом., II, 773.
- Эстляндія**, II, 414, 430—431, 433, 453, 692—695, 700, 703, 757.

Фонъ-Эттингенъ, предводитель Лифляндскаго дворянства, II, 480, 522, 790, 792.

Ю.

- Юліи** Цезарь, римскій консулъ, II, 361.
- Юржинокъ**, село Волинской губ., III, 148, 190.
- Юскова-Гребля**, м., владѣніе Киево-Межигорскою монастыря, I, 249.
- Юстинианъ**, законникъ Почаевскій и Переяслав., I, 476.
- Юшкевичъ**, свящ., II, 32.

Я.

- Яблонна**, деревня Соколовск. уѣзда, Съдлецкой губ., I, 593, 644, II, 145.
- Яблочна**, деревня Бѣльскаго уѣзда, Съдлецкой губернии, I, 637.
- Яворскій** Стефанъ, I, 163, 299, 334.
- Ягайло** (Ягелло), великій князь Литовскій, король Польши, I, 56, II, 314, 403—404.
- Ядвига**, королева Польская, жена Ягайлы, II, 314.
- Якимовичъ** Іоаннъ, священникъ, I, 428.
- Якобсонъ**, эстонецъ, II, 694, 701.
- Якобштадтъ**, городъ Курляндск. губ., II, 752—754, 764, 766, 774, 786—790.
- Яковлевъ** Анникита, священникъ, II, 425.
- Якубовичъ**, авторъ русско-польскаго словаря, III, 95, 205, 209, 211.
- Якубовъ**, деревня Ковелевской губ., II, 755, 763, 804.
- Яновскій** Теодосій, архіеписк. Новгородскій, I, 296, 800, 308.
- Яновъ**, городъ Съдлецкой губ., I, 592, 595, 601, 603, 634, 640, 641, 644, II, 12, 110, 111, 146, 147, 160, 170, 172, 196, 198, 205, 210, 214, 891.
- Яновъ**, мѣстечко Яновскаго уѣзда (нынѣ Константин.), Съдлецкой губ., II, 34, 643.
- Янъ**, его метода церковн. обученія, I, 507—510.
- Янъ**, князь Мазовецкій, II, 403—404.
- Янька**, дочь Всеволода Ярославовича, I, 270.
- Ярополкъ**, князь Киевскій, сынъ Святослава, I, 6, 9, II, 318, 320.
- Ярославль**, польское мѣстечко, I, 308.

Ярославъ Мудрый, князь Киевскій, I, 24, 197, 362, 441, II, 211, 313, 315, 327—329, 354, 361, 366—369, 371—373, 418, 461, III, 397—781.
Ясинскій Варлаамъ, Киевск. митрополитъ, I, 201, 255, 283, 286—287, 291, 460.
Ясногородка, село Киевской губ., I, 240—249.
Яссы, I, 413.
Ятвяги, II, 10, II, 360—363, 367, 370, 376—395.
Яхимовичъ Григорій, Галицкій митрополитъ, II, 174, 232, III, 318, 346.
Яцекъ (Иоакимъ), основатель перваго Доминиканскаго монаст. въ Киевѣ, I, 281.
Яцковка, деревня близъ Киева, I, 284.
Яцюки, село Киевской губернии, III, 458.

Е.

Еадлей, игумень, Киево-Петропавлов-

скаго монаст., I, 263; **иеродіаконъ**, I, 450.
Евлогность, митрополитъ, I, 61; **о его требникѣ**, I, 151, III, 324.
Евфодора, мать императора Михаила, I, 186.
Евфодоръ Студитъ и его антифоны, I, 174, 180, 183, 185—192, 207.
Евфодоръ, первый св. мученикъ на Руси, I, 11, 21.
Евфодосій Печерскій и его разрѣшительная молитва, I, 71, 75, 125, 362, 365, 369.
Евфразъ, патриархъ Иерусалимскій, I, 78, 79, 247.
Евфразъ, Нивейскій, I, 176, 180, 183—184, 185, 190, 193.
Евфразъ, игумень Киевскаго Петропавловск. монаст., I, 293.
Евфимактъ, настоятель Кирил.-Бѣлозерск. монаст., I, 337.
Евма, епископъ Перемышльскій, II, 62.

II.

Указатель предметовъ.

Адресъ на имя государя императора Александра II-го отъ подьяскаго духовенства и народа, II, 69.
 „ **на имя намѣстника Царства Польскаго**, II, 26, 38—40, 88, 96—97, 177—179, 238—240.
 „ **благочиній Холмской епархіи**, II, 164—166, 168—169.
 „ **духовенства подьяскаго еписк. Тарашкевичу**, II, 20, 170.
Академіи: Варшавская римско-католическая, I, 613—617, II, 239.
 „ **Виленская иезуитская**, III, 9, 26—27.
 „ **Киевская православная и ея воспитанники**, I, 264, 286, 291—293, 299, 306, 311, 342—343, 398, 409, 424, 444, 450, 458—459, 461, 515, 613, 647, II, 90, 117, 140, 216, 235—236, 277, 278, III, 7—8, 201, 400.
 „ **Краковская польско-католическ.**, I, 592, III, 7, 9—10, 25—27, 52, 171.
 „ **Львовская униатская**, II, 174, 239.
 „ **Московская православная и ея**

воспитанники, I, 613, 647, II, 90, 235—236, 541, 558—559.
Актъ союза Межигорск. и Запорожск., I, 252.
Андреевская вода, народныя повѣрья о ней, I, 275—276.
Андрусовскій договоръ, I, 251.
Апокрифическія книги, II, 364—367, 369—370.
Архивы въ Киевѣ, I, 486; **консисторскій архивъ**, I, 484—487.

В.

Василіане, I, 160, 505—507, 623, 630, II, 15, 20.
Вакаляръ, „директоръ“, „дьякъ“ (или дьячекъ), I, 398, 405, 515—516, 646, III, 397.
Ватьковщина, I, 470—473, 499.
Библиотека графовъ Залускихъ, III, 121.
Благочинія: въ Холмской епархіи, II, 94.
 „ **Сѣдлецкой губ.**, II, 96.
 „ **Вѣльское, Сѣдлецкой губ.**, II, 38, 241—242.

Благочинія: въ Остзейскомъ краѣ,
II, 634.

- » Верроское, II, 676.
- » Вишницкое, II, 264, 242—243.
- » Влодавское, II, 244.
- » Вольмарское, II, 634, 678.
- » Городельское, II, 168.
- » Дерптское, II, 545, 634, 677.
- » Дубенское, II, 168.
- » Зельбургское, II, 678, 750, 756.
- » Керетембекское, II, 635, 677.
- » Коденское, II, 164.
- » Константиновское (Лосицкое), II, 97, 164.
- » Красноставское, II, 241.
- » Лосицкое, II, 242.
- » Межирѣцкое, II, 248.
- » Митавское, II, 676.
- » Перновское, II, 678.
- » Рижское уездное, II, 678, 750.
- » Рижское городское, II, 678.
- » Соколовское, Съѣдцкой губ., II, 41, 51, 54, 243.
- » Томашевское, II, 241.
- » Феллинское, II, 677, 734.
- » Холмское, II, 164.
- » Яновское, II, 243.
- » Эзельское, II, 676.
- » Эстляндское, 676.

Вогодласникъ, собраніе народныхъ религиозныхъ пѣсень на Подлясьѣ, I, 20.

Вогослуженіе, I, 166—171, 92, 99—101.

Вогослужебныя книги, I, 23, 45, 49—50.

Вогослуженіе и богослужебныя книги въ Остзейскомъ краѣ, II, 448—450, 713—718.

Вогослуженіе униатское и его исторія, I, 620—632.

Вогослуженіе въ униатской церкви въ Подлясьи, I, 601—611.

Браки православныхъ, I, 59, 140.

Браки смѣшанные, II, 150—151, 206—207.

Браки смѣшанные въ Прибалтійскомъ краѣ, II, 505—508.

Братерство, братчики, I, 401—402, 407, 538, 605, II, 128.

Братства: Виленское Св. Духа, I, 77—78, III, 325.

» Лудское, I, 37.

» Острожское, III, 325.

» Рижское Петропавловское, II, 529, 567—568.

» Христа Спасителя въ Якобштадтѣ, II, 735, 764, 766.

Бунтъ на Воляни, III, 97.

В.

Вдова сельскаго священника, I, 568—588.

Владиміръ—поэма, I, 28.

Воеводства, Брацлавское и Киевское, I, 229.

Воеводство Подляское, II, 363.

Волеженія униатовъ на Подлясьѣ, II, 24—27, 29—55.

Волости, чешскія на Воляни, II, 879—881, 944, 917—918, 981.

Вызовъ изъ Россіи учителей русскаго языка въ школы Царства Польскаго, III, 225—229.

Г.

Генераль-губернаторство Рижское, II, 539—540.

Гербъ Польши, II, 122.

Гернгуттерство въ Эстляндіи, II, 697.

Географія и постановка ея въ церковно-приходскихъ школахъ, III, 591—595.

Гимназіи и прогимназіи: Царства Польскаго, I, 647, II, 214, 229.

Бѣльская, II, 33.

Варшавская 1-я, III, 295.

Реальная Варшавская, III, 295.

Варшавская 2-я, III, 228, 295.

Витебская, III, 227.

Бѣлецкая, III, 295.

Люблинская, III, 289, 295.

Петроковская, III, 292.

Плоцкая, III, 268, 294, 295, 296.

Сейненская (Сувацкая), III, 289.

Сѣдлецкая, II, 32, 229.

Щебрешинская, III, 215, 252, 289, 294, 295, 296.

Гражданское Уложеніе остзейскихъ губерній, II, 444—445.

Грамота (молдавская) на священный санъ, I, 414.

Грамоты униат. мнтр. Володѣвича и еписк. Млонскаго, II, 302.

Громада, I, 399, 408—421, 436, 473, 498, 503—504, 515, 517, 521, 538, II, 124—128.

Губерніи:

Августовская, III, 223, 261.

Варшавская, III, 269.

Витебская, II, 751, 791.

Волянская, II, 954, III, 228.

Кіевская, III, 397, 410, 425, 427, 432—471.

Ковенская, II, 751, 760, 786—787.

Курляндская, II, 751, 793.
 Курская, II, 42.
 Лифляндская, II, 751.
 Люблинская, II, 39, 43, III, 223, 252,
 261, 337, 338, 392.
 Минская, I, 603.
 Петроковская губернія, III, 292.
 Плоцкая губернія, III, 268.
 Подлясская губернія, III, 261.
 Радомская губернія, III, 269.
 Сѣдлецкая, II, 5, 43, III, 223, 321,
 337, 338, 344, 377, 382, 392.
 Таврическая, I, 265.
 Херсонская, II, 843.
 Эстляндская, II, 757.
 Гусомство на Волгнн и характеръ
 его отношенія къ православію, II,
 814, 818—829, 847—875, 890—
 901.

Д.

Деятисотлѣтіе крещенія Руси, I,
 27—30, I, 31—32.
 Деlegates, I, 442—443, 446, 475.
 Деревня крѣпостная въ отношеніи
 къ школьному воспитанію, I, 488
 —497.
 Дидактика, ея основы и курсъ въ
 церковно-приходской школѣ, III,
 570—595.
 Дикастерія, I, 440, 444.
 Доминикане, I, 280—282, I, 282—
 285, I, 285—286.
 Домострой, I, 374.
 Духовенство подляское греко-уни-
 атское, его исторія (состояніе его
 и обращеніе въ латинство), I, 607
 —608, 620—632, 650, II, 12—16,
 21—28, 35—40, 48—55, 87, 107,
 135—139, 140—143, 148—174, 206.
 „ Польско-католическое, I, 626, 640,
 II, 69, 87, 107, 140—144, 159.
 „ (Холмское) кафедральное (штатъ),
 II, 94, 170.
 „ Киевской епархіи и оцѣнка его
 дѣятельности въ отношеніи къ
 школьному образованію, III, 404—
 412, 432—470.
 „ Холмское, I, 625, II, 23.
 „ Православное въ Остзейскомъ краѣ,
 II, 527—528, II, 541—598.
 „ Южно-русское сельское (въ XVIII
 в.), I, 391—395, I, 395—408, I,
 408—439.
 Духовная литература Монгольскаго
 періода и ея строго-опредѣлен-
 ный характеръ, I, 363—377.
 Дьякъ (дьячекъ) см. Бакаляръ.

Е.

Епархіи южно-русской церкви въ
 XVIII в. I, 440—444, 461—464.
 „ Августовская, II, 159.
 „ Варшавская, II, 202, III, 220, 261.
 „ Владимірска-брестская, II, 297,
 312.
 „ Галицкая, III, 370.
 „ Еватеринославская, I, 430.
 „ Люблинская, II, 159, 202.
 „ Новгородская, I, 414.
 „ Перемишльская, III, 372, 376.
 „ Плоцкая, III, 268.
 „ Подлясская, II, 159, 202.
 „ Полоцкая униатская, II, 755—756.
 „ Псковская, II, 541—542.
 „ Рижская, II, 492—504, 541, 546,
 713, 719, 756—757.
 „ Сейненская, II, 202.
 „ Холмская, I, 594, 631—632, 646—
 649, II, 5, 37—64, 72—312, 712—
 719, III, 261, 320—395.
 „ Киевское епархіальн. управленіе,
 I, 92—97, 311—320, 428—439, 452,
 464, 466, 478, 487, 589, III, 401,
 409, 425, 428—430, 432—469.
 „ Московское епархіальн. управл.,
 I, 445.
 „ Переяславское епархіал. ; управл.
 I, 439, 444, 460, 464, 487.
 „ Черниговское епарх. управл., I,
 312, 444, 460, 464.
 Епископы греческіе въ южно-рус-
 ской церкви, I, 39.

Ж.

Жемское образованіе въ Польшѣ, III,
 89—92.
 Журналы: Ateneum, Варшавск. жур-
 наль, II, 305.
 „ Варшавскій Дневникъ, II, 90, 120,
 270.
 „ Воскресное Чтеніе, III, 409.
 „ Вѣстникъ Европы, I, 396.
 „ Голось, газета, I, 496, II, 828.
 „ Киевскія епархіальныя вѣдомо-
 сти, III, 460.
 „ Киевская Старина, III, 12.
 „ Отечественныя Записки, III, 439.
 „ Петербургскія Вѣдомости, III, 432
 —443.
 „ Rokrok, чешская газета, II, 813—
 814.
 „ Рижскій епархіальный листокъ,
 II, 719.
 „ „Руская Правда“, изд. въ Вар-
 шавѣ, III, 208.

- » Свѣтъ, газета, изд. въ Ужгородѣ, II, 93.
- » Слово, львовская газета, II, 91, 173, 176, 257.
- » Странникъ, журналъ, II, 516, 519.
- » Сѣверная почта, газета, III, 314.
- » Холмско-Варшавскій епархіальный вѣстникъ, II, 156.
- » Христіанское Чтеніе (журналъ), III, 409.
- » Училище Благочестія, журн. при Рижской семинаріи, II, 512—515, 561, 719.
- » Чась (Czas), краковская газета, II, 167—168, 180.

3.

- Заботы о просвѣщеніи взрослыхъ въ Остзейскомъ краѣ**, II, 456—457, 512—516.
- Забужная Русь**, II, 304—311, 312—363, 404.
- Законъ Божій**, его постановка и значеніе въ церковно-приходскихъ школахъ, III, 577—584.
- Записки священниковъ въ поманникъ Яблочин. монаст.**, II, 284—285, 292—293.
- Земское строеніе при Владимирѣ**, I, 22, 23—24.

И.

- Изданія для народа и школы народныхъ о крещеніи Руси**, III, 651—690.
- Изданія на эстскомъ и латышскомъ языкахъ**, II, 543.
- Иконы: Божіей Матери, именуемая Лѣвненскою**, II, 405—407.
- » Почаевская, Божіей Матери, III, 769—770.
- » Холмской Богоматери, II, 104.
- » Георгія Побѣдоносца и Преображенія Господня, II, 788—790.
- Имена святыхъ въ Требникѣ Петра Могилы**, I, 126, 133.
- Имущество церковное и лица завѣдывающ. имъ**, I, 399—402.
- Ивеститура въ южно-русской церкви**, I, 36, 49, 592, II, 125.
- Инородческія школы русскія и нѣмецкія въ Царствѣ Польскомъ**, III, 215—219, 296—308.
- Институты: Варшавскій благородн.**, III, 309, 310.
- » Ловичскій педагогическій, III, 301.
- » Пулавскій для дѣвицъ, III, 311.

Институтъ дьяковъ (Холмскій), I, 647—648, II, 263.

Инструкція: О совращеніяхъ и отпаденіяхъ отъ православія, II, 509—510.

- » Объ освобожденіи православныхъ латышей и эстовъ отъ повинностей пасторамъ, II, 446.
- » Совѣта управленія Царства Польскаго о построеніи и исправленіи церквей, II, 131—132.
- » Административныя, къ прекращенію волненій на Подлясьѣ, II, 55—62.

Историческое положеніе Подлясья, или Подляхін, I, 590—592.

Исторія церковная въ церковно-приходскихъ школахъ и преподаваніе ея, III, 587—589.

Исторія русской духовной литературы, какъ самостоятельный предметъ, I, 344—346, 351—363, 346—351.

I.

Иезуиты и ихъ пародія, направленная противъ разрѣшительной молитвы, I, 47.

К.

Календарь Римскій и борьба съ нимъ православныхъ, I, 218.

Калишскій кадетскій корпусъ и постановка русскаго языка въ немъ, III, 203.

Камень Вѣры, сочин. Ст. Яворскаго, I, 303—305, 311.

Канонизація І. Кунцевича, патрона Литвы и Польши, II, 112—114, 120—123.

Канцелярія консисторіи (Кіевской); ея составъ, содержаніе и жизнь чиновниковъ въ консисторіи, I, 449—458.

Капитулы: при Кіевскомъ митрополитѣ, I, 443—444.

- » Доминиканскій въ Кіевѣ, I, 280—283.
- » Исторія церковныхъ капитуловъ и положенія капитульнаго кодекса, II, 67—69.
- » Церковный Холмскій и его исторія, II, 72—97.

Катехизація (или конфирмація) въ Прибалтійскомъ краѣ. Развѣтیه этого обычая, законы о конфирмаціяхъ, оцѣнка конфирмацій въ

ихъ существѣ и мѣры противъ нихъ, 672—692.

Каседры: архіерейское или каседральное правленіе въ Малороссіи, I, 440.

„ Львовская митрополічья, II, 176, III, 346, 376.

„ Холмская, III, 346, 362, 372.

„ епископская въ г. Яновѣ, I, 592, 625, 650, II, 12, 20—21, 141, 197—199, 205.

Книга для чтенія въ начальныхъ народныхъ школахъ, III, 494—521.

Книга о единой, истинной вѣрѣ и Церкви, сочин. острожскаго пресвитера Василія, I, 145.

Ключникъ, I, 401—402.

Коллегія: иностранная, I, 258, 313—314.

„ Виленская евангеличesk., II, 914.

Коллаторство помѣщиковъ, I, 498, II, 124—131.

Комиссія народнаго просвѣщенія, въ Царствѣ Польскомъ, II, 216, 248, 250, 257—259, 261.

Комитеты: Экзаменаціонный въ Варшавѣ, II, 223, III, 226—228, 266, 273—274, 276—280, 291, 303.

„ Организаціонный, III, 224.

„ Остзейскій, II, 470—471, 716—718.

„ Учредительный по дѣламъ Царства Польскаго, II, 94, 196, 247—248, 255, 259—261, 263—265, 272—274, 280.

Конвенты: доминиканскіе въ Кіевѣ (въ честь Пресв. Богородицы, въ честь св. Николая), I, 281—283.

Консисторія: Варшавская евангеличeskая, II, 917.

„ Варшавская реформатская, II, 917.

„ Кіевская, I, 292, 294, 300—309, 319, 323, 330, 334, 441, 512, III, 410, 429, 435.

„ Лифляндская, II, 521, 586.

„ Лютеранская, II, 424, III, 782.

„ Переяславская, I, 487.

„ Псковская, II, 424, III, 782.

„ Рижская, II, 439—440, 567, 653, 667, 668, 671—675, 679, 711—712, 719, 731—735, 755—696.

„ Холмская, I, 603, II, 38, 40, 43, 48, 51—54, 59, 94—95, III, 299—300, 322, 334—340, 352, 358, 383.

Косцельныя приказанья, пять первоныхъ заповѣдей католическаго молитвенника, I, 597, 639.

Крещеніе Руси, I, 15—16, 18—19.

Крѣпости русскія, II, 418.

Бсендаы въ Зельбургскомъ округѣ. Ихъ приходы и костелы; содер-

жаніе и дѣятельность въ этомъ краѣ, II, 774—794.

Л.

Лавры: Александро-Невская, I, 25.

„ Кіево-Печерская, I, 25, 42, 91—92, 96, 97, 104—105, 129, 156, 158, 162, 249, 257, 259, 264, 278, 311—313, 317—320, 357, 421, 434, 459, 460—461, 486, 535, 589, 601, III, 326.

„ Почаевская, II, 215, 832, 854, 902, III, 767—770.

„ Троицко-Сергіева, I, 302.

Латинство въ Остзейскомъ краѣ, II, 427—428.

Лвоссъ albo kamień, сочин. Петра Могилы (или Евсевія Пимена), I, 102—104, 227—228, 230, 236, 237, 238—240.

Лѣтописецъ о крещеніи кіевлянъ, I, 3.

Лѣтописецъ Бѣльской униатск. церкви, II, 287—303.

Лютеранство въ Остзейскомъ краѣ и его положеніе, II, 461—487, 506—512.

Лютеръ (памятникъ, юбилей его), II, 701—705.

М.

Магистратъ Варшавскій, III, 228.

Магистратъ Лудцкій, III, 228.

Меморіалъ Лифляндской консисторіи, II, 521—522.

Меморіалъ, поданный намѣстнику Царства Польскаго представителями духовенства всѣхъ епархій, II, 69—70, 87.

Метрики, I, 59, 510, II, 77, 214.

Молитва на исходѣ души, I, 138, 140—141.

Молотокъ на камень вѣры, I, 303, 304, 334—335.

Монастыри, скиты и пустыни: Базиліанскій Почаевскій монаст., I, 504—505, 525, II, 15.

„ **Орденъ базиліанскій** въ Холмской епархіи, II, 98—123.

„ **Базиліанскій униатскій** въ г. Бѣлой, Стѣдлецкаго уѣзда, I, 601—603, II, 29, 102, 106—110, 115, 126—297.

„ **Брестскій православный**, II, 301.

„ **Бѣльскій по-реформатскій** (Стѣдлецкаго губ.), I, 603.

„ **Варшавскій**, II, 102, 105, 115, 117.

„ **Замойскій**, II, 102, 105, 115.

- Монастыри:** Бизюковский Тверской, I, 340.
- „ Богословский женский въ Киевѣ, I, 457.
- „ Богоявленский въ Киевѣ, I, 294.
- „ Братский въ Киевѣ, I, 265, 286, 313, 314, 445, 561, 479, 480.
- „ Воскресенский (на Истрѣ), Новгородск. епархія, I, 389.
- „ Выдубицкий въ Киевѣ, I, 298, 313—314, 443, 445, 456, 476, 486.
- „ Гамалѣевскій Харлампіевъ, I, 298, 463.
- „ Глуховскій, I, 453.
- „ Греческій въ Киевѣ, I, 294—295.
- „ Густинскій, I, 246, 456.
- „ Дерманскій, I, 201.
- „ Доминиканскій въ Киевѣ, I, 262.
- „ Илукскій (въ Курляндск. губ.), II, 750, 757, 759, 796—801.
- „ Казанскій, Свяжскій, I, 325.
- „ Каменный Вологодскій, I, 325—326.
- „ Кирилловскій въ Киевѣ, I, 268, 276, 292, 294, 313, 445, 479.
- „ Кирилловъ Бѣлозерскій, I, 333, 337.
- „ Корельскій, I, 300.
- „ Пустынь Крестовоздвиженск. Дубовская, II, 974.
- „ Брестный, I, 325.
- „ Ладанскій женск. (Кіевск. епарх.), I, 478.
- „ Люблинскій Василіанскій, II, 82, 102, 115.
- „ Межигорскій Кіевскій, I, 241—255, 265, 266, 294, 490, 459—460, 486.
- „ Михайловскій въ Киевѣ, I, 313—314, 443, 445, 453, 479.
- „ Моровскій святъ, I, 471.
- „ Невскій, I, 306, 385.
- „ Никольскій Кіевск., I, 286, 309, 313—314, 443, 445, 468.
- „ Нилова пустынь, I, 304.
- „ Петропавловскій Кіевскій, I, 286—292, 295, 314, 445.
- „ Полтавскій Петропавловскій, I, 293, 453.
- „ Понаулинскій въ деревнѣ Лесно, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 12, 119.
- „ Предтеченскій въ г. Крейцбургѣ, Курляндской губ., II, 753.
- „ Псково-Печерскій, II, 422—424.
- „ Радошницкій, III, 376.
- „ Ранфская пустынь, I, 335.
- „ Самарскій, I, 251, 255, 259.
- „ Спайская гора, I, 294.
- „ Соловецкій, I, 339.

- Монастыри:** Сорочинскій, I, 810.
- „ Спасскій Дрогичинскій (въ мѣст. Дрогичинѣ, Сокол. уѣзда, Сѣдлецкой губ.), II, 300.
- „ Студийскій, I, 362.
- „ Супрасльскій греко-униатскій въ Вѣлостожѣ, II, 106.
- „ Терехтемировск., I, 245, 250—251.
- „ Трехсвятительскій въ Киевѣ, I, 294.
- „ Троицкая Астраханская пустынь, I, 302.
- „ Тяжвинскій Новгородскій, I, 306, 342.
- „ Флоровскій въ Киевѣ, I, 314, 486.
- „ Холмскій, II, 98—116.
- „ Яблочинскій Онуфріевскій православный, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., I, 637, II, 217—221, 263, 282, 287, 299—301, III, 198, 220.
- „ Якобштадтскій, II, 425, 752, 799.
- „ Яновскій доминиканскій, I, 595.
- „ Янчинъ въ Киевѣ, I, 270.
- Методика обученія русской грамотѣ въ церковно-приходскихъ школахъ и ея постановка,** III, 589—591.
- Монстранція,** I, 596, 600, 609.
- Мощи:** св. книги Ольги (ихъ перенесеніе въ Десятинную церковь), I, 21.
- „ св. князя Владиміра (обрѣтеніе и раздѣленіе ихъ), I, 25.
- Музей,** Московскій Румянцевскій, II, 123.
- Мученическая смерть** Феодора и Іоанна при Владимірѣ, I, 10—11.
- Мѣстечки и деревни** Подлясья, какъ печальныя слѣды русской національности и православія, I, 643—646, II, 145—148, 306.
- Мѣстности** униатскаго Подлясья въ помяннѣхъ Яблочинскаго монастыря, II, 283—286, 292—293.
- Мѣстность** Кіевской Духовной Семинаріи, I, 279—286, 295.
- Н.**
- Некрологъ** пресв. Филарета Рижскаго, II, 694, 708—710.
- Нововведенія** римскія въ обрядахъ и богослужебныхъ книгахъ; условія, имъ способствовавшія, I, 46—50.
- Нотарій** (или инстигаторъ) консисторскихъ судовъ, I, 447, 475.
- „ вице-нотарій (или митрополитій), I, 447.

О.

- Ободрѣніе Рижской епархіи, II, 492—504.
- Образованіе народное въ Холмскомъ краѣ, II, 209—280.
- Обрядность церковная въ Холмскомъ краѣ и исторія вопроса о ней, III, 317—385.
- Обряды, I, 33, 34—35, 37, 42—44, 45, 51, 52, 54—56, 66, 67—86, 69, 87—105, 213—221.
- » Восточной Церкви въ ихъ отличіи отъ обрядовъ западной церкви, I, 627—681.
- Общества: Петербургское славянское благотворительное, III, 652, 684.
- » Св. Владислава въ Пештѣ, II, 913.
- » Для изданія учебниковъ, III, 24.
- » Варшавское любителей наукъ, III, 215.
- Община православн. въ Лѣснѣ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., II, 405—409.
- » Фелиціановъ, учрежденная граф. Замойской, II, 22, 179, 214, 232, III, 343.
- Обученіе грамотѣ въ деревнѣ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, I, 554—567.
- Окраины Россіи, сочин. Ю. О. Самарина, II, 565—566, 569.
- Округъ Зельбургскій и состояніе православія въ немъ, II, 750—804.
- Округи чешскіе на Волыни: Глинскій, Мирогощенскій и Бударажскій, II, 817.
- Округи учебные: Бѣлорусскій, III, 211.
- » Варшавскій, III, 266, 265, 286, 386—387, 393—396.
- » Великопольскій, III, 22.
- » Виленскій, III, 204.
- » Волынскій, III, 22, 98, 99, 101.
- » Кременецкій, III, 204, 211.
- » Литовскій, III, 22.
- » Мазовецкій, III, 22.
- » Малопольскій, III, 22, 98, 99.
- » Пиарскій, III, 22, 99.
- » Полѣскій, III, 22.
- » Русскій, III, 22.
- » Украинскій, III, 22, 99, 160.
- Окружное посланіе отъ сѣзда подляскаго духовенства къ латинскопольскому и униатскому духовенству, I, 651.
- » отъ Холмской консисторіи къ униатск. духовенству, II, 40—43, 51—53, 59—60, III, 334—340.
- » Рижской паствѣ, II, 516—519.
- » епископа Веніамина Шпманскаго

- къ духовенству обилія обрядовъ, II, 21, 162—164, 204.
- » къ духовенству подлясскому отъ епископа Шумборскаго, II, 83, 230, Октоихъ, I, 171, 180—192, 202, 209, 212.
- Органическій уставъ, издан. импер. Николаемъ I Павловичемъ, II, 217.
- Орденъ иезуитскій и его: уничтожен., III, 18.
- Орденъ меченосцевъ, III, 272.
- Освященіе пасхи, I, 42.
- Отпаденіе отъ православія въ Остзейскомъ краѣ, II, 463—470.

П.

- Палаты: Уголовная Волинская, III, 228.
- » Эдукаціонная, III, 200.
- » Кіевская Государственныхъ имуществъ, III, 411—412.
- Палея, I, 360, 264.
- Палимпсестъ римскій, I, 196.
- Палинодія, сочин. Зах. Коныста, I, 220.
- Пансіонъ русскій 3-классный въ Варшавѣ, III, 301—308.
- Панъ, панни, I, 491, 497, 516, 533, 593.
- Парафія, или парохія, I, 396, 406, 413, 416, 419, 428—439, II, 182—134.
- Параклитикъ, I, 176; см. Октоихъ.
- Пассія (ихъ учрежденіе), I, 98.
- Паства униатская и ея характеръ, I, 633—643.
- Пасторы и содержаніе ихъ, II, 527—528.
- Патронатство польскихъ помѣщик. надъ греко-униатскими приходами, I, 36, 593, II, 125—139.
- Петиція польско-католическихъ епископ. намѣстнику Царства Польскаго, II, 482.
- Петиція на Высочайшее имя отъ Остзейскаго дворянства, II, 433, 472, 491—492, 511.
- Пиаристы, III, 8, 14, 23, 39.
- Побратимство, I, 127.
- Повстаніе польское въ 1863 году, II, 170—173, 181.
- Покута (эпитимія), I, 472.
- Положеніе о парафіалъныхъ школахъ, III, 79.
- Положеніе о начальныхъ училищахъ для греко-униатовъ, II, 234, 257.
- Полоно-латинизмъ, его задача по отношенію къ подляскимъ униатамъ и успѣхи его, II, 7—11, 16—28, 66—207, 209—280, 294.

- Полиція въ отношеніи къ уни, II, 186—188.
- Польскій языкъ въ духовныхъ православныхъ семинар. и въ Киевск. академ., II, 216.
- „ языкъ въ учебныхъ заведеніяхъ Сѣверо-и Юго-Западна. края, III, 257.
- Почетительство Гансальское, II, 668.
- „ главное въ г. Ригѣ, II, 503.
- Помѣщаніи въ Зельбургскомъ округѣ и ихъ отношеніе къ церкви и духовенству, II, 772—774.
- Помѣстныя Яблочинскаго Онуфриевского монаст. (Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ.), II, 282—287.
- Пособія и руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, III, 725—776.
- Пособія для начальныхъ народныхъ школъ и разборъ этихъ пособій, III, 691—724.
- Походная контора (при митропол.), I, 463.
- Почта конюшторская, I, 483—484.
- Права и привилегіи чеховъ на Волыни, II, 831—847, 882—886, 942, —949.
- Права и привилегіи Остзейск. края, II, 410—418, 432—435, 446—448, 480—434, 511.
- Правила г. министра народнаго просвѣщенія для православн. школъ въ Прибалтійскомъ краѣ, II, 624—638, 644—648.
- Правительственная коммисія народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, II, 201, 204, 217, 274—275.
- Правленія духовныя: Уманское, III, 410.
- „ Васильковское, III, 410.
- „ Липовецкое, III, 410.
- Православіе въ Остзейскомъ краѣ и его историческое положеніе, II, 418—430, 435—459, 483—504; 509, 512—588; 541—750.
- Православіе и русскій языкъ въ Прибалтійскомъ краѣ, мѣры къ развитію и утвержденію ихъ въ этомъ краѣ, II, 435—442, 505—522, 524—532, 622.
- Православіе у чеховъ на Волыни и ихъ отношеніе къ нему, II, 955—975, 981.
- Праздники униатск., I, 609—611, 637.
- Праздникъ храмовой въ деревнѣ, I, 517—519.
- Приказъ Ямской, I, 483—484.
- Присяга униатовъ-священник., I, 410.
- Приходы церковныя въ Остзейскомъ краѣ: въ Эстляндіи до 1883 года, II, 700, 713.
- Приходы Рижской епархіи, II, 713.
- „ Вознесенскій (латышскій), II, 678, 637.
- „ Илукскій (Лифляндск. губ.), II, 750, 779, 795.
- „ Икскюльскій (Рижскаго благочинія), II, 678.
- „ Копыловскій, II, 750, 762.
- „ Лауенскій (Лифляндской губ.), II, 779.
- „ Леальскій, 732.
- „ Оберъ-Паленскій въ Прибалтійск. краѣ, 677.
- „ Оппекальскій (въ Прибалтійскомъ краѣ), II, 676.
- „ Паденормскій (въ Эстляндіи), II, 706.
- „ Пинавольдскій Эзельскаго благочинія (въ Прибалтійскомъ краѣ), II, 676.
- „ Скруделинскій, II, 750, 755, 762, 795.
- „ Солонайскій, II, 750, 761, 795.
- „ Талькофскій, II, 731.
- „ Туагскій (въ Прибалтійск. краѣ), II, 677.
- „ Фабиановскій, II, 750, 779, 795.
- „ Хрщевскій, II, 750, 762.
- „ Эллерскій (Лифляндской губ.), II, 779.
- Приходы церковныя въ Подляси:
- „ Бѣльскій, II, 295,
- „ Коссовскій, II, 6.
- „ Мордскій, II, 6.
- „ Русско-Вольскій, II, 6.
- „ Савицкій, II, 6, 18.
- „ Сворскій, II, 36.
- „ Чекановскій, II, 6, 18.
- Причтъ церковный, I, 396—599; 404—408.
- Причетническіе классы при Рижской семинаріи, II, 606—609.
- Приобщеніе агаскою, I, 43.
- Программы и инструкціи преподавателямъ русскаго языка и другихъ связанныхъ съ нимъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго, III, 281—290.
- Программы, проекты и инструкціи директорамъ и преподавателямъ въ польскихъ школахъ, III, 18—21, 34—49, 57—75, 80—89.
- Программа польская (противъ окружнаго посланія Холмск. консисторіи), II, 51—53.
- Проповѣди русскія въ Подлясѣ и дѣло о нихъ, II, 34—40.

- Протестъ благочиній Холмской епархіи противъ окружнаго посланія епископа Шиманскаго, II, 164—166.**
- Покowo - Печерскій монастырь, его историческое значеніе и современное состояніе, III, 777—784.**
- Пѣніе церковное въ русскихъ народныхъ школахъ и методъ обученія ему, III, 539—550.**
- Пѣсьнъ нищихъ старцевъ въ честь І. Кунцевича, патрона униі, II, 108—109.**
- Пясты (или Пиасты), польская королевская династія, II, 314, 319, 321, 333.**

P.

- Расколъ въ Олонечной губерніи, III, 401.**
- Ревизія Рижской семинаріи преосв. Іоанномъ, II, 554—564, 726.**
- Революція польская, I, 522—526.**
- Регламентъ Духовный, I, 297—299, 305, 432, 434—436, 462, 464—466.**
- Регулятивны Пруссіе, III, 486, 720.**
- Религиозное состояніе чеховъ на Волыни въ настоящее время, II, 886—901, 936.**
- Реформа учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ, III, 13—89.**
- Ревизъ (или старшій канцеляристъ), I, 455.**
- Ревистры расходовъ Ладинск. монаст. и Кіево-Под. протопоп. правленія, I, 478—480.**
- Россиада, поэма, I, 28.**
- Русскій языкъ въ дѣлопроизводствѣ Прибалтійскаго края, II, 530, 533—534.**
- Русскій языкъ въ Привислянскомъ краѣ въ русскихъ школахъ, перемѣны въ его положеніи, III, 196—252, 283—287, 290—296, 311—319.**
- Русскій языкъ въ начальныхъ народныхъ школахъ, III, 480—499, 523.**

S.

- Священникъ стараго и новаго типа, I, 531—535, 539—553.**
- Священникъ униатскій, воспитаніе и образованіе его, I, 611—620.**
- Священники южно-русской церкви, I, 408—418, I, 499.**
- Сеймъ 1764 года, II, 212.**
- Сеймъ гродненскій, III, 33.**
- Секретарь консист., I, 447—449, 512.**

- Семинаріи: Варшавская римско-католическая и греко-униатск. главная семинарія при Варшавскомъ университетѣ, II, 216, 237.**
- „ Кіевская духовная, I, 279, 283, 295, II, 265, III, 407.**
- „ Минская, III, 203, 227.**
- „ Учительская (первая) въ Остзейскомъ краѣ, II, 453.**
- „ Пашленская учительская (въ Эстляндіи), II, 704.**
- „ Переяславская, I, 263, 398, 409, 424, III, 400.**
- „ Псковская духовная, II, 436, 542—543, 552.**
- „ Педагогическая въ г. Ригѣ, II, 648—652, 654.**
- „ Рижская духовная, II, 450—452, 546—564, 568—593, 709—711, 716, 718, 720—730.**
- „ Смоленская, II, 563.**
- „ Холмская, I, 613—617, 647, 648, II, 8—9, 116, 174, 212, 216, 218, 232, 235—237, 239, 251, 277—278, III, 219, 363, 382—383.**
- „ Черниговская, I, 263, 398, 409, 424.**
- „ Яновская, II, 170, 172, 198, 199, 205, 214.**
- Сенатъ, I, 271, 313, 432, 431.**
- Св. Синодъ, I, 27, 273—274, 294, 300, 301—306, 308—310, 315, 316, 318, 321, 323, 327, 328, 335, 337, 339, 342, 397, 405, 428, 431, 432, 444, 446, 448, 461—566, 473, 434, 487, 524, II, 81, 209—220, 436, 447, 449, 456, 458, 464—465, 467, 468, 476, 478, 512, 514, 533, 542—543, 546—550, 553—554, 562, 564—565, 568, 577, 581, 584—586, 599, 605—609, 621—623, 668, 712, 716, 722, 724—725, 730, 757, 797, 801, 860—861, 922, 936, III, 197, 217, 218, 220, 221, 401, 409, 552, 573, 605, 646.**
- Сказанія о разныхъ религиозныхъ предметахъ, распространенныя въ народѣ, I, 41.**
- Скакуны, секта въ Эстляндіи, II, 699.**
- Скиты, принадлежавшіе Кіево-Печерской Лаврѣ, I, 459.**
- Славянскій языкъ, взглядъ на него и постановка въ школахъ Царства Польскаго, III, 258, 260, 274—278, 285—286.**
- Славянскій языкъ въ русскихъ церковно-приходскихъ школахъ. Время обученія и правильный методъ, III, 529—538.**
- Слѣніе народностей въ Царствѣ Польскомъ и въ его учебныхъ заведе-**

- віахъ, II, 222—227, III, 256—270, 290—296.
- Служебники:** Московскій, III, 332, 336.
- „ Петра Могилы, I, 91—92, 97—98, 133.
- „ Почаевскій, I, 620.
- „ нослѣ Никона, I, 109.
- „ изъ Рима и Венеціи для славянскихъ странъ, I, 49.
- „ въ Россіи, отдѣл. отъ требника, I, 151.
- „ Уніатскій, II, 10.
- „ церковный въ Холмской епархіи, II, 79.
- Соборы церковные,** I, 79.
- „ Брестскій 1590 года, I, 69, 615, 621, 622, II, 7, 11, 148, 162, 211, 281.
- „ Замоискій, I, 159—160, 615, 622, 630, II, 7, 71, 105, 140—141, 143, 206, III, 327, 351.
- „ Киевскій при Петрѣ Могилѣ, I, 99—101.
- „ Петроковскій, I, 626, III, 330.
- „ Тридентскій, I, 615, 626, II, 38, 67, 96, 99, 684, III, 323.
- „ Флорентійскій, I, 361, 462, 615, II, 7.
- Совѣты:** Государственный, II, 471, 518, 527—528, 619, 622—623, 646.
- „ Управленія Царства Польскаго, II, 247, 249, 272, III, 224, 227.
- „ Педагогическій Варшавской губернской гимназіи, III, 228.
- „ Просвѣщенія въ Польшѣ, III, 266, 267, 371, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 280, 281, 291.
- „ Верховный училищный лютеранскихъ школъ, II, 618, 623, 629, 632.
- „ Училищный въ г. Ригѣ для православныхъ школъ, II, 622—625, 628—633, 646, 648—653, 656, 660, 663—671, 730—738, 763—765, 768, 695—696.
- „ Училищный при Святѣйшемъ Синодѣ, III, 475, 630—631.
- Ставропігія,** I, 247, 249, 255—257, 311—312, 459—461.
- Старосты въ чешскихъ поселкахъ на Волыни,** II, 817.
- Старці (ихъ служеніе при церкви),** I, 403—404, 407—408.
- Странничій,** I, 483.
- Т.**
- Таинства,** I, 45, 107—113, 127—130, 137.
- Типиконъ церковный,** I, 129, III, 541.

- Титарь (лѣтиторь),** I, 399—401, II, 124, 128.
- Требники,** I, 51, 53, 58, 62, 64, 66, 79, 547.
- „ Арсенія Желиборскаго, I, 80—81, 83—86.
- „ Виленскій, Братства Св. Духа. Достойнства этого требника, I, 77—78.
- „ Гедеоновъ, I, 69, 71—74, 76—77.
- „ Греческій, I, 136—137, III, 323—325, 330.
- „ Московскій, I, 546.
- „ К. К. Острожскаго; его цѣль, характеръ и достоинство, I, 77.
- „ Петра Могилы, I, 87, 105—126, 146, 150, 152, 154, 165, 546—547, II, 684, 951.
- „ Петроковскій, II, 684.
- „ Римскій, I, 138—145.
- „ Русскій, I, 143, III, 324, 325, 327, 329, 330, 336.
- „ Уніатскій, I, 160—161.

У.

- Университеты:** III, 202, 380—381, 387, 395—396.
- „ Бравковскій, II, 917.
- „ Московскій, III, 380—381.
- Унія,** I, 489, 543, 633—643, 646—652, II, 11, 12—20, 126, 135, 139—158, 282, 385.
- Уніаты подлисскіе,** II, 5—6, 16—20, 28—40, 148—158, 182—192, 194, 217—218.
- „ бѣлорусскіе, ихъ присоединеніе къ православнои Церкви, III, 256—257.
- Указы и манифесты Высочайшіе,** I, 255—257, 271—272, 286—287, 317—322, 328—329, 333, 404—407, 433, 463—464, 469, 471, II 94, 114, 132—134, 150, 194, 197, 205, 223, 244, 245, 255, 273, 274, 280, 432, 437—438, 441—442, 446—447, 451, 454, 463, 465, 470, 477, 515, 524, 536, 547, 614, 622, 831, 835, 840, 876, III, 196, 256—258, 266, 316, 385, 391, 400—402, 414, 428, 436, 447.
- Управленіе Хозяйственное при Св. Синодѣ,** II, 949, 950.
- Уставъ Высочайше утвержден. учебныхъ заведеній Царства Польск.,** III, 257.
- Учебники исторіи русской литературы,** III, 6.
- Учебное вѣдомство Варшавское,** III, 226, 227.

Учебники и пособия по русск. языку и другимъ связан. съ нимъ предметамъ въ школахъ Царства Польскаго, III, 22—26, 35—44, 49—50, 79—80, 203—212, 229—237, 239—256, 270—274, 278—281,
 „ по церковно-славянскому языку въ русскихъ начальныхъ школахъ, III, 596—631, 650.
Учебное вѣдомство и его отношенія въ школамъ Киевской епархіи, III, 446—469.
Учебныя заведенія въ Польшѣ. Ихъ составъ и характеръ организаціи, III, 35—45, 58—66, 82—89, 101—196.
Учебныя заведенія въ Привислянск. краѣ греко-уніатскія учебныя заведенія, I, 646, II, 29—34, 128, 235—237, 240—244, 267—277, III, 341—346, 377—481, 385—396.
 „ польско-католическія зав., I, 592, 626, II, 209—214, 228—229.
Учебныя пособия православл. школъ въ Остзейскомъ краѣ, II, 637, 643, 652, 770—772, 796.
Училища: Бѣльское (Сѣдлец. губ.), уѣздное, польское, II, 31, 218, III, 219, 277, 289.
 „ Борщаговское женское, III, 416.
 „ Васильвовское (Киевской губ.), III, 415.
 „ Варшавское духовное, III, 262.
 „ Венденское, II, 649.
 „ Вольмарское, II, 649.
 „ Грубешовское ободовое, II, 218, III, 219, 228, 277, 289.
 „ Екатеринбургское, III, 416.
 „ Илдукское женское для духовенства Рижской епархіи, II, 801—804.
 „ Калишское, III, 293.
 „ Казанское, III, 293.
 „ Кіево-Подольское духовное, I, 296.
 „ Крыловское, Киевскаго округа, III, 415.
 „ Лесковское, III, 415.
 „ Луцкое уѣздное, III, 228.
 „ Мартиниовское, III, 415.
 „ Новоселецкое, III, 415.
 „ Опольское уѣздное, Люблинской губерни., III, 204.
 „ Острожское графини Блудовой, II, 931.
 „ Пинчовское ободовое, III, 215, 293.
 „ Рожевское, III, 415.
 „ Рижское дьячковское, II, 605—609.

Училища: Рижское духовное, II, 571—580, 583, 721.
 „ Субботовское, III, 415—416.
 „ Сѣрадзское, III, 293.
 „ Сандомірское, III, 228.
 „ Трипольское, III, 415.
 „ Фастовское, III, 414—415, 416.
 „ Холмское женское, II, 274—276, III, 390, 394.
 „ Черняховское, III, 415.
 „ Шабельское, III, 415.
 „ Яблочинское, Бѣльск. уѣзда, Сѣдлецкой губерни., II, 214—221, III, 221.
 „ Якобштадтское церковно-приходское, женское, II, 733.
Уѣзды: Динабургскій, Рѣжидвій и Людинскій, II, 751.
 „ Владимиръ-Волинскій, Волинской губ., II, 846, 879, 903, 924.
 „ Дубенскій, Волинской губ., II, 805, 810, 825, 842, 846, 878, 903, 924, 937, 947, 968, 970, 974.
 „ Житомирскій, Волинской губерни., 846, 878, 881, 924, 937, 955, 957.
 „ Ковельскій, Волинской губерни., II, 975.
 „ Кременецкій, Волинской губерни., II, 974.
 „ Лулинскій, II, 842, 878, 903, 924, 934, 935, 957, 961, 965.
 „ Новгородъ-Волинскій, Волинской губ., II, 826, 878, 881, 924.
 „ Овручскій, Волинской губерни., II, 846, 878, 881, 924, 938, 975.
 „ Острожскій, Волинской губерни., II, 806, 846, 862, 878, 903, 924, 937, 974, 981.
 „ Ровенскій, Волинской губерни., II, 806, 810, 825, 837, 842, 924, 957, 959, 960.
 „ Васильковскій, Киевской губ., III, 430.
 „ Звенигородскій, Киевской губерни., III, 430.
 „ Каневскій, Киевской губ., III, 467.
 „ Радомысльскій, Киевской губ., 403—470.
 „ Илукскій (Лифляндской губ.), II, 750, 777—781.
 „ Перновскій (въ Лифляндіи), II, 483.
 „ Феллинскій (въ Лифлянд.), II, 483.
 „ Бѣльскій, Сѣдлецкой губерни., II, 5, 6, 43, 55, 58, 160, 283—284.
 „ Влодавскій, Сѣдлецкой губ., I, 645, II, 5, 284.
 „ Константиновскій, Сѣдлец. губ., II, 5, 6, 48.

- Уѣзды:** Радинскій, Сѣдлецкой губер., II, 5, 6, 43, 58, 284, III, 343, 358, 369.
 „ Соколовскій, Сѣдлецкой губ., I, 644, II, 5, 6, 18, 43, 284, III, 392.
 „ Сѣдлецкій, Сѣдлецкой губ., II, 5.
 „ Яновскій, Сѣдлецк. губ., II, 234.
 „ Медитовольскій, Таврическ. губ., II, 822.

Ф.

Фамилія частныхъ людей въ Помяннѣ въ Яблочинск. монаст., II, 286, 293.

Фелиціанки, см. Община фелиціанокъ.

Ц.

- Церковь приходская, I, 535—539.**
 „ Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ, I, 269—272, 278, 611.
 „ Армянская въ Кіевѣ, I, 286.
 „ Пресв. Богородицы въ Доминик. монастирѣ, въ Кіевѣ, I, 281.
 „ Борисоглѣбская, въ Межигорьѣ, I, 246, 283.
 „ Вѣльская уніатская, II, 25.
 „ Васильевская, (Кіево-Подольск.), I, 431.
 „ Воскресенская, (въ Кіевѣ), I, 284.
 „ Георгіевская, въ Дерптѣ (построенная Ярославомъ, II, 419.
 „ Десятинная, въ Кіевѣ, I, 20, 21, 25, 268, 270.
 „ Еваторининская, въ Кіевѣ, I, 294.
 „ Иорданская, въ Кіевѣ, I, 467.
 „ Михайловская, въ Псково-Печерскомъ монаст., III, 784.
 „ Набережно-Никольская Кіево-Подольская, I, 446.
 „ Св. Николая въ Межигорьѣ, I, 246.
 „ Никольская, въ Дерптѣ, построенная Ярославомъ, II, 419.
 „ Никольская, въ Якобштадтѣ, Курляндской губ., II, 752.
 „ Св. Пантелеймона (Кіево-Подольская, въ Межигорскомъ дворцѣ), I, 262.
 „ Петропавловская, въ Межигорьѣ, I, 246, 262.
 „ Петропавлов. въ Кіевѣ, I, 287, 602.
 „ Покрова Пресв. Богородицы Съчевой, I, 252.
 „ Покрова въ Якобштадтск. мон., Курляндской губ., II, 750.
 „ Покровская въ г. Васильевѣ, I, 426.

Церковь Покровская, въ Псково-Печерскомъ монаст., 783.

- „ Преображенія Господня, въ Межигорьѣ, I, 246.
 „ Притиско-Николаевск. Кіево-Подольская, I, 446.
 „ Св. Софій въ Кіевѣ, I, 25, 287, 264, 306, 310, 313—314, 447, 449, 451—453, 457, 479, 480, 484, 486, 521.
 „ Св. Троицы въ Мукободахъ, м. Подлясья, I, 643.
 „ Успенская, въ г. Мглинѣ, I, 428.
 „ Θεодосіевская Кіево-Печерской Лавры, I, 92, 459.

Церкви соборныя: Успенскій соборъ (въ Москвѣ), I, 300, (въ Кіевѣ), I, 283, 320.

„ Холмскій каедр. соборъ, II, 26.
Церкви уніатскія въ Подлясьи, I, 503—601, II, 131—132.

Церковно-приходская школа въ ея основахъ и нравильномъ ходѣ воспитанія, III, 551—570.

Церковное благоустройство въ Прибалтійскомъ краѣ и основанія для этого благоустройства, II, 442—459.

Церковная жизнь южно-русскаго населенія, I, 67—68, 78, 100.

Церковное просвѣщеніе на Руси: распространеніе его греческими и болгарскими епископами, I, 23...

Церковныя безпорядки, I, 34, 68.

Церковныя повинности въ пользу пасторовъ въ Остзейскомъ краѣ и дѣло о нихъ, II, 446—447, 470—478.

Циркуляръ князя В. А. Черкаскаго по дѣлу о соврашеніяхъ уніатовъ, II, 193—194, 201—202.

Циркуляръ намѣстн. Царства Польскаго о закрытіи римско-католическихъ монаст. въ Царствѣ Польскомъ, II, 41, 115—116, 202—205.

Циркуляръ министра государствен. имуществъ о школахъ Кіевской епархіи, III, 412—414.

Ч.

Чехи, принявшіе православіе, II, 961.

Чехи на Волынѣ. Происхожденіе и организація ихъ поселеній, II, 805—833, 878—981.

Чешскіе учительскіе курсы въ гор. Острогѣ и ходъ обученія въ нихъ, III, 474—479.

Чиновники конисторіи Кіевской, I, 447—450, 455—459.

- Чиновники гражданскіе въ Юго-Западномъ краѣ, I, 496.**
Чиноположеніе соединенныхъ изъ иновѣрныхъ въ правосл. кае. восточ. Церкви, I, 162—163.
Чинъ освящ. воды (краткій), I, 119.
 „ на освященіе креста, I, 142.
 „ погребенія мирскихъ священник. и его исторія, I, 84.
 „ разрѣшенія отъ клятвы и отлученія, I, 116—117, 142.
Чтеніе церковно-славянское въ церковно-приходскихъ школахъ, III, 584—586.
Чтеніе апостола и евангелія въ южно-русс. церквахъ, I, 513—514.

III.

- Школы въ Польшѣ: Академическія школы, III, 9.**
 „ Виенскія, III, 99, 100, 160—164.
 „ Житомирскія, III, 99, 100, 164—168.
 „ Каменецкія, III, 98, 100, 111—117.
 „ Кременецкія, III, 98, 100, 101—111.
 „ Лудскія, III, 98, 101, 117—136.
 „ Люблинскія, III, 94, 100.
 „ Ольцикія, III, 98, 101, 129, 136—141.
 „ Сандомирскія, III, 98, 100.
 „ Базиліанскія, III, 9, 48, 94, 95.
 „ Владимірскія, III, 99, 101, 141—150.
 „ Каневскія, III, 99, 100, 175—179.
 „ Любарскія, III, 99, 100, 168—171.
 „ Овручскія, III, 99, 101, 171—174.
 „ Острожскія, III, 99, 100, 129, 134, 150—154.
 „ Уманскія, III, 99, 101, 179—183.
 „ Шаргородскія, III, 99, 100, 155—157.
 „ Пiarскія, III, 8, 9, 18, 48.
 „ Межирѣцкія piарскія, III, 99, 100, 129, 134, 183—189, 418.
 „ Холмскія piарскія, III, 99, 100, 189—190.

- „ Іезуитскія, III, 9, 21.
 „ Краковскія, III, 98, 100.
 „ Нѣмецко-русская въ Варшавѣ, III, 262—264, 265.
 „ Орденскія, III, 9.
 „ Парафіальныя, III, 77—79.
 „ Протестантскія, III, 9.
 „ Новиціаты, ихъ число, III, 10, 48, 158.
 „ Фарныя, III, 10.
 „ Народныя въ Юго-Западн. Россіи, I, 642—643, 648, 650, III, 397—423.
 „ Лютеранскія, II, 453, 462, 531, 600—602, 616, 620.
 „ Православныя въ Остзейск. краѣ и ихъ состояніе, II, 452—456, 462—463, 537—538, 598—672, 732—749, 765—772, 794—804.
 „ Чешскія на Волыни, II, 775—878, 936—942, 951—955.
 „ въ Запорожской Сѣчи, I, 260—261; школы и школары, I, 398—399.
 „ при Владимірѣ, ихъ устройство, I, Шпитали (при церквахъ), I, 402, II, 128.

Э.

- Эдукаціонная дирекція, III, 52.**
 „ изба, III, 11.
Эффораты, братство для содѣяствія успѣхамъ школъ, III, 91.

Ю.

- Юго-Западная Россія въ ея политическомъ неустройствѣ, I, 34.**
Южно-Русская церковь въ концѣ XVI в., I, 35—41, 213—214.
Юношество русское въ католическ. школахъ, академ. и іезуитскихъ училищахъ, I, 48.

Я.

- Ягеллоны, польская королевск. династія, II, 314.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

III ТОМА.

	СТР.
Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ	5
Матеріалы для исторіи народнаго образованія (Приложеніе къ статьѣ: „Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ“)	98
Русскія школы и обученіе русскому языку въ Привислянскомъ краѣ до изданія указовъ 30 августа 1864 года	197
Записка объ униатскомъ дѣлѣ въ Привислянскомъ краѣ	317
Школы при сельскихъ церквахъ въ Кіевской епархіи	396
Еще о народныхъ школахъ въ Кіевской губерніи	432
Чешскіе учительскіе курсы въ г. Острогѣ	474
О преподаваніи русскаго языка въ начальныхъ школахъ	480
О постановкѣ церковно-славянскаго языка въ церковно-приходскихъ школахъ	524
Обученіе церковному пѣнію въ народной школѣ	539
Основы „дидактики“ въ связи съ основами церковно-приходской школы	551
Учебники и пособія для обученія церковно-славянскому языку въ народныхъ школахъ	596
Изданія для народа и народныхъ школъ о крещеніи Руси	651
Разборъ книгъ, изданныхъ для начальныхъ народныхъ школъ	691
Разборъ руководствъ и пособій для среднихъ учебныхъ заведеній и книгъ для чтенія	725
Псково-Печерскій монастырь	777
Указатель личныхъ именъ и географическихъ названій	I
Указатель предметовъ	XXVIII

